

А. Г. Зарубин

В. Г. Зарубин

БЕЗ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Из истории

Гражданской войны в Крыму

Симферополь
2008

ББК 63.3(2Ук-4Крм)712
З 356

*Печатается по решению учёного совета
Крымского отделения Института востоковедения
им. А. Е. Крымского НАН Украины
(протокол №5 от 22 апреля 2008 г.)*

Рецензенты:

*А. И. Айбабин, доктор исторических наук
В. Н. Зинько, доктор исторических наук
В. В. Харабуга, кандидат исторических наук*

З 356 [Зарубин А. Г.], Зарубин В. Г.

Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. — 2-е изд.,
испр. и доп. — Симферополь: АнтикВА, 2008. — 728 с.

ISBN 978-966-2930-47-4

ББК 63.3(2Ук-4Крм)712

З 356 [Зарубін О. Г.], Зарубін В. Г.

Без переможців. З історії Громадянської війни в Криму. — 2-е вид.,
випр. і доп. — Сімферополь: АнтікВА, 2008. — 728 с.

ISBN 978-966-2930-47-4

ББК 63.3(2Ук-4Крм)712

ISBN 978-966-2930-47-4

© [Зарубин А. Г.], Зарубин В. Г.,
текст, составление, 2008
© Издательство «АнтикВА»,
оригинал-макет, 2008

ВСЕМ ЖЕРТВАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ПОСВЯЩАЕМ

*Правду, только правду —
и ничего, кроме правды*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для начала, как требует того любая наука, надо условиться о терминологии. А перед этим — о самом понимании термина как такового. С нашей, исторической, точки зрения весьма удачным представляется определение герметического поэта Бенедикта Лившица: «Термин возникает как поперечное сечение движения временем (здесь уловлена сама суть истории как движения человека/человечества по временным срезам. — *Авт.*). Устойчивость термина предполагает, таким образом, однородность и одноустремлённость движения. Это — одно из необходимых условий соответствия между внешним выражением понятия и его фактическим содержанием»¹. Поперечный срез мы можем пустить по ведомству социологии. Продольный — политологии. Цельное же — «длинник» (longitude)/движение — и есть собственно история во всех своих элементах и модификациях.

Теперь выделим основные критерии термина «гражданская война» (сам термин родился в Древнем Риме). Генетический — когда и почему человечество «изобрело» гражданские войны? Количественный — с какого числа участников можно прибегать к характеристике их действий как гражданской войны? Качественный — что же собственно такое гражданская война?

Говорить о гражданских войнах в условиях первобытнообщинного строя бессмысленно. Здесь довлеют биологические законы как на микроуровне (столкновения локальных групп собирателей и охотников количеством в несколько десятков человек), так и на макроуровне (истребление неандертальцев кроманьонцами). Впрочем, биологическое начало в возникновении гражданских войн мы отнюдь не исключаем, о чём ниже. Однако на этой, *архаической*, стадии истории человечества нормы организации, свойственные животному миру, вытесняются или трансформируются набирающим всё большую скорость социогенезом. Обязательная дихотомия «свой — чужой» («кто не с нами, тот против нас» и следовательно, подлежит порабощению или истреблению) наполняется общественным содержанием.

Только «неолитическая революция проложила чёткую и почти непреодолимую грань между локальными группами охотников и собирателей и при-

шедшими им на смену земледельцами и скотоводами»². Эта революция, раз-
вернувшаяся 8 тысяч лет до н. э., означала, прежде всего, смену присваива-
ющей экономики экономикой производящей. Архаическая фаза сменяется
традиционной. На человечество обрушивается множество новаций, в пер-
вую очередь водопад (если можно употреблять это слово применительно к
исторической протяжённости в несколько тысячелетий) открытий, привед-
ших к возникновению металлургии, земледелия, ткачества и пр., которые
составили материальный фундамент складывающихся принципиально но-
вых общественных связей. Колоссальное сокращение населения Земли на
первых порах, вызванное сменой парадигмы человеческого существования,
завершается демографическим взрывом. Неолитическая революция приво-
дит к общественному разделению труда, далее — появлению профессио-
нальных групп и избыточного продукта, а значит — собственности, нера-
венства, возникновению социальных страт. Рождаются города и, как след-
ствие, — урбанистические цивилизации, отмеченные различием интересов
и конкуренцией. Межстратовые конфликты дополняются внутривстратовы-
ми. Качественные составляющие гражданских войн налицо.

Количественной же единицей гражданских войн является, по мнению
социальных психологов, цифра, примерно равная 10 тысячам. Именно с
этой величины и начинается дробление по профессиям, статусу, благосос-
тоянию, взглядам, интересам, то есть формируются социальные центро-
бежные силы. Для ранних этапов истории (а в какой-то мере и для поздних,
входящих в *индустриальную* и *постиндустриальную* фазы) характерен
кажущийся парадокс: чем цивилизованнее, чем «социальнее» субъект исто-
рии, тем более он склонен развязывать гражданские войны, в которых
ценность человеческих жизней уступает неким более высоким ценностям
(для субъекта), зачастую иллюзорным.

С античных времён война воспринималась уже как неизбежность. Отец
диалектики Гераклит считал войну божественным, космическим делом, ут-
верждая: «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный
порядок вещей, и что всё возникает через вражду...» Общеизвестной стало
его: «Война — отец всех...»³. Гераклит порицал Гомера за то, что тот призы-
вал к гибели войны между людьми и между богами, он (Гераклит) считал,
что вместе с войной погибнет и Вселенная, которая на ней и держится.

Древняя Греция видела чёткую разницу между войнами с внешними вра-
гами и войнами между самими греками, что зафиксировано в терминах:
polemos — *stasis*. У позднего Платона в «Законах» читаем: «...Есть два вида
войны: первый вид, который мы все называем междоусобицей... самый тяго-
стный; второй же... это война с внешними иноплеменными врагами, когда
они нас тревожат; этот вид гораздо безобиднее первого»⁴. Платон не смот-
рит на войну, подобно Гераклиту, как на смысл всего сущего. Критянин Кли-
тий (у него, опираясь на констатацию «всё находятся в войне со всеми как в
общественной, так и в частной жизни и каждый с самим собой»), оправды-

вает государственное устройство своей страны, где всё делается только с целью подготовки к войне. Безымянный афинянин возражает: «А ведь самое лучшее — это ни война, ни междоусобия: ужасно, если в них возникнет нужда; мир же — это всеобщее дружелюбие». Значит, надо «устанавливать законы, касающиеся войны, ради мира, а не законы, касающиеся мира, ради военных действий»⁵. Исключительными по своему размаху гражданскими войнами сопровождался в Древнем Риме переход от республики к монархии. Иные, потрясённые невиданными бедствиями современники, выводя их причины, порой до смешного мелкие, рисовали ужасающие последствия. Поэт I в. н. э. Лукан вложил в уста одного из центурионов Цезаря такую изуверскую клятву: «Каждым триумфом твоим над любым из врагов поклянуся: / Если прикажешь мне меч вонзить в отцовское горло / Или же в братнюю грудь, иль в тяжёлое чрево супруги, — / Выполнить этот приказ непокорную руку заставлю; / Если ограбить богов или храмы поджечь мне прикажешь, — / Тотчас военный огонь охватит святыню Монеты...»⁶.

Т. Гоббс (1588–1679) усматривал в становлении и укреплении сильной государственной власти в форме автократии единственную гарантию против изначального состояния человечества — «войны всех против всех» и последующего — перманентных гражданских войн. Впрочем, Новое время в лице Гоббса всего лишь следовало за античностью. Платон утверждал в тех же «Законах»: «...Человек... какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением». Будучи предоставлен самому себе, он способен лишь на проявления страстей и пороков. Следовательно, «самое главное... следующее: никто никогда не должен оставаться без начальника...»⁷.

Обратимся к некогда основополагающему автору — В. И. Ленину. «Кто признаёт борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы»⁸. Но пролетарский вождь мог и раздражаться саркастическими инвективами в адрес товарищей по партии, представлявших революцию (гражданскую войну) подобно подросткам — как столкновение двух армий, «хорошей» и «плохой» — рабочих и буржуазии. А национальные движения? а крестьяне? их куда девать, с их «колебаниями и перечётами»? — не раз спрашивал он Н. И. Бухарина и подобных ему догматиков, видя в перспективе, однако, лишь новую (вслед за буржуазной) диктатуру — диктатуру пролетариата. Добавим, что во многих случаях (например, личная конфронтация, раскалывающая страну) классовая (вариант: социальная, ибо гражданская война может быть и вооружённым конфликтом внутри одного класса или сословия) сердцевина столкновения просматривается с большим трудом.

Гражданская война, в самом непосредственном, назовём его школьным, понимании, есть вооружённый конфликт внутри государства (народа). Ис-

тория свидетельствует: практически ни один народ, ни одно государство не сумели избежать гражданской войны. И ни настоящее, ни будущее нас не обнадёживают.

Но, учитывая сказанное выше, мы приближаемся к осознанию того факта, что любая (или почти любая) гражданская война — запутанный клубок, в котором непросто обнаружить начало и конец. Клубок интересов, где, исчерпав или считая, что, исчерпав, или не признавая иные аргументы, или рассчитывая, что война даст больше, чем переговоры, хватаются за винтовку, как известно, рождающую власть.

Итак: *гражданские войны* — доведение борьбы экономических, социальных, политических, идейных, династических, религиозных, этнических, региональных, племенных, клановых, наконец, личных интересов до уровня вооружённого противоборства в рамках одной страны. (Без внешнего вмешательства зачастую не обходится, однако оно обычно мотивируется поддержкой стороны-участника, а сам интернациональный контекст порождает всевозможные симбиозы, когда межгосударственные конфликты перекрещиваются и сливаются с внутригосударственными). Какой-либо фактор лежит на поверхности, но справедливо сказано: «Конфликты в «чистом» виде... редки»⁹. Потому далеки от реальности сводящие целое к частностям определения словарей. Например, Гражданская война в США 1861–1865 годов трактуется как борьба прогрессивного Севера против зловредного Юга исключительно с целью уничтожения рабства. А Гражданская война 1917–1922 годов в России, вполне в духе «Краткого курса истории ВКП(б)», — как «вооруж. борьба между большевиками... и их противниками»¹⁰. Здесь вычленяется только один признак весьма и весьма сложного явления, следовательно, нарушается требование формальной логики: **«Определение должно быть соразмерным, т. е. таким, в котором объёмы определяемого и определяющего слишком широки или слишком узки. Если правило это нарушено, то определение это не адекватно, или несоразмерно»**¹¹.

Американский историк В. Н. Бровкин считает, что межнациональные конфликты не следует включать в понятие гражданской войны¹². Почему же, если этническая сшибка, внутри или даже на развалинах страны, спровоцирована политиками или обусловлена причинами социального толка, что, собственно, и входит в понятие «гражданское»?

Дворцовый переворот — не гражданская война. Революция в одежде дворцового переворота (восстание декабристов) — не гражданская война (как, впрочем, далеко не всякая гражданская война — революция). Здесь массы безразличны. Народ безмолвствует. А *гражданские войны суть движения народа*. Пусть даже последний втянут в них искусственно или насильственно.

И страдают в гражданских войнах, в первую очередь, не политики, не полководцы с их армиями. А население, обыватели. Эта закономерность чётко определилась для Европы, начиная с Тридцатилетней войны 1618–1648 го-

дов, когда Альбрехт Валленштейн, наткнувшись на «недофинансирование» его планов, нелицемерно сформулировал назревший алгоритм военных действий: армия должна не просто грабить, как было всегда, а *существовать и сражаться за счёт невоюющего населения*. Как одно из дальних следствий — из 10–11 миллионов погибших в отечественной гражданской войне только 800 тысяч приходится на долю полевых действий¹³ (есть и другие цифры, но мы не будем вдаваться в этот неразрешимый в принципе вопрос: важно соотношение). Сверхжесточённость гражданских войн сравнительно с межгосударственными стала общим местом. Мы воздерживаемся от рассуждений о причинах этого феномена¹⁴.

В совокупности предпосылок гражданских войн исключительна роль экономики. Если часть населения, доведенная идеологами и мастерами социального дарвинизма до полуживотного состояния (неудовлетворенные «базовые инстинкты» — по П. Сорокину¹⁵), ищет выход в истреблении последних, то кто виноват? Многие находят простой ответ: сытые, не разумеющие голодных (в широком смысле), или, с обратным знаком, голодные, теряющие человеческий облик. Громадную роль играет и стремление уничтожить конкурента, добиться возможности диктовать и манипулировать, получить свою долю участия во власти, следовательно, — в распределении богатств и привилегий¹⁶.

По форме гражданская война — это насилие, «она неминуемо должна ставить насилие на место права»¹⁷ — с целью не только сохранить себя, но и, по возможности, навязать свою волю другому. Согласно теоретику К. фон Клаузевицу, «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить вашу волю» (курсив наш. — Авт.)¹⁸. Это неумение и нежелание решать конфликты средствами, приличествующими подлинно разумному существу, то есть путем компромиссов, здравых, а не продиктованных тупыми эмоциями, амбициями или показным сохранением достоинства решений. То есть гасить растущее недовольство на «добаррикадной» стадии, перешагнув в которую уже имеем перед собой не оппонента, а врага, подлежащего уничтожению. Как писал поэт Н. М. Минский в 1905 году, обозначая парадигму наступившего столетия: «Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть». Как наставлял политик: «...За нашими трудностями скрываются наши враги...»¹⁹. «Стоит ступить на эту дорожку — и очень скоро насилие становится единственным способом решения всех проблем. Во множестве появляются рабы психологии насилия, для которых привычное состояние — дикость, торжество инстинктов. Тогда гражданская война теряет всякую идейную подоплеку, оборачивается «карнавалом» (праздником плоти) — хватай, грабь, скачи, пей, наслаждайся жизнью, — всё дозволено»²⁰. Торжествует стихия — процесс, замешанный не только на очевидных (десоциализация — распад общественных связей, исчезновение морально-нравственных ориентиров, стереотипов поведения в мирной жизни, перерождение или исчезновение правоохранительных органов и т. п.), но и на ирраци-

ональных факторах. В конце концов, «... в революциях не более справедливости, нежели в извержениях вулкана или падениях лавины»²¹.

Глупо отрицать вынужденность тех войн, включая гражданские, где поиск компромисса выливается в элементарное предательство или изначально является таковым. Войн, исход которых чреват унижением, поражением или истреблением одной стороны. В таких случаях война действительно, по Ленину, со стороны объекта насилия является справедливой. Другое дело, когда сторона, одержавшая победу, начинает действовать против побеждённой теми же методами. Тогда мы возвращаемся к приведённой выше холодной дефиниции Клаузевица, стирающей разницу между противоборствующими лагерями.

Насилие, подстёгиваемое ксенофобией («красные» — «золотопогонники»), широко разливается в годы Гражданской войны 1917–1922 годов от передовой до тыла, грань между которыми становится весьма относительной, а зачастую вообще отсутствует, — принимает чудовищные формы. Повседневной практикой, причём у всех противоборствующих сторон — красных, белых, зелёных, националов, — становятся повальные казни как на фронте, так и в тылу, убийства и погромы, концлагеря, институт заложников, трудовые мобилизации, диктуемые зачастую не военной необходимостью, а социальной ненавистью, и стоившие жизни немалому числу больных и престарелых, — то, что в совокупности именуется массовым террором, устрашением. Если благо революции (контрреволюции) — высший закон, значит, всё население автоматически делится на три категории: «свои», «обыватели» (или колеблющиеся), «враги (народа)». (Пытающиеся удержаться над схваткой, нейтралы, защитники невинных, «молящиеся за тех и за других» враждующим непонятны, но порой, как ни странно, терпимы: В. Г. Короленко, М. А. Волошин). Политическо-психологический смысл террора состоял как раз в том, чтобы направлять и поощрять первых, запугивать вторых, держа их в постоянном напряжении, устранять третьих.

«Долг», идея, помноженные на «слякоть подсознания», агрессивные рефлексy, сдерживаемые доселе социальными скрепами и нормами, порождали то, что живописец XVII века Жак Калло запечатлел в своих бессмертных офортах «Бедствия войны». Философ А. Ф. Лосев напоминал (видимо, любителям рассуждать о «прогpессе истории»): «История беспощадна. (...) Не существует такого гиперболизма, такого сумасбродства и такого безобразия, для которых в истории не нашлось бы самых принципиальных последователей и сторонников, самых отъявленных фанатиков, готовых приносить в жертву подобным идеям и свою собственную жизнь, и жизнь всякого другого человека. (...) История ведь только и знает, что безумствует»²².

Обобщаем. Пытаясь дать определение многозначному — с временной, национально-государственной, внешне-описательной, структурной точек зрения — феномену «гражданская война», мы понимаем всю условность

любого из них²³. Гражданские войны, от рабовладельческой до постиндустриальной эпохи, от китайской до западноевропейской и американской цивилизаций, уникальны. Поиск неких вневременных и внепространственных алгоритмов объясняет лишь частности, пусть и субстанционального характера. В результате получаются приключения гипотез: ищем определённые обоснования возможных ответов, но они порождают новые вопросы, а, следовательно, новые гипотезы и т. д. Разве что несущая логическая конструкция: интересы — конфликт — вооружённая борьба — победа (или её иллюзия)/поражение — остаётся неизменной. Но исторически она ничего не объясняет. И к тому же бессильна перед необходимостью выявления «гравитационного поля» (притяжение — отталкивание), рождаемого мощными, как всегда в период социальных ломок и катаклизмов, импульсами, которые идут из сферы, лежащей вне разума, а порой даже вне присущих живому инстинктов (Танатос). XX (- XXI) век формирует убеждение в том, что «в ближайшей перспективе мир отнюдь не трансформируется в некий единый универсум, характеризующийся господством мира и согласия между народами, а является (явится? — *Авт.*) сообществом множества конкурирующих и сотрудничающих друг с другом государств и народов, стран, культур, конфессий, регионов, союзов, коалиций и т.д.». Характерным становится «возрастание, с одной стороны, закрытости, а, с другой стороны, открытости и транспарентности», что «ведёт к дестабилизации, фрагментации и неустойчивости, возвышению толп одиночек, новых пиратов, тоталитарных сект и банд террористов, мафии...»²⁴, ибо всякая глобализация имеет свою обратную сторону, как простота — сложность. Неолиберальные «глобалисты», стремясь к установлению «нового мирового порядка», провоцируют и обеспечивают информационно и материально гражданские войны новых типов, т. н. вялотекущие вооружённые конфликты. История продолжается, порождая новые начинки и конфигурации, но сохраняя исконную агрессивную суть. И — «горе тому, кто слаб!» (Адольф Гитлер).

Гражданские войны — вехи на развилках истории, где альтернативность начинает вытеснять предопределённость. Однако выбор самоистребления отнюдь не запрограммирован, во всяком случае — до определённой ступени напряжённости. (Хотя вполне возможно, что Россия в 1917 году натолкнулась на такую «развилку», которую ярко обрисовал американский мыслящий беллетрист Джозеф Хеллер: «В жизненном цикле любой нации наступают времена, когда, какое решение не примешь, всякое будет неверным, и что ни делай, всё равно сделаешь глупость»).

Рассуждения о том, как корректнее изучать гражданские войны — в социально-политической динамике («процесс вооружённой борьбы между гражданами одной страны, между различными частями общества») или хронологическом аспекте («период» в истории страны, когда вооружённые конфликты определяют всю её жизнь»²⁵), в известной мере схоластичны. Реальный, а не изобретённый период (хотя любая периодиза-

ция относительно) предполагает *стадиальность* процесса, а процесс имеет свои, пусть условные, *рамки*. Объективность требует признать началом Гражданской войны в России февральско-мартовские события 1917 года, когда на улицах Петрограда, а затем в Кронштадте пролилась первая кровь. Из столицы, набирая силу и темп, чума насилия начинает расползаться по стране, дробя ее на куски. Февральская революция, подобно зародышу, заключала в себе развернувшиеся впоследствии основные коллизии Смуты²⁶.

Настоящая работа написана на основе архивных материалов, периодики, мемуаров. Авторы отдали должное предшественникам и максимально использовали их выкладки.

Первое издание этой книги вышло в симферопольском издательстве «Таврия» в 1997 году — к 75-летию окончания Гражданской войны в Крыму. За более чем десятилетний срок в научный оборот было введено немало источников, опубликовано значительное количество литературы по данной проблематике. Всё это вызывало настоятельную необходимость переиздания нашей работы с существенными дополнениями и исправлениями. Отдельные её разделы в 2005–2007 годах печатались в журнале «Историческое наследие Крыма».

Особая благодарность — сотрудникам Государственного архива в Автономной Республике Крым (ГААРК), библиотеки Центрального музея Тавриды «Таврика» им. А. Х. Стевена и отдела фондов этого музея, Республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко, Института культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Люнебург/Гёттинген, Германия), а также персонально А. Айсфельду (Гёттинген, Германия), И. В. Ачкинази (Симферополь), Р. Н. Белоглазову (Симферополь-Киев), Т. Б. Быковой (Киев), С. А. Гвоздёву (Ярославль), А. Г. Герцену, Г. Н. Гржибовской, Л. В. Гурбовой, В. Н. Гурковичу, Л. М. Демидовой, протоиерею Н. Н. Доненко (Симферополь), А. В. Ефимову (Севастополь-Москва), С. А. Ефимову, Д. В. Журавлёву, А. А. Зарубиной (Симферополь), В. И. Кефели (Слипери-Рок, США), М. Б. Кизилу (Симферополь-Оксфорд, Великобритания), В. И. Королёву (Симферополь), С. В. Корновенко (Черкассы), Л. П. Кравцовой, Н. Н. Колесниковой (Симферополь), В. П. Купченко (Санкт-Петербург), Х. Кырымлы (Анкара, Турция), Я. В. Леонтьеву (Москва), Ю. М. Могаричёву, А. В. Мальгину (Симферополь), С. Л. Новикову (Ялта), Д. А. Прохорову (Симферополь), С. С. Секиринскому (Москва), В. П. Федюку (Ярославль), С. Б. Филимонову, В. В. Харабуге, Л. Н. Храпуновой (Симферополь), В. П. Хрулёвой (Санкт-Петербург), С. В. Ченныку (Симферополь), С. М. Червонной (Москва), Е. Н. Шурановой (Кемерово) и многим другим, оказавшим помощь при подготовке данной книги.

¹ *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Стихотворения, переводы, воспоминания. — Л., 1989. — С. 533.

² *Васильев Л. С.* Генеральные очертания исторического процесса (эскиз теоретической конструкции) // *Философия и общество* (Москва). — 1997. — № 1. — С. 107.

³ Фрагменты ранних греческих философов. — М., 1989. — Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. — С. 201, 202. «...Гераклит говорит о своей космической войне в смысле некоторого рода солнечной туманности, из хаоса которой рождаются отдельные и уже отнюдь не хаотические планеты. Он меньше всего имеет в виду вечную войну среди людей», — находит нужным отметить крупнейший знаток духовной жизни античности (*Лосев А. Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). — М., 1963. — С. 379). Но если исходить из таких, пронизывающих все построения Гераклита «философем», как «единый общий мир» или «из всего одно, и из одного всё» (Там же. — С. 370), то почему не считать «вечную войну среди людей» одной из граней всеохватывающего гераклитовского пилонизма?

У другого греческого натурфилософа, Эмпедокла, вполне сопрягаемого с Гераклитом, основой всего сущего является дихотомия: Любовь/Вражда («Двойко поведаю») как равновеликие стороны неодолимой Судьбы. Первообраз мира, Любовь, дробится Враждой и (якобы) гибнет; целое распадается на элементы, эта гибель есть рождение (условные) расчленённого на возникшее из смещения элементов разноликое скопище неодушевлённых и одушевлённых вещей (тел) мира; но вещи, в свою очередь, распадаются на элементы, и гибель этого, множественного, мира есть возрождение бывшего единства, мирового бескачественного, ибо в нём сошлись все качества, целого — Любви. И Любовь и Вражда бессмертны, они были и пребудут всегда.

⁴ *Платон.* Законы // *Соч.* в трёх томах. — М., 1972. — Т. 3. — Ч. 2. — С. 91.

⁵ Там же. — С. 87, 86, 90.

⁶ *Лукан Марк Анней.* Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. — М., 1993. — С. 17–18 (Репр.)

⁷ Там же. — С. 282–283, 444.

⁸ *Ленин В. И.* Военная программа пролетарской революции // *Полн. собр. соч.* — М., 1973. — Т. 30. — С. 133. Не будем, однако, забывать о том, что Ленин, в публичном толковании сути гражданской войны, уходил от тех прямолинейно-плакатных дефиниций, которые он себе так часто позволял и которые кое у кого слились с его именем. Так, в одной из ключевых своих работ, «Очередные задачи Советской власти», он — почти в духе тогдашней «буржуазной» печати — писал: «...Всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немыслима без войны внутренней, т. е. гражданской войны, означающей ещё большую разруху, чем война внешняя, — означающей тысячи и миллионы случаев колебания и перемётов с одной стороны на другую, — означающей состояние величайшей неопределённости, неуравновешенности, хаоса». И заканчивал (мы встретим чуть ли не текстуальные совпадения в устах и под пером руководителей Добровольческого движения): «Чтобы сладить с этим, нужно время и нужна железная рука» (*Полн. собр. соч.* — М., 1974. — Т. 36. — С. 195). И всё было запрограммировано до октября 1917 года: лозунг 1914 года о «превращении империалистической войны в гражданскую» и борьба с пацифистами, — неожиданно дополненные пропагандой скорейшего мира. Напомним, что гражданские войны Ленин относил к категории «справедливых».

⁹ Поляков Ю. Война гражданская? Война национальная? // Свободная мысль (Москва). — 1993. — № 8. — С. 81.

¹⁰ Иллюстрированный энциклопедический словарь. — М., 1995. — С. 186, 187.

¹¹ Челтанов Г. И. Учебник логики. — [М.], 1946. — С. 27.

¹² Бровкин В. Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории (Москва). — 1994. — № 5. — С. 27. Немецкий поэт и аналитик Г. М. Энденсбергер, напротив, «утончает» понятие гражданской войны до эзотерических психоаналитического толка. Рассуждая о коллизиях «молекулярной», согласно его терминологии, гражданской войны в современных развитых странах, он резюмирует: «Такое коллективное саморазрушение позволяет сделать вывод, что речь идёт не о побочном явлении, сопутствующем конфликту, а о самой цели конфликта. Воюющие стороны осознают, что никто в этом конфликте победить не сможет, следовательно, целью конфликта становится уничтожение не только врага, но и самих себя — в этом коллективном безумии «будущее» теряется, остаётся только «настоящее». Последствий больше не существует, и даже инстинкт самосохранения, требующий каких-то ограничений и тормозов, сметается напрочь» (Воюют все против всех // Литературная газета (Москва). — 1995. — 12 апреля). Впрочем, в этой констатации можно увидеть, скорее, одну из составляющих современного терроризма. Последний же становится своеобразным предохранителем наций от острых внутренних конфликтов, спланивая их.

¹³ Данилов В. За что погибли шестнадцать миллионов россиян? // Юность (Москва). — 1990. — № 10. — С. 19. Согласно архивным материалам, за 1918–1922 годы погибли 939 755 красноармейцев и красных командиров. В общей сложности обе армии потеряли до 2 млн. человек (См. Кожин В. Россия. Век XX-й. (1901–1939). (Опыт беспристрастного исследования). — М., 1999. — С. 177). Общий итог погибших за 1914–1922 годы может превышать 20 миллионов человек. Подробнее: Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. — М., 1986. — С. 82–128; Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. — М., 1996).

¹⁴ Впрочем, если мы вспомним о биологической природе человека, то нам может помочь крупный знаток проблемы — Конрад Лоренц. В силу императива жизненного пространства «животные одного и того же вида *отталкиваются* друг от друга. Именно в этом, вкратце, и состоит важнейшая видосохраняющая функция внутривидовой агрессии. (...) Едва лишь люди продвинулись настолько, что, будучи вооружены, одеты и социально организованы, смогли в какой-то степени ограничить внешние опасности — голод, холод, диких зверей, так что эти опасности утратили роль существенных селективных факторов, — как тотчас же в игру должен был вступить пагубный внутривидовой отбор. Отныне движущим фактором отбора стала война, которую вели друг с другом враждующие соседние племена (заменим «племена» на «социальные слои» или «кланы». — *Авт.*); а война должна была до крайности развить все так называемые «воинские доблести» (Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). — М., 1994. — С. 38, 49–50). (У европейских народов есть поговорка о двух петухах на одном насесте). В годы Гражданской войны и интервенции красные и белые могли испытывать по отношению к тому же французу или англичанину неприязнь, отвращение, страх, не испытывать ничего, а то и симпатию. Но в направлении друг друга, снося все общежитийские преграды, выплёскивалась ненависть. Агрессия, помпозенная на стаинность.

¹⁴ Впрочем, порой высказывались мнения, ставящие гражданские войны *выше* (по осознанности цели) войн с зарубежными противниками. «...Знаток гражданских войн Фарината дельи Уберти утверждал, что в этих войнах каждый боец знает, за что он идёт убивать своих земляков и жертвовать собственной жизнью, тогда как в войнах с иноплемениками всё рещает ощущение своего и чужого, не требующее участия сознания и воли» (Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М., 1992. — С. 186).

¹⁵ А именно: голод, потребность в жилище, инстинкт индивидуального и коллективного самосохранения, половой рефлекс, инстинкт самовыражения, потребность в творчестве и свободе, и др. (Сорокин П. Социология революции // Сорокин Питирим. Человек, цивилизация, общество. — М., 1992. — С. 272–273).

¹⁶ «Война — всегда война. Ей трудно быть иною. / Куда опасней мир, коль он чреват войною» (Эпиграмма Фр. Логау (1604–1655). Если граждане «не получают своей доли в государственном управлении, поднимают мятеж». Цели мятежей (на уровне гражданских войн. — *Авт.*), классифицировал классик: смена государственного устройства; стремление взять в свои руки правление в наличном государственном устройстве; укрепить или ослабить государственное устройство. «Вообще повсюду причиной возмущений является отсутствие равенства...» (курсив наш. — *Авт.*) (Аристотель. Политика // Соч. в четырёх томах. — М., 1983. — Т. 4. — С. 527–528).

¹⁷ Ленин В. И. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову) // Там же. — Т. 30. — С. 73.

¹⁸ Клаузевиц К. О войне. — М., 1937. — Т. 1. — С. 34.

¹⁹ Сталин В. И. Отчётный доклад XVII съезду ВКП(б) // Соч. — М., 1949. — Т. 12. — С. 304. «Закон Аристотеля» (назовём его так): «...Те, кто печётся о сохранении государственного строя, должны возбуждать у граждан разные опасения, чтобы те охраняли государственный строй и не разрушали его, подобно тому как они заботятся о ночной охране, и при этом представлять близким то, что на самом деле далеко (курсив наш. — *Авт.*)» (Аристотель. Политика. — С. 545–546).

²⁰ Бровкин В. Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы. — С. 35. И. А. Бунин записывает в дневник: «Плохо верю в их (мужиков. — *Авт.*) «идейность». (...) ...Дело заключается больше всего в «воровском питании», столь излюбленном Русью с незапамятных времён, в охоте к разбойничьей, вольной жизни, которой снова охвачены теперь сотни тысяч отбившихся, отвыкших от дому, от работы и всячески развращённых людей» (Бунин И. А. Окаянные дни. — М., 1990. — С. 75). Или — у современного автора: «Гражданская война — катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она раскалывает народ, семьи и даже саму личность человека, она носит тотальный характер (курсив наш. — *Авт.*) и наносит тяжёлые душевные травмы, которые надолго определяют жизнь общества» (Кара-Мурза С. Гражданская война (1918–21) — урок для XXI века. — М., 2002. — С. 6).

²¹ Ренан Э. Антихрист. — М., 1991. — С. 173 (Петр.)

²² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века (III–VI века). — М., 1988. — Кн. II. — С. 318.

²³ Уважаемый историк даёт громоздкое то ли определение, то ли описание Гражданской войны. Цитируем: «...Это длившаяся около шести лет вооружённая борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные воен-

ные действия с участием армий, действия вооружённых отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции» (*Поляков Ю. А.* Гражданская война в России: возникновение и эскалация // *Отечественная история* (Москва). — 1992. — № 6. — С. 32–33, и другие работы названного автора). Ущербность подобных попыток бросается в глаза. Первый минус: неуклюжесть и словесная перегруженность, рождающая новые смысловые цепочки. (Три раза слово «различные». Что понимать под «глубокими социальными, национальными и политическими противоречиями», «вмешательством иностранных сил», и пр.?). Второй: за основу взят заведомо проигрышный принцип — объять необъятное, который ведёт к дурной бесконечности — чем объёмнее формулировка, тем более неполной она выглядит. Где экономический коллапс, распад социальных связей, массовый террор со стороны всех протагонистов, погромы, разбой, личные трагедии *ad infinitum*. Третье: нет иерархии составляющих — что базовое? что производное?

См. также пробы объяснений и определений в: Гражданская война в России. Круглый стол // *Отечественная история*. — 1993. — № 3. — С. 102–115; Гражданская война в России: перекрёсток мнений. — М., 1994; *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997; *Зимина В. Д.* Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. — Волгоград, 1997. — С. 129–138; «Красная смута» на «круглом столе» // *Отечественная история*. — 1998. — № 4. — С. 139–168; *Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. — М., 1998; *Кара-Мурза С.* Указ. соч.

²⁴ *Гаджиев К. С.* Политическая философия. — М., 1999. — С. 508, 462.

²⁵ *Миллер В.* Гражданская война: исторические параллели // *Свободная мысль*. — 1993. — № 15. — С. 111.

²⁶ Февральская революция обозначила и открыла «ряд фатальных для русской истории деяний и событий...» Тактика Февраля стартовала речью П. Н. Милокова 1 ноября 1916 года, провокационно дискредитирующей монарха без конкретных доказательств. Продолжилась «Приказом № 1» 1 марта 1917 года, санкционировавшим развал армии. Третьим актом была амнистия всем как политическим, так и уголовным заключённым, объявленная 19 марта. И обнимающим всё четвёртым — ликвидация наличного госаппарата, то есть изъятие профессионалов, способных поддерживать порядок, и замена его дилетантами-демагогами и карьеристами — ««демократизмом» в состоянии анархического умиления». Так была рождена «традиция полного государственного и стратегического бессмыслия» (*Ильин И. А.* Заветы Февраля. I, II // *Ильин И. А.* Собр. соч. — М., 1993. — Т. 2. — Кн. 1. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. — С. 183–190). «Какое политическое доктринёрство нужно было для того, чтобы в 1917 году сочинять в России некую сверхдемократическую, сверхреспубликанскую, сверхфедеративную конституцию и повергать Россию с её индивидуальнейшей историей, душой и природой в хаос бессмысленного и бестолкового распада...» (*Ильин И. А.* О государственной форме // Там же. — С. 49). Роль либеральных кругов, по сути, даже вне своего осознанного желания, подготовивших и осуществивших Февраль, а также выдвинувших ведущие фигуры Белого движения, с одной стороны, и разбуженной народной стихии — «русского бунта» — с другой, в пробуждении грандиозного катаклизма, импущего Гражданской войной, ныне уже приобрела во множестве публикаций вполне рельефные очертания. Сказанное, разумеется, никак не снимает вины в происшедшем с бездарной и безвольной правящей верхушкой.

ГЛАВА I

ГОД 1917-й.

Таврическая губерния: состояние на февраль 1917 года¹

Таврическая губерния представляла собой к 1917 году своеобразную административную единицу Российского государства. Она складывалась из двух, различных по всем параметрам, частей: Северной Таврии (Днепровской, Мелитопольской и Бердянской уезды), населённой преимущественно украинцами, и многонационального, многоконфессионального Крыма (Симферопольский, Ялтинский, Феодосийский, Евпаторийский, Перекопский уезды). Статус градоначальств имели — Керчь-Еникале и Севастополь — база Черноморского флота.

Территория Таврической губернии по январской 1897 года переписи населения составляла 53 053 кв. вёрст, население — 1 551 058 человек, из них городское — 282 654 человека, плотность населения — 27,2 человека на кв. версту (для сравнения соседние и географически близкие губернии и др. единицы: область Войска Донского, население — 2 575 818, городское — 269 421, плотность — 17,8; Екатеринославская (соответственно) 2 112 651; городское — 253 993; плотность — 37,9; Курская — 2 396 577; 202 817; 58, 7; Орловская — 2 054 749; 231 623; 50,1; Херсонская — 2 732 832; 795 377; 43,2). Наиболее населённым в Крыму был Симферопольский уезд (201 670; 125 447; 45,6), наименее — Перекопский (46 435; 5285; 9, 1), наивысшая плотность населения зафиксирована в Ялтинском уезде (70 228; 14 543; 47,9)².

Национальный состав полуострова можно назвать уникальным. В общей численности его населения (по переписи 1917 года) — 808 903 человека — русские и украинцы составляли 49,4% (399 785 тысяч), крымские татары и турки — 26,8% (216 968), евреи, включая крымчаков, — 8,4% (68 159), немцы — 5,1% (41 374), далее — греки, армяне, болгары, караимы и прочие, всего — 34 национальности³. С марта 1917 года в Крым возвращаются сосланные царским правительством в отдалённые губернии крымские татары — подданные воюющей с Россией Турции. Эта пестрота отразилась в трактовке авторами того времени названия главного города губернии как собравшего, «соединившего в одно различные национальности — русских, греков, поляков, армян, татар, цыган, караимов, евреев и других»⁴. В самом деле, в Симферополе (с греческого — «город-собира-

тель») жили около 60% русских, 15% евреев, 10% татар, ещё армяне, цыгане, караимы, греки, турки, немцы, грузины, эстонцы, поляки, крымчаки⁵. Действовали 9 православных церквей, костел, кирха, две армянские церкви, 12 мечетей, синагога и караимская кенаса⁶.

Плотность населения в Крыму оставалась относительно небольшой, к началу Первой мировой войны — 28 человек на квадратную версту. Нанывшей цифры она по-прежнему достигала в Ялтинском уезде, населённом преимущественно татарами (91 человек), наименьшей — в степных Перекопском и Евпаторийском (соответственно 10 и 14). В 1917 году плотность увеличилась до 36 человек⁷. Позднее А. И. Деникин⁸ отметит, что «жизнь края» обособляется «резко в замкнутых рамках городов и сёл»⁹, связи между которыми были слабыми.

По роду деятельности жителей Крым распадался на довольно резко очерченные регионы. Прекрасный климат благоприятствовал развитию сельского хозяйства — основной отрасли крымской экономики — и связанных с ним перерабатывающих предприятий. Крестьянских хозяйств по переписи 1917 года насчитывалось 69 625 (64 945), 40% из которых были безземельными. Лучше всего землей были обеспечены немецкие колонисты: безземельных практически нет. Хуже всех татары (многие из которых потеряли участки из-за отсутствия на них документов) — 65% безземельных¹⁰, затем русские.

77,8% крестьян были малоземельными (с наделами 10 и менее десятин). Земли сосредоточивались в руках крупных владельцев: имеющим участки свыше 100 десятин (11,5% хозяйств) принадлежало почти 90% всей земли.

Это способствовало широкому распространению аренды. Малоземельные как брали участки в аренду, так и сдавали их, уходя на заработки. Крепкие крестьяне прибегали к аренде с целью заработать и прикупить ещё земли. Ежегодно в аренду сдавались свыше 25 тысяч десятин, из них большая часть — на условиях скопщины. Скопщики селились на владельческой земле и обязаны были отдавать собственнику десятую часть урожая (отсюда название «десятинщики»). Чем дальше, тем больше скопщина превращалась в самую настоящую обдираловку: добавлялись разные штрафы, отработки, отдавать же в качестве платы за землю в ряде случаев уже приходилось до половины урожая. Это усиливало и так высокую в Крыму степень социального расслоения на селе, что создавало почву для конфликтов.

Землеустроительная деятельность по реформе П. А. Столыпина в Таврической губернии в основном закончилась к 1914 году. Всего со времени издания закона 9 января¹¹ 1906 года по 1 января 1915 года в частную собственность было продано 19 293 десятины 1 192 домохозяевам, так что в 1917 году частновладельческих хозяйств насчитывалось 4 810. Им принадлежало, согласно различным данным, от трети до половины всей земли (данные по С. А. Усову¹² и П. Н. Надинскому¹³).

Немалую площадь занимали казённые и удельные владения, а также *вакуфные*¹⁴ земли. Впрочем, они со второй половины XIX века активно

прибирались к рукам частными владельцами и казной. Последнее осуществлялось так называемой вакуфной комиссией, созданной в 1885 году. И если кто времени присоединения Крыма к Российской империи насчитывалось около 300 тысяч десятин вакуфных земель, то в 1918 году их осталось только 83 тысячи¹⁵.

Итак, в горах и предгорных районах полуострова преобладала крымско-татарская беднота, в центральной части — русские и украинские крестьяне-середняки, а ближе к северу — немецкие колонии, державшиеся на наёмном труде и уже переходившие к интенсивному земледелию. Разница в средних размерах частного владения составляла: 15 десятин (Ялтинский уезд) — 1000 (Перекопский и Евпаторийский)¹⁶. В 1920-х годах этот перекоп обусловит политику расселения и переселения.

К концу XIX века ведущую роль стало играть быстро растущее товарное производство зерна, вытесняя овцеводство и опережая по темпам развития такие традиционные отрасли, как виноградарство и садоводство. В 1913 году злаковыми было занято 664 074 десятины¹⁷. Хлеб был главной статьёй крымского экспорта. Перед войной через Феодосийский и Керченский порты ежегодно вывозилось 10–30 миллионов пудов зерна и муки.

«Визитной карточкой» Крыма продолжали оставаться сады и виноградники. За полтора с небольшим десятилетия площадь под садами увеличилась в два с лишним раза и составила в 1917 году 12 713 десятин¹⁸. Практически весь урожай крымских садов поступал в распоряжение «москвичей», крупных купцов-фруктовщиков из столицы и других больших городов. Широкой популярностью пользовалась продукция симферопольских консервных фабрик — товариществ «Эйнем», А. И. Абрикосова, братьев Шишман, П. А. Коркунова. Интересно, что одним из инициаторов создания в Крыму специальных опытных станций по плодоводству (помологических) был главноуправляющий землеустройством и земледелием статс-секретарь А. В. Кривошеин¹⁹, впоследствии ближайший соратник генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля²⁰ в Крыму.

Что касается вина (а его в 1914 году было произведено 439 986 вёдер²¹), то заметный удар по экономике Крыма нанесло Временное правительство, запретив виноделие в марте 1917 года.

В годы войны расширяются площади под табаком (с 2 155 десятин в 1914-м до 3 204 в 1917 году)²². Папиросами в большом количестве снабжалась действующая армия. Высокая доходность табаководства и колоссальная арендная плата побуждали хозяев выжимать все соки из девушек-работниц, среди которых были и 10–13-летние девочки. Рабочий день в разгар сезона доходил нередко до 18–20 часов. Тяжесть труда батрачек и их беззащитность перед произволом хозяев стали общим популярным сюжетом в литературных произведениях того времени.

В эти годы функционировали 9 крупных заводов и фабрик с числом рабочих свыше 500 и 36 предприятий с персоналом в 100 и более человек.

Так называемые «мастерские военного порта» Севастополя — морской, машиностроительный и электротехнический заводы — насчитывали 7000 рабочих, Керченский металлургический, к началу 1917 года, — 2215²³. Крупным предприятием был Феодосийский коммерческий порт, построенный в 1894–1895 годах. Военный 1916 год обогатил экономику полуострова ещё одной отраслью — самолётостроением (завод А. А. Анатра в Симферополе, 700 рабочих; аэропланые мастерские (завод) В. Адаменко в Карасубазаре (ныне Белогорск). В Крыму значительная часть фабрично-заводского пролетариата была занята на кирпичных, пищевых и прочих фабричках с 11–12 работниками, которые, как и ремесленные мастерские, представляли собой костяк крымской промышленности.

Городское население сельскохозяйственного края быстро росло, опережая прирост численности сельских жителей, и к 1914 году достигло 45% населения. За 1900–1914 годы горожан стало больше примерно на 70 тысяч²⁴. Жили они в Симферополе, Алуште (получила статус города в 1902 году), Балаклаве, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, Керчи, Перекопе и Армянском Базаре (ныне г. Армянск), Севастополе, Старом Крыму, Феодосии, Ялте. Урбанизация, обычно несущая с собой нивелировку, не помешала сохранению каждым городом своего лица.

Центр судостроения — Севастополь к началу войны представлял собой «очень красивый европейский город, далеко оставляющий за собой большинство провинциальных городов. Прекрасные широкие улицы, превосходно вымощенные гранитными кубиками, с деревьями по обочинам, застроены большими красивыми домами из инкерманского камня, не нуждающегося в штукатурке. По улицам мчатся электрические трамваи, а роскошные магазины с зеркальными стёклами останавливают внимание не одного только провинциала. ...Севастопольские дамы по изяществу и умению носить костюмы успешно конкурируют со столицей...»²⁵. С 1898 года, когда флот купил у Российского общества пароходства и торговли судоремонтный завод, расширил и модернизировал его, Севастополь, наряду с Николаевым, становится центром броненосного судостроения юга России. Здесь были спущены на воду эскадренные броненосцы «Георгий Победоносец», «Иоанн Златоуст», «Евстафий», крейсер «Очаков» и другие. В годы Первой мировой войны Черноморский флот включал 7 линейных кораблей, два крейсера первого ранга, два заградителя, 17 эскадренных миноносцев, 4 канонерских лодки, субмарины, транспорты «Березань» и «Кронштадт», яхту «Алмаз».

Керчь — город, живший портом и добычей железной руды. Правда, строительство Керченского металлургического завода было заморожено в связи с кризисом 1902 года. Знаменитой на всю страну была табачная фабрика товарищества «Наследники К. И. Месаксуды»²⁶. В городе были активны иностранные коммерсанты, в основном из Греции, Турции, Италии, работали британское, турецкое и греческое консульства. Керчь отличалась «правильной распла-

нировкой улиц и сравнительным благоустройством. Улицы широки, засажены на обочинах деревьями, а многие из них покрыты асфальтом»²⁷.

В Феодосии, после объединения местного коммерческого порта с Севастопольским, переведённым сюда в 1899 году, закипела жизнь. Порт (и не только) обслуживала Центральная гидрометеостанция Министерства торговли и промышленности. Она ежедневно выпускала бюллетени о состоянии погоды и моря на всём Юге и рассылала их по сотням адресов, а также вывешивала в городе на видном месте. В городе работали отделения Государственного и Азово-Донского банков, Русского для внешней торговли и С.-Петербургского коммерческих банков и др. Из 23 промышленных предприятий крупнейшими были табачная фабрика акционерного общества «В. О. Стамболи», 2 чугунолитейных завода, гвоздильный завод Наделя; в окрестностях добывали соль и строительный камень. К концу первого десятилетия XX века фирмой братьев Нобель было начато строительство нефтехранилищ. Росла популярность Феодосии как морского курорта.

Евпатория — город соли и каменоломен — пока оставалась на уровне прошлого века. «...Во многих местах совершенно ещё отсутствуют более или менее сносные дороги, тротуары, освещение и прочее самое необходимое, не говоря уже о водопроводе, канализации и прочее»²⁸. Впрочем, в 1913 году за счёт местного бюджета провели трамвайную линию от центра города до грязелечебницы, а в 1915-м закончилось строительство железнодорожной ветки к Евпатории от станции Сарабуз (ныне Остряково), что было вызвано военными соображениями.

Зато в курортной Ялте с её чуть ли не 40 тысячами приезжих ежегодно, «где каждый коренной ялтинец — слуга (ничуть не упускающий своей выгоды. — *Авт.*), а приезжий — барин»²⁹, жизнь била ключом. Прогресс порождал свои проблемы: «По... Набережной с усилением автомобильного движения гулять стало невозможно, так как запах бензина, перегоревшего масла положительно отравляет воздух»³⁰. Город быстро «демократизировался». «Ещё не так давно Ялта с её прекрасным климатом и прочими щедро рассыпанными дарами составляла почти исключительно достояние богатых людей... теперь рамки её роли расширились и, благодаря дешевизне переезда, она привлекает больных и вообще приезжих и весной, и зимой, не говоря уже о главном осеннем сезоне... Вместе с приливом среднего обывателя, и теперь уже не теряющегося в пышной толпе богатой аристократии и денежной буржуазии, Ялте, несомненно, предстоит в будущем опроститься»³¹. Правда, к 1917 году Ялта уже превратилась в большой госпиталь.

Восточный колорит сохраняли Бахчисарай и Карасубазар. «Пестрота, шум, своеобразность построек, множество кофеен, у которых в ленивых позах сидят за чашкой кофе мусульмане, кривые улицы, узенькие переулочки, в которых можно изредка видеть закутанных в белые покрывала с щелью для глаз женщин, минареты мечетей, откуда в определённые часы раздаются заунывные призывы к молитве муэдзина...»³² — так описывал современник Бахчи-

сарай. А Карасубазар — это «узенькие, кривые улицы, по которым с трудом проезжает извозчик, постоянно выкрикивающий: «Айдама» (подожди), предупреждающий, чтобы другой не въезжал в улицу, а то застрянут оба; высокие глиняные стены, маленькие калиточки, окна с решётками, масса мечетей, минаретов, кофеен, грязь, пыль, восточный говор»³³.

Понятно, что если не промышленным, то административным, торговым и культурным центром Крыма был его транспортный, торговый и пассажирский узел — Симферополь. Из 40 предприятий города выделим консервные фабрики товариществ «Эйнем», А. И. Абрикосова, братьев Шишман, П. А. Коркунова, табачные фабрики, кожевенный, мыловаренный, чугунолитейный и пивоваренный заводы, завод А. А. Анатра, сыгравший заметную роль в последующих революционных событиях. Симферополь имел телефонную и автомобильную (вытеснившую старинные мальпосы) связь со всеми городами полуострова. В 1914 году было пущено три трамвайных линии Бельгийского акционерного общества трамвая. Развитие крымской столицы прослеживается по её бюджету: в 1901 году — примерно 300 тысяч рублей, в 1909-м — 432 тысячи, в 1914-м — 670!

Здравоохранение находилось в Крыму, учитывая природные данные, только в стадии разработки определённой системы. Исключительную роль играла общественная благотворительность. К примеру, в Ялте к началу войны было 11 благотворительных обществ, занимавшихся проблемами лечения, гигиены, благоустройства, попечительства о бедных и нуждающихся больных и учащихся, о народной трезвости, существовавших на средства отдельных лиц, церкви, членских взносов. Подлинным бичом полуострова была социальная болезнь — туберкулёз. В 1903 году в Симферополе появилось Общество борьбы с туберкулёзом, ставившее целью устраивать санатории для лиц среднего класса или малосостоятельных. Вопрос о низах общества оставался открытым. Особенно был распространён туберкулёз среди татар и цыган.

С 1908-го по 1912 год смертность у мусульман Симферополя превышала рождаемость на 182 человека. Это неудивительно, если принять во внимание привычные для татар бытовые условия: в домах — сырость, недостаток света и воздуха, ели и спали на земляных полах, покрытых циновками, войлоком, коврами; малообразованность; неквалифицированный труд. По свидетельствам медиков, мусульмане старались избегать врачей, прятали инфекционных больных³⁴.

Многонациональный состав населения Крыма обусловил такой феномен, как национальные общины. Так, согласно переписи 1897 года, на территории Таврической губернии проживало 18 048 грека, среди которых были подданные Греции и Турции. К концу 1917 года греков объединяли эллинское и греческое общества. Традиционными занятиями крымских греков были: виноделие, рыболовство, табаководство, различные ремесленные специальности, преподавательская и научная работа, наконец, служ-

ба в вооружённых силах России. Первая мировая война принесла волну христианских переселенцев из Турции, спасавшихся от резни. К 1917 году в Крыму проживало 20 124 грека (2,5% от всего населения)³⁵.

Еврейские общины в начале XX века существовали в Симферополе, наиболее значительном центре еврейской жизни Крыма (здесь проживал 8 951 еврей), Севастополе, Евпатории, Алуште, Ялте, Керчи, Феодосии. Культовые здания, общества пособия бедным функционировали в Перекопе, Армянском Базаре, Старом Крыму, Судаке, Карасубазаре, Бахчисарае, Джанкое³⁶. Видную роль в общественной и культурной жизни Крыма играли караимы. В течение XIX века караимская «столица» перемещается из Чуфут-Кале в Евпаторию. Здесь, а также в Бахчисарае, Керчи, Феодосии, Симферополе, действовали наиболее крупные караимские общины³⁷. Центром общественной жизни крымчаков был Карасубазар. Существовали также немецкие (о крымских немцах ниже), болгарские, польские, эстонские и др. общины.

Культурный взрыв в России конца XIX — начала XX века захватил и Крымский полуостров, который, к слову, почтили своим присутствием или избрали местом проживания множество учёных, литературных величин, художников и музыкантов. Характерно, что происходят не просто количественный рост (учебные заведения, библиотеки, пресса и пр.), но и качественные изменения в духовной жизни крымчан, становящейся всё более богатой и разнообразной. Сказывались и большая доля городская населения, нежели в других регионах империи, и успешное развитие науки (археология, медицина, биология).

В Симферополе, к примеру, к 1914 году действовали: три мужских и три женских гимназии, реальное училище, духовная семинария, три профессиональных школы, а также рисовальные и музыкальные, около сорока начальных школ (городских и церковно-приходских). «Городом осуществлено начальное обучение: отказов в приёме в городские школы не бывает»³⁸. Иная картина складывалась в Севастополе: «Начальных школ так мало, что они вмещают в себя меньше половины желающих учиться»³⁹. В Керчи действовало мореходное училище малого плавания, здесь же был открыт Кушниковский девичий институт, в Евпатории существовало Александровское караимское духовное училище, единственное караимское училище в стране. В целом по Крыму насчитывалось более 20 средних учебных заведений.

Что касается крымскотатарского национального образования, то постановка его в начальных школах — *мектебе* — была из рук вон плохой. Современник свидетельствует: «Мектебе обставлены очень плохо. Бессмысленно зубрёжкой в них только убиваются способности детей. Мектебе и обстановка в них не выдерживают никакой критики с санитарной точки зрения. Здесь нередко можно видеть даже шестилетних ребят, занимающихся чуть ли не целый день, сидя на полу в тесной, грязной и сырой комнате»⁴⁰. Система обучения в высших мусульманских учебных заведениях — *медресе* — тоже отличалась архаикой. «Крымские медресе представляют из себя пло-

хую копию турецких. В них изучаются богословие, философия, юриспруденция, но всё это в своеобразном богословском толковании. Софты, ученики медресе, живут в общежитиях, представляющих из себя (за очень редкими исключениями) какую-то концентрацию антигигиенических условий. (...) По существу, преподаватели — крайне невежественны, но воспитательная сторона стоит весьма высоко. Путём непрерывной, неослабной дрессировки учителя... создают из своих учеников себе подобных по духу, по направлению и даже по складу мышления. Всякое душевное движение, всякое его проявление до манеры держать себя включительно — одним словом — вся жизнь софтов до последних мелочей регламентируется правилами, хитроумно и витиевато выведенными из писания. (...) По официальным данным, в Крыму 32 медресе с 1440 софтами»⁴¹. Крымскотатарский просветитель И. Гаспринский⁴² даёт сходную с русским автором оценку: «Программа и теперешнего татарского медресе — арабский книжный язык, теология и схоластика. Метод преподавания — долбление и зубрение»⁴³.

Младотурецкое движение, близкое знакомство с европейским просвещением дали толчок к созданию т. н. *мектебе-руштие* («школа отроков») — национальных (крымскотатарских) мусульманских школ, занимавших промежуточное положение между собственно *мектебе* (низшая школа) и *медресе* (высшая школа), в которых акцент делался на преподавание светских наук и так называемый «звуковой метод» (отсюда их название «новометодные»)»⁴⁴. Однако власти в 1910 году стали их закрывать и возвращаться от всяческих «уклонений» к религиозному образованию.

В каждом уважающем себя городе и городке Крыма имелись библиотеки, как публичные, так и частные, при которых располагались «кабинеты для чтения». В начале XX века в Симферополе было, например, шесть книготорговых магазинов и столько же библиотек с читальнями, включая Народную бесплатную библиотеку-читальню им. В. А. Жуковского. «Аристократкой» считалась севастопольская Морская библиотека — одна из достопримечательностей города. К началу Первой мировой войны она имела почти столетнюю историю и около 90 тысяч книг. Это была третья по величине библиотека России.

Крым складывался и как заметный научный центр. Активно велись исторические исследования, особенно — археологические раскопки. После двукратного посещения Херсонеса императором и по его личному распоряжению на раскопки здесь стало выделяться 10 тысяч рублей ежегодно. Императорской археологической комиссией велась подготовка к реставрации Ханского дворца в Бахчисарае. В Симферополе работала Таврическая учёная архивная комиссия (ТУАК, 1887–1923), издававшая собственные «Известия» и располагавшая музеем древностей с богатой библиотекой. Среди членов ТУАК в 1917–1920 годах были такие крупные научные деятели, как историк искусства Д. В. Айналов, геолог и палеонтолог академик Н. И. Андрусов, химик, металлург и металлург, инженер, историк, архео-

лог, нумизмат А. Л. Бертъе-Делагард⁴⁵, философ, экономист и теолог С. Н. Булгаков⁴⁶, энциклопедист, академик и будущий ректор Таврического университета В. И. Вернадский, историк Г. В. Вернадский, историк, будущий академик Б. Д. Греков, литературовед Н. К. Гудзий, лесовод Г. Ф. Морозов, ботаник и географ, член корреспондент Петербургской/Российской Академии наук Н. И. Кузнецов, филолог, историк, археолог, византолог, член-корреспондент Российской Академии Наук Ю. А. Кулаковский, историк, член-корреспондент Российской Академии Наук И. А. Линниченко, геолог и географ, будущий академик В. А. Обручев, биохимик, ботаник, физиолог растений академик В. И. Палладин и много других славных имён. Бессменным председателем ТУАК был учёный-краевед и общественный деятель Крыма А. И. Маркевич⁴⁷. За честь почитали вступление в члены ТУАК впоследствии сыгравшие заметную роль в событиях Гражданской войны М. А. Сулькевич и С. С. Крым⁴⁸.

Бурно развивались и естественнонаучные исследования. В Симферополе в 1910 году возникло Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы, издававшее «Записки». Естественноисторический музей Таврического губернского земства (имевший «Труды») только в 1913 году посетила 31 тысяча человек. Перечислим прочие исследовательские центры: Институт физических методов лечения, Биологическая станция Академии наук с аквариумом, Морская обсерватория с метеостанцией, частный музей минералогии и геологии (Севастополь); Никитский ботанический сад (Ялта); метеостанция (Феодосия); биостанция (Карадаг), и др.

Культурный подъём сопровождался печатным бумом. В Симферополе (1915 год) выходили ежедневные газеты: «Южные Ведомости» (с литературно-иллюстрированным приложением), «Южное Слово», «Крымская Почта», «Вестник Юга», а также — дважды в неделю — официальные «Таврические Губернские Ведомости», плюс «Таврические Епархиальные Ведомости», «Таврический Церковно-Общественный Вестник», сатирический листок «Скорпион», журналы «Известия Симферопольской Городской Думы», «Записки Симферопольского Отдела Императорского Российского Общества Садоводства», «Врачебно-Санитарная Хроника Таврической Губернии», «Еврейский наблюдатель», «Таврический наблюдатель», «Москва», «Тарантул (Крестовик)»⁴⁹ и др.) и работали две типографии.

Добавим к сказанному театры в ряде городов (11 апреля 1911 года в Симферополе состоялось торжественное открытие здания Дворянского театра (ныне Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького), построенного инженером А. И. Рыковым по проекту академика архитектуры А. Н. Бекетова), появляющиеся кинематографы, различные общества и клубы (вплоть до велосипедистов), и мы получим: во-первых, представление о широком спектре культурной жизни крымчан, где почти каждый мог найти занятие по душе; во-вторых, убедимся в том, что Крым к началу смутных времён имел здоровую основу для создания гражданского общества.

Таким образом, Крым в начале XX столетия находился на подъёме. Однако набиравшая темпы модернизация, приглушённая Первой мировой войной, но не загложшая, не выкорчевала докапиталистические элементы. Урбанизация не успела изменить аграрного характера экономики. Масса крымскотатарского населения, большей частью, если не считать Бахчисарая и Карасубазара, разбросанного по многочисленным горным деревенькам, продолжала существовать в патриархальном измерении. Полиэтничность полуострова воспринималась современниками не более как экзотика. Национальные взаимоотношения, хотя и таили в себе пока незаметные зёрна возможных, разжигаемых (дай им волю) политиками и подстёгиваемых давними счётами конфликтов, были спокойными. Социальные противоречия, конечно, наличествовали, но автаркия сельских населённых пунктов, отсутствие нормальной дорожной сети, преобладание ремесленных мастерских и мелких предприятий над крупными, политическая девственность населения сглаживали их. Радикальные взгляды не находили опоры: крымские жители предпочитали сложившийся уклад жизни, стабильность, постепенность перемен. Уровень жизни, сравнительно с другими губерниями, благодаря климатическим условиям, был более-менее приемлем, да и военных действий на своей территории Крым в XX веке ещё не знал. Серьёзной питательной среды для многолетней вооружённой междоусобицы не было. Её могли привнести только извне.

Тем не менее, на переломе веков в Крыму всё же пробуждается политическая жизнь, принимающая порой весьма радикальные формы. Это было обусловлено рядом факторов: непростое, порой на грани выживания, положение крестьян, ремесленников и рабочих, полицейщина, засилье бюрократии, национальные неурядицы. Ниже об этом будет подробнее, а для начала приведём одну, весьма комичную историю, иллюстрирующую тот факт, что центральные власти были порой либеральнее провинциальных. Это — «дело» заведующего Симферопольским отделением редакции газеты «Южный Курьер» (1901–1906). Редактором её был социал-демократ М. П. Кристи⁵⁰, а симферопольским представителем — П. М. Соляной (Пётр Южный), который в октябре 1903 года решил вывесить в городе настенную доску для того, чтобы обыватели могли бесплатно читать газету. Полиция разрешения не дала, и доску сорвали. Жалобы, кстати, безупречные в юридическом отношении Соляного на местные власти, результата не имели. Тогда он обратился в Правительствующий Сенат, который от имени Его Императорского Величества издал в июле 1905 года специальный указ, разрешивший доску. Впрочем, в следующем году газету закрыли⁵¹.

Начало XX столетия ознаменовалось появлением в Крыму групп, объединённых общими идеологическими и политическими пристрастиями, и, в конечном итоге, партийных организаций.

Социал-демократические организации возникают в Керчи (1899), Симферополе и Севастополе (1900), Ялте и Феодосии (1901). В первые годы

XX столетия численность кружков и «рабочих союзов» ограничивалась 300 членами⁵². У истоков социалистического движения в Крыму стояли такие видные в будущем деятели, как: Ю. О. Мартов (в октябре 1901-го года налаживал здесь связи с местными социал-демократами), Л. М. Хинчук⁵³, Н. И. Иорданский⁵⁴, В. Г. Громан⁵⁵, М. А. Лурье (Ю. Ларин)⁵⁶, А. А. Иоффе⁵⁷.

Не заставило себя долго ждать и появление рабочего движения. Согласно некоторым подсчётам, с 1900-го по 1904 год в Крыму прошло более 20 забастовок, в том числе и политических, с участием не менее 7 тысяч человек. Первая серьёзная проба сил совершилась в Симферополе 5 мая 1901 года: демонстрация в честь дня международной солидарности трудящихся. Эти события, принявшие весьма своеобразную, вследствие политической ответственности властей, окраску, удостоились корреспонденции в газете «Искра». Цитируем: «Толпа рабочих и работниц местных портняжных, сапожных, столярных, слесарных мастерских, табачных фабрик, всего около ста чел., преимущественно евреев⁵⁸, впервые в Симферополе устроили публичную майскую демонстрацию. Они, действительно, как говорил наш обыватель, с развёрнутым знаменем, на котором красовались вышитые на русском и еврейском языке слова: «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!», «Рабочие всех стран, соединяйтесь!» (это знамя нёс дамский портной Аншель Ды(и)скин. — *Авт.*) и с пением рабочей Марсельезы прошлись по главной улице нашего города при громадном скоплении публики, которой раздавались прокламации.

Нужно сознаться, ничего не понимала во всём этом большая публика, но ничего не понимала и полиция, которая по долгу должна была понимать. Да, необходимо достоподобным образом отметить этот факт и обратить на него всеобщее внимание.

Рабочая демонстрация 5-го мая беспрепятственно, блестяще прошла при явном и ясном соучастии тамошней полиции, не ведавшей, что творится у неё под носом. Городовые дали дорогу демонстрантам, отстраняя постороннюю публику, мешавшую шествию. Небывалое в России явление!

А между тем, как мы слышали, ни один из чинов симферопольской полиции не посажен в тюрьму, не устранин даже от должности»⁵⁹.

Начальство пришло в себя позднее. В течение двух недель после демонстрации шли обыски и аресты, которым подверглось более 250 горожан. Среди арестованных оказался и А. Ды(и)скин, сосланный на три года в Иркутскую губернию⁶⁰.

С этого времени маёвки в разных городах Крыма стали обычным явлением. Власти принимали контрмеры. Любопытен, в связи с этим, ещё один документ, тоже корреспонденция «Искры». «...Впервые на улицах Симферополя появились конные и пешие городовые... жандармский генерал Трубников, как он сам рассказывал, выпросил у корпусного командира, чтобы рота солдат «гуляла в публике» в день традиционного здесь праздника весны — с тем, чтобы по свистку бить демонстрантов, буде они окажутся... С 6 мая две недели в

казармах с офицерами дежурили солдаты Литовского полка (две роты), получившие по 4 холостых и 16 боевых зарядов — на случай «бунта», которого ждали то к царскому рождению, то к царским именинам»⁶¹.

Рост рабочего движения и деятельность социал-демократических групп закономерно привели к тому, что в апреле 1903 года организации Севастополя, Симферополя, Керчи, Феодосии, Ялты и Мелитополя объединились в губернском масштабе, создав Крымский комитет РСДРП далее — Крымский союз РСДРП. Его возглавил М. И. Аронов⁶². Делегатом от Крымского союза на II съезд РСДРП был избран М. С. Макадзюб⁶³, примкнувший к сторонникам Ю. О. Мартова, впоследствии — меньшевикам. К 1904 году Крымский союз окончательно определился как меньшевистская партия. С этого времени меньшевики становятся доминирующей, если не сказать больше, силой крымской социал-демократии. Влияние большевиков заметно только в Севастопольском комитете РСДРП. При нём формируется Центральный военно-морской комитет. 3 ноября 1904 года в Лазаревских казармах произошло первое в Крыму массовое выступление матросов.

В 1905–1907 годах социал-демократические организации функционировали в 17 городах Таврической губернии, объединяя в своих рядах более 1100 членов.

Помимо социал-демократов, в Крыму создаются и другие организации радикального толка.

Первый эсеровский кружок был создан в Севастополе в 1900 году главврачом городской больницы С. А. Никоновым⁶⁴. Осенью 1903 года кружки и организации ПСР оформляются в Керчи, Ялте, Феодосии; в 1904 году — в Симферополе, Евпатории; в 1905-м — в Алушке, Бахчисарае. В июле 1905 года был создан Таврический союз партии социалистов-революционеров, который насчитывал до 1000 членов. К 1910 году организации ПСР прекратили в Крыму своё существование, оставив после себя лишь временные группы и отдельных членов⁶⁵.

В работе крымских групп ПСР одно время принимал участие А. С. Гриневский — в будущем писатель Александр Грин⁶⁶. В 1902 году он был рядовым резервного батальона в Пензе, откуда бежал. По заданию эсеровской организации прибыл в Севастополь, где вел революционную агитацию среди матросов. 11 ноября 1903 года арестован и заключён, благодаря «стараниям» двух раскаявшихся солдат севастопольской крепостной артиллерии, в тюрьму. В заключении Гриневский — «Григорьев» вёл себя «вызывающе»: отказывался давать показания, пытался бежать, сидел в карцере, устроил четырёхдневную голодовку, однако, назвал своё имя и сообщил, что является беглым солдатом. Пытался осуществить побег, окончившийся неудачей. Летом 1905 года Гриневского и шестерых солдат-артиллеристов судил военно-морской суд. Прокурор потребовал для него двадцать лет каторжных работ, но благодаря умелой защите А. С. Зарудного⁶⁷ был приговорён к бессрочной ссылке на поселении в отдалённых местах Сибири.

Однако пришлось пройти ещё один суд, на этот раз гражданский в Феодосии. Гриневский совместно с группой социал-демократов обвинялся в революционной агитации. Его приговорили к году тюремного заключения, которое он отбывал в феодосийской тюрьме. Опять пытался бежать и вновь неудачно, после чего переведен обратно в Севастополь. После расстрела 18 октября 1905 года демонстрации у здания тюрьмы все политические заключенные, кроме Гриневского, были выпущены. Тогда четверо рабочих — социал-демократов заперлись в знак протеста вместе с ним в камере и отказались её покидать до его освобождения. Никакие уговоры жандармского полковника и прокурора на них не действовали. В результате был освобождён 20 октября по амнистии. Затем уехал в Петербург — там снова арестован, после чего сослан в Тобольскую губернию⁶⁸.

С начала столетия были достаточно активны в Крыму левые сионисты. В 1901 году в Симферополе из 40–50 ремесленников и торговцев сложился первый кружок Поалей-Цион (Рабочие Сиона); его члены стали организаторами упоминавшейся выше первомайской демонстрации⁶⁹. В период революции 1905–1907 годов сионистские группы действуют во всех крупных центрах Крыма. Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) оформляет свою организацию на полуострове с 1904 года.

В 1903 году в Симферополе М. Манукьян создаёт организацию армянской партии «Гнчак» («Колокол»), объединившую 40 торговых работников. Группы гнчакистов действуют в Севастополе, Феодосии и Ялте. Летом 1904 года на крымской партконференции в рядах «Гнчак» происходит раскол: одна часть вливается в РСДРП, другая — в партию «Дашнакцутюн» («Союз»), близкую социалистам-революционерам, отдельные группы которой начинают проявлять активность с этого времени. Одним из видных организаторов дашнаков был Г. А. Кереметчи⁷⁰. Организации партии появляются в местах компактного проживания армян в Симферополе, Севастополе, Керчи, Феодосии и Ялте⁷¹.

Визитной карточкой анархистов всех оттенков, впервые отмеченных в 1905 году (7 групп, более 100 человек), стали экспроприации.

Если «партстроительство» на полуострове было во многом инспирировано из центральных губерний (Москва, Екатеринослав (Днепропетровск) и пр.), то общий рост оппозиционных и революционных настроений обуславливался внутренними факторами. Это — низкий жизненный уровень и тяжёлые условия труда, не обеспеченного соответствующей оплатой, большинства ремесленников, рабочих при отсутствии возможностей изменить что-либо к лучшему легальным образом. Неуклюжие попытки властей «вразумить» работодателей лишь усугубляли ситуацию. Один пример. 13 мая 1904 года Таврическим губернатором был разослан циркуляр полицмейстерам, предписывавший, ввиду частых жалоб работников ремесленных заведений на чересчур длинный рабочий день, строго следить, чтобы его продолжительность не превышала десяти часов, а виновных в нарушении

этого распоряжения привлекать к ответственности. В Феодосии, во исполнение указания, была попытка наказать 21 хозяина мастерской, из которых шестерых оштрафовали на 10–15 рублей, прочих оправдали за отсутствием или недостаточностью улик⁷². Учитывая, что после этого кавалерийского наскока администрации, сглаженного, без сомнения, всемогущей взяткой, никаких изменений в положении работников не произошло, почва для дальнейшей радикализации настроений продолжала унавоживаться.

Начало столетия ознаменовалось рядом неурожайных лет. Это взвинтило цены на землю и сельхозпродукцию, подорвало многие крестьянские хозяйства. Кризис особенно больно ударил по парцеллярным участкам крымских татар. С ростом цен на землю у крестьян-татар всеми правдами и неправдами стремились её отобрать те, кто имел для этого экономические и внеэкономические возможности.

Таврический губернатор в своём отчёте на имя императора за 1902 год докладывал: «...Местное татарское дворянство, так называемые мурзак, и магометанское духовенство весьма равнодушно относятся к судьбе младшей братии и подчас без стыда и совести сгоняют бедных татарских десятинщиков с прадедовских земельных угодий, чтобы, передав [их] в аренду немцам или русским, извлекать большие доходы. ...К детям степей — татарам правительство относилось безучастно и равнодушно; и следует ли удивляться, что никем не руководимый, неразвитой, некультурный, беспечный и доверчивый татарский народ погибает от хищнических набегов на их (его. — *Авт.*) права и имущество всяких, вооружённых искусством обходить законы земельных паразитов-спекулянтов»⁷³.

Нехватка земли, как порождение произвола и беззакония, явилось одной из причин массовой эмиграции крымских татар, которая шла несколькими волнами. Одна из них — в 1902–1903 годах, когда татары тысячами переселялись в Турцию. Порой из Крыма ежедневно отправлялось 600–800 человек⁷⁴. Царским повелением от 6 октября 1902 года им выдавались льготные паспорта, но без права возвращения в Россию. (Правда, 2 июня 1910 года это запрещение было снято, и какая-то часть татар вернулась обратно⁷⁵).

Заметим, что в отличие от многих других регионов Российской империи, где оппозиционные настроения зачастую произрастали на земской почве, земства Таврической губернии (введены в 1866 году), сосредоточившись целиком и полностью на деле просвещения и здравоохранения, были пассивны политически. Это — одна из причин отсутствия в Крыму в начале века сколько-нибудь заметного либерального движения.

Уже упоминавшийся губернский отчёт констатирует: «В среде земских собраний вверенной мне губернии я не заметил большого места нашего отечественного земства — стремления выйти из границ предоставленной законом компетенции, заняться рассмотрением вопросов, непосредственно местных польз и нужд не касающихся...» И это притом, что «гражданская жизнь усложнилась с поднятием образования в народе, в народные

массы проникают новые идеи, его волнующие. Происходит постоянное брожение мысли на почве религиозной и государственной. Всё больше и больше идеи социалистические находят себе сторонников, и пропаганда распространяется всё шире и шире»⁷⁶.

События Первой российской революции всколыхнули Крым. Они начались повсеместными демонстрациями и стачками протеста против расстрела 9 января 1905 года мирного шествия рабочих в Петербурге. Нередко эти акции заканчивались стычками с полицией. Так, 1 мая бурные демонстрации прошли по Симферополю и Феодосии, причём последняя закончилась массовыми арестами. Ответные меры не заставили себя ждать: 12 мая Таврическая губерния была объявлена «в положении усиленной охраны», в связи с чем, на основании пунктов 15 и 16 правил положения об усиленной охране, губернатором объявлялись следующие «обязательные постановления»:

«1) Во всех местностях Таврической губернии воспрещаются сходбища и собрания для совещания или действия общей тишине и спокойствию противных.

2) Лица, собравшиеся почему-либо в группы... обязаны по первому требованию чинов полиции беспрекословно и немедленно разойтись.

3) При возникновении уличных беспорядков скопление посторонней публики... воспрещается.

4) Вмешательство посторонних лиц в распоряжение полиции, при исполнении ею своих служебных обязанностей, воспрещается...

5) Продажа всякого оружия и огнестрельных припасов... воспрещается...

Примечание. ...Лица, которые окажутся виновными в неисполнении приведённых выше постановлений, подвергаются: или аресту до 3-х месяцев, или денежному взысканию до 500 руб. ...

И. д. Таврического Губернатора Вице-Губернатор
Граф Муравьёв»⁷⁷.

Центром революционного движения в Крыму становится Севастополь. 14 июня началось восстание на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический», вышедшем в район Одессы.

И здесь появляется ряд вопросов, обоснованных ответов на которые имеющаяся литература не даёт. Почему, если решение о восстании на Черноморском флоте в подходящий для этого момент принимает матросская сходка 10 июня в Севастополе, «Потёмкин» направился не в Севастополь, где можно было всколыхнуть силы флота, а в проблематичную Одессу, где революционный порыв перерастал в люмпенский разгул со всеми его последствиями? Мог ли командир «Потёмкина», капитан 1-го ранга Е. Н. Голиков, отдать провокационный приказ, приведший к попытке массового расстрела матросов на боевом судне? Почему социал-демократы во главе с Г. Н. Вакуленчуком, старавшиеся оттянуть решающие события, не смогли взять ситуацию под контроль и допустили убийство своего весьма осто-

рожного руководителя, а судьбы восстания оказались в руках анархистствующих элементов со своим вожаком А. Н. Матюшенко? Впрочем, любая революция — это большей частью стихия, не поддающаяся рациональному осмыслению.

Соединить силы восставших на суше и на море не удалось, и после блужданий «Потёмкин» оказался 22 июня в Феодосии. Для переговоров о закупке топлива и провизии на корабль прибыли городской голова Л. А. Дуранте и С. С. Крым. Власти, опасаясь бомбардировки города и испытывая сильное давление местного населения, доставили на «Потёмкин» часть заказанных продовольствия и воды. Потёмкинцы организовали на берегу митинг, раздавали прокламации. Полиция выполняла их распоряжения. Однако военные власти воспрепятствовали погрузке угля на броненосец. 23 июня «Потёмкин» покинул Феодосию⁷⁸ и через три дня сдался румынским властям.

17 октября вышел императорский Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Митингами и демонстрациями население приветствовало этот акт, что, с одной стороны, не везде было понято властями, а с другой стороны, «слишком понято» радикалами. Наступило время безвластия и вседозволенности.

18 октября в Симферополе, как это было в те дни по всей России, состоялся митинг в честь Манифеста. Городское полицейское управление сообщало в Таврическое губернское правление: «...По городу прошла демонстрация с красными флагами, которая, злоупотребив дарованной Манифестом свободой, подойдя к тюрьме, потребовала освобождения заключённых, в чём было тюремной администрацией отказано; следствием этого отказа был разгром демонстрантами тюрьмы и выпуск всех арестантов»⁷⁹. Параллельно по городу двинулась «патриотическая» манифестация с портретом императора. Когда обе колонны сомкнулись, раздался выстрел, и, как свидетельствует донесение, «несколько человек из патриотической манифестации было ранено, а трое убито»⁸⁰. После этого (провокация?) толпа бросилась на демонстрантов под красным флагом, выхватывая колья из ограждений под деревьями на бульваре. Демонстрантов с флагами (в том числе женщин) зверски убивали. По ходу дела пострадало несколько еврейских лавок, хотя еврейского погрома, в полном смысле слова, не произошло. Минут через 15 войска с помощью полиции навели порядок, однако изначальное бездействие полиции было очевидным. Более того, следствие по произошедшим событиям, длившееся полтора года, установило помимо 29 погромщиков (русские и один цыган) 6 причастных в погрому полицейских⁸¹. Так, городской С. Н. Ермоленко «ударил шашкой Исаака Левчика, оказавшегося затем убитым, ударил два раза обнажённой шашкой по рукам Якова Кравца, схватил за косу одну девушку и топтал её ногами; в участке бегал от одного раненого к другому и наносил им удары, между прочим раскровянил нос Хаиму Борлину и криком «вот, жид, тебе свобода!», а также по животу бил Марию Рохлин»⁸². Вина полицейских

была доказана. Помощник пристава И. Я. Чупринко был осуждён на 1,5 года, а упомянутый Ермоленко — на 3,5 года содержания в арестантских ротах. Причём, последний 3 июня повесился⁸³.

Кстати, антисемитизм был для Крыма явлением нехарактерным, что бы ни утверждали некоторые историки. Его питательной средой была, прежде всего, люмпенская среда портовых городов (т. н. *ракло*). Здешний уроженец Ю. Ларин, будучи по национальности евреем, писал в автобиографии, что «не сталкивался с антисемитизмом, в то время (конец прошедшего века. — *Авт.*) почти не чувствовавшимся в Крыму»⁸⁴. Однако, именно революция, подобно любым крупным потрясениям, вывела наружу у названных выше слоёв их разнузданность и обострённые животные инстинкты⁸⁵. В связи с вопросом об антисемитизме встаёт проблема т. н. «черносотенства».

Крайние правые монархисты, как нечто оформленное, хотя и крайне слабо, появились в Крыму накануне революции 1905–1907 годов. В ходе самой революции были созданы подотделы Союза русского народа (СРН) в Симферополе, Севастополе, Керчи, Феодосии, Ялте. Как и в других местностях, руководителями местных организаций становились аристократы и священники, основной их массой — низшие слои общества. (В центральных органах партии фигурировали церковные иерархи: Б. В. Никольский, А. И. Соболевский, митрополиты Антоний и Тихон; видные представители интеллигенции — академики Н. П. Лихачёв, Н. П. Кондаков, В. Л. Комаров и К. Я. Грот, создатель первого оркестра народных инструментов В. В. Андреев, медик С. С. Боткин, актриса М. Г. Савина, живописцы К. Е. Маковский и Н. К. Рерих, поэты К. К. Случевский, М. А. Кузмин, Б. Садовской; близок по взглядам к СРН был Д. И. Менделеев). Одним из видных деятелей крымского отделения СРН являлся В. К. Месаксуди⁸⁶, сын известного всей России табачного производителя. «Севастопольский, керченский, феодосийский «Союзы» имели солидную поддержку среди портовых рабочих. ... Крымские СРН, как правило, были крупнейшие организаций других политических партий и насчитывали по 150–200 членов». На первые месяцы 1906 года в губернии действовало до 30 черносотенных организаций, объединявших 9,1 тыс. человек⁸⁷.

Столкновения в Симферополе, Джанкое, Карасубазаре, Алушке, погромы евреев и интеллигенции в Керчи и Феодосии, убийства в сельской местности унесли после обнародования Манифеста жизни не менее 127 человек⁸⁸. Мы не располагаем конкретикой, доказывающей прямое участие большинства членов СРН в злодеяниях. В то же время можно констатировать симпатии властей к правым экстремистам. Так 25 октября 1906 года председатель Киевской русской монархической партии обратился к Таврическому губернатору с просьбой уведомить местное полицейское начальство, что его воззвание к «Православным Русским Людям» дозволено цензурой к беспрепятственному обращению в народе. Уже 31 октября, с несвойственной гу-

бернским учреждениям оперативностью, вице-губернатор рассылает циркулярно полицмейстерам по несколько экземпляров этого воззвания, присовокупляя, что «распространяемые издания ничего преступного в себе не содержат»⁸⁹ (хотя ненависть к политической оппозиции в Государственной думе, шовинизм и антисемитизм били из каждой строки этой листовки).

На противоположном фланге формируются организации партии конституционных демократов (КД) (народной свободы). Симферопольский подотдел партии возглавили князь В. А. Оболенский⁹⁰, землевладелец М. К. Мурзаев, врач Б. В. Тыртов. Председателем Феодосийской организации стал известный предприниматель С. С. Крым. Подотделы КДП существовали также в Джанкое (лидер — председатель земской управы П. Н. Толстов), Ялте (врачи П. Розанов, Волков), Керчи (крупный землевладелец и предприниматель Д. Д. Посполитаки⁹¹), Севастополе (отставной генерал-майор П. Д. Лескевич⁹²), Перекопе и др.⁹³ По мнению В. И. Королёва, в 1906 году более 9 кадетских организаций насчитывали в своём составе не менее 1 тыс. человек⁹⁴. В 1908 году на жительство в Крым прибыл Н. Н. Богданов⁹⁵, в последующем сыгравший видную роль в кадетском движении на полуострове.

Как ни странно, в Крыму, где практически не было индустрии, достаточно широко оказалась представленной партия крупной буржуазии — Союз 17 октября: более 8 городских организаций, 4,7 тыс. членов⁹⁶. Однако реальное влияние её в социально-политическом ландшафте полуострова просматривается слабо.

Оживилось крымскотатарское национальное движение. Одним из основателей его был Хасан Нури Эфенди⁹⁷, начавший свою пропагандистскую деятельность ещё с конца XIX века. В 1898 году в Алушке им создаётся подпольное общество «Неджат» («Избавление») (секретарь А. С. Айвазов⁹⁸), конечной целью которого провозглашалось создание на полуострове самостоятельной нейтральной республики наподобие Швейцарии под покровительством великих европейских держав.

26 октября 1905 года в помещении Бахчисарайской городской думы по инициативе и под председательством И. Гаспринского состоялось собрание крымских татар, на котором он изложил программы различных партий, призвав соплеменников примкнуть к какой-либо из них. Участники собрания единогласно проголосовали за поддержку кадетов. Аналогичное решение было принято на митинге крымских татар в Карасубазаре. На втором собрании крымских татар в Симферополе (23 ноября) было решено войти в состав Всероссийского союза русских мусульман («Иттифак эль муслим») и создать его крымский подотдел. Делегаты воздержались от присоединения к одной из общероссийских партий, решив остаться «на почве Манифеста 17 октября». В конце ноября на крымскотатарском митинге в Симферополе было выдвинуто требование политического и религиозного равноправия татар с другими народами, участия их в управлении государством, принятии конституции. Гаспринский в качестве члена ЦК

присутствует на II съезде «Иттифак эль муслим», нелегально прошедшем в Петербурге (13–23 января 1906 года).

В 1905 году возникает политическое объединение крымских татар — социалисты-федералисты во главе с А. М. Ширинским⁹⁹ (Симферополь, Севастополь, Бердянск, Феодосия, Голая Пристань, Мелитополь, Орехов Бердянского уезда). Группа провела в Государственную думу своего представителя А. Медиева¹⁰⁰ и издавала газету «Ва(е)тан Хадими» («Служение Родине»). По взглядам социалисты-федералисты смыкались с эсерами, они олицетворяли собой переход от легальности и политики компромиссов И. Гаспринского к революционным методам деятельности, отстаивали национальное равноправие¹⁰¹. В 1908 году на юбилее газеты «Терджиман» Медиев говорил понятным для слушателей языком: «Я принадлежу к другой группе крымскотатарского народа. Будучи всецело предан исповедуемой этой группой идее, я во многом не согласен с тем, что проповедует «Терджиман» и его редактор Исмаил Мурза в области вопросов чисто политических, и не только расхожусь, но, быть может, стою на полярно-противоположной точке зрения с ним по вопросам социально-экономическим»¹⁰².

После поражения революции 1905–1907 годов крымскотатарское национальное движение не заглохло. В 1909 году была образована группа «Ва(е)тан». К 1917 году подпольные кружки и организации функционировали во многих населённых пунктах Крыма, их аналоги возникали за рубежом (в Турции, где сформировалась значительная крымскотатарская диаспора и где, в Константинопольском университете/пединституте, традиционно получала образование будущая национальная интеллигенция): «Кърым Талебе Джемиэти» («Общество крымскотатарской учащейся молодёжи»), затем «Ва(е)тан Джемиэти» («Общество Родины»), «Джемиэти Хайриэ» («Благотворительное общество»). Идеологическая основа национального движения крымских татар была складывающейся и посему весьма пёстрой; немалую роль играли *панисламистские* и *пантюркистские* настроения¹⁰³. В числе деятелей этих кружков были два крупнейших впоследствии лидера крымскотатарского национального движения — Джафер Сейдамет и Номан Челеби Джихан (Челебиджан, Челеби Челебиев)¹⁰⁴. Главным средством борьбы против национального и политического бесправия, экономического угнетения считалось просвещение. Активистами движения были в основном учителя; они же именовались «просветителями» (каковыми они, собственно, и являлись для основной массы татар-земледельцев). Своими задачами просветители считали преодоление архаичных форм существования и засилья духовенства, подъём национальной культуры. Процесс индустриализации привёл к появлению среди татар первой европейски образованной прослойки, преимущественно учителей, которые выдвинули модернизационный проект национального пробуждения. Татарские просветители стремились в первую очередь реформировать традиционные исламские школы согласно «новому методу» (разработанному прежде все-

го И. Гаспринским. — *Авт.*), откуда и пошло собирательное название первого поколения татарской интеллигенции — джадиды (*курсив наш.* — *Авт.*), или «новые».

Волжские и крымские татарские просветители, объединённые в неформальную сеть читателей нескольких ключевых газет (включая «Терджиман», редактор И. Гаспринский, с 1883 года; и «Енъи (Новый) Терджиман», редакторы А. С. Айвазов, и старший сын просветителя Рефат (Абдул Рефийа) Гаспринский (1884–1925), с 1915 года) на общетюркском усреднённом языке, самим фактом своего появления породили движение за национальную демократизацию во всём тюркском ареале, от Сибири и Средней Азии до Закавказья и Османской Турции. Усилия этих ярких одиночек наталкивались на косность и враждебность традиционных тюркских элит (правителей разного ранга, купечества, мусульманских священнослужителей, которые с полным основанием подозревали джадидов в скрытом покушении на устоявшуюся социальную иерархию¹⁰⁵. Видный деятель левого крыла крымскотатарского национального движения начала века А. Медиев разъяснял: «Лозунг «усуль джадид» в переводе своём не передаёт всё содержание, которое вкладывается в него. «Усуль джадид» в переводе означает «новый метод»... Но то содержание, которое мы вкладываем в лозунг «усуль джадид», слишком и очень слишком далёк (далеко. — *Авт.*) от сухого термина «новый метод». Для нас «усуль джадид» означает полное обновление нации путём школы, для нас «усуль джадид» — это объявление войны путём школы всему тому, что всосалось в тело русского мусульманства, поражало его и привело некоторые члены его к атрофии»¹⁰⁶.

Итак, биографии лидеров национального движения крымских татар на его начальном этапе (первая четверть XX века) во многом сходны. Они оканчивали Константинопольский университет (пединститут), главное место притяжения для тюрков, нацеливаясь на получение образования максимального в мусульманском мире уровня, учились в Петербурге, Одессе (Новороссийский университет), Париже (Сорбонна), становясь педагогами, богословами, юристами (порой в одном лице), врачами. В контексте имперской России, Революции и Гражданской войны просветители-джадиды с неизбежностью должны были прийти к революционизму народническо-социалистического толка, что противопоставляло их традиционалистской «элите» — *мурзакам* (помещикам, дворянам) и муллам, много имевшим до и много потерявшим после Революции, как в материальном положении, так и в степени влияния на рядовую массу. Ментальный и духовный багаж джадидов составил своеобразный замес из исламских основ, пантюркизма (пантуранизма), местного национализма и, в качестве модной приправы, ходячих истин социал-демократии европейского и российского происхождения. (Что, однако, не мешало некоторым из них, например, Дж. Сейдамету, имевшему репутацию ученика великого социалиста Ж. Жореса, склоняться в 1918 году к мысли о желательности реанимации Крымского ханства).

Противоположный лагерь (традиционалисты) представляли в начале века Магометанское духовное правление и Вакуфная комиссия, руководимые священнослужителями и улемами (религиозными авторитетами). Эти институты правительство рассматривало как центры контроля над крымскотатарским населением, сбора информации о нём и политического сыска. Пробуждение национального самосознания крымскотатарского народа весьма беспокоило власти, свидетельство тому — сохранившиеся в архивах полицейские донесения.

Позднее, осенью 1920 года, руководитель Особого отдела штаба Главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенант Е. К. Климович¹⁰⁷, бывший и весьма талантливый работник имперского охранного отделения, подписал «Обзор мусульманского движения», выдержку из которого, имеющую прямое отношение к вышесказанному, мы считаем небесполезным привести: «В Крыму... главным проводником идей панисламизма и национализма являлись татарские учителя, закончившие своё образование по преимуществу в турецких медресе, и молодые муллы, заражённые уже материалистическим учением, стремлением к реформированию не только существующего социального порядка, но и религиозного учения и пытавшиеся приспособить последнее для службы социальному перевороту. Старшие муллы, заметив надвигающуюся со стороны своих коллег опасность и покушение на разрушение всего религиозного фундамента мусульманской жизни, *будучи преданными идее русской великодержавности* (курсив наш. — Авт.) и стремясь сберечь свято хранимые ими религиозные устои магометанства, обращались за помощью к Российскому Имперскому правительству, но безрезультатно»¹⁰⁸.

В первые послереволюционные годы и среди диаспоры, и в самом Крыму активно муссируются панисламистские и пантюкистские (пантуранистские) идеи. Они были достаточно широко распространены на полуострове ещё в 1904 году по инициативе Бахчисарайского городского головы Мустафы-мурзы Давидовича, однако решающий толчок дала младотурецкая революция. Возникают организации «Совесь», с которой был связан А. С. Айвазов¹⁰⁹, (ликвидирована полицией в том же 1910 году, когда и появилась; готовила (якобы?) покушение на Николая II, долженствующего приехать на отдых в Ливадию; арестованные были освобождены по предписанию П. А. Столыпина), панисламистское общество в Феодосии, т. н. бонисты (социалисты) и др.¹¹⁰ С 1916 года крымскотатарские джаиды принимают участие в формировании Лиги народов-аллогенов («инородцев»), которая стала зародышем международной организации политических эмигрантов-националов из Советской России/СССР¹¹¹.

Бурные события начала XX века не могли не оказать влияния и на взгляды И. Гаспринского. По словам А. С. Айвазова, они эволюционировали от руссофильско-монархических в 1883–1894 годах через панисламистские (1894–1909) до пантюкистских (1909–1914)¹¹².

Подводя итоги «партийной теме», сошлёмся на В. И. Королёва, выявившего в Таврической губернии (Первая российская революция) более 135 организаций и групп, 8 общегубернских объединений с общей численностью до 21,5 тыс. человек¹¹³.

Осень 1905 года явилась кульминацией революционного движения в Крыму, наиболее сильного в Севастополе.

18 октября Севастополь стал ареной событий, подобных тем, которые происходили в этот же день в губернском центре. Попытка освободить политзаключённых закончилась выстрелами тюремной охраны. Восемь человек было убито, несколько десятков ранено.

Утром, на следующий день, Приморский бульвар превратился в сцену для массового митинга, организованного Крымским союзом РСДРП. Здесь, первоначально с целью обеспечения охраны города, были избраны депутаты Народного совета в количестве 40 человек. Совет возглавили меньшевики И. П. Вороницын¹¹⁴ (председатель, ему было тогда 20 лет), Г. Л. Канторович¹¹⁵, Н. Вольская — «Наташа». В совет вошло также небольшое число эсеров, других народников, беспартийных. Решающую роль играли портовые рабочие.

У городской тюрьмы 20 октября прошли похороны убитых, собравшие, по свидетельству газеты «Крымский Вестник», до 20 тыс. человек. На траурном митинге выступил лейтенант Черноморского флота П. П. Шмидт¹¹⁶ (обстоятельства его появления в эти дни в Крыму темны: посланный до этого в Измаил Шмидт, по всей видимости, направился оттуда в Керчь, потом Киев, имея при себе казённую кассу): «Они хотели передать другим высшее благо жизни — свободу — и за это лишились самой жизни. (...) Клянёмся им в том, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав. (...) Клянёмся им в том, что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы все отныне будем равные свободные братья великой свободной России»¹¹⁷.

На следующий день Шмидт был арестован, но из-за шума, поднятого как общественным мнением Севастополя, так и в столичной печати, 3 ноября освобождён и 11 ноября уволен с флота. Чуть раньше — 26 октября его избирают пожизненным депутатом Севастопольского совета, чем он чрезвычайно гордился.

Совет взял под контроль городскую думу и добился от неё на выделение охраны 2 тыс. рублей. Попытки погромов были пресечены в корне. К депутатам сразу потянулись жители города со своими жалобами.

Хотя 22 октября народная милиция, незадолго до этого созданная, под давлением командующего флотом вице-адмирала Г. П. Чухнина¹¹⁸ была распущена, в городе фактически установилось двоевластие.

В начале ноября совет, через военную организацию РСДРП, налаживает тесные контакты с представителями матросских экипажей, пытается вести агитацию среди расположенных в Севастополе сухопутных частей.

6 ноября и в последующие дни в митингах приняли участие все матросы экипажей и множество солдат. Выдвигаемые социал-демократами лозунги встретили полное сочувствие. Примечательно, что борьбу за улучшение условий жизни «нижних чинов» ораторы увязывали с требованием созыва Учредительного собрания.

8 ноября матросы крейсера «Очаков» вышли из повиновения начальству.

Утром 12 ноября на многочисленном митинге был создан совет флотских депутатов, ставший фактически объединённым советом матросских, рабочих и солдатских депутатов, кстати, единственным советом подобного рода в стране. Председателем избрали И. П. Вороницына. 13 ноября, как знающий военное дело и преданный революции офицер, для руководства восстанием был привлечён П. П. Шмидт.

Но события развивались стремительнее, чем могли предположить депутаты совета¹¹⁹. Толчком послужило запрещение военным участвовать в митингах. Матросы, разумеется, его нарушили. К ним присоединились портовые рабочие. Всё это происходило 11 ноября. Якобы услышав о провокации (стрелять во время развернувшегося митинга, чтобы иметь повод разогнать его силой оружия), матрос 28-го флотского экипажа К. Петров ранил старшего флагмана контр-адмирала С. П. Писаревского¹²⁰, командира патрульного наряда войск в составе сводной боевой роты от флотской дивизии и учебной команды 50-го пехотного Белостокского полка, и смертельно ранил командира роты Белостокского полка штабс-капитана А. А. Штейна. Матросы отбили арестованного Петрова и стали разоружать офицеров. Этот инцидент и послужил фактическим началом восстания. Хотя многие жители в спешке и тревоге покидали город, магазины и рестораны не закрывались. Вообще всё поначалу проходило мирно. Демонстранты расхаживали по городу под красными флагами и с оркестром, игравшим «Боже, царя храни». Был отслужен молебен по случаю дня рождения императрицы Марии Фёдоровны¹²¹. Тем временем в город стягивались верные присяге войска. (Подчеркнём, что за происходящим в далёком Севастополе пристальнейшим образом следил в Петербурге В. И. Ленин, оттачивавший тактику вооружённого переворота с военными в качестве ударной силы и особо недовольный тем, что восставшие отпускали на волю арестованных офицеров).

На собраниях рабочих и матросов ещё в начале ноября разрабатывается план совместных действий из 17 пунктов. Во главу угла ставится вопрос о всенародном Учредительном собрании. Что касается вооружённого восстания, то задача его непосредственной реализации не выдвигалась, речь шла о координации действий флота, солдат и рабочих, подготовке политической забастовки с возможной перспективой восстания¹²². Совету было ясно, что вне общероссийского выступления севастопольское восстание имеет призрачные шансы на успех. Но инерция событий, где одно неминуемо влекло за собой другое, оказалась сильнее. Вороницын признавал: «Всё... делалось не по какому-нибудь заранее обдуманному плану. Ораторы

рам приходилось предлагать такие действия, которые диктовались настроением массы, а часто и выдвигались самой массой»¹²³.

14 ноября П. П. Шмидт прибыл на восставший крейсер «Очаков» и принял на себя командование им, а затем и всем флотом (по решению Матросской комиссии — исполнительным органом Севастопольского совета). Было арестовано и доставлено на корабль более 150 монархически настроенных офицеров. 13 судов (включая «Пантелеймон», бывший «Потёмкин»), помимо «Очакова», подняли красные флаги. Шмидт на миноносце «Свирепый» обошёл эскадру. Матросы запирались в трюмы, офицеры поносили Шмидта. Большая часть эскадры не поддержала восставших. Революционные суда оказались к тому же практически безоружными — замки с пушек «Очакова» по распоряжению Чухнина были сняты неделю назад.

Далее события развивались так. В полдень 15 ноября Чухнин и прибывший в Севастополь по приказу Николая II генерал А. Н. Меллер-Закомельский¹²⁴ (получит широкую известность в следующем году как один из самых жёстких карателей) передал восставшим ультиматум о сдаче. Ответ был: «Никогда!». Шмидт пытался подтянуть к «Очакову» транспорт «Буг» с запасом снарядов и взрывчатки, надеясь, что это не позволит противнику открыть огонь из-за опасения потерь и разрушений в городе. Однако бывший сокурсник и даже приятель Шмидта по Морскому училищу, старший офицер канонерской лодки «Тереп» М. М. Ставраки потопил катер, ведущий «Буг». После чего эскадра и береговые батареи обрушили огонь на непокорных¹²⁵.

В тот же день началась (и шла до утра 16 ноября) бомбардировка флотских казарм. После того, как казармы вынуждены были сдаться, офицеры арестовали 1611 человек. Шмидт бежал с «Очакова» на миноносце № 270, перодевшись кочегаром, но был схвачен.

Очевидцем севастопольских событий стал писатель А. И. Куприн, корреспондировавший в петербургскую «Нашу Жизнь»: «Мне приходилось в моей жизни видеть ужасные, потрясающие, отвратительные события. (...) Но никогда, вероятно, до самой смерти, не забуду я этой чёрной воды и этого громадного пылающего здания, этого последнего слова техники, осуждённого вместе с сотнями человеческих жизней на смерть сумасбродной волей одного человека (Чухнина. — *Авт.*). (...)»

На Графской пристани... стояли матросы, сборная команда с «Ростислава», «Трёх святителей», «12 Апостолов» — надёжный сброд. На просьбу дать ялики для спасения людей, которым грозили огонь и вода, они отвечали гнусными ругательствами; начали стрелять. Им заранее приказано было прекратить всякую попытку к спасению бунтовщиков. (...)»

А крейсер беззвучно горел, бросая кровавые пятна на чёрную воду. Больше криков уже не было, хотя мы ещё видели людей на носу и на башне. Тут в толпе многое узналось. О том, что в начале пожара предлагали «Очакову» шлюпки, но что матросы отказались. О том, что по катеру с ранеными, отвалившему от «Очакова», стреляли картечью. Что бросавшихся вплавь

расстреливали пулемётами. Что людей, карабкавшихся на берег, солдаты приканчивали штыками. Последнему я не верю: солдаты были слишком потрясены, чтобы сделать и эту подлость»¹²⁶. (Впоследствии Куприн признался, что значительно «приукрасил» севастьяпольские события¹²⁷).

В докладе Меллер-Закомельского Николаю II сообщалось: только 15 ноября со стороны бунтовщиков убито 95 человек, из них 15 сгорело заживо на «Очакове»¹²⁸.

Никаких жестокостей, бесчинств и расправ со стороны восставших источники не фиксируют. Другая сторона, как видно из приводимых материалов, вела себя иначе¹²⁹. Ничто из происшедшего не было забыто и дало свои кошмарные плоды в 1917 и последующих годах: воистину прав был Ленин, именуя революцию 1905–1907 годов «генеральной репетицией» будущих событий.

И. П. Вороницын, охарактеризованный в обвинительном акте военно-морского суда 24 мая 1906 года как «главный руководитель мятежа»¹³⁰, принимал в событиях самое деятельное участие, руководил разоружением офицеров, агитировал на кораблях, в солдатских полках, вместе со Шмидтом пытался организовать сопротивление и был захвачен на вступившем в бой с эскадрой контрминоносце «Свирепом». На суде Вороницын заявил: «Я не желаю и не нахожу возможным давать показания по своему делу, потому что следственную комиссию военного ведомства я не считаю достаточно компетентной для производства обо мне дела»¹³¹. Был осуждён на каторжные работы.

Мужественно вели себя и другие члены Севастопольского совета. Так, Г. Л. Канторович был арестован в казармах флотской дивизии переодетым в матросскую форму. И. А. Генкин участвовал в бою вместе с матросами, а в тюрьме убеждал арестованных не давать показаний.

18 февраля 1906 года П. П. Шмидт и активные участники восстания, матросы крейсера «Очаков» С. П. Частник, Н. Г. Антоненко, А. И. Гладков, были приговорены к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 6 марта на острове Березань. (Первоначально предполагалась казнь через повешение, но не смогли найти палача, поскольку некоторые из них в Севастополе были убиты). Расстрел участников восстания осуществляла команда канонерской лодки «Терек» под началом того же М. М. Ставраки, злого гения Шмидта¹³².

С разгромом восстания 15 ноября прекратил своё существование и Севастопольский совет.

Имеются отрывочные данные о попытках организации советов в годы революции 1905–1907 годов и в других городах Крыма. Газета «Южный Курьер» кратко сообщала 23 декабря 1905 года: «В Симферополе на днях учреждён Совет рабочих депутатов. Проводятся выборы депутатов»¹³³. По некоторым данным, 20 декабря был создан Феодосийский совет рабочих депутатов, инициаторами этого стали местные социал-демократы, а в выборах наиболее активно участвовали портовые рабочие. Совет просуще-

ствовал только два дня, после чего был разогнан полицией с арестом почти всего состава¹³⁴. Попытки самостоятельных политических решений предпринимала в 1905 году и Керченская городская дума. Однако сложившаяся система власти смогла устоять.

В 1906 году революционное движение пошло на убыль. Тем не менее, нелегальная деятельность партий продолжалась. 25 марта в Севастополе вышел первый номер подпольной большевистской газеты «Солдат» — органа Севастопольского военного комитета РСДРП. Её выпускали любыми способами: так, 23 мая боевики захватили типографию газеты «Крымский Вестник» и под угрозой оружием отпечатали 3 тысячи экземпляров. Подобным же образом шестой номер «Солдата» выпустили в симферопольской типографии Ф. Ф. Шнейдера (всего вышло 13 номеров крамольной газеты).

На втором году революции был совершён ряд террористических актов (вероятнее всего, эсерами). По подозрению в покушении на коменданта Севастопольской крепости генерал-лейтенанта В. С. Неплюева в Севастополе, в результате которого было убито и покалечено много случайных прохожих, был арестован некто подпоручик запаса Субботин, оказавшийся видным деятелем ПСР Б. В. Савинковым¹³⁵, прибывшим в апреле 1906 года в город с целью организации убийства вице-адмирала Чухнина. В ожидании суда и смертного приговора Савинков содержался на гауптвахте в крепости, откуда в ночь с 15 на 16 июля бежал при помощи охранника, члена Симферопольского комитета ПСР, вольноопределяющегося 57-го Литовского полка Василия Сулятицкого, через Чёрное море в Румынию. Сулятицкий сумел вывести Савинкова с гауптвахты, переодев его солдатом¹³⁶.

В июне 1906 года в Севастополе провалилась попытка очередного вооружённого восстания. Одним из организаторов его подготовки был В. А. Антонов-Овсенко¹³⁷, специально для этой цели присланный в Крым Центральным Комитетом РСДРП. (После событий 1905 года Черноморский флот постоянно пребывал в фокусе внимания революционных партий). Дальнейшее — в опубликованной биографии. «... Был арестован на улице, когда пробирался из оцепленного полицией и патрулём дома, где происходило собрание представителей от воинских частей. Отстреливался безрезультатно. Просидел год в тюрьме и, как неизвестный, именующий себя Кабановым, был приговорён к смертной казни, через 8 дней заменённой 20-летней каторгой. Ещё через месяц, в июне 1907 г., накануне отправки на каторгу из Севастополя, бежал вместе с 20-ю другими с прогулки, посредством взрыва стены и обстрела надзирателей и часового. Побег организовал т. Константин, больш[евик], приехавш[ий] из Москвы»¹³⁸.

Впечатляет известная лёгкость, с какой Савинкову и Антонову-Овсенко удалось бежать из заключения. Халатность и безответственность властей выступает здесь весьма выпукло.

Крым не избежал стихийного крестьянского движения (захват помещичьих земель, разгром имений, порубка лесов и пр.), охватившего Евпато-

рийский, Симферопольский, Феодосийский и Ялтинский уезды, причём последний был даже объявлен 26 октября 1906 года на положении чрезвычайной охраны. Крестьяне предпринимают и первые попытки организоваться: в 1906 году они собираются на тайные сходки для обсуждения наказов в Государственную думу, дискутируют о возможности передачи всей земли трудящимся на ней без выкупа¹³⁹.

В Ялте тем временем свирепствовал «главноначальствующий Ялты и уезда» (с конца 1906 года) И. А. Думбадзе¹⁴⁰. Его самодурство, не раз бывшее предметом обсуждения в Государственной думе, стало нарицательным, так что упоминание о Думбадзе мы можем обнаружить даже в «Двенадцати стульях» Ильи Ильфа (И. А. Файнзильберг) и Евгения Петрова (Е. П. Катаев).

Итак, выпуск подпольной литературы, теракты, попытки поднять восстание — последние судороги революции. Несмотря на приближающуюся реакцию, усиливающиеся преследования и внутренний кризис революционных партий, их разложение, немногочисленные политические организации продолжают действовать. Малоизвестна деятельность в Таврической губернии эсеров-максималистов — крайне радикального фланга революционного движения¹⁴¹. В 1907 году существование максималистов было отмечено полицией в Севастополе. А в 1909-м раскрыта «Южно-русская организация эсеров-максималистов» в Симферополе, имевшая свой устав и документы, излагавшие основы их тактики. Построенная на «коммунальных началах», без руководства (согласно уставу, «каждый член имеет одинаковое значение»), «Южно-русская организация» пыталась вести агитационно-пропагандистскую работу и с этой целью намеревалась обзавестись собственной типографией. Однако главным её делом были боевые выступления. Террор как метод агитации и, одновременно, средство утешения правительства, указывалось в тактическом документе организации, «принимается в самой сильной форме и во всех видах»¹⁴². После проведения нескольких мелких «эксов» (экспроприаций — ограблений с целью получить деньги «на нужды революции») «Южно-русская организация» была арестована, а семь её членов осуждены военно-окружным судом.

Объединённые после IV съезда РСДРП (1906) социал-демократические организации продолжали вести пропаганду, в том числе и среди военных. В матросской среде оттачивает мастерство агитатора Н. И. Островская¹⁴³, которой придётся сыграть значительную роль в событиях 1917–1918 годов в Севастополе. За вторую половину 1907 года вышло два номера газеты «Рабочий» четыре номера газеты «Солдат» (Севастопольского комитета РСДРП). Керченские СД весной 1909 года сумели устроить свою типографию.

Однако вскоре сколько-нибудь заметная деятельность социал-демократов в Крыму перестает проследиваться. В 1908 году прекратили существование Севастопольский и Симферопольский комитеты РСДРП, к 1910-м — Керченский. Теперь СД вели работу только в одиночку или мелкими группами в глубоком подполье. В частности, Д. И. Ульянов¹⁴⁴, благодаря разъез-

дной службе, поддерживал контакты с местными социал-демократами, занимался пропагандой, распространял большевистскую газету «Правда». На даче писателя (тоже врача) В. В. Вересаева в Коктебеле Ульянов встречался с радикальной интеллигенцией. В 1913 году социал-демократический кружок составили сотрудники газеты «Южные Ведомости», в который среди прочих входил корректор П. С. Бобровский¹⁴⁵, в будущем министр второго Крымского краевого правительства.

Едва заметное оживление забастовочного движения и антиправительственных выступлений наблюдается с 1910 года. В 1912 году матросы боевых кораблей «Пантелеймон», «Евстафий», «Ростислав», «Иоанн Златоуст», «Память Меркурия» и «Кагул» готовили восстание на Черноморском флоте. Планы эти стали известны властям, и более 500 матросов были арестованы, а наиболее активные среди них — казнены.

Всего за период с 1910-го по июнь 1914 года в Крыму прошло восемь забастовок, из них только одна — политическая (Керчь, 1914).

Крымские власти чувствовали себя достаточно уверенно, что благопритствовало местным реакционерам. 17 сентября 1913 года в деревне Харджибие Феодосийского уезда ими был убит поэт У. Ш. Тохтаргазы¹⁴⁶.

И без того ослабленные ростки оппозиционности ещё более чахнут с началом Первой мировой войны. Таврический губернатор, подобно прочим, получает телеграмму министра внутренних дел Н. А. Маклакова, требующую «использовать немедленно все средства и способы для поддержания полного спокойствия в среде обывателей вверенной Вам губернии». Власть обязана «пресекать слухи», «следить за настроением населения и за деятельностью злонамеренных лиц, сеющих в его среде ложные и возбуждающие слухи», и лиц этих «надобно лишать свободы и подвергать строжайшим карам», а также необходимо «пресекать в зародыше все аграрные и погромные движения, нарушающие общественный порядок». При этом допускается превышать полномочия, ибо «существуют чрезвычайные для России обстоятельства»¹⁴⁷. А из Одессы в Симферополь летит телеграмма главноначальствующего Одесского военного округа и генерал-губернатора, генерала от инфантерии М. И. Эбелова: «Августейший главнокомандующий (великий князь Николай Николаевич¹⁴⁸. — *Авт.*) повелел подавлять всякие народные беспорядки быстро и решительно в самом их начале, для чего войскам предписано самое энергичное содействие гражданской власти»¹⁴⁹. И сразу же Таврический губернатор Н. Н. Лавриновский издаёт соответствующее распоряжение по вверенной ему территории.

С началом войны крымскотатарское и немецкое население Крыма¹⁵⁰ попало в сложное положение, ибо Германия и единоверческая татарам Турция, где к тому же проживала масса выходцев из Крыма, оказались противниками России. «При поддержке Турции и участии турецких агентов сторонники панисламизма вели работу в Крыму... в годы первой мировой войны. Они собирали средства на укрепление турецкого флота, призывали

соплеменников бойкотировать мобилизацию в российскую армию. В Севастополе татарские агитаторы убеждали раненых в военном госпитале в бесполезности войны. Имели место случаи членовредительства среди крымскотатарских новобранцев»¹⁵¹. В то же время крымскотатарские части сражались на фронте; Сейдамет и Челебиев вернулись на родину и провели военные годы в действующей армии.

Многие немецкие колонисты были охвачены антироссийскими настроениями, кто-то стремился переправить свои капиталы в Германию, кто-то — уехать из России, некоторые или шпионили сами или помогали засылаемым агентам. Разумеется, часть крымских немцев отождествляла себя с приютившей их некогда Россией и вела себя так, как и следует вести лояльному гражданину воюющей страны. Так, крымские немцы пожертвовали для больных и раненых российских воинов 12 тысяч рублей¹⁵². Но шовинистическая кампания в русской печати, переросшая в репрессии проживающих в России немцев, ударила по многим, не обязательно враждебно настроенным, немецким семьям.

Согласно законам от 2 февраля и 13 декабря 1915 года¹⁵³, началась ликвидация немецкого землевладения и землепользования. Колонисты стали распродавать землю по низким ценам. К февралю 1917 года ими была продана 63 081 десятина¹⁵⁴. Иные участки крестьяне захватывали самовольно. В июле-августе 1914 года, по императорскому указу, развернулась высылка немцев и австрийцев в завожские губернии. Высылались германские подданные, затем — мужчины призывного возраста (от 18-ти до 45-ти лет). Некоторые, наиболее состоятельные поселенцы, связанные коммерческими интересами с лицами иных национальностей, например, с банкирским домом братьев Крым, надеялись избежать неприятностей. Однако власти, поддерживаемые радикально настроенными местными жителями, требовавшими высылки с полуострова всех немцев, были настроены жёстко. Не помогло и заступничество влиятельного С. С. Крыма. За немцами, оставшимися в Крыму, был установлен постоянный полицейский, жандармский и даже церковный надзор. Подобные действия властей не могли не вызвать соответствующей реакции колонистов, получивших ранее от государства значительные привилегии, сказаться на развитии сельского хозяйства, поскольку в подавляющем большинстве они использовали прогрессивные методы земледелия и животноводства¹⁵⁵.

Отрицательное воздействие политики в отношении колонистов на экономику губернии было очевидным, но критика её не позволялась и тут же пресекалась. Так, досталось автору либерального «Крымского Вестника» А. А. Ярошко, который подписывался «Ал. Яр-ко» и «Точка». 26 мая 1916 года он публикует фельетон о положении в сельском хозяйстве, констатируя: «Особенно удручающую картину представляли собою в мае эти громадные нивы, покрытые бурьяном в Перекопском уезде, где преобладает немецкое население... Поражает ничтожное количество скота, пасущее-

гося на этих пустырях», поскольку основное количество скота немцы уже распродали. При этом местная полиция вдруг под подписку запрещает колонистам проводить сев, которые, заподозрив неладное, тут же начинают избавляться от своего имущества, а затем, прозрев, потребовала оный сев немедленно начать. «Получилось нечто, совершенно уже опереточное. То — не смей сеять никоим образом, под угрозой наказания, то вдруг обязательно сей, во что бы то ни стало, опять-таки под угрозой наказания...», — иронизирует журналист. На следующий день неугомонный Ярошко вновь издевается над властью предержажими. На сей раз его ирония касается исполнения губернатором рекомендации принца А. П. Ольденбургского выделять местным властям по всей России свободные и пустующие земли населению под огороды за минимальную плату: «Да, действительно, как это всё своевременно... Во второй половине мая начинают высаживать огороды в окрестностях Петрограда... Позабыли только, что климат у нас немного другой, лежим мы чуть южнее... Вёрст, этак, тысячки на две...». Таврический губернатор, свиты Его Величества генерал-майор Н. А. Княжевич жалуется на фельетониста генералу М. И. Эбелову и просит о выселении его из губернии, поскольку «дальнейшее оставление Ярошко в пределах вверенной мне губернии в настоящее время войны я считаю крайне вредным и даже опасным, ибо такая деятельность Ярошко равносильна государственной измене (! — *Авт.*)». Эбелов требует автора фельетонов арестовать и заключить в тюрьму для высылки в отдалённую местность. После длительных розысков 24 июня ничего не подозревающего журналиста арестовали в Киеве, посадили, а затем разрешили выехать за свой счёт в избранную им для жительства местность под надзор полиции. Таковой он избрал Орёл. Любопытно, что ещё 6 февраля 1916 года губернатор Княжевич обратился в Главное управление Генерального штаба с просьбой направить в Таврическую губернию 21 тысячу военнопленных для участия в сельскохозяйственных работах, так как в связи с мобилизацией в армию значительного числа работников-мужчин «огромная посевная площадь, особенно частновладельческих земель, остаётся не обсеменённой, и населению может угрожать голод». А что же случилось с Ярошко? Уже после свержения самодержавия 6 марта 1917 года всё тот же Эбелов «в виду новых обстоятельств» признал необходимым отменить постановление о его высылке и 10 марта разрешает проживание ему на территории Одесского военного округа. Ярошко из Орла жаловался Таврическому губернскому комиссару Временного правительства Я. Т. Харченко на действия губернатора, желая привлечь «ныне увядшего великолепного князя Тавриды» к ответственности за беззаконие, но чем завершилось сие дело нам установить не удалось¹⁵⁶.

Мировая бойня непосредственно затронула Крым не сразу.

Начало войны застало в Средиземном море, где подавляющее превосходство имели силы Антанты, два германских корабля — линейный крей-

сер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» под командованием контр-адмирала В. Сушона¹⁵⁷. Они сумели прорваться в турецкие территориальные воды. Турция, пока ещё нейтральная держава, объявила, что покупает эти боевые суда за символическую сумму в тысячу германских марок. Первый был переименован в «Явуз Султан Селим», второй — в «Мидиллие», но их немецкие команды сохранялись, а Сушон стал командовать германо-турецким флотом. За короткое время он переподчинил наиболее боеспособные корабли и форты Турции на Босфоре и Дарданеллах немецким адмиралам и офицерам. Целью Сушона было втянуть Турцию в войну с Россией, что вполне устраивало военного министра Энвер-пашу¹⁵⁸.

На рассвете 16 октября 1914 года «Гебен», который сопровождали два миноносца, подверг орудийному обстрелу Севастополь. В основном выпущенные снаряды обрушились на Корабельную сторону: были поражены угольные склады и железнодорожное полотно, два из них попали в береговые батареи, один — в госпиталь. Здесь имелись человеческие жертвы. Орудия крепостной артиллерии и броненосца «Георгий Победоносец» открыли ответную стрельбу «Гебен» получил три прямых попадания, был повреждён один из его котлов. Отпор вынудил крейсер ретироваться. В районе Херсонесского моряка он был обнаружен тремя русскими миноносцами, вышедшими прикрывать минный заградитель «Прут», двигавшийся в Севастополь с грузом мин. Несмотря на явное превосходство «Гебена», было решено атаковать неприятеля. Однако уже четвертым залпом накрыт головной корабль «Лейтенант Пушин». На судне начался сильный пожар, оно потеряло управление, убито семь, ранено одиннадцать членов экипажа. Это вынудило другие миноносцы оказаться от атаки. Чтобы не достаться врагу, команда «Прута», подвергшегося обстрелу, открыла кингстоны. Часть ее вместе с командиром Г. А. Быковым, капитаном 2-го ранга, попала в плен. В то же утро «Гебен» захватил российский пароход «Ида», шедший из Мариуполя, после чего с трофеем отправился восвояси.

Ранее турецкие миноносцы обстреливали военные и гражданские суда в гавани Одессы. Погибла капонерская лодка «Донец», повреждены другие корабли. После этого турецкий минный заградитель «Самсун» выставил 28 мин на линии Одесса-Севастополь. «Бреслау» занимался тем же у Керчи, где сразу подорвались пароходы «Ялта» и «Казбек», а затем направился к Новороссийску, там его поджидал турецкий минный крейсер «Берк». Начался обстрел города, вызвавший пожары и разрушения.

Такие разбойничьи действия не могли остаться без последствий. 20 октября Россия объявила войну Турции.

С созданием Кавказского фронта Черноморский флот осуществлял перевозку войск, нарушал морские коммуникации противника вдоль побережья Анатолии, выставлял минные заграждения, обстреливал Зонгулдак, откуда вывозился уголь, и Трапезунд. Неприятельские корабли обстреливали российские порты и нападали на русские пароходы.

5 ноября русская эскадра, возвращавшаяся в Севастополь, неожиданно в тумане в районе мыса Сарыч встретила с «Гебеном» и «Бреслау». Бой длился всего 11 минут. Обе стороны понесли потери. Пользуясь превосходством в скорости, вражеские корабли оторвались от преследования. 13 декабря «Гебен» подорвался на русских минах у Босфора и вынужден был стать на ремонт. Это тщательно скрывали. Крейсер даже иногда выводили в море, видимо, с временными пластырями на пробоинах. 24 января 1915 года он обстреливал незащищенную Ялту, вызвав пожар на пароходе и двух парусниках в порту.

Осуществление союзниками Дарданелльской операции поставило русское командование перед необходимостью разработки плана высадки десанта у Босфора. В 1915 году Черноморский флот получил значительное пополнение. Вступили в строй линкоры «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая». В состав флота вошли также пять новейших эсминцев, шесть подводных лодок и первый в мире подводный заградитель «Краб», авиатранспорты «Николай I» и «Александр I» с гидросамолетами на борту. Это позволило добиться существенного превосходства над турецким флотом, который, в свою очередь, был усилен пятью немецкими подводными лодками.

До конца не отремонтированный «Гебен» и «Бреслау» продолжали досажать русскому командованию своими рейдами. 5 марта «Бреслау» обстрелял окрестности Феодосии, но скрылся от обнаруживших его русских крейсеров, используя преимущество в скорости.

15 марта корабли Черноморского флота с использованием гидроавиации нанесли удар по укреплениям Босфора. Затем последовали их новые обстрелы. Попытки использовать орудия «Гебена» успеха не возымели. 27 апреля неприятельский крейсер оказался под огнём пяти черноморских линкоров и получил серьёзные повреждения, ни один из его снарядов не достиг цели. «Гебен» был выведен в Мраморное море и вновь поставлен на ремонт в порту Стения под защитой шести рядов старых судов. В начале июля при входе в Босфор на mine, установленной «Крабом», подорвался «Бреслау». Несколько его котлов были выведены из строя, команда понесла потери. Также на mine близ Одессы подорвался и крейсер «Меджидие». Поднятый со дна он был отремонтирован и включен в состав Черноморского флота под названием «Прут». Серьёзной угрозой для турецких кораблей стали действия русских подводников.

30 сентября на стороне Германии, Австро-Венгрии и Турции в войну вступила Болгария, предоставив немцам свои порты Варну и Бургас. В Евксинограде была создана база германских подлодок. Корабли Черноморского флота начали боевые действия у берегов Болгарии. До конца года они совершили сюда три похода, обстреливали Варну и Евксиноград.

26 декабря эсминцы «Пронзительный» и «Пылкий» обнаружили у Босфора «Гебен», вышедший для сопровождения транспорта, и навели на него

находящийся в прикрытии линкор «Императрица Екатерина Великая», который в течение получаса обстреливал неприятельский крейсер, однако, и на этот раз, неуловимый «Гебен», хотя и получил ряд повреждений, сумел уйти в пролив под защиту турецких батарей.

С начала 1916 года корабли русского флота поддерживали наступление Кавказского флота, перебрасывали сюда войска. Продолжали наноситься удары по Зонгулдаку. Противник попытался активизировать свои действия на море. Вновь использовались быстроходные «Гебен» и «Бреслау». Так, 24 апреля «Бреслау» произвел варварский налет на мирную Евпаторию. Подняв русский флаг, он подошел к городу, где не было никаких военных объектов, и открыл огонь. Имели место попадания снарядов в здания гимназии и земского училища.

20 июня «Гебен» и «Бреслау» вновь отправились в рейд. Предупрежденное своей агентурой русское командование имело реальные возможности перехватить их и уничтожить, устроив засаду у Босфора. Однако из-за нерешительных действий командующего Черноморским флотом адмирала А. А. Эбергарда¹⁵⁹ это не было сделано.

После неудачи с перехватом вражеских кораблей Эбергарда, прозванного севастопольцами «Гебенгардом», сместили. Новым командующим флотом решено поставить вице-адмирала А. В. Колчака¹⁶⁰. 28 июня 1916 года он получил назначение на Чёрное море, а 8 июля принял флот от Эбергарда и поднял свой флаг на линкоре «Императрица Мария».

Новому командующему предстояло полностью блокировать выход турецких кораблей из Босфора для обеспечения безопасности приморского фланга войск Кавказского фронта. Утром 9 июля с целью перехватить «Бреслау», направившегося к Кавказскому побережью, из Севастополя вышли «Императрица Мария», крейсер «Кагул» (бывший «Очаков») и пять эсминцев. Первым в перестрелку с неприятельским крейсером вступил эсминец «Счастливый», к нему присоединились крейсер и линкор. Вот залп «Императрицы Марии» накрыл «Бреслау», тот, ставя дымовую завесу, стал уходить зигзагами, сбрасывая за борт мины. Вскоре, в прямом смысле, пускать дым в глаза русским морякам стало нечем и судьба крейсера, казалось, вот-вот будет решена, но тому удалось оторваться от линкора. Продолжили погоню эсминцы, рассчитывая на ночную атаку. Однако «Бреслау» вновь несказанно повезло — вечером внезапно ухудшилась погода, начался дождь. Пользуясь плохой видимостью, он вновь сумел ускользнуть.

Особое внимание новый командующий уделил миноносному делу, будучи в данном вопросе опытным профессионалом. В течение июля-декабря 1916 года Черноморский флот выставил более 2,2 тыс. мин у вражеских побережий. Был заблокирован Босфор. Колчак писал морскому министру 8 августа: «Делу этому в Чёрном море, видимо, не придавали серьёзного значения... 10 дней тренировки и переборки мин наладили это дело, и но-

выми миноносцами была выполнена задача постановки заграждения в непосредственной близости Босфорских укреплений»¹⁶¹. Здесь подорвались на минах шесть подлодок противника. Впрочем, с появлением Колчака на черноморском театре военных действий мало что изменилось.

Активно действовали русские подводники. В феврале-июне 1916 года только одна подводная лодка «Тюлень» под командованием старшего лейтенанта М. А. Кितिцына¹⁶² потопила полтора десятка судов противника, захватила одну шхуну, доставив ее в Севастополь. Во второй половине 1916 года она совершила шесть боевых походов, потопив три парусника и пароход. 28 сентября экипаж подлодки атаковал и захватил турецкий военный транспорт «Родосто» (водоизмещением 6 000 тонн), орудия которого обслуживали германские моряки с «Бреслау».

Действия русских моряков почти полностью парализовали доставку угля в столицу Турции. Для «Гебена», «Бреслау» и турецких кораблей не хватало топлива. Практически запертым оказался выход из Босфора.

14 августа в войну на стороне Антанты вступила Румыния. Корабли Черноморского флота стали действовать на Дунае, прибыли в Констанцу. Но румынская армия вскоре потерпела поражение. 12 октября русские корабли оставили Констанцу, превращенную немцами в ещё одну базу своих подводных лодок. Кроме того, неприятелю достались огромные запасы нефтепродуктов. Для поддержки неудачливого союзника русским командованием был создан Румынский фронт.

В течение 1916 года противник потерял три миноносца, три канонерские лодки, четыре подлодки, шесть транспортов, 16 пароходов и буксиров, 865 парусных судов. Потери несли и русские моряки. Погибли эсминцы «Лейтенант Пущин» и «Живучий», тральщик, два госпитальных судна, потопленных немецкими подводниками, три парохода, более двадцати парусных судов¹⁶³.

7 октября 1916 года в 6 часов 20 минут линкор «Императрица Мария», что стоял на Севастопольском рейде, потряс мощный взрыв, за которым последовало более двадцати малых. Спустя час корабль перевернулся и затонул. Погибли 225 матросов, 85 были тяжело ранены. «Императрица Мария» и однотипный линкор «Императрица Екатерина Великая» (после февраля 1917 года — «Свободная Россия») нейтрализовали действия «Гебена» и «Бреслау». Ответом стала акция агентурной группы В. Э. Вермана, со времён революции 1905–1907 годов окопавшейся на судостроительных заводах Николаева. Диверсия, проведённая «благодаря» исключительной халатности ответственных лиц, была одной из самых громких и успешных для Германии в годы Первой мировой войны. Истина станет известной узкому кругу лиц только в декабре 1933 года, после ареста Вермана ГПУ¹⁶⁴.

Война заметно ухудшила экономическое положение Крыма. Цены росли¹⁶⁵. Вскоре после начала боевых действий Крым стал заполняться

беженцами из западных губерний; сюда же устремились армяне из Турции, спасаясь от резни. Обстановка обострялась, усиливались антивоенные настроения. В Керчи (июнь 1915 года) и в Симферополе (июнь 1916 года) прошли выступления военнослужащих. В марте 1916 начали стачку рабочие-строители Севастополя, сумев добиться удовлетворения своих требований. Не раз бастовали рабочие симферопольского завода А. А. Анатра. Экономические требования всё чаще сопровождались политическими. В целом же стачки в Крыму носили стихийный, неорганизованный характер.

В условиях затянувшейся войны со всеми её последствиями, роста всеобщего недовольства, оживления общественного движения активизировались социал-демократы, эсеры, национальные организации, либералы. Никакого серьёзного, оформленного политического движения мы, однако, в Крыму к 1917 году не видим.

Обратимся к внешним факторам, сыгравшим столь заметную роль в последующих событиях.

Геополитическое положение Крыма можно, с одной стороны, охарактеризовать как ключевое, с другой, обусловленной первой, как permanently взрывоопасное для его населения. С незапамятных времён полуостров служил перекрёстком этнических, военных, торговых, культурных, а большей частью — смешанных людских потоков, мостом от Великой степи, Восточноевропейской равнины и, далее, балтийских пределов — к Чёрному и Средиземному морям, Балканам, Ближнему и Среднему Востоку, Африке, от Кавказа и арабского мира — к Европе. Здесь, вопреки Дж. Р. Киплингу, в невообразимых сочетаниях сходились Восток и Запад, Север и Юг, уживались, перемежая вооружённые схватки мирными временами, порой частично или полностью ассимилируясь, порой консервируя собственные традиции и относясь с терпимостью к иным, множество этносов и их осколков, сосуществовали язычество, христианство, ислам, иудаизм во всех разновидностях.

В начале XX века Крым, с 1783 года — составная часть Российской империи, сохранил своё вынужденное амплуа геополитически сверхзначимого образования. Он был магнитом, полем притяжения ближних и дальних соседей. В полусамостоятельной к тому времени Турции ещё не забыли времена вассалитета Крымского ханства. В Германии усилиями так называемых пангерманистов приобретала очертания идея покровительственного союза с исламом, подкреплённая концессиями в Турции и строительством Багдадской железнодорожной магистрали как противовеса британскому влиянию. В стране зрели планы завоевания жизненного пространства на Востоке («Дранг нах Остен») путём, в частности, поощрения сепаратизма и национализма в Российской империи и её расчленения. Германские амбиции находили понимание у идеологов пробуждавшегося украинского национализма.

Противостоящая Четверному блоку (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) Антанта, в которую входили, прежде всего, Англия, Франция и Россия, отнюдь не была монолитом. Цели стран Согласия — Франции, главной вдохновительницы грядущей интервенции, Англии и прочих — сходились, расходились и менялись в зависимости от внутренней и внешней конъюнктуры. Случались и ставки на сепаратистов. Показательна позиция правительства США, не признавших независимости Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, Азербайджана и других, отложившихся от России в годы Гражданской войны формаций. «Мы не хотим, чтобы Россия, беспомощная и находящаяся в руках правительства, составленного без участия представителей народа, была бы ослаблена ещё больше **политикой расчленения**, принятой в интересах других стран, но никак не России» (нота правительству Италии 11 (10) августа 1920 года)¹⁶⁶.

Что касается России, то статус великой морской державы, балканские интересы и контакты, притягательность Босфора и Дарданелл и ностальгия по православному Константинополю были бы беспочвенными без прочного владения Крымом. С началом же революционного разлома Черноморский флот становится самостоятельным и, к сожалению, деструктивным фактором и для России в целом и для Крыма в частности.

В Крыму таким образом причудливо переплелись процессы модернизации в оболочке культурно-хозяйственного преобразования полуострова и пласты докапиталистических, традиционных форм, отношений и связей. Урбанизация не изменила аграрного характера экономики. Масса населения, прежде всего разбросанного по множеству горных деревенок крымскотатарского, продолжала существовать в патриархальном измерении. Полиэтничность полуострова воспринималась современниками не более как приморская романтика. Национальные конфликты были пока спокойными, однако, таили в себе не улавливаемые извне флюиды вероятных, разжигаемых — дай им волю — политиками и подстёгиваемых давними счётами конфликтов. Социальные противоречия, конечно, наличествовали, но самозамкнутость населённых пунктов, преобладание ремесленных мастерских и мелких предприятий над крупными, политическая девственность населения (при несомненном «сцеживании» нуждавшихся в европеизации жизни и максимальной информированности страт) сглаживали их. Радикальные взгляды не находили прочной и широкой опоры: крымские жители en masse предпочитали стабильность и устойчивость экспериментам и потрясениям. Уровень жизни, сравнительно с другими провинциями, благодаря природно-климатическим условиям был приемлемым. Да и военных действий на своей территории Крым XX ещё не знал. *Внутренней почвы для вооружённого противостояния здесь не существовало.*

Однако грянул Февраль. Крым, как и вся страна, оказался на пороге больших и грозных перемен.

¹ За помощь, оказанную в подготовке данного раздела, авторы выражают благодарность кандидату исторических наук Е. Н. Шурановой (г. Кемерово).

² Россия. Энциклопедический словарь / Начатый проф. И. Е. Андреевским продолжается под редакцией К. К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф. Ф. Петрушевского. — Л., 1991. — С. 107–110 (Репр.)

³ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1957. — Ч. II. (Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.)). — С. 7–8.

⁴ *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Изд. 21-е. — СПб., 1911. — С. 21. При цитировании сохраняются стилистика, грамматика и орфография источников.

⁵ Крым. Путеводитель. — Симферополь, 1914. — С. 364.

⁶ *Москвич Г.* Указ. соч. — С. 19.

⁷ Крым. Путеводитель. — С. 284; *Усов С. А.* Историко-экономические очерки Крыма: Прошлое и настоящее крымского сельского хозяйства. — Симферополь, 1925. — С. 14, 16.

⁸ **Деникин Антон Иванович** (1872–1947). Родился в деревне Шпеталь Дольный Варшавской губернии. Сын майора, выходца из крепостных. Окончил Ловичское реальное училище (1890), Киевское пехотное юнкерское училище (1892), Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Участник русско-японской войны 1904–1905 годов, Первой мировой войны. С 1914 года генерал-майор, с 1915 — генерал-лейтенант (за взятие контратакой «железной» дивизии под его командованием Луцка во время отступления русской армии). После Февральской революции помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Принципиальный противник «углубления» революции. Кредо: «Берегите офицеров!», «Изъять политику из армии». В мае 1917 года назначен главнокомандующий армиями Западного фронта. Сторонник введения военно-революционных судов и смертной казни за воинские преступления. С августа главком Юго-Западного фронта. Поддержал мятеж генерала Л. Г. Корнилова, был арестован, заключен в Быховскую тюрьму; бежал из неё в ноябре. Участвовал в формировании Добровольческой армии, с апреля 1918 года её командующий. С декабря того же года по 4 апреля 1919 года командующий Вооружёнными силами Юга России (ВСЮР). После их разгрома — эмигрант. Жил в Англии, Бельгии, Венгрии, во Франции, с 1945 года в США. Издал объёмные мемуары с анализом событий «Очерки русской смуты» (Париж, 1921–1926). Выступал с поддержкой Красной Армии в борьбе с гитлеровской Германией, лелея надежду, что русские воины после разгрома нацизма свергнут и большевизм. Скончался в Энн-Эрборе, штат Мичиган, США. «Он надеялся творить новую Россию в период, когда ещё не закончился процесс разрушения России старой, и потерпел неудачу. В этом глубокая драма самого Деникина и всех тех, кто верил в его дело. (...) И тогда, когда наступит время созидания, когда из обломков революции возникнет новая русская держава, тогда вспомнят Деникина. Не генерала Деникина — вождя добровольческой армии, не верховного правителя, а Антона Ивановича Деникина, истинного гражданина и патриота, который беззаветно служил своей родине так, как подсказывала ему его совесть» (В. О. Драма патриота // Юг (Севастополь). — 1920. — 27 марта). (*Миллер В. И., Объед-*

ков И. В., Юрченко В. В. Деникин Антон Иванович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. — М., 1993. — С. 98–99; Шмелёв И. Памяти «Непреклонного» // Новый Град. — Симферополь, 1997. С. 72–75; Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). — М., 1997. — С. 82–85; Валков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — СПб. — М., 2003. — С. 158; и др.).

Рутыч (Рутченко) Николай Николаевич. Родился в 1916 году в Кишенёве. Окончил исторический факультет Ленинградского университета (1939). Соавтор (вместе с М. Тубянским) работы «Тюренн как полководец» (1940). В августе 1941 года младшим лейтенантом Красной Армии попал в немецкий плен. За связь с Народно-трудовым союзом был арестован гестапо и с января 1944 года находился в гестаповской тюрьме в Берлине и концлагерях Заксенхаузен, Флоссенбург, Дахау, откуда бежал в конце войны. После мая 1945 года скрывался в лагерях для «перемещённых лиц» под Римом. Входил в руководство НТС. В 1960-е годы работал политическим обозревателем на радиостанции «Свобода». В 1960 году опубликовал книгу «КПСС у власти», переведённую на многие языки. Автор многочисленных статей в «Посеве», «Русской мысли» и других эмигрантских изданиях. С конца 1940-х годов сотрудничал в журнале «Грани». В 1981–1983 годах, будучи фактически соредактором «Граней», осуществил публикацию многих исторических документов и материалов: бумаг М. В. Алексеева, писем А. И. Деникина, воспоминаний Н. В. Савича, М. И. Изергина и др. Один из членов-учредителей «Общества ревнителей русской истории» в Париже и главный редактор его изданий. Специализируется на истории России начала XX века и периода Гражданской войны. Передаёт собранные исторические источники в Библиотеку-фонд «Русское Зарубежье». Живёт в Аньере под Парижем (*Рутыч Н. Указ. соч. и др.*).

⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май–октябрь 1918. — Минск, 2002. — С. 66.

¹⁰ Южные Ведомости (Симферополь). — 1917. — 6 июля.

¹¹ Даты до 1 февраля 1918 года указаны по старому стилю.

¹² **Усов Сергей Александрович** (1867–1927). Родился в г. Трубчевске Орловской губернии. Окончил Константиновское военное училище. Значительную часть жизни прожил в Симферополе. До 1916 года был журналистом, редактором, затем и владельцем газеты «Южные Ведомости». В сентябре 1916-го назначен особым уполномоченным Московского военно-промышленного комитета на Северном фронте. В этой должности состоял до ликвидации фронта (начало 1918 года). В том же году избран гласным Симферопольской городской думы и членом городской управы. В октябре 1919 года, после кончины симферопольского городского головы В. В. Иванова, занял место последнего. 16 ноября 1920 года был арестован чекистами. Руководитель Особого отдела Реввоенсовета 6-й армии потребовал для «городского головы с одной стороны», «противника социализма по своему социальному положению с другой», «с третьей стороны... буржуазного писателя» «высшей меры наказания — расстрела» (Цит. по: Филимонов С. Б. Тайны судебносудебных дел. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. — Симферополь, 2000. — С. 90). К счастью для арестованного уполномоченный по информации того же Особого отдела В. Коптев, придерживался иного мнения. Опираясь на показания коммунистов Е. Р. Богатурьянца (Багатурьянца) и П. И. Новицкого,

Коптев констатировал в заключении следующее. Первое: занимая видные посты в администрации Симферополя, «...Усов находился в бесперывной оппозиции к белой власти, как по характеру его работы в городском самоуправлении, так и по характеру своих выступлений в защиту гонимых коммунистов. Последняя его деятельность настолько широка и многообразна, что не только он сам, но и свидетели затруднялись припомнить большую часть случаев, когда вообще преследуемые белой властью и коммунисты в частности не получили бы, благодаря Усову, либо совершенного освобождения, либо смягчения участи» (далее приводятся многочисленные факты правозащитной деятельности Усова). Не подтвердилось и обвинение в причастности Усова к деятельности контрреволюционного Национального центра. Что касается вопроса о враждебном отношении к социализму, то арестованный отвечал с полной откровенностью: «...Считает, что весь ход мировых событий переживаемого времени говорит за то, что при данных условиях коммунальное устройство общества не может быть осуществлено. Тем не менее, он признаёт, что человечество стремится к коллективным формам жизни, т.е. к коммуне, и что поэтому коммунизм как идея вполне правилен. Вот почему он полагает, что его отрицательное отношение к устройству в данное время коммунистических основ жизни не мешает признать Советскую власть и считать себя обязанным честно выполнять всё то, что на него этой властью возложено» (Там же. — С. 91–94). Свидетель Богатурьянц (которую Усов по существу спас от расстрела добровольцами в 1919 году): «...Если Усову будет предоставлена возможность поступить на службу к Советской власти, то он принесёт много пользы по хозяйственному устройству Крыма...» Свидетель Новицкий: «...Принимал живейшее участие в продовольствовании красных войск. ...Готов честно служить Советской власти... *Самый порядочный и правдивый из всех либеральных деятелей Крыма*» (курсив наш. — Авт.). Свидетель Е. В. Выставкина-Галлоп: «...Усов был единственным (! — Авт.) человеком, который возражал против нападков на Советскую власть и доказывал, что на основании отдельных эксцессов нельзя строить обвинения против учения, которое по существу своему несомненно является идеальным». Отношение Правления союза рабочих городского самоуправления: «Усов во время прежней власти неоднократно освобождал рабочих от смерти или заключения по приговорам военно-полевого суда...» Коптев: «...Человек редкой нравственной чистоты...» Ходатайствует о немедленном освобождении Усова, что и было сделано. В дальнейшем Усов занимался научной, педагогической, публицистической и хозяйственной деятельностью (в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ), Обществе по изучению Крыма, Крымском пединституте, Крымском исследовательском институте, Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы, Крымплане, Крымстатуправлении, местной печати). Памяти Усова был посвящён № 1 (5) за 1928 год журнала «Крым». Здесь помещена его последняя статья «Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края». Архив Усова исчез. В том числе и его неопубликованные работы: «История земельного вопроса в Севастополе», «История коммерческого порта в Севастополе», «История сельского хозяйства в Крыму с конца XVIII века по 1924 год». (Филимонов С. Б. Указ. соч. — С. 90–97; Центральный музей Тавриды. Отдел фондов. — Архив ТОИАЭ. — КП-24584. — Л. 70; Крым (Симферополь). — 1928. — № 1(5)).

Новицкий Павел Иванович (1888–1971). Родился в Тельшевском уезде Ковенской губернии в семье мирового судьи. Учился на историко-филологическом отделении Петербургского университета, откуда был исключён в 1911-м году за

революционную деятельность, однако сдал экзамены экстерном. Закончил словесное и историческое отделения Курского пединститута. С 1913 года преподаватель русской литературы в реальном училище Симферополя. Член РСДРП с 1904 года (вначале большевик, с 1911 года меньшевик). Провёл более года в тюрьме, три года в ссылке. С 1913 года преподавал в Симферопольском ремесленном училище. В 1917 году социал-демократ (интернационалист), фактический лидер крымских работника и талантливого общественного деятеля с самостоятельной (подчёркнуто нами. — *Авт.*) и стойкой политической позицией» (биографическая справка о Новицком как кандидате в депутаты Всероссийского Учредительного собрания от крымской организации РСДРП). Председатель Симферопольского совета, Таврического ЦИК советов, комитета Симферопольской организации РСДРП, товарищ председателя Крымского союза РСДРП. Член Совета народных представителей (1917–1918). В период КССР (1919) член коллегии Наркомпроса. Преследовался при большевиках (во времена Республики Тавриды вынужден был покинуть Крым), привлекался к суду Краевым правительством М. А. Сулькевича, в начале августа 1919 года был арестован контрразведкой белых, выпущен и вновь арестован. После освобождения, с февраля 1920 года, член РКП(б). Работал в подпольном Крымревкоме, после Гражданской войны в Наркомпросе Крымской АССР, заведовал отделом народного образования. Первый редактор газеты «Красный Крым», затем — на преподавательской работе. Во время чистки 1934–1935 годов исключён из ВКП(б). Критик, театровед (Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 275. — Оп. 1. — Д. 34. — Л. 103–104; Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). — Ф. П-1. — Оп. 2. — Д. 2915; Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 36. — Л. 25; Д. 40. — Л. 97; Д. 41. — Л. 132; Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского /Ред. колл.: Н. В. Багров, В. Н. Бержанский, В. В. Лавров. — К., — 2007. — С. 100).

¹³ **Надинский Павел Наумович** (1894–1961). Родился в Уфе. Окончил приходскую школу при чаеразвесочной фабрике. Участник Первой мировой войны. Член РСДРП(б) с 1917 года. В 1921 году командирован на курсы при Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. На партийной работе в Московской области, Дальневосточном крайкоме. В 1929–1931 годах обучался на курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). В январе 1931 года направлен на партийную работу в Крым: заведующий орготделом обкома ВКП(б), секретарь обкома (по транспорту и связи), в 1934 году секретарь Симферопольского горкома ВКП(б). Делегат XVII съезда ВКП(б). В 1935–1936 годах перешёл на инвалидность в связи с ампутацией обеих ног. В годы Великой Отечественной войны ампутированы обе руки. Смог писать, благодаря протезу. С 1937 года занимался исследовательской работой. Научный сотрудник Крымского филиала АН СССР (1948–1960), кандидат исторических наук без защиты диссертации (1951). Написанные им материалы отличаются крайней тенденциозностью в духе своего времени. Умер в Симферополе. Основные работы: «Страницы из жизни крымского комсомола» (1938), «Суворов в Крыму. Исторический очерк» (1947), «Л. Н. Толстой в Крыму» (1948), «Очерки истории Крыма» (ч. I, 1951; ч. II, 1957). (Фонд П. Н. Надинского в ГААРК). С 1978 года одна из улиц Симферополя носит его имя.

¹⁴ «Под вакуфом следует понимать своеобразное пожертвование, совершаемое собственником имущества (движимого или недвижимого) из религиозных побуж-

дений в пользу какого-либо богоугодного или благотворительного учреждения (мечети, школы, неимущих. — *Авт.*)». (ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 19. — Л. 52об.). Обусловлено мусульманским правом — шариатом.

¹⁵ Там же. — Л. 54.

¹⁶ Крым. Путеводитель. — С. 304.

¹⁷ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1951. — Ч. I. — С. 197–198.

¹⁸ Там же. — С. 198.

¹⁹ **Кривошеин Александр Васильевич** (1857–1921). Родился в Варшаве. Внук крестьянина, сын подполковника. Мать из обедневшего польского дворянского рода. Окончил Варшавскую классическую гимназию, юридический факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата прав. Начал службу юристом-консультантом Северо-Донецкой железной дороги, принадлежавшей известному предпринимателю и меценату С. И. Мамонтову. С 1884 года служил в ведомстве Министерства юстиции, был командирован в Московский архив. В 1885 году уволен от службы по домашним обстоятельствам. С 1887 года служил в Земском отделе Министерства внутренних дел. В 1888 году находился в командировке на Дальний Восток для изучения нужд крестьян, переселившихся в Южно-Уссурийский край, министром внутренних дел Д. А. Толстым назначен комиссаром по крестьянским делам Ленчицкого уезда Калишской губернии в Польше. С 1892 года делопроизводитель Земского отдела МВД. С 1896-го товарищ начальника, с 1902-го исполняющий дела начальника, с 1904 года начальник Переселенческого управления МВД, сторонник сохранения крестьянской общины. Затем ближайший сотрудник П. А. Столыпина. В 1905–1906 годах товарищ главноуправляющего, в 1908–1915-м главноуправляющий землеустройством и земледелием, в 1906–1908-м товарищ министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками. В 1906 году стал членом Государственного совета, правый. Гофмейстер (1909), статс-секретарь (1910). В 1914 году отказался от предложения Николая II возглавить правительство, предложив вместо себя кандидатуру И. Л. Горемыкина. В 1914–1915 годах руководил экономической политикой правительства. Стал инициатором проведения «Нового курса», который заключался в стимулировании экономического роста, активном развитии промышленности и сельского хозяйства, увеличении масшгабов железнодорожного строительства, отказе от формирования доходной части бюджета за счёт продажи водки. С августа 1915 года в качестве Главноуправляющего возглавлял Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. В конфликте внутри правительства между Горемыкиным и большинством членов кабинета во главе с Кривошеиным Николай II поддержал первого. В результате в октябре 1915 Кривошеин был уволен от должности Главноуправляющего. Вскоре после отставки стал главноуполномоченным Российского общества Красного Креста. В 1917 году входил в состав главного комитета Всероссийского союза земельных собственников. Был одним из директоров мануфактуры «Савва Морозов, сын и Ко». После октябрьского переворота — один из руководителей Правого центра в Москве. В 1918 году бежал в Киев, где организовал монархический Совет государственного объединения России. С 1919 года председатель этой организации. Участник белого движения. Во Франции ему была предложена должность председателя совета в одном из русских банков, имевших капиталы в этой стране. С июня

1920 года помощник Главнокомандующего Русской армией и Правителя Юга России П. Н. Врангеля, возглавил его правительство. Вдохновитель аграрной реформы. Эмигрировал в Великобританию. Жил в Париже, затем в Берлине, где и умер (*Кривошеин К. А.* Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. — М., 1993; *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской Империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. — СПб., 2001. — С. 330–333).

²⁰ **Врангель Пётр Николаевич** (1878–1929). Барон. Родился в Ростове-на-Дону, в семье потомственного дворянина, директора страхового общества. «...Род Врангелей прослеживается в истории Дании, Швеции, Германии, Испании с XII века. Он дал 30 генералов и два адмирала. Только на поле Полтавской битвы осталось 22 представителя рода, который, помимо военных, славен историками, искусствоведами...» (*Навроцкий В. В.* Малоизвестный Елпатьевский (С. Я. Елпатьевский, А. П. Чехов, баронесса Врангель, В. И. Ленин, сёстры Цветаевы и... М. А. Булгаков // Крымский музей. 1995–1996 гг. — 1996. — С. 65). Из этого рода вышел знаменитый мореплаватель и путешественник Ф. П. Врангель, именем которого назван остров в Чукотском море. Сам П. Н. Врангель в интервью французской газете «Матэн» подчёркивал: «Говорят, что я немец. В моих жилах не течёт ни одной капли немецкой крови. Мои предки были шведами; ветвь, к которой я принадлежу, обрусела при Петре Великом. Семь офицеров по фамилии Врангель сражались под Полтавой в русских войсках» (Крымский Вестник (Севастополь). — 1920. — 16(29) октября). Окончил Ростовское реальное училище, Горный институт в Петербурге (1901). Избрал, тем не менее, военную службу, начав её вольноопределяющимся. Участник русско-японской войны 1904–1905 годов, Первой мировой войны. В 1910 году окончил Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба, в 1912-м — Офицерскую кавалерийскую школу. Первую мировую прошёл от ротмистра до генерал-майора (январь 1917 года). В конце 1917-го — 1918 году проживал в Крыму, арестовывался большевиками, чудом остался в живых. С августа 1918 года в Добровольческой армии. Генерал-лейтенант (1918). Командовал бригадой 1-й Конной дивизии, 1-й Конной дивизией, 1-м Конным корпусом, Добровольческой и Кавказской армиями. С 4 апреля 1920 года Главнокомандующий ВСЮР, с мая — Русской армией. Правитель Юга России. С ноября 1920 года в эмиграции. В 1924 году создал и возглавил Русский Обще-войсковой Союз (РОВС). Автор мемуаров. Останки П. Н. Врангеля перезахоронены в 1929 году в русском храме Святой Троицы в Белграде. (*Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.) — М., 1992. — Части I и II; *Росс Н. Г.* Врангель в Крыму. — Франкфурт-на-Майне, 1982. — С. 22–31; Крестный путь Русской армии генерала Врангеля (из семейного архива Апраксиных-Котляревских). — Рыбинск, 1996. — С. 169–173; *Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 68–73; и др.).

²¹ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Ч. I. — С. 198.

²² Там же.

²³ *Волошинов Л. И.* Октябрь в Крыму и Северной Таврии. — Симферополь, 1960. — С. 9–10. Согласно подсчётам В. И. Королёва, в 1917 году в губернии насчитывалось 642 предприятия с числом рабочих 35 382 человека, а всего в промышленности было занято 160 156 работников. (*Королёв В. И.* Рабочее и профессиональное движение в Крыму и Северной Таврии от Февральской революции до установления Советской власти. Канд. дисс. — Симферополь, 1990. — С. 218–222).

²⁴ Подсчитано по: *Безчинский А.* Путеводитель по Крыму. — М., 1901. — С. 72; Крым. Путеводитель. — С. 284, 285, 364, 383, 454, 609, 633.

²⁵ *Москвич Г.* Указ. соч. — С. 29.

²⁶ **Месакусуди (Мейсисоксуди) Константин Иванович** (1836–1908). Грек. Получил домашнее образование. В 1867 году основал табачное производство, превратившееся к концу XIX века в крупнейшую табачную фабрику с особой организацией труда, продукция которой завоевала всероссийскую известность. Владел рядом домов в Керчи, а также обширными земельными угодьями в Таврической губернии (около 5 тыс. десятин в 1908 году). Являлся вкладчиком российских и иностранных банков. Купец 1-й гильдии. Гласный Керчь-Еникальской городской думы (1872–1905). Почётный попечитель Керченской мужской Александровской гимназии, директор попечительного о тюрьмах комитета (с 1880 года). Староста Иоанна-Предтеченской церкви (1883–1887). С 1887 года церковный староста при церкви Александровской гимназии. С 1894 года почётный член керченского городского попечительства детских приютов. Потомственный почётный гражданин Керчи (1892). (*Н. Б. (Быковская Н. В.) Месакусуди (Мейсисоксуди) Константин Иванович // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. — Симферополь, 2000. — С. 203.*)

²⁷ *Москвич Г.* Указ. соч. — С. 80–81.

²⁸ Там же. — С. 89–90.

²⁹ Там же. — С. 80–81. «Прежней наивной и бедной Ялты узнать нельзя. Кавалькады кавалеров и amazонок, экипажи с модной публикой снуют на каждом шагу. Оркестры музыки гремят в трёх местах чуть не каждый вечер. Откуда ни возьмись явились магазины, склады, всевозможные мастера... Все дома и домишки забиты до чердаков», — писал авторитетный крымовед. И — оборотная сторона: «На улицах пыль, во дворах вонь, в домах сырость и грязь. Простодушный татарин — в Ялте уже цивилизованный эксплуататор и плут. Всюду строят, всюду ломают, за всё дерут». (*Марков Е.* Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. Изд. 3-е. — СПб.-М., 1902. — С. 354).

³⁰ *Москвич Г.* Указ. соч. — С. 161.

³¹ Там же. — С. 175.

³² Крым. Путеводитель. — С. 382–383.

³³ Там же. — С. 633.

³⁴ *Ривкин А.* Вымирание мусульман в Симферополе и городское санитарное попечительство // По Крыму. — Симферополь, [б. г.]. — Сб. 2. — С. 73–81.

³⁵ *Зарубин В. Г.* Греки в истории Крыма. Годы революции и гражданской войны // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. — С. 54.

³⁶ Евреи в Крыму. Краткий очерк иудейских общин Крыма. — Симферополь, 1999. — С. 26–28.

³⁷ Там же. — С. 28.

³⁸ Крым. Путеводитель. — С. 366. Назрел вопрос об открытии в городе университета. Его инициировал и «проталкивал» видный крымский коммерсант и политик С. С. Крым. Чрезвычайное губернское земское собрание в 20-х числах мая 1917 года принимает резолюцию: «Признать открытие высшего учебного заведения в Крыму неотложной государственной необходимостью...» Ходатайствовать о передаче университету бывшего имения князя Л. С. Голицына («Новый Свет») и заповедника «Аскания-Нова». (Южные Ведомости (Симферополь). — 1917. — 30 мая).

³⁹ Крым. Путеводитель. — С. 415. В 1921 году грамотных в Крыму было 31,9% (Усов С. А. Указ. соч. — С. 27). Сравним с данными на 1920 год: в Европейской части России — 330 на тысячу, в Европейской России плюс Северный Кавказ и Западная Сибирь — 319. (См. Ленин В. И. Странички из дневника // Полн. собр. соч. — М., 1975. — Т. 45. — С. 363).

⁴⁰ Крым. Путеводитель. — С. 297.

⁴¹ Там же. — С. 293–296.

⁴² **Гаспринский (Гаспралы) Исмаил-бей (Мурза)** (1851–1914). Родился в селе Аджигой (Авджигой) (с. Охотничье Бахчисарайского района, ныне не существует). Отец — Мустафа-ага, выпускник военного училища, удостоенный в 1853 году чина поручика и дворянского звания. Учился Гаспринский вначале в мектебе, потом в Симферопольской мужской гимназии, в Воронежском военном училище, затем во 2-й Московской военной гимназии, но своё военное образование прервал, вернувшись в Крым. Преподавал в Зинджирлы-медресе (Бахчисарай), критикуя традиционные методы образования. В 1871 году уехал в Константинополь, затем в Париж. Здесь началась его публицистическая деятельность: готовил корреспонденции для русских газет. В 1875 году через Алжир, Тунис, Египет, Грецию направляется в Турцию. По возвращению в Крым в 1877 году избирается городским головой Бахчисарая. Создатель и редактор первой тюркоязычной газеты в России «Терджиман — Переводчик» / «Еңги Терджиман» («Новый Переводчик»), первый номер которой вышел в Бахчисарае 10 апреля 1883 года (издавалась до 1918 года). Член Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК) со дня её основания. Публицист и писатель. Отстаивал необходимость просвещения крымских татар, сторонник объединения тюркских народов России, славяно-тюркского единства. Издатель других газет, книг, учебников для крымских татар. Разработал и воплотил в жизнь новую методику преподавания ряда предметов в национальных школах. Его известность распространяется далеко за пределы Крыма. Похоронен в Бахчисарае у Зинджирлы-медресе (*Климович Л.* На службе просвещения // *Звезда Востока* (Ташкент). — 1987. — № 8. — С. 173–179; *Османов Ю.* Его называли дедушкой тюркской нации // *Союз* (Москва). — 1991. — № 13; *Османов Ю.* Исмаил-бей Гаспринский и социалистические доктрины. // *Ленинец* (Симферополь). — 1991. — 30 марта; *Османов Ю.* Славяно-восточные отношения в представлении Исмаила Гаспринского // *Арекет* (Симферополь). — 1993. — 15 мая; *Червонная С. М.* Идея национального согласия в сочинениях Исмаила Гаспринского // *Отечественная история* (Москва). — 1992. — № 12. — С. 24–42; *Ганкевич В. Ю.* На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). — Симферополь, 2000; Исмаил Гаспринский — великий просветитель / Сост. Ф. Зиядинов. — Симферополь, 2001).

⁴³ *Гаспринский Исмаил-бей.* Русское мусульманство // *Дружба народов* (Москва). — 1991. — № 12. — С. 219–220.

⁴⁴ См. подробнее: *Ганкевич В. Ю.* Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в XIX — начале XX века). — Симферополь, 1997. — С. 124–132.

⁴⁵ **Бертье-Делагард Александр Львович** (1842–1920) Родился в Севастополе в семье потомственного военного. Его прадед был военным врачом в небольшом городке на юге Франции, дед закончил морской инженерный корпус, служил в армии, но с падением королевской власти эмигрировал сначала в Нидерланды, а

затем в Россию, где участвовал в южных походах русских, а с 1809 года стал начальником крепостной артиллерии Севастополя. Отец служил на Черноморском флоте, мать была сестрой севастопольского морского офицера. А. Л. Бертье-Делагард закончил сухопутный кадетский корпус и Военно-инженерную академию (1864). Начал службу в Херсоне, а в 1874 года получил назначение в родной город, где строил оборонительные и иные сооружения, судостроительное адмиралтейство, планировал и устраивал Приморский и Исторический бульвары, прокладывал улицы и создавал площади. В 1887 году в чине генерал-майора инженерных войск вышел в отставку. Переезжает на жительство в Ялту (сам проектирует свой дом, построенный известным архитектором Н. П. Красновым и сохранившийся до настоящего времени), всё больше внимания уделяя истории Крыма, при этом занимаясь проектированием и строительством Одесского, Ялтинского, Феодосийского и Ростовского портов, водопроводов в Ялте и Алуште, железной дороги на Феодосию. Вскоре он целиком посвящает себя научной деятельности. Автор около тридцати больших и малых работ исторического направления, значительная часть которых не потеряла своего значения до наших дней. Исключительно ценны его исследования, посвящённые военной и гражданской архитектуре средневековой Таврики, «пещерным городам», проблемам нумизматики. Он участвует в археологических раскопках, сам организует и финансирует их, собирает богатейшую библиотеку, уникальную коллекцию монет, составляет богатые собрания археологических материалов и предметов крымскотатарской старины. Заслуги Бертье-Делагарда высоко ценили современники. Он являлся вице-президентом Одесского общества истории и древностей, членом Московского археологического общества, Крымского горного клуба (с 1889 года — председатель). Умер в Ялте, похоронен в Севастополе. (Ляхович А. А., Шорин Л. А., Веникеев Е. В., Шавишин В. Г. У карты Севастополя: Справочник. — Симферополь, 1982. — С. 28; Гурьянова Н. М., Гурьянов Н. А. Памятники Ялты: Справочник. — Симферополь, 1982. — С. 75; Косарева А. А. Бертье-Делагард Александр Львович // Севастополь. Энциклопедический справочник / Редактор-составитель: М. П. Апопанская. — Севастополь, 2000. — С. 81–82).

⁴⁶ **Булгаков Сергей Николаевич** (1871–1944). Родился в г. Ливны Орловской губернии, в семье священника. Получил патриархальное семейное воспитание. Учился в духовном училище, Орловской духовной семинарии (оставил), Елецкой гимназии (где преподавал В. В. Розанов), окончил юридический факультет Московского университета (1894). Приват-доцент, профессор политэкономии (Киев, 1901–1906; Москва, 1906–1918). «Беззащитный пред ядами интеллигентщины» (автобиография «Моё безбожие»; цит. по: Акулинин В. Н. С. Н. Булгаков. Вехи жизни и творчества // С. Н. Булгаков. Христианский социализм. — Новосибирск, 1991. — С. 7), Булгаков выступает в печати первоначально как т. н. легальный марксист, однако очень быстро (1898–1899) разочаровывается в марксизме. В первые годы XX столетия обращается к религии, становится «христианским социалистом», исходя из идеи В. С. Соловьёва о «положительном всеединстве». Автор статей в известных сборниках «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). С 1903 года участник либерального Союза Освобождения, затем — маргинального Союза христианской политики. Сотрудничал в журналах «Освобождение», «Вопросы Жизни», «Вопросы Философии и Психологии», «Русская Свобода» и др. Как внепартийный «христианский социалист» становится депутатом II Государственной думы. После поражения революции 1905–1907 годов

взгляды Булгакова эволюционируют в сторону консерватизма, даже некоего синтеза христианства и язычества. Благодаря тому обстоятельству, что родители его жены владели имением в Кореизе, Булгаков оказался тесно связан с Крымом. События 1917 года пережил тяжело. С 1918 года проживал в Крыму. В июне 1918-го принял сан священника, служил в церквях Кореиза, Симферополя, Гаспри и Ялты. Принимает активное участие в деятельности Общества философских, исторических и социальных наук при Таврическом университете, там же преподаёт (ординарный профессор с октября 1919 года), ведёт также занятия в Симферопольской духовной семинарии, читает публичные лекции, отстаивает необходимость монархии и главенства православной церкви в России, остро полемизирует с либералами-республиканцами и «просвещенцами». В этот период Булгаков — националист, если не черносотенец. Действительный член ТУАК. После установления коммунистической власти в Крыму (1920) Булгаков «по причине священства» исключается из числа профессоров Таврического университета, а до этого отчисляется с кафедр Московского университета и Коммерческого института. С августа 1921 года второй священник Александро-Невского собора в Ялте. В октябре 1922 года, по указанию из Москвы, был арестован. Никаких контрреволюционных бумаг или действий о. Булгакова Крымполитуправлением зафиксировано не было. По получению телеграммы, подписанной начальником следственно-оперативного управления ГПУ В. Р. Менжинским о том, чтобы «профессора Булгакова после ареста выслать за границу бессрочно» (Цит. по: *Филимонов С. Б.* Тайны судебно-следственных дел. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. — С. 20), было принято постановление уполномоченного секретного отделения следственно-оперативной части КПУ Малли. Согласно этому постановлению Булгаков был обвинён «в политической неблагонадёжности, конкретно выразившейся в активной учёной работе против рабочего движения при царском правительстве» (! — *Авт.*) и приговорён к «бессрочной высылке из территории РСФСР» (Цит. по: Там же. — С. 22). 27 декабря на пароходе «Жан», следовавшим из Ялты в Константинополь (Стамбул), Булгаков навсегда покидает Россию. 30 декабря он записывает в дневник: «Россия, как ты погибла? как ты сделалась жертвой дьяволов, твоих же собственных детей? Что с тобой? Никогда не было загадки загадочнее, непонятнее. Загадку эту дал Бог, а разгадывает дьявол, обрадовавшийся временной и кажущейся власти» (о. *Сергий Булгаков*. Из «Дневника» // Новый Град. — Симферополь, 1997. — С. 98). Прожив некоторое время в Праге, обосновался в Париже. Профессор догматики и декан Свято-Сергиевского Православного Богословского института. В 1935-м году митрополит Сергей объявил взгляды Булгакова гностической ересью. С. Н. Булгаков хотел быть похороненным в Крыму. (*Булгаков С. Н.* Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. — Орёл, 1998; *Акулинин В. Н.* С. Н. Булгаков. Вехи жизни и творчества. — С. 5–24; *Филимонов С. Б., Омельчук Д. В.* «Выслать за границу бессрочно...» (По материалам следственного дела С. Н. Булгакова // Крымский музей. 1995–1996 гг. (Симферополь). — 1996. — С. 84–86; *Филимонов С. Б.* Тайны судебно-следственных дел. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. — С. 15–27. [Библиография]; С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь / Сост. М. Васильева, А. Козырев. — М., 2003; и др.). 16 ноября 1995 года в день, когда в 1920 году в Крыму завершились военные действия, по инициативе и на средства редакции журнала «Крымский контекст» (Симферополь)

на фасаде Духовной семинарии в Симферополе, где С. Н. Булгаков преподавал в 1919–1920 годах (ныне ул. Героев Аджимушка, 7, резиденция Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря, памятник культурного наследия) торжественно открыта памятная доска с текстом, повествующем об этом.

⁴⁷ **Маркевич Арсений Иванович** (1855–1942) Родился в Брест-Литовске в семье русского священника. Окончив филологический факультет Варшавского университета, где серьёзно занимался наукой, он начинает педагогическую деятельность. В 1883 году принимает предложение переехать в Симферополь. Здесь почти три десятилетия преподавал в мужской и женской гимназиях русский язык и словесность. В 1911 году назначен директором симферопольского детского приюта им. графини А. М. Адлерберг. В Крыму развернулась его краеведческая и общественная деятельность. Маркевич был одним из основателей ТУАК (в 1923–1931 годах. — Таврическое общество истории, археологии и этнографии), её первым библиотекарем, активно печатался в издаваемых ею с 1887 года «Известиях» (в 1891–1920 годах их редактор). В 1894 году фактически возглавил ТУАК. В 1907 году в результате переутомления перенёс кровоизлияние в глаз, после чего ему пришлось сократить, а затем и временно оставить педагогическую деятельность, сосредоточившись на работе в ТУАК, официально став её председателем с 1908 года. Действительный статский советник. Дважды избирался в гласные Симферопольской городской думы, добивался расширения городских школ и библиотек. По его предложению ряд улиц Симферополя получил названия в честь русских писателей и учёных: Гоголевская, Тургеневская, Аксаковская, Менделеевская и др. Неоднократно поднимал в городской думе вопрос о сооружении в Симферополе памятника А. С. Пушкину. Один из инициаторов создания Таврического университета (1918). Сыграл огромную роль в сохранении памятников древности. Активный участник организации Центрального архива Крыма (1919), ныне Государственный архива в АР Крым, Центрального музея Тавриды (1921). С 1927 года член-корреспондент Академии Наук СССР. Автор более 100 работ по истории Крыма, среди которых «Тау́гиса. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще» (1894, 1898, 1902), «Таврическая губерния во время Крымской войны» (1905), «К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества» (1910), «К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов» (1912), «Симферополь, его исторические судьбы, старина и недавнее прошлое» (1924), «Материалы к легенде историко-археологической карты Крыма» (1936, рукопись) и др. Несмотря на резкое ухудшение здоровья в начале 1930-х годов, продолжал работать. Наноловину слепой он принял за продолжение «Опыта указателя сочинений о Кры́ме», пополнял картотеку по кримоведению, насчитывающую более 21 000 карточек. После смерти жены летом 1941 года переехал к дочери в Ленинград, где скончался во время блокады. Именем А. И. Маркевича названа улица в Симферополе. (*Кошлякова Е. А.* (дочь А. И. Маркевича. — *Авт.*) Памяти А. И. Маркевича // *Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР* (Симферополь). — 1961. — Вып. 7. — С. 233–238; *Непомянутый А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения.* — Симферополь, 2005). В 2005 году на здании бывшего детского приюта графини им. А. М. Адлерберг в Симферополе (ныне Крымский этнографический музей по ул. Пушкина, 18) Республиканским комитетом по охране культурного наследия АР Крым

установлена мемориальная доска, извещающая о работе здесь А. И. Маркевича с 1911-го по 1921 год.

⁴⁸ Подробнее см.: *Филимонов С. Б.* Таврическая учёная архивная комиссия в годы Революции и Гражданской войны // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление. Материалы. Крым, Ялта. 10–18 ноября 1995. — Симферополь, 1995. — С. 99–101; *Филимонов С. Б.* Таврическая учёная архивная комиссия в 1917–1920-е годы // Крымский архив (Симферополь). — 1996. — № 2. — С. 75–82; *Филимонов С. Б.* Хранители исторической памяти Крыма. О наследии Таврической учёной архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). — Симферополь, 2004; *Гарагуля В. К.* С тревогой и надеждой (Таврическая учёная архивная комиссия в период гражданской войны // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь). — 1995. — № 11. — С. 26–33).

Сулькевич Мацей (Матвей) Александрович (Сулейман Сулькевич) (1865–1920). Сын полковника гусарского полка, из знатного рода литовских татар, потомственных дворян Виленской губернии. Получил военное образование в Воронежском (Михайловском) кадетском корпусе, Михайловском артиллерийском училище и Николаевской академии Генерального штаба (1894). С 1883 года в армии. Генерал-майор (1910), генерал-лейтенант (1915). Участник китайского похода 1900–1901 годов, русско-японской войны 1904–1905 годов, Первой мировой войны. Службу в Русской армии завершил в начале 1918 года на посту командующего 1-м Мусульманским корпусом. С июня по ноябрь 1918 года премьер-министр и одновременно министр внутренних, военных и морских дел в Крымском Краевом правительстве (первом). Сторонник крымской государственности. Член ТУАК с 1912 года. Предлагал увековечить в Крыму память русских воинов, отражавших турецкий десант в 1774 году, а также М. И. Кутузова. Издал два тома распоряжений и записок. После падения своего правительства в Крыму, с конца 1918 года, начальник генштаба армии Азербайджана. Один из инициаторов мира, подписанного между Азербайджаном и Грузией в июне 1919 года, и состояния войны с Добровольческой армией. Организатор репрессий русских офицеров в Азербайджане и вообще гонений на всё русское. По его распоряжениям был закрыт русский университет в Баку, националистическая газета «Единая Россия» и большевистская «Набат». Печать Крыма давала весьма нелестные оценки деятельности Сулькевича в Закавказье. («...Крымский премьер лишний раз подчеркнул свою крайнюю готовность работать с кем и как угодно, ради расчленения России» (Подвиги генерала Сулькевича // Южные Ведомости. — 1919. — 9(22) июля). «Природа одарила этого генерала душою не только при рождении. Продолжает дарить и по рождении. Сначала дала душу литовскую. Потом русскую. Потом обменяла её на немецкую. Потом на турецкую. Теперь генерал Сулькевич щеголяет при новой душе, азербайджанской. Не генерал, а наглядная иллюстрация к переселению душ». (Девине. Пегий генерал // Там же. — 17(30) июля). Расстрелян большевиками в бакинской тюрьме. (Сулькевич М. А. О комплектовании крепостной артиллерии офицерами. Журнал «Разведчик» 1900 г. // «Military Крым». (Симферополь). — 2005. — № 1. — С. 55–56; *Мальгин А. В.* Внешняя политика Крымского краевого правительства генерала Сулькевича // Крымский музей. 1994. — 1995. — № 1. — С. 56–66; *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Крымское краевое правительство М. А. Сулькевича и его политика // Отечественная история (Москва). — 1995. — № 3. — С. 135–

149; *Залесский К. А.* Кто был кто в Первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. — М., 2003. — С. 576–577; *Зарубин В. Г., Надикта В. М.* Под командой Сулькевича и Шнейдера // Историческое наследие Крыма (Симферополь). — 2005. — № 10. — С. 109–111; и др.).

Крым Соломон Самуилович (Самойлович) (1867–1936). Родился в известной караимской семье землевладельца и предпринимателя Самуила Абрамовича Крыма, городского головы с 1863-го по 1869 год. Окончил Феодосийскую гимназию, учился на юридическом факультете Московского университета, перешёл в Петрово-Разумовскую сельскохозяйственную академию, избрал профессию агронома. Его садово-виноградное хозяйство в Феодосийском уезде справедливо считалось образцовым. Участник различных сельскохозяйственных обществ, почётный мировой судья Феодосии, член Феодосийской городской думы, гласный Феодосийского уездного и Таврического губернского земских собраний, делегат съездов земских и городских деятелей в Москве, душеприказчик художника И. К. Айвазовского. Занимался благотворительной деятельностью. Состоял в партии конституционных демократов, председатель её Феодосийского комитета. Личный дворянин и надворный советник, избирался от Таврической губернии депутатом I и IV Государственных Дум (в I Думе входил во фракцию партии Народной свободы, в IV Думе примыкал к прогрессистам), являлся членом последнего состава Государственного совета от Таврического земства. С. С. Крым играл заметную роль в караимской общине Феодосии, участвовал в работе первого Всероссийского национального караимского съезда в Евпатории (1–9 ноября 1910 года). В 1912 году его кандидатура была предложена на должность Таврического и Одесского караимского гахама. Член ТУАК (с 1912 года), Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Автор ряда работ на темы сельского хозяйства, воспоминаний об основателе Карадагской биостанции Т. И. Вяземском, драматической хроники «Шагин-Гирей хан». Один из инициаторов создания в Крыму высшего учебного заведения, впоследствии постоянный член и председатель Попечительского совета Таврического университета, вносил собственные средства для его становления. После Февральской революции комиссар Министерства земледелия России (управляющий бывшими удельными (национальными) имениями) в Крыму. В ноябре 1918-го — апреле 1919 года председатель второго Крымского Краевого правительства и одновременно министр земледелия и краевых имуществ. Эмигрант. Во Франции с формальной целью окончил народную школу и высшую сельскохозяйственную школу в Монпелье, учился в лицеях Тулузы и Бордо, работал на русской зоологической станции имени профессора А. А. Коротнева в Виллафранже (Вильфранж-сюр-мер), участвовал в издании «Русского альманаха» (Париж). Также являлся членом правления Крымского землячества в Париже со дня его основания (29 мая 1922 года), Им было основано Караимское общество во Франции (16 декабря 1923 года). До отъезда из столицы С. С. Крым возглавлял его в качестве председателя, затем был почётным председателем. Председатель Союза (Общества) русских агрономов в Париже (с октября 1926 года). Для изучения сельского хозяйства посетил Палестину, в качестве эксперта — Великобританию. Входил в число русских масонов. По причине болезни ему пришлось покинуть Париж и переехать в район Тулона (Маронье Комб), где последние два года жизни жил в собственном имении «Крым». За заслуги по садоводству на юге Франции получил звание «шевалье дю мериж агриколь». Работал в институте Пастера. Именем Со-

ломона Крыма названа улица в крымскотатарском микрорайоне Симферополя Чук-урча. До наших дней сохранилась дача его семьи «Виктория», построенная в 1914 году на Екатерининском проспекте в Феодосии (ныне проспект Айвазовского, 31) известным архитектором Н. П. Красновым, являющаяся памятником архитектуры. (Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив (Москва). — 1927. — Т. 3(22). — С. 149; *Винавер М.* Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.) — Париж, 1928. — С. 65–66; *Серков А. И.* Крым (Нейман) Соломон Самойлович (Самуйлович) (так в тексте. — *Авт.*) // Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. — М., 2001. — С. 439, 1190, 1212 (имеются неточности); *Зарубин В. Г.* Соломон Крым и второе Крымское краевое правительство // Историческое наследие Крыма. — 2005. — № 10. — С. 97–108; *Кизилов М. Б.* Караим Соломон Крым: жизнь и судьба // Там же — С. 86–96). К сожалению, в указанную статью В. Г. Зарубина вкралась досадная неточность, на которую указываем, пользуясь случаем. В работе Б. С. Ельяшевича на самом деле датой рождения С. С. Крыма названо 25 июня (очевидно старого стиля) 1867 года (*Ельяшевич Б. С.* Караимский биографический словарь (от конца XVIII века — до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры». — М., 1993. — Вып. XIV. — Кн. 2. — С. 115).

На фасаде бывшего дома Таврической губернии в Симферополе (ныне ул. Ленина, 15), где в 1887 году была учреждена ТУАК и где размещались Крымские краевые правительства М. А. Сулькевича и С. С. Крыма, 18 декабря 2002 года по случаю 85-й годовщины начала Гражданской войны в Крыму по инициативе Республиканского комитета по охране культурного наследия АР Крым установлена соответствующая мемориальная доска.

⁴⁹ Подробнее см.: *Хаменок О. С.* Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии (1838–1916). Очерк истории и библиографический указатель. — Симферополь, 2003.

⁵⁰ **Кристи Михаил Петрович** (1875–1956). Революционную работу вёл с 1893 года, член РСДРП с 1898 года, возобновил членство в 1905 году. С конца 1900 года проживал в Керчи. В 1903-м приобрёл небольшую типографию и стал издателем и редактором газеты «Южный Курьер», которая распространялась по всей Таврической губернии, её тираж доходил до 3 тыс. экземпляров. Против Кристи и его сотрудников неоднократно возбуждались уголовные преследования за статьи, помещаемые в газете. Генерал В. Ф. Трепов называл в 1904 году газету Кристи «злом в губернии». Участник революции 1905–1907 годов. 10 августа 1905 года выступил с речью в городской думе по поводу происшедшего в городе погрома (Искра (Женева). — 1905. — № 110). Департамент полиции указывал (январь 1906 года), что при редакции «Южного Курьера» была создана т. н. «интеллигентская группа», являвшаяся центром всей революционной пропаганды в Керчи, и что и градоначальник, и чиновники подкуплены ею. Тогда же был арестован. В 1906 году эмигрировал в Швейцарию. После Февральской революции вернулся в Керчь. Делегат Всекрымской меньшевистской конференции (август 1917 года), выдвигался кандидатом в депутаты Учредительного собрания. В 1920–1930 годах работал в системе народного образования, научных организациях. В 1928–1937 годах директор Третьяковской галереи, в 1938–1948 годах руководитель Московского товарищества художников. Именем Кристи названа улица в Керчи. (Картоотека ГААРК; *Норман Э.* Сквозь рогатки царской цензуры // Страницы крымской Лени-

нианы. Сборник краеведческих очерков. — Симферополь, 1989. — С. 87–90; *Зарубин В.* О «Южном курьере», газетной витрине и Сенате... // Южный курьер (Симферополь). — 1992. — 22 февраля; *А. З. [Зарубин А. Г.] Кристи Михаил Петрович // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник.* — С. 183–184).

⁵¹ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 28233. — Л. 8–8об.

⁵² *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — Симферополь, 2001. — С. 65.

⁵³ **Хинчук Лев Михайлович** (1868–1938). Родился в Полтаве, в семье владельца портняжной мастерской. За участие в подпольных кружках исключён из гимназии, сдал курс экстерном. Учился на философском факультете Бернского университета. В социал-демократическом движении, под влиянием Г. В. Плеханова, с 1889 года. После ссылки в Виллоиский округ поселился в Симферополе (1898). До мая 1901 года работал в статистическом бюро губернской земской управы, руководил симферопольским комитетом РСДРП. «В Крыму мы охватили организациями Симферополь, Севастополь и Феодосию». Покинул Крым под угрозой ареста за участие в первомайской демонстрации 1901 года. После II съезда РСДРП (1903) — меньшевик. Участник революции 1905–1907 годов. На IV съезде РСДРП (1906) избран в ЦК. В 1920 году вступил в РКП(б). Находился на хозяйственной и дипломатической работе. В 1938 году расстрелян по обвинению в контрреволюционной и террористической деятельности. Реабилитирован. (Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. (Автобиографии и биографии). Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Второй выпуск сорок первого (41) тома. — М., 1989. — Ч. III. — Кол. 199–209 (Репр.); *Ильяшук Г. И., Райхцаум А. Л.* Хинчук Лев Михайлович // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. — С. 334–335; и др.).

⁵⁴ **Иорданский (Негорев) Николай Иванович** (1876–1928). Родился в г. Новохопёрске Воронежской губернии, в семье конторщика. В 1895 году окончил гимназию в Симферополе. За политическую деятельность исключён из Петербургского университета (1899). Активный участник начального этапа социал-демократического движения в Крыму: Симферопольский комитет РСДРП; первые революционные кружки на Черноморском флоте (1901). С 1903 года меньшевик; публицист и редактор. В годы Первой мировой войны в группе Г. В. Плеханова «Единство». После Февральской революции комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте. Принят в РКП(б) в 1921 году. Затем на дипломатической работе. (Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. — Ч. I. — Кол. 151–152; и др.).

⁵⁵ **Громан Владимир Густавич** (литературный псевдоним **Вл. Горн**) (1874–?). Родился в семье домашнего учителя. Исключён из гимназии за революционные взгляды. С 1891 года член марксистских кружков. В студенческие годы за участие в Ходынской демонстрации против самодержавия (1896) выслан на три года в Вятскую губернию. После ссылки работал помощником заведующего статистического бюро в Симферополе. Принимал участие в создании первых сионистских и социал-демократических организаций в Крыму (начало XX века). Организатор демонстрации 5 мая 1901 года в Симферополе, за что осуждён на 4 года тюрьмы. Освобождён по амнистии. В конце 1904 года член Тверского комитета РСДРП. Участвовал в качестве статистика в работе съезда Союза союзов (1905). Выслан Тверским губернатором, после чего прибыл в Москву. В 1905–1907 годах социал-

демократ правой ориентации, придерживавшийся, однако, нехарактерной для меньшевизма высокой оценки роли крестьянства в обновлении страны. После революции 1905–1907 годов «ликвидатор». В 1908 году получил разрешение получить высшее образование экстерном. По специальности экономист. Публицист, специалист по аграрному вопросу. С началом Первой мировой войны сторонник Г. В. Плеханова. Служил в Союзе городов. Председатель продовольственной комиссии Петроградского совета, председатель Центрального продовольственного комитета (1917). После Октябрьских событий арестован, но постановлением Совнаркома и ЦИК освобождён. Назначен на должность руководителя Северной областной продовольственной управы. Летом 1918 года высказался за повышение цен, за что был раскритикован В.И. Лениным. Сотрудник ВСНХ. В 1919 году в Чусоснабарме (управление Чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны (позже Совета труда и обороны) по снабжению Красной Армии и Флота), в 1920 году председатель комиссии по выявлению ущерба, нанесённого интервенцией и экономической блокадой. Член Президиума Госплана СССР, участник разработки пятилетнего плана. Консультант Союзасахара. В 1931 году на процессе т. н. «Союзного бюро меньшевиков» за «контрреволюционную деятельность» приговорён к десяти годам лишения свободы с поражением в правах сроком на пять лет. (*Ленин В. И. Указатель имён* // Полн. собр. соч. — М., 1974. — Т. 36. — С. 658; *Зарубин А. Г. Борьба В. И. Ленина против меньшевизма по вопросу о движущих силах и характере первой революции в России. Канд. дисс.* — Симферополь, 1985. — С. 35, 92, 232; *Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор.* — М., 1931. — С. 46, 51, 375–378, 472).

⁵⁶ **Лурье Михаил Александрович (Юрий) Ларин** (1882–1932). Родился в Симферополе, «единственный ребёнок интеллигентной матери, разведшейся с мужем...». Социал-демократ с 1900 года. «Первое руководство подпольной соц.-дем. рабочей организацией — в Симферополе в 1901–1902 г., где жил высланный под гласный надзор полиции и организовал симферопольский комитет РСДРП, а затем и крымский союз РСДРП». Арестован в августе 1902 года, выслан в Якутскую область. Далее один из видных, но нестандартно мыслящих меньшевиков, теоретик и публицист, отстаивал идеи «широкой рабочей партии» и «рабочего съезда». В 1906 году, будучи на нелегальном положении в Феодосии, провёл избирательную кампанию в Государственную думу, окончившуюся избранием единственным выборщиком от города кандидата рабочих П. И. Бианки. Член РСДРП(б) с 1917 года. В годы Советской власти экономист и хозяйственник. В 1920-х годах разработал план создания еврейской республики в Крыму, возглавлял Общественный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся. (Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. — Ч. I. — Кол. 272–282; и др.).

Бианки Павел Иванович (1877–?). Сын чиновника, феодосийский гимназист. В 1898 году поступил на юридический факультет Киевского университета. С 6 ноября 1917 года Таврический губернский комиссар. Кандидат в члены Учредительного собрания от Таврической губернии (от симферопольской организации группы «Единство»). С января 1918 года совместно с В. П. Поливановым и А. С.-А. Озенбашлы член губернского комиссариата, который прекращает своё существование в середине января 1918 года в связи с установлением власти. Большевиков. 27 ап-

реля 1918 года, в условиях германской оккупации, совещание общественных деятелей восстанавливает этот орган в прежнем составе, однако, согласно Декларации Крымского краевого правительства М. А. Сулькевича от 25 июня 1918-го года все общественные организации, включая губернский комиссариат, распускались. Дальнейшая судьба неизвестна. (А. З. (Зарубин А. Г.) Бианки Павел Иванович // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. — Симферополь, 2000. — С. 131 (по другим данным феодосийская семья Бианки (Bianchi) итальянского происхождения). *Купченко В. П.* Кто был кто в Феодосии и Феодосийском уезде, включая гостей полуострова. 1783–1-я треть XX в. Опыт биографического справочника. (Рукопись).

Купченко Владимир Петрович (1938–2004). Родился 12 июня в Свердловске (Екатеринбург) в семье инженеров. Закончил среднюю школу с серебряной медалью (1955). Поступил на факультет журналистики Уральского государственного университета им. М. Горького, но из-за кровоизлияния в глаз вынужден был взять академический отпуск, завершив обучение в 1961 году. Отказался работать по распределению. С уральскими друзьями по университету в основном пешком, иногда на попутных автомобилях из Ленинграда отправился на юг. За полгода добрались до Крыма. Прибыв 25 декабря 1961 года в Планерское (Коктебель), познакомился с вдовой М. А. Волошина М. С. Волошиной, которая дала для чтения машинописное собрание произведений поэта. В. П. Купченко предложил вдове поэта услуги в качестве помощника по домашнему хозяйству с правом чтения книг в библиотеке. В феврале 1962 года он устроился в парковую бригаду Дома творчества писателей в Планерском. В августе того же года вернулся в Свердловск, работал на радио Уральского машиностроительного завода, писал роман о пережитом. Затем работал слесарем на газопроводе в Подмоскovie и Белоруссии (об этом периоде его повесть «Страна междометий», опубликованная в журнале «Наша улица». — 2000. — № 7). Весной 1964 года снова в Планерском, куда прибыл для встреч с Е. А. Сапрыкиной, ставшей в августе его женой. С этого времени — постоянный житель Планерского. После окончания курсов экскурсоводов водил экскурсии по Карадагу, Судаку, Новому Свету, Старому Крыму, Бахчисарая, Южному берегу Крыма, Севастополю. Увлекался крымской топонимикой. Продолжал встречи и общение с М. С. Волошиной (о взаимоотношениях с ней см.: *Купченко В. П.* Вспоминая М. С. Волошину 1960-е–1970-е годы // Киммерийские этюды: События. Люди. Памятники / Сост. и вступ. слово Д. Лосева. — Феодосия, 1998. — С. 110–126). В 1968 году решил посвятить себя изучению жизни и творчеству поэта, пропагандируя его имя, как в местной печати (феодосийская газета «Победа», «Советский Крым», «Крымская правда»), так и в столичных изданиях. После развода с Сапрыкиной в 1971 году остался без жилья и стал работать ночным сторожем Дома творчества писателей «Коктебель». В ноябре того же года получил комнату непосредственно в доме М. А. Волошина. В марте 1973 года женился на сотруднице Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде Розе Павловне Хрулёвой, ставшей В. П. Купченко верным другом и помощником до конца его жизни. С 1 декабря 1974 года по рекомендации М. С. Волошиной назначен старшим научным сотрудником Дома-музея М. А. Волошина, весной 1975 года из Ленинграда в Планерское для работы в Доме-музее переехала и Р. П. Хрулёва. После смерти М. С. Волошиной (17 декабря 1975 года) началась инвентаризация её имущества, включая творческое наследие М. А. Волошина, параллельно осущес-

ствлялся капитальный ремонт Дома-музея (об этом периоде см.: *Полун С.* Дом поэта. Как это было // Победа (Феодосия). — 1994. — 9 августа). При разделе имущества М. С. Волопиной художница М. Я. Шагинян высказала претензии на ряд вещей поэта, имеющих мемориальный характер и завещанных Дому-музею. Конфликт с ней привёл к появлению в музее сотрудников журнала «Крокодил». Личностью Купченко заинтересовался Судакский районный отдел Управления КГБ по Крымской области, конфисковавший рукопись книги о М. А. Волошине, которая, к счастью, сохранилась и была возвращена в 1988 году. После резко критической статьи в «Крокодиле» Купченко в октябре 1983 года был уволен с работы (см. *Купченко В. П.* Обыск в Доме поэта. Штрихи недавнего // Киммерийские этюды: События. Люди. Памятники. — С. 127–134). Пришлось опять работать ночным сторожем. Разменяв свою квартиру в Щебетовке с матерью Р. П. Хрулёвой, вместе с женой в 1986 году переехал в г. Ломоносов Ленинградской области, продолжив там свою научную работу. Впоследствии жил в Санкт-Петербурге. Автор более 400 публикаций. Член Союза писателей СССР (1990). Дважды выезжал для исследовательской работы в США. В 1990 году после обширного кровоизлияния в глаз резко ухудшилось зрение. С 1992 года инвалид II группы по зрению. Безвременно ушёл из жизни в Санкт-Петербурге 2 июня 2004 года. В последние годы жизни вёл переписку с В. Г. Зарубиным, оказывая содействие в подготовке ряда материалов по истории Гражданской войны в Крыму (Автобиография Владимира Купченко [Рукопись 6 февраля 2002 года]; *Лосев Д.* Подвижник. Об авторе и книге // Киммерийские этюды: События. Люди. Памятники. — С. 5–7).

⁵⁷ **Иоффе Адольф Абрамович** (литературный псевдоним **А. Крымский**) (1883–1927). Родился в Симферополе, в богатой купеческой семье. В социал-демократии с конца 1890-х годов. По окончании гимназии в 1903 году, учился на медицинском факультете Берлинского университета, юридическом факультете Цюрихского университета. Неоднократно приезжал по партийным заданиям в Россию. Участник революции 1905–1907 годов (Севастополь, Одесса). Во время Потёмкинского восстания, организовал побег из Севастопольской военной тюрьмы К. Фельдману, одному из участников восстания. Большевик, затем, с 1908 года, близок к Л. Д. Троцкому. Вместе с последним в 1917 году принят в РСДРП(б). Крупный советский дипломат. Активист троцкистской оппозиции. Будучи смертельно больным, покончил с собой. (Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. — Ч. I. — Кол. 152–156; *Хазанов Б. Я.* Иоффе Адольф Абрамович // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. — С. 126).

⁵⁸ Крым находился в черте оседлости.

⁵⁹ Цит. по: *Горякина В. С.* Ленинская «Искра» в Крыму. — Симферополь, 1990. — С. 36–37.

⁶⁰ Бунт на коленях. (Политические партии в Таврической губернии. 1905–1907 гг.) — Симферополь, 1993. — С. 7.

⁶¹ Цит. по: Симферополь 200 лет. 1784–1984. Сб. документов и материалов. — Киев, 1984. — С. 62–63.

Любопытна следующая информация: «Крыма. Стачка у русского царя! 7 октября в находящемся на южном берегу Крыма имении русского царя «Ливадия» произошёл великий скандал: забастовало 50 рабочих. Причина забастовки — недовольство рабочих неисправной выдачей денег и грубым обращением. Главный управляющий имений царя, генерал Евреинов, пытался «успокоить» собравшихся в

конторе рабочих, уверяя их, что «они шумят из-за пустяков», что «их сбивают злые люди» и проч. Но увещания отъевшегося на жирных хлебах царского холопа никакого впечатления на рабочих не произвели, и они, выставив категорически свои требования, бросили в 5 ч. вечера работу. Царская контора не замедлила пойти на уступки и выразила на следующий же день готовность удовлетворить выставленные стачечниками требования, выдала им из конторы счета для просмотра, обещала впредь «вежливое обращение».

Среди крымских рабочих этот отрадный факт производит сильное впечатление, содействуя росту классового и политического сознания. Вот тебе и царь, — говорит даже темная ещё рабочая масса, — выходит, что кровь нашу он пьёт не хуже любого подрядчика. (...).

Кстати отметим, что, как сообщает нам побывавший на работе в царских имениях пролетарий, у царя существует, напр., строгое воспрещение курить в его имении (рабочему люду, конечно). За нарушение этого приказа штрафуют в 10–25 руб.!» (Искра. — 1901. — № 10 // Искра. — Л., 1926. — № 1–52. — Выпуск второй. — № 8–15. — С. 65 (Репр.).

Здесь примечательно, на наш взгляд, следующее: а) перед нами добротный материал для антисамодержавной агитации; б) нежелание «царской конторы» допускать широкой огласки случившегося; в) растущая популярность забастовок как средства решать свои проблемы; г) протест против привилегий для избранных: им, видите ли, можно (Николай II, как известно, от папироски не отказывался), а нам нет.

⁶² **Аронов Мордхай Исаакович** (1880–?) Родился в Мелитополе. Обучался в политехническом институте в Германии, сотрудничал в социалистической прессе. В 1905 году руководил тайной типографией. Участник IV (Объединительного) съезда РСДРП (1906). 10 августа 1906 года был арестован и выслан за пределы Таврической губернии. Дальнейшая судьба неизвестна. (*Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 76–77).

⁶³ **Макадзюб М. С. (Антон, Практик, Панин)** (1876–?). В социал-демократическом движении с конца 1890-х годов. В 1901–1903 годах работал в СД организациях Юга России. После II съезда РСДРП, где в межпартийных спорах занял позицию Ю. О. Мартова, активный меньшевик. В мае 1905 года участник меньшевистской конференции в Женеве, был избран в Организационную комиссию, руководящий меньшевистский центр. После 1907 года «ликвидатор» (сторонник «открытой (легальной) партии»), сотрудник газеты «Наша Заря». После октябрьских событий 1917 года от политической деятельности отошёл. С 1921 года работал в лесо-экспортных учреждениях СССР за границей. С 1931 года эмигрант. (Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 года. Протоколы. — М., 1959. — С. 814; *Ленин В. И.* Указатель имён // Полн. собр. соч. — М., 1973. — Т. 19. — С. 576).

⁶⁴ **Никонов Сергей Александрович** (1864–1942). Из потомственных дворян. Сын участника Севастопольской обороны адмирала А. И. Никонова, командира Севастопольского порта (1877–1882). Учился на математическом отделении Петербургского университета (1882–1885), в военной медицинской академии (1885–1887). Участник народолюбческого движения с 1885 года, группы А. И. Ульянова, которого считал своим лучшим другом. Был в группе заговора против Александра III. Подвергся аресту и пятилетней ссылке в Минусинск. С 1892 года в Париже, где закончил медицинский факультет Сорбонны. Здесь познакомился с видным теоретиком народничества П. Л. Лавровым. В 1897 году возвратился в Севастополь.

Врач городской больницы, старший врач. Член Партии социалистов-революционеров с 1902 года. Один из организаторов покушения на вице-адмирала Г. П. Чухнина в Севастополе в 1906 году. Арестовывался, сидел в тюрьме, ссылался (в 1903 и 1907 годах — в Архангельскую губернию). Жил в Саратове, Оренбурге. С апреля 1917 года комиссар Временного правительства в Севастополе, городской голова, один из руководителей городской организации ПСР, затем делегат во Всероссийское Учредительное собрание по списку ПСР, а также главврач Севастополя. В ноябре 1918-го — апреле 1919 года этот «прекрасный врач, прославленный на весь край хирург» занимает пост министра народного просвещения и исповеданий, а также с 24 ноября 1918 года председателя медицинского совета при министерстве внутренних дел в ранге министра кабинета С. С. Крыма. («Он погрузился в вопросы школы, особенно начального обучения, обеспечения учителей, и каждый расход на это дело испрашивал с настойчивостью и задушевностью, точно он своё личное, самое кровное дело защищал» (*Винавер М.* Указ. соч. — С. 73, 74). Умер в блокадном Ленинграде. Автор воспоминаний (не опубликованы). (*Королёв В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. — Симферополь, 1993. — С. 14 и др.; *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 82; *Крестьянников В. В.* Никонов Сергей Андреевич / Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 351; и др.).

⁶⁵ *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 66–67. Однако позже автор, судя по сноскам, детально изучивший проблему, даёт цифру: более 4,2 тыс. членов ПСР (примерно 21 городская и 4 сельских организации) (Там же. — С. 87).

⁶⁶ **Гриневский Александр Степанович** (литературный псевдоним **Александр Грин**) (1880–1932). Выдающийся русский писатель (-романтик). Родился в г. Слободском Вятской губернии в семье сосланного на вечное поселение за участие в польском восстании 1863 года. Через некоторое время семья переехала в Вятку, где прошли его детство и юность. Провинциальная жизнь, нужда, ранняя смерть матери тяготят мечтательного юношу, находящего забвение в чтении. В 1896 году он отправляется в Одессу, надеясь стать моряком и удовлетворить свою жажду путешествий. Несколько месяцев пришлось провести буквально голодая. В конце концов, удалось попасть юнгой на пароход «Платон», на котором он отправился в каботажное плавание вдоль берегов Крыма и Кавказа, впервые побывав в Феодосии, Севастополе, Ялте, которая поразила больше всего. Но вскоре вечный романтик был высажен на берег. Несколько раз удавалось устроиться на разные суда, и даже однажды совершить заграничное плавание (в Александрию, 1897). Потом опять Вятка, затем Баку, где он провел самый трудный год своей жизни, вновь Вятка, уральские прииски. С 1902 года рядовой резервного батальона в Пензе, откуда бежал. Эсер, агитатор. В 1903 году прибывает по заданию революционной организации в Севастополь, арестован. В 1905 году освобождён революцией. Впереди ещё два ареста, ссылки. Литературный дебют — беллетризованная агитка для солдат «Заслуга рядового Пантелеева» (1906). Пишет ряд рассказов, под одним из которых — «Случай» — подпись «А. С. Грин». Участник Гражданской войны, воевал против генерала Н. Н. Юденича, равшегося к Петрограду. Болезнь, снова тяготы и лишения. Выручил М. Горький. 1923 год — первое издание «Алых парусов», в этом же году в журнале «Красная нива» напечатан первый роман «Блестящий мир». Тогда же отправляется в Крым: Ялта, Алушка, Балаклава, Севасто-

поль. 10 мая 1924 года вместе с женой Н. Н. Мироновой и её матерью Грин приезжает в Феодосию. В сентябре сняли квартиру по ул. Галерейной, 8 (ныне Дом-музей А. С. Грина), где прожили четыре года. Творческий подъём. Многочисленные издания. Но с конца 1920-х годов несправедливая критика. Возникают проблемы с жильём, ухудшается здоровье. В ноябре 1930-го года писатель переезжает в Старый Крым (ныне здесь Дом-музей А. С. Грина), где скончался, не успев завершить роман «Недотрога». Похоронен на старокрымском кладбище. Рядом с надгробием, на белой мраморной колонне — бронзовая статуя Фрези Грант, героини «Бегущей по волнам» (автор Т. А. Гагарина, 1980). В 1999 году похитители цветных металлов пытались распилить и сдать её в металлолом. Восстановлена стараниями Республиканского комитета по охране культурного наследия АР Крым и ЗАО «Крымреставрация». (Грин А. С. Автобиографическая повесть // Грин А. С. Собр. соч. в 6 т. — М., 1965. — Т. 6. — С. 228–361; *Вихров В.* Рыцарь мечты // Там же. — М., 1965. — Т. 1. — С. 3–34; Примечания // Там же. — С. 489–490; *Зарубин В.* Вечный романтик Александр Грин // Крымское время (Симферополь). — 2005. — 27 августа; *Варламов А. Н.* Александр Грин. — М., 2005; Александр Грин: Хроника жизни и творчества: С фрагментами автобиографии, воспоминаний, писем, дневниковых записей / Сост. Н. В. Яловая. — Феодосия — М., 2006).

⁶⁷ **Зарудный Александр Сергеевич** (1863–1934). Сын С. И. Зарудного, видного деятеля судебной реформы 1864 года, переводчика произведений А. Данте. Окончил Училище правоведения, служил по судебному ведомству. С 1901 года адвокат, выступал в крупных политических процессах: дела «ЦК Крестьянского союза», «лейтенанта Шмидта», «1-го совета рабочих депутатов», Бейлиса. В 1905 году судим по делу о забастовках. После Февральской революции примкнул к партии народных социалистов и вошёл во Временное правительство в качестве товарища министра юстиции. С 24 июля министр юстиции. Непримиримо относился к большевикам, поддерживал дружеские отношения со многими кадетами. Во время выступления Л. Г. Корнилова предлагал вступить с ним в переговоры. 1 сентября вышел из Временного правительства. После октябрьских событий 1917 года отошёл от партии народных социалистов, работал в советских организациях (*Голостенов М. Е., Сачков В. Н.* Зарудный Александр Сергеевич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. — С. 116–117).

⁶⁸ *Вихров В.* Рыцарь мечты. — С. 10–11.

⁶⁹ По данным В. И. Королёва (Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 68). Его же подсчёты: Цейри-Цион — 1 организация; Поалей-Цион — 7 организаций, не менее 300 человек; Бунд — 6 городских организаций, не менее 250 человек (строго говоря, не являлся сионистской партией, хотя отдельные члены и группы склонялись к сионизму); СЕРП — группы и организации в 15 пунктах, не менее 100 человек (Там же. — С. 85, 86). Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП) считала себя народнической. Её программой-минимум был созыв еврейского национального сейма на основе экстерриториальности и образование государства из автономий безотносительно к тому, занимают евреи определённую территорию или живут вкрапленными в иные нации. Программой-максимум же было общесионистское требование ухода на собственную территорию. Марксисты партии Поалей-Цион не выдвигали идеи промежуточного сейма, но, подобно российским «экономистам», акцентировали примат экономической борьбы еврейских рабочих над политической. Впрочем, все

сионистские организации страны объединяла СОР (Сионистская организация России, 1898), которая, в свою очередь, была составной частью Всемирной сионистской организации (ВСО, 1897). Лидером крымских сионистов был Виктор Исакович Якобсон, потомственный почетный житель Симферополя, выпускник Симферопольской мужской гимназии, доктор философии, который участвовал в работе V Всемирного сионистского конгресса в Базеле (1901), где был избран уполномоченным для руководства сионистским движением в Таврической губернии, VI Всемирного конгресса сионистов (1903) (*Королёв В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. — С. 18).

⁷⁰ **Кереметчи Гавриил Авдеевич** (1880–?). Член Дашнакцутюн с 1898 года. Накануне революционных событий вёл работу в Крыму, в 1905-м году — в Мариуполе, в 1906-м — в Юзовке (ныне Донецк), где организовал профсоюз печатников. В 1907-м арестован в Самаре, с 1908 года находился под негласным контролем полиции. В 1908 году вернулся в Крым, вёл работу среди матросов Черноморского флота. Жил в Балаклаве. Участвовал в подготовительных работах по прокладке железной дороги Севастополь-Ялта. За революционную пропаганду уволен с работы, но восстановлен по требованию рабочих. Один из организаторов рабочего клуба. В 1917 году — член Балаклавского Севастопольского комитета РСДРП(м). (*Королёв В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. — С. 15–16).

⁷¹ *Королёв В. И.* Крым и Северная Таврия в 1907–1917 гг. Страницы политической истории. — Симферополь, 1995. — С. 70–71.

⁷² ГААРК. — Ф. 27. — Оп. 1. — Д. 9497. — Л. 3–6об.

⁷³ Там же. — Д. 149. — Л. 10.

⁷⁴ Крым. Путеводитель. — С. 288.

⁷⁵ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 28533. — Л. 25.

⁷⁶ Там же. — Д. 28233. — Л. 21. — 28 об.

⁷⁷ Там же. — Ф. 27. — Оп. 9. — Д. 422. — Л. 40–41об.

Первоначально, однако, у крымчан доминировала совсем иная психологическая настройка. «Работа революционных партий зимой 1905 г., — пишет исследователь, — натолкнулась на консерватизм, косность, инертность и политическую безграмотность жителей полуострова» (*Королёв В. И.* 1905: Таврические власти в политическом противостоянии // Крымский контекст. — 2001. — № 8. — С. 17–18). Следовательно, на их здравый смысл, — уточнили бы мы оценку. Позднее же «революционным партиям», в которых наиболее пассионарна была еврейская молодёжь, удалось, путём всевозможных провокаций, обострить ситуацию до предела. С другой стороны (отдадим должное упомянутой работе В. И. Королёва), местные власти (администрация, полиция и т. п.) стремились, пусть и не всегда удачно, утихомирить страсти, не доводить дело до всеобщего развала и хаоса, а отнюдь не поощряли всякого рода погромщиков. Последняя бездоказательная «парадигма» до недавнего времени была общим местом исторических сочинений крымских авторов. В то же время, недавневидная, бездумная политика центральной власти, вызывая всеобщее недовольство и возмущение, толкала население к крайностям.

⁷⁸ *Гаврилов Б. И.* В борьбе за свободу. Восстание на броненосце «Потёмкин». — М., 1987. — С. 133–138.

⁷⁹ ГААРК. — Ф. 27. — Оп. 9. — Д. 422. — Л. 423, 424.

⁸⁰ Там же. — Л. 424.

⁸¹ *Клейнершехт И. С.* Дело об октябрьском погроме в Симферополе: Судебный отчёт. — Симферополь, 1907. — С. 15.

⁸² Там же. — С. 18.

⁸³ *Королёв В. И.* Крым. Век XX: новые страницы истории. — Симферополь, 2001. — С. 74.

⁸⁴ *Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции.* — Ч. I. — Колл. 272.

⁸⁵ Пример такого разгула инстинктов — события в Ялте 13–14 марта 1905 года. Здесь полиция арестовала няного запасного солдата из Порт-Артура, приехавшего лечиться. Когда его везли на извозчике по городу, он стал кричать, что его бьют городовые. Это завело толпу, бросившуюся громить полицейский участок, требуя освобождения арестованного, которого вряд ли кто знал. Освободив солдата, толпа начала грабить магазины, вдобавок поджигая их. Огню был также предан дом Ливадийского удельного управления. В грабежах участвовали и обычные жулики, и мальчишки, и простые обыватели, и даже женщины (*Головков Г. З.* Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. — М., 2005. — С. 412–413).

⁸⁶ **Месаксуди Владимир Константинович** (1871–ок. 1940). Третий сын К. И. Месаксуди. В 1891 году поступил вольноопределяющимся на службу в Евпаторийский батальон. В годы революции 1905–1907 годов один из лидеров керченского Союза русского народа, который насчитывал в своих рядах около 200 человек и пользовался поддержкой среди портовых рабочих. За участие в организации еврейского погрома в Керчи в 1905 году привлечён к ответственности. После смерти отца унаследовал в личную собственность часть движимого и недвижимого имущества семьи. Входил в число акционеров табачной фабрики и являлся членом правления акционерного общества. Член ТУАК с 1918 года. В 1919 году эмигрировал. Некоторое время жил во Франции, затем в США. (*Н. Б. (Быковская Н. В.) Месаксуди Владимир Константинович // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник.* — С. 202–203).

⁸⁷ *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 62, 85. См. также *Королёв В. И.* Крым. Век XX: новые страницы истории. — С. 5–16. К сожалению, автор, поддавшись сложившейся за десятилетия исторической мифологии, не избежал избитой формулировки: «Чёрная сотня вошла в историю как рьяная сторонница террора и активная участница еврейских погромов, которые мощной волной прокатились по стране в октябре 1905 г., когда «манифестом 17 октября» царь пообещал России демократическую конституцию» (Там же. — С. 7). Неубедительно и заключение автора: «Эта партия, благодаря своему великодержавному повинизму, имела шанс превратиться в фашистскую...» (Там же. — С. 15), ибо европейский фашизм и русский традиционализм — совершенно разнорядковые явления. В новейших исследованиях, прежде всего в работах покойного В. В. Кожина («Загадочные страницы истории XX века: «черносотенцы» и революция». — М., 1995; «Черносотенцы» и Революция. — М., 1998, и др.) показано, что прямая причастность «черносотенцев» к террору и погромам достаточно сомнительна, хотя антисемитская агитация вполне характерна для них. К тому же октябрьские погромы отнюдь не были однозначно «антисемитскими», а главная сила черносотенства, партия Союз русского народа, единственная всесословная партия России, была образована 8 ноября 1905 года. Погромная волна 1905 года, как и подобные эксцессы последующих лет, — прежде всего следствие,

на наш взгляд, того априорного обстоятельства, что любой катаклизм, природный или социальный, *всегда и в любом обществе* порождает у значительной части населения жажду «погулять», предаться разрушительным инстинктам или поживиться за чужой счёт. Между прочим, и сам В. И. Королёв, добросовестно излагая факты беспорядков периода революции 1905–1907 годов, не находит в них явного следа «чёрных сотен». Опять же, это уже непреложная и множество раз обоснованная истина — действительные и убеждённые («идейные») террористы начала века, на совести которых тысячи жизней, — «красносотенцы». Именно «черносотенцы» многократно предупреждали о той страшной опасности для России, которую несут призывы к революции и соответствующие действия радикалов и либералов.

⁸⁸ Королёв В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность — С. 62.

Особенно мрачными оказались феодосийские события 18–21 октября 1905 года. Мы приведём без каких-либо комментариев свидетельство очевидца: «Толпы разбойников, предводимые провокаторами из переодетых полицейских, всеуничтожающей толпой пронесли по узким улицам несчастного города и останавливались только в тех местах, на которые получили указания со стороны провокаторов: там они били, убивали, жгли и уничтожали как людей, так и имущество. По тем жертвам, список которых у нас на руках, ясно видно, что озверелая толпа знала свои жертвы: «Вот этого режь, убивай! Вот тут жги!» это были не случайные эксцессы безумной толпы, действующей без разбору, стихийно. (...)»

Убивали только м о л о д ы х евреев, хорошо известных полиции по своей принадлежности к социал-демократической и революционной (надо полагать, эсеровской. — *Авт.*) партиям. Из таких убито 11 человек. (...)»

Живые факелы «христианствующей», «православной» России были зажжены в трёх местах: это, во-первых, местное общественное собрание, куда собрались жители города, без различия пола и возраста, для празднования «дня свободы». Собрание зажгли со всех сторон, а спасавшихся калечили и убивали. Число сторевших ещё не установлено. Другой факел — городская управа, сторевшая до основания. (...) Наконец, петербургская гостиница, против собора (православного). (...)»

Войско, местный Виленский полк, с командиром Герцыком во главе, спряталось, а если где и показывалось, то палец о палец не ударило, а только потешалось над несчастными жертвами.

Самое сильное воображение, самая пламенная фантазия, самый могучий талант не в силах передать на словах всё то, что происходило в несчастной Феодосии в знаменитый день провозглашения великих свобод. Манифест о свободе обогрён потоками крови, озарён заревом ауто-да-фе, пред которым пасуют «десяния» святых отцов испанской инквизиции!...» (*Е-р.- Феодосия.* (Корр. «Новой Жизни») / Новая Жизнь (СПб). — 1905. — № 10. — С. 20 // Новая Жизнь. Первая легальная с.-д. большевистская газета. 27 октября — 3 декабря 1905 г. — Л., 1925. — Выпуск второй. — № 8–14. — С. 74 (Репр.). Эту чрезвычайно эмоциональную и бедную реалиями зарисовку корректирует обстоятельное изложение событий В. И. Королёвым (Бунт на колонях. (Политические партии в Таврической губернии. 1905–1907 гг.). — С. 27–29). По всей видимости, феодосийский погром действительно был единственным примером крымских беспорядков, в числе организаторов которых выступила полиция. Результатом стало разоружение местной полиции и увольнение 11 полицейских из 21, несшего службу 19–20 октября. Убито было 10 (ране-

но 40) евреев и соответственно 4 и 9 русских, арестовано и обвинено 42 участника событий, из них 22 еврея, включая 11 членов боевой дружины. Погром явился следствием столкновения дружинников с «патриотами». Добавим, что в числе жертв феоодсийского погрома был двоюродный брат Л. Д. Троцкого, социал-демократ Давид Бронштейн. (Воспоминания А. Грудской // Картотека ГААРК).

⁸⁹ ГААРК. — Ф. 27. — Оп. 9. — Д. 422. — Л. 473, 474, 476.

⁹⁰ **Оболенский Владимир Андреевич** (1869–1950). Князь, из рода Рюриковичей. Родился в Петербурге. После окончания гимназии поступил на естественный факультет Петербургского университета, окончив его в 1891 году. В 1892–1893 годах обучался в Берлинском университете. Участвовал в деятельности марксистских студенческих групп, в частности кружка П. Б. Струве, был дружен с А. Н. Потресовым, близок с М. И. Туган-Барановским, С. Ф. Ольденбургом. Первый доброволец из петербургских студентов по борьбе с голодом 1891 года. В 1893-м поступил на службу в отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия. В 1896–1903 годах земский статистик в Смоленске, Пскове, Орле. Краткий период (до 1900 года) был близок к РСДРП. Не будучи убеждённым марксистом, Оболенский видел в социал-демократии средство борьбы против самодержавия. С 1903 года член либерально-демократического Союза Освобождения. С того же года проживал в Крыму. Избирался гласным Ялтинского уезда, губернским гласным, членом Таврической земской губернской управы. Член конституционно-демократической партии с момента её образования (ноябрь 1905 года); в 1906-м возглавил Таврический губернский комитет партии и её газету «Жизнь Крыма», созданную им же; депутат I Государственной думы, левый кадет. В конце 1907 года за подпись под призывавшим к гражданскому неповиновению Выборгским воззванием привлечён к суду, сидел в тюрьме, был выслан из Крыма на два года. Масон. С 1910 года член ЦК КДП. Работал в различных столичных учреждениях. В 1916–1917 годах — председатель Петроградского комитета Союза городов. Февральскую революцию встретил прохладно. На протяжении 1917 года: гласный Петроградской городской думы; редактор газеты «Свободный Народ»; участник московского Государственного совещания и Предпарламента; кандидат в члены Учредительного собрания от Псковской губернии. Занимал позицию на левом фланге партии, выступал против союза с генералом Л. Г. Корниловым и разрыва с социалистами. После Октябрьского переворота с 1917-го (декабрь) по 1920 (ноябрь) год проживал в Крыму, возглавлял губернское земское собрание. Член ТУАК с 1919 года. Покинул Крым на французском броненосце «Вальдек Руссо» в ноябре 1920 года. Жил в Париже, участвовал в эмигрантских изданиях, печатал публицистику и воспоминания. Умер во Франции, в местечке Бюсси-ан-От. Похоронен на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. (*Шавров А. В.* [Предисловие к воспоминаниям]. Оболенский В. А. Создание первого социал-демократического органа «Искра» // Кентавр (Москва). — 1993. — № 3. — С. 135; *Лавров В. В.* [Предисловие к воспоминаниям]. Оболенский В. А. Крым в 1917–1920 годы // Крымский архив. — 1994. — № 1. — С. 58–59 (имеются неточности. — *Авт.*); *Ростов А. Ф.* Оболенский Владимир Андреевич // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. — С. 239–240; *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 82–83).

⁹¹ **Посполитаки Дмитрий Дмитриевич** (?). Родился в семье известного керченского промышленника и землевладельца, общественного деятеля. Земец. Делегат июльского 1905 года земских деятелей в Москве, выступал с докладом. Член

ТУАК с 1911 года. В 1917-м гласный губернского земства, почётный мировой судья Керчи. С июля 1917 года гласный Керченской городской думы, член губернского комитета кадетской партии. Кандидат в члены Учредительного собрания по списку № 1 (А. З. (Зарубин А. Г.) Пospолитакы Дмитрий Дмитриевич // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. — С. 227).

⁹² **Лескевич Павел Дмитриевич** (?). Генерал-майор в отставке (1899). Гласный Севастопольской городской думы (1905–1917). Председатель хозяйственного комитета думы, ревизионной комиссии горуправы. Организатор первого легального митинга в Севастополе в октябре 1905 года, на котором он был избран депутатом городского совета. Член правления Ксениинского общества «Ясли», председатель попечительского совета женской гимназии, общества содействия воспитанию и защиты детей. Преподаватель мужской гимназии, активный лектор. Геолог-любитель, открыл в здании возле Петропавловской церкви в Севастополе частный музей геологии и минералогии (Алтабаева Е. Б., Коваленко В. В. На рубеже эпох: Севастополь в 1905–1916 годах. Учебное пособие. — Севастополь, 2002. — С. 68).

⁹³ **Королёв В. И.** Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 63–64. «С 1905 г. в Крыму действовали три кадетские организации — в Ялте, Симферополе и Севастополе», — писала известный некогда знаток истории кадетской партии Н. Г. Думова (Легенда о белокадетском правительстве в Крыму (1918–1919 гг.) и факты истории // Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. Материалы научного симпозиума. — М., 1980. — С. 199). На фоне современных изысканий В. И. Королёва подобные констатации выглядят анахронизмом.

⁹⁴ **Королёв В. И.** Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 85.

⁹⁵ **Богданов Николай Николаевич** (1875–1930). Из обедневших дворян Рязанской губернии, помещик. С юношеских лет включился в политическую борьбу. В 1892 году Тамбовским губернским жандармским управлением привлекался к дознанию и тюремному заключению на один месяц за хранение нелегальной литературы. Подвергнут гласному надзору на два года. В 1899 году вновь подвергнут гласному надзору (на год) в связи с участием в нелегальной организации во время учёбы в Рижском университете. Кадет, депутат II Государственной думы от Рязанской губернии (состоял в комиссии по народному образованию). Входил в состав Раненбургской уездной земской управы, член губернской земской управы (с 1905 года), почётный мировой судья. Упомянут В. И. Лениным в работе «Аграрный вопрос и силы революции» (Полн. собр. соч. — М., 1972. — Т. 15. — С. 207). До переезда в Крым на жительство служил инспектором в Русском страховом обществе при правлении в Санкт-Петербурге. Семья с 1907 года жила в Алушке. В сентябре 1909 года Н. Н. Богданов проживал на даче военного инженера генерал-майора Я. П. Семёнова в Новом Симеизе, напротив которой в 1910-м купил два участка земли, где построил собственные дачи «Малый Богдан» и «Большой Богдан» (архитектор Я. П. Семёнов, ныне корпус санатория «Юность», памятник архитектуры местного значения с 1990 года). С 1910 года — председатель общества дачевладельцев Симеиза. В 1913 году избран гласным, а затем председателем Ялтинской земской управы. Председатель Таврической губернской земской управы. Член ТУАК с 1916 года. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии, заведовал финансовой частью. Министр внутренних дел, а

также первоначально военный и морской министр Крымского краевого правительства С. С. Крыма (1918–1919). После падения Краевого правительства выехал с семьёй в Новороссийск и вновь вступил в Добровольческую армию, затем в армии А. В. Колчака. Через Владивосток перебрался в Европу. Жил в Чехословакии. Являлся хранителем Русского заграничного исторического архива. Затем вместе с семьёй переселился во Францию (Париж, курортное местечко Ла Фавьер). В 1947 году его супруга Софья Павловна и дочь Софья Николаевна вернулись на Родину. Посетив рязанскую землю, переехали в Крым и поселились в Симферополе у родственников по линии сводного брата Анатолия Петровича Шишкина. (*Шишкин Д.* Молчание старых дач // Республика Крым (Симферополь). — 2001. — 17 августа. — № 29. *Ленин В. И.* Указатель имён. Полн. собр. соч. — М., 1972. — Т. 15. — С. 519; *Петрова М. М.* Симеиз: путешествие по старым дачам. Путеводитель. — Симферополь. 2006. — С. 96–101; и др.).

⁹⁶ *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 85.

⁹⁷ **Нури Эфенди Хасан** (?–1903). Уроженец деревни Ай-Василь (ныне микрорайон «Васильевка» в черте г. Ялты). Покинул полуостров после окончания Крымской войны (1853–1856). Жил в Турции, где получил высшее образование. Работал при реформаторе Мидхат-паше. Вернулся в Крым в 1861 году и открыл школу в Ай-Василе, но через год переехал в Гаспру. Вёл пропаганду против эмиграции крымских татар в Турцию. В Ялте познакомился с И. Гаспринским, где тот работал учителем. Убеждал его издавать газету на татарском языке. Однако вскоре разошёлся с Гаспринским, восхвалявшим в «Терждимане» царский режим. В 1893 году захватил типографию Гаспринского и заставил наборщиков отпечатать прокламации на татарском языке под названием «Мусульмане Крыма, проснитесь, пробудитесь!». В Ялте Х. Нури открыл курсы, где среди учащихся вёл антиправительственную агитацию. Эти курсы были ликвидированы, а ему самому запрещено учительствовать. Тогда Нури стал вести пропаганду, объезжая крымские города. В Евпатории был арестован, отправлен в Ялту, где провёл в тюрьме около двух лет, после чего освобождён под подписку о невыезде из Ялты. Здесь, у здания городской думы, открыл кофейню, где и жил до самой смерти, поддерживая связи с единомышленниками из Оренбурга, прибывшими в Крым и преобразовавшие школу в Дерекое (ныне в черте г. Ялты) в новометодное рущдие (*Айвазов А. С.* История национального движения в Крыму // Восточный Свет (Москва). — 2005. — № 3. — С. 14–15, 16–17).

⁹⁸ **Айвазов Асан Сабри** (1878–1938). Родился в Алушке в бедной крестьянской семье. Окончил начальную школу, педагогический институт в Константинополе (1896). Подвергся аресту турецкой полиции и выслан в Россию. С 1898-го по 1905 год работал учителем в основанной им новометодной школе в Алушке. После смерти Хасана Нури стал председателем общества «Неджат» до разгрома его полицией в конце 1906-го — начале 1907 года. Сора́тник А. Медиева по изданию и редактированию газеты «Ва(с)тан Хадими». Примыкал к эсерам. Выслан из Крыма в 1907-м за оппозиционную деятельность. С начала 1908 года — в Египте, куда уехал лечиться от астмы. В 1909 году прибыл в Москву, давал частные уроки и посещал лекции в Лазаревском институте. Три раза арестовывался, в 1911 году выехал в Швейцарию, где, по его словам, в Базеле случайно познакомился с В. И. Лениным. Посещая в 1910 и 1912 годах Турцию, установил связи с видными пантюркистами. Один из создателей организации «Тюрк Дернеги» («Тюркское Общество»), которая со вре-

менем под названием «Тюрк Оджагы» («Тюрский Очаг») стала частью младотурецкой партии «Единение и прогресс», издания «Тюрк Юрду» («Тюркская Родина»). В 1913-м попал под амнистию и получил разрешение на проживание в Бахчисарае. Редактировал газеты «Терджиман» / «Еньи Терджиман» (с 1914 года), «Миллет» (с 1917 года). Сопредседатель Курултая (1918). При первом Крымском краевом правительстве исполнял обязанности поверенного в делах в Турции. При советской власти — переводчик, педагог, научный работник, журналист. Писатель. Преподавал в Симферопольском пединституте. Поддерживал нелегальные контакты с Дж. Сейдаметом, проживавшим в Турции, куда (вариант: в Польшу) стремился бежать сам. Подвергался репрессиям в 1930 и 1936 годах («националистическое подполье Айвазова»). В очередной раз арестован органами НКВД 5 апреля 1937 года. В тюремной камере написал очерк «История национального движения в Крыму». При этом публикатор этого очерка историк А. В. Ефимов совершенно справедливо указал на «обстоятельства, при которых эти записки были подготовлены», отметив, что 27 декабря 1937 года на допросе этот видный деятель национального движения заявил о своём сотрудничестве с органами НКВД в качестве секретного агента с 1930 года (Ефимов А. В. Тюремные записки Асана Сабри Айвазова // Восточный Свет. — 2005. — № 4. — С. 68, 71). Расстрелян 14 апреля 1938 года в Симферополе (Айвазов А. С. История национального движения в Крыму // Восточный Свет (Москва). — 2005. — № 3. — С. 12–50; № 4. — С. 30–57; ГААРК. — Ф. Р-663. — Оп. 1. — Д. 302. — Л. 3–9, 27–29; Урсу Д. Айвазов Асан Сабри // Деятели крымскотатарской культуры. (1921–1944 гг.). Биобиблиографический словарь. — С. 195–196; и др.).

⁹⁹ **Ширинский Аппаз-мурза (?)**. Из дворянской семьи. Преподаватель Симферопольской татарской учительской школы. Имел тесные связи с Одесским комитетом ПСР. В мае 1905 года арестован за ведение пропагандистской работы в Симферопольском и Феодосийском уездах. (Королёв В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 84).

¹⁰⁰ **Медиев Абдурешид (Решид)** (1880–1912). Родился в с. Караджанай Перекопского уезда (с. Самокиши, исключено из населённых пунктов). Из крестьян. Начальное образование получил в мектебе, закончил Симферопольскую татарскую учительскую школу. Трудовую деятельность начал в школе для крымских татар в Армянском Базаре. Затем переехал в Карасубазар, где включился в общественную деятельность. Организатор «Джемиет хайрие» (мусульманское благотворительное общество), новометодного мектебе-руштие, национальной библиотеки. Депутат II Государственной думы (мусульманская фракция, секретарь, член трёх думских комиссий: Комиссии для рассмотрения законопроектов о неприкосновенности личности, Комиссии для рассмотрения законопроектов об обеспечении народного отдыха служащих в торговых и ремесленных заведениях, Комиссии для рассмотрения законопроектов по народному образованию). Редактор-издатель газеты «Ва(е)тан Хадими» (1905 — закрыта властями в 1907-м), пытался издавать русскоязычную газету «Голос Мусульман», в октябре 1908 года создать газету «Наш Голос». Статьи А. Медиева публиковались в газете «Каспий» (Баку), парижском журнале «Мусульманин». Группа Ширинского-Медиева, не оставляя просветительскую деятельность, делает шаг в сторону революционной работы, непосредственной агитации среди населения под лозунгом «Земля и воля». Городской голова, член городской управы г. Карасубазар. 9 апреля 1907 года Медиев выступил с речью по аграрному вопросу (Речь А. Медиева по аграрному вопросу во II Государ-

ственной думе // *Сейтбекиров Э.* Священная борьба крымских татар. (К 80-летию I Курултая). [III] // Голос Крыма (Симферополь). — 1997. — 6 ноября): «Представитель крымских татар» деп. Медиев (Таврической губ.) в горячей революционной речи высказывается за «землю и волю». «...Землёй должен пользоваться тот, кто на ней трудится». (...) Он приводит примеры того, ««как на наших окраинах образовалась священная собственность на землю»»: путём расхищения её (аристократами), министрами, действительными тайными советниками, начальниками жандармских управлений. Медиев привёз наказ ««братьев-татар»» с жалобами на всяческие злоупотребления властью и силу имущих, на растаскивание вакуфных земель, не подлежавших продаже, передаче из одних рук в другие, (также закладу, конфискации. — *Авт.*) (*Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Полн. собр. соч. — М., 1973. — Т. 16. — С. 389, 555). Медиев привёл в своей речи следующие факты: из 600 000 десятин земли, принадлежавшей татарским сельским обществам, в 1907 году осталось 79 000, из 200 000 вакуфных — 87 000 (*Ленин В. И.* Указатель имён // Полн. собр. соч. — М., 1973. — Т. 16. — С. 647; Крым многонациональный. Вопросы — ответы. / Сост. Н. Г. Степанова. — Симферополь, 1988. — Выпуск I. — С. 69; *Ганкевич В. Ю.* Возвращение «Крымских писем» через 100 лет // *Медиев А.* Крымские письма. — Симферополь, 2005. — С. 3–11).

¹⁰¹ *Королев В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 70, 86.

¹⁰² Выступление А. Медиева на юбилейном мероприятии, посвящённом 25-летию газеты «Терджиман».

¹⁰³ Э. Сейтбекиров для уточнения вопроса, как понимался панисламизм крымскими татарами, ссылается на некий «архивный документ» без какой-либо маркировки. Бросается в глаза модернизаторское содержание документа, весьма и весьма далёкое от каких-либо фундаменталистских парадигм. Если это и можно назвать «панисламизмом», то весьма своеобразным. «Мы, мусульмане, где бы ни жили, должны составлять из себя единый народ; стать наравне по силе, по развитию промышленности и т.д. с другими народами, чтобы в христианских странах мусульмане пользовались такими же правами, как и христиане. Мы не хотим видеть уничтоженными те мусульманские государства, которые находятся в зависимости от европейцев; желаем, чтобы и у них были фабрики, заводы, учебные заведения и т.д. Словом, чтобы они, выйдя из невежества, сделались свободными, цивилизованными, ибо благодаря выпесказанным недостаткам в своём же государстве они чувствуют себя стеснёнными и находятся в рабском положении. Всё это, конечно, мусульмане видят. Более в XX веке нельзя жить той жизнью, какою они жили до сих пор. Вот почему во всех мусульманских странах, даже в самых отдалённых уголках Индии и Старой Монгольской Империи, мусульмане надеются с помощью панисламизма сбросить со своей шеи цепи рабства и стать цивилизованным и свободным народом» (Цит. по: Священная борьба крымских татар (К 80-летию I Курултая). [III]. Была ли «Совесть»? // Голос Крыма. — 1997. — 14 ноября).

Что касается идей пантурсизма, этнического конкурента конфессиональному панисламизму и имперскому оттоманизму, то они пришли в Турцию (а оттуда — в Крым), что небезынтересно, — из России. Разница между пантурсизмом и пантюркизмом условна: если первый ставит целью объединение всех народов географического Турана, т.е. территории между Каспийским морем и Иртышом и вы-

ходцев с неё (от Балкан, Турции, татар Поволжья и Крыма, сформировавшихся на базе метисизации пришлых и автохтонных народностей, финно-угорских народов — до «коренных» народов Сибири, Синцзяна и даже Маньчжурии), то второй более «умерен», отсекая как «чужих» финно-угров, монголов и др. Кстати, рассуждая о воздействии пантюркистских поветрий на Крым, не следует забывать о крымскотатарской диаспоре в Турции (отуреченной) — наследии перманентной эмиграции с конца XVIII по первые годы XX века. «Для Туркестана, Киргизии, Башкирии, Татарстана, Кавказа и Крыма должен быть принцип не классовой, а национальной власти», — писал А. С.-А. Озенбашлы в газете «Еңги Дуңья» за 12 февраля 1922-го года (Цит. по: ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 112. — Л. 183).

Озенбашлы Амет-эфенди Сеит-Абдулла-оглу (1893–1958). Родился в семье писателя-просветителя С.-А. Озенбашлы, в Бахчисарае. Некоторое время работал в типографии И. Гаспринского в качестве художника-оформителя и каллиграфа. Обучался на медицинском факультете Новороссийского университета (Одесса) (1915–1917). В 1917 году: член Мусульманского исполнительного комитета, Совета народных представителей, делегат Курултая, кандидат в члены Учредительного собрания. Социалист, сторонник создания суверенного крымскотатарского государства. Участник Съезда Народов в Киеве (5–6 сентября 1917 года), где выступил с докладом. «...Крымские татары, — говорил Озенбашлы, — привыкли жить свободной жизнью... и вполне достойны свободного и самостоятельного строительства своей... жизни на своей же земле. Пусть знают все, что крымские татары не позволяют никому установить какую бы то ни было гегемонию на крымском полуострове. (...) Мы, свободные сыны отныне свободного татарского народа, протягиваем вам руку с лозунгом демократической федеративной республики для счастливого, дружеского сожительства, чтобы каждая народность в своеобразных национальных проявлениях могла свободно вносить свою кашку мёда в соты человеческого гения и прогресса, дабы из отдельных национальных культур получилось одно гармоническое целое» (Цит. по: *Сеитбекир Э. А. «...Мы достойны свободной и самостоятельной жизни...»* // Озенбашлы А. С. Кырым фаджиасы. Сайлама эсерлер. (Трагедия Крыма. Избранные произведения). Из истории трагической судьбы крымскотатарского народа / Сост.: И. А. Керим, М. А. Озенбашлы. — Симферополь, 1997. — С. 40–41). Член Таврического губернского комиссариата (1918). Участник переговоров делегации Крымского краевого правительства М. А. Сулькевича с представителями Украинской Державы в Киеве (октябрь 1918). Преследовался при белых. Пресса сообщала: «В Мелитополе арестован Амед Озенбашлы, бывший директор народного просвещения татарской директории, выдававший ложные свидетельства народным учителям, на основании которых эти лица освобождались от воинской повинности» (Арест Озенбашлы // Крымский Вестник (Севастополь). — 1919. — 6(19) октября). После занятия Крыма Красной армией сотрудничал с советской властью. Один из создателей в 1920 году сельскохозяйственного кооператива «Ширкет» с отделениями во всех районах Крыма, своеобразного легального прикрытия круга людей Милли-фирки (Национальной партии). С 1921 года — директор и преподаватель психологии татарского педтехникума в местечке Тотайкой близ Симферополя (ныне п. Ферсманово Симферопольского района). В 1922 году закончил медицинский факультет Крымского университета, получив диплом врача-невропатолога. Участник организации «Коч ярдым» («Помощь переезжающим»), нацеленной на создание благоприятных условий для реэмиграции татар из Турции и Румынии. В 1924–1927 го-

дах — заместитель наркома финансов Крымской АССР. Автор работы «Трагедия Крыма» (Симферополь, 1926), писал беллетристику и статьи на литературные темы (псевдоним — Индемез (Молчун)). С 1927 года невропатолог 3-й поликлиники г. Симферополя. В связи с подготовкой процесса над членами Милли-фирки в апреле 1928 года был арестован. В декабре 1928 года приговорён к расстрелу, но приговор был заменён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (Забайкалье; в 1931–1934 годах врач — на строительстве Беломорканала). Досрочно освобождён в 1934 году. Проживал в Новосибирске и Павлограде (Днепропетровская обл.), работая врачом. В годы Великой Отечественной войны вернулся в Крым, сторонник сотрудничества с оккупантами в борьбе с большевизмом. При отступлении немцев оказался в Румынии, где был арестован и отправлен в Москву. В сентябре 1947 года приговорён к лишению свободы на 25 лет. Освобождён в 1955 году. Проживал в Таджикистане, невропатолог. Умер в Ленинабаде (Худжандт). В 1993 году его прах перезахоронен на территории Зинджирлы-медресе (Бахчисарай), рядом с могилой И. Гаспринского. (*Керим И. А.* Пояснительная записка // А. С. Озенбашлы. Кырым фаджиасы. Сайлама эсерлер. (Трагедия Крыма. Избранные произведения). Из истории трагической судьбы крымских татар. — С. 3; *Сеитбекир Э. А.* «...Мы достойны свободной и самостоятельной жизни...» // Там же. — С. 38–51; *Сеитбекиров Э.* Озенбашлы Амет Сеидабдуллаевич // Деятели крымскотатарской культуры. (1921–1944 гг.). Биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. — Симферополь, 1999. — С. 152–155; и др.).

¹⁰⁴ **Сейдамет (Кырымер) Джафер** (1889–1960). Родился в д. Кизилташ (ныне с. Краснокаменка) Ялтинского уезда в семье зажиточного крестьянина. Окончил гимназию, учился на юридических факультетах Константинопольского университета (1908–1910), Сорбонны (Париж), где в январе 1914 года ему было присвоено звание «бакалавра права Французской республики» по специальности «международное право», в Петербургском университете (1914). Автор книги «Угнетение татарского народа в 20 в.» (Стамбул, 1910), за которую по требованию посла России Н. В. Чарыкова выслан из Турции, воспоминаний. В Париже посещал социалистические курсы Ж. Жореса. Накануне Первой мировой войны вернулся в Россию, закончил школу прапорщиков (1916), отправлен на фронт. Сотрудничал в «Терждимане». После Февральской революции один из ведущих организаторов национального движения. Член Мусульманского исполнительного комитета, председатель комиссии по вакуфным имуществам (с марта 1917 года). Оборонец. Временное правительство утвердило Сейдамета комиссаром по вакуфным имуществам (занимался передачей земель из рук духовенства крестьянам). Инициатор создания при Мусисполкоме военного комитета, перевода в Крым явочным порядком крымскотатарского батальона. Делегат Съезда Народов в Киеве. Бескомпромиссный противник советской власти. В 1917–1918 годах: член Курултая, национального правительства — Совета директоров (Директории) (военный и внешнеполитический «директор»), организатор Крымского революционного штаба, лидер «непримиримых»; депутат Учредительного собрания. Принимал активное участие в боевых действиях против севастопольских матросов (январь 1918 года). После поражения 14 января бежал в Турцию. В мае 1918 года вернулся в Крым; министр иностранных дел первого Крымского краевого правительства (май–сентябрь). Эволюционировал от признания права на полуостров всех национальностей Крыма до проектов создания, при поддержке Германии и Турции, государства по типу Крымского ханства. Однако в последнем, нытаясь, не имея на то полномочий, летом

1918 года добиться от Германии признания самостоятельности Крыма, потерпел полную неудачу. Из-за конфликта с русскими общественно-политическими силами подал в отставку с поста министра. В ноябре 1918 года безуспешно пытался наладить связь с А. И. Деникиным. Весной 1919 года устанавливает контакты с Польшей, информируя польское правительство о положении в Крыму и подробно освещая этапы развития крымскотатарского национального движения. Пытался обеспечить при содействии Польши введение Крыма («нашей страпы») в Лигу Наций. Из Германии перебрался в Швейцарию (в Лозанне создаёт Крымскотатарское бюро), осел в Турции. Сведения о нелегальном посещении Крыма в 1923 году, скорее всего, легенда. Умер в Стамбуле. (*Seydamet (Kirimir) Cafer: Bazi hatiralari* [Из воспоминаний]. — Istanbul. 1993); *Гарчев П. И., Зарубин А. Г., Коваль В. Ю.* Сейдамет Джафер // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. — С. 288–289; *Червоная С.* Татарский Крым в пламени второй мировой войны // Ас-Алан (Москва). — 2000. — № 1(3). — С. 273; *Червоная С.* Воскрешший архив. Через 50 лет заговорили документы Военного министра крымскотатарского национального правительства Джафера Сейдамета // Голос Крыма. — 2003. — 28 марта; *Зарубин В. Г., Зарубина А. А.* Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету // Историческое наследие Крыма. — 2006. — № 12–13. — С. 44–57; и др.).

Челебиев Челеби (Челебиджихан, Челебиджан Нуман (Номан)) (1885–1918). Родился в д. Буюк-Сонак Перекопского уезда (на территории современного Джанкойского района, ныне не существует), в семье крупного землевладельца, имама мечети. Окончил медресе. Увлёкся социалистическими идеями и в 15-летнем возрасте покинул отчий дом. В национальном движении с 1906 года. Учился в Константинопольском университете (высшее юридическое и богословское образование), там же, в Турции, арестовывался за пропаганду революционных идей. В годы Первой мировой войны вольноопределяющийся на Румынском фронте. Сотрудничал в «Герджимане». Поэт. В марте 1917 года, на 1 крымскотатарском съезде избран муфтием — главой Таврического мусульманского духовного управления и председателем Мусульманского исполнительного комитета (Мусисполкома). Оборонец. Первый конфликт с Временным правительством возник на почве формирования в Симферополе крымскотатарского батальона. 23 июля Челебиев был арестован за «подстрекательство» солдат (часть их отказывалась выполнить приказ главноком. А. Ф. Керенского об отправлении на фронт) и препровождён в заключение в Севастополь. По требованию Мусисполкома и всех татарских организаций Симферополя освобождён. Осушил выступление Л. Г. Корнилова, а затем и октябрьский переворот 1917 года. Склонился к созданию на полуострове многонациональной демократической республики, выдвинув лозунг «Крым для крымцев!» Кандидат в члены Учредительного собрания от Таврической губернии. В декабре 1917-го избран главой Курултая (национального съезда), председателем Национального правительства (Совета директоров, Директории), «директором» юстиции. Возглавлял умеренное крыло «курултаевцев». 4 января 1918 года подал в отставку. 10 января по его предложению была создана комиссия для переговоров с большевиками и многопартийным Советом народных представителей об организации единой коалиционной власти. Вплоть до 14 января (взятие Симферополя матросами Черноморского флота) вёл переговоры с руководством Симферопольского (большевистского) Военно-революционного комитета. 14 января был арестован победителями. Доставлен в Севастополь и в числе прочих жертв развернувшегося террора расстрелян без суда 23 февраля 1918 года.

(Гарчев П. И., Зарубин А. Г., Коваль В. Ю. Челебиев Челеби // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. — С. 345–346; Зарубин А. Г. «...Курултай имеет в виду не одних лишь татар...» К биографии Ч. Челебиева // Клио. Журнал для учёных. — СПб., 1999. — № 1(7). — С. 293–301; Къандым Ю. Куреп мейданыны от басмаз... [Не зарастёт травое поле боя...]. — Симферополь, 2002. — Биринджи китап [Книга первая]; и др.).

Челеби — почётный титул, ведёт происхождение от: уважаемый (религиозный) деятель (глава религиозного ордена), образованный человек, служащий. *Эфенди* — высокообразованный. В тюркских языках звания (*мурза, челеби* и пр.) часто сливались с именами собственными (как в своё время и в русском: генерал, инженер, доктор — такой-то).

¹⁰⁵ Дерлугьян Г. Мир на сломе эпох. Чечня и Татарстан в перспективе всемирной истории // Дружба народов. — 2002. — № 3. — С. 135.

¹⁰⁶ Выступление А. Медиева на юбилейном мероприятии, посвящённом 25-летию газеты «Терджиман». Большевик И. Фирдевс писал в работе «Влияние революции 1905 года на национально-освободительное движение крымских татар: «В обстановке произвола и репрессий национальное движение крымских татар вынуждено было принять культурно-просветительный характер. Данный этап продолжался до 1905–1906 гг. (дело, как мы считаем, не только и не столько в «произволе и репрессиях», но прежде всего в закономерной эволюции движения от умеренных ко всё более радикальным позициям. — *Авт.*) (...) В то время как вокруг «Терджимана» были сгруппированы и доминировали в газете татарские учителя, получившие образование в Турции на родном языке, в газете «Ватан Хадими» руководящая роль принадлежала учителям, получившим квалифицированное образование на русском языке в России (иначе — европейское образование. — *Авт.*)» (Цит. по: Сеитбекиров Э. Священная борьба крымских татар. (К 80-летию I Курултая). [П] // Голос Крыма. — 1997. — 6 ноября).

Фирдевс (Керимджанов) Исмаил Керим (1888–1937). Родился в Симферополе, в семье приказчика. В 1906 году окончил Симферопольскую татарскую учительскую школу. Работал народным и частным учителем. Знал несколько иностранных языков. «Фирдевс — человек интеллигентный, нежный, и мухи бы не обидел, если бы она села на ложку, которой он черпает бульон» (*Абдуллаев С. А.* О рабочем движении татар в Крыму, в частности, в гор. Симферополе. [Рукопись] // ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 117. — Л. 5). Член большевистской партии с мая 1917 года, первый большевик из крымских татар. Комиссар по иностранным и национальным делам Республики Тавриды (1918), наркоминдел в правительстве Крымской ССР (1919), в 1920–1921 годах — заведующий комиссариатом народного образования, в 1922–1924-м — исполняющий обязанности наркома юстиции Крымской АССР и Верховного прокурора республики. Участник антисталинской и национальной (с целью создания Туркестанской федерации (Турана) для «привлечения трудящихся местных национальностей к советскому строительству») группы М. Х. Султан-Галиева. В Крыму получила известность фраза И. В. Сталина: «Ещё вопрос — Фирдевс ли находился под влиянием Султан-Галиева или наоборот» (ГААРК. — Ф. П-1. — Д. 770. — Л. 128). В 1926 году отозван из Крыма. Работал инспектором Северо-Кавказского краевого отдела народного образования в Ростове. В соответствии с постановлением Парколлегии ЦКК ВКП(б) «По делу об антисоветской и антипартийной группировке Султан-Галиева» 23 августа

1929 года исключён из ВКП(б). Арестован. Казнён в Соловках (*Фирдевс И. К.* [Воспоминания]. 4 апреля 1926 года // ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 776. — Л. 1–24; О так называемой «султан-галиевской» контрреволюционной организации» // Известия ЦК КПСС (Москва). — 1990. — № 9. — С. 75–88; Протокол № 11 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. 29 мая 1990 г. // Там же. — № 10 — С. 71–74; и др.).

¹⁰⁷ **Климович Евгений Константинович** (1871–1930). Окончил Полоцкий кадетский корпус (1889), Павловское военное училище (1891). В 1898 году перешёл на службу в отдельный корпус жандармов. Сделал быструю карьеру в годы революции 1905–1907 годов. Московский градоначальник. Во время Первой мировой войны — директор Департамента полиции в Министерстве внутренних дел, генерал-лейтенант. В 1916 году настаивал на принятии мер, необходимых для предотвращения революции. В сентябре 1916-го уволен со своей должности и назначен «для присутствия» в Сенат. Бежал на юг после ареста в 1917 году. В Добровольческой армии и ВСЮР служил по ведомству внутренних дел. В начале 1920 года эвакуирован из Новороссийска. Жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. С августа 1920 года П. Н. Врангель передал в его распоряжение государственную стражу. После поражения Русской армии эвакуировался в Константинополь. В эмиграции в Белграде. Умер в русской больнице в Панчево (Югославия), похоронен на местном кладбище (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 118; *Волков С. В.* Указ. соч. — С. 250).

¹⁰⁸ Обзор мусульманского движения по 1-е октября 1920 года // «Изыскать пути к парализованию...». Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) (публикация и комментарии А. В. Ефимова и Р. Н. Белоглазова) // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2002. — Вып. № 4. — С. 140.

¹⁰⁹ *Кричинский А.* Очерки политики российского царизма на окраинах. — Баку. — 1920. — Ч. 2. — С. 127–128.

¹¹⁰ *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 70–71; *Зарубин В. Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г. // Историческое наследие Крыма. — 2003. — № 1. — С. 54–55. Правда, современные крымскотатарские авторы ставят под сомнение реальное существование «Совести», считая вполне возможным фабрикацию этого, по их мнению, эфемера царскими жандармами (См. *Сеитбекиров Э.* Священная борьба крымских татар. (К 80-летию I Курултая). [Ш]. Была ли «Совесть»?).

¹¹¹ *Червонная С.* Воскресший архив. Через 50 лет заговорили документы Военного министра крымскотатарского национального правительства Джафера Сейдамета.

¹¹² *Айвазов А. С.* Указ. соч. // Восточный Свет. — 2005. — № 3. — С. 21.

¹¹³ *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 87.

¹¹⁴ **Вороницын Иван Петрович** (1885–1938). Родился в Нарве в семье подполковника. В 1895 году семья переехала в Житомир. Учился в Нарвской, потом в Житомирской гимназиях, где вступил в нелегальный ученический кружок. В результате был исключен из 6-го класса (1902), порвал с семьей и уехал в г. Глазов Вятской губернии к своему сводному брату А. В. Неустрову, отбывавшему там ссылку; сошелся с местными ссыльными социал-демократами и под их влиянием окончательно

но утвердился как марксист. Осенью 1902 года переехал в Харьков, готовился к экзамену на аттестат зрелости и одновременно работал в «Союзе учащейся молодежи» при Харьковском комитете РСДРП, тогда же формально вступил в партию. В 1903 провёл 7 месяцев в ссылке в Архангельской губернии. В Холмогорах определился как меньшевик. Бежал из ссылки в 1904 году за границу, жил в Берлине и Женеве. В ноябре 1904 года вернулся нелегально из-за границы в Москву, где стал работать в качестве организатора Бутырского района. Арестован, содержался в Таганской тюрьме. По болезни был освобождён под залог. После подавления восстания в Севастополе был приговорён к смертной казни с заменой на бессрочную каторгу, содержался, в том числе, в Шлиссельбургской крепости. Свыше 5-ти лет провёл в ручных кандалах, а ножные носил до 1915 года. В годы Первом мировой войны — оборонец. Освобождён из тюремной больницы после Февральской революции. Участвовал в I Киевской областной конференции в мае 1917 года. Делегат Объединительного съезда РСДРП (19–26 августа 1917 года) от Житомира с правом решающего голоса. Председатель Житомирского совета рабочих и солдатских депутатов, гласный Житомирской городской думы. В 1918 году во время германской оккупации находился в тюрьме. Как кандидат «социалистического блока», в 1919 году был избран сначала товарищем городского головы, затем городским головой Житомира. Редактор газеты «Вольнская Заря» (1919–1920). После установления советской власти оставался в Житомире. В 1923 году был выслан на 3 года в Чердынь. В 1926 году восстановлен в правах. Автор воспоминаний, биографий П. П. Шмидта (1925) и Б. П. Жадановского (1926) монографии «История атеизма» (3-е изд. — М., 1930), а также работ: «Ла-Меттри. К истории французского материализма», «К.-А. Гельвеций», «Светский календарь и гражданская религия Великой французской революции», «Декабристы и религия», «В. Г. Белинский и религия», «А. И. Герцен и религия», «История атеистической книги» («О трёх обманщиках») и ряда статей в журнале «Атеист». Арестован и осуждён в 1937 году по обвинению в контрреволюционной, диверсионной деятельности и вредительстве. Расстрелян (*Вороницын И.* Из мрака каторги. 1905–1917. — Харьков, 1922; *Вороницын И.* У немцев. Очерки политической тюрьмы и ссылки. — Харьков, 1923; и др.)

¹¹⁵ **Ка(о)нторович Год (Николай) Лазаревич (Натан Лейзерович)** (1877–1921). Родился в Севастополе, фармацевт. В социал-демократическом движении с 1890-х годов. С 1900 года член Севастопольского комитета РСДРП и его военной организации. Арестован в 1903 году, в 1905 освобождён. Член Севастопольского совета. Один из руководителей Ноябрьского восстания в Севастополе (1905). Приговорён к смертной казни, заменённой пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости, где отбыл 10 лет. В Крыму с апреля 1917 года. Почётный председатель Севастопольского комитета РСДРП(м) и почётный председатель президиума совета военных и рабочих депутатов, делегат I Всероссийского съезда советов, член Всероссийского ЦИК Советов, кандидат в члены Учредительного собрания от Таврической губернии. Правый меньшевик, сторонник оборончества и однородного социалистического правительства. В 1918–1920 годах один из профсоюзных лидеров в Севастополе и в Крыму. Председатель Крымпрофа, старший товарищ председателя Севастопольской городской думы, почётный мировой судья. Противник советской власти. Преследовался при белых режимах. При П. Н. Врангеле арестован, ему была «назначена» высылка в Советскую Россию (предвосхищалась будущая практика коммунистических властей), про-

тив чего выступила Севастопольская городская дума (Крымский Вестник. — 1920. — 10(23) августа, 11(24) августа, 23 августа(5 сентября); и др.), понимая, что там его тоже ждут преследования. В конце концов, после ареста и заключения в сентябре 1920 года по распоряжению Врангеля «неудобный» Канторович был выслан в меньшевистскую Грузию. Похоронен на городском кладбище в Севастополе. (РГАСПИ. — Ф. 275. — Оп. 1. — Д. 34. — Л. 104об.-105; Крымский Вестник. — 1920. — 25 августа (7 сентября), 16(29) сентября; *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 80; *Крестьянников В. В.* Канторович Николай Лазаревич // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 233; и др.).

¹¹⁶ **Шмидт Пётр Петрович** (1867–1906). Родился в Одессе. Отец — потомственный дворянин, военный моряк, участник Крымской войны, дослужился до звания контр-адмирала. Мать — представительница литовского княжеского рода Сквирских. Окончил Бердянскую гимназию (1880), Морской кадетский корпус в звании мичмана (1886), служил на Балтийском флоте, но по причине болезни почек был переведён на Черноморский флот. Отличался психической неуравновешенностью и склонностью к авантюризму. Оставил службу из-за опрометчивого брака (1889). В 1880-е годы под влиянием народофильского движения, личного знакомства с известным революционером-демократом Н. В. Шелгуновым складываются радикальные взгляды Шмидта. Как он писал позднее З. И. Ризберг: «...С юных лет принадлежу к крайней левой нашего грядущего парламента, так как я социал-демократ и всю жизнь свою посвятил пропаганде идей научного социализма» (Цит. по: *Самойс Г.* Лейтенант Шмидт. Документальная повесть. — М., 1983. — С. 125). Служил в Азово-Черноморском банке, в 1892 году возвращается на военный флот (Тихоокеанский), где ему присваивается звание лейтенанта. Здесь же Шмит впервые столкнулся к контр-адмиралом Г. К. Чухниным, имевшем к лейтенанту предвзятое отношение, поскольку его дядя — В. П. Шмидт, бывший некоторое время командующим Тихоокеанским флотом, лишился за жестокое обращение с матросами старшего офицера Чухнина очередной награды. В 1898-м году уходит в занас, устраивается на гражданский океанический флот (ревизор, старший помощник капитана, капитан). В годы русско-японской войны — снова на военной службе. Старшим офицером на транспорте «Иртыш», входившем в эскадру З. П. Рожественского, мог принять участие в Цусимском сражении, но по причине болезни был снят с берега в Порт-Саиде. С января 1904 года — на Черноморском флоте, командовал миноносцем № 262, с 31 мая 1905-го года — миноносцем № 253. К политическим партиям не принадлежал. В конце августа — начале сентября 1905 года, когда он находился в самовольной отлучке, у него похитили 2500 казённых рублей. Против Шмидта началось судебное следствие, но, взяв ссуду в банке, он сумел погасить задолженность. С начала октября включается в революционные события. 16 октября впервые выступает на открытом митинге в Севастополе. За несколько дней до начала Ноябрьского восстания отправлен в отставку в чине капитана 2-го ранга. Существует мнение о якобы самоназначении Шмидтом этого звания. Улицы Шмидта есть в Севастополе и Симферополе (*Ширин В.* Неизвестный лейтенант Шмидт // Наш современник (Москва). — 2001. — № 10. — С. 232–250; *Головков Г. З.* Указ. соч. — С. 103–147; и др.).

¹¹⁷ Цит. по: *Волковичер И.* Восстание в Севастополе // 1905. История революционного движения в отдельных очерках. — М., 1927. — Т. 3. — Вып. 1. От октября к декабрю. Революционное движение национальностей и окраин. — С. 83.

Упомянутый В. Ширин, со ссылкой на воспоминания петербургского писателя и журналиста С. Орлицкого, опубликованные в марте 1907 года в «Историческом Вестнике» и перепечатанные в журнале «Чудеса и приключения» за 2000 год, цитирует беседу Орлицкого с членом некоего одесского «Еврейского комитета освобождения Юга России»: «Цукерберг: «Моряки уже с нами за освободительное движение. Сегодня, надеемся, в собрании будет и brave лейтенант Шмидт. Вот увидите и услышите будущего адмирала Черноморского флота, когда мы завладеем эскадрой!». Орлицкий: «А когда вы завладеете эскадрой?». Цукерберг: «Матросы на нашей стороне. Офицеров, которые не согласны, Шмидт обещает побросать в воду. А раз броненосцы будут наши — весь юг будет наш. Здесь создаётся Южная республика с Крымом и плодороднейшими землями Вольны и Подолии... Пусть старая насильница некультурная Москва погибает от внутренних раздоров. Это нас, южан, не касается... У нас будет чудное, незамерзающее море и лучшие иппеничные земли, виноградики и шелководство, первоклассные порты и крепость Севастополь с броненосным флотом» (Ширин В. Указ. соч. — С. 236). 14 февраля 1906 года на суде Шмидт в своей речи говорил: «В такое время государственного хаоса, когда всё в стране так спуталось, что русские власти пошли войной на Россию, нельзя руководствоваться статьями закона, нужно искать иных обих, всем народом признанных определений преступного и непроступного. В такое время, чтобы оставаться законным, приходится изменять присяге и, оставаясь верным присяге, приходится нарушать законы (курсив нап. — Авт.). Не преступен я, раз мои стремления разделяются всем народом и не противоречат присяге, а, наоборот, опираются на неё. (...) Команда знала от меня, что первым условием моего участия в деле было: не пролить ни капли крови, и команда сама не хотела крови (курсив нап. — Авт.) (...) Часть этого народа, лучшая, молодая и самоотверженная, находилась у нас на глазах, в казармах экипажей. Там были сыновья и мужья тех обездоленных деревенских людей, а против них наши представители бюрократической власти уже направили свои пушки. (...) Где измена? Кто государственный преступник? Сегодня в их глазах преступен я, как и весь народ русский, который, пробудясь, осмелился стать на дороге их истребительной резни. Но завтра в глазах грядущего суда преступниками будут объявлены они...» (Цит. по: Самойс Г. Указ. соч. — С. 170, 171, 172).

¹¹⁸ **Чухнин Григорий Павлович** (1848–1906). Родился в Николаеве в семье морского офицера, дворянина Херсонской губернии, участника Крымской войны. Учился в Александровском кадетском корпусе в Царском Селе, закончив Морской кадетский корпус (1867), произведён в мичманы. Служил на кораблях Балтийского и Тихоокеанского флотов. В 1896 году произведён в контр-адмиралы с назначением младшим флагманом эскадры Тихого океана, в октябре — командир Владивостокского порта. В 1902–1904 годах — начальник Николаевской Морской академии и директор Морского корпуса. Вице-адмирал (1903). С 6 мая 1904 года — главный командир Черноморского флота и портов. После подавления ноябрьского вооружённого восстания в Севастополе эсеры приговорили Чухнина к смертной казни. 27 января 1906 года 18-летняя Е. А. Измайлович ранила его четырьмя выстрелами в упор. 28 июня смертельно ранен матросом Я. С. Акимовым на своей летней резиденции «Голландия». На следующий день Чухнин скончался в Морском госпитале. Похоронен во Владимирском соборе в Севастополе (Макаревич М. В., Рыжонков Г. Н. Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004. В двух томах. — М., 2004. — Т. 1. 1783–1917. — С. 168–167 и др.).

Акимов Яков Сергеевич (1884–?). Уроженец Пензы. Закончил школу садоводства. В 1905 году призван на военную службу и назначен помощником садовника на дачу Г. П. Чухнина «Голландия». Покушение на вице-адмирала осуществил по заданию севастопольской организации эсеров. Ему удалось скрыться в лесу на Мекензиевых горах, откуда был выведен товарищами по партии. Две недели жил в сторожке лесного объездчика в урочище Кара-Коба. Из Бахчисарая отправлен в Москву, оттуда в Петербург и Финляндию. Затем переехал в США. В 1920-е годы Акимов дважды подавал прошения о возвращении в СССР, но ему было в этом отказано.

План покушения на Г. П. Чухнина разрабатывался под началом руководителя боевой дружины севастопольских эсеров **Шевцова (Никандрова) Николая Никандровича** (1878–1964), который родился в Подмоскowie, но детство и юность провёл в Севастополе. Закончил Константиновское реальное училище. В 1901 году примкнул к организации эсеров. Преследовался полицией. Сам ушёл из Московского инженерного училища, отчислен из Петербургского лесного института. Работал учителем, журналистом. Весной 1905 года арестован за революционную пропаганду среди крестьян Перекопского уезда. Находился в заключении вместе с А. Грином в Севастопольской тюрьме, откуда отправлял свои рассказы в газету «Крымский вестник», отмеченные А. И. Куприным, при поддержке которого в журнале «Мир Божий» в 1906-м году под фамилией Никандров был опубликован рассказ «Бунт». Сослан в глухое архангельское село. После манифеста 17 октября вернулся в Севастополь. Помог Акимову скрыться, а затем выехать из Крыма. Перешёл на нелегальное положение, в 1910 году эмигрировал за границу. Вернулся в Россию в 1914 году признанным литератором. Жил в Севастополе и других крымских городах. В 1922 году переехал в Москву (*Алтабаева Е. Б., Коваленко В. В. Указ. соч. — С. 71–74*).

¹¹⁹ «Никто не предполагал, что взрыв последует так скоро; наоборот, нам казалось, что должно пройти некоторое время, прежде чем в движение втянется значительная часть гарнизона. Решили вечером на митинге все силы употребить на то, чтобы удержать особо волнующихся матросов, находящихся на суше, и направить их энергию в сторону организационной работы» (доклад И. П. Вороницына на Таммерфорсской (первой) конференции военных и боевых организаций в ноябре 1906 года). (Цит. по: *Волковичер И. В. Указ. соч. — С. 88*).

¹²⁰ **Писаревский Сергей Петрович** (1848–1908). Герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов, соратник С. О. Макарова, командир минного катера «Синоп». В 1905 году начальник штаба, с 9 ноября и. о. начальника Черноморской флотской дивизии. Так и не оправился после ранения, полученного 11 ноября. В 1906 году уволен со службы с присвоением звания вице-адмирал. Умер в Севастополе. (*Алтабаева Е. Б., Коваленко В. В. Указ. соч. — С. 38*).

¹²¹ Новая Жизнь. — 1905. — № 14 // Новая Жизнь. — С. 173 (Репр.)

¹²² Южный Курьер (Керчь). — 1905. — 22 ноября.

¹²³ Севастопольское вооружённое восстание в ноябре 1905 года. Документы и материалы. — Москва, 1957. — С. 232. 13 ноября Шмидт, считая, что восставшие Севастополя не должны отрываться от общероссийского движения, что единственно верный путь — настаивать на созыве Учредительного собрания, даже предлагал своё посредничество в переговорах с властями. (*Алтабаева Е. Б., Коваленко В. В. Указ. соч. — С. 45*).

¹²⁴ Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844–1928). Барон. Отличился во время боевых действий в Средней Азии (1869–1875), во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В 1904–1906 годах командовал 7-м армейским корпусом со штабом в Симферополе. В 1906 году участвовал в подавлении беспорядков на Сибирской железной дороге (до Читы). Генерал от инфантерии (1906). В 1906–1909 годах — временный Прибалтийский генерал-губернатор. С июля 1909 года член Государственного совета. После 1918 года эмигрировал во Францию (Там же. — С. 42).

¹²⁵ Самойс Г. Указ. соч. — С. 161–162.

¹²⁶ Куприн А. И. События в Севастополе // Куприн А. И. Собр. соч. в девяти томах. — М., 1964. — Т. 9. — С. 98, 99, 100.

¹²⁷ После опубликования очерка «События в Севастополе» А. И. Куприн был выслан из пределов Севастопольского градоначальства. Его привлекли к уголовной ответственности за корреспондентию, которая «от начала до конца направлена к несправедливому опорочению... должностного лица» (фраза из судебной повестки). Разбирательство длилось более двух лет. В 1908 году Петербургский окружной суд признал писателя виновным и приговорил его к штрафу в 50 рублей с заменой десятидневным домашним арестом, которое Куприн отбывал в августе 1909 года в Житомире. (Алтабаева Е. Б., Коваленко В. В. Указ. соч. — С. 53)

¹²⁸ Там же. — С. 54.

¹²⁹ Из письма и отчёта адмирала Чухнина Николаю II (октябрь, ноябрь 1905 года): «Если здесь (в Крыму. — *Авт.*) не будет уничтожено революционное гнездо и выселены евреи, так как фактически верно, что подготовки морских команд к восстаниям производятся евреями, все противоправительственные сходки устраиваются ими, для каковой цели они имеют постоянный приезд из Одессы, то надо приготовить к жалкому владению существования флота...»

«Мятеж подавлен благодаря своевременно принятым мерам, но это далеко не значит, что всё уничтожено на корню. Вне сомнений, начнётся новая работа тайных партий... Мы победили здесь революцию, за что на наши головы посыпятся проклятия со всех сторон, во всех газетах и устно на всех перекрёстках. *Но не возвысятся русские голоса в одобрение или поддержку борцов за целостность государства. Всё русское общество парализовано, в этом вся опасность. Дейтельно и не покладая рук работают для разрушения государства одни инородцы при помощи русских же людей...* (курсив наш. — *Авт.*) евреи ведут к междоусобной войне, к самоуничтожению, на чём они хотят устроить свою силу. Все это понимают, но нет величия духа для противодействия. Необходимо открыть карты, чтобы государство знало, куда идёт. Надо объявить государство в опасности...» (Цит. по: Ширин В. Указ. соч. — С. 242, 249).

Из переписки Николая II с родными (ноябрь 1905 года): «Милая дорогая мама! Ещё одна тяжёлая неделя прошла... Вчера, по крайней мере, ген. Меллер-Закомельский энергично покончил с мятежом... Какой-то прогнанный со службы офицер — бывший лейтенант Шмидт провозгласил себя командиром «Очакова»... Его, конечно, придётся расстрелять!».

Ответ Марии Александровны: «Надеюсь, что с Шмидтом покончили, а то, пожалуй, он ещё убежит, с такими канальями церемониться не надо». (Цит. по: Самойс Г. Указ. соч. — С. 169).

¹³⁰ Севастопольское вооружённое восстание в ноябре 1905 года. — С. 331.

¹³¹ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 106. — Л. 13.

¹³² Михаил Михайлович Ставраки, сын адмирала, закончил Морскую академию Генерального штаба, продолжал служить на Черноморском флоте и после установления советской власти (начальник Управления по обеспечению безопасности кораблевождения Батумского укрепрайона). В 1921 году, скрыв, естественно, прошлое, он даже вступил кандидатом в члены РКП(б). Был исключён тогда же при чистке партии. 56-летнего Ставраки опознал матрос, знавший его по совместной службе в Севастополе. 29 июня 1922 года арестован в Батуми, судим выездной сессией Военной коллегии Верховного суда РСФСР в Севастополе под председательством ставшего впоследствии печально известным В. В. Ульрихом и приговорён к расстрелу 3 апреля 1923 года. Среди обвинений, помимо участия в подавлении восстания в Севастополе и расстреле его участников, включая Шмидта, фигурировала преступная халатность, «следствием чего была растрата спирта и керосина, отпускавшегося на освещение маяков, каковы, однако, не освещались за весь указанных промежутков времени, причём не велось никакого учёта расходуемых из склада маяка материалов» (*Ванеев Г. И.* Севастополь. Страницы истории. 1783–1983 гг. — Симферополь, 1933. — С. 33; *Алтабаева Е. Б., Коваленко В. В.* Указ. соч. — С. 63; *Головков Г. З.* Указ. соч. — С. 142–144).

¹³³ Цит. по: Высший подъём революции 1905–1907 гг. Вооружённые восстания. Ноябрь — декабрь 1905 года. — М., 1956. — Ч. 3. — Кн. 1. — С. 653.

¹³⁴ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 101. — Л. 185. См. также: *Атлас М. Л.* Борьба за Советы. Очерки по истории Советов в Крыму. 1917–1918 гг. — Симферополь, 1933. — С. 33

¹³⁵ **Савинков Борис Викторович (В. Ропшин)** (1879–1925). Родился в Харькове. Вырос в семье с оппозиционными настроениями: отец, судья в Варшаве, был уволен за либеральные взгляды, старший брат, Александр, сослан в Сибирь. С юных лет в революционном движении. Исключён из Петербургского университета за участие в беспорядках. Впервые арестован в 1897 году. Социал-демократ (шляховец) с 1898 года. Статьи Савинкова в газете «Рабочая Мысль» привлекли внимание В. И. Ленина. После ссылки 1901–1902 годов, из которой бежал, член партии эсеров (с 1903 года), заместитель руководителя боевой организации Е. Ф. Азефа. Участвовал в организации убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича Романова, известного священника Георгия Гапона и др. Отличался неуёмной энергией, авантюризмом, самоопытением. «Несомненно чувство собственного достоинства и непомерное честолюбие Савинкова. За всю жизнь у него ни на секунду не возникало сомнения, что он делает историю, что его имя непременно войдёт в историю» (*Жуков Д. Б.* Савинков и В. Ропшин. Террорист и писатель // Борис Савинков (В. Ропшин). То, чего не было. Роман, повести, рассказы, очерки, стихотворения. — М., 1990. — С. 22–23). Автор книг: «Воспоминания террориста», «Конь бледный», «То, чего не было», «Конь вороной», «Книга стихов» (посмертно). С 1911 года во Франции, в Первую мировую войну доброволец французской армии, военный корреспондент, участвовал в боевых действиях. После Февральской революции вернулся в Россию. Жёсткий сторонник продолжения войны до победного конца. Комиссар Временного правительства в 8-й армии, комиссар Юго-Западного фронта, управляющий Военным министерством, предпринимал максимум усилий для объединения Л. Г. Корнилова и А. Ф. Керенского. 30 августа, после провала своих планов, ушёл в отстав-

ку; 9 октября был исключён из рядов ПСР. Принципиальный и деятельнейший противник большевиков. После Октябрьского переворота участвовал в Добровольческом движении, создал в Москве «Союз защиты Родины и Свободы», индигировал, среди прочих, Ярославский мятеж, затем, за границей, готовил на территории Польши военные отряды для борьбы против Советской власти, издавал газету «За Свободу» — и всё более разочаровывался в Белом движении. В августе 1924 года нелегально прибыл в СССР, был арестован и на суде признал как свою вину, так и поражение. Приговорён к расстрелу, заменённому тюремным заключением на 10 лет. Покончил с собой (по другой версии — был убит). (*Гусев К. В.* Савинков Борис Викторович // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. — С. 283–286; и др.).

¹³⁶ *Савинкова С. А.* На волос от казни (Воспоминания матери) // Ропшин В. (Савинков Б.). То, чего не было. — С. 352–380.

¹³⁷ **Антонов-Овсеенко Владимир Александрович** (настоящая фамилия **Овсеенко**) (1883–1938). Родился в Чернигове. Из семьи поручика пехотного полка. Дворянин. Окончил Воронежский кадетский корпус. В Николаевском военном инженерном училище отказался принимать присягу и был сдан на поруки отцу. В революционном движении с 1901 года. Социал-демократ. Окончил Петербургское юнкерское училище, получил офицерское звание (1904). После II съезда РСДРП — большевик; в 1905 году сблизился с меньшевиками. Активный участник революции 1907–1907 годов. На военной работе (попытки поднять восстания в Ново-Александрии и Севастополе). Редактор нелегальной газеты «Казарма», организатор рабочих кооперативов. Неоднократно арестовывался. С 1910 года в эмиграции, меньшевик-партиец. В годы Первой мировой войны интернационалист, издавал и редактировал (совместно с Д. З. Мануильским) газету «Голос». В конце 1914-го года порвал с меньшевиками, в мае 1917 вступил в большевистскую партию. Член Военной организации при ЦК РСДРП(б), один из редакторов газеты «Волна». После июльского кризиса провёл месяц в заключении. Занимал видные посты в партийных и советских организациях, был избран в Учредительное собрание. 25–26 октября — один из руководителей захвата Зимнего дворца и ареста Временного правительства. После октябрьского переворота — член народного комиссариата по военным и морским делам, командующий Петроградским военным округом; командующий войсками в боях с А. М. Калединым, Центральной Радой и австро-германскими оккупантами на Украине. Член Реввоенсовета и коллегии Наркомвоендел. После окончания Гражданской войны на административной, военной и дипломатической работах. Автор воспоминаний. В 1938 году приговорён к расстрелу по обвинению в принадлежности к «троцкистской террористической и шпионской организации». Реабилитирован. (Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. — Ч. 1. — Кол. 6–10; *Заботин В. Н.* Антонов-Овсеенко // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. — С. 22–23). Акцией по освобождению из Севастопольской тюрьмы 15 июня 1907 года Антонова-Овсеенко и других политзаключённых руководил социал-демократ К. С. Цитович. В конечном итоге, из 21 беглецов 19 благополучно скрылись (*Ванев Г. И.* Указ. соч. — С. 71; *Алтабаева Е. Б., Коваленко В. В.* Указ. соч. — С. 96–97).

¹³⁸ Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. — Ч. 1. — Кол. 8.

¹³⁹ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Ч. I. — С. 192–193.

¹⁴⁰ **Думбадзе Иван Антонович** (1851–1916). Родился в Кутаисской губернии в семье потомственного дворянина. Генерал царской армии, проводил политику русификации Кавказа. Участник боевых операций против вооружённых группировок, дважды тяжело ранен. Осенью 1906 года назначен главноначальствующим Ялты и уезда. Превратил город в свою вотчину, терроризировал обывателей, вмешивался в судебные дела, опираясь на личное расположение Николая II. Член «Союза русского народа». 26 февраля 1907 года на него совершено покушение. Думбадзе был легко контужен, террорист — эсер застрелился, дом, с балкона которого брошена бомба, сожжён. Действия Думбадзе вызвали протесты со стороны членов Союза 17 октября, внесших в 1908 году соответствующий запрос в III Государственную думу. В 1910 году был уволен, но затем вновь назначен градоначальником той же Ялты. (*Ленин В. И.* Указатель имён // Полн. собр. соч. — М., 1973. — Т. 17. — С. 592; и др.).

¹⁴¹ В. И. Королёв фиксирует в 1905–1907 годах три максималистских организации (или группы) (Симферополь, Бердянск, Феодосия), пишет «более 3-х» и насчитывает «не менее 100» участников. (Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 87).

¹⁴² Цит. по: *Павлов Д. Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. — М., 1989. — С. 200.

¹⁴³ **Островская Надежда Ильинична (Нина)** (1881–1933). Из семьи врача. Окончила Ялтинскую женскую гимназию. С 1901 года — член Ялтинской организации РСДРП. Участница революции 1905–1907 годов. Угроза ареста вынудила её покинуть Крым и уехать в Петербург. В 1907 году член Севастопольского комитета РСДРП. В 1907–1914 годах — в эмиграции (Париж, Женева), член Женевской группы РСДРП(б). Делегат VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков. В июле 1917 года ЦК РСДРП(б) направлена в Севастополь для пропагандистской работы. Депутат Севастопольского совета. С августа 1917 года — председатель Севастопольского комитета РСДРП(б). Член исполкома Севастопольского совета, Военно-революционного комитета. Избрана членом Всероссийского Учредительного собрания (от Черноморского флота). После установления власти большевиков и их союзников в Севастополе выехала в Петроград. Встречалась с Я. М. Свердловым и В. И. Лениным. Секретарь Ставки Верховного главнокомандования, с мая 1918 года — член Чрезвычайного Черноморского революционного комитета Новороссийского района, участвовала в организации затопления кораблей Черноморского флота. Заместитель председателя ЦИК Кубано-Черноморской республики (1918), председатель Владимирского губкома большевиков, член президиума Московского обкома РКП(б). Делегат VII и VIII съездов партии большевиков. Член ВЦИК шестого и седьмого созывов. Заведующая политотделом запасных частей 10-й армии, представитель ЦК РКП(б) и инструктор НКВД в агитпоезде им. В. И. Ленина, работала в кооперативной секции Коминтерна, участница международных конференций коммунистов. Одна из улиц Севастополя носит её имя. (*Негодова Е. М.* Островская Надежда Ильинична // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 370; *Сёмин Г. И., Никитина А. С.* Посланцы Ленина. Очерки. — Симферополь, 1977. — С. 59–79; *Гурьянова Н. М., Гурьянов Н. А.* Указ. соч. — С. 95; *Алтабаева Е. Б.* Смутное время: Севастополь в 1917–1920 гг. Учебное пособие. — Севастополь, 2004. — С. 51).

¹⁴⁴ **Ульянов Дмитрий Ильич** (1874–1943). Родился в Симбирске (ныне Ульяновск), в семье инспектора народных училищ Симбирской губернии. Окончил гим-

назито и в 1893 году поступил на медицинский факультет Московского университета. За участие в революционной деятельности в 1897 году арестован, исключён из университета и выслан из столицы. С 1900 года — член социал-демократической организации «Искра», в следующем году окончил Юрьевский университет. Участник II съезда РСДРП, большевик. Работает врачом, заметного участия в партийной жизни не принимает. С Крымом связан с 1911 года, когда приступил к профессиональной деятельности (санитарный врач земской управы) в Феодосийском уезде. С началом Первой мировой войны мобилизован, военврач. Летом 1917 года шефствовал над Домом бывших политкаторжан в Евпатории. По данным московского историка Я. В. Леонтьева, со ссылкой на участника событий Гражданской войны в Крыму, историки и публициста В. Е. Баранченко, здесь у Д. И. Ульянова установились близкие отношения с Ф. Х. Ройблат, более известной как Фанни Каплан, прибывшей в Крым для отдыха и лечения. На допросе после покушения на В. И. Ленина она сообщила: «Решилась на этот шаг в феврале. Эта мысль назрела в Симферополе. С тех пор готовилась к этому шагу...» (Цит. по: *Костин Н.* Суд над террором // Родина (Москва). — 1993. — № 10. — С. 63). В 1918 году Д. И. Ульянов стал членом редколлегии газеты «Таврическая Правда». После падения Социалистической Советской Республики Тавриды с мая 1918 года жил в Евпатории. После занятия города красными частями вошел в Евпаторийский ревком. Избран в состав областного комитета КП(б)У. Возглавлял правительство Крымской ССР (1919). После её падения — комиссар 13-й армии, затем Южного фронта. В ноябре 1920 года вместе с Красной Армией вернулся в Крым. Член Крымского обкома РКП(б), особоуполномоченный народного комиссариата здравоохранения РСФСР и начальник Центрального управления курортами Крыма. 7 мая 1921 года президиум Крымского обкома РКП(б) обсуждал вопрос «о случае появления тов. Ульянова в нетрезвом виде», на следующий день пленум обкома обратился к ЦК с просьбой об его отзыве из Крыма (версия: ввиду нежелания иметь в Крыму брата вождя). Жил в Москве, работал в наркомздраве, Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, участвовал в организации музеев В. И. Ленина. Делегат XVI и XVII съездов ВКП(б). Скончался в Горках Ленинских. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище (*Яроцкий Б. М.* Дмитрий Ульянов. — М., 1989; ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 7; *Павлюченков С. А.* Веселые Руси: революция и самогон // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. — М., 1997. — С. 133; *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Прелюдия усобицы (Феодосия, октябрь 1917 г.) // И. С. Шмелёв в контексте славянской культуры. VIII Крымские Международные Шмелёвские чтения. Сборник материалов международной научной конференции. — Алушта, 1999. — С. 197; *Львовски М., Чебыкин И.* Фанни Каплан была любовницей брата Ленина? Неизвестные подробности из жизни легендарной террористки и Дмитрия Ульянова // Комсомольская правда в Украине. — 2002. — 29 марта. *Попов А.* Гуманист в белом халате среди красных палаток // Первая Крымская (Симферополь). — 2005. — 2–8 сентября. — № 32/33; и др.). Именем Дм. Ульянова названы улицы в Симферополе, Севастополе, Ялте, Евпатории (здесь же — переулок Ульянова), в Феодосии проспект Ленина пересекается с улицей Ульянова.

¹⁴⁵ *Королев В. И.* Крым и Северная Таврия в 1907–1917 гг. Страницы политической истории. — С. 33.

Бобровский Пётр Семёнович (1880–1947). Социал-демократ. Неоднократно подвергался репрессиям царских властей (ссылался в Вологодскую губернию).

Известный юрист в Симферополе, присяжный поверенный, член Симферопольской городской думы, Таврической губернской земской управы. После Февральской революции помощник Таврического губернского комиссара Временного правительства Н. Н. Богданова. Член плехановской партии «Единство». Входил в состав Совета народных представителей (1917–1918). Министр труда, краевой секретарь и контролёр Крымского краевого правительства С. С. Крыма. Эмигрировал в апреле 1919 года. Возвратился в Крым после падения Крымской ССР, редактировал газету «Южные Ведомости», с ноября 1920 года вновь в эмиграции. Жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, Чехословакии. Сотрудник Русского заграничного исторического архива (РЗИА), член Русского клуба во Внеморах (Чехословакия), где выступал с докладами. Автор воспоминаний. Арестован советскими войсками после освобождения Праги в 1945 году. Погиб в ГУЛАГе. (*Бобровский П. С. Крымская эвакуация. Неоконченный дневник // Крымский архив. — 2002. — № 8. — С. 103–153; Шалюгин Г. А. «Рядовой русский беженец...» Эмигрантский дневник П. С. Бобровского // Там же. — С. 101–102*).

¹⁴⁶ **Тохтаргазы Усеин Шамиль** (1881–1913). Родился в д. Коккоз (ныне с. Соколиное Бахчисарайского района). Учился в начальной школе. Рано лишившись отца, вынужден был выполнять различные работы, чтобы содержать семью. Продолжил образование в учительской школе. В 1895 году начал педагогическую деятельность в д. Аутка (ныне в черте г. Ялта). В 1902–1903 годах преподавал в школе в д. Сараймин (с. Сокольское Ленинского района, ныне не существует). В 1904 году на общественные средства открыл школу в д. Харджибие (близ Феодосии), где также работал учителем. По взглядам революционер-демократ. Входил в группу А. Ширина/А. Медиева, один из основателей газеты «Ва(е)тан Хадими». Печатал на гектографе антиправительственные листовки. Защищал крестьян от помещичьего произвола. Преследовался. В 1906 году был вынужден вернуться в Коккоз. С 1909 года вновь в Харджибие. Автор нескольких стихотворных сборников, пьес, романа «Остров счастья» (1911). Произведения Тохтаргазы проникнуты неприятием самодержавия, жадной социальной справедливости, идеалами просвещения, раскрепощения женщины, резкой критикой духовенства. Некоторые из его стихов стали народными песнями. Некролог Тохтаргазы был опубликован в газете «Терджиман» И. Гаспринского. (*Керим И. А. На стыке веков. (Фотопортреты крымскотатарских писателей конца XIX и начала XX веков с приложением кратких биографических сведений о них). — Симферополь, 1995. — Отдельный лист; О нём художественное произведение: Алядин Ш. Приглашение к дьяволу на пир // Алядин Ш. Избранное. — Симферополь, 1999*).

¹⁴⁷ ГААРК. — Ф. 27. — Оп. 9. — Д. 1236. — Л. 106.

¹⁴⁸ **Николай Николаевич Романов (младший)** (1856–1929). Великий князь. Родился в Санкт-Петербурге. В 1871 году зачислен юнкером в Николаевское инженерное училище, откуда в 1872 году выпущен прапорщиком в учебный пехотный батальон. В 1874–1876 годах обучался в Николаевской Академии Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Генерал от кавалерии (1901). В 1895–1905 годах — генерал-инспектор кавалерии, с 1905 года — главнокомандующий войсками гвардии Санкт-Петербургского военного округа, одновременно в 1905–1908 годах — председатель Совета государственной обороны. В Первую мировую — Верховый главнокомандующий до 1915 года, когда на этом посту его сменил Николай II. В 1915–1917 годах — наместник на Кавказе и

главнокомандующий Кавказской армией. При отречении Николая II от престола вновь назначен Верховным главнокомандующим, но под давлением Временного правительства вынужден был от этой должности отказаться. Из Тифлиса (Тбилиси) через Киев прибыл в имение «Ливадия», затем в имение своей супруги Анастасии Николаевны «Чаир», потом при большевиках вынужден был переселиться во дворец великого князя Петра Николаевича «Дюльбер», находился под надзором властей. Во время германской оккупации Крыма переехал вместе с супругой во дворец «Кичкине» великого князя Дмитрия Константиновича. С германским командованием на полуострове в контакт вступать не пожелал, жил затворником. В апреле 1919 года покинул Крым вместе с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной на английском военном корабле «Мальборо». Жил в Италии, Франции. В декабре 1924 года принял от П. Н. Врангеля командование объединёнными в РОВС русскими военными зарубежными организациями. Скончался в Антибе. Похоронен в русской церкви в Каннах (*Федорченко В. И.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий: в 2 т. — Красноярск — М., 2003. — Т. 2. — С. 136–138; *Калинин Н. Н., Земляниченко М. А.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...» — Симферополь, 2002. — С. 267–296).

¹⁴⁹ ГААРК. — Ф. 27. — Оп. 9. — Д. 1236. — Л. 3.

¹⁵⁰ Расселение немцев в Крыму (стенные районы) и Новороссии в целом активно поощрялось при Екатерине II. Среди переселенцев были весьма многочисленны сектанты-меннониты, не признающие военной службы. В России они были от таковой избавлены. «Для немецких поселенцев была характерна значительная обособленность от других национальных групп. Это объяснялось их религиозной замкнутостью и тем, что они считали себя представителями более высокой западноевропейской культуры. Крымские немцы поддерживали постоянную связь с Германией и мало интересовались местной жизнью. Часть их сохраняла германское подданство. (...) Многие жители полуострова ещё до начала войны недолюбливали немецких поселенцев из-за их национальной и религиозной обособленности, хозяйственных успехов (колонисты с началом XX столетия постепенно переходят к интенсивным формам ведения хозяйства. — *Авт.*), более высокого уровня жизни, широкого применения батрацкого труда. Недоброжелательное отношение к немцам заметно усилилось после начала войны». (*Кащенко С. Г.* Положение немецкого населения в Крыму в годы первой мировой войны // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. — 1994. — № 7. — С. 54, 58). Ю. Н. Лаптев поясняет: меннониты выработали особое этническое самосознание и с 1880-х годов рассматривались в России как самостоятельная этноконфессиональная общность. И в немцах, как таковых, и в меннонитах многие видели прежде всего удачливых конкурентов — отсюда стремление ликвидировать их в этом качестве (что, кстати, было первоочередной причиной и еврейских погромов). 1914 год принёс с собой резкую антинемецкую пропагандистскую кампанию (К вопросу о положении немцев Крыма в годы первой мировой войны // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 1997. — Выпуск I. — С. 428–429; *Лаптев Ю. Н.* Немецкие религиозные общины немцев (XIX — начало XX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. — Симферополь, 2000. — С. 37–49; Положение немцев в Крыму в годы первой мировой войны. // Там же. — С. 63–72).

¹⁵¹ *Королев В. И.* Крым и Северная Таврия в 1907–1917 гг. Страницы политической истории. — Симферополь, 1995. — С. 43–44; *Зарубин В. Г.* Межнацио-

нальные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.). — С. 56.

¹⁵² *Кащенко С. Г.* Немецкое население Крыма в годы первой мировой войны // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции (23–28 сентября). — Симферополь, 1991. — Выпуск второй. — С. 31.

¹⁵³ *Латтев Ю. Н.* К вопросу о положении немцев Крыма в годы первой мировой войны. — С. 429, 433.

¹⁵⁴ *Кащенко С. Г.* Положение немецкого населения в Крыму в годы первой мировой войны. — С. 60; *Латтев Ю. Н.* К вопросу о положении немцев Крыма в годы первой мировой войны. — С. 432–434.

¹⁵⁵ 11 марта 1917 года Временное правительство издало постановление о приостановке исполнения законов о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев. Высланные иностранно-подданные граждане могли возвращаться в Крым.

¹⁵⁶ ГААРК. — Ф. Р.-1694. — Оп. 2. — Д. 24. — Л. 1–1об., 4, 5, 6, 7, 8, 11, 26–27, 28, 30, 43, 46, 48, 49. *Зарубин В.* Как власти с журналистами обращались // Таврические ведомости (Симферополь). — 1992. — № 51 (декабрь).

¹⁵⁷ **Сущон Вильгельм** (1864–1946). Родился в Лейпциге. В 1881 году вступил в военно-морской флот Германии. Командовал канонерской лодкой «Адлер», участвовал в захвате островов Самоа. Окончил морскую академию в Киле. В 1896–1900 годах служил в Главном командовании ВМФ, в 1902–1904 годах в Адмирал-штабе. Во время русско-японской войны — начальник штаба крейсерской эскадры в Восточной Азии. В 1906–1907 годах служит в Имперском морском управлении, затем командовал броненосцем «Веттин». Начальник штаба военно-морских сил на Балтике (1909–1912). С 1913 года командующий эскадрой Средиземного моря в составе линейного крейсера «Гебен» и лёгкого крейсера «Бреслау». В момент объявления войны «Гебен» и «Бреслау» находились в Бриндизи на пути к берегам Африки. Получил приказ срочно идти в Турцию. 4 августа 1914 года (в этой сноске даты приводятся по новому стилю) обстрелял алжирские порты Филиппвиль и Бон, а 10 августа, оторвавшись от преследования, вошел в Дарданеллы. 16 августа оба корабля включены в состав турецкого флота, а Сущон назначен командующим германо-турецким (впоследствии также и болгарским) военным флотом. В августе 1917 года заменён контр-адмиралом Губертом фон Ребер-Папвицем (1863–1933) и назначен в сентябре командиром 4-й эскадры Флота открытого моря, с которой участвовал в боевых действиях на Балтике, в том числе в Моозундской операции. 12 апреля 1918 года его корабли вошли в Гельсингфорс (Хельсинки). В августе 1918 года заменён контр-адмиралом Г. Мойерером, а 30 октября 1918 года назначен начальником морской базы Балтийского моря. Адмирал (11 ноября 1918-го года). С 17 марта 1919 года в отставке. Скончался в Бремене (*Залесский К. А.* Указ. соч. — С. 580–582).

¹⁵⁸ **Энвер-паша** (1881–1922). Родился в бедной семье в Константинополе. Поступил на службу в армию. Закончил Академию Генерального штаба в Константинополе (1903). Член Центрального комитета младотурецкой партии «Единение и прогресс». Участник младотурецкого переворота (1908) и низложения султана Абдул-Гамида II (1909). Один из идеологов панисламизма. С 1909 года военный атташе в Германии. Организатор и руководитель народной войны против итальянских войск в Триполи (1911). С 1912 года — губернатор Бенгази. Участник 1-й Балканской войны (1912–1913), начальник штаба и, фактически, командир 10-го армейского корпу-

са, защищавшего Андрианополь. В 1913 году произвёл военный переворот, в результате которого к власти пришёл комитет «Единение и прогресс». Во время 2-й Балканской войны (1913) — начальник Генштаба; лично возглавил войска, взявшие Андрианополь. В январе 1914 года женился на племяннице султана и в феврале был назначен военным министром. Вместе с Джемалем-папой и Талаат-папой вошёл в состав триумvirата, обладавшего всей полнотой власти в стране. Причём именно Энвер-паша играл в триумvirате ведущую роль. Сторонник союза с Германией. Во время Первой мировой войны — помощник главнокомандующего турецкими вооружёнными силами султана Мехмеда V, фактически возглавил турецкую армию. Командовал наступлением на Кавказском фронте, но в ходе Сарыкамышской операции (декабрь 1914-го — январь 1915 года) турецкие войска здесь потерпели сокрушительное поражение. Сыграл ведущую роль в принудительной массовой депортации и геноциде армян. После поражения Турции и падения младотурецкого правительства на германском корабле вывезен в Германию. Вместе с другими членами триумvirата в 1919 году чрезвычайным полевым трибуналом («процесс младотурок») заочно приговорён (под давлением стран Антанты) к смертной казни. Вступив в контакт с представителями Советской России, в 1919 году посетил Москву, участвовал в конференции мусульманских деятелей в Баку (1920). После неудачной попытки проникнуть в Турцию для борьбы с Мустафой-Кемалем-папой (Атапорком) осенью 1921 года прибыл в Туркестан, где создал подпольный «Комитет национального объединения». В 1922 году возглавил отряды басмачей, поддерживаемых Великобританией. В начале 1922 года захватил Душанбе и организовал поход на Бухару. В одном из столкновений с красными частями его отряд был разбит, а сам Энвер-паша убит близ Балыджуана (Бухара). (*Боджоян М. Энвер // Армянский вопрос. Энциклопедия /* Ред. колл.: К. С. Худавердян (отв. ред.) и др. — Ереван, 1991. — С. 343–344; *Залесский К. А.* Указ. соч. — С. 709–710).

¹⁵⁹ **Эбергард Андрей Августович** (1856–1919). Родился в семье генерально-го консула России на острове Патрас (Греция). Из обрусевших шведов. Закончил Морское училище в Петербурге, получив мичманский чин (1879). Службу начал на Чёрном море (в сентябре 1880 года утверждён в должности адъютанта Черноморского флотского экипажа). С 1882 года служил на Балтике, затем на Тихом океане. В 1894 году назначен морским агентом (атташе) в Константинополе. В феврале 1895 года переведён на Черноморский флот, в 1899 году в Сибирскую флотилию. Участник подавления «боксёрского» восстания в Китае (1900). Командир крейсера «Адмирал Нахимов» Тихоокеанской эскадры (1901–1902). В декабре 1902 года назначен флаг-капитаном (начальником штаба) Тихоокеанской эскадры. Участник русско-японской войны, служит при штабе адмирала Е. И. Алексеева в Манчжурии. В 1905 году командир старого броненосца «Император Александр II» в Кронштадте. В январе 1906 года получил назначение командовать броненосцем «Святой Пантелеймон» (бывший «Потёмкин») на Чёрном море, в августе назначен исполнять должность помощника начальника Главного морского штаба. Контр-адмирал (1907). В 1908 году — начальник Морского генерального штаба. Вице-адмирал (1909). С октября 1911 года командует Черноморским флотом. Адмирал (1913). После увольнения с должности командующего Черноморского флота (28 июня 1916 года) назначен членом Государственного совета. В июне 1917 года член Адмиралтейств-Совета. После октябрьских событий 1917 года уволен в отставку. Жил в Петрограде, в 1918 году арес-

товывался ЧК, но освобождён из-за отсутствия улик (*Макареев М. В., Рыжон Г. Н.* Указ. соч. — Т. 1. 1783–1917. — С. 203–208).

¹⁶⁰ **Колчак Александр Васильевич** (1874–1920). Родился в с. Александровское Петербургского уезда, в семье штабс-капитана морской артиллерии, участника Крымской войны, в дальнейшем — генерал-майора. Казачьих корней. «Вырос я под влиянием чисто военной обстановки и военной среды» (из протоколов допроса в феврале 1920 года; цит. по: *Дроков С. В.* Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории (Москва). — 1991. — № 1. — С. 51). В 1894 году окончил Морской кадетский корпус. Служил на военных кораблях. С 1900 года занимался научной деятельностью (океанография, магнитология и гидрология). Участник полярной экспедиции Э. В. Толля (1900–1903). С 1906 года — действительный член Русского Императорского географического общества. Один из островов Карского моря назван его именем (позднее переименован). В 1906 году: начальник отдела Морского Генштаба; эксперт III Государственной думы по военно-морским вопросам; работал в Морской академии. Опубликовал исследование «Лёд Карского и Сибирского морей» (1909). Командовал кораблём в экспедиции 1909–1910 годов (Балтийское море — Владивосток — мыс Дежнёва). С 1910-го года снова в Генштабе, с 1912 на Балтийском флоте. Капитан I ранга (1913), контр-адмирал (1916). Участник Русско-японской (после капитуляции Порт-Артура побывал в японском плену) и Первой мировой войн. Теоретик и практик минного дела, убеждённый сторонник создания мощного линейного флота как гаранта обеспечения за Россией роли великой державы. С июня 1916 года — командующий Черноморским флотом, вице-адмирал. В августе 1917-го — сентябре 1918 года — в Англии, США, Японии, снова в Англии. Принят на британскую военную службу. 4 ноября 1918 года прибыл в Омск, некоторое время был военным и морским министром правительства Директории. 18 ноября произвёл переворот, провозгласив себя Верховным правителем России. Руководил борьбой с войсками Советского правительства и партизанами в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. «Его окружение было грязным, даже по свидетельствам из его же лагеря» (Там же. — С. 63). Решение главных задач внутренней политики правительство Колчака откладывало до созыва Учредительного собрания нового состава. В начале января 1920 года потерпел окончательное поражение, сложил с себя звание Верховного правителя. Арестован чехословаками, передан социалистическому Политцентру, а им, в свою очередь, большевистскому Иркутскому военно-революционному комитету. После допросов и недвусмысленной шифровки В. И. Ленина расстрелян (вместе с председателем Совета министров В. Н. Пепеляевым) по приказу председателя Сибревкома И. Н. Смирнова на берегу реки Ушаковки. (*Дроков С. В.* Александр Васильевич Колчак. — С. 50–65; *Юрченко В. В.* Колчак Александр Васильевич // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. — С. 159–161; *Звягин С. П., Плотников И. Ф.* Колчак Александр Васильевич // История «белой» Сибири в лицах. Биографический справочник. — СПб., 1996. — С. 22–28).

¹⁶¹ Цит. по: *Дроков С. В.* Указ. соч. — С. 56.

¹⁶² **Китицын Михаил Александрович** (1885–1960). Родился в Чернигове в семье чиновника. Окончил Морской корпус (1905), Офицерский класс подводного плавания (1909). Капитан 1-го ранга (1917), начальник Отдельных гардемаринских классов в Петрограде. Осенью 1917 года отбыл во Владивосток с гардемаринами. Командир учебного отряда Сибирской флотилии. Георгиевский кавалер.

В 1918 году ушёл в Японию на вспомогательном крейсере «Орёл». Служил в белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии, заведующий гардемаринами. Начальник Морского училища во Владивостоке (1919). В январе 1920 года на вспомогательном крейсере «Орёл» ушёл в Дубровник, где сдал крейсер Добровольному флоту и прибыл в Крым. Командир канонерской лодки «Якут». Ушёл с флотом в Бизерту. Помощник директора, заведующий обучением в Морском корпусе (1922). С осени 1922 года — в США, инженер в Нью-Йорке, затем в Айдахо. Основатель, председатель (1923–1925), почётный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Скончался в Сент-Питерсберге (Флорида). (*Валков С. В.* Указ. соч. — С. 248). О действиях подводных лодок в Чёрном море см.: *Римкович В. П.* Подводные лодки на Чёрном море. — Одесса, 2000. — С. 20–27.

¹⁶³ См.: *Веникеев Е. В., Артёменко Л. Т.* Пенители Понта. (Пиратство в Чёрном море). — Симферополь, 1992. — С. 178–186; *Кооп Г.* На линейном крейсере «Гебен». — СПб., 2002; Черноморский флот России: исторический очерк. / Под ред. адмирала В. П. Комоедова. — Симферополь, 2002. — С. 127–142; *Лорей Г.* Операции германо-турецких сил, 1914–1918. — СПб., 2004; *Зарубин В. Г.* Первая мировая война // Крым сквозь тысячелетия. — Симферополь, 2004. — С. 425–429; *Зарубин В. Г.* Первая мировая война // История Крыма с древнейших времён до наших дней (в очерках). — Симферополь, 2005. — С. 220–223).

¹⁶⁴ См. *Ликин А. С.* Тайна «Императрицы Марии». История одного поиска. — М., 1993.

¹⁶⁵ К 1917-му году: на хлеб — более чем в 3 раза, мясо — в 4,5, масло — в 5, картофель — в 10, на обувь — более чем в 7 и т. д. (*Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Ч. I. — С. 208).

¹⁶⁶ Крымский Вестник. — 1920. — 8(21) августа.

От эйфории Марта к конфронтации Октября

Февральская (вернее Февральско-мартовская) революция, которая первоначально именовалась в Крыму «событиями в Петрограде», смена власти и формы правления были встречены большинством крымчан скорее с безразличием, нежели с восторгом или неприятием. Начальственные опасения возможных волнений оказались излишними. Дело ограничилось, по газетным сообщениям, разгромом некоторых участков с разоружением полиции. Скорее всего, как и в столице, это было осуществлённое желание отвести душу, благо безнаказанно, которое сопровождалось прагматичным намерением уничтожить, пользуясь случаем, бумажный компромат. Из заключения, меж тем, выходили не только политические, но и уголовные — сразу поползло вверх число сообщений о преступлениях.

Обыватели, погружённые в повседневные заботы, не понимали, да и не хотели понимать смысла случившегося, считая, что хуже не будет, а мир теперь приблизится. Царская власть не пользовалась даже тенью авторитета, и появление Временного правительства было воспринято как нечто естественное. «Телеграмма образованию нового правительства объявлена населению путём расклейки видных местах точка городе (Симферополе. — *Авт.*) спокойно»¹, — докладывал 6 марта в столицу исправник Никифоров. Таврический губернский комиссар Я. Т. Харченко, назначенный 6 марта Временным правительством вместо вице-губернатора С. В. Горчакова, подтверждал 16 марта: «Петроград МВД Докладываю в губернии спокойно приступлено к организации волостных и сельских общественных комитетов учреждение которых населением встречается сочувственно»².

Исключительную роль играли события на флоте, ибо он был организацией *общероссийской*.

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак получил первое известие о событиях в столице, находясь на эскадренном миноносце в Батуме 25 февраля по приглашению великого князя Николая Николаевича. Шифрованная телеграмма за подписью начальника Генштаба Ставки капитана 1-го ранга А. П. Капниста гласила: «В Петрограде произошли крупные беспорядки, город в руках мятежников, гарнизон перешёл на их сторону»³. Учитывая то определяющее обстоятельство, что Россия пребывала в состоянии войны, вице-адмирал направил секретное приказание коменданту Севастопольской крепости перекрыть почтовое и телеграфное сообщение Крыма с прочей Россией, а телеграммы и почту передавать только в штаб командующего флотом. Вскоре, по мере получения очередной информации, связь полуострова с центром была восстановлена.

Фактический начальник штаба Черноморского флота в то время капитан 1-го ранга М. И. Смирнов⁴ вспоминал: «Опубликование первых известий не произвело заметного влияния на команды и на рабочих. Служба шла нормальным порядком, нигде никаких нарушений не происходило. Это явилось новым доказательством того, что революционной подготовки в районе Чёрного моря не было»⁵. Колчак распорядился об освобождении из тюрем политзаключённых, роспуске полиции, жандармского корпуса и формировании городской милиции. Был опубликован приказ Петроградского совета № 1 и дублирующий его приказ военного и морского министра А. И. Гучкова, которые отменили звание «нижние чины», ограничения гражданских прав солдат и матросов (например, запрет ездить внутри трамвая, а также в 1-м и 2-м классах поездов, курить на улицах, посещать буфеты), титулование офицеров. Смягчались кары за дисциплинарные проступки. «Революция пришла в армию и флот по «приказу» высших начальников»⁶.

Вскоре, однако, ситуация несколько изменилась. «...Пришли первые газеты из Петрограда и Москвы. Появилось много новых газет социалистического направления, призывавших к низвержению государственного строя и разложению дисциплины в армии и на флоте. Во мгновение ока настроение команд изменилось. Начались митинги. Из щелей выползли преступные агитаторы»⁷.

Именно офицеры военного времени, чуждые войне и казарменному образу жизни, прапорщики, вольноопределяющиеся из «интеллектуалов» (вспомним Марека из «Похождений храброго солдата Швейка» Я. Гашека), во множестве возглавившие армейские и флотские комитеты, столь же во множестве возникавшие весной 1917 года, стали проводниками «преступных» идей. Впрочем, дело не только и не столько в газетах и агитаторах. Один из серьёзных знаковок истории Революции констатирует, с упором на повседневную её сторону: «По-настоящему солдаты доверялись пропагандистам лишь почувствовав себя обманутыми командованием и властью. В принципе, послефевральскую Россию можно представить как гигантское открытое информационное пространство, которое требовало адекватного — в смысле соответствующего «языка», своевременности и содержательности — наполнения. Поскольку информация, которая требовалась для эволюционной трансформации социумов, не поступала, развитием ситуации стали слухи, наветы, демагогическая ложь. Информационное пространство превращалось в настоящий кипящий котёл всеобщей подозрительности (курсив наш. — Авт.)»⁸.

Отречение Николая II от престола поставило остро перед военными проблемами присяги. Но, поскольку присяга приносилась «царю и отечеству», а война продолжалась, рассудок подсказывал: служить отечеству, которое олицетворялось теперь Временным правительством. 12 марта флот был приведён к присяге новой власти. Русские генералы и офицеры сделали свой выбор. Так же как и А. В. Колчак. Он телеграфировал

«морскому министру» А. И. Гучкову: «Черноморский флот просит вас принять выражения глубокого к вам уважения и уверения в твёрдом решении его приложить все силы для доведения войны до победного конца»⁹. Однако ненависть к офицерам, всяческому начальству и «буржуйам», что, подобно семенам, была посеяна в матросской массе условиями её службы, помноженная на жажду «воли» и развал государства, очень скоро даст в Крыму ужасающие всходы¹⁰.

Перелом солдатской массы по отношению к войне фиксируется ещё в начале 1916 года. Верхи себя дискредитировали. Фронт, а затем и тыл, стали желать *мира и только мира*. В 1917 году количество дезертиров вышло, по всей видимости (с допусками), на уровень до 2 млн. человек. Мотивация была разнообразнейшей — от желания «погулять» до желания поглядеть — как там дела дома или принять участие в дележе земли. «Кем же был по психологии «человек с ружьём»? Новоявленным «пролетарием»? Бывшим крестьянином? Деклассированным элементом? В психологии солдат и матросов сочеталось и то, и другое, и третье. Но в целом они вели себя как масса ожесточённых маргиналов, по-своему воспринявшая обещания всеобщего «земного рая» и уверовавшая в социальное чудо за счёт избавления от «дурного» начальства, — итожит В. П. Булдаков анализ ударной силы событий 1917 года и продолжает: «В целом можно констатировать, что в основе революционизма солдатской массы лежало *архаичное неполитическое бунтарство* (курсив наш. — Авт.). (...) Российская революция оказалась чрезвычайно примитивна по своей «человеческой» природе. (...) ...Уместно признать, что наиболее характерны для общероссийского революционного хаоса оказались именно солдаты и матросы, типичные носители «коллективного бессознательного», в котором сочетались элементы традиционного крестьянского бунтарства и разнузданности вынужденного маргинала»¹¹. Чего мы не видим в этом эффектном резюме — так это материальной основы «бунтарства» и «разнузданности», которую (основу) Булдаков сам фиксировал в той же работе. Психология всё-таки если и витает в облаках или коренится в глубинах подсознания, то не вся же и не у всех, — её сопряжённость с «землёй» постоянна, а в «период политических потрясений и революций»¹² она резко обостряется. И в то же время «солдаты представляли собой... очень большую часть политических активистов — в тот момент они составляли более половины партии эсеров, треть партии большевиков и около одной пятой меньшевиков»¹³.

Ситуация в Крыму вполне соответствует приведённым заключениям. Ещё до революции «наиболее активной военной группой, — констатирует исследователь, — в которой были брожения, нужно признать запасных различных полков. Их настроения перед февралём начинают беспокоить местную власть»¹⁴. Эти *запасные* и станут ферментом послефевральских перипетий.

Первые «инициативы» снизу в армейских частях на территории Крыма отмечены М. Ф. Бунегиним.

Отказ крепостной артиллерии в Севастополе принять присягу Временному правительству. Мотивировался наличием в крепости жандармов. Только после того, как командование заверило, что жандармы будут привлечены к отбыванию воинской повинности, артиллеристы приняли присягу.

Конфликт нижних чинов Симферопольского гарнизона с офицерством. Здесь созрел целый букет проблем. Недовольство строгой дисциплиной. Желание разобраться с освобождёнными от призыва — правильно ли они освобождены, что привело к стрельбе и жертвам. Политика нового начальника гарнизона капитана Замятина, солидаризовавшегося с солдатами. Наконец, разъяснительная работа делегации Севастопольского исполкома, которая доказывала необходимость единения солдат и офицеров, замена некоторых офицеров и ряд других мер внесли временное успокоение в гарнизон.

Отказ 52-го Виленского полка, расположенного в Феодосии, отправиться на фронт. Хотя всё же он был отправлен.

Резкий рост числа дезертиров в апреле-мае (в Крыму скапливались дезертиры и из других губерний). Дезертиров вылавливали особые вооружённые отряды, отчасти население. «Ловили дезертиров крестьяне не потому, что были за продолжение войны, а «коли мой сын служит, зачем же ты убежал»»¹⁵. «Тогда же революция произвела совершенно новый вид дезертира — специально для обработки полей. Они получили название «обсеменителей» (курсив наш. — Авт.), и толпами путешествовали... с котомками, с мешками, унылые, печальные...»¹⁶.

Из весенних впечатлений прибывшего в Севастополь офицера: «Как всегда, везде встречались матросы, но большинство, однако, не отдавало честь, и только одиночные иногда подымали руку к фуражке. (...) На улицах не было городских — старых знакомых, которых так привык видеть на этой дороге и часто любоваться их выправкой. Вместо них ходили с винтовками какие-то оборванцы и зелёная молодёжь — гимназисты лет пятнадцати, реалисты и вообще очень молодые люди. (...) Словом, Севастопольская милиция первых дней революции производила комичное и несерьёзное впечатление.

Скоро я вошёл в подъезд штаба... Уже в вестибюле я был поражён той картиной, которую увидел: масса солдат 5-го полка в расстёгнутых шинелях и мундирах ходила, сидела и лежала на каменном полу. Никто не встал при моём приходе, везде была грязь, кожура семечек, какие-то объедки, окурки... Все эти люди громко говорили, спорили, горланили, были расстрепаны и грязны. (...)

Было пусто и больно на душе, чувствовалось, что хотя и нет в Севастополе убийств, подобных кронштадтским, но есть что-то липкое, цепкое, ползучее, что-то нездоровое, не революционный подъём и красота, а страх и заискивание перед загадочной матросской и солдатской массой»¹⁷.

Так начиналась новая эпоха¹⁸. («Февраль 1917 г. был продолжением революции 1905–1907 гг., а в нём уже был скрыт Октябрь»¹⁹). Наиболее про-

зорливые умы предвидели, что это будет эра катастроф. На фоне всеобщего восторга их голоса звучали здравыми предостережениями. Очень выпукло — у поэта и мыслителя М. А. Волошина²⁰.

6 марта Р. Гольдовская записывает в дневнике: *«Забегал Бальмонт. Он в экстазе... Не человек, а пламень. Говорит: — Россия показала миру пример бескровной революции. Мрачный (Макс) на это возразил: — Подождите! Революции, начинающиеся бескровно, обыкновенно оказываются самыми кровавыми»*²¹.

Летом 1919 года Волошин как бы замыкает круг своих рассуждений о природе происшедшего в феврале: «Революция наша оказалась не переворотом, а распадом, она открыла период нового Смутного времени»²².

Весьма быстро городское население полуострова, включая все социальные слои, пробуждается к политической жизни.

Настроения момента чутко уловили некоторые чиновники, приступившие к сочинению доносов на своих начальников (кое-что подобное сохранилось в ГААРК), где обвиняли их в монархических пристрастиях, реакционности, с вполне понятной целью обеспечить себе прогрессивную репутацию и занять, если получится, освободившиеся места. Как при любых политических потрясениях, появилась благоприятная возможность для карьерного взлёта. Споро росли новая — «демократическая» — бюрократия и, рука об руку с ней, — степень коррумпированности.

Верховная власть в губернии принадлежала теперь губкомиссару, первоначально в лице бывшего председателя Губернской земской управы Я. Т. Харченко. С мотивацией — правые взгляды и казнокрадство²³ (Харченко с его 25-летним земским опытом не спешил менять опытных сотрудников на новых) — он замещается распоряжением правительства от 27 марта членом конституционно-демократической партии ялтинцем Н. Н. Богдановым (председатель Губернской земской управы, Исполкома общественных организаций, лидер крымского отделения кадетской партии) с помощниками П. И. Бианки (социал-демократ) и П. С. Бобровским (социал-демократ). На местах создаётся институт уездных комиссаров.

Опорой комиссара были комитеты общественной безопасности (общественные комитеты), возглавляемые в основном деятелями либерального толка. Самостоятельной властной роли комитеты не играли. Сохранились как органы управления городские думы и управы, губернское и уездные земства (решение Временного правительства о создании волостных земств фактически не было реализовано). В июне-июле, сентябре-октябре в них состоялись перевыборы.

«С первых же дней революции начали возникать самые разнообразные по названию, но весьма тождественные по внутреннему существу организации. Организовались все: с домовладельцев, торговцев до групп «активных деятелей февральской революции», союза имени Минина и внепартийных групп республиканской демократии»²⁴.

Началось оформление профессиональных союзов. Они были весьма разнообразны. Так, первый профсоюз мусульман Симферопольского района, образованный в апреле 1917 года, объединял 63 музыканта²⁵.

Профсоюзное движение уже имело в Крыму свою историю. В начале 1906 года было создано Центральное Бюро профсоюзов Таврической губернии, почти исключительно меньшевистское. В марте 1917 года временные центральные бюро, затем — советы профсоюзов возникают в Симферополе и Севастополе. 29 марта Симферопольский совет заключают с представителями фабрично-заводских комитетов (фабзавкомы) и профсоюзов соглашение об установлении 8-часового рабочего дня.

Возродившиеся в 1917 году *фабзавкомы* (или, как они официально определялись, — низовые профсоюзные ячейки на предприятиях), своеобразные внутрифабричные общины, как и везде по стране, были более радикальными, чем собственно профсоюзы. На съезде фабзавкомов 12 октября было представлено 21 145 рабочих. Сфера их деятельности определялась съездом следующим образом: «1) Представительства через администрацию предприятий по вопросам, касающимся взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, как-то: о заработной плате; рабочем времени; правилах внутреннего распорядка; 2) разрешение вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими предприятия; 3) культурно-просветительной деятельности среди рабочих предприятия и принятия мер, направленных к улучшению быта их; 4) принятие мер, направленных к обеспечению нормального хода работ, введению контроля над производством»²⁶.

Профсоюзы же создавались и возглавлялись меньшевиками и предпочитали заниматься сугубо материальными проблемами. Советский исследователь комментирует сие живописной фразой: «На фоне грандиозных событий это профсоюзное крохоборство отдавало особенной меньшевистской глухослепотой»²⁷.

За четыре месяца после Февраля было создано 255 профсоюзов, объединяемых по городам Центральными бюро, с численностью более 65 тысяч человек. В контакте с советами и соцпартиями профсоюзы добиваются весной сокращения рабочего дня до 8 часов примерно для 30 тысяч рабочих и служащих (данные по всей губернии)²⁸.

Как и по всей стране, органы Временного правительства в губернии вынуждены были сосуществовать с иными властными структурами. Первую скрипку среди них играло возрождённое детище 1905 года — *советы* и их исполнительные комитеты, которые оформились *раньше* партийных комитетов.

«Крымские советы не были созданы в борьбе и пылу классовых схваток». Советы были нужны буржуазии для укрепления своего положения. «В Севастополе совет был создан приказом Колчака» (!)²⁹, — пишет исследователь начала 1930-х годов, весьма дотошный, кстати. В работе, написанной после XX съезда КПСС, читаем: решение о создании совета рабочих

депутатов принято в Севастополе 3 марта Временным бюро объединённой социал-демократической организации. Рабочий совет объединяется с Военным, и в конце марта возникает Совет депутатов Армии, Флота и Рабочих³⁰.

6 марта состоялись выборы в Севастопольский совет. 8 марта на заседании объединённого комитета депутатов от офицеров армии и флота, солдат и матросов, ратников морского ополчения было решено создать Севастопольский военно-исполнительный комитет. Аналогичные комитеты создавались на кораблях, в каждой береговой части и в полку. Их задачами были: «1) поддержание дисциплины в частях; 2) заботы о продовольствии и обмундировании; 3) заботы о просвещении людей. Никакими оперативными и боевыми вопросами комитеты не имели права заниматься»³¹. А. В. Колчак утвердил принятое решение.

Весной советы формируются во всех городах Крыма, причём советы рабочих и советы солдатских депутатов сливаются. Полоса организации советов крестьянских депутатов, волостных и уездных, оказалась более растянутой: лето-осень 1917 года. Рядом с ними функционируют правительственные временные земельные комитеты. Повсеместного объединения городских и сельских советов в Крыму в течение 1917 года так и не произошло. Севастопольский, Симферопольский, Керченский, Феодосийский, Евпаторийский, затем Ялтинский советы приступают к изданию своих печатных органов — «Известий».

Нелишне отметить, что советы Таврической губернии входили с мая в состав Совета Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерод), однако связь их с ЦИК Румчерода, где сравнительно быстрыми темпами шла большевизация, не носила жёсткого характера. Представители таврических советов регулярно участвовали в работе съездов Румчерода, оставаясь при этом достаточно автономными.

О начальном периоде советского движения в Крыму после Февральской революции сохранились свидетельства участника событий И. Ф. Федосеева.

«...Первый Симферопольский Совет был организован по инициативе Симферопольской группы соц.-дем. Никакие другие политические партии в организации его участия не принимали»³². Выборы проходили по производственному принципу: один делегат от предприятий с количеством рабочих от 20 до 50 человек, по одному от 50 человек на более крупных предприятиях. Делегатами могли быть только работающие по найму, с 18 лет. Партийная комиссия по выборам, сетует Федосеев, не наметила кандидатов заранее, что при слабой сознательности и информированности рабочих было просчётом. Поэтому в число делегатов попали мастера, административный персонал и даже совладелец завода³³.

Первый пленум Симферопольского совета состоялся 9 марта. В исполком были избраны 15 человек: 11 социал-демократов (двое из них назвались большевиками, ничем в дальнейшем себя в этом качестве не проявив), 3 эсера, 1 беспартийный. При исполкоме были созданы комиссии:

секретариат, продовольственная, лекционно-агитационная, информационная, юридическая, военная, организационная, следственная. Возглавил исполком социал-демократ П. И. Новицкий, впоследствии — также председатель Таврического губисполкома. Эта процедура была характерна для всей Таврической губернии. Лидерство в советском движении на первых порах принадлежало меньшевикам. В крестьянских советах сильные позиции занимали эсеры.

Сфера деятельности советов предполагалась весьма широкой. Об этом свидетельствует, к примеру, резолюция Симферопольского совета от 12 марта: «В целях достижения полного народовластия: 1. Развитие среди широких слоёв рабочих и солдат сознания исторической необходимости прошедшей революции, как единственного выхода из прежней полной разрухи в стране. 2. Организацию а) рабочих в целях сплочения их в планомерной классовой борьбе и б) солдат в видах демократизации армии и сплочения их в дисциплинированную силу политической свободы. 3. Полную реорганизацию продовольствия городского населения и снабжения армии путём участия во всех общественных организациях... 4. Доведение до конца преобразования всех органов общественных и государственных организаций и учреждений на началах демократизации и 5. Образование заводских и профессиональных организаций и рабочих кооперативов»³⁴.

Сочинителям подобных резолюций виделись организованные отряды трудящихся, строящие новую жизнь на самых справедливых началах. Им было невдомёк, что страна вошла в колею, где разрушительные инстинкты уже взяли верх над созидательными, в период, когда социальные страсти, как высшие, так и низшие, были уже основательно подточены червем деградации, и впереди Россию закономерно ждало не царство справедливости, а именно «полная разруха» во всех её смыслах и проявлениях.

10 мая съезд советов Таврической губернии окончательно определил советскую тактику на период до Учредительного собрания. Одна из его резолюций, написанная целиком в духе позиции соглашательства, принятой ЦК РСДРП, гласила: «Считая, что интересы революции в России диктуют в некоторых случаях, в целях установления и закрепления демократического строя, согласованности действий пролетариата, крестьянства и демократически настроенной буржуазии, съезд признаёт, что тактика Советов раб[очих]. и солд[атских]. депутатов должна вести не к возбуждению классового антагонизма, а к выяснению классового самосознания пролетариата»³⁵. Ведомые меньшевиками советы встали на путь пресечения классовой розни, пытаясь закрепить мирный путь развития революции. Однако в сложившихся условиях «выяснение классового самосознания пролетариата» было уже идентично «возбуждению классового антагонизма», а февральско-мартовский перелом успел ознаменоваться истреблением офицеров на Балтийском флоте (Кронштадт, Петроград, Гельсингфорс), актами насилия и вандализма по всей стране, чинимыми в первую очередь

тыловыми частями, хлынувшей с фронта дезертирской массой и пробуждёнными к активности «гулящими людьми» — люмпенами. Февральские события как таковые, продолжающаяся война, развязанные инстинкты, поголовное отсутствие ответственности за происходящее — «такой страны не жалко», что выразилось, в частности, в пресловутом Приказе № 1, (логичным «закруглением» как стихийных процессов, так и действий Временного правительства: только за март было уволено до 60% высших офицеров), довершившим развал армии, личные, партийные, социальные и национальные вождедения — *перечёркивали всякие надежды на мирную трансформацию страны*³⁶.

Другой историк рассуждает: «Известно, что «классическая» гражданская война может возникнуть в двух случаях: или когда раскалывается примерно пополам армия и на одной территории возникают две разных враждебных государственности, или когда возникает неформальная вооружённая сила, по мощи сравнимая с армией. Первый случай был в Испании в 1936 г. Если армия переходит на сторону мятежников как целое, происходит не война, а переворот, как в Чили в 1973 г.

В России после распада армии в 1917 г., когда солдаты вернулись по домам с оружием (приплюсуем к двум миллионам дезертиров разложившиеся тыловые части. — *Авт.*), возникла комбинация обоих типов ситуации, чреватой гражданской войной. (...)

*...Начиная с Февраля, политиками... создавался весь механизм гражданской войны. Она просто находилась в латентном, «инкубационном» периоде (курсив наш. — Авт.)»³⁷. 27 февраля, по А. И. Солженицыну, — «День, когда началась гражданская война... (курсив наш. — Авт.)». Кадеты «прозрели» — после октябрьского переворота: «...В области идей должно быть твёрдо установлено, что между большевизмом и всеми леворадикальными и социалистическими течениями русской мысли существует тесная, неразрывная связь. (...) Русские социалисты, очутясь у власти, или должны были оставаться простыми, ничего не делающими для осуществления своих идей болтунами, или проделать от а до ижицы всё, что проделали большевики. (...) Это оказалось истиной в 1917–1918 гг.»³⁸. Допустим. Правда, большевики, анархисты и левые эсеры жаждали «всего и сразу», тогда как социалисты поправее отводили на реализацию аналогичных программных установок (а в 1917–1918 годах у большевиков и меньшевиков программа была *одна!*) длительный исторический период. Вздурораженная же Россия превратилась в коллективного, разинско-пугачёвского замеса большевика, и меньшевикам в такой атмосфере только и оставалось пребывать в амплуа именно меньшевиков. Дикие методы реализации идей, о которых (идеях) массы на местах имели весьма туманное представление, — да и «унесённые ветром» столичные вожди бросились вдогонку за массами (согласно В. И. Ленину: в идеале мы против насилия, но сейчас надо бить по головам — во имя, значит, идеа-*

ла) — по принципу неопределённости, искажали донельзя сами идеи. Но не меньшей истиной, о чём воздерживался писать (не говоря уже о раскаянии) Изгоев, подобно прочим кадетам, было то, что они в меру своих (немалых) возможностей делали всё, чтобы в России разразилась Революция, и напрямую взяли на себя ответственность за Февраль и его последствия, создав Временное правительство.

Современный историк: «...Революция и гражданская война неотделимы. (...) ...Февраль, обнажив и обострив классовые противоречия, развязав насилие, пролив первую и немалую — кровь [петроградская «Рабочая Газета», 23 марта 1917 года: в столице убито 169, ранено около 1000 человек], положил начало гражданской войне в России»³⁹.

Задолго до приведённых обобщений (кроме Изгоева) М. А. Волошин суммировал: «Эпоха Временного правительства психологически была самым тяжёлым временем Революции. Февральский переворот фактически был не революцией, а солдатским бунтом, за которым последовало быстрое разложение государства. Между тем, обречённая на гибель русская интеллигенция торжествовала Революцию, как свершение всех своих исторических чаяний. Происходило трагическое недоразумение: вестника гибели встречали цветами и плясками, принимая его за избавителя. Русское общество, уже много десятилетий жившее ожиданием революции, приняло внешние признаки (падение династии, отречение, провозглашение республики) за сущность события и радовалось симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления. Эти месяцы были вопиющим и трагическим противоречием между всеобщим ликованием и реальной действительностью. Все дифирамбы в честь свободы и демократии, все митинговые речи и газетные статьи того времени — были нестерпимою ложью. Правда — страшная, но зато подлинная, обнаружилась только во время октябрьского переворота. Русская Революция выявила свой настоящий лик, давно назревавший с первого дня её, но для всех неожиданный»⁴⁰.

Именно интеллигенция — «малый народ», по Огюсту Кошену /Игорю Шафаревичу, — наряду с многомиллионной массой дезертиров, запасных, забывших о сражениях с внешним врагом моряков, люмпенов всех мастей, безземельных крестьян — на фоне разложившейся и беспомощной монархии — стала ферментом Революции. «Русское интеллигентское мирозерцание есть доведённое до конца отвлечённое построение жизни. В основах русского социализма и в значительной мере либерализма лежит отрицание истории, полное отрицание и отвержение действительности совершающегося. Интеллигентская мысль есть мысль о человеке, о мире, о государстве вообще, а не об этом человеке, об этом мире, об этом государстве»⁴¹. Может быть. Но то же «интеллигентское мирозерцание» в 1917 году столь точно вписалось в «коллективное бессознательное», что очень скоро породило чудовищные, порой (увы!) закономерные, порой — противоестественные во всех смыслах плоды.

По сути сжимая взгляды русских «веховцев» (П. Б. Струве⁴², Н. А. Бердяева, А. С. Изгоева, В. Н. Муравьева и др.: «Вехи», 1909 и «Из глубины», 1918) до уровня катехизиса, наш современник итожит: интеллигенция — дитя распада традиционно-сословного общества, начавшегося в 60-х годах XIX столетия. Её органические признаки: 1) полуобразованность; 2) бессословность («Отделяясь от всех сословий, интеллигенция получает не жизненный, а теоретический, книжный ум»); 3) «своеобразный космополитизм» («Россия... возбуждает в нём (подобном интеллигенте. — Авт.) тоскливое чувство, он способен любить только Россию будущего, где от русского не осталось бы и следа»); 4) религиозность без Бога⁴³.

Но вернёмся к таврическим пертурбациям.

Крымские советы заняли платформу полной поддержки Временного правительства, что продемонстрировали съезды 24 марта и 10 мая. Последний подчеркнул: «Съезд Советов Раб[очих] и Солд[атских] деп[утатов] Таврической губ[ернии] признаёт: 1) что новое революционное правительство, ясно и определённо поставившее своей целью борьбу за международный мир и решительные меры экономического и политического порядка, стоит на почве требований революционной демократии как во внешней, так и во внутренней политике... Поэтому съезд считает своим долгом политической необходимости активно и определённо поддержать всеми способами революционное Правительство в его творческой революционной работе и сказать его деятелям, что поддержка революционной демократии в их борьбе с опасностями, угрожающими революции, им обеспечена»⁴⁴.

Довольно странно, что специфика многонационального Крыма никак не отразилась в деятельности местных советов. Национальный вопрос за весь 1917 год ни разу съездами советов не обсуждался и, таким образом, был отдан на полный откуп самим националам. Возможно, здесь сказалась и непродуманная установка Временного правительства: оставить решения по основным государственным вопросам — о конституционном, социальном и национальном строе России — Учредительному собранию. 30 марта исполком Симферопольского совета отклонил просьбу татар о предоставлении им мест в совете. По свидетельству И. Ф. Федосеева, Симферопольский совет «среди нацменьшинств определённой работы не вёл. В своём составе представителей от нацменьшинств не имел. ...По существу, Совет был противником национальной автономии»⁴⁵. На экстренном заседании Таврического совета 24 мая, посвящённом решениям Всероссийского съезда советов была принята следующая резолюция по национальному вопросу: «Признавая право каждой нации на самоопределение, Совет считает недопустимыми до созыва Учредительного собрания попытки отдельных национальностей разрешить самочинно национальный вопрос»⁴⁶. «Отдельные национальности», однако, ждать Учредительного собрания не желали, полагая, что пока оно будет создано, может произойти ещё многое, что Временное правительство реальной властью не обладает, и что, в конечном итоге, надо ковать железо, пока оно горячо.

Февральская революция ознаменовала запрещение *черносотенных* организаций. Монархисты всех мастей мгновенно исчезли из поля зрения. В Крыму попытки их консолидации случались, но серьёзного характера не носили. В марте 1917 года в Ялте, на даче вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, создана «партия 33-х» (число участников?)⁴⁷. Об этой группе можно найти упоминания у разных исследователей, правда, и с разной хронологией. «Ещё в апреле 1917 года здесь (в Крыму. — *Авт.*) образовалась монархическая организация «Партия тридцати трёх» во главе с генерал-лейтенантом Ностицем, тесно связанная с жившими в окрестностях Ялты представителями царской династии, матерью Николая II, великой княгиней Марией Фёдоровной и его дядей, великим князем Николаем Николаевичем»⁴⁸. Специальная комиссия Временного правительства ликвидировала этот кружок. Летом в ряде районов Крыма, пишет В. И. Королёв, появились листовки и воззвания монархической организации, выступавшей под лозунгом «Вперёд за царя и святую Русь!». Возможно, это были осколки «партии 33-х».

Нами были обнаружены в архивах следы существования какой-то монархической группы под романтическим названием «Лига Красной Перчатки» (1 июня 1917 года), в отношении которой было даже возбуждено обвинение⁴⁹. Некое «Тайное общество спасения» выпустило машинописное обращение, которое относится, судя по всему, к началу 1918 года. Несмотря на хронологический разрыв, мы всё-таки считаем небесполезным не только упомянуть об этом «Обществе», но и привести в аутентичном виде его весьма колоритную листовку⁵⁰.

О том, что подобные взгляды или сочинения, изготавливаемые, возможно, и в провокационных целях, были не единичны, свидетельствует параграф резолюции майского съезда таврических СРиСД: вести борьбу с «определённо антисемитскими настроениями в некоторых пунктах губернии»⁵¹. Или — воззвание Симферопольского комитета ПСР: *«Если вы попытаетесь, кто тот человек, который подбивает вас против евреев, то непременно окажется, что это черносотенец. Любой факт бытового антисемитизма подпадал, таким образом, под пресловутое «черносотенство». — Авт.*» (...) Помните, что черносотенцы не только евреям враги, но враги всему трудовому народу, и главная тайная цель их — не дать народу ни земли, ни воли»⁵².

Допускаем, что эти параграфы и разъяснения были не более чем перестраховкой. Сколько-нибудь значимого распространения антисемитизма за весь период Революции и Гражданской войны в Крыму не наблюдалось — ни единого крупного массового эксцесса (стоит сравнить хотя бы с диким погромным разгулом в соседней Украине), а среди интеллигенции полуострова, в том числе политиков, издателей, редакторов, публицистов, доля евреев была очень весома. Информационный климат в городах Крыма не подходил для антисемитской пропаганды. Поэтому она перебивалась в основном редкими устными призывами и примитивными листовками. Население к

подобным эскападам относилось индифферентно или испытывало аллергию. Так, на митинге в Феодосии 18 июня «...после речи сионистского оратора гимназист Ермаков крикнул «жидовская морда», после чего стоявшие вокруг *русские солдаты* (курсив наш. — Авт.) набросились на него, и он с трудом был спасён от расправы подоспевшим *Сам. Феркером* (то же. — Авт.)»⁵³.

С другой стороны, антиеврейская пропаганда находила известную почву в деревне, которая в целом заняла после Февраля выжидательную позицию, памятуя, считает М. Ф. Бунегин, о расправах 1905 года. Священники, земские начальники, волостные писари, грамотные зажиточные крестьяне, пользуясь информационной «монополией», стремились сохранить прежнее влияние на сельское население, и первоначально им это удавалось. Однако эсеровские по составу советы солдатских депутатов и крестьянские союзы к осени сводят на нет или загоняют в тень это влияние.

В июле от Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц губкомиссариату Таврической губернии была направлена телеграмма, в которой шла речь о том, что, судя по архивам Департамента полиции, МВД «широко субсидировались... редакторы и издатели периодических изданий правого направления как «проводников русской государственности»». Причём, в числе подобных изданий оказалась газета «Южное Слово», получившая в 1914–1916 годах соответственно 31 600, 31 200 и 31 000 рублей. Прокурор Симферопольского окружного суда в ответе губкомиссариату был предельно краток: «... В канцелярии б[ывшего]. Тавр[ического]. губернатора никаких подобных документов не обнаружено»⁵⁴.

По Таврической губернии прокатилась волна арестов бывших агентов охранного отделения, провокаторов, а также черносотенцев и пр. Первоначально этим, во внесудебном порядке, занимались советы. После постановления Временного правительства от 16 июля 1917 года о неприкосновенности личности внесудебные аресты сменяет правовой подход. Носил он порой весьма своеобразный характер. Пример. Бывший околоточный надзиратель Симферополя С. Д. Цигуляр «вёл определённую агитацию против нового строя, терроризировал жителей Шестериковской слободки, в районе которой жил, грозя разделаться с ними, как в 1905 году». До революции, по материалам следствия, он избивал заключённых, организовывал квази-экспроприации, а затем арестовывал тех, кто в них участвовал. 29 мая по решению исполкома Симферопольского совета бывший надзиратель был изолирован. Затем, уже после выхода правительства постановления, Таврическая губернская комиссия в составе председателя, члена окружного суда Э. А. Роля, члена Губернской земской управы П. С. Бобровского и члена Симферопольской городской управы Б. Я. Лейбмана (тройка!), рассмотрев дело Цигуляра, пришла к выводу, что его деятельность «угрожает государственному строю и

общественной безопасности гор. Симферополя», после чего продлила его содержание в тюрьме до... 20 октября 1917 года⁵⁵.

Не вызвало никакого неудовольствия, напротив — источники отмечают сочувствие, прибытие в Крым с конца марта, по распоряжению Временного правительства, группы повергнутых Романовых. В имении «Ай-Тодор» расположились: вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал, организатор военной авиации России, великая княгиня Ольга Александровна и их родственники; в имении «Дюльбер» — великий князь Пётр Николаевич с женой и детьми; в имении «Кореиз» — Юсуповы; в имении «Чаир» — бывший Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич с женой и детьми⁵⁶. «По полученным нами сведениям, — комментировал корреспондент, — все эти лица пользуются полной свободой, причём в случае отъезда из Крыма должны уведомить об этом временное правительство»⁵⁷.

«Сведения» оказались, однако, далеки от истины. Выезды Романовым были запрещены, телефонная связь отсутствовала; они находились под постоянной охраной. 26 апреля, с распространением слухов о готовящемся заговоре монархистов, Севастопольский совет направил в Ялту специальную комиссию во главе с подполковником А. И. Верховским⁵⁸. В результате ссыльные подверглись бесцеремонному обыску, угрозам и тривиальному ограблению, что было покрыто Временным правительством. В декабре, в период первой вспышки матросского террора, над Романовыми навис дамоклов меч расстрела, на чём настаивал Ялтинский совет и чему, не без труда, воспрепятствовал комиссар Севастопольского совета Ф. Л. Задорожный⁵⁹. Только в мае 1918 года, после германской оккупации, Романовы смогли вздохнуть свободно, впоследствии они покинули Крым, избежав тем самым участия родственников на Урале и в Петрограде.

Меньше повезло памятникам. Разрушение монументов — отличительная черта времён революций и распада империй. Схема вандализма, начиная с марта 1917 года, «была очень проста». Сначала в каком-нибудь либеральном листке появлялась подстрекательская статья. А затем толпа «возмущённых граждан», отнюдь не люмпенов, шла в каком-нибудь городе громить очередной монумент. Так, «Московский Листок» наставлял: «Каждый царский памятник по существу своему контрреволюционен. Для упрочения нового строя их необходимо снести до основания»⁶⁰.

19 апреля толпа взяла в осаду памятник Александру III в Феодосии. Он был обклеен полотнищами с надписями «Позор Феодосии». 21 июня у памятника «снова собралась громадная толпа матросов и преображенцев и потребовала снять памятник». Местный совет согласился, прося, однако, подождать конца «подготовительных работ». «Но матросы и солдаты... сами взялись за работу и сняли фигуру»⁶¹. Это произошло 22 июня.

Более драматично события развивались в Бахчисарае. 3 июня сюда для поимки дезертиров были отправлены севастопольские матросы, 16-го —

солдаты симферопольского гарнизона. Разбредясь по окрестностям, военные в ходе облав творили всевозможные бесчинства, учинили дебош в Бахчисарайском дворце, разрушив памятник 300-летия Дома Романовых, убили белобилетника Э. Бели. Председатель Бахчисарайского мусульманского бюро Б. Муртазаев с горечью констатировал: «Когда народ увидел, что солдаты, борющиеся за свободу, сами нарушают её, то начали появляться возгласы: «Что дала нам свобода, братство и равенство; со стороны грубых полицейских и жандармских чиновников при старом режиме не встречали таких обращений». Невольно появилось сомнение, что в России существует свобода. ...В городе и окрестностях начались грабежи. Воры являются в военной форме, как бы посланные комитетом для обыска и, расхитив всё драгоценное, исчезают бесследно»⁶². Газеты, остерегаясь дискредитации «революционного народа», предпочитали не афишировать подобные факты. А они, кстати, свидетельствовали о том, что солдатско-матросская масса, быстро разлагаясь в тыловых условиях и уверовав в полную свою безнаказанность, выходит из-под всякого контроля, даже собственных советов.

Впрочем, и крымскотатарские активисты приложили руку к уничтожению памятников. Ими был разрушен монумент Николаю II, снят орёл с памятника в честь 300-летия Дома Романовых и срублены три каштановых дерева, посаженные в 1886 году императором Александром III, Марией Фёдоровной и наследником Николаем (Бахчисарай). Орёл был снят под предлогом: «В восточной стороне не должно быть памяти о Европейском могуществе»⁶³. К слову, по инициативе смотрителя Бахчисарайского дворца-музея, члена ТУАК с 1896 года, статского советника С. А. Плаксина в октябре 1920 года началось восстановление памятника 300-летию Дома Романовых.

Вторая половина марта — апрель 1917 года прошли в Крыму под знаком воодушевления и надежд на скорое светлое будущее. Развернулась усиленная обработка мозгов либеральными властями и журналистами. На страницах газет, да отчасти и в реальной жизни, торжествовала краснобантовая эйфория. Предписанное сверху и находящее пока ещё почву настроение выразили, если подбирать знаменатель, бесхитростные вирши неведомого Сергея Недолина:

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

*Рухнул старый строй негодный,
Стала Рóссия свободной.
На дворе весна смеётся,
Сердце часто-часто бьётся.
Отлетели годы гнёта,
Порвала душа тенёта.
Как просторно, как привольно,
От восторга просто больно.*

(...)

*Русь родная, Русь святая,
Я всю жизнь провёл, мечтая
Созерцать тебя влюблёно
Солнцем воли озарённой.*

(...)

*Ах, скорей бы мир изведal
Путь твой радостный к победам!..
Лишь вперёд идут народы
Под знамёнами свободы⁶⁴.*

По крымским городам прошумели Праздники Свободы, демонстрирующее трогательное согласие всех и вся, во время которых «восторженные клики «ура» лились из многотысячных уст и потрясали воздух»⁶⁵. 10 марта, день похорон в Петрограде героев (жертв?) революции, был объявлен днём «всенародного почтения». Даже в те экзотические уголки, где царствовали многовековые традиции, места, ранее предельно далёкие от всякой политики кроме местных интриг, проникала эта официализированная атмосфера «свободы». Вот корреспонденция из Бахчисарая: «Город постепенно, но вполне определённо меняет свою физиономию: прежняя апатия к общественным делам, которую так ярко проявляли граждане этого во многих отношениях своеобразного города, заменяется несомненным общественным подъёмом. Охотно посещаются лекции и митинги, с жадностью прочитываются газеты, организуются политические партии и проч. Одним словом, Бахчисарай приобщается к общей работе и за короткое время достиг заметных результатов: прочитано около десяти лекций, организованы союзы учителей, рабочих, приказчиков, бюро мусульман, грандиозно прошёл праздник 1 мая (18 апреля) и, наконец, 25 апреля образована здесь партия социалистов-революционеров...»⁶⁶.

(И — как истинный символ Февраля-Марта — над всей Россией, о чём пишут и вспоминают все поголовно, витала шелуха от семечек. «Везде валялась кожура, везде она летела чуть ли не в лицо, везде бессмысленные физиономии, на — губах прилипла эта противная кожура, везде жующие рты... Семечки были какой-то болезнью — отвратительной и прилипчивой, созданной революцией... И самые обеспеченные базарные торговцы и торговки были те, кто продавал семечки»⁶⁷. Однако настанет Октябрь — и семечки вмиг исчезнут).

Но не проходит и двух месяцев, как те же «Южные Ведомости» в весьма эмоциональном стиле (перепады настроения свойственны времени) формулируют нечто противоположное: «Наблюдавшийся недавно общественный подъём и оживление сменились упадком энергии, самостоятельности, общим равнодушием, доходящим местами до размеров самой безнадёжной апатии.

Дух революционный испарился. Мы вступили в полосу мёртвого штиля, несущего гражданское небытие»⁶⁸.

Что же произошло за столь краткий срок? «Дух революционный» отнюдь не «испарился». Он всего лишь начал перетекать в *иные сферы, не контролируемые и не манипулируемые сверху*. Обыватели быстро устали от революционной горячки, предпочитая вернуться к привычным делам⁶⁹. С другой стороны, консолидируются пассионарии. А верхи стали сначала едва заметно, а затем сокрушительно терять своё общественное реноме. Одновременно приступили к попыткам консолидации антиреволюционные силы. «Инкубационный» период Гражданской войны всё более обнаруживал тенденцию (если не закономерность) перерастания в открытый вооружённый конфликт или, скорее, совокупность конфликтов.

Непосредственно после Февральской революции и буржуазные, и социалистические, и национальные организации всячески подчёркивали своё единство и лояльность Временному правительству. 17 марта под председательством А. Я. Хаджи в Симферополе состоялось общее собрание партии кадетов. Оно высказалось за установление демократической республики и единодушие советов с Временным правительством до конца войны. Недвусмысленно о поддержке Временного правительства и его действий заявляли умеренные социалисты — эсеры и меньшевики (большевики в Крыму ещё окончательно не отпочковались от единой РСДРП). Такую же линию проводили многочисленные национально-общественные и культурные организации: мусульманские исполкомы, еврейские и армянский города Ялта общинные комитеты, украинские громады и украинское культурно-просветительное общество «Просвита», эллинское и греческое, великороссов, немцев, караимское, болгарское, польское, литовское, эстонское, молдавское общества (и комитеты).

Задолго до Февраля в православной среде обсуждался вопрос о восставлении патриаршества. «По мнению реформаторов, православие, получив независимость от светской власти, должно было оставаться в обществе господствующей государственной религией, пользующейся всеми привилегиями и льготами»⁷⁰.

Февральская революция, «освободив» «первенствующую и господствующую в Российской империи» (Свод законов) православную церковь от прежней государственной опеки, в том числе и от покровительства, в том числе финансового, не преминуло, однако, поставить её под контроль оберпрокурора Святейшего Синода В. Н. Львова (не путать с главой Временного правительства князем Г. Е. Львовым), сомнительной во всех отношениях фигуры. Постановления Временного правительства от 20 июня и 14 июля передавали православные (только) церковно-приходские школы и семинарии в ведение Министерства народного просвещения, провозглашали свободу совести с 14-летнего возраста. Так что отнюдь не большевики были инициаторами антиправославной политики. Церковь же проявила податливость, во многом объясняющуюся названной выше причиной, немедленно. 5 марта устами архиепископа Таврического Дмитрия Таврическая епар-

хия поспешила заявить о полной лояльности новой власти, сменившей богопомазанного Государя:

*«Всё для спасения Отечества
Послание пастве Таврической»*

Свершилось. Тот, без воли которого и волос не падёт с головы нашей, положил предел царствования бывшего государя. Бесчисленные губительные беспорядки, допущенные бывшим правительством, крайне недобросовестно совершавшим своё служение, злоупотреблявшим властью, постоянно и искусно вводившим всех в заблуждение, повлекли за собой государственную разруху, расстройство во всех наших делах.

Нынешняя кровопролитная великая отечественная война ясно, до очевидности для всех, обнаружила, что страна наша и Русский народ стоят на краю пропасти, жадно раскрывшей пасть свою для поглощения нашего Отечества. Создалась эта ужасная бездна и верховная власть вернулась к русскому народу, великому и пространством земли своей, численностью и духом, устраивать на новых началах свою государственную жизнь. Совершилась воля Божия о новых судьбах Отечества нашего. Кто противостанет воле Его (Римл. 9, 19). (Логика вполне подводит к мысли, что нельзя сопротивляться любой власти, сколь бы несправедливой она ни была. — *Авт.*) (...) Ныне сам Царь Небесный занял Престол Русского Царства, дабы Он Единый Всесильный был верным помощником нашим в постигшей нас великой скорби, в бедствиях, нагнанных на нас бывшими руководителями государственной жизни нашей»⁷¹.

Консистория конкретизировала: «После обнародования манифестов (видимо, об отречении Государя и создании Временного правительства. — *Авт.*) совершить молебствие об утлении страстей с возглашением многолетия Богохранимой Державе Российской Благоверному Временному Правительству ея. Такое же поминовение в Богослужениях. Мы с народом и Новым Правительством»⁷².

Тем временем Крым удостоили чести посещения большие «демократические» особы. В мас в Ливадийском дворце начинает свой отдых прибывшая императорским поездом «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская⁷³, ставшая, по воле пропагандистов, символом февральских перемен. 16 мая в Севастополе объявился А. Ф. Керенский. «Через сто лет после великой французской революции, — вешал военный и морской министр, — Россия пережила такую же великую революцию, и мы теперь так же говорим: «свобода, братство и равенство», и равенство не только правовое, но и социальное (рукоплескания), мы объединимся в железные батальоны труда и пойдём завоёвывать мир всему миру и все права человеку, которые ему принадлежат» (Продолжительные аплодисменты)⁷⁴. Керенский побывал и на кораблях, где призывал моряков к продолжению войны и сохранению дисциплины во имя революции. О выступлениях министра перед военными М. И. Смирнов отзывался следующим образом: «Надо от-

дать справедливость, что его речи производили действие на матросов и вообще на людей малоразвитых и неспособных к самостоятельному и логическому мышлению. Но это действие через короткое время исчезало, так как слушатель *забывал* (курсив наш. — *Авт.*) содержание речи, потому что смысла в ней было мало, — был лишь фонтан трескучих фраз»⁷⁵. А. В. Колчак, составивший своё нелицеприятное мнение о Временном правительстве в целом и о Керенском в частности ранее, высказался о последнем: «болтливый гимназист»⁷⁶.

Как раз во время визита Керенского возник инцидент вокруг помощника по хозяйственной части капитана над Севастопольским портом, генерал-майора Н. П. (А. Б.? в разных источниках фигурируют разные инициалы) Петрова, который якобы спекулировал казённым имуществом⁷⁷. Центризполком, вопреки решительному противодействию Колчака, вынес решение об аресте Петрова, что и было сделано (по мнению Керенского арест был вызван отказом Петрова выполнять распоряжения ЦИК без подписи командующего флотом⁷⁸). Это был прецедент — первый случай ареста офицера матросами. Колчак тут же послал телеграммы на имя князя Львова и Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, в которых заявил, что вследствие самочинных действий комитета, а также совета, не подчиняющихся его требованиям, он не может нести ответственность за Черноморский флот и просит отставки⁷⁹. Керенский первоначально занял сторону исполкома, выпенне провозглашая: «...В деле генерала Петрова ц. и. к. поднял свой престиж на новую, ещё небывалую высоту. Я буду телеграфировать... Временному Правительству, что ц. и. к. достиг великого государственного понимания задач. Я приказал отстранить генерала Петрова от служебных обязанностей и назначить следствие над ним»⁸⁰. Однако правительство предпочло занять нейтральную позицию, результаты работы двух комиссий по этому делу обнародованы не были, Петрова освободили (и он продолжал службу до февраля 1918 года, что, по мнению В. В. Крестьянникова, доказывает его невиновность), а Керенский мгновенно изменил своё мнение. В своих мемуарах он сообщал: глава правительства князь Львов попросил его уладить конфликт, и он лично убеждал командующего, «что этот инцидент не идёт ни в какое сравнение с тем, что произошло с командующим Балтийским флотом, что у него не основания для расстройств, что положение его намного прочнее, чем он предполагает»⁸¹. В конце концов, Колчак остался на своём посту. А фигура Керенского не могла не оставить всем своим поведением впечатления эфемерности, сиюминутности происходящего.

В конце мая прошли перевыборы Севастопольского совета. Новый состав отличался широким представительством солдат. Совет вёл политику автономной, независимой от командующего флотом деятельности. Офицеры, в свою очередь, ввели практику закрытых собраний. Разлад и взаимное озлобление нарастали.

В начале июня в Севастополь прибыла делегация от Центрального комитета Балтийского флота (до этого на север была отправлена умеренно-оборонческая «Черноморская делегация» во главе с подполковником А. И. Верховским и восторженным эсером, студентом в неловко сидящей на нём матросской форме, очень популярным некоторое время Фёдором Баткиным⁸²). Балтийцы произносили радикальные речи, электризуя обстановку. Они выступали против т.н. займа свободы и за опубликование тайных договоров прежнего правительства.

5 июня командование фактически утратило свои функции. Начались аресты офицеров⁸³. 6 июня делегатское собрание армии, флота и рабочих вынесло резолюцию об отстранении от должности Колчака и Смирнова. Последняя попытка вице-адмирала Колчака, обвинённого в «возбуждении матросских масс» своими действиями, повлиять на команды провалилась: на делегатском собрании 7 июня ему просто не дали слова. Началось разоружение офицеров. Некоторые из них, не желая разоружаться, застрелились. Далее, повествует Смирнов, вице-адмирал призвал офицеров не сопротивляться. «Затем адмирал приказал поставить команду «Георгия Победоносца» во фронт и сказал ей вдохновенную, патристическую речь, в которой указал гибельные для родины последствия поступков команд, разъяснил оскорбительность для офицеров отобрания от них оружия, сказал, что даже японцы не отобрали от него георгиевское оружие после сдачи Порт-Артура, а они, русские люди, с которыми он делил тягости и опасности войны, наносят ему такое оскорбление. Но он своего оружия им не отдаст»⁸⁴. После этого адмирал выбросил свою Георгиевскую саблю в море. Однако ни речь Колчака, ни его поступок впечатления на матросов не произвели.

Тем временем правительство отбило Колчаку телеграмму, в котором ему предписывалось сдать командование контр-адмиралу В. К. Лукину⁸⁵ и выехать в Петроград.

Колчак сдал дела Лукину, а его начальник штаба М. И. Смирнов — капитану I ранга Зарину. Ночью 9 июня они покинули Севастополь.

Отставка Колчака совпала с визитом в Севастополь американской военно-морской миссии во главе с контр-адмиралом Дж. Г. Гленноном. Его речь на делегатском собрании, в которой американец призвал к продолжению совместной борьбы с Германией, встретила полное одобрение, после чего делегаты резолютировали: вернуть часть оружия офицерам, прекратить обыски и аресты и выполнять все распоряжения нового командующего Лукина⁸⁶. Это, однако, никак не означало приостановки дальнейшего разложения флота, уже утратившего свою боеспособность.

Временное правительство, пытаясь хоть как-то повлиять на события в Севастополе, выслало телеграмму с требованиями прекратить «анархию» и вернуть оружие офицерам. Судовые комитеты и команды, обсудив телеграмму, выразили лояльность Временному правительству, освободили арестованных офицеров, но сочли нужным выдавать оружие офицерам только одновременно с солдатами. На флот отправилась официальная комиссия

под председательством товарища министра юстиции А. С. Зарудного и эсера И. И. Бунакова (Фондаминского)⁸⁷, будущего комиссара флота. Комиссия сочла возможным возвращение Колчака на пост командующего флотом (другое дело, что флот и сам Колчак по разным мотивам придерживались противоположной точки зрения), чем её функции и были исчерпаны.

М. Ф. Бунегин совершенно справедливо отмечает, как несостоятельные, попытки тогдашних власть имущих приписать решающую роль в севастопольских событиях «немецкой агентуре», «ленинцам». Влияние большевиков как таковых во флоте при мизерном их количестве в несколько десятков человек ещё и было мизерным. «Трещина» росла не под влиянием агитации, а согласно логике *саморазвития революции*.

Февральская революция *легализовала политическую деятельность*. Граждане «свободной России» окунулись в партийную суету, уже не опасаясь преследований. Крым после революции 1905–1907 годов не знал сколько-нибудь значимых парторганизаций, а с 1914 года здесь остались лишь считанные единицы партийцев, в значительной части — приезжих. Мартовские свободы, наложившись на социально-национальную специфику Крыма, породили многоцветный ландшафт политических партий и течений: от кадетов и сионистов до анархистов и большевиков⁸⁸.

Крупнейшей по численности и влиянию в Крыму, как и России в целом, в 1917 году была партия *социалистов-революционеров*. В мае только севастопольская её организация насчитывала 13 тысяч человек⁸⁹, а в октябре общая численность вышла на уровень 35 тысяч⁹⁰ по губернии и до 30 тысяч — в Севастополе⁹¹. Состав партии: городские средние слои, моряки Черноморского флота, солдаты (работе в судовых, гарнизонных и прочих комитетах ПСР уделяла особое внимание), частично — рабочие и крестьяне. «Учитель был идейной силой с.-р. в деревне...»⁹². Партия занимала умеренные позиции, поддерживая Временное правительство, отстаивая коалицию с буржуазией и обязательность продолжения войны. Центральными задачами считалось создание системы самоуправления, подготовка населения к выборам в Учредительное собрание и проведение самого собрания. Областной комитет партии, воссозданный в апреле, возглавил И. П. Попов⁹³. Из партийных лидеров выделим А. С. Никонова, авторитетного члена ЦК ПСР И. И. Бунакова (Фондаминского), в 1917 году — генерального комиссара Временного правительства на Черноморском флоте, И. Ю. Баккала⁹⁴ (Севастополь, впоследствии *левый эсер*), П. И. Бондаря (Днепровский уезд), В. Д. Жирова, А. В. Фосса (оба — Симферополь). «Национальными отпочкованиями ПСР являлись организации украинских с.-р. в Симферополе, Феодосии и др. местах. По политическим убеждениям к партии социалистов-революционеров примыкали организации еврейской социалистической партии (СЕРП. — *Авт.*) в Севастополе, Керчи, Феодосии, армянской партии Дашнакцютун (Симферополь, Керчь, Феодосия, Ялта), крымскотатарской объединённой соцпартии»⁹⁵. С августа

та партия начинает терять свой прежний, «народный» ореол, её ряды редуют (тем более что приём был беспорядочный, а организация — рыхлой), однако до конца годы эсеры продолжают лидировать среди крымских политических объединений, благодаря если не активности, то численности. Осенью (а в Севастополе — в июне-августе) выделяется радикальное крыло, оформляясь (ноябрь-декабрь) в самостоятельную партию левых эсеров. Печатные органы (в рассматриваемый период): «Революционный Севастополь», «Вольный Юг» (Севастополь), «Земля и Воля» (Симферополь), впоследствии «Путь Борьбы» (Севастополь, 1918) левых эсеров⁹⁶.

В неонародническом спектре правее ПСР располагались либералы: *народные социалисты и трудовики* (700–900 человек). Среди лидеров — С. Я. Елпатьевский⁹⁷ (Ялта), член ЦК партии НС, известный татарский общественный деятель К. Крымтаев, литератор К. А. Тренёв⁹⁸, И. К. Кондорский⁹⁹. Народные социалисты играли видную роль в крымских кооперативах. Близка к народным социалистам была ежедневная газета, одно из ведущих печатных изданий Крыма, орган Таврической губернской земской управы «Южные Ведомости» и, в частности, ответственные её редакторы А. Б. Дерман¹⁰⁰ и А. П. Лурье (Лурия). Левонароднический фланг представляли *максималисты*, группа экстремистского толка, имевшая в Крыму свои традиции, чьё присутствие на полуострове фиксируется прессой, однако не отмечено в богатых фактами работах В. И. Королёва.

Большим авторитетом ещё с дореволюционных времён пользовалась на полуострове РСДРП. Сразу после Февраля в городах Крыма возрождаются социал-демократические организации. 9–10 апреля на конференции в Ялте был реанимирован Крымский союз РСДРП. В организационный комитет Союза вошли Н. Л. Канторович, В. И. Бианки¹⁰¹, А. А. Иоффе, И. Ф. Федосеев, Г. Е. Бережиани (член Симферопольского совета; в октябре вышел из организации «объединенцев» и вступил в «Единство»).

Крымских социал-демократов/меньшевиков возглавляли крупные политические фигуры — организаторы, ораторы, публицисты. Помимо популярного П. И. Новицкого и названных выше, это были: В. А. Могилевский¹⁰² (председатель губкома РСДРП), профсоюзный деятель Е. И. Либин, присланные центром партийцы со стажем А. Г. Галлоп¹⁰³ и Н. А. Борисов¹⁰⁴, советский работник Е. И. Рабинович, Б. Я. Лейбман (присяжный поверенный). Костяк партии составляли квалифицированные рабочие, ремесленники¹⁰⁵. В армии и на флоте позиции меньшевиков были слабыми. Численность Союза к осени достигла 4500 человек¹⁰⁶ (другие данные — более 5000¹⁰⁷).

Стратегия и тактика РСДРП были апробированы всем её дореволюционным существованием: организация рабочих для «планомерной классовой борьбы» и развитие их сознательности (упор на профсоюзы и кооперативы). Обогащена она была разве что установкой на демократизацию всех общественных и государственных организаций и учреждений с целью достижения «полного народовластия».

Крымский союз был объединённой организацией (меньшевики, бундовцы — на правах автономии, большевики или, скорее, «*ленинцы*»), под которыми неопределённо понимались противники войны и интернационалисты). В апреле начинают обособляться большевики. С сентября Союз разваливается. Размежевываются интернационалисты и оборонцы. Свои группы обозначают: РСДРП (объединённая) — «*объединенцы*», социал-демократы (интернационалисты) и социал-демократы (интернационалисты) — организация С. А. Лозовского (Дридзо). Формируется крымский «филиал» плехановцев «*Единство*», партия, стоявшая на крайне правом фланге социал-демократии. Группа во главе с П. С. Бобровским оформилась ещё в апреле, а в последних числах сентября обнародовала примечательное заявление в симферопольскую организацию РСДРП за 11 подписями. «Близо́к час, — говорилось в нём, — когда Российский пролетариат, увлечённый дикими лозунгами большевизма, беспомощный и бессильный, останется одинок. В такой момент мы, считающие грядущую изоляцию пролетариата гибельной для родины, революции и, прежде всего, для самого пролетариата... мы не считаем для себя возможным оставаться в рядах тех, кто всю свою энергию, сознательно или бессознательно, направлял на эту изоляцию. (...) ...Разногласия по основным тактическим вопросам момента делают для нас совершенно немыслимой дальнейшую совместную работу и вынуждают нас заявить о нашем выходе из симферопольской организации р. с. -д. р. п.»¹⁰⁸. Газета «Прибой» (Севастополь) выражала позиции более-менее ортодоксального меньшевизма.

«Съеживается» защищавший специфически еврейские интересы Бунд. К концу 1917 года в губернской организации меньшевиков, считает В. И. Королёв, осталось около тысячи членов¹⁰⁹.

Среди левых к концу года бесспорно доминировали большевики. А ведь весной их насчитывалось не более нескольких десятков человек. Первая самостоятельная большевистская группа, в виде фракции Севастопольского совета, сложилась в мае (руководитель — матрос С. Г. Сапронов¹¹⁰, затем — И. А. Назукин¹¹¹, А. И. Калич¹¹², И. К. Ржанников¹¹³, И. Н. Клепиков). Однако положение большевиков в общественно-политической и «народной» среде было незавидным. Их листовки и литературу союз печатников выпускать отказался. Флот их не признавал: дело доходило до разгрома клуба, избиений и сброса с кораблей, как это было с И. Финогеновым на эсминце «Гневный»¹¹⁴. Связь с центром была чисто условной. И хотя в июле возник Юго-Западный областной комитет РСДРП(б), куда, наряду с Киевской, Одесской, Черниговской, Полтавской, Херсонской организациями, входила и Таврическая, как таковой её не существовало. Да и уровень образованности, подготовленности крымских большевиков оставлял желать лучшего. Один из них вспоминал: «В своём большинстве мы тогда ещё были в политическом отношении малограмотны. Самое большое образование у большинства из нас было 4 класса начальной школы. Учащихся средних школ среди нас не было»¹¹⁵.

В конце июня — июле, отражая растущее недовольство рабочих, создаются первые самостоятельные большевистские группы. С августа появляются большевистские фракции в советах. Так, в Севастопольском совете фракция насчитывала в это время 25 человек, сама же партия — 150¹¹⁶.

Размежевание с меньшевиками завершилось в октябре-ноябре, когда были избраны губернский комитет (2 октября) и парторганизатор (Ж. А. Миллер). Ряды большевиков укрепляются прибывшими в Крым представителями ЦК. Это: Н. И. Островская, Ю. П. Гавен¹¹⁷ (вошли в Севастопольский совет), Н. А. Пожаров¹¹⁸, Я. Ю. Тарвацкий¹¹⁹, С. П. Новосельский¹²⁰. К моменту октябрьского переворота численность таврических большевиков достигла 1871 человека¹²¹ и продолжала, в отличие от прочих партий, расти. 19 декабря стали выходить «Известия Севастопольского Военно-Революционного Комитета» (с конца декабря — «Известия Севастопольского Совета Рабочих и Военных Депутатов»), «первая в Крыму газета, ставшая на платформу октябрьского переворота»¹²² (редакция: Гавен, Яковенко, Н. А. Александрова, чуть позже Гальперин). Основной печатный орган — «Таврическая Правда». Решение об её издании было принято II конференцией РСДРП(б) в ноябре 1917-го; выходила с января по апрель 1918 года. Редактировали газету вначале Гавен и Островская, затем — известный в социалистическом движении В. А. Кобылянский¹²³, затем — В. А. Басенко. «...Обстановка, конечно, не могла не наложить своей печати на содержание «Таврической правды». Вся она дышит атмосферой кипящей гражданской войны. Кроме боевых передовиц её страницы перегружены громадным количеством резолюций в духе воззваний, призывов к борьбе и обращений от судовых команд, частей революционных отрядов, заводских цехов и пр. и пр. Все эти резолюции, воззвания и письма, иногда очень громоздкие, — пылают огнём революционной ненависти к белому офицерству, капиталистам и помещикам, восставшим против рабоче-крестьянской власти»¹²⁴.

В это же время видную роль на арене политической борьбы начинают играть *анархисты*, партией себя, как известно, не считавшие. Группы анархистов действовали в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте и др. Наиболее известная фигура среди них — севастопольский матрос А. В. Мокроусов¹²⁵. Галолирующее «полевание» масс осенью 1917 года обусловило резкое усиление влияния анархистов на Черноморском флоте. Достаточно сказать, что созданный 30 августа Центральный комитет Черноморского флота (Центрофлот) возглавил председатель судового комитета линкора «Воля» анархист Е. Н. Шелестун, вполне лояльный, надо сказать, большевикам. Н. И. Островская с тревогой сообщала в ЦК РСДРП(б) 30 сентября: «...За последнее время анархисты развелись, и за отсутствием наших выступлений их принимают за нас. Наши не отходят, но масса «левее» по-анархистски, при южном темпераменте и политической невоспитанности это может привести к хлопотам немалым и не вовремя, главное»¹²⁶. «Немалые хлопоты» выльются вскоре в жуткие эксцессы массового террора, пер-

вые, если не считать балтийских событий начала марта, всполохи Гражданской войны.

Крымские конституционные демократы — партия народной свободы (сколько-нибудь заметные группировки правее их не прослеживаются) организовались, видимо, раньше всех. Организации КД возникают в Севастополе, Симферополе, Керчи, Ялте, Феодосии, Евпатории и др. Это была партия либерально настроенной, государственного мышления интеллигенции, считавшей императивом упрочение, но не видоизменение завоеваний Февральской революции. Активисты КД: Д. С. Пасманик¹²⁷, Н. Н. Богданов, С. С. Крым, В. К. Винберг¹²⁸. Социальный состав: в основном интеллигенция, были представлены и рабочие. Численность — до 2 тыс. (в России в целом — 70 тыс.)¹²⁹. Печать: «Таврический Голос», «Ялтинский Голос»; в какой-то степени позиции КД отражал беспартийный либерально-социалистический «Крымский Вестник».

Февральская революция, устранив империю, породила мощные центробежные импульсы. М. А. Волошин в письме к А. М. Петровой 2 июня пишет: «Вся наша история Петербургского периода заключалась в принятии духовного развития народа в пользу чудовищному территориальному расширению (...), теперь начинается обратный процесс»¹³⁰.

А местная печать констатировала: «Ко всем страшным вопросам, раздирающим сейчас Россию, присоединился и национальный вопрос»¹³¹.

На многонациональном полуострове в 1917 году действуют около 30 национальных партий, движений и обществ¹³² (собственно партийных организаций и движений осенью — 23; из них 16 — социалистические, 13 — национальные; объединяли 55–60 тыс. человек, 4,5% трудоспособного населения¹³³).

Создаётся *Русская община* (организатор и руководитель — П. И. Квит). Впоследствии она послала первых бойцов в формирующуюся Добровольческую армию¹³⁴. Некоторое время просуществовало также полуподпольное правое *Великорусское вече*.

В марте появляется первая украинская организация в Крыму — *украинские эсеры* (Севастополь, лидер — К. П. Величко¹³⁵, костяк — матросы ЧФ). В апреле подобная организация возникла в Феодосии. Летом в Севастополе была создана организация УСДРП. Центральная Рада инициирует формирование весной-летом в Таврической губернии местных Рад (Севастополь, Симферополь, Евпатория), украинских войсковых комитетов (Севастополь, Симферополь), громад (Севастополь, Симферополь, Евпатория, Ялта). В 1917 году все эти группы придерживались умеренно-социалистической ориентации. Их целью (промежуточной?) была автономия Украины в составе демократической федеративной России¹³⁶.

Члены армянской партии *Гнчак*, действующей в Крыму с 1903 года, не смогли воссоздать самостоятельных организаций в Крыму после Февраля, а *дашнаки*, вышедшие из Гнчак в 1904 году, сформировали подотделы в

Симферополе, Керчи, Феодосии, Ялте, объединившиеся осенью в Таврический союз, а также — губернский комитет партии¹³⁷.

На выражение интересов еврейского населения полуострова претендовали: *сионисты* (*Альгемайн-Цион*, входили в Сионистскую организацию России — СОР) (с национальной целью и программой воссоздания еврейского государства на территории Палестины, в связи с чем постулировалось неучастие во внутривосточных российских коллизиях как чуждых евреям); *Циери-Цион* (Сионистская народная фракция, близкая по своим взглядам к кадетам, входила в СОР); *Бунд* (социал-демократы); *Поалей-Цион* (сионисты-социалисты); *СЕРП* (Социалистическая еврейская рабочая партия, неонародники); *Мизрахи* (федерация иудейского духовенства и близких к нему кругов, входила в СОР); впоследствии сионистское студенческое объединение *Ферейн* (входило в СОР).

Совершенно особое, по нашему мнению, стоит вопрос о *крымскотатарском национальном движении*¹³⁸. «Татарские националисты перестали быть гонимыми революционерами, — писал хронологически первый исследователь национального движения крымских татар, участник революционных событий в Крыму, коммунист В. А. Елагин, — они превратились в национальных общественных деятелей, и перед ними встала гораздо более благодарная и многообещающая задача, чем организация движения в пользу Турции, связавшей свою судьбу с судьбой императорской Германии: задача мирного устроения самостоятельности Крыма в федеративной связи с революционной Россией»¹³⁹.

Другой советский автор, А. К. Бочагов, составлял свой «очерк» уже не по следам Революции и Гражданской войны, а в годы «великого перелома», после процессов «великих террористов» и «миллионеров», скорее всего — по заказу. Потому акценты и тональность у него иные. «Крым относится к числу таких национальных окраин, где политика царизма взрастила в широких массах татарского населения особенно острую ненависть к русским и стремление к национальной независимости.

Это обуславливалось

1. Военно-колониальным захватом Крыма.
  2. Экономическим разорением основных масс населения.
  3. Установлением полной их социальной бесправности.
- (...)

Вся совокупность условий — тяжёлое экономическое положение основных трудовых масс татарского населения, их политическое бесправие, беззастенчивое, грубое администрирование всей царской системы, русификаторская политика, с одной стороны, агитация турецких агентов, агитация учителей и просто отдельных лиц в пользу панисламизма и пантюркизма, агитация националистической татарской буржуазии, с другой, — всё это подготовило бурный взмах национального движения в 1917 году»¹⁴⁰.

После Февральской революции была воссоздана группа социалистов-федералистов. Летом она образовала *объединённую социалистическую татарскую партию*, включившую в свою программу постулаты социалистов-революционеров вкупе с сугубо национальными требованиями. Один из её вариантов звучал так:

«1. В единении со всеми политическими группами татарская демократия считает своей обязанностью: подготовить татарский народ к тому моменту, когда соберётся Хозяин Земли Русской — Учредительное Собрание.

2. В Учредительном Собрании татарский народ будет добиваться установления Федеративной Демократической Республики.

3. Татарский народ в единении с другими народностями, населяющими Крым, не требует для себя политической автономии, но не позволит установления в Крыму политической гегемонии какого-нибудь народа, не имеющего ни культурных, ни исторических, ни этнографических прав на таковую.

4. В Учредительном Собрании татарская демократия будет требовать передачи всей земли трудовому народу.

5. Татарский народ требует возвращения Вакуфному фонду всех расхищенных земель и присвоенных старым режимом Вакуфных капиталов.

6. Татарский народ требует для себя национально-культурную автономию, как необходимый фактор свободного развития национального самосознания.

7. Трудовой татарский народ требует отмены сословных привилегий, существующих для некоторых татар (мурзаков), в сущности бывших до сих пор страшными паразитами на его теле...

8. Татарская демократия ставит себе задачей — стоять на страже общегосударственных интересов, а потому она всецело поддерживает созидательную работу Временного Правительства, поскольку она не идёт вразрез с идеологией революционной демократии.

9. Татарский народ требует выделения тыловых солдат-татар в особые воинские части для несения службы на фронте в деле защиты государства от жестокого врага»¹⁴¹.

В конце 1917 года объединённая крымскотатарская социалпартия насчитывала, якобы, 60 000 (записанных?) человек¹⁴².

12 марта под влиянием А. А. Боданинского¹⁴³ состоялось общее собрание Крымского мусульманского благотворительного общества, создавшее временный мусульманский революционный комитет во главе с самим Боданинским, Ибраимом Фехми и Ибраимом Тарпи, претендовавшего на должность *муфтия* — духовного главы крымских мусульман. Созданию мусульманского ревкома способствовала телеграмма мусульманской фракции Государственной думы, которая потребовала, чтобы крымские татары немедленно послали в Петроград двух делегатов для участия в заседании бюро фракции по поводу созыва Всероссийского мусульманского съезда. Ревком делегировал в Петроград А. С. Айвазова и М. М. Кипчакского¹⁴⁴.

15 марта в Симферополе на собрании крымскотатарских активистов выдвинут вопрос о ликвидации Мусульманского (Магометанского) Духовного правления и Вакуфной комиссии как органов, носящих «полицейско-охранительный характер». Было решено прекратить практику фактического назначения муфтия сверху. 17 марта, после торжественного богослужения во всех мечетях, тысячи татар Симферополя собрались на новом кладбище, где принесли присягу Временному правительству. 20 марта с фронта прибывают Ч. Челебиев и Дж. Сейдамет.

25 марта в Симферополе открылось общее собрание мусульман Крыма (от 1,5 тыс. до 2 тыс. делегатов, представлявших 12 организаций), родившее (Крымский) Временный Крымско-мусульманский исполнительный комитет (*Мусисполком*) из 48 человек (был утверждён Временным правительством) под председательством Ч. Челебиева. В первый состав ЦК Мусисполкома вошли М. Енилеев, Б. А. Меметов, М. Сыдык-эфенди, А. Зекьян (?), А. Лятиф-эфенди, А. С-А. Озенбашлы¹⁴⁵.

Усилия Мусисполкома, как понимал их Ч. Челебиев с соратниками, должны были быть направлены на: «1) объединение крымско-татарского народа, организацию местных комитетов и подготовку татар к учредительному собранию (Всероссийскому? Местному? Курултаю? — *Авт.*), 2) реорганизацию духовного правления и управления вакуфами. 3) коренную реформу школьно-воспитательного дела крымских татар»¹⁴⁶. Квинтэссенцией работы съезда стала именно проблема Духовного правления и Вакуфной комиссии. Была принята резолюция о переходе вакуфных имуществ и доходов с них в национальное достояние. Приводя этот документ, современный автор подчёркивает: «Необходимость получить в своё распоряжение вакуфы диктовалась некоторыми (мягко сказано. — *Авт.*) соображениями. Это лишало материальной базы реакционное, верноподданническое духовенство, помогало изжить острый земельный голод... и подводило экономический фундамент под национальное движение»¹⁴⁷. Временное правительство, однако, не торопилось с передачей вакуфных имуществ Мусисполкому, цепляясь за сохранение контроля над ними. Между прочим, вакуфные земли составляли 87 614 десятин и 286 сажень, на счетах Духовного правления и Вакуфной комиссии числилось 800 тыс. рублей (в ценах 1914 года), а на балансе — 500 домов и лавок¹⁴⁸ (по другим данным, в распоряжение Мусисполкома перешло 1,5 тыс. таковых¹⁴⁹). Была послана приветственная телеграмма Временному правительству с выражением полной лояльности. Забавно, что (как писал в терминологическом антураже 1920-х годов исследователь-коммунист) «в заключение был произведён сбор пожертвований «в фонд победы» — победы буржуазно-империалистической России над уже раздавленной Гогенцоллернами Турцией — иными словами, над самими собой, над идеей самоопределения и независимости народов...»¹⁵⁰.

Весной-летом возникло 124 региональных исполнительных комитета (городских, уездных, волостных). «...Налицо была довольно стройная орга-

низация от центра — Симферополя — до глухой татарской деревни»¹⁵¹. 80% членов Мусисполкома были «объединёнными социалистами»¹⁵². С 5 апреля фактически все дела крымских татар, культурные, религиозные, экономические, а затем и политические, — переходят в ведение Мусисполкома¹⁵³. «Одновременно почти (в источнике неясности с хронологией и топологией: создание исполкома относится к маю 1917 года (Бахчисарай). — *Авт.*) в Симферополе, с разрешения начальника гарнизона, создан «Военно-революционный комитет», под председательством полковника М. Д. Енилева, имевший официальную задачу — заботы о материальном устройстве солдат-мусульман в Симферополе»¹⁵⁴. В конце концов, МВД Временного правительства санкционировало передачу вакуфных земель в распоряжение Мусисполкома¹⁵⁵.

По указанию Мусисполкома исполкомы на местах начали создавать комитеты женщин¹⁵⁶ и молодёжи. Шефство над этими комитетами взял Ч. Челебиев. Кроме того, в Симферополе и Бахчисарае были организованы комитеты студентов и школьников. Одновременно Мусисполком открывал краткосрочные курсы по повышению квалификации татарских учителей и подготовке уездных и районных работников. В Симферополе открылись женская татарская гимназия и женский татарский техникум. Мусисполком за подписью Челебиева опубликовал воззвание о снятии чадры с татарок. Для всех учителей татарских школ вводились экзамены. С августа 1917 года Зинджирлы-медресе в Бахчисарае реорганизовано в педагогический институт¹⁵⁷.

Интеллектуальная крымскотатарская верхушка позаботилась об информационной основе движения и его, говоря нынешним языком, пиаре. С июня выходят татарские газеты: «Миллет» («Нация», на крымскотатарском языке, редактор А. С. Айвазов); независимая на крымскотатарском языке «Къырым Оджагы» («Крымский Очаг», редактор А. Ариф; по данным Айвазова, под редакцией теолога, богослова А. Х. Хильми и Курт Мемета); отражающая линию оппозиционеров Мусисполкому, но вскоре закрывшуюся с продаж своей типографии газете «Миллет»¹⁵⁸; с июля — «Голос Татар» (на русском языке, орган левого крыла Мусисполкома, редакторы А. А. Боданинский и Селямет-оглу (Х. С. Чапчакчи)¹⁵⁹). Продолжает издаваться газета «Енъи Терджиман», основанная И. Гаспринским.

По поводу Мусисполкома и его места в общественно-политической жизни Крыма среди татарских публицистов возникла полемика. Постоянный автор «Южных Ведомостей», скрывавшийся под псевдонимом, считал, что «отсутствует связь между центральным мусульманским комитетом, с одной стороны, и татарским населением — с другой». Беда, пояснял он, «...в теоретичности главных деятелей, в пренебрежении их «мелкими» делами текущего момента и в переоценке наших культурных сил», опасался, что «решающий момент в истории народов России застанет нас, татар, распыленной и дезорганизованной массой, без определённого националь-

ного лица»¹⁶⁰. На пессимистический вызов земляка откликнулся секретарь Мусисполкома: «Я позволю себе спросить г. -ского, можно ли так назвать неуклонное стремление комитета к организации демократических татарских масс, стремление к внедрению среди них сознательного и преданного отношения к идеям общероссийской и в частности крымскотатарской революции, стремление комитета стать во всех проявлениях татарской жизни центром, не повелевающим, не распоряжающимся, а регулирующим и контролирующим»¹⁶¹. Иными словами, критик педалировал «малые дела», функционер — всеобъемлющие. Правда, Боданинский перечислил достижения Мусисполкома: модификация *муфтия(я)та* в «демократически-республиканское учреждение» (иными словами, его обмирщение и политизация), процесс создания местных комитетов, основание газеты «Миллет», образование вакуфных комитетов и регистрация вакуфов. Известно: кто оправдывается — тот повинен. Но в этом споре каждая сторона была права по-своему. Другое дело, что более мощные силы в скором времени развеют все надежды и сомнут далеко идущие планы татарских националов.

Лидерами Мусисполкома стали: Дж. Сейдамет, председатель Вакуфной комиссии; А. С. Айвазов; М. М. Кипчакский, С. Дж. Хаттат(ов)¹⁶², А. А. Боданинский и др. Бесспорным авторитетом для всех татар, вне различия взглядов, был Ч. Челебиев. Он становится во главе Духовного управления и демократическим путём избирается муфтием.

В Челебиеве теперь органично — для нового, вкусившего европейского духа Востока — сочетаются два образа: религиозный лидер, высшая фигура в мусульманской иерархии, и реформатор, принципиальный противник архаичного духовенства, помещичьих привилегий, национальной «перекошенности», всего, что связано с т. н. восточным деспотизмом, ревнитель федеративного устройства Российского государства, демократических свобод, женского равноправия, общинности и правового государства, не говоря уже о культурной революции. Недаром он был и богослов, и юрист. Впереди Челебиев и его соратники видели созыв съезда крымскотатарского народа — Курултая и далее — Всекрымского учредительного собрания. Не замыкаясь в сепаратных проблемах, они принимают посильное участие в работе общетюркского *Шуро* — Совета, Центрального военного мусульманского комитета, трёх съездов мусульман России, выборах во Всероссийское учредительное собрание.

Что касается распространения в 1917 году на крымскотатарскую интеллектуально-политическую верхушку пантуранских построений с их политическими выводами (отрыв Крыма от России и вхождение его в состав т. н. Великого Турана с центром в Стамбуле), то они (эти настроения), официально, по крайней мере, не афишировались. Не забудем, кстати, что шла война, в которой Турция, участник Четверного союза, была соперником России, а значит, рассуждения на подобные темы, не говоря уже о контактах с турецкими деятелями, могли быть правомерно расценены как под-

рывная деятельность в пользу врага. Сведения о тайных вояжах турецких офицеров в Крым, их финансовых вливаниях в соответствующие крымско-татарские круги появятся позднее, в пору деятельности белой контрразведки¹⁶³; большевики же, заключившие в 1919 году союз с кемалистской Турцией, в обнародовании подобной информации (насколько она соответствовала реальности — судить затруднительно) заинтересованы не были.

Пантуранист А. Исхаков, из казанских татар, писал в 1926 году: «Среди зарубежных тюрков (понимай — «нетурецких». — *Авт.*) никогда не было движения, стремившегося к отдельному от Турции объединению. Никогда не стремились «свить своё гнездо»: Север — вокруг Казани, Туркестан — вокруг Бухары, Крым — вокруг Бахчисарая, Азербайджан — вокруг Баку. Эти центры в своей деятельности всегда исходили из сознания, что являются лишь ветвями великого тюркского древа, что тот воздух, которым они дышат, есть турецкий воздух»¹⁶⁴. А крымскотатарская пресса 1917 года настойчиво внушала: «Османские турки дóроги русским татарам лишь в духовно отношении: единая вера и единое происхождение... То государственное и социальное устройство, которое существует у турок, для татар никоим образом не приемлемо. Младо-турки — те же кадеты и ярые националисты, захватившие весь трудовой народ в свои руки. Настоящая новая Россия фактически вполне демократическая страна, и крепка наша вера, что, несмотря на все потрясения... наша общая родина оправится и займёт то же почётное положение среди мировых держав, как и прежде»¹⁶⁵ (нос-тальгия по империи!? — *Авт.*).

Взгляды Челебиева, судя по его публичным высказываниям, ограничивались на первых порах реализацией крымскотатарской культурно-национальной автономии в составе федеративной России. Но идеи турецкого патронажа в руководстве национального движения не надо сбрасывать со счетов. Вообще зигзагообразность политического поведения «*курултаевцев*», как окрестили их крымские газеты, относительно внешних, явных и возможных, покровителей стала их видовой чертой. В 1917-м — это рвущаяся к независимости в лице Центральной рады Украина, параллельно — Турция, в 1918-м — Германия и опять же Турция. Экивоки в сторону добровольцев, которые, однако, с «курултаевцами» не церемонились. А с торжеством большевизма — Советская Россия. Так что процитированный выше пункт 3 «Политической программы» о недопущении татарами установления в Крыму гегемонии какого-либо «внешнего» народа, не имеющего здесь корней, выглядит попыткой и укусьть близкий, но недостижимый локоть.

Есть неясности и в выявлении политико-организационной физиономии «курултаевцев». Несомненно отсечение консерваторов, стоявших до Февраля во главе Таврического магометанского духовного управления. Мурзачество и архаичное духовенство, потерпев неудачу на собрании 25 марта, где один из их лидеров, С. Крымтаев, подвергся обструкции и вынужден был покинуть аудиторию, на какое-то время сумело консолидироваться и развер-

нуть кампанию против демократов — «безбожников» и ревнителей женского равноправия. Но 24 июля их вождь, Ибраим-эфенди Тарпи, был исключён из Мусисполкома за интриги против Челебиева и попытки занять там главенствующее положение. Провалилась и его акция по созданию конкурентного татарского центра — Союза мусульман-учёных (*улемов*) — в начале сентября¹⁶⁶. Съезд духовенства был сорван татарской молодёжью¹⁶⁷.

Несомненна социалистическая ориентация большинства «просветителей». Однако тёмн, да ещё и запутан в советское время вопрос о возникновении и деятельности т.н. Национальной партии — *Милли-фирка*¹⁶⁸.

А. К. Бочагов считал, что Милли-фирка сложилась в июле 1917 года, и её руководящее ядро составили: Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, С.-Дж. Хаттагов, А. Хильми, А. С.-А. Озенбашлы, А. С. Айвазов, Дж. Аблаев¹⁶⁹. Он же приводит текст второй редакции программы партии (1918? 1919?)¹⁷⁰. В архиве нами обнаружена машинописная копия первой редакции программы, выпущенной в виде листовки типографией газеты «Миллет» в 1917 году¹⁷¹, что и дало повод согласиться с хронологией Бочагова.

О создании Мили-фирки в 1917 году пишет и А. С. Айвазов. По его словам, Всероссийский мусульманский съезд, состоявшийся 10–15 мая 1917 года в Москве, стал «отцом всех тюрко-татарских националистических организаций или партий России». Сразу же после возвращения на полуостров делегатов это съезда, включая самого Айвазова, началась организация Милли-фирки. Её программа была принята только в начале октября 1917 года (о чём ниже), а «до этого времени в Крыму никто не имел понятия о её существовании»¹⁷².

Эфемерное существование Милли-фирки породило существование в историографии другой точки зрения на её создание. Так, современный исследователь С. Е. Громов пишет: «Во-первых, и по архивным и по газетным материалам, активизация политической деятельности Милли-фирка приходится как раз на период начала 1919 года. Именно тогда появляются первые, документально зафиксированные упоминания о партии, как о реальной политической силе. Наиболее значимым в этой связи является первый установленный факт участия партии в предвыборной кампании... в Крымский краевой сейм... (...) Вторым фактом, на наш взгляд, подтверждающим высказанную позицию, являются воспоминания одного из лидеров Милли-фирка Джафера Сейдамета, изданные в Турции в 1993 году, относящиеся к периоду 1917–1918 годов. И здесь нет ни одного упоминания о партии...»¹⁷³. Из сказанного выше следует, что Милли-фирка с 1917-го по 1919 год существовала в эмбриональном состоянии (как союз единомышленников), и составление программы опередило собственно партийную деятельность.

Своеобычность Милли-фирка фиксируется по воспоминаниям её участников и её современников. А. С.-А. Озенбашлы показывал на допросах в 1928 году: «...Сколоченная в 1919 г., в дни подготовки к выборам в краевой сейм, по решению кадетского правительства (второго Крымского краево-

го; апрель 1919 года. — *Авт.*), организация Милли-фирка не была партией в прямом смысле этого слова, не была идейно спаянной компактной единицей, а была своего рода винегретом в смысле социальном и формой, или внешней оболочкой, в смысле тактическом, чтобы доказать кадетам, что крымские татары уже не те «бараньи головы», что они могут организованно, как нация, добиваться своих прав»¹⁷⁴.

В справке, подготовленной для ГПУ, видимо, в 1922 (1923) году, находим любопытный пассаж о крымскотатарских лидерах: «Политическое направление всех этих людей совершенно одинаковое. В то же время эту группу нельзя назвать партией (переключка с Озенбашлы. — *Авт.*). У неё нет настоящей, явной партийной организации. Какая-то организация, по-видимому, есть, но не партийная, а кружковая (хотя в широком национальном масштабе). У неё нет явной, точно установленной программы и тактики... У неё, в отличие от русской интеллигенции, действительно больше склонности к реальной политике, чем к принципиальным выкладкам (эволюция национального движения с марта 1917 года. — *Авт.*).

Направление этой группы (можно назвать её *миллифирковцами*, *курулта(ев)йцами*, *народно-национальной партией*) несомненно, демократическое... В виде идеала представляет себе федеративную связь свободного демократического Крыма с такой же Россией, в качестве задачи ближайшего периода ставит себе благополучное проведение национального корабля своего, среди всех подводных камней исторического момента.

Спасти и укрепить национальную культуру, в смысле народного благосостояния, образования и спасти татарскую национальную идеологию от коммунистического влияния»¹⁷⁵.

Таким образом, Милли-фирка представляла собой своего рода *штаб и мозговой центр крымскотатарского национального движения*. Партия особо не афишировала (исключая полусостоявшуюся выборную кампанию весны 1919 года) своей деятельности. К ней примыкали сходные по направленности социалистические организации.

1–2 октября 1917 года на Всекрымском татарском делегатском съезде среди прочего на обсуждение и утверждение поставлена программа Милли-фирки, которую отстаивали Ч. Челебиев и Дж. Сейдамет. После двухчасового обсуждения она была единогласно принята¹⁷⁶.

Этот вариант программы Милли-фирки был выдержан в общедемократическом духе с народническим замесом. Провозглашался суверенитет народа, отстаивались равенство всех перед законом, политические свободы, демократические выборы, отмена сословных различий, паспортов, неприкосновенность личности, жилища, писем, декларировались социализация фабрик и заводов, ликвидация вакуфного землевладения и имущества в прежней, религиозной, форме. Был выдвинут лозунг: «Вся земля принадлежит общинам», по принципу: каждому земледельцу столько земли, сколько он может обработать без применения наёмного труда. Огова-

ривались культурно-просветительские задачи (создание национальных форм на основе обязательного, всеобщего и бесплатного обучения, введение делопроизводства на родном языке). Выделим идею равноправия женщин и активного вовлечения их в общественно-политическую жизнь. В вопросе национально-государственного устройства Милли-фирка выступала за федеративную Россию, в которой «все языки должны быть равны», а Крыму отводилось место её субъекта.

Второй вариант той же программы был гораздо более детализирован и не столь прямолинейен, как первый. В целом же, подытоживал ведущий, в 1919 году, печатный орган крымских татар, «мы не являемся ни большевиками, ни монархистами, ни кадетами, ни октябристами, а являемся лишь народниками. Мы стараемся завоевать наши национальные права и осуществлять наши национальные чаяния»¹⁷⁷.

Если верить А. С. Айвазову, Милли-фирка имела две программы — официальную и нелегальную. Вторая сводилась к восстановлению самостоятельности Крыма под протекторатом европейских великих держав. Для чего лидеры Мусисполкома считали необходимым:

1. Довести в Крыму тюрко-татарское население до 600 тысяч путём переселения на полуостров из других губерний России 200 тысяч татар, возвращения из Румынии 70 тысяч эмигрантов-татар и привлечения 35 тысяч татар из Польши и Литвы;

- а) для создания государственного аппарата выписать на первых порах различных чиновников из Турции;

- б) для разного рода учреждений, органов городского управления использовать польских и литовских татар и «честных опытных русских».

2. Заключить союз с Украиной, Польшей и «другими федералистскими странами».

3. «Войти в соглашение со всеми националистическими организациями и держать с ними тесную связь и т. д.».

Некоторые пункты этой тайной программы вроде бы стали претворяться в жизнь. По сообщению Айвазова, для переговоров с муфтием Оренбургского магометанского правления о переселении в Крым татар муфтий Челебиев выехал через Казань в Уфу. Мусисполком начал привлекать к работе турецких военнопленных, среди которых было много бывших гражданских чиновников. Со второй половины августа 1917 года в разных отделах Мусисполкома в качестве инструкторов было около 10 турок. Военнопленные также преподавали в татарских учебных учреждениях. Прибывали на полуостров волжские и польско-литовские татары¹⁷⁸. При этом не будем забывать о тех условиях, в каких создавались записки Айвазова.

По его же данным, на делегатском съезде перед голосованием по программе Милли-фирки Челебиев объявил: «Кто желает войти в партию «Милли-Фирки», прошу поднять руки». Все делегаты это и сделали. Далее Айвазов пишет: «Таким образом, все участники съезда, около 300 человек,

считались вошедшими в партию. После этого лидерами «М. Ф.» Сейдаметовым и Челебиевым было предложено делегатам, что каждый может вербовать на местах в «М. Ф.» новых членов и организовывать ячейки «М. Ф.» в городах и деревнях.

Членских билетов и взносов не существовало. Объявившие себя членами считались членами «Милли-Фирки» и регистрировались. При приёме в партию вербовщики не обращали никакого внимания на происхождение того или другого человека, все принимались без исключения. В этом отношении всегда выступал один из семи ярых националистов Озенбашлы Ахмед, который говорил: «Мы являемся татарами и мусульманами, а в Коране сказано: «Все мусульмане — братья, все татары — родные». Мусульманство нас объединяет Кораном — религией, а татарство — по расе и крови. Так что у нас не может быть классов»¹⁷⁹.

Позже у Милли-фирки, при всей её условности как партии, появилась и организационная конструкция, весьма жёсткая, вступающая в откровенное противоречие с официальными демократическими программными установками.

Обратимся к *«Партийной инструкции»* (Уставу) Милли-фирки¹⁸⁰. Бросается в глаза проводимый в ней строжайший, кастовый *централизм*. Согласно инструкции, членом партии мог стать «каждый мусульманин Крыма, достигший 18 лет, если он не судился и не порочен». Проголосовавшие «против выставленных партией кандидатов», «искажающие линию партии», замеченные в аморальных поступках подлежали исключению. «Партия управляется одним общим председателем Всеобщего центра». ВЦ включает 15 членов, избираемых на Всеобщем съезде. Съезд собирается в день основания партии, его делегаты — члены ВЦ, Всеобщего собрания (ВЦ плюс парламентарии), представители от уездных и волостных отделений, редакторы печатных изданий. Уездные и волостные председатели назначаются ВЦ. Круг, таким образом, замыкается. Перед нами — сооружение, которое через одно-три десятилетия назовут «тоталитарным», один из вариантов «партии нового типа» с полным отсутствием в ней демократизма.

Перенесённая на государственную почву эта схема даёт освящённую фигурой «общего председателя» строго пирамидальную конфигурацию господства (контроль, репрессии) — подчинения, характерную, к примеру, для нынешних среднеазиатских формаций. Причём, не голого подчинения власти лишь потому, что она власть, в духе восточных деспотий, а и (примета времени) восторженного и искреннего приятия, массовой поддержки с императивом: выполнять указания свыше с энтузиазмом, не рассуждая, на уровне инстинкта. Так восточный менталитет, образ правления парадоксально (закономерно?) трансформируется в разновидность «революции масс» — феномена XX столетия, «бурных и продолжительных аплодисментов», переходящих в насильственные действия, отторжение и изъятие инаковых. Уже в 1917 году проявилась способность крымскотатарских ак-

тивистов, опираясь на воспитанные многими веками стереотипы поведения, почти мгновенно мобилизовывать (пользуясь слабостью или попустительством, сопряжённым со слабостью, властей) тысячные одиночуживующие и единодействующие людские потоки при беспрекословном, не подлежащем сомнению и критике авторитете вождя¹⁸¹. Видимо, недаром в процитированной справке ГПУ Челебиев был назван «хитрым и ловким публицистом»¹⁸² (точнее было бы: «политиком»).

Таким образом, народническая, социалистическая основа, и, вместе с тем, беспрекословное подчинение центру; стремление к автономии (что, впрочем, на публике пока лицемерно отрицалось¹⁸³, но разве федеративность государственного устройства России изначально не предполагала создания автономий?), прорастающее в сферу политической и межнациональной борьбы, но пока ещё не дошедшее до стадии государственного обособления; «непрестанные колебания... между Сциллой демократии и Харибдой большевизма»¹⁸⁴ — парадигмальные особенности национального движения крымских татар после Февральской революции.

При этом следует иметь в виду, что Милли-фирка, по словам Айвазова, «долгое время, то есть до приезда (в Крым. — *Авт.*) Чобан-Заде в 1920 году не имела центрального комитета. Председательствовал до Чобан-Заде Хаттагов Сеит-Джемиль.

После исчезновения главных основателей «М. Ф.» Челебиева (расстрелян в Севастополе) и Сейдаметова (уехал за границу) главными руководителями и идеологами «М. Ф.» были Ахмед Озенбашлы и Халиль Чапчакчи. Таким образом, последние вместе с Хаттавовым составляли тройку «М. Ф.», другими словами — были директорами»¹⁸⁵.

Summa summarum. С февраля по июнь в Крыму было создано 255 профсоюзов (объединявших 65 тысяч человек), действовали 23 политические партии и организации, большинство из которых (13) были социалистическими. Партии охватывали около 60 тысяч человек¹⁸⁶.

Первым «смотром» национальных сил и возможностей, поводом для которого послужил конфликт Мусисполкома с органами Временного правительства, стали события июня-июля 1917 года. Их стержнем явилась проблема (не)создания чисто этнических (равно — одноконфессиональных) военных соединений, убеждёнейшим сторонником чего выступал Челебиев. С такой просьбой муфтий обратился к военному министру ещё 17 мая, предложив перевести в Крым запасные тыловые части Крымского конного полка. В июне крымскотатарская делегация предприняла «разведывательную» миссию в Петроград, столкнувшись в столице с полным безразличием к своим нуждам. После этого, 18 июня, началось сведение всех солдат-татар Крыма в единый комплекс. (Напомним, что положение о выделении мусульманских частей пунктом 10 вошло в «Политическую программу татарской демократии», причём там речь шла о «несении службы на фронте»; а также в первую программу Милли-фирки: пункт 16, но здесь

слово «фронт» уже отсутствовало, а формулировка была следующей: «Татарские добровольческие (так! — *Авт.*) войсковые части остаются на одной территории и составляют отдельную воинскую единицу»¹⁸⁷).

Формирование сугубо национальных по составу военных единиц мотивировалось следующими обстоятельствами:

— соблюдение мусульманских обрядов и обычаев, жизненно важных для крымского татарина (намаз, праздники, запрет на свинину и пр.), невозможно в смешанных частях, где, к тому же, присутствуют моменты унижения «чужих», обусловленные непростой историей взаимоотношений, (например, русские солдатские песни, прославляющие победы над «бусурманами»);

— рост всевозможной уголовщины как следствие «революционного» расшатывания сложившихся социальных скреп при недееспособности правоохранительных органов, падении армейской дисциплины, всяческих бесчинств и безнаказанности «человека с ружьём» (которые, заметим, были свойственны всем национальностям, о чём говорилось выше);

— неафишируемое, но проявляемое во всём поведении, или открытое нежелание воевать, тыловые настроения, свойственные в 1917 году всей армии;

— пример украинцев (ещё в апреле 1917 года 3 тысячи запасных солдат-украинцев сформировали «Перший (український) полк імені Богдана Хмельницького»¹⁸⁸).

Установка будущих «курултаевцев» на *разделение войск по национальному принципу* закономерно привела к стремлению создать, вслед за украинскими и татарскими частями, греческого батальона, еврейского отряда, армянской и польской рот, вооружению немецких колонистов по принципу: им можно, а нам? В условиях Крыма это резко усиливало *воздействие на события этнического фактора*, противостояние греков и татар, татар и русских. (Сваливать при этом ответственность за все драмы и трагедии, разыгравшиеся на полуострове, на «мракобесов» — большевиков и «великорусских шовинистов», вместо ответственного, трудоёмкого и нелюбимого анализа событий, что вошло в привычку у некоторых крымскотатарских литераторов, считающих себя историками, конечно, проще всего. Только следовало бы в таком случае, выполняя заказ, оставить в покое историю как науку и открыто провозгласить себя пропагандистами единственной эгоистической «правды». Избави нас от «дури односторонности», говоря словами историка и социолога Теодора Шанина!). Членение войск по национальному признаку послужило ещё одной спичкой для разжигания на полуострове Гражданской войны.

Генеральный секретарь Украинской Народной Республики по военным делам С. В. Петлюра знал, что делал, когда 17 ноября отдал распоряжение о пропуске в Крым мусульманского полка. Как заметил в своё время погибший 6 ноября 1993 года при довольно странных обстоятельствах лидер Национального движения крымских татар (НДКТ) Ю. Б. Османов: «В качестве примера решающих тактических просчётов (просчётов или расчётов? —

Авт.), совершённых этой блестящей плеядой интеллектуалов, можно было бы указать на их решение формировать национальные крымско-татарские части. Это был роковой шаг, не только поставивший под нож их самих, но и позволивший залить кровью широкие массы крымско-татарского народа»¹⁸⁹.

Обратимся непосредственно к июльскому инциденту. Он отражён в архивных материалах, широко освещался в публикациях периодики, как 1917 года, так и современной. Одна из них, вышедшая из-под пера редактора крымскотатарской газеты¹⁹⁰, сконструирована точно по рецепту М. Н. Покровского: «История... не есть самодовлеющая задача, история — величайшее орудие политической борьбы; другого смысла история не имеет»¹⁹¹, а посему, производя внешнее впечатление обстоятельностью, тщательно обходит или вуалирует «неудобные» моменты, дабы подвести читателя к заданным выводам:

- 1) «Благодаря активности, решительности представителей крымско-татарского народа расправа над муфтием в этот раз была предотвращена»;
- 2) «Инцидент с Таврическим Муфтием оттолкнул крымских татар от «русской демократии», послужил разрывом во взаимоотношениях между той и другой стороной».

Надо сказать, что как раз перед июльскими событиями в Крыму до полуострова докатилось эхо июльских событий в Петрограде, первого в 1917 году вооружённого столкновения на улицах столицы. Таврический губкомиссариат отреагировал объёмной телеграммой на имя министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского (копии: редакциям «Известий Петроградского Совета», «Речи», «Новой Жизни», «Русских Ведомостей», «Известий Московского Совета») за подписью губкомиссара Н. Н. Богданова. Седьмого июля, сообщал Богданов, согласно предложению министра-председателя, состоялось объединённое заседание представителей исполкомов советов и губкомиссара с двумя помощниками. «Совещание пришло к заключению, что пока нет данных ожидать возникновения подобных событий в Таврической губернии *точка* Повсюду в губернии накопилось правда много недовольства в городах преимущественно на продовольственной почве а в деревнях на почве недостатка и дороговизны предметов первой необходимости (курсив наш. — Авт.). Недовольство это проявляется в городах глухим ропотом запятая в деревне же целиком занятой в настоящее время уборкой хлебов пока оно и вовсе незаметно *точка* Но если бы и возникли на этой почве какие либо эксцессы то вряд ли бы они носили политический характер и прикрывались бы большевистскими лозунгами (курсив наш. — Авт.) *точка* Вместе с тем совещание признало нужным в спешном порядке просить все советы рабочих солдатских и крестьянских депутатов губернии выносить и широко распространять среди самых широких масс населения резолюции клеймящие Петроградское вооружённое восстание меньшинства против большинства как акт контр революционный и выражающие доверие органам революци-

онной демократии в лице Центральных комитетов советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов и действующему в тесном согласии с ними Временному правительству *точка*»¹⁹². Левое крыло Мусисполкома, группировавшееся вокруг газеты «Голос Татар», отказалось, однако, «клеить» вооружённое выступление, ссылаясь на нехватку достоверной информации, зато предупредило об опасности реальной контрреволюции. Как бы там ни было, столичные события не способствовали благодушию.

Итак, хроника инцидента и связанных с ним событий.

4 июля. В связи с намерением властей включить 1-й крымскотатарский батальон в состав 32-го пехотного полка Мусисполком, ряд других организаций, солдаты-татары выражают ответное намерение оставить его в Крыму для защиты населения от произвола асоциальных элементов. (Последний аргумент был весом, другое дело — собирались ли заняться этим все-речь? В любом случае вставал вопрос о принятой присяге и уголовной ответственности за неподчинение приказу).

13 июля. Симферопольский СРиСД, в лице помощника губкомиссара Временного правительства П. С. Бобровского, предлагает прокурору Симферопольского окружного суда возбудить уголовное дело против муфтия Челебиева, подстрекающего солдат-татар не отправляться на фронт. Челебиев отрицает обвинение.

«23 июля в 5 часов утра, — пишет Э. Сеитбекиров, — у себя на квартире чинами севастопольской контрразведки муфтий крымских, польских и литовских татар Н. Челеби-джихан подвергся аресту и был увезён в Севастополь вместе с командиром татарского батальона прапорщиком Шабаровым». Но почему, на каких основаниях — из статьи не ясно.

Мотивы действий контрразведки нам тоже не до конца понятны. Но известно: 1) Челебиев *действительно* агитировал солдат расходиться по домам в связи с мусульманскими праздниками; 2) это вызвало неудовольствие Исполнительного бюро общественного губернского комитета при губкомиссаре и самого губкомиссара, кадета Н. Н. Богданова, настаивавшего на привлечении Челебиева к ответственности; но к аресту, уверял позже Богданов, он никакого отношения не имел; 3) и, самое интересное, заявление (донос) в контрразведку с обвинениями Челебиева в сношениях с враждебным тогда России государством — Турцией — *направила группа крымских татар-традиционалистов*. Именно это обстоятельство, с максимальной вероятностью, и послужило причиной ареста.

Известие о случившемся вызвало массовый (срежиссированный?) взрыв возмущения крымских татар. На имя властей с мест сыплются телеграммы, пестрящие фразами: «первый народный Муфтий», «наш обожаемый Таврический Муфтий» (!) и т. п. Страсти разгораются нешуточные. На улицах Симферополя: у здания губернского правления, где идут бурные заседания всевозможных организаций, у тюрьмы, где по слухам содержится муфтий, — группируются возбуждённые солдаты-татары, съезжающиеся

со всех концов Крыма представители. Тем временем от Челебиева получена телеграмма: «Передайте комитету (Мусисполкому. — *Авт.*), чтобы не волновались, сообщите всем, что муфтий просит соблюдать полный порядок и спокойствие. Всё обстоит благополучно. Я вскоре вернусь»¹⁹³. Что стояло за этим туманным посланием?

24 июля. С утра этого дня (и до 8 августа) в Таврической губернии были запрещены «всякого рода митинги, собрания, шествия и скопления народа»¹⁹⁴. Губкомиссар Богданов разъяснял необходимость введения чрезвычайного положения (Исполкому СРиСД Симферополя): «Обязательное постановление о запрещении митингов и проч. было издано утром 24 июля, в тот момент, когда в городе ожидалось крупные беспорядки в связи с арестом муфтия, и тогда надо было предпринимать экстренные и самые решительные меры к предотвращению таковых. Некогда было предварительно совещаться с кем бы то ни было... ни одна организация, стоящая на стороне свободы и порядка, ничего не возразила [бы] против этой меры»¹⁹⁵. «Крупных беспорядков», к счастью, не произошло.

Днём контрразведка освобождает Челебиева и Шабарова. В Симферополе муфтия ожидала восторженная встреча. Бобровский и председатель Таврического совета П. И. Новицкий съездили в Севастополь, где контрразведчики признали, что для ареста не было оснований.

Таким путём Челебиев приобрёл ореол страдальца за народное дело, а кадеты в лице Н. Н. Богданова — статус врагов крымскотатарского народа. Мусисполком потребовал отставки губкомиссара, которая произошла, однако, только в ноябре.

29 июля. Газета «Голос Крыма» публикует протест Мусисполкома по поводу ареста Челебиева.

31 июля. Перипетии событий (учитывая дальнейшее, событий, а не спектакля, как может показаться, хотя элементов последнего хватало), едва не приведших к первым послефевральским жертвам, обсуждались на губернском совещании уездных комиссаров, советов и прочих властных органов. Присутствовали губкомиссар и его помощники. Совещание затянулось до двух ночи.

Информация участников.

Н. Н. Богданов. «Министр Керенский приказал двум расквартированным в Симферополе полкам выступить на фронт. Солдаты мусульмане захотели выделиться, и ходатайство их было удовлетворено. Затем выделившаяся часть должна была присоединиться к N-скому запасному полку, чтобы отправиться на фронт, но вмешательство муфтия привело к тому, что солдаты заявили желание присоединиться к части крымско-конного полка, стоявшего в тылу (г. Новогеоргиевск Херсонской губернии. — *Авт.*) и прибытие которого ожидалось в Симферополе. Затем, в праздники солдаты-татары были отпущены домой. В беседе с муфтием губкомиссар указал на

неправильность его выступления и просил, в интересах обороны, обратиться к солдатам с воззванием о возвращении в часть. Далее последовало постановление исполн[ительного]. бюро губ[ернского]. обществ[енного]. комитета о предложении привлечь муфтия к ответственности за его выступление, а спустя некоторое время арест муфтия севастопольской контрразведкой и освобождение его. О предстоящем аресте муфтия комиссариат не знал». (Как и не принимал решение о его освобождении. Есть резон с этим согласиться: в разгуле насилия никакого позитива для властей не было).

Дж. Сейдамет, А. А. Боданинский, С. Дж. Хаттатов, Х. Тынчеров (от Мусисполкома). «...Говорили, что всё дело возникло из-за враждебного отношения татарских помещиков и мулл к деятельности комитета, проводящего в татарской среде демократические идеи, отстаивающие переход всей земли к трудящимся, освобождение закрепошённой татарской женщины. Муфтий в военные дела не вмешивался, а лишь добивался морального надзора за татарским полком, дабы он не попал в руки черносотенцев (каких!? — *Авт.*), как это было в 1905 г.».

И. Кравченко (председатель гарнизонного комитета), П. И. Новицкий, Е. И. Рабинович (советский деятель, меньшевик). «...Привели факты, опровергающие утверждение членов мусульманского комитета, будто последний не вмешивается в военные дела...».

В резолюции совещания было отмечено, что «исполнительное бюро губ[ернского]. комитета и комиссариат в своём постановлении о привлечении муфтия к уголовной ответственности руководствовались исключительно интересами государственной обороны и не посягали и не могли посягать, как состоящие исключительно из представителей партий, целиком признающих принцип национального самоопределения, на врем[енный]. мусульманский комитет, как национальную организацию», а также выражено доверие губкомиссару¹⁹⁶.

В тот же день. Комиссариат воспретил «в пределах Тавр[ической] губернии без разрешения комиссара или лица, им уполномоченного, распространение всякого рода воззваний, объявлений, афиш, плакатов и проч.»¹⁹⁷.

Линия противостояния пролегла и в сфере, весьма, как будто, далёкой от политики (хотя начиная с марта 1917 года политизировалось всё). В первых числах мая на свой съезд собрались крымскотатарские учителя. Съезд постановил реорганизовать Симферопольскую татарскую учительскую школу и назначить её директором крымского татарина, понятно, демократа. Губернские власти воспротивились. Ученики объявили забастовку. Только после этого решения съезда были проведены в жизнь. В конце августа губернское земское собрание по докладу народного учителя Х. Тынчерова и после дискуссий приняло резолюцию, нацеленную на качественное преобразование культурно-просветительной помощи татарам (учреждение при губернской управе крымскотатарского отдела по образованию, временных педагогических курсов, стипендий для девочек и пр.)¹⁹⁸.

Тем временем (крымские перипетии были одним, хотя и весьма примечательным, ручейком процесса) демократическое Российское государство — сомнительный преемник Российской империи, уже не монархия, но ещё не республика *неотвратимо расплзается по швам*, что дальновидные умы предсказывали ещё в марте. Для того, чтобы удержать его в прежних (пусть за исключением Польши и Финляндии) границах, да ещё и трансформироваться в нечто жизнеспособное при этом, нужны были воля, деятельный, не зашоренный европейскими стереотипами интеллект, авторитет и признанная населением твёрдая легитимность. Ничем из перечисленного Временное правительство не обладало.

С другой стороны, амбиции и вожделения новоявленных национальных «элит», имевших в значительной своей доле мало общего с народами, от имени которых они вещали, и уже почуявших сладкий запах власти, росли не по дням, а по часам¹⁹⁹. Да и сами народы утрачивали чувство почвы, перегреваясь разбухающими социальными, экономическими и пр. — вплоть до физиологических — проблемами, реальными и мнимыми, тем, что именуют *revolution of rising expectations* — «революцией растущих ожиданий». Трижды прав участник круглого стола по вопросам истории 1917 года: «Революция с её пароксизмами грубой политической демагогии, воинствующей ксенофобии и группового эгоцентризма не способна создать предпосылки для полюбовного разрешения такого иррационально-взрывоопасного вопроса, как национальный»²⁰⁰.

Одним из определяющих ситуацию и в то же время чрезвычайно болезненным для Крыма оказался вопрос о его взаимоотношениях с Украиной.

Центральная рада, всё более дистанцируясь от центра, проявляла в то же время и всё большее желание втянуть в орбиту своей «самостийности» Крымский полуостров. Рада, конечно же, декларировала демократические и социалистические принципы (кто тогда их не декларировал?) равноправие всех народов; она образовала Секретариат по национальным делам, родив из него в январе 1918 года три министерства — великорусских, польских и еврейских дел; наконец, включила в Конституцию Украинской Народной Республики Закон о национально-территориальной автономии. И в то же время — постоянно демонстрировала по отношению к Крыму аннексионистские замашки. Это вызывало у крымчан вполне объяснимую настороженность, тем паче, что тяготения к Украине (исключая несколько судовых команд Черноморского флота; о позиции «курултаевцев» скажем отдельно) в Крыму первоначально не наблюдалось, несмотря на значительный процент (в сельской местности) украинского населения.

Общественный комитет (с представительством от КД, ПСР, РСДРП), чьи решения являлись пожеланиями для губернского комиссара, учитывая активизацию Рады и гипотетическую вероятность отрыва от центральных районов, счёл нужным постановить: «Признав невозможным включение той или иной местности в состав какой-либо автономной территориальной

единицы без ясно выраженного желания населения данной местности, обратиться внимание временного правительства на то, что вопрос о включении Таврической губернии в состав автономной Украины не разрешён ни одной из общественных организаций губернии и что поэтому и разрешение его временным правительством преждевременно»²⁰¹.

Но украинский вопрос стал одним из тех многих вопросов, где Временное правительство продемонстрировало своё полное бессилие.

Однако рядовое население — с ухудшением своего положения, ростом неуверенности в наступающем и тревоги, стало — в значительной своей части благоволить Украине, которая, казалось, несёт спокойствие и сытость. «...Крым... был лакомым куском, и все тянули его к себе — и Россия, и Украина, пожалуй бы — и Дон, и Кубань...

Поэтому в Крыму велась усиленная украинская пропаганда, а так как и действительно большинство нетатарского населения было по происхождению — украинцами, то пропаганда нашла благоприятную почву и постепенно украинизировалось много частей...»²⁰².

Рада между тем действовала с откровенной бесцеремонностью. В июле губкомиссар Богданов получил телеграмму за подписью генерального секретаря Рады по внутренним делам (!) В. К. Винниченко с приглашением (требованием?) прибыть на «предварительное краевое Совещание» 25-го числа. В Крыму это было справедливо расценено как вмешательство в его внутренние дела. Бюро губернского комитета 14 июля, «обсудив вопрос и принимая во внимание, что Губернский Комиссар не получал от Временного Правительства никаких указаний на включение Таврической губ[ернии] в состав будущей Украины, что и по существу вопроса включение Таврической губернии, весьма пёстрой по национальному составу, с меньшинством украинского населения, является нежелательным, что даже в северных уездах, где можно предполагать численное превосходство украинцев²⁰³, вопрос этот не возникал или был решён отрицательно, постановило: представителей на краевое совещание от Таврической губернии не посылать»²⁰⁴.

Тогда же, летом 1917 года, за демократическим флёром Рады, выпячиванием добрых чувств и требованиями автономии (ещё не самостоятельности) в составе свободной федеративной России крымская пресса увидела мрачные ростки грядущих конфликтов. «Под украинством, — писала влиятельная кадетская газета, — скрывается огромная доза шовинизма и даже черносотенства. Здесь крайне важен вопрос о гарантии национальных меньшинств, т. е. чтобы украинцы не начали угнетать народности, обитающие украинскую землю (курсив наш. — Авт.)»²⁰⁵.

Политика Рады провоцирует ответную реакцию определённых кругов в Крыму. С августа всё чаще звучат требования украинизации ЧФ. Делегация мусульман (Дж. Сейдамет и А. С-А. Озенбашлы) «прошупывает» в июле Раду. Орган Мусисполкома сообщал: «Украинскую раду посетила депутация мусульман, обратившаяся с просьбой поддержать их (кого конкретно? — Авт.)

стремление к установлению автономии Крыма. Мусульмане выражают желание о территориальном присоединении Крыма к Украине.

Мусульмане представили раде докладную записку, основные пункты которой: сконцентрирование всех мусульман-солдат, находящихся в Крыму и вне Крыма — в Симферополе, образование из них отдельного войска; при штабе округа должен быть мусульманский комиссариат; командный состав должен состоять из мусульман, точно [так же] врачебный персонал в лечебных учреждениях; командир полка должен избираться *мусульманским исполнительным комитетом* (курсив наш. — Авт.)»²⁰⁶.

Генеральный секретариат, «обсудив домогательства мусульман... не согласился с некоторыми из них (любопытно, с какими согласился? — Авт.), признав вообще преждевременным предпринимать шаги перед центральным правительством до разрешения вопроса о территории Украины»²⁰⁷. Что касается Мусисполкома, то он дезавуировал «депутацию», анонимность которой так и осталась официально нераскрытой²⁰⁸.

15 апреля Временным правительством было издано постановление о выборах в городские думы. Гласных предназначалось избрать в 18 городах Таврической губернии. *Это были первые в истории России массовые демократические выборы*. Проблему досконально изучил В. И. Королёв²⁰⁹, так что нам нет надобности повторяться. Остановимся только на некоторых особенностях избирательной кампании конца мая-июня.

Известный абсентеизм населения (особенно в ходе земских выборов). О спаде общественной активности и его причинах речь шла выше. *Демагогия*²¹⁰. Навешивание ярлыков хотя и не приняло массовый характер, но место, как говорится, имело. Так, Королёв упоминает об устойчивом обвинении «буржуи» в адрес кадетов и считает это «свидетельством низкой политической культуры»²¹¹. *Силовые методы*, которые были присущи «либеральным» и крымскотатарским землевладельцам, а также большевикам. Как муниципальные, так и земские выборы дали значительный перевес социалистам, а среди них — эсерам.

Экономика страны продолжала катиться в пропасть. В Крыму её спад летом — осенью 1917 года принимает характер полного развала. Промышленное производство свёртывается. Летом закрывается Керченский завод. Резко сокращает выпуск продукции Севастопольский морской завод. Рабочие, во имя которых будто бы совершалась революция, оказываются ненужными. Дороговизна, писали газеты, создавала «безотрадную картину нужды». Рука об руку с ней шёл дефицит. «Самые насущные предметы первой необходимости, предметы массового потребления, — сообщала симферопольская продовольственная управа, — либо исчезают с рынка, либо достигают таких цен, что делаются доступными только для имущих классов»²¹².

Хроника (июнь-октябрь):

Симферополь. Принимая меры к заготовке и обеспечению населения Симферополя и его окрестностей резиновыми галошами, продовольствен-

ная управа постановила воспретить до августа продажу и вывоз из Симферополя резиновых галош.

Симферополь. С 26 июня начался отпуск подсолнечного масла по сахарным талонам по норме полтора фунта на душу.

Феодосия. Тайный завод для выделки спирта, 5-й по счёту, обнаружен милицией на Католической ул.

Симферополь. Исполнительным комитетом рабочих и солдатских депутатов постановлено прекратить гулянья и празднества в городском саду. Непрерывные увеселения увеличивают тяжесть переживаемого момента и являются поистине «пиром во время чумы».

Феодосия. Вывоз всяких продуктов без разрешения продовольственной комиссии воспрещён.

Симферополь. Истребление бродячих собак. Ввиду развития бешенства среди собак и участвовавшихся случаев укушения ими людей, на заседании городского ветеринарного совета постановлено принять энергичные меры для уничтожения бродячих собак. При обсуждении вопроса, между прочим, указывалось, что солдаты гарнизона препятствуют борьбе с бешенством собак, не позволяя ловить их и принуждая ловцов выпускать уже пойманных собак.

Губернский съезд торговцев и промышленников обратился к губернскому комиссару с ходатайством о воспрещении продажи пива. По данным союза, в городе ежедневно выпивается около 3 000 бутылок пива. Кроме того, очень много пива отправляется на Южный берег. Пиво доставляется в Симферополь из Харькова. Промышленники мотивируют своё ходатайство интересами общественной безопасности.

Евпатория. Принято предложение о закрытии магазина Кеслера до конца войны ввиду упорно продолжавшихся спекуляций со стороны владельца магазина.

С. Большой Токмак Евпаторийского уезда. Совет крестьянских депутатов принял решение: «За драку на драчунов надевать на шею ярмо и держать его так до тех пор, пока токмакские граждане не разрешат отпустить драчуна. За воровство со взломом наказывать розгами от 25 до 150 ударов. И, наконец, за убийство и взлом окна и дверей — казнить виновных».

Симферополь. В ночь с 9 на 10 октября украдены электрические лампы на улицах Султанской, Дворянской и Бетлинговской.

Симферополь. Дворянский театр. Сегодня — вечер фарса.

Армянский Базар (Армянск). Если присмотреться, кто покупает сейчас недвижимость, то окажется, что это всё те, кто капиталы свои нажил во время войны.

Симферополь. Ученики не могут посещать школы, поскольку не имеют галош.

Армянский Базар. Вот уже месяца два как во всём городе не имеется ни одной катушки обыкновенных швейных ниток.

Феодосия. Забастовали ученики городского училища. Причина — недопущение их в очередь по выдаче мануфактуры.

Зуя. Толпа крестьян напала на волостную продовольственную управу и арестовала всех членов управы. Председатель бежал в Симферополь. На место происшествия отправлен отряд солдат.

Итак, осенью уже начинало править бал насилие.

К октябрю рыночные цены достигли пяти рублей за фунт масла, двух — за десяток яиц, четырёх-пяти — за курицу или утку, шести — за фунт картофеля. (Что рождало психологический шок: довоенный заработок трудового населения составлял рубль-два в день, цены же были гораздо ниже). «Но и по таким ценам очень трудно что-либо достать»²¹³, — грустно заключала газета.

Зарплата росла (например, у учителей на протяжении всего года — от 100 до 200 рублей в месяц, у рабочих — на 50–150%), однако никак не поспевала за ценами. Вместе с зарплатой, как водится, росла инфляция. В октябре она стала галопирующей. «Цены скачут уже не по дням, а по часам и минутам. Один и тот же кусок масла, доставленный на базар, в течение часа повышается в цене на 1 рубль за фунт»²¹⁴.

Если в довоенное время Таврическая губерния вывозила до 80 миллионов пудов хлеба в год, то в 1917-м имела к вывозу не более 20–25 миллионов (сказался и неурожай 1916 года)²¹⁵.

Правда, хлеб для обеспечения минимальных потребностей ещё был. На конец августа было собрано 7,5 миллионов пудов, из них предназначалось к вывозу (фронт, центральные губернии) 3,2²¹⁶. Однако двукратное повышение цен на хлеб и хлебопродукты в начале сентября (с провозглашением России республикой, строго говоря, незаконным), усилило напряжённость. Обостряла положение с хлебом не только спекуляция.

Чрезвычайно раздражала население неразбериха в деятельности самых разных лиц и организаций, заготавливающих хлеб. Торговцы противодействовали снижению цен, ссылаясь на всяческие трудности; деревне нужны были промышленные товары, а их катастрофически не хватало; хлебные северные уезды губернии тянулись к Украине.

Результаты не заставили себя ждать. 3–4 сентября «мучные беспорядки» охватили Керчь. Погромы базаров и лавок в августе-октябре прокатились чуть ли не по всем городам Крыма. В Бахчисарае население захватило продовольственную базу и поделило запасы. В 18–20 сентября, телеграфирует комиссару Евпатория, рабочие обыскивали дома торговцев и частновладельцев «целью обнаружения скрытых предметов в первой необходимости точка»²¹⁷. Солдаты не только не стали разгонять самоуправщиков, но сами приняли участие в обысках. Из Севастополя был вызван крейсер! Власти впервые решились на применение к недовольным серьёзной военной силы. Военный отряд был послан и в Геническ. Телеграммы комиссара в Петро-

град, лихорадочная деятельность его и его аппарата свидетельствуют о состоянии близком к панике.

Чрезвычайную остроту по всей стране в революционные дни принял *вопрос о спиртном*. Как известно, ещё с начала Мировой войны правительство приняло решение (воздержимся от суждений, насколько оно было оправданным: прочие воюющие государства по этому пути не пошли) о введении в стране сухого закона. После Февраля оно было подтверждено, в том числе и в Крыму²¹⁸:

«Продажа вина из складов, подвалов, магазинов и других мест безусловно воспрещается.

Вина для лечебных целей отпускаются из аптек по рецептам врачей, причём владелец аптеки берёт в свою пользу не более 10% продажной стоимости вина.

Отпуск вина посетителям гостиниц, ресторанов, клубов, народных и военных домов воспрещается.

Комиссар Богданов»²¹⁹.

Все просьбы населения, прежде всего крымских татар — традиционных производителей вина — о введении хотя бы ограниченной его продажи оставались безответными, хотя и подпольное производство спиртовых суррогатов, и чёрный рынок действовали вовсю. Винных же складов наличествовало немало, что порождало и немалые соблазны. Последние, как и следовало ожидать, выплеснулись наружу. Произошло это в Феодосии 12 октября.

Солдаты толпой ринулись к винным складам. Начался пьяный дебош, стрельба, грабежи. Город захлестнула вакханалия безвластия, длившаяся до 16 октября²²⁰.

Об этих днях оставили свидетельства два поэта, ставшие свидетелями «праздника плоти» — М. И. Цветаева и (почти свидетель, Коктебель) М. А. Волошин.

Волошин (письмо Ю. Л. Оболенской 20 октября): «В Феодосии погромы, пьянство, разбивают погребки... До нас ещё пока не дошло, хотя, рано или поздно, конечно, дойдёт»²²¹.

Цветаева (письмо 19 октября С. Я. Эфрону): «Все дни выпускают вино. Город насквозь пропах. (...) У одного старика выпустили единственную бочку, к[отор]ую берёт уже 30 лет и хотел доберечь до совершеннолетия внука. Он плакал...»²²².

Её же два стихотворения о тех «незабываемых» днях:

* * *

Ночь. — Норд-ост. — Рёв солдат. —

Рёв волн.

Разгромили винный склад. — Вдоль стен

По канавам — драгоценный поток,

И кровавая в нём пляшет луна.

*Город пьёт, казармы пьют. Мир — наш!
Наше в княжеских подвалах вино!
Целый город, топоча, как бык,
К мутной луже припадая — пьёт.*

**Феодосия, последние дни Октября. NV!
(Птицы были — пьяные)**

* * *

*Плохо сильным и богатым,
Тяжко барскому плечу.
А вот я перед солдатом
Светлых глаз не опушу*

*Город буйствует и стонет,
В винном облаке — луна
А меня никто не тронет:
Я надменна и бедна.*

Феодосия, конец Октября

Власти поначалу были бессильны: часть военнотружущих никаких приказов не признавала. Войска были вызваны из Симферополя. Из Севастополя пришёл крейсер. Наконец беспорядки были прекращены²²³. Пресса сообщила: «Феодосия. *Спокойствие* в городе — полное. По настоянию украинцев, вынесших всю тяжесть охраны города, всё вино, находящееся в городе, уничтожено совершенно. Вылито до 75 тыс. ведер на сумму до 1½ миллиона р.»²²⁴.

В Евпаторийском уезде с очень высоким процентом безземельных началась самовольная *запашка* земли. Интересно, что к ней приступили скопички-немцы, известные законопослушностью²²⁵. Ну а дальше покатилось. Май-июль, имение графа Мордвинова, Уду-Сала (ныне с. Синапное Бахчисарайского района), Фоти-Сала (с. Голубинка Бахчисарайского района), Османская (Османчик? ныне с. Холодовка Судакского горсовета), Сейтлер (ныне п. Нижнегорский), Кикенеиз (ныне с. Оползневое Ялтинского горсовета) и т. д. Крестьяне прибирают пахотную землю, сенокосы, требуют прекратить помещичье расхищение лесов и сами начинают их расхищать²²⁶. Привычным становится отказ от платы за аренду. Крестьяне вспоминают своё исконное средство борьбы — поджоги. В апреле подобные явления фиксируются в 4 уездах, в октябре — в 7 (из 8 в губернии); всего по Крыму с апреля по октябрь — 57 острых конфликтов²²⁷. Но главное — кривая роста этих конфликтов непрерывно ползла вверх. (Нелишне напомнить, что до этого «крымская деревня вообще не знала крупных аграрных движений»²²⁸). В тогу классового противостояния рядилась заурядная уголовщина. «Группы лиц, одетые в солдатскую форму, являлись в имения землевладельцев, помещиков, в дома крупной и средней буржуазии и под видом обыска отбирали ценности»²²⁹.

Однако революция принесла в деревню не только бациллы разрушения, грабежа и сведения счётов. Любопытную информацию об иных тенденциях мы можем почерпнуть из мемуаров А. В. Давыдова²³⁰, помещика, члена губернского комитета кадетской партии.

Давыдовым принадлежало имение Саблы. Рядом располагалась одноимённая деревня (ныне с. Партизанское Симферопольского района). Александр Васильевич прибыл сюда осенью 1916 года. За короткий срок он, руководствуясь здравым смыслом, сумел наладить хозяйство и установить добрые отношения с крестьянами, имевшими, кстати сказать, дурную репутацию у окрестных землевладельцев. «В середине декабря, — вспоминает Давыдов, — для меня стало ясно, что крестьяне деревни Саблы, кроме особо состоятельных, стали большевиками»²³¹, хотя к каким-либо эксцессам это обстоятельство не привело. 1 января 1918 года состоялся сельский сход, на который был приглашён и Давыдов. На сходе выяснилось, что крестьяне не стремятся поделить имение, а предпочитают сохранить его в целостности и социализировать, т. е. устроить нечто вроде сельскохозяйственной коммуны. Крестьяне, с одной стороны, побуждались к этому городскими большевиками, замыслившими создание совхоза на базе имения, с другой — сознавали, что разделить культурное хозяйство на мелкие участки — значит погубить его. Давыдову было предложено войти в совет коммуны, мало того — стать его председателем! Присутствовал здесь и заезжий большевистский агитатор. Шокированный происходящим, «он с пеной у рта стал кричать, что то, что происходит, есть насмешка над революцией и что никакой сговор с помещиком, кровопийцей и эксплуататором, недопустим. ...Из толпы послышались крики, что Давыдчук никогда ничьей крови не пил и что он нужен им, как хороший и честный, известный им человек. (...) Нечего и говорить, что желание крестьян привлечь меня — помещика и барина — к сотрудничеству с ними в обстановке восторжествовавшей революции не могло не поразить меня глубоко»²³². Давыдов не только ответил согласием на предложение крестьян, но и засел за составление устава «Саблынской Сельскохозяйственной Коммуны» (!). Тем временем развернулось наступление севастопольских матросов, не щадивших помещиков, и Давыдову пришлось покинуть имение и скрываться. Вместо коммуны на месте имения был создан госхоз (совхоз), «в котором крестьяне никакого участия не имеют»²³³. Так закончилась эта невероятная история с кадетом-землевладельцем Давыдовым, который чуть было не стал председателем большевистской коммуны.

Население тем временем перебивалось, как могло. Попытки властей смягчить ситуацию введением норм отпуска товаров, твёрдых цен и карточек, борьбой со спекуляцией (с ней не справилась, несмотря на периодически объявляемые походы, ни одна из администраций Крыма времён Гражданской войны), созданием продовольственных комитетов, хозяйственной автаркией районов, их обособлением, сравнимым с введением таможен, — ничего не помогало. *Рушилась система жизнеобеспечения — этот про-*

цесс со всеми его многообразными негативными последствиями — ещё одна органическая особенность гражданских войн.

Экономическая замкнутость населённых пунктов, деградация транспорта и связи, сумасшедшие цены, наконец, облавы, заставы, патрули, «военный» и обыкновенный бандитизм вели к тому, что рвались элементарные человеческие, даже родственные связи. Власти имели всё меньше информации о том, что происходило на местах, откуда добирались только отрывочные сведения, жители горных районов — что делалось в Севастополе и Симферополе, население в целом — о событиях в Петрограде и Москве, где обстановка менялась стремительно. Всё большее место в жизни крымского обывателя начинают занимать всевозможные слухи. *Расползалась возникшая после реформ Александра II социальная и ментальная ткань общества.*

Появились первые признаки скорого наплыва беженцев, которые несли с собой желание любым путём продержаться, растерянность, фобии и комплексы, внося в крымскую жизнь добавочные элементы неустroенности, политического и психологического разброда, сокращая на душу населения и так не слишком богатые местные ресурсы. Первыми забили тревогу власти Симферополя, пытаясь, ссылаясь на нехватку квартир, хоть как-то контролировать потоки приезжих. Севастополь, постоянно страдавший от недостатка воды и продовольствия, но, как портовый город, наиболее привлекавший люд из центральных губерний, переживал эту проблему наиболее остро и неоднократно предпринимал акции по «разгрузке». Ничего не помогало и помочь не могло. Да и не привыкли отказывать попавшим в беду в крыше над головой: милосердие ещё «стучалось в сердца».

На полуостров надвигался *Великий Страх*²³⁴.

Ярким симптомом шизофренизации общества стала настоящая паника, охватившая Крым в мае, в связи с предполагавшимся приездом сюда... В. И. Ленина, фигуры для обывателя таинственной и демонической, овеянной флёром рассказней о «пломбированном вагоне» и прочем. Целью Ленина было, якобы, встретиться с проживавшим в Евпатории братом и провести загадочные манипуляции в главных городах губернии. Почвой для этих слухов, видимо, являлась сконденсированная и персонифицированная тревога. С конца апреля «приезда» Ленина ожидает Евпатория. «По полученным железнодорожной администрацией сведениям (! — *Авт.*), Ленин направился в Таврическую губернию, — сообщили газеты. — Он намерен посетить Симферополь, Евпаторию и Севастополь. В ожидании Ленина многие любопытные выезжают на вокзал ко всем прибывающим поездам.

Евпаторийский Совет рабочих и солдатских депутатов, заслушав доклад о предполагаемом прибытии Ленина, признал приезд его нежелательным.

Совет обратился к начальнику гарнизона с просьбой выделить караул для ежедневной поездки на станцию «Саки» с целью недопущения проезда Ленина в Евпаторию. Если бы Ленину удалось другим путём просколь-

знуть в Евпаторию (прямо-таки центр мировой революции. — *Авт.*), решено немедленно арестовать его и выслать из города»²³⁵.

Аналогичное решение, из-за опасения раскола демократии, принимается делегатским собранием Севастополя. «Керчане оказались более любезными. Они не возражают против приезда Ленина, но при условии не выступать, а если выступит — арестовать»²³⁶.

На советском съезде 9–10 мая вопрос о приезде Ленина занял едва ли не центральное место. Социал-демократические лидеры П. И. Новицкий, Б. Я. Лейбман и другие, обязательно оговариваясь, «что они — не сторонники Ленина и его тактики», «доказывали, что вокруг Ленина создавалась масса легенд, сплетен и басен, распространённых буржуазной прессой в контрреволюционных целях, и что против идей Ленина нужно поставить другие идеи, а не бороться с ним средствами былого самодержавия...». В результате 14 голосами против 5 при 2 воздержавшихся была принята резолюция «О Ленине», выражавшая «глубокое сожаление по поводу принятых в некоторых местах антиреволюционных резолюций о недопустимости приезда Ленина в Таврическую губернию» и протестовавшая «против совершенно недопустимых мер борьбы с свободной революционной мыслью...»²³⁷.

«Ленинобоязнь», как определила сей феномен пресса, получила неожиданную анекдотическую развязку. В одной из феодосийских гостиниц остановился некий прибывший из Петрограда Ленин. Туда немедленно направился патруль, надо полагать для ареста нежеланного гостя. Был сделан даже запрос в столицу, откуда пришло сообщение, что *Н. А. Ленин* «действительно состоит главным инженером почтово-телеграфного округа»²³⁸.

На этом удручающем фоне особенно раздражали население принимавшая повсеместный характер скупка недвижимости теми, кто нажил капитал в годы войны и теперь, отнюдь, не бедствовал, всяческие махинации с удовольствием и мануфактурой. А нищета рядом с несправедливым процветанием — прекрасный горячий материал для эскалации насилия. Уже начинает вызревать излюбленный клич босячества времён Гражданской войны: «Грабь награбленное!»²³⁹.

Воспользуемся обобщением В. П. Буддакова: любое масштабное событие прошлого, и, конечно же, русская Революция «всего лишь естественная малая часть продолжающейся истории человека. Понять глубинную природу последнего через временной катаклизм — это и будет приближением к пониманию истории, как нескончаемого культурогенеза. Но в этом плане история русской революции — это прежде всего история резко изменившихся отношений человека к власти, себе подобным, окружению, т. е. история насилия снизу»²⁴⁰.

На политической арене полуострова всё более отчётливо просматриваются, как бы выплывая из послефевральского тумана, фигуранты разворачивающихся событий.

Ни коллективные договоры, ни примирительные камеры, ни установки профсоюзных руководителей не могли сбить волну растущего забастовочного движения. В сентябре-октябре бастовали железнодорожники, рабочие завода А. А. Анатра, портов, табачных фабрик, мельниц, портные и др. Число стачек с июля по октябрь возросло в 1,5 раза (с 35 до 50), количество бастующих — в 2 раза (до 25 тысяч человек). Относительно численности трудоспособных их было немного, что объясняется не только позицией умеренных лидеров профсоюзов, как справедливо полагает В. И. Королёв, автор приведённых подсчётов²⁴¹, но и, по нашему мнению, самим характером экономики губернии — абсолютным преобладанием мелких предприятий.

Суммируем выдержками из писем М. А. Волошина:

17 июля (письмо А. В. Гольштейн в Париж). *«Всероссийский развал сразу кинул нас в эпоху переселения народов и монгольских нашествий. (...) Наступили времена, когда живые могут завидовать тем, кто уже умер»*²⁴²;

4 сентября (письмо Я. А. Глотову). *«Какое страшное время и какое счастье, что мы до него дожили!»* (явный парафраз Ф. И. Тютчева. — Авт.)²⁴³.

Через два года Волошин оценивает 1917-й словами не поэта, но исследователя: *«В России произошёл типичный солдатский переворот* (курсив наш. — Авт.) *— со всеми его неизбежными последствиями. Началось общее разложение России, которое должно было привести к её окончательному распаду... Но всё это началось с падения династии и императорского строя. А русское общество и большинство политических партий, уже несколько десятилетий ожидавших этих событий, приняли внешние признаки за сущность события, радовались симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления...* (курсив наш — Авт.) *Весь первый период революции был вопиющим противоречием между прекрасными словами о революции и реальной действительностью её, нашедшей своё полное выражение в большевизме»*²⁴⁴. При этом *большевизм, считает Волошин, «вовсе не партия, а особое психологическое состояние всей страны»*. Или: *«Большевизм — это ведь вовсе не то, что человек исповедует, а то, какими средствами и в каких пределах он считает возможным осуществить свою веру»*²⁴⁵.

Не мог не получить своего отзыва в Крыму, однако, достаточно неопределённого, вооружённый конфликт части петроградских большевиков и анархистов с властями в начале июля. Губкомиссар Н. Н. Богданов телеграфировал министру-председателю А. Ф. Керенскому, что хотя *«в губернии накопилось... много недовольства в городах преимущественно на продовольственной почве, а в деревнях на почве недостатка и дороговизны предметов первой необходимости»*, проявляясь *«глухим ропотом»*, *«если бы и возникли на этой почве какие-нибудь эксцессы, то вряд ли бы они носили политический характер и прикрывались бы большевистскими лозунгами»*²⁴⁶.

Путчистов осудили практически все демократические организации полуострова. Один (одни) из авторов левосоциалистической крымскотатарской газеты выразил доминировавшее мнение: *«В дни 3–5 июля безумные*

люди, упоённые внешним блеском трескучих и пустых лозунгов, вышли на улицы Петрограда, чтобы начать гражданскую войну, чтобы свергнуть правительство свободной России, вызвать анархию и в море крови потопить завоёванную свободу. Истинно-революционная демократия всецело поддержала верховную власть, созданную революционным народом...»²⁴⁷. Правда, редакция придерживалась иной позиции и встала на защиту большевиков, дезавуируя мнение, высказанное неделю назад на страницах той же газеты: «Редакция никоим образом не может присоединиться к такому голословному осуждению целой социалистической партии, считая тем более недопустимым называть лозунги этой партии «трескучими» и «пустыми». Истинных виновников событий 3–5 июля выяснит, по мнению редакции, лишь беспристрастный суд»²⁴⁸. (С другой стороны, обратим внимание, когда было сделано данное заключение). После июльского кризиса, наследующего апрельскому и июньскому, В. И. Ленин, как хорошо известно, постулировал невозможность мирного развития революции (с коротким отступлением после корниловских событий).

Ряд инцидентов (насилия над некоторыми большевиками, в том числе — будущим членом Таврического ЦИК и Совнаркома Республики Тавриды И. Финогеновым; разгром Севастопольского комитета РСДРП(б)) не привёл, однако, к изгнанию большевиков из советов. Да и они сами, вопреки установкам В. И. Ленина и VI съезда, не сняли лозунга «Вся власть Советам!»²⁴⁹. Именно с августа этот призыв становится всё более популярным. «Пора брать власть» — всё чаще и чаще звучит на всевозможных съездах, причём не только из уст большевиков. 11 сентября Центрофлот принимает резолюцию: «Центральный комитет Черноморского флота, выразитель воли команд флота и портов, обсудив вопрос о кризисе власти и опираясь на решение масс в лице Советов и комитетов Черноморского флота, представивших резолюцию команд по этому вопросу, находит, что выходом из создавшегося гибельного для России и революции положения является **немедленная передача власти в руки Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов**»²⁵⁰. Переход власти от Временного правительства и его производных типа Предпарламента к советам означал *переход от демократии парламентской к демократии прямой*.

Большевистская верхушка, под сильнейшим воздействием В. И. Ленина загоняя вглубь свои сомнения, готовилась «сделать Россию базой мировой социалистической революции, используя растущее стихийное ожесточение масс. Они уверовали, что события в стране развиваются на пересечении ведущих тенденций мирового и внутринационального развития: общего кризиса капиталистической системы, проявившего себя в мировой войне, неспособности обычным [т. е. парламентским] демократическим путём разрешить комплекс экономических и социальных проблем, вставших перед страной. Предполагалось, что в России произойдёт поворот массового сознания к социализму и утверждение народовластия снизу. (...)

В сущности, впервые в истории в основание власти легла интернациональная идея, а не национальные государственные институты (курсив наш. — Авт.)»²⁵¹.

Объективно большевизм (теперь мы имеем в виду не сугубо партийный, формуемый директивами свыше, демократическим централизмом и строгой дисциплиной, а, условно говоря, «низовой»), мало чем отличимый от анархизма²⁵²) стал естественной реакцией на продолжавшуюся деградацию страны и атрофию официальной власти. С точки зрения практической, с видимой стороны, он привлекал радикализмом и определённой в стремлении решить первостепенные проблемы, измучившие население, преимущественно насильственным, хирургическим путём; понятностью лозунгов и их толкования; социальной близостью массе населения; наконец, активностью и решительностью, выпукло выделявшим его на фоне бесконечной и безрезультатной говорильни, которая давно приелась. «Долой!», «Да здравствует!» — такова была парадигма этого охлократического большевизма/анархизма, втягивавшего в свою орбиту и некоторых партийных работников, во всяком случае, диктуя им неизбежную, зачастую вопреки собственному «я» или усвоенному некогда на поверхностном уровне «Капиталу», линию поведения. Показательны панегирики большевистской газеты — в апреле (н. ст.), после трёх пароксизмов террора!:

«Когда рубится лес — летят щепки...»

Когда строится новая жизнь, рушится старое и вредное, тут же уничтожается и мелкое, мало значащее. (...)

Вы же, сторонники осторожной политики, вы думаете, что нужно бесконечно сидеть и медлить, медлить без конца...

Пусть, как у всякой человеческой организации, у большевиков есть ошибки, может быть чувствительные для многих, но их деятельность велика: они создали в полгода то, чего умеренные сторонники тянули бы до бесконечности.

Большевики уравнили людей — честь им и слава! Уже то, что цена человека сейчас не по деньгам, — это такой величайший в мире плюс, перед которым ошибки меркнут, и грандиозность работы большевиков встаёт перед человечеством, как бессметный памятник, приближающий человечество к идеалу полного, абсолютного равенства, и потому не плачьте, дорогие граждане, право, печаль о трёх кусках ситца... так ничтожна перед созданием нового строя жизни»²⁵³.

А за этой просвещённой разве что на уровне лозунгов взвесью вырисовывалась уже варварская толща со всеми её разбухшими беспросветностью существования, войной и февральскими свободами²⁵⁴ инстинктами и импульсами. «...Стихия, самое неизученное в истории» (по А. И. Солженицыну), нечто, лежащее «по ту сторону добра и зла» в их житейском понимании.

А стихия была помножена на оголтелый, разнузданный индивидуализм. Эту органическую черту революций, которые принято именовать «бур-

жуазными», великолепно выразил несколькими десятилетиями ранее такой внимательный наблюдатель да и «делатель» общественных процессов, как Ф. И. Тютчев: «Согласимся же, что Революция, разнообразная до бесконечности в своих степенях и проявлениях, едина и тождественна в своём принципе... (...) ...Это апофеоз человеческого я в самом буквальном смысле слова»²⁵⁵.

«Перерастание буржуазной революции в социалистическую» ничуть не изменило названной особенности, разве что обогатило её дополнительными измерениями. Приведём как иллюстрацию к заключениям Тютчева следующую басню крымского автора Владимира Курсакова:

ОРЁЛ И САМОЛЁТ

*В эфире голубом Орёл, паря, кружится.
Навстречу, ускоряя ход,
Громадный мчится Самолёт
И над Орлом глумится:
— Царил ты здесь когда-то встарь,
Теперь — я царь!
Людей мои полёты восхищают,
Твои же их не привлекают.
Велик и мощен я, ты — крошка,
Ничтожнейшая мошка!»
— Сравнительно с тобой бессилён я и мал, —
Орёл ему сказал, —
Зато лечу,
Куда хочу,
А ты чужой послушен воле.
Завидовать твоей, бахвал, не стану доле:
Неволя, ведь, не клад.
Весь жизни полон я, а ты лишь автомат!»²⁵⁶*

Однако новые силы, уверенно располагавшиеся на исторической арене, действовали решительнее и целеустремлённее тех, кто расчищал им дорогу, суммируя энергию раскрепощённых индивидуумов, «форматируя» её, подчиняя строгой дисциплине.

Это — одна сторона большевизма. Другая же, столь «ярко» проявившая себя на первых этапах Революции — *развязывание стихии*, порой бессознательное, совершенно безответственное — объективно её перечёркивала: разжигая «мировой пожар в крови» — (как бы не сгубить в его огне всё и не сгореть самим). «...Народные комиссары, — писал А. М. Горький в январе 1918 года, — вообще плохо знающие «русскую стихию», совершенно не принимают в расчёт ту страшную психическую атмосферу, которая создана бесплодными мучениями почти четырёхлетней войны и благодаря

которой «русская стихия» — психология русской массы — сделалась ещё более тёмной, хлесткой и озлобленной.

Гг. народные комиссары совершенно не понимают того факта, что когда они возглашают лозунги «социальной» революции, духовно и физически измученный народ переводит эти лозунги на свой язык несколькими краткими словами:

«Громи, грабь, разрушай...» (курсив наш. — Авт.). (...)

Окружённые взволнованной русской стихией, они ослепли интеллектуально и морально и уже теперь являются бессильной жертвой в лапах измученного прошлым и возбуждённого ими зверя»²⁵⁷.

Впрочем, «зверя» удалось прикормить, не забывая о хлысте, и загнать в клетку.

Полезно прислушаться и к Н. А. Бердяеву: многие его рефлексии имеют профетический смысл. Рассуждая о феномене *революции* как таковой и *Революции* как факте русской истории, Бердяев суммирует: *с одной стороны, «революция ужасна и жутка, она уродлива и насильственна, как уродливо и насильственно рождение ребёнка... (...) Смешны и жалки суждения о ней с точки зрения нормативной, с точки зрения нормативной религии и морали, нормативного понимания права и хозяйства* (курсив наш. — Авт.). (...) *Революция иррациональна, она свидетельствует о господстве иррациональных сил в истории». Она «осуществляется через расковыливание иррациональной народной стихии»*²⁵⁸. Но, *с другой* (Бердяев обращается к построениям венгерского творческого марксиста Д. Лукача), «Революционность определяется совсем не радикализмом целей и даже не характером средств, Революционность есть **тотальность**, целостность в отношении ко всякому акту жизни. Революционер тот, кто в каждом совершаемом им акте относит его к целому, ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идее. Для революционера нет отдельных сфер, он не допускает дробления, не допускает автономии мысли по отношению к действию и автономии действия по отношению к мысли. Революционер имеет интегральное мирозерцание, в котором теория и практика органически слиты»²⁵⁹. Поэтому в русской Революции/Гражданской войне *анархизм и этатизм — неразрывны*. Первый преобладает в начале Смуты, второй выходит на передний план, ломая хаос и безграничный разгул инстинктов, — в конце. Отсюда: «либеральные идеи, идеи права [кадетизм], как и идеи социального реформизма [меньшевизм], оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления... (курсив наш. — Авт.)»²⁶⁰. Без этих глубоких мыслей Бердяева мы мало что поймём, сооружая субъективные и примитивные карточные домики, и в русской Гражданской войне в целом, и в крымской Гражданской войне — в частности.

Речи о том, что большевики не имеют за собой «никакой силы, никакого влияния», что они — «калифы на час»²⁶¹, звучали явно не в такт переживаемому историческому завихрению. Отчётливее в намерениях был П. Н. Милюков, приехавший в Крым сделать смотр местных кадетских сил, а заодно и просветить публику. В одной из лекций он поставил вопрос ребром: «...В тех случаях, когда слова не действуют, следует прибегать к более решительным средствам, так как большевики преследуют заведомо преступные цели»²⁶². Подобные заявления только резче обозначали уже оформившееся противостояние.

Народ чутко уловил в Гражданской войне перелив стадии разрушения, стадии сокрушения «устоев» в стадию созидания, насильственного обуздания стихийности дисциплиной, порядком, авторитарностью, сильным, целостным и централизованным государством. Отсюда — *антиномия*: большевизм (советская власть, близкая и понятная) — коммунизм (нечто чуждое и навязываемое сверху; «за что боролись?!»). «Для народного сознания большевизм был русской народной революцией, разливом буйной, народной стихии, коммунизм же пришёл от инородцев, он западный, не русский и он наложил на революционную народную стихию гнёт деспотической организации, выражаясь по учёному, он рационализировал иррациональное»²⁶³. Разумеется, большевизм как психологическое состояние, метод, способ действий и коммунизм как идея, мирозерцание, идеал, в конце концов, это грани одного, причём сугубо отечественного по происхождению явления. Марксизм здесь играл роль учёного довеска, своеобразной легитимации. «...Большевизм... оказался единственной силой, которая с одной стороны могла докончить разложение старого и с другой стороны организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям. (...) Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа»²⁶⁴. Принеся ему при этом неисчислимые беды и страдания.

Коммунизм в его практическом, русском варианте обнаружил такую черту, как тяготение к абсолютной, тотальной власти и полную нетерпимость к мыслящим, а тем паче инакодействующим. В одном из первых декретов новой власти, «О печати» (27 октября 1917 года), ставилось целью прикрыть всю «контрреволюционную» прессу, что и делалось с невероятной настойчивостью на протяжении всей Гражданской войны — «от Москвы до самых до окраин», включая Крым. Партия кадетов была объявлена вне закона как партия «врагов народа». С зимы 1917–1918 годов начались аресты социалистов.

Исходя из тонкого, сродни сложной хирургической операции, исторического и логического анализа смыслов русского общества начала XX века, круто замешанного на интуиции, на который оказалось неспособно абсолютное большинство тогдашних «властителей дум», Бердяев ещё в

1907 году делает вывод, оставшийся гласом вопиющего в пустыне: если в России случится «большая революция», то в ней *непременно победят большевики*. И, продолжая свою линию рассуждений: «Возможно даже, что буржуазность (несвойственная русскому народу; синоним — «шкурничество». — *Авт.*) в России появится именно после коммунистической революции»²⁶⁵. *Коммунизм — как база капитализма, капитализм — как высшая стадия коммунизма!* Впрочем, это ещё далеко в будущем, хотя бердяевский парадокс (внешне) и здесь обернулся реальностью.

Большевики и близкие к ним, пусть не идейно, а на словах (тип нового карьериста), меж тем не только разрушали тогдашние, проседавшие на глазах и сами собой административные скрепы, но и, по возможности, создавали замену им. Они внедрялись в сильные и авторитетные общественные структуры: флотское самоуправление, советы, профсоюзы, фабзавкомы. Начали создавать свои боевые отряды (к концу сентября появляются сведения о формировании Красной гвардии, основой которой служили, как известно, тыловые части и дезертиры). Разорвав с меньшевиками, подыскивали союзников (временных): а к осени, как символ радикализации настроений, подоспели новые политические игроки — *левые эсеры*. Налаживали контакт с центром, откуда вскоре начинают, по заданиям ЦК, «поступать» эмиссары. Почти не имея доступа к газетам (где их взгляды зачастую подавались ёрнически или карикатурно²⁶⁶), крымские большевики брали своё листовками и устной агитацией.

12 октября в Симферополе прошла первая конференция большевиков. Она выдвинула кандидатом в Учредительное собрание Г. Я. Сокольников, будущего наркома финансов СССР.

Ещё 9 мая М. А. Волошин писал А. М. Петровой: *«Совершающееся волнует и тревожит. Но я ещё не могу всего осознать, связать с мировым. Доброго во внешнем мире я не жду ничего: теперь победа за эгоизмом и жадностью. (...) Социализм, который, конечно, восторжествует, принесёт с собой лишь более крепкие узлы [узы?] ещё более жестокой государственности»*²⁶⁷.

Всё сильнее расходящиеся в разные стороны векторы деятельности крымских политических кругов на очень короткий срок сблизил «корниловский мятеж» конца августа. 30 августа для борьбы с правой опасностью был создан Объединённый комитет революционных организаций (просуществовал до 6 сентября). Властные структуры Крыма, включая губкомиссара и губисполком, земскую управу, советы, Мусисполком и др., продекларировали своё единство. 29 августа ими было принято воззвание, гласившее: **«Граждане Государства Российского! Грозный час настал. Ещё минута — и брат кинется на брата. Соберите всё мужество, весь разум, напрягите всю совесть, всю любовь к Родине и Свободе и скажите себе твёрдо: У России нет и до Учредительного Собрания не может быть иной власти кроме Временного правительства, созданного Революцией**

для проведения в жизнь воли революционного народа! Свержение Временного правительства повлечёт за собою гражданскую войну, гибель Родины и Свободы. Довольно крови! (...)»²⁶⁸.

Мусисполком счёл нужным принять и собственное воззвание, которое, однако, запоздало²⁶⁹.

А 31 августа Петроградский СРиСД одобрил политическую резолюцию «О власти», внесённую большевиками и нацеливающую на переход власти в руки советов.

Зуд власти становится нестерпимым и у «вершителей судеб» отдельных народов России. 8–15 сентября в Киеве, который хитроумно совмещая методы ультиматумов и «капля камень точит» (при отсутствии «камня»), уже заметно дистанцировался от Петрограда, проходит т.н. *Съезд народов*, где за потоками высокопарной и пока ещё общеобязательной словесной шелухи выпирает упомянутый выше зуд. Приглашение на съезд получили и крымские татары. К тому времени теневой кабинет — Милли-фирка — чутко улавливая флюиды стремительно меняющихся событий, вносит серьёзные коррективы в траекторию своей деятельности.

На съезде от Мусисполкома присутствовали: Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, А. С-А. Озенбашлы, С. И. Идрисов, Э. Шабарова и А. Исакова. Будущий коммунист Идрисов тешил себя утопиями: «Россия может стать могущественной только тогда, когда все её народы добровольно заключат союз»²⁷⁰. Озенбашлы отдал должное конкретике: «Пусть знают все, что крымские татары не позволят никому установить какую бы то ни было гегемонию на Крымском полуострове. И на этот раз крымские татары уже не покинут своего края без упорной защиты своих прав и добытой свободы»²⁷¹.

В резолюциях съезда были зафиксированы положения о федеративном устройстве России, *национально-персональной автономии* (более широкое, чем национально-территориальная автономия, понятие, предполагавшее общественно-правовой статус представителей любого народа на всей территории страны), равноправии языков.

Не менее, если не более важные вопросы обсуждались в кулуарах съезда. Об этом поведал на делегатском съезде (собрании) крымских татар (1–2 октября) Ч. Челебиев. «...Пункт о форме правления в нашей стране... требует такой формы правления, при которой была бы гарантирована наша самостоятельность как нации, конечно за исключением вопросов внешней политики и военного. (...) Комитет наш нашёл такое устройство [«автономное управление»] в Украине вполне отвечающим нашим интересам.

Но перед нами встаёт новый вопрос: о границах. Мы нашли необходимым спросить у Рады: «входит ли Крымский полуостров в пределы вашей территориальной автономии». (...) После десятидневного обсуждения на этом съезде народов, между прочим, была вынесена резолюция о том, что Крым принадлежит крымцам. На это я смотрю как на наш тактический

успех, с чем они нас и поздравили, заявив: «можете управлять Крымом так, как вам заблагорассудится»»²⁷².

Разумеется — и последующие события подтвердили это с максимальной наглядностью — в подобных, ни к чему не обязывающих декларациях не было ни на грош искренности. «Щедрость» Рады объясняется просто: Крым никуда не денется, а союзник в борьбе с центральным правительством, в данном случае — крымские татары, никогда лишним не будет. Значит раздражать их в ответственный момент — есть политическая недальновидность, а посулить пряник — полезно.

Делегатский съезд принял решение создать в ноябре *Курултай* (сейм, национальное учредительное собрание), который должен был решить вопрос о территориальной автономии Крыма и принять основные законы. Для подготовки Курултая была создана комиссия в составе Ч. Челебиева, Дж. Сейдамета, А. А. Боданинского, С-Дж. Хаттатова, А. С-А. Озенбашлы.

Небольшое отступление. Вопрос о Курултае был поднят ещё в конце августа. Получив приглашение на созываемый в Киеве т.н. Съезд народов, Мусисполком ответил согласием, причём позиционировал себя, для придания большей авторитетности, как заместитель крымскотатарского Курултая. «Право на существование национального парламента татарские национал-демократы обосновывали, с одной стороны, давностью этого общественно-го установления, игравшего известную роль в общественно-политической жизни монголо-татар, а с другой стороны, зрелостью самосознания татарского народа»²⁷³. Вспомнили и о «государственной мудрости монголо-татар», и о том, что у них «было немислимо государство без Курултая и Курултай без государства» и даже о том, что в 1205 году Чингисхан испросил у Курултая согласия на своё верховное правление²⁷⁴.

Кроме того, съезд занялся выборами кандидатов в Учредительное собрание. Сразу выявился целый букет критериев. Для одного приемлем был только социалист-революционер. Для другого — «крымец-патриот». Третий вёл речи о «цвете нашей многострадальной нации», о «голубом знамени Чингиса», эмблеме татар, кою надо нести с честью. Четвёртый прагматично рассуждал о культурности и знании русского языка. Избрали Дж. Сейдамета, посчитав, видимо, что он воплощает в себе все перечисленные выше достоинства. Кандидатура Сейдамета рассматривалась в рамках т.н. *татарской партии*. М. Ф. Бунегин, анализируя программу этой партии, где традиция и современность сплелись в клубок, фиксирует её фантастическую противоречивость²⁷⁵, призванную, видимо, учесть все точки зрения и объединить как можно большее количество населения вне зависимости от его пристрастий.

Мусисполком, получив политический карт-бланш, всё настойчивее стремится к стягиванию в один кулак всех имевшихся в наличии крымскотатарских вооружённых сил, а именно — эскадронов Крымского конного полка. Для изучения вопроса в Симферополь прибыл начальник штаба Одесского

военного округа генерал-лейтенант Н. А. Маркс²⁷⁶. Он, увидев удручающее состояние крымскотатарского батальона, приказал снабдить его всем необходимым, пополнить офицерами-мусульманами из других частей и пообещал перевести в Крым конный полк. Эти эскадроны Маркс характеризовал как «вышедшие из татарской гущи и, следовательно, прекрасно знакомые с условиями не только татарской жизни, но и с жизнью и бытом русских и других национальностей, населяющих Крым, [они представляют] единственную силу, способную успешно и в большинстве случаев без применения оружия, бороться со всеми проявлениями анархии в Крыму»²⁷⁷.

Главной же силой на полуострове, несмотря на своё разложение и даже — парадоксально! — благодаря ему, был Черноморский флот²⁷⁸. Благодаря — потому, что с лета флот практически прекратил боевые действия, и поле его влияния всё шире и глубже захватывало Крым.

Визуально состояние флота была ужасающим. «Демократизация» переклестнула все мыслимые границы. Новый командующий флотом, контр-адмирал А. В. Немитц²⁷⁹, не контролировал подчинённых. Офицеры третировались, отстранялись от должностей, изгонялись, их помещения на судах захватывались матросами. «Корниловский мятеж», несмотря на то, что командующий подтвердил в приказе от 27 августа верность флота Временному правительству, усилил недоверие рядовой массы к офицерам. В октябре фиксируются первые случаи их избиения. Назревает волна мщения «за всё». «Матросы, съезжавшие на берег, ходили грязными, не соблю[да]ли формы одежды (смесь форменной одежды и штатской), многие матросы и солдаты под видом покупки товаров для своих частей занимались спекуляцией, несмотря на сухой закон, процветало пьянство. (...) ...Стали нормой погромы садов, огородов и виноградников, которые не могли предотвратить и усиленные патрули, а внешний вид матросов не поддавался никакому описанию»²⁸⁰. Но реально силовой потенциал флота был по крымским масштабам огромен. В Севастополе, на собственно флоте и в крепости, насчитывалось около 40 тысяч моряков²⁸¹.

Сухопутные части разложились раньше. Ещё весной, после появления приказа № 1, «никто не служил, никто абсолютно ничего не делал... Даже караульная служба почти не исполнялась и бывали случаи, что роты постановляли не выходить в караул и не выходили — в виду праздников, вовсе не считаясь с тем, что старый караул оставался несменённым и никакие уговоры не помогали, а других средств заставить повиноваться — не было. Часовые от прежнего сохранили только название: как только солдат приходил на пост, то тотчас же расстилал шинель и покоился мирным сном, часто поставив винтовку к стенке...

Так было в войсках в Севастополе, Евпатории, Феодосии, Симферополе и Керчи (курсив наш. — Авт.) и только артиллеристы, как более развитые, ещё держались и кое-как несли службу»²⁸².

Совершенно прав В. В. Крестьянников: «хотя влияние большевиков (а также анархистов, левых эсеров. — Авт.) бесспорно усилилось, однако

*причина была не в них (курсив наш. — Авт.)»²⁸³. (Воздержимся, кстати, от именования левых радикалов «экстремистами», как это делает в своих работах В. И. Королёв. Экстремизм, становящийся нормой, — уже не экстремизм, а, скорее, мэйнстрим). Временное правительство теряет в армии и на флоте остатки авторитета. Это рикошетом ударяет по партиям, его поддерживающим. Октябрьские выборы в Севастопольский совет лишили эсеров 63 мандатов; количество членов партии к этому времени *сократилось вдвое*²⁸⁴. Резкое неприятие вызвало учреждение на флоте военно-революционных судов и введение смертной казни в конце июля, каковую меру, однако, никто не осмелился бы применить. Разворачивается украинизация флота, которой, ввиду своего бессилия, вынуждено потворствовать Временное правительство. 1 ноября в Киеве создаётся Морская генеральная Рада. В октябре, вопреки запрету Всероссийского Центрофлота, украинские флаги взвиваются над миноносцами «Завидный» и «Гаджибей» («Хаджибей»). Готовится украинизация крейсера «Память Меркурия»²⁸⁵. А над иными судами с середины сентября реют красные флаги. Лозунг «Вся власть Советам!» становится всеопределяющим. Большевик Миллер пишет в ЦК РСДРП(б) (начало ноября): «Оборонческие Советы совершенно растерялись и продолжают болтать о министерстве всех социалистических партий. Между тем, широкие массы рабочих, солдат и крестьян решительно отхлынули от них к нам. Идёт всюду лихорадочная работа перевыборов в Советы, проходят наши и сочувствующие. Однако наши силы ещё недостаточно крепки, чтобы диктовать, нет крепких организаций»²⁸⁶. В самый разгар Гражданской войны кадетский автор, по сути, самокритично, проведёт чёткую связующую линию от Февраля к Октябрю: «Революция создала Временное Правительство. Для поддержки его «постольку-поскольку» и для углубления революции были созданы советы депутатов, возглавлявшиеся бесшабашным тов. Чхеидзе, «благородным» Церетели и прочими деятелями, ныне благополучно проводящими национальные вождедения грузин. Советы приуголовили прямой путь для большевизма»²⁸⁷.*

Итак, к октябрю действующие лица занимают исходные позиции. «В Крыму, как и в других регионах бывшей Российской империи этот... разлом совершался в своём, неповторимом, но пролагавшем русла новым историческим течением, варианте»²⁸⁸. Органы Временного правительства беспомощные, не оправдавшие надежд, теряют остатки власти. Оружием располагают крымские татары, Рада, большевики, левые эсеры, анархисты, кто угодно. «Контрреволюционеры» в тени. Флот в целом, выйдя из-под командования и обзаведясь собственными властными органами (Центрофлот, судовые комитеты, Севастопольский совет, вскоре — Военно-революционный комитет), готов к решительным действиям, которые грозят вылиться в стихийные погромы вне всякого руководства.

Альтернативные пространства свёртываются, и свёртываются предельно.

¹ Государственный архив в Автономной Республике Крым — ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 3. Член Государственного совета от Таврической губернии С. С. Крым телеграфировал в Симферополь: «В переживаемую нашей родиной страшную минуту, прежде всего, надо служить сохранению внутреннего мира и порядка ради обеспечения армии всем ей нужным для победы. Первый долг каждого безусловно подчиниться образованному... правительству и поддержать его» (Южные Ведомости (Симферополь). — 1917. — 8 марта).

² ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 128. Премьер, он же министр внутренних дел кн. Г. Е. Львов 5(6) марта «разослал по телеграфу циркулярное распоряжение Временного правительства: «Устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей», передав временно управление губерниями председателям губернских земских управ, в качестве правительственных комиссаров. Пришлось сразу же признать, — комментирует П. Н. Милюков, — что мера эта была крайне необдуманна и легкомысленна — даже с политической точки зрения. Председатели управ были часто реакционерами, а иные губернаторы — либералами. Кроме того, отмена на местах законной власти вызывала путаницу во всех низших органах управления» (Милюков П. Н. Воспоминания. (1859–1917). — М., 1990. — Т. 2. — С. 277–278). В. В. Федун и В. И. Жуков, рассуждая о создании послефевральского управленческого аппарата на местах, резюмируют: «...Весной 1917 г. в Крыму сложилась исполнительная власть в лице губернского и уездного комиссаров. Хозяйственной работой занимались самоуправления, находившиеся под полным контролем исполнительной власти и выполнявшие только её распоряжения. Кадеты, эсеры, меньшевики видели в земствах и городских думах универсальный и наиболее совершенный вид самоуправления, а остальные общественно-политические учреждения рассматривали как неизбежное, но временное явление» (Становление органов власти и управления Временного правительства в Крыму (март-апрель 1917 г.) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление. Материалы. Крым. Ялта. 10–18 ноября 1995. — Симферополь, 1995. — С. 99). История, однако, распорядилась таким образом, что именно земствам и думам/управам выпала временная роль, а «остальные», т.е. советы, пришли всерьёз и надолго. Система же управления Временного правительства осталась «недостроенным зданием» (Милюков П. Н. Указ. соч. — С. 289).

³ Цит. по: Смирнов М. И. Адмирал А. В. Колчак во время революции в Черноморском флоте // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. — М., 1991. — С. 78.

⁴ Смирнов Михаил Иванович (1880–1937, 1939(?), 1940(?), 1943(?). Закончил Морской корпус (1899), Морскую академию (1914). Младший офицер штаба начальника эскадры Тихоокеанского флота (1900–1902). На крейсере «Светлана» находился в заграничном плавании (1903). Старший офицер штаба командующего флотом на Тихом океане (1904), младший флаг-офицер при командующем отрядом крейсеров (1905), обер-офицер Морского генерального штаба (1906–1909), исполняющий дела штаб-офицера высшего олада Морского генерального штаба (1909–1910), старший офицер линейных кораблей «Слава» (1910–1911), «Пантелеймон» (1911–1912) на Балтийском море. Командир эскадренного миноносца «Выносливый» (1914). Исполняющий дела начальника штаба Черноморского флота с

8 апреля по 21 июля 1917 года. Начальник морского отдела Русского заготовительного комитета в Америке. Вернулся в Россию. Находился в белых войсках Восточного фронта: с августа 1918 года — командующий Волжской флотилией, с апреля 1919-го — Камской флотилией (в августе 1919 года — Речной боевой флотилией). Контр-адмирал (1918). В эмиграции в Германии, председатель правления и председатель взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине, затем в США, Франции, Великобритании. Автор воспоминаний. Скончался в Лондоне (Штаб Российского Черноморского флота (1831–2001 гг.). Исторический очерк / Под общ. ред. командующего Черноморским флотом Российской Федерации адмирала В. П. Комоедова. — Симферополь, 2002. — С. 175–176; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — СПб. — М., 2003. — С. 528).

⁵ *Смирнов М. И.* Указ. соч. — С. 79. 2 марта был издан приказ Колчака о событиях в Петрограде, 4-го — об отречении Николая II от престола. Насилия и смертоубийств, подобных тем, что случились в эти дни на Балтике, на Черноморском флоте не произошло, что во многом — здесь мы полностью согласны с мнением директора Севастопольского госархива В. В. Крестьянникова — заслуга командующего флотом. В телеграмме на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего адмирал сообщал, что на кораблях и в частях пока «...не было никаких внешних проявлений, только на некоторых кораблях существует движение против офицеров, носящих немецкие фамилии. Команда и население просили меня послать от лица Черноморского флота приветствие новому правительству, что мною и исполнено» (Цит. по: *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе // Крымский архив (Симферополь). — 2001. — № 7. — С. 299).

⁶ *Бунегин М. Ф.* Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — [Симферополь], 1927. — С. 62.

⁷ *Смирнов М. И.* Указ. соч. — С. 78. В. В. Крестьянников, на основе фондов музея КЧФ, детальнейшим образом прослеживает нарастание «революционной» обстановки на флоте, начиная от необоснованного обвинения мичмана С. Мертвого в контрреволюционных высказываниях 5 марта, первого случая отказа выполнить приказ командира (на эскадренном миноносце «Гневный» в том же марте) и серии освобождений от должности старших офицеров по настояниям снизу до требования матросов офицерам снять погоны во время праздничных митингов 1 мая и «дела» генерала Петрова (*Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе. — С. 300–301).

⁸ *Булдаков В. П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьём» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. — М., 1997. — С. 66.

⁹ Русская Ривьера (Ялта). — 1917. — 8 марта.

¹⁰ Психология, а, следовательно, и поведение служивших на суше и на море существенно разнились. «Грань, разделяющая обитателей кают и трюмов, в узком, замкнутом пространстве корабля (совершенно непривычном для людей, привыкшим к русским просторам) была болезненно опутимой. Всякий перебой с нитанием воспринимался матросами как акт изуверства. Морская военная служба требовала своеобразной притирки командиров и матросов, точности, чёткости и слаженности действий всех при весьма узкой специализации. Бывшие крестьяне, как правило, к этому были не готовы. Морское ведомство ещё в XIX веке смекнуло, что на ряд флотских специальностей следует набирать мастеровых. В результате

удельный вес «пролетариев» на кораблях оказывался весьма высок. Создавалась социально взрывоопасная смесь из бывших рабочих и крестьян — для последних само по себе длительное пребывание в железных коробках создавало стрессовое состояние». Результат: «Матросы... не сомневались в своей революционной миссии» (Булдаков В. П. Указ. соч. — С. 58–59, 69–70).

¹¹ Там же. — С. 74–75.

¹² Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полн. собр. соч. — М., 1972. — Т. 11. — С. 18.

¹³ Кара-Мурза С. Г. Гражданская война (1918–1921) — урок для XXI века. — М., 2002. — С. 194–195.

¹⁴ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 24. «...Российский Пограничный корпус, в тех частях, где не было запасных (курсив наш. — Авт.), держался дольше всех других войск, сохраняя порядок и дисциплину, не проявляя вражды или ненависти к своим офицерам, не зная никаких эксцессов, и только большевики его расформировали» (Кришевский Н. В Крыму (1916–1918 г.) // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. — М., 1992. — Т. 13–14. — С. 99 (Репр.) — констатирует офицер, побывавший в 1917–1918 годах во всех концах полуострова, вдумчивый мемуарист, хорошо представляющий то, о чём пишет.

¹⁵ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 64, 62–64.

¹⁶ Кришевский Н. Указ. соч. — С. 87.

¹⁷ Там же. — С. 83, 85.

¹⁸ Французские философы рассуждают: «В таких исторических феноменах, как Великая Французская революция, Коммуна или революция 1917-го, всегда присутствует элемент случайности, не сводимой к общему социальному детерминизму или некоей серии причин. Историкам такие отклонения обычно не по душе, и они задним числом воссоставляют причинно-следственный ряд. Однако сам факт свершения обрывает все связи с какими бы то ни было причинами: это абсолютное расхождение с привычными правилами, отступление от любого закона, неопределённость, открывающая дорогу новым возможностям. ...Незначительные отличия, вместо того чтобы наложиться друг на друга и исчезнуть, начинают разрастаться и множиться... автономные явления обретают вдруг новое созвучие, складываются в невиданные сочетания» (Делёз Ж., Гваттари Ф. Май 68-го так и не случился // Книжное обозрение «Ex libris НГ» [«Независимой газеты»] (Москва). — 1998. — 9 августа). Примерно о том же писал столетие с лишним до 1968-го года, правда, с морализаторским привкусом, Томас Карлейль: «Если все войны, гражданские или другие, суть плоды недоразумений, то где же скрывается разумение?» Описанный Делёзом и Гваттари (а, скажем, в начале века — Марком Твенном в философском романе «Таинственный незнакомец») феномен в различных его проявлениях — обычная вещь периода российской Революции/Гражданской войны. Но мы, подобно упомянутым «историкам», всё-таки видим здесь и «некую серию причин».

¹⁹ Кара-Мурза С. Г. Указ. соч. — С. 194.

²⁰ (Кириенко-)Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932). Родился в Киеве, в семье юриста. По отцовской линии — от запорожских казаков, по материнской — от обрусевших немцев. Из дворян. В Крыму (Феодосия) впервые — в 1895 году. Учась в здешней гимназии, впитывал дух Киммерии и начал писать стихи. В 1897 году поступил на юридический факультет Московского университета, из которого, год спустя, был исключён за участие в студенческих бес-

порядках. Далее наступает период странствий (Германия, Франция, Италия, Испания, Греция; в 1900 году — вынужденный отъезд в Среднюю Азию) и настоящего самообразования. С 1900-го года выступает как литературный и художественный критик, к 1910-му (первая книга стихов) — как сложившийся поэт-символист. Масон. «Февраль 1917 г[ода] застаёт меня в Москве и большого энтузиазма во мне не порождает, т. к. я всё время чувствую интеллигентскую ложь, прикрывающую подлинную реальность революции», — пишет Волошин в 1925 году (*Волошин М.* Автобиография // Волошин М. Коктебельские берега. Поэзия, рисунки, акварели, статьи / Сост., автор вступ. ст. и комм. З. Д. Давыдов. — Симферополь, 1990. — С. 224). С весны 1917 года и до самой смерти проживает в Коктебеле, превратив свой дом в «приют для писателей и художников». «Ни война, ни революция не испугали меня: я их ожидал давно и в формах ещё более жестоких» (Там же). Талант Волошина многогранен: поэт, художник, литературный и художественный критик, публицист, по сути — историк. В своих сочинениях периода Гражданской войны и 1920-х годов сумел чрезвычайно глубоко проникнуть в суть прошлых и современных ему событий. «...Во всём, что он ни делает, сказывается разнообразная и изысканная эрудиция, направленная на всё редкое и странное, строгая сдержанность формы и всегда неожиданная, очень личная точка зрения, придающая характер парадоксальности всем его утверждениям. Подробности его биографии также прихотливы и разнообразны: в своё время он был сослан в Среднюю Азию, был погонщиком караванов, сидел в константинопольской тюрьме, как армянский революционер, исходил пешком Испанию, Италию и Грецию, пил абсент с президентом Андоррской республики и по личному поручению Далай-Ламы покупал для него автомобильные очки в магазине «Au Bon Marche». Последняя неожиданность, которой он изумляет нас, это книга его стихов о революции — «Демоны глухонемые», проникнутая подлинным чувством родины, написанная тем русским языком, которого никак нельзя было ожидать от парижанина и галломана Максимилиана Волошина» (*Маковский С.* Максимилиан Волошин // Ялтинский Голос. — 1918. — 15 ноября). Скончался М. А. Волошин в Коктебеле. Похоронен на горе Кучук-Енишары. 1 августа 1984 года в Планерском (Коктебеле) для посещения открыт Дом-музей М. А. Волошина. (*Волошин М. А.* Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. — М., 1991; *Волошин М. А.* Коктебельские берега. Поэзия, рисунки, акварели, статьи; *Купченко В. П.* Странствие Максимилиана Волошина. Документальное повествование. — СПб., 1997; Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников / Вступ. ст., сост., подготовка текста и прим. В. П. Купченко. Последствие и подбор портретов Д. А. Лосева. — Феодосия-М., 1997; *Купченко В. П.* Киммерийские этюды: События. Люди. Памятники / Сост. и вступ. слово Д. Лосева. — Феодосия, 1998. — С. 72–104; *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. — СПб., 2002; *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — СПб.-Симферополь, 2007; *Волошина М. С.* О Максеме, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма. / Сост., предисл., подгот. текстов и прим. В. Купченко. — Феодосия.-М., 2003; *Пинаев С. М.* Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог. — М., 2005; и др.).

²¹ *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 14–15. Показателен и следующий эпизод:

12 марта, вс.

Были вместе с А. Н. Толстым на параде в честь торжества Революции... (также — «День Свободы», день «Единения Армии с Народом»). *«Две вещи обратили внимание: плакаты с лозунгом «Без аннексий и контрибуций — иностранные» слова, впервые появившиеся в этот день, и слепцы, пришедшие в этот день в Москву (раньше их не пускала полиция)». (...) От их «заунывного пения разверзались незапамятные горизонты души, проваливался революционный парад, и оступались только красные лоскуты знамен и кокард, точно пятна крови, проступившей из-под исторических камней (...), да глухой шорох надвигающихся толп, шлёпающих по грязи, смешанной со снегом. (...) В этот день революция впервые осозналась роковой и кровавой»* (Там же. — С. 15).

(Позднее Волошин возвращается к тому ощущению Смуты, что посетило его в начале марта — и посетило не случайно, а в силу глубокого проникновения в смыслы русской истории, её закономерности, особенности и парадоксы: «И тут внезапно и до ужаса отчётливо стало понятно, что это только начало, что Русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени» (*Волошин М. А. Россия распята // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников.* — С. 314)).

Умиляет на столь трезвомыслящем фоне прекраснодушие спутника Волошина. А. Н. Толстой писал 17 марта в «Русских Ведомостях» (статья «Двенадцатое марта»): «Этот народ сегодня в первый раз вышел из подвалов. И вот — величайшее чудо: он принёс из подвалов не злобу, не ненависть, не месть, а жадное своё умное сердце, горящее такой любовью» (*Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932.* — С. 16). Воистину — слепцы!

Выделенное курсивом из нисем принадлежит перу М. А. Волошина или его адресатов.

²² Цит. по: *Давыдов З., Купченко В. Совесть народа — поэт... Максимилиан Волошин: жизнь, творчество, контакты // Волошин М. Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка.* — Минск, 1993. — С. 11.

²³ См.: *Бунегин М. Ф. Указ соч.* — С. 35. Пресса писала о Харченко: «Вышедший из народа, бывший некогда народным учителем, Я. Т. Харченко являлся одним из светлых земских деятелей в последние мрачные годы реакции; но свет его погас самым жалким образом. В годы войны он, председатель Таврической губернской земской управы, был назначен уполномоченным «Хлебармии» по Таврической губернии («Хлебармия» занималась поставками хлеба и фуража для войск). В качестве губернского комиссара после Февраля оказался замешанным в нечистоплотных хлебных операциях (Крымский Вестник (Севастополь). — 1918. — 28(15) ноября). Правда, эмиссары Временного правительства в Таврической губернии — С. С. Крым, курирующий продовольственное дело, и князь В. А. Оболенский на заседании Таврического губернского съезда представителей общественных комитетов (12–13 апреля 1917 года), избравшем исполком Таврического губернского комитета (П. И. Бианки (социал-демократ), В. Д. Жиров (социал-демократ), М. Д. Казанжи, И. П. Попов (эсер), К. К. Ворошилов (социал-демократ), И. Ф. Федосеев (большевик)), отметили, что «ознакомившись с деятельностью Я. Т. Харченко по продовольствию, не нашли ничего компрометирующего, и в этом смысле сделаем доклад министру...». Однако, «принимая во внимание, что деятельность Я. Т. Харченко, как комиссара, с точки зрения

общественно-политической не объединяла общественные слои населения, губернский комитет выражает ему недоверие и просит об утверждении комиссаром временно избранного совещанием Николая Николаевича Богданова, впредь до созыва губернского комитета на правильном представительстве» (ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 14).

Федосеев Иван Фёдорович (1874—?). Рабочий-столяр. Член РСДРП с 1903 года. Участник Декабрьского вооружённого восстания 1905 года в Донской области. Приговорён к одному году восьми месяцам тюрьмы. Затем последовала ссылка в Якутский край и Вологодскую губернию. После ссылки механически выбыл из партии. В 1917 году участник группы РСДРП (интернационалисты) под председательством С. А. Лозовского (Дридзо). Член Таврической губернской продовольственной управы. В мае 1919 года вступил в РКП(б). Заместитель наркома продовольствия Крымской Социалистической Советской Республики (КССР), в 1920 году — председатель Алуштинского ревкома, в 1921-м член коллегии наркомпрода Крымской АССР. С 1922 года — зампреда Крымсельсоюза (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 199–200 об.; и др.).

²⁴ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 29.

²⁵ Абдуллаев С. А. (М.). О рабочем движении татар в Крыму, в частности в гор. Симферополе. (1917–1919). Очерки // ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 117. — Л. 30.

²⁶ Штейнбах Е. М. Профессиональное движение в Крыму: 1917–1927 гг. — Симферополь, 1927. — С. 15–16.

²⁷ Там же. — С. 17.

²⁸ Королёв В. И. Таврическая губерния в революциях 1917 года. (Политические партии и власть). — Симферополь, 1993. — С. 23.

²⁹ Атлас М. Л. Борьба за Советы. Очерки по истории Советов в Крыму. 1917–1918 гг. — Симферополь, 1933. — С. 27.

³⁰ Зенченко К. Я., Нехамкина Т. И. Победа Великого Октября в Крыму. — Симферополь, 1957. — С. 6.

³¹ Смирнов М. И. Указ. соч. — С. 84.

³² ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 107. — Л. 1.

³³ Подобные попытки цензовых элементов обеспечить своё влияние в советах, изначально конструировавшихся на базе сугубо классового подхода, предпринимались и в других городах. Это свидетельствовало о том, что к ним относились всерьёз.

³⁴ Южные Ведомости. — 1917. — 15 марта. Всю эту революционную вакханалию бесчисленных учреждений, организаций и циркуляров/манифестов прекрасно суммировал Иван Бунин: «Как они одинаковы, все эти революции! Во время французской революции тоже сразу была создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый потоп декретов, циркуляров, число комиссаров, — непременно почему-то комиссаров, — и вообще всяческих властей стало несметно, комитеты, союзы, партии росли как грибы, и все «пожирали друг друга», образовался совсем новый, особый язык, «сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемежку с самой площадной бранью по адресу грязных остатков издыхающей тираннии...» Всё это повторяется потому, прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций — бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана (курсив наш. — Авт.). В человеке просыпается обезьяна» (Бунин И. А. Окаянные дни. — М., 1990. — С. 35). Цитируя Бунина, не будем забывать о том обстоятельстве, что его дневники периода Гражданской войны на-

чинены яростной, воистину расовой ненавистью барина к простолюдию. Любопытно, что при всём чуть ли не зоологическом антисоветизме Бунина, пожалуй, наиболее ненавистен ему из русских/советских литераторов был отнюдь не пребывавший в полубовных отношениях с советской властью С. А. Есенин («мужик»!), зато конформисту и сибариту, «красному графу» А. Н. Толстому Иван Алексеевич вполне благоволил («барин»!).

³⁵ Южные Ведомости. — 1917. — 13 мая. Аналогичные речи шли и с «несоветской» стороны. Член комитета общественной безопасности эсер И. А. Селиванов: «Совет рабочих и солдатских депутатов и социалистические партии постановили поддерживать временное правительство. То же *должны* (курсив наш. — *Авт.*) сделать и ялтинские рабочие и ремесленники. До тех пор, пока новый порядок не окреп, пока не создано учредительное собрание, мы должны забыть взаимную рознь и распри. Мы сейчас должны вести не социальную борьбу, а организоваться политически для поддержания комитета общественной безопасности и правительственных комиссаров» (Русская Ривьера. — 1917. — 9 марта). Однако «общенациональное согласие» изначально было чистейшей воды симулякром, и по мере ухудшения ситуации его призрачность становилась всё более очевидной.

³⁶ «Утратив веру в «свою» власть, «униженные и оскорблённые» остались надежде на свои историческим опытом, в котором не было места ни парламентаризму, ни правам личности. Поэтому центр тяжести в анализе революции следовало бы перенести на *психоментальность масс* (курсив наш. — *Авт.*) — именно она давала незримый шанс удержаться или упасть той или иной властной верхушке», — считает исследователь, чьи работы по проблемам Революции и Гражданской войны — одни из наиболее цитируемых и дискутируемых. — (...) После Февраля «мы имеем дело с выплеском девиантно-эпатирующего поведения, заставляющего вспомнить об известных оргиастических компонентах жизнедеятельности архаичных социумов. ...Крушение власти было воспринято низами как отмена не только административных стеснений, но и норм поведения» (Булдаков В. П. Имперство и российская революционность. (Критические заметки) // Отечественная история (Москва). — 1997. — № 1. — С. 45, 46).

Историкам второй литературовед. Анализируя ткань чеховского «Дяди Вани» под углом зрения проблемы «как возникают гражданские войны», он приходит к двум выводам: «Первый. Общества, подобные тому, что мы наблюдаем в «Дяде Ване», беременны гражданской войной. (...) Эти войны всегда рождаются из атмосферы всеобщей ненависти и разобщённости. По справедливому замечанию Елены Андреевны, «мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дразг». Второй. «В «Дяде Ване» все говорят, что хуже той жизни, которая им досталась, тех условий, в которых они живут, не может быть ничего. (...) И потому все они готовы сказать: хуже жить уже нельзя, так давайте же всё пустим на слом. А это и есть пробудившийся ген гражданской войны...» (Казарин В. Диалог с Чеховым о гражданской войне // Литературная газета (Москва). — 2002. — 10–16 апреля).

³⁷ Кара-Мурза С. Г. Указ. соч. — С. 18, 19.

³⁸ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М., 1990. — С. 153.

³⁹ Поляков Ю. А. Гражданская война в России: Возникновение и эскалация // Отечественная история. — 1992. — № 6. — С. 33, 41.

⁴⁰ Волошин М. А. Россия распятая // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. — С. 315.

⁴¹ Муравьев В. Н. Рёв пламени // Из глубины. Сборник статей о русской революции. — С. 195.

⁴² **Струве Пётр Бернгардович** (1870–1944). Из семьи эмигрировавшего в Россию из Германии профессора В. Я. Струве, академика, основателя школы российских астрономов, создателя Пулковской обсерватории. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1895). Лидер «легальных марксистов». Автор «Манифеста РСДРП» (1898). С 1898 года либерал. Некоторое время — в эмиграции. Редактор журнала «Освобождение» (с 1902 года) и один из руководителей «Союза освобождения». Член ЦК кадетской партии со дня её основания (октябрь 1905 года), депутат II Государственной думы. Издавал журналы, занимая позицию на правом фланге кадетского движения: «Полярная Звезда», «Свобода и Культура», «Русская Мысль», «Русская Свобода» (1905–1917), участвовал в напумевшем сборнике «Вехи» (1909). В 1910-х годах — державник и националист, лидер движения «Великая Россия» (с 1911 года). В 1906–1907 годах преподавал политэкономии в Петербургском политехническом институте; с 1917 года академик (лишён звания в 1928 году). Инициатор издания сборника «Из глубины» — продолжения «Вех» (1918). Участник Белого движения, член Особого совещания при А. И. Деникине. Министр иностранных дел в правительстве П. Н. Врангеля (1920). В эмиграции редактор журналов «Русская Мысль» (Прага), «Возрождение» (Париж) и др. Преподавал в Пражском и Белградском университетах. Занимался историей русской общественной мысли. Библиография его печатных трудов насчитывает 660 наименований (Советская историческая энциклопедия. — М., 1971. — Т. 13. — С. 874–875; *Боечин В. П.* Струве Пётр Бернгардович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. — М., 1993. — С. 307–310; и др.).

⁴³ Степанов А. Дитя кризиса // Советская Россия (Москва). — 1996. — 10 октября.

⁴⁴ Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. — 1917. — 3 июня.

⁴⁵ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 107. — Л. 29, 33.

⁴⁶ Единение (Симферополь). — 1917. — 27 мая.

⁴⁷ Материал о ней см.: *Королёв В. И.* Крым. Век XX. Новые страницы истории. — Симферополь, 2001. — С. 14–15.

⁴⁸ *Гражданов Ю. Д., Зимина В. Д.* Союз орлов. Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. — Волгоград, 1997. — С. 155. Авторы опираются на работу Б. Вольфсона (Подрывная деятельность монархистов в годы гражданской войны в Крыму // Исторический журнал (Москва). — 1938. — № 10. — С. 42–50).

⁴⁹ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1193. — Л. 35.

⁵⁰ «I. РАСОВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ ЕВРЕЕВ, И ИХ КОСМОПОЛИТИЗМ.
2. ЕВРЕЙСКИЕ СТРЕМЛЕНИЯ К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ.

Славяне: как мы одурачены?

Славяне: кем мы поработены?

Славяне: для того чтобы поработить нас у нас отняли разум, убили наше расовое стремление в просторы полей —

Славяне: нас превратили в стадо холопов.

И кто же? может быть какие либо витязи богатыри или другие какие либо атamanы разбойники?

Может быть нас победили в открытом бою на поле чести и брани.

Нет: нас только продали вернее нас начали продавать с шестидесятых годов прошлого столетия продали за чечевичную как говорят похлёбку продали те кто был против всякой продажи продали те кто были уже сами проданы — проданы предательски, теми в защиту которых возвысили свой голос, разуму вопреки и наперекор стихиям когда мы славяне впервые стали кричать что травить еврея не надо, что они также люди и т.п. было это всего 50–60 лет тому назад, то мы совершили роковую ошибку и пригтели змею на своей широкой груди, эта ехидна бичует весь земной шар — бичует Свободную Республику Америку имея своим президентом ЕВРЕЯ-ВИЛЬСОНА этому многоглавому змию удалось обвить все союзы Английских профессиональных корпораций, посадив в громадном большинстве на кресла секретарей евреев: и под опытной опекой которых рабочий класс Англии оказался в проклятом кругу и бьётся в нём целые столетия искусно управляемый секретарями племени Иуда — евреи владychествуют в Германии соперничая в лице социалиста ШЕЙДЕМАНА с самим Вильгельмом евреи распоряжаются судьбою Франции, опутав её золотыми сетями своих РОТШИЛЬДОВ-МЕНДЕЛЬСОНОВ и прочих наследников Иуды — евреи стали правителями России — вот они — в одном только Севастополе

ПРЕДАТЕЛИ НЕ УЛИЧНЫЕ

СПИРО и предатели пойманные с

ПЕСКИН личным

СОБОЛЕВ КОНТОРОВИЧ

освободивший ЧУХНИНА в

906 году и тем остановивший

освободительное движение

на 11^{1/2} лет. —

РАСОВАЯ ИДЕЙНОСТЬ

ДАЛЬНОВИДНОГО ИУДЫ»

(ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 41. — Л. 1).

Спиро Вильям (Виллиам) Бернгардович (1883–1939). Родился в купеческой семье. До 1917 года жил в Копенгагене, где сделал крупное состояние, играя на бирже. Одновременно поддерживал связи с политэмигрантами из России — эсерами и социал-демократами. Участвовал в работе Русского общественного комитета помощи военнопленным (вице-председатель) и Комитета помощи политическим эмигрантам в Копенгагене (казначей). В июне 1917 года вернулся в Россию. Левый эсер. В. И. Ленин называл Спиро среди «трёх виднейших членов партии левых эсеров»: «Камков, Спиро, Карелин» (*Ленин В. И.* От Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России // Полн. собр. соч. — М., 1974. — Т. 35. — С. 72). Работал на Украине. В 1917–1918 годах — чрезвычайный комиссар Румынского фронта. Делегат II Всероссийского Съезда советов (25–26 октября 1917 года). Член ВЦИК, заведующий (вместе с И. С. Уншлихтом) его финансовым отделом. С конца года комиссар-организатор по русско-румынским делам на Юге России, старший комиссар Румынского фронта, член Верховной коллегии по румынским делам. В январе 1918 года прибыл в Севастополь. Главный комиссар Черноморского фронта (с марта), в апреле член военно-морского комиссариата и глава Крымского штаба обороны, а также инициатор создания Комитета защиты социалистической революции (в Республике Тавриды). «Спиро в Севасто-

поле вместе с Военным Комиссариатом провёл такую работу, что фактически военные силы оказались не в наших руках, а в руках эсеров. (...) Со Спиро мы никак справиться не могли. (...) ...Чтобы убрать Спиро отсюда, решили отправить делегацию в Москву» (*Миллер Ж. А. [Воспоминания] // ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 551. — Л. 60*). Спиро выступал против заключения Брестского мира с Германией и Австро-Венгрией, что усугубляло его «вину». Ему инкриминировалось то, что на заседании Центрофлота 23 марта он настоял на принятии резолюции, признающей Черноморский флот достоянием не только Великороссии, но и Украины, Тавриды и Кавказа, а также публичное выступление с призывом отвернуться от «гнилого Севера» (Архив русской революции. — Т. 13–14. — С. 200). Кроме того, Спиро являлся убеждённым сторонником обороны Крыма от германских агрессоров, вполне разделяя точку зрения В. И. Ленина, с которым он встречался и беседовал, о «едином фронте обороны», в то время как руководство Республики Тавриды склонялось к нейтралитету. «Понимая опасность ситуации и раздражённый инертностью наркомов, комиссар флота бросил неосторожную фразу: «Вас просто придётся арестовать!» Эта фраза и выписка из протокола заседания Центрофлота были доложены Ж. Миллером Ленину. Они и сыграли роковую роль в судьбе Спиро. (...) Ленину некогда было разбираться, он и не стал разбираться» (*Дубко Ю. В. Советская Республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства. — Симферополь, 1999. — С. 144, 167*). Под предлогом получения денег поезд со Спиро был отправлен в Москву, где по личному распоряжению Ленина и ордеру, выписанному Ф. Э. Дзержинским, был арестован и обвинён в «преступлении по должности». Парадокс! — Спиро был арестован по «манию» Ленина фактически за то, что рьяно проводил в жизнь ленинскую идею обороны Крыма. Дело в Верховном трибунале при ВЦИК не было доведено до конца. Спиро сумел бежать за границу (версия о его «растреле» (*Дубко Ю. В. Указ. соч. — С. 59*) продиктована недостатком информации). Снова поселился в Дании. Продолжил занятия коммерцией (владел фабриками по производству сухого молока), но связей с левыми эсерами не порывал. В декабре 1924-го года принимал участие в работе Заграничной делегации ПЛСР на международной конференции левых социалистов в Берлине. Скончался на о. Мэн (Великобритания). Его потомки ныне живут в Дании (Картотека ГААРК; *Ленин В. И. От Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России; Указатель имён // Полн. собр. соч. — М., 1974. — Т. 35. — С. 72, 539; Миллер Ж. А. [Воспоминания] // ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 551. — Л. 60; А. 3. (Зарубин А. Г.) Спиро В. Б. // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. — Симферополь, 2000. — С. 243; Информация Я. В. Леонтьева).*

Пескин М. А. Меньшевик, общественный деятель.

Соболев. Сведений нет.

Миллер (Шепте) Жан Августович (1880–1939). Родился в Ренненской волости Голдингенского (Кулдигского) уезда Курляндской губернии. Из крестьян. Социал-демократ с 1905 года. Во время революции 1905–1907 годов на военно-боевой работе: участник Кулдигского вооружённого восстания, затем в «лесных братях». Делегат Первой (Таммерфорской) конференции боевых и военных организаций РСДРП (декабрь 1905-го года). С 1907-го по 1917 год — в эмиграции (Англия, затем С.-А.С. Ш., где окончил коммерческие курсы). В 1917 году по ре-

шению ЦК РСДРП(б) послан в Крым: губпарторганизатор, председатель Евпаторийского комитета РСДРП, затем председатель Симферопольского ревкома, ЦИК Республики Тавриды. После падения ССРТ председатель Тамбовского губкома партии, член ВЦИК РСФСР. Сторонник самых жёстких мер по отношению к «классовым врагам». С 1919-го по 1931 год в США на различных должностях, в начале 1930-х — на хозяйственной работе. В 1933 году — внепартный партследователь. Персональный пенсионер. Именем Миллера названы улицы в Симферополе и Евпатории (ГААРК. — П. — Справка № 9Б-677. — 12 сентября 1990 года; *Баранченко В. Е.* Гавен. — М., 1967. — С. 152; и др.).

⁵¹ Южные Ведомости. — 1917. — 13 мая.

⁵² О черносотенной агитации // Там же. — 16 июля.

⁵³ Там же. — 20 июня.

⁵⁴ ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 456–457.

⁵⁵ Там же. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1193. — Л. 108.

⁵⁶ *Земляниченко М., Калинин Н.* Прощание Романовых с Россией // Новый Град. — Симферополь, 1995. — С. 12–13. Здесь же (С. 5–27) — подробные сведения о пребывании Романовых в Крыму в 1917–1919-м годах. Информация о «партии 33-х» отсутствует. См. также: *Калинин Н. Н., Земляниченко М. А.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...» — Симферополь, 2002. — С. 267–296.

⁵⁷ Романовы в Крыму // Ялтинская Новая Жизнь. — 1917. — 28 марта.

⁵⁸ **Верховский Александр Иванович** (1886–1938). Из семьи потомственных дворян. В 1905 году за либерально-конституционные взгляды исключён из Пажеского корпуса и отправлен солдатом в Маньчжурию, где, будучи наводчиком в полевом артдивизионе, награждён солдатским Георгиевским крестом и произведён в офицеры. В 1905–1908 годах служил в Гельсингфорсе (Хельсинки). В 1911 году окончил Николаевскую Императорскую академию Генерального штаба. С начала Первой мировой войны на фронте в Восточной Пруссии. Затем начальник оперативной части штаба 22-го корпуса на Юго-Западном фронте, в штабе 9-й армии, 7-й армии. С марта 1916 года подполковник, начальник штаба группы войск, предназначенной для высадки в Трапезунде (Трабзоне). В сентябре–декабре 1916 года помощник по оперативной части российского представителя при Румынской главной квартире. В начале 1917 года назначен начальником штаба формируемой в Севастополе Отдельной Черноморской дивизии, предназначенной для десанта на турецком побережье. После Февральской революции выступил на собрании офицеров гарнизона с призывом поддержать Временное правительство. Избран товарищем (заместителем) председателя Севастопольского совета. Разработал «Положение об организации чинов флота, Севастопольского гарнизона и работающих на государственную оборону рабочих» — одного из первых местных положений о солдатских комитетах, которое было утверждено вице-адмиралом А. В. Колчаком. В Петрограде выступил с идеей срочного создания в войсках комитетов, аналогичных севастопольскому, с целью предотвращения антиофицерских выступлений и сохранения армии для продолжения войны. Исполком Петроградского совета одобрил соответствующее «Положение» и поручил Верховскому доложить его Верховному главнокомандующему М. В. Алексею. С этим согласился и военный министр А. И. Гучков. Несмотря на возражения А. И. Деникина, «Положение» было в основном одобрено в Ставке. М. В. Алексеев своим приказом 30 марта объявил «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота». С

апреля Верховский участвует в работе Севастопольского совета. С 31 мая полковник и командующий Московским военным округом. В июле под его руководством подавлены солдатские выступления в гарнизонах Нижнего Новгорода, Твери, Владимира, Липецка, Ельца и других городов. Противник выступления Л. Г. Корнилова. 30 августа назначен А. Ф. Керенским военным министром. 1 сентября введён в состав Директории в звании генерал-майора. 17 октября на заседании Временного правительства, обсуждавшего меры против готовящегося выступления большевиков, поставил вопрос об отставке. 22 октября выехал на остров Валаам. 3 ноября вернулся в Петроград и вместе с членами ЦК ПСР направился в Ставку, где была предпринята попытка образовать «общесоциалистическое правительство». После провала этого плана отошёл от политической деятельности. Летом 1918-го года по обвинению в подготовке выступления эсеров был арестован, но вскоре освобождён. С 1919-го года в Красной Армии на Восточном фронте. С 1921 года в Академии РККА. В 1922 году военный эксперт советской делегации на Генуэзской мирной конференции. Начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. Автор ряда трудов по военной истории и книг «Россия на голгофе. Из походного дневника 1914–18» (1918), «На трудном перевале» (1959). 18 июля 1931 года приговорён коллегией ОГПУ к расстрелу по обвинению в антисоветской деятельности. Приговор заменён на 10 лет лагерей. Досрочно освобождён в 1934-м году. 19 августа 1938 года приговорён военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день. Реабилитирован 28 ноября 1956 года (*Кузьмина Т. Ф., Миллер В. И.* Верховский Александр Иванович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. — С. 63–65; и др.)

⁵⁹ **Задорожный Филипп Львович** (?). Моряк. Служил в 1916 году в авиационной школе, организованной великим князем Александром Михайловичем в Севастополе. Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая II, вспоминала, диктуя канадскому журналисту, что Задорожный, «верзила в матросской форме», представитель Севастопольского совета, появился в «Ай-Тодоре» за три-четыре недели до Рождества 1917 года (*Воррис Й.* Последняя великая княгиня // Звезда (СПб). — 1998. — № 9. — С. 111).

⁶⁰ См. *Климаков Ю.* Февральский вандализм // Независимая газета (Москва). — 2003. — 19 марта.

⁶¹ Южные Ведомости. — 1917. — 23 июня. Задним числом стихийный «порыв» масс был оправдан. «По заявлениям специалистов, памятник не представляет абсолютно никакой ценности ни в художественном, ни в историческом отношении». Среди «специалистов» фигурировал председатель Феодосийского совета В. П. Бианки. Позже М. А. Волошин писал: «Единственная реальная услуга, оказанная большевиками городу, — удаление безобразного памятника Александру III — была ими совершена отнюдь не из эстетических соображений и не из уважения к личности покойного императора, а из дурацких политических антипатий», хотя большевики вряд ли возглавляли эту акцию. (*Волошин М. А.* Искусство в Феодосии // Волошин М. А. Путник по вселенным / Сост., вступ. ст., коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова. — М., 1990. — С. 154). Памятник Александру III был установлен в 1896-м году по модели скульптора Р. Р. Баха по инициативе И. К. Айвазовского в память решения императора учредить коммерческий порт не в Севастополе, а в Феодосии.

⁶² ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 397–398, 419–419об.; Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 16. Этот «сдвиг» революции в сторону, непредвиденную её вос-

торженными и упивающимися «свободой» вождями, чутко зафиксировал в апреле 1917 года И. А. Бунин. «...Брошена была на полный произвол судьбы — и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны — величайшая на земле страна. Ещё на три тысячи вёрст тянулись на западе окопы, но они уже стали простыми ямами: дело было кончено, и кончено такой чепухой, которой ещё не бывало, ибо власть над этими тремя тысячами вёрст, над вооружённой ордой, в которую превращалась многомиллионная армия, уже переходила в руки «комиссаров» из журналистов вроде Соболя, Иорданского. Но не менее страшно было и на всём прочем пространстве России, где вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоумённое существование, беспричинная праздность и *противоестественная свобода* (курсив нап. — *Авт.*) от всего, чем живо человеческое общество» (Бунин И. А. Указ. соч. — С. 54). (*Соболь Андрей* (Юлий Михайлович). Журналист и беллетрист. В описываемое время — комиссар Временного правительства на Северном фронте).

⁶³ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1295. — Л. 74 об.

⁶⁴ Ялтинская Новая Жизнь. — 1917. — 9 апреля.

⁶⁵ Южные Ведомости. — 1917. — 15 марта.

⁶⁶ Там же. — 2 мая.

⁶⁷ Кришевский Н. Указ. соч. — С. 99.

⁶⁸ -ский. Из дневника татарина // Южные Ведомости. — 1917. — 28 июня.

⁶⁹ Прибывший в Крым в начале октября Ю. П. Гавен увидел здесь, по его словам, «мещанское болото» (Завоевания большевистской печати в Крыму. (Воспоминания) // Красный Крым (Симферополь). — 1924. — 10 апреля).

⁷⁰ Катунин Ю. А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. — К., 2002. — С. 12.

⁷¹ ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 142–142 об.

⁷² Там же. — Л. 146.

⁷³ **Брешко-Брешковская (Вериго) Екатерина Константиновна** (1844–1934). Из помещичьей семьи. Революционную деятельность начала после 1861 года. Десять лет проработала в крестьянской школе, которую сама и создала. Участница «хождения в народ», создания разнообразных форм местного самоуправления. С 1873-го года член кружка «чайковцев». Имела близкие отношения с известным анархистом, князем П. А. Кропоткиным. Первый арест в 1874 году. Далее — отсидка в Петропавловской крепости, «процесс 193-х». Первая женщина-политка-торжанка. Отбыв срок, снова была отправлена в ссылку. Бежала, была приговорена к каторге. В 1885–1893 годах пребывала на поселении. С 1898 года — снова на нелегальном положении. Член Боевой организации ПСР и руководства партии (с 1901 года). В 1903-м году эмигрировала в Швейцарию. В годы революции 1905–1907 годов — в России. Выдана Е. Ф. Азефом. Снова — Петропавловская крепость, ссылка, поселение. После Февральской революции возвращается в Европейскую Россию. Издаёт автобиографию, ряд брошюр, провозглашая идеал «Свободной России» и Учредительного собрания, долженствовавшего разрешить все социальные и национальные проблемы страны. Сторонница «войны до победного конца». С июня почётный председатель ПСР. В июне-июле — в Крыму. Принципиальный противник большевиков. После событий октября 1917 года отказалась от почётного председательствования и перешла на нелегальное положение. Участвовала в деятельности Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) (Самара, 1918), Уфимского государственного совещания (1919). Эмигрировала. (Фе-

доренко А. П. Брешко-Брешковская // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. — С. 40–12; Шохина В. Мятежный князь и революционная богородица // Независимая газета. — 2002. — 5 декабря; и др.).

⁷⁴ Южные Ведомости. — 1917. — 20 мая.

⁷⁵ Смирнов М. И. Указ. соч. — С. 89.

⁷⁶ Там же. — С. 86. Уже известный нам офицер, служивший в это время в Севастополе, вспоминал: «Был обыкновенный человек с обывательской внешностью, одетый в английский френч и смешную фуражку, было нездоровой бледностью покрытое лицо... старый актёр, с которого сняли грим... Был обман его горячих и страстных речей, которые били по нервам на страницах газет, обман, потому что так хотелось верить и надеяться, верить даже в мираж... Но подошли ближе и не осталось миража, а лишь слабый, видимо болезненный и сильно уставший человек» (Кришлевский Н. Указ. соч. — С. 96). См. также высказывания солдат о Керенском: Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьём». — С. 66 (по: Солдатские письма 1917 года. — М.-Л., 1927)). «Свидетельства о том, что солдаты не понимали, почему пыльные речи и доверительные беседы столичных политиков не подкрепляются выдачей им новых сапог и хороших харчей, дают для постижения природы их растущей «иррациональной» ненависти к новым правителям больше, чем любые социологические теории» (Булдаков В. П. Там же. — С. 64).

⁷⁷ «Инцидент с Петровым заключался в том, что генерал занялся спекуляцией с кожами поставляемого для флота скота. Кожы, оценённые в 80 рублей, генерал отдавал одному из поставщиков по 200–240 рублей. Он же выдавал документы на вывоз кож под видом использования их на нужды обороны. В самом же деле они поступали на рынок, откуда часто поступали опять во флот уже по значительно более высокой цене» (Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 65–66).

⁷⁸ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. — М., 1993. — С. 195–196.

⁷⁹ Временному правительству Колчак телеграфировал 12 мая: «...Прошу заметить меня другим лицом для командования флотом. Считаю долгом донести, что никакой командующий флотом не будет в состоянии исполнить свои обязанности, если деятельность комитета не будет ограничена распоряжениями Временного правительства в пределах установленных для комитетов правил» (Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. П. Н. Надинский. — Симферополь, 1957. — Т. I. (Март 1917 г. — апрель 1918 г.) — С. 32.

⁸⁰ Южные Ведомости. — 1917. — 20 мая.

⁸¹ Керенский А. Ф. Указ. соч. — С. 196.

⁸² Баткин Фёдор Исаакович (Эфроим Ицкович) (1892–1922). Родился в Феодосии в семье еврейского коммерсанта. Позже семья переехала в Севастополь. Вступил в ПСР. Вынужден был уехать из Севастополя, несколько лет жил в эмиграции в Бельгии. После Февральской революции поступил добровольцем на Черноморский флот. Матрос 2-й статьи. Талантливый агитатор, оборонец. В составе руководства Черноморской делегации 3 мая принят председателем Временного правительства Г. Е. Львовым на его квартире. Выступал на многочисленных митингах и собраниях, пользуясь огромным успехом, сравним по популярности с А. Ф. Керенским. Тем временем, в Севастополе была создана комиссия, рассматривающая обвинения Баткина в неправильном ведении финансовых дел, отсутствии связи с Петроградским советом и др. 22 июня вопрос обсуждался в делегатском собрании, где принято ре-

шение о невинности Баткина. 12 августа он прибыл в Москву для участия в Государственном совещании в качестве представителя Черноморского флота, но в Севастополе к тому времени решили свою делегацию отозвать. После октябрьских событий 1917 года Баткин оказался на Дону. Однако ни у казаков, ни в Добровольческой армии его речи популярностью не пользовались. Баткина спасало покровительство самого Л. Г. Корнилова. После гибели командующего агитатор вернулся в Крым, где жил до конца 1918 года. В начале 1919-го он вновь в Добровольческой армии, возглавляемой А. И. Деникиным. Баткину поручено заниматься пропагандой, он работает в Осведомительно-агитационном отделении (ОСВАГ). После Новороссийской катастрофы Добровольческой армии Баткин опять в Крыму, живёт в Севастополе. В начале 1920 года близко сходитесь с Я. А. Слащёвым. В 1922-м году арестован украинским ГПУ и расстрелян по одним данным в Севастополе, по другим — в Харькове (*Алтабаева Е. Б.* Смутное время: Севастополь в 1917–1920 гг. Учебное пособие. — Севастополь, 2004. — С. 14–19).

⁸³ «...Полное безделье и вечное ожидание ареста и позорной смерти гнало офицеров в рестораны, в кабинеты, в гостиницы, и поднялось пьянство, скрытое, но упорное и постоянное. Везде сотнями ведер выписывался спирт, «для мытья хвостов» несуществующих лошадей, для «компрессов» сразу на тысячи больных и для всяких артиллерийских, автомобильных, технических и научных целей. Всё это получалось бесконтрольно из местного склада, разбавлялось, и в этом пьяном угаре потонули офицеры, чувствующие что-то неизбежное и страшное, что медленно наступало со стороны загадочной матросской массы, надвигалось резолюциями из Аполлоновской балки (где шли бесконечные митинги и принимались «кровожадные» резолюции. — *Авт.*), нависало чёрной тучей ненависти, зависти и недоверия...

Жить в этих условиях полного тунеядства, когда никто не мог работать даже и при полном желании, жить, ожидая каждый день бессмысленного взрыва ненависти, под вечным страхом обысков, издевательства и смерти, видеть беспробудное пьянство и самому участвовать в нём, создавая себе миражи, заменяющие жизнь — было уже вне сил...» (*Кришевский Н.* Указ. соч. — С. 96–97). *Ненависти* — к чужим, *зависти* — к образу жизни, *недоверия* — обманут и предадут. Смертоносный коктейль.

⁸⁴ *Смирнов М. И.* Указ. соч. — С. 91.

⁸⁵ **Лукин Вениамин Константинович** (1866–1928). Родился в семье отставного майора. Окончил Морское училище в Петербурге (1887), получил назначение на Балтийский флот. Завершив обучение в Минном офицерском классе (дополнительный курс), получил квалификацию минного офицера 1-го разряда. В 1903 году — командующий миноносцем «Беспощадный» на Тихом океане, на котором встретил начало русско-японской войны. Участник обороны Порт-Артура (командир миноносцев «Розовой» и «Сторожевой», десантной роты из матросов Квантунского флотского экипажа). Пленён. В конце марта 1905 года вернулся из японского плена в Россию, в мае назначен старшим офицером минного крейсера «Лейтенант Ильин» Балтийского флота. В апреле 1906 года получил назначение старшим офицером эскадренного броненосца «Двенадцать Апостолов» Черноморского флота. С ноября 1906 года — старший офицер мореходной канонерской лодки «Черноморец». В сентябре 1907-го командир вооружённого парохода «Колхида», нёсшего службу стационара при российской дипломатической миссии в Константинополе. Командир мореходной канонерской лодки «Запорожец» (1908–1910). В декабре 1910 года назначен начальником оперативного отделения штаба Черноморского флота (штаб

начальника Действующего флота Чёрного моря), с 1911-го — начальник оперативного отделения штаба командующего Морскими силами Чёрного моря. С октября 1913 года — командир линейного корабля «Три Святителя», одновременно исполняет обязанности флаг-капитана 2-й бригады линкоров Чёрного моря. С занятием русскими войсками Трапезунда (Трабзон) руководит здесь портом и базой Кавказской армии. Начальник 2-й бригады линкоров Черноморского флота, контр-адмирал (1916). До 28 июля 1917 года временно исполнял обязанности командующего Черноморским флотом. Переведён на Балтику, признал власть большевиков. Председатель Комиссии Морского комиссариата по эвакуации Петроградского района, член военно-исторической комиссии по описанию и исследованию Первой мировой и Гражданской войн на море. Автор многочисленных научных военно-исторических работ (Макаревич М. В., Рыжонков Г. Н. Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004. В двух томах. — М., 2004. — Т. 2. 1917–2004. — С. 8–13).

⁸⁶ Дроков С. В. Военно-морская миссия контр-адмирала Дж. Г. Гленнона в июньский Севастополь 1917 г. (По русским и американским источникам) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление. — С. 32–34. См. также: Отечественные архивы (Москва). — 1993. — № 4. — С. 54.

⁸⁷ **Фондаминский (Фундаминский) (Бунаков) Илья Исаидорович** (1880, 1879, 1881(?)–1942). Родился в Москве. Из семьи московских еврейских торговцев, купцов I гильдии. Обучался в частной гимназии Креймана в Москве. Из-за процентной нормы не смог поступить в Лазаревский институт. В 1900–1902 годах изучал философию в Берлине и Гейдельберге, ездил в Ниццу. Вместе с В. М. Зензиновым, Н. Д. Авксентьевым и др. входил в кружок молодых социалистов-революционеров в Галле-Гейдельберге. В марте 1902 года арестован на границе России за помощь в провозе революционной литературы. После двухмесячного заключения в Петербурге уехал в Европу, путешествовал по Италии, где изучал искусство. Один из лидеров партии социалистов-революционеров, преследовался властями. С 1905 года член Московского областного комитета ПСР. Участник Декабрьского вооружённого восстания в Москве, революционного движения на Балтийском флоте в 1906–1907 годах (восстание на крейсере «Память Азова»). Один из лучших ораторов партии, читал лекции по земельному вопросу в Туле, Калуге, Орле, Рязани, Смоленске, Самаре, Саратове, других городах. За ораторский талант получил партийные клички Непобедимый, Лассаль. С мая по июль 1906-го года член фракции трудовиков в I Государственной думе. После её роспуска работал в Ревеле. Скрылся от военно-полевого суда, вынесшего ему смертный приговор. До мая 1916 года жил в Швейцарии, работал в заграничных организациях эсеров. В феврале 1917 года вернулся в Петроград, готовил Всероссийский съезд крестьянских депутатов, на котором был избран товарищем председателя исполкома крестьянского совета. Работал в Ревеле и Гельсингфорсе. Оборонец. В июне 1917-го избран членом Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов. В составе комиссии А. С. Зарудного приезжал в Севастополь для расследования июньских событий на Черноморском флоте. Был назначен Генеральным комиссаром Временного правительства на ЧФ (август). В ноябре избран членом Учредительного собрания. 18 ноября решением I Общечерноморского съезда смещён с должности Генерального комиссара. В 1918 году представлял ПСР в Союзе возрождения России; участвовал в Яском совещании с союзниками (ноябрь 1918-го и январь 1919 года). В 1918 году через Одессу и Константинополь выехал во Францию. С 1919 года

постоянно жил в Париже. Печатался в эмигрантской периодике. Один из редакторов журнала «Современные Записки» и создателей «Пражского Архива». Участник русского масонского движения. Под влиянием митрополита Евлогия принял православие. В 1930 году стал одним из основателей Лиги православной культуры, в 1935-м — объединения «Православное дело», где был близким соратником и помощником монахини Марии (Скобцовой). Один из руководителей «Нового града». Член правления Союза русских литераторов и журналистов (1937). С 1938 года занимал просоветские позиции. Во время нацистской оккупации Франции арестован германскими властями и заключён в концентрационный лагерь в Компьене (1941). Принял крещение. Погиб в Аушвице (Освенциме) в газовой камере. 16 января 2004 года Священный Синод Вселенского Патриархата в Константинополе принял решение о его канонизации. (Серков А. И. Фундаминский (Фундаминский) (псевдоним — Бунаков) Илья Исидорович // Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. — М., 2001. — С. 839–840; Крестьянников В. В. Бунаков-Фундаминский (Фондаминский) Илья Исидорович // Севастополь. Энциклопедический справочник / Ред.-сост.: М. П. Апопанская. — Севастополь, 2002. — С. 100; Королёв В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — Симферополь, 2001. — С. 78. (Есть неточности); Кривошеина К. Святые эмигранты. Константинопольский Патриархат канонизировал монахиню Марию (Скобцову) и её сподвижников // НГ Религии [«Независимой газеты»] (Москва). — 2003. — 15 марта; и др.).

⁸⁸ «...*Политическая свобода всегда возмещается ущербом личной свободы — связанностью партийной и общественной*» (курсив наш. — Авт.; Волошин М. А. Россия распятая // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. — С. 324–325). И вскоре «личная свобода», воплощённая в Крыму скопищем матросов и люмпенов, похерив всякие, в том числе и политические, ограничители, обернётся буйством примитивных инстинктов, вакханалией разрушений и повальных смертоубийств.

⁸⁹ Крымский Вестник (Севастополь). — 1917. — 14 мая. М. Ф. Бунегин даёт цифру: до 27 тысяч в июне (Указ. соч. — С. 54). Известно, что после Февраля доступ в ПСР был чрезвычайно прост, и численность «*мартовских эсеров*», как их называли, была достаточно условной величиной. «Критерии членства были настолько размытыми, что принадлежность к эсерам практически ни к чему не обязывала» (Булдаков В. И. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В. А. Козлов. — М., 1991. — С. 19).

⁹⁰ Королёв В. И. Таврическая губерния в революциях 1917 года. (Политические партии и власть). — С. 7, 9 и др.

⁹¹ Баранченко В. Е. Гавен. — С. 71; Крестьянников В. В. Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе. — С. 302.

⁹² Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 54.

⁹³ Попов Иван Петрович (?). Крестьянин Бердянского уезда. За участие в революционных событиях 1905–1907 годов был выслан в Архангельскую губернию, эмигрировал. По возвращении был мобилизован. В 1917 году — председатель Таврической губернской земской управы, товарищ председателя Таврического губернского совета крестьянских депутатов. В мае представлял Таврический губернский комитет на III Всероссийском съезде ПСР в Москве. Депутат Всероссийского Учредительного собрания (Королёв В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 83–84; и др.).

⁹⁴ **Баккал Илья Юрьевич (Иудович)** (1893–?). Родился в Севастополе. Караим. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Член ПСР с 1917 (по другим данным — 1913-го) года. В 1917 году председатель Севастопольского совета. Делегат II съезда Советов. Член ВЦИК, в котором возглавил левозерсовскую фракцию. В 1920 году — член Центрального бюро партии левых эсеров. В сентябре 1922 года арестован, выслан за границу за «антисоветскую деятельность». Работал в издательстве «Скифы» (Берлин). Вновь арестован в 1949 году, в советском секторе Берлина, будучи директором немецкого театра комической оперы. В апреле 1950 года Особым совещанием при МГБ СССР приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в октябре 1957 года, рассмотрев протест заместителя генерального прокурора СССР, вынесла определение, согласно которому «проживая с 1923 г. в Германии Баккал никакой связи с эсерами не имел и антисоветской работы не проводил...». За прошлую эсеровскую деятельность он был осуждён в 1922 г. и вторичное осуждение в 1950 году по этим же мотивом является нарушением ст. 3 УПК РСФСР» (Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов / Составитель А. Л. Литвин. — Казань, 1996. — С. 388). Постановление по делу Баккала от 1950-го года было отменено за отсутствием состава преступления (Там же. — С. 384–388 (Центральный архив ФСБ. — Д. Н-1559. — Л. 33, 27, 29, 45, 41; Д. Р-10554. — Л. 203–204)).

⁹⁵ *Коралёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 67.

⁹⁶ Подробнее о крымских повременных изданиях периода Гражданской войны см.: *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Периодические издания Крыма (март 1917 — ноябрь 1920) // Клио. Журнал для учёных (СПб). — 2000. — № 1(10). — С. 54–64; *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Периодические издания Крыма (март 1917 — ноябрь 1920 г.) // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 267–288.

⁹⁷ **Елпатьевский Сергей Яковлевич** (1854–1933). Родился в с. Новосёлка-Кудрино Владимирской губернии. Из семьи священника. Обучался в духовной семинарии, но оставил её, поступив на медицинский факультет Московского университета. Здесь влился в народническое движение. По окончании университета работал земским врачом в Скопинском уезде Рязанской губернии, где создал больницу для крестьян. В начале 1880-х годов за принадлежность к «Народной Воле» дважды (1880, 1884) ссылался, первый раз — в Уфу (затем работал в г. Благовещенске Уфимской губернии в амбулатории чугунолитейного и медеплавильного завода, был одним из организаторов съезда врачей Уфимской губернии (1883)), второй — на три года в Восточную Сибирь с запретом проживать в городах, где имелись средние учебные заведения. После ссылки жил и работал в Нижнем Новгороде, где свёл знакомство с В. М. Гаршиным, В. Г. Короленко, А. М. Горьким. С 1897 года — в Москве. Был одним из руководителей народнического журнала «Русское Богатство», сотрудничал в газете «Русские Ведомости». С 1897-го по 1922 год по состоянию здоровья проживал в Ялте. Поддерживал отношения со многими выдающимися современниками, лечил Л. Н. Толстого и А. П. Чехова; один из организаторов санатория «Яузлар» для малоимущих туберкулёзников, где развернул буквально фантастическую врачебно-организаторскую деятельность. Личный недруг главноталовствующего Ялты и уезда генерала И. А. Думбадзе: «Пусть Елпатьевский не думает приезжать сюда, мы его выдворим отсюда живого или мёртвого» (*Навроцкий В. В.* Малоизвестный Елпатьевский (С. Я. Елпатьевский, А. П. Чехов, баронесса Врангель, В. И. Ленин, сёстры Цветаевы и... М. А. Булгаков) // Крымский музей. 1995–1996 (Симферополь). — 1996. — С. 67).

Выселенный, после разгрома полицией своего дома, из Ялты, вынужден был скитаться по Крыму (Балаклава, Севастополь, Симферополь, Феодосия, Коктебель, Отузы (ныне с. Щebetовка). «По этому поводу «Врачебная Газета» № 37 за 1908 год писала: «При единодушном действии администрации Елпатьевскому скоро придётся подумывать о воздушном шаре»» (Цит. по: *Печаткина Г. А.* Автор «Крымских очерков» // *Лики Тавриды. Очерки, воспоминания, эссе.* — Симферополь, 2003. — С. 108). В 1906 году один из организаторов Трудовой народно-социалистической партии (энесы). Тогда же за публикацию статьи «Земля и свобода» был на год заключён в Петропавловскую крепость. После революции 1905–1907 годов — «ликвидатор». В годы Первой мировой войны выступил на страницах печати в защиту крымских немцев от притеснений (Немцы в Крыму // *Южные Ведомости.* — 1914. — 6, 7, 8 ноября. (*Лантес Ю. Н.* К вопросу о положении немцев Крыма в годы первой мировой войны // *Бахчисарайский историко-археологический сборник.* — Симферополь, 1997. — Выпуск I. — С. 431–432). В. И. Ленин посвятил статье Елпатьевского «Жизнь идёт» (в январском 1914 года номере «Русского Богатства») работу «Радикальный буржуа о русских рабочих» (Полн. собр. соч. — М., 1973. — Т. 25. — С. 9–13). Ленинские характеристики личности Елпатьевского: «радикальный буржуа или буржуазный демократ», «внимательный наблюдатель русской обывательской жизни, настроениям которой он «чутко поддается», «один из самых передовых русских ликвидаторов» (Там же. — С. 9). Своё кредо Елпатьевский изложил в статье «Как это случилось?» (сборник «Отчизна», 1919): «...Перед развёртывавшейся революцией Россия встала с малой гражданственностью, без планомерной государственной мысли... с великой неправдой русской жизни... с произволом и насилием»; «Главная причина случившегося лежит не в кадетях, не в социалистических партиях и даже не в большевиках, верящих, что настало время социального переустройства всего мира, а в «народной психологии», ибо «нигде в Западной Европе, ни где заглобированные люди без чувства родины, без национальной чести не принимались бы народом как вожди» (Цит. по: *Навроцкий В. В.* Указ. соч. — С. 69). В последние годы жизни — врач-консультант в Кремлёвской поликлинике, личный врач В. И. Ленина. Политические разногласия не мешали Елпатьевскому выполнять свой долг врача. Младший современник вспоминал о разговоре с «кремлёвским лекарем»: «Но ведь, я доктор, лекарь, и наше разногласие не мешает мне следить за здоровьем Ильича... политика и медицина не совпадают: политика часто требует угнетения и даже смерти. Медицина, напротив, требует хорошего здоровья даже для проговорённого к казни преступника» (*Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. — М., 1991. — Т. 2. — С. 275) (*Елпатьевский С. Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. — Уфа, 1984. — С. 5–20; *Ленин В. И.* Указатель имён // Полн. собр. соч. — М., 1972. — Т. 14. — С. 9–13, 525; *Ленин В. И.* Указатель имён // Полн. собр. соч. — М., 1973. — Т. 25. — С. 586; *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. — Т. 2. — С. 273–275; *Навроцкий В. В.* Малоизвестный Елпатьевский (С. Я. Елпатьевский, А. П. Чехов, баронесса Врангель, В. И. Ленин, сёстры Цветаевы и... М. А. Булгаков). — С. 63–69; *Навроцкий В. В.* С. Я. Елпатьевский: известный и неизвестный. Вместо послесловия // С. Я. Елпатьевский. Крымские очерки. Год 1913-й. (Библиотека альманаха «Крымский альбом». Выпуск четвёртый). — Феодосия, 1998. — С. 116–135; *Печаткина Г. А.* Автор «Крымских очерков». — С. 103–116).

⁹⁸ **Тренёв Константин Андреевич** (1876–1945) Родился на хуторе Ромашово (с. Бакпеевка) (ныне Волчанского района Харьковской области). В 1903 году окончил Петербургский археологический институт и Духовную академию, в 1921-м —

агрономический факультет Таврического университета. Печатался с 1898 года. В 1909 году вынужден покинуть Волчанск, поскольку жандармы раскрыли революционный кружок семинаристов, с которыми Тренёв сблизился, будучи преподавателем, в семинарии, и прибыл в Симферополь, где преподавал русский язык, литературу, педагогику, начальный курс философии в женской гимназии В. А. Станишевской, женской гимназии Е. И. Оливер, затем в мужской гимназии М. А. Волошенко. В симферопольской печати публиковались его статьи по вопросам образования. Газета «Южные Ведомости» в 1910–1914 годах печатает фельетоны К. А. Тренёва. В Симферополе он закончил пьесу «Отчего порвались струны», опубликованную в Москве в 1910 году, но прошедшую незамеченной. В годы Гражданской войны публиковался в симферопольских газетах: «Крест и Лира» (1918), «Vivat Academia!» (1919), «Южные Ведомости», журнале «Крымский Кооператор» (1920). В период Крымской ССР (1919) руководит школьным отделом наркомпроса. При белых участвует на процессах в защиту коммунистов. Первым крупным его произведением, в котором угадывается крымская действительность, стала повесть «Владыка» (1912). На местном материале написана и пьеса о событиях Гражданской войны «Любовь Яровая» (1926), получившая широкую известность в СССР. Автор трагедии «Пугачёвщина» (1924). В 1932 году Тренёв переехал в Москву. Сыграл крайне неблагоприятную роль в судьбе поэтессы М. И. Цветаевой. Когда в период Великой Отечественной войны та обратилась с просьбой направить её после эвакуации из Москвы не в Елабугу, а в находившийся поблизости Чистополь, где находилась группа поэтов и писателей, Тренёв цинично заявил: «Муж — белогвардеец, сама — белоэмигрантка, а Чистополь и без того переполнен...». Это могло стать последней каплей, подтолкнувшей измученную поэтессу к самоубийству 31 августа 1941 года. Проживая обласканный властью до самой смерти в Москве, Тренёв связей с Крымом не порывал. В 1938–1941 годах он подолгу жил и работал в Ялте — в Доме Литфонда и СССР и в своём доме, построенном по проекту и под наблюдением его сына В. К. Тренёва, архитектора и писателя. В этом же доме в 1945–1951 годах жил зять К. А. Тренёва — писатель П. А. Павленко, идеализировавший советскую действительность и воспевавший И. В. Сталина. 15 ноября 1958 года в здании открыт литературно-мемориальный музей, закрытый в 1989 году, фонды вывезены в 1992-м в Ялтинский историко-литературный музей. В 1960 году в Симферополе установлен памятник К. А. Тренёву (сквер им. К. А. Тренёва), одна из улиц города с 1955 года носит его имя (*Вуль Р. М.* Автор «Любови Яровой» // *Дегтярёв П. А.*, *Вуль Р. М.* У литературной карты Крыма. Литературно-краеведческие очерки. — Симферополь, 1965. — С. 236–243; *Ткачёва О. В.* История дома-музея К. А. Тренёва и П. А. Павленко и перспективы его существования // VII Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары. Сборник научных трудов. — Симферополь, 2004. — С. 70–76; *Киселёва Н. И.* снова суд // Крымское время (Симферополь). — 2005. — 12 апреля; *Поляков В. Е.* Улицами Симферополя. — Симферополь, 2005. — С. 217, 303; и др.).

⁹⁹ *Королев В. И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года. (Политические партии и власть). — С. 14; *Королев В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. — Симферополь, 1993. — С. 25–26.

¹⁰⁰ **Дерман Абрам Борисович** (1880–1952(1953?). Родился в с. Лисичанск Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (ныне г. Лисичанск Луганской облас-

ти), в семье торговца. Учился в горном училище, работал пштейгером (горным мастером) на донецких угольных шахтах. В 1904–1905 годах лечился от туберкулёза в Швейцарии, слушал в Париже лекции историка и социолога М. М. Ковалевско-го. По возвращении жил в Полтаве, сотрудничал в местной газете. В 1914 году поступил в Московский коммерческий институт, в 1916-м — закончил экстерном юридический факультет Московского университета. Писательская карьера Дермана началась публикацией одобренного и отредактированного В. Г. Короленко рассказа «Станный вопрос» в журнале «Русское Богатство» (1903). До революции, помимо рассказов, опубликовал роман «Комета Галлея» и множество литературно-критических статей о творчестве современных ему русских писателей. Был близок к И. А. Бунину, упоминается в его «Окаянных днях». В годы Гражданской войны жил в Симферополе / Балаклаве. Член Совета народных представителей от городских дум (1917–1918), секретарь редакции журнала «Крымский Кооператор» (1919–1920). Подвергался преследованиям при П. Н. Врангеле. 1921–1922 годы провёл в Полтаве, в семье Короленко, готовя к изданию собрание его сочинений, затем окончательно обосновался в Москве. В 1941-м году вышел роман Дермана «Дело об игумене Парфении», основанный на крымском материале. Основные работы Дермана посвящены творчеству В. Г. Короленко, А. П. Чехова, М. С. Щепкина (*Астиз* М. Балаклавский альбом. — М., 2000. — С. 26–30; *Астиз* М. Е. Воспоминания уроженки Балаклавы // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2002. — Вып. № 4. — С. 229–230).

¹⁰¹ **Бианки Виктор Иванович** (1879–1921). Родился в Феодосии. Брат П. И. Бианки. Окончил математический факультет Киевского университета. Помощник присяжного поверенного, с 1915 года — присяжный поверенный. Редактор газеты «Народная Воля», меньшевик. Участник революции 1905–1907 годов, высылался. В 1917 году: комиссар Феодосии, председатель Феодосийского совета, Феодосийский городской голова (декабрь 1917-го, май-июль 1918 года), руководитель феодосийского комитета РСДРП, редактор «Народной Газеты» (Феодосия). Член Совета народных представителей от городских дум (1917–1918). Придерживался резко антибольшевистских позиций. Арестован, скончался в тюрьме от голода (Карто-тека ГААРК; *Купченко В. П.* Кто был кто в Феодосии и Феодосийском уезде, включая гостей полуострова. 1783 — 1-я треть XX в. Опыт биографического справочника. (Рукопись); *А. З. (Зарубин А. Г.)* Бианки Виктор Иванович // Греки в истории Крыма. — С. 131; и др.).

¹⁰² **Могилевский Владимир Андреевич** (1879–?). Уроженец Бердянского уезда Таврической губернии. Член РСДРП. По образованию агроном. До Февральской революции находился в эмиграции (Швейцария). Вернулся в Россию в июле 1917 года. В августе избран Керченским городским головой, а также членом Крымского союза РСДРП. Председатель губернского комитета РСДРП. Севастопольский городской голова (1918). С мая 1919 года член Севастопольского совета и член Коллегии для управления отделом торговли и промышленности Совета народного хозяйства города. В сентябре 1919 года арестован денкинской контрразведкой за сотрудничество с органами советской власти, осуждён. В 1920 году выехал за границу. Эмигрант. Работал секретарём газеты «Последние Новости» в Париже (*Коропёв В. И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года. (Политические партии и власть); Именной указатель // Крымский архив. — 2000. — № 6. — С. 401; *Алтабаева Е. Б.* Указ. соч. — С. 239; и др.).

¹⁰³ **Галлоп Абрам Григорьевич** (?). Член РСДРП с 1902 года. Меньшевик. Проживал в Германии; с 1904 года вёл партийную работу в России. Участник июньского, 1905 года, восстания в Одессе. Арестован и сослан в Вологодскую губернию. Отбыв ссылку, вошёл в Петербургский городской комитет РСДРП. С 1912 года лечил туберкулёз в Симферополе, где создал профсоюз банковских служащих. Оборонец. С 1915 года — в Московском военно-промышленном комитете, председатель Всероссийского союза рабочих и служащих. В дни Февральской революции член Московского совета. В том же, 1917-м, году переехал в Крым, где избирается товарищем головы Симферопольской думы. Кандидат в члены Учредительного собрания по списку РСДРП(об). Член Совета народных представителей от городских дум (1917–1918). В 1920 году после падения правительства П. Н. Врангеля — уполномоченный Наркомвнешторга по Крыму (*Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 80; *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волопина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 550; и др.).

¹⁰⁴ **Борисов Николай Александрович** (?). В революционном движении с 1905 года, будучи учащимся Воронежской гимназии. Студентом Московского университета продолжал революционную деятельность (1911–1912), был близок к большевикам. В годы Первой мировой войны служил в армии, где и встретил Февральскую революцию. Избирался товарищем председателя Ревельского совета, членом исполкома Петроградского совета. В 1917 году товарищ (исполняющий обязанности) комиссара Черноморского флота, сторонник объединённой РСДРП. Кандидат в члены Учредительного собрания по списку РСДРП(об). Член Совета народных представителей от городских дум (1917–1918) (*Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 78; и др.).

¹⁰⁵ Ещё 26 сентября 1905 года Н. К. Крупская писала в Красноярский комитет РСДРП: «Прочные связи у меньшевиков, главным образом, в еврейской ремесленной среде (Одесса, Крым, Киев, Зап. Край)...». (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 563. — Л. 1 об.).

¹⁰⁶ *Королёв В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. — С. 28.

¹⁰⁷ *Баранченко В. Е.* Гавен. — С. 71.

¹⁰⁸ Южные Ведомости. — 1917. — 29 сентября.

¹⁰⁹ *Королёв В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. — С. 29.

¹¹⁰ **Сапронов Савелий Гаврилович** (1889–1952). Родился в крестьянской семье в Орловской губернии, батрачил, работал на заводах и шахтах Донбасса. В 1905 году призван на Балтийский флот. За революционную деятельность выслан из Петербурга. Работал на Ленских приисках и в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск). В период Первой мировой войны призван на Черноморский флот, принимал участие в боевых действиях на эсминце «Капитан Сакен». Член РСДРП(б) с 1917 года. Один из организаторов и первый председатель (апрель 1917-го) большевистской организации в Севастополе, член Севастопольского совета, председатель судового комитета эскадренного миноносца, с 16 декабря 1917 года член Военно-революционного комитета. В начале 1918-го командовал отрядами красногвардейцев в Крыму и на Дону. В 1919–1922 годах на партийной работе в Красной Армии и Черноморском флоте. С 1922-го по 1942 год на советской и хозяйствен-

ной работе. Скончался в Москве (*Крестьянников В. В.* Сапронов Савелий Гаврилович // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 442.).

¹¹¹ **Назукин Иван Андреевич** (1892–1920). Уроженец с. Титково Соликамского уезда Пермской области. С юных лет работал кузнецом на казённом заводе в Перми. В 1913 году призван на Балтийский флот. В годы Первой мировой войны служил на Черноморском флоте. Окончил школу рулевых подводного плавания, служил помощником штурмана подлодки. В марте 1917 года создал в Феодосии группу РСДРП (количеством 6–7 человек). В мае того же года вступил в РСДРП(б). Член Севастопольского (культурно-просветительная секция) и председатель Балаклавского совета (декабрь 1917-го — апрель 1918 года), получил известность коммунистическими экспериментами. «Любимец братвы и буйной галёрки» (Воспоминания Суслова. 15 февраля 1930 года // ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 573. — Л. 11). В 1918 году арестован германскими военными, отпущен на поруки. На Украине председатель волостного комитета партии, затем в Москве, откуда направлен на Урал для выздоровления и работы председателем Усольского уездного исполкома. Делегат V съезда советов, вошёл в состав ВЦИКа. В конце 1918-го направлен на подпольную работу в Севастополь. При КССР председатель Балаклавского РВК, нарком просвещения. После падения КССР через Никополь перебирается в Киев, однако возвращается в Крым. В ноябре 1919 года — секретарь союза металлистов Феодосии. Участвовал в разработке плана вооружённого восстания. Арестован и расстрелян белыми. «Последние его слова перед расстрелом... были: «Не дрейфь, братва, Вас остаются ещё тысячи, и вы dokonчите начатое нами дело» (Там же. — Л. 13). Именем Назукина названы улица в Феодосии и набережная в Балаклаве (*Удальцов О. А.* Иван Назукин. — М., 1953; *Когоношичи К. К.* Краткий словарь истории Крыма. — Симферополь, 1995. — С. 192–193; *Негодова Е. М.* // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 338–339; и др.).

¹¹² **Калич Андрей Иосифович** (1892–1946). Родился в Херсонской губернии в крестьянской семье. Работал на Николаевском судостроительном заводе. В годы Первой мировой войны служил в электротехнической роте Севастопольской крепостной артиллерии. В РСДРП(б) с 1917 года, член Севастопольского городского комитета партии, председатель большевистской фракции в Севастопольском совете. Делегат II Всероссийского съезда советов, участник захвата Зимнего дворца. В годы Гражданской войны воевал в партизанских отрядах на Украине. После окончания военных действий сотрудник народного комиссариата юстиции Украины, генеральной прокуратуры. Умер и похоронен в Киеве (*Крестьянников В. В.* Калич Андрей Иосифович // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 130).

¹¹³ **Ржанников Иван Калистратович** (1857–?). Член РСДРП с 1903 года. Рабочий Путиловского завода. В 1914 году переведён в оптико-механическую мастерскую Севастопольского военного порта. Один из создателей в 1917 году большевистской организации в Севастополе, член городского комитета РСДРП(б) (*Алтабаева Е. Б.* Указ. соч. — С. 49).

¹¹⁴ *Гавен Ю.* Возникновение Крымской организации РСДРП(б) // Революция в Крыму. — Симферополь, 1923. — № 2. — С. 8; и др.

¹¹⁵ Цит. по: *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе. — С. 303.

¹¹⁶ Письмо Симферопольской инициативной группы большевиков в ЦК РСДРП(б). 6 августа 1917 года // Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. I. — С. 39.

¹¹⁷ **Гавен (Дауман) Юрий Петрович (Ян Эрнестович)** (1884–1936). Родился в окрестностях Риги, в крестьянской семье. Окончил церковноприходское училище. Поступил в Прибалтийскую учительскую семинарию, из которой в 1902 году был исключён за революционную деятельность. Учитель. Социал-демократ (член Латышской СДРП) с 1902 года. Профессиональный революционер. Активный участник революции 1905–1907 годов (отряды «лесных братьев»). На I (1906) и II (1907) съездах Социал-демократии Латышского края избирался членом ЦК. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП (1907) (под псевдонимом Доннер), где практически по всем вопросам голосовал вместе с большевиками. В 1907 году арестован, с 1909-го — на каторге в Вологодской губернии, с 1914-го — на поселении в Енисейском уезде. Освобождён Февральской революцией. В марте 1917 года избран председателем Минского совета. В сентябре — делегат Всероссийского Демократического совещания. С начала октября 1917-го — в Крыму (направлен ЦК РСДРП(б)). «...Предательская деятельность в Крыму с 1917 по 1924 год»; Антибрестовская оппозиция, опека царской семьи, игнорирование национального вопроса, а затем — блок с националистами, троцкизм; «Пользуясь своими полномочиями, вместе с Островской в 1917 г. в Севастополе проводил линию на мирное взятие власти, через *соглашение* с эсерами и меньшевиками»; «Во всей своей работе проводил последовательно линию на соглашение и сотрудничество с меньшевиками и эсерами и другими мелкобуржуазными партиями» (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 112. — Л. 99–100; член Крымского обкома ВКП(б) П. Н. Надинский, ноябрь 1936 года). Биограф В. Е. Баранченко отмечает «чуткость и тактичность Гавена» в отношениях с левыми социалистами не-большевиками: меньшевиками-интернационалистами и максималистами (*Баранченко В. Е. Гавен.* — С. 85). Член бюро Таврического губкома РСДРП(б), председатель Севастопольского ревкома (конец 1917-го — начало 1918 года), председатель Крымского ВРК (январь 1918 года), заместитель председателя Таврического ЦИК советов (весна 1918-го), нарком по военнo-морским делам Республики Тавриды и др. После её падения — в революционном штабе Кубано-Черноморской республики, затем в Москве. Один из организаторов крымского подполья. В период КССР председатель Областкома КП(б)У, нарком внутренних дел, председатель Совета обороны. Затем — снова в Москве. В 1920–1921 годах член Крымревкома, в 1921–1923 годах — председатель КрымЦИКа, в начале 1920-х — председатель комиссии по борьбе с бандитизмом, Крымской центральной республиканской комиссии помощи голодающим — КрымЦК-помгол. Отозван из Крыма в 1924 году как сочувствующий троцкистской оппозиции. Серьёзно болел, постоянно лечился. До 1933 года — периодами на госслужбе, хозяйственной работе, затем — на пенсии. Автор мемуаров и исторических трудов. Арестован и расстрелян по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности и терроризме. Именем Гавена названы улица и переулок в Симферополе и улица в Севастополе (*Баранченко В. Е. Указ. соч.*; ГААРК. — Ф. Р-633. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 1; *Баранченко В. Е. Юрий Петрович Гавен.* — Симферополь, 1972; *Королёв В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность.* — С. 79. (Нёсть неточности); и др.).

¹¹⁸ **Пожаров Николай Арсеньевич** (1895–1925). Родился в с. Золотковое (д. Золотковская?) Марьинской волости Мологского уезда Ярославской губернии, в крестьянской семье. В 1915 году призван на военную службу. Матрос Балтийского флота. Член РСДРП(б) с 1916 года. Был арестован за антивоенную пропаганду, сидел в

торьме. Освобождён Февральской революцией. Член исполкома Кронштадтского совета и Центробалта (1917). Участвовал в ликвидации корниловского движения. В сентябре 1917 года ЦК РСДРП(б) направлен в Севастополь. Избран секретарём Севастопольского комитета РСДРП(б). Председатель исполкома Севастопольского совета, член Военно-революционного комитета и комиссар по охране крепости и города. Член Таврического ЦИК, Военно-морского комиссариата Республики Тавриды, Южного комитета защиты социалистической революции («Совета пяти»). После падения Республики Тавриды перебирается в Москву. Направлен в Ярославль. Председатель губернской ЧК, Ярославского совета, участник подавления эсеровского мятежа (1918). Делегат VI Всероссийского съезда советов. С декабря 1918 года в Красной Армии. Комиссар оперативного управления штаба Северного, затем — Западного фронта. Председатель Ревтрибунала 16-й армии Западного фронта, начальник морского отдела регистрационного управления полевого штаба Реввоенсовета республики (1919). В качестве политинструктора и агитатора Крымревкома (Мелитополь) ведёт пропагандистскую работу в войсках и среди населения Северной Таврии (1920). С июня 1920-го по май 1921 года — исполняющий обязанности председателя Ревтрибунала 6-й армии. После демобилизации в 1922 году служил в органах ЧК (ГПУ) Москвы и Петрограда, затем — на партийной работе. Скончался от туберкулёза. Похоронен на Александро-Невском кладбище. Именем Пожарова названа улица в Севастополе (*Баранченко В. Е. Гавен. — С. 154; Максименко М. М., Попов А. Г. Микола Арсенійович Пожаров. — Симферополь, 1974; Сёмин Г. И., Никитина А. С. Посланцы Ленина. Очерки. — Симферополь, 1977. — С. 93–109; Негодова Е. М. Пожаров Николай Арсеньевич // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 93–109; и др.*).

¹¹⁹ **Тарвацкий Ян Юлианович** (1879–1918). Родился в рабочей семье, в Варшаве. Слесарь-инструментальщик. Социал-демократ с 1898 года. Неоднократно подвергался репрессиям. После 1907 года примыкал к большевикам. С 1915-го по март 1917 года — в сибирской ссылке. По болезни направлен в Крым. Председатель Таврического губернского комитета РСДРП(б) (по март 1918 года), председатель Симферопольского совета, член ЦИК Республики Тавриды (весна 1918-го). Расстрелян татарскими эскадронцами в числе других руководителей республики. Именем Тарвацкого названа одна из улиц Симферополя (*Баранченко В. Е. Ян Тарвацкий // Вопросы истории (Москва). — 1988. — № 12. — С. 99–105; и др.*).

¹²⁰ **Новосельский Станислав Петрович** (1879–1918). По профессии — столяр, один из зачинателей польского социал-демократического движения. Член Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы с 1905 года. До октября 1917-го политэмигрант. В ноябре по решению ВЦИК направлен в Крым. Работал в профсоюзах, парторганах, член ЦИК Республики Тавриды, комиссар внутренних дел. Расстрелян эскадронцами (ГААРК. — П. Справка № 9Б-185 — 2 апреля 1976 года; и др.).

¹²¹ «К 23 ноября в губернии было не меньше 1871 члена партии» (*Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б)-РКП(б) в 1917–1918 годах (хроника событий). [Октябрь 1917 — октябрь 1918]. — М., 1974. — С. 521.*).

¹²² *Гавен Ю.* Из истории пролетарской печати в Крыму // Красный Крым. — 1924. — 6 мая.

¹²³ **Кобылянский (Гольдберг) Владислав Александрович** (1876–1919). Начал политическую деятельность как член Польской социалистической партии. Пос-

ле февраля 1917 года проживал в Крыму. Большевик. Комиссар просвещения в Ялте. После разногласий с большинством партийной организации покинул редакцию «Таврической Правды». Редактор газеты «Ялтинская Коммуна» (Известия ВЦИК (Москва). — 1919. — 26 марта; ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 66. — Л. 105–106; *Гурьянова Н. М., Гурьянов Н. А.* Памятники Ялты: Справочник. — Симферополь, 1982. — С. 15; *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Периодические издания Крыма (март 1917 — ноябрь 1920 г.) // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 282–283, 286).

¹²⁴ *Гавен Ю.* Из истории пролетарской печати в Крыму.

¹²⁵ **Мокроусов (Савин) Алексей Васильевич (Фома Матвеевич)** (1887–1959). Родился в с. Поньры Курской губернии, в крестьянской семье. Батрак, черноработчий. В 17 лет отправился на заработки в Донбасс. Вспоминал: «Был я тогда тёмный и глухой. Верил в доброго царя и поповские сказки. Пил горькую и любил драться с кем ни попадя, чем заслужил в Макеевке славу первого кулачного бойца и хулигана». Как командир боевой дружины шахтёров Донбасса участвовал в революционных событиях 1905 года. В 1908 году был призван на военную службу. Матрос Балтийского флота. В 1912 году арестован за революционную пропаганду, бежал из-под следствия. География его зарубежных скитаний: Швеция, Дания, Англия, Австралия, Аргентина, Чили, Япония, Китай. С августа 1917-го матрос Черноморского флота. Анархо-синдикалист. Участник октябрьских событий в Петрограде. Делегат II Всероссийского съезда советов. В конце 1917 года формирует Первый черноморский революционный отряд. Активный участник Гражданской войны на территории Крыма и Юга (Дон и др.) страны, командующий 58-й дивизией, организатор «красно-зелёного» движения (Крымская повстанческая армия). Создал в 1921 году первую сельхозкоммуну в Крыму (с. Кара-Кият, ныне п. Битумное Симферопольского горсовета). В числе группы единомышленников обращался в Крымревком (ноябрь 1920 года) с просьбой о легализации анархо-синдикалистов, но получил отказ. Член ВКП(б) с 1928 года заведовал Крымским заповедником. Участник испанской войны 1936–1939 годов, советник командующего Арагонским фронтом. Великую Отечественную войну начал рядовым 3-й Крымской дивизии. В 1941–1942 годах возглавлял крымский штаб партизанского движения. В результате внутренних конфликтов был отозван из Крыма. С августа 1943 года в распоряжении командующего Северо-Кавказского фронта, участвовал в Керченской операции. Заканчивает войну в Восточной Европе в звании полковника и в должности замкомандира 32-го стрелкового полка. С 1948 года — директор Крымской ТЭЦ. Организатор экскурсионной работы на полуострове. Имел ряд правительственных наград. Автор воспоминаний «В горах Крыма. Записки о краснопартизанском движении в врангелевском тылу» (Симферополь, 1940). Похоронен на воинском кладбище в Симферополе. Именем Мокроусова названы улицы в Симферополе и Севастополе (*Любчиков М., Болгари П.* Моряки-черноморцы в борьбе за Советскую власть на юге страны (1917–1920 гг.) // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. — Симферополь, 1957. — С. 119; *Баранченко В. Е.* Гавен. — С. 152–153; *П'ятков Г. І.* Олексій Васильович Мокроусов. — Симферополь, 1971; *Широков В. А., Широков О. В.* Симферополь: Улицы рассказывают. — Симферополь, 1983. — С. 117–118; Великий Октябрь и гражданская война на Украине. Энциклопедический словарь. — К., 1987. — С. 344; *Поляков В.* Мокроусов: правда и вымысел // Республика Крым (Симферополь). — 1997. — 18 июля; и др.).

¹²⁶ Цит. по: *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе. — С. 311.

¹²⁷ **Пасманик Даниил Самойлович (Даниэль Бен-Самуэли)** (1869–1930). Родился в г. Гадач Полтавской губернии. Сын меламеда (учителя в хедере — еврейской начальной школе). С конца 1880-х годов в эмиграции, приват-доцент Женевского университета. В 1892 году, в Берне, получил диплом врача, семь лет проработал в Болгарии, публиковал работы, посвящённые медицинским проблемам. С 1906 года в Петербурге, занимался научно-публицистической деятельностью, затем — снова в Женеве. Литератор, издатель, член ЦК Всероссийского сионистского союза, член кадетской партии (с марта 1917 года). Основатель и активный сотрудник журнала ВСО «Еврейская Жизнь» (новое название: «Рассвет»). С августа 1914 года на фронте (в связи с началом войны не без трудностей добрался из Женевы в Россию, куда его звал ясно осознаваемый патриотический долг), служил в полевых госпиталях. В феврале 1917 года его, серьёзно больного, отправляют на лечение в Ялту. После курса лечения — врач при Ялтинском санатории земского союза. Своё пребывание на полуострове Пасманик отразил в мемуарах «Революционные годы в Крыму» (Париж, 1926). С конца июня 1917-го — редактор партийной газеты «Ялтинский Голос», с конца октября — органа губернской организации КД «Таврический Голос». Кандидат в депутаты Учредительного собрания по списку КД. С января 1918 года скрывается в глухой татарской деревушке. Организаторы массовых убийств начала года числят его среди первостепенных противников. После падения Республики Тавриды Пасманик возобновляет свою журналистскую и редакторскую деятельность. В июне 1918 года участвует в работе кадетского съезда в Киеве. Бескомпромиссный противник любого национализма, сторонник единой демократической России, где «все народы получат возможность свободно развивать своё национальное творчество, в которой всякий сможет верить согласно *своей* совести, говорить и мыслить на *своём* языке, жить согласно *своему* национальному укладу». Такая новая Россия нужна «не только русскому народу, не только всем народностям, населяющим её, но и человечеству...» (Единая Россия // Ялтинский Голос. — 1918. — 17 ноября). Активист Белого движения. Занимался вербовкой офицеров в Добровольческую армию и всецело её поддерживал. С 3 апреля 1919 года — эмигрант. Обосновался в Париже, где стал одним из учредителей Союза русских писателей и журналистов. Был избран почётным членом Общества русских врачей им. Мечникова. Принимал деятельное участие в редактировании газеты В.Л. Бурцева «Общее Дело», где почти в каждом номере в рубрике «Из редакционного блокнота» появляются его статьи; редактор журнала «Дневник Контрреволюционера» (вышло два номера). Автор многих книг и статей. Выпустил на русском языке книги: «Странствующий Израиль. Психология еврейства в рассеянии» (1910), «Судьбы еврейского народа. Проблемы еврейской общественности» (1917), «Русская революция и еврейство» (Большевизм и иудаизм)» (1923), на французском — «Что такое иудаизм?» (1930). Написал разделы в «Еврейском мире» и «Еврейской энциклопедии». В 1923 году совместно с И. М. Бикерманом, Г. А. Ландау, И. О. Левиным, Д. О. Линским, В. С. Менделем Пасманик создаёт «Отечественное объединение русских евреев за границей», опубликовавшее обращение «К евреям всех стран!» и выпустившее сборник «Россия и евреи» (Берлин, 1924), где помещена его статья «Чего же мы добиваемся?». А. И. Солженицын писал об этом издании: «В истории русско-еврейских отношений я не знаю ничего

подобного... сборнику «Россия и евреи». Он оказался разителен в своё время для евреев в эмиграции (и был ими не принят. — *Авт.*)» (*Солженицын А. И.* Двести лет вместе. — М., 2002. — Часть II. Исследования новейшей русской истории. — С. 186). Пасманик писал в своей статье: «*Судьбы русского еврейства неразрывно связаны с судьбой России; надо спасать Россию, если мы хотим спасти еврейство... евреи должны бороться с растлителями великой страны плечо о плечо со всеми антибольшевиками; совместная дружная борьба с общим врагом оздоровит атмосферу и значительно ослабит разлившийся широкой волной антисемитизм; только спасая Россию, можно будет предотвратить еврейскую катастрофу*» (Цит по: Там же.). Подорванное здоровье вынуждает Пасманика переехать в Ниццу. Скончался от туберкулёза в Париже, похоронен на кладбище Пангэн. Из некролога, написанного коллегой Пасманика по «Общему Делу» журналистом А. Яблоновским: «Россию он любил, как мечту, как любит еврей обетованную землю. И безмерное несчастье нашей родины, как тёмным, отравленным вином, наполняло эту светлую душу. Бескорыстный, до невменяемости, до нелепости добрый и честный, как Дон Кихот, Пасманик мог думать, мог говорить и писать только о России и только для России» (Цит. по: *Васильев К. К.* Доктор Даниил Самойлович Пасманик и его воспоминания «Революционные годы в Крыму» // *И. С. Шмелёв* в контексте славянской культуры. VIII Крымские Международные Шмелёвские чтения. Сборник материалов научной конференции. — Алушта, 2000. — С. 199) (*Васильев К. К.* Доктор Даниил Самойлович Пасманик и его воспоминания «Революционные годы в Крыму». — С. 197–202; *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. — Часть II. — С. 173, 180–189; *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 83; и др.).

¹²⁸ **Винберг Владимир Карлович** (1839–1922). Шлиссельбургский дворянин. Из финляндских шведов, мать балтийская немка. Лютеранин. Окончил Петербургский кадетский корпус и Корпус лесничих (впоследствии Лесной институт). Назначен лесничим в Ялту (1861), где после женитьбы на местной помещице вышел в отставку. Мировой судья в Ялте, гласный ялтинского земства, с 1869 года четыре трёхлетних срока — председатель Таврической земской управы. Организатор и первый председатель правления Симферопольского общества взаимного кредита (1873), активно выделявшего средства на благотворительные цели. В 1881 году по ходатайству Винберга для Таврической губернии учреждён «Капитал по устройству быта славянских поселенцев». Материально поддерживал народовольцев, принял на работу в банке С. Л. Перовскую, Н. В. Клеточникова и П. А. Телалова. Привлекался к дознанию по их делу после убийства в 1881 году Александра II. Выступление 24 апреля 1881 года в Таврическом земском собрании с проектом обращения к Александру III по поводу необходимости введения в России конституционного правления привело к аресту и высылке из Крыма под гласный надзор полиции. До 1889 года жил в Юрьеве, затем ему было разрешено поселиться в Санкт-Петербурге, где был избран мировым судьёй. В 1891 году вернулся на полуостров, занимается виноградарством в своём имении «Саяни» в районе Бюок-Ламбата (ныне с. Малый Маяк Алуштинского горсовета), пишет фундаментальное руководство по виноградарству и виноделию. В 1903 году избран председателем Ялтинской земской управы. Прогрессист. Депутат IV Государственной думы. Противник ликвидации немецкого землевладения в Крыму в годы Первой мировой войны. При Правительстве Юга России П. Н. Врангеля занимал должность мирового судьи. В декабре 1920 года был

арестован и приговорён к расстрелу, однако, освобождён по ходатайству ялтинской общественности, в том числе крымских татар. Избран управляющим совхоза, созданного на базе его же имения, где и скончался (*Попова Л. Н.* Старый альбом. К 100-летию преобразования Алушты в город. — Симферополь, 2002. — Часть первая. — С. 125–129; *Коломийцева В.* Общества взаимного кредита // Южная столица (Симферополь). — 2006. — 5 мая; и др.).

¹²⁹ *Королёв В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. — С. 21; *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 64.

¹³⁰ *Кутченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 21.

¹³¹ *П. Б.* Печальное недоразумение // Южные Ведомости. — 1917. — 17 ноября.

¹³² *Зарубин В. Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) // Историческое наследие Крыма (Симферополь). — 2003. — № 1. — С. 56.

¹³³ *Королёв В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. — С. 33.

¹³⁴ *Громов С. Е.* К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Учёные записки Симферопольского государственного университета (Симферополь). — 1998. — № 6 (45). — С. 61.

¹³⁵ **Величко Константин Павлович** (1895(4)–?). Родился в д. Малковка Прилукского уезда Полтавской губернии. Из крестьян. Работал в потребительском обществе. Образование получил «собственным трудом, уже будучи взрослым». С 1916 года в армии. Начинал рядовым, окончил юнкерское пехотное училище. Февральскую революцию встретил в Саратове (прапорщик запасного полка). Избран членом полкового комитета и Саратовского совета солдатских и офицерских депутатов. В конце мая 1917 года — делегат Всеукраинского войскового съезда, где был избран членом Всеукраинского совета военных депутатов и кооптирован в Украинскую Центральную раду как украинский эсер. Присутствовал на Демократическом совещании в Москве. С августа 1917 года — в Севастополе, глава Украинского войскового союза, член городского комитета партии украинских эсеров, глава партийной фракции в Севастопольском совете. Выдвигался кандидатом в члены Учредительного собрания. С конца 1917-го — комиссар Центральной рады при штабе Кавказского фронта. В чине подпоручика воевал в Добровольческой армии. Дальнейшая судьба Величко авторам неизвестна (*Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 78–79; *Крестьянников В. В.* Величко Константин Павлович // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 108).

¹³⁶ *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 72–73.

¹³⁷ Там же. — С. 73–74.

¹³⁸ Авторами по данной проблематике опубликованы, в частности, следующие работы: *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Крымскотатарское национальное движение в 1917 — начале 1918 г. // История и археология Юго-Западного Крыма. Сборник научных трудов Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. — Симферополь, 1993. — С. 202–212; *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Крымскотатарское национальное движение в 1917–1920 гг. // Новый Град. — Симферополь, 1993. — С. 50–59; *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Крымскотатарское националь-

ное движение в 1917–1920 гг. // Крымский контекст (Симферополь). — 1994. — № 2. — С. 64–76; *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Из истории крымско-татарского национального движения летом 1919–1920 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1996. — Вып. V. — С. 235–241; *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Крымскотатарское национальное движение (июнь 1918 — ноябрь 1920) // Проблемы межнациональных отношений в Крыму в XX столетии. (Материалы республиканской научно-практической конференции). — Симферополь, 26 мая 1995 г. — Симферополь, 1996. — Выпуск первый. — С. 20–22; *Зарубин В. Г.* Межнациональные отношения и национальная политика государственных образований в Крыму // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Сборник научных трудов. — Симферополь, 1999. — С. 61–72; *Зарубин В. Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. — 2003. — № 1. — С. 53–83. [Один из сюжетов]); и др.

¹³⁹ *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит. (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма). — Казань, 1992. — С. 75.

¹⁴⁰ *Бочагов А. К. Милли Фирка.* Национальная контрреволюция в Крыму. Очерк. — Симферополь, 1930. — С. 13, 28–29.

¹⁴¹ Цит. по: *Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). — Симферополь, 1996. — Выпуск 3. — С. 2. (Политическая программа татарской демократии // Голос Татар (Симферополь). — 1917. — 22 июля).

¹⁴² См.: *Королёв В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — С. 71.

¹⁴³ **Бо(а)данинский Али Абдирафимович** (1866–1920). Родился в дер. Бо(а)-даны(а) Симферопольского уезда (ныне с. Перово Симферопольского района), в многодетной семье. Из крестьян-ногайцев. Отец — известный народный учитель, один из первых популяризаторов и преподавателей русского языка, составитель первого русско-татарского букваря (1860); работал в разных городах и местностях Крыма. Начальное образование Боданинский получил у отца. В 1878 году поступил на 1-е подготовительное отделение Симферопольской татарской учительской школы, которую закончил в 1885 году. Работал учителем русско-татарского министерского училища в Армянском Базаре, где приобщился к антиправительственной деятельности, конторщиком в редакции газеты «Терджиман», возглавив кружок радикально настроенной татарской молодёжи «Уриет Северлер» («Вольнодумцы»); в конце концов, после поступивших в полицию от старшего поколения доносов и жалоб, был изгнан из Бахчисарая. С 1891 года конторщик в Качинском имении наследников графа А. А. Мордвинова. За пропагандистскую работу среди местного населения уволен. С 1893 года проживает в Симферополе. Служил нисцом в Управлении государственных имуществ Таврической и Екатеринославской губерний, управляющим делами отделения «Лесничество». Активно помогал крестьянам в составлении и подаче жалоб и прошений. Перевёл на крымскотатарский язык «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя, а также несколько брошюр по медицине, подготовил к изданию русско-татарский словарь, приобрёл богатую библиотеку. Участник российской революции 1905–1907 годов. «В 1905 году в Симферополе на

Феодосийском мосту во время октябрьских черносотенных манифестаций бросил в черносотенцев бомбу, которая взорвалась и ранила многих из них», после чего, вместе с соратником С. М. Меметовым, скрылся в толпе (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 157. — Л. 46). В 1906-м году Боданинский сблизился с кругом Ширинского-Медиева. В 1917-м: секретарь Мусисполкома, редактор газеты «Голос Татар»; в 1917–1918 годах — член Курултая, на его левом фланге. Был арестован немецкими оккупантами, освобождён после предъявленного ему требования не вести революционную деятельность; ушёл в подполье. С ноября 1918-го — один из организаторов (совместно с С. М. Меметовым, И. Арабским, С. И. Идрисовым) первой коммунистической ячейки. Далее (1919–1920): управделами Крымской ССР, один из редакторов газеты «Еңги Дуңья» («Новый Мир»), секретарь татарской секции, после падения КССР организовывал в Одессе красные отряды для наступления на Перекоп, при Я. А. Слащёве организовал подпольную типографию, доставлял оружие рабочим симферопольского завода А. А. Анатра; работал в ЧК, ревтрибунале, армейском штабе. В начале июня 1920 года, как боец Коммунистического отряда (в возрасте 57 лет), принимал участие в сражениях под Мелитополем, где был высажен десант слащовского корпуса. В одном из боёв (под хутором Горелое), был зарублен белоказаками (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 148. — Л. 29; Д. 157. — Л. 46–46об., 109–110; Революция в Крыму. — Симферополь, 1928. — № 8. — С. 100–103; *Рамазанов У.* Просветитель, демократ, коммунист // Памяти павших за Советский Крым. 1918–1920. Сборник статей и воспоминаний. [Симферополь], 1940. — С. 179–185; *Черкезова Э.* О славном роде Боданинских // Голос Крыма. — 2003. — 9 мая).

Меметов Селим Мемет (1887–?). Из семьи учителя. Был мелким торговцем фруктами. Окончил 9-летнего татарскую духовную семинарию. Участник российской революции 1905–1907 годов; член РСДРП в 1905–1907 годах, октябре 1917-го — январе 1918 года. В ноябре 1917-го вошёл в общегубернский орган — Совет народных представителей. Один из инициаторов неудавшейся попытки создать в начале 1918 года Крымскотатарскую социалистическую партию трудящихся. Член РКП(б) с ноября 1918-го. При добровольцах в подполье. В правительстве КССР (1919) — нарком иностранных дел. Первая половина 1920-х годов: член Крымревкома; полномочный представитель РСФСР в Турции; член правления, заместитель председателя правления и председатель Крымсоюза; работал во Внешпторге и Крымсельсоюзе. «...Отличается хитростью коммерческой и политической, недостатком политической честности... не очень образован, примитивен. Татары не доверяют ему совершенно» (О происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму. [1922–1923] // «Изыскать пути к парализованию...». Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымскотатарском движении (1920–1923) (публикация и комментарии А. В. Ефимова и Р. Н. Белоглазова) // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2002. — Вып. № 4. — С. 158) (Эта справка была подготовлена сотрудниками ГПУ как «Исторический доклад о происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму»). Заверена подписями (машинопись) председателя Крымского политического управления [С. Ф.] Реденса, начальника СОЧ Кореженко, начальника СО Розенфельда, делопроизводителей. Хранилась в виде машинописного текста в архивах КГБ (СБУ) и была снабжена грифом «Копия с копии (сов. секретно)». Совершенно иное мнение высказывал Ю. П. Гавен, который, несмотря на свою пер-

воначальную чуждость Крыму, стал его патриотом и весьма доброжелательно относился к татарскому населению; «...Тов. Меметов является одним из самых сильных татарских работников. Его знают не только в Крыму, но и в Турции, где он на Съезде турецкой коммунистической партии был избран в центральный комитет» (VI Крымская партконференция, март 1922 года) (ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 115. — С. 213). «...Местная татарская пресса, руководимая лицами, близко стоящими к курултайскому движению и к кружкам панисламистов, усиленно вела пропаганду. Характерной в этом отношении является статья, помещённая в № 29 от 9 сего мая (1920 года. — *Авт.*) издающейся в Симферополе газеты «Крым Мусульманлары» под заголовком «Мусульманский мир», автор которой (он же и редактор газеты) Сент (так в тексте. — *Авт.*) Мемет Меметов проводил мысль о необходимости объединения мусульман, указывая на то, что случившийся в России государственный переворот даёт возможность 35-и миллионам мусульман, живущим в России, выйти на арену политической жизни с своим правительством и войском, рекомендуя приложить все усилия к объединению вокруг Турции для образования великого и сильного ислама» (Обзор мусульманского движения по 1-е октября 1920 года // «Изыскать пути к парализованию...»). Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) — С. 143–144). Во времена борьбы в крымской парторганизации «левых» и «правых» был то на одной, то на другой стороне. На пленуме ОК в апреле 1925 года Меметов выступил с резким заявлением: «Областной Комитет перманентно в своей работе «вёл борьбу» за линию, а на практическую работу обращал очень мало внимания. Где бы ни были собрания, конференции и проч., везде ОК искал какое-то искривление линии, вытаскивал наличие оппозиционных настроений и проч. Надо эту ошибку осознать сейчас и в дальнейшем исправить» (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 112. — Л. 112). С 1928 года подвергается репрессиям. Выслан из Крыма (В ЦКК ВКП(б). Заявление от члена ВКП(б) Османа Дерен-Айерлы // ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 2. — Д. 2663. — Л. 125, 126, 127; и др.).

Идрисов Сулейман Измаилович (1878–?). Родился в д. Мамак (ныне с. Строгоновка) Симферопольского уезда. Из семьи батрака. «Крым знаю, как господь Бог». Закончил Симферопольскую татарскую учительскую школу (1900), по 1906 год преподавал. В революционном движении (агитация среди крестьян) с 1904 года. В 1905-м эсер, в 1906–1907-м — максималист. Привлекался к суду за участие в аграрных беспорядках (сентябрь 1906-го), бежал. С 1906 года — вольнослушатель Петербургского университета, затем — на педагогических курсах П. Ф. Лесгафта («Как раз в это время читал молодой талантливый профессор Е. Тарле о французской революции. Аудитория не вмещала в себя слушателей, входили туда с бою») (ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 2. — Д. 1624. — Л. 12); закончил три курса Петербургского психоневрологического института. С начала Первой мировой войны на фронте, рядовой. За антивоенную пропаганду Идрисову грозил суд, поэтому в апреле 1916 года он дезертировал, скрывался. В 1917-м году член Курултая. Один из инициаторов создания в начале 1918-го Крымскотатарской социалистической партии трудящихся. В правительстве Республики Тавриды — товарищ комиссара по внешним и национальным делам. С октября 1918 года на подпольной работе. Член РКП(б) с октября 1918 года. Наркомзем в Совете народных комиссаров КССР (1919). Бывал в Турции, устанавливая контакты с младотурецким движением. В 1920 году — управделами отдела народов Востока при ЦК

РКП(б), в 1920–1921 годах член Крымревкома, заведующий Крымземотделом. В последующем на хозяйственной работе (управляющий госконзаводом Карасу-базарского района (1924); заведующий госконзаводами Крымской АССР (с 1925 года). Заключение парткомиссии, 1931: «От парт[ийной] жизни оторван. К рабочим проявляет грубость, невнимательность. За грубость к рабочим, отрыв от парт[ийной] жизни и сочувствие Вели Ибраимову Проверочная Комиссия вынесла строгий приговор с предупреждением. Необходимо с работы снять» (ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 2. — Д. 1624. — Л. 15). Исключён из ВКП(б) во время чистки 1934-го года. Репрессирован (ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 2. — Д. 1624; и др.).

¹⁴⁴ Айвазов А. С. История национального движения в Крыму // Восточный Свет (Москва). — 2005. — № 3. — С. 26.

¹⁴⁵ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917 — начале 1918 г. — С. 202.

¹⁴⁶ Бочагов А. К. Указ. соч. — С. 38.

¹⁴⁷ Сеитбекиров Э. Священная борьба крымских татар (к 80-летию I Курултая). IV. Да здравствует федеративная демократическая республика! // Голос Крыма (Симферополь). — 1997. — 21 ноября.

¹⁴⁸ Там же. Данные взяты у М. Ф. Бунегина (Указ. соч. — С. 46). «Основные разногласия между миллифирковцами (о Милли-фирка см. ниже. — Авт.) и наиболее контрреволюционной частью духовенства и буржуазии возникали как раз по вопросу о доходах от вакуфов. Молодое национальное правительство нуждалось в средствах. Вакуфы были единственным серьёзным источником этих средств, по крайней мере, на первое время». Полученная Муисполкомом вакуфная земля не была безвозмездно передана неимущим крестьянам, а сдавалась в аренду. Так у него в руках оказались 800 тыс. рублей (Бочагов А. К. Указ. соч. — С. 93, 38).

¹⁴⁹ Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 4.

¹⁵⁰ Елагин В. Указ. соч. — С. 77.

¹⁵¹ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 46.

¹⁵² По данным В. И. Королёва (Политические партии Украины и Крыма. История и современность). — С. 71.

¹⁵³ «Комитет этот быстро захватил руководство всей жизнью местных татар» (Обзор мусульманского движения по 1-е октября 1920 года // «Изыскать пути к парализованию...». Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923). — С. 14).

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 67. — Л. 116–117. (Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 3–4).

¹⁵⁶ Борьба против многовекового затворничества восточных женщин, включение их в «нормальную», естественную жизнь, в частности, общественную, уравнивание в правах с мужчинами была одной из самых сильных сторон крымскотатарского национального движения, поставив его в этом вопросе в авангарде демократизации Востока. С апреля 1917 года в Крыму формируется структура женских мусульманских комитетов. Курс на эмансипацию женщин (одной из первых крымскотатарских женщин-учительниц, *оджакче*, стала сестра А. С-А. Озенбапты Наджие-ханум) был утверждён I Всероссийским мусульманским съездом, на котором, кстати, присутствовало 25 делегатов от Крыма, в том числе: А. С. Айвазов, М. Кипчакский, И. Н. Лё-

манов, А. С.-А. Озенбашлы, И. Тарпи, С.-Дж.У. Хаттагов, Х. С. Чапчакчи (*Елагин В.* Указ. соч. — С. 79–80; *Сеитбекиров Э.* // Священная борьба крымских татар. (К 80-летию I Курултая). IV. Да здравствует федеративная демократическая республика // Голос Крыма. — 1997. — 21 ноября). 23 апреля был образован Временный исполнительный мусульманский женский комитет под председательством М. Б. Абдураманчиковой (ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 1).

Лёманов Исмаил Номанович (1871–1942). Родился в Симферополе. Закончил Симферопольскую татарскую учительскую школу (1890), работал учителем в русско-татарском министерском училище в д. Таракташ (Дачное Судакского горсовета). Продолжил своё образование за границей (в Константинополе и Каире); впоследствии преподавал русский язык в Бахчисарайском Зинджирлы-медресе; открыл свою новометодную начальную школу для крымскотатарских детей. Секретарь мусульманской фракции I и II Государственных дум. Делегат Курултая. Заведующий мусульманским отделом народного образования губернской управы. В наркомате народного образования (просветительская работа среди татар) Республики Тавриды (1918) и КССР (1919). С 1921 года — преподаватель Крымского университета/педагогического института. В 1934 году переехал в Ленинград, сотрудник отдела рукописей Института востоковедения АН СССР. 18 ноября 1938 года был арестован, освобождён в июне 1939-го. Скончался во время Ленинградской блокады (*Урсу Д.* Лёманов Исмаил Номанович // Деятели крымскотатарской культуры. (1921–1944 гг.). Биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. — Симферополь, 1999. — С. 125–126; «Изыскать пути к парализованию...»). Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923). — С. 145, 163; и др.).

¹⁵⁷ *Айвазов А. С.* Указ. соч. — С. 29–30.

¹⁵⁸ Там же. — С. 34.

¹⁵⁹ **Чапчакчи Халил Селямет (Селямет-оглу)** (1889–?). Родился в дер. Аутка Ялтинского уезда (ныне в черте Ялты). После окончания Симферопольской гимназии М. А. Волошенко (1912) поступил на медицинский факультет Новороссийского университета. В 1917 году: член Мусисполкома и Курултая. Активист Милли-фирки. Преследовался белыми. В 1919-м и с конца 1920 года сотрудничал с коммунистической властью. Член КрымЦИКа, нарком здравоохранения Крымской АССР (с 1921 года). В 1928 году арестован, обвинялся по делу «Контрреволюционной националистической партии Милли-Фирка». Приговорён к расстрелу. В январе 1931 года смертная казнь была заменена десятью годами лагерей. Дальнейшая судьба авторов неизвестна (*Сеитбекиров Э.* Чапчакчи Халил Селяметович // Деятели крымскотатарской культуры. (1921–1944 гг.). Биобиблиографический словарь. — С. 197–198; «Изыскать пути к парализованию...»). Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923). — С. 163; и др.).

¹⁶⁰ -ский. Из дневника татарина. В том же ключе звучит («Письмо в редакцию» под рубрикой «Среди татар»: «...Так называемая «программа татарской партии», составленная из флотов коммунистических программ, представляет общую социалистическую платформу, общие положения, общие принципы и в ней столько же татарского, сколько и китайского.

Надо стать на реальную почву современной крымскотатарской действительности» (Южные Ведомости (Симферополь). — 1917. — 6 июля).

Собственно, в аналогичных прегрешениях можно было обвинить и Временное правительство, ведя речь о российской действительности.

¹⁶¹ *Боданинский А.* Ответ г. -скому. (Письмо в редакцию) // Южные Ведомости (Симферополь). — 1917. — 15 июля. (*Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 15–16).

¹⁶² **Хаттат(ов) Сент-Джелиль Усеин-оглу** (1873(1874?)–1938). Родился в Бахчисарае. Закончил Симферопольскую татарскую учительскую школу (1894). В национальном движении с 1905 года, примыкал к радикальной группе Ширинского-Медиева и ПСР. Выдвигал свою кандидатуру на должность городского головы Бахчисарая, но проиграл И. Гаспринскому. В 1906–1914 годах секретарь Бахчисарайской городской управы; с 1910 года управляющий Бахчисарайского общества взаимного кредита, позже — конторой госбанка. Председатель съезда мусульман Крыма (25 марта 1917 года), член Мусисполкома. Был в числе 25 крымских делегатов на Всероссийском мусульманском съезде в начале мая. До лета 1920 года возглавлял Милли-фирку. Член Курултая, в Национальном правительстве (Директории) — «директор» финансов и вакуфов (с декабря). При первом Крымском краевом правительстве вместе с Дж. Аблаевым посещал Турцию, имел аудиенцию с султаном, высказал ряд пожеланий парламента (включая возможную отправку турецких специалистов в Крым для работы на ответственных должностях в парламенте) (июль). При втором Краевом правительстве — сторонник бойкота мобилизации татар в Добровольческую армию. В феврале 1919 года был арестован, но под давлением национальной общественности вскоре освобождён. При КССР служил в советских учреждениях. В августе 1919-го Директория, в которой занимал должность «директора» общих дел и внешних сношений, была разогнана белой администрацией. После установления коммунистической власти избирался кандидатом в члены КрымЦИКа (на Всекрымском учредительном съезде советов в ноябре 1921 года), один из руководителей кооператива «Ширкет». Во время борьбы молодых «левых», склонных к демагогии и вечному поиску «врагов», и более умудрённых жизнью, деловых «правых», близких национализму, которая раздирала крымскую организацию РКП(б)/ВКП(б) в середине 1920-х годов, занял сторону последних. После процесса братьев Муслюмовых и В. Ибраимова, принадлежавшего к «правым» (1926, 1928), дошла очередь и до «миллифирковцев». В 1928 году был арестован, затем приговорён к расстрелу и два года ждал исполнения приговора. В январе 1931 года Коллегия ОГПУ заменила ему высшую меру десятью годами заключения. Первый срок отбывал в Соловках. В июле 1936 года был освобождён, проживал на ст. Сокологорье близ Мелитополя, где устроился буфетчиком. В июле 1937-го арестован вновь. В апреле 1938 года ему было предъявлено обвинительное заключение. Признал себя виновным. Приговор закрытого судебного заседания выездной коллегии Верховного суда СССР 17 апреля гласил: «Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимый Хаттат являлся активным участником антисоветской националистической пантюркистской шпионско-террористической организации, ставившей своей целью насильственное свержение Советской власти, отторжение Крыма от СССР и установление буржуазно-националистического фашистского строя. (...) По прибытию из Турции (в 1918 году. — *Авт.*) обратно в Крым Хаттат по заданию турецкой разведки развернул широкую контрреволюционную пропаганду среди татарского населения... (...) После освобождения из лагерей Хаттат развернул в г. Мелитополе кон-

трреволюционную националистическую работу, куда стянул своих единомышленников миллифирковцев, через которых поддерживал связь с контрреволюционными организациями в Крыму. (...) ...Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила Хаттата С.-Д. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества» (*Сеитбекиров Э.* Трагическая судьба ученика и последователя Исмаила Гаспринского — Сеит-Джелиля Хаттата // *Голос Крыма.* — 2002. — 21 июня). Казнён в Симферополе (*Урсу Д.* Хаттатов Сеит-Джелиль // *Деятели крымскотатарской культуры.* (1921–1944 гг.). Биобиблиографический словарь. — С. 21–24; «Изыскать пути к парализованию...»). Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923). — С. 163; и др.).

Ибраимов Вели (1888–1928). Родился в Бахчисарайском уезде. Из крестьян. Систематического образования не получил. Работал грузчиком, кофейщиком, типографским рабочим, в 1917 году — владелец небольшой типографии. Сотрудничал в газетах «Терджиман» и «Ва(е)тан Хадими». В национальном движении (левое крыло) с 1917-го. Член Курултая. В 1930-х годах имя В. Ибраимова связывали с участием в крымскотатарском восстании и расстреле группы руководителей Республики Тавриды (апрель 1918 года). Член РКП(б) с осени 1918-го. Начальник разведки Кавказского фронта (подавление антибольшевистских выступлений чеченцев и ингушей). С ноября 1921 года — член Крымского областного комитета РКП(б) (татарская секция). Председатель тройки по борьбе с бандитизмом (1921–1922). Отвергая brutальные методы центра, использовал для стабилизации обстановки знание крымских условий и менталитета населения. («...Вся тактика местной власти в Крыму опиралась на ЧК и Красную Армию, чем окончательно терроризировало рабоче и татарское население») (Из выступления В. Ибраимова на пленуме Областного 22 августа 1921 года; ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 56. — Л. 4). «...Его (В. Ибраимова. — *Авт.*) работа и образцовый отряд показали, что при правильном подходе к татарской деревне, даже при теперешних условиях (голод и разруха. — *Авт.*) можно добиться хороших результатов. (...) Что касается политического бандитизма, то он был ликвидирован т. Ибраимовым», — говорил секретарь Крымского областного комитета РКП(б) А. И. Израйлович в отчётном докладе обкома на VI партконференции (март 1922 года) (Там же. — Д. 115. — Л. 18). Нарком рабоче-крестьянской инспекции в Совете народных комиссаров Крымской АССР (1921–1923). С ноября 1921 года член Крымского областного комитета РКП(б) (татарская секция). Член КрымЦИКа, его председатель (1924–1928); с апреля 1927 года — кандидат в Совет Национальностей Верховного Совета СССР. Противник массового переселения евреев в Крым. В борьбе «левых» и «правых», развернувшейся в Крыму к середине 1920-х годов — в числе «правых», которым инкриминировались антисемитизм, «кулацкий уклон», «связь с буржуазно-националистической интеллигенцией», «давление на партию через мужика». Из доноса заведующего орготделом областного комитета ВКП(б) Я. Мусанифа ответственному секретарю обкома Д. Живову, 13 октября 1927 года: «После октября... в партию вошли *первыми...* активные деятели Крымского февраля и октября, т.е. ...верхушечные элементы, которые, стараясь сохранить свою линию, тактику и точки опоры, стремились использовать партию, как трибуну. (...) Я бы лично не хотел верить и не верил, что эти люди, войдя в нашу партию, не порывают связи с той средой, откуда выдвинулись, но, к сожалению, должен констатировать и утверждать, что

они, часть т. н. «правых», *ещё* с ними («курултаевцами», А. С-А. Озенбашлы и др. — *Авт.*) свои связи не прервали, а наоборот, сохраняя с ними *историческую связь* в разрешении многих политических вопросов, с ними организационно сливаются и иногда эти вопросы проходят под непосредственным их руководством» (Там же. — Д. 629. — Л. 17). В. Ибраимов, закрытое заседание бюро обкома 23 января 1926 года: «...Если вы хотите применять репрессивные меры, то я заявляю, вы такими методами трений никогда не изживёте. У нас левых и правых нет — есть обиженные. Не надо грозить нам исключением из партии, я хоть сейчас мог [бы] отдать вам партийный билет, ибо партийный билет — это бумажка (! — *Авт.*), возьмите его. *Но я был ленинцем и без билета им останусь* (курсив наш. — *Авт.*). Никаких националистов с нами нет. (...) Мы сейчас поставлены в такие условия, что я, например, даже в район не выезжаю, ни с кем не разговариваю из-за боязни иметь припшитым ярлык» (Там же. — Д. 628. — Л. 19). «Разработка» В. Ибраимова велась с 1924 года. Ему инкриминировалось: поведение в 1918 году; враждебность к евреям; заинтересованность в деле «идеологов татарского кулачества» братьев Муслюмовых; террор в отношении деревенской бедноты; прикрытие спекулятивных операций ответработников, покровительство преступникам; растрата; организация убийства бывшего партизана Чолака и попытки его сокрытия. На комиссии 15 января 1928 года В. Ибраимов не признал обвинений. В тот же день арестован и исключён из партии. В январе же снят с должности председателя КрымЦИКа. Из внутренней тюрьмы ОГПУ писал письма И. В. Сталину. Одно из них: «Признаю себя виновным. Товарищ Сталин, умоляю Вас амнистировать меня, действительно после этого урока буду примерным работником. Товарищ Сталин, прошу Вас хоть на 10 минут вызвать меня» (Цит. по: *Брошеван В.* «Дело Вели Ибраимова» // *Голос Крыма.* — 1998. — 12 июня). С 23 по 28 апреля 1928 года в Симферополе состоялся судебный процесс над В. Ибраимовым и ещё нятнадцатью обвиняемыми. Выездная сессия Верховного Суда РСФСР в составе: председательствующего — А. А. Солыда, заседателей — О. Измайлова, Д. Кудрявцева, секретаря — Примакова признала В. Ибраимова виновным по ст. 58-8, 59-3, 2-й части ст. 116 УК и приговорила к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 9 мая 1928 года. Комментарий секретаря ЦК ВКП(б) В. М. Молотова на заседании обкома в августе 1928 года: «...Дело сводится к тому, что советские органы в Крыму, а, следовательно, и руководившие ими партийные органы плохо проводили классовую пролетарскую линию, особенно в деревне. ...За спиной Ибраимова, несомненно, стояли люди более культурные, чем Ибраимов, но зато и более опытные политические враги Советской власти. (...) За спиной Ибраимова сидела буржуазно-националистическая группа, сделавшая Ибраимова своим орудием» (ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 713. — Л. боб.-7). 20 июня 1990 года Президиум Верховного Суда РСФСР отменил приговор и прекратил дело за недоказанностью обвинения. Процесс В. Ибраимова послужил первым звеном в цепи репрессий крымскотатарской интеллигенции и служащих, как административных и партийных работников, так и бывших «курултаевцев» (ГААРК. — Ф. Р-633. — Оп. 1. — Д. 1436а; Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 56, 115, 713, 770; Красный Крым. — 1928. — 22, 24, 25–27 апреля, 1, 4–5 мая; Дело Вели Ибраимова и других. — Симферополь, 1928; *Щенин С.* Кто убил председателя? // *Авдет* (Бахчисарай). — 1991. — 1 февраля [Перепечатка из газеты «Новороссийский рабочий». — 1990. — 20 сентября]; *Урсу Д.* Ибраимов Вели // *Деятели крымскотатарской культуры. (1921–1944 гг.)*. Биобиблиографи-

ческий словарь. — С. 96–97; *Гарчев П. И.* Вели Ибраимов — жертва сталинских репрессий // Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. — Симферополь, 2001. — С. 131–140; *Зарубин В. Г.* Ибраимов Вели // Крым в лицах и биографиях. Античность. Средневековье. Новое время. (Справочно-литературное издание). — Симферополь, 2008. — С. 204–205).

¹⁶³ Осенью 1919 года контрразведка Добровольческой армии установит, что в течение 1917–1918 годов «курултаевцы» регулярно получали из Константинополя денежные субсидии, а офицеры турецкого Генштаба были прикомандированы в качестве инструкторов к Директории (Национальному правительству) (ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1295. — Л. 74–94).

¹⁶⁴ Цит. по: *Зареванд.* Турция и пантуризм. — Париж, 1930. — С. 161.

¹⁶⁵ Цит. по: *Королёв В. И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года. (Политические партии и власть). — С. 19 (Голос Татар. — 1917. — 2 сентября). Мы не рискуем, подобно автору, констатировать: «Среди крымских татар была незначительная та часть, которая не хотела связывать судьбу с Россией» (Там же). Нет данных. Да и сам Королёв в другой работе приводит факты противоположного характера (*Королёв В. И.* Крым и Северная Таврия в 1907–1917 гг. Страницы политической истории. — Симферополь, 1995. — С. 40–44).

¹⁶⁶ А. Боданинский писал о Тарпи: «Получив богословско-схоластическое образование в крымских медресе, где в сущности никаких наук не существует и не преподаётся, Тарпи Ибраим Эфенди затем окончил своё образование в Константинополе. Человек с узким мировоззрением, лишённый самого элементарного общего развития, он пользовался среди татар некоторым успехом и известностью, как богослов, стоящий несколько выше общего уровня, а также благодаря своему дешёвому краснобайству, умению пересыпать свою речь арабизмами и стихами из Корана.

Обскурант по своей духовной природе, он отличается крайним самомнением и большой долей того качества, которое вообще принято называть в общежитии развязностью, граничащей с нахальством. С противниками своими, большей частью интеллигентными татарами, он борется единственным орудием — обвинением перед толпой в безверии и немусульманстве» (Цит. по: *Зарубин А. Г.* «...Курултай имеет в виду не одних лишь татар...». К биографии Ч.Челебиева // Клио. Журнал для учёных. — С. 300–301 (*Боданинский А.* Шарлатаны и обскуранты // Голос Татар. — 1917. — 30 сентября). (*Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 18).

¹⁶⁷ *Айвазов А. С.* Указ. соч. — С. 29.

¹⁶⁸ См.: Докладная записка о Крымской национальной партии «Милли-фирка» // ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 167. — Л. 1–21. (В документе масса ошибок, сомнительностей и передержек); *Бочагов А. К.* Указ. соч.; *Зарубин А. Г.* К истории Милли Фирка // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции (23–28 сентября). — Симферополь, 1991. — Выпуск второй. — С. 73–76; *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Милли Фирка — национальная партия крымских татар (1917–1920) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь). — 1994. — № 7. — С. 67–72; *Зарубин А. Г.* К истории Милли-Фирка (Национальной партии) // Крымский музей. 1994 (Симферополь). — 1995. — № 1. — С. 39–46; *Грамов С. Е.* К вопросу о деятельности крымскотатарской наци-

ональной партии Милли-Фирка (1917–1920 гг.) // Культура народов Причерноморья. Научный журнал (Симферополь). — 1997. — № 1. — С. 109–110).

¹⁶⁹ Бочагов А. К. Указ. соч. — С. 34.

Аблаев Джафер (1889–1920). Уроженец д. Корбек (ныне с. Изобильное Алуштинского горсовета). Татарский народный учитель, участник Первой мировой войны, поручик 169-го пехотного Миргородского пехотного полка. С 17 по 23 декабря 1917 года командир 1-го Крымского мусульманского полка «Уриет» («Свобода»), затем помощник командира полка. 21 декабря 1920 года приговорён в Ялте «тройкой» особого отдела ВЧК к расстрелу (Бобков А. А. К истории 1-го Крымского мусульманского полка «Уриет» (1917–1918) // Military Крым (Симферополь). — 2007. — № 5. — С. 49).

¹⁷⁰ Бочагов А. К. Указ. соч. — С. 24–25. (Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 6–10).

¹⁷¹ Опубликована: Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Милли-фирка — национальная партия крымских татар (1917–1920). — С. 68–71. (ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 770. — Л. 112–114; Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 4–6).

¹⁷² Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 27.

¹⁷³ Громов С. Е. К вопросу о деятельности крымскотатарской национальной партии Милли-Фирка (1917–1920 гг.). — С. 109.

¹⁷⁴ Цит. по: Брошеван В. М. Амет Озенбашлы: трагическая судьба и восстановленное имя // Проблемы политической истории Крыма. — Симферополь, 1990. — Выпуск первый. — С. 47–48.

¹⁷⁵ О происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму. [1922–1923] // «Изыскать пути к парализованию...». Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымскотатарском движении (1920–1923). — С. 158–159.

¹⁷⁶ Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 32.

¹⁷⁷ Миллет (Симферополь). — 1919. — 4 августа.

¹⁷⁸ Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 27, 31.

¹⁷⁹ Там же. — С. 32.

¹⁸⁰ Бочагов А. К. Указ. соч. — С. 108–113. (Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское движение в 1917–1921 гг. — С. 10–13).

¹⁸¹ Как утверждал А. С.-А. Озенбашлы, «со спокойным сердцем можно сказать, что в настоящее время крымские татары вполне организованы и целюю сетью волостных, уездных и земельных комитетов неразрывно связаны с Центральным Комитетом (Мусисполкомом. — Авт.) и по мановению руки последнего всё татарское население Крыма не замедлит выступить как один человек в течение какого-нибудь часа...» (Доклад, прочитанный на Съезде народов в Киеве делегатом Крыма А. Озенбашлы // Озенбашлы А. С. Кырым фаджиясы. Сайлама эсерлер. (Трагедия Крыма. Избранные произведения). Из истории трагической судьбы крымскотатарского народа / Сост.: И. А. Керим, М. А. Озенбашлы. — Симферополь, 1997. — С. 61).

¹⁸² О происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму. [1922–1923] // «Изыскать пути к парализованию...». Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымскотатарском движении (1920–1923). — С. 158.

¹⁸³ *Елагин В.* Указ. соч. — С. 80–81. В дальнейшем обострении отношений Мусисполкома с официальными властями автор видит исключительно вину последних. Нам эта точка зрения представляется односторонней. Буквально *все* разногласия, будь-то социальные, или национальные, идеологические и прочие, обнаруживали между Февралём и Октябрём неудержимое и убыстряющееся движение к прямым столкновениям, иными словами — Гражданской войне. В этом был «дух» времени, в этом была стрела истории, пущенная многоликим комплексом всех предпоставивших явлений, событий и состояний. Идеал И. Гаспринского («Наблюдения и путешествия убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покорённому, вообще чуждому племени, чем наши старшие братья, русские. Русский человек и простого, и интеллигентного класса смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на своих, не выказывая, не имея узкого племенного себялюбия» (Цит. по: *Хриенко П.* Татары Крыма: три проблемы парадигмы репатриации // *Голос Крыма*. — 2000. — 7 октября) — «наиболее комфортный союз»: симбиоз православной и исламской цивилизаций — теперь казался многим анахроничным или утопическим. Начинали править бал отчуждённость и ксенофобия, переходящие в открытую враждебность.

¹⁸⁴ *Елагин В.* Указ. соч. — С. 89.

¹⁸⁵ *Айвазов А. С.* Указ. соч. — С. 33.

¹⁸⁶ *Королёв В. И.* Таврическая губерния в революциях 1917 г. (Политические партии и власть). — С. 33; *Королёв В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. — С. 7–9.

¹⁸⁷ Цит. по: *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Милли-фирка — национальная партия крымских татар (1917–1920). — С. 70. (*Зарубин А. Г.* (сост.) Первая программа Милли-фирка // Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 годах. — С. 5).

¹⁸⁸ *Винниченко В.* Відродження нації. — К.,–Відень, 1920. — Частина I. — С. 133 (Репр.)

¹⁸⁹ *Османов Ю. Б.* Чего стоят новые мифы. Заметки с заседания Ассоциации свободных историков // *Арекет* (Симферополь). — 1994. — 29 ноября.

¹⁹⁰ *Сеитбекиров Э.* Священная борьба крымских татар (к 80-летию Курултая). V. Арест муфтия // *Голос Крыма*. — 1997. — 27 ноября.

¹⁹¹ Цит. по: *Артисов А. Н.* М. Н. Покровский: финал карьеры — успех или поражение? // *Отечественная история*. — 1998. — № 2. — С. 132.

¹⁹² ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 61. — Л. 8–11.

¹⁹³ Цит. по: *Сеитбекиров Э.* Указ. соч.

¹⁹⁴ ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 5–8, 12–13 и др.

¹⁹⁵ Там же. — Л. 12.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. — Л. 13; *Ялтинский Голос*. — 1917. — 4 августа. (*Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 16–18).

¹⁹⁸ *Сеитбекиров Э.* Священная борьба крымских татар (к 80-летию I Курултая). IV. Да здравствует федеративная демократическая республика! // *Голос Крыма*. — 1997. — 21 ноября.

¹⁹⁹ «Не народные массы, а именно люди, вынесенные волною революции на мутную поверхность вскипевшей до дна народной жизни, принесли с собою... ненависть к России. Искажая перспективу и причинную связь исторических событий, порывая родственные связи, игнорируя тесные экономические взаимоотно-

шения, мешая прошлое с настоящим и отождествляя русскую власть с русским народом, они приняли на себя роль суровых и пристрастных судей России, её истории и народа. Их голоса раздавались громко в парламентах, радах, кругах, меджлисах, сфатул-цериях, курултаях, в приёмных иностранных политических деятелей всех стран, в отечественной и мировой печати.

Они с большим упорством и старанием углубляли могилу, вырытую советской властью для погребения русской государственности — могилу, в которой часто хоронились и их непрочные новообразования» (курсив наш. — Авт.) (Деникин А. И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май-октябрь 1918. — Минск, 2002. — С. 72). Хотя и заметил весьма остроумно Марк Твен: «События истории не повторяются — они рифмуются», приведённый пассаж из Деникина настолько современен, что поневоле закрадывается мысль: а ведь события истории иногда способны и повторяться.

²⁰⁰ Коцюбинский Д. А. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. — СПб, 1994. — С. 347.

²⁰¹ Цит. по: Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 41.

²⁰² Кришевский Н. Указ. соч. — С. 99.

²⁰³ «Северные уезды» Таврической губернии — заперекопские Днепровский, Мелитопольский и Бердянский. Здесь доля украинцев составляла 60,6% (И. Я. Язык цифр // Южные Ведомости. — 1917. — 17 ноября).

²⁰⁴ ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 72. — Л. 6–6 об.

²⁰⁵ Ялтинский Голос. — 1917. — 29 июня.

²⁰⁶ Голос Татар. — 1917. — 29 июля. (Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 16).

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Некоторую ясность вносит публикация С. М. Червонной и др. (данные заимствованы из: Kirimal E. Der nationale Kampf der Krimtürken, mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918. — Emsdetten, 1952): «В этот период наметился военно-политический союз и тесное, равноправное сотрудничество между Крымом (татарским. — Авт.) и Украиной. Уже в июле 1917 года делегированные Мусульманским Исполнительным комитетом Джафер Сейдамет и Амет Озенбашилы предприняли поездку в Киев, чтобы завязать с Центральной Радой Украины более тесные связи и изучить положение дел в украинском национальном движении. В Киеве они проводили официальные (? — Авт.) встречи и переговоры с председателем Центральной Рады профессором Хрущевским (М. С. Грушевским. — Авт.) и его ближайшими сотрудниками — председателем генерального секретариата (кабинета министров) Винниченко и руководителем департамента внешних сношений Шульгой (А. Я. Шульгиным. — Авт.). Обе стороны признали необходимость совместной борьбы против российского «централизма». Делегаты Крыма на правах гостей приняли участие в заседании Центральной Рады, имели многочисленные встречи с представителями украинской интеллигенции и при возвращении в Крым привезли с собой изданную в Киеве и Львове литературу, касающуюся Украины и её национального проблем. Представители Мусульманского исполнительного комитета Украинской Центральной Рады обещали друг другу взаимопомощь и обоюдостороннее уважение национальных прав и стремлений» (Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П. Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и мировой историографии: исходные смыслы и цели, пара-

доксы интерпретаций, тенденции развития // Ас-Алан (Москва). — 2003. — № 1(10). — С. 159–160). *Если пребывание Дж. Сейдамета и А. С-А. Озенбашилы в Киеве носило столь всеобъемлющий характер, то тем более показательно намеренное замалчивание и дезавуирование его в Крыму.*

Кырымал (Шинкевич) Эдиге Мустафа (1911–1980). Литовский татарин по происхождению, племянник муфтия мусульман Литвы. Семья прибыла в Крым накануне Первой мировой войны. Учился в Симферопольском педагогическом институте. Переехал в Азербайджан, затем в Иран. В 1932 году обосновался в Стамбуле, а через два года переехал к своему дяде в Вильнюс (Литва), где обучался политическим наукам. После начала Второй мировой войны вернулся в Турцию. В декабре 1941 года прибыл в Берлин. Пытался создать из представителей крымскотатарской эмиграции национальное правительство. В ноябре-декабре 1942-го побывал в Крыму, где был кооптирован в Симферопольский мусульманский комитет, сотрудничающий с оккупантами. В январе 1943 году официально признан нацистами в качестве председателя Крымскотатарского национального центра. Участвовал во всех пропагандистских мероприятиях, которые организовывал министр по делам оккупированных территорий А. Розенберг. 17 марта 1945 года Кырымал и его центр признаны правительством Третьего Рейха единственными официальными представителями крымских татар. После окончания Второй мировой войны жил в Западной Германии, занимался научной деятельностью. В Мюнстерском университете получил степень доктора философии. Сотрудник Института по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене (1954–1972). Умер и был похоронен в Германии. В 2007 году его прах перезахоронен на территории Зинджирлы-медресе в Бахчисарае у могил И. Гаспринского и А. С-А Озенбашилы (*Романько О. В. Кырымал (Шинкевич), Эдиге Мустафа // Крым в лицах и биографиях. Античность. Средневековье. Новое время. (Справочно-литературное издание).* — С. 251).

²⁰⁹ *Королёв В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность.* — С. 111–117; *Королёв В. И. Избирательные кампании 1917 года в Таврической губернии // Крымский музей. 1995–1996 гг.* — 1996. — С. 69–71 (исследуется и вопрос о земских, т. е. в сельской местности, выборах).

²¹⁰ «...*Движущей силой любых революций и национальных движений выступает демагогия, причём самая наглая, грубая, беззастенчивая и нелепая*» (*Булдаков В. Семнадцатый век и семнадцатый год // Родина (Москва).* — 1999. — № 8. — С. 106; курсив наш. — *Авт.*).

²¹¹ *Королёв В. И. Избирательные кампании 1917 года в Таврической губернии.* — С. 69. Однако с пресловутыми «буржуями», навсегда вошедшими в летопись Революции и Гражданской войны, дело обстоит сложнее. Сие меткое словечко было «введено в оборот» уже 1 марта 1917 года и адекватно отражало «уровень» межнационального согласия сразу же после Февраля. Спектр его значений, свидетельствуют источники, был необычайно широк, и пользовались им в своих интересах самые разные круги. «Буржуй» — тупой эгоцентрик, жаждущий только своего куса хлеба с маслом, а значит, таковым мог быть и собственно капиталист (капиталисты предпочли перейти на самоидентификацию: «торгово-промышленные круги»), и кулак-крестьянин, и рабочий-мастеровой. «Буржуй» — любой собственник. «Буржуй» — лжец или дурак. «Буржуй» — антипатриот (т. е. большевик). «Буржуй» — патриот, он же виновник войны. «Баржуй» — владелец барж. «Биржуй» — биржевик. «Буржуй» — любой, живущий хорошо, в отличие от меня, живущего плохо:

для солдата — офицер, для офицера (третируемого) — матрос, для фронтовика — тыловик, для пехотинца — артиллерист, для рабочего — нерабочий, для крестьянина — городской, для плохо одетого — одетый хорошо (если штатское платье — «приличное, то получался — «буржуй», а, следовательно, ненависть и издевательство толпы» (*Кришевский Н.* Указ. соч. — С. 96)), для сермяжного — западник, который в шляпе, манжетах и при крахмальном воротничке. «Буржуй» в массовом сознании 1917 года, — резюмирует автор этого неожиданного и чрезвычайного важного для понимания «духа времени» исследования, — это не только и не столько экономическая, социальная или политическая категория — это инфернальная коварная и могущественная сила, стоящая на пути великого святого Воскрешения, обещанного Революцией (великолепный пример «конспирализованного» сознания. — *Авт.*). Образ «буржуя» — дьяволизировается». А посему любой «буржуй» достоин только репрессий (*Колоницкий Б. И.* // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* — С. 195–202). *Налицо магма Гражданской войны, готовая вот-вот стать лавой.*

²¹² Южные Ведомости. — 1917. — 16 июля.

²¹³ Там же. — 25 октября.

²¹⁴ Там же. — 24 октября.

²¹⁵ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 36.

²¹⁶ Южные Ведомости. — 1917. — 25 августа.

²¹⁷ Цит. по: Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 72.

²¹⁸ «Не раз замечено, что всякого рода общественные катаклизмы нередко сопровождаемы усиленным потреблением горячительных напитков. (...) Мы должны решительно отказаться от... приниженного толкования отношений алкоголя и революционного общества. Функция первого в последнем более всеобъемлюща и, можно сказать, социальна. (...) Заслуживает порицания... близорукость Временного правительства. После февральских событий 1917 г. общественные лидеры словно всерьёз надеялись, что раскрепощённый дух революционных масс ограничится употреблением безмерного количества подсолнечного семени. (...) Но либеральные надежды были напрасны, семечки не могли быть надёжным и полноценным средством самовыражения масс» (*Павлюченков С. А.* Веселие Руси: революция и самогон // *Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль.* — С. 124–125).

²¹⁹ Ялтинская Новая Жизнь. — 1917. — 31 марта.

²²⁰ Подобные явления не были специфически крымскими — они охватили всю Россию. «Вот уже почти две недели, — пишет 7 декабря 1917 года в «Новой Жизни» М. Горький, — каждую ночь толпы людей грабят винные погреба, напиваются, бьют друг друга бутылками по башкам, режут руки осколками стекла и, точно свиньи, валяются в грязи, в крови. За эти дни истреблено вина на несколько десятков миллионов рублей и, конечно, будет истреблено на сотни миллионов» (*Горький М.* Несвоевременные мысли. «Новая Жизнь» № 195, 7(20) декабря 1917 г. // *Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.)* — М., 1990. — С. 93).

²²¹ Цит. по: *Купченко В. П.* Странствие Максимилиана Волошина. Документальное повествование. — С. 241.

²²² Цит. по: Марина Цветаева. Неизданное. Семья — история в лицах / Сост. Е. Б. Коркина. — М., 1999. — С. 251–252.

²²³ *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Прелюдия усобицы (Феодосия, октябрь 1917 г.) // И. С. Шмелёв в контексте славянской культуры. VIII Крымские Международные

Шмелёвские чтения. Сборник материалов международной научной конференции. — С. 194–195.

²²⁴ Южные Ведомости. — 1917. — 20 октября.

Помощник губернского комиссара описывает феодосийский бунт следующим образом: «12-го октября в Феодосии группа солдат 10 роты местного пехотного полка, неизвестно где, напившись, приступила к разгрому погребов виноградных вин в местах расположения казарм, вблизи вокзала в стороне от города. К 10 роте присоединились солдаты других рот, и начался пьяный разгул, разгромив два погреба и пять частных квартир смежных дач. Принятыми мерами удалось не допустить буйствовавших солдат к разгрому остальных складов, где виноградное вино милицией было выпущено. Весь привокзальный район был оцеплен казаками, украинскими ротами, учебной командой, чем предотвращён неизбежный погром города. Комитетом по охране в целях предупреждения было уничтожено вино во всех крупных городских складах. На другой день разгул продолжался. Получив эти сведения в Байдаках, я оттуда немедленно поехал в Феодосию, вызвав крейсер из Севастополя и две пехотных роты из Симферополя. Мною было предложено начальнику гарнизона Феодосии произвести обыски в казармах буйствовавших солдат 10 роты, отобрать расхищенное ими вино и арестовать пьяных. Учебной командой поручение это выполнено, предварительно ротными комитетами солдаты были обезоружены. Остальные роты протрезвились, и участие в дальнейшем пьянстве не принимают. В опасном положении лишь один батальон, часть солдат которого пьяна до сего времени. Батальон окружён прибывшими из Симферополя войсками. Крейсер в лице своих представителей заявил, что *матросы участия в подавлении беспорядков не примут, так как приехали оказать моральное воздействие на пьяную массу* (курсив наш. — Авт.). В городе порядок не нарушался. Население успокоилось» (Цит. по: Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 74–75). (См. также: Беспорядки в Феодосии // Известия Феодосийского Совета Солдатских и Рабочих депутатов. — 1917. — 19 октября).

²²⁵ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 70.

²²⁶ См. там же. — С. 70–72.

²²⁷ Волошинов Л. И. Октябрь в Крыму и Северной Таврии. — Симферополь, 1960. — С. 33, 50.

²²⁸ Атлас М. Л. Указ. соч. — С. 65.

²²⁹ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 75. Вот одна из картин времени. Имение Мамак (русский) (ныне с. Строгановка Симферопольского района). Экономия и деревня с 10 дворами. 34 жителя. Вся земля — у помещика Ф. Ф. Лашкова, видного архивиста и историка. «После февральских событий 1917 года крестьяне, работавшие в имении Ак-Мечеть, отказались подписывать договоры на аренду земли и вносить плату за наделы и приусадебные участки. Бедняки окрестных сёл захватили посевы пшеницы, принадлежавшие помещику Попову. Солдат, посланных для «восстановления порядка», крестьяне встретили вилами и топорами». Однако Лашков, несмотря на все уговоры, не пожелал покинуть имение. 9 декабря он был убит на своём рабочем месте. Убита была и его жена (Шубина Т. Убийство в Мамаке // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. — 1996. — № 13. — С. 45, 38).

²³⁰ Давыдов Александр Васильевич (1881–1955). Родился в Тамбове в семье кавалергарда, чиновника особых поручений при губернаторе и светлейшей княжны Ливен. Правнук декабристов В. Л. Давыдова и С. П. Трубецкого. В 1884 году пере-

ехал с матерью и братьями в Москву. Закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Рядовой и вольноопределяющийся в русско-японской войне. За храбрость награждён Георгиевским крестом. По 1912 год служил в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. Командирован в Германию для изучения банковского дела. Камер-юнкер Придворного птата Его Императорского Величества (1912), коллежский канцелярист. В 1915-м служил в Красном Кресте, числясь в кредитной канцелярии. Земский деятель Таврической губернии. Член партии конституционных демократов. В 1918–1920 годах жил в Крыму в своём имении Саблы. Издатель газет «Таврический Голос» (1917–1919), «Ялтинский Курьер» (1919–1920), «Крымская Мысль» (1920). В 1920 году эмигрировал. С 1922-го года — член правления Крымского землячества в Париже. В 1927 году вошёл в комитет «Лиги борьбы с антисемитизмом». Журналист. Участник русского масонского движения во Франции. Секретарь русских владельцев ресторанов (около 1933 года). Со времени Второй мировой войны переехал в США. С 1953 года до своей смерти жил в Нью-Йорке. Член правления Русского литературного кружка. В качестве журналиста сотрудничал в «Возрождении», «Новом журнале», «Новом русском слове». Председатель масонской группы «Россия» в Нью-Йорке. Мемуарист (Давыдов А. Воспоминания. 1881–1955. Изд. 2-е, испр. — Париж, 1983; Серков А. И. Давыдов Александр Васильевич // Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. — С. 288–289 и др. (Есть неточности)).

²³¹ Давыдов А. Указ. соч. — С. 170.

²³² Там же. — С. 172, 173.

²³³ Там же. — С. 174.

²³⁴ «Страх — это скачок в бессознательное. (...)

Центр Франции (в 1789 году, перед самой революцией. — Авт.) был потрясён эпидемией, которой дали имя «Великого Страх» [Ипполит Тэн]. В каждом городе она начиналась одинаковым образом. Вечером начинали циркулировать слухи: говорилось о приближении нескольких тысяч разбойников, вооружённых с ног до головы, которые истребляли всё на своём пути, оставляя за собой только пожары и развалины. Слухи росли, подобно грозовому облаку; самые храбрые бывали захвачены. Прибегал в город человек и рассказывал, что он видел собственными глазами облако пыли, поднятое наступающим войском. Другой слышал, как били в набат в соседнем селении. Сомнений больше не оставалось. Через какой-нибудь час или меньше город будет разграблен. (...)

Но вот возвращаются разведчики. Они не нашли ни одного разбойника» (Волюшин М. А. Пророки и мстители. Предвестия Великой революции // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. — С. 279).

Историк объясняет: «Огромная восприимчивость, легковерие, которое пышно расцвело в условиях нищеты и тревоги, длительного недоедания, смутного, но глубокого волнения, — всё это разрушило у людей, не имеющих культуры мышления, последние остатки способности рассуждать критически. ...Скрытое брожение умов, подспудная работа воображения, сосредоточенного на нескольких простых темах, — темах развивавшихся и передававшихся изустно... Эти исконные условия для расцвета слухов и легенд сыграли присущую им в истории роль...» (Что можно, на наш взгляд, понимать и так: слухи, утверждаясь в многочисленных головах, стали обнаруживать тенденцию материализоваться). (Гигантский лживый слух. Великий Страх июля 1789 года. 1933 // Фаер Л.

Бои за историю. — М., 1991. — С. 420). Прямая параллель, делая поправки на специфику стран, регионов и времени, уровень образованности, с обывательским Крымом 1917 года. Роль распространителей сомнительных, но пекочущих нервы и отвечающих внутреннему состоянию населения слухов в новые времена берут на себя газеты.

²³⁵ В ожидании Ленина // Ялтинская Новая Жизнь. — 1917. — 6 мая.

²³⁶ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 34.

²³⁷ Южные Ведомости. — 1917. — 13 мая.

²³⁸ Там же. — 14, 17 мая. Баранченко В. Е. Гавен. — С. 72; Мальгин А. Арест Ленина в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. — 1996. — № 13. — С. 59–60. Фамилия «Ленин», к слову, была в Петрограде достаточно распространённой.

²³⁹ Вопрос о собственности сложнее, чем обычно представляется. («В качестве главной причины гражданской войны часто выдвигается экспроприация частной собственности у помещиков и буржуазии (земли, предприятий, финансов). Это — взгляд «от истмата». На деле никто и никогда не идёт на смерть ради собственности (курсив наш: совершенно верно. — Авт.). Причины гражданских войн лежат в сфере ценностей (идеалов): изъятие собственности важно не тем, что наносит экономический ущерб, а тем, что воспринимается как *нестерпимое посягательство на порядок* (курсив наш. — Авт.), признаваемый законным и справедливым. То есть к войне побуждает не рациональный интерес, а *ненависть* — категория духовная» (Кара-Мурза С. Г. Указ. соч. — С. 74). Ненависть, замешанная на «расизме» (ксенофобии), — развивает свою мысль автор. На ум приходят булгаковские персонажи Преображенский, Шариков и Швондер («Собачье сердце») и взаимоотношения между ними, с одной стороны. И упоминавшийся выше Ф. Ф. Лашков, с другой: имение его осталось нетронутым, но бумаги, с которыми он работал — оказались *изорваны*.

²⁴⁰ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. — С. 7–8.

²⁴¹ Королёв В. И. Таврическая губерния в революциях 1917 года. (Политические партии и власть). — С. 23.

²⁴² Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 24.

²⁴³ Там же. — С. 27–28.

²⁴⁴ Купченко В. П. Странствие Максимилиана Волошина. Документальное повествование. — С. 232–233.

²⁴⁵ Там же. — С. 251, 284.

²⁴⁶ ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 61. — Л. 8.

²⁴⁷ Воззвание // Голос Татар. — 1917. — 2 сентября.

²⁴⁸ От редакции // Там же. — 9 сентября.

²⁴⁹ «Хотя лозунг «Вся власть Советам!» был официально снят VI съездом в конце июля, в деятельности на местах, эта перемена не отразилась», — подметил американский исследователь (Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. — М., 1989. — С. 332).

²⁵⁰ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. I. — С. 57.

²⁵¹ Булдаков В. П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть. — С. 28–29, 48.

²⁵² «О многих матросах трудно было сказать: больше ли в них большевизма или анархизма, поскольку все они склонялись к поддержке большевистских лозунгов о мире, земле и за власть Советов» (*Баранченко В. Е.* Гавен. — С. 73).

²⁵³ *Иозефович Р.* Ясно, как день... // Советская Газета (Феодосия). — 1918. — 12 апреля.

²⁵⁴ Об этом — блестяще у А. И. Солженицына: «*На то и свобода: куды хочу, туды стреляю* (курсив наш. — *Авт.*)».

²⁵⁵ Цит. по: *Кожин В.* Тютчев. — М., 1988. — С. 289, 288.

²⁵⁶ Советская Газета. — 1918. — 13 апреля.

²⁵⁷ *Горький М.* Несвоевременные мысли. «Новая Жизнь» № 13(227), 19 января (1 февраля) 1918 г. // Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). — С. 116, 117.

²⁵⁸ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — Париж, 1955. — С. 108–109, 106 (Репр.)

²⁵⁹ Там же. — С. 87.

²⁶⁰ Там же. — С. 93. Об этом же — у М. А. Волошина: «*Русская жизнь и государственность сплавлены из непримиримых противоречий: с одной стороны, безграничная, анархическая свобода личности и духа, выражающаяся во всём строе её совести, мысли и жизни; с другой же — необходимость в крепком железном обруче, который мог бы сдержать весь сложный конгломерат земель, племён, царств, захваченных географическим распространением Империи*» (Россия распятая // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. — С. 324).

²⁶¹ *Ильин А. К.* К Учредительному собранию // Южные Ведомости. — 1917. — 3 ноября, и др. «Лидеры меньшевиков и эсеров — местные уроженцы и старожилы, учителя, врачи, адвокаты, литераторы — пользовались значительной популярностью в народе. Деятели большевиков — все почти пришлые люди (курсив наш. — *Авт.*), не имели прочных связей с местным населением. Ян Булевский, Ян Тарвацкий, Алексей Познанский, Оскар Лиепинь и другие попали в Крым после амнистии прямо с каторги и ссылки. Станислав Новосельский, Жан Миллер, вернувшись из эмиграции, были в мае 1917 года направлены центральным Комитетом партии в Евпаторию, а Надежда Ильинична Островская прибыла в Севастополь в начале августа (Ю. П. Гавен и Н. А. Пожаров — в начале октября. — *Авт.*). Среди видных большевиков старожилом был лишь Дмитрий Ильич Ульянов, служивший в Таврическом земстве с дореволюционного времени» (*Баранченко В. Е.* Гавен. — С. 71; *Гавен Ю. П.* Борьба большевистского подполья за Советский Крым // Революция в Крыму. — [Симферополь], 1930. — № 9. Сборник материалов к десятой годовщине советизации Крыма. — С. 9.).

²⁶² Лекция П. Милокова // Южные Ведомости. — 1917. — 5 октября. В 1927 году он более спокойно и адекватно попытается вычленить суть большевизма: «самобытный анархизм масс»; «специфически русский продукт, выросший на национальной почве и невозможный в этом виде нигде, кроме России» (Цит. по: *Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. — М., 1998. — С. 76).

²⁶³ *Бердяев Н. А.* Указ. соч. — С. 109.

²⁶⁴ Там же. — С. 114–115, 93.

²⁶⁵ Там же. — С. 93, 94.

²⁶⁶ Негласная предварительная цензура (сведений о том, кто и в каких формах её осуществлял, у нас нет), действовала, видимо, и при Временном правительстве(ах)

(мы не имеем в виду военную), во всяком случае, в Крыму. Против неё, в частности, протестовал В. Г. Короленко (Южные Ведомости. — 1917. — 15 ноября).

²⁶⁷ Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 19.

²⁶⁸ ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 73. — Л. 8.

²⁶⁹ «(...) Братья, крымские татары! Революция и её завоевания также [так же] дороги нам, как и всей русской революционной демократии и всякий старающийся вырвать их из наших рук, встретит в нашем лице самого неумолимого противника и врага. Мы все до последнего погибнем, но не дадим врагам народа и революции восторжествовать и осуществить свои реакционные замыслы.

Братья — татары! Наша первая обязанность в эти опасные и тревожные дни сохранять полный порядок и спокойствие и не поддаваться внушениям и попыткам *врагов народа* (курсив наш. — Авт.), которые могут, воспользовавшись этим временем, внести смуту и анархию среди вас.

В эти тревожные дни все революционные организации: Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, губернский комитет и губернский исполнительный комитет, временный крымско-мусульманский исполнительный комитет, военные комитеты и др. стоят на страже интересов всего революционного народа, поэтому братья-татары должны слушаться лишь распоряжений, исходящих от этих и через эти организации» (Воззвание // Голос Татар. — 1917. — 2 сентября. (Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 18–19)).

Примечателен анонимный «довесок» к «Возванию»: «Отныне придётся весьма осторожно решать вопросы о блоках с буржуазией, а в особенности с наиболее коварной её частью — с кадетами. ...Монархисты, сделавшиеся в одну ночь сомнительной чистоплотности республиканцами, остались теми же «волками, но только в овечьей шкуре»».

²⁷⁰ Цит. по: Реєнт О. П., Андрусичин Б. І. З^атзд поневолених народів (8–15 вересня 1917 р.) (21–28 вересня н. ст.) — К., 1994. — С. 24.

²⁷¹ Цит. по: Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымско-татарское национальное движение. — М., 1993. — Т. 2. Документы. Материалы. Хроника. — С. 174. Издание буквально изобилует неточностями, грубыми ошибками и передержками.

²⁷² Голос Татар. — 1917. — 14 октября. В ноябре Рада ещё раз довела до сведения Мусисполкома, что Украина не имеет территориальных претензий к Крыму (но претендует на Черноморский флот) и поддерживает национальные устремления крымских татар (Крым (Симферополь). — 1918. — 10 мая). На трёх общемусульманских съездах 1917 года (Петроград, Москва, Казань) по нарастающей звучали пантюркистские мотивы. Выдвигались требования самоопределения мусульманских народов и формирования собственных вооружённых сил, вплоть до неподчинения, в случае противодействия, центральному российскому правительству.

²⁷³ Елагин В. Указ. соч. — С. 92.

²⁷⁴ Цит. по: там же (Голос Татар. — 1917. — 11, 14 октября).

²⁷⁵ См. Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 91–92.

²⁷⁶ **Маркс Никандр Александрович** (1861–1921). Родился в семье военного лекаря, в Минской губернии. Вырос в д. Отузы (ныне п. Щебетовка Феодосийского горсовета). Окончил Михайловскую военную гимназию (Воронеж) и Александровское военное училище (Москва). Дослужился до генерал-лейтенанта (1913), выйдя в 1914 году в отставку. Отличался многообразием интересов: история, ар-

хеология, география, палеография, этнография. Окончил с золотой медалью Московский археологический институт (1910), где два года вёл курс древних рукописей. Действительный член Московского археологического общества. Опубликовал ряд научных трудов, а также три выпуска «Легенд Крыма» (1913, 1914, 1917), подготовил к печати четвёртый. Отличался врождённым демократизмом и интересом к радикальным воззрениям. В Первую мировую войну Маркса мобилизуют — сначала на ополченскую службу, с 1916-го года — на действительную (начальник штаба Одесского военного округа). Февральскую революцию встретил восторженно. Отклонил предложение А. Ф. Керенского возглавить Московский военный округ. С конца сентября начальник Одесского округа. В декабре оставил службу и вернулся в Отузы, уйдя в частную жизнь. В период КССР (с апреля по июнь 1919 года) несколько дней — комиссар по охране г. Феодосия, затем — комиссар народного просвещения. После падения КССР — арестован. В июле приговорён к лишению всех прав состояния и 4 годам каторжных работ. Очень мягкий по тем временам приговор был во многом заслугой М. А. Волопина, который приложил в «столице» Добровольческой армии — Екатеринодаре — максимум усилий для спасения Маркса. Мало того, Волопин добился приказа А. И. Деникина об освобождении Маркса «за старость лет». В сентябре приказом главноначальствующего Таврической губернии Н. Н. Шилинга разжалованный генерал был выслан из Крыма в станицу Таманскую. После установления советской власти преподаватель рабфака, профессор социально-исторического факультета Кубанского политехнического института. Попытка вернуться в Крым не удалась. Скончался и похоронен в Екатеринодаре (Краснодаре) (*Кутченко В. П.* Эпопея генерала Маркса. Драма революционного бытия // Кутченко В. П. Киммерийские этюды: События. Люди. Памятники. — С. 42–59).

²⁷⁷ Цит. по: *Сеитбекиров Э.* Священная борьба крымских татар (к 80-летию I Курултая). VI. Крым принадлежит крымцам // Голос Крыма. — 1997. — 5 декабря.

²⁷⁸ Численность флота в 1917-м году: 40 тысяч моряков, до 3-х тысяч командного состава // Кнорус Сергей Сергеевич. — Картотека ГААРК.

²⁷⁹ **Немитц Александр Васильевич** (1879–1967). Родился в с. Коткожаны Хотинского уезда Бессарабской губернии в имении отца — мирового судьи и надворного советника. Потомок древнего рода германских рыцарей фон Биберштеинов. Закончил Морской кадетский корпус (1900), мичманом получил назначение на Черноморский флот. После обучения в Артиллерийском офицерском классе Учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота получил квалификацию артиллерийского офицера 2-го разряда (1903). Преподаватель артиллерийского класса Черноморского флота. В составе офицерского добровольческого экипажа на контрминоносце «Стремительный» преследовал мятежный броненосец «Потёмкин», участвовал в операции по его возвращению из Констанцы. Отказался приводить в исполнение смертный приговор четырём матросам с минного транспорта «Прут», осуждённым за восстание, выступал адвокатом группы матросов, обвиняемым за участие в Ноябрьском 1905 года восстании в Севастополе. Привлекался к дисциплинарному наказанию за участие в компании по дискредитации командира мореходной канонерской лодки «Тереп», организованной старшим офицером корабля М. М. Ставраки. В 1907 году прикомандирован к Морскому генеральному штабу для занятий, где исполнял должность офицера военно-исторической части. Осенью 1909 года поступил в Николаевскую Морскую академию. После окончания 1-го курса назначен штат-

ным преподавателем Морской академии (1910), которую закончил в 1912 году. В апреле 1913-го с производством в капитаны 2-го ранга назначен заведовать в Морском генеральном штабе Черноморским отделом. В канун Первой мировой войны становится командиром канонерской лодки «Ардаган» Каспийской флотилии, но с началом боевых действий назначается штаб-офицером Военно-морского управления Ставки Верховного Главнокомандующего. В 1915 году по собственной инициативе получает назначение командиром канонерской лодки «Донец» Черноморского флота. Начальник 5-го дивизиона миноносцев, начальник 1-го дивизиона эсминцев типа «Новик». Капитан 1-го ранга (1916). В апреле 1917 года — командующий Минной бригады Чёрного моря. После Февральской революции возглавил в Севастополе «Союз офицеров-республиканцев». 21 июля 1917-го произведён Временным правительством в контр-адмиралы с назначением командующим Черноморским флотом. Участник последнего похода флота дооктябрьского периода (19–24 октября). 13 декабря 1917 года оповестил флот об отбытии в Петроград, куда так и не прибыл, проживая весь 1918 год частным лицом в Киеве, затем в Одессе. В марте 1919-го вступает в ряды Красной Армии и назначается начальником военно-морской части Одесского военного округа. В августе начальник штаба Южной группы войск 12-й армии. Организатор плана её прорыва из окружения. 29 октября 1919 года удостоен ордена Красного Знамени. В феврале 1920 года вступил в должность командующего Морскими силами Республики и управлял делами Наркомата по морским вопросам. В декабре 1921-го в связи с ухудшением состояния здоровья по личной просьбе освобождён от должности. Состоял при председателе Реввоенсовета СССР для особо важных поручений, заместителем инспектора ВМС РККА (с 1930 года), работал в Военмориздате. С 1924 года на преподавательской работе в Военно-морской, в 1926–1928 годах и в Военно-воздушной академиях. В 1940–1947 годах профессор кафедр стратегии и тактики этих академий. Автор научных трудов. Вице-адмирал (1941). В марте 1947 года уволен в отставку. Работал в музее, затем гидрографии Черноморского флота в Севастополе. Последние годы жил в Ялте, где скончался. Похоронен в Севастополе на кладбище Коммунаров (*Негодова Е. М.* Немитц Александр Васильевич // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 347–348; *Макаревич М. В., Рыжонков Г. Н.* Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004. В двух томах. — Т. 2. 1917–2004. — С. 14–21).

²⁸⁰ *Крестяниников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе. — С. 305–306.

²⁸¹ *Баранченко В. Е.* Гавен. — С. 74.

²⁸² *Кришевский Н.* Указ. соч. — С. 88.

²⁸³ *Крестяниников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе. — С. 306.

²⁸⁴ Там же. — С. 308.

²⁸⁵ Украинские политические деятели издавна мечтали о влиянии на Чёрном море. Так, в работе «На пороге новой Украины» М. С. Грушевский писал: «...Когда обстоятельства тому благоприятствовали, Украина шла к тому, чтобы широко завладеть черноморским побережьем и стать тут твёрдой ногою. Этому препятствовало соперничество с другими государствами... Когда в XVIII в. ослабла последняя из здешних орд — Крымская, Украина могла бы развернуть свою колонизацию, культурную энергию... Однако вскоре выяснилось, что политическая и экономическая энергия Украины уже парализована московской политикой, кото-

рая перекрыла все пути» (Цит. по: *Копиленко О. Л.* Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу. — К., 2002. — С. 8–9).

²⁸⁶ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. 1. — С. 100. Большевицкая листовка с требованием перевыборов Симферопольского совета (ноябрь) мотивирует это требование следующим образом: «Вместо того, чтобы взять власть в свои руки, он (совет. — *Авт.*) совершенно растерялся и пытался создать власть из кадетско-оборонческого лагеря земств и городских самоуправлений, с одной стороны, и представителей революционной демократии Советов рабочих и солдатских депутатов и партий большевиков, с другой — в конце концов, фактически распался» (Там же. — С. 126–127). На октябрьско-ноябрьских перевыборах большинство получили небольшевистские силы. 2 ноября состоялись перевыборы Севастопольского совета. Из 444 мест большевикам досталось 54, эсерам — 232, меньшевикам — 40, украинским социалистам — 50, прочие — беспартийным. В Симферопольском совете большевики получили 5 мест (*Атлас М. Л.* Указ. соч. — С. 56).

²⁸⁷ *Вологдин Б.* Политические письма // Таврический Голос. — 1919. — 28 февраля. О подобных вещах писалось задолго до 1919 года. В России всегда хватало пророков, однако их и не было «в своём отечестве», ибо на пророчества никто из тех, от кого что-либо зависело, не обращал ни малейшего внимания. Консервативный мыслитель К. Н. Леонтьев (1831–1891) писал в своё время: «Либерализм, простёртый... немного дальше, довёл бы нас до взрыва, и так называемая конституция была бы самым верным средством произведения насильственного социалистического переворота, для возбуждения бедного класса населения противу богатых, противу землевладельцев, банкиров и купцов для новой, ужасной может быть, нугачёвщины. Нужно удивляться только, как это могли некоторые даже и благонамеренные люди желать ограничения царской власти в надежде на лучшее умиротворение России! Русский простолюдин сдерживается гораздо более своим духовным чувством к особе Богопомазанного Государя и давней привычкой повиноваться Его слугам, чем каким-нибудь естественным свойствам своим и вовсе не воспитанным в ней историей уважением к отвлечённостям закона. Известно, что русский человек вовсе не умерен, а расположен, напротив того, доходить в увлечениях своих до крайности. Ели бы монархическая власть утратила бы своё безусловное значение и если бы народ понял, что теперь уже правит им не сам Государь, а какими-то неизвестными путями набранные и для него ничего не значащие депутаты, то, может быть, скорее простолюдина всякой другой национальности русский рабочий человек дошёл бы до мысли о том, что нет больше никаких поводов повиноваться. ...Он... потребовал бы для себя побольше земли и вообще собственности и как можно меньше податей... За свободу же печати и парламентских партий он не станет драться» (Цит. по: *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев. (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. Кн. 2. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. — СПб., 1995. — С. 149–150).

²⁸⁸ *Зарубин А. Г.* Октябрьский переворот и провинция (на примере Крыма) // Октябрь 1917 года: уроки истории и современность. Материалы научной конференции, 30 октября 1977 г. — Кемерово, 1997. — С. 28.

Октябрьский переворот — отзвуки в Крыму. Начало террора и первые вооружённые столкновения

И звестия об октябрьских событиях в Петрограде достигли Крыма на следующий день. Утром 26 октября в Севастополе было созвано расширенное заседание исполкома совета при участии представителей профсоюзов, завкомов, корабельных и солдатских комитетов и городской думы. Тем временем Центральный комитет Черноморского флота (ЦК ЧФ, Центрофлот) организовал демонстрацию в поддержку свершившейся революции. Прервав заседание, эсеро-меньшевистский исполком принял весьма неожиданное решение о взятии власти в свои руки. В центр была послана телеграмма: «Петроград. Петроградскому Совету, Всероссийскому съезду Советов (проходившему в столице 25–26 октября. — *Авт.*). Приветствуем победную революцию. Власть Советом взята. Ждём дальнейших распоряжений. Севастополь»¹.

На следующий день пленум совета подтвердил содержание приветственной телеграммы. Дебаты носили в целом хаотический характер. Так, меньшевик М. А. Пескин говорил: «Надо помнить, что наша страна — страна не рабочих, а крестьянства, которое может своим сапогом раздавить революцию». Меньшевик Н. А. Борисов, будучи помощником комиссара Черноморского флота и хорошо знавший настроения моряков, рассуждал о том, что власть можно брать, если, первое, будет гарантия созыва Учредительного собрания в срок и, второе, продовольственный вопрос будет стоять на первом плане². У большевиков были к тому времени два сильнейших козыря. Позаимствованный у эсеров «Декрет о земле», снимавший на время крестьянский вопрос, и «Декрет о мире». «Этот вопрос доминировал над революцией, — писал очень пристрастный к большевикам мемуарист, — над её стремлениями и завоеваниями, доминировал даже над тяготением к земле и был он — мир, мир немедленный, во что бы то ни стало... Это слово не сходило с уст, об нём говорили и на базарах, и на улицах, в казарме и кафе, в лавках, на бульваре и в купальнях... (...) *...Казалось ясным, что тот, кто даст этот мир, тот будет кумиром толпы и получит над ней беспредельную власть...* (курсив наш. — *Авт.*)»³.

Командующий флотом контр-адмирал А. В. Немитц, опасаясь осложнений, приказал поддержать власть советов. (Он же отдал 30 октября приказ о сдаче всего огнестрельного оружия, которому матросы, естественно, не подчинились). ЦК ЧФ обратился с приветствием к Петроградскому военнореволюционному комитету.

Чем же объяснить такой зигзаг Севастопольского совета, сделанный вразрез с тактическими установками ПСР и РСДРП(об)? Настроением рабочих и флота, бурными митингами и демонстрациями, общим полевением партийных организаций Крыма, а также, вероятно, расчётом, что II Все-

русский съезд советов пойдёт на компромисс — создание *однородного социалистического правительства*. Когда же ситуация в столице и губернии прояснилась, исполком совета заявил о неприемлемости в переживаемый момент социалистической революции, непризнании, в принципе, советской власти как отражающей интересы только части населения, поставил под сомнение легитимность нового правительства — Совета народных комиссаров (СНК), — избранного на II съезде. Свою резолюцию 26 октября совет характеризует теперь как имевшую «временный» характер и избирает тактику лавирования между противоборствующими сторонами.

Прочие советы, а также партии и общественные движения встретили октябрьские события в Петрограде крайне отрицательно. Они учитывали состояние умов крымского населения (исключая весомую часть флота, рабочих завода А. А. Анатра в Симферополе и Севастопольского морского завода), как огня страшившегося междоусобицы. Вот перед нами один подобный документ (их было много, и они, по сути, дублировали друг друга) — воззвание Ялтинского совета «К рабочим, солдатам и всему населению Крыма»: «Кучка анархистов-коммунистов во главе с Лениным, Зиновьевым и другими, движимыми непомерным честолюбием и жадностью власти, поддержанная явными и тайными агентами германского штаба и черносотенными организациями Петрограда, посредством обмана, лжи и предательства увлекла часть петроградского гарнизона и рабочих на путь вооружённого восстания против революционного правительства и Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов»⁴. Это не отличающееся адекватностью обращение, тем не менее, ярко отображает атмосферу времени.

Более вразумительно выглядела резолюция о текущем моменте Первого Таврического губернского съезда профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Крыма (1 ноября): «(...) Правительство большевиков, созданное путём братоубийства и *гражданской войны* (курсив наш; *термин уже входит в повседневный обиход*. — Авт.), перед самыми выборами в Учредительное собрание... неспособно разрешить основные задачи революции, ибо основано на вражде и разногласии внутри самой демократии, не пользуется признанием всей революционной демократии, является правительством одной политической партии и может держаться только террором и насилием. Власть должна перейти к однородному демократическому правительству, основанному на соглашении всех социалистических партий; гражданская война и кровопролитие должны быть немедленно прекращены, проклятая вражда внутри демократии должны быть окончена. (...)»⁵.

Сочинители приведённой резолюции не сознавали того, что большевики своим переворотом поставили себя *вне «демократии»*, избрав собственный курс — на немедленный переход к созданию социалистического (в их понимании) общества.

Крымскотатарское руководство дополнило оценку событий практическими выводами: «...Разыгравшиеся в Петрограде кровавые события, пара-

лизовав силу существующей власти, открывают путь для анархии и гражданской войны, размер и гибельные последствия которой теперь трудно представить. Искры петроградского пожара летят по всей стране и кое-где они попали на горючий материал». Чрезвычайное собрание представителей мусульманских революционно-демократических и военных организаций (числом 12) сочло необходимым:

«1) Создать исключительно из представителей революционно-демократических и социалистических организаций органа для поддержания порядка в крае и защиты революции от посягательств на неё.

В эту организацию кадеты как элемент антиреволюционный не должны входить».

2) Сформировать вооружённые отряды для защиты Симферополя (надо полагать, от черноморцев) и координирующий их деятельность Крымский революционный штаб (каковой и приступил к работе 31 октября).

О кадетах в документе сказано особо: «...Вплелись в демократию... и стараются не выпускать из своих рук руководство местной политической и общественной жизнью, давая проявлению последней желательное им направление и освещение. Взять для примера хотя бы кадета комиссара Богданова, который, игнорируя недоверие к нему населения и революционных организаций, продолжает творить на посту комиссара своё кадетское дело»⁶. (Принято 28 октября).

Итак, крымскотатарские активисты «объявили войну» на два фронта — против большевиков слева и против кадетов справа⁷. Последние отбрасывались событиями на обочину, где вынуждены были спасать свои жизни и выжидать своего часа.

25 октября было созвано собрание представителей общественных и революционных организаций по поводу петроградских событий. Оно единогласно приняло резолюцию: «Собрание осуждает попытку насильственного захвата власти со стороны большевиков Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Попытка эта является преступной авантюрой, могущей затормозить своевременный созыв Учредительного собрания»⁸. Собрание избрало Губернский революционный комитет (после чего начинается чехарда неспособных функционировать ревкомов «второго призыва»; «первого» — создавались в дни корниловского выступления). 28 октября он был переименован в Губернский комитет спасения родины и революции.

Тем временем татары объявили войну ненавистному им, ввиду «неумения ориентироваться в событиях» и «нетактичности по отношению к татарам в прошлом и настоящем», Таврическому губернскому комиссару Н. Н. Богданову. Поскольку Комитет спасения не спешил удовлетворять требования татар о дезавуировании Богданова, они, вкучив украинцами и севастопольскими матросами, покинули 29 октября заседание комитета, после чего тот благополучно самоупразднился (6 ноября), уступив гегемонию Крымскому штабу. 4 ноября Богданов всё-таки ушёл в отставку,

уступив место своему помощнику правому социал-демократу П. И. Бинки. В губкомиссариат вошли также А. С-А. Озенбашлы от татар и Близнюк от украинцев, последнего сменил В. И. Поливанов от земств (с января 1920 года член ТУАК).

В целом же октябрьские события в Петрограде сколько-нибудь заметной реакции в Крыму не вызвали. Губкомиссар 24 ноября телеграфировал в адрес министра внутренних дел: «Губерний порядок не нарушался. Законные власти на местах. Выборы Учредительное Собрание состоялись»⁹.

Умеренные социалисты, не ограничиваясь эмоциональными выплесками, постарались обставить свою позицию теоретическими выкладками. Об этом свидетельствуют материалы заседания Крымского союза РСДРП(об) в ноябре-декабре 1917-го и его конференция в январе 1918 года.

Политика меньшевиков вращалась вокруг осевого тезиса, сформулированного П. И. Новицким следующим образом: «...В то время, как наша страна доросла только до демократического строя, делается попытка устроить у нас социализм.

При этом попытка к социализму делается не только фанатиками-вождями, но и пролетариатом. (...) Борьба с большевизмом является борьбой против ошибок пролетариата, против самого пролетариата. (...) Если бы мы приняли участие в этой борьбе на стороне буржуазной демократии, то взяли бы этим на себя наибольшую ответственность, так как являемся наиболее сознательными там работниками. Меньшевизм — самый талантливый элемент в демократии, и если меньшевики остаются в лагере противобольшевицком, то берут на себя наибольшую ответственность, так как будут возглавлять там всё — и чёрные, и демократические силы. *Большевизм — ошибка пролетариата...* (курсив наш. — Авт.). Мы должны заново повести свою соци[ал]. — демократическую работу в массах, и нам нельзя возглавлять учреждения демократические, которые ведут вооружённую борьбу с большевиками. Однако мы должны в то же время разоблачать большевизм и его авантюристскую и гибельную для пролетариата тактику. Одним словом, *мы должны создать третью позицию: против той и другой стороны* (курсив наш. — Авт.).»

Но поиски «третьей позиции» во все времена были чреваты гибелью. Отсюда — мрачный пессимизм.

Реалистическая платформа меньшевиков, как признают они сами, находит слабый отклик в пролетарской среде. Трагические ноты звучат в выступлении делегата конференции меньшевика Б. Я. Лейбмана: «...Мы ничтожны и распылены в демократических учреждениях, ни на кого там не опираемся... Наше положение безвыходное... Мы... не можем идти работать в массы, которые нас не слушают... *Мы будем растёрты жерновами двух враждующих лагерей* (курсив наш. — Авт.).»

Теперь единственная возможность, резюмируют делегаты, — оппозиция в советах или, на чём настаивают другие, — выход из них, издание

газеты, неперенное сохранение партии. Делегаты отдают себе отчёт и в том, что «всякая победившая большевиков сила уничтожит с корнем советы и все рабочие организации». В результате январская конференция высказалась против вооружённой борьбы с большевиками¹⁰.

Воплем прозвучала статья П. И. Новицкого в «Прибое». В Москве истребляют друг друга большевики и эсеры. Украинская Рада и казачество собирают силы друг против друга. Каледин движется на север. Из Севастополя отправляются украинцы-матросы на помощь Раде. «Ожесточение и озлобление растут и ширятся. (...) В такой момент их (противоборствующих сторон. — *Авт.*) разум и воля скованы идеологическим упрямством, страстью отмщения и кары.

Прекратите пальбу и расстрел, прекратите военные действия и передвижения войск, не обманывайтесь в тех силах, которые идут за вами, *не преувеличивайте качества представляемых вами масс* (курсив наш. — *Авт.*). Прекратите в такой предсмертный час призывы к отмщению, панихидные вопли, кликушеские воздыхания! (...)»

...Не видно сознания трагической ответственности за поступки.

Различные центробежные силы уже делят достояние народа (курсив наш. — *Авт.*); отдельные области и народы уже откладываются, объявляют свою независимость, образуют свои государства...

...С звериным ожесточением обезумевшие толпы людей уничтожают друг друга и народное достояние. (...)»

Конца не видно гражданской войне, самой нелепой и самой гнусной из гражданских войн, так как питает её разъярённая стихия анархии и темноты...

Должны ли мы принять в ней деятельное участие, чтобы ускорить её завершение?

Нет, в братоубийственной бойне, в войне внутри революционной демократии, в момент смертельной опасности для страны мы не можем, не должны участвовать!

Мы должны объявить войну гражданской войне»¹¹.

Таким образом, констатируя разгар Гражданской войны уже в начале ноября, лидер социал-демократов фактически вычленил три её характернейшие, по его мнению, черты: 1) это война всех против всех (речь уже не о «двух лагерях»), поддерживаемая идеологическим тупоумием, исчезновением чувства ответственности за страну и всевозможными негативными комплексами и инстинктами; 2) это совокупность центробежных сил, стремящихся поделить «достояние народа» России; 3) это развязывание вождями, пусть и бессознательно, самых зверских побуждений черни. Есть ли нужда говорить о непреходящей актуальности рефлексий автора?

«Еретически» прозвучало постановление Евпаторийского комитета большевиков (В. А. Елагин и другие): «Считать Октябрьский переворот в Петрограде несвоевременным, так как большевики, не имея большинства в рабочем классе, едва ли сумеют удержать власть в своих руках»¹². Под дав-

лением руководителей крымских большевиков Ж. А. Миллера и Ю. П. Гавена это постановление было отменено, а 5 ноября избран новый комитет.

Губисполком созывает Губернский съезд советов (Симферополь, 16–17 ноября), на котором из большевиков присутствовал только Миллер¹³. (Большевики всё более отстранялись от лагеря, считавшего себя демократическим). Съезд 9 голосами против 7 объявил Октябрьский переворот «преступной авантюрой», признал решения II съезда советов неправомочными и констатировал необходимость передачи власти «Таврическому съезду представителей городских дум, земств, демократических и национальных организаций» — «демократическому совещанию Тавриды»¹⁴. Таким образом, съезд призвал все небольшевистские силы к консолидации.

Приготовления к решительным действиям развернулись и в противоположном лагере. 6–10 ноября в крайне наэлектризованной атмосфере проходил 1-й Общечерноморский (Черноморский флотский) съезд, где большевики вместе с левыми и украинскими эсерами могли диктовать свои условия. Квинтэссенцией съезда, на наш взгляд, стала полемика о Гражданской войне. Если большевик Н. А. Пожаров и лидер украинских эсеров К. П. Величко доказывали наличие органической связи между революциями и гражданскими войнами, то правый эсер С. Риш резонно заметил, что от последних революции и погибали¹⁵. Меньшевики и правые эсеры, в конце концов, покинули съезд. По просьбе представителя рабочих Ростова-на-Дону съезд постановил отправить им на помощь в борьбе с белоказаками А. М. Каледина отряд матросов. Вооружённые отряды было решено послать также в Киев и на Кубань. Для большевиков имелся большой резон в этом решении: они получали в своё распоряжение «легитимные» вооружённые силы и возможность проверить их в практических действиях, дабы потом использовать в Крыму. Съезд одобрил украинизацию флота (при санкции на то Всероссийского Учредительного собрания; впрочем, она шла спонтанно и без всяких санкций), направил приветствия всем флотам и армиям революционной России, В. И. Ленину и СНК с обещанием поддержки Черноморским флотом, а также принял резолюцию «О текущем моменте», предложенную Ю. П. Гавеном: « (...) Черноморский флот считает вновь избранный съездом Советов ЦИК единственным источником власти... Съезд призывает всех матросов, солдат, рабочих и крестьян сплотиться вокруг своих Советов и поддерживать их в борьбе с контрреволюцией»¹⁶.

Сместив на посту комиссара Черноморского флота эсера И. И. Бунакова-Фондаминского, съезд назначил на это место большевика В. В. Роменца¹⁷.

Против решения съезда осылке отрядов было командование Черноморского флота, однако, его мнение игнорировалось. А Севастопольский совет только после ожесточённой полемики, благодаря альянсу большевиков и украинских эсеров (последние стремились поддержать Центральную Раду), 182 голосами «за» (89 — «против» и 28 «воздержалось»), поддержал необходимость направления отрядов на Дон и в Киев.

На помощь ростовцам из Севастополя отплыла флотилия и выехал эшелон с матросами в количестве 2500 человек во главе с анархистом А. В. Мокроусовым. В конце ноября десант, отступив под натиском офицерских и казацких частей, но обогатившись боевым опытом, возвратился обратно, став мощным фактором «углубления революции». Отряд численностью до 700 человек направился в Киев.

Позиция руководства и офицеров флота по поводу посылки отрядов была расценена как поддержка Каледина. С 15 ноября в Севастополе начались самочинные аресты офицеров матросами¹⁸.

Большевики провели смотр своих сил на II Таврической губернской конференции 23–24 ноября. К тому времени их число достигло 1800 человек. Конференция приняла решения: 1) признать правильной политику ЦК РСДРП(б); 2) организовать отряды Красной гвардии; 3) поручить «тройке» — Ю. П. Гавен, Н. И. Островская, С. В. Констансов) подготовить издание партийного органа — «Таврической Правды». «Разрабатывать план захвата власти участники съезда считали несвоевременным», что М. Ф. Бунегин именует «огромнейшей ошибкой», которая «оставила значительный след на всей истории дальнейшей борьбы за советскую власть в Крыму»¹⁹. Возможно, и так, возможно — и нет. Ведь ни город (см. результаты выборов в учредительное собрание), ни деревня (эсеры), ни профсоюзы (меньшевики), ни советы и другие властные органы (кроме Центрофлота и Севастопольского ВРК, созданного 27 октября), ни значительная часть флота и армейских частей не были на стороне большевиков, которые оказались зажаты между февральскими образами справа и, условно говоря, анархистско-бунтарской бесконтрольной стихией слева.

20 ноября делегаты от земств, городов, советов и профсоюзов собрались на Губернский съезд представителей городских и земских самоуправлений. Большевики и кадеты отсутствовали. После весьма дружелюбных дебатов участники съезда вынесли основную резолюцию: «До выяснения воли населения Крыма крымским учредительным собранием, которое должно быть создано в ближайшем будущем, и воли населения трёх северных уездов — путём ли опроса или путём особого учредительного собрания, — в Таврической губернии учреждается орган управления губернией Таврический губернский совет народных представителей (СНП. — *Авт.*), как временный высший орган губернской власти, ответственный перед органом, его создавшим, и будущей центральной законной властью»²⁰.

Избран СНП в составе 48 членов (включая, помимо городов, земств, советов, профсоюзов, фабзавкомов, Крымского революционного штаба, — национальные представительства в лице татар и украинцев — по три человека, великороссов — два, евреев и крымчаков — два, немцев — два, греков, армян, эстонцев — по одному²¹) и президиум во главе с крестьянским делегатом И. И. Штваном, съезд под аплодисменты, здравицы и поцелуи

23 ноября завершился. «Создание СНП было первой попыткой в истории Крыма XX века образовать представительный многонациональный орган власти, пользующийся доверием населения...»²².

СНП формально имел свои вооружённые силы в виде частей, подчинявшихся Крымскому революционному штабу — он же объединённый, или краевой, или Штаб крымских войск. Штаб подразделялся на отделы: политический, снабжения и интендантский, юридический, санитарно-ветеринарный, канцелярию военного директора — Дж. Сейдамета. Помощником Сейдамета, начальником политотдела стал полковник В. В. Макухин (Макуха) (расстрелян в январе 1918 года большевиками). Интересно, что должность командующего войсками предлагалась генерал-майору П. Н. Врангелю, пребывавшему тогда в Крыму.

Врангель вспоминал: «Начальник штаба полковник Макуха произвёл на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощённый всецело технической работой он видимо был далёк от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главверх (Сейдамет. — *Авт.*), так же как и коллега его в Петербурге (Н. Н. Крыленко. — *Авт.*), мыслил иметь армию демократизированную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом, я убедился, что нам не по пути, о чём откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях, я принять предлагаемую мне должность не могу»²³.

Костяк частей Штаба крымских войск составили 1-й и 2-й крымскотатарские полки (эскадронцы) и 1-й крымскотатарский полк свободы («Уриет») ²⁴. Были здесь и русские офицеры и даже французы, включая лётчиков под командой полковника Монтеро.

Несмотря на пессимистические свидетельства Врангеля, Крымский штаб представлял, по тому времени, сравнительно боеспособные части, что прошли Первую мировую войну, насчитывавшие от 2 до 5 тысяч человек.

Многим казалось, что создание временного крымского правительства — СНП — утихомирит радикалов, обеспечит единство и авторитет демократических сил, союз националов и умеренных русских социалистов. Большевики и другие левые, чего и следовало ожидать, СНП не признали, немедленно окрестив его «Советом народных предателей».

Деятельность Совета оказалась, вопреки ожиданиям, вялой и бесцветной, никак не соответствующей переживаемому моменту. Он ограничился разработкой избирательного закона в связи с так и не созданным крымским учредительным собранием, финансовыми вопросами. Участники СНП, отражая интересы стоявших за ним политических и национальных кругов, тянули одеяло каждый на себя и занялись собственными проектами. Всё это было только на руку большевикам. Публицист комментировал происходящее: «Борьба за власть в России принимает всё более отталкивающие формы.

Одна партия кричит: ты у меня нашёл провокатора, а я у тебя двух найду. Немедленно добываются документки. Дело сделано. Является третья партия и заявляет: все вы провокаторы, я вас знаю. (...)

Поэтому, когда являются с предложением организовать совершенно новый тип власти, основой которой служат представители: от — национальных до прокуратуры включительно, невольно является вопрос: кому это ещё захотелось власти спросонья, от недоедания или с перепугу?»²⁵.

Последним препятствием на пути к полной Смуте могло бы стать Всероссийское Учредительное собрание. Публицист, выражая последнюю надежду тех, кто уже никому не верит, от всего утомился и жаждет только одного — спокойной жизни, восклицал: «Страна устала. Устала и измучилась до такой степени, что перестала ждать определённого разрешения огромных государственных вопросов, перестала разбираться в формах правления, в политических и экономических вопросах, охладела к потребам и завоеваниям. Ей нужно только одно — конец. Какой-нибудь конец дикой бойне, войне, партийным распрям, погромам.

До отчаяния надоели охрипшие голоса хитроумных ораторов, бесшабашных краснобаев, малограмотных агитаторов, предлагающий каждый своё патентованное средство от всех бед и зол. (...)

Перед глазами ошеломлённого обывателя мелькают окровавленные руки, озлобленные лица, штыки, кулаки, листовки, афиши, брошюры. (...)

Россия устала и хочет конца. Этот желанный, долгожданный конец — Учредительное собрание. (...)»²⁶.

Выборы проходили 12–14 ноября. Приведём заключения В. И. Корольва, дополненные нами:

— «За конституционных демократов голосовала главным образом интеллигенция». Кадеты и деревня оказались вещами несовместимыми. Их известный прорыв объясняется, видимо, усталостью от революции имущих слоёв;

— Эсеры благодаря старинному народническому лозунгу «Земля и воля» естественно завоевали деревню, тем паче, что крестьянами ПСР «расценивалась... как государственная, правящая» (партия власти). В городах их сторонников было меньше, однако они всё равно преобладали. На выборы эсеры шли *единым списком*, хотя раскол среди них фактически уже произошёл. Успех эсеров был предрешён, но проходят они по дальнейшей истории Крыма бледной тенью;

— Меньшевики, раздробленные и обуянные интеллигентским пессимизмом, с вечным перевесом рассуждений над действиями, были обречены на провал (вполне оправдывая своё название). К тому же их «считали... виновниками в сложившейся политической и экономической ситуации...», ибо именно они, добавим, были с Февраля ведущими «обоснователями» провалившегося курса на постепенство и парламентскую демократию;

— Большевики не имели успеха в деревне — их аудиторией были матросы, солдаты и часть промышленных рабочих;

— Крымские татары, немцы, евреи выставили самостоятельные списки. Первые являлись на избирательные участки «от мала до велика».

«...Абсентеизм в Таврической губернии был меньшим, чем в среднем по стране, что свидетельствует об определённой общественно-политической активности граждан региона»²⁷.

Выборы показали, что популярность большевиков растёт, как на дрожжах. «При выборах в городские думы по всему Крыму был избран один большевик, получивший 703 голоса в Севастополе. Совсем иная картина наблюдалась при выборах в учредительное собрание. Симферополь дал большевикам 2998 голосов, что составляло 30% голосов, данных с.-р. ... Ялта, которая в думу не дала ни одного голоса большевикам... в учредилку дала 525 голосов, а объединённой социал-демократии только 406 голосов, в Феодосии большевики имели 1937 голосов, объединённая социал-демократическая группа всего 907 голосов, с.-р. 3310. Даже такие пункты, как Судак, Коктебель, Отузы, имели в составе избирателей, голосующих за большевиков»²⁸.

Степень политизированности и уровень надежд на Учредительное собрание в Таврической губернии будем считать средними: на участки явилось 54% электората. Результаты выборов: из 555 851 (без Перекопского уезда и некоторых участков) ПСР получила 291 549 голосов, мусульмане — 64 880, украинские эсеры — 61 177, кадеты — 38 108, большевики — 31 154, русские немцы — 23 590, меньшевики — 14 693, евреи — 13 145, земельные собственники — 8 022, народные социалисты — 4 544, «Единство» — 2 182, Поалей-Цион — 1 712, бердянские крестьяне — 825²⁹.

Согласно подсчётам В. И. Королёва, среди политических партий эсеры уверенно заняли первое место (67,9% голосов, в том числе украинские эсеры — 10,7%), второе — кадеты (6,8%), третье — большевики (5,5%), четвёртое — меньшевики (3,3%), пятое — народные социалисты (0,8%). По национальным спискам: крымскотатарский (11,9%), немецкий (4,8%), еврейский (2,4%). 77,5% голосов получили социалистические партии. «...Таврическая губерния (как и вся страна в целом) в роковом 1917 г. серьёзно «заболела» социализмом и другого пути развития Российского государства не видела (курсив наш. — Авт.)»³⁰.

Членами Учредительного собрания были избраны: С. А. Никонов, В. Т. Бакута, И. П. Попов, Н. И. Алясов, Р. Н. Толстов, С. С. Зак, Д. Г. Головку (ПСР), В. Н. Салтан (украинский эсер), Дж. Сейдамет (крымские татары).

Флот дал эсерам 22 200 голосов, большевикам — 10 800, украинским эсерам и другим — 19 500. Членами Учредительного собрания избираются эсер И. И. Бунаков (Фондаминский) (принял активное участие в работе собрания³¹) и большевичка Н. И. Островская.

Парадоксы революционного времени: несмотря на столь убедительное преимущество ПСР, в главных событиях она сколько-нибудь существен-

ной роли не сыграла. Та самая расплывчатость, неопределённость и всеядность, которые обеспечили эсерам массовую обывательскую базу в марте, по мере ужесточения ситуации в стране всё более становились ахиллесовой пятой партии. Правые эсеры элементарно *не поспевали* за событиями, а опаздывающие всегда оказываются на обочине. Большевики могли быть довольны выборами, особенно на решающих участках — в Севастополе и на флоте. Союз с левыми эсерами и анархистами, исключительная энергия и отсутствие каких-либо парламентских «предрассудков» давали им в сложившейся ситуации, когда *в повестку дня встало насилие*, неплохие шансы на успех. Другой вопрос — *как справиться с накатаивающейся снизу стихией, подчинить её себе?* «Взаимодействие двух главных агентов исторического развития — человеческой массы и власти — осуществляется через изменение, трансформацию и правовое упорядочение насилия, а вовсе не через упразднение его как такового»³². С «упорядочением» у крымских большевиков не получилось: стихия оказалась сильнее.

5 января в Петрограде Учредительное собрание было разогнано большевиками. Сильной реакции в стране, включая Крым, это не вызвало. На полуострове уже полыхала «своя» Гражданская война.

В ноябре масла в огонь подливает целенаправленное обострение межнациональных отношений³³.

7 ноября Центральная Рада приняла III Универсал, в котором провозглашалась Украинская Народная Республика (УНР), но — в составе демократической Российской Федерации, которую ещё только предстояло создать. В состав УНР были включены три северных уезда Таврической губернии «без Крыма»³⁴ (так губерния разрывалась на две части). Вместе с тем Рада выражала притязания на Черноморский флот.

В том же месяце Центральная Рада довела до сведения Мусисполкома, что Украина не имеет территориальных претензий к Крыму и поддерживает национальное движение крымских татар³⁵. Это усилило наметившееся с лета взаимопротяжение украинского и татарского национальных движений. За Радой же высилась тень пошатнувшейся, но ещё не сломленной Германии — радетельницы всяческой «самостийности»: украинской, казачьей, грузинской, крымскотатарской и пр. с целью максимально ослабить военного противника — Россию.

В данной связи весьма любопытным будет достаточно циничное мнение Дж. Сейдамета по поводу Центральной Рады и её политики: «Без сомнения, — писал он в своих мемуарах, — даже украинцам, с которыми мы поддерживали более или менее дружественные связи, полностью доверять было бы глупо. Вполне возможно, что они стремились ослабить нас, воспользовавшись нашим противостоянием с русскими, так как и от них, естественно, можно было ожидать появления желания взять власть в Крыму в свои руки. А поэтому идею независимости Крыма мы оберегали как от русских, так и от украинцев, одновременно надеясь и рассчитывая на покровительство Турции»³⁶.

Что касается крымских большевиков, то они в 1917–1918 годах не выработали более-менее логичной и привлекательной линии в национальном вопросе. Это отчасти понятно. Во-первых, легко было провозглашать право на самоопределение с учётом целесообразности отделения в центре, однако невероятно трудно строить на этом двусмысленном тезисе практическую политику в окраинных, национальных и многонациональных регионах страны. Во-вторых, непросто было найти и равнодействующую таким трудносоставляемым установкам, как мировая революция и право на самоопределение, диктатура пролетариата и освобождение народов Востока, где этого пролетариата практически не существовало. В-третьих, обратимся к заключениям Ю. П. Гавена, сделанным тринадцать лет спустя: «Надо прямо сказать, что в период советской власти в Крыму в 1917 году мы не сумели правильно поставить и разрешить национальный вопрос.

Наши организации до захвата власти в городах были очень слабы; революционная деятельность и их влияние ограничивались почти исключительно узкой сферой городского пролетариата и, главным образом, флота. Горную, т. е. татарскую деревню мы тогда почти совсем не знали. Работников, более или менее видных большевиков, выросших в крымских условиях, у нас не было, за исключением Островской, выросшей в Крыму. Руководителями революционного движения были товарищи, приехавшие из других районов России... Руководители крымской большевистской организации серьёзно обратили внимание на национальный вопрос только тогда, когда татарский Курултай уже двинул против советов вооружённые эскадроны»³⁷.

Выше уже говорилось, что на ноябрьском Общечерноморском съезде большевики выступили единым альянсом с украинскими эсерами, признав необходимость украинизации флота. Далее. На объединённом заседании Крымского революционного штаба с общественными организациями 15 ноября большевик Ж. А. Миллер «приветствует при рукоплесканиях украинцев и татар украинство, решившее национальный вопрос в духе революционного пролетариата, и призывает мусульман последовать этому примеру, объявив крымскую республику (курсив наш. — Авт.)»³⁸. Правда, такие речи, мягко говоря, вряд ли соответствовали позиции, занятой II конференцией большевиков Таврической губернии, которая 24 ноября приняла резолюцию: «Констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей, из которых татары не являются численно преобладающим элементом... съезд (т. е. конференция. — Авт.) считает в силу местных особенностей единственным правильным решением вопроса об автономии Крыма референдум (народное голосование) среди всего населения Крыма»³⁹. Идея референдума, однако, промелькнув, исчезла.

1917 год обозначил ещё одну тенденцию, перераставшую в закономерность: *всё более дешёвой становится человеческая жизнь*, всё более частыми — *самосуды*. Если в центре страны таковые уже становились при-

вычным зрелищем в городах⁴⁰, то в Крыму, до поры до времени, фигурантами подобных зрелищ были крестьяне. По крайней мере, *до декабря*.

10 декабря в Севастополь были доставлены тела 18 матросов, павших в сражениях под Белгородом, через день возвратились остатки первого Черноморского революционного отряда, разгромленного на Дону. Вина за неудачи была возложена на лейтенанта А. М. Скаловского, одного из четырёх офицеров, бывших в отряде. Под Тихорецкой он был расстрелян матросами «Похороны матросов были колоссальной демонстрацией: убитых уложили в открытые гробы, не обмытых, в крови, с зияющими ранами. Процессию сопровождали все матросы, весь гарнизон, все оркестры и громадная толпа простонародия, всего тысяч сорок. Вся эта масса обошла город, часто останавливаясь при произнесении самых кровавожадных речей, направленных против офицеров и интеллигенции. Толпа ревела, требовала немедленного избияния офицеров...»⁴¹. После похорон мичман эскадренного миноносца «Фидониси» Н. Скородинский, только в июле 1917 года окончивший училище и направленный на Черноморский флот, лояльно относившийся к новой власти и пользовавшийся авторитетом своей команды, позволил себе публично усомниться в деятельности председателя Севастопольского комитета большевиков Н. И. Островской, после чего был тут же смертельно ранен матросом⁴² и скончался, не приходя в сознание, на следующий день в госпитале. Гроб мичмана сопровождали на кладбище «более тысячи морских и сухопутных офицеров, печальных и мрачных, с опущенными головами», они «медленно двигались за гробом, без музыки, без певчих и без почётной полуроты...»⁴³. Никакого сочувствия «улицы» похороны мичмана не вызвали. Напротив, они сопровождались зловещими сентенциями: «Собаке собачья смерть», «Скоро всем конец». *Эти мрачные кладбищенские действия стали прелюдией кровавых событий.*

Представители прибывшего из-под Белгорода матросского отряда на заседании Севастопольского совета 12 декабря заявляют, что отряд не признаёт его авторитета и распоряжений, требуя в 24 часа очистить помещение исполкома, угрожая в противном случае разогнать совет силой.

В этот же день на созванном большевиками митинге принимается резолюция о немедленном переизбрании совета. Матросы-украинцы эсминцев «Жаркий» и «Зоркий» на своём митинге заявляют о непризнании Центральной Рады и поддержке советской власти на Украине, провозглашённой 12 декабря в Харькове на I Всеукраинском съезде советов, и требуют отозвать своего представителя из Генеральной Морской Рады⁴⁴.

Фракция большевиков выходит из состава исполкома Севастопольского совета⁴⁵. Судовые команды выносят грозные резолюции: «Сметём всех явных и тайных контрреволюционеров, старающихся препятствовать на пути к завоеванию революции»; «Ни одного револьвера, ни одной сабли у офицеров быть не должно. Все виды оружия должны быть у них отобраны»⁴⁶. Масло в огонь подливали находившиеся в Севастополе кронштадцы.

Резня, каковую одни ждали с трепетом, другие накликивали, произошла 15–17 декабря, когда Крым потрясли «ужасы, которые пережило население Севастополя»⁴⁷. Внешним поводом послужили воспоминания о Морском суде 1905 и 1912 годов, где матросов, замешанных в восстаниях, приговаривали к расстрелу и каторге. Решено было убивать только участников этих судилищ. Однако террор обрушился на всех морских и некоторых сухопутных офицеров⁴⁸. Матросы миноносцев «Гаджибей» и «Фидониси» расстреляли своих офицеров на Малаховом кургане. По имеющимся сведениям, их было 32⁴⁹. Вакханалия убийств прокатилась по всему Севастополю.

Аресты офицеров происходили не только в Севастополе. По требованию команды подводной лодки «Тюлень» выдан ордер на арест в Сулине (Румыния) капитана 2-го ранга П. С. Бачманова, в Симферополе — капитана 2-го ранга В. Д. Брода. 21 декабря были арестованы в Новороссийске и доставлены в Севастополь начальник 7-го отряда транспортов Транспортной флотилии контр-адмирал М. Г. Львов, флаг-офицер того же отряда старший лейтенант Б. Н. Чёрный и командир временного военного Новороссийского порта капитан 1-го ранга П. В. Верховский, в Трапезунде (Турция) по подозрению в погроме арестован прапорщик Л. С. Волосевич и т. д.⁵⁰.

Тем временем СНК телеграфировал комиссару Черноморского флота В. В. Роменцу: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. (...) Переговоры вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещены»⁵¹. Очевидец свидетельствует: «В комнату совершенно явственно ворвались звуки частой ружейной стрельбы и крики. Мы бросились на балкон и совершенно определённо убедились, что стрельба идёт во всех частях города... (...)»

Вся небольшая вокзальная площадь была сплошь усеяна толпой матросов, которые особенно сгрудились правее входа. Там слышались непрерывные выстрелы, дикая ругань потрясала воздух, мелькали кулаки, штыки, приклады... Кто-то кричал: «пощадите, братцы, голубчики»... кто-то хрипел, кого-то били, по сторонам валялись трупы — словом, картина, освещённая вокзальными фонарями, была ужасна. (...)»

...Я увидел очередь, стоявшую у кассы, и стал в конец. Весь хвост был густо оцеплен матросами, стоявшими друг около друга, а около кассы какой-то матрос с деловым видом просматривал документы. Впереди меня стояло двое, очевидно, судя по пальто, хотя и без погон и пуговиц — морские офицеры.

Вдруг среди непрерывных выстрелов и ругани раздался дикий, какой-то заячий крик, и человек в чёрном громадном прыжке очутился в коридоре и упал около нас. За ним несло несколько матросов — миг и штыки воткнулись в спину лежащего, послышался хруст, какое-то звериное рычанье матросов... Стало страшно...

Наконец, я уже стал близко от кассы. Суровый матрос вертел в руках документы стоявшего через одного впереди меня.

— Берите его, проговорил он, обращаясь к матросам.

— Ишь ты — втикать думал...

— Берите и этого, указал он на стоявшего впереди меня.

Человек десять матросов окружили их... На мгновенья я увидел бледные, помертвевшие лица, ещё момент и в коридоре или на лестнице затрещали выстрелы... (...)

Севастопольский Совет раб[очих]. деп[утатов]. умышленно бездействовал. Туда бежали люди, бежали известные революционеры, молили, просили, требовали помощи, прекращения убийств, одним словом Совета, но Совет безмолвствовал: им теперь фактически руководила некая Островская, вдохновительница убийств, да чувствовалась паника перед матросской вольницей.

И лишь на другой день, когда замученные офицеры были на дне Южной бухты, Совет выразил «порицание» убийцам...

Всего погибло 128 отличных офицеров»⁵².

И это была только репетиция.

Именно в те дни в Севастополе родилось выражение «Варфоломеевские ночи», вскоре «принятое» всем Крымом. «Чудом уцелевший от расправы... лейтенант А. Ф. Ульянов писал в 1922 г., уже находясь за границей: «Никто не думал, что, живя в Севастополе, мы находимся в клетке с кровожадными зверями. Мы не могли себе представить того кошмара, какой был в Севастополе» (газета «Дворянский вестник» — № 5–6 (72–73). — 2000. — С. 5)»⁵³.

Так в ночь на 16 декабря в Севастополе победила «советская» власть.

«...Когда народные комиссары слишком красноречиво и панически кричат о борьбе с «буржуем», тёмная масса понимает это как прямой призыв к убийствам, что она доказала» (курсив наш. — Авт.)»⁵⁴.

Вполне вписываясь в тот контекст, в который былаброшена Россия Февральской революцией и воспоследовавшими событиями, Мусисполком выдвигает 3–4 ноября лозунг «Крым для крымцев», причём как стратегический. Опубликованное им «Воззвание» гласило: «Крымско-Мусульманский Исполнительный Комитет как выразитель воли крымских татар, не желая допустить в Крыму гегемонии какой-либо народности над другой. А также, не допуская мысли о распространении власти какого-либо государства над Крымом, признаёт

«КРЫМ ДЛЯ КРЫМЦЕВ»

и находит, что чрезвычайные обстоятельства повелевают народам Крыма взять на себя заботу об устройении судьбы своего Крыма и объединиться для общей дружной работы на благо всех народов, населяющих Крым.

Как и в какой форме может быть разрешена поставленная ныне перед Крымом эта задача, может разрешить только коллективное мнение и воля живущих в Крыму всех народностей»⁵⁵.

3 ноября торжественно открылся Национальный татарский музей в Ханском дворце (Бахчисарай). Позднее, в сентябре 1919 года, при белых, «зав.

кадром Д. С. Иваненко» в докладной записке начальнику крымского отдела пропаганды заметит, что «курултайцы... дали двору нежелательное назначение политического центра...»⁵⁶. Действительно, Национальный музей стал не только собственно национальной, религиозной святыней татар, но и, теперь, политической базой Мусисполкома-Курултая. В получившей широкую известность речи муфтия Ч. Челебиева на открытии музея проводилась та же идея единения всех крымчан для блага Крыма: «На Крымском полуострове имеются разных цветов и оттенков много прекрасных роз и цветов. Каждый из этих роз и цветов имеет особую свою красоту и свойственный ему приятный аромат. Задача Курултая собрать все эти дивные цветы в один букет. Татарский *Курултай* имеет в виду не одних лишь татар (курсив наш. — Авт.), его взоры обращены и к другим народностям, в течение веков живущим с татарами дружной братской жизнью. (...)

Татарский народ признавал, признаёт и всегда будет признавать права каждой национальности. Татарский Курултай наравне с чаяниями и идеями татар будет чтить также идеи и чаяния живущих с ними в Крыму и других народностей. Курултай будет приглашать эти народности к совместной работе и усилиям для достижения общих для всех благ»⁵⁷.

Итак, программа действий «курултаевцев» обогащается в ноябре новыми штрихами. Появляется знаменитый лозунг «Крым для крымцев». Причём «крымцы», вопреки традиции, фигурируют здесь как все крымчане, независимо от национальности. Но это понятие повисает в воздухе, поскольку ни этнически, ни юридически не определено. Будем считать, что подразумеваются потомственные жители Крыма. Рада даёт словесные заверения того, что на территорию Крыма (видимо, и в случае достижения полной независимости Украины) она претендовать не будет. (На деле произошло обратное: словесные «гарантии» отступили перед аннексионистскими устремлениями и Рады и, особенно, правительства гетмана П. П. Скоропадского в 1918 году). Право управления полуостровом предоставлялось Киевом крымским татарам. Однако в случае формирования аппарата этого управления из его компетенции исключались дела внешние и военные, оставшиеся в ведении федеральных органов. Что касается большевиков, то курултаевцы придерживались тактики муфтия Челебиева: не смешивать петроградских и крымских большевиков. Резко осудив Октябрьский переворот, курултаевцы предпочитали в отношении местных большевиков придерживаться политики *нейтралитета*. Правда, политика эта дала трещину в декабре и ушла в небытие в январе.

Отклики на сепаратистский жест «курултаевцев» не заставили себя ждать. «Разве Крым не есть, прежде всего, часть великой России и не остаётся таковой и после выделения Украины? — вопрошала ведущая крымская газета. — И разве без России он может определить свою судьбу? (...)

В недоумение приводит... лозунг «Крым для крымцев». До сих пор мы знали, что крымским хлебом, крымскими фруктами питается вся Россия,

что всю Россию Крым снабжает вином и табаком, что вся Россия лечится на крымских курортах. В то же время мы знаем, что уголь, мануфактуру и другие предметы Крым получал и получает от России. Крым и остальная Россия были для нас связаны неразрывными узами, и вряд ли мы могли ответить раньше на вопрос: Крым для России или Россия для Крыма?

Но теперь, в годину страшной беды, стряшейся над нашей родиной, мы, чувствуя, как никогда раньше, любовь к родине, любовь сына к матери, имеем ответ на этот вопрос. И ответ этот: Крым для России!»⁵⁸.

Понятны и патриотизм, и патетика, и здравый рассудок автора приведённых строк. Но ведь в «Крыме для крымцев» можно увидеть и проявление элементарного инстинкта самосохранения, реакцию на беспомощность Временного правительства, непрерывные потрясения в столице, распространявшие хаос по всей стране, охлократические судороги, Октябрьский переворот, в конце концов. А можно — и воплощение очередной утопии, поскольку потенциалы «крымцев» и их завидующих соседей были несопоставимы. Да и знаковое слово «Россия» осенью 1917-го всё более расплывалось, становясь многовекторным: какая Россия — монархическая, «временная», «учредительная», большевистская, никакая; вообще — существует ли она?

26 ноября в зале Баб-и-Диван/Диван-и-Али (Зал суда) дворца-музея в Бахчисарае открылся *Курултай*, начавший работу как учредительное собрание крымскотатарского народа и продолживший её как постоянно действующий орган — мусульманский парламент. Очевидец описывает: «Бахчисарай был разукрашен бесчисленными красными и голубыми флагами. На ханском дворце был вывешен национальный голубой флаг. В Бахчисарай прибыло более 10 тысяч татар и татарок из различных районов. По главной улице и при дворце охраняли порядок эскадроны, которые устроили парад депутатам (членам) Курултая»⁵⁹. Делегаты прослушали богослужение и провели общую молитву в ханской мечети. Было решено, что «во дворце состоятся только первое и последнее заседания Курултая, чтобы избежать лишнего ущерба памятнику архитектуры. Над местом, предназначенном для Президиума курултая, были повешены три знамени: светло-голубое, зелёное и красное. Они последовательно символизировали нацию, религию и революцию. Под ними располагалась золотая тамга Гиреев — символ крымской независимости»⁶⁰.

Создание Курултая объяснялось давностью традиций, политической зрелостью татар Крыма. При этом вспоминался Курултай 1206 года, провозгласивший Темучина великим ханом с титулом Чингисхан, указывалось на «государственную мудрость монголо-татар, которая красной нитью проходит через всю их историю»⁶¹. Действительно, курултаи (курултаи) — своеобразные съезды правящего рода — были характерны для периода Чингисхана, «но с окончательным разделением империи монголов на самостоятельные во всех отношениях государства сведения о курултаях встре-

чаются всё реже и реже и, наконец, совсем исчезают из источников. Необходимость в этом институте, носившем в значительной степени догосударственный военно-демократический характер, отпадает с появлением наследственной монархии. В Монголии, где были более сильные кочевнические традиции, курилтай собирались вплоть до воцарения Хубилая..., однако, в имеющихся источниках нет конкретных сведений об их проведении в Золотой Орде⁶² и в Крымском ханстве (XV–XVIII века), в котором существовал *Диван* (перс.) — государственный совет, орган исполнительной власти, включавший высших должностных лиц, представителей мусульманского духовенства и т. д. В случае чрезвычайных событий собирався великий *кенгеш* — общий совет ханства, куда входили высшая знать, постоянное войско и проч⁶³. Знаменем национального движения (с тех пор и до наших дней) стало «голубое знамя Чингиса» (кок-байрак).

В выборах делегатов Курултая приняло участие более 70% татарского населения Крыма (по закону о выборах, разработанному Мусисполкомом, они проводились как всеобщие, прямые, равные при тайном голосовании и возрастном цензе в 20 лет) избрано — 76 (из них четыре женщины): от Симферополя — 19, Ялты — 24, Феодосии — 16, Евпатории — 11, Перекопа — 6. Буржуазия и рабочие представляли среди делегатов ничтожное меньшинство, подавляющее же большинство составляла молодая интеллигенция — *джадиды*. Одним из главных действующих лиц Курултая стал Челебиев, выступивший с речью в день открытия.

«Сегодня возрождается наша политическая жизнь, которая была прервана полтора века тому назад, — заявил муфтий. — Собравшийся в зале Верховного суда Курултай восстанавливает уничтоженную русским абсолютизмом татарскую национальную государственность. Татарская нация сегодня заново рождается, Раны, нанесённые гнётом и тиранией русского деспотизма, и по сей день кровоточат в нашей общественной жизни. (...)»

Татарский народ, признавая равенство всех людей, в то же время рядом со знамёнами других наций поднял на Курултае свой собственный национальный флаг и будет отныне строить свою жизнь на основе собственной конституции по законам братства»⁶⁴.

Курултай приветствовали: от православного населения Крыма, русских и греков — член городской управы Бахчисарая Хаджеватов; от иудеев — Амалинский; представитель крымского кавалерийского полка; три члена Украинской Центральной Рады; персонально — Симон Петлюра; делегация матросов Черноморского флота; телеграммой — Украинский комитет в Севастополе⁶⁵, а также латвийские организации, «было получено много приветствий и приветственных телеграмм от всех тюрко-татарских национальностей России»⁶⁶.

В президиум Курултая были избраны Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, С.-Дж. Хаттагов, изменивший свою позицию А. Х. Хильми, Заредин Эфенди, Шефика Гаспринская и А. С.-А. Озенбашлы. «После этого в саду ханского дворца состоялся парад эскадронцев в честь депутатов

под руководством офицера Парпетова Рустема. Во время парада духовой оркестр играл исторический *тамерлановский* (курсив наш. — Авт.) «долу» (марш)»⁶⁷.

План работы Курултая был следующим: «1. Государственный строй Крыма, форма и содержание правительства. 2. Будущие взаимоотношения крымских татар с представителями других национальностей, населяющих Крым. (...) 4. Выработка законов, определяющих национальную, религиозную, социальную, официальную, культурную и политическую жизни крымскотатарского народа. Создание органов национальной законодательной и исполнительной власти (национальный парламент и правительство)»⁶⁸.

Курултай заседал, с перерывами, 18 дней. «Бурность и страстность иного заседания курултая доходили до того, что казалось вот вот разойдутся все по домам, оставив без определённого решения дальнейшую судьбу посланного их в Курултай народа»⁶⁹. Что неудивительно, ибо в национальном движении к этому времени выделяются *три крыла*: *левое*, включая секретаря Курултая А. А. Боданинского, а также С. И. Идрисова, С. М. Меметова и др., считавшее необходимым создание властного органа из трёх элементов: татарского парламента, СНП и большевиков; *центр*, представленный, не без оговорок, прежде всего муфтием Ч. Челебиевым, порой готовым идти на компромиссы с большевиками; *праворадикалы* во главе с Дж. Сейдаметом, непримиримым противником большевизма, получившим среди левых прозвище «второго Наполеона» и, как выяснится позже, вынашивавшим планы воссоздания Крымского ханства⁷⁰.

В последний день работы, 13 декабря, Курултай провозгласил *Крымскую Демократическую Республику*, утвердил её Конституцию (*Крымскотатарские основные законы*), избрал руководство Курултая (члены президиума — А. С. Айвазов, А. Х. Хильми, Дж. Аблаев, секретари — С. О. Таракчи и А. А. Боданинский) и, сорока голосами против двадцати, *Совет директоров (Директорию)* — Национальное правительство (председатель и директор юстиции — Ч. Челебиев; директор внешних (в смысле внутренних, но в отношении иных национальностей. — Авт.) и военных дел — прежний постулат об исключении военных функций из компетенции крымского управленческого аппарата был отброшен — Дж. Сейдамет, директор финансов и вакуфов — С-Дж. Хаттатов; директор по делам религии — Амет Шукри; директор народного просвещения — Ибраим Озенбашлы), а также обратился к населению Крыма с «Объявлением Крымскотатарского национального правительства». Его основное содержание: «Крымскотатарское национальное правительство заботится о счастье и спасении не одного только татарского народа; оно считает священной своей обязанностью защиту личной, имущественной безопасности и чести всех своих крымских соотечественников и защиту высоких лозунгов великой революции. (...)»

...Отныне, воодушевляемые высокими и святыми чувствами братства и гражданства, не останавливаясь ни перед какими жертвами, крымские та-

тары совместно с революционной демократией будут стремиться к недопущению всеразрушающего действия анархии, уже надвигающейся и на Крым и не щадящей на своём пути ни памятников старины, ни памятников искусства, ни храмов науки и культуры.

Крымскотатарское национальное правительство категорически и неуклонно решило поддерживать порядок и спокойствие на полуострове; оно решило положить предел царящим в крае голоду, финансовой разрухе, всевозможным захватам и уже показывающей свою голову анархии»⁷¹.

Парламент уполномочил правительство, которое с 14 декабря обособилось в Симферополе, созвать Всекрымское Учредительное собрание в феврале 1918 года. Разгоревшаяся Гражданская война не позволила это сделать ни в феврале, ни когда бы то ни было.

Дж. Сейдамет особо остановился на задачах Штаба крымских войск (куда, кстати, ещё от Мусисполкома вошли И. Озенбашлы, А. А. Боданинский, А. Тален (или Тулеев?)). Они ему виделись так: «Штаб крымских войск, являясь высшим краевым военным органом, ставит своей ближайшей задачей: путём организации военной силы края — организации национальных частей народов Крыма⁷² — установить правопорядок в крае, обеспечить спокойствие населения и довести его до Крымского Учредительного собрания»⁷³.

Утверждённая Курултаем конституция — Крымскотатарские основные законы⁷⁴ — декретировала создание Крымской Демократической Республики, загнав, однако, это провозглашение в самый конец текста и сделав его как бы, между прочим (статья 16). Здесь мы сталкиваемся с малопонятным противоречием. С одной стороны, конституция фактически декретировала создание нового государства. С другой, статья 12 заявляла, что «форма правления Крымом может быть определена Крымским Учредительным собранием». Последнее упоминалось также в статьях 13 и 14. Это подметили современники, но вразумительного разъяснения Курултай так и не дал. Об автономии в составе Российской федерации конституция не упоминала.

В статье 1 говорилось, что Курултай признаёт «за всеми народностями право на полное самоопределение», и в статье 15: «судьба того или иного края может быть решена только голосом самого народа, населяющего этот край, но ни в коем случае не дипломатами».

Статья 2 постановила учредить постоянный парламент (Меджлис-и-Мебусан — Собрание депутатов), избираемый всем татарским населением на основе свободных, равных и прямых выборов при тайном голосовании. Статья 17 отменяла титулы и сословные звания, а 18-я — узаконивала равенство мужчины и женщины⁷⁵.

Анализ Основных законов предпринял А. Л. Копыленко⁷⁶. Рассмотрев ряд основополагающих статей, он пришёл к обоснованному выводу: «...Противоречие между внутренне-татарским назначением Конституции и её претензией на то, чтобы стать нормативной основой для жизни всего полу-

острова, содержит основную проблему этого документа»⁷⁷. Действительно, как совместить, к примеру, требование решать спорные вопросы между татарами на основе «шариата, национальных обычаев, традиций общественной жизни и морали татар» с действующим законодательством?

При всей неполноте и противоречиях конституция, выработанная Курултаем, носила определённо демократический характер. Другой вопрос — что было подпочвой конституции? Результат движения по инерции — замах на государственность с *этнической доминантой* и благостными обещаниями-перспективами (а пути и средства?). Как откровенно заявил в интервью константинопольской газете «Ихдам» А. С. Айвазов в следующем году: «Наша... цель была, принимая все меры, утвердить самостоятельность Крыма и, таким образом, *дать коренному населению господствующее положение* (курсив наш. — Авт.)»⁷⁸. Такие фигуры, как Сейдамет, Айвазов, да и сам Челебиев, видели в Основных законах одну из «станций» на пути к татарской этнократии в Крыму⁷⁹.

Этой подпочвы не заметили крымские демократы, благожелательно оценившие курултаевскую конституцию. На заседании Крымского комитета РСДРП (меньшевики) 19 декабря звучали такие речи: «Становиться в воинственную позу нам, с[оциал].-демократам не к лицу. Большинство народностей стремятся к децентрализации. Это всё мелкобуржуазные по составу народности, и самоё движение, конечно, не пролетарское, а мелкобуржуазное; но оно имеет здоровые корни... Татары стали на здоровую, общедемократическую точку зрения, *они не стремятся к преобладанию татарской народности* (курсив наш; ср. с высказыванием Айвазова. — Авт.). Конечно, объявление автономного национального правительства, обнародованное на днях, — политическая нелепость. Не нужно забывать, что татар всколыхнула анархия большевистская. Местный патриотизм толкает татар оберечь Крым от анархии, — отсюда стремление захватить военную силу... Сейдаметов... настроен идеалистически, он искренний человек. Необходимо соглашение с татарами». И, в постановлении: «Соглашение с татарской народностью необходимо, и если явится необходимость противодействия захватным стремлениям, то только идейные парламентские формы противодействия допустимы»⁸⁰. Наивность поистине безграничная. Соглашения, разумеется, необходимы всегда — без этого нет политики, но на принципиальной основе, на понимании истинной сути партнёра, а не на прекраснотушных фантазиях.

Упоение фасадом при неумении заглянуть внутрь здания обнаружил и казался бы такой опытный политик как лидер крымских кадетов, антагонистов национального движения, Д. С. Пасманик (впрочем, лучше говорить не о неумении, а о сознательном нежелании перед лицом грозной опасности — большевизма): «Как это случилось, что веками угнетённые татары дали чудный урок государственной мудрости русским гражданам, бывшим до революции единственными носителями русской государствен-

ности, это... вопрос, который заинтересует социологов и психологов. Но факт остаётся фактом.

И все нетатарские жители Крыма, которым дороги порядок и законность, равная для всех свобода и социальная справедливость, спокойное развитие экономических и духовных сил края, должны всеми силами поддержать стремление татар к государственному строительству. Поддерживая его, мы спасём Крым, а косвенно и всю Россию, от анархии и разложения. (...)

...Не задумывают ли татары отложение Крыма? Все официальные заявления (как можно политику безоговорочно верить словам других политиков? — *Авт.*) авторитетнейших представителей крымско-татарского населения, все его официальные документы и объявленные крымско-татарские основные законы свидетельствуют о том, что имеется в виду только одно: оздоровление Крыма на благо всего крымского населения. Мы должны отнестись с полным и нераздельным доверием к татарам. Мы должны помнить: теперь перед нами только задача борьбы с анархией.

Мы поэтому думаем, что все действительно государственные элементы крымского населения поддержат всеми своими материальными и духовными силами мусульманскую организацию, содействующую устройению Крыма: этого требуют жизненные интересы Крыма и России. Только созидательной работой можно бороться с разрушительной анархией и губительной демагогией⁸¹.

16 декабря об образовании «в Крыму... независимой татарской республики» информировало Европу телеграфное агентство в Женеве. Одновременно это сообщение было передано агентством Рейтер. 20 декабря о провозглашении независимости крымских татар сообщила константинопольская газета «Тюрк Юрду». Что касается большевистского правительства, то оно обошло Курултай молчанием⁸².

Дж. Сейдамет так оценивал происходящее: «...Мы стремились к достижению самоуправления Крыма, (речь идёт о создании Крымской Демократической Республики. — *Авт.*), но, к сожалению, собственническая националистическая психология русских, а также политические взгляды других крымских народностей, которые в таких вопросах всегда осторожно и с поиском выгоды предпочитали следовать за русскими, мешали воплощению в жизнь наших идеалов. Консерваторы, либералы, социал-демократы — меньшевики, социалисты-революционеры, несмотря на опасность распространения большевизма, продолжали разрозненно преследовать свои политические цели, и никто из них не собирался поддерживать с нами сотрудничество. Только большевики, определив, что нашей опорой является народ и армия, придавали нам более или менее какое-либо значение, выделяя среди других. Однако было понятно, что их действия по отношению к нам неискренни и несерьёзны. Партия большевиков, захватившая власть в Петрограде с лозунгом «Вся власть советам!», могла признать только волю советов. И, чтобы не позволить окрепнуть каким-либо силам, большевики, как в центре, так и в

губерниях, продолжали разжигать мятежи и бесчинства. То же самое они делали и в Крыму. Их целью было взять власть в свои руки. А поэтому принять программу большевиков, войти с ними в соглашение значило унижительно и беспресловенно гнуть шею на их власть...»⁸³.

Итак, в зависимости от подхода к вопросу о власти в Крыму концентрируются *три социальные группы*. «...Земцы и остальные русские (и не только. — *Авт.*) общественные и политические деятели стояли на почве признания правительства Керенского»; татарская группа, которая придерживалась платформы: «*Об уходе правительства Керенского не жалеем, установившуюся советскую власть не приветствуем, самостоятельности Крыма добиваемся* (курсив наш. — *Авт.*)»; большевики⁸⁴. Соответственно возникает сначала двое-, а затем и *троевластие*: СНП, Курултай — параллельные, парадоксально пересекавшиеся институты: члены Курултая входили в состав Совета — и леворадикальные Севастопольские совет и ревком. Приплюсуем продолжавшую действовать администрацию Временного правительства, прежде всего городские думы — реальную местную власть — и перед нами возникнет картина управленческого хаоса. 14 января 1918 года Севастопольский совет объявил о роспуске Совета народных представителей, из которого уже успели выйти социал-демократы во главе с П. И. Новицким.

Тем временем серьёзные сдвиги происходят в политике соседней, чрезвычайно значимой в тот период для Крыма Украине. Действия Центральной Рады очень скоро начинают выходить за рамки двусмысленного III Универсала, давая веский повод усомниться в искренности официально заявленной линии Киева относительно Крыма. В ноябре В. К. Винниченко в качестве генерального комиссара Украинской Народной Республики по внутренним делам объявил телеграммой бывшие органы Временного правительства в губернии, в том числе и губкомиссариат, подчинёнными украинскому правительству (Генеральному секретариату)⁸⁵, за чем последовали многочисленные циркуляры Киева аналогичного характера, которые, впрочем, в Крыму игнорировались. Однако особенно привлекал Раду Черноморский флот.

Ещё в октябре по поручению Центральной Рады Д. В. Антонович⁸⁶ вёл переговоры с командованием Черноморского флота и уже 24 октября, по согласованию с Украинским Генеральным комитетом Рады, при штабе флота официально аккредитован и поставлен на довольствие в качестве комиссара Центральной Рады капитан 2-го ранга Е. Н. Акимов. 1 ноября в Киеве учреждена Морская Генеральная Рада, а 16 ноября приказом командующего флота создана комиссия по передаче комиссару Центральной Рады крейсера «Память Меркурия»⁸⁷.

Хотя Севастопольский совет, сглаживая страсти, признал украинизацию флота на заседании 14 ноября, тогда же была вынесена симптоматичная резолюция: «Вражда между нами (русскими и украинцами. — *Авт.*) растёт и грозит залить нас потоками братской крови... Наша дружба свята,

вечно нерушима, мы братья по духу и крови». Подобные призывы, однако, тонули во взаимном недоверии. Трудно не согласиться с историком, резюмирующим: «...В условиях усиления политической конфронтации флот одновременно дал трещину и по национальной линии»⁸⁸.

Решение Рады о присоединении северных уездов Таврической губернии вызвало в Крыму всеобщее возмущение (исключая татар и большевиков). Кадеты, эсеры, меньшевики, еврейские партии, даже большинство делегатов от Северной Таврии на губернском съезде 20–23 ноября, протестуя против односторонней акции, ставили закономерный вопрос: а как же быть с волей народа, с правом на самоопределение, которым воспользовалась сама Рада, провозгласив независимость Украины? На упоминавшемся заседании 15 ноября эсер А. В. Либеров рассуждал: «...Вопрос об отношении к украинской республике нужно было направить... к тем жителям северных уездов Таврии, которые в один день оказались «аннексированными» украинской республикой. Между тем, днепровский уездный съезд крестьянских депутатов отрицательно отнёсся к центральной раде, мелитопольский — отказался обсудить этот вопрос, и только одна из 29 волостей мелитопольского уезда (Покровская) высказалась за признание центральной рады... Кто же имел право решить вопрос помимо самого населения?»⁸⁹. Резонно.

Член СЕРП И. Б. Яхинсон сумел заглянуть в будущее. В своей незаурядной статье «Украинская Республика и Учредительное Собрание» он писал: «Положим, что каждая часть России может *самостоятельно*, не спрося других частей, соседних с ней, самоопределиваться, т. е. установить свои географические, этнографические или исторические границы... Допустим. Но ведь это самоопределение должно быть актом *народной воли*, а не большей или меньшей, пусть и организованной, но всё же *группы*, какой является малая рада. (...) Универсал об украинской республике, провозглашённый без ведома национальных меньшинств Украины, не может не вызывать среди них недовольства. (...) И ведь ещё только начнутся разногласия по вопросу о границах Украины в тех губерниях, где украинцы не составляют абсолютного большинства. И кто будет разрешать эти споры о 3-х северных уездах Таврической губернии... и т. д.»⁹⁰.

Губернский съезд советов в середине ноября высказался за проведение в северных уездах референдума по вопросу о присоединении к Украине⁹¹. Время, однако, никак не благоприятствовало референдумам.

Итак, по мере разрастания и обострения событий всё более иллюзорными становятся «мартовские» свободы, вытесняемые правом сильного, всё более сомнительными — уверения в собственной демократичности и, в то же время, невзирая на все движения, партии, съезды, воззвания и провозглашения, всё более призрачным — право народов самим решать свою судьбу. Вслед за большевиками Рада также сделала шаг в направлении Гражданской войны.

Наметившийся было союз большевиков и украинских эсеров был перечёркнут ультиматумом Совета народных комиссаров Центральной рады 4 де-

кабря, которой предъявлялось требование признания большевистской власти, начавшейся войной на территории Украины и провозглашением 12 декабря Украинской Советской Республики. В этом конфликте СНП занял нейтральную позицию, исключая большинство «курултаевцев», склонявшихся к совместной с Радой вооружённой борьбе с большевиками.

В час ночи 16 декабря в Севастополе на заседании, созванном Черноморским Центрофлотом, создаётся чрезвычайный орган — временный Военно-революционный комитет под председательством большевика И. Л. Сюсюкалова. Временный ВРК заявляет о роспуске Севастопольского совета. Днём на объединённом заседании представителей судовых и береговых частей, президиума исполкома совета рабочих и военных депутатов, ЦК ЧФ, представителей социалистических партий и штаба революционного отряда избран Военно-Революционный комитет третьего, большевистско-левоэсеровского призыва: 18 плюс 2. Его возглавил Ю. П. Гавен, заявивший, что он берёт всю полноту власти в городе.

18 декабря был переизбран Севастопольский совет. Большевики получили 87 мест из 235, их союзники, левые эсеры, — 86, меньшевики и эсеры — 94 (1 января вышли из состава исполкома)⁹². Большинство из 50 беспартийных шли с большевиками. Председателем нового исполкома стал Н. А. Пожаров. Одновременные выборы в ЦК ЧФ тоже дали преимущество большевикам и левым эсерам.

3 января 1918 года «...Исполнительный комитет обращается ко всем Советам Крымского полуострова с предложением немедленно приступить к образованию Красной гвардии для защиты завоеваний революции от посягательства контрреволюционеров, под каким бы флагом они не выступали»⁹³. Флот и город-крепость переходят в руки большевиков. «Севастополь стал Кронштадтом Юга»⁹⁴. Это был третий (см. выше) и, как показало самое ближайшее будущее, сильнейший и активнейший центр власти в Крыму. *А ревкомы (ВРК), подменяя собою советы, распространяются по всему Крыму*⁹⁵. Наконец, 12 января создаётся Военно-революционный штаб, куда делегировали своих представителей ЦК ЧФ, Севастопольский ВРК, исполком Севастопольского совета и главный заводской комитет. Штаб претендовал на ведущую роль в военных вопросах, но, ввиду разнobia мнений и позиций и отсутствия своего технического аппарата, реально таковую осуществлять не мог. Это обилие руководящих инстанций с неопределёнными и пересекающимися функциями и полями деятельности никак не способствовало чёткому управлению матросско-солдатской массой в чрезвычайной и предельно запутанной ситуации и не могло надёжно противостоять идущим снизу стихийным, разрушительным импульсам.

Из конгломерата инстанций закономерно выдвинулся на первый план Черноморский Центрофлот, который более-менее реально и руководил боевыми действиями. Это был весьма оригинальный властный орган. Он «являл собой сочетание политического органа, построенного по образцу Со-

ветов (пленарные заседания, исполнительный комитет, действовавший в период между этими заседаниями, подотчётность Всечерноморским съездам) и одновременно органом руководства флотом (наличие собственного аппарата управления, включающего военно-морской или оперативный отдел). Кроме того, к услугам Центрофлота всегда был штаб флота и все его технические средства связи»⁹⁶.

Большевики пытались ввести разбушевавшийся поток ненависти и насилия хоть в какие-то рамки. Севастопольский ВРК постановил: обыски и аресты могут производиться только по ордерам, им выданным, а все задержанные будут находиться в его ведении; дела разбираются следственными комиссиями и решаются на открытых заседаниях ревтрибунала; самочинные отряды подчиняются распоряжениям ревкома, не желающие подчиняться — разоружаются; на всех судах и во всех воинских частях избираются корабельные и ротные комиссары. Матросам воспрещалось сходить на берег без ведома судовых комитетов. ВРК включил в свою компетенцию борьбу с контрреволюцией и контроль над командным составом флота, крепости, гарнизона, дальнейшее формирование Красной гвардии. Севастопольский комитет РСДРП(б) выпустил 17 декабря воззвание «Против самосудов!». В нём говорилось: «Гнев народный начинает выходить из своих берегов... Партия большевиков решительно и резко осуждает самочинные расправы... Товарищи матросы! Вы знаете, что не у большевиков искать контрреволюционерам пощады и защиты. Но пусть их виновность будет доказана народным гласным судом... и тогда голос народа станет законом для всех»⁹⁷.

Тем не менее, в ночь с 19 по 20 декабря было убито ещё 7 человек. Среди них — о. Афанасий (Чефранов), обвинённый в нарушении тайны исповеди арестованных матросов «Очакова»⁹⁸.

В третьей декаде декабря 1917 года вновь обострился вопрос об украинизации флота: на линкоре «Воля» был поднят украинский флаг, но в знак протеста против этого матросы — 300 русских и 400 украинцев — пригрозили покинуть корабль, команда которого состояла из 1220 человек. 23 декабря на заседании ЦК ЧФ решили созвать по данному поводу судовые и береговые комитеты. На следующий день собрание комитетов решает спустить с «Воли» украинский флаг и поднять красный.

Вскоре Центральная Рада через штаб Одесского военного округа объявила демобилизацию всех неукраинских войсковых частей на Украине и немусульманских в Крыму⁹⁹. Последнее явно противоречило III Универсалу.

Декабрь приносит первые факты столкновений между татарами и русскими в деревнях. В городах же вызываясь ведут себя татарские эскадронцы, начинающие представлять элементарную житейскую опасность для обывателя. Первое вооружённое столкновение между матросами и татарскими частями происходит в Александровске (ныне Запорожье). Здесь 22 декабря развернулись бои между вторым маршевым эскадром крымского резервного кавалерийского полка и отрядом матросов, которые пытались захватить город.

Ранее, 17 декабря, части Крымского штаба принесли присягу Национальному правительству. Церемония состоялась в Симферополе. Среди прочих крымскотатарских лидеров присутствовали Дж. Сейдамет и А. С. Айвазов. Сейдамет обратился к присутствующим с примечательной речью: «Впервые воины Крыма дают торжественный обет верности собственному народу, собственной родине и собственной Конституции.

Все прежние присяги вплоть до сегодняшнего дня приносились чужим властям, ибо Крым после потери им независимости должен был служить русскому царскому правительству, приносить ему присягу и нести жертвы, нужные тиранам и империалистам. Впервые клянёмся мы сегодня служить мусульманскому Крыму, собственному народу и защищать свою отчизну, клянёмся в верности её Конституции и в готовности пожертвовать собой во имя собственной нации. (...) В то время как Россия горит в огне анархии, крымские мусульмане сохраняют в Крыму покой и порядок и не забывают о своих обязанностях перед населением. (...) Татарский народ уже спасён, и он никогда не отдаст то, чего он достиг. (...) Какие бы изменения ни произошли в России, Крым и крымские мусульмане никогда не отступят с избранного и определённого их волей пути. Пусть услышит об этом весь Крым, вся Россия и даже весь мир. (...) Крымские татары не эгоистичны. Наши славные предки, не задумываясь, жертвовали собой в битвах за счастье других. Так и сегодня крымские татары будут стоять на страже безопасности не только собственного счастья и собственных интересов. Они защищают всё население Крыма. Они думают о колыбели тюрко-татарского мира, о великом Туркестане, о Поволжье и мечтают принести и туда новую жизнь и воодушевление. (...) Никому не удастся перечеркнуть путь, предначертанный нашему народу его Конституцией. Пусть будет отсечена рука, которая на это поднимется»¹⁰⁰.

20 декабря Национальное правительство обратилось к войскам Крымского штаба с воззванием «К оружию!»¹⁰¹.

Что же представляли из себя силы противников в декабре-январе 1917–1918 годов?

Крымский штаб. Кавалерийская бригада из двух полков, две полевые батареи, мусульманский батальон, реорганизованный в полк пехоты. Последний стоял в Симферополе, включал четыре роты — около 700 солдат, а также, в качестве добровольцев, учащих татарской гимназии. Здесь же располагалась воинская часть из 2 тысяч (весьма условная цифра) русских офицеров. Однако после очередного конфликта «курултаевцев» с русской общественностью в начале января офицеры большей частью предпочли остаться в стороне.

Курултай мог располагать 6 тысячами «национальных» штыков и сабель. На местах имелись вооружённые отряды национальной милиции.

Севастопольский ВРК. Большая часть военных судов ЧФ с экипажами, крепостная артиллерия Севастополя, направленные в пехотную службу

матросы и сама пехота, рабочие отряды — Красная гвардия. *Превосходство над противником — в 7–8 раз.*

Попытки «курултаевцев» найти союзников среди единомышленников оказались практически безрезультатными, что продемонстрировало уже отношение последних к Курултаю. Так, во второй половине декабря 1917 года через турецкого посла в Москве Галиба Кемаля Бея Ч. Челебиев и Дж. Сейдамет передают одному из руководителей Турции Талаат Мехмеду-паше¹⁰² меморандум, в котором информируют турецкое правительство о национальном движении крымских татар, связях с Украиной, и предлагают Турции свою помощь. Однако Талаат Мехмед-паша, не имея адекватного представления о ситуации в Крыму, крымскотатарский фактор, в том числе и на переговорах в Брест-Литовске, не использовал. Только спустя три месяца он с горечью признал свою ошибку, которая заключалась в том, что он считал крымскотатарское движение не более чем «маленькой группой воодушевлённых молодых татарских идеалистов»¹⁰³. Что касается тюрок других регионов России, то они поддержали (письменно) крымских татар во время июльского кризиса и ареста Ч. Челебиева (Военный совет мусульман всей России — Харби Шуро, Казань); лозунг «Крым для крымцев!» (Национальный комитет магометан Дагестана, тюркские федералисты в Киеве); готовящийся Курултай (волжско-уральские татары). В свою очередь, крымские татары, дабы смягчить тяжёлое материальное положение Национального правительства — Милли-Идаре «Идель-Урала» (т. е. волжско-уральского региона), перевели ему собранные 200 тысяч рублей. Группа крымскотатарской молодёжи посетила Туркестан, желая помочь местному национальному движению. Но всё это было лишь тенью общемусульманской солидарности¹⁰⁴.

Крымский штаб издаёт один за другим приказы: об отправке частей в приморские города (что вызвало кровавое столкновение эскадронцев с рабочими на симферопольском вокзале), о разоружении Евпаторийского гарнизона (что резко усилило напряжённость и в этом городе, и в Севастополе) и солдат не-крымчан, отправляемых домой; о всеобщей мобилизации (которая никак не могла быть «всеобщей» из-за установки на национальный состав воинских частей). 26 декабря напряжённость между Крымским штабом и Севастопольским ВРК усилилась ещё более. ВРК потребовал разоружить служивших в штабе русских офицеров, на что глава правительства Ч. Челебиев ответил категорическим отказом.

Штаб, в лице полковника Е. И. Достовалова¹⁰⁵, разрабатывает план захвата Севастопольской крепости. П. Н. Врангель вспоминает: «Хотя предложенный и разработанный полковником Достоваловым план и был всеми присутствующими на совещании (видимо, 6 или 7 января 1918 года. — *Авт.*) военными лицами, в том числе и мною и начальником штаба Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее «военный министр» (Дж. Сейдамет. — *Авт.*), выслушав присутствующих, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым, и предложил начальнику шта-

ба отдать немедленно распоряжение для проведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение»¹⁰⁶.

План, как и предполагал Врангель, оказался нереальным. Но в знак протеста против этих замыслов из СНП вышли меньшевики. Эсеры, напротив, намерения одобрили. Кстати, на своём партийном съезде 5–6 января они высказались за вооружённую борьбу с большевиками.

Итак, примерно с середины декабря волна насилия разливается по городам Крыма. Только две партии не принимают участие в этой вакханалии. Это народные социалисты, партия ненасильственных действий, и это меньшевики — об их установках говорилось выше. Все остальные политические круги, в первую очередь, большевики, левые эсеры и анархисты, а также доминирующая часть «татарской партии» и эсеры стояли за вооружённые действия.

В Крыму запылала Гражданская война.

Подводя итог уходящему, 1917 году, публицист А. Ильин писал: «Разрушены железные дороги, приостановлена почти работа телеграфа. Жизнь как бы замерла, здоровое биение пульса страны остановилось. (...) Вместо творческой созидательной работы у нас растёт и множится анархия, всюду дикий разгул разъярённой толпы, разбоя, грабежи, самосуды, расстрелы, всюду хаос и разрушение, идёт братоубийственная война, улицы городов залиты кровью уничтожающих друг друга людей, всюду безумие и ужас.

И кто знает, когда кончится эта сатанинская пляска. Дошли ли мы до той последней черты, переход которой знаменует собой перелом в сторону отрезвления и сознательного отношения масс к судьбам страны? Или нам суждено пережить ещё большее развитие ужасов анархии?»¹⁰⁷.

А «сатанинская пляска» только начиналась.

¹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. П. Н. Надинский. — Симферополь, 1957. — Т. I. (Март 1917 г. — апрель 1918 г.). — С. 97.

² Атлас М. Л. Борьба за Советы. Очерки по истории Советов в Крыму. 1917–1918 гг. — Симферополь, 1933. — С. 57–58.

³ Кришевский Н. В Крыму (1916–1918 г.) // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. — М., 1992. — Т. 13–14. — С. 99–100 (Репр).

⁴ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 40. — Л. 4. Другие. Постановление Феодосийской городской думы 30 октября: «Феодосийская городская дума решительно протестует против захвата власти вооружённой силой в стране, где существует полная политическая свобода слова, отказывается признавать и поддерживать эту власть, насильственно навязанную огромному большинству населения страны, и призывает население не выполнять распоряжений этой власти, сохранять спокойствие и выдержку, не поддаваться влиянию вздорных слухов и спасти город от таких погром-

ных эксцессов, которые уже имели место во многих местах России» (Южные Ведомости (Симферополь). — 1917. — 4 ноября). Постановление земского собрания г. Ялты 30 октября: «...Признало необходимым определённо и ясно заявить, что оно *решительно осуждает восстание большевиков*, как попытку силой навязать большинству страны волю меньшинства, и считает *необходимым поддерживать временное правительство*, дабы довести страну до Учредительного Собрания, которому и должна принадлежать вся полнота власти, как истинному хозяину и устройтелю страны. Лозунг большевиков — «вся власть советам» — неприемлем, так как, кроме советов, в настоящее время имеются в России земские и городские самоуправления, избранные всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, выражающие подлинную волю народа. В Ялтинском уезде этот лозунг имеет ещё меньшие основания, так как большая половина населения — татары, имеющие свою особую организацию, единственно авторитетную для татарского населения» (Южные Ведомости. — 1917. — 3 ноября). И так далее.

⁵ Цит. по: Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — [Симферополь], 1927. — С. 85. (Крымский Вестник (Севастополь). — 1917. — 5 ноября).

⁶ Задача момента в интересах охраны порядка и защиты революции // Голос Татар (Симферополь). — 1917. — 1 ноября. (Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). — Симферополь, 1996. — Выпуск 3. — С. 20). «...До войны десятки миллионов мусульман шли в России за «кадетами», — разъяснял А. А. Боданинский позицию Мусисполкома относительно партии народной свободы, — но когда началась война и Миллюков заговорил о проливах и Константинополе, татары поняли, что кадеты преследуют завоевательные цели и ушли влево. (...) Россию к гибели привела *империалистическая политика кадетов* (курсив наш. — Авт.)» (Южные Ведомости. — 1917. — 4 ноября).

⁷ С-Дж. Хаттатов: «Татары будут бороться против анархии всеми силами, откуда бы анархия не исходила — со стороны ли «большевиков» или правых групп» (Южные Ведомости. — 1917. — 4 ноября).

⁸ Цит. по: Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит. (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма). — Казань, 1992. — С. 94. (Южные Ведомости. — 1917. — 27 октября).

⁹ Цит. по: Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 84.

¹⁰ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 36. — Л. 35–36 об.

¹¹ Новицкий П. Война гражданской войне // Прибой (Севастополь). — 1917. — 9 ноября.

¹² Цит. по: Баранченко В. Е. Гавен. — М., 1967. — С. 76. См. также: Елагин В. Евпаторийский Октябрь и начало Соввласти // Революция в Крыму. — Симферополь, 1922. — № 1. — С. 46.

¹³ В связи с частыми выступлениями Ж. А. Миллера на различных форумах появилось следующее, весьма забавное обращение в газету: «Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и вы, граждане Симферополя, знающие меня. (...) Я социалист-революционер... не могу, да и не посмею продавать идею народоправства. Могу ли я, рабочий, исповедующий идею социализма много лет, прикрываться

завесой большевизма и, создавая погромы, сатанински улыбаться? Нет, нет и тысячу раз — нет! (...) Убедительно пропущу не смешивать — электротехника депо «Симферополь» *Ивана Миллера* с большевиком *Жаном Миллером* (*Иван Миллер. Товарищи, не смешивайте! // Южные Ведомости. — 1917. — 17 ноября*). В то же время примечательно, что в эти ноябрьские дни Ж. А. Миллер получает письмо от Секретариата ЦК, в котором было отмечено: «*И честь и слава не только передовым застрельщикам, а всем тем товарищам, которые сумели расшевелить стоячее болото многих забытых углов России* (курсив наш. — *Авт.*) и тем самым дадут возможность, вероятно, обойтись без мелких или крупных Вандей» (13 ноября) (*Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917–1918 годах (хроника событий). [Октябрь 1917 — октябрь 1918]. — М., 1974. — С. 64*).

¹⁴ *Гавен Ю.* Октябрь в Крыму // *Революция в Крыму. — Симферополь, 1922. — № 1. — С. 19.*

¹⁵ *Королёв В. И.* Черноморская трагедия. (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). — Симферополь, 1994. — С. 18.

¹⁶ Цит. по: *Баранченко В. Е.* Гавен. — С. 77.

¹⁷ **Роменец Василий Власьевич** (1889–1957). Родился в г. Кролевец (ныне Сумской обл.). Служил матросом на Балтике (1910–1912), затем до 1916 года на Черноморском флоте. Член партии большевиков с 1917 года. В августе 1917-го направлен в Севастополь. Председатель Севастопольского полужкипача и член исполкома Севастопольского совета, член Центрального комитета Черноморского флота (ЦК ЧФ, Центрофлота). С ноября 1917-го по февраль 1918 года — главный комиссар Черноморского флота. После потопления флота в Новороссийске — военный комиссар Кубано-Черноморской республики. В 1918-м арестован петлюровцами и приговорён к смертной казни, однако, сумел бежать. В 1919–1920 годах воевал с белыми на юге. В 1921 году — комиссар штаба артиллерийской обороны Кавказского побережья. В дальнейшем на партийной и советской работе. (*Негодова Е. М.* Роменец Василий Власьевич // Севастополь. Энциклопедический справочник / Ред.-сост.: М. П. Апошанская. — Севастополь, 2002. — С. 436).

¹⁸ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе // *Крымский архив (Симферополь). — 2002. — № 8. — С. 247. [Окончание].*

¹⁹ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 82.

²⁰ *Южные Ведомости.* 1917. 25 ноября. Подробнее о съезде см.: *Королёв В. И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года. (Политические партии и власть). Симферополь, 1993. — С. 34–38.

²¹ *Южные Ведомости.* — 1917. — 25 ноября.

²² *Зарубин В. Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) // *Историческое наследие Крыма (Симферополь). — 2003. — № 1. — С. 60.*

²³ *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). — М., 1992. — Ч. I — С. 82–83.

²⁴ *Голос Татар.* — 1917. — 20 декабря. Врангель рисует несколько иную картину: «В распоряжении правительства имелась и горсточка вооружённой силы: занимавший гарнизоны Симферополя, Бахчисарая и Ялты Крымский драгунский полк, укомплектованный крымскими татарами, несколько офицерских рот и, кажется, две полевые батареи» (*Врангель П. Н.* Указ. соч. — С. 82). Штаб испытывал

большие трудности с обмундированием и вооружением, поэтому был создан комитет по сбору пожертвований на нужды краевых войск. Только сельское население Южного берега Крыма собрало к началу января 400 тысяч рублей (Ялтинский Голос. — 1918. — 5 января).

²⁵ Соколов. Новая власть в г. Симферополе // Известия Феодосийского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. — 1917. — 1 декабря.

²⁶ Е.В. Учредит[ельное]. собр[ание]. власть народа! // Южные Ведомости. — 1917. — 12 ноября.

²⁷ Королёв В. И. Избирательные кампании 1917 года в Таврической губернии // Крымский музей 1995–1996 гг. (Симферополь). — 1996. — С. 73–74.

Мнения о роли Учредительного собрания принимали порой весьма причудливые формы. Один пример. 22 ноября в Севастополе проходил митинг, устроенный делегацией от Балтийского флота. «...Один из присутствующих внёс предложение снести стоящий на бульваре памятник «принцессе», т. е. Екатерины II.

...Представитель Балтийского флота запротестовал и указал, что такой факт может вызвать «дезорганизацию во всём гарнизоне». Тогда другой балтиец внёс компромиссное предложение надеть на голову статуи мешок. Но и тут он натолкнулся на протест первого балтийца, который заявил, что памятник нужно сохранить, потому что неизвестно ещё, как разрешит этот вопрос Учредительное Собрание. И потому он предложил *оставить этот вопрос открытым* до разрешения его Учредительным Собранием (!! — *Авт.*). И когда присутствующие деловито одобрили это решение, мне показалось, что Её Величество футуристическая неожиданность (на одном из своих вечеров Игорь Северянин провозгласил: «Неожиданность — вот наш девиз». — *Авт.*) выпрямилась во весь рост и, торжествуя и ликуя, грянула в тысячи барабанов и флейт победный гимн в честь одоления ошарашенной логики. И мне уже представилось, как полное кипучей энергии новорождённое Учредительное Собрание «приняв к сведению» разрешённые декретом (декретами II Всероссийского съезда Советов. — *Авт.*) вопросы о мире, земле и пр. и пр. и пр., приступит к тщательному разрешению вопроса о дальнейшей судьбе памятника Екатерины на Симферопольском бульваре и постановит надеть на голову Екатерины мешок от... реквизированного большевиками хлеба. Потому что если устройство России будет идти с такой неослабной и буйно скачущей энергией, с какой это проводится теперь, то перед взором грядущего хозяина земли русской — Учредительного Собрания останутся только памятники бывших Российских самодержцев и пустые мешки из-под реквизированного хлеба» (*Ните. О политическом футуризме // Прибой. — 1917. — 24 ноября*).

²⁸ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 76.

²⁹ Южные Ведомости. — 1917. — 2 декабря.

³⁰ Королёв В. И. Избирательные кампании 1917 года в Таврической губернии. — С. 79–80.

³¹ И. И. Бунаков предложил отложить на время поимённое голосование по вопросу о мире и «принять в первом чтении не декрет, не маленькую декларацию, а настоящий, строго проработанный и выкованный всей русской жизнью, всем крестьянством основной закон о земле» (Всероссийское Учредительное Собрание. Первый и единственный день его занятий (5–6 января 1919 года). (Перепечатка стенографического отчёта, изданного по распоряжению Председателя Учредительного Собрания). — Одесса, 1918. — С. 94 (Репр.), проявив тем самым истинно государственный подход.

³² Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. — С. 5.

³³ «Старая Россия не признавала юридического существования национальностей. После революции 1917 г. Временное правительство готово было «признать за всеми народностями право на самоуправление» и готовило закон «об употреблении местных языков». Велись и переговоры об автономии с отдельными национальностями. Но события опередили эти благие намерения (курсив наш. — Авт.). Требования народностей быстро возрастали, соответственно ускорявшемуся темпу событий, и большевики, как и в других жгучих вопросах, на этом развили свою демагогию» (Милоков П. Н. Неопубликованный конспект лекции П. Н. Милокова «Национальность и интернационализм», прочитанной в 1925 г. в Париже / Подготовлено к печати В. А. Кувшиновым // Клио. Журнал для учёных (СПб). — 1998. — № 2(5). — С. 229).

³⁴ Чотири Универсали. — К., 1990. — С. 10.

³⁵ Крым (Симферополь). — 1918. — 10 мая.

³⁶ Seydahmet (Kırimer) Cafer. Bazı hatıralar [Из воспоминаний]. — İstanbul, 1993. — S. 207.

³⁷ Гавен Ю. П. Борьба большевистского подполья за Советский Крым // Революция в Крыму. — [Симферополь], 1930. — № 9. Сборник материалов к десятой годовщине советизации Крыма. — С. 9.

³⁸ Южные Ведомости. — 1917. — 16 ноября.

³⁹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. 1. — С. 118–119. Почему-то М. Ф. Бунегин упорно настаивает, что национальный вопрос на ноябрьской конференции не обсуждался (Указ. соч. — С. 78, 82). Возможно, он знал нечто такое, чего не знаем мы; возможно, просто не ведал о соответствующей резолюции. Во всяком случае, если такая резолюция и была принята конференцией, то местные большевики не приложили ни малейших усилий к её популяризации, не говоря уже о реализации. С другой стороны, Бунегин абсолютно прав, отмечая: «татарский сектор в организации совершенно отсутствовал, и связи не только с татарской деревней, но и с деревней вообще не было (курсив наш. — Авт.)» (Там же. — С. 83). Это обстоятельство впоследствии сыграет для большевиков буквально убийственную роль.

⁴⁰ «Солдаты ведут топить к Мойке до полусмерти избитого вора, он весь облит кровью, его лицо совершенно разбито, один глаз вытек. Его сопровождает толпа детей; потом некоторые из них возвращаются с Мойки и, подпрыгивая на одной ноге, весело кричат:

— Потопили, утопили!

Это наши дети, будущие строители жизни (курсив наш. — Авт.)!» (Горький М. Несвоевременные мысли. «Новая Жизнь» № 195, 7(20) декабря 1917 г. // Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). — М., 1990. — С. 92).

⁴¹ Кришевский Н. Указ. соч. — С. 102.

⁴² Согласно Владимиру Лобыцкыну и Владимиру Дедичеву, «севастопольские события начались с того, что 13 декабря 1917 года на миноносце «Фидониси», находящемся в море, выстрелом из машинного люка был убит гулявший по палубе мичман Николай Скородинский, общий любимец команды, воображавший себя её руководителем» (Еремеевские ночи // Родина (Москва). — 1997. — № 11. — С. 28).

У Н. Кришевского, воспоминания которого, судя по тексту, оказались вне внимания авторов, всё-таки есть мотивация убийства. Здесь же она наичисто отсутствует. К сожалению, Лобыщын и Дедичев не знали и того, что первая статья о севастопольском терроре 1917–1918 годов, принадлежащая перу одного из авторов настоящей работы была опубликована *за два года* до их собственной (Зарубин А. Севастопольская трагедия. К событиям 22–24 февраля 1918 года) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь). — 1995. — №11. — С. 52–59; до этого материалы о севастопольских казнях А. Г. Зарубин поместил на страницах газет «Таврические ведомости» (Симферополь) (1995. — 25 июня) и «Крымские известия» (1995. — 25 ноября) (Симферополь)). Ценность же статьи В. Лобыщына и В. Дедичева мы видим в привлечении опубликованных за рубежом записок современников и невольных участников событий: Я. Шрамченко, Н. Монастырёва, Н. Гутана, а также материалов архива ВМФ и публикации в журнале «Возрождение». В. В. Крестьянников сообщает, что Н. Скорodinский 12 декабря на «Фидониси» был смертельно ранен коचेгаром Коваленко за то, что тот сделал ему замечание за нерадивую службу (Крестьянников В. В. Указ. соч. — С. 248).

⁴³ Кришевский Н. Указ. соч. — С. 103.

⁴⁴ Крестьянников В. В. Указ. соч. — С. 248.

⁴⁵ Из резолюции общего собрания Черноморского флотского экипажа 23 ноября: «Совет бездействует, не проводит в жизнь декретов СНК, не переизбрал гор[одскую] думу, не ввёл раб[очий] контроль над производством, не ликвидировал сословных учреждений, платит жалованье старым чиновникам» (Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. 1. — С. 115). «Известия Севастопольского Совета Рабочих и Военных Депутатов» тогда же (13 декабря) нисали: «В момент Октябрьской революции Совет объявил, что берёт власть в свои руки. Однако Совет вёл политику выжидательную, совершенно не проводя в жизнь принятого решения... Буржуазия... начала решительный натиск на революцию... Ни одна практическая мера Исполнительным комитетом не была принята, несмотря на неоднократные энергичные требования фракции большевиков. Не читая возможным ни в какой мере нести ответственность за такую гибельную для дела революции тактику Исполнительного комитета, фракция видит себя вынужденной отозвать из Исполнительного своих представителей» (Цит. по: К. Я. Зенченко, Т. И. Нехамкина. Победа Великого Октября в Крыму. — Симферополь, 1957. — С. 23–24).

⁴⁶ Цит. по: Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 105, 107.

⁴⁷ Крымский Вестник. — 1918. — 30 января.

⁴⁸ См. подробнее: Крестьянников В. В. Указ. соч. — С. 249–250.

⁴⁹ Гавен Ю. Октябрь в Крыму. — С. 17; Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 107.

⁵⁰ Крестьянников В. В. Указ. соч. — С. 250.

⁵¹ Цит. по: XV лет советизации Крыма. — [Симферополь], 1935. — С. 15.

⁵² Кришевский Н. Указ. соч. — С. 103–104, 105, 107. В упоминавшейся статье В. Лобыщына и В. Дедичева нет ссылок также на Ю. П. Гавена и М. Ф. Бунегина. Здесь вообще рисуется несколько иная картина происшедшего, нежели в наших источниках. Убийство Н. Скорodinского *предшествует* похоронам матросов, погибших на Дону (14 декабря). Упоминается первая заметка об убийствах, появившаяся в севастопольском «Вольном Юге» (17 декабря; около 30 офицеров). Первыми вечером 15 декабря, пишут Лобыщын и Дедичев, было расстреляно 6 офицеров Минной бригады, причём в их числе называют мичмана Виктора Горенко,

младшего брата Анны Ахматовой, чему последняя посвятила стихотворение (цитируется). Впоследствии выяснилось, что в действительности был расстрелян другой мичман — Виктор Краузе. 29 декабря был опубликован список расстрелянных из 23 человек. Тогда же (конец декабря — начало января) ревтрибунал приговаривает ряд офицеров к различным срокам (среди них — контр-адмирал М. Л. Львов, бывший в 1912 году командиром крейсера «Память Меркурия» (к 10 годам лишения свободы); Ф. Ф. Карказ, капитан I ранга, участник суда над П. П. Шмидтом (по требованию сына Шмидта. Приговорён к 10 годам тюрьмы); И. Г. Цвингман, капитан 2-го ранга, в 1912 году — офицер линкора «Евстафий» (к 3 годам) (*Лобыцын В., Дедичев В.* Указ. соч. — С. 28–30).

⁵³ *Сапожников А. Л.* Крым в 1917–1920 годах. По воспоминаниям отрока из семьи последних крымских помещиков. 1. Евпаторийские варфоломеевские ночи. Как это было: на самом деле — и по Сельвинскому // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 230.

Сапожников Алексей Львович (1906–1989). Из потомственных дворян Нижегородской губернии, вырос в семье офицера лейб-гвардии Павловского полка. Мать — Ксения Сергеевна, урождённая Казы (из греков), последняя владелица имения Бурлюк на р. Альме. 1917–1920 годы прожил в Крыму. Оставил после себя большой архив и огромную коллекцию биографических, генеалогических и иконографических сведений о деятелях России, а также воспоминания, подготовленные к публикации его сыном С. А. Саножиновым (*Кавтарадзе А. Г.* Крым в 1917–1920 годах. По воспоминаниям отрока из семьи последних крымских помещиков // Там же. — С. 200–201).

⁵⁴ *Горький М.* Несвоевременные мысли. «Новая Жизнь» № 13 (227), 19 января (1 февраля) 1918 г. // Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). — С. 117.

⁵⁵ Голос Татар. — 1917. — 11 ноября. (*Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 20–21).

⁵⁶ ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 10 об.

⁵⁷ Голос Татар. — 1917. — 11 ноября. (*Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 21). Дж. Сейдамет, скрывая свои истинные планы, пытался развеять обоснованные опасения нетатарского населения о том, что «курултаевцы» ведут дело к установлению татарской гегемонии в Крыму: «Мы против татаризации Крыма, но мы против суверенной власти какой бы то ни было другой национальности над Крымом. Если мы созываем татарское национальное учредительное собрание «Курултай», то только для того, чтобы выяснить для себя и выявить перед другими волю татарской национальности, но и голос татар ещё не есть голос всего Крыма. Для этого необходимо общекрымское учредительное собрание, в котором должны принять участие все народности, населяющие Крым» (Южные Ведомости. — 1917. — 18 ноября).

⁵⁸ П. Б. «Крым для крымцев» // Южные Ведомости. — 1917. — 6 ноября.

⁵⁹ *Айвазов А. С.* История национального движения в Крыму // Восточный Свет (Москва). — 2005. — № 3. — С. 33.

⁶⁰ *Червоная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П.* Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и мировой историографии: исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития // Ас-Алан (Москва). — 2003. — № 1(10). — С. 152.

⁶¹ Голос Татар. — 1917. — 11 октября.

⁶² Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М., 1985. — С. 172.

⁶³ Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и ком. Е. В. Бахревского. — Симферополь, 1999. — С. 44, 102.

⁶⁴ Цит. по: Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымско-татарское национальное движение. — М., 1993. — Т. 2. Документы. Материалы. Хроника. — С. 174.

⁶⁵ Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П. Указ. соч. — С. 153.

⁶⁶ Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 33.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Сеитбекиров Э. Священная борьба крымских татар (к 80-летию I Курултая). VII. Большевизм есть сила разрушительная // Голос Крыма (Симферополь). — 1997. — 19 декабря.

⁶⁹ Голос Татар. — 1917. — 20 декабря.

⁷⁰ Сам Дж. Сейдамет даёт несколько иную классификацию: правые — 8–9 депутатов из среды традиционалистского духовенства, левые (социалисты) — 11–13, прочие, огромное большинство, — центр. «Центр Курултая, — пишет Сейдамет в своих мемуарах, — был глубоко национальным; он базировался на историческом проплате крымских тюрок и их национальной трагедии. Этот центр был инициатором созыва самого Курултая. Его стремлением было по возможности скорейшим образом превратить Крым в народную республику и образовать национальный парламент. Противовес этому составляла левая группа Курултая, образованная из духовных наследников крымскотюркской молодёжи периода революции 1905 года; она находилась под сильным влиянием русской революционной партии (? — *Авт.*) и ставила на первый план дело защиты революции и решение социальных проблем. Левая группа, которая была против отделения Крыма от остальной революционной России, возлагала свои надежды на Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было конституционным путём создать федеративное демократическое государство; поэтому она занимала негативную позицию по вопросу о созыве Учредительного собрания в Крыму. Центр же был того мнения, что большевики не допустят созыва Всероссийского Учредительного собрания, и выдвигал требования созыва *Учредительного собрания в Крыму* (курсив наш. — *Авт.*), которое он считал нужным провести даже в случае созыва Всероссийского Учредительного собрания, чтобы осуществить право крымского населения на самоопределение. При этом стремления центра были связаны с задачей отделения Крыма от России (курсив наш. — *Авт.*). Наконец, центр считал необходимым действовать заодно со всем мусульманско-тюркским населением России и выполнить решения Первого Всероссийского мусульманского съезда о территориальной автономии. Это также противоречило позиции левого крыла. Однако по вопросу о социальных и общественных реформах центр и левое крыло были совершенно едины и согласны друг с другом, даже центр проявлял большую радикальность, чем левое крыло...» (*Kriminal E. Der nationale Kampf der Krimtürken, mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918.* — Emsdetten, 1952. — S. 104–105 / Цит. по: Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П. Указ. соч. — С. 154–155).

Опубликованный газетой «Голос Крыма» от 3 июня 1994 года список делегатов I Курултая даёт много материала для размышлений. Как далеко разойдутся их пути! С. И. Идрисов (вместе с С. М. Меметовым) предпримет в январе попытку создать Крымскую социалистическую партию трудящихся, а затем станет замет-

ным советским деятелем Крыма. Братья Боданинские осенью 1918 года вступают в РКП(б), как и В. Ибраимов, будущий председатель КрымЦИКа. А Дж. Сейдамет предпочтёт правый фланг, резкое неприятие советского строя и эмиграцию.

⁷¹ Голос Татар. — 1917. — 20 декабря.

⁷² Верный путь к гражданскому противостоянию.

⁷³ Голос Татар. — 1917. — 20 декабря.

⁷⁴ Там же. (Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 24–27).

⁷⁵ См. Зарубин В. Г. К вопросу о первом опыте конституционного строительства в Крыму // Державно-правові проблеми Північного Причорномор'я: Історія та сучасність / Вісник Університету внутрішніх справ. — Харків, 1999. — Вип. 7. — Частина 1. — С. 48–53.

⁷⁶ Котиленко О. Л. Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу. — К., 2002. — С. 11–14.

⁷⁷ Там же. — С. 12.

⁷⁸ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 67. — Л. 60. (Опубликовано: Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 48).

⁷⁹ Позднее, в эмиграции, Дж. Сейдамет оценит курултаевскую конституцию следующим образом: «...При изучении конституции крымских тюрков можно заметить, что в ней преобладает идея тюркской государственности, а не идея французской независимости или русского размаха. В нашей конституции идея истинной демократии (что следует понимать под «истинной демократией»? — *Авт.*) прослеживается гораздо больше, чем идея социальной революции и свободы. В этом историческом документе в довольно ясной форме проявилась способность всех тюрков к истинной государственности...» (Seydahmet (Kırimer) Cafer. Bazi hatıralar. — S. 247).

⁸⁰ Цит. по: Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 102–103.

⁸¹ Ялтинский Голос. — 1918. — 4 января. (Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 27–28).

⁸² Цит. по: Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П. Указ. соч. — С. 159.

⁸³ Seydahmet (Kırimer) Cafer. Bazi hatıralar. — S. 236.

⁸⁴ Джан-Кая. Из записной книжки // Крым. — 1918. — 16 июля.

⁸⁵ Южные Ведомости. — 1917. — 17 ноября. Дословно: «Губернским комиссаром получена телеграмма от генерального комиссара по внутренним делам Випниченко о том, что губернские и уездные комиссары и их помощники в Таврической губернии отныне представляют собой органы власти генерального секретариата и обязаны остаться на своих местах. Никто, кроме генер[ального]. Секретариата, увольнять и назначать комиссаров и их помощников не имеет права.

Губернский комиссар получил предложение украинской рады именоваться народным комиссаром Украины по Таврической губернии».

⁸⁶ Антонович Дмитрий Владимирович (Муха, Войналович, Шельменко) (1877–1945). Родился в Киеве в семье известного украинского историка, археолога и этнографа, профессора Киевского университета В. Б. Антоновича. Учился на историко-филологических факультетах Киевского и Харьковского университетов. Со студенческих лет активно включился в политическую жизнь. 11 февраля 1900 года в Харькове выступил одним из организаторов Революционной украинской партии (РУП). Организатор и главный редактор партийного органа «Гасло» («Лозунг»). В декабре 1902 года вошёл в ЦК РУП. Вместе с В. К. Винниченко

входит в заграничный комитет партии. В декабре 1904 года принял участие в работе II съезда РУП, на котором произошёл раскол партии. Антонович поддержал большинство и вошёл в число основателей и лидеров Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). Публицист. В 1906 году оставил революционную деятельность и выехал за границу, где изучал историю искусства во Франции, Германии, Италии. С 1912 года преподавал историю украинского искусства в Киевской школе искусства, частных драматических студиях. Редактор органа УСДРП «Дзвін» («Звон»), сотрудничал с искусствоведческим изданием «Сяйво» («Сияние»). В годы Первой мировой войны уполномоченный Всероссийского земского союза, сотрудник Киевского отделения Красного Креста, занимался эвакуацией раненых с Юго-Западного фронта. После Февральской революции стал одним из основателей Центральной Рады. 17 марта 1917 года избран товарищем (заместителем) председателя Рады, 19 марта избирается председателем Украинского вече в Киеве. Однако затем не попал в состав нового состава Центральной Рады. Летом 1917-го от блока украинских партий избран гласным Киевской городской думы, в октябре — товарищ председателя Киевской городской думы. 22 декабря назначен генеральным секретарём по морским делам УНР, с 9 января 1918 года — министр морских дел. Малая Рада утвердила предложенный Антоновичем проект украинского морского флага, разработанный Морской Радой. Подал в отставку с поста министра 14 марта 1918 года. В июле 1918-го назначен генеральным консулом Украинской Державы П.П. Скоропадского в Швеции. В ноябре вошёл в состав Украинского национального союза на переговорах со странами Антанты (Яссы, 17–23 ноября 1918 года). В конце декабря — министр искусства в Директории УНР. В 1919 году — дипломатический представитель УНР в Риме. Один из основателей (1921), затем ректор (1928–1930, 1937–1938) Украинского свободного университета в Вене и Праге, в 1925–1945 годах — председатель Украинского историко-филологического товарищества и директор Музея освободительной борьбы Украины в Праге. Скончался и похоронен в Праге. Автор многих работ по проблемам искусствоведения и истории искусств. (*Верстюк В., Осташко Т. Діячі Української Центральної Ради.* — К., 1998. — С. 63–65; *Мамчак М. А. Флотоводці України. Історичні нариси, хронологія походів.* — Снятин. — 2005. — С. 190–195).

⁸⁷ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 308. [Часть 1].

⁸⁸ *Королёв В. И.* Черноморская трагедия. (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). — С. 18.

⁸⁹ Южные Ведомости. — 1917. — 16 ноября.

⁹⁰ Там же. — 1917. — 15 ноября.

⁹¹ Там же. — 1917. — 19 ноября.

⁹² В. В. Крестьянников называет несколько иные цифры: среди депутатов Севастопольского совета было 89 эсеров, 35 большевиков и им сочувствующих, 6 меньшевиков, 6 польских социалистов, 50 беспартийных. В исполком совета избрано 11 большевиков, 3 левых эсера и 5 беспартийных. (*Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе // Крымский архив. — 2002. — № 8. — С. 249. [Окончание].

⁹³ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. I. — С. 148–149.

⁹⁴ Гавен Ю. Октябрь в Крыму. — С. 18.

⁹⁵ Что было общероссийской тенденцией, просто началось раньше (и кончилось позже) именно в Крыму. «Власть из их (советов. — *Авт.*) рук перешла к «ревкомам» и прочим чисто большевистским по составу (неточно: первоначально в их составах фигурировали и левые эсеры, и анархисты. — *Авт.*) и никем никогда не избиравшимся «комитетам»...» (*Павлов Д. Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. — М., 1999. — С. 30).

⁹⁶ Дубко Ю. В. Советская Республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства. — Симферополь, 1999. — С. 58.

⁹⁷ Цит. по: *Баранченко В. Е.* Гавен. — С. 81.

⁹⁸ Лобыцын В., Дедичев В. Указ. соч. — С. 29.

⁹⁹ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе // Крымский архив. — 2002. — № 8. — С. 251. [Окончание].

¹⁰⁰ *Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П.* Указ. соч. — С. 164.

¹⁰¹ Голос Крыма. — 1917. — 20 декабря.

¹⁰² **Талаат (Талеат) Мехмед-паша** (1874–1921). Активист младотурецкой партии «Единение и прогресс». Арестовывался султанскими властями, выслан в Салоники, где возглавил местное отделение младотурецкой партии. После младотурецкого переворота (1908) избран депутатом меджлиса (парламента). В дальнейшем занимал посты министра внутренних дел, министра почт и телеграфа. Во время Балканских войн (1912–1913) служил в армии. Один из главных организаторов государственного переворота 23 января 1913 года, в результате которого к власти пришёл комитет «Единение и прогресс». вновь стал министром внутренних дел. Одновременно являлся председателем ЦК младотурецкой партии. Один из главных вдохновителей политики османизации — насильственного отуречивания нетурецких народов Османской империи, ярый сторонник панисламизма. Вместе с Энвер-пашой и Джемалем-пашой вошёл в состав правящего страной триумvirата, ответственного за депортацию и геноцид армянского населения. 7 октября 1918 года признал крах политики младотурок и отказался от власти. Переехал в Германию. Чрезвычайный полевой трибунал (Константинополь (Стамбул), 1919–1920 годы) заочно приговорил его к смертной казни за военные преступления и за «уничтожение армянского населения империи». Убит 15 марта 1921 года в Берлине армянским народным мстителем С. Тейлеряном. (*Боджсян М.* Талаат // Армянский вопрос. Энциклопедия / Ред. колл.: К. С. Худавердян (отв. ред.) и др. — Ереван, 1991. — С. 310).

¹⁰³ *Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П.* Указ. соч. — С. 161.

¹⁰⁴ См. там же. — С. 161–162. «Когда все части России залиты кровью, когда личные права и культура российских граждан топчется... ногами, крымские мусульмане в Крыму поддерживают и защищают общий мир и спокойствие и не дают Крым и крымцев топтать... ногами.

Вот почему сегодня крымец будет защищать не только свои интересы, но и интересы всех крымцев. В то же время он думает и о колыбели турко-татарского мира — Туркестане и о приволжских районах, Он считает своим долгом и туда дать дух и жизнь» (Константинопольская газета «Кърым Меджмуасы». — 1918. — № 3) (Цит. по: *Бочагов А. К.* Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Очерк. — Симферополь, 1930. — С. 47).

¹⁰⁵ **Достовалов Евгений Исаакович** (1882–1938). Сын статского советника. Закончил Сибирский кадетский корпус (1900), Константиновское артиллерийское училище (1902), два класса Императорской Николаевской академии Генерального штаба (1912). Участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1914 году капитан. С 1917 года — исполняющий дела начальника штаба 15-й пехотной дивизии, полковник. В декабре 1918 года — помощник начальника Штаба Крымских войск. 2 января 1918 года взят в плен, освобождён и уехал из Крыма (по другим данным: скрывался в Крыму до апреля 1918 года). С весны 1918 года в Добровольческой армии, до осени в штабе 1-й дивизии. Участник 2-го Кубанского похода. В ноябре — начальник Сальского отряда Донской армии, затем прикомандирован к Кубанскому военному училищу. С августа 1919-го — в распоряжении генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России, генерал-майор, обер-квартирмейстер Добровольческого корпуса, с марта 1920 года начальник штаба того же корпуса. В Русской армии П. Н. Врангеля начальник штаба 1-го армейского корпуса, с августа 1920-го — 1-й армии. Генерал-лейтенант. Эмигрант. В Галлиполи в управлении 1-го армейского корпуса. Затем жил в Греции. Вернулся в СССР, служил в Красной Армии. Расстрелян. (*Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). — М., 1997. — С. 90–91; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — СПб. — М., 2003. — С. 177).

¹⁰⁶ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — С. 83.

¹⁰⁷ Южные Ведомости. — 1917. — 25 декабря. Или, как буквально кричал другой автор: «Нельзя жить на вулкане. Нервы натянуты до последней степени, и жизнь превратилась в сплошной ад. Пора уже, пора воткнуть штык в землю. Нельзя проповедовать мир с немцем и войну с русскими гражданами, хотя бы инакомыслящими» (*Пасманик Д.* Кто прав? // Ялтинский Голос. — 1918. — 6 января).

ГЛАВА II

ГОД 1918-й.

Большевики приходят к власти

Итак, летом-осенью 1917 года страна проскочила узловую станцию, где ещё можно было сделать выбор; локомотив истории, набирая скорость, отбросил в стороны прогнозы, планы, желания и иллюзии миллионов. Впереди были неведомые полустанки Гражданской войны во всей её многоликости. В эту кровавую круговорот был втянут и Крым. Беспрецедентное число действующих лиц, их порой не слишком определённые интересы и позиции, взаимоотношения между ними, менявшиеся, как погода на полуострове, настолько усложняли смысл происходившего, что в нём запутались современники, да и мы с трудом можем (если можем) разобраться спустя девяносто лет.

Напомним, что представлял собой с политической точки зрения Крым перелома 1917–1918 годов. Два основных, противоборствующих, хотя порой и контактирующих, нацеленных на власть силовых вектора — большевики и их союзники (большей частью временные) против Курултая с его союзниками (то же), социалистами и русским офицерством, — были охвачены центробежными течениями. В антибольшевистском лагере не наблюдалось единства; офицерство, носитель, в большей своей части, зарождавшейся Белой идеи¹, в самом скором времени станет принципиальным противником любых национальных (местных) вожделений, равно как и социалистических проектов, да и сейчас, в январе 1918 года, по сути, устраняется от участия в конфликте. Большевики, среди которых были свои радикалы и свои умеренные, не могли полностью контролировать стихийную матросскую массу — собственную ударную силу. Бездумная установка Дж. Сейдамета на разделение войск Совета народных представителей (СНП) по национальному принципу² привела, в дополнение к украинцам и эскадронцам, к попыткам формирования греческого батальона, еврейского отряда, армянской и польской рот. В условиях Крыма это только усиливало воздействие на события этнического фактора, а, следовательно, и вероятность вооружённых столкновений. Видя, что за СНП стоит Штаб крымских войск — Крымский штаб, взявший курс на вооружённое противостояние и концентрирующий в своих рядах антидемократические элементы, меньшевики, верные своим нейтралистским в вооружённых конфликтах теоретическим установкам, из СНП выходят.

С севера над Крымом нависали Украина, Советская Россия, а вскоре и Германия, с юга — прощупывала, не проявляя, впрочем, особой активности ввиду собственной слабости, возможность экспансии, посредством крымскотатарского канала, Турция.

Для большевистских идеологов Крым являлся одной из пешек на магистральном пути к мировой революции. Большевики оставались чуждыми крымскотатарскому населению, находясь с ним как бы в разных измерениях. Не было знания языка, психологии, обычаев, религии, интересов. Отсутствовало, как правило (встречались и исключения, например, Ю. П. Гавен), и желание во всём этом разобраться³. Terra incognita для большевиков являлись процессы генезиса национального самосознания в татарской массе. Местное население они, приезжие, воспринимали вначале, скорее как экзотический фон (подобно дореволюционным курортникам), чем как силу, имеющую, что сказать в разгорающихся баталиях.

Уже после взятия власти большевиками и эсерами, на Таврическом губернском съезде советов, земельных и революционных комитетов 7–10 марта 1918 года национальный вопрос, несмотря на присутствие десятков делегатов от крымских татар, вообще не был включён в повестку дня. Продолжалась политика равная отсутствию политики образца 1917 года. Это вызвало сильное разочарование татар. А председатель съезда Н. И. Пахомов, если верить историку, даже заявил, что «национальным вопросам места быть не может»⁴.

Так, одним из алгоритмов январских событий в Крыму стала, по словам советского исследователя и «еретического» большевика В. А. Елагина, «уродливая большевистско-татарская борьба»⁵, на время посеявшая отчуждение между советами (в какой-то степени, русским населением Крыма) — и татарами. «...Советская власть в Крыму с момента возникновения её до момента гибели под натиском немцев, оставалась русскою, говорила на чуждом для татар языке. Крымские большевики в 1918 году не смогли разрешить национального вопроса»⁶.

Ю. П. Гавен, спустя годы после событий, положивших начало Гражданской войне в Крыму, обобщал: «...Главной её (советской власти. — Авт.) опорой явились не столько крымский пролетариат, который постоянно колебался, сколько моряки Черноморского флота (курсив наш. — Авт.), вынесшие на своих плечах всю тяжесть вооружённой борьбы с контрреволюцией»⁷. Другие авторы, как и сама историческая реальность, солидарны с Гавеном, пусть это и не слишком согласуется с марксистскими канонами. «Главной общественной силой, которая определяла ход событий в Севастополе, — были матросы. Не рабочие местной формации, в большинстве случаев связанные с собственностью и демократическими предрассудками, не иные общественные прослоения, а именно широкие матросские массы, буйные, удалые, воспитанные роком бурь, озлобленные долголетней муштрой и гавканьем против всего, что может напомнить старый строй»⁸.

Именно Черноморский флот — по сути, внешняя для Крыма сила — поставил точки над «і». 27 декабря управлением им по решению I Всероссийского съезда военного флота взял в свои руки Центральный комитет Черноморского флота (ЦК ЧФ, Центрофлот). С 1 января 1918 года на основании декрета Совета народных комиссаров по флоту было объявлено об отмене звания офицера, ношении орденов, крестов и прочих знаков отличия⁹.

Черноморский флот действовал по шаблону, но в высшей степени результативно. «...В Феодосию прибыл эсминец «Фидониси», в Керчь — сетевой заградитель «Аю-Даг» и тральщики, в Ялту — эсминцы «Гаджибей» и «Керчь», в Алушту — эсmineц «Капитан Сакен», в Евпаторию — гидрокрейсер «Румыния», транспорт «Трувор», буксиры «Геркулес» и «Данай»»¹⁰. Свидетельство А. И. Деникина со ссылкой на материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооружёнными силами на Юге России, положение о которой он подписал 4 апреля 1919 года: «...В январе Черноморский флот приступил к захвату власти... на всём Крымском полуострове. Описание падения крымских городов носит характер совершенно однообразный: «К городу подходили военные суда... пушки наводились на центральную часть города. Матросы сходили отрядами на берег; в большинстве случаев легко преодолевали сопротивление небольших частей войск, ещё верных порядку и красному правительству (СНП. — *Авт.*), а затем, пополнив свои кадры тёмными, преступными элементами из местных жителей, организовывали большевистскую власть»»¹¹. М. А. Волошин:

МАТРОС¹² (1918)

*Широколиц. Скуласт. Угрюм.
Голос осипший. Тяжкодум.
В кармане браунинг и напалок.
Взгляд мутный, злой, как у дворняг,
Фуражка с надписью «Варяг»,
Надвинутая на затылок.
Татуированный дракон
Под синей форменной рубашкой.
Браслеты. В перстне кабошон,
И красный бант с алмазной пряжкой.
При Керенском, как прочий флот,
Он был правительству оплот,
И Баткин был его оратор,
Его герой Колчак. Когда ж
Весь Черноморский экипаж
Сорвал приезжий агитатор,
Он стал большевиком. И сам*

На мушку брал и ставил к стенке,
 Топил, устраивал застенки,
 Ходил к кавказским берегам
 С «Пронзительным» и с «Фидониси»,
 Ругал царя, грозил Алисе;
 Входя на миноносце в порт,
 Кидал небрежно через борт:
 «Ну как буржуи ваши живы?»
 Утроить был всегда не прочь
 Варфоломеевскую ночь.
 Громил дома, ища наживы,
 Награбленное грабил, пил,
 Швыряя керенки без счёта,
 И перед немцами топил
 Последние остатки флота.

Так целый год прошёл в бреду...
 Теперь, вернувшись в Севастополь,
 Он носит красную звезду
 И, глядя вдаль на пыльный тополь,
 На Инкерманский известняк,
 На мёртвый флот, на красный флаг,
 На илестые водоросли
 Судов, лежащих на боку, —
 Угрюмо цедит земляку:
 «Возьмём Париж... весь мир... а после
 Передадимся Колчаку».

14 июня 1919

Начнём с центра — с Симферополя. Здесь была резиденция СНП, располагался Крымский штаб, непрерывно заседал Курултай. Левое его крыло, считая (в лице А. А. Боданинского¹³) Крымский штаб средоточием контрреволюции, склонялось к соглашению с большевиками. Однако оно являлось крайне немногочисленным. Группа Дж. Сейдамета была на словах верна решениям ноября 1917-го и пока отрицала конструирование сугубо татарского органа крымской власти. «Наши притязания на высокую краевую власть незаконны, — рассуждал Сейдамет, — татарский национальный парламент не имеет никакого права на высшую власть, на гегемонию в крае... нас есть краевая власть — Совет народных представителей. Кто мешает нам работать рука об руку с ним? В эту грозную минуту нам следует думать не о захвате власти, а о том, чтобы тушить повсеместно разгорающийся в крае пожар»¹⁴.

Левых, однако, поддержал муфтий и председатель Директории (национального правительства) Ч. Челебиев. Появился проект организации крым-

ской власти из трёх «китов» — татарского парламента, СНП и большевиков. Однако душевное состояние Челебиева в этой напряжённой ситуации оставляло желать, видимо, лучшего. 3 января 1918 года по распоряжению Челебиева был захвачен бывший губернский, а теперь так называемый Народный дом в Симферополе, который, по словам современника, «представлял тогда нечто вроде символа той или другой власти»¹⁵. В Народном доме располагалось руководство некоторых профсоюзов, общественных рабочих организаций. По мнению же Челебиева, Народный дом должен был стать резиденцией Национального правительства. Реализовывал ли Челебиев один из пунктов стратегии, продуманной Дж. Сейдаметом¹⁶, или проявил не совсем уместную в наличной ситуации активность — сейчас ответить на эти вопросы не представляется возможным. Данная акция вызвала крайнее возмущение. Совет профсоюзов и исполком Симферопольского совета в ультимативной форме потребовали немедленно освободить Народный дом, угрожая в противном случае всеобщей забастовкой. А Крымский штаб, не ожидая подобной реакции и пребывая в растерянности, свалил всю вину на Челебиева.

На чрезвычайном заседании Курултая по факту захвата Челебиев, оправдываясь, квалифицировал отказ городской управы передать крымским татарам Народный дом как оскорбление их национального достоинства. Забыв о своих недавних призывах сделать Крым второй многонациональной Швейцарией, Челебиев, пожалуй, первым из крымскотатарских лидеров открыто высказался за передачу всей полноты власти в Крыму Курултаю. Однако соратники муфтия на эту авантюру не пошли. Они отбросили предложения Челебиева как «ведущие к разрыву с красовой властью и другими народами Крыма»¹⁷.

Срочно прибывший с Южного берега Сейдамет настоял на том, чтобы эскадронцы покинули Народный дом, и дезавуировал Челебиева. 4 января тот подал в отставку. Пост председателя Совета директоров занял Сейдамет.

Большевик И. К. Фирдевс зримо рисует метания Челебиева тех дней. «Я застал его (Челебиева, посетив его дом. — *Авт.*) в полном состоянии медитации, отсутствия... воли. ...Я убедился, сказал он, что большевики и движения за Советскую власть представляют такую силу, которую никаким оружием нельзя усмирить». Он втолковывал Фирдевсу: «*Вы, большевики, — не власть, вы просто осуществляете требования масс* (курсив наш. — *Авт.*)»¹⁸. Приведённые заметки Фиржевса датируются 4 апреля 1926 года, когда он, как личный недруг И. В. Сталина, уже пребывал в опале, и нам нет основания им не доверять. Тем более что эти воспоминания подтверждаются другими источниками.

8–10 января (в дни ожесточённых боёв под Севастополем и в Ялтинском уезде) муфтий бросается из одной крайности в другую, противоположную. То он заявляет, что с целью прекращения кровопролития нужно пойти на компромисс: создание органа власти, включающего по 10 пред-

ставителей от СНП, большевиков и татар. В союзе с большевиками «нет ничего противоестественного», — старается Челебиев убедить аудиторию, а потом вдруг настаивает: «Если же эта идея не может быть осуществлена (естественно, не может: как тут не вспомнить бессмертную басню И. А. Крылова «Лебедь, рак и щука!» — *Авт.*) то власть в крае по праву принадлежит татарам, тем более что кроме единственной реальной силы, которую в данную минуту представляют татары, никакой другой силы в крае нет»¹⁹ (желаемое за действительное. — *Авт.*).

Тем временем идут переговоры, на которых Курултай представляли близкий к большевикам С. И. Идрисов, а также У. А. Боданинский²⁰ и М. Д. Енилеев, а противоположную сторону — И. К. Фирдевс и Ж. А. Миллер. Суть большевистских предложений: неприкосновенность Курултая, сохранение татарских воинских подразделений, известная национальная автономия, пропорциональное представительство татар на съезде советов в обмен на: лояльный нейтралитет в отношении советской власти, отказ от сотрудничества с контрреволюцией и борьба с ней, выборность командного состава.

Возможно Курултай и согласился бы большинством голосов на такой вариант, учитывая бесхребетность «болота», если бы не полная неуступчивость его правого крыла, а также правоэсеровской фракции в СНП. Предельно жёсткую линию отстаивали Дж. Сейдамет, редактор газеты «Миллет» А. С. Айвазов и их сторонники. Так, Айвазов отчеканил: «Большевики есть сила разрушительная. Нам с ними не по дороге. Не идти с большевиками, а бороться с ними до конца. Вот наш лозунг»²¹.

43 голосами против 12 Курултай принимает решение об организации краевой власти по соглашению с СНП без большевиков²². Тем самым оба органа подписали себе смертный приговор. Распоряжениями Севастопольского ревкома СНП был распущен 14-го, Курултай — 16–17 января.

Никакие переговоры, по нашему мнению, уже не могли переломить ход событий. *Железная логика Гражданской войны вступила в свои права.* Слово взял «товарищ Маузер».

Вооружённые столкновения в *Евпатории* начались ещё в 20-х числах декабря, когда Крымский штаб сделал попытку разоружить евпаторийский гарнизон. СНП, желая порешить дело мирно, вынес резолюцию о прекращении вывоза оружия из Евпатории, что никакого впечатления на Крымский штаб, проводивший уже собственную политику, не произвело. Евпаторийский комитет большевиков обратился за помощью к севастопольцам с просьбой изъять оружие у Крымского штаба и вернуть обратно, а заодно и убрать с должности начальника гарнизона полковника А. Н. Выгрana²³.

26 декабря Севастопольский ревком послал телеграмму Национальному правительству, требуя прекратить разоружение, возврата оружия солдатам и создания русско-татарского трибунала для выявления виновных в насилиях. Последовала отповедь Дж. Сейдамета, заявившего, что никакого разоружения не было, а была обычная перевозка оружия из одного склада в другой, что

Севастопольский ВРК провоцирует гражданскую войну и что Крымский штаб даст отпор провокаторам. В развёрнутом виде ответ Штаба выглядел так:

— он, Штаб крымских войск, есть «*высший*» (курсив наш. — *Авт.*) краевой орган, признанный советом народных представителей и одесским военным округом», орган крымской государственности, а не татарской национальности; действует в контакте с СНП и Радой;

— требование ревкома (прекратить разоружение) носит «провокационный характер», ибо, кроме Севастополя, на всей территории Крыма «господствует полное спокойствие для всех граждан»;

— в Евпатории взято только оружие школы лётчиков-наблюдателей и школы стрельбы по воздушному флоту: эти части по распоряжению Рады укренизируются и предназначены к расформированию;

— Штаб стоит «на точке зрения защиты всей демократии Крыма и всего его населения...»

«Ответ не только гордый, но и справедливый. Что можно возразить против этого документа?» — комментирует публикатор²⁴.

Современник вспоминал: «Кому в это время принадлежала власть в Евпатории, сказать трудно: одновременно заседали и советы и ревкомы, существовали какие-то остатки городской думы, были заметны татары — из Симферополя прибыли и важно похаживали «эскадронцы» в малиновых чикчирах и чёрных каракулевых шапках»²⁵. Офицеров в Евпатории было человек 150, сведённых в дружину²⁶. Вряд ли можно назвать её контрреволюционной организацией, скорее, это была, на тот момент, организация самозащиты. Ведущую роль в ней играл штабс-капитан Новицкий, как и Выгран, вернувшийся с фронта, лицо частное.

Большой шум вызвало зверское убийство (живым закопан в песок) 13 января 1918 года председателя Евпаторийского совета Д. Л. Караева²⁷, еврея по национальности, то ли маляра (как утверждает большинство источников), то ли портного (на чём настаивает мемуарист А. Л. Сапожников: было ему, к слову, в тот год лет 12) по специальности, толстовца до и большевика после Февральской революции. Было расстреляно и несколько арестованных красногвардейцев. «...Никто не знал, кто убил Караева. Никакого следствия не было, да, наверное, в тех условиях и быть не могло. Сельвинский (Илья (Карл) Львович²⁸. — *Авт.*), поэт, автор «беллетризованных воспоминаний» (Сапожников), опубликованных в журнале «Октябрь», № 6–7 за 1966 год, в 1917-м был восемнадцатилетним жителем Евпатории; (подвергается Сапожниковым резкой критике за недостоверность приводимых фактов²⁹. — *Авт.*) же утверждает, что физическим убийцей Караева является капитан Новицкий. Пусть это лежит на совести писателя: я же уверен, что ни Выгран, ни Новицкий такой уголовщиной *лично* (курсив наш; примечательная оговорка. — *Авт.*) не занимались»³⁰.

14 января к Евпатории подошли два военных корабля Черноморского флота — гидрокрейсер «Румыния» и транспорт «Трувор». На следующий

день утром город был подвержен обстрелу орудий «Румынии», затем на берег высадился десант из Севастополя (до 1500 матросов и рабочих севастопольского порта). Впрочем, обстановку в городе уже в значительной степени контролировали местные большевики. 16-го был сформирован ВРК. Матросы арестовали Новицкого, многих офицеров, у станции Сарабуз (ныне Остряково) был взят в плен Выгран³¹. «Как рассказывал потом один из матросов карательного отряда, капитан Новицкий, живший в собственной даче... решил не сдаваться и, пока хватало патронов, отстреливался, выведя из строя несколько человек своих преследователей. Он не успел застрелиться, его схватили...»³².

Начались обыски и аресты. Арестовывали не только офицеров, но представителей имущих классов и тех, на кого указывали как на контрреволюционеров.

Современник, описывающий обыск (ниже), и его родные отделались легко.

«...В наших дверях впечатляюще показался перетянутый пулемётными лентами здоровый матрос, за плечами которого виднелась винтовка, а у пояса — кобура с револьвером и две гранаты-лимонки.

Все жители нашей квартиры собрались в передней, всё это были женщины, за исключением дяди Володи, и просили не шуметь, чтобы не испугать маленьких ребят, которые уже спали. Для подкрепления просьб дядя Володя, который был, конечно, в сугубо штатской одежде [военный], вручил грозному моряку бутылку спирта. Этим всё решилось: матрос повернулся к нам спиной, предварительно спрятав бутылку под бушлат, и, когда его компаньоны вышли из соседней квартиры и направились к нам, он заявил, что «здесь уже всё им проверено», и они все спустились вниз»³³.

Но не все так легко отделались.

Евпаторийский рейд стал местом жестоких казней, совершавшихся по март включительно. В. А. Елагин вспоминал, что против диких крайностей террора пытались протестовать Ю. П. Гавен и Н. А. Пожаров (а также сам Елагин, И. К. Фирдевс; о М. П. Кристи и его оригинальной политике в Керчи речь впереди). Однако, по инициативе Ж. А. Миллера, евпаторийских работников — председателя ревкома и комитета РСДРП(б) Н. М. Дёмышева (его имя носит одна из улиц Евпатории), его помощника, левого эсера Кебабьянца (так у В. Елагина; согласно архивным источникам — Х. Г. Кебабчианца), а также получивших печальную известность С. П. и А. П. Немичей³⁴, плюс моряков и городских маргиналов — город погружается в волны повальных арестов и расправ³⁵. «...Все арестованные офицеры (всего 46 чел[овек].) со связанными руками были выстросны на борту транспорта, и один из матросов ногой сбрасывал их в море, где они утонули. Эта зверская расправа была видна с берега, там стояли родственники, дети, жёны... Всё это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись.

Среди офицеров был мой (Кришевского. — *Авт.*) товарищ, полковник Сеславин (по другим данным, Константин Павлович Сеславин — подполковник. — *Авт.*), семья которого тоже стояла на берегу и молила матросов о пощаде. Его пощадили — когда он, будучи сброшен в воду не пошёл сразу ко дну и взмолился, чтобы его прикончили, один из матросов выстрелил ему в голову...»³⁶.

С июня 1918 года, при правительстве М. А. Сулькевича, Симферопольский окружной суд проводил многомесячное дознание, в ходе которого было установлено, в частности, что некий рыбак Павка с сообщниками-матросами устроил кровавую вакханалию на борту транспорта «Трувор» в ночь с 15 на 16 января. Свидетель показывал: «Ночью производились казни, и когда всех приговорённых выводили на палубу, то сперва связывали верёвками руки и ноги, привязывали к ногам тяжести, а затем, перед тем, как убивать, какой-то человек в солдатской куртке, в рыбацких сапогах... («севастопольский рыбак Павка», не идентифицированный и не обнаруженный. — *Авт.*) кинжалом у жертвы отрезал нос, уши и половой член. Затем жертву пристреливали и бросали в воду»³⁷.

Историк С. П. Мельгунов, со ссылкой на слова очевидца сообщает о происходящем на «Труворе»: «перед казнью, по распоряжению судебной комиссии, к открытому люку подходили матросы и по фамилии вызывали на палубу жертву. Вызванного под конвоем проводили через всю палубу мимо целого ряда вооружённых красноармейцев (правильно: красногвардейцев — *Авт.*) и вели на так называемое «лобное место» (место казни). Тут жертву окружали со всех сторон вооружённые матросы, снимали с жертвы верхнее платье, связывали верёвками руки и ноги и в одном нижнем белье укладывали на палубу, а затем отрезали уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки и в таком виде жертву бросали в воду. После этого палубу смывали водой и таким образом удаляли следы крови. Казни продолжались целую ночь, и на каждую казнь уходило 15–20 минут. Во время казни с палубы в трюм доносились неистовые крики и для того, чтобы их заглушить транспорт «Трувор» пускал в ход машины и как бы уходил от берегов Евпатории в море»³⁸.

Находка тела Карасава с многочисленными ранами настолько накалила страсти, что 16 января толпа едва не растерзала всех заключённых в местной тюрьме. Затем начались зверские убийства: не только на кораблях, но и на улицах, за городом. «...Двух офицеров сварили в котле машинного отделения, а одного офицера (по данной версии — Новицкого. — *Авт.*) сожгли, заставив при этом другого, его товарища, смотреть на горящий живой факел, и от этого страшного, мучительного зрелища он сошёл с ума.

Вообще большевизм здесь вылился в форму не только классовую, но и *личной мести* (курсив наш. — *Авт.*).

— Вот этот обижал, убить его!

— Вон тот плохо принимал, долой его!

— А этот строго взыскивал городские сборы, расстрелять, на мушку его!»³⁹.

«Выграна расстреляли на палубе транспорта (правильно: гидрокрейсера. — *Авт.*) «Румыния». Держал он себя очень достойно и, стоя перед экзекуционным взводом, вынул из кармана золотой портсигар и закурил папиросу. Палачи не посмели ему помешать. Затем он бросил портсигар в море и крикнул: «Ну, стреляйте!!!» Летом «жена и дочь Выгрana наткнулись на пляже на тело их мужа и отца, опознанного ими не по лицу, которое было обезображено, а по родимому пятну на груди»⁴⁰.

По данным С. П. Мельгунова, опиравшегося на материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, возможно завышенным, за три дня — 15, 16 и 17 января на транспорте «Трувор» и на гидрокрейсере «Румыния» было убито и утоплено не менее 300 человек.

Матрос Куликов говорил на одном из митингов, что он «собственно-ручно бросил в море за борт 60 человек»⁴¹.

В числе казненных подполковники Н. В. Цвилленев и Е. А. Ясинский, помещик П. П. Бендсбер, граф Н. В. Татищев, штабс-ротмистр Ф. Ф. Савенков, штабс-капитаны П. И. Комарницкий и Н. Р. Лихошерстов, полковник А. В. Севримович, жена инженера Мамай (по первому мужу Крицкая), подпоручики А. В. Гук и К. В. Хмельницкий, а также многие другие⁴².

Когда пришлое палачи отправились обратно, их дело продолжили палачи местные. «Ученики оказались способными. ...После возвращения карательной экспедиции в Севастополь они своими силами провели в Евпатории несколько дополнительных ночей такого («варфоломеевского». — *Авт.*) рода, быстро войдя во вкус своей «работы». Хотя городской ревком заседал permanently, хотя иногда он и вызывал к соблюдению «революционной законности», «варфоломеевские ночи»⁴³ повторялись и повторялись.

...Местом расстрелов стала городская свалка, а в отдельных случаях задержанных выводили на улицу и убивали тут же у дома. (...)

В числе «контры»... оказался и пользовавшийся большой популярностью среди населения, и особенно среди бедноты, доктор по фамилии Мамуна. Человек этот, хорошо знающий своё дело, жил своим трудом, не обладал никакими имениями или капиталами. Но за ним почему-то закрепился графский титул, и его часто называли «граф Мамуна»⁴⁴. Это, по-видимому, и решило его судьбу: его вывели из дома и пристрелили прямо на крыльце»⁴⁵.

Согласно материалам Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков (от 24 июня 1919 года), в ночь на 24 января из евпаторийской тюрьмы были вывезены на автомобилях и расстреляны 9 человек, среди которых граф Н. В. Клеймихель, гимназист Евгений Капшевич, офицеры Борис и Алексей Самко, Александр Бржозовский. В ночь на 1 марта из Евпатории исчезло 30–40 человек — в основном представителей зажиточ-

ных слоёв и 7–8 офицеров. Их тайно вывезли за город и расстреляли на берегу моря. Хотя решение о расправе принималось местными властями, в похищении людей обвинили анархистов. Позже «при раскопке могилы и при осмотре трупов оказалось, что тела убитых были зарыты в песок, в одной общей яме глубиной в один аршин. За небольшим исключением, тела были в одном нижнем белье и без ботинок. На телах в разных местах обнаружены колото-резанные раны. Были тела с отрубленными головами (у татарина помещика Абиля Керим Капари), с отрубленными пальцами (у помещика и общественного деятеля Арона Марковича Сарача), с отрубленным запястьем (у нотариуса Ивана Алексеевича Коптева), с разбитым совершенно черепом и выбитыми зубами (у помещика и благотворителя Эдуарда Ивановича Брауна). Было установлено, что перед расстрелом жертв выстраивали неподалёку от вырытой ямы и стреляли в них залпами разрывными пулями, кололи штыками и рубили пашками. Зачастую расстреливаемый оказывался только раненым и падал, теряя сознание, но их также сваливали в одну общую яму с убитыми и, несмотря на то, что они проявляли признаки жизни, засыпали землёй. Был даже случай, когда при подтаскивании одного за ноги к общей яме он вскочил и побежал, но свалился заново сажень в двадцати, сражённый новой пулей»⁴⁶.

25 июня 1918 года в 8 часов вечера на берег выбросило трупы казнённых⁴⁷. После этого и было возбуждено уголовное дело. В ходе следствия выяснилось, что шофёр Е. С. Синица пытался сфотографировать сцены, разыгрывавшиеся на борту «Трувора», но ему сделать это не позволили. Тем не менее, свидетелей облав, грабежей, убийств оказалось достаточно, и по делу о «массовых убийствах в г. Евпатория» было привлечено, в несколько этапов, 88 человек. Значительную их часть — преимущественно матросов и солдат — следствие в Крыму не обнаружило, некоторые же (С. П. Немич, А. П. Немич, И. П. Матвеева (Немич), Х. Г. Кебабчианц, Н. М. Дёмышев, организатор убийств 1–2 марта, и др.) были заключены в евпаторийскую тюрьму, где содержались первоначально в весьма неплохих условиях, включая качественную еду, собственные постели, встречи с посетителями и пр.⁴⁸. Ночью 14 марта 1919 года арестованных, уже из симферопольской тюрьмы, куда их перевели, погрузили в вагоны; в ночь на 18 марта на полустанке Ойсул (с. Астанино Ленинского района, железнодорожная ветка Владиславовка — Керчь) вагоны отцепили. Затем белые открыли по ним огонь из пулемётов, после чего добились раненых. Среди казнённых: Н. М. Дёмышев, С. П. и А. П. Немич, И. П. Матвеева (Немич), В. П. Гребенникова (Немич), В. Г. Матвеев — все большевики; расстреляно 19 человек. (Были среди убитых и люди, к евпаторийским событиям совершенно не причастные, например, Ф. В. Мурзак⁴⁹, участник восстания на броненосце «Потёмкин»⁵⁰). Акция проводилась втайне, и демократическая общественность разразилась подозрениями и протестами.

Евпаторийская страница крымского террора оказалась, пожалуй, единственной, писавшейся открыто не только безымянными матросами и «рыбаками Павками», но и местной большевистско-левоэсеровской головкой.

*Крым*у история отвела мрачную роль — первому открыть ужаснейшую страницу Гражданской войны — красную страницу массового террора. О событиях начала 1918 года на полуострове с содроганием писала небольшевистская пресса России. Голос возмущения подали такие авторитеты, как М. Горький и И. А. Бунин⁵¹. Однако неумолимый водоворот истребления себе подобных, разбуженный в Крыму, стал затягивать в небытие всю страну.

Для большевиков всплеск террора не был неожиданностью. Мало того, они его давно обосновали теоретически. Отвергая (но, порой применяя на практике) индивидуальный террор, оставив его эсерам и анархистам, большевики считали вполне оправданным, даже необходимым в период острого классового противоборства террор массовый. Ещё в 1901 году В. И. Ульянов-Ленин писал: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора. Это — одно из военных действий...»⁵². Не отказался Ленин от признания, при соответствующих условиях, террора и после окончания «военных действий» — Гражданской войны.

Террор рассматривался большевиками не как самодовлеющая задача, а как один из тактических приёмов. Этническая сторона при этом, как правило, игнорировалась: всё поглощал пресловутый интернационалистский принцип «революционной целесообразности», исходя из которого решались задачи устрашения действующих врагов и бездействующих обывателей, физического устранения целых социальных слоёв и пр. Короче, *врагов (в т. ч. и псевдо-, например, заложников) — уничтожать, в обывателе — сеять ужас* (террор = ужас), своим — *показывать, как нужно действовать*. От стихийной стадии (хотя дистиллированно стихийной она не была никогда) террор эволюционировал к *организованной, партийно-государственной*. Крым может в данном случае служить своего рода «пособием»: он прошёл путь от стихийного (с оговорками) террора конца 1917-го — начала 1918 года — к организованному концу 1920-го — начала 1921-го. Это было одной из сторон эволюции большевизма от идеи непосредственной демократии, условно говоря — советского типа, обнаружившей свойство принимать самые чудовищные формы, — к «управляемой демократии» = *однопартийной диктатуре*.

В каких одеяниях кабинетные рассуждения представляли в реальности — об этом можно почерпнуть информацию, между прочим, у прошедших сквозь Гражданскую войну: от Артёма Весёлого (Н. И. Кочуров) и И. Э. Бабеля до И. С. Шмелёва⁵³ и М. А. Волошина (цитируем):

БОЙНЯ**(Феодосия, декабрь 1920)**

*Отчего, встречаясь, бледнеют люди
И не смеют друг другу глядеть в глаза?
Отчего у девушек в белых повязках
Восковые лица и круги у глаз?*

*Отчего под вечер пустеет город?
Для кого солдаты оцепляют путь?
Зачем с таким лязгом распахиваются ворота?
Сегодня сколько? полтора? сто?*

*Куда их гонят вдоль чёрных улиц,
Ослепших окон, глухих дверей?
Как рвёт и крутит восточный ветер,
И жжёт и режет и бьёт плетью!*

*Отчего за чумной по дороге к свалкам
Брошен скомканный кружевной платок?
Зачем уронен клочок бумаги?
Перчатка, нательный крестик, чулок?*

*Чьё имя написано карандашом на камне?
Что нацарапано гвоздём на стене?
Чей голос грубо оборвал команду?
Почему так сразу стихли шаги?*

*Что хлестнуло во мраке так резко и чётко?
Что делали торопливо и молча потом?
Зачем уходя затянули песню?
Кто стонал так долго, а после стих?*

*Чьё ухо вслушивалось в шорох ночи?
Кто бежал, оставляя кровавый след?
Кто стучался и бился в ворота и ставни?
Раскрылась ли чья-нибудь дверь перед ним?*

*Отчего перед рассветом к исходу ночи
Причитает ветер за карантинном:
— «Носят вёдрами спелые грозды,
Валят ягоды в глубокий ров.*

*Ах, не грозды носят — юношей гонят
К чёрному точилу, дают вино,
Пулемётом дробят их кости и колем
Протыкают яму до самого дна.*

*Уж до края полно давило кровью,
Зачервленели терновник и полынь кругом.
Прохватит морозом свежие грозды,
Зажелтеет плоть, заиндевеют волосы».*

*Кто у часовни Ильи-Пророка
На рассвете плачет, закрывая лицо?
Кого отгоняют прикладами солдаты:
— «Не реви — собакам собачья смерть!»*

*А она не уходит, а всё плачет и плачет
И отвечает солдату, глядя в глаза:
— «Разве я плачу о тех, кто умер?
Плачу о тех, кому долго жить...»*

Коктебель 18 июля 1921

Не верится, что «кремлёвские мечтатели», идеологи террора, могли бы бесстрастно присутствовать при подобных сценах.

М. А. Волошин считал, что духовный кризис наций, который неизбежно приносит любая великая Революция, это — «кризис *идеи справедливости* (курсив наш. — Авт.), а «*идея справедливости* — самая жестокая и самая цепкая из всех идей, овладевавших когда-либо человеческим мозгом. Когда она вселяется в сердца и мутит взгляд человека, то люди начинают убивать друг друга». И в такой форме идея справедливости неизбежно сливается с понятием *мести*, мести за то, что кто-то, творя несправедливость, процветал, а большинство — маялось и мыкалось. «*Месть* — это та форма переживания, которая с чудовищной силой связывает в тугую пружину воли целых поколений, и пружина, стягиваемая в течение столетий, вдруг развёртывается одним чудовищным взмахом». Помножим идею справедливости на вытекающую из неё мечь, а результат, добавим к Волошину, на страх и *ксенофобию*, и мы получим в результате то, что принято называть *террором*⁵⁴.

Население уже внутренне было готово к смертоубийствам: виктимность овладевала людьми, кто-то уже заранее отводил себе место в рядах мстителей, кто-то — жертв, — и для него, населения, севастопольская бойня середины декабря не стала неожиданностью. Бывший член Севастопольского совета вспоминал год спустя: «...Когда на другой день после декабрьских ужасов в заседании совета военных и рабочих депутатов я спросил председателя (Н. А. Пожарова. — Авт.):

— Конец ли это?

Он сказал:

— Пока да, но вспышки ещё будут»⁵⁵.

И действительно, «вспышки» сопровождали весь январь, вылившись в трагедию 22–24 февраля.

Каковы причины подобного размаха, невиданного со времён «крестьянских» войн? Первый побудительный, чисто рефлекторный мотив: «вырезать проклятых буржуев и поделить их имущество». Сюда накладывались и ксенофобия, культивируемое в течение веков отторжение сословий друг от друга, пахнущее расизмом; и вечная нищета; и нескончаемая, вызывающая уже непреодолимое отвращение война с целями, не имеющими отношения к народным нуждам. И, наконец, обыкновенный *страх*: террористы, наводя ужас на окружающих, боялись и собственной тени, не то что непонятных и чуждых им по своим мыслям и своему образу жизни людей⁵⁶.

Кто же был главным реализатором крымского террора?

Квалифицированные рабочие держались в стороне, порой противодействовали кровопролитию. Обычно пишут: матросы, но были и такие матросы, которые уберегли от гибели членов императорской фамилии, которые спасали офицеров. Другое дело — сам облик матросской среды за 1917 год успел основательно измениться. Внутри разложившегося, но технически боеспособного флота, на иных кораблях складываются отношения, мало чем отличающиеся от типичных для уголовных шаек. Для Крыма с его особым жизненным укладом матросы, набранные по всей стране, лишённые корней, но сплочённые в касту, были чужды и страшны. Это остро ощущалось на кораблях.

Любой люмпен или откровенный бандит мог, нацепив матросскую форму, свободно предаваться бесчинствам.

Пусть такие матросы, вкупе с городскими люмпенами, порой именовали себя «большевиками» — «о большевизме, в его идейной сущности, или о социализме, или о каком бы то ни было «изме» они не имели ни малейшего понятия и отнюдь не подозревали, что представляют собой разнузданную чернь, дикую, невежественную, преступную толпу, служащую слепым орудием в руках аферистов от революции. Матросам было всё равно, кого и что ни громить и ни истреблять «во имя революции», достаточно было им только пальцем показать и повелеть: «сарынь на кичку!» (курсив наш. — Авт.)»⁵⁷. Далее события развивались по схеме: завязка (порой в форме провокации, как это было в Евпатории, той или другой стороны) — вооружённое столкновение с нарастанием взаимного озлобления — кульминация — захват власти (матросами) — «пир победителей» (террор вкупе с введением «декретного социализма», как тогда писали в газетах, точнее — «декретного коммунизма»).

Были среди большевистско-левоэсеровско-анархистского руководства и убеждённые, если не фанатичные, сторонники террора, такие как Ж. А. Мил-

лер, Н. М. Дёмышев, Н. И. Островская, А. В. Мокроусов. Последний, уже после пролитой крови, на общем собрании советов Феодосии и уезда 12 марта цинично призывал «уничтожить всю буржуазию, не разбирая средств»⁵⁸.

Председатель тогдашнего Севастопольского ревкома Ю. П. Гавен, подчёркивая, видимо, свою лояльность партийным директивам, предписывавшим (конец 1920 года) коммунистам участие в терроре, явно фальшивил, когда писал в Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) 14 декабря 1920 года: «... Считаю нужным напомнить, что я применял массовый террор ещё в то время, когда он ещё партией официально не был признан (т. е. до декрета СНК о «красном терроре» от 5 сентября 1918 года. — *Авт.*). Так напр[имер].., в январе 1918 года я, пользуясь властью пред[седателя]. Севаст[опольского]. Военно-Револ[юционного]. Комитета, приказал расстрелять более шестисот офицеров-контрреволюционеров»⁵⁹.

Утверждаем: не было этого, и никаких приказов о столь массовых расстрелах Гавен не отдавал, да, в силу своего характера, и не мог отдавать⁶⁰. А события развивались вне и помимо намерений ревкомов и советов и их «приказов», тем паче, что иные ультрареволюционеры, к примеру, матросы кораблей «Гаджибей», «Воля», вообще не признавали власти Совета, установив у себя на борту какие-то то ли «диктатуры», то ли «республики».

М. А. Волошин:

ФЕОДОСИЯ

1918

*Сей древний град — богоспасаем
(Ему же имя «Богом дан»)
В те дни был социальным раем.
Из дальних черноморских стран
Солдаты навезли товару
И бойко продавали тут
Орехи сто рублей за пуд,
Турчанок — пятьдесят за пару —
На том же рынке, где рабов
Славянских продавал татарин.
Наш мир культурой не состарен
И торг рабами вечно нов.
Хмельные от лихой свободы
В те дни спасались здесь народы:
Затравленные пароходы
Врывались в порт, тушили свет,
Толкались в пристань, швартовались,
Спускали сходни, разгружались
И шли захватывать «Совет».
Мелькали бурки и халаты,*

И пулемёты, и штыки,
 Румынские большевики
 И трапезундские солдаты,
 «Семёрки», «Тройки», «Румчерод»,
 И «Центрослух» и «Центрофлот»,
 Толпы одесских анархистов
 И анархистов-коммунистов,
 И анархистов-террористов:
 Специалистов из громил.
 В те дни понятия так смешались,
 Что Господа буржуй молил,
 Чтобы у власти продержались
 Остатки большевицких сил.
 В те дни пришёл сюда посольством
 Турецкий крейсер, и «Совет»
 С широким русским хлебосольством
 Дал политический банкет.
 Сменял оратора оратор.
 Красноречивый агитатор
 Приветствовал как брата брат
 Турецкий пролетариат,
 И каждый с пафосом трибуна
 Свой тост эффектно заключал:
 — «Итак: да здравствует коммуна
 И третий Интернационал!»
 Оратор клал на стол окуроч...
 Тогда вставал почтенный турок —
 В мундире, в феске, в орденах —
 И отвечал в таких словах:
 — «Я вижу... слышу... помнить стану...
 И обо всём, что видел — сам
 С отменным чувством передам
 Его Величеству — Султану».

Коктебель 24 августа 1919 г.

Но нет оправдания и властным, большевистско-левоэсеровским верхам, своей бесконечной демагогией выдававшим «зверю» открытый лист на бесчинства. 6 января 1918 года в Марининской тюремной больнице Петрограда были убиты члены ЦК кадетской партии, бывшие министры Временного правительства А. И. Шингарёв и Ф. Ф. Кокошкин. Убийцы остались безнаказанными. Небезызвестный матрос А. Г. Железняков, «переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей»⁶¹.

В марте в *официальном* сборнике «Распоряжений и действий Правительства» появляется заявление «Особого Собрания Моряков Красного Флота Республики», в коем оповещается: «Мы, моряки, решили: если убийства наших лучших товарищей будут впредь продолжаться, то мы выступим с оружием в руках и за каждого нашего убитого товарища будем отвечать смертью сотен и тысяч богачей, которые живут в светлых и роскошных дворцах, организовывая контрреволюционные банды против трудящихся масс, против тех рабочих, солдат, крестьян, которые в октябре вынесли на своих плечах революцию»⁶². О декрете СНК от 21 февраля и его роли в крымских событиях см. ниже.

Разумеется, немалую роль сыграло и худшее наследие свергнутого режима.

Феодосия. Здесь шла своя жизнь. Все флаги в гости: «русские солдаты из Анатолии, армянские ударники с Кавказа, румынские большевики из Константины, остатки сербского легиона из Одессы. Не Феодосия, а Карфаген времён мятежа наёмников...» (М. А. Волошин, 1 марта (16 февраля))⁶³. Город служил перевалочным пунктом для десятков тысяч солдат кавказских полков, возвращавшихся на родину и не признававших никаких властей. «Кавказцы» распродавали на местном базаре всё, что имели, в том числе и турчанок. Турчанки шли от 200 до 2000 рублей и всю раскупались татарами⁶⁴. «В Феодосии солдаты расположились, как у себя дома, заняв роскошные дачи на берегу. Я помню, как из дивной дачи Стамболи выносили изящную мебель красного дерева, тут же ломали и жгли на кострах, где варили себе еду в котелках. Они проходили, как саранча, всё покупая и всё продавая, шумно, пьяно и весело, но благодаря им — вооружённым до зубов и с артиллерией, в Феодосии было, если и не спокойно, то всё же — терпимо»⁶⁵.

Крымский штаб взял в Феодосии тот же курс, что и в Евпатории. Солдатам местного гарнизона было предложено разойтись по домам со сдачей оружия. Против увольнения солдаты не возражали, но только с оружием. 2 января прошёл солдатский митинг, после чего были штурмом взяты склады и роздано оружие. Эскадронцы пытались противодействовать. Литератор из круга И. А. Бунина, свидетель событий, писал в эмиграции: «...Солнечным январским утром... в городе поднялась стрельба и суматоха. Всезнайка Юрка пробежал по Итальянской улице, но уже без пачки газет... и закричал, что большевики подняли восстание, режут татар, и что бой сейчас идёт около казарм, где забаррикадировался Конный Батальон. Часа через два всё было кончено: в городе воцарилась советская власть. Часть татар прорвалась и с боем ушла в горы, другие остались лежать на казарменном плацу, там, где застала их смерть»⁶⁶.

М. А. Волошин в письме к А. М. Пешковскому 12 января: «...*Кругом идёт война между татарами и русскими. (...) Всё происходящее*» кажется «очень плодотворным в смысле исторического опыта»⁶⁷.

Крымский штаб, однако, послал в Феодосию из Джанкоя новые части эскадронцев. Тогда Феодосийский ревком, созданный 3 января, обратился за помощью в Севастополь. На феодосийский рейд прибыл эсминец «Фидониси». Матросским десантом командовал А. В. Мокроусов. Было расстреляно несколько десятков офицеров (по Н. Кришевскому — 63), и эскадронцы, убоявшись матросов, отступили, не начиная сражения, к Старому Крыму. Отряд моряков и солдат двинулся на север, «освободить» Джанкой, по пути организуя сельские ревкомы.

В самом городе после одержанной победы происходит понятный сдвиг к радикализму.

26 января в Феодосии отряды Красной гвардии, под руководством И. Ф. Федько⁶⁸, А. В. Мокроусова и др. выступают против ревкома, обвиняя его в поддержке буржуазии и саботаже. Умеренный большевик врач С. В. Констансов смещён с поста председателя⁶⁹. М. А. Волошин:

БОЛЬШЕВИК (1918)

Памяти Барсова⁷⁰

*Зверем зверь. С кручёнкой во рту.
За поясом два пистолета.
Был председателем Совета,
А раньше — грузчиком в порту.
Когда матросы предлагали
Устроить к завтрашнему дню
Буржуев общую резню
И в город пушки направляли, —
Всем обращавшимся к нему
Он объявлял спокойно волю:
«Буржуй здесь мой, и никому
Чужим их резать не позволю».
Гроза прошла на этот раз:
В нём было чувство человечье —
Как стадо он буржуев пас:
Хранил, но стриг руно овечье.
Когда же вражеская рать
Сдавила юг в германских кольцах,
Он убежал. Потом опять
Вернулся в Крым при добровольцах.
Был арестован. Целый год
Сидел в тюрьме без обвиненья
И наскоро «внесён в расход»
За два часа до отступленья.*

25 августа 1919. Коктебель

Керчь. На фоне свирепства матросов по всему Крыму город казался оазисом спокойствия и благополучия. В начале января большевики заняли крепость и 6-го числа сформировали ревком. Это мало что изменило: керченский большевизм, по словам Н. Кришевского, был «необычайным». Весь 1917 год город не ведал продовольственных затруднений, и только в январе керчанам пришлось перейти на чёрный хлеб и узнать, что такое очереди.

Арестовали богатого помещика Глазунова, но, продержав пять дней в тюрьме, выпустили, оставив даже дорогое бриллиантовое кольцо. В городе спокойно проживал бывший министр финансов царского правительства П. Л. Барк⁷¹ — его никто не трогал. Пограничный отряд, в котором служил Н. Кришевский, не признал новую власть и, тем не менее, исправно получал деньги сначала от городской управы, затем — от совета: «на содержание части, не признающей большевиков и не входящей в Красную армию»⁷². Изъятие у буржуазии «излишков» не получилось. Уже при Республике Тавриды объявили предприятия собственностью рабочих и приказчиков, но фабрика Месаксуды выбрала владельца своим комиссаром, а фамилии приказчиков на вывесках заведений ровным счётом ничего не значили. Так что местные обыватели воистину жили «под счастливой звездой».

«Здесь с благодарностью я вспоминаю г. Кристи, идейного большевика, которого судьба поставила во главе большевистской власти в Керчи, — пишет мемуарист. — Интеллигентный человек, мягкий и кроткий, хотя — горячий и искренний последователь большевистских идей, но враг всякого насилия, крови и казней, обладая большой волей и характером, один только Кристи спас Керчь от резни, которую много раз порывались произвести пришедшие матросы с негласного благословения Совдепа и, благодаря Кристи, в Керчи не было ни одного случая убийства (курсив наш. — Авт.), и до самого прихода немцев 1-го мая, если все и жили под вечным страхом и ожиданием убийств, то только благодаря Кристи, сумевшему удержать от этого особенно буйные элементы, в Керчи вовсе не пролилось крови»⁷³.

Так что Керчь оказалась *единственным* крупным крымским городом, избежавшим в 1918 году кошмаров террора (в Феодосии, несмотря на хитроумную политику здешнего хозяина М. Ф. Барсова, не обошлось, как мы видели, без офицерских расстрелов).

Самосудов, благодаря чёткой позиции и настойчивости местных большевиков Тененбойма (Тоненбаума) и Футермана, удалось не допустить и в *Алушке*. Правда, на этой почве возник конфликт алупкинцев и воинственно настроенной Ялтинской коммуны, по поводу чего «Таврическая Правда» заметила: не ««копанием могилы» надо углублять русскую революцию, а «идейной борьбой», каковой вывод должны сделать для себя «товарищи, стоящие у власти... и допустившие в своих районах самосуды и Варфоломеевские ночи, а потом реагировавшие на это заявлением, что они бессильны и не могут справиться со стихией разбушевавшихся масс»⁷⁴.

2 апреля в Алупке прошёл «народный митинг» по случаю несостоявшегося погрома. Его резолюция: «Общий митинг солдат, рабочих, мусульман и всех граждан города Алупки, выслушав доклад о недавних событиях, считает, что защита от самосуда есть священная обязанность каждого честного революционера, от каковой никто не смеет уклоняться, что местный Совет, встав быстро на защиту граждан от угрожавшей им непоправимой беды, исполнил свой долг, приветствует доблестный и сознательный Севастопольский отряд (военная сила Центрофлота. — *Авт.*), прибывший для ограждения порядка и безопасности в Алупку, требует беспристрастного следствия над всеми лицами, обвиняемыми в преступных замыслах, считает, что ввиду особой важности дела, оно должно разбираться Симферопольским краевым трибуналом, веря, что скорый суд разрешит ненормальные отношения между Советами Ялты и Алупки, а так как Советы должны стоять на общей программе и, имея всю полноту власти, не прикрывать своим высоким авторитетом чьи бы то ни было преступные замыслы, товарищам Футерману, Батюку и Тоненбауму, рискующим жизнью для спасения светлого лика революции, митинг выражает единодушное полное доверие, не допуская мысли, чтобы названным товарищам могло что-либо угрожать, митинг требует, чтобы все, уличённые в преступных замыслах, деятели Ялты немедленно сложили свои полномочия до оправдания их судом революционного трибунала. Обвиняемым в позорящих революцию преступлениях, нет места у кормила народной власти». Газета, поместившая сей документ, снабдила его кратким комментарием: «Город Алупка только что пережил жуткие дни. Кошмарные ночи Севастополя, Ялты, Ростова готовы были повториться и здесь и только благодаря бдительности местного Совета удалось пока предотвратить Варфоломеевскую ночь, последнюю (могшую стать последней. — *Авт.*) для многих граждан Алупки. (...) ...Российская Коммунистическая партия (большевиков), не щадя лиц, освещает минувшее...»⁷⁵.

После падения Республики Тавриды пришедшее на время правительство М. А. Сулькевича «в виду обострения отношений между представителями различных национальностей, населяющих Южный берег Крыма»⁷⁶ предприняло расследование происходившего в Крыму в первые месяцы 1918 года. Параллельно работала следственная комиссия Курултая. События изучала также «Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков» при Главнокомандующем вооружёнными силами на Юге России (1919), вскрытыми фактами и заключениями которой широко пользовался, при написании мемуаров, А. И. Деникин.

Источники представляют нам следующую картину южнобережных коллизий и трагедий.

Листовки и воззвания, издающиеся в Севастополе, подогревают страсти. Вот одна из них (Севастопольский ВРК, 9 января): «Товарищи матросы, солдаты и рабочие, организуйтесь и вооружайтесь все до одного! В опасности Севастополь, весь Крым. Нам грозит военная диктатура татар! Татарский на-

род, как и всякий народ, нам не враг. Но враги народа рисуют события в Севастополе в таком виде, чтобы награвить на нас татарский народ. Они изображают севастопольских матросов разбойниками, угрожающими жизни и спокойствию всего Крыма (что вполне соответствовало, как мы видели, истине. — *Авт.*). Наэлектризованные злостной агитацией тёмные татары-эскадронцы ведут себя в Симферополе, в Ялте и в других городах, как завоеватели. На улицах там нередко происходят избиения нагайками, как при царском режиме. Эскадронцы в Симферополе проезжают по тротуарам, тесня толпу лошадьми, как царские жандармы, подслушивают, оглядывают каждого прохожего (и это соответствовало истине. — *Авт.*). Худшими временами самодержавия грозит нам военная диктатура татар, вводимая с согласия Центральной Рады»⁷⁷.

Матросы, опираясь на местных люмпенов, прежде чем приступить к решающим действиям, «прошупывают» обстановку. Вот что происходило в Ялте на переломе 1917–1918 годов по словам пристрастного очевидца. (Современники, волею судеб оказавшиеся в эти штормовые дни на крымской земле, оставили яркие и, по понятным причинам, эмоциональные, на грани истерики выплески, тем паче, что уцелеть некоторым из них удалось только Божьей милостью. Иные нынешние авторы, отдав должное однообразным инвективам в адрес большевиков, не дают себе труда воссоздать подлинную картину событий. Однако это уже было отчасти сделано — журналистами, которые провели, по буквально горячим следам, своё «расследование»).

Воистину — предгрозовая ситуация: «...Решительно неспокойно». Не признаются ни центральная, ни краевая, ни местная власти. Подобие порядка пытается поддерживать Крымский эскадрон. «Тёмные массы начали «леветь»» (любопытно: эскадронцы — «тёмные», массы — «тёмные». — *Авт.*). Растёт большевистско-левоэсеровская опухоль. «Многие из этих эсэров хорошо знакомы всей Ялте, как бывшие черносотенцы и члены «союза русского народа» и палаты архангела Михаила, которые готовы в любой момент поживиться чужим добром. Вся социология *этих* масс — очень простая: вырезать буржуев и поделить их имущество. Но сама по себе эта черносотенно-большевистская масса труслива. Все их надежды на севастопольских матросов, перед которыми, действительно, дрожат все мирные жители Ялты. В последнее время создался новый элемент недовольных: в Ялте появляются первые признаки безработицы». (...)

И вот на Рождество в Ялту прибыли матросы и просто желающие развлечься в матросской форме (гарантирующей безнаказанность. — *Авт.*). Пошли обыски, из тюрьмы выпустили уголовных. «...Началась опасная агитация: «татары бьют русских»». В эскадронцев стреляли. (...) Понятно!

«Пусть большевики, — заключает автор, — остаются тем, что они есть: зачинщиками братоубийства и гражданской войны. Но они не смеют углублять национальную рознь. Мусульманский эскадрон не против русских вообще, а лишь против захватчиков и *сеятелей анархии*, к какой бы национальности они не принадлежали.

Необходимо, чтобы все честные и сознательные граждане боролись всеми силами против *злостной агитации*, стремящейся к созданию национальной розни, которой не было в Крыму и быть не должно»⁷⁸.

Быть-то, конечно, не должно, да вот только смущает одно обстоятельство: ведь именно Февральская революция, которую столь деятельно готовили кадеты, включая г-на Пасманика, автоматически привела и к массовости большевизма в его вульгаризированном варианте, и к пресловутой «национальной розни».

На «документы» возражали, согласно «*социальной технологии*» гражданской войны⁷⁹, силой.

Ещё 29 декабря большевистский митинг в Ялте вынес резолюцию о необходимости закрытия «контрреволюционной газеты «Ялтинский Голос»». На что редактор отреагировал так: «Если большевики при помощи грубой силы закрыли бы «Ялтинский Голос», то я основал бы новую газету в другом городе и продолжал бы ту же борьбу. Но одно обещание даю им: наступит время, и я буду защищать свободу печати и в пользу большевиков. Ибо свобода слова — неотъемлемое право человека»⁸⁰. О «свободе слова» при белых режимах, одной из опор которых была кадетская партия, мы ещё поговорим.

9–15 января курортная и лечебная Ялта становится ареной ожесточённых боёв, что, конечно же, звучит дико. «...Здесь, в мирной, спокойной Ялте, где преобладают приезжие, ищущие отдыха от всех мирских сует, — какой смысл имел «большевистский переворот»? (...) Это было просто ночное нападение вооружённой банды разбойников на мирно спавший город с целью грабежа (под громким именем «социализации»), продолжавшегося три месяца»⁸¹, — пишет, как он сам себя именовал, «литератор вне политики», подвигавшийся некогда репрессиям за участие в революции 1905 года. Заметную роль в столкновении и его подготовке сыграли польский революционер Ян Булевский⁸². Ялтинские левые сумели организовать союз фронтовиков, арестовать в сентябре 1917 года, согласно решению Симферопольского совета, известного магната и общественного деятеля П. П. Рябушинского⁸³, который лечился в Ялте от туберкулёза (освобождён по настоянию А. Ф. Керенского и губернских властей), и обыскать царские дворцы с их обитателями. На большее их не хватило. Главные роли выпали матросам.

В ночь на 9 января матросы прибывшего из Севастополя миноносца «Гаджибей» вступают в бой с эскадронцами. Десантом командовал большевик с большим стажем К. Я. Зедин⁸⁴, морской офицер. Участвует даже авиация (гидросамолёты). Корреспондент столичной газеты свидетельствует: 11 (на помощь «Гаджибею» подошли «Керчь» и «Дионисий». — *Авт.*) — 17 января город беспрерывно обстреливался с моря. Было выпущено до 700 снарядов. «Пострадали лучшие гостиницы... много частных домов и магазинов. (...) Паника создалась невообразимая: застигнутые врасплох жители бежали в одном белье, спасаясь в подвалах, где происходили душераздирающие сцены...

На улицах форменная война: дерутся на штыках, валяются трупы, течёт кровь. Начался разгром города». Ни большевики, ни эскадронцы не шли на перемирие. Ялта, в конце концов, была взята матросами. Оставшиеся в живых татары бежали в горы. «Начались аресты и расстрелы. Расстреляно множество офицеров. (...) Расстреляны также 2 сестры милосердия, перевязывавшие татар. Жертв насчитано около 200. (...)

Офицеры, побывавшие на войне, говорили, что ужасы Ялты — благодаря исключительному географическому положению её и полной безопасности маленького города — превышают виденное и пережитое ими на фронте»⁸⁵.

Матросы и красногвардейцы могли лишить жизни и совершенно невиновных. «Некоторых они убивали своих жертв на улицах, на глазах жителей, и тут же ограбляли трупы. На улице был убит прапорщик Пётр Савченко, вышедший только что из обстреливаемого оружейным огнём санатория Александра III, где он находился на излечении; убил его матрос за то, что офицер не мог ответить, куда направлялись татарские эскадроны. Обворовав труп убитого, матрос приколол убитому погоны на грудь и стащил его затем на бойню»⁸⁶.

Часть эскадронцев осела в д. Никита (9 вёрст от Ялты). Отряд моряков, посланный в Никиту, был разбит, а Ялта взята эскадронцами. Очередной обстрел заставил их всё-таки отступить в горы. Оттуда делались вооружённые вылазки в город. Сдались эти отряды только после того, как в тыл им вышли красногвардейцы. По Н. Кришевскому, в Ялте было расстреляно 80 офицеров, и несколько отставных — в Алуште⁸⁷. «Ни для кого ведь не было секретом, что Ялта не только далека была от большевизма, но вообще тут всего можно было насчитать двух с половиной большевиков. (...) Процедура обращения и посвящения в большевизм (местных жителей. — *Авт.*) была несложной. Первые должны были вооружаться, стрелять и грабить, а вторые выдавать буржуев и офицеров»⁸⁸. «Подозрительных» вели разбираться. А разбирательство было коротким. Тут же, на ялтинском молу, убивали и бросали в море.

И сам А. Набатов (Аполлон Борисович Водлингер), схваченный 14 января пережил все ужасы, что только может пережить человек, которого ведут по знаменитой Набережной на мол — место казней. Его, как и некоторых других, спасло только появление в тот же день следственной комиссии.

Материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков свидетельствуют: «Всего в первые два-три дня по занятии Ялты было умышленно до ста офицеров, не принимавших никакого участия в гражданской войне, проживавших в Ялте для укрепления своего здоровья или лечившихся в местных лазаретах и санаториях». Досталось и ялтинским обывателям. «Достаточно было крикнуть из толпы, что стреляют из такого-то дома, чтобы красногвардейцы и матросы немедленного открывали огонь по окнам указанного помещения. По такому окрику были убиты до-

мовладелец Константинов и его дочь. Не удовлетворившись пролитой неповинною кровью, убийцы разграбили квартирное имущество Константиновых, и часть мебели отвезли в дар своему комиссару Биркенгофу»⁸⁹.

Одни из немногих, кто побывал на «ялтинском молу» и остался жив — отец и сын князя Л. И. и Г. Л. Дондуковы-Изыдиновы. Последний оставил свои «воспоминания», в которых заметны литературный дар, а также или сильные абберрации памяти, или фантазии, навеянные чтением литературы о Гражданской войне в Крыму (а, возможно, и сознательные хронологические сдвиги) и выпуклая инфернальность: действие свершается как бы во сне. Однако, эти сделанные во второй половине 1950-х годов записки, весьма примечательны — они дают нам понять, как откладывалась крымская фантазмагория 1918-го и последующих годов в головах невольно втянутых в неё сторонних людей.

Дондуковы проживали в имении Чам-Агач под Ялтой и после её захвата матросами были арестованы. «Нас привезли бешеным ходом прямо на мол Ялты и остановили машину напротив дома Русского Общества Пароходства и Торговли, так называемый «РОПИТ», в начале мола. Мы остались сидеть в машине, которую окружила толпа вооружённых большевиков со зверскими лицами. Стало совсем темно, и только у мола стоял очень большой пароход с большим красным крестом из электрических ламп, который нас освещал. Так мы сидели довольно долго. Отец молчал, я тоже. Вдруг меня поразила странная мысль, и я спросил отца: «Как ты думаешь, нас расстреляют?» «Думаю, что да», — просто и спокойно ответил он. Что-то сжалось внутри, но страха ещё не было, скорее какое-то удивление или недоумение. За что? Ведь мы никому и никогда сознательно зла не причиняли, а потом умирать как-то глупо, когда молод и впереди ещё вся жизнь!!!» (...)

Затем арестованные оказываются в начальственном кабинете. «Молодой еврей с подслеповатыми глазами, председатель комиссар Слуцкий (прибыл в Крым только в марте. — *Авт.*)⁹⁰ смотрит на нас. Смотрит как-то быстро, перескакивая взглядом от одного к другому. «Итак, товарищи. Вы оба офицеры, да ещё гвардейского полка. Вы князья, вы из своего дома сделали форт, вы боролись против народной власти (судя по изложению автора, князья не «боролись» и «форта» не делали. — *Авт.*), вы — враги народа. Народный Трибунал приговорил вас к расстрелу, который будет приведён в исполнение сегодня в 5 часов утра». (...)

Далее следуют коллизии между комиссаром и матросами: первый настаивает на соблюдении всех формальностей, вторые стремятся к немедленному самосуду. Среди матросов ни с того, ни с сего оказывается Дыбенко⁹¹, «который был как зверь», но которого никак не могло быть в описываемое время в Ялте. (...)

«И вот началось шествие, шествие на смерть по длинному молу. (...) Нас провели до конца мола, поместили в небольшую комнату под маяком и заперли дверь. (...)

Вдруг нам кричат: «Выходи!.. Несёт!.. Вот и бумагой машет!» Это означало, что пришёл конец. Нас вывели... поставили рядом к стенке мола. Перед нами ясно вырисовывались горы, Ай-Петри, Ялтинский залив. Солдаты с винтовками у ноги стояли напротив. Сейчас, сейчас конец всем мучениям, и мы увидим всё: горы, мол, город, солдат. И всё, всё увидим сверху. Увидим, ГОСПОДИ, СЛАВУ ТВОЮ!

К нам подбегал матрос, что-то громко кричал и махал над головой бумагой. Поразил вид этого матроса. На голове у него не было матросской фуражки, волосы очень белокурые, лица не помню, но что мы оба особенно запомнили — его светло-яркий, голубой воротник матроски. Он был такого чистого голубого цвета, такого цвета я никогда в жизни не видал, а матроска была белая-белая, как снег. «Ведите их обратно», — кричал он, показывая старшему бумагу... (...)

Возвращались к жизни. (...) И когда шли, я вдруг ясно почувствовал: открылась новая, белая страница; Богом прощены все, все грехи прошлого. Всё равно, что чувство первого детского причастия. Я вторично родился для земной жизни. (...)

Никто и никогда матроса с голубым воротником из властей не посылал, и кто подписал бумагу, так и осталось вопросом»⁹².

16 января власть в Ялте оказалась в руках совета, который сформировал ВРК.

Одновременно с арестами и расстрелами в городе проходили повальные обыски. Под видом поиска спрятанного оружия шёл самый неприкрытый грабёж. «Разграблению подвергались гостиницы, санатории, магазины, лавки, склады, частные квартиры. Имущество расхищалось красноармейцами и толпою преступников, их сопровождавших; стоимость уничтоженного, испорченного и похищенного во время этих грабежей имущества по одному гор. Ялта достигла цифры, превышающей миллион рублей»⁹³. Ещё во время боёв подвергся орудийному огню миноносца «Керчь» санаторий Александра III. Его главный врач просил пощадить находящихся здесь больных и раненых. Ему предложили в течение двух часов всех эвакуировать, а санаторий был разорён. Награбленное добро меньшей частью попадало в распоряжение местного комитета большевиков, а его основная часть присваивалась «обыскивателями»⁹⁴. Под угрозой расправы обыски на предмет грабежа продолжались и в дальнейшем. «Обыскивалась одна и тоже квартира разными группами по два-три раза. Бывали случаи, когда одно и тоже лицо было обыскиваемо семь раз. Обыскиватели ничем не стеснялись, шарили повсюду, снимали одежду, раздевали женщин. Узаконенные грабители не могли допустить, чтобы обыск не дал результата. Нет драгоценностей — отнимались деньги, нет денег — отбирались платье, бельё. Население изо дня в день нищало. Такой легализованный грабёж длился всё время большевистского властвования в Ялте, и захватил он все её окрестности, нигде не было спокойной жизни, день и

ночь население было в тревоге. Убытки от обысков исчисляются миллионами рублей»⁹⁵.

О поведении ялтинских татар после победы матросов пишет М. Ф. Бунегин: «Массы татарского населения после изгнания офицеров отнеслись очень сочувственно к предложению мирно разрешить вопросы, их волнующие. Они немедленно согласились выдать зачинщиков контрреволюционного движения (если дело обстояло именно так, в чём позволительно усомниться, то, значит, мирным татарам было чего опасаться. — *Авт.*)»⁹⁶. Среди «зачинщиков контрреволюционного движения» были и татарские эскадронцы, и вряд ли единоплеменники стали бы выдавать их севастопольцам без угрозы массовых расстрелов.

Татарское население, спасаясь от артобстрела, бросает деревни Дереккой и Ай-Василь (ныне входящие в территорию г. Ялты), уходя в Биюк-Озенбаш (теперь с. Счастливое Бахчисарайского района) и в горы. Их дома и имущество грабились аутскими греками⁹⁷ (Аутка — тогда село, сейчас — часть г. Ялта). Так на Крым обрушилось ещё одно бедствие Гражданской войны — *межэтнические* (под флёром каковых зачастую скрывались бытовые, хозяйственные и т. п.) кровавые *конфликты*⁹⁸. Среди эскадронцев-татар усиливаются русо- и особенно грекофобские настроения и действия, среди матросов ЧФ, обывательских слоёв населения, греческой диаспоры — антиатарские.

Очевидец и невольный участник ялтинских событий, едва не угодивший под расстрел, П. Н. Врангель вспоминал о тогдашнем состоянии матросов: кто-то, ворвавшись в дом, успокаивает барона: «...Мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами». «Мы только с татарами воюем», сказал другой, «Матушка Екатерина ещё Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...». Мемуарист комментирует: «Как часто впоследствии вспоминал я эти слова, столь знаменательные в устах представителя «сознательного» сторонника красного интернационала»⁹⁹.

Согласно имеющимся у нас свидетельствам, большевиков поддерживала часть греческого населения — молодёжь, в основном из района Балаклавы и Южного берега, — среди которого было немало рыбаков, лодочников, ремесленников, чернорабочих — «листригонов», воспетых А. И. Куприным. Большевицкая риторика удачно наложилась на эту местную социально-этническую и социально-конфессиональную (греки, православные — татары, мусульмане) почву. К тому же в национальных устремлениях крымских татар, за которыми вырисовывалась Турция, где шли массовые гонения на греков, греческое население Крыма видело угрозу своим положению, имуществу и жизни.

Один из свидетелей ялтинской трагедии, татарин из Дерекоя, позже показывал на следствии: среди матросов и красногвардейцев, участвовавших в погромах, были «ялтинские, балаклавские «босяки», аутские, балаклавские греки, были и жители Дерекоя — русские»¹⁰⁰. А привлечённый к

следствию грек П. К. Харламбо из Ялты объяснял беспорядки побуждениями, «проистекавшими из племенной вражды греков к татарам»¹⁰¹.

Не фасадом ли являлись обвинения греков в большевизме? Или «эти обвинения лишь отражение старой национальной вражды между татарами и греками, возникшей на экономической почве (курсив наш. — Авт.)? — задавался вопросом В. А. Оболенский. — Во всяком случае, пролитая татарская кровь (в январе 1918 года, во время обстрела Южного берега и высадки десантов с кораблей ЧФ. — Авт.) требовала отмщения и через несколько дней настало время мести, мести национальной, самой страшной и бессмысленно жестокой»¹⁰².

Решающие события происходили в Севастополе и окрестностях. К началу января матросы Черноморского флота, среди которых добрую часть составляла, если можно так выразиться, матросская чернь, беспартийная, не желавшая никому подчиняться, установили практически безраздельное господство в городе. В ходе боёв 2–3 января эскадронцы, реквизировавшие в январе предназначенный городу скот, и рискнув на ультиматум об экономической блокаде, были для начала отброшены от Севастополя.

Стычки и перестрелки становятся обыденным явлением. Одна из них переросла в бой у Камышловского моста 10–11 января. Целью Крымского штаба было захватить мост и отрезать Севастополь с севера. Силы были неравны: севастопольцы располагали только отрядом в 200 человек. Но 12 января, после призыва ревкома «Революционный Севастополь в опасности!» на станцию Сюрень (ныне Сирень) прибыл отряд из 800 человек с двумя орудиями и несколькими пулемётами. Пополнения продолжали прибывать, и вскоре численность севастопольцев, противостоящих эскадронцам, достигает трёх тысяч. Теперь уже они перешли в наступление. Матросы пошли в неудержимый истребительный рейд: Севастополь — Симферополь — Карасубазар (Белогорск).

12–13 января был взят Бахчисарай. Красные войска неумолимо двигались к Симферополю. Крымский штаб рассчитывал на столицу губернии, как на крепкий тыл. Неожиданно для «курултаевцев» восстали рабочие, основательно вооружённые и готовые к борьбе. 12 января на улицах Симферополя начались перестрелки. «Курултаевцы» стали разбегаться. По словам А. С. Айвазова, «в парламенте (национальном. — Авт.) остался я — член президиума и около 20 членов парламента». В ночь на 12 января к Айвазову вместе с И. К. Фирдевсом явился Ж. А. Миллер, «который предложил мне, как члену президиума парламента, заключить мир и оповестить об этом крымское население, чтобы оно везде прекратило военные действия. Я ему ответил: «Война не была объявлена парламентом и не была одобрена им. Парламент безусловно высказался бы против войны, но он не смог собраться вовремя».

После кратких переговоров Жан Миллер и я составили на двух языках воззвание к населению Крыма и призвали его прекратить враждебные дей-

ствия друг против друга и т. д. Воззвание это было подписано Жаном Миллером и мною. Оно было разослано в десятках тысяч копий по всему Крыму. Во время переговоров и составления воззвания присутствовал и член парламента Идрисов Сулейман.

Последний был назначен Жаном Миллером и мною временным комиссаром по охране имущества штаба крымских войск и в казармах»¹⁰³.

Если такое воззвание и было подписано, и широко распространено, то оно всё равно не могло остановить разгул насилия.

В ночь на 13 января рабочие завода А. А. Анатра, где был создан ВРК, и железнодорожники захватили почту, телеграф и приступили к разоружению эскадронцев.

Свидетель «изнутри» пишет: «...Паника, возникшая без всякого повода, сама явилась поводом для выступления большевиков, которые воспользовались общим смятением, завладели оружием, а затем, придя вооружёнными в казарму татарского пехотного полка, его обезоружили.

В пять часов дня (13 января. — *Авт.*) большевики без выстрела завладели всем городом до здания штаба Крымских войск включительно, несмотря на грозно расставленные вокруг него пулемёты. Сам штаб с Джафер Сейдаметовым во главе скрылся неизвестно куда»¹⁰⁴.

Путь на север был перекрыт: в Джанкое стоял отряд матросов. Джафер Сейдамет бежал через Украину в Константинополь, бросив подопечных на произвол судьбы. Последние, кто не был пленён или расстрелян, разбрелись кто куда. Часть ушла в горы, «выжидая соответствующего момента, чтобы изгнать захватчиков»¹⁰⁵. Некоторые члены Директории, включая Ч. Челебиева, были арестованы¹⁰⁶.

14 января в Симферополе расположились черноморские моряки. В тот же день на улицах города можно было ознакомиться с содержанием расклеенной листовки-воззвания ревкома: «Товарищи! Не должно быть места национальной вражде. Татарский рабочий, крестьянин и солдат — такие же наши родные братья, как русский, еврей, немец и проч. Мы боремся против господства помещиков и капиталистов всех национальностей в союзе с трудящимися всех национальностей»¹⁰⁷. В этой операции, считает В. Е. Баранченко, «было убито не менее семисот офицеров»¹⁰⁸.

«С этого момента в Крыму воцарился большевизм в самой жестокой, разбойничье-кровавой форме, основанной на диком произволе местных властей, не поставленных хотя бы и большевистским, но всё же — правительством, а выдвинутых толпой, как наиболее жестоких, безжалостных и наглых людей.

Во всех городах лилась кровь (были исключения; о них выше. — *Авт.*), свирепствовали банды матросов, шёл повальный грабёж, словом, создавалась та совершенно кошмарная обстановка потока и разграбления, когда обыватель стал объектом перманентного грабежа»¹⁰⁹.

За событиями в Крыму внимательно следила Центральная Рада. Как раз 13 января в Севастополь пришла телеграмма из Киева с откровенно провокационным текстом. Рада предупреждала, «организации и начальников украинского флота в Севастополе, что все сношения с представителями чужеземных держав, как с Россией, так и с другими, будут преследоваться отныне как государственная измена»¹¹⁰. Ответ (Совета и Центрофлота) был ожидаемым: ЧФ и гарнизон признают только «реальную власть Республики Советов в лице СНК, как единственную выразительницу воли трудового народа... Находя Киевскую Раду опаснейшим органом контрреволюции и врагом всего трудового народа Украины и России, Севастопольский Совет и Центрофлот, с негодованием отвергая великодержавные стремления и притязания Киевской рады, заявляют, что все её приказы и предписания не признают и признаваться [они] не будут»¹¹¹.

После победы над эскадронцами в Севастополе вновь прокатилась волна арестов офицеров и всех, подозреваемых в сотрудничестве с Крымским штабом. По заявлениям братьев Тургаевых «о реакционном поведении» были арестованы члены Севастопольского мусульманского комитета Ш. А. Девятков, Умеров и военный мулла И. З. Замалетдинов, но следствие доказало их невиновность, и 22 марта дело было прекращено. На линкоре «Свободная Россия» на основании слухов арестованы мичман Баранов и Гоц, однако вскоре освобождены «из-за недостаточности материалов для обвинения в контрреволюционной деятельности». За неявку по тревоге в ночь с 10 на 11 января на эсминце «Лейтенант Шестаков» арестовано четыре офицера, мичманы С. Анненский и Н. Крестовоздвиженский были прощены, так как добровольцами отправились с красными отрядами для участия в боевых действиях, а капитан 2-го ранга Г. Ф. Гильдебрант и лейтенант Э. И. Страутинг были уволены «с лишением содержания». 17 января следственная комиссия рассмотрела дело о трёх офицерах 33-го пехотного запасного полка по обвинению их в «контрреволюционном мусульманском движении», но признала их невиновными¹¹².

Попытки разобраться и установить действительную вину внушали надежду на лучшее. Тем более что 21 января в Севастополе была получена телеграмма народного комиссара юстиции Советской России левого эсера И. З. Штейнберга: «Ввиду упрочения Советской власти, полагаем, наступил момент прекращения систематических репрессий против лиц, учреждений и печати. Подавление или пресечение активных контрреволюционных выступлений должно войти в русло революционного правопорядка. Политические аресты, обыски и выемки должны производиться только одной следственной комиссией, состав которой должен опубликоваться. Целью её должно явиться только предание суду революционного трибунала, то же в отношении печати: репрессии должны проводиться в трибунале печати...»¹¹³.

Однако надежды на милосердие и законность, пусть даже революционную, оказались тщетными.

29 января СНК утвердил декрет о создании Рабоче-Крестьянского Красного флота. На следующий день он был доведён до ЧФ. Но на Чёрном море дело шло к тому, что корабли имели шанс остаться вовсе без моряков. Кто воевал за пределами Крыма, кто погиб, кто дезертировал. Покинул боевой пост даже командующий, контр-адмирал А. В. Немитц.

В связи с демобилизацией старого флота на службе в Черноморском флоте (с береговыми частями) остались 2294 офицера и 25 028 матросов и солдат. Численность флота сократилась в два раза. Недокомплект в команде на линкоре «Свободная Россия» составлял 450 человек, в Минной бригаде и бригаде подводного плавания — по 250 человек. Крейсеры и береговые части почти полностью были укомплектованы матросами 1917 года призыва¹¹⁴, вкусивших всю прелесть отсутствия военной дисциплины. Всё это крайне затрудняло управление матросской массой. К тому же между большевиками и левыми эсерами в связи с подготовкой Брестского мира наметился серьёзный разлад, что не могло не усугубить общей сумятицы.

На этом фоне активизировались анархистские группы, ставшие представлять реальную угрозу и для новой власти. В Сарабузе (ныне п. Гвардейское Симферопольского района) отряд Пискунова был готов взять «на мушку» местный ревком. Своими деяниями «прославился» отряд другого «морехода» — С. Г. Шмакова, кстати, начальника оперативной части Областного военно-революционного штаба (создан как ВРШ 12 января, областным стал несколькими днями позднее; иначе — Штаб по борьбе с контрреволюцией, возглавлялся Ю. П. Гавеном), исполкома Севастопольского совета, от которого немало претерпели и сами коммунисты, впоследствии с трудом его разоружившие¹¹⁵.

Из хроники событий. О симферопольской трагедии января писали меньше, чем о ялтинской и евпаторийской. Но публицист А. Набатов заявил тему. «...Три имени, которых симферопольцы не могут произносить без проклятий. Это знаменитые товарищи Жан Миллер, Чистяков и Акимочкин¹¹⁶. Своего рода тройка удалая, которая мчала Тавриду вниз по Салгиру в страшную пропасть... Вообще нам русским везёт на тройки (! — *Авт.*)»¹¹⁷. 14 января убили Франца Францевича Шнейдера. Предприниматель и благотворитель. Городской гласный, сотрудник общества «Детская помощь», председатель санитарного попечительства. Жертвователь революционному «Красному кресту». В 1905 году был первым председателем на первом митинге в Симферополе¹¹⁸. «Потом, когда эти господа узнали обо всём, что покойный делал здесь для беднейшего населения, они явились к гробу просить у трупа убитого Шнейдера прощения». Погиб выданный неким татаринном за 50 рублей бывший начальник Штаба крымских войск полковник В. В. Макухин, который скрывался под чужим именем и жил в Карасубазаре, «где ему, как талантливому оратору, удалось избавлять город от многих опасных эксцессов со

стороны большевиков». У 70-летнего Масловского после 16 обысков нашли металлическую пепельницу в виде полушария. «Вишь, старый буржуй, у тебя значит бомбы!» Зверски убит на Севастопольском шоссе.

Трудно не назвать охотой то, что творилось вокруг известных издателей и журналистов. Арестован бывший издатель газеты «Таврический Голос» Н. Г. Зайцев за то, что не хотел сообщить о местонахождении скрывавшихся произведённых во «враги народа» Д. С. Пасманика и А. В. Давыдова. Расстрелян¹¹⁹.

Отряд Шмакова в ночь на 24 февраля расстрелял в Симферополе 170 человек¹²⁰.

Общее число жертв в Симферополе доходило до 200 человек¹²¹.

Очередным изобретением новой власти были т. н. *контрибуции* — определённые и немалые суммы, которые должны были выделить отдельные лица, группы («буржув», целые города. Так, по свидетельству М. А. Волощина, на феодосийских биржевиков было наложено обязательство выплатить 5 миллионов рублей, а на «нашу волость» (Таракташскую (?), д. Таракташ — ныне с. Дачное Судакского горсовета, куда входил Коктебель) — 500 тысяч¹²², причём платить пришлось и самому поэту, тщетно пытавшемуся доказать, что он не буржуй, а художник-пролетарий. Симферополь должен был выплатить 10 миллионов, Ялта — 20, Евпатория — 5¹²³. Матросы действовали подобно оккупантам на территории противника. В какой-то степени они таковыми и были. Стал практиковаться и институт *заложников*, обычно родственников облагаемых.

Севастопольский РВК обложил крупную буржуазию города контрибуцией в десять миллионов. Сдать её надлежало в кратчайший срок. Это вызвало её (буржуазию) крайнее недовольство и сугубый фатализм. «...И это привело к тому, что случилось в феврале...»¹²⁴. В случае невыполнения распоряжения, заявил Севастопольский совет, он за последствия не отвечает.

Выслушаем и другую сторону, в данном случае — Ю. П. Гавена. «Критическое финансовое положение заставило органы революционной власти прибегнуть к чрезвычайным мерам. Ещё 23 января севастопольский областной [военно]-р[еволюционный] комитет и исполнительный комитет издали декрет о чрезвычайном обложении буржуазии в размере 10 миллионов рублей. От буржуазии требовалось, чтобы она в двухдневный срок (потом срок был продлён) собрала путём самообложения 10 миллионов и внесла их в кассу финотдела исполкома. Сбор этого налога шёл очень туго; всего было собрано разного рода ценностями только три с небольшим миллиона». Из сознательных моряков были созданы т. н. *сборочные комиссии*, которые «на опыте убедились, что капиталисты и спекулянты ловко уклоняются от уплаты налога, скрывая ценности и счета своих предприятий, представляя фальшивые документы. Такое поведение буржуазии в момент величайшей опасности, которую переживало пролетарское государство, в момент, когда органы власти не могли уплатить жалованья рабочим, служащим и мо-

рякам, в виду тяжёлого финансового кризиса, конечно, довело возмущение экспансивной массы моряков до такого состояния, что оно вылилось в стихийное массовое уничтожение злостных неплательщиков»¹²⁵. Короче, у каждого, как обычно, *своя правда*. Только почему наряду о «злостными неплательщиками» подверглась смертоубийствам масса прочего народу — от художника до того же матроса или муфтия?

БУРЖУЙ¹²⁶

1919

*Буржуя не было, но в нём была потребность.
Для революции необходим капиталист,
Чтоб одолеть его во имя пролетариата.*

*Его слепили наскоро: из лавочников, из купцов,
Помещиков, кадет и акушеров.
Его смешали с кровью офицеров,
Прожгли, сплавил в застенках Чрезвычайек,
Гражданская война дохнула в его уста...
Тогда он сам поверил в своё существование
И начал быть.*

*Но бытие его сомнительно и призрачно,
Душа же негативна.
Из человеческих чувств ему доступны три:
Страх, жадность, ненависть.*

*Он воплощался на бегу
Меж Киевом, Одессой и Ростовом.
Сюда бежал он под защиту добровольцев,
Чья армия возникла лишь затем,
Чтоб защищать его.
Он ускользнул от всех её наборов,
Зато стал сам героем, как они.*

*Из всех военных качеств он усвоил
Себе одно: спастись от врагов.
И сделался жесток и беспощаден.*

*Он не может без гнева видеть
Предателей, что не бежали за границу
И, чтоб спасти какие-то локутья
погибшей родины,*

*Пошли к большевикам на службу:
«Тем хуже, что они предостерегали
Убийства и спасали ценности культуры:
Они им помешали себя ославить до конца,
И жаль, что их самих ещё не расстреляли».*

*Так мыслит каждый сознательный буржуй.
А те из них, что любят русское искусство,
Прибавляют, что, взяв Москву, они повесят сами
Максима Горького
И расстреляют Блока.*

Коктебель 17 августа 1919

Кстати, о Севастопольском совете. Сам облик его сильно изменился с 1917 года. Верховодили там не то матросы, не то уголовники в матросской форме. Рабочих было мало. «...Жители и без того знали, что «Совет» ни за какие «последствия» не мог ответить, ибо он фактически никакой власти не имел, никаким авторитетом не пользовался. Власть его была номинальная; авторитет его существовал только в пределах его угодничества низменным инстинктам толпы и за пределами этого власть сводилась к нулю»¹²⁷.

В условиях разрастающейся анархии 16 февраля фракции правых эсеров и социал-демократов-меньшевиков, не являвшиеся ранее на заседания Севастопольского совета, заявили о возвращении в его состав¹²⁸, но вряд ли они могли стабилизировать работу этого органа.

Приплюсуем сюда инерцию декабря-января (после первых расстрелов) и решающую «отмашку» Петрограда. 21 февраля Совет народных комиссаров издал, в связи с германским нашествием, написанный В. И. Лениным декрет «Социалистическое отечество в опасности!» Декрет явочным порядком вводил смертную казнь, отменённую II Всероссийским съездом советов в октябре. Характерные выдержки: «Рабочие и крестьяне... должны мобилизовывать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. 6) В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красновардейцев; сопротивляющихся — расстреливать. (...) 8) Неприятельские агенты, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»¹²⁹. Довеском к ленинскому декрету стала телеграмма Черноморскому Центрофлоту от члена коллегии Народного комиссариата по морским делам Ф. Ф. Раскюльникова¹³⁰, требовавшая «искать разговорщиков среди морских офицеров и немедленно задавить эту гидру»¹³¹.

Текст декрета был доведён телеграммой до сведения севастопольских властей и, будучи распечатан, стал широко известен. Он попал на подго-

товленную почву. Обстановка в городе была предельно напряжена. Здесь смешивались и тревожная близость к территории Войска Донского, где шли ожесточённые бои, и где черноморцы уже вкусили Гражданской войны; и кровожадные инстинкты, развязанные декабрьско-январскими пароксизмами насилия; и выплеснувшаяся ненависть к собственникам; и рискованный «Бюллетень мира», направленный против заключения Брестского мира, выпущенный эсерами и меньшевиками в захваченной в ночь на 21 февраля типографии большевистского органа «Таврической Правды», с призывом выступить против «предателей народа — комиссаров», после чего иные из них (инициаторов листовки) угодили за решётку (но не под расстрел), а большевики получили желанный повод утверждать, что в подполье зреет контрреволюционный заговор¹³².

К этому времени и подоспел ленинский декрет, санкционировавший расстрелы. При обсуждении декрета в Севастопольском совете «меньшевистские и эсеровские лидеры (Н. Л. Канторович, С. Риш, Бируля и другие)... своими демагогическими речами и издевательствам над принципами пролетарской революции довели матросскую массу до белого каления»¹³³. 23 февраля матросы корабля «Борец за свободу», — сообщает газета, — наметили «ряд действий вплоть до *поголовного истребления буржуазии*»¹³⁴. Некоторые судовые комитеты горячо одобряли самые крайние шаги. Их собрание на упомянутом линкоре 21 февраля (есть данные и об общематросском митинге на линейном корабле «Воля») выбрало 25-членную комиссию во главе с анархистами председателем Центрофлота С. И. Романовским, Басовым и одиозным С. Г. Шмаковым. Всё происходило помимо ведома исполкома совета. ЦК ЧФ, чувствуя своё бессилие перед многотысячной, жаждущей крови толпой, не решаясь противостоять ей, пытался всё-таки ввести террор хоть в какие-то рамки¹³⁵, а задним числом — осудил его.

Басов явился в совет, требуя автомобиля. Совет отказался это сделать. «Не хотите — не надо. Мы сами *это* (курсив наш. — *Авт.*) сделаем, а вас знать больше не хотим»¹³⁶, «время митингов прошло», — таков был ответ «масс». Вооружённая толпа в 2500–3000 человек, сначала собравшись на Каменной пристани, а затем, разбившись на отряды, под лозунгами «Смерть контрреволюции и буржуйам!», «Да здравствует Социалистическая Революция!» двинулась в город. Обыскивать, грабить и убивать. Было примерно два-три часа ночи. Все попытки большевиков Н. А. Пожарова, О. Х. Алексакиса, П. З. Марченко остановить перевозбуждённое скопище окончились ничем. (Другое «высокое начальство» в Севастополе отсутствовало: Н. И. Островская уехала в Москву и не вернулась, В. Б. Спиро находился в Александровске (Запорожье), а Ю. П. Гавен — в Сарабузе, и смог возвратиться только 25-го вечером). В эту ночь матросы умертвили до 250 человек¹³⁷.

Принято считать (и авторы не остались в стороне, см. выше), что первоначально террор в Крыму был делом рук если и управляемой, то только

стадными инстинктами толпы. Но внимательно вглядываясь в этот inferнальный процесс, видишь в нём некую дьявольскую логику, за которой так и чудится направляющая рука¹³⁸. Удар, с одной стороны, наносился по «классовому врагу» — *имущим*. С другой — по *офицерам*, даже по тем, кто давно ушёл в отставку.

Стихия — стихией, однако «по своей исключительной жестокости и бездушности, продуманности и подготовке, вторая резня в Севастополе действительно напоминала Варфоломеевскую ночь, о которой так часто говорили матросы и солдаты»¹³⁹. В декабре избивали в первую очередь тех, к кому могли предъявить хоть какие-то претензии, например, участие в судах над восставшими матросами в 1905–1906 и 1912 годах. Только потом «входили во вкус». В феврале же избивали *всех офицеров*, хоть морских — хоть сухопутных, и *всех «буржуев»*. «...За все ошибки власти расплачивалась корпорация, посвятившая служению родине лучшие годы своей жизни (курсив наш. — Авт.)». Если ещё в декабрьских расстрелах можно усмотреть хотя бы небольшой намёк на систему, если в конце 1917 года погибли люди, которым толпа матросов могла предъявить хотя бы намёк на какую-то вину в прошлом (не всем. — Авт.), то в 1918 году на улицах Севастополя офицерство гибло лишь во имя торжества кровавожадных инстинктов, лишь для вящей славы большевизма.

(...) *Народные комиссары террором, ужасом смерти и жестокой расправы решили добиться прекращения саботажа со стороны офицерства. Уничтожением отдельных лиц, расстрелом сотен офицеров «наркомы» загнали тысячи в свои ряды (она и есть — «направляющая рука»; курсив наш. — Авт.)*¹⁴⁰. Крымское жертвоприношение, видимо, совсем не случайно совпало с началом создания Красной армии и флота, которым позарез нужны были запуганные, а потому верные профессионалы.

Истребляли, наконец, и представителей *интеллигенции*, в том числе и свободных профессий.

Вот как погибли друзья Н. Кришевского.

Полковник Я. И. Быкадоров. При обыске нашли миниатюру Государя, работы его жены. Убили на месте.

Полковник В. А. Эртель. Командовал конным полком на Кавказе, приехал на несколько дней в отпуск к семье. Как ни убеждал, что не принадлежит к Севастопольскому гарнизону, всё было напрасно. Повели на расстрел. Попросил завязать глаза. «— Вот мы тебе их завяжем!..» сказал один из матросов и штыком выколол несчастному Эртелю глаза. Его убили, и труп три дня валялся на улице и его не выдавали жене».

Подполковник Ковалёв (Ялта). Подвергли домашнему аресту. Вышел на улицу, да ещё с бриллиантовым кольцом на пальце. Проигнорировав мольбы жены и просьбы подчинённых солдат, его отправили на миноносец, где, застрелив, бросили в море¹⁴¹.

Типичные, надо полагать, для тех непредставимых дней случаи.

Ну а с «классовым врагом» было ещё проще. Враг — он на то и враг, чтобы его уничтожить. 23 февраля некоторых из тех, кто не успел или не сумел выплатить полностью контрибуцию, сначала собрали в помещении совета. Люди ждали решения своей участи, отгоняя в мыслях самое страшное. И только «один из них — Феликс Иосифович Харченко — быстро сообразил создавшееся положение и сказал окружающим: «Жизнь конечна, нас сегодня расстреляют»...»¹⁴². Однако, как говорил на 2-м Общечерноморском съезде матрос Беляев, судя по всему, противник кровопролития, совет отказался содержать (а, значит, и защищать) арестованных, тем самым расписавшись в своей беспомощности. Тогда арестованных начали группировать в Морском собрании. «Когда все люди были собраны в одной комнате, я [Беляев] посмотрел на них; там были и офицеры, и священник, и так, просто разные, кто попало. Там были совсем старые, больные старики. Половина матросов требовали уничтожить их. Была избрана комиссия [*организационно-сортировочный комитет*], куда попал и я. Я старался, чтобы люди шли через эту комнату. Людей было много, были и доктора, была уже полная зала. (...) Никто не знал ни арестованных, ни того, за что их арестовали. Больше стоять было негде. Пришла шайка матросов и требовала отдачи. Я уговаривал, что это офицеры на выборных началах, доктора и старики. Ничего не слушали. Согласились вывезти из зала. А около 12 ч. ночи [24-го?] звонит телефон из городской больницы, меня спрашивают, что делать с 40 трупами, что возле больницы. И тогда я узнал, что всех поубивали. Я слышал, что в Стрелецкой бухте на пристани много убитых. Я обратился снова в Совет. ...Но все меры были бессильны, матросы разбили на отдельные кучки и убивали всех»¹⁴³.

Той ночью убивали везде — на улицах, за городом, в тюрьмах. Город был оцеплен матросами, чтобы никто из «врагов» не смог уйти в безопасное место. «Нужно только вспомнить лужи крови на улицах, изуродованные трупы, подвозимые на автомобилях к баржам для погребения, бледных женщин с печатью смертельного отчаяния, мечущихся по улицам...»

Мало в Севастополе семей, так или иначе не затронутых февральскими убийствами. Много погибло тогда людей, которые ещё долгие годы могли бы приносить пользу родине.

Убийство — всегда преступление. Но эти убийства были дважды преступны, т. к. была пролита кровь ни в чём не повинных, беззащитных людей...»¹⁴⁴.

Палачи, что лишний раз доказывает просчитанность операции, прекрасно знали имена и местожительство намеченных жертв. Среди них были: предприниматель, купец 1-й гильдии А. Я. Гидалевич, известный просветительно-благотворительной деятельностью, введением охраны труда на производстве, и другие члены торгово-промышленного комитета Севастополя: Ф. И. Харченко, М. Е. Островерхов, Л. М. Шульман; М. А. Каган, «человек, который всю жизнь свою провёл в упорном труде

и нужде», а, став к старости обладателем «скромного достатка», жертвовал на просвещение, призрение сирот, инвалидов, бедных; общественный деятель Г. А. Бронштейн; Д. А. Побережский, поклонник лейтенанта П. П. Шмидта, считавший делом своей жизни увековечивание его памяти; художник М. М. Казас¹⁴⁵; военные всех рангов — от контр-адмиралов до мичманов, среди них: адмиралы С. Ф. Васильковский, Н. Г. Львов и Сакс, генерал-майоры И. И. Дефабр и К. Н. Попов, капитаны 1-го ранга А. Г. фон Ризенкамф и А. А. Антонов, полковники В. А. Эртель, Я. И. Быкадоров, Шперлинг, подполковник С. И. Жирар, лейтенант А. А. Томашевич, мичман Г. Е. Марков, поручик А. А. фон-Ризенкамф; а также такие фигуры, как, например, Книжников, содержатель дома терпимости¹⁴⁶. И множество других, «непросчитанных» заранее, а просто попавших под горячую руку. *Весь многонациональный Крым — в этих именах.* В феврале 1920 года по убиенным была отслужена панихида.

Уцелевший заключённый В. Л-рь стал очевидцем расправы над некоторыми «опасными преступниками» (ниже). Кстати, он, стремясь соблюсти объективность, отдаёт должное председателю трибунала (попасть под трибунал было в те дни — получить хоть мизерный, но шанс на спасение) матросу Шашкову, благодаря «гуманности и корректности» которого были спасены некоторые офицеры. (Один штрих к деятельности Шашкова. Мичман Мертвого обвинялся в том, что произнёс фразу: «Смотрите, чтобы не повторился вам 905 год». Подсудимый заявил, что этим высказыванием он хотел только предостеречь матросов от поспешных решений. Трибунал, «не видя точных доказательств к обвинению Мертвого в контрреволюции», постановил считать его оправданным¹⁴⁷. Тогда подобное было редкостным исключением из правил).

Приговаривали к тюремному заключению на срок от одного месяца до 16 лет. И к казни...

Среди заключённых севастопольской тюрьмы был и Ч. Челебиев, муфтий, бывший председатель Национального правительства (Совета директоров, Директории) крымских татар.

По всей видимости, психика, жизненные устои Челебиева не выдержали начавшейся баррикадной конфронтации, голого насилия и массовых убийств. Он был совершенно не готов к такому витку событий, хотя они, зародышем, уже наличествовали в Февральской революции. Отсюда — утрата равновесия, скачки от признания исторической правоты большевизма (как отражения народных чаяний, берущих истоки чуть ли не в легендах о граде Китеже), возможного альянса с ним — до вождения неприкрытой и нерезальной в Крыму татарской этнократии, от «медитации» (словами И. К. Фирдева) — до эпилептоидных вспышек активности, как это было в эпизоде с Народным домом. В дни матросского броска в глубины Крыма Челебиев остался верен традиционной покорности судьбе («*кьысмет*»). Он не покинул Симферополь.

Муфтий был взят у себя дома 14 января и (по некоторым сведениям) на аэроплане доставлен в Севастополь. Здесь, в тюремной камере, с ним приватно беседовал имевший репутацию либерала председатель Севастопольского ревкома Ю. П. Гавен. Будущий историограф революционных событий в Крыму никогда ни словом не обмолвится о содержании этого разговора.

О последних часах жизни Челебиева и других схваченных сохранились свидетельства укрывшегося под псевдонимом упомянутого заключённого той же севастопольской тюрьмы, нашедшего в себе силы, будучи самым буквальным образом на краю смерти, по крупицам собирать информацию о том, что здесь происходило. Приведённый текст найден и впервые частично опубликован нами в «Крымских известиях» (Симферополь) 22 февраля 1996 года под заголовком «В Карантинной балке обелиска нет...».

«В начале января, после «похода» на татар, после подавления татарской «контрреволюции», после «блестящих баталий» советского воинства, после разграбления крымских городов и сёл, в тюрьму был заключён муфтий Челебиев. Сначала его посадили в общую камеру № 5, но на другой день по распоряжению советских владык его перевели в одиночную камеру № 26 как опасного контрреволюционера. (...)

В два часа ночи ворвалась в тюрьму первая банда матросов, предъявивших комиссару тюрьмы требование о выдаче, согласно списку, для расстрела пяти заключённых. Комиссар по телефону запросил совет, как ему быть, выдавать или нет.

Из совета ответили: выдавать, кого потребуют матросы (! — *Авт.*). В предъявленном списке значились: муфтий Ч. Челебиев, контр-адмирал М. Л. Львов, капитан 1-го ранга Ф. Карказ (лейтенант в 1906-м, участник суда над лейтенантом П. П. Шмидтом¹⁴⁸ — и флот это помнил! — *Авт.*), капитан 2-го ранга И. Г. Цвингман и бывший старший городской севастопольской полиции Л. Сеница. Им связали руки... Вязали матросы и рабочий плотничной мастерской севастопольского порта Р.

Их повели... Никто из обречённых не просил пощады у своих палачей... Дорогой, до места убийства, в Карантинной балке, как передавал потом рабочий Р., убийцы истязали своих жертв: больного старика Карказу били прикладами и кулаками, Сеницу кололи штыками и били прикладами и глумились над всеми.

Их расстреляли в упор и уже мёртвых били прикладами и камнями по головам. С убитых сняли верхнее платье, ботинки, кольца, кошельки...».

В четыре часа утра (на 23-е, как у Л-ря, или на 22-е, в числе 70 заключённых, как у Гавена¹⁴⁹? — *Авт.*) вторая банда с ругательствами выгнала из камер, избивая, полковников Шперлинга и Яновского, прапорщиков Гаврилова и Кальбурса, поручика Доценко, капитана II ранга Вахтина, мичмана Целицо, севастопольских обывателей Шульмана (пробили голову), Шварцмана (сломали ребро) и Книжникова, инженера Шостака и матроса Блумберга. Последним двум каким-то чудом удалось бежать (Блумберг

был, видимо, снова схвачен, ибо его имя фигурирует в списках казнённых. — *Авт.*) «И эти обречённые пошли на свою Голгофу, не прося пощады у своих убийц, лишь у мячмана Целицо выкатились две слезинки — мальчик он ещё был, вся жизнь его была ещё впереди, да прапорщик Гаврилов о чём-то объяснялся с бандитами...

Их увели, а нам, оставшимся, сказали: «мы разберёмся ещё с вами»...

Минут через 15–20 глухо долетел в камеру звук нестройного залпа, затем несколько одиночных выстрелов и всё смолкло...

Мы ждём своей очереди... Тускло светит рассвет в переплетённые решёткой тюремные окна...

Тихо, тихо кругом...

Мы лежим на койках и глаза наши обращены то к иконе, то на окно, где... медленно приближается рассвет; губы каждого невятно шепчут: «Господи, спаси, защити, Ты единственный наш защитник, единственная наша надежда»...

Как медленно, томительно медленно, приближался рассвет, минуты казались вечностью...

Что пережито было за это время — не в силах описать ни одно перо...

Но вот взойшло солнце, ярко вспыхнули его лучи на оконных стёклах и весело заиграли «зайчики» на стенах и потолке камеры...

Звякнули ключи, провизжал отпираемый замок и этот звук, точно тупым ножом, резнул по сердцу — это отперли нашу камеру. Началась проверка. Мы вышли в коридор. Пустые и мрачные стояли те камеры, в которых ещё вчера было так оживлённо.

Казалось, незримый дух убитых витает в них. Из всех обитателей камер № 4 и № 5 чудом уцелели купец Л-в и два прапорщика — Ф. и К. ...

Мы обнялись, мы расцеловались, мы плакали...»¹⁵⁰.

Тела складывали на платформы, бросали в автомобили и свозили на Графскую пристань. Матросы не позволили родственникам похоронить убитых. На барже их вывозили в море и там, привязав груз, топили. Море всё скроет... Но ещё долго, в штормовые дни, трупы прибывало к берегу.

На следующее утро расстрелы повторились.

Одно время, с подачи В. Е. Возгрина, автора конъюнктурных, фальсификаторских и безграмотных писаний по истории крымских татар, тенденциозная печать муссировала «правду» о целенаправленном уничтожении русскими в начале 1918 года тысяч крымских татар. Если уж выполняете чьи-то заказы, господа, то знайте меру! Эскадронцы гибли в боях; многие татары пострадали в охвачившем Южный берег Крыма греко-татарском конфликте, где вина падает на обе стороны. *Никакого этнического террора Крым в годы Гражданской войны со стороны и «красных» и «белых» не знал.* Красный террор обрушился, как мы показали, на представителей известных социальных слоёв и корпораций *всех национальностей*, «просто разных, кто попало», как бесхитростно выразился матрос Беляев. Он но-

сил *социальный, а не национальный характер*. Жертвой террора, помимо Челебиева, пало, по имеющимся у нас данным, только одно известное лицо из крымских татар: Усеин Бо(а)латуков¹⁵¹, далёкий, кстати, как выходец из высших дворянских кругов, от «курултаевцев».

Были робкие попытки протеста отдельных членов Совета и Центрофлота; встречаются смутные намёки на некую депешу из центра. На состоявшемся 27 февраля (по Ю. П. Гавену — 26-го) заседании II Общечерноморского съезда (присутствовали представители ЦК ЧФ, демократических организаций, партий, судовых и береговых комитетов) звучали характерные инфантильные речи. «Моряки, после горячих выступлений ряда ораторов, убедившись, что самосуды не укрепляют, а позорят революцию, чистосердечно признались, что они были введены в заблуждение. Врезалось в память выступление одного моряка, который со слезами на глазах, дрожащим голосом заявил: — Мы виноваты, но клянусь честным словом моряка, что, когда я бросал в море офицеров и спекулянтов, я думал, что делаю хорошее дело. И мои товарищи, которые принимали участие в расстрелах, думали, что они поступают, как честные революционеры. *Судите нас всех — или никого не судите* (курсив наш. — Авт.). Мы все одинаково виноваты.

И собрание единодушно клялось в том, что впредь самосудов не будет»¹⁵². Воистину — дети: я не понимал — и делал плохо, теперь понимаю — и больше так делать не буду.

Съезд вынес резолюцию: «1) Заклеймить самым энергичным образом позорное выступление, бывшее в Севастополе в течение трёх кошмарных ночей. 2) Немедленно создать комиссию из лиц собрания для установления степени виновности замешанных лиц и решить, как с ними быть... способствовать раскрытию гнусного дела, дабы этим показать пролетарию Западных государств, что Русские социалисты не палачи, подобно царским, имевшим место при кровавом Николае II»¹⁵³. Всё это происходило *post factum* и за версту отдавало цинизмом.

Упоминание о «кровавом Николае II» звучит, разумеется, притянутым за уши, но комиссия действительно была создана и начала свою работу. Уже ко 2 марта она представила список из 45 точно установленных казнённых¹⁵⁴. Однако, так как в эти дни создаётся Социалистическая Советская Республика Тавриды, её (комиссии) работа, надо полагать, была сочтена несвоевременной. Во всяком случае, далее деятельность комиссии не прослеживается.

Моряки, ознакомившись с резолюцией съезда, поступили очень просто. С одной стороны, большинство их внешне осудило «контрреволюционные стихийные выступления». С другой (например, команда линкора «Свободная Россия»), верные корпоративной «этике», они заявляли, что «виноватых в этих событиях не должно быть, а если их будут предавать суду, мы выступим в их защиту». Понятно, каким образом. Ну а кое-кто, скажем, команда базы минной бригады, целиком оправдывая деяния убийц, вспо-

минал, что молодцы-балтийцы уничтожали «подспорье царизма» ещё «в первые дни революции»¹⁵⁵. Как следствие, наказания за кровавую вакханалию никто не понёс. Разве что отстранили от должности председателя Центрофлота С. И. Романовского. Председателем стал украинский эсер, юрист по профессии С. С. Кнорус¹⁵⁶, главным комиссаром флота — видный левый эсер, ярый противник замирения с Германией В. Б. Спиро.

Расстрелы, по севастопольскому почину, прошли в феврале-начале марта и в других городах Крыма (Симферополе, Евпатории). «В Симферополе в ночь с 23 на 24 февраля матросы стоявшего здесь Севастопольского отряда, очевидно, извещённые о событиях в Севастополе, произвели аресты «лиц, принадлежащих к буржуазному классу». Наиболее известные своей контрреволюционной деятельностью лица были расстреляны»¹⁵⁷. Были казнены «буржуи», не внесшие контрибуцию¹⁵⁸. Вошедшие в раж матросы и красногвардейцы пытались кое-где разогнать местные советы и ревкомы, которые их не устраивали (Симферополь, Феодосия).

Вакханалию севастопольских убийств, длившуюся три страшных ночи/утра, с 22 по 24 февраля, прервали рабочие. «В этом царстве тьмы и зверства светлым лучом промелькнуло живое, гуманное участие севастопольских рабочих. Они своим энергичным, вооружённым вмешательством обуздали диких зверей и положили конец бессмысленной, бесчеловечной бойне. Зрелая политическая мысль и чувство любви к ближнему — кто бы он ни был — подсказали севастопольскому пролетариату благородную решимость. Твёрдыми, решительными действиями рабочие пресекли дальнейший разгул порочных страстей, и не будь их вмешательства, кто знает, сколько ещё кровавых жертв поглотило бы Чёрное море»¹⁵⁹. Именно рабочие резко осудили совет с его бесхребетной политикой, потребовав перевыборов¹⁶⁰.

На вопрос о числе погибших в чёрные февральские дни архив бесстрастно отвечает: 600 человек¹⁶¹. Гавен резюмирует: самосуды «внесли сильное разложение в ряды моряков и революционных отрядов, вызвали возмущение среди широких масс рабочих и сильно подорвали авторитет революционных органов власти.

Этой отрицательной стороны стихийного выступления матросских масс никто не отрицает («разложение», «возмущение» и «подрыв авторитета» — это, разумеется, важно, но почему нет речи о лишении сотен людей самого ценного — жизни? — *Авт.*). Но рассматривать эти события мы должны под углом зрения тогдашней тяжёлой обстановки, когда тревожный лозунг — «социалистическое отечество в опасности» — вонзался в сердце каждого революционного борца — моряка, рабочего и крестьянина — и призывал к действию, к решительному выступлению против врага, притаившегося в подполье и ждущего благоприятного момента для нанесения удара пролетарской революции»¹⁶².

А утром 24 февраля поражённые жители Севастополя слышали... торжественную музыку. Играл оркестр. Матросы шли под знамёнами строй-

ными рядами. Грозными речами шумели митинги. «Более ужасных минут Севастополь не переживал. Перед этим шествием торжествующего убийцы, перед этими радостно громкими звуками победных маршей померкли ужасы ночи и заглохли выстрелы расстрелов, ибо здесь *всенародно как бы узаконялось то, что было совершено 12 часов назад* (курсив наш. — Авт.). Отнималось последнее утешение, что то злое дело было сделано кучкой преступников»¹⁶³.

На Графской пристани кто ликовал, кто трепетал от страха. *Но голос правды всё-таки прозвучал.* «С балкона говорят комиссары казённые речи, сводящиеся к одному — «бей буржуев». Но вот выходит матрос, по-видимому еврей, и обращается к многотысячной толпе. Сначала его слушают со вниманием и спокойно, но потом его слова вызывают бурю возмущений. Этот маленький человек осмеливается сказать свирепым матросам правду в глаза, убийства он называет убийствами, грабёж — грабежом»¹⁶⁴. История сохранила имя храбреца: Розенцвейг, стекольщик из Симферополя, призванный в годы войны на флот. После своей самоубийственной речи ему удалось спастись. Он бежал в Румынию. Вернулся Розенцвейг в Крым только к 1919 году, выдав себя за военнопленного и проживая затем в полной нищете. *Поразительный эпизод!*

Закончим словами современника: «Жертвы февральских ночей — это искупительные жертвы нашего греха — и они должны быть священны для нас»¹⁶⁵. *Никакого знака памяти погибшим как в дни террора 1917–1918 годов, так и в дни террора 1920–1921, до сих пор в Крыму нет.*

Отступление. Попытка крымскотатарской интеллектуальной элиты, получившая трагический ответ в судьбе лидера и духовного, морального авторитета — Ч. Челебиева, добиться в условиях революции и Гражданской войны культурно-национальной и политической самоидентификации своего народа, «застолбить» для него место под солнцем, признаваемое другими народами, потерпела и, смеем утверждать, не могла не потерпеть неудачу.

А причины этого, на наш взгляд, таковы.

Первое. Не была найдена равнодействующая в той точке пространства и времени между, условно говоря, Востоком и Западом, где, волею географии и истории, оказался полиэтничный Крым. Идейные постулаты принявшего на рубеже веков рельефные очертания индустриального общества плохо сочетались с глубоким традиционализмом и архаикой крымскотатарского социума. Отсюда — невероятный для европейца диапазон колебаний — от Гиреев до Жореса, от представительной демократии до средневекового ханства, что буквально корёжило и тактику, и внутренние «коммуникации» курултаевского движения, и отношение к нему со стороны.

Второе. Чрезвычайную трудность, что типично для направлений такого рода, представлял поиск ответа на вопрос о разумном соотношении национального и социального начал, вопрос, который в ситуациях 1917–1920 годов беспрерывно порождал дилеммы: единство — раскол, «большевизм» (в

широком смысле, как борьба за социальную справедливость) — «правоверность» (вспомним, что Коран освящает частную собственность и никаких побудительных импульсов к социальному равенству, в отличие от Евангелий, там не найти), наконец, «красные» — «белые». Классовые трещины замазать трескотнёй об идеалах «единого народа» было сложно. Отсюда — тяготение левых «курултаевцев» к большевикам. Отсюда и такой, утонувший в катаклизмах и неготовности к творчеству, но имевший последствия фактик, как проба создать в середине января 1918-го под руководством И. К. Фирдевса вместе с С. И. Идрисовым, С. М. Меметовым, А. А. Боданинским, Х. Крымтаевым (мурзак!), М. Ареланом («барышник!») и др. полужфемерную Крымскую социалистическую партию трудящихся, с весьма пёстрым составом, без программы, устава и плана работы, но со своей газетой — «Ал Байрак» («Алый Флаг»), вскоре переименованной в «Ишчи Халк» («Рабочий Народ»)¹⁶⁶. По словам Айвазова, партия занималась тем, что испрашивала у новых властей разрешения похоронить по мусульманскому обряду и на мусульманском кладбище расстрелянных «татар-буржуев», защищать «интерес» мусульман, охранять их жизнь и имущество и т. д. Она «играла на религиозных чувствах верующих мусульман, чтобы привлечь на свою сторону, завоевать доверие», а также «внушить враждебное чувство» к лидерам Милли-фирки — Дж. Сейдамету, А. С-А. Озенбашлы, Х. С. Чапчакчи и С-Дж. Хаттагову, «и таким образом, занять в будущем их посты». Однако «царствование партии мусульманских социалистов (вернее, лживых социалистов) продолжалось недолго». Власти вскоре перестали им доверять (скорее всего — просто отпала необходимость в подобной структуре. — *Авт.*), а когда они это поняли, то «создали подпольную организацию, в которую входил, кроме перечисленных лиц, и Ибрагимов Вели». Если верить Айвазову, то цель этой подпольной организации — «в случае ухода советской власти из Крыма взять в свои руки руль татарских национальных дел»¹⁶⁷.

Как бы там не было, кроме бабочки-однодневки, из «партии трудящихся» ничего другого не вышло: впоследствии пришлось обращать взоры к реальной силе — большевикам.

Третье. Крымскотатарская масса — земледельцы, причём без- и мало-земельные — мизерного жизненного уровня, с минимальным кругозором, чернорабочие, мелкие ремесленники и торговцы — в силу религиозного пресса, освящённых веками обычаев и стереотипов поведения (*шариата* и *адата*), — была чрезвычайно восприимчива и податлива к словам «авторитетов», легко манипулируема, но её реальный силовой и прочий потенциал, сравнительно с другими действующими лицами драмы, именуемой Гражданской войной, был сравнительно невелик. Хотя армейская служба могла канализировать названные качества в сторону высокой боеспособности, что отчасти показал пример эскадронцев. В целом же баланс сил и энергетика большевиков естественно сыграли в перипетиях 1917–1918 годов, как и в последующих, решающую роль.

Наконец, национальный эгоизм (скрытый за постоянными радениями о «всех народах» Крыма), пробудившийся «нутряной», животный национализм, который выплеснулся в кровавый греко-татарский конфликт, подбострастные апелляции к внешним фигурантам и перманентное нытьё, перемежаемое натужным пафосом и самовосхвалительными тирадами, вызывали серьёзные сомнения в нравственной обоснованности и устойчивости движения. Программы, убедительной и привлекательной для крымчан, «курултаевцы» так и не выработали, настойчивого стремления к консолидации населения полуострова перед лицом внешней и внутренней опасности не обнаружили. Зато авантюризмом порой грешили. Четверть разбросанных в значительной части по отрезанным от городов и друг от друга поселениям жителей Крыма его судьбой распорядиться не смогли.

Проблему террора принято увязывать и с той ситуацией, в которой оказалась *православная церковь* в 1917-м и особенно после принятия Советской властью декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 20 января 1918 года. Автор специального исследования, справедливо отстраняясь от «разоблачительной» легковесности 1990-х годов и «перевернув» массу источников, рисует весьма сложную картину взаимоотношений власти и церкви в эти переломные годы.

15 августа 1917 года начинает работу Поместный собор Русской православной церкви, продолжавшийся с перерывами до 7 сентября следующего года. Не вдаваясь в сугубо церковную специфику, выделим такие органического рода новации по поводу как отношения к государству, так и внутреннего устройства Церкви и, соответственно, такие осознаваемые или неосознаваемые противостояния: 1) появление радикального, достаточно агрессивного и диктующего свои, порой достаточно спорные, мнения крыла; 2) спровоцированное этим радикализмом расхождение между верхушкой Церкви, с одной стороны, и многими рядовыми священниками и паствой, с другой. К осени и осенью 1917 года Церковь объявила о своём выходе из-под юрисдикции государства; отказалась от синодального варианта, вернувшись к патриаршеству; приложила всяческие старания к укреплению внутренней, жёстко иерархической и авторитарной структуры; вслески стремилась к идеологической и конфессиональной монополии в обществе. А с начала 1918 года, подстёгнутая крахом своих расчётов, январским декретом, развернувшимся террором, Брестским миром (которого она не признала) и пр., — Церковь, включая в первую голову Патриарха Тихона, вступила в открытый конфликт с центральной властью.

Не удержимся от длинной, но объективно, на наш взгляд, воспроизводящей реалии и сжато суммирующей упомянутые коллизии цитаты:

«Новая политическая власть отказывала ему (православию. — *Авт.*) в государственном статусе и переводила православную церковь в разряд массовой общественной организации, которая должна была сосуществовать наравне с другими конфессиями, не имея каких-либо льгот. Большевики обя-

вили о полной секуляризации общественной жизни. Для православия это было *сущей трагедией* (курсив наш. — Авт.). Русская православная церковь, пользовавшаяся в течение столетий иммунитетом неприкосновенности, когда любая хула в её адрес каралась наказанием в виде 10–15 лет каторги, не была готова к подобному повороту событий... Вместо того, чтобы признать новую власть как «богоданную», *как того требует христианская традиция* (курсив наш. — Авт.), радикально настроенные участники собора решили противодействовать радикалам-большевикам. Ввязавшись в политическую борьбу, церковь её проиграла, едва не прекратив своё существование в 30-е годы XX века. Поэтому обвинения большевиков в крайнем радикализме по отношению к церкви не до конца верны. Причина трагедии православия в первые годы советской власти кроется также и в радикализме самой церкви. Большевики... расправлялись со всеми силами, оказавшими им сопротивление. Начав борьбу с государством, церковь погрязла во внутренних конфликтах, который умело использовала новая власть. Радикализм лидеров православия в отношении государства спровоцировал в церкви радикализм внутренний. (...) Амбиции ряда религиозных деятелей поставили её на грань самоликвидации. Большевикам оставалось лишь умело дирижировать этими процессами, что с успехом и было сделано в 20–30-е годы XX века. В течение 10–15 лет государству не только удалось «усмирить», но и «приручить» расколотую и непокорную церковь, сделав её сторонником реализации своих планов»¹⁶⁸. Однако, ознакомившись с этим пассажем, можно поставить вопрос по-другому: если бы Церковь не ввязалась в политическое противоборство (что ей, конечно же, было никак не к лицу и не соответствовало истинно христианской традиции), вела себя толерантно или даже элементарно капитулировала, могли ли быть гарантии от гонений, или история пошла бы примерно тем же путём?

Ю. А. Катунин считает, что целенаправленной собственно антиправославной политики большевики в 1917–1918 годах, во всяком случае в Крыму, не вели. «Анализируя события января-марта 1918 года, с большой натяжкой можно говорить о гонениях в Крыму в отношении церкви, как это утверждается в некоторых публикациях»¹⁶⁹. Бесчинства в храмах и убийства священнослужителей были одной из составляющих разнужданности черни и террора.

Хроника событий.

В ночь с 4 на 5 октября 1917 года ограблен и осквернён Александроневский собор Симферополя. Убит церковный сторож Ф. Рыжов. Похищены из кассы 700 рублей. Сброшены на пол дарохранительницы, Святые Дары рассыпаны. В ту же ночь преступники были арестованы¹⁷⁰.

19 декабря в Севастополе расстрелян матросами священник военноморской Митрофаньевской церкви отец Афанасий (Михаил Чефранов) за то, что «напутствовал Св. Тайнами осуждённых... на смерть военно-гражданской властью матросов»¹⁷¹ (по другим данным его обвинили в наруше-

нии тайны исповеди арестованных матросов «Очакова»¹⁷²). 14 января — расстрелян священник Покровской церкви с. Саблы (ныне с. Партизанское Симферопольского района) отец Иоанн Угрянский. Обвинений предъявлено не было. Почти две недели тело не разрешали похоронить.

В тот же день был произведён обыск у архиепископа Симферопольского Димитрия. «Всё взламывалось и вскрывалось. В архиерейскую церковь бандиты шли с папиросами в зубах, в шапках, штыком прокололи жертвенник и престол. В храме духовного училища взломали жертвенник... Епархиальный свечной завод был разгромлен, вино выпито и вылитое. Всего убытка причинено больше, чем на миллион рублей».

«Удушен в своей квартире» о. Исаакий (Николай) Попов. Расстреляны о. Александр Русаневич, бывший Нижегородский архиепископ Иоаким Левицкий, проживавший в Ялте, служители Агафон Гарин и Александра Казанцева.

В двадцатых числах января весь городской и в некоторой степени сельский Крым становится «ревкомовским»¹⁷³. Какими методами — мы постарались показать. Горные и предгорные местности с татарским населением продолжали жить своей жизнью, скрывая вооружённые отряды эскадронцев и русских офицеров.

¹ В Крыму оборот речи «белые» со своими производными «появился позже, а зимой 1917–1918 годов его ещё не было. Говорили — «золотопогонники», «офицеры», «калединыцы», «корниловцы», но не белые» (курсив нап. — Авт.) (Сапожников А. Л. Крым в 1917–1920 годах. По воспоминаниям отрока из семьи последних крымских помещиков. 1. Евпаторийские варфоломеевские ночи. Как это было: на самом деле — и по Сельвинскому // Крымский архив (Симферополь), 2001. — № 7. — С. 204).

² «Штаб крымских войск, — утверждал Сейдамет, — являясь высшим краевым военным органом, ставит своей ближайшей задачей: путём организации военной силы края — организации национальных частей народов Крыма — установить правопорядок в крае, обеспечить спокойствие населения и довести его до Крымского Учредительного Собрания» (Голос Татар (Симферополь). — 1917. — 20 декабря).

³ Одним из редких примеров непосредственного обращения к татарам является следующая листовка (конец 1917-го или начало 1918 года):

«К ТРУДОВОМУ ТАТАРСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ

Братья татары! — Буржуи и офицеры обманывают Вас. Не верьте им, будто большевики — Ваши враги. Большевики — враги всем богачам, буржуям, а Вам — друзья. Сейчас Вы сражаетесь за Ваших врагов. Большевики хотят отнять у богачей землю, фабрики, заводы, капиталы, всю власть и передать всё это народу. Большевики хотят, чтобы ни один народ не притеснял другого, но признают полное самоопределение народа, свободу веры, языка и т. д. Большевики хотят, чтобы после этой войны все народы разоружились, чтоб не было больше войн, которые выгодны только буржуям. (...)» (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 41. — Л. 8).

20 ноября 1917 года за подписями Председателя СНК В. И. Ульянова (Ленина) и наркома по национальным делам И. В. Джугашвили-Сталина была издана и опубликована в центральных большевистских газетах листовка «ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ-МУСУЛЬМАНАМ». В ней, в частности, было сказано: «(...) Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и её органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и её полномочное представительство! (...)».

В полное собрание сочинений В. И. Ленина, несмотря на его подпись, обращение не включено (*Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). — Симферополь, 1996. — Вып. 3. — С. 22–23). Судя по запискам А. С. Айвазова, именно он поместил данное воззвание в газете «Миллет», будучи её редактором, за что в присутствии Дж. Сейдамета в Штабе крымских войск в конце декабря 1917 года на него с револювером в руках накинута В. В. Макухин. И только благодаря заступничеству А. А. Боданинского и Х. С. Чапчакчи был отпущен (*Айвазов А. С.* История национального движения в Крыму // Восточный Свет (Москва). — 2005. — № 3. — С. 35). Впрочем, учтём обстоятельство написания данных записок.

⁴ Цит. по: *Атлас М. Л.* Борьба за Советы. Очерки по истории Советов в Крыму. 1917–1918 гг. — Симферополь, 1933. — С. 143.

⁵ *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит. (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма). — Казань, 1992. — С. 106.

⁶ Там же. — С. 105.

⁷ *Гавен Ю. П.* Борьба большевистского подполья за Советский Крым // Революция в Крыму. — [Симферополь], 1930. — № 9. Сборник материалов к десятой годовщине советизации Крыма. — С. 7.

⁸ *Урановский.* Переворот в Севастополе // Революция в Крыму. — Симферополь, 1923. — № 2. — С. 30.

⁹ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе // Крымский архив. — 2002. — № 8. — С. 250–251. [Окончание].

¹⁰ *Королёв В. И.* Черноморская трагедия. (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). — Симферополь, 1994. — С. 23. См. также: *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1951. — Ч. I. — С. 52–55). «Из Севастополя — этого сердца крымского большевизма, злокачественная кровь его потекла вначале главным образом в четырёх направлениях: на Юг — в Ялту, на Север — в Симферополь, на Запад — в Евпаторию и на Восток — в Феодосию» (*Набатов А. В.* столице бывшей республики // Ялтинский Голос. — 1918. — 2(19) июля).

¹¹ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май-октябрь 1918. — Минск, 2002. — С. 66–67.

¹² По мнению В. П. Купченко, одним из прототипов стихотворения был И. А. Назукин (подпольная кличка «Ванька-Сыч») (*Купченко В. П. Комментарии // Волошин М. Собрание сочинений. — М., 2000. — Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926. — С. 544*).

¹³ Который заявил: «Хотя действием против большевиков руководит штаб крымских войск, мы заявляем, что там группируются контрреволюционные силы» (Цит. по: *Елагин В. Указ. соч. — С. 104 / Прибой (Севастополь). — 1918. — 14 января*).

¹⁴ Цит. по: *Елагин В. Указ. соч. — С. 104*.

¹⁵ *Фирдевс И. К. [Воспоминания] // ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 776. — Л. 3*.

¹⁶ Таковую версию высказал М. Ф. Бунегин (*Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — [Симферополь], 1927. — С. 112*).

¹⁷ Цит. по: *Королёв В. И. Таврическая губерния в революции 1917 года. (Политические партии и власть). — Симферополь, 1993. — С. 52*.

¹⁸ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 776. — Л. 3–5.

¹⁹ Цит. по: *Елагин В. Указ. соч. — С. 104*.

²⁰ **Боданинский Уссин Абдурейфиевич** (1877–1938). Родился в с. Боданы Симферопольского уезда (ныне с. Перово Симферопольского района). Брат А. А. Боданинского. Обучался в Симферопольской татарской учительской школе (1889–1896) и Московском Строгановском художественно-промышленном училище (художественное образование). В 1909 году на Всероссийском конкурсе его эскизам мебели присуждена 1-я премия. По окончании училища в 1911–1913 годах принял участие в оформлении интерьеров Половцовой дачи в Санкт-Петербурге — памятника архитектуры эпохи неоклассицизма, построенной по проекту архитектора И. А. Фомина на Каменном острове. В 1917 году возвращается в Крым, директор созданного Бахчисарайского ханского дворца и музея (Приказ Таврического губернского комиссара от 4 октября 1917 года: «Назначаю художника Усеина Абдурейфиевича Боданинского комиссаром Бахчисарайского б. ханского дворца»). Подпись: Богданов (Н. Н.) (ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 3). В сентябре-октябре 1919-го денкикинские власти пытались сместить с этого поста Боданинского, известного своими левыми взглядами, и заменить его статским советником С. А. Плаксиным, однако натолкнулись на сопротивление общественности, для наблюдения над состоянием дворца была создана особая комиссия, а Боданинский остался на своём месте со штатом в пять человек. В 1920-е годы: член КрымЦИКа и Бахчисарайского исполкома, заведующий отделом народного образования в Бахчисарае. «...Талантливый художник и архитектор, чуткий и живой политик. Пользуется неограниченным влиянием в Бахчисарае» (О происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму. [1922–1923] // «Изыскать пути к парализованию...»). Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) (публикация и комментарии А. В. Ефимова и Р. Н. Белоглазова) // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2002. — Вып. № 4. — С. 158). Энтузиаст охраны исторических памятников. Организатор этнографических и археологических (раскопки в Бахчисарае, Старом Крыму) экспедиций. Художник-консультант первых игровых и документальных фильмов из жизни крымских татар «Алим», «Ешилъ Ада». В 1934 году отстранён от заведывания Бахчисарайским музеем. В 1935–1937 годах выполняет разные декоративные работы в Москве и Тбилиси. Арестован по обвинению в национализме. Расстрелян в Симферополе.

(ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 1–17об.); *Зарубин А. Г.* Из истории Бахчисарайского дворца-музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Сборник научных трудов. — Симферополь, 1994. — С. 210–213; *Ефимов А. В.* Малоизвестные материалы по истории Бахчисарайского музея // Там же. — С. 213–225. (Включая «Доклад, прочитанный У. А. Боданинским на заседании Врем. Кр.-Мус. исп. комит. 26 сент. 1917 г. о мерах по защите и сохранению памятников татарского искусства в Крыму» и др. материалы газеты «Голос Татар»); *Черкезова Э.* О славном роде Боданинских; *Козлов В.* Боданинский Усеин Абдрейфиевич // Деятели крымскотатарской культуры. (1921–1944 гг.). Биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. — Симферополь, 1999. — С. 59–61).

²¹ Южные Ведомости (Симферополь). — 1918. — 13 января. Учитывая такую позицию Айвазова, очень сомнительно, чтобы он был инициатором публикации в «Миллет» вышеназванного воззвания Ленина-Сталина.

²² *Елагин В. А.* Националистические иллюзии крымских татар в период социалистической революции (1917–1918 гг.) [рукопись] // ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 109. — Л. 51 об.

²³ **Выгран Александр Николаевич** (1881–1918). Уроженец Евпатории, был хорошо известен всему городу. Из потомственных дворян Таврической губернии. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Жена — дочь военного инженера Елена Константиновна Гривнак, дочь 1906 года рождения (информация А. Г. Кавтарадзе). Мемуарист утверждает: «...Начальником гарнизона Евпатории... он... никогда не был. Он приехал в Евпаторию с семьёй, что называется домой, на лечение после тяжёлого ранения на фронте и, увы, застрял. Никакого официального положения он не занимал и, если и считался главой местных офицеров, то только как старший по чину (генералов в Евпатории, по-моему, тогда просто не было)» Ещё: «Для меня... Выгран был примером офицера. Высокого роста, атлетического сложения, горбоносый брюнет немного восточного типа. Как-то раз я видел его верхом — он прямо «просился» на картину» (*Сапожников А. Л.* Указ. соч. — С. 203, 230).

²⁴ *Пасманик Д.* Кто прав? // Ялтинский Голос. — 1918. — 6 января.

²⁵ *Сапожников А. Л.* Указ. соч. — С. 202.

²⁶ *Кришевский Н.* В Крыму (1916–1918 г.) // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. — М., 1992. — Т. 13–14. — С. 107 (Репр).

²⁷ **Караев Давид Львович** (?–1918). Член РСДРП. Участник революции 1905–1907 годов в Бобруйске. Арестовывался. В 1907 году переехал в Батум (Батуми), оттуда по совету врачей в 1909-м — в Крым. Жил в Евпатории. В 1917 году создал профсоюз строителей, которым руководил, затем возглавил городское объединение профсоюзов в Евпатории. В октябре стал товарищем председателя Евпаторийского совета. После отстранения от руководства Евпаторийским комитетом партии большевиков группы В. А. Елагина, посчитавшей Октябрьский переворот в Петрограде несвоевременным, 5 ноября 1917 года новый состав комитета возглавил Караев. Избран делегатом на партийную конференцию большевиков Таврической губернии в Симферополе от евпаторийской организации. Председатель Евпаторийского совета. После гибели его именем была названа одна из улиц Евпатории. В газете «Революционная Евпатория» от 27 января 1918 года опубликован текст следующей телеграммы: «Петроград, Совету Народных Комиссаров. В память зверски замученного офицерами-белогвардейцами руководителя евпаторийского пролетариата т. Караева просим о переименовании города Евпатории, Тав-

рической губернии, в город Караев. Евпаторийский Военно-революционный комитет». 9 сентября 1969 года в Евпатории в честь Л. Д. Караева в саду его имени (ул. Революции) открыта мемориальная стела. Одна из улиц Евпатории и сегодня носит имя Караева. (Тавровский Б. Давид Караев // Памяти павших за Советский Крым. 1918–1920. Сборник статей и воспоминаний. — [Симферополь], 1940. — С. 9–19; Вьюницкая Л. Н., Кравцова Л. П. Дорогами революции. Путеводитель. — Симферополь, 1987. — С. 120–122).

²⁸ Сельвинский Илья (Карл) Львович (1899–1968). Родился в Симферополе в крымчакской семье. Отец — меховщик разорился, после чего семья переехала в Евпаторию. Учился в городском начальном училище, в Евпаторийской мужской гимназии (1915–1919), где начал писать стихи. Печатался с 1915-го года. В 1918-м вступил в отряд Красной гвардии. Участник боёв с вторгшимися в Крым кайзеровскими войсками. В дальнейшем — на нелегальном положении. Весной 1919 года оставил Евпаторию и переехал в Севастополь, где арестован и заключён в тюрьму. Выдав себя за поляка, не причастного к местным событиям, был освобождён и выехал в Симферополь. Здесь поступил на медицинский факультет Таврического университета. В начале 1920-х годов переехал в Москву. Окончил факультет общественных наук Московского государственного университета. (1923). Один из руководителей литературной группы конструктивистов. Автор поэм «Ульяевщина» (1927), «Записки поэта» (1927), трагедии «Командарм 2» (1928), романа в стихах «Пушторг» (1928), эксцентрических пьес «Пао-Пао», (1932), «Умка — Белый Медведь» (1933). С конца 1930-х годов стал разрабатывать жанр исторической трагедии в стихах — «Рыцарь Иоанн» (1937); «Бабек» (1941). С начала Великой Отечественной войны — член ВКП(б). В составе войск 51-й армии участвует в обороне Крыма, вместе с ними отходит в Севастополь. Военный корреспондент газеты «Сын отечества». Участвует в Керченско-Феодосийской десантной операции (1941). Участник освобождения Крыма (подполковник в Приморской армии). В годы войны наряду с яркими патриотическими стихами («Я это видел!» — о расстрелах в 1941 году мирного населения в Багеровском рву под Керчью; «Аджимушкай» — о героизме защитников каменоломен в 1942 году; и др.) начал работать над драматической трилогией «Россия»: «Ливонская война» (1944), «От Полтавы до Гангута» (1949), «Большой Кирилл» (1957). Автор книги «Студия стиха» (1962), автобиографического романа «О, юность моя!» (1966) и др. Награждён 5-ю орденами, а также медалями. Умер в Москве (Дегтярёв П. А. Он родился в Симферополе // Дегтярёв П. А., Вуль Р. М. У литературной карты Крыма. Литературно-краеведческие очерки. — Симферополь, 1965. — С. 206–215; Резник О. Жизнь в поэзии. Творчество Ильи Сельвинского. — 2-е изд. — М., 1972).

²⁹ В подзаголовке И. Л. Сельвинский, однако, ставит обозначение жанра — «роман», а в предуведомлении «От автора» оговаривает: «В моём романе можно найти множество отклонений от мелкой хронологии. Но людей, выведенных в романе, я знал лично, а дыхание эпохи, надеюсь, воссоздал правильно. Никаких других задач я пред собой не ставил» (Сельвинский И. О, юность моя! // Октябрь (Москва). — 1966. — № 6–7. — С. 3). Портрет Караева, которого Сельвинский именует председателем Евпаторийского ВРК: «Лицо маляра в чёрных аминах от плохого освещения, его молодые усы и борода, какие-то трагические глаза напомнили ему лик Христа перед распятием. Сравнение было не только внешним. Володя чувствовал глубочайшую веру этого маляра в величие и справедливость новой эры, которую он провоз-

глашал пусть в уездном масштабе, но с такой же святой убеждённости [как Иисус] и с таким же пророческим очарованием» (Там же. — С. 27). Вырисовывается довольно типичная для времён Революции/Гражданской войны фигура.

Председателем Евпаторийского ВРК был А. Н. Елагин, отец В. А. Елагина.

Елагин Андрей Нилыч (?). Присяжный поверенный. Член РСДРП с 1898 года. В 1903 году партийный организатор в Москве и Подольске, где свёл знакомство с семейством Ульяновых. С 1915 года проживает в Крыму. В 1918-м возглавляет Евпаторийский ВРК; при добровольцах разыскивается контрразведкой. Начальник агитпоезда «Красный Восток» (1919–1920). В 1920-е годы: заместитель наркома внутренних дел Крымской АССР, нарком юстиции, член президиума КрымЦИКа, член КрымЦКПомгола, председатель Крымского союза сельхозкооперации (*Баранченко В. Е.* Гавен. — М., 1967. — С. 149; и др.).

³⁰ *Сапожников А. Л.* Указ. соч. — С. 205. По И. Л. Сельвинскому, убивали Караева (в присутствии случайного свидетеля) двое: прапорщик Пищиков и капитан Новицкий (*Сельвинский И. О.* юность моя! — С. 40).

³¹ Сельвинский пишет, что Выгран вынашивал планы расстрела всех коммунистов Евпатории (300 человек). (Указ. соч. — С. 36).

³² *Сапожников А. Л.* Указ. соч. — С. 203.

³³ Там же. — С. 205.

³⁴ **Немич Антонина Павловна** (?–1919). Старая партийная работница Евпатории, большевичка, из революционной семьи. Участница революции 1905–1907 годов. В 1905 году была арестована. Сидела в тюрьме в октябре 1906-го за участие в выступлении сельских рабочих 27 мая 1906 года. Была привлечена к ответственности Одесской судебной палатой 18 мая 1907 года за революционную пропаганду в 1905 году. После Февральской революции — организатор профсоюза домашних работниц и его председатель. Вовлекла в профсоюзную деятельность своих сестёр Юлию и Варвару. Депутат Евпаторийского совета. В январе 1918-го — член Евпаторийского ревкома и т. н. разгрузочной комиссии Евпатории, далее — на советской работе. Была арестована в Ак-Мечети (п. Черноморское) 20 апреля 1918 года по обвинению в организации массовых расстрелов и казней. Расстреляна на полустанке Ойсул 18 марта 1919 года вместе с 18 другими арестованными, включая членов своей семьи. (Картотека ГААРК). (О семье Немичей см.: *Тавровский Б.* Семья Немич // Памяти павших за Советский Крым. 1918–1920. — С. 56–81; *Вьюницкая Л. Н., Кравцова Л. П.* Дорогами революции. Путеводитель. — С. 114–116). Одна из улиц Евпатории названа в честь этой семьи революционеров.

³⁵ *Елагин В.* Евпаторийский Октябрь и начало Соввласти // Революция в Крыму. — [Симферополь], 1922. — № 1. — С. 56; и др. В. И. Королёв считает, что установление советской (*точнее — ревкомовской*) власти обошлось Крыму в тысячу человек (Черноморская трагедия. (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). — С. 23). Скорее всего, эта цифра занижена.

³⁶ *Кришевский Н.* Указ. соч. — С. 108. Сельвинский упоминает в числе производивших аресты евпаторийцев Н. М. Дёмышева, Кораблёва, Варвару и Юлию Немич; в составе трибунала на борту «Румынии» — Дёмышева, Симу Бой (?), Петриченко и Полонского. Сами казни у Сельвинского отнесены на задний план. Но примечательны два момента. Первый: матрос из Севастополя — председатель трибунала (безымянный) одному из юных персонажей: «Для вас это всё делается! Для завтрашнего вашего счастья!». Второй: мысли рыбацкого сына Леськи после того,

как он увидел выброшенный морем на берег труп городского прокурора Листикова: «Как всё это вынести? Я не хочу этого! Эпоха? Пусть. Революция? Преклоняюсь. Но я этого не хочу. (...) Мне это противно, омерзительно. Буду картошку чистить. Подштанники вам стирать. Что хотите! Но э т о — нет. Пускай матросы, пускай Петриченко, если им так хочется. Но не я! Только не я!» (*Сельвинский И.* Указ. соч. — С. 39, 42–43, 44, 45).

³⁷ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1225. — Л. 12. А. И. Деникин: «...Приводимое ниже описание судьбы евпаторийской буржуазии и преимущественно офицерства весьма характерно для «методов социальной борьбы» и психологии матросской черни, заполнившей своим садизмом самые страшные страницы русской революции.

«После краткого опроса в заседании комитета (Евпаторийского ВРК. — *Авт.*) арестованных перевозили в трюм транспорта «Трувор». За три дня их было доставлено свыше 800 человек. Пищи арестованные не получали, издевательства словесные чередовались с оскорблением действием, которое переходило в жестокие, до потери жертвами сознания, побои. На смертную казнь ушло более 300 лиц, виновных лишь в том, что одни носили офицерские погоны, другие — не изорванное платье. Обречённых перевозили в трюм гидрокрейсера «Румыния». Смертника вызывали к люку. Вызванный выходил наверх и должен был идти через всю палубу на лобное место мимо матросов, которые наперерыв стаскивали с несчастного одежду, сопровождавая разделение остротами, ругательствами и побоями. На лобном месте матросы, подбодряемые Антониною Немич, опрокидывали приведённого на пол, связывали ноги, скручивали руки и медленно отрезывали уши, нос, губы, половой орган, отрубали руки... И только тогда русского офицера, истекавшего кровью, испускавшего от нечеловеческих страданий далеко разносившиеся, душу надрывающий крики, отдавали красные палачи волнам Чёрного моря» (*Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Белое движение и борьба добровольческой армии. Май–октябрь 1918. — С. 67–68 / Материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков).

См. также: Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории (дело № 56) // Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. док-ров ист. наук Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. — М., 2004. — С. 197–203.

³⁸ Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. 2-е изд. (1924). — Симферополь, 1991. — С. 110.

³⁹ Набатов А. Евпаторийское дно // Ялтинский Голос. — 1918. — 4(20) июля.

⁴⁰ Сапожников А. Л. Указ. соч. — С. 203.

⁴¹ Мельгунов С. П. Указ. соч. — С. 110–111.

⁴² Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории (дело № 56). — С. 200.

⁴³ Этот термин, пущенный в обиход, видимо, кем-то начитанным, но как-то сразу прижившийся в матросской, массе, вошёл в обиход с декабря 1917-го года. Его, однако, упростили и русифицировали до «еремеевских ночей» (сразу представляется вооружённый мордоворот с крестьянской фамилией «Еремеев»). См.: А. Г. Памяти Ф. Ф. Шнейдера // Южные Ведомости. — 1919. — 26 января; *Лобыцын В., Дядичев В.* Еремеевские ночи // Родина (Москва). — 1997. — № 11 (авторы приводят выражение «еремеевские» как данность, не пытаясь его объяснить); и др.

⁴⁴ По данным Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, Владимир Николаевич Мамуна был всё-таки графом и героически погиб, избличая

большевиков (Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории (дело № 56). — С. 200–201).

⁴⁵ Сапожников А. Л. Указ. соч. — С. 206.

⁴⁶ Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории (дело № 56). — С. 202–203.

⁴⁷ В отношении выбрасываемых морем трупов производился судебно-медицинский осмотр. Были зафиксированы случаи удушения, были тела с рваными ранами, с пострелянными черепами (В. Н. Мамуны), с отрубленными руками (у бывшего сыщика Евпаторийской полиции Абдувелли Нурмагон Оглу), с оторванными головами (у вольноопределяющегося М. И. Мельцера) (Там же. — С. 199).

⁴⁸ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1225. — Л. 6–7об., 10, 16–17, 27–27об., 53, 55, 58, 59, 179–179об., 192–192 об.

⁴⁹ **Мурзак Филипп Вакулович** (1867–1919). Родился в Алёшках. Рано потерял отца. Троих детей воспитывала мать. Батрак, на лайбах по Днепру и Чёрному морю возит арбузы и дыни в Одессу, грузчик в Одесском порту. Матрос броненосца «Князь Потёмкин-Таврический», главный боцман. Участник восстания в 1905 году, назначен матросами старшим офицером. Отказался остаться в Румынии и вернулся на своём корабле в Севастополь, где был арестован и отправлен в плавучую тюрьму на «Прут». Освобождён во время восстания в Севастополе 15(28) ноября, но на следующий день вновь арестован и предан суду. Лишён всех чинов воинского звания и уволен со службы, отдан под гласный надзор полиции. Извозчик. После Февральской революции восстановлен в воинском звании и возвращён во флот. Во главе отряда матросов участвует в боях с эскадронцами под Бахчисараем, станцией Альма (Почтовая), Симферополем в январе 1918 года. Военный комендант Симферополя. Во время наступления германских войск уехал в Севастополь и ушёл в подполье. Арестован в июне 1918-го. Из тюрьмы в Севастополе переведён в Симферопольскую тюрьму, где находился 9 месяцев. 10 марта 1921 года его останки с почестями перезахоронены на кладбище Коммунаров в Севастополе (*Даниловский Г. Филипп Мурзак // Памяти павших за Советский Крым. 1918–1920. Сборник статей и воспоминаний.* — С. 91–95).

⁵⁰ *Надинский Н. П.* Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1957. — Ч. II (Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.)). — С. 161–162, 163; *Шамко Е. Н.* Коммунистическая партия — организатор борьбы трудящихся против иностранных военных интервентов в Крыму (апрель 1918 г. — апрель 1919 г.) // *Борьба большевиков за власть Советов в Крыму.* — Симферополь, 1957. — С. 176.

⁵¹ «Приехал Дерман, критик, — бежал из Симферополя. Там, говорит, «неописуемый ужас», солдаты и рабочие «хоят прямо по колено в крови». Какого-то старика — полковника живём зажарили в паровозной топке», — записывает И. А. Бунин 8(21) февраля 1918-го года (*Бунин И. А. Окаянные дни.* — М., 1990. — С. 15).

⁵² *Ленин В. И.* С чего начать? // Полн. собр. соч. — М., 1972. — Т. 5. — С. 7. Свидетельства М. Горького о Ленине периода Гражданской войны: «Какой мерой вы измеряете вы количество необходимых и лишних ударов в драке? — спросил он меня однажды...»; «А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми» (*Горький М. В. И. Ленин // Литературные портреты.* — Минск, 1986. — С. 29, 34).

⁵³ **Шмелёв Иван Сергеевич** (1873–1950). Родился в Москве в патриархальной семье подрядчика. Обучался в гимназии. Женится в 1895 году на дочери генерала Охтерлони, героя обороны Севастополя в Крымской войне. В 1898 году окончил юридический факультет Московского университета. Недолго проработав в Москве помощником присяжного поверенного, после краха акционерного общества Ярославской железной дороги, из-за чего семья лишилась своих сбережений, стал чиновником особых поручений Владимирской казенной палаты, колеся по губернии. Первый печатный опыт — зарисовка из народной жизни «У мельницы» (1895). Очерки «На скалах Валаама» (1897) вызвали неудовольствие всесильного обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева. Исковерканные цензурой они совершенно не расходились. Затем последовали реалистические рассказы: «Вахмистр», «По спящему делу», «Распад», «Иван Кузьмич», «Гражданин Уклеikin» (1906–1908). Провинциальная чиновничья монотонность стимулировала занятие исследовательской деятельностью. В 1907 году Министерство финансов издает книгу Шмелёва «Торговля и ремёсла во Владимирской губернии». В этом же году оставляет службу, посвятив себя исключительно литературе. Известность ему принесла повесть «Человек из ресторана» (1911), проникнутая, как и рассказы, сочувствием к «маленькому человеку». Шмелёв входил в «Книгоиздательство писателей в Москве», в котором в течение 1912–1914 годов публикуются его рассказы и повести: «Стена», «Пугливая тишина», «Волчий перекат», «Росстани», «Виноград». Внимание к русской национальной специфике в годы Первой мировой войны не привели писателя в стан казённого патриотизма. Настроение тех лет характеризуют сборники прозы «Карусель» (1916) и «Лик скрытый» (1916). Восторженно встретив Февральскую революцию, Октябрь не принял. Отправившись с женой 13(26) июня 1917 года в Крым и проведя лето на даче писателя С. Н. Сергеева-Ценского в Профессорском уголке близ Алушты, Шмелёвы задумались о приобретении здесь собственной небольшой дачи. Купив её, они прибыли на полуостров в июне 1918-го. Здесь создается повесть «Неупиваемая чаша». После падения Крымской ССР сотрудничает в местных газетах. Видя вокруг себя страдания и смерть, в повести «Это было» (1919) выступает с осуждением войны как таковой. Пережив в Профессорском уголке события Гражданской войны и последующий террор, в результате которого погиб сын Сергей, офицер белой армии, арестованный в ноябре 1920-м году в Феодосии, став свидетелем страшного голода (1921–1923), описанного в эпопее «Солнце мёртвых» (Грасс, март — сентябрь 1923-го года), Шмелёв, вырвавшись из Крыма, 20 ноября 1922 года из Москвы отбыл с супругой в Берлин. В эмиграции им были написаны книги о Москве и Замоскворечье: «Родное» (1931), «Богомолье» (1931–1948), «Лето Господне: праздники — радости — скорби» (1933–1948). В 1942 году в оккупированном немцами Париже участвовал в молебне по поводу освобождения Крыма от власти коммунистов и о поминании убитых ими людей. После окончания Второй мировой войны обвинялся в коллаборационизме. Скончался в Бюси-ан-От (Франция) от сердечного приступа, похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, недалеко от Парижа. 30 мая 2000 года по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II его прах перезахоронен на кладбище Донского монастыря (Москва). 21 сентября 1993 года в Профессорском уголке (г. Алушта) открыт литературный музей И. С. Шмелёва — отдел Алуштинского литературно-мемориального музея С. Н. Сергеева-Ценского (единственный музей писателя на территории СНГ), который регулярно проводит Крымские международные Шмелёвские чтения. На

доме, где жил Шмелёв, являющимся с 1994 года памятником истории местного значения, установлена мемориальная доска (*Сорокин О. Н.* Москвиана: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва. — М., 1994; Венок Шмелёву. Сб. материалов / Ред.-сост. Л. А. Спиридонова, О. Н. Шотова. — М., 2001; Музеи Крыма. Фотопутеводитель. — Симферополь, 2003. — С. 11; *Солнцева Н. М.* Иван Шмелёв. Жизнь и творчество. Жизнеописание. — М., 2007.).

⁵⁴ См.: *Волошин М. А.* Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. — М., 1991. — С. 274, 290.

⁵⁵ *Каппа А.* Ночь ужасов // Крымский Вестник (Севастополь). — 1919. — 23 февраля.

⁵⁶ «Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх» (*Ф. Энгельс* — К. Марксу. 4 сентября 1870 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. — М., 1964. — Т. 33. — С. 45).

⁵⁷ Крымский Вестник. — 1919. — 15 февраля.

⁵⁸ ГААРК. — Ф. Р-2238. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 14.

⁵⁹ Член Крымревкома Ю. П. Гавен члену Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому. 14 декабря 1920 года // Родина (Москва). — 1992. — № 4. — С. 100–101.

⁶⁰ Здесь мы целиком солидарны с Ю.В. Дубко, считающим, что Ю. П. Гавен в своём письме приписал «себе роль, которой никогда в своей жизни не играл» (*Дубко Ю. В.* Советская Республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства. — Симферополь, 1999. — С. 136).

⁶¹ *Горький М.* Несвоевременные мысли. «Новая Жизнь» № 11(225), 17(30) января 1918 г. // Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). — М., 1990. — С. 115.

⁶² Цит. по: *Горький М.* Несвоевременные мысли. «Новая Жизнь» № 51(266), 26(13) марта 1918 г. // Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). — С. 128. Конечно, на «истинно» государственном уровне вопрос о красном терроре был включён в повестку дня несколько позднее. Во-первых, с субъективной точки зрения, «аресты социалистов зимой 1917/1918 г., апрельские акции в отношении анархистов и максималистов и особенно разгон Учредительного собрания с последующим расстрелом демонстраций протеста не только помогли большевистским лидерам избавиться от комплекса собственной политической неполноценности, но и убедили их в возможности жестоко и безнаказанно преследовать своих политических оппонентов и противников» (*Павлов Д. Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. — М., 1999. — С. 25). Во-вторых, с точки зрения внешней, повод напелся в резком осложнении ситуации летом 1918-го года. Антантовские десанты, мятеж чехов, наступление А. В. Колчака, убийства видных большевистских деятелей В. Володарского (М. М. Гольдштейна) и М. С. Урицкого, покушение на В. И. Ленина, подтолкнули сначала пропагандистскую подготовку массовых террористических акций (в письмах Ленина, начиная с июня: Полн. собр. соч. — М., 1975. — Т. 50. — С. 106, 143, 149, 154, 156), потом породили концлагеря и институт заложников, а затем и «обосновали» декрет СНК от 5 сентября о «красном терроре». 14 июня из советов всех уровней были изгнаны эсеры и меньшевики и тем самым поставлены вне закона. Ф. Э. Дзержинский в газетном интервью впервые

публично провозглашает необходимость «организованного террора» как главной задачи ВЧК (Павлов Д. Б. Там же. — С. 27–28). 31 августа межрайонное совещание в Москве принимает резолюцию «По вопросу о проведении террора в связи с покушением на тов. Ленина». 1 сентября «Петроградская Правда» призывает: «Бейте правых эсеров беспощадно, без жалости. Не нужно ни судов, ни трибуналов! Пусть бушует месть рабочих, пусть льётся кровь правых эсеров и белогвардейцев, уничтожайте врагов физически» (Цит. по: Павлов Д. Б. Там же. — С. 34–35). *Всё это — до известного декрета*. Есть данные об уничтожении в сентябре-октябре 1918-го года до 15 тысяч человек (Павлов Д. Б. Там же. — С. 36. (Без ссылки). *Но в любом случае (достаточно изучить историю террора в Крыму), нет оснований говорить о его «навязанности» исключительно противником (по Ленину). Или постулировать: «Белый террор предшествовал красному» (Медведев А. В. Неонародничество и большевизм в России в годы гражданской войны. — Нижний Новгород, 1993. — С. 115).*

⁶³ Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — СПб.-Симферополь, 2007. — С. 43–44.

⁶⁴ М. А. Волошин в письме к Ю. Львовой 19 января: Солдаты из Трапезунда «съели весь хлеб, привезли массу орехов, чуму и продают живых турчанок на базаре (по 25 руб.)» (Там же. — С. 41).

«Конечно, мы совершаем опыт социальной революции — занятие, весьма утешающее маньяков этой прекрасной идеи и очень полезное для жуликов. Как известно, одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг: «Грабь награбленное!»

Грабят — изумительно, артистически: нет сомнения, что об этом процессе самограбления России история будет рассказывать с величайшим пафосом.

Грабят и продают церкви, военные музеи, продают пушки и винтовки, разворывают интендантские запасы; грабят дворцы бывших великих князей, расхищают всё, что можно расхитить, продаётся всё, что можно продать, в Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдов и продают по 25 руб. за штуку. Это очень «самобытно»...» (Горький М. Несвоевременные мысли. «Новая Жизнь» № 43 (258), 16(3) марта 1918 г. // Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.) — С. 95).

⁶⁵ Кришевский Н. Указ. соч. — С. 109. Мемуарист далее спутал «Фидониси» с «Гаджибеем», действовавшим в Ялте. А М. А. Волошин пишет о прибывшем в Феодосию контрминоносце «Пронзительном».

⁶⁶ Седых А. Кафеджи // Крымские рассказы. — Нью-Йорк, 1977. — С. 114.

⁶⁷ Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 39. Последняя фраза — выразительный штрих к психологическому портрету Волошина.

⁶⁸ Федько Иван Фёдорович (1897–1939). Родился в с. Хмелов на Полтавщине в семье бедного крестьянина. В 1915 году окончил Кишинёвское ремесленное училище, работал на мебельной фабрике в качестве столяра-краснодеревщика. В 1916-м призван в армию. Принимал участие в наступлении Юго-Западного фронта (1916). Окончил Киевскую школу прапорщиков (1917). Направлен в Феодосию на должность командира взвода в украинском батальоне 35-го занасного пехотного полка. С июля 1917 года член РСДРП(б). В августе избран командиром батальона. Член Феодосийского штаба красной гвардии, активный участник установления власти большевиков в Феодосии и уезде в январе 1918 года. Комиссар по формированию

отрядов Рабоче-крестьянской Красной Армии, с 22 февраля председатель городско-го Военно-революционного комитета. Командир 1-го Черноморского отряда (революционного полка), участник боёв с германскими войсками в Николаеве, обороны от них Крыма. Главком Восточного фронта обороны полуострова. 1 мая 1918 года Федько вместе с 1-м Черноморским революционным полком из Керчи эвакуировался в Ейск. В мае-июне командовал 3-й и 1-й колоннами красных войск Северного Кавказа в боях с Добровольческой армией. После измены главкома 11-й армии И. Л. Сорокина 2-й Чрезвычайный съезд советов Северного Кавказа 27 октября сместил его с должности и назначил главкомом военно-революционных войск Северного Кавказа Федько. В ноябре командующий, с 8 декабря помощник командующего 11-й армии. В мае-июне 1919 года член Революционно-военного совета Крымской ССР, заместитель командующего Крымской армией. После падения Крымской ССР назначен начальником 58-й Крымской стрелковой дивизии (июль-ноябрь 1919-го). За бои с частями А. И. Деникина и С. В. Петлюры при переходе в составе Южной группы войск 12-й армии из района Одессы в Житомир награждён орденом Красного Знамени. С 15 июня 1920 года начальник 46-й стрелковой дивизии, с сентября командир группы войск 13-й армии. За бои с Русской армией П. Н. Врангеля в Северной Таврии награждён вторым орденом Красного Знамени. Командовал 187-й бригадой при подавлении Кронштадтского восстания (март 1921-го). Награждён третьим орденом Красного Знамени. В должности начальника 1-го боевого участка участвовал в подавлении мятежа А. С. Антонова в Тамбовской губернии, что было отмечено четвёртым орденом Красного Знамени. Окончил Военную академию РККА (1922). Командовал 13-й стрелковым корпусом в борьбе с басмачами в Средней Азии. Удостоен ордена Красной Звезды Бухарской Народной Республики. В дальнейшем на командных должностях. 2 февраля 1938 года назначен первым заместителем народного комиссара обороны СССР. Командарм 1-го ранга. Член ЦИК СССР, ЦК КП(б) Украины, депутат и член Президиума Верховного Совета СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно. Именем Федько названы улицы в Симферополе, Севастополе, Феодосии, Евпатории (Смирнов А. П. Командарм Иван Федько. — Симферополь, 1959; и др.).

⁶⁹ Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волопина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 42. В письме Ю. Л. Оболенской 25 (12) февраля Волопин удивляется, почему *«так медлят с массовым избиением буржуев»*? (Там же. — С. 43). А 1 марта (16 февраля), узнав, что на сегодня назначена *«резня буржуев»* (вечером на «общем митинге» временно отменена) решает остаться в Феодосии подольше, *«чтобы увидеть всё собственными глазами»* (Там же. Курсив наш. — Авт.). Снова — к психологическому портрету. Впрочем, дух буржуазности всегда был предельно чужд Волошину. К тому же известной отстранённости, нарочитой позиции постороннего наблюдателя, «холодности» Волопина споспешествовали его религиозно-историософские взгляды: *«Я не могу иметь политических идеалов потому, что они всегда стремятся к невозможному земному благополучию и комфорту [«Мой единственный идеал — это Град Божий»]. Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего его исторической, всечеловеческой миссии. И заранее знаю, что этот путь — путь страдания и мученичества. Что мне до того, будет ли он вести через монархию, социалистический строй или через капитализм — всё это только различные виды пламени, проходя через которые перегорает и очищается человеческий дух»*.

Я равно приветствую и революцию, и реакцию, и коммунизм, и самодержавие...» (Волошин М. А. Россия распята // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. — С. 330).

И, в то же время, в годы Гражданской войны он прятал и спасал и белогвардейцев, и красных. «...*Не как своих единомышленников, которыми не признавал ни тех, ни других, а как л ю д е й*» (Миндлин Э. Из книги «Необыкновенные собеседники» // Волошин М. А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. — С. 391).

⁷⁰ **Барсов (Барзов, Борзов) Михаил Фёдорович** (?–1919). Портовый грузчик, первый советский комендант Феодосии (январь–апрель 1918 года). «*Положение в городе у нас было настолько парадоксальным, что советская власть в городе была крайне правой партией порядка. Во главе Совета стоял портовый рабочий — зверь зверем, — но когда пьяные матросы с «Фидониси» потребовали устройства немедленной резни буржуев, он нашёл для них слово, исполненное неожиданной государственной мудрости: «Здесь буржуи мои и никому чужим их резать не позволю», установив на этот вопрос совершенно правильную хозяйственно-экономическую точку зрения (сейчас это называется «крышеванием».* — Авт.). И едва ли не благодаря этой удачной формуле Феодосия избежала своей Варфоломеевской ночи». Арестовывался немцами, но был освобождён «по ходатайству населения», указавшего, что «в бытность комиссаром приложил все силы, чтобы спасти город от банд», собиравшихся накануне прихода германских войск разгромить Феодосию (Южные Ведомости. — 1919. — 1 апреля). Арестован белыми в январе 1919 года и 28 марта, в числе 24 заключённых, расстрелян (Волошин М. А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. — С. 320, 448; Купченко В. П. Комментарии // Волошин М. Собрание сочинений. — Т. 1. — С. 545).

⁷¹ **Барк Пётр Львович** (1869–1937). Родился в Екатеринославе (Днепропетровске). Из дворян. В 1892 году окончил юридический факультет Петербургского университета. Секретарь управляющего Государственным банком (1894), затем изучал банковское дело в Берлине. В 1897–1905 годах — один из директоров Петербургской конторы Государственного банка и директор заграничных операций этой же конторы, с 1898 года — одновременно председатель правления учёно-судного банка в Персии (Иран), в 1899–1905 годах член правления Русско-Китайского банка, с 1901 года — товарищ (заместитель) председателя совета фондового отдела Петербургской биржи, в 1905 году — управляющий Петербургской конторы Государственного банка, в 1906 году — товарищ управляющего Государственного банка. В 1907–1911 годах — директор-распорядитель и член правления Волжско-Камского коммерческого банка. С 1911 года (по приглашению П. А. Столыпина) — товарищ министра торговли и промышленности. С января 1914-го — управляющий министерства финансов, с мая — министр финансов и шеф Отдельного корпуса пограничной стражи. Инициатор закона от 16 сентября 1914 года о прекращении торговли водкой. С декабря 1915-го года — член Государственного совета. В ходе Февральской революции 29 февраля арестован своим бывшим лакеем, которому в своё время не помог избежать отправки на фронт. Позднее арест подписал А. Ф. Керенский. 17 марта 1917 года освобождён, переселился на юг России. Во время Гражданской войны использовал бывшие связи для финансирования «белого движения». Оказал содействие в данном вопросе Крымскому красному правительству С. С. Крыма (Зарубин В. Г. Соломон Крым и второе Крымское

краевое правительство // Историческое наследие Крыма. — 2005. — № 10. — С. 103). В эмиграции жил в Лондоне, где высшие финансовые круги привлекали его к работе эксперта и советника. В 1935 году принял английское подданство и получил титул баронета. Автор «Воспоминаний». Скончался в Лондоне (*Сорокина О. Л.* Барк Пётр Львович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. — М., 1993. — С. 28).

⁷² *Кришевский Н.* Указ. соч. — С. 110.

⁷³ Там же. — С. 109.

⁷⁴ Таврическая Правда (Севастополь). — 1918. — 10 (28) апреля.

⁷⁵ События в Алушке // Советская Газета (Феодосия). — 1918. — 4 апреля.

⁷⁶ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1198. — Л. 15, 19.

⁷⁷ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. П. Н. Надинский. — Симферополь, 1957. — Т. I. (Март 1917 г. — апрель 1918 г.). — С. 154.

⁷⁸ *Пасманик Д.* Опасная агитация // Ялтинский Голос. — 1917. — 30 декабря.

⁷⁹ Термин С. Г. Кара-Мурзы. (Стрела искривлений // Советская Россия (Москва). — 1997. — 6 января).

⁸⁰ *Пасманик Д.* Моим обвинителям // Ялтинский Голос. — 1918. — 5 января.

⁸¹ *Набатов А.* Былое // Ялтинский Голос. — 1918. — 25(11) мая.

⁸² **Булевский Ян** (?–1918). Политкаторжанин. Летом 1917 года приехал на лечение в Евпаторию, затем перебрался в Ялту. Здесь стал руководителем Ялтинской организации РСДРП. Весной 1918 года комиссар по национальным именам Таврической губернии/Республики Тавриды. Расстрелян на Украине гайдамаками (Воспоминания Вологузова // Картотека ГААРК; *Баранченко В. Е.* Гавен. — М., 1967. — С. 94).

⁸³ **Рябушинский Павел Павлович** (1871–1924). Родился в Москве. Из старообрядческой семьи хлопчатобумажных фабрикантов. Закончил Московскую Практическую академию коммерческих наук (1890). С 1900 года возглавлял Товарищество мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями. С 1901 года — председатель правления харьковского Земельного банка, с 1902 года — совладелец банковского дома «Братья Рябушинские» и председатель правления организованного на его основе Московского банка (с 1912 года). С 1906 года — старшина (с 1915-го председатель) Московского биржевого комитета, член Совета съездов представителей промышленности и торговли, с 1909 года — председатель Общества хлопчатобумажных фабрикантов Московского района. С ноября 1905 года член ЦК «Союза 17 октября», однако, из-за несогласия с политикой лидера октябристов А. И. Гучкова покинул партию. В 1912 году — один из инициаторов создания партии прогрессистов, член её ЦК и председатель Московского комитета. Свои политические взгляды пропагандировал в газетах «Утро» (1907) и «Утро России» (1907, 1908–1917), возглавлял редакционный комитет этих изданий и финансировал их. Участвовал в движении старообрядцев за уравнивание их в правах с другими вероисповеданиями. С 1905 года — товарищ (заместитель) председателя совета Съездов старообрядцев. В мае 1915-го на 9-м торгово-промышленном съезде призвал предпринимателей к организации военно-промышленных комитетов, с июня возглавил Московский военно-промышленный комитет. В сентябре избран в Государственный совет (от торговли и промышленности). В Февральскую революцию один из инициаторов создания московского Комитета общественных организаций. Поддержал Временное правительство,

но был противником участия в его составе представителей социалистических партий, критиковал правительственную экономическую политику. Выступал за ликвидацию двоевластия, радикальный разрыв власти с диктатурой советов. После подавления выступления Л. Г. Корнилова отошёл от политической деятельности, лечился в Крыму от туберкулёза. В 1919 году эмигрировал во Францию. Почётный председатель торгово-промышленного съезда в Париже (1921), где выражал надежду на внутреннюю эволюцию Советской власти в связи с введением НЭПа. Скончался в Камбо-ле-Бэн (*Петров Ю. А. Рябушинский Павел Павлович // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. — С. 281–282.*

⁸⁴ **Зедин** (наст. фамилия **Зиединьш**) **Карл Янович** (1885–1919). Плавал юнгой на кораблях Северного пароходства. В 1903 году закончил мореходное училище в Риге, стал капитаном торгового флота. Член РСДРП, большевик (1904). В Первую мировую войну служил на Балтийском флоте, прапорщик; также на Черноморском флоте, был ранен в бою под Трапезундом. Делегат I Всероссийского съезда советов. В сентябре 1917 года избран от Черноморского флота во Всероссийский Центрофлот, возглавлял большевистское крыло. Член военно-морского ревкома, руководил отрядом моряков при взятии Зимнего дворца. Участник разгрома движения А. Ф. Керенского — П. Н. Краснова. Член советской делегации на переговорах с Германией в Брест-Литовске. В Крыму с декабря 1917-го. Член Черноморского Центрофлота, президиума Севастопольского ВРК. С февраля 1918 года на фронтах Гражданской войны (командир морских отрядов, сражавшихся против немцев на Украине; комиссар Северо-Кавказского военного округа; командующий флотилией на Средней Волге). С апреля 1919 года — начальник Морского управления Латвийской советской республики, член РВС Балтфлота. Погиб в бою. (*Баранченко В. Е. Гавен. — С. 76–79, 150; Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия / Под. ред. П. А. Голуба, Ю. И. Кораблёва, М. И. Кузнецова, Ю. Ю. Фигатнера. — 3-е изд., доп. — М., 1987. — С. 178.*

⁸⁵ Петроградское Эхо / ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 67. — Л. 24–24 об.

⁸⁶ Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности) // Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. — С. 206.

⁸⁷ *Кришевский Н.* Указ. соч. — С. 108.

⁸⁸ *Набатов А.* Былое // Ялтинский Голос. — 1918. — 25(11) мая

⁸⁹ Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности). — С. 207.

⁹⁰ **Слуцкий Антон (Анатолій) Иосифович (Нафтали Григорьевич)** (1884–1918). Родился в Варшаве. В революционном движении с начала XX века (с 13 лет). Член РСДРП (1905). Делегат V съезда РСДРП (1907). Был в эмиграции в Северной Америке, после Февральской революции вернулся в Россию. Работал в большевистской организации Обуховского сталелитейного завода в Петрограде, член Петроградского городского комитета большевиков от Невского района и Исполнительной комиссии Петроградского комитета РСДРП(б), делегат VI съезда РСДРП(б), публиковался в большевистских газетах «Рабочий и Солдат», «Пролетарий», «Рабочий Путь» и др., в том числе и на международные темы, оратор и лектор (1917). Активный участник октябрьских событий 1917 года в Петрограде. Делегат II Всероссийского съезда советов, где избран членом ВЦИК, также — член исполкома Петроградского совета. Направлен ЦК партии большевиков в Крым, куда прибыл

11 марта 1918 года вместе с женой Маньковской-Слуцкой, членом РКП(б), врачом. 12 марта избран членом Таврического ЦИК. Председатель Совета народных комиссаров Социалистической Советской Республики Тавриды. Расстрелян эскадронцами 24 апреля 1918 года под Алуштой. Некрологи в петроградской «Красной Газете» (10 мая) и «Петроградской Правде» (12 мая). Одна из улиц Симферополя в 1930 году названа в честь А. И. (Н. Г.) Слуцкого (*Ленин В. И. Указатель имён // Полн. собр. соч. — М., 1975. — Т. 50. — С. 561; Вуль Р. Антон Слуцкий. Историко-биографический очерк. — Симферополь, 1939; и др.*).

⁹¹ **Дыбенко Павел Ефимович** (1889–1938). Родился в с. Людков Новозыбковского уезда Черниговской губернии в бедной крестьянской семье. Окончил народную школу и 3-х классное городское училище. Служащий казначейства, портовый грузчик, учился на электротехнических курсах. В 1911 году призван на Балтийский флот. Член РСДРП, большевик (1912). В 1915 году — один из инициаторов матросского восстания на дредноуте «Петропавлоск»; арестован, послан в составе морского батальона на фронт под Ригу. За антивоенную агитацию приговорён к двум месяцам тюрьмы. С лета 1916-го служил на транспортном судне в Гельсингфорсе (Хельсинки), унтер-офицер. Участник Февральской революции. Далее: член Гельсингфорского совета; один из организаторов Центробалта и его председатель; арестован 5 июля, сидел в «Крестах»; после освобождения, включился в работу Центробалта. Активный участник октябрьских событий 1917 года в Петрограде. Член Петроградского ВРК, делегат II Всероссийского съезда советов. В первом составе СНК член Комитета по военным и морским делам, нарком. Член Учредительного собрания (от Балтфлота), инициатор его разгона. С 30 января 1918 года — председатель коллегии Наркомата по морским делам. В результате неадекватных действий Дыбенко, командующего матросскими отрядами под Нарвой, последняя 3 марта была сдана. Отдан под суд. Наркомвоен и председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий требовал расстрела Дыбенко. Однако был оправдан. Исключён из партии большевиков (вновь принят в 1922 году). С лета 1918-го на подпольной работе в оккупированных Германией Украине и Крыму. В августе схвачен германскими властями в Севастополе и приговорён к расстрелу. Пытался бежать, был переведён в Симферопольскую тюрьму. В ноябре обменян на группу пленных немецких офицеров. С ноября 1918 года на командных должностях в Красной Армии. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в 1938 году расстрелян. Реабилитирован в 1956 году. В Симферополе установлен памятник Дыбенко, имеется улица его имени. Его именем также названа улица в Севастополе. (Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. (Автобиографии и биографии). Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Второй выпуск сорок первого (41) тома. — М., 1989. — Ч. I. — Кол. 128–133 (Репр.); *Заботин В. Н. Дыбенко Павел Ефимович // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. — С. 107–108; и др.*). Вряд ли мог находиться на Ялтинском молу в описываемый период.

⁹² *Дондуков-Изыдинов Г. Л.* Расстрел. «Ялтинский мол» глазами очевидца // Крымский альбом 2000. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисловия к публ. Д. А. Лосева. — Феодосия-М., 2002. — [Вып. 5]. — С. 102, 104, 105, 107, 107–108, 109–110, 111. «Местное татарское правительство смело новенькие Советы, из Севастополя прибыли опытные пуле-

мётчики и палачи, и мы попали в самое скучное и унижительное положение, в котором могут быть люди, — то положение, когда вокруг всё время ходит идиотская преждевременная смерть, оттого, что хозяйничают человекоподобные и обижаются, если им что-нибудь не по ноздре. Тупая эта опасность плелась за нами до апреля 1918 года. На ялтинском молу, где Дама с собачкой потеряла когда-то лорнет, большевистские матросы привязывали тяжести к ногам арестованных жителей и, поставив спиной к морю, расстреливали их; год спустя водолаз докладывал, что на дне очутился в густой толпе стоящих навывertжку мертвецов» (*Набоков В. В.* Другие берега. — М., 1989. — С. 123). О том же — П. Н. Врангель (сам побывавший в числе арестованных большевиками в Ялте), князь Оболенский, князь Юсупов, другие. Так, Оболенский вспоминал (со слов очевидцев): «...Офицерам привязывали тяжести к ногам и сбрасывали в море, некоторых после расстрела, а некоторых живыми. Когда, после прихода немцев, водолазы принялись за вытаскивание трупов из воды, они на дне моря оказались среди стоявших во весь рост уже разлагавшихся мертвецов» (*Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1994. — № 1. — С. 71). В сентябре–октябре 1918 года в газете «Ялтинский Голос» В. В. Набоков публикует три стихотворения, включая «Ялтинский мол». «Вероятно, это были первые [его] публикации» (*Петренко Л. В.* В. В. Набоков, М. Волошин: Ялта, 1918 год // Страницы истории Ялты. I Дмитриевские чтения. От древности до наших дней. Сборник научных трудов. — Ялта, 1996. — С. 43); «Именно начиная с этой публикации, словосочетание «ялтинский мол» приобрело у современников чисто нарицательное значение» (*Галченко А. А.* [Предисловие] // *Дондуков-Изидинов Г. Л.* Указ. соч. — С. 99).

⁹³ Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности). — С. 207–208.

⁹⁴ Там же. — С. 208.

⁹⁵ Там же. — С. 209.

⁹⁶ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 111.

⁹⁷ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1285. — Л. 7–9, 27–28.

⁹⁸ Нам представляется вывод В. И. Королёва о том, что «в действительности в Крыму шла не межнациональная, а гражданская война между классами», воспроизводящий ленинские формулы (Таврическая губерния в революциях 1917 года. — С. 56) сильно упрощает, а, следовательно, искажает картину происходившего. См. также: *Зарубин В. Г.* К вопросу об этническом конфликте в Крыму (1918 г.) // Русская литература и российское зарубежье: параллели и пересечения. V Крымские международные Шмелёвские чтения. Тезисы докладов научной конференции 20–25 сентября 1996 г. — Алушта, 1996. — С. 113–115; *Зарубин В. Г.* К вопросу о восстании крымских татар в горном Крыму (1918 г.) // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь, 1994. — С. 225–235; *Зарубин В. Г.* Об этноконфессиональном конфликте в Крыму (1918 г.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 2001. — Вып. 2. — С. 97–409; *Зарубин В.* Этноконфессиональный конфликт в Крыму (1918 г.) // Гуржіївські історичні читання. Збірник наукових праць. — Черкаси, 2007. — С. 287–291; *Катунин Ю. А.* Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. — К., 2002. — С. 33–34, 36, 41–42.

⁹⁹ *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). — М., 1992. — Ч. I — С. 85.

¹⁰⁰ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1285. — Л. 9 об.—10.

¹⁰¹ Там же. — Л. 87. За помощь, оказанную в разработке данного сюжета, авторы выражают благодарность историку А. В. Ефимову.

¹⁰² *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы. — С. 75.

¹⁰³ *Айвазов А. С.* Указ. соч. — С. 36.

¹⁰⁴ *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы. — С. 69.

¹⁰⁵ *Sejdamet Dz.* Krym // *Zycie Musulmanskie (The Islamic Life)* (Warszawa). — 1990. — № 2 i 3. — S. 77.

¹⁰⁶ В то же время, по информации А. С. Айвазова, с конца февраля жившего в Алушке, видные деятели национального движения скрывались в районе Алушты: А. С.-А. Озенбашлы, Х. С. Чапчакчи — в Кучук-Узенском районе (Кучук-Узень — ныне с. Малореченское), Б. Одабаш и С.-Дж. Хаттатов — в д. Корбеклы (с. Изобильное) (*Айвазов А. С.* Указ. соч. — С. 36, 38).

¹⁰⁷ Цит. по: *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. — С. 105.

¹⁰⁸ *Баранченко В. Е.* Гавен. — С. 83.

¹⁰⁹ *Кришевский Н.* Указ. соч. — С. 109.

¹¹⁰ Цит. по: *Крестьянников Н. Н.* Четыре месяца из жизни революционного Севастополя (январь-апрель 1918 г.). // Крымский архив. — 1997. — № 3. — С. 39.

¹¹¹ Цит. по: Там же.

¹¹² *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе. — С. 251–252. [Окончание].

¹¹³ Цит. по: Там же. — С. 252.

¹¹⁴ Там же. — С. 252–253.

¹¹⁵ *Гавен Ю.* Конструирование временного ЦИКа // *Советов В., Атлас А.* (сост.) Расстрел Советского правительства крымской республики Тавриды. Сборник к 15-летию со дня расстрела. 24/IV 1918 г. — 24/IV 1933 г. — [Симферополь], 1933. — С. 13.

¹¹⁶ **Акимочкин Стенан Свиридович** (1890–1918). Уроженец Орловской губернии, с 15 лет работал плотником. В 1914 году переехал в Севастополь, работал в шлопочной мастерской военного порта. Левый социалист-революционер. В январе 1918-го участвовал в боях с войсками Штаба крымских войск. На Таврическом губернский съезд советов рабочих, солдатских, крестьянских, поселанских и батрацких депутатов, земельных и военно-революционных комитетов (7–10 марта 1918 года) от левых эсеров избран комиссаром земледелия. В этой должности входил в состав Совета народных комиссаров Социалистической Советской Республики Тавриды. Арестован крымскотатарскими повстанцами и 24 апреля тяжело ранен во время расстрела под Алушгой. Перевезён в Севастополь, где скончался в августе 1918 года (*Алтабаева Е. Б.* *Смутное время: Севастополь в 1917–1920 гг.* Учебное пособие. — Севастополь, 2004. — С. 134).

¹¹⁷ *Набатов А.* В столице бывшей республики // *Ялтинский Голос.* — 1918. — 2 (19) июля.

¹¹⁸ *А. Г.* Указ. соч.

¹¹⁹ *Набатов А.* В столице бывшей республики. «Сейчас же (после взятия Симферополя. — *Авт.*) началась расплата, начались расстрелы офицеров, которых убили свыше 100, и наиболее уважаемых граждан. Последних собрали в тюрьме и убили всех — свыше 60 человек на дворе тюрьмы» (*Кришевский Н.* Указ. соч. — С. 109).

¹²⁰ *Кутченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 43; *Крестьянников Н. Н.* Четыре месяца из жизни революционного Севастополя (январь–апрель 1918 г.). — С. 41 («В ночь на 24 февраля отряд севастопольских красногвардейцев под командованием... Шмакова усстроил погром в Симферополе и расстрелял 170 офицеров»).

¹²¹ *Набатов А.* В столице бывшей республики.

¹²² *Кутченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 43.

¹²³ *Баранченко В. Е.* Гавен. — С. 86. «Это было тогда единственным источником бюджета новой рабоче-крестьянской власти и эффективным средством борьбы со спекуляцией» (Там же). Отнюдь не крымское изобретение, а крупномасштабная акция. В. И. Ленин в речи на I Всероссийском съезде представителей финансовых отделов Советов 18 мая 1918-го года говорит: «Я вовсе не противник контрибуций вообще; чтобы уничтожить буржуазию, пролетариат не мог обойтись без контрибуций; это правильная мера переходного времени...» (Полн. собр. соч. — М., 1974. — Т. 36. — С. 352). Таким образом, главный смысл контрибуций большевистский вожьд видел не в решении сиюминутных задач, а в «уничтожении буржуазии».

¹²⁴ *Атлас М. Л.* Указ. соч. — С. 75.

¹²⁵ *Гавен Ю. П.* Первые шаги Советской власти в Крыму. — С. 54–55.

¹²⁶ Стихотворение М. А. Волошина.

¹²⁷ *Независимый.* Звери на свободе // Крымский Вестник. — 1919. — 23 (10) февраля.

¹²⁸ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе. — С. 253.

¹²⁹ *Ленин В. И.* Социалистическое отечество в опасности! [Декрет СНК от 21 февраля 1918-го года] // Полн. собр. — М., 1974. — Т. 35. — С. 358. Владимир Лобыцын и Владимир Дедичев пишут: «Сигналом к началу новых репрессий послужила телеграмма Центрофлоту от члена коллегии Народного комиссариата по морским делам Ф. Раскольников с требованием «искать заговорщиков среди морских офицеров и немедленно задавить эту гидру»» (Указ. соч. — С. 30). Но ни сноски на цитату, ни даты авторы не приводят.

¹³⁰ **Раскольников (Ильин) Фёдор Фёдорович** (1892–1939). Родился в Петербурге. Учился в приюте принца Ольденбургского, обладавшего правами реального училища (1900–1908). В 1905–1906 годах принимал участие в забастовках. В 1909 году поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института. С 1910 года — член РСДРП(б). Сотрудник легальных большевистских газет «Звезда» и «Правда». В 1912 году арестован, присуждён к ссылке в Архангельскую губернию, которая была заменена высылкой за границу. Арестован в Германии по подозрению в шпионаже в пользу России. Выслан обратно в Россию. Арестован и приговорён к ссылке в Архангельскую губернию. По пути серьёзно заболел, получил разрешение лечиться в окрестностях Петербурга. В 1913 году как студент попал под амнистию, приобрёл право на жительство в столице и возобновил сотрудничество в «Правде». С началом Первой мировой войны — на флоте. Поступил в гардемаринские классы, где его застала Февральская революция. Мичман. Вновь сотрудник возобновившей издание «Правды», товарищ председателя Кронштадтского совета. Активный участник июльских событий 1917-го года в Петрограде, арестован Временным правительством, но вскоре освобождён. Участник октябрьских событий в Петрограде. Принимал участие в боях под Пулковым против

частей А. Ф. Керенского и П. Н. Краснова. Во главе отряда моряков направлен в Москву. Затем комиссар морского Генерального штаба, член коллегии морского комиссариата. I Всероссийским съездом военного флота за самоотверженное служение революции ему присвоено звание лейтенанта. На заседании Учредительного собрания 5(18) января 1918 года по предложению В. И. Ленина огласил декларацию фракции большевиков о том, что они покидают Собрание. Заместитель наркома по морским делам. С 16 июля 1918 года — член Реввоенсовета Восточного фронта, командир Волжской военной флотилии. Член РВС Республики (с сентября 1918-го), временно введён в состав РВС Балтийского флота (с декабря). В конце декабря 1918 года отправился на миноносце «Спартак» к Ревелю (Таллинну), попал в плен к англичанам. После пятимесячного плена в Лондоне обменен на 19 английских офицеров. Командующий Волжско-Каспийской военной флотилией, проводившей успешную Энзелийскую операцию (18 мая 1920-го), начальник Морских сил Балтийского флота. Награждён двумя орденами Красного Знамени. Во время дискуссии о профсоюзах (1920–1921) — сторонник Л. Д. Троцкого. В 1921 году направлен полпредом в Афганистан. В 1924 году вернулся в Москву, занимался журналистской, писательской и редакторской деятельностью. Автор воспоминаний. В 1930–1938 годах вновь на дипломатической работе (Эстония, Дания, Болгария). Находясь в июле 1939 года в Париже, узнаёт, что в СССР объявлен «врагом народа». Отказался по вызову возвращаться в Москву. 22 июля в Париже опубликовал статью «Как меня сделали «врагом народа», подготовил открытое письмо И. В. Сталину (опубликовано в 1939 году в журнале «Новая Россия» уже после смерти автора). В состоянии сильного душевного расстройства покончил жизнь самоубийством в Ницце. Реабилитирован в 1963 году (Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. — Ч. II. — Кол. 187–192 (Репр.); *Зайцев В. С.* Герой Октября и гражданской войны. (Вместо предисловия) // *Раскольников Ф. Ф.* На боевых постах. — М., 1964. — С. 3–14; и др.).

¹³¹ *Дубко Ю. В.* Указ. соч. — С. 134.

¹³² Современник, пытаясь разгадать загадку февральских убийств в Севастополе, рассуждал год спустя: «Многие, когда подымается вопрос о причинах того, что пришлось пережить год тому назад севастопольцам, стараются почему-то доказать, что центр был непричастен к местным выступлениям тёмных сил, что Москва немедленно по телеграфу потребовала прекращения расправы над мирным населением. (Мы видели, что центральная власть имеет прямое отношение к февральской резне в Севастополе. О телеграмме с требованием прекратить убийства нам ничего не известно. — *Авт.*) (...) Страсти накопились в самом Севастополе — близость нашего города к донскому театру борьбы с «контрреволюцией и саботажем», невозможность выполнить непосильное требование десятиmillionной контрибуции, декабрьские расстрелы, разжигание кроважадные инстинкты толпы, «бюллетень мира», столь неудачно выпущенный небольшевистскими социалистическими партиями, давший возможность Алексакису утверждать, что в Севастополе существует противосоветский заговор — всё это создало в нашем городе атмосферу порохового погреба.

(...) В отчаянии от брестского договора, перепуганные начавшимся наступлением германских корпусов, народные комиссары выпустили воззвание («Социалистическое отечество в опасности!»). — *Авт.*), в котором обвиняли во всех бедах русскую интеллигенцию, буржуазию и офицерство, призывали к принудительной мобилизации и требовали «неослабного надзора» над врагами народа и револю-

ции. Телеграмма до того взвинтила настроение масс, что соответствующие личности нашли момент удобным для выступления» (*Бадковский Л.* Скорбная годовщина // Крымский Вестник. — 1919. — 23(10) февраля). «Причины для возмущения матросов и рабочих (рабочие Севастополя, согласно многочисленным фактам, заняли принципиально иную позицию, нежели матросская вольница. — *Асм.*) были налицо, контрреволюционеры облагтели к этому времени настолько, что рисковали открыто выступать против Советов» (*Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 127).

Алексакис Орион Христофорович (1899–1920). Уроженец Балаклавы. Закончил Севастопольскую гимназию. Будучи учеником, участвовал в марксистских кружках. Член РСДРП(б) с 1917 года. В 1917 году организовал в Севастополе Союз социалистической молодёжи, его председатель с 11 июня. Осенью 1917-го обучался в Киевском университете; принимал участие в боях с гайдамаками, был ранен. В январе 1918 года вновь в Севастополе, член партийного комитета города, исполкома Севастопольского совета, секретарь Севастопольского ревкома. В феврале вёл дело по расследованию обстоятельств «стихийного террора» в Севастополе, о результатах своей работы доложил в докладе Севастопольскому совету. В апреле 1918-го был одним из организаторов союза молодёжи «III Интернационал». Работал в партийных организациях Вятки, Владимира, Харькова. Председатель оргбюро по созданию комсомольской организации Харькова. С апреля 1919 года — политкомиссар 1-й Заднепровской дивизии Красной Армии, в составе которой участвовал в освобождении Севастополя от интервентов. В мае 1919-го стал председателем Севастопольского ВРК, член президиума городского комитета и Крымского областного комитета РКП(б). Делегат IV (март 1918) и VI (ноябрь 1918) Чрезвычайных Всероссийских съездов советов, IX (1920) съезда РКП(б), II конгресса Коминтерна. При падении КССР эвакуировался, лектор Свердловского университета. В 1920 году направлен исполкомом Коминтерна в Грецию для ведения революционной работы. Погиб при переезде (Картотека ГААРК; *Попова И. С.* Алексакис Орион Христофорович // Севастополь. Энциклопедический справочник / Ред.-сост.: М. П. Апопанская. — Севастополь, 2002. — С. 46–47).

¹³³ *Гавен Ю.* Первые шаги Советской власти в Крыму // Революция в Крыму. — Симферополь, 1923. — № 2 — С. 55.

¹³⁴ Известия Севастопольского Совета. — 1918. — 28 февраля.

¹³⁵ См.: *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Ч. II. — С. 77.

¹³⁶ Цит. по: *Крестьянников В. В.* Четыре месяца из жизни революционного Севастополя (январь–апрель 1918 г.). — С. 40.

¹³⁷ См. воспоминания: *Л-рь В.* Как они убивали (заметка очевидца убийств в севастопольской тюрьме 23 февраля) // Крымский Вестник. — 1918. — 5 июня (23 мая); *Гавен Ю.* Первые шаги Советской власти в Крыму. — С. 52–56; *Кришевский Н.* Указ. соч. — С. 108. Из последних работ: *Зарубин А. Г.* Севастопольская трагедия. К событиям 22–24 февраля 1918 года // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь). — 1995. — № 11. — С. 52–59; *Крестьянников Н. Н.* Четыре месяца из жизни революционного Севастополя (январь–апрель 1918 г.). — С. 40–42; *Лобыцын В., Дядичев В.* Указ. соч.; *Дубко Ю. В.* Указ. соч. — С. 133–137; *Зарубин А. Г.* «...Курултай имеет в виду не одних лишь татар...». К биографии Ч. Челебиева // Клио. Журнал для учёных (СПб.). — 1999. — № 1 (7). — С. 299.

¹³⁸ В. И. Ленин в письме Г. Е. Зиновьеву и другим от 26 июня 1918 года наставлял будущего петроградского диктатора: большевики должны «поопырять энергию

и массовидность террора против контрреволюционеров» (Полн. собр. соч. — М., 1975. — Т. 50 — С. 106). Чем не слепок с истории «сентябрьских убийств» 1792 года? Показательно суждение представителя т. н. тотальной истории: «Активные участники революции, ещё не утратившие надежд на справедливое переустройство общества, были потрясены этим поворотом, этой вспышкой насилия, развязанного ими самими во имя пресловутой исторической необходимости, во имя борьбы за спасение революции — насилия, которое является своего рода выражением демократии, поскольку зародилось в «низах», среди большинства. Но тех, кто решался заявить об этом во всеуслышание, смотрели, как на сумасшедших: разве можно противиться необходимости, если она выражает волю народа?» (Ферро М. Символика и политика во время революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. — СПб., 1994. — С. 341).

¹³⁹ Кришевский Н. Указ. соч. — С. 108.

¹⁴⁰ Бадовский Л. Указ. соч.

¹⁴¹ Кришевский Н. Указ. соч. — С. 108–109.

¹⁴² Независимый. Указ. соч.

¹⁴³ Цит. по: Крестьянников Н. Н. Четыре месяца из жизни революционного Севастополя (январь–апрель 1918 г.). — С. 40–41.

¹⁴⁴ Февральская годовщина // Крымский Вестник. — 1920. — 8 (21) февраля.

¹⁴⁵ **Казас Михаил Моисеевич** (1889–1918). Родился в Севастополе в караимской семье. В 1907 году закончил севастопольское реальное училище, где учился рисованию. По совету Ф. А. Рубо, автора знаменитой Панорамы обороны Севастополя, поступил в Мюнхенскую академию художеств, закончив её с отличием в 1911 году. Единственная при его жизни выставка состоялась в 1910 году в Севастополе. На ней экспонировалось более 100 работ: этюды натуращиков, животных, академические рисунки, жанровые сценки, пейзажи Крыма, серия «Старый Мюнхен», портреты, иллюстрации к «Слову о полке Игореве» и к русским былинам. Жил во Франции, в Закавказье, Севастополе и Петрограде. В 1914 году с началом Первой мировой войны мобилизован в армию в чине прапорщика. В конце жизни выполнил цикл иллюстраций к стихотворениям А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, восточному и скандинавскому эпосу, рассказам А. Грина, серию «Война 1812 года». Работы М. М. Казаса хранятся в Симферопольском художественном музее (Барановская Л. В. Казас Михаил Моисеевич // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 229; о нём же: Путь Борьбы (Севастополь). — 1918. — 2(15) марта; М. Памяти погибших (23 февраля 1918–23 февраля 1919) // Крымский Вестник. — 1919. — 23 февраля; Февральская годовщина).

¹⁴⁶ М. Указ. соч.; Путь Борьбы. — 1918. — 2(15) марта.

¹⁴⁷ Таврическая Правда. — 1918. — 24 января.

¹⁴⁸ Ширин В. Неизвестный лейтенант Шмидт // Наш современник (Москва). — 2001. — № 10. — С. 248; Картоотека ГААРК.

¹⁴⁹ Гавен Ю. Первые шаги Советской власти в Крыму. — С. 53.

¹⁵⁰ Л-рь В. Указ. соч. Владимир Лобыщын и Владимир Дедичев, зная статью В. Л-ря (у них — «В. Л-рь»), ни словом не упоминают о казни Челебиева.

¹⁵¹ **Бо(а)латуков Усеин** (?–1918). Из аристократической семьи. Получил высшее образование в Париже. Служил офицером. В 1918 году в отставке. Драматург, режиссёр, поэт, сотрудник газеты «Миллет». В 1917 году в издательстве газеты «Кырым Оджагы» («Крымский Очаг») вышла трёхактная ньеса Болатукова «Айше ха-

ны(у)м». «Пьеса Усеина Болатукова «Айше ханум» явилась первым произведением в крымскотатарской литературе, полнокровно отразившим жизнь и взгляды крымских мурз» (Керимова С. Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии. — Симферополь, 2002. — С. 143). Фразу «Дальнейшая судьба его неизвестна» (Там же. — С. 136) оставляем на совести автора. Достаточно было заглянуть в крымские архивы или в опубликованную в одном из ведущих исторических журналов России статью А. Г. Зарубина «...Курултай имеет в виду не одних лишь татар...». К биографии Ч. Челебиева». — С. 301 (или, если этого не было сделано, внести корректность: «нам не известна»), чтобы удостовериться: Болатуков был казнён в февральские дни 1918-го года как «контрреволюционер» (Картотека ГААРК).

¹⁵² Гавен Ю. Первые шаги Советской власти в Крыму. — С. 55–56.

¹⁵³ Путь Борьбы. — 1918. — 2 (15) марта.

¹⁵⁴ Там же. Пафосно и листово прозвучало с листов большевистской газеты «Воззвание» за подписями «Председателей Военно-Революционного Штаба» после того, как бойня уже была позади: «Вы 23 (февраля. — *Авт.*) с красными знамёнами в руках, стройными рядами фронта показали свои несокрушимые силы всем, кто покушается на революцию и на власть рабочего и крестьянина. (...) Вы сумели противопоставить свои не заржавевшие штыки против поднимающейся реакции, так сумейте же, товарищи, положить предел гнусным поступкам той несознательной массы и чёрным силам, которые, переодевшись в форму матроса и солдата, производят различные насилия. Чёрные силы стараются запятнать нашу революцию, дабы потом делать нарекания и подрыв к тем организациям, которые так зорко смотрят за текущим ручьём революции. Они хотят этот ручей вывести из берегов. Мы обращаемся к вам, как [к] друзьям, как к братьям, сказать своё громкое слово против насилый чинимых чёрными массами, губящими революцию. Долой насильников и провокаторов. В рядах честных борцов революции им места нет» (Таврическая Правда. — 1918. — 27(14) февраля). Она же опубликовала ещё одно воззвание к матросам: «Мы соц[иал]-дем[ократы]. большевики понимаем Ваше чувство ненависти к тем, кто Вас поработал и угнетал. Мы понимаем, что Вы до боли измучены войной, вековым издевательством генералов, офицеров. Выведенные, наконец, из пределов терпения контрреволюцией, оборонцами, их наглою ложью и травлей на власть Ваших Советов, Вы теряете революционное равновесие, применяете иногда неверный, неприемлемый путь борьбы, но мы предупреждаем Вас, что в такие моменты, когда, с одной стороны, контрреволюция наголову разбита Вами в открытом бою, с другой стороны, когда Вы её гнусными приёмами выведены из пределов терпения, она и здесь ищет спасения, направляя Вас через своих агентов, шпионов на такой путь борьбы, который выгоден и нужен только Вашим врагам» (Цит. по: Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 126–127; Таврическая Правда. — 1918. — 7 марта).

¹⁵⁵ Цит. по: Крестьянников В. В. Четыре месяца из жизни революционного Севастополя (январь-апрель 1918 г.). — С. 41. Беспощадный комментарий А. М. Горького: «Нет сомнения, господа (к балтийским матросам. — *Авт.*), что вы, люди вооружённые, можете безнаказанно перебить и перерезать столько «буржуев», сколько вам будет угодно. В этом не может быть сомнения — ваши товарищи уже пробовали устраивать массовые убийства буржуазной интеллигенции; перебив несколько сот грамотных людей в Севастополе, Евпатории, они объявили:

«Что сделано, то сделано, а суда над нами не может быть».

Эти слова звучат как полупокоеание, полуугроза, и в этих словах, господа моряки, целиком сохранён и торжествует дух кровавого деспотизма той самой монархии, внешние формы которой вы разрушили, но душу её — не можете убить, и вот она живёт в ваших грудях, заставляя вас рычать зверями, лишая образа человеческого.

Вам, господа, следовало бы крепко помнить, что вы воспитаны насилием и убийствами и что вы говорите «суда над нами не может быть»; вы говорите это не потому, что сознали ваше право на власть, а *только* потому, что знаете: *при монархии за массовые убийства никого не судили, не наказывали* (курсив наш. — Авт.). Никого не судили за убийство тысяч людей 9 января 1905 года, за расстрел ленских и златоустовских рабочих, за избивание ваших товарищей очаковцев, за все те массовые убийства, которыми была так богата монархия.

Вот, в этой атмосфере безнаказанных преступлений вы и воспитаны, эта кровавая отрыжка старины и звучит в вашем рёве.

Точно так же, как монархическое правительство, избивая сотнями матросов, рабочих, крестьян, солдат, свидетельствует о своём моральном бессилии, точно так же грозным заявлением своим (Особого собрания моряков Красного Флота Республики — Авт.) моряки красного флота признаются, что кроме штыка и пули у них нет никаких средств борьбы за социальную справедливость. Разумеется, убить проще и выгоднее, чем убедить, и это простое средство, как видно, очень понятно людям воспитанным убийствами и обученным убийствам» (*Горький М.* Несвоевременные мысли. «Новая Жизнь» № 51(266), 26(13) марта 1918 г. // Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). — С. 128–129).

¹⁵⁶ **Кнорус Сергей Сергеевич** (?). Грек. В годы Первой мировой войны призван на Черноморский флот в звании прапорщика (мичман с сентября 1917 года), служил в Черноморском флотском экипаже. Сторонник украинизации флота. В феврале 1918 года II Общечерноморским съездом избран председателем Центрального комитета Черноморского флота (Центрофлота). Во время оккупации Севастополя германскими войсками и частями Антанты работал мировым судьёй 4-го участка. В апреле 1919 года — член коллегии Совета народного хозяйства города для управления учреждениями порта и завода, начальник распорядительной части флота. В августе 1919-го арестован деникинской контрразведкой. «При обыске у Кноруса обнаружена корреспонденция, из коей, по словам начальника контрразведки, усматривается, что он вёл непосредственные сношения с центральной советской властью». После окончания Гражданской войны в Крыму жил в Севастополе, работал адвокатом. В 1930-е годы — член севастопольской коллегии защитников (А. З. Зарубин А. Г.) Кнорус Сергей Сергеевич // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. — Симферополь, 2000. — С. 172; *Алтабаева Е. Б.* Смутное время: Севастополь в 1917–1920 гг. Учебное пособие. — С. 141).

¹⁵⁷ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Ч. II. — С. 77.

¹⁵⁸ *Атлас М. Л.* Указ. соч. — С. 90.

¹⁵⁹ *Независимый.* Указ. соч.

¹⁶⁰ *Крестьянников Н. Н.* Четыре месяца из жизни революционного Севастополя (январь–апрель 1918 г.). — С. 42.

¹⁶¹ ГААРК. — Ф. II-150. — Оп. 1. — Д. 84. — Л. 42. Также: *Гавен Ю. П.* Первые шаги Советской власти в Крыму. — С. 54. По Н. Криплевскому — 800 (Указ. соч. — С. 106, 108). В. Лобыцын и В. Дедичев, на основе архивных материалов (документ под названием «Список убитых большевиками офицеров Черноморского флота»

из архива ВМФ) и публикации журнала «Возрождение» (№ 116 за август 1961 года), считают установленными 67 плюс 6 имён уничтоженных военных. Из них ЧФ представляли (включая отставных): 6 адмиралов, 5 генералов, 15 штаб- и 42 обер-офицера, 4 медика, 1 священник. Ввиду столь чудовищных профессиональных потерь, ЧФ был не «приручен», а просто прекратил своё фактическое существование в качестве флота как цельной боевой единицы (Лобыцын В., Дедичев В. Указ. соч. — С. 31, 32).

¹⁶² Гавен Ю. Первые шаги Советской власти в Крыму. — С. 56.

¹⁶³ Катпа А. Ночь ужасов // Крымский Вестник. — 1919. — 23 февраля.

¹⁶⁴ М-ов А. Помогите маленькому человеку // Крымский Вестник. — 1919. — 5 марта.

¹⁶⁵ Катпа А. Указ. соч.

¹⁶⁶ Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 36; Абдуллаев С. А. (М.) О рабочем движении татар в Крыму, в частности в гор. Симферополе. 1917–1919. Очерки // ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 117. — Л. 55–56.

¹⁶⁷ Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 37–38.

¹⁶⁸ Катунин Ю. А. Указ. соч. — С. 26.

¹⁶⁹ Там же. — С. 32.

¹⁷⁰ Там же / Таврические Епархиальные Ведомости (Симферополь). — 1917. — № 27–29. — С. 218–219.

¹⁷¹ Здесь и ниже факты по: Русак В. Пир Сатаны. Русская православная церковь в «Ленинский период» (1917–1924). — Лондон (Канада), 1991. — С. 26; Таврические Епархиальные Ведомости. — 1918. — № 11–15. См. также: Зарубин В. Г. Новомученики Таврические // Таврические ведомости (Симферополь). — 1993. — № 2 (Январь); Мальгин А. В. Малоизвестные свидетельства о гонениях на православную церковь в 1917–1918 гг. // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. — 1994. — № 5. — С. 60–63; Мальгин А. Время жертвы // Таврические ведомости. — 1995. — 14 января.

¹⁷² Лобыцын В., Дедичев В. Указ. соч. — С. 29.

¹⁷³ Или: «Итак, в Крыму установилась советская власть, правда, во многих местах без советов» (Атлас М. Л. Указ. соч. — С. 81): в Феодосии — 2 января, Керчи — 6-го, Симферополе — 13-го, Джанкое — 14-го, Евпатории — 15-го, Ялте — 16-го и Алуште — 18-го.

Республика Тавриды: вынужденный эксперимент?

Обстановка в Крыму в феврале-марте 1918 года отличалась исключительной напряжённостью и неустойчивостью. 14 марта, после ожесточённой борьбы с левыми эсерами и представителями других партий, оппозицией в своей среде — левыми коммунистами, большевики добились ратификации Чрезвычайным IV Всероссийским съездом советов Брест-Литовского мирного договора с Германией и её союзниками, подписанного 3 марта. Выполняя условия Брестского мира, Украинская Советская Республика разорвала федеративные связи с Советской Россией. Заключив 27 января договор с Центральной Радой, Германия приступила к фактической оккупации Украины, стремительно продвигая свои войска на юг. Над Крымом нависла угроза изоляции от центральных районов страны и захвата — вопреки Брестским договоренностям — частями германской армии.

Германия не собиралась выполнять подписанные ею же условия. По соглашению 29 марта с союзной Австро-Венгрией она включила Крым в зону своих интересов и как самоценную территорию, и как плацдарм для возможной экспансии на Восток. Развивались планы отрыва Крыма от России при использовании местного сепаратистского движения. Свои планы в отношении Крыма имела и Турция. И. К. Фирдевс вспоминал о переговорах курултаевцев с турецкой стороной, которая «хотела сохранить Крым и спасти от нашествия Германии, сохранить для себя под флагом татарской самостоятельности»¹. Сил для этого у Турции, однако, не было. Не забывая и о позиции Украины. Крым, таким образом, продолжал оставаться объектом геополитических игр, усугублявших внутренние противоречия.

А ситуация на полуострове напоминала бурлящий котел. Центральная, большевистско-левоэсеровская, власть была до чрезвычайности условной. Многие районы Крыма имели о ней самое смутное представление. Живший в Биюк-Ламбате В. А. Оболенский пишет о «полной оторванности от всего остального мира». «Пойти или поехать в Ялту или Симферополь мы не могли, т. к. для этого нужны были пропуска, которые давались с трудом; газеты мы не получали, а если случайно попал в руки номер местных большевистских газет, то в нём мы находили лишь бесконечное количество «приказов», безграмотно-напыщенные статьи, да сведения, которым не верили. (...) Питались мы исключительно слухами от редких прохожих или из Биюк-Ламбатских кофеен. Слухи эти касались преимущественно разных кровавых событий»².

Белое офицерство и местная буржуазия; эмиссары Центральной Рады и татарские сепаратисты; сохранившие значительное влияние в среде рабочих и служащих, в частности — профсоюзах — меньшевики и пользовавшиеся

поддержкой крестьянства правые эсеры, опиравшиеся на матросов анархисты и банды дезертиров, хозяйничавшие в крымских лесах, — все они имели свои, особые интересы и все, исключая разве что меньшевиков, признавали только власть силы. Активизация анархистов, угрожавшая остаткам общественного порядка, вынудила Симферопольский совет принять решение «изъять из регистрации партию анархистов (сами анархисты себя партией не считали. — *Авт.*)... не признающую Советской власти»³. Правда, в ряде других советов они добились своего представительства. Однако в конце марта в Феодосии, по воспоминаниям М. А. Волошина, безобразия в городе анархистов, число которых увеличилось за счёт прибывших морем после падения 14 марта Одессы, завершились тем, что *«сотня анархистов-практиков была вывезена под Джанкой и там расстреляна»*⁴.

Нараставший в Крыму политический и экономический хаос настоятельно требовал авторитетной и уважаемой власти, призванной оформить действенный аппарат управления, навести элементарный порядок, покончить с эксцессами и приступить к решению самых неотложных жизненных вопросов.

Севастополь, сыгравший решающую роль в установлении на полуострове власти крайне левых сил, сохранял первоначально в своих руках руководство краем. Губернский ревком в Симферополе не смог сразу охватить своим влиянием всю губернию, тем более что в Севастополе были сосредоточены главные военные силы. С целью ликвидации сложившегося «двоецентрия» 28 января (10 февраля) была созвана конференция военно-революционных комитетов, собравшая 44 делегата (из них 27 большевиков) с мест и объявившая себя Чрезвычайным съездом советов рабочих и солдатских депутатов с участием представителей крестьянских депутатов и военно-революционных комитетов Таврической губернии. Большевик С. П. Новосельский заявил на съезде: «...Только тогда завоевания революции будут прочны, если одновременно, наряду с борьбой с контрреволюцией, мы начнём органическую творческую работу, претворяя обещания в жизнь, т. е. будем уплачивать выданные революцией векселя проведением в жизнь широких социальных реформ»⁵. Он же предложил образовать 14 комиссариатов.

По вопросу о власти съезд подтвердил роспуск Совета народных представителей и Курултая, упразднил городские думы и земства, заменив их советской системой, создал губернский исполнительный орган власти в лице Таврического Центрального исполнительного комитета (ЦИК). В него вошли 10 большевиков и 4 левых эсера. Местопребыванием ЦИК и административным центром губернии после длительных дебатов 23 голосами против 20 (предпочитавших Севастополь; особенно рьяно на этом настаивал Ю. П. Гавен) был определён, по географическим и экономическим соображениям, Симферополь. Военный комиссариат оставался в Севастополе, но был обязан согласовывать свои действия с ЦИК. На деле же подобное решение привело к разного рода недоразумениям.

После обсуждения земельного вопроса на местах было предложено руководствоваться земельными законами и инструкциями, утверждёнными III Всероссийским съездом советов, применяя таковые к конкретным условиям.

Обсуждение острейшего продовольственного вопроса свелось к методам сбора в Крыму хлеба и отправки его на север в промышленные районы и для армии. Съезд одобрил принятие решительных мер при хлебозаготовках, допуская реквизиции и использование вооружённой силы. 30 января (12 февраля) съезд завершил свою работу.

Избранный на съезде Таврический ЦИК под председательством Ж. А. Миллера создал комиссариаты по управлению и руководству отдельными отраслями хозяйственной и социально-культурной сферы. Таковыми стали комиссариаты земледелия, финансов, путей сообщения, юстиции, почты и телеграфа, труда, народного просвещения, социального обеспечения. Многонациональность края потребовала создание и комиссариата по национальным делам⁶.

Став правящей партией, крымские большевики остро нуждались в укреплении и расширении своих рядов, разработке программы действий. Крупнейшая Севастопольская партийная организация насчитывала всего 400 человек, Симферопольская и Евпаторийская — по 200 с лишним, Керченская, Феодосийская и Ялтинская — в два раза меньше. В сельской местности большевики были совсем малочисленны. А в некоторых волостях они вообще отсутствовали. Партийные организации были слабо связаны между собой и часто действовали обособлено⁷. Только с 24 января (6 февраля) в Севастополе в конфискованной типографии газеты «Крымский Вестник» стал выходить большевистский партийный орган «Таврическая Правда»⁸.

На III губернской конференции РСДРП(б) в Симферополе (2–5 марта) присутствовали 20 делегатов от 2300 членов партии. Были обсуждены отчётный доклад губернского комитета (Я. Ю. Тарвацкий), информационные доклады с мест, доклад редакции «Таврической Правды», вопросы взаимоотношений партийных организаций и советов, местных организаций и губкома, о Красной Армии, отчёты членов партии, входящих в Таврический ЦИК и его комиссаров, намечены пути увеличения численности членов партии, улучшения партийного руководства советами и укрепления советского аппарата, решено перевести редакцию «Таврической Правды» в Симферополь (выполнено 6 марта). На конференции также развернулась борьба по вопросу об отношении к Брестскому миру, который предстояло решить VII экстренному съезду РКП(б). Часть делегатов (представители Евпаторийской парторганизации во главе с В. А. Елагиным, ответственный редактор «Таврической Правды» В. А. Кобылянский) выступила против заключения Брестского мира, но поддержки большинства не получила. В состав губернского комитета были избраны Я. Ю. Тарвацкий (председатель), В. А. Шаталов (казначей), А. И. Коляденко, Ж. А. Миллер, Ю. П. Гавен, С. П. Новосельский, Н. И. Пахомов и др.⁹.

Чтобы доминировать в политической жизни Крыма большевикам и их союзникам приходилось прилагать немалые усилия. 5–6 марта в Симферополе проходил 3-й губернский съезд профсоюзов и фабзавкомов. Большевики и левые эсеры, получившие только 53 голоса из более чем 200, создали отдельную фракцию, решив «потребовать обсуждения вопроса о признании Соввласти и в случае отклонения заявленного требования фракции немедленно покинуть съезд»¹⁰. Большевики, чьи делегаты решительно преобладали, настаивали на снятии всех политических вопросов. Тогда левые оставили съезд и принялись за формирование Временного Губернского Совета профсоюзов на платформе советской власти. Съезд был распущен вооружённым отрядом. Повторялась история с Учредительным собранием. Большевики создают свое профсоюзное руководство — Центральное Бюро. Общегородское собрание рабочих и служащих Севастопольского порта резко осудило насилие, «которое было учинено 6 марта сего года в Симферополе над пролетарским съездом», подчеркнув, что «основной задачей съезда являются вопросы профессионального строительства, охрана труда...»¹¹. Подобные акции, естественно, не прибавляли большевикам популярности в рабочих кругах.

6 марта в Симферополе открылось совещание делегатов Таврического губернского съезда советов рабочих, солдатских, крестьянских, поселенческих-мусульманских и батрацких депутатов, земельных и военно-революционных комитетов. Назначенный вначале на 3 марта, съезд был перенесён на 10 марта. Однако многие делегаты явились к ранее объявленному сроку. Большевики стремились открыть съезд позже, желая успеть обновить состав местных советов, потеснив при этом левых эсеров. Разумеется, последние на совещании делегатов выступили резко против, обвиняя Миллера и других большевиков — членов ЦИК в преступной небрежности по созыву съезда, высказывая сомнения в его законности. После бурных обсуждений было решено признать съезд законным, а обвинение в преступной небрежности снять.

7 марта левые эсеры, зная, что большинство прибывших делегатов принадлежит к числу большевиков, попытались сорвать открытие съезда, но большинство высказалось за его открытие в составе до 300 делегатов, среди них было 183 большевика, 90 левых эсеров, 29 беспартийных. Работой съезда руководил президиум в составе трёх большевиков и двух левых эсеров¹². Впоследствии число делегатов всё увеличивалось, и на завершающем этапе съезда их было до 700 человек, включая представителей Мелитопольского, Днепровского и Бердянского уездов¹³.

После двухдневной дискуссии съезд одобрил заключение Брестского мира, полагаясь на его надёжность, поддержал советскую власть на Украине. Он воздержался от проведения в жизнь социализации земли и её передела до получения полных статистических данных, однако, передавал земли в распоряжение местных советов. То, что крестьяне уже успели поделить, объявлялось

временными наделами. Такая осторожность, с одной стороны, предохраняла некоторые культурные имения от разорения, с другой — не могла устроить значительную часть крестьян. При рассмотрении тяжелейшего финансового вопроса съезд узаконил обложение буржуазии контрибуцией.

Съезд избрал ЦИК (12 большевиков и 8 левых эсеров) под председательством Ж. А. Миллера.

Национальный вопрос съездом не обсуждался, несмотря на создание комиссариата по делам национальностей. Во-первых, новое руководство было к этому совершенно не готово, а, во-вторых, перед ним, как и перед большевистско-левоэсеровской коалицией в целом, стоял мираж скорой мировой революции, сметающий национальные границы.

В работе съезда участвовало до 120 татар¹⁴, предложивших ввести одного-двух своих представителей в состав ЦИК¹⁵. Однако председатель съезда Н. И. Пахомов, если верить историку М. Л. Атласу, даже заявил: «национальным вопросам места быть не может»¹⁶. Правда, при этом избранный секретарём ЦИК Фирдевс сумел убедить татарскую группу поддержать большевистские резолюции¹⁷.

Съезд также принял резолюцию о подчинении штабов Красной Армии и Красной гвардии советам и 10 марта завершил свою работу.

Несмотря на острые разногласия по вопросу о Брестском мире, левые эсеры вошли в руководящие и местные органы Крыма и работали рука об руку с большевиками.

19 марта на созванном в Севастополе по инициативе прибывшего из Москвы левого эсера В. Б. Спиро экстренном заседании Таврического ЦИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от имени I губернского съезда советов, поименованного Учредительным, принимается декрет, которым провозглашается — в составе Симферопольского, Феодосийского, Ялтинского, Евпаторийского, Мелитопольского, Бердянского, Перекопского и Днепровского уездов — Таврическая Республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. ЦИК также сформировал Совет народных комиссаров, который возглавил прибывший в Крым в марте по направлению ЦК РКП(б) партработник А. И. Слуцкий. Во властные органы входили большевики Н. И. Пахомов (председатель исполкома Мелитопольского совета, стал членом ЦИК), Я. Ю. Тарвацкий (также член ЦИК), С. П. Новосельский, Ю. П. Гавен (член ЦИК), И. К. Фирдевс, левые эсеры И. Н. Семёнов¹⁸ (заместитель председателя ЦИК), С. С. Акимочкин, В. Голашвили и др.¹⁹.

Когда из Москвы вернулись А. И. Коляденко и С. П. Новосельский, ездившие в Совнарком Советской России за кредитами и получившие там соответствующие указания, в ночь с 21 на 22 марта Таврический ЦИК, подтвердив создание республики — теперь она была названа Социалистической Советской Республикой Тавриды — ограничил её территорию (с целью избежать осложнений с Германией и Украинской Народной Респуб-

ликой) Крымским полуостровом. В дальнейшем, однако, руководители ССРТ подчёркивали принадлежность трёх северных уездов республике.

О придании хотя бы вида законности при провозглашении Республики Тавриды, видимо, вообще не думали. Её создавали с явными отступлениями от положений Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

Ни Таврический ЦИК, ни Совнарком даже не ставили вопроса о флаге, гимне и гербе новоиспечённого образования. Не шла речь и о Конституции Республики Тавриды.

В литературе утвердилось одностороннее мнение о том, что решение о создании в Крыму республики было принято исключительно по инициативе центра. «...Нет документов, которые свидетельствовали бы об инициативе крымчан в создании республики в марте 1918 г.»²⁰, — утверждает, к примеру, Л. П. Гарчева. Действительно, ЦК РКП(б) рассматривал образование республики в Крыму как одно из звеньев в формировании единого фронта обороны Юга от кайзеровских агрессоров (об этом — решения ЦК большевиков и ЦИК Украинской Советской Республики, письмо В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе 14 марта и др.²¹).

Однако, по мнению активного участника крымских событий И. К. Фирдевса, идея создания республики на полуострове витала в воздухе. «Мы установили сепаратистский момент, — пишет он, — говорили, что Крым нужно сохранить как отдельную республику»²². Причём соображения в пользу республики на месте заметно расходились с замыслами центра. Если В. И. Ленин рассчитывал измотать германские части на Юге, то крымчане склонялись не столько к надеждам на оборону, сколько к поискам компромисса с противником, нейтралитета. А. И. Слуцкий говорил на делегатском собрании представителей береговых и судовых частей, мастерских Севастополя 17 апреля: «Мы определённо заявляем о том, что республика полуострова Крым не входит в территорию Украины²³... Броситься в войну мы не можем, так как Красная Армия (в Крыму. — *Авт.*) превратилась в банду мародёров»²⁴. Его поддержал Н. А. Пожаров. Мнение о никуда не годном состоянии красноармейских частей вполне разделяли и противники большевиков.

Среди крымских руководителей также существовало опасение, что полуостров может быть поглощён Украиной. Создание республики виделось как защита от дающих поползновений. Как писал в связи с этим орган левых эсеров: «Это единственно правильный и единственно возможный выход из создавшегося положения вещей. (...) ...Разноплеменный, богатый различными историческими метаморфозами Крым должен жить и развиваться своей самобытной жизнью»²⁵.

Точку в решении вопроса о республике поставили, по всей видимости, телеграфные переговоры А. И. Слуцкого и Ж. А. Миллера с наркомнацем Советской России И. В. Сталиным, о которых вспоминают И. К. Фирдевс и Ю. П. Гавен.

Фирдевс (1926): в ходе переговоров была дана санкция на создание крымской республики. «Больше ничего, никаких директив не было, и на основании этой директивы они (Слуцкий и Миллер. — *Авт.*) образовали республику. ...В этот момент политическая инициатива мест не стеснялась...»²⁶ (выделено нами. — *Авт.*). Он же (1935): «...Была ли санкция ЦК партии на политику правительства республики Тавриды?.. Тт. Миллер и Слуцкий вызывали т. Сталина к прямому проводу и получили от него предварительную санкцию в виде точной формулы: «Действуйте, как находите целесообразным, Вам на местах видней»²⁷. Гавен (1934): «Эту ленту мне Слуцкий потом показывал. Это был краткий, категорический, гибкий ответ, и на этом мы базировались, как на официальном разрешении центра». Мемуарист резюмирует: «По местным условиям создание республики было необходимо»²⁸. Пожалуй, только левый эсер В. Б. Спиро, ставший комиссаром Черноморского флота, всерьёз верил в возможность защиты Крыма от германских войск, но, отозванный в апреле в Москву, назад в Крым он уже не вернулся.

По мнению Ю. В. Дубко, идея создания Республики Тавриды возникла в Москве сразу же после заключения Брестского мира и принадлежала лично В. И. Ленину. Она обсуждалась в узком кругу членов ЦК РКП(б) и представителей Донецко-Криворожской республики (Артём (Ф. А. Сергеев), И. И. Межлаук), с ней был знаком А. И. Слуцкий, но её не довели до сведения крымских большевиков до приезда в Крым В. Б. Спиро, А. И. Коляденко и С. П. Новосельского²⁹. Причём, «реализация права на самоопределение Крымом не была связана ни с национальным составом населения, ни с экономическими, культурными и др. особенностями региона, а явилась следствием военно-политических амбициозных замыслов Центра и лично В. И. Ленина использовать новую республику и Черноморский флот в интересах создания «единого фронта вооружённой борьбы на Юге»³⁰. При этом «провозглашению республики была дана лишь внешняя легитимность. Преследовались тактические цели борьбы с вооружёнными силами стран Четверного союза и Центральной Рады...»³¹.

В своей обстоятельной работе исследователь подчёркивает, что планы Ленина в отношении Крыма не полностью разделялись всеми, кому они были известны, и которые на конференции в Екатеринославе (16 марта) представителей Советской Украины, Крыма (А. И. Слуцкий и член Таврического ЦИК С. В. Хацко³²) и, вероятно, Донецко-Криворожской республики, добились принятия решения о формальном сохранении нейтралитета Крыма при одновременном оказании скрытой помощи в сопротивлении германским войскам, формально не нарушая Брестского мира, что не могло понравиться Ленину³³. Правда, в третьей декаде марта, когда Ленин убедился, что Германия не остановится перед оккупацией полуострова, сам же дав ей повод для этого, используя матросские отряды в Северном Причерноморье, он более всего был озабочен сохранением Брестского мира, а

также Черноморского флота для Советской России. Поэтому, как считает Ю. В. Дубко, «на первом плане реализации ленинского плана Республика Тавриды выступает *de jure* как самостоятельное государственное образование, являясь *de facto* автономией в составе Советской России, выполняющая все указания центра. На втором этапе, ввиду изменения первоначального замысла Ленина, ССРТ и Черноморскому флоту обеспечивается дипломатическая защита со стороны Москвы»³⁴.

По мнению автора, «если в целом «ленинский план создания единого фронта борьбы с германским вторжением» с тем, чтобы выиграть время, втянуть германские войска в бои и дать им «увязнуть на Украине», строился на реальных расчётах, то в отношении Республики Тавриды он являлся авантюрой»³⁵.

Первоначально органы свежееиспечённой республики действовали в значительной степени стихийно, вразнобой, утопая во множестве мелких дел. Не было четкой структуры власти, налаженных информационных каналов. Судя по всему, Совет народных комиссаров Республики Тавриды не имел своего собственного рабочего аппарата — его полностью заменял народный комиссариат внутренних дел, ведавший всей организационной работой по руководству, как комиссариатами, так и местными советами³⁶. Заседания Совнаркома проходили без соответствующей подготовки. Не на должном уровне была дисциплина самих наркомов и исполнительская дисциплина на местах. Правда, служащие прежних институтов власти, утраченные как перспективой остаться без средств к существованию, так и вероятностью репрессий, за немногим исключением не стали на путь саботажа. Из неудобной и перенаселенной гостиницы «Петроградской», вспоминает Ю. П. Гавен, только что созданный ЦИК переехал в здание губернской земельной управы. «...Канцелярские служащие в большинстве остались на месте и ожидали пришествия нового хозяина. Часть спецов (агрономы, ветеринары) тоже остались. Я приказал собраться в мой кабинет начальникам канцелярии, старшим производителям и специалистам и приказал от имени новой власти немедленно приступить к работе, напоминая, что политика пролетарской власти в период гражданской войны «до жестокости тверда» и противодействия и саботажа она не потерпит»³⁷, — «красочно» описывает он эти события.

Судя по хранящемуся в ГААРК списку советов³⁸, они функционировали в апреле во всех уездах Тавриды, однако их влияние распространялось в основном на русскоязычное население. В большинстве своём тем же крымским татарам или немцам новая власть была чужда и непонятна.

Ревкомы, как параллельная власть, были официально упразднены. Однако продолжал свою деятельность военно-революционный комитет в Севастополе, нет данных о ликвидации ревкомов и создании советов в ряде населённых пунктов Крыма, в Евпатории в апреле функционировал Революционный совет десяти³⁹.

Нарком внутренних дел С. П. Новосельский пытался внести порядок в системе нормотворчества местных советов, но те зачастую игнорировали его указания. При этом левые эсеры крайне болезненно воспринимали какое-либо вмешательство в деятельность органов власти на местах, поскольку их программа предусматривала автономию областей, общин и т. п.⁴⁰

29 марта Совнарком Республики Тавриды направил всем советам разъяснение по поводу разделению полномочий между Таврическим ЦИК и СНК: «Центральный Исполнительный Комитет является верховным контролирующим органом Советской власти, перед которым ответственен и которому подотчётен Совет Народных Комиссаров. Центральный Исполнительный Комитет является политическим руководителем всех Советов и организованных в них масс.

Совет Народных Комиссаров ведёт всю работу по проведению в жизнь начал и задач социалистического строительства и представляет их себя рабоче-крестьянское Советское правительство Советской Социалистической Республики Тавриды»⁴¹.

При этом некоторые члены СНК одновременно являлись членами Таврического ЦИК. Таким образом, получалось, что они сами себе были подконтрольны и подотчётны.

Развернулась национализация типографий и всей системы распространения прессы. Газеты партий, признанных контрреволюционными, и независимые закрывались. (Некоторые органы меньшевистского направления — меньшевистский «Прибой», эсеровский «Вольный Юг» — продолжали выходить, хотя и с перерывами). 27 марта было создано бюро печати Республики Тавриды во главе с заведующим Я. Рудым, входящее в структуру Совнаркома⁴². Появился орган, руководивший печатью, отбором информационных материалов, а практически ведавший цензурой.

Таковыми брутальными мерами организационный каркас советской власти укреплялся идеологически и информационно. В идеале руководство Республики Тавриды стремилось к диктатуре. Сил для её реализации, однако, не хватало.

Большевики так и не смогли максимально зажать идеологические скрепы. В советах витийствовали, находя понимание среди населения, меньшевики, эсеры; у большевиков не было полного единства: левые боролись с «правыми», сторонниками Брестского мира; рабочие всё чаще проявляли недовольство, так как власть оказалась не в состоянии выполнить щедро раздававшиеся обещания, а профсоюзы отстаивали самостоятельность. Стремление к монополизации власти наталкивалось на упорное противодействие крымчан.

По свидетельству Ю. П. Гавена, Таврический ЦИК опирался, прежде всего, на рабочих завода А. А. Анатра — первого в Крыму национализированного (ещё 27 декабря (ст. стиля) 1917 года) предприятия. «Рабочие мелких предприятий и верхушки профсоюзов были под доминирующим влия-

нием меньшевиков...»⁴³. Не мог служить надёжной опорой большевикам и Черноморский флот, численность матросов которого после демобилизации резко уменьшилась.

Деятельность учреждений Республики Тавриды была подчинена коренной задаче, провозглашенной в первых декретах советской власти, — преобразованиям в духе казарменного военного коммунизма. Основным экономическим рычагом перехода к коммунизму мыслилась тотальная национализация. В течение февраля-апреля 1918 года в собственность республики перешли: железнодорожный транспорт, торговый флот, многие предприятия, банки, связь, внешняя торговля, леса, крупные имения, имущество церковных и религиозных общин(!), гостиницы, постоялые дворы, меблированные комнаты, театры, кинематографы, музыкальные предприятия, аптеки (вскоре денационализированы), отчасти — типографии. 12 апреля декретом Совнаркома все недра земли и моря: руды, соль, воды, нефтяные источники объявляются достоянием всего народа и Республики Тавриды⁴⁴.

Неумение управлять, безделье и хищения приводили к развалу налаженного производства, привычного населению быта. Рука об руку с конфискацией шли контрибуции, в том числе и изъятие вкладов населения. В Феодосии, в результате такой политики, разорились знаменитые табачные предприниматели братья Стамболи, вследствие чего, пишет историк, одного из них парализовало, а второй заболел нервным расстройством⁴⁵. Подобное происходило по всему Крыму.

Радикализм некоторых местных руководителей не знал пределов. Так, Балаклавский совет — Балаклавская коммуна (председатель И. А. Назукин) — получив 24 марта телеграмму СНК Республики Тавриды о передаче в его распоряжение контрибуции с буржуазии, отбил следующий ответ: «Балаклавский Совет, в отличие от всех остальных Советов Тавриды, проводит в жизнь основной принцип социализма — уничтожение классовой структуры современного общества. Балаклава больше не знает эксплуататоров и эксплуатируемых. Местная буржуазия, благодаря целому ряду декретов Совета, как класс перестала существовать. Все частные хозяйские предприятия перешли и переходят в руки Совета. Балаклава с каждым днем всё более и более принимает вид и характер социалистической коммуны». Балаклавский совет национализировал дома стоимостью свыше 20 тысяч рублей, рыбные заводы, объявил переход в свою собственность всего урожая 1918 года, объединил профсоюзы, артели и приступил к «коммунизации населения» уезда⁴⁶.

Крайнее революционное рвение, какими бы побуждениями оно ни диктовалось, неизбежно шло вразрез с народными интересами. Попытки навязать искусственные формы существования, политика повальной регламентации⁴⁷, как свидетельствует история, обречены на провал.

Подлинным бичом Крыма была в 1918 году безработица. Нарком труда, рабочий-печатник Ф. Шиханович, со всей энергией взялся за её искорене-

ние. Он понимал, что помощь безработным и вовлечение их в сельскохозяйственный труд проблемы не решат. «...Не в общественных работах вижу я спасение от безработицы, а в поднятии промышленности и производительных сил вообще»⁴⁸, — разумно рассуждал он. Другое дело, что политика «кавалерийской атаки на капитал» не поднимала, а разрушала производительные силы, поэтому безработица продолжала расти, усиливая социальную напряженность.

28 марта специальным декретом, инициированным Шихановичем, упразднились фабричные инспекции. В этот же день Совнарком принимает декрет об организации центрального и местного комитетов по борьбе с безработицей⁴⁹. 2 апреля нарком труда издаёт приказ о порядке найма и увольнения рабочих и служащих, который теперь осуществлялся исключительно через фабрично-заводские комитеты и профсоюзы. Профсоюзы обязаны тщательно следить исполнением закона о 8-часовом рабочем дне, о воспреещении аккордных, сверхурочных и праздничных работ, выделив для этого особые контрольные комиссии. За неисполнение данного приказа, распространяемого на все частные и государственные предприятия, виновные должны нести ответственность перед Военно-революционным судом⁵⁰. 16 апреля декретом СНК вводится рабочий контроль на мельницах⁵¹.

Не бездействовал и народный комиссариат просвещения, хотя далеко не каждая его инициатива реализовывалась на практике. Своим распоряжением он потребовал во всех городах и сёлах организовать бесплатные вечерние классы и при них школы грамоты для популяризации научных знаний⁵². В Ялте был открыт «солдатский университет». 15 апреля наркомпрос издал декрет о введении новой орфографии и правописания во всех учреждениях и типографиях Республики Тавриды⁵³. Предпринимались меры по охране на местах памятников археологии, культуры и искусства, сохранению музеев и библиотек, в том числе частных лиц. К этой деятельности привлекались не только органы просвещения. Так, 17 апреля наркомат внутренних дел отдаёт распоряжение Ялтинскому уездному совету организовать охрану библиотеки и коллекции известного учёного, краеведа, инженера А. Л. Бертье-Делагарда⁵⁴. Кстати, ещё 5 марта М. А. Волошин в уездном совете рабочих, военных и крестьянских депутатов получает «Охранительное свидетельство» о неприкосновенности своего дома, а 8 марта — в уездной земельной управе мандат, удостоверяющий, что «усадебное место с садом, огородом и домом» в деревне Коктебель «остаются в пользовании» «поэта-художника»⁵⁵.

С 1916 года в число наболевших для населения вопросов стал выдвигаться продовольственный. Весной 1918-го Крым ещё мог себя обеспечивать (карточная система действовала только в Севастополе). Тем более важной считалась задача поставок сельхозпродукции в центральные районы, на чём самым активным образом настаивала Москва, засыпая Симферополь телеграммами: Таврида, как-никак, кормила жителей 21-й губернии.

Сколько же хлеба было вывезено из Крыма? Ю. П. Гавен дает цифру 3,5 миллиона пудов (с середины января до середины апреля 1918 года)⁵⁶. Современный исследователь — 5 миллионов пудов⁵⁷. Реквизиции, сопровождавшие выполнение поставленной центром задачи, донельзя раздражали крестьянство. Справедливости ради отметим, что Центр пытался вести натуральный продуктообмен с Тавридой. Но об его эквивалентности говорить не приходится. На съезде советов Таврической губернии сообщалось: на полуостров прибыло 14 вагонов мануфактуры и обуви⁵⁸. Как видим, цифровые показатели явно несопоставимы.

Выкачка продовольствия из Крыма неминуемо вела к серьезнейшему кризису. Наркомат земледелия пытался улучшить ситуацию. Чтобы снабдить крестьян семенным материалом для посева началось его изъятие у «кулаков». Однако их обложение дало приблизительно 600 пудов семян, чего явно было недостаточно. Для сохранения племенного скота Феодосийский совет запретил убой телят, не достигших двухлетнего возраста⁵⁹.

Попытка наркома по продовольствию левого эсера А. В. Столяра приостановить отгрузку хлеба для отправки на север для создания шестимесячного запаса в Тавриде привели к окрику наркома продовольствия РСФСР А. Д. Цюрупы с обвинением в «узком сепаратизме Крымской республики» и снятию Столяра с должности⁶⁰, на которую 8 апреля был назначен большевик И. Ф. Федосеев, столяр по профессии.

Кризис коснулся и всей экономики края в целом. Были остановлены практически все крупные предприятия, в том числе Севастопольский морской завод и завод А. А. Анатра. Чтобы не допустить полного развала железнодорожного транспорта нарком путей сообщения левый эсер С. Коробцов 1 апреля внёс на рассмотрение Совнаркома Республики Тавриды вопрос о диктатуре на железных дорогах. Для его решения традиционно создана комиссия, в которую помимо самого Коробцова вошли председатель СНК А. И. Слуцкий и нарком внутренних дел С. П. Новосельский, но до падения Республики Тавриды эту диктатуру так и не смогли ввести⁶¹.

Из сказанного ясно, что реализация поставленных руководством республики целей сама по себе требовала укрепления репрессивного аппарата. К этому подталкивали террористические акты (в марте был убит начальник Симферопольского революционного штаба С. В. Хацко, в апреле — комиссар продовольствия Симферопольского совета П. Р. Глазев⁶²). Нарком юстиции левый эсер В. Гоголашвили заявляет о ликвидации института мировых судей, на смену которым должны прийти избираемые — а на практике зачастую назначаемые, народные судьи. Советы получают право выдвигать комиссаров по судебным делам при местных судах. В их компетенцию входили: надзор за судебными учреждениями и местами заключения, право ареста, санкция на арест, надзор за следственными комиссиями при ревтрибуналах. Согласно декрету СНК и наркомюста, обвинение по делам о контрреволюции, саботаже, мародёрстве и спекуляции дол-

жно было быть подготовлено не более чем за двое суток. Следствию, таким образом, предполагалось придать предельно упрощенный характер, что способствовало бы его всё большему соскальзыванию на простор «революционной целесообразности», мало чем отличимой от террора.

Правда, Ю. В. Дубю справедливо отмечает, что соответствующий декрет наркома юстиции был проведен через Совнарком на вечернем заседании в ночь с 30 на 31 марта. Требовалось время на доведение его до сведения заинтересованных учреждений и местных властей. Между тем, в связи с вторжением на полуостров германских и украинских войск 20 апреля органы государственной власти и управления в Симферополе уже прекратили свою деятельность. Окружной суд в своём прежнем составе и институт мировых судей продолжали функционировать и после принятия декрета. Сам же В. Гоголашвили 29 марта вносит на рассмотрение Совнаркома вопрос об утверждении сметы в сумме 22 тыс. рублей для служащих Окружного суда, видимо, предполагая его дальнейшую деятельность. Не прекратили своей работы и мировые судьи. Только в середине апреля большевики предложили свой список кандидатов на должности мировых судей в Симферополе. Все судейские должности должны были занять большевики и лишь одну — левый эсер⁶³.

Ещё в феврале был создан комиссариат тюрем. На мартовском губернском съезде приветствовалось, что комиссариат «сумел поставить дело так, что тюрьма представляет из себя не место наказания, а место признания своей виновности»⁶⁴. Что бы ни имели в виду авторы подобных заявлений, но ими, фактически, следователю давался карт-бланш на выколачивание «признания» любыми способами. Появляется эмбрион политических процессов 1920–1930-х годов.

ЧК в Республики Тавриды не создавали. Вместо неё действовала следственная комиссия из пяти человек под председательством некого Компанийца. Как вспоминал И. К. Фирдевс, тот впоследствии оказался провокатором и как будто был расстрелян в Ейске. Сам Фирдевс входил в состав данной комиссии до организации Трибунала во главе с Шаталовым, уходя, им был поставлен вопрос о сспятии Компанийца с должности «по подозрению его в том, что он бывший жандармский офицер, что и оправдалось потом»⁶⁵.

Судебные меры наказания, даже за малозначительные проступки, всё чаще уступают место чрезвычайным. Всё активнее выступает ревтрибунал, например, при наказаниях за продажу спиртного. Виноторговля приравнивается к контрреволюционной преступной деятельности, а её клиенты — к пособникам классовых врагов (распоряжения наркома финансов А. И. Коляденко). И это в крае развитого виноделия, где торговля вином зачастую являлась основным доходом его производителя!

Сильный удар по престижу Таврического ЦИК нанесла политика, навязанная его председателем Ж. А. Миллером, который, как пишет Ю. П. Гавен, «разрешил отрядам производить самостоятельно (по усмотрению шта-

бов) и помимо судебных органов обыски, массовые изъятия ценностей, что влекло за собой разложение этих слабо дисциплинированных отрядов и озлобление среди населения»⁶⁶. (Картины бесчинств подобных «реквизиторов» в Крыму встают перед нами со страниц романа В. В. Вересаева⁶⁷ «В тупике», хотя его действие и происходит годом позднее).

Основным направлением деятельности Совнаркома Республики Тавриды было решение разного рода финансовых вопросов, прежде всего, распределение кредитов. Отсутствие необходимых знания и опыта у наркома финансов бывшего матроса А. И. Коляденко, правда, успешшего побывать губернским комиссаром финансов, да и у других наркомов, неумение найти выход из создавшегося положения приводили к тому, что эти вопросы занимали безумное количество времени и препятствовали разрешению других проблем. Следует иметь в виду, что Таврический ЦИК получил из Центра помощь в размере 49 млн. рублей⁶⁸.

Чтобы компенсировать работникам реальные потери в заработной плате, СНК Республики Тавриды, наркомат труда стали пересматривать должностные оклады, делали всякого рода надбавки, выдавали авансы, отпускали пособия. Это не могло не спровоцировать новых витков инфляции. С целью её обуздания вводились фиксированные цены на товары, что способствовало созданию их дефицита.

Хотя в составе Совнаркома имелось два крымских татарина — И. К. Фирдевс (нарком иностранных дел и по делам национальностей), и И. С. Идрисов, его помощник, практически не уделялось места решению национальных проблем, в том числе и обострившегося крымскотатарского вопроса. Правда, наркомат включал комиссариат по крымско-мусульманским делам, но он лишь приступил к созданию подобных комиссариатов в городах, уездах и волостях, оказывал финансовую поддержку крымскотатарским учебным заведениям, пытался начать формирование интернациональных отрядов Красной Армии. Наркомат предлагал переводить на татарский язык важнейшие декреты и приказы. Организовывались комиссариаты по армянским и польским делам. Последний возглавил «весьма солидный старый коммунист т. Бурхарт»⁶⁹. В отношении других национальностей, проживающих на полуострове, каких-либо мер вообще не принималось⁷⁰. Фирдевс констатировал: «Работа среди национальных меньшинств почти отсутствовала. Большевиков из национальных меньшинств было крайне мало: чуть ли во всем Крыму было всего в организации один татарин...», т. е. сам Фирдевс⁷¹.

22 марта от имени Совнаркома и Таврического ЦИК правительства Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии были уведомены о том, что «Таврическая Советская Республика принимает условия мирного договора, заключённого между правительствами центральных империй и Советом Народных Комиссаров Российской Федеративной Республики»⁷². Державы Четверного союза, понимая бутафорский характер созданной республики, не вступали с её руководством в переговоры, несмотря на наличие на терри-

тории полуострова австрийских военнопленных, порученных заботам наркомата иностранных дел и по делам национальностей, выдававшим германским, австро-венгерским и турецким подданным охранные удостоверения.

Правда, М. А. Волошин с сарказмом рассказывает о прибытии в Феодосию «турецкого посольства» (делегации) на двух миноносцах с умирающими от голода русскими военнопленными. Местный совет устроил обед, «но не голодающим, а турецкому посольству». *«Турки были корректны, в мундирах и орденах. Был произнесён ряд речей.*

— ...Передайте вашей турецкой молодёжи и всему турецкому пролетариату, что у нас социалистическая республика... (...).

Таких речей было произнесено 6–7. После каждой турецкое посольство вставало и отвечало одной и той же речью:

«Мы видим, слышим, воспринимаем. И с отменным удовольствием передадим обо всём, что мы видели и слышали, его Императорскому Величеству — Султану»⁷³.

Однако произошло это ещё в марте, до официального провозглашения Республики Тавриды⁷⁴.

Страны Антанты сохранили консульства в Крыму, продолжавшие осуществлять свою деятельность. В феврале на полуостров прибыла, возможно, с разведывательными целями английская миссия во главе с полковником Бейлем. Но крымские власти не вступали в переговоры с представителями Антанты⁷⁵.

Украинская Народная Республика официально претендовала на северные уезды Таврической губернии без Крымского полуострова, но была крайне заинтересована в Черноморском флоте, активно проводя его украинизацию. Существование Республики Тавриды УНР игнорировалось. Телеграммы и письма, посылаемые её властными структурами в Крым на украинском языке, адресовались «Губернияльному комиссару на Таврии» (без указания фамилии), либо конкретным учреждениям. Зачастую эти послания носили достаточно странный характер. Так, отдел государственного коннозаводства Департамента сельского хозяйства Министерства земельных дел УНР 3 апреля требует от управляющего Государственной Таврической конюшней немедленно сменить все надписи с русского языка на украинский, а также одновременно перевести всё делопроизводство данного учреждения на украинский язык⁷⁶. 16 апреля отдел православной церкви Департамента исповеданий Министерства внутренних дел УНР просит «Губернияльного комиссара на Таврии», «не вмешиваясь во внутреннюю жизнь Православной Церкви, пристально наблюдать, чтобы духовенство исполняло распоряжения о поминании на службе Божьей по церквям Государство и Власть Украинскую, (а не Российскую) (в документе подчёркнуто красным. — Авт.). О случаях, когда в церквях не исполняется это распоряжение, Департамент просит немедленно его оповестить»⁷⁷. Разумеется, внимания на подобные указания не обращалось, и они не исполнялись.

Правда, в середине апреля 1918 года в Симферополь был откомандирован чиновник для создания филиала Информационного бюро Министерства внутренних дел УНР, в функции которого входило ознакомление с политикой украинского правительства населения Крыма и проведение иных мероприятий, направленных на его сближение с властями Украины⁷⁸.

Не получили развития и отношения между Республикой Тавриды и Советской Украиной. В первых числах апреля 1918 года, когда Народный секретариат (правительство) Украины вынужден был переехать в Таганрог, у председателя ЦИК Советов Украины В. П. Затонского возникла идея создания «Южной Советской Федерации», в состав которой предполагалось включить Советскую Украину, Донскую, Кубанскую республики и Республику Тавриды. Это предложение не встретило поддержки ни И. В. Сталина, ни председателя СНК Советской Украины Н. А. Скрыпника. Позиция руководства Республики Тавриды по данному поводу не известна.

Ю. В. Дубко обратил внимание на существование в Республике Тавриды института гражданства. Наркомат иностранных дел и по делам национальностей установил порядок принятия этого гражданства иностранноподданными и выдавал соответствующие удостоверения⁷⁹.

Уже на первом же заседании СНК Республики Тавриды был рассмотрен вопрос об организации военно-морского комиссариата. Этот коллегиальный орган, созданный декретом Совнаркома 26 марта, являлся продуктом компромисса между руководством республики и Центрофлотом (Центральным комитетом Черноморского флота). В него входили Ю. П. Гавен, Н. А. Пожаров, матрос Шерстобитов, левые эсеры В. Б. Спиро и Ермилов. Также в состав комиссариата был включен представитель Севастопольского порта, рабочие которого зачастую по ряду вопросов имели особое мнение, отличное от позиции Центрофлота. Фактически вооружёнными силами Республики Тавриды одновременно руководили находившиеся в Севастополе военно-морской комиссариат, Центрофлот и военно-революционный штаб (преобразованный из Южного комитета защиты социалистической революции), возглавляемый М. М. Богдановым⁸⁰. Важнейшие решения принимались на совместных заседаниях.

26 марта СНК Республики Тавриды принимает решение о том, чтобы местные советы срочно провели революционный призыв сапёров и артиллеристов, объясняя его необходимостью обороны и сохранения нейтралитета, сделали развёрстку 1000 лошадей и мобилизовали на оборонные работы 2% буржуазии. На следующий день от имени СНК и Таврического ЦИК разослана соответствующая телеграмма местным советам, в которой подчёркивалось, что возраст представителей призываемой буржуазии должен быть от 18-ти до 30-ти лет, и направлять её надобно в Чонгар. Инженерные части и лошадей необходимо доставлять в Севастополь⁸¹. Съезд советов Балаклавы и окрестностей уже 28 марта одобрил эти меры, указав на необходимость привлечения буржуазии к рытью окопов без ограниче-

ний по возрасту и не двух процентов, а всех способных к земляным работам⁸², а Ялтинский совет 29 марта, всецело поддерживая решения СНК, предложил мобилизовать в первую очередь буржуазию с 18-ти до 45-ти лет, но взять на учёт всех, высылая мобилизованных по мере требований Совнаркома⁸³. Подобные инициативы с мест открывали путь к поголовной мобилизации. Для многих больных и старых это означало верную смерть. К счастью, до такого безумия дело не дошло.

В Феодосии объявленная советом мобилизации на фронт буржуев (без различия возраста, включая учителей и гимназистов) привела к тому, что 18 апреля с акциями протеста выступили профсоюзы металлистов, фабричных и портовых рабочих, сапожников, инвалидов и др. Пришлось её отменить⁸⁴.

В целом руководство Республики Тавриды уделяло вопросам обороны полуострова недостаточное внимание. В этом вопросе не было единой точки зрения в областном комитете РКП(б) и СНК. По воспоминаниям И. К. Фирдевса: «Тов. Новосельский, Слуцкий и некоторые другие товарищи говорили: «немцы подавятся и тем, что захватили, не могут добраться до Крыма». Многие думали, «что немцы или сами остановятся, или их остановят, или, наконец, их армия разложится, пока она докатится до Крыма». Отсюда делались выводы о перенесении центра тяжести работы на организационные укрепление Соввласти». Сам Фирдевс, Ж. А. Миллер и Я. Ю. Тарвацкий «легко допускали возможность занятия Крыма немцами и отсюда делали соответствующие выводы», но касались они не укрепления обороноспособности, а «правильно-организованной и своевременно подготовленной эвакуации»⁸⁵. Даже когда германские войска находились у Перекопа прибывшие в Севастополь на совещание военно-морского комиссариата А. И. Слуцкий, С. П. Новосельский и И. К. Фирдевс питали надежды на выполнение Германией условий Брестского мира и доказывали бесполезность сопротивления с имеющимися ресурсами⁸⁶.

Однако военно-морской комиссариат, военно-революционный штаб и Центрофлот понимали опасность вторжения и, по мере сил, стремились принимать соответствующие меры. Позиция левых эсеров заключалась в лозунге — восвать до последней капли крови! Было бы чем.

Несмотря на демобилизацию флота, личный состав кораблей «первой линии» достигал 7–8 тысяч человек (в 1917 году на флоте служило 47 тыс. человек). Численность сухопутных сил доходила до 3,5–4 тыс. человек. Добавим к этому вооружённые силы, сформированные местными советами. По данным Ю. В. Дубко всего в республике с учётом личного состава Черноморского флота в марте-апреле 1918 года были созданы отряды и части общей численностью до 30 тыс. человек⁸⁷. Однако нам эта цифра кажется сильно завышенной⁸⁸, к тому же, судя по дальнейшим событиям, использовались воинские части нерационально, да и боеспособность их в целом была не на самом высоком уровне.

В результате названных разногласий и общей неразберихи не подготовились, как следует, ни к обороне, ни к эвакуации.

Положение правительства Тавриды также крайне осложнялось неконтролируемостью ситуации в ряде районов полуострова. Германское наступление активизировало противников советской власти. В начале апреля, в ходе перевыборов, эсеры и меньшевики, пользуясь поддержкой недовольных рабочих, сумели завоевать большинство в Севастопольском совете. В ответ большевики, левые эсеры и польские социалисты сформировали чрезвычайный временный революционный совет. Результатом стало двоевластие. 12 апреля Центрофлот, возглавляемый с начала марта эсером С. С. Кнорусом, сторонником украинизации, объявил город и флот на военном положении и взял власть в свои руки, дабы предотвратить военные столкновения. Повторные выборы большевики снова проиграли.

Меньшевики подчиняют себе и Евпаторийский совет. Здесь, а также в Симферополе, возобновляют работу городские управы, отменяющие декреты Республики Тавриды. Большевики, стремительно терявшие авторитет и не имеющие массовой поддержки, уже ничего не могут с этим поделать.

Хотя и не в массовом количестве, как ранее, но продолжались бессудные расправы. Зачастую они сопровождались ограблением жертв. Так, в Ялте без какого-либо разбирательства были схвачены два торговца из крымских татар — Осман и Мустафа Велиевы. Их увезли на автомобилях в Ливадию и там на шоссе обобрали и убили. «Ограбленные были брошены в виноградники. У Османа Велиева оказалось несколько штыковых ран, и была вырезана грудь, а у брата его Мустафы голова была раздроблена ударами приклада. Один из убийц, красноармеец Меркулов, на вопрос сестры убитых, где увезённые братья, ответил: «Мы их убили, как собак»⁸⁹.

Понятно, что подобные акты не могли улучшить отношения крымско-татарского населения к большевикам. Конфликт между ними обострялся. Не было забыто январское кровопролитие. Вызывали отторжение огульная национализация, трансформация имений в совхозы, коммуны, артели, несмотря на желание крестьян разделить эту землю поровну, продовольственная диктатура, насильственные мобилизации и пр.

Поручик М. Хайретдинов после падения Республики Тавриды показывал следственной комиссии Курултая: «Большевики также хорошо знали, что их декреты не имели для татар особенного значения и не проводятся в жизнь. Кроме того, несмотря на упорные требования военных комиссаров, ни один татарин не записался в Красную армию и при мобилизации специалистов ни один татарин не пошел служить. Все эти обстоятельства давали большевикам чувствовать, что татары относятся к ним не только не сочувственно, но даже враждебно»⁹⁰.

Ему вторит П. Н. Врангель: «Хотя в ближайшей татарской деревушке Кореизе был также введен советский строй и имелся свой совдеп, но татар-

ское население, глубоко враждебное коммунизму, приняв внешние формы новой власти, по существу осталось прежним»⁹¹.

Межнациональные отношения на полуострове оставались сложными. Стычки продолжали сотрясать различные уголки Крыма. Вновь прокатились греческие и татарские погромы.

18–19 апреля началось германское вторжение в Крым. Никакого серьёзного сопротивления на Перекопе встречено не было. Параллельно, стараясь опередить немцев, веда наступление Крымская группа войск УНР под общим командованием подполковника Петро Болбочана⁹².

Стоило германским и украинским частям подойти к Перекопу, а советской власти — перейти к защите, как на побережье от Судака до Ялты и в горном Крыму, где подавляющую часть населения составляли крымские татары, стычки стали перерастать в вооружённые выступления. В двадцатых числах апреля разгорается крымскотатарское восстание, которое сами участники называли «народной войной»⁹³.

Немцы, что бесспорно, были прекрасно осведомлены о деталях происходящего. Свою версию выдвигает В. А. Оболенский. «Ведь если немцы действительно в Симферополе, — рассуждал он, — то завтра или послезавтра они будут на Южном берегу и займут вообще весь Крым без сопротивления. Зачем же при таких условиях татарам было устраивать восстание, которое до прихода немцев могло стоить немало крови.

Впоследствии, познакомившись с политикой немцев в Крыму, я понял, что это восстание было делом рук немецкого штаба. Немцам, стремившимся создать из Крыма самостоятельное мусульманское государство (так ли? — *Авт.*), которое находилось бы в сфере их влияния, нужно было, чтобы татарское население проявило активность и якобы само освободило себя от «русского», т. е. большевистского ига. Из победоносного восстания, естественно, возникло бы татарское национальное правительство и немцы делали бы вид, что лишь поддерживают власть, выдвинутую самим народом»⁹⁴.

Восстание набирало силу. Центром его являлась Алушта, «где организованный в ночь на 22 апреля мусульманский комитет фактически взял всю власть в свои руки»⁹⁵. Председателем этого комитета избран М. Хайретдинов. Здесь же был организован штаб повстанцев во главе С. М. Муфти-заде⁹⁶. Восставшие утвердились в деревнях Кучук-Узень (ныне Малореценское), Шуме (Верхняя и Нижняя Кутузовка), Демерджи (Лучистое), Корбеке (Изобильное), Биюк-Ламбате (Малый Маяк) — все нынешнего Алуштинского горсовета. Вместе с проникшими на побережье украинскими военными они двинулись в сторону Ялты, занимая расположенные здесь населённые пункты (вплоть до Никиты и Массандры).

Показателен эпизод, имевший место в деревне Кизилташ (ныне Краснокаменка Ялтинского горсовета). Он расследовался после падения власти большевиков исполняющим обязанности судебного следователя И. А. Бу-

ниним. Числа 21–22 апреля в деревню прибыло «два автомобиля с вооружёнными офицерами, украинцами и татарами. Они, обратившись к собравшимся, объявили им о занятии Симферополя германцами и убеждали их организовать отряды и наступать на Гурзуф и Ялту с целью свержения власти большевиков»⁹⁷. На следующий день к Гурзуфу через Кизилташ последовал украинско-татарский отряд численностью до 140 человек.

Повстанцы также контролировали деревни Коуш (Шелковичное, ныне не существует), Улу-Салу (Синапное), Шуру (Кудрино) нынешнего Бахчисарайского района. Антибольшевистские выступления произошли в Феодосии, Судаке, Старом Крыму и Карасубазаре (Белогорске). В трёх последних городах повстанцам удалось захватить власть. Председатель Судакского ревкома Суворов был арестован и зверски замучен⁹⁸. Движение охватило значительную территорию Горного Крыма и южного побережья⁹⁹.

Татары обрушили гнев не только на большевиков, но и на христианское население, с которым они отождествляли советскую власть.

Уроженка Ялты, Варвара Андреевна Кизилова, 1905 года рождения, рассказывала авторам данной работы, что столкновения с татарами происходили и на окраинах Ялты. Один из её родственников, бежавший в город из Гурзуфа, где началась резня христиан, был схвачен и убит татарами только за то, что выстроенная им пристройка к дому закрывала вид на мечеть¹⁰⁰.

Имеются сведения о насилиях, чинимых вооружёнными татарами над христианами в д. Скеля (с. Родниковое Севастопольского горсовета)¹⁰¹.

Повстанцы как будто были неплохо организованы. По свидетельству Дж. Сейдамета, «вступив в Крым, немцы застали здесь не только татарские военные силы, которые почти всюду шли в авангарде немецкой армии против большевиков, но и татарские организации даже в маленьких деревушках, где их приветствовали национальными флагами»¹⁰².

Тем не менее, в Варнутке (с. Гончарное Севастопольского горсовета) христианское население, предупреждённое местными татарами, объединившись, сумело дать отпор прибывшему небольшому татарскому отряду¹⁰³.

После прорыва германскими и украинскими частями Перекопских позиций руководство Республики Тавриды думало только о выезде из Крыма. 20 апреля началась суматошная эвакуация Симферополя. Часть руководства бежала на восток. Ей удалось спастись. Часть же направилась на юг с надеждой перебраться в Новороссийск. Оказавшись в Ялте, эта группа созвонилась с Алуштой, откуда сообщили, что в городе якобы «тихо и спокойно». Направившиеся на автомобилях в сторону Феодосии члены руководства республики А. И. Слуцкий, Я. Ю. Тарвацкий, С. П. Новосельский, А. И. Коляденко, И. Финогенов, И. Н. Семёнов, С. С. Акимочкин и два члена Севастопольского совета А. А. Бейм и Баранов были схвачены 21 апреля у Биюк-Ламбата повстанцами и отправлены в Алушту. 22 и 23 апреля во время допросов арестованные подверглись пыткам и издеватель-

ствам, после чего, 24 апреля, расстреляны в балке близ Алушты. В живых остались тяжелораненые Акимочкин и Семёнов¹⁰⁴.

Полностью сожжена греческая деревня «Актузой» (так в источнике), её население, включая детей, вырезано. Это стало сигналом, «по которому началась резня греков, русских, армян и в других деревнях на территории восстания»¹⁰⁵. «В деревнях Кучук-Узень, Алушта, Корбек, Б.-Ламбат, Коуш, Улу-Сала и многих других расстреливают и истязают десятки трудящихся русских, греков и т. д. В эти дни в алуштинской больнице была собрана целая коллекция отрезанных ушей, грудей, пальцев и пр.»¹⁰⁶. Заместитель председателя Таврического ЦИК И. Н. Семёнов, чудом избежавший смерти во время расстрела, позже писал: «Ночью с 23 на 24 апреля русские, жившие в окрестностях Алушты, подверглись нападению со стороны татар; было вырезано несколько семейств, всего около 70 человек. Русские жители, пережившие ужасную ночь, к следующей ночи стали собираться группами и вооружаясь, чтобы защититься в случае повторного нападения»¹⁰⁷.

Массовые расстрелы советских работников, в том числе керченских, и красногвардейцев происходят в это время в Бердянске. На сей раз экзекуторами стали русские офицеры.

Однако севастопольские матросы ещё пытаются сопротивляться. Вокруг города создается кольцо обороны. Наступающих повстанцев остановили пулемёты у Массандры. Свою роль в провале наступления также сыграл и тот факт, что украинские офицеры, разгромившие в районе Алушты винный подвал, основательно нагрузились краденым вином. После чего они пытались участвовать в налёте на Ялту, завершившимся захватом денег в имении Массандра, часть из которых увезли в Симферополь¹⁰⁸.

В Ялту из Севастополя прибыл миноносец «Гаджибей» («Хаджибей») с десантным отрядом, который, включив в свой состав местных красногвардейцев, двинулся на Алушту. Как и в январе 1918 года, его поддержали греки. 23 апреля, в 12 километрах от Ялты, татарские повстанцы были разбиты. По словам поручика М. Хайретдинова, «наш отряд, нигде не оказавший сопротивления, отступал до самой Алушты, оставляя на произвол большевиков все татарские деревни между этими городами»¹⁰⁹.

Свидетельница Лидия Ломакина рассказывала упоминавшемуся следователю И. А. Бунину о событиях в Кизилташе: «...Подступив к деревне, красногвардейцы и греки поставили в разных пунктах на шоссе пулемёты и начали обстреливать деревню; одновременно с тем ими произведены были поджоги... в тот же день началась ловля татар красногвардейцами и греками и стрельба по ним; через два-три дня после того деревня была подожжена в центре... пожар распространился на всю так называемую Старо-Мечетную часть Кизилташа, в коей выгорело до 20 домов; пожаром уничтожено и всё находившееся в них имущество». Население в страхе разбегалось. Свидетель констатировал, что «небольшая шайка красногвардейцев из греков г. Гурзуфа... терроризировала жителей деревни, произво-

дя убийства и расстрелы татар, поджоги их домов, разграбление имущества и прочие насилия...» В селении расстреляли 13 жителей. Их трупы были обнаружены в могилах и общих ямах обезображенными, «у некоторых... обрезаны уши и носы, разбиты прикладами головы...»; заметно было, что их избивали камнями¹¹⁰.

Из местных жителей, по показаниям свидетелей, особо активную роль в зверствах сыграл немец П. Л. Байерле. Однако конкретную вину его, кажется, так и не удалось доказать. Более того, он заявил, что еще 7 апреля, в районе Коуша, был убит его отец, а 18 апреля в Кизилташе — убита мать, дом сожжён, имущество разграблено. Сам он был, по его словам, арестован татарами и содержался в Биюк-Ламбате, откуда освобождён большевиками¹¹¹.

«В Гурзуфе было убито более 60 стариков-татар, трупы брошены незакрытыми на дорогах, улицах, в виноградниках. Родственникам, решившимся разыскивать своих убитых близких, нередко приходилось прекращать поиски из-за угроз красноармейцев. Совершение погребений было опасным, не было пощады даже духовным лицам: в Гурзуфе и Никите были убиты во время погребального богослужения два муллы»¹¹².

Подошедший к Алуште «Гаджибей» обрушил на город артиллерийский огонь (на обратном пути его обстрелу подверглись прибрежные селения). Повстанцы окончательно потеряли боевой дух и стали разбредаться. Их штаб распался, Муфти-заде спешно покинул город. Попытки поручика Хайретдинова организовать оборону завершились провалом. 24 апреля красногвардейцы вошли в Алушту. Этот день, — пишет современник, — «является одним из печальнейших дней в истории уродливой большевистско-татарской борьбы. После обстрела Алушты артиллерийским огнем с миноносца разъярённые гибелью комиссаров (Республики Тавриды. — *Авт.*) матросы, сломав сопротивление восставших, ворвались в городок. Рассыпавшись в погоне за отступавшими по его узеньким улицам, они рубили без разбора всех попадавшихся им навстречу татар»¹¹³. Разгулялись дикие инстинкты. По словам очевидца, «когда здесь увидели те зверства, которые были проделаны националистами-татарами в ночь с 23 на 24 апреля, — все взялись за оружие, даже в санатории не осталось ни сестер, ни сиделок»¹¹⁴.

«Татарское население Алушты и окрестных деревень, побросав свои очаги, бежало в горы и скрывалось там вплоть до того момента, когда матросские отряды, прошедшие с боем почти до Симферополя, были оттянуты в Ялту, а Алушту 27 апреля занял эскадрон немецких улан», — продолжает В. А. Елагин¹¹⁵.

Теперь — свидетельства алуштинских татар. Группа красногвардейцев ворвалась в дом Бекира Мемедова, где пряталось несколько жителей, и потребовала выдачи якобы скрывавшихся в доме эскадронцев. «Им заявили, что никаких эскадронцев нет, после чего они сделали обыск. Один из красногвардейцев — грек, ругаясь стоя у лестницы, сказал, что вы ещё будете воевать 100 раз, но за каждого убитого грека убьём 100 татар —

весь Гурзуф мы перебили и вас всех сейчас перережем». Семеро мужчин были уведены в неизвестном направлении, и больше их никто не видел¹¹⁶.

Согласно показаниям Хафиза Шамрата следственной комиссии Курултая, «всем раненым лазаретов в количестве 600 человек было роздано оружие и, кроме того, были вооружены все рабочие города и окрестностей. Они кричали: «давай татар!» (...) Греки вооружёнными ходили по домам и уводили татар»¹¹⁷.

По словам И. К. Фирдевса, «началась форменная война между татарами и уходящей Соввластью. Наши десантные части тогда дошли до самого Мамут-Султана (с. Доброе Симферопольского района) в 12 верстах от Симферополя»¹¹⁸.

Антитатарские погромы зафиксированы также в Никите, Дерекое (ныне часть г. Ялты), Ялте, Алупке и более мелких посёлках.

В Феодосии части красновардейцев и матросов с помощью миноносцев «Фидониси», «Звонкий» и «Пронзительный» легко подавили татарское выступление. Отсюда два красновардейских отряда были направлены в Судак. П. Новикову, командиру одного из них, удалось убедить восставших сложить оружие (пожалуй, единственный случай мирного разрешения ситуации во время этих кровавых событий). Однако виновные в убийстве Суворова были наказаны¹¹⁹. Большевики вновь завладели Старым Крымом и Карасубазаром. Матросы и балаклавские греки вошли в д. Скелю, расправившись с занявшими её татарами. Из Бахчисарая на подавление повстанцев в окрестных сёлах 29 апреля также брошены красные части¹²⁰. В отдельных районах полуострова восстание продолжалось до 30 апреля, до окончательного падения Республики Тавриды.

Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, обобщив факты, собранные следственной комиссией Курултая, (расследование в 1918 году проводило ещё и Крымское краевое правительство М. А. Сулькевича), летом 1919 года в Екатеринодаре сделала заключение: «За два-три дня апреля месяца убито мирных жителей более 200, уничтожено имущества, точно зарегистрированного, на 2 928 000 рублей. Общий же ущерб, причинённый большевиками татарскому населению Алушты, Кизильташа, Дерекоя, Алупки, более мелких посёлков, по приблизительному подсчёту превышает 8 000 000 рублей. Тысячи жителей оказались нищими»¹²¹. Однако отметим, что все эти расследования носили односторонний характер, не выявив целостной картины трагедии.

Этноконфессиональный конфликт же пока не завершился. С падением Республики Тавриды и оккупацией всего полуострова германскими войсками (украинские части по настоянию германского командования были выведены из Крыма) на малочисленных христиан селений Южного берега (в основном греков) обрушился настоящий террор.

В. А. Оболенский вспоминал: «Вечером мы смотрели на зарева вспыхнувших по всему южному берегу пожаров. Татары мстили греческому

населению за кровь убитых братьев. Не мало греков было убито в тот вечер, а все их усадьбы разграблены и сожжены. Когда через два дня я уехал в Ялту, то насчитал вдоль шоссе около десятка курящихся ещё пожарниц. А по дорогам целой вереницей двигались фуры со всяким скарбом, с заплаканными женщинами и черноглазыми детьми. Коровы, привязанные сзади за рога, упирались и мычали, овцы пылили и испуганно, прижавшись друг к другу, жалобно блеяли...»¹²².

Весной-летом 1918 года татаро-греческий конфликт охватил весь Южный берег. В марте следующего года, после ходатайств властям от пострадавших греков, требовавших возмещения убытков, журналисты «Крымского Вестника» предприняли попытку разобраться в происшедшем. Столетиями татары и греки жили бок о бок, хотя и не без трений. Но «до сих пор Крым не знал национальной ненависти...»¹²³. Однако революция, расшатав фундамент общежития, обнажила подспудные доселе ксенофобию, злобу, голый, не знающий удержу эгоизм, желание унижить ближнего, а то, при случае, и уничтожить его, безнаказанно поживиться за его счёт, благо он — иной национальности, иной веры, иного социального статуса, иной профессии. Увы, как это всё хорошо знакомо и по истории человечества, и по нынешним сводкам новостей. «И вдруг, словно по мановению волшебного жезла, всё это моментально изменилось и на смену мирного сожительства явилась какая-то смертельная ненависть, не находящая ни примеров, ни причин»¹²⁴.

Дело дошло до «священных» призывов к истреблению греков. «...Было уничтожено и захвачено татарами много греческих имуществ и погибло несколько десятков греков, в том числе дряхлые старики и малые дети. (...) На всём побережье между Ялтой и Алуштой не осталось сейчас *ни одного греческого семейства*... (курсив наш. — Авт.)»¹²⁵. «...Не уцелело ни одной табачной плантации греков, ни одного их дома — всё подверглось разрушению»¹²⁶.

Греки фактически изгонялись с Южного берега и части горного Крыма, их имущество грабилось. Самое прискорбное: *ни одна* из сменявшихся на полуострове властей не озаботила себя вмешательством в конфликт, предоставив ему полную возможность сначала разгореться, потом тлеть. Семена вражды были посеяны надолго, и когда в Крыму высадились греческие войска (конец 1918-го — начало 1919 года) татары, не без оснований опасались репрессий, которые, впрочем, не последовали. В марте 1919 года поднимался вопрос о создании беспристрастной комиссии по выявлению всех обстоятельств происходящего, определению ущерба, нанесённого грекам, и его возмещению, но Крымское краевое правительство С. С. Крыма уклонилось от её создания. Последствия этого этноконфессионального конфликта ощущались ещё в начале 1920-х годов¹²⁷.

В период вторжения германских и украинских войск в степном Крыму на красные части нападают вооружённые отряды немцев-колонистов, снабжая наступающих сведениями разведывательного характера¹²⁸. В Симфе-

рополе «стала сильно проявлять себя антисемитская агитация»¹²⁹. По словам А. И. Деникина, жестокое правление большевиков на полуострове «в народном сознании... связывалось с фактом еврейского засилья»¹³⁰.

Тем временем красные части предприняли известный контрудар в направлении Бахчисарай — Симферополь, несколько задержавший наступление противника. Но это уже не могло изменить ситуацию. Если Ю. П. Гавен и военно-морской комиссариат были сторонниками активного сопротивления, то в Севастопольском совете доминировали умеренные, считавшие оборону бессмысленной. 25 апреля Центрофлот телеграфировал Центральной Раде: «1) Немедленно заключить перемирие, для чего мы, получив ваше на то согласие, приложим все старания остановить все войска в тех пунктах, где они находятся; 2) Выслать делегатов, которые, сговорившись о продлении перемирия, немедленно начнут выяснение всех спорных вопросов и предотвращение дальнейшего братоубийства. Мы просим дать ответ как можно скорее, ибо каждая минута уносит человеческие жертвы из-за того, что может быть покончено мирно»¹³¹.

В тот же день делегация севастопольцев отправилась в Симферополь, где заявила, что город сдаётся. Три дня продолжалась эвакуация, и два дня отступавшие по прибрежному шоссе и морю продвигались к Феодосии и Керчи и далее — на Кавказ. По пути они нещадно обстреливали татарские селения.

30 апреля — 1 мая, не встречая никакого сопротивления, оккупанты вошли в Севастополь.

Судьба Черноморского флота до последнего момента оставалась неясной. Военный совет Советской Республики 25 марта 1918 года приказал эвакуировать его в Новороссийск. На флоте между тем шли беспрерывные дебаты и развертывались коллизии, вдаваться в суть которых не входит в наши намерения¹³².

В ночь с 29-го на 30 апреля ряд судов покинул Севастополь. 30 апреля под обстрелом противника ушло еще несколько кораблей. Эсминец «Гневный», подбитый вражеским снарядом, возвратился в бухту и выбросился на берег. Эсминец «Заветный», находящийся в ремонте, был затоплен своей командой. Подводные лодки, катера и другие суда не смогли прорваться сквозь огонь неприятеля, возвратившись в Южную бухту, где подлодки выведены из строя своими командами. 1 мая в Новороссийск прибыли эсминцы «Пронзительный», «Керчь», «Калиакрия», «Пылкий», «Поспешный», «Громкий», «Гаджибей», «Беспокойный», «Живой», «Жаркий», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый», «Стремительный», «Фидониси», вышедший из Ялты. 2 мая сюда же пришли линкоры «Воля» и «Свободная Россия», эсминец «Дерзкий», 3 мая — из Керчи миноносец «Лётчик». Всего в Новороссийском порту собралось до 25 боевых судов. Корабли, оставшиеся в Севастополе подняли украинские флаги. Попытки передать флот Центральной Раде при условии сохранения его

боеспособности и демократических порядков, к чему готовы были и командующий контр-адмирал М. П. Саблин¹³³, и председатель Центрофлота С. С. Кнорус, были пресечены германским командованием. Над кораблями взвились военно-морские флаги Германии. Всего в руки оккупантов попало свыше 170 боевых, вспомогательных и транспортных судов различных классов, две авиационные бригады, склады со снаряжением, оружием, боеприпасами, портовое оборудование.

11 мая 1918 года Германия потребовала немедленного возвращения в Севастополь кораблей Черноморского флота, угрожая продолжить наступление. Протест В. И. Ленина успеха не возымел. Тогда 28 мая Ленин секретной директивой приказал М. П. Саблину эти суда затопить, но тот отказался и по вызову советского правительства отбыл в Москву. Советское руководство 12 июня дало открытым текстом радиотелеграмму в Новороссийск, предписывающую вернуть суда в Севастополь и сдать германскому командованию. 13 июня шифровкой за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова исполняющему обязанности начальника Морских сил Черного моря капитана 1-го ранга А. И. Тихменёву¹³⁴, командиру «Воли», приказывалось открытую радиотелеграмму не выполнять, корабли уничтожить. На судах, команды которых к этому времени значительно сократились, проходили острые дебаты. 17 мая под командованием Тихменёва линкор «Воля», эсминцы «Дерзкий», «Беспокойный», «Пылкий», «Поспешный», «Жаркий» и «Живой», вспомогательный крейсер «Император Траян» отправились обратно. Эсминец «Громкий» по пути в Севастополь был затоплен своей командой. В Новороссийске уничтожением оставшихся судов руководили заместитель наркома по морским делам мичман Ф. Ф. Раскольников, прибывший из Москвы, и В. А. Кукель¹³⁵, командир эсминца «Керчь». «Керчь» была затоплена своим экипажем под утро 19 июня в Туапсе. Последняя телеграмма с её борта гласила: «Всем, всем. Погиб, уничтожив те корабли Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии». Флот перестал существовать¹³⁶.

Краткая история Социалистической Советской Республики Тавриды позволяет прийти к следующим заключениям.

Первое. Полузфемерное существование этой республики вызвано, с одной стороны, революционным нетерпением периферийных (но в значительной части «варягов»), занявших своё место силой оружия и благодаря «грамматике боя» властей, опиравшихся до поры до времени на Черноморский флот, и тактическими, порождёнными Брестским миром, соображениями властей центральных. Пересечение двух прямых и создало Республику Тавриды. Однако если вторые рассчитывали создать очаг сопротивления германской военной силе на Юге, гарантировав тем самым большевистское господство в ключевых регионах России, то первые возлагали надежды на мир, нейтралитет, переговоры и тому подоб-

ное, дабы в условиях относительного спокойствия реализовать свои военно-коммунистические проекты. И то и другое строилось, скорее, не на принципах разумного прогнозирования, а на прикидках игрока: ввязаться в бой, а там будь что будет. Как и следовало ожидать, «республика» оказалась чуждым наростом на крымской земле и рухнула, не выдержав ни внешнего давления, ни внутреннего перенапряжения, ни, в конце концов, собственной несостоятельности.

Меньшевик Е. И. Либин попал в точку, когда говорил на конференции профсоюзных правлений 28 апреля: «Большевистское господство окончательно совратило рабочий класс своей политикой конфискаций, национализаций и т. п.», «попытка большевизма произвести социальную революцию разбилась о суровую действительность, рассеявшую иллюзии пролетариата, который остался обманутым и очутился у разбитого корыта»¹³⁷.

При этом масса крымского населения ни сном, ни духом не ведала, что живёт в Республике Тавриды. Многие населённые пункты полуострова оказались практически оторванными от городских центров. Все знали только одно — в Севастополе и Симферополе большевики¹³⁸.

И второе. Весна 1918 года стала очередным этапом Гражданской войны в Крыму. Очередным — но обусловленным с точностью расписания в цивилизованной стране. Ибо развилка осталась позади, и ничего другого теперь быть не могло.

Противоборствующие лагеря, имевшие в декабре 1917-го — январе 1918 года ещё весьма расплывчатые очертания, теперь вырисовываются, обретая контуры, втягивая в себя тех, кто никогда не помышлял о войне либо политике. Правда, две стороны баррикад — красная и белая — прикрыты флёром бесконечных национальных метаний, будь то крымскотатарские, украинские, греческие (вот-вот оформятся и русские) или любые иные, а также колеблющейся, подобно маятнику, «третьей силы» — умеренных социалистов, безнадёжно пытающихся уцепиться в водовороте бойни за соломинку — права человека.

В довершение всего классовая и национальная ненависть умножается на бессмысленную ярость толпы, разгул так называемых базовых инстинктов, безнаказанность сильных и беспомощность слабых, просто желание поживиться в суматохе за счёт ближнего своего. В условиях хаоса и безвластия, прихода внешних, до того неведомых многим сил, появляется удобный повод отомстить за прежние обиды, ограбить, унижить, просто убить.

Одно действующее лицо — флот — как политическая единица сходит со сцены. Его место вскоре займут (уже начинают занимать) другие.

Но, варьируясь, и, в то же время, кристаллизуясь, — от иррациональности и стихийности ко всё большей определённости, — Гражданская война, в названных параметрах, будет теперь буйствовать в Крыму долгие месяцы, унося новые тысячи жизней.

- ¹ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 776. — Л. 8.
- ² Оболенский В. А. Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив (Симферополь). — 1994. — № 1. — С. 72–73.
- ³ Атлас М. Л. Борьба за Советы. Очерки по истории Советов в Крыму. 1917–1918 гг. — Симферополь, 1933. — С. 95.
- ⁴ Волошин М. А. Молитва о городе (Феодосия весной 1918 года при большевиках) // Волошин М. А. Путник по вселенным / Сост., вступ. ст., коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова. — М., 1990. — С. 150. Об этом эпизоде Волошин сообщил в письме Ю. Л. Оболенской от 15 апреля 1918-го года (Там же. — С. 337–338, комментарий).
- ⁵ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 44. — Л. 41 об.
- ⁶ Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — [Симферополь], 1927. — С. 121–122.
- ⁷ Хазанов Г. И. Советская Социалистическая Республика Тавриды // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Сборник статей. — Симферополь, 1957. — С. 143.
- ⁸ Зарубин В. Г., Зарубин А. Г. Периодические издания Крыма (март 1917 — ноябрь 1920 г.) // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 282–283.
- ⁹ Очерки истории Крымской областной партийной организации / Ред. колл.: Н. В. Багров (председатель), М. Р. Акулов, В. Д. Арбузов, Л. И. Волошинов и др. — Симферополь, 1981. — С. 53.
- ¹⁰ Штейнбах Е. М. Профессиональное движение в Крыму: 1917–1927 гг. — Симферополь, 1927. — С. 30.
- ¹¹ Там же. — С. 32.
- ¹² Очерки истории Крымской областной партийной организации. — С. 54.
- ¹³ Фирдевс И. Первый период советской власти в Крыму // Революция в Крыму. — Симферополь, 1923. — № 2. — С. 60.
- ¹⁴ Там же. При этом имеется опубликованный снисок делегатов-мусульман съезда, которым были выданы на руки порционные деньги, из 91 фамилии (Советов В., Атлас А. (сост.) Расстрел Советского правительства крымской республики Тавриды. Сборник к 15-летию со дня расстрела. 24/IV 1918 г. — 24/IV 1933 г. — [Симферополь], 1933. — С. 19–21).
- ¹⁵ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 140.
- ¹⁶ Цит. по: Атлас М. Л. Указ. соч. — С. 143.
- ¹⁷ Фирдевс И. Указ. соч. — С. 61.
- ¹⁸ Семёнов Иван Никитович (1886–1936). Уроженец Смоленской губернии. В 1912–1917 годах — рабочий судостроительного завода Беккера в Риге. С июля 1917 года — депутат Севастопольского совета, один из организаторов красногвардейских отрядов в порту. Член партии социалистов-революционеров (левых). 24 апреля 1918 года тяжело ранен во время расстрела руководства Республики Тавриды крымскотатарскими повстанцами. В 1919 году — рабочий мастерских Севастопольского военного порта, член Севастопольского городского подпольного военно-революционного комитета. С 1920 года — член РКП(б). В 1921–1925 годах — на советской работе в Севастополе, затем работал в Московской и Иртышской группах при Истпарте ЦК ВКП(б). Автор воспоминаний о расстреле руководства Рес-

публики Тавриды (*Алтабаева Е. К.* Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. Учебное пособие. — Севастополь, 2004. — С. 107; и др.).

¹⁹ Совет народных комиссаров Республики Тавриды формировался не без проблем между большевиками и левыми эсерами, его состав не был стабильным. Так, наркомом по иностранным делам (до 22 марта) числился большевик А. И. (Н. Г.) Слуцкий, ставший председателем СНК; наркомом внутренних дел стал большевик С. П. Новосельский (столяр, член ЦИК); наркомом по иностранным и национальным делам (с 22 марта) — большевик И. К. Фирдевс (Керимджанов), секретарь ЦИК; наркомом земледелия (до 22 марта) — левый эсер Ваню Гоголашвили (член ЦИК), затем большевик С. Белоцерковец (участник IV Чрезвычайного съезда советов в Москве, заместитель председателя Таврического ЦИК), которого практически сразу сменил левый эсер, член ЦИК С. С. Акимочкин (до 11 апреля), потом Арефьев (партийность не установлена); наркомом по военным делам — большевик Ф. Н. Куль (до 25 марта), 26 марта был создан военно-морской комиссариат; наркомом финансов — большевик, председатель ЦИК Ж. А. Миллер (до 22 марта), затем большевик А. И. Колыденко (матрос Черноморского флота, член ЦИК); наркомом путей сообщения — левый эсер, член ЦИК С. Коробцов (с 22 марта); наркомом труда — большевик Фридрих Шиханович (рабочий-печатник, член ЦИК); наркомом просвещения — левый эсер Д. Ф. Скрышник (с 24 марта и.о.), с 25 марта — большевик Е. Петренко; наркомом призерия — левый эсер, член ЦИК Макаров, затем левый эсер Бурлак(а) (с 24 марта), с 11 апреля — Волков (партийность не установлена); наркомом здравия — большевик Кац (с 24 марта); наркомом юстиции — В. Гоголашвили (с 24 марта); наркомом почт и телеграфов — большевик Урбанский (с 21 марта); наркомом по продовольствию — левый эсер А. В. Столяр (с 25 марта), с 8 апреля большевик И. Ф. Федосеев; секретарём СНК — Д. Ф. Скрышник (с 25 марта); управляющим делами СНК — Фирсов (партийность не установлена), с конца марта — Н. Г. Викторов (партийность не установлена) (*Фирдевс И.* Указ. соч. — С. 62; [*Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.*] Состав правительств Крыма периода гражданской войны // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь). — 1995. — № 11. — С. 12; *Дубко Ю. В.* Советская Республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства. — Симферополь, 1999. — С. 68–73).

²⁰ *Гарчева Л. П.* Создание Советской республики Тавриды // Крымская правда (Симферополь). — 1990. — 11 апреля. Данный тезис проходит в диссертации: *Гарчева Л. П.* Создание Советской Социалистической республики Тавриды и деятельность её ЦИК и Совнаркома. — Днепрпетровск, 1981; статье: *Гарчев П., Гарчева Л. В.* И. Ленин и создание единого фронта обороны в 1918 г. // Страницы крымской Ленинианы. Сборник краеведческих очерков. — Симферополь, 1989. — С. 94–104; книге: *Гарчев П. И., Кононенко Л. П., Максименко М. М.* Республика Тавриды. — К., 1990; и др.

²¹ Известия ЦК КПСС (Москва). — 1989. — № 3. — С. 102; ГААРК. — Ф. Р-2238. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 19; *Ленин В. И.* Г. К. Орджоникидзе // Полн. собр. соч. — М., 1975. — Т. 50. — С. 49–50.

²² ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 776 — Л. 8.

²³ В начале апреля 1918 года Слуцкий послал телеграмму в СНК РСФСР с просьбой срочно подтвердить, что «Крым к Украине не отходит» (Государственный архив Российской Федерации — ГАРФ). — Ф. Р-130. — Оп. 2. — Д. 669. — Л. 27). В ответ нарком по делам национальностей И. В. Сталин телеграфировал

председателю Севастопольского совета, что слухи об отходе Крыма к Украине ложны, что «по имеющемуся у нас документу германского правительства ни немцы, ни Киев на Крым не претендуют, берут только материковую часть Таврической губернии» (Там же. — Д. 581. — Л. 95в). Понятно, что немцы просто вводили правительство Советской России в заблуждение, а Украина, имея такого сильного конкурента как Германия, не в состоянии была аннексировать Крым, хотя готова была помочь Германии в его захвате.

²⁴ Поэтому Ж. А. Миллер, Я. Ю. Тарвацкий считали, что Крым, в случае нападения кайзеровских войск, никак не удержать, а А. И. Слуцкий, С. П. Новосельский ещё возлагали надежды на Брестский мир и разложение германского тыла.

Цит. по: *Советов В., Атлас А.* (сост.) Указ. соч. — С. 37. (В. И. Ленин в упоминавшемся письме указывал на «упрощенную линию» Слуцкого (Указ. соч. — Т. 50. — С. 50).

²⁵ Таврическая Республика // Путь борьбы (Севастополь). — 1918. — 22(9) марта.

²⁶ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 551. — Л. 15.

²⁷ Там же. — Д. 114. — Л. 22–23.

²⁸ Там же. — Д. 312. — Л. 175.

²⁹ *Дубко Ю. В.* Указ. соч. — С. 50–51.

³⁰ Там же. — С. 79.

³¹ Там же.

³² **Хазко Сергей Васильевич** (1890 (1891)–1918). Матрос Черноморского флота. Один из организаторов отрядов Красной гвардии в Севастополе. Начальник Симферопольского революционного штаба. Убит в Симферополе. В 1930 году в его память названа одна из улиц Симферополя (Таврические Советские Известия (Симферополь). — 1918. — 28 марта; *Поляков В. Е.* Улицами Симферополя. — Симферополь, 2005. — С. 305; *Широков В. А., Доля А. И.* Симферополь. Улицы и дома рассказывают. — Симферополь, 2006. — С. 244).

³³ *Дубко Ю. В.* Указ. соч. — С. 61.

³⁴ Там же. — С. 79–80.

³⁵ Там же. — С. 63.

³⁶ Там же. — С. 71.

³⁷ *Гавен Ю.* Конструирование временного ЦИКа // *Советов В., Атлас А.* (сост.) Расстрел Советского правительства крымской республики Тавриды. — С. 43.

³⁸ ГААРК. — Ф. Р-2388. — Оп. 1. — Д. 26.

³⁹ *Дубко Ю. В.* Указ. соч. — С. 121.

⁴⁰ Там же. — С. 92.

⁴¹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. П. Н. Надинский. — Симферополь, 1957. — Т. I. (Март 1917 г. — апрель 1918 г.). — С. 238.

⁴² Там же. — С. 234.

⁴³ *Гавен Ю.* Конструирование временного ЦИКа. — С. 13.

⁴⁴ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. I. — С. 254.

⁴⁵ *Королёв В. И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года. (Политические партии и власть). — Симферополь, 1993. — С. 66.

⁴⁶ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 45. — Л. 75; *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1957. — Ч. II (Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской вой-

ны (1917–1920 гг.)). — С. 68–69. «В бытность Председателя Балаклавского Совета, — вспоминал участник событий Суслов, — т. Назукин писал мне, что работает день и ночь, «декреты пишу, как блины пеку», он жаловался на медленность работы Севастопольского Совета и задержку утверждения его декретов. И действительно за 4 месяца в г. Балаклаве всё было национализировано и объединено, установлены были на рынке твёрдые цены на продукты первой необходимости» (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 573. — Л. 11).

⁴⁷ Колоритный пример. 19 апреля 1918 года газета «Ялтинская Коммуна» опубликовала приказ местного комиссара внутренних дел Сахарова: «Для устранения замеченного беспорядка в хранении кухонного мусора и его удаления предлагаю домовым комитетам строго соблюдать следующие правила: 1) Посуда для хранения кухонного мусора должна быть содержима в постоянной и полной исправности, почему неисправные ящики и банки должны быть немедленно починены. 2) Мусор отнюдь не должен выбрасываться на улицу, а должен непременно складываться в ящики и банки и выставляться на улицу у ворот не ранее 11 час. вечера и не позже 12 час. ночи. Выставление ящиков у ворот внутри двора и въезд мусорной фуры во двор воспрещается. 3) В дворовые ящики и банки должен быть складываем только кухонный мусор. Дворовый и садовый мусор должен удаляться из двора средствами домовых комитетов. 4) Виновные в несоблюдении настоящего приказа будут привлечены к ответственности перед Революционным Трибуналом».

⁴⁸ ГААРК. — Ф. Р-2238. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 11.

⁴⁹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. 1. — С. 237–238.

⁵⁰ Там же. — С. 246–247.

⁵¹ Там же. — С. 263–264.

⁵² ГААРК. — Ф. Р-2242. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 11.

⁵³ Хазанов Г. И. Указ соч. — С. 157.

⁵⁴ Непомнящий А. А. «Пока оберегаем и спасаем...»: неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма. — 2006. — № 16. — С. 143.

⁵⁵ Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — СПб.-Симферополь, 2007. — С. 44.

⁵⁶ Гавен Ю. Конструирование временного ЦИКа. — С. 14.

⁵⁷ Гарчева Л. П. Создание Советской Социалистической республики Таврида и деятельность её ЦИК и Совнаркома. — С. 20.

⁵⁸ Дубко Ю. В. Указ. соч. — С. 155.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Хазанов Г. И. Указ. соч. — С. 155.

⁶¹ Дубко Ю. В. Указ. соч. — С. 156.

⁶² Таврические Советские Известия. — 1918. — 18 апреля.

⁶³ Дубко Ю. В. Указ. соч. — С. 107.

⁶⁴ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 48. — Л. 9.

⁶⁵ Фирдовс Н. Указ. соч. — С. 62.

⁶⁶ Гавен Ю. Конструирование временного ЦИКа. — С. 13.

«...Три имени, которых симферопольцы не могут произносить без проклятий. Это знаменитые товарищи Жан Миллер, Чистяков и Акимочкин (о Чистякове у нас сведений нет. — Авт.). Своего рода тройка удалая, которая мчала Тавриду

вниз по Салгиру, в страшную пропасть... Вообще нам русским везет на тройки (! — *Авт.*). (...)

В Севастополе революцию углублял известный триумвират: Роменец — Мокроусов — Спиро; в Ялте знаменитые Нератов — Игнатенко — Драчук...» (*Набатов А.* В столице бывшей республики // *Ялтинский Голос*. — 1918. — 19 июля (2 августа).

О Нератове у нас сведений нет.

Игнатенко Василий Андреевич (1884–1972). Член РСДРП с 1912 года. Матрос с линкора «Свободная Россия», в 1917 году — комиссар линкора, член Севастопольского военно-революционного комитета. Прибыл в Ялту из Севастополя для установления власти большевиков на миноносце «Керчь». Председатель Ялтинского военно-революционного комитета. Одна из улиц Ялты носит его имя (*Гурьянова Н. М., Гурьянов Н. А.* Памятники Ялты: Справочник. — Симферополь, 1982. — С. 15, 177).

Драчук Владимир Ефимович (1897–1918). Родился в семье рабочего. В 1914 году поступил в школу юнг Черноморского флота. В ноябре 1917-го избран делегатом I Общечерноморского флота. Комиссар борьбы с контрреволюцией в Ялте. Один из руководителей флотилии боевых кораблей, посланных из Севастополя в Ростов-на-Дону для установления власти большевиков. По возвращению — член Севастопольского военно-революционного комитета. Принимал участие в затоплении кораблей ЧФ в Новороссийске, после чего вступил в Таманскую армию. Погиб в бою под Астраханью. Одна из улиц Севастополя с 1957 года носит его имя (*Алтабаева Е. К.* Указ. соч. — С. 142; *Гламоздинов А. И.* Драчука, ул. // Севастополь. Энциклопедический справочник. / Ред.-сост.: М. П. Апошанская. — Севастополь, 2002. — С. 189).

В Ялте журналист Аполлон Набатов (Аполлон Борисович Водлингер), кстати, подвергавшийся репрессиям при царизме, сам едва избежал расстрела, хотя ни к каким политическим организациям не принадлежал. После 16 января, пишет он, стрельба как будто прекратилась, массовых убийств уже не было. Однако «настала эра «декретного социализма». Началось опустошение карманов и имуществ и уплотнение квартир и гостиниц разными проходимцами. Пошли обыски, обирательства и вымогательства у населения, почти поголовно. (...) Ялта была вскоре объявлена социалистической коммуной, и можно было ожидать, что наступит демократический рай. Но, увы, этот рай оказался хуже ада. (...) Тут не только господствовал антисоциалистический лозунг «моё — моё», но и «твое — моё» и «его — моё». Благами коммуны пользовались большевики, все же остальные объявлялись «буржуями». Их ограбление осуществлялось или в прямой форме или в виде привычных уже для Крыма контрибуций (в Ялте она составила 20 миллионов рублей). «...Гостиница «Джалита» была превращена в постоялый двор для всех бродяг советской социалистической власти. Туда приходил всякий сброд, занимал комнаты и жил. Если бы только жил и пользовался этим благом! Нет, всё разрушалось, уничтожалось, загрязнялось до неузнаваемости. (...) На воротах гостиницы одно время красовалось следующее характерное объявление, написанное матросом, комиссаром стоявшего там отряда: «Гостиница «Чилита». Здесь выдана пища для матросов и красногвардейцев, не имеющих пропитанье» (*Набатов А.* Былое // *Ялтинский Голос*. — 1918. — 19(6), 22(9), 25(12), 29(16) мая).

Подобные же порядки царили в соседнем Гурзуфе, где владычествовали брат одного из вождей октябрьского переворота Н. И. Подвойского, дезертир Омель-

ченко, Константин Смигельский, Г. Д. Ивочкин, Г. Н. Курбатов, член Севастопольского ВРК матрос Вагул (у автора — Вагуль) и др., «причем Вагуль, как подобает истому эс-эру (на самом деле большевику. — *Авт.*), найдя (во время обысков. — *Авт.*) духи или одеколон, с настойчивостью государственного деятеля, разбивал флаконы, т. к., говорил он: «пусть лучше воняет потом трудящегося человека — чем разными французскими да английскими занахами». Изымая двухмиллионную контрибуцию, Вагул, «комфортабельно устроившись в трёх комнатах, повел чисто пролетарский образ жизни. Играл на бильярде по 100 р. партию, требовал обед из 4-х блюд, обязательно со сладким, орал на товарищей лакеев, если опаздывали с ванной, пил только старое вино и вершил «дела» (*Де Нальсе*. Большевицкий рай в Гурзуфе // Ялтинский голос. — 1918. — 13(31) июня).

Подвойский Иван Ильич (1893–1964). Член Петроградской организации РСДРП(б). Председатель Гурзуфского военно-революционного комитета. После падения Республики Тавриды эвакуировался из Ялты в Новороссийск, председатель армейского комитета войск Северного Кавказа, с марта 1919 года — комиссар 3-й Таманской дивизии. Участник боёв с Русской армией П. Н. Врангеля, комиссар бронепоезда «Борец за свободу» 58-й дивизии (*Гурьянова Н. М., Гурьянов Н. А.* Памятники Ялты: Справочник. — С. 27–28, 181).

Вагул Рудольф Екабевич (Альфред Карлович) (1884 (1889)–1918). Уроженец г. Риги, с 12-ти лет работал на рижских заводах. Член РСДРП с 1903 года. В 1906 году выслан за революционную пропаганду. После возвращения из ссылки работал в порту. Организатор и председатель Союза транспортных рабочих. В 1912 году арестован и вновь выслан. Работал в Архангельске и Ростове-на-Дону. В конце 1917 года организовал в железнодорожных мастерских отряд Красной гвардии. Вместе с отрядом В. Е. Драчука в декабре 1917 года прибыл в Севастополь. Член Севастопольского военно-революционного комитета. В январе 1918 года участвовал в установлении власти крайне левых в Ялте, на Южном берегу Крыма. Член Гурзуфского военно-революционного комитета. Комиссар национального имения «Артек». Убит в апреле 1918 года в горах во время крымскотатарского восстания (*Алтабаева Е. К.* Указ. соч. — С. 146).

⁶⁷ **Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич** (1867–1945). Родился в Туле в семье врача. В 1888 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, в 1894 году — медицинский факультет Дерптского университета. Выступил в печати в 1885 году со стихами. Первый рассказ «Загадка» опубликован в 1887 году. В 1890-х годах примыкал к группе «легальных марксистов», печатался в журнале «Новое Слово», «Начало», «Жизнь» и др. В этот период создал цикл произведений об умонастроении интеллигенции на рубеже XIX–XX веков: повести «Без дороги» (1895), «На повороте» (1902). Писал также о тяжелом положении русского крестьянства, жизни рабочих. В 1900-х годах Вересаев был членом литературного кружка «Среда», печатался в сборниках М. Горького «Знание». Автор основанных на автобиографическом материале «Записок врача» (1901). После того, как он присоединился к протесту видных общественных деятелей страны против полицейской расправы со студентами у Казанского собора в Петербурге, был выслан на два года в Тулу под надзор полиции. Затем весной 1903 году прибыл на Южный берег Крыма. В Ялте встречается с М. Горьким, через него сближается с А. П. Чеховым и Л. Н. Андреевым, врачебная общественность чествует его как автора правдивых «Записок врача». Впечатления от поездки отражены в рассказе «На высоте». В каче-

стве медика Вересаев участвовал в русско-японской войне, выразив свои наблюдения в «Рассказах о войне» (1906) и записках «На войне» (1907–1908). Писателю принадлежит большая критико-философская работа «Живая жизнь», 1-я книга которой (1910) посвящена сравнительному анализу творчества Ф. М. Достоевского («Человек проклят») и Л. Н. Толстого («Да здравствует весь мир!»), 2-я книга — «Аполлон и Дионис» (1915) — критике взглядов Ф. Ницше. В 1911 году по инициативе В. В. Вересаева было создано «Книгоиздательство писателей в Москве», которое он возглавлял до 1918 года. В 1915 году писатель приобрел дачу в Коктебеле (разрушена в годы Великой Отечественной войны), куда переехал из Центральной России осенью 1918-го. В автобиографии он так описывает своё пребывание на полуострове: «В сентябре 1918 года на три месяца поехал в Крым и прожил там три года — в посёлке Коктебель, под Феодосией. За это время Крым несколько раз переходил из рук в руки, пришлось пережить много тяжелого; шесть раз был обворован; больной, с температурой 40 градусов, полчаса лежал под револьвером пьяного красноармейца, через два дня расстрелянного; арестовывался белыми; болел цингой». Белые припомнили ему симпатии к марксизму и заведывание сектором литературы и искусства в Феодосийском отделе народного образования периода Крымской ССР (1919). В начале 1920 года с трудом перебивался врачебной практикой. События Гражданской войны на полуострове отражены в романе «В тунике» (1922), несмотря на критику, издававшегося в СССР в 1920-х годах шесть раз, но затем надолго упрятого в спецхраны. Впоследствии Вересаев пишет роман «Сёстры» (1933), публикует воспоминания «В юные годы» (1927), «В студенческие годы» (1929) и ряд книг, основанных на документальных и мемуарных источниках: «Пушкин в жизни» (1926–1927), «Гоголь в жизни» (1933), «Спутники Пушкина» (1934–1936) и др. В конце 1930-х годов начал переводить «Илиаду» (опубликована в 1949 году) и «Одиссею» (опубликована в 1953 году). Его крымские впечатления зафиксированы в «Невыдуманных рассказах о прошлом», над которыми он работал до последних дней жизни. За достижения в области литературы писателю была присуждена Государственная премия СССР (1945). Награждён орденом Трудового Красного Знамени (Туниманов В. А. У самого синего моря // *Вересаев В. В. В тунике*. — Л., 1989. — С. 216–235; *Зарубин В. Г.* Исторические реалии в романе В. В. Вересаева «В тунике» // *Русская литература XX века в контексте мировой культуры. VI Крымские Международные Шмелёвские чтения. Материалы научной конференции*. — Алушта, 1997. — С. 314–317; и др.).

⁶⁸ Очерки истории Крымской областной партийной организации. — С. 54.

⁶⁹ *Фирдевс И.* Указ. соч. — С. 63.

⁷⁰ *Дубко Ю. В.* Указ. соч. — С. 162–163.

⁷¹ *Фирдевс И.* Указ. соч. — С. 58.

⁷² Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. 1. — С. 228–229.

⁷³ *Волошин М. А.* Молитва о городе (Феодосия весной 1918 года при большевиках). — С. 149–150. Об этом эпизоде Волошин сообщил в письме Ю. Л. Оболенской от 15 апреля 1918 года (Там же. — С. 338, комментарии). Данный факт также отражён в стихотворении Волошина «Феодосия» (1918).

⁷⁴ О прибытии турецкой делегации 10 марта сообщила «Феодосийская Советская Газета» (*Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 44.

⁷⁵ Дубко Ю. В. Указ. соч. — С. 168–169.

⁷⁶ ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 96. — Л. 7.

⁷⁷ Там же. — Л. 8.

⁷⁸ Горбань Т. Крим в революційних процесах 1917–1920 рр. // Крим в етнополітичному вимірі. — К., 2005. — С. 156.

⁷⁹ Дубко Ю. В. Указ. соч. — С. 172–173.

⁸⁰ **Богданов Михаил Михайлович** (1883–1928). Из дворян. Окончил Морской кадетский корпус (1904) и в чине мичмана направлен на Черноморский флот. Служил на броненосцах, в штабе Севастопольского порта. Капитан 2-го ранга (1917). С мая 1917 года — начальник распорядительной части Штаба командующего флотом, с октября флаг-капитан военно-политической части. С января 1918 года — член Севастопольского городского и областного военно-революционных комитетов, с апреля — начальник Областного военно-революционного штаба. После падения Республики Тавриды продолжил службу в рядах Красной Армии. За взятие Фастова награждён орденом Красного Знамени. После окончания Гражданской войны — на командных должностях. Умер в Москве (*Алтабаева Е. К.* Указ. соч. — С. 139).

⁸¹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. 1. — С. 233–234.

⁸² Там же. — С. 235–236.

⁸³ Там же. — С. 239–240.

⁸⁴ Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 46.

⁸⁵ Фирдевс И. Указ. соч. — С. 63.

⁸⁶ Дубко Ю. В. Указ. соч. — С. 146.

⁸⁷ Там же. — С. 146–148.

⁸⁸ Вообще данные о численности вооружённых сил Республики Тавриды, приводимые в документах и литературе, предельно неясны. Л. П. Гарчева варьирует их от 22 тысяч (*Кононенко [Гарчева] Л. П.* Вооружённые силы республики Таврида // Вопросы истории СССР. — Харьков, 1979. — Вып. 24. — С. 36) до 25-ти (*Гарчева Л. П.* Создание Советской Социалистической республики Таврида и деятельность её ЦИК и Совнаркома. — С. 9). Сами крымские работники могли рассчитывать, по их мнению, на 2,5 тысячи боеспособных (ГААРК — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 776. — Л. 19, 20–21), на основании чего делали вывод о невозможности сопротивления оккупантам.

⁸⁹ Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и её окрестности) // Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. док-ров ист. наук Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. — М., 2004. — С. 211.

⁹⁰ Протокол допроса парламентской следственной комиссией поручика Мухтара Хайретдинова по делу алуштинских событий во время большевистской власти // *Советов В., Атлас М.* (сост.) Указ. соч. — С. 91.

⁹¹ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). — М., 1992. — Ч. I — С. 93.

⁹² **Болбочан (Балбачан) Пётр (Петро) Фёдорович (Никифорович)** (1883–1919) Родился в с. Гижях в Бессарабии (ныне Хотинский район Черновицкой области) в семье священника. Закончил Кишинёвскую духовную семинарию и Чугуевское юнкерское училище (1906). Участник Первой мировой войны. Осенью

1917 года — командир 1-го Украинского республиканского полка в составе 2-й Сердюкской дивизии. После провозглашения 22 января 1918 года независимости Украинской Народной Республики сформировал Украинский республиканский полк, который участвовал в обороне Киева от большевистских частей М. А. Муравьева. После создания Отдельного Запорожского отряда возглавил 1-й Запорожский курень, который 24 февраля занял Житомир, а 2 марта — Киев. Впоследствии командовал 2-м Запорожским пехотным полком Запорожской дивизии. 10 апреля 1918 года возглавил Крымскую группу войск, чьи части 25 апреля вошли в Симферополь, а на следующий день — в Бахчисарай. После выведения по требованию германского командования группы из Крыма она некоторое время пребывала в Мелитополе и Александровске, а затем была объединена с другими частями в составе Запорожской дивизии и передислоцирована для охраны украинско-российской границы. В это время Болбочан командовал 2-м Запорожским полком. За боевые заслуги гетман Украинской Державы П. П. Скоропадский присвоил ему звание полковника. Осенью 1918 года поддержал антигетманские силы. С приходом власти Директории назначен главнокомандующим войсковой группой Левобережья армии УНР. После отступления на Правобережную Украину был обвинён в государственной измене, в конце января 1919 года арестован и выслан за пределы УНР в Галицию. 9 июня 1919 года в Поскурове (Хмельницкий) при поддержке членов Украинской партии социалистов-самостийников самовольно провозгласил себя командиром Запорожского корпуса, созданного на базе Запорожской дивизии. Директория УНР расценила этот шаг как попытку государственного переворота. Болбочан арестован и по решению военно-полевого суда расстрелян близ станции Балин в Подолии (*Колянчук О., Литвин М., Науменко К.* Генералітет українських визвольних змагань. — Львів, 1995. — С. 122; *Штендера Я.* Засуджений до розстрілу. — Львів, 1995; *Історія війн і збройних конфліктів в Україні: енциклопедичний довідник / Авт.-упоряд. О. І. Гуржій та ін.* — К., 2004. — С. 78; *Корновенко С. В., Морозов А. Г., Реєнт О. П.* Українська революція. Історичні портрети. — Вінниця, 2004. — С. 26–27).

⁹³ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1219. — Л. 2.

⁹⁴ *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы. — С. 74.

⁹⁵ *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит. (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма). — Казань, 1992. — С. 106.

⁹⁶ **Муфти(й)-заде Селим Мирза** (?–после 1934). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В январе 1918 года пытался защищать Симферополь от наступающих пробольшевистских сил. В дальнейшем в Добровольческой армии; с декабря 1918 года в дивизионе Крымского конного полка, откуда ушёл в 1919 году по болезни. В начале 1920 года — в Симферополе. В эмиграции во Франции (*Волков С. В.* Комментарии // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. — М., 2001. — С. 593).

⁹⁷ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1219. — Л. 119.

⁹⁸ *Гарчев П. І, Кононенко Л. П., Максименко М. М.* Указ. соч. — С. 96.

⁹⁹ *Зарубин В. Г.* К вопросу об этническом конфликте в Крыму (1918 г.) // Русская литература и российское зарубежье: параллели и пересечения. V Крымские международные Шмелёвские чтения. Тезисы докладов научной конференции 20–25 сентября 1996 г. — Алушта, 1996. — С. 113–115; *Зарубин В. Г.* Годы революции и гражданской войны // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. —

Симферополь, 2000. — С. 56–57; *Зарубин В. Г.* Об этноконфессиональном конфликте в Крыму (1918 г.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 2001. — Вып. 2. — С. 401–402; *Зарубин В.* Этноконфессиональный конфликт в Крыму (1918 г.) // Гуржіївські історичні читання. Збірник наукових праць. — Черкаси, 2007. — С. 287–291.

¹⁰⁰ *Зарубин В. Г.* К вопросу о восстании крымских татар в горном Крыму (1918 г.) // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь, 1994. — С. 231–232.

¹⁰¹ *Зарубин В. Г.* Об этноконфессиональном конфликте в Крыму (1918 г.). — С. 403.

¹⁰² *Sejdamet Dz. Krym // Zycie Musulmanskie (The Islamic Life) (Warszawa).* — 1990. — № 2 і 3. — S. 78. Германское правительство само разоблечило себя, заявив за несколько дней до вторжения в Крым: «Согласно Брест-Литовского договора с одной стороны и четвертого Универсала с другой, Крымский полуостров составляет часть Российской Республики, а, следовательно, и флот Черного моря является неприкосновенностью для Австро-Венгрии, Турции и Украины» (Ялтинская Коммуна. — 1918. — 11 апреля).

¹⁰³ *Зарубин В. Г.* Об этноконфессиональном конфликте в Крыму (1918 г.). — С. 403.

¹⁰⁴ *Семёнов И.* Расстрел Совнаркома и Центрального исполнительного комитета Республики Тавриды в 1918 году: Воспоминания расстрелянного // *Советов В., Атлас М.* (сост.) Указ. соч. — С. 43–56.

¹⁰⁵ Выписки из протоколов следственной комиссии Крымского парламента (курултая) // *Советов В., Атлас М.* (сост.) Указ. соч. — С. 72, примечание.

¹⁰⁶ *Тархан И.* Татары и борьба за советский Крым // Там же. — С. 16.

¹⁰⁷ *Семёнов И.* Расстрел Совнаркома и Центрального Исполнительного Комитета Республики Тавриды в 1918 году. (Воспоминания расстрелянного) // Революция в Крыму. — Симферополь, 1923. — № 2. — С. 122. Эта редакция воспоминаний И. Н. Семёнова отличается от опубликованной В. Советовым и М. Атласом в 1933-м году.

Татары, дававшие показания следственной комиссии Курултая, созданной в мае 1918-го года для изучения обстоятельств конфликта, отрицают факт организованных массовых расправ.

¹⁰⁸ *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Прелюдия усобицы (Феодосия, октябрь 1917 г.) // И. С. Шмелёв в контексте славянской культуры. VIII Крымские международные Шмелёвские чтения. Сборник материалов международной научной конференции. — Алушта, 1999. — С. 196.

¹⁰⁹ Протокол допроса парламентской следственной комиссией поручика Мухтара Хайретдинова по делу алуштинских событий во время большевистской власти. — С. 102.

¹¹⁰ ГААРК — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1219. — Л. 119–125.

¹¹¹ Там же. — Л. 42, 45.

¹¹² Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и её окрестности). — С. 212.

¹¹³ *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. — С. 106.

¹¹⁴ *Семёнов И.* Расстрел Совнаркома и Центрального исполнительного комитета Республики Тавриды в 1918 году. (Воспоминания расстрелянного) // Революция в Крыму. — Симферополь, 1923. — № 2. — С. 124.

¹¹⁵ *Елагин В.* Указ. соч. — С. 106.

- ¹¹⁶ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1224. — Л. 4–6.
- ¹¹⁷ Выписки из протоколов следственной комиссии Крымского парламента (курлутя). — С. 74.
- ¹¹⁸ *Фирдевс И.* Указ. соч. — С. 68.
- ¹¹⁹ *Грудячёв П. А.* Багряным путём гражданской. — Симферополь, 1971. — С. 57.
- ¹²⁰ *Находкин (Терпигорев) А.* Революционная работа в Крыму // Революция в Крыму. — Симферополь, 1923. — № 2. — С. 73.
- ¹²¹ Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. — С. 213.
- ¹²² *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы. — С. 76.
- ¹²³ *А. А.* Татары и греки // Крымский Вестник. — 1919. — 26(13) марта.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ *Т. Греки и татары* // Крымский Вестник. — 1919. — 4 марта (19 февраля).
- ¹²⁶ *А. А.* Указ. соч.
- ¹²⁷ *Габриелян О. А., Ефимов С. А., Зарубин В. Г.* и др. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. — Симферополь, 1998. — С. 35–36.
- ¹²⁸ *Вольфсон Б.* Изгнание германских оккупантов из Крыма. — Симферополь, 1939. — С. 13.
- ¹²⁹ *Фирдевс И.* Указ. соч. — С. 64.
- ¹³⁰ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. — Минск, 2002. — С. 117.
- ¹³¹ Бюллетень «Феодосийской Жизни». — 1918. — 9 мая.
- ¹³² См. об этом: *Королёв В. И.* Черноморская трагедия. Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). — Симферополь, 1994. — С. 31–33.
- ¹³³ **Саблин Михаил Павлович** (1869–1920). Родился в семье потомственных дворян, тесно связанных с флотом. Отец — морской офицер. Окончил Морской кадетский корпус (1890), участник Китайского похода (1900–1901), Цусимского сражения (1905) в русско-японской войне. С 1906 года служил на Черноморском флоте, командуя миноносцем «Завидный», канонерской лодкой «Донец». С 1909 года — начальник 5-го резервного дивизиона миноносцев Чёрного моря, с 1911-го — 3-го дивизиона миноносцев. Командир линкора «Ростислав» (1912). Участник Первой мировой войны. Награждён Георгиевским оружием за участие в бою с линейным крейсером «Гебен» / «Явуз Султан Селим» (1914). Командир минной бригады. Контр-адмирал (1915). Не нашёл общего языка с командующим ЧФ вице-адмиралом А. В. Колчаком, который направил Саблина в распоряжение морского министра. Начальник Або-Аландской пехотной позиции на Балтике. После Февральской революции находился в резерве морского министра. Когда Колчак покинул должность командующего ЧФ, Саблин стал начальником штаба флота. С декабря 1917 года фактически возглавил ЧФ. Стал первым советским командующим ЧФ. 4 июня 1918 года отозван в Москву, где служил в морском комиссариате, а затем под предлогом болезни уволился с флота и отбыл через Финляндию в Англию. В феврале 1919-го прибыл в Севастополь, откуда выехал в Екатеринодар. По настоянию Верховного правителя России А. В. Колчака, А. И. Деникин отказал Саблину в назначении командующим флотом, однако, поручил руководить эвакуацией судов из Севастополя в Новороссийск в связи с наступлением красных войск. Главный командир судов и портов Чёрного и Азовского морей. Произведён Деникиным в вице-адмиралы (1919). Интриги Саблина против начальника Мор-

ского управления и командующего флотом вице-адмирала А. М. Герасимова привели к отстранению его осенью 1919 года от должности, после чего он отбыл в Константинополь. Претендуя на командование флотом и заручившись поддержкой Главноначальствующего Новороссийской области генерал-лейтенанта Н. Н. Шиллинга, зимой 1920 года вернулся в Севастополь. Приказом Главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России П. Н. Врангеля назначен начальником Морского управления и командующим ЧФ. В сентябре 1920 года тяжело заболел раком печени. Скончался 30 октября 1920 года в Ялте. Похоронен во Владимирском соборе в Севастополе (*Крестьянников В. В.* Саблин Михаил Павлович // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 440; *Макареев М. В., Рыжонков Г. Н.* Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004. В двух томах. — М., 2004. — Т. 2. 1917–2004. — С. 22–28).

¹³⁴ **Тихменёв Александр Иванович** (1880–1959). Происходил из известного морского дворянского рода. Отец в чине капитана 1-го ранга в 1901–1903 годах командовал эскадренным броненосцем «Князь Потёмкин-Таврический». Окончил Морской кадетский корпус (1901). Офицерскую службу проходил на Чёрном море. Окончил минный офицерский класс (1906). Помощник заведующего обучением в Учебном отряде Черноморского флота. Старший офицер крейсера «Память Меркурия». С сентября 1914 года — командир эсминца «Жуткий». В 1915–1917 годах командовал турбинным эсминцем «Беспокойный», действующим на коммуникациях противника в берегов Турции. За храбрость награждён Георгиевским оружием. После Февральской революции произведён в капитаны 1-го ранга и назначен командиром новейшего линкора «Император Александр III», вскоре переименованного в «Волпо». После ухода германских войск из Севастополя вступил в Морские силы Добровольческой армии. Произведён А. И. Деникиным в контр-адмиралы (1919) и назначен заместителем Морского управления вице-адмирала А. М. Герасимова. После замены П. Н. Врангелем Герасимова вице-адмиралом М. П. Саблиным находился в распоряжении начальника Морского управления. После смерти Саблина и назначения командующим флотом и начальником Морского управления контр-адмирала М. А. Кедрова вновь заместитель начальника Морского управления. Один из организаторов эвакуации войск Врангеля из Крыма в ноябре 1920 года. В Константинополе был начальником штаба Русской эскадры и исполнял должность начальника базы. В Бизерте до конца существования Русской эскадры (1924) являлся начальником штаба командующего эскадрой контр-адмирала М. А. Беренса. Председатель объединения русских морских офицеров в Тунисе. Похоронен на европейской участке кладбища в Тунисе (*Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). — М., 1997. — С. 235–237; *Макареев М. В., Рыжонков Г. Н.* Указ. соч. — С. 57–62).

¹³⁵ **Кукель (Кукель-Краевский) Владимир Андреевич** (1885–1940(?)). Из семьи вильнюсских дворян, внук адмирала Г. Н. Невельского. С отличием окончил Морской кадетский корпус (1905) и определён на Балтийский флот. Участник Первой мировой войны на эсминце «Амур». В июне 1917 года переведён на Черноморский флот в звании капитана 2-го ранга. Командир миноносца «Свирипей», эсминца «Керчь». В январе 1918 года участвовал в установлении власти крайне левых в Ялте. После затопления флота в районе Новороссийска воевал в составе Красной флотилии Астраханского края. В начале февраля 1919 года переведён на

Балтийский флот и назначен командиром крейсера «Богатырь», в июне того же года переведён в Астрахань, где стал начальником штаба Морских сил Каспийского моря. Награждён орденом Красного Знамени (1920). В июле 1920 года — начальник штаба Морских сил Балтийского моря, впоследствии исполняющий дела командующего флотом. После демобилизации в 1923 году работал по ведомству народного комиссариата иностранных дел, по инициативе Ф. Ф. Раскольникова вёл дипломатическую работу в Кабуле. Затем служил начальником штаба Морской пограничной охраны Приморского края. В 1932 году командирован в Геную (Италия) на верфь фирмы «Ансальдо» для наблюдения за постройкой двух первых пограничных сторожевых кораблей «Киров» и «Дзержинский». В 1934 году возглавил переход этих кораблей во Владивосток, за что награждён орденом Красной Звезды и получил воинское звание капитана 1-го ранга. Назначен начальником Морской пограничной охраны Дальневосточного округа. Арестован 18 сентября 1937 года. По некоторым данным умер в лагере близ Хабаровска. Реабилитирован решением Военной коллегии Верховного суда СССР 15 марта 1957 года (*Крестьянников В. В.* Кукель (Кукель-Краевский) Владимир Андреевич // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 277–278; *Доценко В. Д.* Предисловие // Гражданская война в России: Черноморский флот. — М., 2002. — С. 20–22).

¹³⁶ См.: Записки командира эскадренного миноносца «Керчь» Владимира Кукеля (1918 г.) // Гражданская война в России: Черноморский флот. — С. 26–50; *Кукель В.* Правда о гибели Черноморского флота в 1918 году // Там же. — С. 51–218.

¹³⁷ Цит. по: *Штейнбах Е. М.* Указ. соч. — С. 34. См. также: *Королёв В. И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года. — С. 64–65.

¹³⁸ *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* От «форпоста мировой революции» до последнего плацдарма «белой» России // Отечественная история (Москва). — 1999. — № 2. — С. 100.

Первое Краевое правительство: попытка государственности

Вторжение кайзеровских войск на полуостров не могло не вызвать ответной реакции в Москве. 22 апреля от имени народного комиссариата иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин направил германскому правительству специальную ноту протеста: «Продвижение в Крым является существенным нарушением Брестского мира, так как является вторжением в пределы Советской Республики. Вторжение угрожает нашему Черноморскому флоту, что может повести к столкновениям, вызываемым интересами самосохранения флота. Народный комиссар иностранных дел надеется, что дальнейшее продвижение войск в Крым будет приостановлено, и просит германское правительство уведомить незамедлительно о последующем»¹. Однако это не возымело действия. 1 мая 1918 года германские войска завершили оккупацию Крыма.

В ответ на ноту протеста германский дипломатический представитель в Москве граф Вильгельм фон Мирбах-Харф цинично заявил: «...Императорское правительство считает себя вынужденным, ввиду нападения флота из Севастополя против Херсона и Николаева (вымысел: матросы принимали участие только в сухопутных боях с немцами. — *Авт.*), продвинуть туда войска и занять Севастополь. Что же касается до политической государственной организации, то императорское правительство дает полную силу праву на самоопределение, провозглашенному русским правительством, и предполагает, что вопрос относительно Крыма, который до сих пор принадлежал к Таврической губернии, будет предметом русско-украинского договора»².

Кайзеровское правительство преследовало в Крыму имперские цели. Его привлекало уникальное геополитическое положение полуострова — своеобразного моста между Европой и Азией. Правящие круги Германии мечтали о захвате Кавказа, установлении своего влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Для этого необходимо было крайне ослабить Россию. Статс-секретарь по иностранным делам (министр иностранных дел) Германии (с 5 августа 1917-го по 9 июля 1918 года) Рихард фон Кюльман в мае 1918-го писал: «Наши интересы требуют предпринять всё для того, чтобы как можно дальше задержать воссоединение расчленённой России... и все мои устремления направлены будут к тому, чтобы избежать таких ошибок, которые могли бы привести к быстрому укреплению России»³. Однако поражение Германии в мировой войне означало всё явственное, она слабела с каждым днём и потому не могла управлять Крымом сугубо диктаторскими методами. Ещё одной задачей германского руководства, чья страна находилась в состоянии глубочайшего экономического кризиса, было максимальное изъятие в Крыму имущества и продовольствия. При этом единого плана в отношении полуострова у правящих кругов Гер-

мании не было. Практически на протяжении всего периода его оккупации сохранялись разногласия между военными кругами и дипломатами.

Объявив население Крыма «туземцами», командующий оккупационными войсками на полуострове генерал от инфантерии Роберт фон Кош⁴ ввёл военное положение. Германское военное судопроизводство по законам германского полевого суда, — говорилось в его приказе от 30 мая 1918 года, — будет применяться к туземным жителям в следующих случаях: «1. Когда туземные жители обвиняются на основании законов Германского государства в преступных деяниях против германского войска и лиц, входящих в состав его. 2. При нарушении и неисполнении туземными жителями распоряжений и приказов, изданных военными начальниками, с предупреждением о привлечении к ответственности и в интересах безопасности, как войска, (так. — *Авт.*) и в интересах успокоения страны»⁵. В целях умиротворения Крыма населению было предписано под угрозой смертной казни сдать ко 2 мая имеющееся у них оружие. 2 июня германское командование издаёт новый приказ, согласно которому местные жители подлежат казни «при всяком деянии... против германских войск», «при неисполнении распоряжений и приказов», за хранение оружия и оказание содействия в хранении оружия, за умышленное повреждение сооружений, служащих для передачи известий, а также «за деяния, направленные на порчу запасов страны», путей сообщения, за распространение сведений о положении на фронте германских войск или их союзников, за препятствие «оказанию услуг германским войскам или лицам, принадлежащим к оным», за подстрекательство германских войск или отдельных лиц против германского командования «для подпольных агитационных целей и т. д.»⁶.

Грозные приказы⁷ неукоснительно выполнялись. Несколько смертных приговоров было приведено в исполнение, подвергались репрессиям большевики.

Германское вторжение, несомненно, спасло жизнь членам царской семьи, пребывавшим в имении «Дюльбер» в Мисхоре под охраной отряда матросов во главе с комиссаром Севастопольского совета Ф. Л. Задорожным. Не получив приказа о решении судьбы узников, он фактически охранял их и от решительно настроенных представителей Ялтинского совета. Некоторые из Романовых видели в этом проявление некого благородства и стремления сохранить им жизнь во что бы то ни стало⁸.

По воспоминаниям находившегося в числе узников князя Ф. Ф. Юсупова⁹, «немецкий офицер приказал повесить Задорожного и охрану. И ушам своим не поверил, когда великие князья заступились за них и даже просили оставить матросов у них в Дюльвере (так у мемуариста. — *Авт.*) и Ай-Тодоре ещё на время. Немец офицер согласился, но сказал, что в таком случае умывает руки. По всему он решил, что от долгого плена их императорские высочества повредились в уме.

Несколько дней спустя узники и тюремщики распрощались. Расставались трогательно. Самые молодые плакали и целовали бывшим пленникам руки»¹⁰.

Как рассказывал проживавший в то время в Крыму П. Н. Врангель, на следующий день после занятия Кореиза, представители немецкого командования посетили великого князя Николая Николаевича в имении «Дюльбер». Тот через состоящего при нём генерала барона А. И. фон Сталья передал прибывшим, «что, если они желают видеть его, как военнопленного, то он, конечно, готов этому подчиниться; если же их приезд есть простой визит, то он не находит возможным их принять. Приехавшие держали себя чрезвычайно вежливо, заявили, что вполне понимают то чувство, которое руководит великим князем и просили указать им, не могут ли быть чем-нибудь полезны. Они заявили, что великий князь будет в полной безопасности и что немецкое командование примет меры к надёжной его охране. Барон Сталь, по поручению великого князя, передал, что Великий князь ни в чём не нуждается и просит немецкую охрану не ставить, предпочитая охрану русскую, которую немцы и разрешили сформировать»¹¹.

В своих мемуарах Ф. Ф. Юсупов пишет: «В мае в Ялту прибыл адъютант императора Вильгельма. Привёз от кайзера предложение: русский престол любому Романову в обмен на подпись его на брест-литовском договоре. Вся императорская семья отвергла сделку с негодованием. Кайзеров посланник просил у тестя моего переговорить со мной. Великий князь отказал, сказав, что в семье его не было, нет и не будет предателей»¹².

При немцах Романовы стали совершенно свободными, расселились по имениям, совершали выезды, кроме Николая Николаевича, который, по свидетельству Врангеля, вёл жизнь полного затворника, он нигде не бывал и никого не принимал¹³.

5 мая Р. Кош назначает губернатором Крыма генерал-майора барона Вильгельма фон унд цу Эглофштейна, командира 4-й Баварской кавалерийской дивизии. Германское командование в данный момент решает сделать ставку на местных немцев-колонистов. В Крым прибыл Фридрих фон Линдеквист, бывший германский министр колоний (1910–1911), развернувший вместе с протестантским пастором И. Винклером из Бессарабии среди них активную деятельность.

Ещё до вторжения в Крым фон Линдеквист нарисовал первому генерал-картирмейстеру Эриху Людендорфу, фактически военному руководителю Германии, радужную перспективу набора немецких колонистов «на службу Фатерланду». Винклер носился с концепцией немецкого колониального государства в Причерноморье, где, по его мнению, можно было сконцентрировать российских немцев¹⁴. Людендорфу идея сосредоточения колонистов на определённой оккупированной Германией территории была не чужда, однако, в своих мемуарах он отмечал, что мысль об образовании немецкого колониального государства на берегу Чёрного моря им отбрасывалась как фантастическая¹⁵. Правда, примерно в середине апреля 1918 года сам же Людендорф охарактеризовал Крым как территорию, «пригодную лучше всего для создания оплота немецких колонистов на Восто-

ке». Крымскую колонию следовало бы тесно связать с Украиной, а Севастополь сделать «немецким Гибралтаром» на Чёрном море. Постепенно немецкий Крым, Украину и Грузию следовало по плану Людендорфа превратить в своего рода федерацию под эгидой Германии¹⁶.

7 мая в д. Бютень (ныне с. Ленинское Красногвардейского района) была созвана конференция немцев, на которую прибыло около 400 делегатов не только из Крыма, но из Мелитополя, Бердянска, Херсона, Одессы. Здесь же присутствовали Ю. Везиров¹⁷ и А. С-А. Озенбашлы. Председательствовал на конференции Винклер, с докладом выступил фон Линдеквист. Обсуждался вопрос о создании особой Черноморской области, включающей территорию, граничащую с северным побережьем Чёрного и Азовского морей, большинство которой должны составлять немцы. Было принято решение о создании в Крыму Союза немцев юга России, об установлении их контакта с Германией, о помощи ей иродовольствием и подпиской на германский военный заём. В принятой резолюции подчёркивалось, «что немцы-колонисты приветствуют германскую армию, выражают благодарность за поддержку, что немецкие колонии иросят расиространить германскую власть на Крым, а если это окажется невозможным, то дать возможность переселиться (им. — *Авт.*) в Германию»¹⁸. Большинство колонистов, однако, вряд ли бы подписалось под этой резолюцией, ибо, приспособившись к крымским условиям, нажив здесь имущество, получив образование, вернув, наконец, ухоженные земли, отобранные царским правительством, они чувствовали себя гражданами России, а не Германии, которую когда-то из-за религиозных преследований покинули их предки. Германским командованием рассматривался и вопрос о выдвижении на пост генерал-губернатора крупного землевладельца Днепровского уезда барона В. Э. Фальц-Фейна, но тот отказался¹⁹.

Следует иметь в виду, что позиция германского Министерства иностранных дел в отношении Крыма, которую разделял и германский посол в Киеве барон Филипп Альфонс Мумм фон Шварценштайн, заметно отличалась от позиции военных и Людендорфа в частности. МИД была абсолютна чужда идея немецкой колонии на Востоке. Мумма весьма беспокоила активность фон Линдеквиста и пастора Винклера, стимулирующих соответствующие иллюзии у колонистов. Он тревожился о последствиях, которые вызвали бы разочарования в этих иллюзиях, а также опасался осложнения украинско-германских отношений. В свою очередь неугомонный фон Линдеквист, видя бесперспективность плана реализации колониального немецкого государства, с благословения Людендорфа представил имперскому канцлеру графу Георгу фон Хертингу новый проект: Крым со временем объединяется с Украиной, а украинские власти в качестве уступки разрешают поселение в Крыму и Тавриде немецких колонистов из различных регионов. Но МИД отверг и этот проект, получив поддержку кайзера Вильгельма II²⁰.

Лидеры крымскотатарского движения надеялись на поддержку Турции в создании на полуострове национальной государственности. Турецкие

власти были готовы прислать дивизию для участия в оккупации Крыма. Это весьма не понравилось Германии, опасавшейся укрепления турецких позиций здесь и в Причерноморье. Германский посол в Стамбуле граф Йохан фон Берншторф возражал против посылки на полуостров даже турецкого полка и нескольких офицеров. По его мнению, турецкое присутствие вне зависимости от численности экспедиционных сил могло способствовать союзу Крыма и Османской империи. Для германских дипломатов было предпочтительнее создание независимого или автономного Крыма в союзе с Украиной при германском протекторате. Они также опасались возможного украинско-турецкого конфликта из-за Крыма²¹.

Для германских властей становилось всё более очевидным, что управлять Крымом — с его многонациональным населением, беженцами всех политических оттенков и без оных, сравнительно высоким образовательным и культурным уровнем — как колонией, невозможно. Неральной была бы и опора только на немногочисленное немецкое население полуострова. Поэтому германские власти, стремясь удержаться в Крыму и обеспечить относительный порядок с целью достижения своих экономических, военных и геополитических целей, начинают разыгрывать многоходовые политические комбинации. Этому благоприятствовало и лояльное в целом отношение населения к немецкой армии. Оно не могло, конечно, не смотреть косо на вчерашних врагов, сегодняшних оккупантов, но приветствовало — после всех пережитых ужасов — установившееся спокойствие, тем более, что в повседневную жизнь, исключая введённую цензуру, вывоз ценностей и т. п. власти почти не вмешивались.

Непосредственный участник событий тех лет князь В. А. Оболенский констатировал: «...под властью железной немецкой руки жизнь, взбужденная революцией, начинала приходить в норму, население принялось за работу, стало платить налоги. Торговля налаживалась, цены росли умеренно»²². «Прошло всего два месяца со времени немецкой оккупации, — продолжает он, — а внешняя сторона жизни уже наладилась совершенно. Незаметно было никаких следов анархии»²³. Оболенскому вторит другой очевидец событий в Крыму, служащий Межевого управления Н. А. Епанчин: «Надо сказать, что после «товарищей» мы имели возможность жить в полной безопасности, не страшаясь обысков, арестов и пр.»²⁴. Видный кадет М. М. Винавер²⁵, которого трудно заподозрить в прогерманских симпатиях, отмечает, что вслед за германскими отрядами появились всюду почтовые отделения («и маленькие немецкие лавочки с немецкими книгами, немецкими газетами» — вестниками из зарубежного мира, «отгороженного от нас дотоле непроницаемой стеной»). Здесь имелись и рекламные проспекты, и «солидные издания немецких классиков, можно было и просветиться относительно успехов техники за военное время. Завоевание было мирное. Массовый обыватель был этим оборотом дела доволен. Главным образом потому, что немцы одним продви-

жением своим теснили — по крайней мере, наружно большевиков, расположившихся было в крае...»²⁶.

Как вспоминал П. Н. Врангель: «Надо отдать справедливость немцам, они вели себя чрезвычайно корректно, стараясь, видимо, сделать присутствие своё для обывателя наименее ощутимым. С их приходом были отменены все стеснительные ограничения, введенные большевиками — карточная система, закрытие текущих счетов и проч., но обязательное получение пропусков для выезда и въезда в Крым осталось в силе.

Немецкая комендатура оказывала всяческое содействие к восстановлению в правах тех владельцев имущества или квартир, кои были захвачены большевиками. Некоторые из местных большевиков, не успевших эвакуироваться, были по жалобам потерпевших арестованы и заключены в тюрьму немецкими властями. С другой стороны, замешкавшимся в Крыму более видным большевистским деятелям немцы, несомненно, сами давали возможным беспрепятственно убраться восвояси»²⁷.

Но тому же русскому патриоту Оболенскому «и глубоко и оскорбительно было для национального чувства видеть на станциях фигуры немецких солдат и офицеров и осознавать, что восстановлением культуры и порядка мы обязаны им, что уйдя они завтра, и мы снова погрузимся в бездну дикости и анархии». Он «не мог примириться с мыслью об унижительном для России возрождении на острие победоносного немецкого штыка. Нет, в тысячу раз лучше пережить ещё раз весь ужас анархии или большевистской государственности, чем так покорно расписаться в своем национальном бессилии»²⁸. Н. А. Епанчин подчеркивает: «Полицейский порядок был полный, но нравственное настроение было, конечно, угнетённым: ведь мы оказались, как-никак, «подданными Вильгельма». Он приводит слова одной своей знакомой: «Когда её спрашивали, как она себя чувствует при немцах, она говорила: «Спится лучше, но чувствуется хуже»²⁹.

К Крыму вполне применимы слова У. Черчилля, высказанные им в отношении Украины: «Достаточно угостить любое население дозой коммунизма, чтобы оно приветствовало любую форму цивилизованной власти, хотя бы и самую суровую. После прибытия германских «стальных шлемов» жизнь опять стала сносной. Надо было только подчиниться, жить спокойно и повиноваться: после этого всё шло гладко и как следует. Население считало, что под железной пятой иностранных солдат живётся лучше, чем при неустанных преследованиях, организуемых жрецами негодяев и фанатиков»³⁰.

И в завершение темы отношения к германской оккупации — весьма любопытное умозаключение очевидца и участника событий, М. А. Волошина (май 1918 года). По его словам, Крым самостоятельным «быть не может, так как при наличии двенадцати с лишком народностей, его населяющих (на самом деле больше. — *Авт.*), и причём не гнёздами, а в прослойку, он не в состоянии создать никакого государства. Ему необходим «завоеватель»³¹.

Свои виды на Крым имело и руководство Украинской Народной Республики. Ещё 14 февраля 1918 года на заседании Совета Министров УНР была определена возможность согласиться на заключение мира с Советской Россией при условии, что «Крым останется под влиянием Украины» и «весь флот (также и торговый) на Чёрном море принадлежит только Украине»³².

Во время наступления во второй половине апреля 1918 года на полуостров германской армии и Крымской группы войск УНР украинские политики открыто обосновывают необходимость присоединения Крыма к Украине: «Численность населения и простор татарской национальной территории такого рода, что крымско-татарская нация не может быть способной к созданию самостоятельной государственной организации и должна опереться на какое-нибудь сильнейшее государство, обеспечивши себе всю широту национальных прав и полноту национального развития.

Таким государством может быть только Украинское, с которым Крымский полуостров теснейше связан и территориально и географически. Крымские татары, которым Украина не может запретить права на национальное самоопределение, могут быть спокойны, что Украинское государство создаст из крымской национальной территории государственный организм, связанный с Украиной в тесную федерацию.

Для такой федерации имеется, кроме политических, чисто экономические условия. Украина — страна хлебная с огромными промышленными возможностями в будущем, — крымский юг — это Ривьера, климатические станции, виноградные и фруктовые сады, которые, однако, без украинских промышленных изделий обойтись не смогут. Государственный симбиоз крымских татар и украинцев продиктован самой природой, и мы думаем, что эти резоны, как наиболее убедительные, примут во внимание татарские политики и создадут добро для родной страны — выгодное для украинцев и себя согласие»³³.

Правда, не афишируемые широко взгляды руководства УНР были несколько иными. Временный посол Украинской Народной Республики в Константинополе Михаил Левицкий, у секретаря которого перебивали корреспонденты всех турецких газет, получившие информацию по «крымскому вопросу», то есть о претензиях УНР на полуостров, был крайне обеспокоен тем, что «ни один из них в своих статьях не сообщил, что Украина считает Крым своей составной частью, будто Украина совсем отдельно отстоит от Крыма и им не интересуется». Он доводил до сведения министра иностранных дел в Киеве свою озабоченность действиями в столице Турции Дж. Сейдамета — «хлопца 21 года» (на самом деле в 1918 году тому исполнилось 29 лет), вхожего к турецким министрам, великому визирию Талаату Мехмед-паше, и с коим больше всего «носились здесь так называемое «крымское благотворительное общество», которое благотворительность понимает в политическом смысле». Это общество организовыв-

вало рефераты по «крымскому вопросу», «устраивало «чашку чая» и вообще повсюду трещало про несчастных крымских братьев».

По словам посла, Сейдамет утверждал, что Центральная Рада дважды признавала независимость Крыма, а турецкие военные, по слухам, говорят об экспедиции в Крым, желая его занять «под видом помощи против большевиков, чтобы потом оставшись, провести необходимую самоорганизацию мусульман».

Левицкий вынужден был на приёме у великого визиря заявить, «что наше Правительство смотрит на Крым, как на часть Укр. Народ. Респ., в которой мусульманскому населению должны быть обеспечены все его национальные права», причём, речь не идёт о федерации, поскольку «мусульмане не проживают компактной массой и довольно перемешаны с нашим (украинским -? — *Авт.*) населением, в большинстве уездов имеют значительное меньшинство..., в связи с чем не могут быть выделены в отдельную территориальную единицу». Вопрос же о гарантиях национальным свободам «в ближайшее время будет решён в согласии с национальным крымским советом (Курултаем -? — *Авт.*), который соберётся после очищения Крыма от большевиков».

Как сообщал посол, великий визирь уверил его, что турки не собираются оказывать военную помощь в борьбе с большевиками, а ограничатся политической помощью. После этой беседы тон в газетных статьях несколько изменился, «там начинают упоминать о заинтересованности Украины и Германии в Крыму». Правда, под влиянием Сейдамета продолжают писать о признании Украиной независимости Крыма, «но больше не пишут о протекторате Турции, надежды на обеспечение свободной жизни в Крыму возлагают уже на немцев, которые как союзники должны помочь их единоверцам»³⁴.

Представители украинского государства пытаются установить контроль и над флотом в Севастополе³⁵.

Притязания Украины порождают обоснованное беспокойство в Крыму, в том числе и среди крымских татар. Шуро (Совет) представителей мусульманских общественных организаций по освобождению Крыма (среди многих подписавших находим имена Х. С. Чапчакчи и командира 1-го Мусульманского корпуса генерал-лейтенанта Сулеймана (М. А.) Сулькевича) подчеркнул в своём заявлении, «что во имя священного права каждого народа России на самоопределение мы перед лицом всех народов протестуем против распространения власти Народной Украинской Республики (которая уже успела смениться гетманством. — *Авт.*) на территорию Крымской Республики (несуществующей. — *Авт.*), хотя бы в отдельных её частях»³⁶. Это заявление было вызвано апрельскими приказами за № 1, 2 и 3 «вступившего в должность» командующего флотом некоего атамана Мисникова, согласно которым, в частности, на всём флоте должны были быть подняты украинские флаги, как и в севастопольской крепости, а «всякое вооружённое против Народной Украинской Республики,

её власти и имущества выступление отдельных лиц и организаций» имевалось «разбойничьим»³⁷.

Однако ни украинские военные, ни украинский флот здесь не нужны были и германскому командованию³⁸.

Тем временем на полуострове сразу же после изгнания большевиков просыпается общественно-политическая жизнь. 27 апреля в Симферополе совещание общественных деятелей восстанавливает Таврический губернский комиссариат (П. И. Бианки, В. П. Поливанов, А. С-А. Озенбашлы) и Совет представителей правительственных и общественных губернских учреждений и местных самоуправлений при нём. Совещание принимает воззвание к гражданам Таврической губернии, в котором на Совет возлагалось решение вопросов общего и делового характера. Совет объявлялся временным, «призванным действовать впредь до окончательного выяснения положения края и первой возможности созыва представителей всего населения»³⁹. 6 мая Совет решил созвать 20 мая Общескрымский съезд городов и земств. (Параллельно умеренная печать развёртывает пропаганду повторного созыва Всероссийского учредительного собрания).

Германские власти отрицательно отнеслись к этой инициативе местных либералов. Съезд городов и земств не состоялся⁴⁰. Однако в Симферополе открылось Губернское земское собрание. «Приблизительно половина собрания состояла из зажиточных крестьян, половина — из третьего элемента: земских врачей и учителей. (...) Преобладали эсеры, каковыми числились и все крестьяне, а затем, человек по пятнадцати меньшевиков и кадет»⁴¹. Собрание приняло решение о передаче пяти из девяти мест в будущем правительстве губернскому земскому собранию⁴² и председателем Губернской земской управы избрало кадета В. А. Оболенского.

В этот период кадеты сыграли немаловажную роль в истории Крыма. Дело в том, что весной 1918 года на полуострове оказалось значительное число видных деятелей партии, бежавших от большевиков и имевших здесь дачи и родственников. Разумеется, они не могли остаться в стороне от политической борьбы.

Выявились и расхождения в ориентации, особенно после Киевского съезда КД 11 мая, признавшего необходимость сотрудничества с правительством гетмана Украинской Державы П. П. Скоропадского и германской администрацией. Член ЦК партии В. Д. Набоков⁴³ склонился к прогерманскому курсу, призывая считаться с фактом оккупации. Его, из местных, поддерживали Н. Н. Богданов и редактор газеты «Таврический Голос» Д. С. Пасманик. Что касается таких крупных фигур, как М. М. Винавер, В. А. Оболенский, И. И. Петрункевич⁴⁴, то они оставались верны антантовской ориентации. К расколу это, впрочем, не привело.

21 апреля, в день занятия немецкими войсками Симферополя, образовалось Временное бюро татарского парламента (парламентское бюро) во главе с А. Х. Хильми, решившее взять на себя до созыва Курултая (парла-

мента) управление национальными делами⁴⁵. Начались переговоры Бюро с германским командованием, вызвавшие недовольство левых курултаевцев; впрочем, открывшийся 10 мая Курултай продолжил эти переговоры.

На первом заседании Курултая присутствовали генерал Р. Кош и впервые возникший на крымской политической сцене генерал-лейтенант М. А. Сулькевич, выступивший с небольшой бессодержательной речью. Вступительное слово в качестве председателя Курултая произнёс А. С. Айвазов, начавший с осуждения «памятного всем нам трёхмесячного разгула разнузданного большевизма», в результате чего «наш народ понёс чрезвычайно большие потери». Он также обозначил главный итог сношений парламентского бюро с германским командованием: «Германский народ не имеет никакого намерения препятствовать возрождению татарского народа». При этом «историческое, этнографическое право крымско-татарского народа, его полтораветковое рабство и те многочисленные жертвы, которые он понёс в течение трёхлетней войны и 14 месячной революции, дают ему право брать на себя инициативу организации власти в Крыму.

Но в настоящее время этим правом мы охотно и со всей искренностью готовы поделиться со всеми остальными народами Крыма и отнюдь не будем пользоваться им во вред другим народностям. Как было до сих пор, так и в дальнейшем, мы должны придерживаться политики, основанной на справедливости. Исходя из этой точки зрения, мы должны признать за всеми народностями право на участие в управлении краем. Только при этом условии можно будет создать правительство, которое будет свободно защищать интересы всех слоёв населения без различия национальностей.

Мы глубоко верим, что при такой политике будет возможным не повторение кошмара и полное процветание родного нам Крыма»⁴⁶. В докладе, сделанном А. С-А. Озенбашлы, говорилось «о преобразовании нынешнего татарского парламента в общекраевое законодательное учреждение с включением в него представителей других национальностей, населяющих Крым»⁴⁷.

11 мая на турецком военном корабле «Сарыз» вернулся бежавший из Крыма в январе Дж. Сейдамет⁴⁸ (имевший, кстати, аудиенцию у Энвер-паши⁴⁹). А 16 мая Курултай ознакомился с программным выступлением честолюбивого Сейдамета. После почти недельного пребывания в качестве «гостя» германского штаба в симферопольской гостинице «Европейская» без права выхода⁵⁰, где ему, видимо, доходчиво объяснили, кто в доме хозяин, он в одночасье сменил протурецкую ориентацию на прогерманскую. По словам Сейдамета: «Есть одна великая личность, олицетворяющая собой Германию, великий гений германского народа... Этот гений, охвативший всю высокую германскую культуру, возвысивший её в необычайную высь, есть не кто иной, как глава Великой Германии, Император Вильгельм, Творец величайшей силы и мощи. (...) Интересы Германии не только не противоречат, а, быть может, даже совпадают с интересами самостоятельного Крыма»⁵¹. Под «самостоятельностью» Сейдамет понимал

возрожденное Крымское ханство, в чём, собственно, и состоял смысл его лакейских высказываний.

Такую же позицию вскоре заняли А. Х. Хильми и А. С. Айвазов⁵². Позднее в своей записке, отметив, что татары — «наиболее старинные господа Крыма», и посему следует восстановить их «владычество», эти деятели выдвинули следующие пункты: «1) преобразование Крыма в независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику; 2) достижение признания независимого крымского ханства у Германии, её союзников и в нейтральных странах до заключения всеобщего мира; 3) образование татарского правительства в Крыму с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских. 4) Водворение татарских правительственных чиновников и офицеров, проживающих в Турции, Добрудже и Болгарии, обратно в Крым. 5) обеспечение образования татарского войска для хранения порядка в стране; 6) право на возвращение в Крым проживающих в Добрудже и Турции крымских эмигрантов и их материальное обеспечение». Далее сообщалось, что «турецкий и мусульманский мир готовится к политическому союзу с Великой Германской Империей, своей спасительницей, принеся в жертву сотни тысяч людей, и в дальнейшем готовы принести жертвы в ещё большем масштабе, чтобы укрепить навсегда достигнутое могущественное положение. В то время как Россия, его великий исторический враг погибла, и дорога в Индию, свободная для Германии, поколебала твердыню Англию, мусульманский мир находит силу в твёрдой решимости тех магометан, которые в Крыму и на Кавказе в течение столетий были лишены чести иметь право умереть за свои стремления и надежды»⁵³. В печати прогерманская ориентация обосновывалась более осторожно — необходимостью борьбы против большевиков и «английского империализма».

Эта записка, известная как «Отношение глав дирекции крымско-татарского национального совета № 37 (38?) от 21 июля 1918 года»⁵⁴, была тайно передана занявшему вскоре высокий официальный пост Дж. Сейдаметом в Берлин, но осталась безответной. Её публикация⁵⁵ вызвала большой скандал и имела, в конечном счете, печальные последствия для самого татарского национального движения. Сейдамет «заявил, что это дело рук отдельных личностей и отрицал своё активное участие в этом политическом шаге», то есть пытался откреститься от собственных деяний и подставить сотоварищей. Записка «встретила резко-отрицательное отношение почти во всех слоях даже татарского населения», в том числе и Курултая. Последний «для расследования этого вопроса и источника происхождения докладной записки» создал комиссию из трёх лиц — Кемала, Дегирменджиева и Абийбулаева⁵⁶. Результаты работы комиссии нам не известны.

Умеренное крыло Курултая сознавало, если судить по имеющимся в нашем распоряжении источникам, что откровенно шовинистическая линия вызовет отторжение и недоверие к крымским татарам самых разных

политических сил. Сделав вывод: «...В настоящий момент Крым должен стремиться к созданию независимого государства, к созданию независимой Крымской Республики (лозунг Учредительного собрания снимается. — *Авт.*)», газета «Крым» оговаривала: «...Будущая Крымская Республика должна выражать волю и интересы большинства населения»⁵⁷. Были предложены общие основания формирования Крымского государства (ввиду невозможности вследствие прихода к власти большевиков образования Российской федеративной республики): «1. Правительство создается на коалиционных началах с участием определённых (? — *Авт.*) народностей. 2. Татарский Парламент объявляет себя краевым парламентом и принимает меры к скорейшему пополнению своего состава представителями других народностей путём правильных законных выборов. (...) 4. До образования общего парламента правительство является ответственным перед татарским парламентом (пункт, особенно смущавший оппонентов. — *Авт.*) 5. Официальными языками новообразованного парламента являются языки русский и татарский. 6. Флагом правительства принимается голубой флаг»⁵⁸ («кок-байрак», знамя Чингисхана).

Проект левых⁵⁹ отличался от приведённого разве что требованием созыва крымского учредительного собрания (вместо загадочного «пополнения» состава парламента)⁶⁰, но сохранял (до собрания) принцип ответственности краевой власти перед Курултаем.

На заседании Курултая 18 мая был утверждён итоговый документ. По сути, он повторял проект умеренных. Курултай объявлял себя временным крымским парламентом с инициативой формирования правительства. Премьер-министром единогласно был избран Дж. Сейдамет, получив соответствующий ярлык⁶¹. Германское командование обещало сформированному в будущем под его руководством правительству финансовую и вооружённую поддержку, поставку необходимых материалов и машин из Германии⁶².

Вместе с другим видным курултаевцем — Дж. Аблаевым Сейдамет — явился на одно из ялтинских совещаний кадетов с предложением принять участие в организации правительства, ответственного перед Курултаем. «На недоумённый вопрос одного из присутствующих, почему татарские лидеры, всё время в течение революции так враждебно относящиеся к кадетам, вдруг в такую ответственную минуту ищут их сотрудничества, он ответил, стараясь придать при этом глубокомыслие глазам и тонкость дипломатической улыбки: «Когда нужно было разрушать (с ударением на первом «а») — мы были с эсерами, когда надо созидать (с ударением на «о») — мы с кадетами»⁶³.

Однако решения Курултая не устраивали другие влиятельные политические круги на полуострове. По воспоминаниям В. А. Оболенского, большинство крымских кадетов сошлось на следующей платформе: 1) Крым не является самостоятельным государством, это лишь часть России; 2) правительство (Крыма) должно отказаться от дипломатических сношений с

иностранными государствами и собственными вооружёнными сил; 3) во главе правительства может стоять лицо по взаимному соглашению (прежде всего с Курултаем), но только не Дж. Сейдамет. «Формируемое правительство должно считать себя властью лишь до свержения большевиков и образования всероссийского правительства. Все заботы его должны быть направлены на создание порядка и внутреннего благоустройства края»⁶⁴.

В то же время совещание земских и городских гласных, землевладельцев и торговцев Симферополя выдвинуло прагматичный меморандум: восстановление «твёрдой, спокойной, правосудной власти», «скорейшее восстановление нормального функционирования губернских и земских учреждений на точном основании действовавших до революции о них положений и законов», «свобода торговли и промыслов» (была действительно введена с середины мая), «незыблемость права собственности»⁶⁵, потребовав для своих представителей 5 из 9 мест в будущем правительстве. Планы Курултая «общество» отвергло.

В начале июня в Симферополе на квартире октябриста В. С. Налбандова состоялись переговоры между представителями Курултая и кадетами. Был намечен следующий состав правительства: от крымских татар — Дж. Аблаев (премьер-министр), Дж. Сейдамет, М. А. (Сулейман) Сулькевич; от немцев — В. С. Налбандов, Т. Г. Рапп или кадет Шредер, возможно, граф В. С. Татищев, от кадетов — С. С. Крым, В. В. Келлер (немец), В. Д. Набоков или В. А. Оболенский.

Эта попытка оказалась мертворождённой. Кадеты не могли согласиться на самостоятельность Крыма, отделение его от России, ориентацию на Германию и Турцию. Сейдамету, на которого первоначально делала ставку и германская администрация⁶⁶, так и не удалось сформировать правительство. 5 июня Курултай ушел на каникулы.

Столь затянувшийся процесс политического «оформления» Крыма, в который ввязались все его активные слои, вызывал раздражение оккупационных властей «и угрозы передать Крым Украине, уже воинствующей и не скрывающей своих стремлений не только к самостоятельности, но и к украинизации, рассылающей свои приказания и циркуляры школам и учреждениям» (В. С. Налбандов)⁶⁷.

После переворота П. П. Скоропадского (29 апреля), казавшегося оккупантам более подходящей для их планов фигурой, чем члены фрондирующей социалистической Рады, притязания Киева на Крым резко усиливаются. 7 мая на заседании Совета Министров Украинской Державы при рассмотрении вопроса о государственных границах особенно обращалось внимание на необходимость присоединения Крыма. Заслушав текст заявления гетмана о переговорах с германским послом в Киеве, было одобрено его намерение обратиться с письмом к последнему по поводу этого присоединения⁶⁸.

В своих мемуарах, написанных, кстати, на русском языке, Скоропадский вспоминал по поводу Крыма: «...планы немцев мне не известны, во

всяком случае, при известной комбинации немцы не прочь там утвердиться. Турция с татарами тоже протягивает к Крыму руки. Украина же не может жить, не владея Крымом, это будет какое-то туловище без ног. Крым должен принадлежать Украине, на каких условиях, это безразлично, будет ли это полное слияние или широкая автономия, последнее будет зависеть от желания самих крымцев, но нам надо быть вполне обеспеченными от враждебных действий со стороны Крыма. В смысле же экономическом Крым фактически не может существовать без нас. Я решительно настаивал перед немцами о передаче Крыма на каких угодно условиях, конечно, принимая во внимание все экономические, национальные и религиозные интересы народонаселения. Немцы колебались, я настаивал самым решительным образом»⁶⁹.

В отличие от двусмысленной политики Центральной Рады, гетман не скрывал своих намерений. «Особое значение для возрождения Украины, — писал он Мумму 10 мая, — имеет установление её границ, особенно южной, и, таким образом, овладение Крымом. Присоединение Крыма имело бы то значение для Украинской Державы, что она была бы обеспечена продуктами первой необходимости, как соль, табак, вино и фрукты. (...) Владение Крымом дало бы ещё и возможность сберечь на Украине много средств, организуя новые и отстраивая старые курорты. Кроме того, владея южным берегом Крыма, Украина получила бы такие природные порты, как Севастополь и Феодосия. Без Крыма Украина была отрезана от Чёрного моря, ибо она могла бы распоряжаться только одним портом в Николаеве, так как Одесса давно сильно перегружена. Таким образом, Украина без Крыма стать сильной державой не могла бы, особенно, с экономической стороны. Так неестественно отрезанная от моря Украина должна бы обязательно усиливать стремление к захвату этого морского побережья и, вместе с тем, обострились бы отношения с тем государством, которому было бы передано владение Крымом. Тем более что с этнографической стороны было бы неоправданным существование планируемого татарского государства, ибо татары составляют не более 14% крымского населения»⁷⁰.

30 мая к Мумму с нотой обращается управляющий министерством иностранных дел Украинской Державы Д. И. Дорошенко. Объясняя несоответствие нынешних требований Украины по «крымскому вопросу» решениям III Универсала УНР, он отмечал, что в ноябре 1917-го года устанавливались только главные части территории Украины, имея в виду, что «те земли, в которых украинское население не имеет абсолютного большинства, присоединятся позднее». Кроме того, тогда Украинская Республика рассматривалась как федеративная часть России. Учитывая, что Всероссийская Федерация не состоялась, Украина стала независимым государством, а «украинские войска, с помощью дружеской нам германской армии захватили Крым в свои руки, встал вопрос о присоединении Крыма к Украинской Державе». «При этом, стоя на принципе самоопределения, не

желая нарушить воли населения, в конце концов, понимая различные особенности жизни Крыма, Украинское правительство считает, что присоединение Крыма может состояться на автономных началах, в связи с чем будет разработан соответствующий проект; зная настроение значительного большинства населения Крыма (кто его опрашивал? — *Авт.*), имея в виду интересы этого населения и его давние связи с Украинским правительством (? — *Авт.*), не имеется сомнений, что воля населения Крыма может быть выражена (каким образом? — *Авт.*) только за соединение с Украиной»⁷¹.

Кроме того, претензии Украины на полуостров Дорошенко объяснял ещё и нежеланием «иметь под рукой какой-нибудь Пьемонт для возрождения единой неделимой России» и невозможностью «оставить неизвестно в чьих руках Севастополь — эту базу для украинского флота и ключ для господства на Чёрном море»⁷².

Тем временем германское руководство делает неожиданный зигзаг, останавливая 5 июня свой выбор на фигуре Сулькевича, который так извещает об этом: «С согласия Германского командования я принял на себя управление Крымом и формирование правительства с целью довести страну до Краевого парламента. Первой задачей ставлю восстановление нормальной деятельности всех правительственных и общественных учреждений...»⁷³. На следующий день он приступает к формированию кабинета. К 15 июня коалиционное правительство было в целом подобрано. Тем самым делался выбор в пользу стабильности на полуострове при опоре на разнонациональные цензовые элементы. Преемник Сулькевича С. С. Крым отказался войти в это правительство.

В результате в составе кабинета оказались: в качестве премьер-министра, министра внутренних, военных и морских дел М. А. Сулькевич (его товарищ (заместитель) — князь С. В. Горчаков, до Февральской революции — Таврический вице-губернатор); министра иностранных дел — Дж. Сейдамет; министра финансов, промышленности, торговли и труда и временно управляющего министерством юстиции — граф В. С. Татищев, бывший банковский делец с не совсем чистым прошлым; министра земледелия, красивых имуществ и снабжений — немецкий колонист Т. Г. Рапп; министра путей сообщения, общественных работ, почт и телеграфов — инженер, генерал-майор Л. Л. Фриман; краевого контролёра и секретаря, временно управляющего министерством исповеданий и народного просвещения — землевладелец, лидер крымских аграриев, бывший цензовый гласный, полунемец-полуармянин В. С. Налбандов, кстати, один из деятельнейших членов правительства (с августа министром народного просвещения и исповеданий стал полковник П. Н. Соковнин).

Приведённый список стоит дополнительных комментариев. Ряд правительственных лиц занимал настолько несхожие позиции, что распад кабинета становился не более чем делом времени. Националист Сейдамет и прагматик, русофил Татищев (чьи взгляды разделял и Налбандов) были

обречены оказаться по разные стороны баррикад. Позднее, 2 сентября, Татищев писал Налбандову: «Вступая в состав Крымского Правительства, я не скрывал от членов Кабинета, что иду на тяжелую созидательную работу исключительно как сын России, дабы своими посильными знаниями способствовать экономическому развитию Крыма на пользу всех без различия населяющих его народностей», что не понимает «часть населения», которая вознамерилась «построить здание государственного управления на фактическом и гнилом фундаменте»⁷⁴ (национализме. — *Авт.*).

Не стоит упускать из виду и позицию не возжелавших представительства в правительстве земских деятелей и членов кадетской партии, настроенных радикальнее кабинета и резко критиковавших его за антидемократические тенденции, бюрократический стиль руководства и упразднение самоуправления. Кадеты выжидали удобного момента. Они ещё скажут, и довольно решительно, пользуясь благоприятной обстановкой и не страшась за свою безопасность, своё слово.

По мнению О. С. Федюшина, тщательно изучившего германские архивные документы, Сулькевич «явился подходящей фигурой в управлении этой оккупированной территорией, пока не была выработана для неё конкретная программа действий»⁷⁵, но германское командование не учло (или недоучло) немаловажного, как оказалось, политического фактора — собственных устремлений Сулькевича и его серьёзного намерения отстаивать везде и во всём интересы Крыма, как он их понимал⁷⁶.

Однако правительство не смогло сразу преступить к работе. Германское командование предложило ему ничего не говорить в готовящейся Декларации о сроках, на которое оно создаётся, снять вопросы о созыве Красного сейма, должном создать легитимную власть, о позиции Украины, стремившейся включить полуостров в свой состав, исключить пункт, запрещающий вывоз из Крыма хлеба.

15 июня проект Декларации был отправлен в главную ставку германских войск в Киев на изучение. Ответа не было. К 20 июня министры потеряли всякое терпение, вручив Сулькевичу меморандум, в котором посчитали в таких условиях «возможность создания краевой власти сомнительной и маловероятной»⁷⁷. Сулькевич по согласованию с германским штабом объявил о принятии на себя всей полноты власти в Крыму до окончания переговоров с германскими властями⁷⁸. Правда, через три дня ситуация изменилась. После переговоров министров с группой германских офицеров во главе с представителем штаба главнокомандующего в Киеве майором Фридрихом фон Брикманом и новым начальником штаба крымской группы германских войск фон Энгелином был согласован текст Декларации⁷⁹.

Германии на данном этапе было выгодно существование двух параллельных полумарионеточных режимов — Скоропадского и Сулькевича, — что обеспечивало беспрепятственную выкачку продовольствия и имущества, как с Украины, так и из Крыма. Из Берлина в адрес Крыма, дабы

держат его в уезде, постоянно доносились угрозы включения в состав Украины. А кабинет Скоропадского до начала сентября не вступал ни в какие официальные контакты с Крымом, игнорируя его фактическую государственность и продолжая претендовать на территорию полуострова.

«...С 25 июня по 9 сентября, — пишет Налбандов, — мы не получили ни одного требования, предложения или запроса Украины — с нами просто не разговаривали и всеми мерами добивались лишь одного — покорения Крыма. (...) Требовалось одно — капитуляции без условий»⁸⁰.

Ещё 10 июня Сулькевич поручил штабс-капитану барону Шмидту фон дер Лауницу отправиться в Киев в качестве атташе вместе с полномочным представителем крымского правительства при правительстве Украинской Державы В. И. Коленским⁸¹. Эта миссия, несмотря на благожелательную реакцию некоторых киевских министров, оказалась абсолютно безрезультатной. Дело дошло до пограничных конфликтов, таможенной войны и разрыва почтово-телеграфной связи между двумя, считавшими себя суверенными, образованиями, оккупированными одной страной.

7 июля Сулькевич утвердил подробнейшую инструкцию председателю Комиссии по проведению государственной границы между Крымом и Украиной и наказ дипломатическому агенту в Киеве. «При проведении этой границы, — говорилось в инструкции, — надлежит неукоснительно стремиться к полному удовлетворению исторических экономических и военных интересов Крыма», что расшифровывалось так: граница должна совпадать с южными границами материковых уездов Таврической губернии, но при обязательном сохранении за Крымом Чонгарского полуострова (с его соляными промыслами) и всей Арабатской стрелки⁸².

Краевому правительству было пока не известно (сказался разрыв телеграфного сообщения), что в 20-х числах июня украинские военнослужащие захватили часть стрелки (на 40 вёрст к югу от Геническа) с 9 деревнями, 2 хуторами и 4 соляными промыслами⁸³. Украинская комендатура на перешейке издала приказ о прохождении границы южнее Перекопа и направила сюда части варты (пограничной стражи). В самом городе Перекоп возникли две городских управы, причём украинская распорядилась выращенное местными крестьянами зерно после обмолота продать на Украине, а не в Крыму⁸⁴. Эти события происходили в июле 1918 года. Начались перестрелки между пограничниками обеих сторон, причём и та, и другая апеллировали к германскому командованию. Перекопский уездный начальник обратился 9 августа с рапортом в министерство внутренних дел Крыма: «Украинский Комендант был мною поставлен в известность, что с 5 августа въезд и выезд из Крыма запрещается и что границу Крыма Германское Командование считает проходящей на 8 в. севернее Перекопа»⁸⁵.

С другой стороны, правительство Скоропадского принимает все меры для установления экономической блокады Крыма. «...Украина не признает самостоятельного Крыма, — констатирует газета, — и путем категорическо-

го воспреещения ввоза каких бы то ни было продуктов сюда заставит (как считают в Киеве. — *Авт.*) нашу власть капитулировать»⁸⁶. Губерниальный (губернский) староста Северной Таврии своим распоряжением от 21 июня запретил ввозить в Крым масло, яйца и другие продукты. 28 июня украинское правительство приказало реквизировать все товары, направляемые в Крым. В результате закрытия границ Крым лишился украинского хлеба, а Украина — крымских фруктов. Это заметно ухудшило продовольственную ситуацию в Крыму. С 29 июня Симферопольская городская управа ввела карточки на хлеб (1 фунт в день на человека). Еще более тяжёлое положение сложилось в Севастополе, который временами оказывался на грани голода.

Создавшаяся ситуация вызвала оживлённый обмен мнениями на тему: сможет ли Крым прокормить сам себя? «...Обмен пищевыми продуктами в вывозе и ввозе почти покрывается, — подсчитывал один из авторов. — Следовательно, **при нормальном обмене** (то есть со снятием блокады и прекращении военных действий. — *Авт.*) зависимость Крыма с севера не может быть признана сколько-нибудь значительной». Уязвимым местом Крыма оставалось промышленное производство⁸⁷.

Видимо, с целью обеспечить себе более широкую поддержку Сулькевич в июле обращается к бывшему предводителю дворянства с просьбой о созыве дворянского собрания для обсуждения проблем взаимоотношений с Украиной. Увы, его ждало разочарование. Предводитель, сославшись на уничтожение Временным правительством сословных привилегий и необходимость соблюдения законности, заявил, что собрания устраивать не будет. Для крымского дворянства Сулькевич, зависимый от германских штыков и обвиняемый в протатарских симпатиях, не был истинным патриотом России⁸⁸.

В свою очередь Министерство иностранных дел Украинской Державы начало идеологическую обработку крымского населения в соответствующем духе. Были выделены средства на поддержку трёх газет на полуострове, которые пропагандировали идею инкорпорации Крыма в состав Украины. Одну из этих газет вёл киевский журналист Е. А. Ганейзер, перевозивший в Крым деньги на подобные издания и пытавшийся по просьбе В. С. Налбандова выполнять посредническую миссию в Киеве, привезя оттуда в качестве «частного проекта» документ, о соединении Крыма с Украиной под управлением наместника гетмана, каковым мог стать Сулькевича, преобразовавшем бы в этом случае своё правительство в Совет наместника, от чего Сулькевич отказался, хотя Краевое правительство было готово начать переговоры и пойти на ряд уступок⁸⁹.

Это же министерство субсидировало украинские громады в Крыму и специально основанный для ведения на полуострове проукраинской пропаганды «Комитет Степной Украины»⁹⁰. Всё это, разумеется, не могло понравиться правительству Сулькевичу, которое начало преследования украинофильских газет и украинских громад, запрещало принимать телеграммы из Украины на украинском языке⁹¹.

Впрочем, П. П. Скоропадский весьма скептически оценивал деятельность подопечных Д. И. Дорошенко: «...министерство иностранных дел повело за свой риск и страх довольно наивную украинскую агитацию, какие-то молодые люди в украинских костюмах в Ялте и в окрестных городках убеждали публику сделаться украинцами. Это не имело, конечно, успеха, но и никому не вредило»⁹².

Отметим официальные контакты крымских властей с представителем гетмана в Крыму контр-адмиралом В. Е. Клочковским⁹³, касавшиеся имущества флота и маяков, но они не привели к установлению официальных отношений между двумя правительствами⁹⁴.

Вернемся, однако, к Декларации. В её черновом варианте (18 июня) конфликт с Украиной был отражён с максимальной наглядностью: «В виду настойчивых посягательств Украины поглотить Крым, ничем с ней органически и исторически не связанный, Крымское Краевое Правительство ставит своей первой задачей как сохранение самостоятельности полуострова до решения международного положения его на мирной конференции, так и восстановление нарушенной законности и порядка»⁹⁵. Провозглашался, несмотря на немецкую оккупацию, «строгий нейтралитет в отношении всех воюющих держав»⁹⁶.

Если положения о конференции и нейтралитете вошли в окончательный текст, то фраза об Украине, под нажимом оккупационных властей, не желавших излишнего обострения ситуации, была изъята. Но идея самостоятельности Крыма со всей её атрибутикой (хотя и «с согласия германского военного командования, оккупирующего Крым для восстановления спокойствия и порядка...»⁹⁷) настойчиво проводилась от начала и до заключительных строк Декларации.

Только ночью 25 июня Декларация правительства, получившего название Крымского краевого, «К населению Крыма», наконец-то была утверждена. Её «легитимность» заверялась генералом Кошем в следующем послании: «Ген.-Лейт. Сулькевичу. Имею честь подтвердить В. Пр[евосходительст]-ву получение Вашей декларации. Я приветствую образование Вами, на основах этой декларации, Правительства, которое начнёт немедленно свою деятельность на благо страны. Окончательная судьба Крыма должна определиться позднее»⁹⁸.

В сфере политической Краевое правительство признавало целесообразность сохранения законоположений Российского государства, изданных до большевистского переворота, с оговоркой об их пересмотре в случае надобности. Предполагались выборы в органы местного самоуправления (но на цензовой и куриальной основе); выборы же демократического законодательного органа (Крымское учредительное собрание, Крымский сейм или Крымский парламент) и создание ответственного министерства пока откладывались на неопределённый срок.

Действующие земские собрания всех уровней и городские думы объявлялись распушенными⁹⁹. Управы сохраняли свои полномочия до проведе-

ния новых выборов. Ограничивалась свобода печати и собраний, «временно» вводилась цензура (помимо оккупационной). Все общества, союзы, комитеты и партийные организации Крыма обязаны были в месячный срок представить свои уставы на утверждение в МВД. Таким образом, вся полнота власти, в какой мере о ней вообще можно было вести речь в условиях оккупации, сосредоточивалась Краевым правительством. Это могло привести и к введению прямой диктатуры.

Ставилась задача создания собственных вооружённых сил.

Вводилось гражданство Крыма, закреплённое специальными правилами от 11 сентября. Гражданином края, без различия национального и религиозного, мог стать любой, рождённый на крымской земле, если он своим трудом содержал себя и свою семью. Приобрести же гражданство мог только приписанный к сословиям и обществам, служащий в государственном или общественном учреждении, проживающий в Крыму не менее трёх лет и, наконец, обладающий судебной и нравственной непорочностью. Любой крымский мусульманин, где бы он ни проживал, при соответствующем ходатайстве имел право на гражданство Крыма. Предусматривалось и двойное гражданство¹⁰⁰.

Такие, достаточно жёсткие, условия были, судя по количеству заявлений, хранящихся в ГААРК¹⁰¹, притягательными для очень многих. Положительный ответ получили, однако, далеко не все. 11 сентября правительство также принимает постановление «О праве въезда и поселения в Крыму», регламентируя пребывание и права иностранцев на полуострове. При этом министр внутренних дел, то есть сам М. А. Сулькевич, мог своим распоряжением высылать за пределы полуострова тех лиц, «кто окажется опасным для общественного порядка и спокойствия»¹⁰². 4 октября постановлением правительства «Об установлении денежного сбора с лиц, принимаемых в Крымское гражданство» определяется такса в 25 рублей за эту услугу; также 2 рубля взималось в качестве гербового сбора при представлении ходатайства и ещё 2 рубля для оформления ответа¹⁰³.

Государственным гербом Крыма становился по Декларации герб Таврической губернии (византийский орёл с золотым осьмиконечным крестом на щите), флагом — голубое полотнище с гербом в верхнем углу древка¹⁰⁴ (что, кстати, для крымских татар выглядело противоестественно: национальное голубое знамя («кок-байрак») как фон ненавистного им двуглавого орла, символа угнетения). Столицей объявлялся Симферополь. В ранг государственного языка был возведён русский, но с правом пользования на официальном уровне татарским и немецким.

Экономический раздел Декларации был скуден. Правительство пыталось уйти от чрезвычайных мер в сфере народного хозяйства, свойственных и большевикам, и белым режимам. Восстанавливалось право частной собственности с возвращением (или возмещением) конфискованного в дни большевистского правления. Вводилась свобода торговли (без права выво-

за сельхозпродуктов, в первую очередь хлеба), но делался акцент на усиление борьбы со спекуляцией. В целях повышения результативности этой борьбы легализовалась торговля спиртным, запрещённая ещё в марте 1917 года. Говорилось о развитии сети шоссейных и железных дорог, а также курортного дела, что в условиях военного времени было заведомо нереальным. Наконец, планировался выпуск собственных денежных знаков¹⁰⁵.

Итак, Совет Министров первого Крымского краевого правительства утвердил программу действий. На первый план в ней вышли интересы помещиков и иных крупных собственников. Ни крестьянский, ни рабочий (оговаривалась только охрана труда без нанесения «ущерба производству»), ни национальный вопросы не удостоились разделов. Согласно нынешней терминологии, в Крыму установился авторитарный политический режим при рыночной экономике и с узкой социальной базой. «Он не столько опирался на немецкие штыки, сколько находился от них в зависимости...»¹⁰⁶. Это и было залогом его скорого падения.

Программа зеркально отразилась в составе правительства (как и наоборот).

Что касается Германии, то она от официального признания созданного по её же инициативе правительства воздержалась. Германские дипломаты, и Мумм в их числе, были не против передачи полуострова в состав Украинской Державы без всяких условий. 2–3 июля в Спа состоялась имперская конференция под председательством кайзера, где среди прочего рассматривалась и проблема Крыма. Людендорф, накануне вновь подтвердил свою позицию по поводу создания немецкого колониального государства, заявив, что Крым к Украине не относится, и поэтому Украина не имеет оснований возражать против плана концентрации немецких колонистов на полуострове. На конференции Людендорф констатируя, что жизнеспособность украинского государства находится под вопросом, отстаивал идею сохранения полуострова в виде отдельной территории под немецким контролем. Участники конференции признали: правительство Сулькевича наилучшим образом служит Германии, германскому командованию рекомендовалось считать его местной администрацией де-факто и стремиться к тому, чтобы крымскотатарское национальное движение не усиливалось сверх меры. По рекомендации Людендорфа было решено предпринять усилия по привлечению на военную службу добровольцев из числа колонистов¹⁰⁷.

Итак, кабинет Сулькевича находился под полным германским контролем. Стоило правительству опубликовать «Временные Правила о производстве выборов краевых и уездных гласных» от 15 июля без предварительного ознакомления командования с его текстом, как последовал окрик фон Энгелина, распорядившегося «в будущем, перед изданием важных постановлений, таковые, в главных чертах, сообщать генеральному командованию»¹⁰⁸.

В первой половине июля полуостров посетили германский посол в Києве Мумм и командующий группой армий «Киев» генерал-фельдмаршал

Герман фон Эйхгорн, которые не соизволили встретиться с Сулькевичем и его министрами, ожидавшими высоких гостей. В полном составе министры отправились в германский штаб за объяснениями, вручив официальное письмо об отставке, написанное В. С. Налбандовым. Угроза отставки действия не возымела, министрам прямо заявили о возможности передачи Крыма под управление Украины. Пришлось собственное письмо отозвать и ограничиться устным заявлением¹⁰⁹. По поводу признания правительства, Г. Кош ответил хладнокровно: «...Министерство может быть уверено в покровительстве Германских властей. Это будет Правительству, как высшему местному органу Управления Крымом, на мой взгляд, гораздо важнее и для населения, чем формальное признание. Отставка Министерства, могущая состояться вследствие того, что вышеуказанные обстоятельства не будут приняты во внимание в полной мере, может создать лишь положение, из которого Германское Командование вынуждено будет искать выход вероятно нежелательный для настоящего Правительства»¹¹⁰. Кош явно давал понять, на чьей стороне сила, но в то же время старался избежать прямого военного правления в Крыму, доверяя кабинету Сулькевичу более-менее самостоятельно решать внутренние проблемы, но и возлагая на него ответственность за положение на полуострове.

При этом германское командование в Крыму, обеспокоенное возможностью падения Сулькевича, при поддержке Людендорфа позволило В. С. Татищеву и Дж. Сейдамету отбыть в Берлин в надежде добиться признания Краевого правительства со стороны Германии, получить заём в 50 млн. марок и заключить торговое соглашение. МИД тут же рекомендовал послу Мумму постараться предотвратить эту поездку, но тот не имел возможности сие реализовать без одобрения Верховного командования.

Гетман П. П. Скоропадский в связи с предстоящим визитом крымской делегации в Берлин срочно направил туда председателя Совета Министров Украинской Державы Ф. А. Лизогуба.

По пути Татищев попытался провести в Киеве неофициальные переговоры со Скоропадским. Встреча была организована при посредничестве германской стороны. Гетман принял крымского министра под чужой фамилией и в сопровождении немецкого офицера, явно стеснявшего главу Украинской Державы. По словам Скоропадского, Татищев попытался взять официальный тон и добавил, что «он человек русский». В своих мемуарах гетман сообщает: «Я его вежливо перебил и сказал ему, что в таком случае я не знаю, почему он хотел меня видеть, раз он знает, что я не могу его принять официально. Встал и с графом простился. Я никогда не мог понять, что хотел Татищев»¹¹¹.

Уже в Берлине Татищев 29 августа встретился с Лизогубом, сообщив ему, что готов к переговорам, но при условии признания Крыма автономным и немедленного прекращения экономической блокады. Лизогуб согласился передать данные предложения в Киев. Аналогичные предложения передавались Татищевым и германской стороне¹¹².

Протест Советской России в связи с визитом крымской делегации в столицу Германии, сохранявшиеся подозрения германских властей в отношении турецких намерений на полуострове привели к провалу этой миссии¹¹³.

В своей внутренней политике Краевое правительство не отставало от положений Декларации.

В отношении должностных лиц, не выполняющих её, возбуждалось уголовное преследование¹¹⁴. Репрессивный акцент раздражал общественность. Но протесты или попытки протеста — Феодосийской и Симферопольской дум, Ялтинской городской управы — пресекались быстро и жёстко. Члены Ялтинской управы С. Н. Веселов, К. Н. Перцев, В. А. Афанасьев, С. Л. Орловский и городской голова В. В. Нейкирх были преданы суду «за бездействие»¹¹⁵.

Председатель Симферопольской городской думы П. И. Новицкий по распоряжению министра В. С. Татищева был привлечён к суду за то, что посмел объявить об открытии думского заседания 29 июня, когда, согласно Декларации, все городские думы были распущены¹¹⁶.

Губернский комиссариат был упразднён. Подверглись запрещению даже слова «губернский» и «таврический». (Это приводило к анекдотическим ситуациям. «В газетах стали появляться заметки в таком роде: «В... появился ящур на рогатом скоте... ветеринар выехал в северную часть... для организации борьбы» и т. д.»¹¹⁷). Но Таврическая губернская земская управа продолжала действовать, не меняя названия, распространяя при этом своё влияние на материковые уезды, и даже сумела выбить у правительства субсидии. В Симферопольском, Евпаторийском и Перекопском уездах успели пройти выборы по Временным Правилам.

Для управления уездами на должности уездных комиссаров назначались наиболее доверенные офицеры, в том числе и из числа крымских татар¹¹⁸. В Севастопольском и Керчь-Еникальском градоначальствах располагались правительственные комиссары.

28 июня Совет Министров постановил возвратить землевладельцам землю, национализированную при власти большевиков¹¹⁹.

Согласно обязательному постановлению министра внутренних дел, то есть самого Сулькевича, от 5 июля все лица, имеющие «похищенное или отнятое имущество в период времени, начиная с 9 января 1918 г., должны таковое предоставить в 3-х дневный срок в уголовную милицию или заявить в течение этого времени о местонахождении его», а лица, «самовольно занявшие без согласия домовладельцев или квартировладельцев квартиры, комнаты и др. помещения, должны в 7-ми дневный срок освободить их и передать прежним хозяевам», домовладельцы же, квартировладельцы и все вообще лица, «в помещениях которых или на хранении у которых оказались бы награбленные вещи, обязаны в 3-х дневный срок заявить о том уголовной милиции. Виновные в нарушении сего подлежат судебному преследованию...»¹²⁰.

Что касается большевиков, то они находились вне закона и действовали в глубоком подполье¹²¹. 6 июля в качестве министра внутренних дел Сулькевич направил Севастопольскому и Керчь-Еникальскому правительственным комиссарам, уездным комиссарам циркуляр о необходимости «принять меры к нераспространению среди населения» московской газеты «Известия ВЦИК»¹²².

В это же время внутри кабинета нарастала политическая конфронтация. 11 сентября разразился правительственный кризис. В отставку подают С. В. Горчаков и В. С. Налбандов, 12 сентября — Т. Г. Рапп и П. Н. Соковнин, а по возвращению из Берлина (2 октября) и В. С. Татищев. Сулькевич откровенно пишет 16 сентября Горчакову: «Принимая Вашу отставку, я, со своей стороны, нахожу, что дальнейшее участие Ваше в работах Правительства при обнаружившихся крупных расхождениях во взглядах становится невозможным. Наступающие серьезные события в жизни Крыма требуют от Правительства полной солидарности, а потому реорганизация Кабинета была неизбежна»¹²³.

Свою версию раскола изложил в письмах Налбандову Татищев. Его недовольствие вызвала сумма обстоятельств: «издание законов, явно нарушающих интересы наименее обеспеченной части населения», «полное безразличие к действительным нуждам населения», учреждение Правительствующего Сената с назначением «в него лиц, не имеющих ничего общего с Крымом», наводнение администрации креатурами Сулькевича, «громадные» оклады содержания министров, наконец, отправка в Турцию, «без ведома и согласия» Совмина, дипломатического поверенного, аккредитованного при МИДе, — А. С. Айвазова¹²⁴ (удостоенного за свою деятельность, правда, почему-то только в декабре 1918 года турецкого ордена «Меджидие») ¹²⁵.

1 ноября Сулькевич на заседании Совета Министров подверг резкой критике находящегося в отставке В. С. Татищева. Дело в том, что в Берлине тот официально учредил Общество для товарообмена между Германией, а затем, покинув Краевое правительство, без его ведома самовольно приступил к ликвидации этого Общества. В постановлении, принятом по данному поводу, действия Татищева были признаны превышением полномочий, содержащими признаки преступления¹²⁶.

По мнению К. К. Линёва и В. Ф. Шарапы, правительство Сулькевича «уже в сентябре 1918 г. находилось в состоянии летального исхода» и только «поддержка оккупационных германских властей продлила эту агонию до середины ноября 1918 г.»¹²⁷.

Воспоследовала министерская чехарда: министром юстиции стал А. М. Ахматович, литовский татарин, как и Сулькевич; министром снабжения — бывший уполномоченный по земледелию в Крыму Е. Молдавский; управляющим этого же министерства — член Феодосийской землеустроительной комиссии В. Л. Домброво; временно исполняющим обязанности министра земледелия и краевых имуществ — И. А. Богданович;

управляющим министерства финансов, торговли и промышленности — Д. И. Никифоров (по отъезду в Киев 2 октября его заменил управляющий казённой палатой А. П. Барт¹²⁸); краевым контролёром — татарский общественный деятель М. М. Кипчакский; министром народного просвещения и исповеданий — Н. В. Чарыков¹²⁹; управделами (вместо краевого секретаря) — Н. А. Воейков¹³⁰.

Кабинет Сулькевича был вынужден постоянно держать в поле зрения национальные проблемы (будучи сам, по оригинальному выражению В. А. Оболенского, «анациональным»¹³¹), тем более что на этом настаивали германские власти. Сулькевич пошёл, пожалуй, в решении национальных проблем далее всех образований на территории полуострова в годы Гражданской войны. В этой связи крайне странным выглядит пассаж из откровенно тенденциозного сочинения В. Е. Возгрина о том, что власть занималась «чем угодно, кроме национальной проблемы» крымских татар¹³².

30 июля Сулькевич уведомил Директорию о признании Краевым правительством культурно-национальной автономии крымских татар и заверил, что МВД не будет препятствовать утверждению уставов национально-общественных организаций¹³³. На следующий день уездным и окружным начальникам и начальникам городских полицейских отделений было приказано: «В виду происходивших случаев вмешательства чинов полиции в дела Крымско-татарской Национальной Директории, предписываю всем чинам полиции оказывать должностным лицам означенной Директории полное содействие по исполнению возложенных на них обязанностей»¹³⁴. Заметный контраст с отношением к крымскотатарскому узлу как большевиков в 1918 году, так и администраций А. И. Деникина и П. Н. Врангеля в дальнейшем.

В ноябре Д. И. Никифоров занимается составлением устава Татарского национального банка¹³⁵.

Немецким колонистам возвращались земли, конфискованные у них в Первую мировую войну. Их положение в период германской оккупации стало, естественно, вполне устойчивым.

Однако радикально-националистические элементы стремились к большему, что показывает хотя бы цитировавшаяся выше «записка» Хильми — Айвазова — Сейдамета. Выехавший в Германию Сейдамет в Крым более не возвращался¹³⁶. Как оказалось, он втайне от кабинета вёз с собой бумаги правой крымскотатарской группы и обращение за подписью трёх лиц, именовавших себя Центральным Управлением Германской связи Края. Последние — П. Штоль, А. Я. Нефф и Э. Штейнвальд, от имени «немецкого населения» высказывали солидарность «с татарами в отношении об отделении полуострова от Великобритании и Украины и образовании из него особой государственной единицы», прося у Берлина «защиты и помощи»¹³⁷.

Такие «дипломатические» манёвры министра иностранных дел вызвали предельное возмущение пребывавшего там же, в Берлине, Татищева.

Он пишет Налбандову, узнав о шагах Сейдамета, 2 сентября, что предъявление подобных бумаг «моим товарищем по кабинету, находящимся со мною в одной политической миссии, тайно от меня, создало здесь впечатление о полном отсутствии солидарности... членов Правительства и тем значительно подорвало авторитет его. (...) Такой образ действия Д. Сейдамета глубоко оскорбил меня, как русского человека, выставив меня предателем своей родины; им я никогда не был и не буду». Подчеркнув постоянный «примирительный» характер своей позиции в правительстве, Татищев резюмировал несовместимость её с «узкошовинистической политикой» Сулькевича и Сейдамета. Это послужило ещё одной причиной его отставки¹³⁸.

Национальные трения, как и политические разногласия, всё более ставили под сомнение перспективы первого Краевого правительства. Что касается обвинений в «шовинизме» Сулькевича (не знавшего даже татарского языка), то они представляются нам не слишком убедительными. Речь шла, скорее, о поисках точки опоры, вполне извинительных в запутанной ситуации 1918 года. А. И. Деникин подчёркивал, что в Крыму «правительственная политика не носила официальных признаков национального шовинизма»¹³⁹.

В сентябре наметились позитивные — очень слабые — сдвиги в отношениях с Украиной. Прекратилось ожесточённое таможенное противостояние, действовала телеграфная связь, стали доходить письма. Правда, таможня под Мелитополем сохранилась.

Германская сторона, предпринявшая ряд усилий, для прекращения экономической блокады полуострова со стороны Украины, теперь настоятельно требовала создание союза Крыма с Украинской Державой. В случае отказа Сулькевича от проведения этого курса рассматривался вопрос о назначении вместо него премьер-министром В. С. Налбандова¹⁴⁰.

16 сентября Г. Кош в ультимативной форме передал Краевому правительству указания германского командования в Киеве. Они заключались в следующем: Крымское правительство не является государственным, а именно краевым, без собственного министра иностранных дел и без права политических отношений с другими государствами; «политическое соединение Крыма с Украиной» возможно «на основах автономного внутреннего управления» Крыма, причём «норма соединения должна быть разработана совместно с представителями Украинского Правительства»; Краевое правительство должно состоять «на равных началах из русских, татар, немцев», Требовалось, чтобы ответ был дан до 17 часов. В 18 часов 15 минут того же дня на заседании Краевого правительства в присутствии представителя Германского имперского хозяйственного ведомства тайного советника Отто Видфельда, представителей Киевского военного округа германских войск майора фон Девица, капитана принца Рейса, капитана Зигмунта и лейтенанта Кумрова было решено поручить посредничество по организации переговоров с Украинской Державой Видфельду и Девицу, а также для участия в них сформировать крымскую делегацию.

17 сентября Совет Министров уведомил Г. Коша о том, что, хотя правительство в своей Декларации «объявило себя Краевым, а не Государственным», оно «поставило своей задачей сохранение самостоятельности Края до выяснения международного его положения»; «политическое соединение Крыма с Украиной» может быть установлено на «этих лишь основаниях», «такому соединению не противоречило бы общее Министерство Иностранных Дел с участием в нём Крыма и с представительством последнего в посольствах и консульствах Украины»; принцип пропорционального представительства русских, татар и немцев «всегда соблюдался и изменять его не предполагается Советом (Министров. — *Авт.*) и ныне»¹⁴¹.

26 сентября крымская делегация направилась в Киев. В нее вошли: А. М. Ахматович, председатель, далее — Н. В. Чарыков (12 октября сменил отбывшего в Крым Ахматовича на посту председателя), Л. Л. Фриман, В. Л. Домброво, позднее — Д. И. Никифоров; а также представители Курултая (Ю. Б. Везиров) и Центрального органа Союза крымских немцев¹⁴² (Т. Г. Рапп, А. Я. Нефф). Линия поведения делегации была санкционирована Сулькевичем и Краевым правительством.

Представительную украинскую делегацию возглавил Ф. А. Лизогуб. В её состав также входили: военный министр А. Ф. Рогоза, министр иностранных дел Д. И. Дорошенко, министр финансов А. К. Ржепецкий, министр торговли и промышленности С. М. Гутник, министр внутренних дел И. А. Кистяковский, товарищ министра иностранных дел А. А. Палтов и представитель Морского министерства контр-адмирал Н. И. Черниловский-Сокол. От германского командования присутствовал принц Генрих Рейс (убыл в отпуск после заседания 12 октября). Это свидетельствовало о высокой степени серьезности отношения сторон к переговорам, начавшимся 5 октября¹⁴³.

Они шли с большим напряжением, продемонстрировав два противостоящих направления. Если Симферополь предлагал начать работу с обсуждения экономических вопросов, то Киев настаивал на приоритете вопросов политических, подразумевая под последними присоединение Крыма к Украине с последствиями. Украинская делегация представила Главные основания соединения Крыма с Украиной из 19 пунктов. Суть их сводилась к следующему: «Крым соединяется с Украиной на правах автономного края под единой Верховной властью Его Светлости Пана Гетмана»; международные отношения, управление армией и флотом, законодательство, финансы находятся в ведении Украины (правда, Крым мог иметь собственные вооружённые силы); сферы местного самоуправления, торговли, промышленности и земледелия, народного просвещения, религиозная, национальная, здравоохранения, путей сообщения (кроме железных дорог), определение государственного языка подлежат ведению Крыма и на них «не распространяются общие законы Украинской Державы»; при гетмане состоит статс-секретарь по крымским делам, ко-

торый назначается гетманом из числа трёх кандидатов, предложенных Крымским правительством¹⁴⁴.

Как видим, Киев предлагал Крыму весьма широкую автономию. Однако крымская делегация, исходя из того, что «по отношению к Украине Крым совершенно независим и самостоятелен», расценила Основания как не «проект соединения», а как «проект порабощения». Принятие украинского проекта (особенно пунктов о признании верховной власти гетмана и передаче части крымской собственности Украине), подчеркнула делегация в своем отчёте, повлекло бы «за собой такое изменение в политическом положении Крыма и (нанесло. — *Авт.*) такой ущерб его материальным интересам, что осуществить подобное изменение без ясно выраженной воли Крымского народа Делегация не считала себя правомочной»¹⁴⁵.

Симферополь, отвергнув Основания, выдвинул контрпредложение крымской делегации, предлагая «установить с Украинской Державой федеративный союз» и заключить двусторонний договор¹⁴⁶. Делегация Украины проигнорировала этот документ и 10 октября прервала переговоры. Последнее совещание представителей (без Лизогуба) состоялось 12 октября, затем был заключён ряд частных соглашений. Встреча 16 октября уже не могла иметь никаких последствий: зашатались оба правительства.

Переговоры, таким образом, не привели к компромиссу. Положительный эффект имел, тем не менее, сам факт дипломатического контакта. Крымская делегация зафиксировала, что она «считает необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что при переговорах её с Делегацией Украинского Правительства с полной определённости выяснилось... Украина отнюдь не рассматривает Крым как свою принадлежность, а, напротив, считается с фактически существующим положением, в силу которого Крым является отдельным, независимым от Украины самостоятельным краем»¹⁴⁷.

Любопытна платформа крымских земцев (за ними в первую голову стояла кадетская организация), которые, исходя как из экономических, так и из политических соображений, в письме премьеру Украины высказались за соединение Крыма с Украиной, поскольку «только объединённый с Украиной Крым может снова стать частью нашей возродившейся родины» (России). При этом подписавшие соответствующий меморандум оговаривали: «...Простое включение Крыма наравне с другими частями Украины в Украинское государство не соответствовало бы желаниям большинства населения. (...) Такое присоединение принесло бы ущерб самому украинскому государству; в состав его вошло бы население явно ему враждебное, ибо ни русские, ни немцы, ни татары украинцами быть не желают. Напротив, автономия Крыма — это путь к умиротворению внутренней вражды. На этом пути примирятся как крымские сепаратисты, так и те, кто живёт надеждой на воссоздание великой России»¹⁴⁸.

Однако появились другие обстоятельства — и кадеты кардинально меняют позицию. В. А. Оболенский пояснял на совещании земских деятелей

в октябре: «Некоторое время тому назад, когда велись переговоры с Украиной, было созвано совещание земских управ и городских голов краевого земства, которое выработало докладную записку к украинскому правительству. По нашему мнению, объединение России должно было идти через Украину, поэтому мы тогда решились на присоединение Крыма к Украине при условии сохранения за Крымом автономии.

Но теперь политическая ситуация изменилась. Теперь, когда грядёт всеобщий мир, нам нечего соединиться сепаратно с отдельной частью быв. России, в особенности с такой, которая стоит против объединения России»¹⁴⁹.

Сулькевич неуклонно проводил политику суверенизации Крыма, чему служило формирование судебной системы и собственной армии. Постановлением Краевого правительства от 12 июля был создан Крымский краевой военно-окружной суд «для рассмотрения дел лиц, виновных в преступлениях против личности и собственности, совершённых за время с 25 октября 1917 года, и в попытках ниспровержения установленной Краевой власти»¹⁵⁰; учреждается Крымский Правительствующий Сенат (сентябрь), Крымская судебная палата, Верховный уголовный суд; вносятся дополнения и изменения в Устав уголовного судопроизводства¹⁵¹, гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях¹⁵². 26 сентября правительство принимает постановление «Об учреждении управления Крымской краевой внутренней стражи, окружных, уездных, городских и судебно-уголовных отделов и отделений назваинной стражи»¹⁵³. 9 октября в составе правительства утверждается Министерство внутренних дел¹⁵⁴.

Военная деятельность кабинета генерал-лейтенанта Сулькевича, по понятным причинам, отличалась исключительным напором и многообразием. Благодаря сохранившимся в ГААРК приказам военного министра Крымского краевого правительства¹⁵⁵, она неплохо документирована. Быстро подбирается штат военного министерства, вводятся должности уездных военных начальников, на которые назначается немало татар. 24 июля помощником военного министра (то есть Сулькевича) с возложением непосредственного руководства военным министерством назначается генерал-майор, тоже литовский татарин, А. С. Мильковский¹⁵⁶, 21 июля временно исполняющим обязанности товарища военного министра становится генерал-майор С. Л. Николаев¹⁵⁷. Заместителем военного министра по морским делам назначен контр-адмирал С. И. Бурлей¹⁵⁸. Был сформирован Отдельный Крымский пограничный дивизион (командир которого, ротмистр Н. А. Арнольди, «за отличие по службе» постановлением Совмина от 15 июля получил звание подполковника¹⁵⁹), 26 октября авансируется 400 тыс. рублей на приобретение обмундирования и обуви для его солдат¹⁶⁰. Создана караульная команда при военном министерстве. Согласно постановлению правительства от 30 октября, при военном министре образован Военный совет в составе военного министра (председатель), товарища военного министра, начальника канцелярии, начальников отделов и юрис-

консультанта, который должен был заниматься штатами, финансами, учреждением новых должностей или их замещениями и т. д. 4 ноября А. С. Мильковский утверждает положение об этом Совете¹⁶¹.

Подчёркнуто особая политика проводится в отношении военнослужащих татар. В частности, к военному министерству прикомандировываются мусульманские священнослужители, утверждается штат причта полковой мечети Крымского конного полка. Узакониваются офицерские звания, присвоенные его бойцам (эскадронцам) Дж. Сейдаметом ещё в начале января 1918 года, когда он занимал пост директора военных дел.

С целью укрепления дисциплины была отменена Декларация прав военнослужащих и другие приказы Временного правительства (26 октября)¹⁶² и введены Временные правила о судах чести для офицеров бывшей Русской армии, находящихся на территории Крыма (12 ноября)¹⁶³.

Учреждается даже специальная комиссия (председатель — начальник штаба подполковник В. И. Базаревич) для разработки формы крымских войск. Пока же разрешалось донашивать форму Русской армии, но с изменениями. По решению 16 октября, для генералов, офицеров, врачей сохранялась кокарда овальная, но «с заменой двух чёрных ободков в середине — голубыми», такая же, но круглая, — для военных чиновников, для солдат — овальная, с «наружным ободком белым металлическим». Погоны, лишившись номеров и шифровки, приобрели отметку рода войск (у генералов и офицеров); для солдат вводились погоны алого цвета с синей выпушкой¹⁶⁴.

31 июля самим Сулькевичем был составлен текст присяги на верность Крымскому краевому правительству. Он гласил: «Честью моею клянусь и торжественно перед всеми согражданами обещаюсь всемерно в своих суждениях и деяниях блюсти благо Крымского Края и повиноваться Крымскому Краевому Правительству не токмо за страх, но и за совесть, памятуя, что в исполнении этого моего обета лежит ныне залог сохранения достоинства и благополучия Края и личного благополучия его гражданина»¹⁶⁵. Из министерства юстиции поступили возражения: почему не упомянут Господь Бог? Сулькевич 14 августа поясняет: «...Я находил необходимым не придавать как самому тексту присяги, так и акту привода к ней граждан, религиозного характера...»¹⁶⁶, акцентируя тем самым светский характер создаваемой многоконфессиональной государственности.

Милитаризация и «авторитаризация» режима имели, очевидно, дальний прицел. Конечно же, это не могло устроить немцев, которые, по словам самого главы правительства, «категорически запрещали в Крыму» формировать вооружённые силы¹⁶⁷. Впрочем, амбициозным планам Сулькевича не суждено было осуществиться.

Экономика Крыма, несмотря на экстремальность ситуации, сохраняла жизнеспособность. Не питавший симпатий к Сулькевичу и его политике В. А. Оболенский писал: «...Вспоминая теперь, как жилось в это время обывателям в Крыму, я должен признаться, что жилось сносно, луч-

ше, чем в предыдущие и последующие периоды революции и гражданской войны в Крыму»¹⁶⁸.

Правительство активизировало свою, вначале довольно беззубую, экономическую политику. Централизовав заготовку хлеба в руках Крымской краевой продовольственной управы, оно ввело твёрдые закупочные цены. Большие запасы зерна с вакуфных земель собрала в свои амбары Директория, настаивая на исключительном праве оказывать помощь нуждающимся крымским татарам без посредничества властей¹⁶⁹. Неплохим оказался урожай фруктов. Но таможенные свары на время существенно сбили цены. Крым затоварился.

В торгово-промышленной сфере правительство стало активно использовать политику налогов, акцизов, пошлин. К 9 августа был восстановлен Севастопольский торговый порт. 14 августа создаётся Керченское казённое рыболовство, «самостоятельное казённое коммерческое предприятие... на рациональных началах и урегулировании рыночных цен», причем со своим флагом¹⁷⁰. Проблемы с топливом подтолкнули Совмин к организации инженерной разведки Бешуйских угольных копей. 11 октября было принято постановление об ассигновании 10 тыс. рублей на разведку залежей бешуйского бурого угля¹⁷¹.

Выделялись средства на ремонт шоссе¹⁷², на нужды портов Крыма¹⁷³.

Специальным правительственным постановлением регулировался порядок продажи казённых вин из подвалов краевых (бывших удельных (национальных)) имений¹⁷⁴.

7 октября Совмин принимает постановление «О порядке отпуска за границу Крыма соли». Беспшлинно её можно было вывозить только по соглашению с Краевым правительством¹⁷⁵.

Итак, кабинет Сулькевича, избегая крупных реформ, в самой широкой степени использовал методы государственного регулирования экономики. Это подтверждает и постановление «Об уголовной ответственности за нарушение предельных цен и спекуляцию» от 5 сентября, касающееся продуктов и товаров первой необходимости и грозившее его нарушителям большими денежными штрафами и (или) тюремным заключением¹⁷⁶. (Спекуляция была, однако, неистребима: аналогичные решения принимали все последующие правительства и администрации Крыма, и все они повисали в воздухе).

Ощущая острую нехватку наличности, правительство принимает 16 августа решение о выпуске обязательств на сумму до 20 миллионов рублей купюрами в 500, 1000 и 5000 рублей, которыми продовольственная управа расплачивалась за сданный хлеб. Совмин обещал погасить их, начиная с 1 января 1919 года. В обращении они находились только при первом Краевом правительстве. Имели в Крыму хождение и краткосрочные обязательства Государственного казначейства России (1000 и 5000 рублей), равно как и бумаги Займа Свободы 1917 года, проштемпелёванные Крымским краевым банком. Предприятия и конторы выпускали свои бонны¹⁷⁷. А 9 сентября, подстегнутый отказом Берлина представить заём, Совмин поручил

управляющему Минфином Д. И. Никифорову: «В спешном порядке и не позднее следующего заседания предоставить проект изготовления денежных знаков Крымского Краевого Правительства»¹⁷⁸.

Инфляция, хотя и не достигнув пока в Крыму галопирующего уровня, сильно сказывалась на благосостоянии. Свидетельство тому — забастовки на Севастопольском морском заводе, портовых рабочих Керчи (май-июнь), рабочих табачных фабрик Феодосии (июнь, август), железнодорожников (июль-август), аптечных работников Ялты и Севастополя (август), типографских рабочих Симферополя (сентябрь) и др.¹⁷⁹ Это благоприятствовало деятельности большевиков¹⁸⁰, но и их зимне-весенние «опыты» были ещё свежи в памяти крымского населения и не вызывали особого расположения.

Германскому командованию — истинному хозяину положения в Крыму — забастовки, разумеется, не нравились, особенно, если они непосредственно задевали его интересы. Так, командование расценило отказ от работы железнодорожников как выступление против германских войск и пригрозило суровыми карами. Не без основания оно опасалась агитации большевиков среди своих войск. 11 сентября 1918 года московская «Правда» сообщила о том, что 28 июля на известном крейсере «Гебен», находящемся в Севастополе на ремонте в сухом доке, собрался тайный матросский митинг, обнаруженный офицерами. 60 человек арестовано, часть из них расстреляна, остальные заключены в тюрьму. После этого команде было запрещено сходить на берег.

Нельзя не отметить случаи вмешательства немецких военных в дела гражданских властей. Так, Симферопольская городская управа жаловалась командованию на комендатуру: «С момента появления в Симферополе германских войск городскому самоуправлению предъявляется ряд требований. Они делаются всё разнообразнее и всё растут. Растёт и вмешательство во внутренние дела города. Необходимо принять меры к восстановлению известных границ обязательных и необязательных повинностей»¹⁸¹.

Недовольство действиями германских военных выражают крымские социалисты. Таврический областной комитет РСДРП в своём письме от 18 октября 1918 года в адрес ЦК Независимой социал-демократической партии Германии с горечью констатировал: «Местной печати предъявлены германским командованием двадцать два пункта, обсуждение которых в печати не допускается. Эти двадцать два пункта, обнимая собой все стороны как внешней, так и внутренней политической жизни, низвели местную печать до положения безгласных органов, лишённых возможности освещать текущие события». Командование запретило перепечатывать материалы не только из газеты «Форвертс» — центрального органа Германской социал-демократической партии, но и из умеренно-либеральной «Фоссише Цейтунг», буржуазной «Берлинер Тагеблатт». «Не допускается не только критика Брест-Литовского договора, но и всё, имеющее к нему отношение; запрещено касаться положения на Украине. Не допускается не только для критики, но и для

сухого изложения многие факты внутренней жизни, не имеющие никакого отношения ни к германскому командованию, ни к престижу Германии.

Крымское командование запрещает местной печати пользоваться материалами, открыто печатаемыми в украинских газетах. Местные газеты принуждаются к печатанию заметок, а иногда статей, предлагаемых местными германскими властями (например, о вопросах, связанных с местными стачками на почве экономических требований); принудительно печатаются объявления, призывающие местное население к доносам за вознаграждение». Цензура свирепствует, приостанавливался выпуск социал-демократической газеты «Прибой» и эсеровской «Вольный Юг» (Севастополь), но «буржуазная пресса находится в привилегированном положении и ей часто разрешается печатание сведений и заметок, которые не допускаются в социалистической прессе», — жалуются далее меньшевики.

Кроме того, «за председательствование на собрании, созванном, якобы, без разрешения германских властей», но с согласия гражданской администрации, на 20-дневный срок подвергся заключению председатель Севастопольского комитета РСДРП Н. Л. Канторович.

Своё письмо крымские социал-демократы завершают такими словами: «Доволя об этом до вашего сведения, мы надеемся, что Центральный Комитет Независимой соц.-демократической партии примет меры для освещения происходящего здесь, в Крыму положения и для смягчения существующего административного гнёта»¹⁸².

Жителей полуострова не могло также не раздражать стремление германского командования как можно больше вывезти из Крыма продовольствия и оборудования, необходимого для продолжения Германией военных действий.

Уже через неделю после занятия Севастополя германскими военными из кооперативных складов были увезены 500 000 банок консервов, четырёхмесячные запасы сахара, 900 пудов чая. Из всех мельниц и складов изымались имевшиеся там запасы хлеба. Это не могло не вызвать ухудшение положения с продовольствием на полуострове. Ситуацию к тому же осложнял запрет украинского правительства на ввоз хлеба в Крым. В результате начался рост цен на продукты питания. Попытки правительства убедить командование поумерить аппетиты осаждались грубыми окриками.

Забиралось всё, что можно было забрать. Только из Севастопольского военного порта вывезено различных запасов на 2 миллиарда 550 миллионов рублей. В Германию переправлялось оборудование Симферопольского аэропланного завода А. А. Анатра, Керченского металлургического завода, готовые аэропланы и запасные части к ним, радиостанции, автомобили, телеграфное оборудование¹⁸³. Отправлялось в Германию имущество бывших дворцов императорской фамилии на Южном берегу Крыма. Так, 30 июня 1918 года вахмистр Водрих, явившийся с группой солдат в имение Ливадия, приказал вывезти мебель из парадного кабинета Николая II и некоторые вещи, составлявшие личную собственность императрицы Александры Фёдоровны. На

протест заведующего дворцом Б. Б. Рудзинского вахмистром было заявлено, что ему поручено забрать обстановку, которую он сочтёт подходящим. Среди изъятых оказались диван, кресло, стулья, столы, комод, вазы, персидские ковры, картины, в том числе две кисти И. К. Айвазовского¹⁸⁴. С царской яхты «Алмаз» содрана вся обшивка, похищена мебель.

Ценности Бахчисарайского ханского дворца расхищались офицерами 7-го егерского полка. Проследовавшие через Бахчисарай немецкие воинские части похитили разного дворцового имущества на сумму в 2 785 рублей¹⁸⁵.

М. М. Винавер вспоминал: «генерал Кош распоряжался отправкою в Берлин ежедневных поездов, нагружённых обстановкой императорских дворцов и яхт и многообразным крепостным и портовым имуществом Севастополя. Солдаты-немцы ежедневно отправляли родным маленькие посылочки с хлебом и другими продуктами края...»¹⁸⁶.

Мрачно зрелище представляла гостиница «Гранд-Отель» в Севастополе. В акте от 17 декабря 1918 года комиссии Севастопольской городской управы по установлению убытков, причинённых германцами, отмечалось: «Впечатление, которое производит гостиница, не поддаётся никакому описанию, настолько испорчены все помещения и инвентарь; трудно даже предположить, что в этих помещениях жили люди и только что его освободили»¹⁸⁷.

Однако действия германских военных в те годы, не идут ни в какое сравнение с жесточайшим оккупационным режимом, установленным немецким командованием в Крыму в 1941–1944 годах.

Вернёмся, однако, к внутренней политике Краевого правительства. Оно пыталось вводить компенсации, например, служащим (которые, тем не менее, «буквально голодали»¹⁸⁸, причём при всех режимах), продовольственные пайки и другую помощь бедствующим категориям населения. 7 августа были введены карточки на печёный хлеб (из расчета 1 фунт на человека в день). «В виду возрастающей дороговизны жизни» постановлением от 19 октября служащим всех правительственных учреждений единовременно разрешается выдать пособие в размере месячного оклада¹⁸⁹. Постановлением от 11 октября назначались продовольственные пособия семьям солдат, находящимся в плену¹⁹⁰. Открывается кредит в 75 тысяч рублей на содержание больных и выплату жалования служащим Севастопольского морского госпиталя¹⁹¹, для него же из Краевой продовольственной управы отпускается 8 тысяч аршин бязи и 2400 аршин сукна для тысячи комплектов нательного белья и трёхсот тёплых халатов¹⁹², выделяется 35 тыс. рублей земству на противохолерные мероприятия¹⁹³. 9 ноября по представлению министра внутренних дел утверждается расписание должностей и окладов содержания уездных, городских, окружных врачей, уездных и окружных фельдшеров, выделяются средства на их содержание (с 1 октября), а также на единовременное «воспособление» в размере месячного жалования. Средства в сумме 28 тысяч 350 рублей нашлись и для медработников Феодосийской морской врачебно-наблюдательной станции¹⁹⁴.

2 августа в Симферополе открылась биржа труда. Парадоксально, но обращались туда немногие. Безработица в Крыму, несмотря на перенасыщенность беженцами, не достигла масштабности: часть населения с приходом немцев подалась в Россию, часть — принялась торговать, чем попало, часть — была занята на полевых и садовых работах¹⁹⁵. Немало безработных трудоустроили профсоюзы, руководимые по-прежнему меньшевиками. Но с ноября безработица стала расти.

Учитывая многолетние ходатайства общественности и значительное количество оказавшихся на полуострове деятелей науки, 30 августа Крымское краевое правительство принимает постановление «Об учреждении Таврического университета»¹⁹⁶, в создании которого немаловажную роль сыграл С. С. Крым, были выделены средства на его устройство и содержание. Университет в присутствии Сулькевича и Коша торжественно открыт в здании Дворянского театра в Симферополе 14 октября¹⁹⁷. Первым его ректором стал доктор медицины, профессор Р. И. Гельвиг¹⁹⁸. Керченскому Кушниковскому девичьему институту Совет Министров ассигнует 62 тысячи 500 рублей¹⁹⁹. 11 ноября правительство принимает постановление об учреждении для детей убитых и увечных воинов 400 стипендий Военного министерства для обучения в учебных заведениях Крыма: по 178 для мальчиков и девочек в низших учебных заведениях, 10 в мужских гимназиях, 6 в реальных училищах, 4 в коммерческих училищах, 16 в коммерческих училищах, 4 в женских коммерческих училищах, 4 в Таврическом университете²⁰⁰.

2 октября принимается постановление «О предоставлении Министерству народного просвещения права допускать к переизданию, без получения разрешения авторов и издателей, книги, признанные им необходимыми в качестве учебников и имеющими общеобразовательное значение»²⁰¹.

Выделяются средства на содержание музеев археологических раскопок в Херсонесе и Евпатории, музея обороны Севастополя²⁰², Карасубазарской мужской гимназии (за 1916–1917 годы)²⁰³, на ремонт Симферопольской татарской учительской школы²⁰⁴. Несмотря на цензурные ограничения, выходят разнообразные периодические издания²⁰⁵. Действовала Таврическая учёная архивная комиссия (ТУАК)²⁰⁶, членом которой с 1912 года являлся Сулькевич. 6 ноября управляющий канцелярией МВД Л. Е. Кричинский (член ТУАК с февраля 1919 года) дал распоряжение начальнику Евпаторийского уезда «принять... меры к охране развалин» древней городской стены с двумя башнями в г. Евпатория «возле Приморской санатории (на Дувановской ул.)» и «к недопущению их расхищения». Об этом уведомлялся и директор Херсонесского музея и раскопок Л. А. Моисеев, который в это же время адресовал на имя главы правительства «Положение о главной дирекции музеев, раскопок и охраны памятников искусства и старины в Тавриде», направленное на рассмотрение в Министерство народного просвещения²⁰⁷.

Однако следует иметь в виду, что далеко не все решения властей были реализованы.

Тем временем Германия, Австро-Венгрия и Турция стремительно катились к военному поражению и общественным потрясениям. Экономические показатели поползли вниз. Под боком действовала Добровольческая армия. Все эти разнородные факторы сильнейшим образом резонировали в крымской общественно-политической среде.

Во-первых, падал авторитет — и так невысокий — правительства Сулькевича. «Все, кроме татар, — несколько утрируя, пишет В. А. Оболенский, — принимавших всерьёз его лубочно-национальный фасад, относились к нему враждебно, одни за реакционность, другие за германофильство и сепаратизм, третьи за особые дефекты, связанные с личностью его главы, генерала Сулькевича. Говорили о неимоверно развившемся взяточничестве, с негодованием наблюдали за безнаказанным процветанием во всех городах Крыма игорных притонов, и «знающие» люди по секрету сообщали знакомым о том, что владельцы этих притонов связаны какими-то таинственными нитями с главой правительства. Возможно, что эти слухи были недостаточно проверены, но, во всяком случае, непопулярность правительства росла не по дням, а по часам»²⁰⁸.

Журналисты не жалели самых тёмных красок, перечисляя грехи режима. «Всё правление г. Сулькевича проникнуто антидемократическим духом, — настаивал один из них. — Первая конкретная ошибка заключается в роспуске городских дум и земских собраний, вторая — в полнейшей неорганизованности краевых финансов.

Если первая ошибка сразу поставила в оппозицию правительству широкие слои демократии, то вторая подорвала к нему доверие всего населения и, главным образом, буржуазии (на поддержку которой и рассчитывал Сулькевич! — *Авт.*).

Наконец, третья ошибка — неумение окружить себя подходящими помощниками. В каждом министерстве свили себе гнёзда бывшие бюрократы, которые очень быстро «обюрократили» всю машину»²⁰⁹.

На тех же страницах ему вторил другой: «Старый, затхлый бюрократический режим наложил на миропонимание ген. Сулькевича отпечаток прочный, неистребимый. Его методы «управления», его орудия воздействия носят прежний полицейско-бюрократический характер... (...) Каким недомыслием, какою наивностью надо обладать, чтобы считать такое полицейско-благополучное житие возможным в настоящее время!»²¹⁰.

(Знали бы авторы, какое «житие» ждёт их во время самое ближайшее...).

Сулькевич мог бы опираться на крымскотатарские структуры, что он отчасти и делал, но последние сами переживали не лучшие времена. Внутри их всё более высвечивались различные социальные устремления, а программные обещания, прежде всего в аграрной сфере, оставались невыполненными. Это усиливало протест беднейшей части татарского крестьянства, несмотря на всю его забитость; подрывало изначально заданную «бесклассовость» движения. Напрасно взывала передовица газеты «Крым»:

«...Мы находим, что будущая Крымская республика должна выражать волю и интересы большинства населения. Уроки пережитого большевизма должны нас научить, что нельзя строить государство на диктатуре одной какой-либо группы населения. Государство должно защищать интересы всех классов, всех народов, населяющих Крым (выделено нами. — *Авт.*) Будущая наша Республика должна повести наш край к прогрессу, как в культурном, так и в политическом и в социальном отношении, представлять из себя красивый оазис»²¹¹.

Классовые конфликты разрывали народ на враждующие группы. Газета «Миллет» сетовала: «Со дня прибытия германцев в Крым наши богачи, большей частью Феодосийского уезда, расхрабравшись, увеличили своё влияние... они, как и прежде, в течение многих лет, хотят заставить бедняков и безземельных крестьян, работающих на их землях, по-прежнему работать на них. Из-за личных счётов арестовывают людей, из-за неоплаченного долга говорят: «он, мол, большевик», отдают своих должников германцам для избиения шомполами... Газета «Миллет» в последний раз по-хорошему призывает богачей к хорошему»²¹².

Имеются данные о деятельности в июле Татарской рабочей партии во главе с С. Карыковым²¹³.

Возобновивший после летнего перерыва заседания Курултай (1 сентября) погрузился в «вермишель» далеко не первостепенных вопросов: финансы, вакуфы и пр. Возмущённые левые — А. А. и У. А. Боданинские, С. М. Меметов, И. С. Идрисов и другие, — огласив красноречивую декларацию, выходят из Курултая. Осенью они вступили в РКП(б), создав мусульманскую секцию и встав на путь подпольной борьбы против белых и интервентов (исключая комиссара Бахчисарайского ханского дворца художника У. А. Боданинского).

13 сентября, во время кризиса в Краевом правительстве, Курултай счёл нужным себя распустить «по случаю праздника курбан-байрам». Ещё один удар нанесла капитуляция Германии и Турции, на которых возлагались столь большие надежды. Так, крымскотатарское движение, пережив свою золотую пору в 1917 году, сходит с авансцены.

Германская сторона была готова к результатам крымско-украинских переговоров в Киеве. Принц Рейс разработал на этот случай план действий, согласно которому Украиной вновь бы началась экономическая блокада полуострова, устранялось правительство Сулькевича, вместо которого формировалось новое во главе с В. С. Налбандовым или С. С. Крымом, возобновляющее переговоры с Украинской Державой. К середине октября штаб германского командования в Крыму (52-го корпуса) был проинформирован об отказе в поддержке Сулькевича и необходимости формирования новой администрации под руководством фигуры, подобной С. С. Крыму²¹⁴.

Опять начинается таможенная война с Украиной²¹⁵. «Раньше разрешали провоз, хотя для собственного употребления, а теперь отбирают всё.

(...) Особенно страдают от закрытия украинской границы некоторые наши кооперативы, котор. закупили на крупные суммы массу фуража и др. продуктов и теперь лишены возможности доставить их». И опять крайним оказывается правительство Сулькевича, которое не сумело воспользоваться передышкой во время переговоров и не сделало запасов. «В результате Крыму грозит голод»²¹⁶.

15 октября в Гаспре (имение графини С. В. Паниной) состоялось совещание кадетских лидеров совместно с представителями промышленников П. П. Рябушинским и Д. В. Сироткиным, на котором набрасывается программа действий будущего правительства: возрождение единой России, которое должно идти только снизу, от самоуправлений; организация местной власти, но при опоре в военном отношении на Добровольческую армию. На платформе «единой России» сошлись с левыми (то есть умеренными социалистами), хотя сохранялись разногласия: не предрешать форму правления («демократическая», «республиканская» — пусть вопрос этот решает Учредительное собрание, но только новое, а не старое). Началась «тихая, полунемая осада властей предрежащих», которая в виде митингов, собраний, деклараций и пр. «длится более месяца...»²¹⁷ На следующий день в Ялте, на квартире Н. Н. Богданова, кадетское руководство, предварительно заручившись согласием фон Энгелина, окончательно решило требовать отказа от власти Сулькевича, поддержать кандидатуру С. С. Крыма на пост председателя нового правительства, куда должны также войти кадеты Н. Н. Богданов, В. Д. Набоков и М. М. Винавер. Оппозиция приступает к действиям.

17 октября собрание правления профсоюзов и организаций социалистических партий Феодосии, констатируя в своей резолюции, что «политика Крымского Правительства, построенная исключительно на защите интересов имущих классов, полное игнорирование потребностей широких масс, разгон органов местного самоуправления, стремление к реставрации дореволюционных отношений усугубляют разруху краевого и местного хозяйства и вызывают сильное возмущение рабочего класса», призвало к воссозданию единой России при автономии Крыма²¹⁸.

18 октября трёхдневный съезд губернских гласных и городских голов, представителей земских управ принял развёрнутую резолюцию, основными моментами которой были: 1) «воссоздание единой России» и созыв Учредительного собрания; 2) восстановление гражданских свобод, распушенных городских и земских самоуправлений, всемерная демократизация; 3) созыв Краевого сейма на основании всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права (до создания в Крыму народного представительства временное правительство «обладает всей полнотой законодательной и исполнительной власти»); 4) ежемесячные отчёты правительства перед земско-городскими собраниями, но без политической ответственности перед последними; 5) выбор главы правительства по соглашению со всеми политическими партиями, представленными на съезде. «В предсе-

дателя совета министров избирается **С. С. Крым**, которому поручается составление кабинета». Наконец, съезд потребовал «немедленного отказа от власти» (выделено нами. — *Авт.*) Сулькевича²¹⁹.

Генерал ещё пытается удержаться у власти, шарахаясь от кнута к прянику. Он вынашивает планы разгона земского съезда — но сил нет. Он печатывает 19 октября типографии оппозиционных газет «Прибой» и «Крымский Вестник», но германские власти, отвернувшись от своего бывшего протеже, распоряжаются о снятии печатей и выпуске газет.

В тот же день правительство Сулькевича объявляет о созыве Краевого парламента на 7–10 декабря, создает комиссию во главе с М. М. Кипчакским по организации выборов; 22 октября — заявляет о воссоздании волостных земств; 24-го — о восстановлении полномочий городских дум и земских собраний. Сулькевич согласился на «образование нового кабинета, опирающегося на все элементы населения», с обязательным представительством от национальных групп²²⁰. Провозглашается «полная свобода печати». Однако эсеровская организация заявляет, что если к 29 октября не будет сформирован кабинет во главе с С. С. Крымом, она оставляет за собой полную свободу действий. За скорейшее вступление правительства С. С. Крыма в свои обязанности высказывается 26 октября Симферопольская городская дума.

После июля 1918 года собрались только две курialesные думы, созданные на основании закона Краевого правительства от 15 июля (вводившего курии и цензы) — севастопольская и карасубазарская. Антидемократический закон не сработал.

31 октября комиссия по созыву краевого парламента, на заседание которой, однако, явились немногие (18–20 человек из 83), начала работу, решив созвать Сейм не позднее 1 января 1919 года. Но кабинет Сулькевича был обречён. 3 ноября генерал Кош заявил об отказе от его поддержки.

4 ноября Сулькевич телеграфирует в Екатеринодар командующему Добровольческой армией А. И. Деникину: «Развал среди германских войск идёт полным ходом... Нет никакой опоры для борьбы... Возможны вспышки и повторение неистовств большевиков... Обстановка ясно говорит за необходимость быстрой помощи союзного флота и добровольцев... Ввиду борьбы и сильной агитации левых партий, кабинет мой слагает свои полномочия, уступая место коалиционному министерству из кадетов, социалистов и татар...»²²¹.

Тем временем, 7–10 ноября новый съезд земцев потребовал создания демократического правительства, которое немедленно предприняло бы шаги к «установлению связи и соглашению с образовавшимся в Уфе правительством²²² в целях ускорения дела объединения всех возникших новых государственных образований и возрождения единой России на демократических началах». Съезд обвинил Сулькевича во всевозможных грехах: «полной несостоятельности во всех областях управления», «полном отрицании общественных интересов и демократических начал», неумении навести порядок и т. д. и т. п.²²³

Единственными политическими образованиями, пытавшимися не допустить смещения Сулькевича, были крымскотатарские.

9 ноября собирается Общекрымский татарский съезд, принявший решение о немедленном созыве Общекрымского парламента с учредительными функциями. Выдвигается требование, чтобы представительство татар в краевом правительстве, возглавляемом обязательно татаринном, было пропорционально их удельному весу в общей массе крымского населения, а в случае игнорирования этого Курултай намеревался поддержать правительство Сулькевича. Но возможности национального движения теперь были мизерны²²⁴.

12 ноября германское командование приказало начать вывод своих войск из Крыма, а 14-го официально уведомило губернскую земскую управу об устранении правительства генерал-лейтенанта. В этот же день оглашается правительственное сообщение за подписью председателя Совета Министров, в котором среди прочего извещалось: «...Правительство объявляет, что оно передаст немедленно власть тому кабинету, который будет сформирован представителями общественных деятелей по соглашению с представителями национальных групп». 15 ноября до населения доведено правительственное сообщение Сулькевича, о том, что, «правительство, мною возглавляемое, передало управление Краем правительству, возглавляемому председателем Таврического земского собрания С. С. Крымом»²²⁵.

Так безрезультатно закончилась первая и фактически единственная в XX столетии попытка создания в Крыму самостоятельного государства. Итог был предрешён — слишком мощные силы втягивали регион в поле своего воздействия, слишком шаткой была социальная и политическая база первого Краевого правительства. Однако настойчивые потуги его лидера со столь трагической судьбой в огне Гражданской войны, в хитросплетении интересов и интриг добиться своих целей, создать маленький оазис стабильности и порядка, соединить национальные общности Крыма в совместной работе не могут не вызвать уважения и заслуживают того, чтобы остаться в истории Крыма одной из самых примечательных страниц²²⁶.

¹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. П. Н. Надинский. — Симферополь, 1957. — Т. I. (Март 1917 г. — апрель 1918 г.). — С. 268.

² Известия ВЦИК (Москва). — 1918. — 8 мая. Командующий главной из 4-х наступавших на Крым колонн германских войск Ашауэр откровенен в своих мемуарах, называя Крым «несравненной геополитической позицией». «Овладение этим плацдармом на северном побережье Чёрного моря, с его идеальными морскими гаванями и находящимися в них судами, — пишет он, — расширяло круг нашего влияния в таком размере, в каком мы и не предполагали» (ГААРК. — Ф. П-150. —

Оп. 1. — Д. 67. — Л. 11; перевод С. Драпкиной). Между тем, социалисты Г. Ледебур, Г. Гаазе и др. опротестовывают в рейхстаге оккупацию Крыма как противоречащую Брест-Литовским договоренностям.

³ Цит. по: *Линёв К. К., Шарапа В. Ф.* Крымское краевое правительство С. Сулькевича // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1996. — Вып. V. — С. 226.

⁴ **Кош Роберт фон** (1866–1942). В 1914 году назначен командиром 10-й пехотной дивизии, во главе которой вступил в Первую мировую войну. Командир I армейского корпуса (с 8 октября 1914 года). Отличился в сражениях с российской армией в Восточной Пруссии. С 11 июня 1915 года — командир X резервного корпуса. 28 августа 1916 года возглавил 52-е генеральное командование (подчинённые ему части до 19 января 1918 года носили название Дунайской армии), и. о. командующего 9-й армией. Успешно руководил действиями против Румынской армии. Генерал от инфантерии (пехоты). Вышел в отставку в декабре 1918 года («Изыскать пути к парализованию...»). Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) (публикация и комментарии А. В. Ефимова и Р. Н. Белоглазова) // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2002. — Вып. № 4. — С. 163; *Залесский К. А.* Кто был кто в Первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. — М., 2003. — С. 326).

⁵ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. М. М. Максименко. — Симферополь, 1961. — Т. II. (Май 1918 г. — ноябрь 1920 г.). — С. 44.

⁶ Цит. по: *Вольфсон Б.* Изгнание германских оккупантов из Крыма. — Симферополь, 1939. — С. 16–17.

⁷ Характерный пример: «От Коменданта гор. Феодосии. По приказу Генерал-Фельдмаршала фон Эйхгорн и на основании Императорского указа Вильгельма II от 28 декабря 1899 г. впредь до особого распоряжения будут судить полевым судом всех находящихся в Крыму лиц:

1) Если они обвиняются в действиях, караемых по Закону Германской империи и совершенных против германских войск или против граждан Крымского полуострова или против учреждения, назначенного Германским Императором.

2) Если они не исполнили или противодействовали приказу германского начальника и за такой проступок не полагается наказания согласно закону о маловажных проступках...» Дата: 7 мая (Бюллетень «Феодосийской Жизни». — 1918. — 9 мая).

⁸ *Калинин Н. Н., Земляниченко М. А.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...» — Симферополь, 2002. — С. 290.

⁹ **Юсупов Феликс Феликсович** (младший) (1887–1967). Князь, граф Сумароков-Эльстон; потомок древнего аристократического рода, одного из самых богатых людей в России и Европе. Окончил частную гимназию в Санкт-Петербурге, некоторое время обучался в Санкт-Петербургском университете, в Оксфорде, на специальных курсах (пехотных) Пажецкого корпуса. Генерал-майор свиты. В 1914 году женился на племяннице Николая II княжне Ирине Александровне. За участие в убийстве Г. Е. Распутина в ночь с 16 (29) на 17(30) декабря 1916 года в его доме в Петрограде выслан в курское имение Ракитное, где под негласным надзором полиции пробыл до Февральской революции. В 1917 году переехал с семьёй в Кореизское имение, реконструкцию которого вместе с возведением нового двор-

ца осуществил в целом к 1910 году архитектор Н. П. Краснов (другое известное имение Юсуповых в Крыму — Коккоз (ныне с. Соколиное Бахчисарайского района), где тем же Красновым возведён «Охотничий дом»). Эмигрировал в апреле 1919 года вместе с членами семьи Романовых. Жил в основном во Франции. Автор мемуаров (*Федорченко В. И.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий: в 2 т. — Красноярск — М., 2003. — Т. 2. — С. 604; *Калинин Н. А., Кадиевич А., Земляниченко М. А.* Архитектор Высочайшего Двора. «Архитектор Краснов — удивительный молодец...» — Симферополь, 2003. — С. 95–102; *Земляниченко М. А.* «Old gentleman» Фредерикс и император Николай II. — Симферополь, 2007. — С. 174; *Белова С. А.* Коккозы. Потерянный рай князей Юсуповых. — Симферополь, 2008).

¹⁰ *Юсупов Ф. Ф.* Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. — М., 2003. — С. 242; В благодарность за спасение императрица Мария Фёдоровна заказала Г. В. Дерюжинскому изготовить скульптурный портрет Ф. Л. Задорожного, который был отлит в гипсе, после чего устроила обед в честь бывшего охранника (*Меньшова И. А.* Комментарии // Судейкина В. А. Дневник: 1917–1919: (Петроград — Крым — Тифлис). — М., 2006. — С. 506).

¹¹ *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). — М., 1992. — Ч. 1. — С. 95–96.

¹² *Юсупов Ф. Ф.* Указ. соч. — С. 243.

¹³ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — С. 96.

¹⁴ *Федюшин О.* Украинская революция. 1917–1918. — М., 2007. — С. 169–170.

¹⁵ *Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. — М.-Минск, 2005. — С. 676.

¹⁶ *Федюшин О.* Указ. соч. — С. 234.

¹⁷ **Везиров Юсиф (Юсиф Везир Мирбаба-оглы, псевдоним Чемаземинли)** (1887–1943). Родился в Шуше в знатной азербайджанской семье. Учился в школе Моллы Мехти, русской школе в Агдаме, в реальных училищах Шуши и Баку. Автор публицистических статей, рассказов и фельетонов (публикуется с 1907 года). В 1910 году поступил на юридический факультет Императорского университета Св. Владимира в Киеве, который в 1915 году был переведён в Саратов, где он его и окончил. Работал судьёй в Саратовской судебной палате. Вернулся в Киев и в качестве представителя земства отбыл на фронт. После Февральской революции возвратился в Киев, где создал азербайджанское общество, став его председателем. Представитель Азербайджанской Демократической Республики при УНР. Прибыл в Симферополь после оккупации Украины и Крыма германскими войсками. Исполнял должность товарища министра иностранных дел первого Крымского краевого правительства (1918). Опубликовал в газете «Миллет» статью «Азербайджан и азербайджанцы». Посол Азербайджанской Демократической Республики в Константинополе (1919). После установления власти большевиков в Азербайджане уехал в Париж. Сотрудничал в газете «Парижские Новости». В 1926 году вернулся на родину. Известный азербайджанский писатель и драматург, автор трудов по истории азербайджанской литературы и фольклора, переводчик с русского языка, один из редакторов «Русско-азербайджанского словаря», преподаватель высших учебных заведений. С 1937 года отстраняется от работы. Осуждён в 1940 году. Скончался в лагере для заключённых на станции Сухобезводная в Горьковской области (*Гусейнов Т. Г.-о.* Жизнь и творчество Юсифа Везира Чемаземинли: Авто-

реферат дисс. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. — Баку, 1989; *Айвазов А. С.* История национального движения в Крыму // Восточный Свет (Москва). — 2005. — № 3. — С. 43; и др.).

¹⁸ Крым (Симферополь). — 1918. — 10 мая.

¹⁹ *Вольфсон Б.* Указ. соч. — С. 15–16; *Ланттев Ю. Н.* Революция и гражданская война (1917–1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. — Симферополь, 2000. — С. 77–78.

²⁰ *Федюшин О.* Указ. соч. — С. 234–237.

²¹ Там же. — С. 226–228. Стоило турецкому министру военно-морского флота Джемаль-паше пожелать нанести в начале мая визит в Севастополь на турецком боевом корабле, как последовал приказ германского командования, опасавшегося, что крымские татары будут приветствовать его в качестве «победителя-освободителя», способствуя оживлению национального движения, приняв высокопоставленное лицо «как если бы он прибыл в германский порт», предупредив, таким образом, его вмешательство во внутрикрымские дела (Там же. — С. 230).

²² *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив (Симферополь). — 1994. — № 1. — С. 84.

²³ *Оболенский В. А.* Указ. соч. // Там же. — 1996. — № 2. — С. 15.

²⁴ *Епанчин Н. А.* Крым в 1917–1920-е годы. Воспоминания // Там же. — 2002. — № 8. — С. 158.

²⁵ **Винавер Максим Моисеевич** (1863–1926). Родился в Варшаве. Там же окончил университет (1886). Присяжный поверенный в Санкт-Петербурге (1904). Юрист-государствовед с международной известностью. Выступал как адвокат. Редактировал (совместно с В. Д. Набоковым) журнал «Вестник Права». Стоял у истоков образования кадетской партии, член её ЦК. Участвовал в деятельности еврейских общественных организаций. Депутат первой Госдумы, подписал Выборгское воззвание, за что предан суду, отбыл 3-месячное заключение в тюрьме (1908), лишён права участвовать в выборах. После Февральской революции — сенатор, член Временного Совета Российской Республики (Предпарламента). Член Учредительного собрания. Арестовывался, но отпущен после допроса. В 1918 году жил с семьёй в Алуште. Противник германской ориентации, отстаиваемой лидером кадетов П. Н. Милоковым. В 1918–1919 годах — министр внешних сношений второго Крымского краевого правительства. После его падения эмигрировал в Париж, где участвовал, как публицист, в различных изданиях (журнал «Еврейская Жизнь» («Еврейская Трибуна»), газета «Последние Новости»). В 1922 году вместе с П. Н. Милоковым основал еженедельный журнал «Звено». Примыкал к левому крылу кадетской эмиграции. Автор работ по праву и воспоминаний. Умер в Ментон-Сюр-Бернаре (Франция). (*Голостенов М. Е.* Винавер Максим Моисеевич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. — М., 1993. — С. 65–66; *Зарубин В. Г.* М. М. Винавер и Крым // Историческое наследие Крыма (Симферополь). — 2004. — С. 14–20; *Зарубин В. М.* М. Винавер и Крым // Материалы Одиннадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. — М., 2004. — Вып. 16. — Ч. 1. — С. 196–211).

²⁶ *Винавер М.* Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). — Париж, 1928. — С. 3.

²⁷ Врангель П. Н. Указ. соч. — С. 95. Заявление насчёт того, что немцы давали возможность большевикам деятелям беспрепятственно покидать Крым оставим на совести мемуариста.

²⁸ Оболенский В. А. Указ. соч. // Крымский архив. — 1996. — № 2. — С. 15.

²⁹ Епанчин Н. А. Указ. соч. — С. 158.

³⁰ Черчилль У. Мировой кризис // Мировой кризис. Автобиография. Речи. — М., 2003. — С. 159.

³¹ Волошин М. А. Из неизданного. — СПб., 1999. — Выпуск второй. — С. 203.

³² Цит. по: Сергийчук В. Кримська політика Павла Скоропадського // Гетьман Павло Скоропадський та Українська Держава 1918 року. Науковий збірник, присвячений 125-річчю від народження Гетьмана Павла Скоропадського, та 80-річчю проголошення Української Держави 1918 року. — К., 1998. — С. 14.

³³ Там же.

³⁴ Центральный государственный архив высших органов Украины (ЦГАВО Украины). — Ф. 3766. — Оп. 1. — Д. 132. — Л. 21–23; авторы выражают признательность киевскому историку Т. Б. Быковой за предоставление копии этого документа.

³⁵ См. подробнее: Мамчак М. А. Флотоводці України. Історичні нариси, хронологія походів. — Снятин. — 2005. — С. 201–204, 211–214, 222–223.

³⁶ Крым. — 1918. — 10 мая; Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). — Симферополь, 1996. — Выпуск 3. — С. 33–36.

³⁷ Крым. — 1918. — 10 мая.

³⁸ Интересно отметить, что после потопления части кораблей Черноморского флота в Новороссийске оставшиеся суда оказались германскому командованию не нужными. Как вспоминал 1-й генерал-квартирмейстер германской армии Эрих Людендорф, «Советское правительство взяло с нас обязательство, что мы будем пользоваться этими судами только на войне, насколько этого потребует военное положение. Нужды в них у нас не оказалось» (Людендорф Э. Указ. соч. — С. 671).

³⁹ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 94. — Л. 2, 5.

⁴⁰ Южные Ведомости (Симферополь). — 1918. — 10 мая.

⁴¹ Оболенский В. А. Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1994. — № 1 — С. 78–79.

⁴² ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 19. — Л. 6.

⁴³ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922). Родился в Санкт-Петербурге. Потомственный дворянин, сын сенатора и министра юстиции (1878–1885). Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1894–1899 годах на государственной службе, получил звание камер-юнкера. Преподавал в Императорском училище правоведения (с 1895 года профессор уголовного права). Автор учебника, статей по уголовному праву. С 1901 года редактор либеральной газеты «Право» и журнала «Вестник Права». Гласный Петербургской городской думы, член Союза освобождения, один из организаторов партии конституционных демократов, член ЦК, товарищ председателя и редактор-издатель её центрального органа «Вестник Партии Народной Свободы», соредактор газеты «Речь», сотрудничал в журнале «Освобождение». Участник земских съездов 1904–1905 годов. За свои политические убеждения лишён в 1904 году звания камер-юнкера. Депутат первой Государственной думы, подписал антиправительственное Выбор-

гское воззвание к гражданам России (1906), за что предан суду (1907), отбыл 3-месячное заключение в «Крестах», лишён права участвовать в выборах. В Первую мировую войну офицер ополчения, делопроизводитель в Главном Штабе. Участник составления Манифеста об отречении великого князя Михаила Александровича. После Февральской революции Управляющий делами Временного правительства, товарищ председателя Временного Совета Российской Республики (Предпарламента). После октябрьских событий 1917 года входил в Комитет спасения Родины и Революции. Член Учредительного собрания. Арестовывался. После запрещения партии кадетов выехал к семье в Крым. Проживал в небольшом домике имения графини С. В. Паниной в Гаспре, предоставленном её отчимом И. И. Петрункевичем, почётным председателем кадетской партии. Здесь написал воспоминания «Временное правительство». В 1918–1919 годах министр юстиции второго Крымского краевого правительства. Вместе с другими членами правительства и семьёй, включая сына — В. В. Набокова, в будущем известного писателя — 15 ноября 1919 года покинул Крым на греческом судне «Надежда», следовавшем из Севастополя в Пирей (Греция). В эмиграции — среди правых кадетов. Жил в Англии, Германии. Издавал вместе с П. Н. Милоковым в Лондоне журнал «New Russia», совместно с И. В. Гессеном в Берлине — газету «Руль». Убит белоэмигрантом при попытке покушения на П. Н. Милокова в Берлине (Федоренко А. П. Набоков Владимир Дмитриевич // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. — С. 226–227; Зарубин В. Г. В. Д. Набоков и Крым // Историческое наследие Крыма. — 2005. — № 11. — С. 98–101).

⁴⁴ **Петрункевич Иван Ильич** (1843/1844–1928). Родился в имении Плиски Борзянского уезда Черниговской губернии. Крупный землевладелец, дворянин. Юрист. С конца 1870-х годов участник земского движения в Черниговской губернии, в 1879 году выслан в Галич Костромской губернии. Вернувшись в 1886 году, избран в гласные Черниговского земства. За антиправительственную деятельность вскоре опять выслан с запрещением проживать на Украине. Переселился в Тверскую губернию (1886–1904), избран губернским и уездным земским гласным. Один из организаторов и председатель общества «Освобождение России» (1903), организатор и председатель Союза Освобождения (1904). В январе 1904 года вместе с другими земскими деятелями выслан из Твери. Один из создателей партии конституционных демократов, член её ЦК (1905–1917), председатель партии (1909–1915), почётный председатель (с 1915 года). Депутат первой Государственной думы, председатель кадетской фракции. Подписал антиправительственное Выборгское воззвание к гражданам России (1906), осуждён на 3-месячное заключение, лишён права участвовать в выборах. Издатель газеты «Речь» (1908–1917). После Февральской революции на 8-м съезде партии по старости и болезни вышел из ЦК партии. Ещё до октябрьских событий 1917 года в Петрограде уехал в Гаспру. В феврале 1919 года эмигрировал (Голостенов М. Е. Петрункевич Иван Ильич // Политические деятели России. — С. 249–250). Первая супруга И. И. Петрункевича — графиня А. С. Панина, падчерица — **Софья Владимировна Панина** (1871–1957), графиня, в 20 лет сочетавшаяся браком с офицером-аристократом А. А. Половцевым. Посажённым отцом на её свадьбе был император Александр III. В качестве подарка получила купленное бабушкой имение в Гаспре. Однако вскоре развелась. Окончила Высшие женские курсы в Петербурге, придерживалась либеральных взглядов, получив в полицейских кругах прозвище «красная графиня». Посвятила свою жизнь благотворительности. По при-

глашению графини в сентябре 1901-го — июне 1902 года в Гаспринском имении поправлял здоровье Л. Н. Толстой. На её средства построен Лиговский Народный дом в Петербурге (1902). В Корензе ею же приобретён земельный участок для строительства больничного городка. За счёт её ежегодных взносов здесь оплачивалось лечение нескольких больных и содержалась фельдшерница. Одна из пайщиц Московского Художественного театра (1915). Поддерживала материально Всероссийский земский союз. 27 февраля (12 марта) 1917 года призвала депутатов Государственной думы возглавить солдат, чтобы не допустить бунта. Член ЦК партии кадетов. Товарищ министра государственного призрения Временного правительства, с августа — товарищ министра народного просвещения. Сторонница монархии и войны до победного конца. Депутат Петроградской городской думы. После октябрьских событий 1917 года — член Комитета спасения Родины и Революции, участник подпольного Временного правительства из товарищей министров, собиравшегося на её квартире. Арестована. Отказалась передать новой власти денежные средства Министерства народного просвещения. Ревтрибунал учёл заслуги Паниной перед российским освободительным движением и её человеческие достоинства, ограничившись вынесением общественного порицания и обязав внести в кассу народного комиссариата просвещения изъятые ею средства, после чего была освобождена. В октябре 1918-го бежала из Москвы на Юг. Входила в Национальный центр. До весны 1920 года находилась на Дону, оказывая содействие «белому делу». Здесь стала гражданской женой Н. И. Астрова. С 1920 года в эмиграции. В Праге создала общество «Русский очаг» для помощи русской студенческой молодежи. После захвата нацистами Чехословакии переехала в США, где участвовала в работе Комитета помощи русским эмигрантам/«Толстовского фонда» (*Голостенов М. Е.* Панина Софья Владимировна // *Политические деятели России.* — С. 246–247; *Галиченко А. А.* Гаспра. — 2005. — С. 14–46).

Астров Николай Иванович (1866–1934). Родился в Москве в семье врача. Окончил юридический факультет Московского университета (1892). С 1890-х годов работал в органах городского самоуправления Москвы, многие годы секретарь городской думы, гласный городской думы (с 1903 года). Мировой судья, член правления городского Кредитного общества. Сотрудник газеты «Русские Ведомости». В 1905 году участвовал в работе общеземских съездов. Член партии конституционных демократов и её московского городского комитета. С VI съезда партии (1916) член ЦК. В городской думе председатель комитета прогрессивной группы гласных (1913–1916). В годы Первой мировой войны — член Главного комитета Всероссийского союза городов. После Февральской революции на учредительном заседании Московского комитета общественных организаций избран в исполком, затем назначен товарищем комиссара Временного правительства в Москве. Московский городской голова. После апрельского съезда Всероссийского союза городов стал его председателем. Ярый противник власти большевиков. Один из организаторов подпольной организации, так называемой «Девятки». Избран членом Учредительного собрания от Москвы. Один из организаторов Правого центра, одновременно вошёл в руководство Союза возрождения России. С образованием Национального центра — член его руководства. Активный участник деятельности партии кадетов. Летом 1918-го выехал из Москвы на Юг для переговоров с генералом М. В. Алексеевым об установлении в стране военной диктатуры, координации действий московского подполья и Добровольческой армии. После поражения

А. И. Деникина — приверженец реставрации монархии. Эмигрировал. Жил в основном в Праге. Автор «Воспоминаний» (изданы в Париже в 1941 году). Скончался в Праге (*Федоренко А. П.* Астров Николай Иванович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. — С. 26).

⁴⁵ По информации А. С. Айвазова, руководителями Временного бюро первоначально были С. М. Меметов, У. Боданинский (возможно это ошибка, а на самом деле имеется в виду его брат — А. А. Боданинский), Вели Ибраимов, А. М. Лятиф-Заде, Якуб Кемаль. Временным редактором возобновившей издание газеты «Миллет» стал Лятиф-Заде. Однако прибывшие в Симферополь С-Дж. Хаттатов и Бекир Одабаш объявили данный состав Временного бюро незаконным и самозванным. С выходом из подполья видных курултаевцев Бюро было реорганизовано. Его председателями стали А. С. Айвазов (приехавший из Алупки 8 мая), А. Х. Хильми и Дж. Аблаев. Айвазов также сменил на посту редактора «Миллет» Лятиф-Заде. Именно реорганизованное Бюро с согласия германских военных начало подготовку сессии Курултая, попросило по радио вызвать из Турции Дж. Сейдамета и разрешить проведение исследования событий конца апреля 1918 года на Южном берегу Крыма (*Айвазов А. С.* Указ. соч. — С. 38–40).

Лятиф-Заде Абдулла Абильевич (1890–1938). Родился в Симферополе в семье учителя, вырос в степной части Крыма. Окончил медресе, затем новометодную школу в Симферополе. В 1909 году отправлен на учёбу в Константинополь. Проучился шесть месяцев в средней школе «Идади». Имеются сведения об его учёбе в медресе «Галлия» в Уфе (1910–1915). В 1915–1917 годах служил в армии. Член Курултая, Милли-фирки, секретарь дирекции народного просвещения Директории. После установления власти большевиков в Крыму в 1920 году работал в профсоюзах, секретарь областного комитета общества Нового тюркского языка, принимает активное участие в переводе крымскотатарского языка на латинский алфавит. Поэт. В 1928 году выходит единственный прижизненный сборник его стихотворений «Еньи саз» («Новый саз»; саз — народный музыкальный инструмент или в переводе на русский язык — «лад», «строй» в музыке). Автор нъесы «Омюр-баари» («Весна жизни»), театральных рецензий. В 1929–1930 годах подвергается критике в печати за национальный уклон. В 1930–1934 годах учится в Москве и Ленинграде, заканчивает аспирантуру в Государственной академии искусствознания. По возвращении в Крым стал доцентом Крымского государственного педагогического института (Симферополь), читал лекции на факультете крымскотатарского языка и литературы. 19 апреля 1937 года арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян в Симферополе (*Урсу Д.* Лятиф-Заде Абдулла Абильевич // Биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. — Симферополь, 1999. — С. 126–129).

Якуб Кемаль Якуб Меметович (1885–1939). Родился в д. Улу-Сала (с. Синапное Бахчисарайского района). Получил разностороннее образование в Константинополе и Бейруте, знаток Корана, арабского языка и мусульманского права. Провёл за границей 12 лет. Учился в спецклассах Лазаревского института восточных языков в Москве. С началом Первой мировой войны арестован и выслан в Тамбов. После Февральской революции вернулся в Крым. Казыаскер — глава мусульманского судопроизводства (1917–1920), ректор реорганизованного Зинджирлы-медресе. После гибели Ч. Челебиева исполнял обязанности муфтия. Директор Восточного музея в Ялте (1926–1929). Историк. Арестован 10 июля 1934 года и осуждён на 5 лет заключения в лагере. Судим второй раз по делу «Идель-Урал»,

приговорён к расстрелу. Однако приговор не был приведён в исполнение в связи с ходатайством о восстановлении турецкого гражданства. Скончался в тюрьме (*Урсу Д. Якуб Кемаль Якуб Меметович // Там же. — С. 225–226*).

⁴⁶ Приложения // Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 61–62 (Крым. — 1918. — 15 мая).

⁴⁷ Южные Ведомости. — 1918. — 12 мая.

⁴⁸ По словам А. С. Айвазова, вместе с ним прибыло «около 20 человек татар-пантюркистов», а также двух военных — полковника Муфид-бея и офицера Хидат Эфенди. Первый в качестве инструктора должен был заняться организацией татарских вооружённых сил, а второй — преподавать физкультуру и заниматься физической подготовкой. Сейдамет привёз большую партию турецких газет и журналов, пантюркистскую литературу и денежные средства. На этом же турецком корабле до Севастополя плыли видные пантюркисты азербайджанцы — историк Ахмед Бей Агаев и профессор турецкой медицинской школы Али Бей Хусейн-Заде, которые направлялись в Азербайджан. По прибытию в Симферополь Сейдамет всячески восхвалял турок и младотурецких политических деятелей, заявляя, что Турция, её союзники и другие державы поддержат самостоятельность Крыма (*Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 40–42*).

⁴⁹ Встреча эта, описанная самим Сейдаметом, представляется нам довольно интересной и занимательной, и поэтому считаем необходимым привести здесь её краткое содержание: «...Наградив несколькими одобрительными фразами, Энвер-паша усадил меня напротив... Я поблагодарил его за то, что он, несмотря на свою занятость, смог меня так быстро принять, и тут же начал вкратце объяснять наше положение. Но, не успев я сказать и нескольких первых предложений, как он неожиданно перебил меня: «Как вы говорите? Вы — представитель Народной Республики? В таком случае, зачем вы ищете с нами связи? Мы аристократическое государство!». Эти неожиданные слова сильно взволновали меня и полностью изменили мои представления насчёт партии младотурок и, в особенности, насчёт Энвер-паши. Забыв о том, с кем я говорю, я взволнованным голосом сказал: «Мой папа, мы считали вас героем нашего народа... Мы, народные служители, терпящие побои ради того, чтобы спасти наш народ, который стонет под тяжестью «русского сапога»... И нас не интересует проблема режима (примечательная фраза в устах «истинного демократа». — *Авт.*), самое главное — спасти наш народ. И только ради этого мы начали кровавую борьбу с большевиками». Мои слова произвели заметное воздействие на Энвер-пашу, и он был готов меня слушать. Я же объяснил ему всё кратко и, повторив папу просьбу, попросил уверения в его помощи. Первое возражение Энвер-паши касалось того, что мы хотели утвердить папу власть только в Крыму. Он же мыслит о захвате всей Таврической губернии. Это было заманчиво с военной точки зрения, однако, политически это было невозможно. На севере Крыма нельзя было найти даже 5% мусульман, поэтому я объяснил ему, что мы, являясь меньшинством, должны отказаться от верхней части... Энвер-паша также проявил большой интерес к Черноморскому флоту и задал немало вопросов в этом направлении. Он остался доволен, когда я сказал ему, что, после того, как 90% офицеров флота было убито или просто сбежало, российский флот оказался парализованным...» (*Seydahmet (Kırimer) Cafer. Bazı hatıralar [Из воспоминаний]. — İstanbul, 1993. — S. 310*).

⁵⁰ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 19. — Л. 14.

⁵¹ Крым. — 1918. — 21 мая; *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит. (Из истории крымско-

татарской государственности и Крыма). — Казань, 1992. — С. 110. Известно, что Вильгельм II объявил себя покровителем ислама.

Речь Сейдамета вызвала резкую реакцию в кадетской среде. «Крым — слишком малая величина, чтобы иметь какое-либо решающее значение на весах гитантской международной борьбы. (...) Крым — не субъект, а объект не только в международной, но даже в чисто германской политике.

Поэтому мы считаем все споры о крымской ориентации (германской, турецкой. — *Авт.*) — чистейшей декорацией. (...) Крым... нуждается в организационной, а не в дипломатической работе. (...) Мы убеждены, что ближайшие дни покажут обоснованность наших сомнений, что: вы (курултаевцы. — *Авт.*) не научились ценить действительную свободу, равную для всех, а под влиянием ваших неумных вожakov вы увлеклись жаждой власти, вас научили не пуждаться в братстве, а стремиться к господству, к диктатуре.

Отсюда все зло! Жизнь, построенная на ненависти и беспощадной борьбе, заканчивается неизбежно деспотизмом и реакцией, будь-то слева или справа». Как меняется тон Д. С. Пасманика, ещё совсем недавно столь благожелательного к национальному движению татар! (Ялтинский Голос. — 1918. — 24(11) мая).

Так начинается охлаждение кадетов к Курултаю и сближение их с эсерами. Точки над *i* были поставлены в летней полемике между газетами «Крым» и «Ялтинский Голос». «Крым» (в статье: *Кизильтаишы Г.* «Кадетская партия и политика». — 1918. — 24 июня) обвинил кадетов в политической беспринципности и проантантовской позиции. «Ялтинский Голос» (28(15) июля) ответил двумя программными материалами. «Вдохновители газеты «Крым» были не так давно горячими сторонниками российской социалистической федеративной республики, гордились своим французским воспитанием, короткое время вдохновлялись идеями константинопольского издания, а закончили германской ориентацией и поддержкой министерства ген. Сулькевича» (генерал публично подчеркивал, кстати, что «Крым» не отражает точки зрения правительства. — *Авт.*) А в ответе на статью «Историческая поездка» (Крым. — 28 июля) (Сейдамета в Германию. — *Авт.*) читаем: кадеты «прекрасно знали, куда клонит политика «национального героя» Сейдамета» (потому и были против создания МИДа); теперь официоз крымскотатарской молодёжи «открыто признается, что всё дело — в отделении Крыма от России, напоминая при этом, что в былые времена «крымские ханы... по первому зову Константинополя представляли свою армию в распоряжение Халифа» («Ялтинский Голос». — 1 августа (19 июля).

«...Плелась около Крыма медленно и незаметно германо-турецкая паутина» (Винавер М. Указ. соч. — С. 4).

⁵² В интервью турецкой газете «Ихдам» Айвазов заявлял: «Наша же цель была, принимая все меры, утвердить самостоятельность Крыма и, таким образом, дать коренному населению господствующее положение» (ГААРК. — Ф. II-150. — Оп. 1. — Д. 67. — Л. 60; Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 48; Приложения / Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 66–67).

⁵³ ГААРК — Ф. II-150. — Оп. 1. — Д. 67. — Л. 56–57; Протоколы заседаний Таврической учёной архивной комиссии за 1918–1919 гг. / Приложения к 57-му тому Известий Таврической учёной архивной комиссии. — Симферополь, [1920]. — С. 27–30; Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 43–47.

⁵⁴ См.: Елагин В. Указ. соч. — С. 115.

⁵⁵ Крымский Вестник (Севастополь). — 1918. — 17 ноября.

⁵⁶ Там же. В своих тюремных записках А. С. Айвазов, выгораживая себя, утверждал, что текст этого документа был им подписан в присутствии М. А. Сулькевича и секретаря Курултая С. О. Таракчи под давлением Дж. Сейдамета, и что именно он (Айвазов) инспирировал недовольство членов Курултая данным обращением (Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 44).

⁵⁷ Крым. — 1918. — 10 мая; Зарубин А. Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 37.

⁵⁸ Крым. — 1918. — 12 мая. Ялтинский Голос. — 1918. — 16(3) мая; Зарубин А. Г. (сост.) Там же. — С. 37–38.

⁵⁹ Крым. — 17 мая. Полностью приведён в статье В. Елагина «Националистические иллюзии крымских татар». — С. 109.

⁶⁰ «Среди депутатов (Курултая. — Авт.) замечается расхождение по вопросу создания Краевой власти, — фиксирует газета, — значительно усилилась левая группа, к которой присоединились голоса части группы центра, разделяющей мнение о необходимости созыва Краевого Учредительного Собрания» (Симферопольский Городской Вестник. — 1918. — 25 мая).

⁶¹ Вот его текст: «Уважаемый Джафер Эфенди!

В то время, когда страна в политическом, административном и экономическом отношениях переживает бурные потрясения, татарский парламент призвал вас на пост первого министра в Первом крымском правительстве.

Зная, что крымские народности, испытавшие год революции и трёхмесячную большевистскую анархию, не колеблясь, окажут вам доверие, крымско-татарский парламент верит, что поддержанный всеми народностями Крыма, вы, благодаря своему политическому опыту. Сумеете вывести страну из политического, экономического и административного кризиса.

Да поможет вам Великий Аллах.

Председатели парламента А. Хильми, А. С. Айвазов.

Секретари: С. У. Таракчиев, А. Боданинский.

Симферополь, 18 мая 1918 года».

(Прибой (Севастополь). — 1918. — 23(10) мая; Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — [Симферополь], 1927. — С. 165).

⁶² ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 5.

⁶³ Оболенский В. А. Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1994. — № 1. — С. 77.

⁶⁴ Там же. — С. 78.

⁶⁵ Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив (Москва). — 1927. — Т. 3(22). — С. 112–113.

⁶⁶ По мнению О. С. Федюшина, Германия не стремилась к полной поддержке крымскотатарского национального движения. Её позиция сводилась к следующему: «Да, этому движению не следовало мешать, но окончательное решение крымского вопроса подлежало выработке в сотрудничестве с Россией и Украиной. Этой точки зрения придерживались как Людендорф, так и Кюльман» (Федюшин О. Указ. соч. — С. 229).

⁶⁷ Крымское краевое правительство в 1918/19 г. — С. 101. А. В. Мальгин в своей содержательной статье «Внешняя политика крымского Краевого правитель-

ства генерала Сулькевича» (Крымский музей. 1994 (Симферополь). — 1995. — № 1. — С. 56–66 (включая приложения), анализируя политику кайзеровской Германии в отношении Крыма, акцентирует внимание на таком факторе, как позиция Советской России, считавшей полуостров (по Брестскому миру) своей территорией. «Выход, — пипет Мальгин, — германское командование видело в поддержке формирования на полуострове самостоятельного правительства, которое, однако, не имело бы какого-либо международного статуса и не опиралось на официальное признание Германии, то есть являлось бы «краевым», временным, а не государственным» (Там же. — С. 57). С этим можно согласиться, присовокупив особенно сти внутрикрымской ситуации.

Что касается перманентных «угроз передать Крым Украине» со стороны Германии, то они носили не более чем характер словесного давления, ибо подобный автоматический акт был бы невыгоден со всех точек зрения самой Германии. Один из руководящих деятелей добровольческого движения писал: «... Украинское правительство неоднократно возбуждало вопрос о присоединении Крыма к Украине, но немцы определённо отвечали, что Крым должен оставаться самостоятельным» (*Лукомский А. С.* Противосоветские организации на Украине и начало гетманства // *Революция на Украине: По мемуарам белых.* М.-Л., 1930. — С. 201).

⁶⁸ *Сергийчук В.* Кримська політика Павла Скоропадського. — С. 14.

⁶⁹ *Скоропадський П.* Воспоминания: конец 1917 года по декабрь 1918 года // *Скоропадський П.* Спогади: кінець 1917 — грудень 1918. — К.-Філадельфія, 1995. — С. 262.

⁷⁰ *Дорошенко Д. І.* Історія України 1917–1923 рр. — К., 2002. — Т. II Українська Гетьманська Держава 1918 року. — С. 146.

⁷¹ Там же. — С. 147.

⁷² Там же. — С. 145.

⁷³ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 397. — Л. 2.

⁷⁴ Там же. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 19. — Л. 77 об.

⁷⁵ *Федюшин О.* Указ. соч. — С. 254.

⁷⁶ О взаимоотношениях германского командования и М. А. Сулькевича см. также: *Зарубин В. Г.* Крым в 1918–1919 гг.: интервенты, местные власти и население // *Историческое наследие Крыма.* — 2004. — № 5. — С. 29–39; *Зарубин В. Г.* Крым во время германской оккупации (1918 г.) // *Материалы Международной научной конференции, посвящённой 200-летию переселения немцев в Крым.* 6–10 июня 2004 г. История немецкой колонизации в Крыму и на юге Украины в XIX–XX вв. / Сост. Ю. Н. Лаптев. — Симферополь, 2007. — С. 251–273.

Нам представляются чрезмерно субъективными оценки личности Сулькевича В. А. Оболенским: «несчастный добродушный авантюрист», тип «хлебосольного помещика доброго старого времени», готовый «беспрекословно выполнять волю немецкого штаба» и т. п. (Крым в 1917–1920-е годы. — С. 80, 81, 82). Всё было сложнее.

⁷⁷ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 169–170.

⁷⁸ ГААРК. — Ф. 999. — Оп. 1. — Д. 40. — Л. 10–11.

⁷⁹ *Линёв К. К., Шарапа В. Ф.* Указ. соч. — С. 228–229.

⁸⁰ Крымское красное правительство в 1918/19 г. — С. 109.

⁸¹ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 397. — Л. 18.

⁸² Там же. — Д. 399. — Л. 1–5.

М. А. Сулькевич держал интересы Крыма — как он их понимал, — на первом плане. На съезде земских гласных, открывшемся 9 августа, он подтвердил краеугольный камень политики кабинета: «Правительство стоит твердо... на точке зрения независимости Крыма впредь до решения этого вопроса на мирной конференции» (Ялтинский Голос. — 1918. — 11(28) августа). А в своем интервью во время пребывания в Ялте даже сказал то, что ему — военному человеку с развитым чувством собственного достоинства — говорить, видимо, не особо хотелось: «— На вопрос об украинско-крымских отношениях я могу ответить следующее.

Уже как командир мусульманского корпуса, с которым я спешил в Крым для борьбы с большевиками, я имел столкновение с бывшей украинской Радой. Меня с моими войсками задержали в Тирасполе, несмотря на то, что по Брестскому договору Крым оставался вне пределов новосозданной украинской республики. (...) Моё правительство не было ни за Украину, ни против неё, а стремилось лишь к установлению добрососедских отношений, одинаково полезных и нужных как для Украины, так и для Крыма. После того, как я сообщил в Киев о моем новом назначении, я неожиданно получил от украинского правительства телеграмму, адресованную мне как «губерниальному старосте», на украинском языке. Я ответил, что я не «староста», а глава правительства самостоятельного края, и что я прошу установить сношения между нами на общественном языке — на русском. Этот мой поступок объявили в Киеве «разрывом дипломатических отношений». Мы, т.е. крымское министерство, послали своего уполномоченного в Киев для установления экономического соглашения, но оно там натолкнулось на абсолютно закрытые двери» (Там же. — 3 сентября (21 августа).

По словам П. П. Скоропадского, в конце июня, «когда в один прекрасный день ко мне зашёл Фёдор Андреевич Лизогуб (председатель Совета Министров Украинской Державы. — *Авт.*) и заявил, что он получил телеграмму от генерала Сулькевича, объявляющего, что он стоит во главе правительства, и вместе с указанием, в очень дерзкой форме, что он украинского языка не понимает и впредь настаивает на том, чтобы к его правительству обращались на русском языке. Начало было плохое. Вся переписка и вообще все официальные сношения как с немцами, австрийцами, так и со всеми другими государствами и обывателями, с которыми в то время имела сношения, происходили на украинском языке. Нам отвечали на своём языке, это было так принято. На Украине официальным языком был украинский, и не генералу Сулькевичу было менять заведенный порядок. Через некоторое время мы узнали, что новое Крымское правительство повело новую политику, далеко не дружественную Украине, и преследовало цель образования самостоятельного государства, причём, всё направление, как я только что сказал, явно дышало каким-то антагопизмом» (*Скоронадский П. Указ. соч. — С. 262*).

⁸³ ГААРК. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 96. — Л. 62–69; Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 399. — Л. 18.

⁸⁴ Там же. — Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 399. — Л. 6–10, 17.

⁸⁵ Там же. — Л. 14. Об этих событиях см. также: *Зарубин В. Г.* К вопросу о территориальном споре между Крымом и Украиной (1918г.) // Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы. Материалы научно-практической конференции 24–25 мая 1996 г. — Симферополь, 1996. — С. 42–44; *Зарубин А. Г.* К вопросу о крымско-украинских отношениях периода гражданской войны // Клио. Журнал для учёных (СПб). — 1998. — № 2(5). — С. 212.

⁸⁶ Крымский Вестник. — 1918. — 28 июня. Министр внутренних дел правительства Скоропадского И. А. Кистяковский рискнул заявить В. А. Оболенскому: «Мы заставим Крым присоединиться к Украине. Для этой цели и служит таможенная война. Мы примем ещё целый ряд мер, чтобы сделать вас более покорными. А если вы потом будете агитировать в духе российской ориентации, то мы вас будем вешать» (Цит. по: Украина и Крым // Ялтинский Голос. — 1918. — 1 сентября (19)августа).

⁸⁷ Бененсон М. Возможна ли экономическая самостоятельность Крыма? // Южные Ведомости. — 1918. — 11 сентября.

Находившийся в тот период в Киеве украинский кадет Н. М. Могиланский так смотрел на конфликт: «...Немцы постоянно и намеренно путали карты при переговорах Украины с Крымом, чтобы и здесь как-нибудь невзначай не было достигнуто какого-нибудь соглашения. Divide et impera (разделяй и властвуй) было их лозунгом. А русские Украины и Крыма, серьёзно вообразив себя двумя государствами, вели таможенную войну между собой, будто кому-то было полезно, чтобы в Крыму гнили продукты, когда в Киеве на них стояли безумные цены. Позорная страница!» (Могиланский Н. М. Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 г.) // Революция на Украине. — С. 132).

⁸⁸ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 176–177.

⁸⁹ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Л. 19.

⁹⁰ Следует иметь в виду, что 28–29 августа состоялся краевой съезд представителей всех украинских национальных организаций и партий. На нём была избрана Крымская краевая рада, вступившая, однако, в оппозиционный гетману П. П. Скоропадскому Украинский Национальный Союз (Иванець А. В. Нариси діяльності українських політичних партій в Криму (20 століття) // Учёные записки Симферопольского государственного университета (Симферополь). — 1998. — № 6(45). — С. 65.

⁹¹ Дорошенко Д. І. Історія України 1917–1923 рр. — С. 147–148.

⁹² Скоропадский П. Указ. соч. — С. 262.

⁹³ Ключковский Вячеслав Евгеньевич (1873–1930). Родился в Санкт-Петербурге в польской дворянской семье. В 1893 году закончил гимназию в Вильно (Вильнюсе) и поступил на юридический факультет Варшавского университета. На следующий год за участие в студенческой демонстрации, закончившейся столкновением с полицией, исключён из университета и выслан в Ярославль. Здесь в 1898 году закончил Демидовский юридический лицей. В этом же году добровольно зачислен юнкером во флот. В 1899 году ему присвоено звание мичман, назначен пгтурманским офицером на Балтийский флот. Участник Китайского похода (1900–1901), Цусимского сражения (1905). Раненым попал в японский плен, из которого вернулся в Россию в 1906 году. На следующий год направлен на Чёрное море командиром подводной лодки «Пескарь». Начальник отряда подводных кораблей (1909). Перед началом Первой мировой войны был начальником подводной бригады Чёрного моря, в этом качестве участвовал в боевых действиях. Контр-адмирал (1917), избран в состав Центрального комитета Черноморского флота (Центрофлота), сторонник украинизации флота. 29 апреля 1918 года во главе делегации Центрофлота и городской думы Севастополя вёл переговоры с генералом Р. Коппем. 4 мая оставшиеся в Севастополе корабли под украинскими флагами были объявлены германским командованием временно пленными. 10 июня гетман П. П. Скоропадский назначил Ключковского временным командующим флота и своим представителем в Крыму, одновре-

менно он оставался на должности начальника подводной бригады. С согласия военно-морского атташе Германии в Украинской Державе А. Гопмана в ноябре 1918 года пытался поднять украинские флаги на кораблях, но не получил разрешения на это гетмана. При появлении на внешнем рейде Севастополя кораблей Антанты отдал приказ о поднятии Андреевских флагов. Комендант Северного порта в Севастополе (1919), одновременно формально числится командующим флотом при Директории С. В. Петлюры до середины 1919 года. В марте 1919-го уезжает в Польшу, где поступает на службу в польский флот, заместитель начальника департамента Морских дел, представитель Польши на Парижской мирной конференции, конгрессе Морской лиги Европы в Париже. Полномочный военный атташе в посольстве Польши в Лондоне (1919–1922). Заместитель командующего военно-морского флота Польши (1922). В связи с так называемой «минной аферой» в 1925 году увольняется в запас. Советник польского посла в Париже (1925). В 1927 году возвращается в Войско Польское, командует дивизией в Торуне в чине бригадного генерала. На следующий год вышел в отставку. Скончался в Варшаве, похоронен в Повпзках (*Мамчак М. А. Флотоводці України.* — С. 218–226).

⁹⁴ Мальгин А. В. Указ. соч. — С. 60.

⁹⁵ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 19. — Л. 32.

⁹⁶ Там же. — Л. 34.

⁹⁷ Крымское краевое правительство в 1918/19 г. — С. 117. Это не совсем согласуется с утверждением А. В. Мальгина, о том, что «немецкие представители позаботились о том, чтобы исключить по возможности упоминания о какой-либо зависимости... правительства от оккупационного командования...» (Указ. соч. — С. 57).

⁹⁸ Крымское краевое правительство в 1918/19 г. — С. 105.

⁹⁹ Любопытно, что ещё 26 мая крымскотатарская газета «Крым» писала о том, что местные самоуправления не полномочны в решении крымских дел, так как избраны они не крымскими жителями, а курортниками, солдатами и проч. Против местных самоуправлений были и октябристы, требовавшие ценовых городских дум и земских собраний (*Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 168).

¹⁰⁰ Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства (Симферополь). — 1918. — № 6. — Отдел первый. — С. 102–104 / Фонд Центрального музея Тавриды, КП11978/364.

¹⁰¹ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 56, 58; Оп. 2. — Д. 110.

¹⁰² Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. — № 6. — Отдел первый. — С. 104–105.

¹⁰³ Там же. — № 8. — Отдел первый. — С. 177.

¹⁰⁴ Интересно отметить, что известный краевед А. И. Маркевич в письме от 9 июня 1918 года на имя М. А. Сулькевича предложил свой вариант государственной эмблемы Крыма (*Андросов С. А.* К вопросу о государственной символике Крыма в 1918 г. (комментарий одного автографа А. И. Маркевича) // Историческое наследие Крыма. — 2004. — № 8. — С. 63–66).

¹⁰⁵ Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. — № 1. — Отдел первый. — С. 1–7; К населению Крыма // Крымско-украинские переговоры: Собрание документов, касающихся пребывания в Киеве Делегации крымского Правительства. 26 сентября — 16 октября 1918 г. — Симферополь, 1918. — С. 69–78; ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 19. — Л. 15.

¹⁰⁶ Оболенский В. А. Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1994. — № 1. — С. 82. Мы позволили себе несколько видоизменить фразу автора (он говорит не о режиме, а о правительстве), не исказив, надо думать, её смысла.

Кадетская сторона предприняла попытку провести достаточно осторожную юридическую экспертизу Декларации. Их крайнее недоумение вызвало то, что Крым ни разу не назван в документе «государством», а именуется «краем». Что же это такое? «...Государственный фрагмент, случайно оторвавшийся от своего целого... которому предстоит снова отойти к какому-то целому» (понятно, о чём идет речь. — *Авт.*). Но в то же время жители Крыма разделены на полноценных («граждан») и неполноценных («иностранцев») — явный признак государственности. Непонятно, считали эксперты (не забудем того, что среди кадетов, находящихся в Крыму, были блестящие юристы. — *Авт.*), взятое на себя правительством утверждение «уставов» — в контексте: программ политических партий. «Можно карать за действия, даже преследовать за убеждения, но никому не приходило в голову утверждать партийные программы на манер утверждения устава акционерной компании» (Ялтинский Голос. — 1918. — 4(20) июля).

По одному пункту Сулькевич возразит: «...Крым временно должен оставаться «краем» и не больше, судьба которого будет решена там и тогда, где и когда будут решаться судьбы всей Европы». По второму он тоже был убедителен: «...Мы хотим освободить Крым от пришлых элементов, создавших у нас болыневизм. Весь вопрос в крымском гражданстве, не исключаяющем российского гражданства, может быть разрешён каждым заинтересованным лицом в один час» (Там же. — 3 сентября (21 августа).

¹⁰⁷ Федюшин О. Указ. соч. — С. 238–239. Винклер и после конференции продолжал отстаивать план создания особой территории немецких колонистов в Причерноморье под протекторатом Германии вне союза с Украиной. 22 августа германскому статс-секретарю по иностранным делам (министру иностранных дел) Пауло фон Гинце был представлен соответствующий меморандум. Однако МИД не торопился с ответом. Сторонники же этого плана для его реализации наметили на 5 ноября съезд колонистов Крыма и Юга Украины (Там же. — С. 241–242). Но с приближением военной катастрофы Германии осуществление подобных идей окончательно становилось нереальным.

¹⁰⁸ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 50.

¹⁰⁹ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 19. — Л. 25.

¹¹⁰ Там же. — Л. 47–47 об. Здесь снова «сработала» дипломатия Советской России, считает А. В. Мальгин, вглядываясь в августовские договоренности между нею и Четверным блоком (Указ. соч. — С. 58).

¹¹¹ Скоропадский П. Указ. соч. — С. 263.

¹¹² Мальгин А. В. Указ. соч. — С. 60.

¹¹³ Федюшин О. Указ. соч. — С. 245–246. Людендорф настолько опасался турецкого влияния в Крыму, что приказал установить слежку за прибывшими в июле на полуостров двумя турецкими офицерами и был весьма разочарован, когда не нашлось оснований для их высылки. По той же причине крымской делегации запретили в Берлине контактировать с турецким послом и возвращаться в Крым через Константинополь (там же. — С. 246). Следует отметить, что опасения Людендорфа имели под собой определённую почву. Имеются данные о получении крымско-татарской Директорией (Национальным правительством) значительных сумм из Турции (Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 164–165; и др.).

¹¹⁴ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 192. — Л. 17; Д. 163. — Л. 170.

¹¹⁵ Там же. — Д. 198. — Л. 13, 215; Д. 195. — Л. 186 об; Ялтинский Голос. — 1918. — 4 августа (22 июля).

¹¹⁶ Крымский Вестник. — 1918. — 28 июня.

¹¹⁷ Оболенский В. А. Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1994. — № 1. — С. 82.

¹¹⁸ Линёв К. К., Шарана В. Ф. Указ. соч. — С. 232.

¹¹⁹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 48–49.

¹²⁰ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 48. — Л. 7.

¹²¹ См.: Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 17–22 октября 1918 года. Протоколы. — К., 1991. — С. 31–32; *Шамко Е. Н.* Коммунистическая партия — организатор борьбы трудящихся против иностранных военных интервентов в Крыму (апрель 1918 г. — апрель 1919 г.) // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. — Симферополь, 1957. — С. 166–174; *Загородских Ф. С.* Борьба трудящихся против немецко-кайзеровских оккупантов в Крыму // Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. — Симферополь, 1958. — С. 5–41; Очерки истории Крымской областной партийной организации / Ред. колл.: Н. В. Багров (председатель), М. Р. Акулов, В. Д. Арбузов, Л. И. Волопинов и др. — Симферополь, 1981. — С. 63–68; и др.

¹²² ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 669. — Л. 1.

¹²³ Там же. — Оп. 2. — Д. 397. — Л. 53.

¹²⁴ Там же. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 19. — Л. 48–48 об., 66.

15 августа 1918 года в крымской печати появилось сообщение, подписанное исполняющим должность товарища министра иностранных дел Крымского краевого правительства Юсифа Везирова, из которого следовало, что А. С. Айвазов аккредитован в Константинополе в качестве дипломатического поверенного в делах, министерством иностранных дел Краевого правительства, а не Советом Министров. 17 августа на заседании Совмина с участием Везирова было установлено, что Айвазов был назначен и аккредитован «исключительно Министром Иностранных дел без ведома и согласия Совета Министров». Сейдамету и Татищеву, находящимся в Берлине, была дана соответствующая телеграмма. Правительство сочло, что Сейдамет фактически превысил свои полномочия, поскольку «Советом Министров подобной должности для Константинополя не утверждалось». Учитывая это, «Совет Министров признаёт необходимым предложить Сейдамету немедленно прервать всякие действия Айвазова в качестве дипломатического агента, как не имеющего законных полномочий». Однако, «не считая возможным обострять международные отношения немедленным отзыванием Айвазова, просим принять все возможные меры к улаживанию этого недоразумения». По возвращению в Крым Сейдамет должен был объяснить им содеянное (Приложения // Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 65–66).

Сам же Айвазов впоследствии утверждал, что его отъезд в Турцию был вызван интригами Дж. Сейдамета, А. Х. Хильми и Сулькевича, якобы стремившихся из-за популярности Айвазова изолировать его от Крыма. Сулькевич будто бы в приказном порядке обязал Айвазова выполнять данную миссию, при этом они с Сейдаметом поручили ему следующие задания:

«1. Ознакомить турецкое общественное мнение с положением в Крыму путём докладов и печати.

2. Ознакомить нейтральные государства с положением Крыма через их дипломатических представителей и просить их признать самостоятельность Крыма.

3. Просить у турецкого правительства материальную помощь, кроме той суммы (200 тыс. лир), которое мне должны были дать по доверенности Сейдаметова.

4. По мере возможности отправить в Крым культурных работников, специалистов, в первую очередь — эмигрантов татар.

5. Добиться во что бы то ни стало у турецкого правительства признания самостоятельности Крыма.

6. Приобрести хорошую типографию со прифтами на счёт турук».

После 10-дневной задержки по настоянию германского командования в Севастополе, турецкий пароход «Гересун», на котором шёл Айвазов, прибыл в Константинополь, где его принял Талаат-папа, заявивший: «Ещё рано говорить о самостоятельности Крыма. Победа наша пока носит временный характер, а на немецком фронте положение ухудшилось для немцев, так что всё ещё может измениться в пользу неприятеля. Мы Вас принимаем и признаём не так, как представители Крымского правительства, а как представителя тюрко-татар и можем оказать Вам помощь для культурно-просветительских дел».

После падения правительства Сулькевича новое Крымское краевое правительство во главе с С. С. Крымом отозвало Айвазова из Турции, но поскольку у него не было денег на обратную дорогу, он остался в Константинополе и стал работать при редакциях газет «Ихдам» и «Итиль» в качестве переводчика и корректора. После того как Директория предоставила Айвазову полномочия представлять Крым на мирных переговорах в Париже, куда также звал его Дж. Сейдамет, представители английской разведки произвели у него обыск и потребовали покинуть Константинополь. Он скрывался, и, в конце концов, выехал на болгарском пароходе под французским флагом. Прибыв в Крым, уехал к родным в Алупку (Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 44–48, 49).

¹²⁵ Отъездом А. С. Айвазова прямые контакты с Турцией не прекратились. В Стамбул с целью выражения от имени Курултая соболезнований по случаю смерти султана Мехмеда V Решада, правившего с 27 апреля 1909 по 3 июля 1918 года, выехали Джафер Аблаев и Сеит-Джелиль Хаттатов, которые посетили Талаат-пашу, Энвер-пашу и были приняты новым султаном Мехмедом VI Вахидеддином (ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 195. — Л. 237; Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 43).

¹²⁶ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 1–1 об.

¹²⁷ Линёв К. К., Шарана В. Ф. Указ. соч. — С. 234.

¹²⁸ **Барт Александр Павлович** (1868–1920). Родился в Смоленске в семье чиновника. Окончил Московский университет. Проживал в Ярославле, где состоял в должности управляющего казённой палатой. В 1916 году переведён на ту же должность в Симферополе. Член Таврической учёной архивной комиссии с 1916 года. Действительный статский советник. Женат, отец четверых детей. Беспартийный. В марте 1918-го служащими Таврической казённой палаты избран делегатом Всероссийского съезда казённых палат. Полноправным членом в состав кабинета М. А. Сулькевича войти отказался (*Оболеский В. А.* Крым в 1917–1920 годы // Крымский архив. — 1996. — № 2 — С. 19). Министр финансов второго Крымского краевого правительства. 15 апреля 1919 года вместе с коллегами по кабинету и семьями покинул Крым на греческом судне «Надежда», следуя из Севастополя в Пирей (Греция). Жил в Париже. Отклонил предложе-

ние работать в Русском международном банке. В сентябре 1919 года вернулся в Крым. Вновь стал управляющим казённой палатой. 21 ноября 1920 года арестован. Расстрелян. Реабилитирован в 1995 году (*Филимонов С. Б.* Тайны крымских застенков. — Симферополь, 2003. — С. 7–12).

¹²⁹ **Чарыков Николай Валерианович** (?). Гофмейстер, тайный советник, сенатор, в 1890-х годах занимал должность советника посольства России в Берлине и временно управлял посольством, товарищ министра иностранных дел России (1907–1909), посол в Турции (1909–1912). Его отрицательная реакция на изданную в Константинополе брошюру Дж. Сейдамета «Угнетение татарского народа в 20 в.» («Yıgıncı Asırda Tatar Milleti Mazlumesi») вынудила того покинуть в 1911 году Турцию и перебраться в Париж. В феврале 1918 года в Крыму чудом избежал расстрела матросами. По словам его племянника, Чарыкова «не расстреляли лишь потому, что один из главарей — матрос, бывавший в Константинополе, узнал его. Со словами: «Мы тебя милуем за то, что к нам, матросам, хорошо относились», он тут же объяснил своим товарищам, что, мол, «хороший посол был — матросские ёлки устраивал»... Эти матросские ёлки и спасли моего дядю, которого сопровождал его пятнадцатилетний сын, твёрдо уверенный, что отец не переживёт эту ночь. Моя мать была изумлена до последней степени, когда брат вернулся домой невредимый» (*Гарин-Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В двух книгах. Книга 2. Октябрь 1917 — ноябрь 1920 г. Часть 3. Дипломатическое ведомство и белое движение (октябрь 1917 — ноябрь 1920 г.). Дипломатическое ведомство при Деникине. В «Крымском государстве» // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 233). Гарин-Михайловский в своих «Записках» сообщает, что Сулькевич лично предложил Чарыкову пост министра иностранных дел в крымском правительстве, объяснив ему, что считает себя лишь «старшим дворником России» и что «надо Крым удержать за Россией, а для этого образовать правительство из русских людей» (с трудом верится в подлинность этой фразы, либо Сулькевич откровенно лукавил. — *Авт.*), но Чарыков отказался, «заявив, что его прошлая славянофильская дипломатическая карьера не позволяет занимать такой пост в оккупированной немцами русской провинции», однако, был не против фактически руководить внешней политикой (Там же). На самом деле, как известно, наличие МИД в структуре Краевого правительства весьма не нравилось германскому командованию. Чтобы обойти этот запрет, уже после отъезда Дж. Сейдамета из Крыма с 20 октября постановлением Совета Министров Крымского краевого правительства дела внешних сношений Крыма поручалось возглавить Чарыкову, для чего ему предоставлялось право образовать временную комиссию по внешним сношениям. Официально это объяснялось особым значением «для интересов и будущности Крыма, создавшегося международного положения, а равно и событий, совершающихся в различных бывших областях Российской Империи, а также осложнившихся отношений между Крымом и Украиной, имея в виду необходимость принять все зависящие меры к наилучшему использованию в интересах Крыма настоящей политической конъюнктуры и учитывая исключительное положение вопроса об управлении в Крыму иностранными делами» (Собрание узаконений и распоряжений Крымского краевого правительства. — № 9. — Отдел первый. — С. 215–216). Постановлением правительства от 22 октября председатель комиссии по внешним сношениям получал право присутствовать в Совете Министров с правом решающего голоса (Там же. —

С. 224–225). Также постановлением Совета Министров от 6 ноября Чарыков был назначен сенатором Крымского правительствующего Сената (ГААРК. — Р.-999. — Оп. 999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 13). Со слов племянника, Чарыков объяснял своё вхождение в правительство Сулькевича тем, «что какая-то русская власть должны была существовать при немецкой оккупации, и пусть лучше она находится в приличных руках, чем в руках явных агентов Германии» (Там же. — С. 235). Однако Г. Н. Гарин-Михайловский явно идеализировал своего дядю и самого М. А. Сулькевича. Куда более сведущий в крымских реалиях В. А. Оболенский назвал Чарыкова «добродушным стариком, заблудившимся совершенно во всей политической путанице того времени» (*Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1996. — № 2 — С. 19). (*Зарубин В. Г., Зарубина А. А.* Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету // Историческое наследие Крыма. — 2006. — № 12–13. — С. 45, 54; *Зарубин В. Г.* Комментарий [к «Запискам» Г. Н. Гарина-Михайловского] // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 249–250).

¹³⁰ [*Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.*] Состав правительств Крыма периода гражданской войны // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь). — 1995. — № 11. — С. 12–13.

¹³¹ *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1994. — № 1. — С. 82.

¹³² *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. — М., 1992. — С. 407.

¹³³ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 180. — Л. 4.

¹³⁴ Там же. — Л. 9.

¹³⁵ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 402. — Л. 33.

¹³⁶ В архиве Дж. Сейдамета имеется текст его обращения к М. А. Сулькевичу, в котором выход из состава Крымского краевого правительства объясняется несогласием с политикой, ведущей к потере самостоятельности Крыма (*Червонная С.* Воскресший архив. Через 50 лет заговорили документы Военного министра крымскотатарского национального правительства Джафера Сейдамета // Голос Крыма (Симферополь). — 2003. — 28 марта).

¹³⁷ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 19. — Л. 60об.

¹³⁸ Там же. — Л. 77об.–78. 4 сентября в Берлин прибыл П. П. Скоропадской, а 7 сентября — Талаат Мехмед-паша, оказавший поддержку Сейдамету. В переговорах с Паулем фон Гинце Талаату было заявлено, что германские интересы в Крыму носят в первую очередь военный характер, ему дали понять о предпочтении союза между Украиной и Крымом и о невозможности создания независимого крымскотатарского государства на полуострове. Правда, и гетман Украинской Державы не получил от германской стороны поддержки планов прямой аннексии Крыма (*Федюшин О.* — С. 248–250).

¹³⁹ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май-октябрь 1918. — Минск, 2002. — С. 70–71.

¹⁴⁰ *Федюшин О.* Указ. соч. — С. 251

¹⁴¹ Крымско-украинские переговоры. — С. 62–65, 67–68. Совет Министров в своём ответе несколько лукавил. В его составе уже отсутствовали представители крымских немцев, да и Г. Кош настаивал на равном, а не пропорциональном представительстве указанных национальностей. Функции же МИД в Краевом правительстве фактически возлагались на временную комиссию по внешним сношениям во главе с Н. В. Чарыковым. Из чего следует, что кабинет Сулькевича далеко не всегда выступал

в той роли послушного исполнителя германских директив, какую изображают некоторые современники (В. А. Оболенский) и советские историки (П. Н. Надинский).

¹⁴² Союз крымских немцев — одна из оставшейся к концу 1918 года из трёх ранее существовавших немецких организаций на полуострове (*Лантев Ю. Н.* Указ. соч. — С. 80).

¹⁴³ О ходе переговоров, их результатах см. также: *Мальгин А. В.* Указ. соч. — С. 62.

¹⁴⁴ Крымско-украинские переговоры. — С. 20–22.

¹⁴⁵ Там же. — С. 4–5, 46.

¹⁴⁶ Там же. — С. 41–43.

¹⁴⁷ Там же. — С. 8. В изложении участника переговорного процесса министра иностранных дел Украинской Державы Д. И. Дорошенко события выглядят так: «...крымская делегация продемонстрировала весьма неустойчивый тон и всеми способами обходила просто поставленный ей вопрос о соединении с Украиной, говорила о правах народов на самоопределение, о воле крымского населения и т. п. Тогда с украинской стороны было заявлено, что мы не признаём эту делегацию компетентной в выражении воли и пожеланий крымского населения и ожидаем прибытия представителей от татар, украинцев и немцев-колонистов. Они стояли далеко не на такой непримиримой позиции, как их министры. После долгих и оживлённых переговоров было достигнуто согласие и выработаны прелиминарные условия. Крым получал внутреннюю автономию в составе Украинской Державы, свой краевой сейм, территориальную армию, свою администрацию и статс-секретаря по делам Крыма в Совете Министров Украинской Державы.

Делегация выговорила для себя, чтобы эти условия были отвезены в Крым для обсуждения и утверждения «Курултаем» и съездом национальных и общественных организаций Крыма. Представители от населения в делегации укрادкой уверяли нас, что на этих съездах не будет серьёзной оппозиции против соединения с Украиной. Тем временем немцы согласились передать Украине Черноморский флот: и в Севастополе на укреплениях и на нескольких торпедных и канонерских судах замаячил украинский морской кармазинный флаг. Это предвещало фактическую власть Украинской Державы над Крымом. Восстание против Гетмана и разорение Украины положили конец плану соединения Крыма с Украиной (*Дорошенко Д. И.* *Історія України 1917–1923 рр.* — С. 148).

¹⁴⁸ Крымско-украинские переговоры. — С. 57, 60.

¹⁴⁹ Крымский Вестник. — 1918. — 22 октября.

¹⁵⁰ Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. — № 1. — Отдел первый. — С. 15.

¹⁵¹ Среди них, например, и такое, утверждённое постановлением Совета Министров от 18 сентября: в Крыму правом допроса в месте жительства пользуются: премьер-министр, министры, главный начальник Крымской армии (ещё не существующей), епископы христианских церквей, мусульманский муфтий и караимский гахам (Там же. — № 7. — Отдел первый. — С. 152).

¹⁵² Там же. — С. 4; № 7. — Отдел первый. — С. 152–153, 158, 161–163.

¹⁵³ Там же. — № 7. — Отдел первый. — С. 131–142.

¹⁵⁴ Там же. — № 8. — Отдел первый. — С. 169.

¹⁵⁵ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 135.

¹⁵⁶ **Мицьковский Александр Степанович** (1873–?). Сын коллежского асессора. Закончил Петрозаводскую гимназию (1891), военно-училищный курс Московского

пехотного юнкерского училища (1893). Участник Китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Командир 10-го отдельного тяжёлого артиллерийского дивизиона. В качестве управляющего военным министерством (до 17 ноября) перешёл во второе Крымское краевое правительство С. С. Крыма. В дальнейшем в Вооружённых силах Юга России, Русской армии. Инспектор артиллерии Крымского корпуса Я. А. Слацова. В ноябре 1921 года в составе группы генералов и офицеров, в числе которых был и Слацов, вернулся из эмиграции в Россию Военспец Красной Армии, состоял для особых поручений 1-го разряда при инспекторе артиллерии и бронесил РККА. (*Слацов-Крымский Я. А.* Белый Крым 1920 г. Мемуары и документы. — М., 1990. — С. 252 (Примечания А. Г. Кавтарадзе); *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — СПб.-М., 2003. — С. 339).

¹⁵⁷ **Николаев Степан Леопидович** (1865–1958). Из дворян Таврической губернии. Закончил Симферопольскую гимназию (1886), Елисаветградское кавалерийское училище (1891). Командир Крымского конного полка, 2-й бригады 17-й кавалерийской дивизии. Затем в Вооружённых силах Юга России. С сентября 1919 года в резерве войск Новороссийской области. В эмиграции в Греции, член Общества русских монархистов (Салоники), после 1934 года во Франции, состоял в объединении Крымского конного полка, к 1936 году воспитатель детского приюта в Сен-Жермене (*Волков С. В.* Указ. соч. — С. 362).

¹⁵⁸ **Бурлей Сергей Иванович** (1861–?). На военной службе с 1878 года. С 1912 года — контр-адмирал. В 1912–1917 годах Севастопольский градоначальник. С 30 апреля 1918 года член штаба украинского флота в Севастополе (*Линёв К. К., Шарана В. Ф.* Указ. соч. — С. 229; *Алтабаева Е. Б., Коваленко В. В.* На рубеже эпох: Севастополь в 1905–1916 годах. Учебное пособие. — Севастополь, 2002. — С. 206; *Мамчак М. А.* Флотоводді України. — С. 215).

¹⁵⁹ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 135. — Л. 2.

¹⁶⁰ Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. — № 9. — Отдел первый. — С. 223.

¹⁶¹ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 135. — Л. 8 об.

¹⁶² Там же. — Л. 7 об–8.

¹⁶³ Там же. — Л. 10 об.

¹⁶⁴ Там же. — Л. 6. См. также: *Зарубин В. Г., Надикта В. М.* Под командой Сулькевича и Шнейдера // Историческое наследие Крыма. — 2005. — № 10. — С. 109–111.

¹⁶⁵ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 398. — Л. 12.

¹⁶⁶ Там же. — Л. 5.

¹⁶⁷ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май-октябрь 1918. — С. 73.

¹⁶⁸ *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1994. — № 1. — С. 84. «Если год тому назад хватало на жизнь, зарабатывая 100 руб. в месяц, то теперь уже не хватает и 400 рублей» (*Пасманик Д.* Рабочий вопрос // Ялтинский Голос. — 1918. — 4 августа (22 июля)).

¹⁶⁹ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 403. — Л. 16–21.

¹⁷⁰ Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. — № 4. — Отдел первый. — С. 86.

¹⁷¹ Там же. — № 8. — Отдел первый. — С. 190.

¹⁷² Там же. — С. 188.

- ¹⁷³ Там же. — № 9. — Отдел первый. — С. 223.
- ¹⁷⁴ Там же. — № 5. — Отдел первый. — С. 91.
- ¹⁷⁵ Там же. — № 8. — Отдел первый. — С. 169.
- ¹⁷⁶ Там же. — № 6. — Отдел первый. — С. 123–124.
- ¹⁷⁷ *Родионов А. М.* От драхмы до рубля: Краткий очерк денежного обращения в Крыму. Симферополь. — 1994. — С. 21, 27; *Зарубин В. Г.* К вопросу о денежном обращении и денежных знаках в Крыму (1917–1920 гг.) // Крымский музей 1995–1996 гг. — 1996. — С. 81–82; *Родионов А. М.* Деньги Таврики — Крыма. — Симферополь, 2006. — С. 53–54, 93, 105–160.
- ¹⁷⁸ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 19. — Л. 62.
- ¹⁷⁹ См.: *Загородских Ф. С.* Указ. соч. — С. 22–24, 27–29; Хроника революционных событий в Крыму 1917–1920 гг. / Сост. И. П. Кондранов, В. А. Широков. — Симферополь, 1969. — С. 89–102; ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 195. — Л. 16, 61; Д. 198. — Л. 79; и др.
- ¹⁸⁰ См.: ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1218; и др.
- ¹⁸¹ Цит. по: *Вольфсон Б.* Указ. соч. — С. 21.
- ¹⁸² *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924.* / *Меньшевики в 1918 г.* / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. Отв. Составитель Д. Павлов. — М., 1999. — С. 640–642.
- ¹⁸³ *Вольфсон Б.* Указ. соч. — С. 27–33.
- ¹⁸⁴ *Андросов С. А.* Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма. — 2004. — № 3–4. — С. 132.
- ¹⁸⁵ ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 17 об.
- ¹⁸⁶ *Винавер М.* Указ. соч. — С. 2.
- ¹⁸⁷ *Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы.* — Т. II. — С. 58.
- ¹⁸⁸ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 402. — Л. 70–71.
- ¹⁸⁹ *Собрание узаконений и распоряжений Крымского Красового Правительства.* — № 9. — Отдел первый. — С. 207.
- ¹⁹⁰ Там же. — № 8. — Отдел первый. — С. 189–190.
- ¹⁹¹ Там же. — № 9. — Отдел первый. — С. 216.
- ¹⁹² Там же. — С. 219.
- ¹⁹³ Там же. — С. 216.
- ¹⁹⁴ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 45–46, 48.
- ¹⁹⁵ *Краткий обзор деятельности первой демократической Думы. 1917–1918 гг.* — Симферополь, 1919. — С. 61–63.
- ¹⁹⁶ *Собрание узаконений и распоряжений Крымского Красового Правительства.* — № 5. — Отдел первый. — С. 93–95.
- ¹⁹⁷ *Открытие Таврического университета* // Крымский архив. — 2000. — № 6. — С. 162–170.
- ¹⁹⁸ **Гельви́г Роман Иванович** (1873–1920). Родился в Липецке в семье инженера-механика. Первоначальное образование получил дома, затем поступил в Александровскую прогимназию в Борисоглебске Тамбовской губернии. Окончил Воронежскую гимназию (1892) и сразу поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. По завершению курса в 1897 году поступил на медицинский факультет университета Св. Владимира в Киеве, окончив его в 1902 году с отличием. Оставлен при университете на должности помощника прозектора по кафедре нормальной анатомии. В 1907 году

перешёл прозектором по кафедре нормальной анатомии человека в Киевский женский медицинский институт, где в 1906–1908 годах читал лекции по анатомии человека. Преподавал анатомию с гистологией и в других учреждениях. В 1913 году защитил диссертацию «О форме тазобедренного сустава человека» на степень доктора медицины. Допущен медицинским факультетом университета Св. Владимира к чтению лекций в качестве приват-доцента по анатомии человека (1914). В 1916 году избран преподавателем по анатомии человека в Киевском женском медицинском институте. С 15 апреля 1918 года приступил к формированию Института нормальной анатомии создаваемого Таврического университета. Профессор. С 10 мая начал чтение лекций, сначала в Киеве, затем в Ялте. С 30 июля — декан медицинского факультета, и. о. ректора формируемого Таврического университета. Затем ректор. В 1920-м приглашался в состав Совета начальников управлений при Правителе Юга России П. Н. Врангеля в качестве заведующего народным образованием с сохранением должности ректора. Вначале ответил согласием, но, в конце концов, отказался. Автор ряда научных трудов. После его смерти по решению Симферопольской городской думы именем Р. И. Гельвига была названа площадь возле корпуса медицинского факультета на ул. Лазаретной (ныне ул. Студенческая) (Профессорско-преподавательский состав Таврического университета в 1920 году. По материалам Государственного архива Российской Федерации / Публикация В. В. Лаврова // Там же. — С. 73; *Лысенко В. В., Козленко С. В.* Р. И. Гельвиг — первый ректор Таврического университета // Там же. — С. 224–228).

¹⁹⁹ Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. — № 7. — Отдел первый. — С. 163.

²⁰⁰ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 60.

²⁰¹ Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. — № 8. — Отдел первый. — С. 168.

²⁰² Там же. — № 9. — Отдел первый. — С. 208.

²⁰³ Там же. — № 8. — Отдел первый. — С. 190.

²⁰⁴ Там же. — С. 224.

²⁰⁵ См.: *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Периодические издания Крыма (март 1917 — ноябрь 1920 г.) // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 268–288. Авторы намеренно подробно не останавливаются на состоянии науки, культуры, образования в рассматриваемый период, считая, что эта проблематика специфична и выходит за рамки темы. Она, однако, затрагивалась в иных публикациях авторов (*Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Культурная политика Крымских краевых правительств (М. А. Сулькевича и С. С. Крыма (Неймана)) // *Русская культура и Восток: Материалы III Крымских Пушкинских чтений. 13–19 сентября 1993 г. Бахчисарай.* — Симферополь, 1993. — С. 76–77; *Зарубин В. Г.* Политика Крымских краевых правительств в отношении развития исторической науки, археологии, музейного дела и сферы охраны памятников / Тезисы международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)». Секция охраны памятников археологии. — Симферополь, 1994. — С. 16–18; *Зарубин В. Г.* Гражданская война // Крым сквозь тысячелетия. — Симферополь, 2004. — С. 447 (и др.), а также в работах: *Непомнящий А.* Українські історії та вивчення Криму у 1918 р. // Гетьман Павло Скоропадський та Українська Держава 1918 року. — С. 165–166; *Лавров В. В., Ишин А. В.* Таврический университет в 1918–1921 годах // История Таврического университета (1918–2003). — К., 2003. — С. 18–27; и др.

²⁰⁶ См.: Приложения к 57-му тому Известий Таврической ученой архивной комиссии. — С. 59–65.

²⁰⁷ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 402. — Л. 20–21, 29, 41.

²⁰⁸ Оболенский В. А. Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1994. — № 1. — С. 84.

²⁰⁹ Крымский Вестник. — 1918. — 22 октября.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Крым. — 1918. — 10 мая.

²¹² Миллет. — 1918. — 22 августа (с крымскотатарск.) // Бочагов А. К. Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Очерк. — Симферополь, 1930. — С. 54–55.

²¹³ Громов С. Е. К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Учёные записки Симферопольского государственного университета. — 1998. — № 6(45). — С. 54.

²¹⁴ Федюшин О. Указ. соч. — С. 252–253.

²¹⁵ А. В. Мальгин осторожен: «Несмотря на безрезультатность переговоров, Крым и Украина, по-видимому, уже не вернулись к состоянию «экономической борьбы» (Указ. соч. — С. 62). Поправляем: вернулись, хотя и ненадолго.

²¹⁶ Крымский Вестник. — 1918. — 22 октября.

²¹⁷ Винавер М. Указ. соч. — С. 1, 5–15.

²¹⁸ ГААРК — Ф. Р-999. — Оп. 2. — Д. 402. — Л. 10–12.

²¹⁹ Крымский Вестник. — 1918. — 22 октября; ГААРК — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 89–89 об.

²²⁰ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 79. — Л. 1–3. «Очень интересует всех молниеносное превращение Крымского Президента Сулькевича, — заносит в дневник современник. — Все общественные учреждения выносят ему резолюции «вон!». По поводу его реакционности, а он нуль внимания, и всё сидит и только всё более демократизируется. В какие-нибудь две недели отменил незадолго до этого им же изданный квартирный закон, затем ввёл свободу печати, отменил предварительную цензуру и разогнал правые цензовые Думы, на их место посадил опять же «демократические». (4 ноября) / А. В. Дневник обывателя (26 июля 1918 г. — 4 апреля 1919 г.) / Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. — М., 1991. — Т. IV. — С. 257 (Репр.)

²²¹ Деникин А. И. Указ. соч. — С. 73.

²²² 23 сентября в Уфе создается коалиционное правительство под председательством правого эсера Н. Д. Авксентьева — Директория (Временное Всероссийское правительство).

²²³ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 90; Ялтинский Голос. — 1918. — 14 ноября; Винавер М. Указ. соч. — С. 225–226.

²²⁴ Линёв К. К., Шарана В. Ф. Указ. соч. — С. 231–232.

²²⁵ ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 85–86.

²²⁶ 18 декабря 2002 года по случаю 85-летия начала Гражданской войны в Крыму на фасаде бывшего дома Таврических губернаторов в Симферополе (ныне ул. Ленина, 15) по инициативе Республиканского комитета по охране культурного наследия Автономной Республики Крым установлена мемориальная доска с текстом, извещающим о размещении здесь Крымских краевых правительств М. А. Сулькевича и С. С. Крыма.

ГЛАВА III

ГОД 1919-й.

Второе Крымское краевое правительство: к «единой и неделимой»

Мировая война, унёсшая миллионы жизней во имя имперских, геополитических, экономических и иных амбиций власть и силу имущих, стремительно близилась к завершению. 29 сентября 1918 года Болгария, положив начало развалу Четверного союза, заключает в Салониках перемирие с Антантой. В октябре появляются первые симптомы крушения Австро-Венгерской империи, которая 3 ноября подписывает перемирие с союзными державами. 12 ноября император Карл отрывается от престола. 30 октября на борту линейного корабля «Агамемнон» Турция подписывает перемирие в Мудросе (остров Лемнос) и разрывает отношения с Германией. Страны Согласия получают право на оккупацию турецкого государства, берут под свой контроль Босфор и Дарданеллы, а, следовательно, и Чёрное море. Со временем на востоке страны наберёт мощь национальное движение, заигрывающее с московскими большевиками, что не помешает ему претендовать на закавказские территории.

3–9 ноября разразилась революция в обессиленной войной и растерявшей бывшее законопослушание Германии. Император Вильгельм II, тот самый «великий гений германского народа» и пр., как величал его Дж. Сейдамет, отрёкся от престола и 10 ноября бежал в Голландию. 11 ноября было подписано Компьенское перемирие между Антантой и Германией. Грядёт Версальский мир, столь унизивший немцев и ставший одной из ступенек, приведшей к власти Гитлера.

В который раз «меняется таинственная карта» Европы (О. Э. Мандельштам)...

Наконец, 13 ноября правительство РСФСР аннулирует Брестский договор.

Все эти события исторической значимости не замедлили отозваться в Крыму. Германские войска, основательно разграбив полуостров¹, постепенно — быстрого их исчезновения с оставлением после себя вакуума не хотел никто, кроме большевиков, — выводятся из Крыма, уступая место победителям — странам Антанты.

15 ноября состоялась Ясская конференция, на которой присутствовали антантовские дипломаты, аккредитованные в Румынии, французский консул в Киеве (фактически — на всём Юге России) Эмиль Энно, пред-

ставители российских монархистов, кадетов, эсеров. Преобладали правые, но, как говорил на декабрьском Земско-городском съезде, о котором речь впереди, делегат конференции, бывший комиссар Черноморского флота И. И. Фондаминский (Бунаков), союзники считались с левым меньшинством и высказывали своё предпочтение демократическим формам правления на территории России².

Тот же Фондаминский (Бунаков) называл Ясское совещание «случайным», подчёркивал не директивный, а, скорее, информационный характер его решений³.

Газеты писали: «Ясское совещание, созванное на «персональном» принципе, в сущности, говоря, не имело и не могло иметь иного веса, кроме того же «персонального». Кого представляло оно? Какие доказательства могло оно привести союзникам того, что оно отражает взгляды широких слоёв населения или хотя бы значительной части русского общества?»⁴.

Пусть так. Но конференция в Яссах, тем не менее, была производным реальных земских интересов обеих сторон. Российская отражала чаяния той части населения, которая видела в помощи Антанты панацею от большевизма. Союзническая, как ясно определял А. И. Деникин, отталкивалась от трёх обстоятельств: 1) угроза большевизма для собственных государств; 2) опасность возможного русско-немецкого сближения; 3) заинтересованность в уплате российского государственного долга⁵ (свыше 10 миллиардов золотых рублей). И Антанта получила в Яссах «добро» от антибольшевистских кругов на интервенцию.

Главнокомандующий союзными войсками на Юге России генерал Анри-Маттиас Бертелю обратился по этому поводу со следующим воззванием: «...Жители южной России! вот уже почти два года, как ваша богатая страна раздражается нескончаемыми гражданскими войнами. (...) Мы, ваши союзники, никогда не забывавшие усилий, которые вы приложили во имя общего дела, и желающие вновь увидеть вашу страну умиротворённой, процветающей и великой, решили, что наши войска высадятся на южной России, чтобы дать возможность благонамеренным жителям восстановить порядок, окажите добрый приём войскам союзников, они приходят к вам, как друзья. Все державы Согласия идут вам навстречу, чтобы снабдить вас всем, в чём вы нуждаетесь, и чтобы дать вам, наконец, возможность свободно, а не под угрозами злоумышленников решить, какую форму правления вы желаете иметь. Итак, войска союзников направляются к вам только для того, чтобы дать вам порядок, свободу и безопасность. Они покинут Россию после того, как спокойствие будет восстановлено, дайте решительный отпор дурным советчикам, имеющим интерес вызвать смуту в стране, и встречайте державы Согласия с доверием»⁶.

Обычная в дипломатии практика: подлинные намерения закамуфлированы пышной риторикой.

Ещё 23 декабря 1917 года Англия и Франция разделили между собой Юг России на зоны влияния. Сфера французских интересов включала Ук-

раину, Бессарабию и Крым, английских — Дон, Кубань, Кавказ. Одной из целей конвенции были гарантии вложенных в эти регионы капиталов. Францию привлекали украинские уголь и железная руда, Англию — кавказская нефть. Предусматривалось оказание помощи Добровольческой армии. Крым рассматривался как удобный военный плацдарм. Тактика союзников беспрерывно корректировалась в зависимости от непредсказуемых изменений ситуации в России, Украине и пр. и внутривосточного поля в самих странах Антанты.

Исключительная роль в реализации этих замыслов отводилась флоту, конкретно — Средиземноморской эскадре, которой осенью 1918 года командовал английский контр-адмирал Сомерсет Артур Гош Калторп⁷. Британский официоз «Таймс» откровенничал в номере от 1 ноября: «Пока Чёрное и Балтийское моря закрыты для нашего флота — наша морская мощь не может оказывать влияние на будущее России. Сибирь и Мурманский полуостров в лучшем случае неудобный чёрный ход, но когда британский флот находится в Чёрном море — открыта парадная дверь»⁸. Капитуляция Турции решила черноморскую проблему для стран Согласия.

В начале 20-х чисел ноября эскадра союзников подходит к Севастополю. На борту кораблей располагались английская морская пехота, 75-й французский и сенегальский полки, греческий полк.

26 ноября вся эскадра — 22 судна, английских, французских, греческих и итальянских — красовалась на рейде Севастополя. Сюда прибыло второе Крымское краевое правительство в полном составе, военная, городская, земская, крымскотатарская, немецкая (колонисты) делегации. Правительство было принято на флагмане, английском дредноуте «Сьюперб», контр-адмиралом Калторпом в своей каюте.

С кратким словом выступил председатель Совета Министров С. С. Крым: «Адмирал! Как глава крымского правительства я вас приветствую в нашей стране. Демократическое правительство, представителем которого я имею честь быть, недавно сформировалось без всякого стороннего влияния. Оно возникло из краевого земства. Его программа ставит первой задачей борьбу с анархическими и большевистскими элементами, воссоздание России единой и неделимой, национальное возрождение. В достижении этой цели мы рассчитываем на вашу поддержку. Добро пожаловать, как наши друзья и давнишние союзники и как воплощённые представители наших надежд и наших патриотических желаний»⁹. Он же пригласил Калторпа на завтрак на берегу. По воспоминаниям организатора этой встречи, выполнявшего функции начальника протокола при Краевом правительстве, члена Таврического губернского комитета кадетской партии, издателя газеты «Таврический Голос» А. В. Давыдова, «с любезной улыбкой адмирал ответил, что он, к сожалению, не может принять приглашения, т. к. единственной властью на Юге России, признанной его правительством, является власть ген. Деникина. Наступила минута неловкого молчания...»¹⁰. Затем министр внешних сноше-

ний М. М. Винавер прочёл заранее написанную им по-французски цветистую приветственную речь, предназначавшуюся для завтрака, ответа на которую не последовало. Тогда к Калторпу на чистом английском обратился министр юстиции В. Д. Набоков, рассказав как в годы войны он с группой депутатов Государственной думы посетил Англию и был принят на кораблях королевского флота. Контр-адмирал оживился, стал припоминать подробности, и беседа могла бы затянуться надолго, «если бы вдруг не открылась дверь в каюту и вестовой не возгласил бы: «Lunch, Sir!» Аудиенция была кончена, и флагманский офицер проводил правительство до трапа...»¹¹. Первый дипломатический контакт Краевого правительства закончился без результатов.

Главной базой союзников стал Севастополь. Здесь расположились морское и сухопутное командование войсками. На берег первоначально высадился английский десант в 500–600 человек, затем — французский — в 1600. Всего к началу 1919 года в Севастополе сосредоточилось, по всей видимости, до 5,5 тысячи десантников, включая до 3 тысяч французов и 2 тысяч греков¹². К апрелю эта цифра выросла до 22 тысяч¹³, включая два полка греков, одну бригаду французов (170-й и 175-й полки) и до 7 тысяч сенегальских стрелков. Флот Антанты в Севастополе включал броненосец «Лемнос», крейсер «Аверов» и два миноносца (Греция), броненосец «Мальборо», крейсер «Калипсо» и три миноносца (Великобритания), четыре броненосца и пять миноносцев (Франция), один итальянский миноносец, французское госпитальное судно и до 15 транспортов¹⁴.

Отдельные суда и небольшие отряды расположились также в Евпатории, Ялте, Феодосии и Керчи.

Как были встречены в Крыму новые лица? Обратимся к свидетельству рядового участника трагикомедии под названием «Гражданская война»: «Наконец-то прибыли в Ялту сегодня первые представители союзников, английский миноносец «Senator» и французский «Dehorter». Как только сменился с поста, сейчас же побежал на мол. Тут... целое море голов. Оба судна обсыпаны публикой, с интересом рассматривающей долгожданных союзников. Сами союзники, английские и французские моряки, тоже в свою очередь облепили перила и с любопытством изучали нас русских». (...) Вечером «весь город, верней, все главные кафе забиты ялтинской публикой и иностранными матросами и офицерами. Их угощают, как друзей и освободителей, так как уверены теперь, что скоро будет finish большевикам. Повсюду радость и веселье. Радость необыкновенная. (...) Но настроение такое только у так называемой буржуазии и интеллигенции, у рабочих же совсем не то, и идя вечером домой, мне пришлось слышать ропот негодования против притянутых «иностранных наёмников» (выделено нами. — *Авт.*)¹⁵.

Протест рабочих против явления Крыму «гостей» не ограничился ворчанием. 15 декабря в Севастополе прошла двухдневная забастовка грузчиков, не желавших работать на интервентов. 17 декабря была открыта

стрельба по зданию штаба флота (обстрелы антантовских патрулей стали нередким явлением). 19 декабря — совершенно нападение на тюрьму, где стояла иностранная охрана. 23 декабря обстрелу подверглись уже сами корабли¹⁶. И так далее.

6 декабря делегация союзников выехала в Симферополь. Как сообщали газеты, «дамы кидали цветы, и народ спешил выражать, как мог, свою радость и свою симпатию. День этот поистине был для Симферополя днем праздника, который никогда не забудется.

И правительство, и левое по своему составу городское самоуправление, и Добров. Армия, и торгово-промышленный класс встречали делегацию и чествовали её завтраком, обедом и чаепитиями, во время которых произносились речи, подчёркивающие политический смысл демонстрации»¹⁷.

Итак, из-за торжественных приемов и роскошных банкетов выгляды-вал «политический смысл». В чём же он заключался?

Об экстраординарности для Краевого правительства контактов с англо-французами¹⁸ свидетельствует факт отъезда министерства внешних сношений в Севастополь. М. М. Винаверу теперь приходилось дважды в неделю навещать Симферополь для участия в заседаниях правительства.

Крымский кабинет хотел от союзников поддержки Добровольческой армии, постоянного пребывания судов и десантов в портах полуострова и — теперь — немедленного удаления остатков немецких войск из Крыма и прекращения вывоза ими российского имущества.

Союзники были осторожны — присматривались. На первых порах они ограничились полной ликвидацией немецкого оккупационного режима и выводом русских кораблей из Севастополя. 5 декабря эскадренные миноносцы «Дерзкий», «Счастливый», «Беспокойный», «Капитан Сакен», линкор «Воля», прочие суда были угнаны в Мраморное море. Военное имущество, оставшееся в Севастополе после ухода немцев, на сумму свыше 5 миллиардов рублей, было также вывезено¹⁹. Командование эскадрой, после ряда смен, перешло к французскому вице-адмиралу Жан-Франсуа Амету, сухопутными войсками руководили французские полковники Рюйе, затем — Эжен Труссон).

В дальнейшем союзные войска занимались главным образом поддержанием порядка (содействие в уголовном розыске, поимка большевиков, охрана тюрем, патрулирование, прежде всего «неблагополучных» городских районов) и поставками оружия и обмундирования. Краевое правительство бомбардировало морское и сухопутное командование интервентов, русского посла во Франции, кадета В. А. Маклакова, с его обширными связями, — записками и телеграммами, красной нитью через которые проходила просьба: союзники, окажите непосредственную военную поддержку, защитите Перекоп, защитите Крым. Правительство предлагало переместить союзнические гарнизоны в глубь полуострова — тысячу человек расположить в Симферополе, по 500 — в Евпатории и Феодосии, по 300 — в

Карасубазаре и Джанкое, по 100 — в Перекопе и Таганаше (с. Солёное Озеро Джанкойского района)²⁰. Но антантовское руководство, сберегая силы и чувствуя за своей спиной растущее недовольство интервенционистской акцией, воздерживалось от участия в боевых действиях. Только в марте 3 тысячи греков были направлены на Перекопский перешеек, но, меланхолически констатирует М. М. Винавер, «было уже поздно...»²¹.

Ещё одним шагом крымского кабинета, направленным на завоевание симпатий союзников и их «информационное обеспечение» (военные не слишком адекватно воспринимали все перипетии происходившего на полуострове, как и сам русский (крымский в целом) менталитет), стало появление печатных органов на иностранных языках. М. М. Винавер организовал издание с 18 декабря «Bulletin» на английском и французском языках (с середины января 1919 года, с уходом английского флота он выходил только на французском), поместив в первом номере свою передовицу (всего вышло 16 номеров). С начала 1919 года для французских союзников три раза в неделю издавались «Dernieres Nouvelles» («Последние Новости») (вышло 25 номеров). Шрифт для печати этих органов министерства внешних сношений сын Винавера с немалыми трудностями доставил из Константинополя²².

Равнодействующая трёх политических центров в Крыму — двух сильных: Добровольческая армия и союзники — и одного слабого: Крымское красное правительство — никак не желала прочерчиваться. Это лишний раз подтверждало доминирование в годы Гражданской войны милитарных структур над гражданскими и расхождение их интересов.

«Взаимоотношения двух действовавших на нашей территории воинских сил, — пишет М. М. Винавер, — Добровольческой и союзнической — складывались довольно своеобразно. В Симферополе сидел главноначальствующий русской армии, а в Севастополе — главноначальствующий союзнической армии и главноначальствующий союзного флота. От Симферополя до Севастополя два часа езды. И за четыре месяца, до 10 июня марта 1919 года, ни главноначальствующий русской армии, ни его начальник Штаба ни разу не вели деловой беседы с начальниками союзнических сил. (...) Для связи с союзниками командование ДА (Добровольческой армии. — *Авт.*) ограничилось назначением в Севастополь приблизительно в январе месяце полковника барона Нолькена²³, сравнительно молодого, весьма благовоспитанного человека, в задачи которого могло входить в лучшем случае информирование ДА о том, что происходит в Севастополе, а отнюдь не самостоятельное, от имени ДА, согласование военных планов с союзниками»²⁴.

В то же время Главнокомандующий А. И. Деникин и его помощник генерал-лейтенант А. С. Лукомский, через голову Краевого правительства, вели прямую переписку со штаб-квартирами союзников в Бухаресте и Одессе. В одном послании последним было предложено содействие — «правильно ориентироваться в современном политическом положении Крыма»,

в другом — «Главкомандующий признал желательным ввести в Крыму военное положение...»²⁵. Союзники, однако, ответили отказом. Командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией генерал-лейтенант А. А. Боровский²⁶ довёл до сведения Деникина, что «Французское Командование считается-де главным образом с местным правительством и указывает, что ДА находится в Крыму исключительно для поддержания порядка и спокойствия; и что оно... против введения военного положения, считая, однако, вполне возможным, чтобы Министерству Внутренних Дел были предоставлены чрезвычайные полномочия по принятию различных мер, равносильных введению военного положения»²⁷ (на что Главкомандование пойти не пожелало. — *Авт.*).

Первый непосредственный контакт крымских (в данном случае) кадетов и добровольцев произошел ещё в конце октября в Екатеринодаре, где предполагалось командование армией и 28-го числа открывался кадетский съезд. Съезд был задуман как областной, но стал фактически всероссийским и даже не совсем кадетским, ибо на нем присутствовали и деятели правого толка, и военная элита.

Белое (добровольческое) движение прошло к этому времени уже долгий путь, оставив позади героико-романтический период. Свою трагическую историю оно начинает на Дону в конце ноября 1917 года, когда по инициативе генерала от инфантерии М. В. Алексеева, ранее — начштаба Верховного Главкомандующего (1915–1917) и Главкомандующего Русской армией (март-май 1917 года), генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова создаются первые, еще крайне немногочисленные офицерские отряды. После гибели Корнилова (31 марта 1918 года) командующим Добровольческой армией становится генерал-лейтенант А. И. Деникин. Алексеев (умер 8 октября того же года) не занимал официальных военных постов, довольствуясь неопределённым титулом «Верховного руководителя», ведал финансами и сношениями с различными общественно-политическими группами. После кончины Алексеева Деникин становится Главкомандующим Добровольческой армией.

Летом 1918 года известный политик В. В. Шульгин²⁸ выдвигает идею, а затем реализует её — создание в армии гражданского управления. 31 августа Алексеев утвердил составленное Шульгиным «Положение об Особом совещании при верховном руководителе (позднее — Главкомандующем. — *Авт.*) Добровольческой армии» (ОСО). Задачи Совещания формулировались следующим образом: а) разработка вопросов, связанных с управлением территориями, занятыми Добрармией; б) обсуждение и подготовка временных законопроект «как местного значения, по управлению областями, вошедшими в сферу влияния Добровольческой армии, так и в широком государственном масштабе по воссозданию Великодержавной России в прежних её пределах»; в) контакты с другими областями бывшей империи; г) а также со странами Согласия; д), е) установление связи с

государственными и общественными деятелями и привлечение их к совместной работе²⁹. Таким образом, ОСО, как следует и из самого названия, по сути, было не правительством (его порой называли так), а совещательным органом при Главнокомандовании.

Состав ОСО не отличался однородностью³⁰. В него входили деятели Государственного объединения России (правые) и Национального Центра (кадеты). Стоявший левее Союз возрождения России (народные социалисты и «Единство») «не имел там своего голоса, хотя косвенно принимал известное участие в обсуждении дел путём редких, правда, собеседований со мной, — пишет А. И. Деникин, — и личных отношений с руководителями Национального Центра»³¹. Членов Союза возрождения смущало отсутствие в добровольческих декларациях лозунга Учредительного собрания. Только в сентябре 1919 года Союз признал необходимым переход из оппозиции к участию во власти. Большинство офицеров Добровольческой армии политически было совершенно девственно и ни в каких программах не разбиралось. Значительная их часть привычно склонялась к монархизму, однако было и немало симпатизирующих эсерам. В этом сказывалось сословное и социальное происхождение.

Сходились «особисты» на императиве свержения большевистской власти, но не в представлениях о будущем России. Впрочем, все свои внутрипартийные дела кадеты оставили за дверями Совещания. Деникин, считая себя «либералом» (? — *Авт.*), с военной прямоотой подводил итоги в эмиграции: названные группировки, «тая в идеологии и практике своей ряд непримиримых антагонизмов... захватывали лишь тонкий слой русской интеллигенции, не проникая корнями в толщу народную. (...) ...Поэтому-то эти организации могли дать и давали только *совет*, а не *опору* (курсив А. И. Деникина. — *Авт.*). Найти опору ни я, ни они не сумели»³².

26 декабря, после соглашения с атаманами Донского и Кубанского войск, А. И. Деникин становится Главнокомандующим Вооружёнными Силами на Юге России (ВСЮР). В феврале 1919 года им была утверждена новая, развёрнутая и уточнённая, редакция положения об ОСО. При Совещании, согласно февральскому Положению, состояли Отдел Законов, Отдел Пропаганды и Канцелярия, а также «ведомства: 1) Военное Управление; 2) Морское Управление; 3) Управление Внутренних Дел; 4) Управление Земледелия; 5) Управление Иностранных Дел; 6) Управление Исповеданий; 7) Управление Народного Просвещения; 8) Управление Почт и Телеграфов; 9) Управление Продовольствия; 10) Управление Путей Сообщения; 11) Управление Торговли и Промышленности; 12) Управление Финансов; 13) Управление Юстиции; 14) Управление Государственного Контроля». Собственно ОСО включало начальников управлений, управляющих отделами законов и пропаганды, а также тех, кого назначал, по своему усмотрению, Главнокомандующий. Параграф 12 гласил: «Постановления Особого Совещания, утвержденные Главнокомандующим, немедленно приемлют

силу», а 13 — неутверждённые — остаются без последствий или возвращаются для переработки³³.

Февральское Положение действовало до декабря 1919 года.

Программа самого Главнокомандующего была предельно проста: «борьба с большевизмом до победного конца»; «великая и неделимая» Россия; «автономия и самоуправление»; «политические свободы». Наиболее полным разъяснением его платформы явился Наказ Особому Совещанию от 14 декабря 1919 года, проливающий свет на смысл всего предшествовавшего поведения добровольцев. Вот главные тезисы Наказа:

«1) Единая, Великая, Неделимая Россия. Защита веры. Установление порядка. Восстановление производительных сил страны и народного хозяйства. (...)

2) Борьба с большевизмом до конца.

3) Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить. Всякое противодействие власти — справа и слева — карать.

Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и без навязывания. (...).

4) Внешняя политика — только национальная, русская.

Невзирая на возникающие иногда колебания в русском вопросе у союзников, — идти с ними. Ибо другая комбинация морально недопустима (наверное, имеется в виду Германия. — *Авт.*) и реально неосуществима.

Славянское единение.

За помощь — ни пяди русской земли (выделено нами. — *Авт.*).

5) Все силы, средства — для армии, борьбы и победы. (...)»³⁴.

Аграрный вопрос (Декларация от 23 марта (5 апреля) 1919 года) должен был решаться в духе незыблемого права собственности и отчуждения в пользу малоземельных доли частновладельческих имений за выкуп; рабочий — по принципу восстановления законных прав владельцев и защиты интересов профсоюзов. На практике же зачастую реанимировалось в полном объёме помещичье землевладение³⁵, а профсоюзы подвергались всевозможным утеснениям и репрессиям. Национальный вопрос, помимо великорусского, для Деникина не существовал. Всё это, вместе взятое, на наш взгляд, предрешало поражение Добровольческой армии.

Позже в октябре 1919-го, когда Главнокомандующий посетил Крым, на банкете в честь приезда он выступил с показательной речью: «Через всю русскую историю красной нитью проходит стремление к объединению и собиранию земли русской. Повинуясь этой идее, русский народ штыками и плугом прошел от Москвы до южных морей Великого Оксана. Только 2 безумных периода, изменивших этой идее, знает Россия: период удельно-вечевой и наш кошмарный период, когда, как наросты на больном теле, как мыльные пузыри возникают самостийные государства, которые лопнут, как мыльные пузыри. Этой участи не избег и Крым, который за последний год надевал разные маски. Но маскарад окончен, маски сняты, и, одевшись в русский 3-хцветный

флаг, Крым его больше не снимет. Я поднимаю бокал за процветание Крыма и всех тех его деятелей, которые честно служат русской идее»³⁶.

Между тем, продвигавшееся к декабрю 1918 года (не без труда, особенно с Кубанской Радой, где зрело и временами остро прорывалось, как тогда говорили, «самостийничество», закончившееся, в конце концов, разгромом и «умиротворением» Рады добровольцами) соглашение Деникина и казачества подвинуло общественное мнение к идее единого южнорусского управления, которое объединило бы крымское, донское, кубанское, украинское и грузинское (тогда у власти в Тифлисе стояли национал-меньшевики) правительства и имело своим местопребыванием Севастополь³⁷. Интересно, что сначала эта мысль была «подброшена» в Крым сверху, из Екатеринодара. Председатель ОСО генерал от кавалерии А. М. Драгомиров телеграфировал в декабре Краевому правительству «о получении им от украинского министерства иностранных дел (Г. О. Афанасьева; гетманский режим в предчувствии надвигающегося краха мечется в поисках союзников. — *Авт.*) приглашения в Киев на совещание по вопросам, связанным с восстановлением единства России». Драгомиров, от командования армией и ОСО, ответил согласием при условиях: «1) в виду событий последнего времени, Киев, как место съезда нежелателен, предпочтительнее Екатеринослав или Симферополь; 2) Обсуждение отношений к различным державам для добровольческой армии является излишним. (...) 3) Участие в конференции Грузии... которая стоит на определённой самостийнической позиции и ведёт политику крайне враждебную единой России и унижающую достоинство русского имени, добровольческая армия считает совершенно недопустимым, пока Грузия не изменит своего отношения к вопросу».

Крым откликнулся телеграммой за подписями С. С. Крыма и М. М. Винавера: «Краевое правительство находит, что Симферополь, по своему местоположению является наиболее подходящим местом, и в случае, если решено будет устроить совещание в Симферополе, примет все меры к тому, чтобы совещание было надлежаще обставлено. Краевое правительство будет счастливо, если Крыму дано будет стать тем местом, в котором будет заложено начало восстановлению единой России». При этом выражалась полная солидарность с позицией Доббармии³⁸.

Радужные мечты остались мечтами. В Киев вступили войска Директории. 14 декабря гетман П. П. Скоропадский был объявлен вне закона. Украина отпала от проекта.

Однако объединительная тенденция пробивала себе дорогу. Добровольческая, Донская, Южная, Кубанская и Астраханская армии объединились под главнокомандованием А. И. Деникина в «морские и сухопутные силы юга России»³⁹. Весной было оформлено единое управление железными дорогами Крыма, Дона и Кубани, что имело не только экономическое, но и, прежде всего, военно-политическое значение⁴⁰.

Зашевелилась и общественность. В Симферополе создаётся отдел Союза возрождения России, вступивший в переговоры с кадетами (Нацио-

нальный Центр). А с 30 ноября по 8 декабря здесь же проходил съезд представителей земств и городов Юга России⁴¹.

Съезд приветствовали:

от Краевого правительства — П. С. Бобровский: «...Поскольку съезд ставит задачей создание демократической власти для юга, востока и запада России, отрицающей военную диктатуру, постольку задачи съезда совпадают с целями крымского краевого правительства»;

от таврического губернского земства — В. А. Оболенский: «Демократические городские и земские самоуправления мыслят и иначе не могут мыслить Россию как единой, свободной и демократической. Эта триединая формула является идеалом»;

от симферопольского городского самоуправления — городской голова, эсер А. В. Фосс: диктатура неприемлема⁴².

В своем вступительном слове избранный председателем съезда бывший московский городской голова В. В. Руднёв говорил, что «объединяющей идеей съезда является девиз: «не только всё для народа, но и всё через народ», ратуя за выборность и коллегиальность властей. «Таким образом, — комментировал наблюдатель, — заранее и совершенно определённо можно сказать, что вопрос о единоличной диктатуре предreshён в отрицательном смысле. (...) Положение не представляется нам безвыходным, хотя нам известно, что в атмосфере государственного распада и гражданской войны люди легко теряют голову и начинают проявлять подлинные симптомы коллективного безумия. Во многих отношениях мы уже являем теперь зрелище колоссальных размеров Бедлама». Выход — в примирении и присутствии людей со стороны, то есть союзников⁴³.

Первые заседания съезда, правда, шли ещё вкривь и вкось. По привычке сводились партийные счёты. Однако отчитывающие участники съезда, гласный Ялтинской думы, народный социалист В. С. Елпатьевский, приехавшие делегаты из Киева и Одессы, в особенности эсер И. И. Бунаков (Фондаминский) и кадет Брайкевич, председатель Союза возрождения социал-демократ Я. Л. Рубинштейн, умело искали точки соприкосновения. Вопросы, выносимые на заседания, стали предварительно согласовываться на закрытом межфракционном совещании — сеньорсен-конвенте⁴⁴.

Атмосфера сгладилась, но все противоречия не исчезли. Это отражалось и в съездовских дебатах, и в принятых резолюциях. Так, крымские социал-демократы весьма отрицательно оценивали прибытие союзников. Особенно непримирим был А. Г. Галлоп, который при голосовании остался одиноким в своей фракции.

Среди резолюций съезда выделим «О добровольческой армии и особом совещании при ней», «Об отношении к Уфимской директории», «Об организации Южно-Русского правительства и военной диктатуре». Были признаны заслуги Добрармии в борьбе с большевизмом, дана высокая оценка негативного её отношения к германским войскам на территории России. Но съезд

высказал настороженное отношение к ОСО, созданному недемократическим путем и пока не завоевавшему доверия. Что касается Добрармии, то она, решил съезд, должна стать общероссийской (с ядром в виде собственно бывших добровольцев), — стоящей вне политики и неприемлющей диктатуру. Намечалась перспектива соглашения с Уфимской директорией. Южно-Русское правительство должно было объединить Украину, Крым, Дон, Кубань, Кавказ и положить конец «существованию отдельных государственных образований, заложенных немцами и способствующих «самостийным» течениям и национальной розни»⁴⁵. Слияние восточной и южной армий обуславливало и слияние двух правительств во «всероссийское временное правительство» с Главнокомандующим Добрармией в качестве директора, а затем — созыв Учредительного собрания на демократической основе. В последнем мнения эсеров и кадетов разошлись: первые мыслили созвать разогнанное в январе Собрание, хотя бы для частных целей; вторые возражали — нельзя, поскольку в его составе были большевики и левые эсеры, сами же его и разогнавшие, нужно новое Учредительное собрание. В конце концов, специальная резолюция о Собрании была снята с обсуждения съезда.

В вопросе о союзниках большинство сошлось на том, что воспользоваться помощью следует, но при этом не допустить их вмешательства во внутривососсийские дела. Была вынесена резолюция, осуждающая петлюровское движение на Украине.

Итоговый документ съезда получился чрезвычайно объёмным, с анализом ситуации с февраля 1917 до конца 1918 года, но ценным исторически, с точки зрения уяснения позиции и действий тех кругов, которые хотели свернуть Гражданскую войну. Остановимся на нём подробнее.

Резолюция осудила большевизм слева и «справа» (монархически-реставрационный) как питающий братоубийственную войну, и во главу угла поставила демократические перспективы. «Съезд представителей земств и городских дум, стоя на платформе борьбы за воссоздание единой, независимой и демократической России, вкладывает в эту формулу содержание, свойственное не одной какой-либо партии, а объединяющее политические устремления широких кругов демократии».

Конкретно:

1. Съезд отвергает великодержавно-бюрократическое понимание единства России. «С другой стороны, Съезд высказывается против безусловно и бесповоротного признания за каждой национальностью права на полное отделение от России, не считающееся с жизненными интересами всей совокупности народов России» (отчетливая корректировка прежних взглядов социалистов-революционеров и социал-демократов, обусловленная горьким опытом всеобщего развала и кровопролития 1917–1918 годов, а также аргументами кадетов; выделено нами. — *Авт.*). Следует сочетать равные права каждой нации на автономию с экономическими и культурными интересами совокупности народов России.

2. Мирное сотрудничество с другими странами. «Съезд приветствует идею создания союза свободных и равноправных народов, имеющего целью предотвращение войн и укрепление солидарности международной демократии» (прообраз Организации Объединенных Наций. — *Авт.*).

3. Демократизм. «Немыслимо объединение народов под кровом несвободной России, бесцельна и бессмысленна вооружённая борьба с советской властью (которая, в принципе, не отвергается) без скорейшего устранения тех основных причин, которые делают для масс заманчивыми демагогические лозунги большевизма». Установление политических свобод, «разрешение зем. вопроса в интересах трудящихся», «обеспечение рабочим нормальных условий труда».

Венец — созыв второго Всероссийского Учредительного Собрания⁴⁶.

Съезд избрал орган, долженствующий реализовать его решения, — Союз земств и городов Юга России (9 социал-демократов, 9 эсеров, 4 народных социалиста, 9 кадетов), выделивший Центральное бюро с местопребыванием в Одессе⁴⁷.

Однако в Одессе царил политический хаос, а Союз и его бюро оказались изначально мертворождёнными, именно по причине той оторванности от «толщи народной», о которой метко говорил Деникин. Анонимный обозреватель «Крымского Вестника» язвительно вопрошал: в декабре в Симферополе созданы «южно-русская директория» (видимо, Союз) и комитет (видимо, Бюро), но «мы, живущие около Симферополя, не знаем, чем занята южно-русская директория и комитет (не знаем толком этого и мы. — *Авт.*), на какой собственно предмет они созданы и продолжают ли существовать»⁴⁸.

И всё-таки нам хотелось бы избежать подобной язвительности. Документы декабрьского съезда, сломавшие некоторые искусственные перегородки между социалистами и кадетами (хотя бы на Юге), твёрдо нацеленные на демократию⁴⁹ в противовес диктатуре и террору (несмотря на участие кадетов в Особом совещании и недвусмысленную позицию Главнокомандования Добрармии), — прекрасная характеристика «третьего пути» в Гражданской войне. Другое дело, что остановить цунами насилия они были не в состоянии. И тот же народ, охваченный «коллективным безумием», — во всяком случае, значительная часть его — жаждал теперь мести и крови.

Итак, одна сторона медали: к рубежу 1918–1919 годов Гражданская война достигает стадии максимального накала. Она превосходит «во вражде и жестокости всякую войну международную»⁵⁰. «...Обстановка гражданской войны глубоко извратила общечеловеческие понятия о добре и зле, а также понятие о праве и справедливости»⁵¹. Другая: в этот период прослеживаются настроения как-то смягчить нестерпимую для всех ситуацию, хотя бы ввести её в более-менее «принятое» по тем временам (Первая мировая война) обрамление, уйти от всеобщего кровавого хаоса. Но, как покажет ближайшее будущее, названный психологический крен оказался недолговечным. Уже в середине декабря 1918 года собравшийся в Ялте съезд

Всероссийского союза земельных собственников, на котором присутствовали представители 27 городов, высказался за сосредоточение власти в руках военных, осудив решение съезда представителей земств и городов⁵².

Попытки включить Крым в общероссийское или хотя бы «общеевропейское» пространство результата не имели. Теперь его окружали: с севера — добровольцы, казаки — донские и кубанские, Украина с её петлюровской неразберихой, «зелёными» атаманами (тогдашняя пресса насчитывала на украинской территории до 15 крупных атаманов со своими отрядами), отрядами Н. И. Махно, далее — красные войска; с юга — флот Антанты. Причём добровольцы (Главкомандующий и его штаб, Особое совещание, военные управления) и интервенты подчинили крымскую территорию. Первоначально (после падения кабинета М. А. Сулькевича) она входила в зону Крымской (с января 1919 года — 4-й) пехотной дивизии под командованием генерал-майора А. В. Корвин-Круковского⁵³, затем — Крымско-Азовского корпуса (впоследствии армии) генерал-майора А. А. Боровского. Так что Краевое правительство — вопрос о введении военной диктатуры в Крыму Деникин пока не ставил — вынуждено было балансировать между интервентами (французский консул с особыми полномочиями Э. Энно) и Добрармией.

Руководство последней официально заявило 22 ноября, что армия «не намерена вмешиваться в область деятельности Крымского правительства, но, если понадобится, во всякое время окажет ему помощь вооружённой силой»⁵⁴. (Как показало дальнейшее, это обещание белые трактовали весьма своеобразно).

Тем не менее, военные власти с самого начала своего водворения на полуострове стали нагнетать обстановку. Большевики, — докладывал Корвин-Круковский, — массами проникают в Крым. Они, как и немецкие колонисты, «прекрасно вооружены», поскольку германские части, уходя, снабдили оружием «весь подозрительный элемент края». Возможны «вооружённые выступления» и «террористические акты». «Такому крайнему настроению масс способствует не только анархия, возглавляемая Петлюрой (С. В. Петлюра, как известно, был государственным. — *Авт.*), охватившая всю Украину, и банды Махно, оперирующие в северной Таврии, прилегающей к полуострову, но в значительной мере этому способствует и само Краевое Правительство, хотя и одушевлённое высоким стремлением спасти Россию, но фактически не имеющее волю решиться на нужные меры из-за необходимости прислушиваться к мнению даже самых крайних (вопрос. — *Авт.*) элементов края». И генерал-майор просит у Главкомандования разрешения объявить Крым на военном положении⁵⁵.

А. А. Боровский как будто был иного мнения. Он учитывал реакцию союзников, безусловно стоящих за сохранение полномочий Краевого правительства, и неизбежное ослабление фронта в случае введения дополнительных контингентов в Крым. «В настоящий момент, — телеграфировал он Деникину, — по условиям местной обстановки введение военного по-

ложения в крае считаю невозможным, ибо все мои силы выдвинуты к линии фронта, а без этого таковое принесёт вред, но не пользу, ибо произойдёт покушение с негодными средствами и рассорит нас с союзниками»⁵⁶.

В нашем распоряжении нет информации о том, что ответил генералам Главнокомандующий. Но С. С. Крыму он сообщил следующее: серьёзные силы отправить в Крым возможности нет, поэтому «я сделал распоряжение:

1) немедленно выслать небольшой отряд с оружием в Ялту.

2) другим отрядом занять Керчь (что и произошло 22 ноября. — *Авт.*).

3) в командование вооружёнными силами вступить ген. майору Корвин-Круковскому, которому даны следующие инструкции:

Русская государственность. Русская армия. Всемирное содействие Крымскому Правительству в борьбе с большевиками. Полное невмешательство во внутренние дела Крыма и борьбу вокруг власти (выделено нами. — *Авт.*)). Далее шла речь о мобилизации офицеров и солдат в самом Крыму (поручено генерал-майору А. К. де Боду⁵⁷). И концовка: «От души желаю Крыму мирной жизни, столь необходимой для творческой созидательной работы. Уважающий Вас А. Деникин» (20 ноября)⁵⁸.

Итак, приступившее 15 ноября к своей деятельности Крымское краевое правительство С. С. Крыма получило «благословение» Главнокомандующего Добровольческой армией.

По словам В. А. Оболенского, выдвижение С. С. Крыма на должность главы правительства объяснялась тем, что: «во-первых, он был старым местным общественным деятелем, известным широким кругам населения. Принадлежа к партии Народной Свободы, он, однако, в её борьбе с другими течениями не занимал боевых позиций, так как по натуре не обладал боевым темпераментом и всегда склонялся к компромиссным решениям. Как старый либеральный земец, он имел обширные знакомства среди третьего элемента, по преимуществу социалистического, как крупный землевладелец и бывший член Государственного Совета, пользовался авторитетом среди правых кругов. Наконец, мы надеялись на его популярность среди татар, которые его проводили, как своего кандидата, выборщиком от Феодосийского уезда во все (так в тексте. — *Авт.*) Государственные Думы. В бытность свою членом Думы и Государственного Совета он всегда поддерживал связь с крымскими татарами и горячо защищал их интересы.

Заменяя татарское правительство Сулькевича русским, нам нужно было показать татарам, что мы не намерены вести политики, враждебной татарскому населению, и фигура С. С. Крыма во главе нового правительства, как нам казалось, давала достаточные гарантии в этом отношении»⁵⁹.

А теперь — о составе правительства (с характеристиками, порой излишне благостными, министра внешних сношений М. М. Винавера).

Председатель Совета Министров, а также министр земледелия и краевых имуществ, С. С. Крым, кадет, «счастливого соединял в себе данные подвизавшегося уже на большой государственной арене политика с глубоким зна-

нием местных крымских условий. (...) Человек либеральных взглядов — скорее умеренных, чем радикальных — он, однако, сумел на посту премьера снискать себе расположение всех левых элементов, доверявших его уму, энергии и глубокой преданности интересам края. Человек зоркий, видящий гораздо глубже, чем это могло казаться по его неизменно обходительному обращению, — обладающий редким здравым смыслом и исключительным знанием людей, он умел, оставаясь сам собой, находить во всех трудных случаях примирительные формулы, проникнутые здоровым ощущением реальности... (...) В качестве главы правительства..., ему приходилось применять этот примирительный талант не к столкновениям между лицами, а к сочетанию двух линий, совместное преследование которых требовало большого такта, большого внимания к интересам отдельных частей немногочисленного, но весьма пёстрого по составу своему населения. И этот такт никогда не изменял ему. И за нашим зелёным столом он руководил приемами всегда с той же живою, но неизменно мягкой улыбкою на лице, как бы ни была тяжела создававшаяся вокруг внешняя обстановка и как бы далеко ни расходились мнения в нашей собственной среде. Я не помню ни одного случая какого-либо серьёзного недоразумения между председателем и членами коллегии — и ни одного случая, когда Председатель сам раздражался бы или раздражил кого-нибудь из нас. Он не давил нас своим авторитетом — авторитетом человека, к которому весь край проявил столь исключительное доверие. Скорее наоборот: он нарочито стужёвывался перед нами, проявляя особое, чрезмерное уважение к старым «политикам», какими считал особенно Набокова и меня. По всей манере ведения дел он старался смахивать скорее на президента республики французского типа, чем на активного главу исполнительной власти. Кто знает, быть может, при более пёстром и говорливом составе коллегии колесница наша, благодаря мягкости председателя, двигалась бы со скрипом, и производила бы трение. К счастью, в нашем составе не было элементов, требовавших укрощения, и дело шло гладко»⁶⁰.

А. П. Барт, министр финансов, бывший управляющий Таврической казённой палатой. «... Тип культурного местного бюрократа, бойкого, но строго соблюдающего все подобающее его положению достоинство в манерах, в речи и даже в почерке». Исполнял «роль техника, а не политика...».

В. Д. Набоков, министр юстиции, кадет, член ЦК партии. «Всегда одинаково гладкий, благовоспитанный, он прекрасно приспособлялся к атмосфере, весьма близко напоминавшей атмосферу Временного Правительства...».

Н. Н. Богданов, министр внутренних дел, бывший Таврический губернский комиссар. «Огромная энергия и смелость совмещались в этом человеке с исключительной мягкостью и бесконечным добродушием. Старый земец и кадет, он был членом 2-ой Гос. Думы от Рязанской губернии и пользовался огромной популярностью среди местного населения. (...) Этот непрезентабельный грузный человек был, пожалуй, больше всех других любим в нашей среде». И когда правительство отбыло в эмиграцию, Бога-

нов предпочел отправиться в действующую армию и пересёк всю страну до Владивостока.

С. А. Никонов, министр народного просвещения и исповедания, эсер. «Социалист-революционер по убеждениям, жестоко расправлявшийся на словах со всеми «негодяями», представителями старого режима, он на деле был мягчайший и снисходительнейший человек. (...) Прекрасный врач, прославленный на весь край хирург, влюблённый в свое дело, он, подчиняясь призыву товарищей, среди которых он пользовался огромным личным уважением, пошёл в правительство, точно на Голгофу». С 24 ноября Никонов стал также председателем медицинского совета при МВД в ранге министра.

П. С. Бобровский, красной секретарь и контролёр, с 30 ноября — министр труда, член «Единства». «Юрист по образованию, по профессии присяжный поверенный, человек толковый, не прямолинейный, с большой практической сноровкой в общественных делах, он пользовался большим авторитетом в местных левых кругах, хотя откровенно и с большим убеждением полемизировал не только с эсерами, но и с социал-демократами более ортодоксального направления. (...) ...За полгода нашего управления краем ему удалось все вспыхнувшие между работодателями и трудящимися многочисленные конфликты улаживать мирным путем и обессиливать большевистскую пропаганду, несмотря на наличие горячего материала, особенно среди портовых рабочих».

А. А. Стевен⁶¹, министр продовольствия, торговли и промышленности, с 17 ноября — также исполняющий обязанности министра путей сообщения, почт, телеграфов и общественных работ. «Бритое, худощавое лицо, сдержанные манеры, деловитая, немногосложная речь, — вся повадка, наконец, отличали в нём, как и его фамилия, английское происхождение (вернее шведское. — *Авт.*). Однако семья Стевенов давно уже кровно срослась с Крымом. (...) Земец и землевладелец, он не знал других интересов, кроме крымских, и добросовестно, с энергией и деловым тактом исполнял свои общественные обязанности».

Управляющим военным министерством первоначально был генерал-майор А. С. Мильковский, с 17 ноября функции военного и морского министра перешли к Богданову, с 21 декабря морским министром назначается адмирал В. А. Канин⁶² (военными делами стал ведать генерал-майор М. М. Бутчик⁶³, по Винаверу — «полная бездарность, фигура совершенно бесцветная, человек молчаливый, принявший должность ради хлеба насущного и не оставивший в памяти нашей никакого следа, ни хорошего, ни дурного»)⁶⁴.

В конце марта 1919 года министром путей сообщения был назначен инженер С. Н. Часв, известный, в частности, тем, что в 1902 году предлагал строительство железной дороги Бахчисарай-Ялта, а в 1909-м совместно с инженером-тоннелестроителем П. Д. Кандауровым образовал товарищество для организации Акционерного общества электрических железных дорог с намерением строить дорогу Бахчисарай-Ялта с тупиковыми ветвя-

ми на Симеиз и Алушту, однако, необходимых капиталов собрать не смог⁶⁵. Управделами Совмина до 1 декабря формально был Н. А. Воейков, принявший должность в наследство от М. А. Сулькевича, затем его обязанности перешли к Бобровскому. Управляющим Краевой канцелярией стал Н. Н. Колышкевич (с 1 декабря).

Стивен, Барт и Чаев не принадлежали к каким-либо партиям (партийная принадлежность прочих нам известна).

Симферополь в те месяцы был переполнен беженцами, поэтому члены правительства получили «государственные квартиры» в Губернаторском доме, ибо жили они в разных концах Крыма: С. С. Крым — в Феодосии, Набоков — в Гаспре под Ялтой, Винавер — в Алуште, Богданов — в Симеизе, Никонов — в Севастополе. Заседал кабинет ежедневно или даже дважды в день. «Работали мы дружно. Никто из нас не был формально зависим от своей партийной организации...»⁶⁶.

Декларация нового Крымского краевого правительства, помеченная 14 ноября, — документ краткий и довольно обтекаемый. Он декларировал единую и неделимую Россию как «свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех народностей, его населяющих», экономический подъём. Правительство понимало под «стремлением к возрождению единой России» «не старую бюрократическую, централизованную Россию, основанную на подавлении и угнетении отдельных народностей, а свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей, его населяющих». И далее: «Правительство почтёт своим долгом обеспечить интересы всех национальностей Крыма, в частности, оно озаботится удовлетворением справедливых стремлений и законных интересов многочисленной татарской части населения»⁶⁷. («Татарская часть населения» сразу же саркастически отреагировала статьей «Крым и С. С. Крым» в одноимённой газете: «Насколько велико сходство между этими двумя именами, настолько же велика та пропасть, которая открылась перед Крымом с первых же шагов политики кабинета С. С. Крыма»⁶⁸).

Мы видим, что второе Краевое правительство принципиально конструировалось как временное. Оно должно было исчезнуть с появлением правительства всероссийского⁶⁹. Следовательно, от кабинета С. С. Крыма не было смысла ожидать сколько-нибудь существенных реформ. Да оно — см. Декларацию и другие программные документы — и не ставило перед собой таких целей.

«Крымское правительство создано было, как временное, — прямо подчеркивала Декларация от 5 февраля 1919 года, — и ставило себе основным заданием содействие воссозданию России. Эту задачу, которая тесно связывает его с деятельностью добровольческой армии, правительство выполняет и будет выполнять до тех пор, пока не создастся единая авторитетная общероссийская государственная власть, а до того времени правительство

останется на своём посту и будет исполнять принятые им на себя перед населением обязательства, охраняя порядок и содействуя укреплению гражданственности и культуры в стране»⁷⁰. Историк Н. Н. Алеников, волею судеб оказавшийся в Крыму, подводил под правительственные заявления теоретическую базу: «Несомненно, нам нужна широкая областная автономия, ибо старая централистическая система обветшала и никуда не годится, но нам вовсе не нужен распад нашей родины на самодовлеющие части, которые сами по себе ничего не значат и, вне связи одна с другим (другой. — *Авт.*), существовать не могут»⁷¹.

Правительство, осознавая те многочисленные проблемы, которые будут порождены пребыванием в Крыму частей Добармии, сочло нужным издать особое «Обращение к населению от Крымского краевого правительства», где разъяснялось: «1) Части армии прибывают сюда исключительно для поддержания порядка, без всякого вмешательства во внутренние дела края. Если обстоятельства местной жизни потребуют употребления в Крыму силы Добровольческой армии, то таковое может последовать только с согласия Краевого правительства».

2) Имея перспективой воссоздание России при «самой широкой автономии» составных частей её (вопрос. — *Авт.*). Добармия не предпринимает форму будущего устройства государства — это дело русского народа.

3) Армия будет пресекать все попытки возбудить классовую и национальную рознь. «Крымское правительство окажет всемерное содействие всероссийской добровольческой армии, осуществляющей государственную задачу в пределах разрозненной Великой России».

4) «Приказ местного представителя Добровольческой армии о регистрации офицеров подготовляет будущую мобилизацию, имеющую не местное, а всероссийское значение. Мобилизация это будет произведена Добровольческой армией совершенно самостоятельно лишь с ведома и при содействии Краевого правительства»⁷².

Премьер уточнял: «Мы признаем её (Добармию. — *Авт.*) постолько, поскольку она аполитична, и поскольку она не вмешивается во внутренние дела Крыма (выделено нами. — *Авт.*). Она могла бы защищать нас при угрозе с севера, как часть единой России»⁷³.

Левых, однако, не устраивал абстрактный лозунг «единой России», в каковой можно было вложить любое содержание (монархия? абсолютная, конституционная? диктатура? республика? олигархия?). Было общеизвестно, что в Добармии хватает и убеждённых монархистов, и сторонников самых жёстких, диктаторских мер. Социалисты, устами своего представителя в «Крымском Вестнике», ставили прямой вопрос: «Мы должны знать, к какому единой России нас призывают. Если к той, которая существовала до 1917 года и которую мы разрушили, чтобы создать на её месте новую, то, конечно, немного найдётся охотников встать на её защиту. Но если нас зовут к собранию (созданию? — *Авт.*) новой свободной демократической

России, то картина будет носить уже иной характер. Мы хотим и должны знать твёрдо и определённо цели добровольческой армии. Если она зовёт страну к учредительному собранию (а Деникин, кстати, избегал этого лозунга. — *Авт.*) — мы приветствуем её». Затем речь шла об обязательности тесной связи армии с демократическими организациями⁷⁴.

Что касается объявленной мобилизации возрастов 1896, 1897 и 1898 годов, то она шла ни шатко, ни валко.. Правительство, следуя в фарватере общественного мнения, то декретировало, то отменяло её. Министр М. М. Винавер констатировал, что мобилизация в Крыму не удалась⁷⁵.

После «реакционного курса» Сулькевича на кабинет С. С. Крыма возлагались большие надежды. Как же — демократы, наследники славного Февраля! (Но тот же, считавшийся «левым», В. Д. Набоков писал со всей откровенностью: «...Параллельно с этим по необходимости длительным и особенно в наших русских условиях медленным процессом (созидательным. — *Авт.*), должен идти и другой: процесс восстановления аппарата государственной власти. И первым условием такого восстановления должно быть отыскание той **совершенно реальной принудительной силы** (выделено нами. — *Авт.*), которая лежит в основе всякой государственной власти и без которой существование власти мыслится только в теориях анархизма»⁷⁶. (Ср. с ленинским: государство есть аппарат насилия). Плюс гарантия от страшной большевистской опасности, гарантия в виде добровольцев и Антанты. Корреспонденты млели от восторга, живописуя главу правительства: «Старый земец, он всё так же бодр, энергичен и юн душою и сердцем, как и в те далёкие годы, когда он смело и открыто отстаивал великие земские идеи на земских собраниях, когда защищал интересы родного края в государственной думе, а затем и в государственном совете.

Мы поздравляем С. С. от имени газеты, столбцы которой знают так давно его имя («Крымские Вестник». — *Авт.*), с торжеством того демократического дела, которому он служит так много лет»⁷⁷.

Д. С. Пасманик, называя С. С. Крыма «идеально честным общественным деятелем и глубоким русским патриотом», подчёркивал его врожденный такт, стремление повсюду «вносить примирение, сводя всегда общие идеи к конкретным жизненным фактам». Он вспоминал: «Сколько раз мне приходилось наблюдать, как он несколькими скромно сделанными замечаниями сглаживал острые споры между петербургскими «орлами» в его министерстве — Набоковым и Винавером!» И далее с искренним пафосом: «Беря власть, он думал и мечтал о единой, великой России — единой своей внутренней правдой, равной для всех её граждан, великой своей культурой, способной превратить народ бессознательной толпы в народ личностей. Если бы все русские были такими патриотами, как караим Соломон Крым, Россия не переживала бы страшное смутное время»⁷⁸.

В. В. Руднёв, прибыв на съезд представителей земств и городов Юга России, заявил: «Невольное изумление охватывает нас, когда мы видим,

что здесь в Крыму, посреди пылающего вокруг пожара гражданской войны, словно на каком-то счастливом острове, «Утопии», создан свободный строй силами демократии, гарантирующий, права всех граждан», продолжив: «Мы приветствуем то, что Крымская красная власть, отвергнув пути насильственной диктатуры, выросла из органов народовластия, что, отставив полную самостоятельность и самодеятельность местной жизни, она объявляет Крымский полуостров частью будущей единой России»⁷⁹.

Тем временем кабинет С. С. Крыма сразу столкнулся со множеством проблем, немалому числу по казавшимся неразрешимыми, во всяком случае в пределах Крыма и в близком будущем. Одна из острейших — состояние экономики края.

К декабрю 1918 года продовольственное положение Крыма заметно ухудшилось. Поползли вверх цены, оживились спекулянты. Реакцией стали (вспомним Февраль 1917-го) так называемые «женские бунты» в городах Крыма.

К марту можно было констатировать настоящий продовольственный кризис. Действовала хлебная монополия (из расчёта 3/4 фунта хлеба в день на человека). Нерасторопность продовольственных органов вызывала всеобщие нарекания. В начале 1919 года назрел и не раз обсуждался на всех уровнях — от общественного до правительственного — вопрос о передаче продовольственного дела земским и городским управлениям. Но решён он так и не был.

Крым приходилось снабжать Антанту⁸⁰ и Добровольческую армию, кормить бесчисленных беженцев. Беспрепятственным, до поры до времени, был вывоз хлеба и прочих продуктов, как и товаров первой необходимости, за границу. И только 27 марта либеральное «рыночное» правительство решилось на ограничение экспорта: «Вывоз из Крыма: одежды, обуви, хлеба в зерне и муке, фуража, мешков, сахара, варенья, повидла, чая, кофе, соли, сала, масла, рыбы, мануфактуры, шерсти, овчины, всяких кож, железа разного, масла солярового, лесного сырья, дров, угля древесного, спирта, стекла и цемента — допускается не иначе, как по разрешениям, выданным Особыми Комиссиями»⁸¹.

Отчаянная ситуация подвигнула правительство вести закупку продуктов (рис, кофе, и пр.) в... далёком Владивостоке (надо полагать, с помощью американцев).

С падением режимов Скоропадского и Сулькевича и общим изменением военной и международной обстановки пришёл, к счастью, конец абсурдной и изнурительной таможенной войне. В 20-х числах ноября 1918 года Перекопская таможня была упразднена и вместо неё учрежден Перекопский таможенный пост⁸². А 15 марта 1919 года — ликвидированы Джанкойская таможня, Таганашский и Перекопский таможенные посты и Арабатская таможенная застава⁸³. Но садоводы уже были научены горьким опытом, да и нормальные экономические связи порваны. И «...раздаются заявления со сто-

роны садовладельцев, что для них не имеет смысла обработка садов, когда нет никаких гарантий в том, что урожай текущего года не будет гнить на складах, как это случилось с богатым урожаем прошлого года»⁸⁴.

Подобные меры можно было расценивать не более как паллиативные. Необходимо было что-то делать с невероятно отставшей от нужд времени (не говоря даже о Гражданской войне, а думая о том, что рано или поздно она все же закончится) крымской деревней.

На Учредительном собрании крымского крестьянского союза в январе 1919 года докладчик В. Д. Жиров повторил общеизвестное: «...Очень много здесь безземельных и малоземельных крестьян (в массе своей это были крымские татары. — *Авт.*), которым нет возможности даже пользоваться арендной землёй, ибо большинство помещичьих земель в Крыму занято лесом»⁸⁵. Собрание, излив душу, уныло отложило решение земельного вопроса до очередной крайне проблематичной «Учредилки». Копировался 1917-й год? «...Вследствии его (аграрного вопроса. — *Авт.*) сложности и отсутствия необходимого... материала нет возможности разрешить его немедленно»⁸⁶.

Вот и премьер С. С. Крым (выступление на Красном земско-городском съезде 14–15 февраля) свёл земельную политику своего кабинета к сбору статистических данных, регулированию арендных отношений, плану гидротехнических работ и тому подобной «вермишели». «...Совет министров, — заключил он, — обсудив вопрос об аграрной реформе в Крыму, пришел к заключению, что затрагивать этот вопрос в настоящее время преждевременно, ибо он должен быть разрешён в общероссийском масштабе»⁸⁷.

Несомненно, что такая страусиная тактика диктовалась во многом не только апатией крымского крестьянства (пока гром не грянет...), но и самоубийственной политикой «непредрешения» А. В. Колчака и А. И. Деникина.

Не решаясь на глубокие аграрные преобразования, Совет Министров принял закон об аренде земель (14 марта), согласно которому устанавливались твёрдые цены аренды для безземельных крестьян, исполная аренда допускалась лишь по согласию самого арендатора.

Рука об руку с деградацией земледелия шло падение производства. Предприятия закрывались одно за другим, в том числе и знаменитый Севастопольский морской завод. Катастрофически росло число безработных, не по дням, а по часам падал жизненный уровень всех слоёв населения, исключая спекулянтов да «диких» капиталистов. Так, ординарный профессор Таврического университета, несмотря на действительную заботу правительства, получал в марте 10 800 рублей, экстраординарный — 10 200, доцент — 7200⁸⁸, чего едва-едва хватало на минимальное пропитание.

Совмин принял законы о страховании рабочих, о биржах труда, но помогло это мало. Министерство труда (П. С. Бобровский) опубликовало 27 февраля данные о безработице, собранные крымскими профсоюзами. Выглядели они так: безработных в союзе табачников (подчёркнём, что речь идёт только о членах профсоюзов) — 90%, сапожников — 90%, металлис-

тов — 90%, деревообделочников — 90%, портных — 80%, строительных рабочих — 80%, печатников — 20–22% (благодаря чему, видимо, мы имеем теперь неплохую источниковую базу). По Симферополю безработица составляла не ниже 50%, в целом по Крыму — 60%⁸⁹.

Бедственное положение края толкает правительство на создание новой бюрократической инстанции. 3 марта 1919 года оно учреждает Крымский краевой экономический совет при Совмине, в который вошли министры, представители местных органов самоуправления, Крымского совета профсоюзов, совета кооперативных съездов, союза инженеров, крымской биржи, союза мукомолов и Таврического университета⁹⁰.

«Крымский Краевой Экономический Совет, — гласило распоряжение, — имеет задачей:

а) разработку общего вопроса о мерах к подъёму производительных сил Крыма и России;

б) принятие мер спешного характера к подъёму той или иной отрасли сельского хозяйства или промышленности в Крыму;

в) рассмотрение всех вопросов, касающихся экономического состояния Крыма и России»⁹¹.

При ознакомлении с документом хочется сразу спросить: как это сделать? Только заняв Москву и Петроград?

Естественно, самым болезненным, лежащим на поверхности и перекликающимся все попытки наладить нормальную жизнь вопросом была безработица. Она и оказалась в центре внимания Экономического совета. Но что было делать, когда министерство труда, подводя итоги обследования экономики края, констатировало: «умирающая промышленность»? Борьбаться с **«большевизмом широких масс»** (выделено нами. — *Авт.*) — в отличие от коммунистов-профессионалов — методами репрессий безнадежно, — совершенно справедливо резюмировал П. С. Бобровский. «В этой борьбе есть лишь два средства — демократические реформы и экономические мероприятия, направленные к подъёму благосостояния широких масс населения, т. е. опять-таки та же борьба с безработицей (круг замыкается. — *Авт.*) или, иными словами, борьба за подъём промышленности»⁹². Другими словами, продолжим за министра, тупик и провал или — других альтернатив для Краевого правительства, естественно, не было — решающий успех Добровольческой армии, за которым, однако, ещё неизвестно что могло последовать.

С целью стабилизации финансового положения правительство (наряду с приобретением разменных знаков у Донского казачьего круга, причём С. С. Крым, благодаря содействию бывшего министра финансов царской России П. Л. Барка, лично под охраной нескольких офицеров перевёз из Донского банка 53 млн. рублей⁹³) реализовало планы предшественников, пойдя на эмиссию собственных денег. 7 декабря Совмин постановил: «Отпустить в распоряжение управляющего краевым

банком в дополнение к 100000 руб., отпущенным согласно постановлению совета министров от 4 октября с. г. на общие расходы по изготовлению всех денежных знаков, дополнительный кредит на расходы по изготовлению в Симферополе казначейских денежных знаков 25 руб. и 10 руб. достоинств[ом] в сумме 325000... рублей...»⁹⁴. При этом в Симферополе предусматривалось изготовление 25-рублёвок на 40 миллионов рублей и 10-рублёвок — на 10 и в Феодосии 5-рублёвок — на 5 и 3-рублёвок — на 6, а также — по распоряжению от 7 февраля — «марок 50 коп. достоинством в качестве знаков почтовой оплаты, гербовых и денежных»⁹⁵. (Реально были выпущены 25-, 10- и 5-рублевые купюры и 50-копеечные марки)⁹⁶.

Правительство утвердило уставы банков: Крымскотатарского, Черноморского земельного, Крымского учётно-ссудного коммерческого. Принятые меры позволили привести хотя бы в минимальный порядок финансовые дела края.

Бюджетные поступления обеспечивались главным образом косвенными налогами на табак и вино. Между тем, расходы были исключительно велики. Только на содержание добровольцев уходило 1,5 миллиона рублей в месяц⁹⁷. Несколько особняком стоял вопрос о Черноморском флоте, вернее — его остатках, финансирование которого тоже легло на плечи Красного правительства. Возрождение флота в значительных масштабах не предполагалось: это было нереальным по материальным соображениям, да тогда и ненужным, ибо Чёрное море целиком контролировалось союзниками. Своей задачей правительство поставило: иметь «хороший, налаженный транспорт, обслуживающий тыл армии и нужды населения, речные и озёрные боевые средства и обученный специальный личный состав флота». Матчасть устаревших кораблей предназначалась для нужд армии и на продажу⁹⁸. Тем не менее, командующий флотом и морской министр В. А. Канин, отражая главенствующую тенденцию очередного этапа Гражданской войны в Крыму, счёл полезным подчеркнуть в интервью: **«Теперь на Украине нет ни одного офицера, который мог бы командовать флотом или вообще что-либо организовать»** (выделено нами. — *Авт.*). И я верю, что если на Чёрном море будет чей-нибудь флот, то это будет не украинский, не донской, а обще-российский»⁹⁹.

Краевое правительство, благодаря, в первую очередь, настойчивости С. А. Никонова, на протяжении всего своего существования не упускало из виду проблем культуры и образования — уязвимейших мест государственного организма в годы войны. Предметом особого внимания был Таврический университет, созданный при кабинете Сулькевича, но по инициативе и с финансовой помощью С. С. Крыма, затем перебравшийся из Ялты в Симферополь и теперь намеченный к переводу в Севастополь. Первоначально на его содержание было выделено 2 300 000 рублей, а 20 марта Совмин принимает решение: «Отпустить в 1919 году из средств Крымской Краевой Казны на содержание личного состава Таврического университе-

та на 1919 год, — согласно штатам 1 381 225 рублей... на содержание низших служащих университета — 153 600 рублей»¹⁰⁰.

Были восстановлены пенсионные кассы для народных учителей, проведён закон о явочном (вместо разрешительного) открытии частных школ, библиотек и читален. Финансировались музеи, общегосударственные лазареты и санатории. Правительство поддерживало работу Никитского ботанического сада, помологической станции в Симферополе, других аналогичных «научно-вспомогательных учреждений»¹⁰¹.

Такая политика не могла не вызвать симпатии интеллигенции. Известно, что встречи с председателем Совета Министров, которого он хорошо знал, искал М. А. Волошин, прибывший в конце ноября 1918 года в Симферополь. Поэт предполагал провести через правительство «закон о тантёме» (вознаграждении авторов не по предварительному договору, а в зависимости от финансового успеха их произведений)¹⁰².

Краевой властью осуществлялись меры по защите лесов, сохранению виноградно-винодельческого хозяйства. 10 марта 1919 года Совет Министров принял решение организовать «в районе бывшей царской охоты... Крымский национальный заповедник и лесную биологическую при нём станцию»¹⁰³.

Каковы же были первые внутривластные действия Краевого правительства С. С. Крыма? «В Крыму, в 1918 году, впервые на территории России была сделана попытка установления демократической власти...»¹⁰⁴, — не без гордости предвещает мемуары М. М. Винавера издатель, его сын Евгений. И — если брать начальный период деятельности правительства — эти слова имеют основание.

Итак... Отменяется постановления правительства Сулькевича о крымском гражданстве и об ограничении в правах «иностранцев». Ликвидируется «бюро печати» (гражданская цензура). Принят закон о свободе собраний¹⁰⁵. Упраздняется созданный Сулькевичем орган надзора — Правительствующий Сенат. 28 декабря Совмин отказался от внутренней стражи и передал вопросы организации теперь уже милиции городским самоуправлениям. (Вне городов сохранялась красная стража). 3 декабря было утверждено положение о выборах в Краевую сейм. Ценз оседлости отсутствовала; право участия в выборах получали все российские граждане, достигшие 21-го года; принималась пропорциональная система представительства (10 избирательных округов, один депутат на 12 тысяч избирателей, всего — 72 депутата). Выборы назначались постановлением от 15 февраля на 6, 7 и 8 апреля. Относительно свободно для периода войны может быть не более того — действуют политические партии (естественно, кроме большевиков и их союзников) и профсоюзы.

29 ноября 1918 года правительство С. С. Крыма приняло постановление о выборах гласных городских дум. Они производились по спискам от партий, общественных организаций и групп граждан. На выборах в Симферопольскую городскую думу 26 января 1919 года было представлено

12 списков, избрано 78 гласных: РСДРП(м) и Бунд получили 12 мест, блок эсеров, Трудовой народно-социалистической партии, «Единства», Дашнакцутюн и СЕРП — 11, Поалей-Цион — 3, «группа татарских избирателей» — 17, кадеты — 21, сионисты — 4, «Общество домовладельцев и торгово-промышленного союза» — 3, «группа беспартийных избирателей» — 3, список «общего собрания крымчаков-евреев» — 3, «группа беспартийных татар» — 1 место¹⁰⁶.

Обозреватель, скрывавшийся под псевдонимом W., рассуждал — на наш взгляд, совершенно справедливо: «Большевизм — это движение масс (сравните с приведённым выше высказыванием П. С. Бобровского. — *Авт.*). Не совершенно ли ясно отсюда, что силе масс можно противопоставить только одно: силу таких же масс. Не ясно ли отсюда и другое: только та власть может успешно бороться с большевизмом, которая опирается на **массы же**. Многие никак не могут вместить в своем сознании этот факт: большевизм — это стихия, это движение массовое, с которым можно успешно бороться лишь всенародно. Это хорошо понимал покойный Каледин. (...)»

Заветы Каледина совершенно забыты, и дух бессмысленной злобы взял верх. Во главу политической мудрости и патриотизма опять ставится старая, столь блестяще оправдавшая себя политика: «**патронов не жалеть**», — с той, быть может, разницей, что патроны были тогда отечественного производства тульского завода, а теперь они будут самого лучшего заграничного изготовления. (...) **Каждый имеет право, конечно, убить самого себя, но никто не имеет права тащить за собою в яму страну и парод (выделено нами. — *Авт.*)**¹⁰⁷.

Но ведь был, был в истории Гражданской войны на полуострове коронный эпизод — мы и говорим о нём, — когда «дух бессмысленной злобы» стал уступать здравому смыслу...

Среди крымских социалистов — и это крайне симптоматично! — всё большую популярность приобретает пацифистский призыв: «Долой гражданскую войну!»¹⁰⁸. Меньшевики, эсеры, слабеющие в организационном, финансовом и, главное, смысле массовости — что неизменно констатируется на их конференциях, теряют и единую нить поведения. Причем внутрипартийные разногласия принимают порой принципиальный характер.

На январском съезде РСДРП, при обсуждении вопроса «О политическом моменте», разгорелась острая полемика между В. А. Могилевским¹⁰⁹, Севастопольским городским головой, одним из редакторов «Прибоя» И. С. Пивоваровым и Л. П. Немченко (Павловым). Советская власть идет к падению, необходимо продолжать борьбу с большевиками, — настаивал на сохранении прежнего курса Могилевский. Большевизм, к сожалению, не гибнет, — объяснял Пивоваров, — он питается экономическим развалом. Последний надо ликвидировать, для чего «должно идти рука об руку с союзниками, ибо только у них можно будет получить деньги для восстановления промышленности России (какой ценой? — *Авт.*)». Добровольцы — меньшее зло, чем

большевики. А Немченко, который совсем скоро встанет в ряды РКП(б), резал уже с полной откровенностью: большевизм гибнуть и не собирается, а «живёт и будет жить до искоренения причин» — империалистов и их политики. Обязательна мировая революция. Краевое правительство желательно лишить поддержки партий, хорошо бы его и свергнуть, но нет «в перспективе ничего лучшего для его замены». И крайне пессимистическая по тону и содержанию резолюция съезда жалуется на «своеобразное «бесплодие» революции, не выдвинувшей новых работников из среды рабочего класса и не привлечшей новые силы из интеллигенции»¹¹⁰.

Нечто подобное, хотя и не с такой долей радикализма, происходило и в эсеровских кругах Крыма.

В феврале 1919 года Петроградская конференция эсеров (кстати, вслед за меньшевистской Московской октября 1918 года) «решительно отвергла политику свержения Советской власти путем вооружённой борьбы», осудив буржуазные партии и «империалистические страны Соглашения»¹¹¹. Это вызвало определённое замешательство на местах, в том числе и среди крымских эсеров. Однако Крымская областная конференция ПСР, очевидно решив не выносить сор из избы, «пришла к единогласному решению, что никаких данных, заставляющих партию пересмотреть занятые по отношению к большевикам позиции, не имеется и что соглашение с советской властью по-прежнему остается невозможным и недопустимым» (хотя и сделала робкую оговорку о нежелании «безоговорочной поддержки двух столкнувшихся на территории Крыма крайностей»), что «грозит серьёзной опасностью для краевой демократии...»¹¹².

Специфику событий в Крыму, как и ранее, в значительной степени закономерно продолжает определять национальный, в первую голову, крымскотатарский, аспект. Отношения татарского национального движения и второго Краевого правительства, в состав которого не вошёл ни один крымский татарин и в котором преобладали давние антагонисты Курултая — кадеты, были натянутыми. Хотя крымскотатарская делегация также оказалась среди встречавших союзников в Севастополе, газета «Крым» громкими словами проводила покидавших Крым германцев: «История татарского национального движения золотыми буквами печатает на своих страницах и с чувством глубокой признательности и благодарности отметит поистине дружественное, благожелательное отношение творца величайшей в мире культуры, германского народа, к маленькому и слабому в настоящем, но славному в прошлом крымскотатарскому народу»¹¹³. А вот ялтинское чрезвычайное земское собрание (татарских гласных) выявило больше терпимости к новой власти, но и не преминуло её уколоть: «Эскандер Аметов просит от имени гласных татар занести в протокол, что татарское население уезда, хотя и не принимало участие в организации нового краевого правительства, но доверяет ему и будет поддерживать его мероприятия. Стоящий же во главе правительства С. С. Крым ни популярностью, ни доверием среди татарского населения не пользуется»¹¹⁴.

Вначале казалось, что национальное движение и крымские власти могут мирно существовать. Свободно выходили газеты «Крым» и «Миллет». Правительство интересуется татарскими настроениями, пригласив для этих целей специалиста для перевода статей из газет на татарском языке, не вмешивается в вопросы религии и национальной школы. Директория остаётся в занимаемом ею ранее помещении, её служащим наряду с земскими служащими предоставляются отсрочки от мобилизации¹¹⁵.

Однако вскоре опасения татарских лидеров, что отношения их с Красным правительством не сложатся, стали подтверждаться.

Одним из камней преткновения послужило намерение властей мобилизовать крымских татар в белую армию. Воевать за чуждые им интересы, да ещё и попахивающие желанием восстановить дореволюционную Россию, татарское население, естественно, не хотело. Крымскотатарское парламентское бюро утверждает 13 декабря следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что... мусульманское население Крыма неоднократно заявляло через свои представительные учреждения о нежелании служить в руках той или иной политической группы орудием отстаивания её политических интересов и, вообще, о нежелании вмешиваться в вооружённую борьбу враждующих политических течений, — крымскотатарское парламентское бюро решительным образом протестует против произвольного утверждения крымским правительством (С. С. Крыма. — *Амт.*) плана принудительной всеобщей мобилизации в Крыму вообще и против призыва мусульман в особенности»¹¹⁶.

Правда, в начале 1919 года развернулось формирование татарских конного и стрелкового (пехотного) полков¹¹⁷ (командующими, соответственно, были назначены полковник Д. И. Туган-Мирза-Барановский¹¹⁸ и полковник В. М. Колотинский¹¹⁹)¹²⁰. Но никаких данных об участии татар — членов и сторонников Милли-фирки в период деятельности правительства С. С. Крыма и позже в боях против большевиков нет. Поэтому поставим под вопрос заключение солидного издания: «М.-ф.» в конечном счете блокировалась с росс. контрреволюцией в борьбе против Сов. власти, её вооруженные формирования участвовали на фронте в боях с Кр. Армией»¹²¹.

В январе 1919 года съезд по народному образованию принимает решение о включении всех татарских школ в общую сеть учебных учреждений, лишая тем самым их руководства Директории. 18 января правительство предложило Директории освободить занятое ею помещение, а, получив отказ, применило для выселения вооружённую силу. Был выдвинут проект о передаче вакуфных земель правительственной комиссии, что способствовало бы лишению Директории материальной базы¹²².

Вторая сшибка между правительством и националами носила уже сугубо политический характер. Кабинет С. С. Крыма попытался сориентироваться на традиционалистов, чьи взгляды выражала начавшая выходить с 4 декабря 1918 года газета «Ак Сёз» («Слово Истины») ¹²³, прокадетские (а

такие тоже были) татарские круги и созвать мусульманский съезд без участия Милли-фирки. 7 февраля этот съезд собрался, но в таком количестве, что съездом его назвать было никак нельзя.

Местные (Ялта, Симферополь, Феодосия, Перекоп) съезды татарского населения прошли в декабре-январе. Здесь ставились вопросы о выборах в национальный парламент, текущем политическом моменте, о кооперации. Председательствовали активисты парламентского бюро и Директории. У нас немного информации об этих съездах. Хотя известно, к примеру, что симферопольский высказался за нейтралитет в идущей войне. Можно сделать обоснованное предположение, что нейтралистские установки, культивируемые в данный момент руководством национального движения, находили полное понимание среди татарского населения, вообще не склонного к участию в каких-либо конфликтах.

В феврале завершились выборы в национальный парламент. Полную победу одержала Милли-фирка. Из 45 избранных депутатов 35 принадлежали к этой партии и только 10 — были представителями левых и правых, «ибо ни крайние правые, ни крайние левые течения не пользуются симпатией среди широких слоев татарского населения»¹²⁴.

С какой же платформой шли на выборы крымскотатарские политики? Изменение ситуации продиктовало корректировку тактических директив. Партия, оставив мечты о независимом крымскотатарском государстве, возвращается к проекту весны 1917 года — культурно-национальной автономии. Дирекция юстиции Директории разработала проект «Положения о культурно-национальной автономии мусульман Крыма», принятый парламентским бюро. Эта автономия распространялась на дела религиозные, культурно-просветительские, социальные нужды, суд, распоряжение бывшим вакуфным имуществом; для реализации её создается национальный парламент — *Меджлис мебусан* (Собрание депутатов), избираемый татарским населением Крыма на три года «на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования», исполнительный орган — Директория. Совет директоров национальной директории осуществляет свою власть через дирекции: религиозных дел, юстиции, народного просвещения, финансов и вакуфов, общих дел и внешних сношений. Таким образом, Курултай теряет функции национального парламента, сохраняя своё значение всемусульманского съезда Крыма. В качестве национального герба утверждалось изображение «*тарак тамгасы*» (тамга династии Гиреев (Гираев) в виде гребня), а флага — полотнище серо-голубого цвета («кой-байрак» — флаг Чингис-хана) с изображением национального герба в верхнем углу у древка¹²⁵. Считалось, что крымскотатарский вопрос окончательно разрешит Учредительное собрание.

Осуществляется и манёвр в сторону мирного решения конфронтационных ситуаций, поиска альтернативных большевизму решений назревших проблем, могущих быть принятыми трудящимися. Газета «Крым» резонно

заметила: «Следует без всякой злобы признать, что гражданская война должна быть прекращена, так как она уже обратилась в коптящий фитиль, пожирающий последние соки из народного резервуара...»¹²⁶. (Чем бы ни руководствовались татарские национальные органы, но их позиция буквально совпала с теми умеренными и пацифистскими настроениями, которые получают широкое распространение на рубеже 1918–1919 годов). Газета выступила за разработку полнокровного хозяйственного плана в интересах народа, плана, нацеленного на коллективные формы производства. В ход пошли лозунги «восточной демократии», «советов народных депутатов» (в противовес советам рабочих депутатов, ибо идею «диктатуры пролетариата» Милли-фирка, вполне обоснованно, считала химеричной для Востока) и даже «неклассового большевизма»¹²⁷.

Открытие Меджлиса намечалось на 1 марта. Однако с этим пришлось повременить. Внезапно в газетах появилось сугубо официальное сообщение «От крымского краевого правительства». Приведём его полный текст, ограничившись минимальными комментариями.

«Крымское правительство объявляет:

В феврале месяце правительством получены были сведения о том, что среди татарского населения в деревнях ведется агитация против призыва в добровольческую армию.

Произведённым по этому поводу расследованием было установлено нижеследующее:

1) 5 января бюро крымского татарского парламента в составе 5 членов имело суждение о призыве в добровольческую армию и постановило считать, что краевое правительство не имело права объявлять этот призыв (как мы видели, и ранее парламентское бюро не скрывало своей линии. — *Авт.*)

2) После того как состоялось это постановление в некоторых селениях были получены воззвания, содержащие в себе призыв не давать солдат в армию, написанные на татарском языке за подписью одного из членов бюро, принятые в виду этого татарским населением за приказ.

Вследствие обнаруженных предварительным расследованием таких сведений и в связи с документальными данными о переговорах, которые велись отдельными политическими деятелями от имени крымскотатарского народа с правительством державы, находившейся с Россией в состоянии войны (Турцией. — *Авт.*) и клонились к отделению Крыма от России и образованию на территории Крыма независимого ханства, возникшая переписка об агитации против призыва в добровольческую армию была препровождена прокурору судебной палаты, по предложению которого приступу плено было к производству предварительного следствия.

В виду обнаруженных предварительным следствием данных, постановлением судебного следователя по важнейшим делам привлечён в качестве обвиняемого по ст. ст. 108 и 158 угол. улож. один из членов бюро крымского татарского парламента (видимо, А. С. Айвазов. — *Авт.*¹²⁸).

В связи с этим были произведены обыски и выемки у отдельных членов бюро и в помещениях, занимаемых бюро и директорией в установленном законом порядке, в присутствии понятых и под наблюдением лиц прокурорского надзора.

В настоящее время предварительное следствие продолжается и до окончания его добытые данные не подлежат оглашению»¹²⁹.

Эти события, свершившиеся 23 февраля, в день годовщины национального траура по убитому большевиками муфтию Ч. Челебисеву, вызвали массовые протесты мусульман. Бюро крымскотатарского парламента с возмущением писало о самой процедуре обысков, изъятии документов, печатей и штемпелей в парламентском бюро, Директории, редакциях газет «Миллет» и «Крым», которая производилась чинами краевого прокурорского надзора и при участии офицера Добрармии без ордера. Бюро выражало уверенность, «что создаваемый властями процесс докажет воочию всю злобность имевших место за последнее время нападков и доносов оживающей реакции на национальные учреждения и раз навсегда заставит умолкнуть лиц, преследующих цель дискредитировать и подавить пробудившееся национальное движение»¹³⁰. С резкими заявлениями в адрес Краевого правительства выступили Бахчисарайский городской мусульманский исполком и «мусульмане г. Алупки». Бахчисарайцы отказали правительству в праве именоваться демократическим, а алупкинцы подчеркивали «неприкосновенность личности и жилища членов парламента до окончания их полномочия и неприкосновенность парламентских учреждений во всех странах и у всех народов»¹³¹.

До процесса, правда, дело не дошло.

4 марта расширенное заседание национального парламента при небольшом числе представителей всё-таки открылось, заседания длились более недели. Делегаты заслушали доклад председателя Директории Мисхорлы о деятельности её за истекший год (доклад носил в основном финансовый характер). Был разработан проект реформы духовенства с целью ограничить его функции религиозными обрядами (один из центральных вопросов ещё в 1917 году, когда развернулась борьба за вакуфы). По более или менее значимым вопросам политики Меджлис, однако, резолюций не принимал, «Положение о культурно-национальной автономии мусульман Крыма» не обсуждал и не утверждал, равно, как не дал оценки деятельности Краевого правительства, но одобрения Добровольческой армии не выразил¹³².

Теперь для лидеров крымскотатарского национального движения все прошлые заслуги С. С. Крыма были забыты. «Именно на нём, больше чем на ком-либо другом, сосредоточилась татарская ненависть», — с горечью констатировал В. А. Оболенский и продолжал: «Как раз тому, кто свободно говорил по-татарски и считался в татарской среде более или менее своим человеком, теперь, в атмосфере разгорячённых национальных страстей, создало ему, крымскому патриоту и искреннему другу татар, облик измен-

ника и предателя. Это психологически понятно, но глубоко трагично для человека, попавшего в такое положение...»¹³³.

В рассматриваемый период продолжал политическую деятельность и Дж. Сейдамет, находившийся за границей. В ноябре 1918 года он, сменив в очередной раз свою ориентацию, безуспешно пытается завязать контакты с А. И. Деникиным с целью убедить его поскорее направить на Керченский полуостров части Добровольческой армии. А весной 1919-го устанавливает связь с Польшей, информируя польские власти, включая органы разведки, о положении в Крыму и подробно освещая этапы развития крымскотатарского национального движения. Ему удается встретиться (в апреле 1920 года) с Перловским — советником польского посольства в Берне, а чуть позже он налаживает связь и с послом Модзелевским. Предложения Сейдамета сводятся к следующему: «...Поддерживая польское правительство, я прошу нашу страну (Крым) принять под опеку Лигу Наций посредством польского мандата...»¹³⁴. В 1921 году соответствующий меморандум был вручен Ю. Пилсудскому. В нём без всяких на то оснований указывалось, что «Крым не желает связывать свою судьбу с Россией и предъявляет право на самоопределение»¹³⁵. В Лозанне Сейдаметом создается Крымскотатарское бюро.

С февраля внутренняя политика кабинета С. С. Крыма, как и предполагал В. Д. Набоков, делает резкий крен в сторону ужесточения. Решающую роль в этом сдвиге сыграли, пожалуй, позиция руководства Добровольческой армии и поведение её офицерско-рядового состава.

Отношения Краевого правительства с Главнокомандованием Добровольческой армии были, казалось бы, урегулированы изначально и держались (согласно обещаниям А. И. Деникина) на двух китах: военная защита, помощь и невмешательство во внутренние дела Крыма. Войска добровольцев, вошедшие в Крым (весьма немногочисленные), встретили вполне доброжелательный прием. Звучали приветственные речи, организовывались банкеты, развернулся сбор пожертвований через благотворительные концерты и самим населением.

Правда, командование Добровольческой армии изначально опасалось крымского сепаратизма, его пугали и широко декларируемые кабинетом С. С. Крыма идеи демократии. «Правительство г-на Соломона Крыма, пробывшее у власти ровно 5 месяцев, являет собою законченный опыт демократического правления, хотя и в миниатюрном территориальном масштабе, — правления, обладавшего суверенностью (как показала реальность, больше на бумаге. — *Авт.*), полным государственным аппаратом и подобающими ему званиями. В части правительства поначалу существовала преувеличенная оценка своего значения, «как прототипа будущей Всероссийской власти». И министр внешних сношений Винавер в переговорах с екатеринодарскими кадетами поддерживал серьезно идеи самостоятельности Крыма, *преимущественной* (курсив Деникина. — *Авт.*) важности крымского вопроса и недопустимости в этих видах «укрепления Особого сове-

шания», — вспоминал А. И. Деникин¹³⁶. Армейской верхушке белых не нравились и самостоятельные контакты правительства в лице Винавера с командованием войск Антанты в Севастополе, которое первоначально не слишком стремилось входить с местной властью в непосредственное соприкосновение, правда, впоследствии признав таковую и оказав военную помощь, однако, достаточно скромную.

Уже в самых первых числах декабря и для жителей Крыма¹³⁷ и для правительства в поведении Добармии стали звучать тревожные ноты, не предвещающие ничего хорошего.

Внезапно — правительство не соизволило поставить в известность — был арестован и увезен в Екатеринодар, по приказу А. В. Корвин-Круковско-го, подтверждённому самим Главнокомандующим, штаб-ротмистр 12-го драгунского Стародубского полка Алянчиков. Это сразу показало степень «урегулированности» отношений между правительством и Добармией. Эсера Алянчикова, обвинили в большевизме, участия в загадочном «трибунале» и пр. Ему грозил расстрел без суда и следствия. Благодаря вмешательству члена ОСО Н. И. Астрова решение судьбы несчастного штаб-ротмистра было отложено до суда, но состоялся ли он и что с Алянчиковым произошло — так и осталось неизвестным.

Мы столь подробно останавливаемся на этом частном, казалось бы, в кровавом хаосе Гражданской войны эпизоде, потому что, во-первых, он показал, какой мизерной становится цена человеческой жизни, когда общество раскалывается на враждующие лагеря¹³⁸. И, во-вторых, добровольцы, как видим, подтвердили (после большевиков), что если свести к нулю эту цену во имя самых высоких целей — неизбежно массовое истребление. Белые двинулись путем красных.

Так при «демократическом правительстве» в Крыму развёртывается очередной виток террора, на сей раз — белого.

Кто же был инициатором начинающихся расправ? Мы можем их называть пофамильно. Фактически нити руководства в Крыму оказались в руках начальника штаба генерал-майора А. К. де Бодэ полковника К. К. Дорофеева¹³⁹, который, поставив себя над Краевым правительством, присвоил право судить и миловать. 7 декабря он отправил лично С. С. Крыму «бумагу», предписывающую к исполнению: «1) объявить военное положение в Крыму¹⁴⁰, 2) немедленно по телеграфу издать приказ о мобилизации офицеров, 3) отобрать оружие у населения, 4) аресты уголовного элемента, будирующего и провоцирующего идеи ДА, и предание суду виновных».

5-й пункт (комментирует М. М. Винавер. — *Авт.*), самый характерный, гласил: «немедленное предание военному суду за преступления уголовного характера находящихся в тюрьмах» (что подлежит только юрисдикции государства. — *Авт.*);

6) «принятие мер к немедленному прекращению печатной травли ДА и агитации против неё и союзников».

«...В противном случае я снимаю с себя ответственность за возможные последствия»¹⁴¹.

Злобствующего Дорофеева вскоре заменили исполнительным служакой (что особенно показательно) генерал-майором Д. Н. Пархоновым¹⁴², и обстановка в Крыму становится всё более невыносимой. Уже никто — от рабочего до буржуа — не мог чувствовать себя в безопасности, ибо за Дорофеевыми-Пархоновыми вырисовывались главные творцы террора — начальник ОСО, «мало чувствительный к вопросам совести и принципов», «ловкий и бесцеремонный» потенциальный диктатор генерал-лейтенант А. С. Лукомский, «нашёптывающий решения» Главнокомандующему¹⁴³ (нам представляется — и документально это подтверждается — последний сам способен был принимать любые решения); будущий главноначальствующий Таврической губернии тогда ещё генерал-майор Н. Н. Шиллинг¹⁴⁴; сам «либерал» А. И. Деникин и прочие.

С декабря по февраль (а конкретно — постановления Совмина от 21 января, 4 февраля, 6 февраля)¹⁴⁵ правительство неоднократно заявляло о переходе трёх северных уездов Таврической губернии под свою юрисдикцию. Дело в том, что после падения гетманского режима на Украине население этих уездов оказалось совершенно беззащитным перед стихией Гражданской войны и валом бандитизма. Но сохранились тесные связи с Крымом, действовало Таврическое губернское земство. И собрание земских и городских гласных в Мелитополе под председательством В. А. Оболенского обратилось с официальным ходатайством к Краевому правительству с просьбой о вхождении в состав Крыма. Правительство ответило согласием, был подобран для гражданского управления уездами генерал-губернатор, орловский земец, член I Госдумы В. Ф. Татаринов.

Неожиданно, без всякого предупреждения, как это стало принято в Добрармии, Бердянск, а затем и всю Северную Таврию занимает отряд генерал-майора Н. Н. Шиллинга, который провозгласил себя (был назначен?) военным генерал-губернатором.

Начались обыски и аресты. Были убиты уездный гласный Алясов и секретарь управы, член «Единства» Миркович. Шиллинг присвоил все деньги, имеющиеся в казначействе, прекратил подвоз хлеба в Крым, что чрезвычайно осложнило продовольственную ситуацию на полуострове¹⁴⁶. «...Завязался узел, который то распутывался, то вновь запутывался, — до самого пришествия большевиков. Крымское правительство н и к о г д а в управление несчастным, жаждущим спокойной жизни краем не вступило...»¹⁴⁷ В. Ф. Татаринов так и остался сидеть в Симферополе, ожидая неизвестно чего. 11 марта правительство вынуждено было отменить свои прежние решения по северным уездам¹⁴⁸.

Пресса, надо отдать ей должное, не молчала. Как правило, осторожная критика Добрармии мотивировалась тем, что бесчинства отдельных «чинов» кладут тень на все доблестные войска. Например: «Невыдержанность

и бестактность (! — *Авт.*) чинов добровольческой армии, дающие лишний повод к разговорам, с другой стороны, тенденциозное отношение масс уже не к чинам, а к самой армии — это в будущем может привести к самым тяжелым и неожиданным результатам»¹⁴⁹.

Но встречались, до поры до времени, и более резкие заявления. Так «Ялтинский Голос» обращается к текстам приказов генерал-лейтенанта С. В. Денисова по Юзовскому и Макеевскому районам, где, кстати, не было военных действий. А приказывал он следующее: «Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать, арестованных повесить на главной улице, не снимать три дня»; «По всякой собравшейся толпе будут производимы, без предупреждения, действительные выстрелы». Денисов угрожает расстрелом... «за торговлю в воскресные дни», применением удушливых газов. «В оправдание этой жестокости ссылаются на зверства большевиков, — резюмирует автор. — Ни одно зло никогда не должно служить оправданием другому, — иначе можно дойти и до каннибализма. Ведь, в конце концов, соперничая с большевиками в жестокости, этим самым обеляют и оправдывают большевиков (выделено нами. — *Авт.*)»¹⁵⁰.

Теперь вернемся к полуострову. К январю 1919 года, когда стала проваливаться принудительная мобилизация, методы «защиты Крыма» определяются достаточно отчётливо. Обыски. Аресты. Карательные экспедиции. Реквизиции. Порки¹⁵¹. Расстрелы «при попытке к бегству». Затем обыденным явлением становятся убийства — как единичные, так и массовые.

Много шума наделало в Крыму убийство 25 декабря на своей даче недалеко от Харакса под Ай-Тодорским маяком (Гаспра) известного всей России фабриканта Ю. П. Гужона¹⁵², причём открыто, на глазах у собственной семьи. Союзники обратились с нотой к правительству, поскольку убитый был французским гражданином. Обыватели недоумевали — кому это понадобилось? Была сформирована следственная комиссия и оказалось, что понадобилось это гвардейской молодёжи из состава Добровольческой армии. Дело замяли.

Там же, в Ялте, был убит московский миллионер Титов. Выяснилось, что в ответ на требование о пожертвовании он сказал: «хулиганам я не даю». Офицер тут же застрелил Титова¹⁵³.

На станции Севастополь 26 декабря был убит некто Иван Голубович, заподозренный в большевизме.

«В ночь на 1 января на улицах Ялты трое рабочих были схвачены добровольцами, отведены в Ореанду, где помещается кавалерийская часть, и расстреляны. Двое убиты, один ранен»¹⁵⁴.

Убийства происходили по всему Крыму, но эпицентром насилия стала Ялта. Здесь свирепствовал отряд полковника В. С. Гершельмана¹⁵⁵. «Отряд этот считал вообще своей миссией непосредственную расправу с «подозрительным элементом». Расправа эта производилась чаще всего на ялтин-

ском молу (том самом! — *Авт.*), откуда жертвы, после жестоких истязаний, кидались в море»¹⁵⁶.

На крестьян Симферопольского уезда наводит ужас команда помещика П. П. Шнейдера. Крымский крестьянский союз назвал «кошмарным преступлением» расправу Шнейдера и его самочинного карательного отряда над собственными батраками и террор, установленный им в Булганакской волости. Союз ходатайствовал перед министерством юстиции и штабом Добармии о расследовании дела¹⁵⁷. Безрезультатно. Только на процессе 1926 года были выявлены в полной мере преступления шнейдеровского отряда¹⁵⁸.

В Севастополе арестованы члены профсоюза металлистов. Протесты союза безрезультатны. Группа офицеров расстреляла правление профсоюза¹⁵⁹.

На арене впервые появляются знаменитый впоследствии капитан Н. И. Орлов и его отряд¹⁶⁰. И в каком обличье? Поиск оружия, проводимый офицерами этого отряда на окраинах Симферополя без согласия Краевого правительства, «закончился арестом и избиением им в чём не повинных лиц, в большинстве евреев, причем оружие обнаружено не было, за исключением нескольких охотничьих ружей»¹⁶¹.

Расстрелы в тюрьмах, расстрелы в чистом поле, никем и ничем не сдерживаемый разгул насилия — и робкие протесты общественности. И что же? Министерства юстиции не видно, не слышно. Виновных нет. Насколько нам известно, не был наказан ни один человек. В лучшем случае убрали из Крыма. Напомним, что Главнокомандующий ВСЮР А. И. Деникин клался не вмешиваться во внутренние дела края.

Ещё раз дадим слово М. М. Винаверу. «ДА. не могла прислать в Крым сколько-нибудь значительных сил, а по качеству своему отряды, присланные в Крым, особенно в Ялту, были таковы, что поведением своим вызвали негодование со стороны всего мирного населения (дело не только в «качествах», дело в общей политике. — *Авт.*). Отряды эти сочли себя вправе взять в свои руки расправу с теми, кого они признавали большевиками, и самовольными убийствами, арестами, разгромом типографии газеты¹⁶² вызвали во всём населении Крыма крайне недружелюбное отношение. Репрессий со стороны командования ДА, невзирая на настояния Правительства (под вопросом; другое дело, дабы избежать позора и обвинений в потворстве, следовало просто подать в отставку. — *Авт.*), не последовало»¹⁶³.

По явно необъективному мнению А. И. Деникина, «ещё со времени немецкой оккупации Крым стал убежищем большевистских деятелей, бывших комиссаров, перешедших на полулегальное положение и никем не беспокоимых. На улицах разгуливали свободно люди, которых молва называла убийцами и палачами первых трагических дней большевистского господства в Крыму»¹⁶⁴. При этом на полуострове, как он считал, «не было ни сознания назревшей опасности, ни желания борьбы. И не было той силы, которая могла бы побороть общественное равнодушие»¹⁶⁵.

Бесчинства военных Деникин не оправдывал, но объяснял: «Безнаказанность большевистских главарей, большевистской пропаганды и агитации вызвала скрытые меры противодействия»¹⁶⁶.

Комментариев не будет.

Между тем, социально-экономическое положение края продолжает ухудшаться. В январе вспыхивает эпидемия тифа. Совет Министров вынужден принять специальное постановление:

«1. Признать настоящую эпидемию тифа чрезвычайной.

2. Признать, что борьба с эпидемией является государственной необходимостью, в соответствии с чем все чрезвычайные расходы по борьбе с эпидемией надлежит отнести за счёт Краевой Казны.

3. Признать необходимым сосредоточить все мероприятия по борьбе с эпидемией в руках Губернского земства»¹⁶⁷.

Эпидемии — неизбежный спутник Гражданской войны.

В декабре правительством было обещано открыть Севастопольский морской завод. Создали его правление. Однако открытие так и не состоялось. Член Севастопольской городской управы Н. А. Борисов сообщал министру труда: «... На почве страшной безработицы и наступившего голода среди рабочих сильное возбуждение. Не исключается возможность эксцессов, почему необходимо немедленное открытие заводов севастопольского порта и утверждение сметы на организацию общественных работ»¹⁶⁸.

Заволновалось и столь спокойное прежде крымское крестьянство. Несмотря на все жестокости карательных отрядов, крестьяне отказывались платить арендную плату, учащаются захваты помещичьих земель, разгромы имений.

Сложившейся ситуацией умело пользовались большевики. В октябре 1918 года Крымская организация РКП(б) была передана в состав Коммунистической партии Украины, что позволило оказывать ей непосредственную помощь из нового, более близкого географически центра. 1 декабря в Симферополе открылся так называемый первый крымский областной съезд КП(б)У (III областная партийная конференция), на котором присутствовало 24 делегата от 17 парторганизаций. ЦК Компартии Украины представлял известный революционер Я. Б. Гамарник¹⁶⁹, избранный в состав областного комитета партии. Съезд принял принципиальное решение о подготовке к вооружённому восстанию, активизации партизанской борьбы.

Работа большевиков развёртывалась в пяти основных направлениях и, несмотря на преследования, смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами, разгромы подпольных групп, принимала всё больший размах. Это: разложение войск Антанты, в чём значительную поддержку оказывала созданная в мае 1918 года Федерация иностранных групп РКП(б), в составе которой, помимо прочих, были французская и англо-американская секции; формирование боевых подпольных групп, устраивавших диверсии, нападавших на белогвардейские патрули и отряды; агитация среди рабочих и забас-

товочное движение; повстанческая борьба; работа в деревне. Подпольные большевистские комитеты функционировали в Севастополе (самый сильный), Симферополе, Евпатории, Ялте, Феодосии и Керчи.

Первые, более или менее организованные — в основном из дезертиров — повстанческие группы стихийно появились в Горном Крыму ещё при немцах. Большевики постепенно прибирают это «зелёное» движение, носившее зачастую полубандитский характер, к своим рукам, создают собственные отряды, порой весьма крупные. Наибольшую известность получил Евпаторийский отряд, он же «Красная каска», организованный местными большевиками и руководимый рабочим И. Н. Петриченко¹⁷⁰ (ноябрь 1918-го — январь 1919 года). Базой «Красная каска» избрала Мамайские каменоломни под Евпаторией, откуда совершала регулярные набеги на белых и окрестные помещичьи имения.

Деятельность отряда вызывала крайнее раздражение добровольцев, тем более что сначала, имея превосходство в силах (офицерский отряд с батареей, эскадрон кубанских казаков, карательная команда из немцев-колонистов), справиться с ним они не могли. «...Получены известия, что началась анархия в Евпаторийском уезде, что там бандитами расстреливаются офицеры и т. д. Вся наша 5-я рота так и рвётся туда...», — записывает в дневнике некто А. В.¹⁷¹ В ночь с 18 на 19 января 1919 года силы дополнительно посланного 1-го батальона (300 человек) и другие части окружают каменоломни и с помощью военных кораблей Антанты, осветивших прожекторами и обстреливавших повстанческую базу, начинают их штурм. Применяются газы. Оставшиеся в живых вынуждены были выйти на поверхность, где их ждала расправа. По данным, приводимым П. Н. Надинским, на месте боя осталось 117 убитых партизан¹⁷². А. В. комментирует событие: «Бандиты, как оказывается, после ряда стычек, были выгнаны из каменоломен и взяты в плен. Причём с последними было поступлено без пощады. Всех 200 человек пленных выстроили в ряд, а затем расстреляли пулемётами. Главарь банды некто Петриченко был пойман тяжело раненным и также расстрелян. По-моему этот род действий правилен, так как с такой публикой иначе нельзя разговаривать!»¹⁷³. Убили жену Петриченко — Марию и его сестру — Софью, членов отряда. Спасти удалось немногим.

Но разгром «Красной каски» не остановил рост повстанческого движения. Своего апогея оно достигает в следующем, 1920 году¹⁷⁴.

Правда, крымские большевики не смогли найти понимания в широких слоях крестьянства, особенно татарского. Ещё не была забыта политика руководства Республики Тавриды, да и подпольные организации практически не вели среди данного контингента работу. Малочисленная группа крымских татар-коммунистов также не имела здесь особого влияния. В среде крымскотатарского крестьянства, особенно ведшего высокотоварное хозяйство, популярностью пользовались идеи националистов, хотя степняки, где товарность хозяйства была ниже, к агитации Директории относи-

лись более равнодушно. Степные деревни практически не приняли участия в кампании протеста против февральских репрессий властей против национального движения¹⁷⁵.

На обрисованном фоне начала 1919 года Краевое правительство почти с математической последовательностью отказывается буквально от всех своих демократических начинаний.

14 февраля публикуется постановление Совмина «О борьбе с большевиками», фактически, как его и стали называть, — о внесудебных арестах. Согласно постановлению, было сформировано Особое Совещание в составе министров внутренних дел и юстиции и начальника штаба Добровольческой армии (или их заместителей). Особому Совещанию (не путать с денкинским) предоставлялось право высылать за пределы Крыма или заключать под стражу на срок до 6 месяцев (с возможным продлением срока) тех лиц, «которые будут признаны угрожающими общественной безопасности»¹⁷⁶. Органами, на которые опиралось Особое Совещание при производстве арестов, обысков и пр., были определены стража, милиция и, главное, контрразведывательное отделение при штабе Добровольческой армии. Всякому ясно, что «угрожающим общественной безопасности» мог стать не только заподозренный в большевизме, но и любой, даже самый осторожный критик существующего режима, оппозиционер или инакомыслящий.

На краевом земско-городском съезде, который открылся того же числа, когда было обнародовано постановление, развернулась бурная полемика по этому поводу. В. А. Могилевский с полной определённой обрисовал суть нового курса. Правительство сошло с демократических принципов, — констатировал он. — «...Особенно изданием закона о внесудебных арестах и восстановлением известных статей уголовного уложения, коими ещё царское правительство боролось с социалистами. Этими актами крымского правительства мы возвращаемся ко времени самодержавия». Социлист-революционер В. А. Фосс подметил, что закон о внесудебных арестах — «фактическая отмена неприкосновенности личности». В. Д. Набоков, министр юстиции, не без цинизма «с грустью отмечает, что все члены крымского правительства много посвятили борьбе с административными репрессиями в дни царской власти, а теперь самим приходится применять их»¹⁷⁷.

Позднее министр труда социалист П. С. Бобровский, казалось бы, более других членов правительства информированный о настроениях в рабочей среде, пойдёт в демагогии и словесной эквилибристике дальше: «...Все мероприятия крымского правительства, даже его исключительные законы, демократичны (!! — *Авт.*) уже потому, что они ведут к конечной цели — к торжеству демократии»¹⁷⁸. Как будто демократию можно создавать при помощи грубо антидемократических средств!

И правительство не сворачивает с избранного пути.

22 февраля Особое Совещание получает право рассмотрения дел о лицах, избличаемых в агитации против союзников, Добровольческой армии,

призыва в войска. Газетам, замеченным в нарушении постановления, грозит теперь взыскивание на издателя от 300 до 10 тысяч рублей и приостановление на срок до трёх месяцев¹⁷⁹. 7 марта по требованию союзного командования, о чём мы уже упоминали (показательно, однако, что ответственность за закрытие газет, виновных в антисоюзнической агитации, правительство взяло на себя), был приостановлен многострадальный — закрывался при всех крымских властях — севастопольский «Прибой». Неприятности пришлось пережить и другим демократического толка изданиям. Так в Крыму была восстановлена цензура.

Того же числа запрещались публикации любых сведений военного характера о Крымско-Азовской и Добровольческой армиях, искажение или помещение в неполном виде сведений, официально сообщаемых штабами Главнокомандования ВСЮР или Крымско-Азовской армии.

24 февраля министр внутренних дел отдаёт депешу начальнику севастопольского округа о превентивном просмотре всех телеграмм.

11 марта МВД принимает «особые меры для предупреждения нарушения общественного порядка и государственной безопасности в пределах Севастопольского Округа», а 15 марта — распространяет эти «меры» (без расшифровки) на всю территорию Крыма¹⁸⁰. Если это ещё не военное положение, то названия чрезвычайного оно вполне заслуживает.

15 марта: появляется «О мерах борьбы с общеопасными преступниками».

Того же дня — постановление о введении цензуры (реально уже существовавшей), гласившее: «...В случае появления в органах периодической печати статей или сообщений, возбуждающих население против Правительства (начали с Антанты, перешли к Добрармии, а закончили сами собой. — *Авт.*) или призывающих к неповиновению распоряжениям законной власти, — приостанавливать период. издания, в коих помещены означенные статьи или сообщения, на срок до одного месяца, с тем, чтобы соответствующие распоряжения немедленно предоставлялись на утверждение Совета Министров»¹⁸¹.

Свобода слова была добыта окончательно. Отменяется и свобода собраний. А в довершение всего — в марте правительство откладывает созыв Краевого сейма, в котором добровольцы увидели проявление «крымского сепаратизма», а министры, сами же и разработавшие резолюцию о выборах в сейм, — реальную угрозу своему пребыванию в правительственных креслах.

А. В. Фосс не побоялся сказать горькую правду о происходивших с Краевым правительством метаморфозах: «Недопустимо, чтобы нами созданное правительство превратилось в своего рода совещание при добровольческой армии (выделено нами. — *Авт.*)»¹⁸². По всем признакам — в марте уже превратилось. «...Кадетская реакция окутала наш край...»¹⁸³.

В марте-апреле меньшевики и социалисты-революционеры на своих совещаниях принимают решения об отказе в доверии Краевому правитель-

ству. Всплыл, наконец, и стал усердно дебатироваться вопрос: а в какой степени данная власть является действительно законной? Ведь никаких всеобщих выборов не было, а назначенные — отменены.

Безусловный защитник правительства и ярый ненавистник Краевого сейма (считавший само требование выборов в сейм «вероломным»), публицист Независимый (ой ли!) признавал сквозь зубы: «Нельзя отрицать, что существующая ныне в нашем крае власть занимает положение, если не ложное, то, во всяком случае — неловкое: **существование её не есть результат волеизъявления жителей всего края** (выделено нами. — *Авт.*). Столь коренной недостаток происхождения нашей краевой власти, конечно, очень прискорбен и неудобен во всех отношениях. Правительству, находящемуся в таком положении, приходится оглядываться на разного рода политические организации, считаться с газетами (в прошлом. — *Авт.*) и с вечно подозрительными рабочими массами. При таких условиях работа правительства проходит под опасностью ошибок. Самое же огорчительное заключается в том, что узаконения и распоряжения правительства его призывы к жертвам не дают достаточно полных результатов». И автор с непостижимой логикой выводит из нелегитимности правительства — необходимость придания ему диктаторских полномочий! Он пишет: надо, чтобы Краевое правительство получило «**всю полноту власти**», стало «**правительством национальной обороны**»¹⁸⁴.

Но крымское правительство никак не могло стать диктаторским — не было у него ни данных для этого, ни силы, ни авторитета. Да и не позволили бы добровольцы и Антанта. К апрелю 1919 года оно оказалось в состоянии глубокого политического кризиса, усугубленного экономической разрухой и неумением с ней справиться. Кабинет С. С. Крыма стал своеобразным заложником самоубийственной стратегии и тактики Главнокомандования ВСЮР¹⁸⁵, вывеской над интервентами и белыми, лишённой, как и любая вывеска, сколько-нибудь самостоятельного значения.

Большевики, не уstraшенные жесточайшими репрессиями, наносят удар за ударом; на фронте ВСЮР терпят неудачи, для рабочих и крестьян Крыма Краевое правительство становится предметом ненависти и издевательств, от него отшатываются умеренные социалисты¹⁸⁶. Из доклада начальника ОСВАГа (деникинское Осведомительно-агитационное отделение — информационно-пропагандистской службы): «Авторитет правительства в глазах населения невелик. В рабочих массах правительство не пользуется доверием, так как для них оно является слишком правым. В интеллигентных кругах отношение неважное. Это правительство слишком бесцветно, и в нём нет творческих сил, которые, так или иначе, должны были бы урегулировать жизнь в крае. Крестьяне также к правительству относятся недоброжелательно. Часто слышатся разговоры, что это правительство, как и всё остальное, никуда не годится и не может удовлетворить население в его нуждах. ...Нет ни одного более

или менее значительного элемента, на который правительство могло бы опереться»¹⁸⁷.

Мало того, теряя позицию за позицией в демократическом лагере, правительство С. С. Крыма так и не смогло завоевать доверия у добровольцев, которые относятся к нему со всё растущим презрением и подозревают во всевозможных кознях.

А. В. Давыдов в своих воспоминаниях откровенно писал о том, что Красное правительство не пользовалось симпатиями «со стороны Добровольческой Армии, хотя и признававшей его, но считавшего его ненужным»¹⁸⁸.

Здесь уместно привести оценку сложившейся ситуации А. И. Деникиным: «Вопреки всем теоретическим предпосылкам, правительство, поставленное *демократическим* (курсив Деникина. — *Авт.*) собранием, не находило опоры в крае; низы его не знали и не чувствовали; татарская общественность находилась к нему в постоянной и резкой оппозиции; революционная демократия мирилась с ним ровно постольку, поскольку его существование гарантировало от пришествия добровольческой власти, и давила на его волю, ставя его между собою и Екатеринодаром, как между молотом и наковальней. О буржуазии и говорить не приходится...»¹⁸⁹.

«Ни сильным, ни стойким» называет Крымское краевое правительство очевидец событий княгиня М. В. Барятинская, сотрудница Ялтинского отделения Красного Креста, возглавлявшая созданный Советом Министров Комитет по оказанию помощи Добровольческой армии¹⁹⁰.

27 марта, руководствуясь благими намерениями помочь ВСЮР в обороне Крыма, правительство на заседании, где, кстати, присутствовали А. А. Боровский и Д. Н. Пархомов, назначает инженера С. Н. Чаева главным уполномоченным по обороне края. Никаких возражений ни против должности, ни против кандидатуры нет. Чаев, находясь согласно постановлению в распоряжении Главнокомандования, отправляется на Перекоп, где было намечено проложить для удобства переброски войск железнодорожную ветку от Чонгарского полуострова к Перекопскому перешейку и поставить заграждения¹⁹¹. Очевидно, сочтя момент весьма удобным для сведения счётов, Пархомов, который, судя по его поведению, терпеть не мог Красное правительство, пишет по этому поводу письма Боровскому и Деникину. Содержание писем нам не известно, но о нем вполне можно судить по красноречивым заявлениям Боровского и Деникина С. С. Крыму, привидимым в мемуарах М. М. Винавера.

А. А. Боровский усмотрел во введении должности главноуполномоченного по обороне Крыма, как и в создании национальных частей, «недовереие правительства к Добровольческой Армии вообще и к командующему её составу главным образом», пригрозив, что он обратится к Деникину с просьбой об отзывании белых частей из Крыма (28 марта).

Телеграмма Главнокомандующего, посланная им в состоянии предельного раздражения, была еще более резкой. Это воистину выговор хозяина

нерадивому слуге. «В течение нескольких месяцев, — писал А. И. Деникин, — армия проливала кровь, защищая Крым, и была в невыносимых условиях безудержного развития внутри края большевизма, поощряемого преступным попустительством Крымского правительства. В то же время правительство это, изменив данному обещанию, повело, прикрываясь русскими добровольческими штыками, политику государственного и военного разъединения, а в последние дни позволило себе принять и допустить ряд военных мероприятий, которые явно направлены к ослаблению Добровольческой армии и к вмешательству в дело обороны». И Деникин требует от С. С. Крыма введения военного положения, угрожая подавлением всякого вмешательства в его распоряжения и выводом войск (29 марта)¹⁹².

В конце концов, после утверждения С. С. Крыма, что правительство за власть не держится и готово в любую минуту подать в отставку, Деникин сменил гнев на милость и отозвал свое решение.

Впрочем, дни Краевого правительства и так были сочтены.

После расстрела 17 марта четырёх членов президиума севастопольского отделения профсоюза металлистов на заседании симферопольской городской думы 23 марта П. И. Новицкий, прямо-таки наплевав на все грозные постановления правительства, произнёс гневную речь. Новицкий «подчёркивает, — сообщает газета, — тот бесстыдно дикий, зоологический характер, который приняла гражданская война в последнее время. Он сообщает думе, что краевой земскогородской съезд самым решительным образом осудил эти самосуды, эти дикие акты классовой мести». Дума приняла резолюцию социал-демократов, «в которой, между прочим, подчёркивается, что государственная власть бессильна защищать граждан от произвола и выражается требование передать суду виновных и расследовать действие (действия. — *Авт.*) министров и чинов внутренних дел, допустивших это ужасное преступление...»¹⁹³.

Севастопольские события стали симптомом как полного отчуждения Краевого правительства от народа, так и исчезновения страха перед отступающей белой армией и армадой Согласия, охваченной революционным брожением. Продвижение красных и взрыв недовольства в Севастополе смели второе Краевое правительство.

Севастопольские большевики деятельно готовились к вооружённому выступлению. Они создали несколько тайных боевых отрядов, которыми руководил штаб, подчинявшийся подпольному ревкому, который в свою очередь подчинялся Севастопольскому партийному комитету. Деникинская контрразведка, сдаётся, была не в силах остановить этот процесс, ибо большевики имели мощную базу в лице обездоленных рабочих Севморзавода, в мастерских порта, у железнодорожников и т. д.

Коммунисты смогли, используя необходимость ремонтных работ на застрявшем в бухте французском дредноуте «Мирабо», установить контакт с моряками. Печатались прокламации на французском (благо член подполь-

ного комитета Я. Ф. Городецкий¹⁹⁴, побывав в эмиграции во Франции, хорошо знал его) и греческом языках, велась устная «обработка». Рабочие добились того, что команда «Мирабо» дала обещание не стрелять¹⁹⁵.

9 марта в цирке «Труцци» состоялось собрание членов профсоюза рабочих и служащих металлообрабатывающих производств Севастополя, которые и стали инициаторами неповиновения властям. Доведенные до отчаяния рабочие¹⁹⁶ постановили: на работы в порт не выходить, с работ, которые производятся для Добровольческой армии и интервентов («Мирабо»), товарищей отозвать и более ни на какие работы не посылать; от денег, ассигнованных правительством для рабочих, отказаться; просить железнодорожников, военных моряков, грузчиков и др. присоединиться к постановлению; выразить протест против ареста членов союза и «энергично протестовать» против закрытия газеты «Прибой» «иноземной силой, давшей обещание не вмешиваться во внутренние дела»¹⁹⁷. Выдвигается требование установления в Крыму советской власти.

Любопытна реакция партий и общественных кругов. Меньшевики (Севастопольская организация РСДРП) на собрании 12 марта постановили:

«1) Собрание отвергает всякие попытки к организации в Крыму советской власти.

2) Считая, что нынешнее краевое правительство совершенно не удовлетворяет основным требованиям демократии, оно должно быть заменено социалистическим правительством»¹⁹⁸.

Севастопольская городская дума принимает 11 марта резолюцию социал-демократов с поправками народных социалистов и эсеров: «Единственным средством успокоения возбуждённых масс и предотвращения ужасов гражданской войны в Крыму может явиться лишь срочное и самое энергичное принятие мер к борьбе с растущей дороговизной и безработицей, для чего правительство должно в общекраевом масштабе провести вопрос о **принудительном займе у состоятельного класса населения** (выделено нами. — *Авт.*) из спекулятивных прибылей и прибылей военного времени с целью организации общественных работ; широкие социальные мероприятия, а с другой — решительный отказ правительства от системы уступок реакционным давлениям и отказ от применения административных репрессий»¹⁹⁹. Затем речь шла о том, что дума не ставит вопрос о смене власти, ибо приближаются выборы в Краевой сейм. Но проблема сейма вот-вот отпадёт, и резолюция думы, таким образом, повиснет в воздухе.

Удобную версию П. Н. Надинского о том, что рабочими безраздельно руководили большевики, мы позволим себе подвергнуть корректировке. Правление союза металлистов ещё стремилось избежать перетекания конфликта в политическую плоскость и распространило воззвание, в котором усиленно акцентировался тезис о мирном характере забастовки²⁰⁰. В то же время оно призвало к общекрымской стачке в Крыму.

13 марта открылась конференция правлений профсоюзов Севастополя. Поразительно — на ней свободно выступали большевики. В городе, до отказа набитом добровольцами и интервентами!

Некий «товарищ Борис» (подлинное имя оратора мы не смогли установить) проповедовал в своей горячей речи «классовую ненависть», допустил вероятность совместной работы с меньшевиками на почве этой «ненависти» и в заключение выдвинул оригинальный лозунг: «Да здравствует советская власть со всеми её недостатками!»

Большинством в 70 голосов против 7 при 10 воздержавшихся принимается резолюция большевиков и левых эсеров: «Конференция правлений профессиональных союзов, обсудив всесторонне вопрос о власти, находит, что при создавшемся теперь положении, как внутри области, так и на крымском фронте, на пролетариат и беднейшее крестьянство Крыма ложится революционный долг прийти на помощь героической красной армии и общими силами низвергнуть ненавистное краевое правительство. Исходя из этого, конференция постановляет немедленно объявить всеобщую политическую забастовку с требованиями: 1) удаление добровольческой армии; 2) отстранение краевого правительства; 3) восстановление в Крыму советской власти и 4) освобождение всех политических заключённых. (...)»²⁰¹.

Видимо, напор большевиков, впервые с апреля 1918 года появившихся на открытой трибуне, был столь велик, что эмоционально «завёл» зал. Да и призывы их упали на хорошо подготовленную Краевым правительством и особенно добровольцами почву.

Конференция избрала стачечный комитет из 7 человек под председательством Городецкого. 14–15 марта политическая забастовка в Севастополе началась.

Франко-греческие войска были выведены на улицы, заняли электростанцию, ряд предприятий. По приказу командующего Рюке на улицах устанавливаются орудия. Город усиленно патрулируется добровольцами. Но эти акции устрашения не остановили бастующих.

Строительные, железнодорожные рабочие, пекари, водопроводчики, портные присоединились к металлистам. Закрылись магазины. Остановился транспорт. Замолкли многие предприятия Симферополя, Феодосии, Керчи. Более месяца бастовали служащие симферопольских аптек.

Атмосфера накалялась с каждым часом: стрельба в воздух, рукоприкладство. Добровольцы силой открывали магазины.

И, конечно же — ставшие привычными для крымчан расправы.

16 марта арестована семья рабочих по подозрению в том, что она-то и есть стачечный комитет. Но из них только двое, включая Городецкого, действительно были членами комитета. Трое арестованных — Ефремов, Кононенко, Харченко — были убиты. Убит рабочий Хазаров. Арестован, но вскоре выпущен председатель городской думы Севастополя эсер С. О. Бялыницкий-Бируля. 19 человек, содержащихся в Симферопольской тюрьме

по обвинению в зверствах большевиков в 1918 году, отправлены в Керчь и расстреляны на станции Ойсул (Астанино). О расстреле президиума союза металлистов мы уже писали. Городская дума выступила с отчаянным протестом против самосудов.

Но сила явно была не на стороне рабочих. Большевики воздержались от применения оружия, наверное, сочтя это преждевременным.

20–22 марта, согласно решению профсоюзной конференции, забастовка была прекращена. Она показала, тем не менее, что политика второго Краевого правительства провалилась окончательно.

А тем временем части Украинского фронта красных двигались в крымском направлении. Войсками (1-я Заднепровская (3-я Украинская) стрелковая дивизия) командовал П. Е. Дыбенко, его помощником был И. Ф. Федько. Перекоп обороняло 1,5 тысячи белогвардейцев и 600 солдат 13-й греческой дивизии; на Чонгарском направлении находилось около тысячи белогвардейцев, преимущественно офицеров. В распоряжении защитников полуострова было около 20 орудий, несколько бронепоездов, десятки пулемётов. С моря их поддерживала судовая артиллерия кораблей Антанты. 29 марта части 1-й Заднепровской дивизии форсировали Сиваш. 4 апреля без особых трудностей взят Перекоп. Помощь войскам, штурмующим укрепления, оказали партизаны, которые, форсировав залив, высадившись в западной части позиций. Штурмующие потеряли около 200 человек убитыми и около 500 ранеными²⁰².

Что же происходило в это время в Крыму?

6 апреля правительство получило известия о прорыве Перекопского фронта и объявило на территории полуострова военное положение, а 7 апреля почти в полном составе, исключая министра внутренних дел, переехало в Севастополь. Новый командующий сухопутными войсками интервентов полковник Э. Труссон обвинил во всём добровольцев и отвёл греческие части, воевавшие на Перекопе, в Севастополь. При этом Труссон заявил, что город, ввиду недостатка сил, он сможет оборонять максимум 7 дней (потом эту цифру снизил до трёх).

Среди имущих слоёв населения началась «страшная», как писали газеты, паника, «...Творилось нечто невероятное. Нанимали автомобили, экипажи, линейки, дроги. Платили безумные деньги, лишь бы уехать и скрыться там, куда уехало правительство. Платили за автомобиль до 10–12 тысяч рублей, за экипаж же 3–5 тысяч, и ехали, ехали, без конца.

Паника не ограничилась Симферополем: она перебросилась в Евпаторию, и оттуда на яликах, лайбах, поплыли беженцы все в тот же Севастополь...

Уже к вечеру понедельника (7 апреля. — *Авт.*) волны беженцев залили весь Севастополь. Занято буквально всё. Беженцы ночуют в школах, ими заняты все кофейни, заезжие дворы, они приютились, где только возможно...»²⁰³.

9 апреля Симферополь покинули учреждения штаба Добровольческой армии. Рабочие города захватили тюрьму и освободили содержащихся в

ней политических заключённых, включая Я. Ф. Городецкого. Тем временем в Севастополе была образована франко-русская эвакуационная комиссия под председательством коменданта севастопольской крепости генерала генерал-майора В. Ф. Субботина²⁰⁴. Лучшие суда были отведены для французских и греческих войск.

Дальнейшее мелькает, как в калейдоскопе.

10 апреля «в 12 часов дня на Графскую пристань, переполненную публикой, стали съезжаться один за другим министры Крымского Краевого правительства. Прибыл С. С. Крым, приехал со своей семьёй М. М. Винавер, А. А. Стевен с семьёй и другие... Они перенесли свои вещи на катер и покинули землю Крыма. Все они выехали за границу (исключая Н. Н. Богданова и М. М. Бутчика. — *Авт.*). С ними же выезжали и некоторые чины министерств»²⁰⁵.

Но не тут-то было. Того же 10 апреля Э. Труссон заявил о введении в Севастополе с 11-го военного положения, назначив себя военным губернатором с чрезвычайными полномочиями и проигнорировав распоряжение Краевого правительства о передаче управления севастопольским городским органам. Он приказал вернуть бывшее правительство с греческого судна «Трапезонд», где оно обосновалось, на берег. «...В случае неявки, — в самой грубой форме пригрозил Труссон, — министры будут отвечать по закону и ни одно судно не будет выпущено из порта»²⁰⁶. Министры вернулись. Разыгралась безобразная сцена дележа денег. Труссон объявил, что его казна пуста, а у министров, по его сведениям, было 11 миллионов рублей. Те же утверждали, что часть денег уже истрачена, прежде всего, на жалованье чиновникам, собравшимся в Севастополе со всего Крыма, 500 тысяч присвоил генерал-майор Субботин, которому 500 тысяч, выделенных на эвакуацию, показалось мало, и ещё долю — контр-адмирал М. П. Саблин, главный командир порта (главный командир судов и портов Чёрного и Азовского морей). Труссон отвечал, что это его не касается, Субботина и Саблина он посадит в тюрьму, а ему нужны деньги, и он дает правительству срок до 11 часов следующего дня.

И 12 апреля правительство вынуждено было передать французам ценности, вывезенные из Краевого банка на крейсер «Кагул», а равно ценности из казначейства в Севастополе и 7 миллионов рублей.

Интервенты ещё несколько дней продержали правительство в Севастополе, и только 15 апреля в 10 часов вечера под канонаду боя за город оно на греческом корабле «Надежда» покинуло крымскую землю²⁰⁷.

Демократический эксперимент в Крыму бесславно завершился.

В. А. Оболенский впоследствии справедливо писал: «Пять месяцев от ухода немцев и до прихода большевиков можно охарактеризовать как период двоевластия, или, точнее говоря, борьбы двух властей — военной и гражданской. И можно с уверенностью сказать, что Крымское правитель-

ство было бы побеждено в этой внутренней борьбе, если бы большевики не прекратили её, заняв Крым в начале апреля 1919 г.

Иначе и быть не могло, ибо только абстрактно можно себе представить одновременное существование на одной территории двух взаимно независимых властей — военной и гражданской, и приходится только удивляться тому, как мы были тогда наивны, уверовав в прочность изобретенной нами комбинации. Наивность эта в значительной степени объяснялась невольной идеализацией нами Добровольческой армии»²⁰⁸.

По мнению Д. С. Пасманика, сторонника более решительных мер против большевиков и социалистической оппозиции, «основная ошибка Крымского правительства состояла в том, что оно в военной обстановке хотело осуществить идеально-парламентский строй в Крыму, чего не делали ни Клемансо во Франции, ни Ллойд Джордж в Англии, ни даже социалист Носке в Германии. Революционная эпоха — не время для мирного парламентаризма»²⁰⁹. Охарактеризовав правительство С. С. Крыма как «единственное из всех краевых правительств, которое не таило в себе и намёка на сепаратизм и которое выявило высшую меру культурной деятельности в свое время», Пасманик отметил «некоторые недостатки чисто «интеллигентской» власти», не считая, впрочем, их опасными, поскольку они «при культурном содействии вождей Добрармии легко могли быть выглажены»²¹⁰. Последние же совершенно не доверяли независимой общественности.

В тоже время П. Н. Милуков считал, что в форме правления своего однопартийца С. С. Крыма на полуострове пережила «второе рождение» керенщина²¹¹.

Военные круги возложили вину за падение Крыма на местную власть, будто бы «мироволившую большевикам». «Крымских министров, в особенности же еврея Винавера и караима Соломона Крыма, стали шельмовать на всех перекрёстках»²¹², придираясь к имени главы правительства, явно не православного происхождения²¹³.

Хроника прочих событий²¹⁴:

вышел № 1 «Известий военно-революционного комитета» на русском и французском языках;

10-го прекращено телефонное сообщение с Симферополем;

эвакуирован госбанк;

в Севастополь 11-го нелегально прибыл представитель красных политкомиссар Васильев, с его участием выработан план вооружённого восстания при подходе советских войск;

севастопольский комитет партии социалистов-революционеров постановил присоединиться к резолюции съезда 37 организаций эсеров (Петроградского) о прекращении вооружённой борьбы с большевиками и вхождении в советы;

11-го освобождён последний политзаключенный Богохвалов;

11-го Симферополь занят красными частями;

15-го Заднепровская дивизия, овладев 12-го апреля Ялтой и Бахчисараем, вышла к Севастополю. Труссон отверг требование сдачи города, после чего между ним и красными, при посредничестве В. А. Могилевского, начались переговоры;

17-го советские войска взяли Малахов курган; французские моряки отказываются сражаться, эскадра становится небоеспособной;

19-го на «Мирабо», «Жане Баре» и «Франс» подняты красные флаги;

20-го состоялась совместная демонстрация моряков и рабочих, обстрелянная лояльными греческими частями.

Наконец, 21 апреля Труссон объявил, что силы Согласия покидают Севастополь. Власть в городе перешла в руки военно-революционного комитета. 29-го в город вошли части Красной Армии. Демонстрация 1 мая сошла с уходом эскадры интервентов из Севастопольской бухты.

ВСЮР сумели сохранить за собой Керченский полуостров.

В заключение, избегая повторений, отметим, что дни пребывания на крымской территории частей Добровольческой армии и союзников при весьма убогом, хотя, вполне допускаем, и исполненном первоначально самых благих намерений втором Крымском краевом правительстве в полной мере продемонстрировали ещё одну сторону Гражданской войны: террор шёл рука об руку с невероятным падением нравов. Главнокомандующий А. И. Деникин прекрасно видел это — но он сам расписывается в полном бессилии, ибо разложение тыла приняло массовый характер.

«Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов, партий и профессий: кооператора, социал-демократа, офицера, даму общества, художника и лидера политической организации. (...)

Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлениями обычными, целые корпорации страдали этим недугом.

(...)

В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые очертя голову бросалось и офицерство, приехавшее с фронта.

— Жизни грош цена. Хоть день, да мой!

Шёл пир во время чумы, возбуждая злобу или отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой, в тех праведниках, которые кормились голодным пайком, ютились в тесноте и холоде реквизированной комнаты, ходили в истрёпанном платье, занимая иногда очень высокие должности общественной или государственной службы и неся её с величайшим бескорыстием. Таких было немало, но не они, к сожалению, давали общий фон жизни юга...»²¹⁵.

Таким был В. А. Оболенский, такими были С. А. Никонов, А. А. Стевен, А. П. Барт ... А кто ещё?

Комиссии по выяснению размеров убытков, причинённых интервентами Крыму, раскрыли дикую картину грабежей и вандализма. Только обы-

вателям Севастополя был нанесён ущерб более чем на 500 тысяч рублей. Расхищалось всё, что можно, а что не могли увезти — уничтожали. Были разорены мастерские и склады в районе Троицкой балки, вывезено наиболее ценное оборудование, взорваны цилиндры линкора «Иоанн Златоуст», машины русских боевых кораблей и транспортов, с судов похищено военное имущество²¹⁶.

События конца 1918 — первой половины 1919 года свидетельствуют, что внешний фактор в Крыму продолжал играть решающую роль. В то же время командование Добровольческой армии и ВСЮР, иностранных войск преследовало собственные, зачастую сугубо эгоистичные цели, далеко не всегда учитывало местные реалии, что во многом предопределило падение второго Крымского краевого правительства.

---

¹ Об ущербе, нанесённом германскими оккупантами Крыму см.: *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1957. — Ч. II (Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.)). — С. 117–118; *Зарубин В. Г.* Крым в 1918–1919 гг.: интервенты, местные власти и население // Историческое наследие Крыма (Симферополь). — 2004. — № 5. — С. 37; *Зарубин В. Г.* Крым во время германской оккупации (1918 г.) // Материалы Международной научной конференции, посвящённой 200-летию переселения немцев в Крым. 6–10 июня 2004 г. История немецкой колонизации в Крыму и на юге Украины в XIX–XX вв. / Сост. Ю. Н. Лаптев. — Симферополь, 2007. — С. 268–269. В самом начале своей деятельности на посту главы правительства С. С. Крым заявил: «...Мы подводим итоги всему увезённому, всему испорченному и... предъявим счёт с требованием возратить всё то, что незаконно было у нас взято и увезено. Так что интересы России будут в этом случае защищены всемерно...» (*А. К.* Беседа с С. С. Крымом // *Крымский Вестник* (Севастополь). — 1918. — 28 ноября). Действительно, при министерстве внешних сношений была создана Комиссия для исчисления причинённых убытков («мы ещё были тогда настолько наивны, что занимались этим делом»), обнаруживая массу фактов типа того, что немцы вывезли всё убранство царской пхуны «Алмаз», вплоть до обивки, содранной с мебели, или железного троса на 500 миллионов рублей — и так до бесконечности (*Винавер М.* Напе правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). — Париж, 1928. — С. 104–105). «Международная общественность», занятая глобальными проблемами, разумеется, не обратила ни малейшего внимания на претензии «какого-то» Крыма, а англо-французы последовали примеру предшественников, хотя и не в таких диких масштабах.

² Ялтинский Голос. — 1918. — 14 декабря.

³ Там же.

⁴ *В.* Земско-городской съезд // Там же. — 1918. — 8 декабря.

⁵ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. — Минск, 2002. — С. 151.

⁶ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 3. — Л. 46. Можно дополнить этот документ цитатой из обращения «К населению Юга», принятого на Ясском совещании: «Мы прибываем на территорию России для водворения порядка, для освобождения её от власти большевиков. Весь нездоровый элемент России — большевики и их приспешники объявляются вне закона. Лица, скрывающие большевиков, подлежат полемому суду» (Ялтинский Голос. — 1918. — 10 ноября; цит. по: Волков В. П. Большевики в борьбе за разложение войск англо-французских интервентов в Крыму в 1918–1919 гг. // Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. — Симферополь, 1958. — С. 46).

⁷ Калторп Сомерсет Артур Гош (1864–1937). Военно-морской атташе в России, Норвегии и Швеции (1902–1905). В 1909–1910 годах — в составе внутреннего флота, в 1912–1913 годах — контр-адмирал 1-й боевой эскадры. Командир 2-й крейсерской эскадры Большого флота (1914–1916). Второй морской лорд (1916). В 1917–1919 годах главнокомандующий в Средиземном море, одновременно (1918–1919) Верховный комиссар в Константинополе. В 1920–1923 годах — главнокомандующий в Портсмуте. Первый и главный адъютант Его Величества по флоту (1924–1925). Адмирал (1925) (Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. — М., 2003. — С. 272–273).

⁸ Цит. по: Волков В. П. Указ. соч. — С. 44–45.

⁹ Ялтинский Голос. — 1918. — 29 ноября.

¹⁰ Давыдов А. Воспоминания 1881–1955. Изд. 2-е, испр. — Париж, 1983. — С. 179.

¹¹ Там же. — С. 179–180. Правительство выделило 13 декабря 25 тысяч рублей «на покрытие расходов по организации встречи союзников» (ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 284).

¹² Винавер М. Указ. соч. — С. 99, 118, 119; Надинский П. Н. Указ. соч. — С. 125; Шамко Е. Н. Коммунистическая партия — организатор борьбы трудящихся против иностранных военных интервентов в Крыму (апрель 1918 г. — апрель 1919 г.) // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. — Симферополь, 1957. — С. 175.

¹³ Волков В. П. Указ. соч. — С. 46.

¹⁴ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. М. М. Максименко. — Симферополь, 1961. — Том II. (Май 1918 г. — ноябрь 1920 г.). — С. 127.

¹⁵ А. В. Дневник обывателя (26 июля 1918 г. — 4 апреля 1919 г.) // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. — М., 1991. — Т. IV. — С. 242 (Репр.)

¹⁶ Надинский П. Н. Указ. соч. — С. 125.

¹⁷ Винавер М. Указ. соч. — С. 99.

¹⁸ С февраля 1919 года, скорее, с франко-греками, поскольку после очередной корректировки вопроса о зонах влияния английские суда перебазировались в Батум, и командование союзной эскадрой в Севастополе перешло в руки французов. Кстати, в это время в Крыму можно было уже встретить американских, австралийских и прочих иностранных военных.

¹⁹ См.: Волков В. П. Указ. соч. — С. 46–47.

²⁰ Винавер М. Указ. соч. — С. 101.

²¹ Там же.

²² Там же. — С. 106–108, приложения № 11–12.

²³ **Нолькен Александр Людвигович фон** (1879–1958). Барон, окончил Орловский кадетский корпус (1897), Николаевское инженерное училище (1900), Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Офицер лейб-гвардии Сапёрного полка. Полковник, генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии. С октября 1918 года — в управлении генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Вооружёнными Силами Юга России, с августа 1919 года — начальник особого отдела сношений с войсками Антанты. В марте 1920 года эвакуировался из Новороссийска. Жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. В августе 1920 года в Русской армии П. Н. Врангеля. Генерал-майор. В эмиграции жил во Франции. Член и председатель разного рода офицерских обществ и объединений. Монархист-легитимист. Умер в Париже, похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (*Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). — М., 1997. — С. 174; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — СПб.-М., 2003. — С. 365).

²⁴ *Винавер М.* Указ. соч. — С. 191–192.

²⁵ Цит. по: *Винавер М.* Указ. соч. — С. 194, 195. У автора — разрядка.

²⁶ **Боровский Александр Александрович** (1875–1939). Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище (1896), Николаевскую академию Генерального штаба (1903). Офицер лейб-гвардии Литовского полка. С 1914 года — полковник и командир 6-го Сибирского стрелкового полка. Участник боевых действий в Первой мировой войне. Награждён орденом Св. Георгия, Георгиевским оружием, всеми прочими боевыми орденами до ордена Св. Святослава 1-й степени с мечами. Трижды ранен. Генерал-майор (1916), командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. В 1917 году — командир дивизии. С самого начала в Добровольческой армии. Сформировал в Ростове-на-Дону студенческий батальон, с которым вступил в 1-й Кубанский («Ледяной») поход. После соединения Добровольческой армии с Кубанской принял офицерский полк. Во 2-м Кубанском походе — начальник 2-й пехотной дивизии. Сыграл решающую роль в боях за станцию Тихорецкую, занял город Армавир. С конца 1918 года — командир Крымско-Азовского корпуса, с января 1919-го года генерал-лейтенант и командир Крымско-Азовской Добровольческой армии. После её расформирования назначен главноначальствующим в Закавказской области, но не успел вступить в должность. Уволен со службы в 1919 году. В апреле 1920-го выслан П. Н. Врангелем из Крыма за интриги. В эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии) (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 49–50; *Волков С. В.* Указ. соч. — С. 56).

²⁷ Цит. по: *Винавер М.* Указ. соч. — С. 196. Разрядка от «считается-де» до «правительством», включая и сокращения, — у автора.

²⁸ **Шульгин Василий Витальевич** (1878–1976). Родился в Киеве в семье профессора истории университета Св. Владимира в Киеве, основателя в 1864 году газеты «Киевлянин». В год рождения В. В. Шульгина отец умер, мать вскоре вышла замуж за профессора Д. И. Пихно, преподавателя политической экономии того же университета, ставшего редактором «Киевлянина». Окончил 2-ю Киевскую гимназию и юридический факультет университета Св. Владимира (1900). Был избран земским гласным, стал ведущим журналистом «Киевлянина». Депутат II–IV Государственных дум от Волынской губернии, где имел 300 десятин земли. Один из лидеров правых — монархической группы националистов-прогрессистов в Думе.

Убеждённый сторонник П. А. Столыпина и его реформ. Редактор «Киевлянина» (1911). Автор поэм и рассказов, оставшихся незамеченными. В 1914 году пошёл добровольцем на фронт. После ранения возглавил земский передовой перевязочно-питательный отряд. Член Особого совещания по обороне. Член Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции. Вместе с А. И. Гучковым прибыл в Псков к Николаю П. Один из авторов и редакторов Акта отказа от престола великого князя Михаила Александровича. На Государственном совещании в августе 1917-го выступал против отмены смертной казни, выборных комитетов в армии, автономии Украины. При посещении Киева арестован как редактор «Киевлянина», который был закрыт, но вскоре освобождён. В октябре переехал в Киев, возглавил Русский национальный союз. После событий в Петрограде в октябре 1917 года создал секретную организацию «Азбука» для борьбы с большевиками. В «Киевлянине» боролся с украинским национальным движением, парламентаризмом, Учредительным собранием. Противник Брестского мира. Участник формирования Добровольческой армии. При занятии германскими войсками Киева отказался издавать свою газету. Сотрудничал с Национальным центром. В августе 1918-го прибыл в Добровольческую армию. С конца 1918 года редактировал в Екатеринодаре газету «Россия» (затем «Великая Россия»). Эмигрант. В 1925–1926 годах нелегально побывал в СССР. В 1930-х годах жил в Югославии. В 1937 году отошёл от политической деятельности. В нападении гитлеровской Германии на СССР видел угрозу России. В 1945 году арестован советскими войсками, препровождён в Москву, осуждён. Освобождён в 1956 году. Автор ряда книг, воспоминаний. Умер во Владимире (*Голостенков М. Е. Шульгин Василий Витальевич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь* / Гл. ред. П. В. Волобуев. — М., 1993. — С. 363–365).

²⁹ Архив русской революции. — Т. IV. — С. 242 (Репр.)

³⁰ «Особое совещание никогда не пользовалось расположением русской общественности и навлекало на себя суровую критику и тогда, и теперь. При этом оно находилось всегда под двойным обстрелом — по обвинению, с одной стороны, в «черносотенстве», с другой — в «кадетизме» (*Деникин А. И. Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 — январь 1919.* — Минск, 2002. — С. 375).

³¹ Там же. — С. 376.

³² *Деникин А. И. Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920.* — С. 131–132.

³³ Архив русской революции. — Т. IV. — С. 245, 246.

³⁴ Там же. — С. 248.

³⁵ «...Вся обстановка, создававшаяся на Юге России в 1919 году, — так это видел Деникин, — психология общественности, соотношение сил и влияний не способствовали проведению в жизнь в молниеносном революционном порядке *радикальной аграрной реформы* (курсив А. И. Деникина. — *Авт.*). Не было ни идеологов, ни исполнителей». Лучшим вариантом в таких условиях, считал он, было пойти по пути А. В. Колчака (сумевшего реквизициями и насилиями восстановить против себя сибирское крестьянство, не знавшее крепостного права? — *Авт.*), то есть вообще «отказаться от земельного законодательства», оставив захваченные земли в распоряжении крестьян, но при этом — «рискуя разрывом с правыми кругами и, следовательно, осложнениями в армии» (*Деникин А. И. Очерки русской смуты:*

Вооружённые силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 — январь 1919. — С. 413). Вот чего более всего страшился Главнокомандующий! Но погубила добровольческое движение, в конечном счете, именно крестьянская психология (подразумеваем не только «зелёных» и повстанцев Н. И. Махно, но и преобладающе крестьянскую по составу Красную Армию).

³⁶ Таврический Голос (Симферополь). — 1919. — 8 октября.

³⁷ Но, считал обозреватель, реализовать её пока невозможно, ибо, во-первых, обособлен Кавказ; во-вторых, нет точных данных о положении на Украине (где в это время шла война всех против всех. — *Авт.*); в-третьих, ставка Главнокомандующего Добрармии постоянно перемещается (Крымский Вестник. — 1919. — 1, 6 февраля).

³⁸ Ялтинский Голос. — 1918. — 6 декабря.

³⁹ Крымский Вестник. — 1919. — 21 января.

⁴⁰ «...На совещании в Екатеринодаре, — извещалось в Декларации Крымского правительства от 5 февраля 1919 года, — разрешён был вопрос об объединении крымских, кубанских и донских железных дорог. Усматривается в таком объединении шаг к восстановлению единства России, и, исходя вместе с тем из необходимости правильной и равномерной для всех железных дорог доставки топлива, каковая равномерность недостижима без объединения управления железных дорог, — правительство присоединилось к решению донского и кубанского правительства о передаче железных дорог в ведение добровольческой армии» (Крымский Вестник. — 1919. — 6 февраля). Планировалось Краевым правительством и совещание представителей отделов портов и торгового мореплавания Крыма, Войска Донского, Кубани, Украины и Добрармии «для разрешения вопросов портового дела» (Симферополь, январь 1919-го года). (ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 357). Оно не состоялось. Делались попытки скоординировать и работу почтово-телеграфной связи (конференция 28 ноября в Ростове) (Там же. — Л. 316).

⁴¹ *Мякотин В.* Из недалёкого прошлого // Революция на Украине: По мемуарам белых. — М.-Л., 1930. — С. 234 (Репр.); Ялтинский Голос. — 1918. — 6 декабря.

⁴² Ялтинский Голос. — 1918. — 6 декабря.

⁴³ Там же. — 8 декабря.

⁴⁴ Ялтинский Голос. — 1918. — 14 декабря.

⁴⁵ Ялтинский Голос. — 1918. — 13 декабря. Подбирался даже состав Южно-Русского правительства (Директории), куда намечались кандидатуры эсера И.И. Бунакова (Фондаминского), народного социалиста В. А. Мякотина, кадетов В. Д. Набокова и Н. И. Астрова.

⁴⁶ Ялтинский Голос. — 1918. — 13 декабря.

⁴⁷ *Мякотин В.* Указ. соч. — С. 235.

⁴⁸ *Независимый.* В тумане // Крымский Вестник. — 1919. — 1 февраля. Автор связывает создание «комитета» с падением Уфимской директории, просуществовавшей с сентября по декабрь 1918-го года.

⁴⁹ Крайне симптоматичен нижеследующий текст: «...Руководящие центры групп должны публично отказаться от крайностей: между ними должен быть заключен договор, и этого договора все должны свято держаться. Европейские события подсказывают основу для такого договора: **эта основа есть демократизм** (выделено нами. — *Авт.*). Самоограничить себя должны и монархисты и социалисты, последние — отказавшись от «популизма» (создание советов и пр.), которое является отрицанием демократизма, первые — от односторонности. И «те и другие должны

же, наконец, понять, что демократизм в водовороте западно-европейских и русских событий стал государственной целесообразностью и политической необходимостью. В нём и только в нём средство против смертельного исхода болезни, которую больна Россия» (Б. И. К. К моменту // Ялтинский Голос. — 1918. — 26 ноября).

⁵⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 — январь 1919. — С. 169. Курсив А. И. Деникина.

⁵¹ Скобцов Д. Драма Кубани // Деникин, Юденич, Врангель: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — М., 1991. — С. 135.

⁵² Зими́на В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. — М., 2006. — С. 217.

⁵³ **Корвин-Круковский Алексей Владимирович** (1872–1943). Из дворян Нижегородской губернии. Окончил Нижегородский Александровский дворянский институт (1890), Казанское пехотное юнкерское училище (1894), офицерскую стрелковую школу (1913). Полковник, командир 6-го Финляндского стрелкового полка. В июле 1917 года — начальник карательного отряда в Царицыне (Волгограде). С конца 1917 года — в Добровольческой армии. Комендант штаба. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник обоза армии. Комендант штаба армии, затем комендант главной квартиры Главнокомандующего. Генерал-майор. С ноября 1918 года — начальник гарнизона Симферополя и Крымской пехотной дивизии. В мае 1919 года в связи с переформированием Крымско-Азовской армии в отдельный корпус вернулся в штаб ВСЮР и зачислен в «резерв чинов». Член военно-полевого суда над генерал-лейтенантом Н. А. Марксом. С конца 1919 года военный комендант Новороссийска. В Русской армии П. Н. Врангеля начальник 4-й пехотной дивизии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии). Один из организаторов Союза инвалидов, создатель Союза русских эмигрантов и объединения Казанского военного училища, начальник военной коллегии Лиги русских офицеров и солдат запаса. Скончался в Белграде (Рутыч Н. Указ. соч. — С. 122; Волков С. В. Указ. соч. — С. 261–262).

⁵⁴ Южные Ведомости (Симферополь). — 1918. — 26 ноября.

⁵⁵ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 1–1 об. Генерал-майор мотивировал своё предложение тем, что в Крыму гуляют на свободе «шестьдесят опасных большевиков» (в приложенном списке не оказалось ни одного большевика, зато туда попал бывший земский начальник, известный в крае реакционер Сахновский) и тридцать не менее опасных татарских националистов (В. А. Оболенский; по: Винавер М. Указ. соч. — С. 147–148).

⁵⁶ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 4.

⁵⁷ **де Бале Августин Клементьевич** (1871–?). На военной службе с 1889 года, офицер (1892). Генерал-майор. В Добровольческой армии. С конца 1917 года — начальник Крымского центра. С 6 ноября 1918 года представитель, а затем командующий войсками Добровольческой армии в Крыму. В октябре 1918 января 1919 года — командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией. С конца 1919 года в «резерве чинов» при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В октябре–ноябре 1919 года — начальник особого отдела Черноморского округа пограничной стражи Новороссийской области в Одессе (Волков С. В. Указ. соч. — С. 52–53).

⁵⁸ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 17 — Л. 5; Винавер М. Указ. соч. — С. 229. О Корвин-Круковском М. М. Винавер пишет поверхностно и не без сомнения: «Сам молодой генерал — высокий, стройный, брюнет южного, не то греческого, не то ита-

льянского типа — весьма экспансивный, быстрый в движениях, стремительный и невозддержанный в словах, наивно любовался своими новенькими генеральскими погонами, бегал по комнате, рисовал перспективы будущих боёв в Крыму и охотно принимал все советы и все обязательства, которые я старался с величайшей точностью ему внушить» (Екатеринодар) (*Винавер М.* Указ. соч. — С. 57).

⁵⁹ *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив (Симферополь). — 1996. — № 2. — С. 20.

⁶⁰ *Винавер М.* Указ. соч. — С. 65–66.

⁶¹ **Стивен Александр Александрович** (1879–1920). Родился в Симферополе. Внук основателя Никитского ботанического сада Х. Х. Стевена, его именем в 1985 году названа одна из улиц Симферополя, сын председателя Таврической земской управы, учредителя и первого председателя Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК), организатора крымоведческой библиотеки «Таврика» (ныне научная библиотека Центрального музея Тавриды «Таврика» им. А. Х. Стевена), заведующего земельно-заводским отделом в Кабинете Его Величества, товарища министра земледелия России, члена Государственного совета. Окончил Симферопольскую мужскую гимназию (ныне Симферопольская гимназия № 1 им. К. Д. Ушинского). Высшее образование получил в Санкт-Петербурге. Председатель губернского продовольственного комитета Таврической губернской земской управы. С 1914 года член ТУАК. В апреле 1919-го эмигрировал в Грецию, но после падения Крымской ССР вернулся в Крым. Член губернской земской управы. Арестован после занятия полуострова Красной Армией в ноябре 1920 года. Обвинён «в контрреволюции и тесном контакте с белым командованием». 23 ноября 1920 года приговорён к расстрелу. Реабилитирован в 1999 году. В 1997 году на правом берегу Салгира, неподалёку от парка «Салгирка» (ботанический сад Таврического национального университета им. В. И. Вернадского), где когда-то находилась усадьба семьи Стевенов, при непосредственном участии дочери бывшего министра М. А. Стивен установлен гранитный обелиск в честь Христиана Христиановича, Александра Христиановича и Александра Александровича Стевенов (*Филимонов С. Б.* Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. — Симферополь, 2003. — С. 114–123; *Поляков В. Е.* Улицами Симферополя. — Симферополь, 2005. — С. 300; и др.).

⁶² **Каннин Василий Александрович** (1862–1927). Родился в морской семье. После окончания гимназии поступил кадетом в Морской корпус. В 1882 году получил чин мичмана с назначением на Балтийский флот. Через два месяца переведён на Чёрное море, откуда осенью 1883 года поступил на учебу в Минный офицерский класс в Кронштадте. В 1913 году назначен командующим отрядом минных заградителей на Балтийском море. Контр-адмирал (1913). Исполнял должность начальника минной обороны Балтийского моря, в годы Первой мировой войны возглавлял проведение минных постановок в юго-западной части Балтики. Вице-адмирал (1915). Командующий Балтийским флотом. Несмотря на бездействие главных сил флота, произведён в адмиралы (1916). В сентябре 1916 года отправлен в почётную отставку с назначением членом Государственного совета. С начала 1917-го вошёл в состав совещательного органа при морском министерстве — Адмиралтейств-Совета. Вторым помощник морского министра Временного правительства А. И. Гучкова. С июня 1917 года — член Совещания по судостроению. 26 декабря 1917 года уволен в отставку и переехал в Севастополь. 26 ноября 1918 года назначен А. И. Деникиным командующим Черноморским флотом. По словам Главнокомандующего

ВСЮР, «не отличавшийся качествами боевого вождя» в апреле 1919-го Канин был уволен от службы по болезни, а его штаб расформирован. Эмигрировал во Францию, скончался в Марселе (*Макареев М. В., Рыжонков Г. Н.* Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004. В двух томах. — М., 2004. — Т. 2. 1917–2004. — С. 29–32).

⁶³ **Бутчик Михаил Михайлович** (1868–?). Окончил Московское пехотное юнкерское училище (1889), Николаевскую академию Генерального штаба (1897). Участник Первой мировой войны. Генерал-майор (1914), начальник штаба 40-го армейского корпуса (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР. После падения второго Крымского краевого правительства в «резерве чинов» при штабе Главнокомандующего ВСЮР, затем помощник главноначальствующего Харьковской областью, с конца 1919 года вновь в «резерве чинов» при штабе Главнокомандующего ВСЮР, потом в «резерве чинов» Киевской области, Новороссийской области. В Русской армии П. Н. Врангеля начальник Феодосийской военной базы. Эвакуировался из Севастополя. В 1922 году проживал в Константинополе (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 60–61; *Волков С. В.* Указ. соч. — С. 66).

⁶⁴ Цитаты: *Винавер М.* Указ. соч. — С. 65–69, 70, 73, 75. П. С. Бобровский с подложными документами якобы был арестован чекистами в мае 1919-го года (*Яроцкий Б. М.* Дмитрий Ульянов. — М., 1989. — С. 177). Скорее всего, за Бобровского принял кто-то другой, ибо бывший министр труда отбыл на корабле «Надежда» из Севастополя вместе с прочими членами Краевого правительства 15 апреля 1919 года.

⁶⁵ *Мальгин А. В.* Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII — начало XX в. — Симферополь, 2004. — С. 90–91.

⁶⁶ *Винавер М.* Указ. соч. — С. 63.

⁶⁷ ГААРК. — Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 87–88об; Там же. — Оп. 1. — Д. 98. — Л. 14; Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив (Москва). — 1927. — Т. 3 (22). — С. 128–129.

⁶⁸ Крым (Симферополь). — 1918. — 27 ноября.

⁶⁹ Позднее кадеты уже с учётом опыта деятельности как Крымского краевого правительства, так и других краевых образований, определили их роль в процессе возрождения единой России. 6 марта 1919 года в Ялте собираются активисты конституционно-демократической партии, рассматривая проект организации южно-русского отделения Центрального комитета, представленный князем П. Д. Долгоруковым. В результате принимается решение об учреждении на юге России в качестве временно действующей организации — Совещания членов ЦК юга России, в которое помимо находящихся на юге членов ЦК входят принадлежащие к партии депутаты Государственной думы всех созывов. Тогда же кадеты принимают резолюцию по поводу воссоздания единого государства. «В настоящее время намечаются два пути к собиранию и объединению России. Первый путь состоит в сосредоточении сил около некоторых центров всероссийского объединения, какими в качестве единственных реальных сил должны стать борющиеся за возрождение единой России наши армии, как представляющие в совокупности своей идею государственного единства России».

Собирание сил этого рода совершается определяющим действием из центра, обладающего достаточной физической и нравственной мощью для осуществления своей задачи, с тем, что гражданский порядок на местах и строительство местной жизни осуществляется органами местного самоуправления на основе всеоб-

щего избирательного права. Там, где имеются краевые государственные образования, стремящиеся к объединению России, таковые временно сохраняются в качестве гражданской власти вплоть до образования единой России в соответствии с задачей общего объединения.

Второй путь есть путь — соглашения отдельных государственных образований, ныне создавшихся в России, причём при помощи взаимного соглашения они образуют некоторое государственное единство между собой и областями, занятыми армиями», — указывалось в резолюции.

Для кадетов первый путь должен стать главным, основным («в общем процессе собирания и возрождения единой России»), но за вторым путём необходимо признать «значение неизбежного в некоторых частях России способа присоединения к центру краевых организаций», хотя при этом следует «решиительно возражать» против признания за какой-либо краевой организацией, в лице её правительства или представительного органа (сейма, круга, рады) права «определить будущую форму правления и государственного устройства России», ибо разрешение подобных вопросов принадлежит исключительно правительству объединённой России, а также «предпринимать какие-либо действия и создавать положения, идущие вразрез с переходным характером краевых образований и стремящихся к их закреплению».

Далее в резолюции признавалось «лишённым практического значения предложение о создании путём сговора краевых властей и общественных организаций некоторой высшей власти в форме директории».

В отношении держав Антанты подчёркивалось, что всякое предпрещение вопросов, касающихся отношения единой России с её частями «нарушает верховные права русского государства», поэтому «необходимо указывать на недопустимость каких бы то ни было предпрещений вопросов русского государственного устройства без участия самой России вопреки её внутренним жизненным интересам и с нарушением тех союзных обязательств, которые и поныне остаются незыблемыми и связывающими одинаково как Россию, так и союзные с нею державы». При этом соглашение союзников с отдельными областями России «не должно выходить за пределы тех задач, которые вытекают из стремления к сохранению безопасности и порядка в местах действия отдельных краевых властей. Всякие сепаратные соглашения с этими властями относительно будущего государственного значения отдельных частей России должны быть признаны противоречащими союзным связям держав Соглашения с единой Россией».

В заключении резолюции выражалась надежда, что «державы Соглашения, связанные узами дружеских и союзных отношений с Россией, окажут всю возможную для них помощь в восстановлении единства русского государства» (Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. — М., 1998. — Т. 3. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. — С. 474–476).

⁷⁰ Крымский Вестник. — 1919. — 6 февраля.

⁷¹ Аленников Н. Н. Варяго-Русский вопрос в древности и теперь // Крымский Вестник. — 1919. — 18 февраля.

⁷² ГААРК. — Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 118–118 об; Крымский Вестник. — 1918. — 28 ноября.

⁷³ А. К. Указ. соч.

⁷⁴ *Славянин*. Добровольческая армия: К мобилизации в Крыму // Крымский Вестник. — 1918. — 28 ноября.

⁷⁵ Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив. — 1927. — Т. 3 (22). — С. 133.

⁷⁶ *Набоков В.* Власть миражей // Ялтинский Голос. — 1918. — 14 ноября.

⁷⁷ *А. К. Указ.* соч.

⁷⁸ *Пасманик Д.* Революционные годы в Крыму [отрывок] // Крымский архив. — 1999. — № 4. — С. 82–83.

⁷⁹ Цит. по: *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1999. — № 4. — С. 73.

⁸⁰ Французские войска получали от Краевого правительства хлеб, сахар, вино; на ремонт казарм одновременно было отпущено 500 тысяч рублей (*Бунегин М. Ф.* Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — [Симферополь], 1927. — С. 236).

⁸¹ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 176.

⁸² Крымский Вестник. — 1918. — 28 ноября.

⁸³ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 51.

⁸⁴ Там же. — Д. 5. — Л. 4 об.

⁸⁵ Крымский Вестник. — 1919. — 17 января. Но бунт, в отличие от северных соседей, не был в традициях крымского крестьянина, что и позволило журналисту заметить: «Отсутствие в Крыму земельного вопроса (из контекста — в смысле волнений. — *Авт.*), лёгшего в основу настоящего копмара на Украине, не может не оказать известного влияния на ход событий» (*Бадковский Л.* Кажущееся спокойствие // Крымский Вестник. — 1919. — 7 января). Пусть так — но пропитания и при отсутствии крестьянских восстаний не прибавлялось. И спокойствие в самом деле было «кажущимся».

⁸⁶ Крымский Вестник. — 1919. — 17 января.

⁸⁷ Там же. — 18 февраля.

⁸⁸ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 127.

⁸⁹ Там же. — Д. 5. — Л. 4.

⁹⁰ Крымский Вестник. — 1919. — 12 марта.

⁹¹ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 40–41.

⁹² Там же. — Д. 5. — Л. 5–5 об.

⁹³ *Пасманик Д.* Указ. соч. — С. 86.

⁹⁴ Ялтинский Голос. — 1918. — 13 декабря; ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 224.

⁹⁵ Там же; *Винавер М.* Указ. соч. — С. 184.

⁹⁶ *Зарубин В. Г.* К вопросу о денежном обращении и денежных знаках в Крыму (1917–1920 гг.) // Крымский музей 1995–1996 гг. (Симферополь). — 1996. — С. 82.

⁹⁷ Крымский Вестник. — 1919. — 23(10) марта; ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 21. — Л. 10 об.

⁹⁸ Крымский Вестник. — 1919. — 30(17) января.

⁹⁹ Там же. — 17(4) января.

¹⁰⁰ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 21. — Л. 3 об.; Там же. — Д. 1. — Л. 125. Социальная политика кабинета свелась к введению пособий рабочим и служащим Севастопольского морского порта, прибавкам к жалованью и пенсиям служащим, материальной поддержке возвращающимся из плена — 5 тысяч рублей;

такая же сумма — Таврической учёной архивной комиссии, на продовольствие и призрение семьям мобилизованных, 38 625 рублей — для улучшения водоснабжения Симферополя и Севастополя (помогло мало), 5 тысяч — жене адмирала А. В. Колчака, проживавшей в Севастополе, 10 тысяч — армянам, возвращавшимся на Кавказ, 113 100 — православному духовенству (священникам по 650, диаконам и псаломщикам — 325 рублей) (ГААРК. — Ф. Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 407, 209, 212, 256, 271, 285, 266, 370, 371).

¹⁰¹ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Культурная политика Краевых правительств (М. А. Сулькевича и С. С. Крыма (Неймана) (июнь-ноябрь 1918 г.; ноябрь 1918 г. — апрель 1919 г.) // Русская культура и Восток: Материалы III-их Крымских Пушкинских чтений. — 13–19 сентября 1993 г. — Бахчисарай. — Симферополь, 1993. — С. 76.

¹⁰² Кутченко В. П. Странствие Максимилиана Волопина: Документальное повествование. — СПб., 1997. — С. 260.

¹⁰³ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 128.

¹⁰⁴ Винавер Е. От издателя // Винавер М. Указ. соч. — С. V.

¹⁰⁵ «С гордостью можем заметить, — комментирует газета, — что Крым является **единственной** (выделено нами. — *Авт.*) областью в Европейской России, где действительно имеется свобода собраний» (Ялтинский Голос. — 1918. — 27 ноября).

¹⁰⁶ Королёв В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. — Симферополь, 2002. — С. 123.

¹⁰⁷ Ещё о борьбе с большевизмом // Ялтинский Голос. — 1918. — 7 декабря.

¹⁰⁸ «Ужасы войны между государствами, — пишет по этому поводу некто Независимый, чьё имя нередко встречается на страницах крымской прессы, — по крайней мере, ослаблись некоторой внутренней её гуманизацией. Соблюдались известные обычаи войны, заботились о положении лиц, являющихся прямо или косвенно жертвами военных действий. В нашей вандальской гражданской войне ничего этого нет и в помине. Всё истребляется, сжигается, убивается, никому нет пощады». Но — далее! «Нет, не вовремя и легкомысленно звучит лозунг «долгой гражданской войны» — сейчас, когда почти вся Россия уже находится под разбойным натиском» (Гражданская война // Крымский Вестник. — 1919. — 29(16) марта).

¹⁰⁹ В письме П. Б. Аксельроду 12 ноября 1920 года Ю. О. Мартов дал такую, достаточно пристрастную, характеристику В. А. Могилевскому: «Могилевский мой хороший знакомый приятель и очень дельный работник. К сожалению, он оказался из категории тех «практиков», которые именно потому, что не могут жить без общественной работы, очень легко соблазняются практиковать оппортунистическую политику по отношению ко всякой (подчёркнуто в документе. — *Авт.*) власти от которой иначе нельзя получить права продолжать эту деятельность. Поэтому он при крымском правительстве Винавера скомпрометировал себя и всю местную организацию (меньшевиков. — *Авт.*) пассивизмом (от английского «I will do my possible» — «сделаю всё, что могу». — *Авт.*) по отношению к этому правительству и к француз[ским] оккупационн[ым] властям и даже по отношению к Деникину допускал весьма двусмысленные действия. Нам пришлось заняться этим вопросом, но только мы назначили партийное расследование, как пришла весть, что большевики заняли Крым и что Могилевский вместе со всей организацией «переменяли ориентацию», встретили большевиков, как избавителей и... заняли посты комиссаров, которых у нас в России даже самые левые товарищи не считают возможным занимать (на самом

деле ни Могилевский, ни другие меньшевики должности народных комиссаров во временном рабоче-крестьянском правительстве Крымской ССР не занимали. — *Авт.*). Мы собрались сделать им за это нахлобучку, когда большевики после короткого пребывания были изгнаны из Крыма и до нас стали приходить глухие вести (до сих пор их проверить не удалось), что Могилевский и Ко сумели «приспособиться» и к Врангелю, что в качестве представителей городск[ой] думы они участвовали в банкетах в честь Врангеля и союзников и т.п. На этот раз в партии поднялся такой крик возмущения и требования исключить раз навсегда всю крымск[ую] организацию, что ЦК не знал уже, как выпутаться из положения; но нас выручило новое известие (к счастью, «преувеличенное»), что Врангелю надоело разыгрывать либерала и что он повесил Могилевского за «госуд[арственную] измену» (именно за его якпанье с большевиками в течение короткой паузы). На деле его, действительно собирались повесить, но раздумали» (Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1919–1920 гг. / Отв. ред. З. Галили и А. Ненароков. Отв. сост. Д. Павлов. — М., 2000. — С. 723–724).

¹¹⁰ Крымский Вестник. — 1919. — 16(6) января. Делегаты Общекрымской конференции профсоюзов (двадцатые числа января), руководимых, как известно, меньшевиками, признавали: «Полное отсутствие средств, падение дисциплины, разобщённость между союзами и советами (комитетами)? — *Авт.*), этими последними и крымпрофом вместе с разрупительной агитацией большевиков подтачивает профессиональное строительство. Сильно вредит делу политическая грызня, с каждым днем всё более и более увеличивающаяся». На выборы в органы самоуправления рабочие идти не желают (В. А. Могилевский) (наверное, потому, что не верят в них? — *Авт.*) // Крымский Вестник. — 1919. — 4 февраля (22 января).

¹¹¹ Цит по: *Карр Э.* История Советской России: Большевистская революция 1917–1923. — М., 1990. — Т. 1. — С. 148.

¹¹² Крымский Вестник. — 1919. — 2 апреля (20 марта).

¹¹³ К прибытию англо-французов // Крым. — 1918. — 27 ноября.

¹¹⁴ Ялтинский Голос. — 1918. — 22 ноября.

¹¹⁵ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С.228.

¹¹⁶ Крым. — 1918. — 18 декабря.

¹¹⁷ См.: *Кручинин А. С.* Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии. История неудачных попыток // Военно-историческая библиотека «Военной Были». — М., 1999. — № 5(22).

¹¹⁸ **Туган-Мирза-Барановский Давид Иванович (?–1943).** Из литовских татар. Сын генерал-майора. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1902), Николаевскую академию Генерального штаба. Полковник лейб-гвардии Конной артиллерии, начальник штаба Гвардейской стрелковой дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР. С марта 1919 года командир дивизиона Крымского конного полка. В августе командир Сводно-драгунского полка, с октября начальник Днестровского отряда войска Новороссийской области. В Русской армии П. Н. Врангеля с мая 1920 года командир 2-го Туземного конного полка, с июля начальник штаба инспекции конницы до эвакуации Крыма. Жил на о. Лемнос. В 1921 году начальник штаба Кубанского корпуса. Генерал-майор. После 1934 года — во Франции, к 1938 году — в Варшаве, председатель отдела объединения лейб-гвардии Конной артиллерии. Умер в Польше (*Волков С. В.* Указ. соч. — С. 578).

¹¹⁹ Колотинский Владимир Михайлович (1871–1947). Сын полковника. Окончил 1-й кадетский корпус (1892). Полковник лейб-гвардии 4-го стрелкового полка. В Добровольческой армии и ВСЮР. С января 1919 года командир Татарского стрелкового полка. Затем в войсках Новороссийской области, в августе 1919 года кандидат на должности в Крыму. Эмигрант. Жил во Франции. Председатель объединения лейб-гвардии 4-го стрелкового полка. В 1930 году секретарь русской секции Союза французских комбатантов, секретарь Союза офицеров — участников войны. Начальник Парижской группы полкового объединения. Умер в Париже (*Валков С. В.* Указ. соч. — С. 255).

¹²⁰ Крымский Вестник. — 1919. — 9 февраля (27 января). Добавим, к месту, что параллельно формируется и Егерская бригада немцев-колонистов (ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 211). Не совсем ясно, кому же, в конце концов, подчинялись национальные части. М. М. Винавер утверждает, что «бригада из немцев-колонистов... находилась в распоряжении командования ДА». Но почему же тогда генерал-лейтенант А. А. Боровский писал С. С. Крыму 15 марта о «репении правительства сформировать свои (выделено нами. — *Авт.*) части под флагом национальностей»? (*Винавер М.* Указ. соч. — С. 207). Ситуацию разъясняет А. А. Бобков: 18 марта 1919 года к начальнику разведывательного отдела Крымско-Азовской Добровольческой армии полковнику Т. А. Амелистову обратились немецкие офицеры — лейтенант германской службы Гомайер (Гомейер) и лейтенант австрийской службы Порше с просьбой помочь в снабжении оружием и обмундированием 1000 крымских немцев-колонистов, желающих вступить в ряды Крымско-Азовской Добровольческой армии. Фактически инициатива создания бригады принадлежала Союзу немцев Крыма. Не дожидаясь решения ставки ВСЮР, немцы начали собираться в Симферополе, и Амелистов стал действовать на свой страх и риск. Он связался с французским командованием в Севастополе, которое 24 марта согласилось выдать немцам обмундирование и снаряжение с захваченных русских складов. Одновременно ставка ВСЮР дала согласие на формирование Егерской бригады немцев-колонистов. 27 марта Совет Министров Краевого правительства задним числом утвердил вопрос и условия формирования части: бригада подчиняется в оперативном отношении командующему Крымско-Азовской Добровольческой армии, но формируется Крымским краевым правительством «для защиты Края и поддержания порядка и не преследует никаких политических целей», личный состав бригады формируется из лиц немецкого происхождения, как русских граждан, так и иностранцев, «на одинаковых правах с русскими гражданами», офицерский состав бригады пополняется её командованием по соглашению с правительством, которое обязывалось выплачивать всем чинам бригады дополнительно к жалованию Добровольческой армии добавочные суточные. Штаб Крымско-Азовской Добровольческой армии разрешил солдатам и офицерам немецкого происхождения переводить в Егерскую бригаду из других частей. К 3 апреля бригада насчитывала уже до 800 бойцов, при ней формировалось две 4-х оружейные батареи, которым был придан один бронированный трактор. От Добровольческой армии командиром бригады был назначен генерал-майор А. М. Диденко. Фактически же руководство бригадой сосредоточилось в руках лейтенантов Гомайера, Порше и Павлика (последний — австрийской службы), весьма тёмных личностей. С осложнением положения на Перекопе командование бригады в Симферополе начало переговоры с представителями подпольного ревкома, получив

гарантии безопасности для её бойцов в случае перехода на сторону Красной Армии. Караулы егерей заняли тюрьму, телеграф и другие стратегические точки в городе. После вступления в Симферополь советских войск бригада была переформирована в немецкий стрелковый батальон Красной Армии, просуществовавший до июля 1919 года, то есть до падения Крымской ССР (*Бобков А.* Егерская бригада немцев-колонистов. 1919 // *Однострій (Ровно)*. — 2000. — № 3. — С. 15–16).

Аметистов Тихон Александрович (1881–1941). Закончил Елисаветградское кавалерийское училище (1908), Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба (1914). Командир Крымского конного полка, исполняющий дела начальника штаба 9-й кавалерийской дивизии. Полковник. С конца 1918 года — начальник разведывательного отдела Крымско-Азовской Добровольческой армии, в апреле 1919 года — квартирмейстер армии, в июне 1919-го — в штабе 3-го армейского корпуса. В ноябре начальник штаба 1-й Терской казачьей дивизии. Эмигрант. После 1934 года жил во Франции, состоял в объединении Крымского конского полка, секретарь епархиального управления. Умер в Париже (*Волков С. В.* Указ. соч. — С. 18).

Диденко Анатолий Михайлович (1874–?). Родился в Пскове. Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус (1892), Константиновское военное училище (1894), Николаевскую академию Генерального штаба (1902). Генерал-майор, начальник штаба 123-й пехотной дивизии. В 1918 году служил в армии гетмана Украинской Державы П. П. Скоропадского. Затем в Добровольческой армии и ВСЮР, участник Екатеринославского похода, начальник пехотной части. С начала 1919 года преподаватель Кубанского военного училища. Взят в плен в марте 1920 года. К 1923 году служил в РККА (Там же. — С. 162).

¹²¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. / Гл. ред. С. С. Хромов; Ред. кол.: Н. Н. Азовцев, Е. Г. Гимпельсон, П. А. Голуб и др. — М., 1987. — С. 356.

¹²² *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 228–229.

¹²³ *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Периодические издания Крыма (март 1917 — ноябрь 1920 г.) // *Крымский архив*. — 2001. — № 7. — С. 268.

¹²⁴ *Крымский Вестник*. — 1919. — 6 февраля (24 января); 22(9) февраля.

¹²⁵ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 67. — Л. 75–77, 96; Крым. — 1919. — 3 января; *Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] // *Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник)*. — Симферополь, 1996. — Выпуск 3. — С. 52–55.

¹²⁶ К борьбе с большевизмом // Крым. — 1919. — 9 марта.

¹²⁷ *Татмаджа* (с крымскотатарского буквально «загадка» — явный псевдоним. — *Авт.*) Восточная демократия (для любопытствующих) // Там же. — 1919. — 14 февраля; См. также: *Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы]. — С. 57–58.

¹²⁸ Из его же биографической справки 1924 года следует, что он был выслан в Алушку и жил там под надзором (ГААРК. — Ф. Р-663. — Оп. 1. — Д. 302. — Л. 3, 4 об). Интересно отметить, что в написанном в тюремной камере очерке А. С. Айвазов, всячески подчёркивая своё самоустранение от деятельности национального движения в данный период, даже не упоминает о происходящих событиях. По его словам, вернувшись из Турции в Крым, он, не заезжая в Симферополь, поехал к родным в Алушку, «где оставался почти до конца 1920-го года». Из членов Милли-фирки к нему никто не приезжал и никто не требовал отчёта о деятельности в

Константинополе. Газета «Миллет», которую он ранее редактировал, «продолжала выходить под редакцией доктора Амета Озенбашилы и Чатыртавлы (Одабаша)» (Айвазов А. С. История национального движения в Крыму // Восточный Свет (Москва). — 2005. — № 3. — С. 49–50).

О(А)дабаш Абибулла Абуришид (Тимурджан, Чатыр-Тавлы) (1891–1938?). Уроженец с. Корбек(лы) Ялтинского уезда (ныне с. Изобильное Алуштинского горсовета). Первоначальное образование получил в Крыму. Окончил юридический факультет «Хукук» Константинопольского университета. Здесь вошёл в турецко-татарский панисламистский комитет. В 1911 году публикует поэму «Алтын ярыкъ» («Золотой блеск») под псевдонимом Тимурджан. В 1913 году в сборнике «Яш татар язларлы» («Молодые татарские писатели») выходят его стихотворения. В 1917 году возвращается в Крым. Член Курултая, инспектор народного образования (с декабря 1917 года). Журналист (публицистика и фельетоны — в понимании своего времени), литературный псевдоним — Чатыр-Тавлы. При П. Н. Врангеле (1920) издатель ежемесячного литературного журнала на крымскотатарском языке «Ешиль Ада» («Зелёный Остров»). «...Человек без большого политического размаха и кругозора...» (О происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму. [1922–1923] // «Изыскать пути к парализованию...»). Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) (публикация и комментарии А. В. Ефимова и Р. Н. Белоглазова) // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2002. — Вып. № 4. — С. 158). С 1921 года сотрудник Наркомпроса Крымской АССР. Преподаватель Тотакойского педагогического техникума, Крымского педагогического института. 26 октября 1928 года арестован по делу Милли-фирки. Приговорён к смертной казни. 13 января 1931 года смертная казнь заменена 10 годами заключения в лагере. Содержался на Соловках, участвовал в строительстве Беломоро-Балтийского канала. Реабилитирован 17 апреля 1991 года (Урсу Д. Одабаш Абибулла Абдурешидович // Деятели крымскотатарской культуры. (1921–1944 гг.). Биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. — Симферополь, 1999. — С. 148–151; и др.).

¹²⁹ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 18. — Л. 1; Крымский Вестник. — 1919. — 7 марта (22 февраля).

¹³⁰ Крымский Вестник. — 1919. — 26(13) февраля; Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917 — 1921 гг. [Документы]. — С. 59.

¹³¹ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1341. — Л. 17–17об; Зарубин А. Г. (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы]. — С. 60–61.

¹³² Завершая сюжет о национальных проблемах, которыми правительство реально никак не занималось, стоит привести следующий отрывок из приказа Главнокомандующего А. И. Деникина от 7(20) ноября 1918 года: «Относится (Добармия. — *Авт.*) с величайшим негодованием к попыткам восстановить одну национальность один класс против другого». Собственно, это изрекалось и ранее, но теперь было воспринято Краевым правительством как, прежде всего, лояльное отношение к евреям. В беседе между С. С. Крымом и генералом А. М. Драгомировым последний обещал не допускать никаких антиеврейских экспедиций в Крыму. Действительно, в отличие от Украины, где добровольцы внесли свой «вклад» в массовое уничтожение евреев, в Крыму погромов не было (Винавер М. Указ. соч. С. 52–54). Что касается других национальностей, то власти с подозрением относи-

лись к украинскому национальному движению. После провала мобилизации армейское командование попыталось начать формирование греческого полка (*Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 231).

¹³³ *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1996. — № 2. — С. 20.

¹³⁴ *Seydahmet (Kırimer) Cafer.* Bazı hatıralar. — İstanbul, 1993. — S. 319.

¹³⁵ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО). — Ф. 1. — Оп. 20. — Д. 621. — Л. 193 (Бюллетень политотдела информбюро Наркомата иностранных дел УССР и Закардота ЦК КП(б)У № 141/231 от 11 июня 1921-го года. Со ссылкой на газету «Рідний Край» от 4 июня). Авторы выражают признательность киевскому историку Т. Б. Быковой за предоставление копии этого документа.

¹³⁶ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 — январь 1919. — Минск, 2002. — С. 532–533.

¹³⁷ А ведь при вступлении частей Добровольческой армии в Крым многие видели в них защитников порядка и справедливости. Со слезами на глазах известный художник С. Ю. Судейкин рассказывал жене актрисе В. А. Судейкиной, с которой проживал в Мисхоре, о встреченных им в Ялте «добровольческих офицерах-красавцах, таких, каких свет ещё не видел, — сошедшие Георгии Победоносцы с икон новгородского письма» (*Судейкина В. А.* Дневник: 1917–1919: (Петроград — Крым — Тифлис). — М., 2006. — С. 298).

¹³⁸ «Это интереснейшие, содержательнейшие дни — в то же время и опаснейшие дни — в личном, **крошечном** (выделено нами. — *Авт.*) смысле, — в каком-то упоении записывает в своём дневнике (1918 год), явно отражая распространившиеся настроения, Д. А. Фурманов. — Цену человеческой жизни и даже личности мы свели к нулю — тем выше подняли мы цену любого крошечного общественного явления» (Собр. соч. — М., 1961. — Т. 4. — С. 160–161. Цит. по: Перечитывая заново: Литературно-критические статьи. — Л., 1989. — С. 350).

¹³⁹ **Дорофеев Константин Константинович** (1874–?). Полковник Генштаба. Член Центрального правления Союза Георгиевских кавалеров. Начальник штаба Московского военного округа. Участник боёв со сторонниками большевиков в Москве, организатор сбора офицеров в Александровском военном училище (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР. С ноября 1917 года — в Георгиевской роте, в конце года послан в Крым для организации отдела армии. В июле 1918 года — в Крымском центре. С октября начальник штаба Крымского центра, начальник штаба командующего войсками Добровольческой армии в Крыму, в ноябре 1918-го — начальник добровольческих частей в Ялте. В 1919 году — начальник штаба Терской отдельной бригады, в ноябре 1919 года — начальник штаба 8-й пехотной дивизии, затем 21-й пехотной дивизии (*Волков С. В.* Указ. соч. — С. 176–177).

¹⁴⁰ Эта идея была для Добрармии прямо-таки навязчивой. Вспомним о том, как добивался введения военного положения в Крыму А. В. Корвин-Круковский. В январе-марте 1919 года вопрос будет обсуждаться на самом высоком уровне в ставке Главнокомандования.

¹⁴¹ Цит. по: *Винавер М.* Указ. соч. — С. 147.

¹⁴² **Пархомов Дмитрий Николаевич** (1871–1925). Окончил 4-й Московский кадетский корпус (1889), 3-е военное Алексеевское училище (1891), Николаевскую академию Генерального штаба (1899). По Генеральному штабу служил в штабе Вар-

павского военного округа. Был близок с А. И. Деникиным. Участник Первой мировой войны. Полковник и командир 47-го пехотного Украинского полка. Георгиевский кавалер за овладение Дуклинским перевалом в Карпатах (1914). Генерал-майор (1915). В 1916–1917 годах начальник пштаба 2-го армейского корпуса. В Добровольческой армии с 1918 года. С 29 декабря 1918 года — начальник пштаба Крымско-Азовского корпуса, с января по май 1919 года начальник пштаба Крымско-Азовской Добровольческой армии, затем в «резерве чинов» при штабе Главнокомандующего, с ноября 1919 года — начальник пштаба Государственной стражи. Генерал-лейтенант. В эмиграции жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Скончался в Белграде (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 181; *Волков С. В.* Указ. соч. — С. 397).

¹⁴³ *Винавер М.* Указ. соч. — С. 54–55.

¹⁴⁴ **Шиллинг Николай Николаевич** (1870–1946). Из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Офицер лейб-гвардии Измайловского полка, где служил до 1913 года. В Первую мировую войну вступил командиром 5-го Финляндского стрелкового полка. Награждён орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Генерал-майор (1916). После октябрьского переворота в Петрограде находился в Киеве. В сентябре 1918 года в Киевском центре, в ноябре-декабре — заместитель представителя Добровольческой армии в Киеве. С начала 1919 года в «резерве чинов» при штабе Главнокомандующего ВСЮР. Весной 1919-го — командир 5-й дивизии Крымско-Азовского корпуса. Отличился в боях с Красной Армией на Ак-Монайских позициях в апреле 1919 года, ранен. После выздоровления произведён в генерал-лейтенанты и назначен командиром 3-го армейского корпуса. Участник занятия Крыма и выхода в Северную Таврию. Главноначальствующий Таврической (с августа также Херсонской) губерний, затем Новороссийской области. Не сумел удержать Одессу и организовать её эвакуацию. При П. Н. Врангеле находился в распоряжении пштаба Главнокомандующего. В эмиграции в Чехословакии, председатель кружка Георгиевских кавалеров в Праге, возглавлял местное правление Союза русских военных инвалидов. Сотрудничал в эмигрантской прессе. Арестован советскими войсками в мае 1945 года. Отпущен по состоянию здоровья. Умер в Праге (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 271–273; *Волков С. В.* Указ. соч. — С. 638–639).

¹⁴⁵ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 82; Там же. — Д. 21. — Л. 8 об.-9 об.; Крымский Вестник. — 1919. — 6 февраля (24 января); *Винавер М.* Указ. соч. — С. 156–157.

¹⁴⁶ В апреле 1919 года ежедневная норма хлеба снизилась до 0,5 фунта.

¹⁴⁷ *Винавер М.* Указ. соч. — С. 159.

¹⁴⁸ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 82.

¹⁴⁹ *Бадковский Л.* Кажущееся спокойствие // Крымский Вестник. — 1919. — 7 января (25 декабря).

¹⁵⁰ *И.* Сеют ветер // Ялтинский Голос. — 1918. — 6 декабря.

¹⁵¹ «Сменился утром из дежурной части. Ночь прошла спокойно. Патрульные только привели и засадили под арест двух quasi-большевиков, где-то говоривших что-то против офицерства. Один швейцар гостиницы «Джалиты», а другой почтальон. Я считаю, что это... неправильно. Нельзя засаживать каждого, кто что-либо скажет против нас. Нужно строго разбираться, так как мало ли теперь о чём не болтают. С населением же нужно считаться. Потом порка! По-моему это возмутительная вещь, кладущая только пятно позора на Добровольческую Армию» (8 де-

кабря) (А. В. Указ соч. — С. 262). Но вот прошло чуть-чуть времени — и тот же А. В. ратует за самые жёсткие меры, клянет профсоюзы и не имеет ничего против разгона Краевого правительства.

¹⁵² **Гужон (Gougeon) Юлий Петрович** (1852, 1854 или 1858(?)–1918). Подданный Франции. С 1880-х годов крупнейший пайщик Товарищества пёльковой мануфактуры в Москве и Товарищества Московского металлургического завода (ММЗ). Являлся членом Постоянной совещательной конторы железозаводчиков, Московского биржевого комитета, Совета съездов представителей торговли и промышленности, Московского военно-промышленного комитета. В 1907–1917 годах бессменный председатель Московского общества заводчиков и фабрикантов. Страстный автомобилист, он поощрял автомобильное движение и мечтал об издании карты всех российских автодорог. Был широко известен как директор правления ММЗ (впоследствии завод «Серп и молот»). На его заводе был низок уровень механизации и высок травматизм, поэтому завод называли «костоломным». В многочисленных выступлениях и брошюрах доказывал, что Россия пройдёт тот же исторический путь к Промышленной эре, какой прошли её соседи. Был противником уменьшения рабочего дня (в США при 10-часовом рабочем дне — 305 рабочих дней, а в России из-за религиозных праздников — 275). Выступал за создание монополистических объединений, открыто защищая интересы производителей. В 1914 году по приказу великого князя Николая Николаевича подвергся аресту, но вскоре, благодаря многочисленным протестам, освобождён. Дача Гужона в Крыму находилась недалеко от дачи Николая Николаевича. Был убит с целью засвидетельствовать преданность бывшему главнокомандующему (*Наумова Г.* Московский француз // *Деловой мир* (Москва). — 1993. — 18 мая; *Винавер М.* Указ. соч. — С. 173–175; *Меньшова И. А.* Комментарии // *Судейкина В. А.* Дневник: 1917–1919: (Петроград — Крым — Тифлис). — С. 538, 593).

¹⁵³ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 66. — Л. 107.

¹⁵⁴ Крымский Вестник. — 1919. — 10 марта (25 февраля).

¹⁵⁵ **Гершельман Василий Сергеевич** (?–1919). Окончил Пажеский корпус (1904). Полковник лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 года. Организатор и командир 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в «резерве чинов». С августа 1918 года — командир Занасного кавалерийского полка. В конце 1918 года прислан в Крым для формирования Сводно-дивизионного кавалерийского полка, став его командиром. Убит 6 марта в Аскания-Нова (*Волков С. В.* Указ. соч. — С. 129).

¹⁵⁶ *Винавер М.* Указ. соч. — С. 174.

¹⁵⁷ Крымский Вестник. — 1919. — 8 февраля (27 января).

¹⁵⁸ *Брошев В.* «Отряд, несущий людям смерть». (К истории вопроса о политическом терроре белогвардейцев в Крыму в 1920 году) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь). — 1995. — № 11. — С. 60–61.

¹⁵⁹ Там же. — 11 марта (26 февраля); *Винавер М.* Указ. соч. — С. 203.

¹⁶⁰ **Орлов Николай Иванович** (?–1920). Уроженец Крыма. В годы Первой мировой войны — штабс-капитан 60-го пехотного Замосецкого полка. Осенью 1918 года начал формировать на добровольческой основе Симферопольский офицерский полк в составе Крымско-Азовской Добровольческой армии и являлся его командиром в ноябре-декабре 1918 года. Яростно выступал против злоупотреблений начальства. В 1920 году — организатор знаменитого бунта. За отказ подчи-

няться приказам командира Крымского корпуса Я. А. Слащова и выступить с отрядом на защиту Крыма в марте был разбит в районе Сарабуза (ныне п. Гвардейское Симферопольского района) частями Крымского корпуса. 16 офицеров-бунтовщиков расстреляно. Орлов с небольшой группой своих соратников сумел бежать и скрывался в горах, базируясь у Козьмо-Демьяновского монастыря. После взятия Крыма Красной Армией в ноябре 1920 года явился в особый отдел Южного фронта и предложил свои услуги по борьбе с бандитизмом. Его просьба была удовлетворена. Однако поступил донос от симферопольских большевиков, и в декабре 1920 года он был расстрелян (*Слащов-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г.: Материалы и документы. — М., 1990. — С. 57–61, 254–255 (примечания А. Г. Кавтарадзе); *Валков С. В.* Указ. соч. — С. 521).

Слащов (Слащёв) Яков Александрович (1885–1929). Родился в Петербурге. Из дворян, сын офицера. Закончил реальное училище в Санкт-Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), Императорскую Николаевскую академию Генштаба (1911). Участник Первой мировой войны. Был пять раз ранен и два раза контужен. В 1915 году награждён Георгиевским оружием, в 1916-м — орденом Св. Георгия 4-й степени. Полковник (1916). В Добровольческой армии с января 1918 года. Генерал-майор с апреля 1919 года. В декабре 1919 года возглавлял 3-й (Крымский) армейский корпус. Зимой 1919–1920 годов успешно руководил обороной Крыма. Генерал-лейтенант. Командующий 2-го армейского корпуса. После неудачных боёв корпуса под Каховкой в июле 1920-го подал рапорт об отставке, принятый П. Н. Врангелем. Удостоен Врангелем почётного титула Слащов-Крымский. Кумир определённых кругов крымской общественности, почётный гражданин г. Ялта. Автор мемуаров «Белый Крым. 1920 г.». Лишён мундира за резкую критику П. Н. Врангеля и его действий, продолженную в книге «Требую суда общества и гласности. Оборона и сдача Крыма (Мемуары и документы)» (1921). Эмигрант. Амнистирован и 3 ноября 1921 года получил разрешение на въезд в Советскую Россию. 21 ноября вернулся из Константинополя в Севастополь, откуда в вагоне Ф. Э. Дзержинского выехал в Москву. С лета 1922-го — преподаватель Высшей тактической стрелковой школы командного состава Красной Армии «Выстрел», был связан с ОГПУ. Автор работ на военную тематику. В 1925 году выступает в качестве консультанта на съёмках фильма «Врангель», где вместе с женой играют самих себя. Убит неким Лазарем Колленбергом, заявившим, что он отомстил за казнённого в Крыму брата и еврейские погромы (некоторые историки сомневаются в достоверности этого объяснения). Храбрец и честолюбец с авантюрными задатками. Прообраз Хлудова в пьесе М. А. Булгакова «Бег». «Из всех странных фигур, которые привела на поверхность травма гражданской войны, ни одна не была страннее генерала Слащёва», — считает американский историк П. Кинез (Цит. по: *Росс Н. Г.* Врангель в Крыму. — Франкфурт-на-Майне, 1982. — С. 38). Характеристика А. И. Деникина: «Это был ещё совсем молодой генерал, человек поэты, неглубокий, с большим честолюбием и густым налетом авантюризма. Но за всем тем он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решимостью» (*Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Вооружённые силы юга России. Заклочительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. — С. 405) (*Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. — М., 1990; *Рутык Н.* Указ. соч. — С. 225–226; *Валков С. В.* Указ. соч. — С. 525; *Капчинский О.* «Нап сексот Слащёв сообщил...» Известный белогвардейский генерал работал на ОГПУ // Независимое военное обозрение [«Независимой газетью»] (Москва). — 2000. — 15 декабря).

¹⁶¹ *Винавер М.* Указ. соч. — С. 203.

¹⁶² Имеется в виду газета «Прибой» (Севастополь).

¹⁶³ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 21. — Л. 6–6 об.

¹⁶⁴ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 — январь 1919. — С. 535.

¹⁶⁵ Там же. — С. 536.

¹⁶⁶ Там же. — С. 538.

¹⁶⁷ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 59.

¹⁶⁸ Крымский Вестник. — 1919. — 26(13) февраля.

¹⁶⁹ **Гамарник Ян Борисович** (1894–1937). Родился в Житомире. Учился на юридическом факультете университета. Св. Владимира в Киеве. Революционную работу начал в 1913 году. Член РСДРП(б) с 1916 года. До октября 1917 года член и некоторое время секретарь Киевского комитета РСДРП(б). Участвовал в подготовке восстания большевиков в Киеве; 27 октября (9 ноября) избран в состав ревкома. Весной 1918 года на совещании партийного актива Украины в Таганроге избран в Оргбюро по подготовке I съезда КП(б) Украины. В 1918–1920 годах член подпольного Всеукраинского центра и один из руководителей Одесской, Харьковской и Крымской коммунистических партийных организаций. В 1919 году член РВС Южной группы войск 12-й армии, позднее комиссар 58-й стрелковой дивизии. В 1920–1923 годах председатель Одесского и Киевского губкомов КП(б)У, председатель Киевского губисполкома. В 1923–1928 годах председатель Дальревкома, крайисполкома и секретарь Далькрайкома компартии. В 1928 году секретарь ЦК Коммунистической партии Белоруссии. С октября 1929 года начальник Политуправления Красной Армии и член РВС СССР; ответственный редактор газеты «Красная звезда». С июня 1930 года заместитель наркома обороны и заместитель председателя РВС СССР. Армейский комиссар 1-го ранга (1935). Был делегатом X–XVII съездов партии, на XIV съезде избирался кандидатом в члены ЦК, на XV–XVII — членом ЦК партии. Награждён орденом В. И. Ленина и орденом Красного Знамени. Покончил жизнь самоубийством в Москве (*Салехов Н. И.* Я. Б. Гамарник. — М., 1964).

¹⁷⁰ **Петриченко Иван Никифорович** (?–1919). Каменолом из Мамайских штолен. В 1915 году призван в армию и определён в лейб-гвардию. Через год осуждён «за вольные мысли и непочтение к высшим чинам» и заключён в крепость. Впоследствии направлен на фронт, где сошёлся с большевиками. Член РСДРП(б). После Февральской революции вернулся в Мамайские каменоломни. Возглавил Евпаторийский отряд Красной гвардии. В период германской оккупации находится на подпольной работе, начал создавать партизанский отряд в каменоломнях (*Федчук М.* Иван Петриченко // Памяти павших за Советский Крым. 1818–1920. Сборник статей и воспоминаний. — [Симферополь]. — 1940. — С. 82–90; *Вьюницкая Л. Н., Кравцова Л. П.* Дорогами революции. Путеводитель. — Симферополь, 1987. — С. 132–135).

¹⁷¹ *А. В.* Указ. соч. — С. 267.

¹⁷² *Надинский П. Н.* Указ. соч. — С. 141.

¹⁷³ *А. В.* Указ. соч. — С. 269.

¹⁷⁴ Подробнее о рабочем движении в Крыму и деятельности крымских большевиков см.: *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 213–224; *Волков В. П.* Указ. соч. — С. 48–66; *Волков В. П.* За власть Советов! — Симферополь, 1963. — С. 11–91; *Надинский П. Н.* Указ. соч. — С. 132–150; Очерки истории Крымской областной партийной организации / Ред. колл.: Н. В. Багров (председатель), М. Р. Акулов,

В. Д. Арбузов, Л. И. Волошинов и др. — Симферополь, 1981. — С. 63–75; *Шамко Е. Н.* Указ. соч. — С. 173–187; *Шамко Е. Н.* Героическая борьба трудящихся Украины и Крыма против иностранных военных интервентов (ноябрь 1918 — апрель 1919 гг.). — Симферополь, 1967; *Шевчук Г. М.* Розгром іноземних інтервентів на Півдні України і в Криму (листопад 1919 — квітень 1919 р.). — К., 1959 и др.

¹⁷⁵ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 227–228.

¹⁷⁶ Крымский Вестник. — 1919. — 14(1) февраля.

¹⁷⁷ Там же. — 18(5) февраля.

¹⁷⁸ Там же. — 25(12) марта.

¹⁷⁹ Там же. — 27(14) февраля; *Винавер М.* Указ. соч. — С. 184.

¹⁸⁰ *Винавер М.* Указ. соч. — С. 185.

¹⁸¹ ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 4. — Д. 10. — Л. 25.

¹⁸² Крымский Вестник. — 1919. — 25(12) марта.

¹⁸³ М. Историческая необходимость // Крымский Вестник. — 1919. — 4 апреля (22) марта.

¹⁸⁴ *Независимый.* Сейм // Там же. — 1 апреля (19 марта).

В связи с выдвижением вопроса о легитимности второго Краевого правительства уместно вернуться назад и напомнить о том, что с 31 октября по 11 ноября 1918 года проходили заседания комиссии по выработке положения о выборах в крымский парламент, где доминировали представители национальных групп. Мусульманский съезд 8 ноября поддержал созыв парламента, как «очага порядка». Однако эсеры, «Единство», народные социалисты, профсоюзы, наконец, съезд земств и городов отказались от участия в работе комиссии, предпочтя «нелегитимное» Краевое правительство, и комиссия вынуждена была сомораспуститься (ГААРК. — Ф. Р-1000. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1, 2, 11, 21–21 об.).

¹⁸⁵ Штаб, которого, кстати, переезжает 15 февраля из Екатеринодара в Севастополь.

¹⁸⁶ В эсеровских кругах был поднят вопрос об отозвании из Совета Министров С. А. Никонова, но к определённом мнению на сей счёт организация ПСР так и не пришла. Никонов оставался в правительстве вплоть до его бесславного конца.

¹⁸⁷ Цит. по: *Надинский П. Н.* Указ. соч. — С. 132.

¹⁸⁸ *Давыдов А.* Указ. соч. — С. 177.

¹⁸⁹ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 — январь 1919. — С. 536.

¹⁹⁰ *Барятинская М.* Дневник русской княгини в большевистской тюрьме. Январь 1918 г. // Крымский альбом 2003. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисловия к публ. Д. А. Лосева. — Феодосия-М., 2004. — [Вып. 8]. — С. 100.

¹⁹¹ Успел лишь соорудить одно укрепление и, при отходе добровольцев, взорвать железобетонный мост через Сиваш (*Винавер М.* Указ. соч. — С. 206).

¹⁹² Там же. — С. 207, 208.

¹⁹³ Крымский Вестник. — 1919. — 9 апреля (27 марта). Эти четверо были: Сандельман, Орлов, Вайль, Гитлин // *Штейнбах Е. М.* Профессиональное движение в Крыму: 1917–1927 гг. — Симферополь, 1927. — С. 45.

Среди небольшевистски настроенного населения Крыма, от националов до беспартийных, подстёгиваемые произволом добармейцев, росли нейтралистские и оппозиционные тенденции. Падал авторитет «официальной» линии меньшеви-

ков и эсеров. На IV Крымском съезде социал-демократов (конец декабря) делегаты говорили о снижении степени влияния партии на рабочих. Вывод прозвучал категорично: «Появление добровольческой армии вызвало перелом в настроении масс в сторону большевизма» (Прибой. — 1918. — 21 декабря). Те же ноты звучали в письме неизвестного члена областного комитета крымских эсеров (март 1919 года): «Наша организация количественно очень слаба, в Севастополе — 100–150 человек, в Симферополе — 50–60 человек, в других городах — 20–40 человек. Везде наблюдается резкий отход масс. Реагируя на это, интеллигентская наша группа не левеет, наоборот, правее. Разрыв с рабочими усугубляется ещё более. Особенно это заметно в Симферополе...». Причина, считает автор, — уход партийных работников в официальные учреждения, «строго легалистское соглашательство, во что бы то ни стало» (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 49 — Л. 230).

На собрании студентов Таврического университета 21 ноября, после выступления различных ораторов — от правого эсера Ф. И. Баткина до социал-демократа интернационалиста А. Г. Галахова, который утверждал, что «нужно считаться с большевистским движением не как с выступлением кучки демагогов, а как с большим народным стихийным движением» — 254 голосами против 92 при 17 воздержавшихся была принята резолюция: «Собрание студентов Таврического университета, отвергая в принципе вооружённую борьбу с большевизмом, высказывается против добровольного вступления в Добармию» (ГААРК. — Ф. Р-3296. — Оп. 1. — Д. 87. — Л. 266–267; Прибой. — 1918. — 24 ноября).

¹⁹⁴ **Городецкий Яков Фёдорович (Жан)** (1876–1937). Рабочий. Член РСДРП с 1900 года. Один из основателей крымской организации партии. В 1902 году арестован и сослан в Восточную Сибирь, откуда бежал в 1905 году. В 1907-м вновь арестован и сослан в Архангельскую губернию. После побега из ссылки эмигрировал в Париж. В 1918 году направлен в Севастополь на подпольную работу. В 1919 году — член Временного рабоче-крестьянского правительства Крымской ССР. В 1920–1930-х годах на хозяйственной работе в Ростове-на-Дону (*Баранченко В. Е.* Гавен. — М., 1967. — С. 149).

¹⁹⁵ *Надинский П. Н.* Указ. соч. — С. 145, 148.

¹⁹⁶ К апрелю 1919-го года безработные закрытого Севастопольского морского завода голодали уже 11 месяцев.

¹⁹⁷ Крымский Вестник. — 1919. — 11 марта (26 февраля). П. Н. Надинский цитирует постановление (Указ. соч. — С. 147) по этой же газете, но — в «идеологически» урезанном виде, опустив, например, текст о «Прибое»: меньшевистский орган, как борец с белыми, в его концепцию не вписывался.

¹⁹⁸ Крымский Вестник. — 1919. — 14(1) марта.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Его текст: «Товарищи рабочие и служащие, мы голодали одиннадцать месяцев и ни против кого не вооружились, хотя и имели возможность. Но почему же когда мы честно попросили работы и хлеба, те, кто мечтал о создании монархии в России, вооружились с ног до головы против нас же, русских рабочих. Не вызов ли это на братоубийственную войну. Не гибель ли это для России? И мы, как честные и любящие свою родину, должны отнестись с этим горе-русским людям с презрением, ибо мы не способны убивать людей и заниматься грабежом. А также требуем прекращения провокации со стороны власть имущих и носящих демонстративно оружие.

Этим нас не удивить, мы имеем холодный разум и здравый рассудок, а, следовательно, и понимание, что Россия может и будет существовать и быть сильной, когда будет создана руками рабочих и крестьян.

Будьте спокойны и повинуйтесь своим честным убеждениям, сохраняя в то же время единство и сильную спайку рабочего класса» (Там же). На наш взгляд, достойное — тем более в разгар Гражданской войны — и, что очень важно, подчеркнута патриотическое воззвание.

²⁰¹ Там же. — 15 (2) марта.

²⁰² *Найда С.* Об освобождении Красной Армией Крыма в апреле 1991 года // Военно-исторический журнал (Москва). — 1974. — № 2. — С. 41–42.

²⁰³ Крымский Вестник. — 1919. — 9 апреля (27 марта).

²⁰⁴ **Субботин Владимир Фёдорович** (1874–?). Из дворян Курской губернии. Окончил Орловский кадетский корпус (1892), Николаевское инженерное училище (1895), Николаевскую инженерную академию (1900). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор, Георгиевский кавалер (1915). С начала 1917 года начальник инженеров армий Румынского фронта. В январе 1918 года — в «резерве чинов» при штабе Добровольческой армии, затем комендант штаба Кавказской Добровольческой армии. В 1919 году — комендант крепости и начальник гарнизона Севастополя. В июне 1919 года — Севастопольский градоначальник. К январю 1920-го комендант крепости и начальник гарнизона Севастополя. Во время бунта Н. И. Орлова арестован в Симферополе, после чего подал в отставку. В Русской армии П. Н. Врангеля начальник инженеров, руководивших работами по укреплению позиций на Перекопе (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 232; *Волков С. В.* Указ. соч. — С. 547).

²⁰⁵ Крымский Вестник. — 1919. — 11 апреля (29 марта).

²⁰⁶ Архив русской революции. — Т. II. — С. 139.

²⁰⁷ Текст по «Журналу Заседания Совета Министров Крымского Краевого Правительства», живописующему его последние дни и составленному 16 апреля 1919 года на судне «Надежда». Впервые опубликован в «Архиве русской революции» (Т. II. — С. 135–142), затем перепечатывался (с изменениями) в: Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив. — 1927. — № 3(22). — С. 139–147; *Винавер М.* Указ. соч. — С. 209–220). Тенденциозно пересказан П. Н. Надинским (Указ. соч. — С. 152–153).

²⁰⁸ *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. — 1999. — № 4. — С. 60.

²⁰⁹ *Пасманик Д.* Указ. соч. — С. 85.

²¹⁰ Там же. — С. 87.

²¹¹ *Зимица В. Д.* Указ. соч. — С. 107.

²¹² *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 69.

²¹³ *Пасманик Д.* Указ. соч. — С. 82. При этом следует отметить, что караимы, среди которых было значительное число зажиточных семей, в массе своей не приняли октябрьский переворот в Петрограде и были совершенно чужды коммунистической идеологии. В годы Гражданской войны большинство караимов-военнослужащих воевало на стороне белых, более половины из них погибло. Многие из караимов эмигрировали. Из более 8000 человек, проживавших на полуострове в 1914 году, к 1921 году осталось только 3564 (*Кронотов В. С.* Военные традиции крымских караимов. — Симферополь. 2004. — С. 72–76).

²¹⁴ На фоне суматошной эвакуации гражданского населения. Цитируем: «У Графской пристани в течение всего вчерашнего дня (10 апреля. — *Авт.*) творилось нечто неопишное. Сюда стекались со всех концов города подводы с вещами, ехали на автомобилях, на экипажах, везли домашнюю рухлядь, солидные, дорогой жёлтой кожи чемоданы. Всё это сваливалось здесь, переносилось на катера, на военные транспорты.

Здесь ярче, чем где бы то ни было, проявлялась паника. Чувство чисто животного страха обуяло всех уезжающих: будто не верят они, что они уже в безопасности, что еще час другой, и они простятся с родной землёй.

Смотришь на всю эту массу людей, и грусть, острая, едкая, пробирается к сердцу... Лишь к трём часам... несколько утихла здесь паника, уже все, кому выпало с их точки зрения счастье уехать, находились на своих местах...

Вот подходит пароход «Аскольд», за ним «Посадник», на кормах у них ещё трёхцветные флаги, но на мачтах французские. На обоих пароходах много пассажиров — это новая волна беженцев из Ялты. Их много, они растеряны, их лица перекошены от страха...» (Крымский Вестник. — 1919. — 11 апреля (29 марта).

Беженцы — тоже непременный атрибут Гражданской войны.

²¹⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Заключение. Период борьбы. Январь 1919 — март 1920. — С. 313, 314, 316.

²¹⁶ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 131–134, 137.

Крымская ССР: второе пришествие большевизма. «Деникинщина»

К 1 мая 1919 года Крым, исключая Керченский полуостров, был занят советскими войсками. Как и в декабре 1917-го — январе 1918 года спешно создаются чрезвычайные органы власти — военно-революционные комитеты. Прежние властные структуры распускаются. В течение апреля ревкомы возникли во всех более или менее крупных центрах Крыма. Начальный период их деятельности отличала многопартийность, но коммунисты — путём перевыборов, роспуска и пр. — вытесняют конкурентов, занимая в ревкомах доминирующее положение и делая их главной точкой приложения своих сил и орудием своей политики.

Например, Симферопольский ВРК во главе с большевичкой Е. Р. (Лаурой) Багатурьянц¹, «доброй и хорошей женщиной» (В. А. Оболенский²), обязал чиновников оставаться на местах, подчиняясь новой власти, принял меры по учёту и охране имущества. Местные ревкомы были заняты снабжением Красной Армии, брали под контроль множество заброшенных садов и виноградников. Начинается весенний сев.

Областной ревком приступил к реализации большевистской программы, национализируя банки, транспорт, флот, имения, крупные предприятия, курортные учреждения.

На 2 мая ситуация в Крыму, а точнее в Симферополе, и уезде (информация для Москвы) была следующей. Первый Крымревком распущен, председателем нового стала Багатурьянц; в его состав вошли 17 человек, из них 13 коммунистов, 1 эсер, 1 дашнак. 29–30 апреля прошёл уездный крестьянский съезд. Хотя он и был созван правлением Крестьянского союза, где преобладали эсеры, но принял резолюции большевистского толка. Налажен выпуск газет. Выходят «Известия» Симферопольского ВРК, «Таврический (затем Крымский) Коммунист», «Борец За Коммунизм», «Борьба» (орган левых эсеров), меньшевистского направления «Наша Газета» (в Ялте). Парторганизация города включала 90 членов и сочувствующих. Горком бездействует; выборы в горсовет начались без его ведома, по инициативе профсоюзов. Арестован коммунист Маркус за попытку организовать параллельный областной комитет РКП(б)³.

По этой колоритной «картинке» видно, что всё в Крыму находилось ещё в брожении.

Второму этапу большевистского господства образца 1919 года положила начало Крымская областная конференция РКП(б), проходившая 28–29 апреля в Симферополе.

Однако судьбы Крыма (в который раз) решались за его пределами.

Этот вопрос обстоятельно рассмотрен П. И. Гарчевым и В. В. Овodom⁴, а также — несколько в ином ракурсе — В. М. Брошеваном⁵. Если

первые воспользовались документами центральных, то Брошеван — местных хранилищ.

Вопрос о создании Крымской республики был поставлен, очевидно, практически одновременно крымскими, украинскими и московскими руководителями, но решён — в Москве. Ю. П. Гавен вспоминал о своей апрельской встрече в Кремле с В. И. Лениным: «Он просил меня сообщить о национальном составе крымского населения, о национально-освободительном движении крымских татар, их стремлениях, о характернейших чертах революционной борьбы в Крыму в 1917–1918 годах... Я... выдвинул на первый план национальный вопрос. (рассказал. — *Авт.*) какие ошибки были допущены Крымской большевистской организацией (почти полное игнорирование национального вопроса) и какие тяжёлые последствия вызвали эти ошибки (восстание татар, гибель целого ряда крупнейших крымских работников, обострение национальной вражды, дошедшей до фактов истребления одной нацией другой (татары и греки. — *Авт.*), и проч.). ...Ильич заявил: «Ваше предложение будет санкционировано» (...)»⁶.

Тогда же Предсовнаркома Украины Х.Г. Раковский телеграфирует наркому иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину о желательности создания республики в Крыму в связи с его «*международным положением*» (выделено нами. — *Авт.*)⁷. Другой подход. Точка поставлена заседанием Политбюро ЦК РКП(б) 23 апреля, которое постановило: «Признать желательным создание Крымской Советской республики»⁸. Партийная санкция, как это уже успело стать традицией, предварила государственную.

Итак, появление на территории полуострова новой административной единицы было обусловлено, как и, прежде всего, военно-политическими соображениями (Гарчев и Овод обоснованно пишут, что большевики видели в Крымской республике барьер на пути возможного продвижения Антанты), так и национальной политикой.

В качестве перспективных лиц крымского правительства обговаривались и попеременно отпадали кандидатуры П. Е. Дыбенко (проштрафился), А. А. Иоффе (нужен на Украине), М. П. Кристи (не политик?).

Теперь вернемся к областной партконференции. О том, сколь серьёзное внимание уделялось центром её работе, говорит присутствие на ней чрезвычайного уполномоченного Совета обороны РСФСР и УССР (на Юге) Л. Б. Каменева, приехавшего в Симферополь 29 апреля специальным поездом, кандидата в члены Оргбюро ЦК РКП(б), инструктора ЦК М. К. Муранова, наркома внутренних дел УССР К. Е. Ворошилова, прибывших по поручению ЦК и наркомата по делам национальностей Ю. П. Гавена, А. Джигенти, видного турецкого коммуниста М. Субхи⁹.

Конференция, среди менее важных пунктов повестки дня, заслушала доклады по национальному вопросу в связи с решением ЦК ВКП(б) о республике (Каменев?) и о составе её правительства.

Как и в стране в целом, в Крыму государственные задачи решались партией. Именно на конференции и было закреплено спущенное свыше сознание так называемой Крымской Социалистической Советской Республики. Тогда же остановились на фигуре Д. И. Ульянова родного брата В. И. Ленина в качестве временного главы правительства КССР, который, по словам В. А. Оболенского, «был известен лишь как добродушный человек, пьяница и забулдыга»¹⁰.

Сам Д. И. Ульянов так сообщал о своём назначении в письме от 11 мая 1919 года сестре М. И. Ульяновой в Москву: «В начале апреля я жил в Евпатории и вошёл там в Ревком... В конце апреля меня перетащили в Симферополь тов. Гавен и др. Он знал меня по работе с прошлого года, и я должен был остаться в Симферополе Наркомом здравоохранения и обеспечения.

Затем приехал Ворошилов, Муранов и другие, и мы имели несколько частных организационных заседаний по составу Крымского временного Совнаркома. Вследствие болезни Гавена, приковавшей его к постели, его нельзя было избрать председателем, хотя он наиболее подходил бы к этому, как известный хорошо по прошлому году севастопольским и симферопольским рабочим и матросам.

Временно, за неимением лучшего, посадили меня — в ожидании сильного кандидата с севера от вас (курсив наш. — Авт.).

Работы много, планы широкие у нас, но без помощи от и Киева сядем на мель — полное отсутствие денег т. п.»¹¹.

Процесс конструирования Временного Рабоче-Крестьянского правительства КССР завершился ко 2 мая. В него вошли в практически одни коммунисты¹²: временнопредседательствующий (постоянного председателя так и не появилось) нарком здравоохранения и социального обеспечения — Д. И. Ульянов, нарком внутренних дел — Ю. П. Гавен, нарком иностранных дел — С. М. Меметов, нарком юстиции — Ибрагим Арабский, нарком по военным и морским делам — П. Е. Дыбенку (отозван ЦК РКП(б) 10 июня. — Авт.), нарком просвещения — И. А. Назукин, нарком продовольствия и торговли — С. Д. Вульфсон (Давыдов)¹³, нарком земледелия — С. И. Идрисов, нарком труда — И. М. Полонский (Стёпа)¹⁴, нарком финансов, путей сообщения, почт и телеграфов, а также председатель совнархоза — Я. Ф. Городецкий, управделами — А. А. Боданинский. Наркомом по делам национальностей чуть позже стал И. К. Фирдевс. К исполнению обязанностей наркома пропаганды и агитации привлечена А. М. Коллонтай¹⁵, одновременно начальник политотдела Крымской армии, которой командовал П. Е. Дыбенку.

Уроки бесхребетной политики прежнего советского правительства по национальному вопросу уже учитывались: в СНК вошли пять крымских татар (Фирдевс, Меметов, Идрисов, Арабский и Боданинский).

Кстати сказать, статус КССР оставался, строго говоря, неопределённым. Формально эта республика, как и Республика Тавриды, была создана на ав-

тономных началах и по территориальному принципу, входя в состав РСФСР. В то же время КССР в качестве полноправного члена была включена в военно-политический союз советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии (декрет ВЦИК РСФСР от 1 июня 1919 года). А секретное решение Политбюро 28 апреля (В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский) приравнивало её к губернии, областной партийный комитет — к губернскому комитету, полностью подчиняло Крымскую армию и флот центру (Крымская армия входила в состав Южного фронта)¹⁶. Д. И. Ульянов же упомянул однажды Крымскую Советскую Федеративную (?) республику¹⁷.

Экономическая программа правительства была изложена в декларации от 6 мая 1919 года и целиком выдержана в духе военного коммунизма. Здесь говорилось о национализации важнейших отраслей промышленности, кулацких¹⁸, конфискации помещичьих, кулацких (!) и монастырских (вакуфных) земель и передаче их в распоряжение малоземельных и безземельных крестьян (за исключением культурных имений), всеобщем поощрении коллективных форм обработки земли, что впоследствии выльется в повальное насаждение совхозов, огосударствлении заготовки и торговли предметов первой необходимости¹⁹.

Наладить сколько-нибудь целенаправленно сориентированную на развитие экономику в КССР не удалось, и не только ввиду недолговременности её существования или военно-коммунистических пережёлтств, но и потому, что «все силы и материальные средства Крыма в первую очередь отдавались Красной Армии»²⁰. О созидательной работе, кардинальных и разумных преобразованиях, подъёме жизненного уровня населения говорить, анализируя историю республики, не приходится. Все ограничивалось частными акциями, латанием дыр. Царствовала «чрезвычайщина».

Военное строительство в Крыму, отнимающее немало сил и средств, включало и попытки возродить Черноморский флот. Правда, от него мало что осталось — часть кораблей была выведена белыми в Новороссийск, часть намеренно испорчена интервентами, 11 подводных лодок ими же затоплены. 28 марта 1919 года учреждена должность командующего Красным Черноморским флотом, на которую назначен военмор А. И. Шейковский²¹. Начальником штаба стал Б. Е. Тягин²². 26 апреля сформированы органы управления флотом. 30 апреля командующий издал приказ о регистрации в двухдневный срок матросов, офицеров и морских чиновников. Началось восстановление портов, береговой обороны, службы связи, приступили к ремонту кораблей. При этом следует иметь в виду, что оккупационное командование вернуло часть золота и серебра, изъятого из казначейств Симферополя и Севастополя²³. К июню во флоте насчитывалось 2700 человек (в Севастополе, Николаеве и Одессе), но боеспособных морских судов практически не было²⁴.

Полуостров вынужден был снова кормить армейские части, на сей раз красные, посылать фрукты и овощи в центральные губернии и одновре-

менно выпрашивать хлеб у Украины. К несчастью, и год выдался неурожайным. Положение жителей Крыма если и изменилось, то в худшую сторону: те же полфунта (200 граммов) хлеба в день на человека, 4 фунта крупы, 3 3/4 фунта картофеля и так далее²⁵.

КрымЧК, созданная 14 апреля 1919 года, издала суровый приказ, запрещающий самочинные обыски, аресты, самосуды, реквизиции и пр. Однако населению было всё равно — самочинны реквизиции или нет. Они приняли повсеместный характер, о чём горько писал проживавший в Крыму В. В. Вересаев. В деревни, по примеру российских губерний, отправились продотряды. На кулаков была наложена контрибуция. В конце мая на съезде сельских ревкомов постановлено увеличением налога на кулака на один миллион рублей²⁶. При этом следует иметь в виду, что влияние новой власти в крымской глубинке зачастую практически не ощущалось. Так В. А. Оболенский, скрывавшийся, как и в 1918 году, в Бююк-Ламбате, вспоминал: «Приезжали к нам какие-то комиссары опечатывать винный подвал и собирать статистические сведения — и только. Ни разу за три месяца мне не пришлось видеть ни одного представителя коммунистической власти. Жили мирно, обрабатывая свои виноградники...»²⁷.

Объектом своеобразной эксплуатации опять, как и весной 1918 года, стала буржуазия. 13 апреля она была обложена контрибуцией в 5 миллионов рублей, затем увеличенной до 12 миллионов²⁸. Кроме того буржуазия обязана была выплачивать чрезвычайный налог (его, на сумму, нажитую спекуляциями, предписано было платить и спекулянтам: эта мера вызвала одобрение населения); вводилась так называемая вещевая повинность. Были вскрыты банковские сейфы, их содержимое изъято. Имущие зачислялись в тыловое ополчение и, зачастую вне зависимости от возраста и состояния здоровья, отправлялись на работы «в помощь фронту». Имущество эмигрантов подлежало конфискации.

Финансовая система пребывала в расстройстве. Ходили дензнаки: российские, украинские, ростовские, Краевого правительства. Была сделана попытка выпуска собственных денег, но успели изготовить только аверсы купюр достоинством в 250 рублей²⁹.

Заводы и фабрики по-прежнему в массе своей пребывали в бездействии. Правда, было пущено несколько предприятий по производству сельхозмашин, кожевенных, консервных и табачных, но сбить уровень безработицы это не могло. Нехватку топлива решили уменьшить путём разработки Бешуйских угольных копей и заготовки дров в окружающих лесах³⁰.

По мере возможностей власти не забывали о вопросах образования и культуры, социальных проблемах, привлекали к работе интеллигенцию. Так, в Феодосии писатель В. В. Вересаев назначен руководителем комиссариата просвещения. Писатель и драматург К. А. Тренёв возглавил школьный отдел народного комиссариата просвещения КССР. Велось занятия в школах, открывались ясли и детские сады. Продолжал работать Таврический

университет. В Симферополе и Ялте открылись народные университеты. Уделялось внимание сохранению историко-культурного наследия. Особое внимание обращалось на охрану картинной галереи И. К. Айвазовского в Феодосии, Феодосийского, Керченского, Херсонесского музеев, книжных собраний имений Южного берега. 4 мая по докладу члена коллегии наркомата просвещения П. И. Новицкого Симферопольский военно-революционный комитет объявил дом А. П. Чехова в Ялте национальным достоянием. Его пожизненной хранильницей стала М. П. Чехова. 22 мая в Симферополе создан Крымский центральный архив. Его первым заведующим назначен историк Б. Д. Греков³¹. Объявлено об открытии приёма в убежище для престарелых. Специальным письмом Е. Р. Багатурьянц предписывалось «беречь личности писателей С. Сергеева-Ценского³² и Ив. Шмелёва», проживавших в Профессорском уголке близ Алушты. Правда, та же Багатурьянц 19 мая на заседании исполкома Симферопольского городского совета заявила по поводу появления в городе поэта М. А. Волошина, прибывшего в Крым из Одессы: «Ну, если Волошин опять станет свои эстетические лекции читать, то ему головы не сносить!»³³, а чуть раньше — 29 апреля отдала распоряжение о демонтаже памятника Екатерине II в Симферополе, что и было исполнено к утру 1 мая (впоследствии памятник восстановили, но к 1 мая 1921 года вновь демонтировали — бронзовые фигуры отправили в переплавку). В день пролетарского праздника «революционные массы» крушили и мраморные медальоны Долгоруковского обелиска в столице Крыма.

Революционное рвение не обходилось без курьёзов. Так, было решено переименовать Лазаревскую улицу в Симферополе, названную в честь Таврического губернатора (1889–1901) П. М. Лазарева, в улицу Ленина (носит такое название по настоящее время). Переименовать-то переименовали, но каково же было изумление инициаторов этого деяния, когда перед их взором предстали на фасадах зданий новые таблички с надписью «улица Лени». То ли указание не было чётким, то ли что-то изготовители напутали. Одна, по крайней мере, такая установленная табличка сохранилась после падения КССР. По докладу председателя Таврической учёной архивной комиссии А. И. Маркевича 4(17) сентября 1919 года было постановлено «означенный интересный предмет» предать в музей ТУАК, «как один из печальных памятников переживаемого нами времени»³⁴.

Примечательна национальная политика КССР. Как отмечалось выше, Ю. П. Гавен буквально заклинал В. И. Ленина извлечь уроки из трагических событий начала 1918 года. И они были извлечены. В ЦК РКП(б) чётко была поставлена задача вовлечения крымских татар в руководящие органы создаваемой республики, что и было сделано. Вместе с М. Субхи, который вошёл в областной комитет РКП(б), на полуостров для работы среди крымскотатарского населения направлено около 45 татарских и турецких коммунистов³⁵. При Крымском областном комитете РКП(б) создаётся мусульманское

бюро (появляются мусульманские секции при местных парторганизациях коммунистов). В городах и уездах развернули деятельность комиссариаты по мусульманским делам. На татарском языке издаются коммунистические газеты: «Еңи Дунья» («Новый Мир»), «Догру җол» («Прямой Путь»), «Кырым Хаберлери» («Крымские Известия»), пропагандистская литература.

Военная обстановка диктует свои требования. Крымская армия, созданная 5 мая из частей 3-й Украинской (бывшей 1-й Заднепровской) стрелковой дивизии и местных формирований, по штату состояла из двух дивизий — 1-й и 2-й Крымских. Однако реально была сформирована лишь одна дивизия. Вся Крымская армия к июню насчитывала 8650 штыков, 1010 сабель, 48 пулемётов и 25 орудий³⁶. 8 июня, в связи с наступлениями Вооружённых сил Юга России и угрозой полуострова быть отрезанным со стороны Донбасса, создаётся Совет обороны республики как высший орган власти в составе наркома по военным и морским делам П. Е. Дыбенко, наркома внутренних дел Ю. П. Гавена и наркома торговли — С. Д. Давыдова (Вульфсона)³⁷. 11 июня Совет обороны объявляет Крым на военном положении³⁸, а на следующий день постановляет «для защиты Крымской республики сформировать мусульманские войсковые части из представителей пролетарского, беднейшего и революционно настроенного к Советской власти татарского населения...»³⁹. Областная конференция мусульман-коммунистов в том же июне призвала трудящихся мусульман встать на защиту советской власти. Была учреждена особая мусульманская военная коллегия. Большевики сумели сформировать две турецко-татарские сотни и мусульманскую роту в 196 человек⁴⁰.

Крымские татары участвуют в деятельности ревкомов. Крымскотатарский язык, наряду с русским, стал официальным. Была фактически легализована Милли-фирка, осуждающая белых и заявившая о признании советской власти. А. С. Айвазов впоследствии уже в сталинских застенках отмечал, что с утверждением коммунистической власти «миллифирковцы сначала спрятались, но очень скоро стали появляться. Их подбадривало присутствие тов. Мустафы Субхи в Крыму. Из лидеров «Мили-Фирки» некоторые как Амет Озенбашлы, Халиль Чапчакчи, как тогда говорили, работали вместе с большевиками. (...) Большевики жили с националистами дружно. Между ними нигде не происходило ни споров, ни столкновений»⁴¹.

Однако, судя по воспоминаниям В. А. Оболенского, значительная часть крымских татар занимала совершенно противоположные позиции: «Ещё со времени первых большевиков, так жестоко расправившихся с татарами, они питали к ним затаённую ненависть, и хоть послушно исполняли их распоряжения, беспрекословно избирали «революционные комитеты» и вообще внешне оказывали большевистской власти почёт и уважение, но в потайных пещерах на всякий случай прятали винтовки и патроны». И далее, хотя несколько утрировано: «Большевики старались внести разложение в патриархальный строй татарской жизни, пытались проводить в рев-

комы так называемую бедноту, то есть по преимуществу наиболее развращённую часть татарской молодёжи, преступников и хулиганов, но это плохо им удавалось. Татарские «середняки» были чрезвычайно сплочены и выдвигали на ответственные посты своих лидеров, которые с присущим восточным людям дипломатическим талантом умели вкрадываться в доверие к подозрительному начальству»⁴².

При областном комитете РКП(б) созданы армянская, немецкая секции, планировалось создание еврейской. Начала выходить коммунистическая газета на немецком языке «Ди Велт Коммуне» («Мировая Коммуна»), предполагалось издание газеты на армянском⁴³.

Хотя легально действовала армянская партия Дашнакцутюн, и один её представитель входил в состав Симферопольского ревкома, Севастопольский горком РКП(б) посчитал необходимым исключить из состава местного ревкома эту партию, «как партию националистическую»⁴⁴.

Часть немецких колонистов была настроена резко антикоммунистически. Братья-землевладельцы Шнейдеры формировали отряды для борьбы с большевиками⁴⁵.

Однако к сотрудничеству с новым режимом была готова немецкая Егерская стрелковая бригада (800 человек), которая просила не расформировывать её, а поручить «охрану Крыма»⁴⁶. В письме от 30 апреля на имя Л. Б. Каменева П. Е. Дыбенко и других колонисты подчёркивали, что их целью было исключительно «поддержание внутреннего порядка», что бригада «пресекла злые умыслы убегающих добровольцев: политические заключённые не были расстреляны, склады снарядов не были взорваны... станционные постройки остались целыми», в отместку за что добровольцы разорили немецкие хозяйства. Если же доверия к ним не будет, писали колонисты, то они просят власти о выселении 40 тысяч человек в Германию⁴⁷. По имеющимся данным широких репрессий в отношении колонистов в период Крымской ССР не было.

Документы правительства, ревкомов, ЧК грозили карами за «призывы и выступления против отдельных наций» вплоть до расстрела.

Численность коммунистической партийной организации на территории Крымской ССР в июне 1919 года была не столь значительной. В Симферополе насчитывалось 240 коммунистов (плюс 70 кандидатов в члены РКП(б) и 120 сочувствующих), а также около 250 красноармейцев-коммунистов в гарнизоне; в Карасубазаре (Белогорске) — 31 член РКП(б) (7 кандидатов и 20 сочувствующих), есть мусульманская секция; в Калымтайской волости (Калымтай — ныне с. Тенистное Бахчисарайского района) — ячейка из 8 человек; в Бахчисарае 28 членов; в Феодосии — 73 (31 кандидат и 32 сочувствующих), в мусульманской секции — 21 член и 12 сочувствующих, издавалась газета «Известия Военно-Революционного Комитета г. Феодосии» (затем «Южная Коммуна»), на станции Сырыголь (Айвазовская) — 21 член (8 кандидатов, 4 сочувствующих); в Евпатории — 94 членов (20 кандидатов

и 34 сочувствующих), газеты — «Голос Евпаторийского Пролетариата» и «Крестьянская Беднота», в уезде 50 «неоформленных» ячеек, 3 мусульманские организации; в Ялте — 110 членов (4 сочувствующих), газета «Известия Ялтинского Военно-Революционного Комитета», в уезде 60 организаций, из них 18 мусульманских; в Алуште — 16 членов (18 сочувствующих), в Гурзуфе есть ячейка; в Джанкое — 30 членов и 3 ячейки в гарнизоне; в Балаклаве — 85 членов (около 200 сочувствующих); в Армянском Базаре (Армянске) — 15 членов (20 сочувствующих); в Севастополе — около 100 членов (от 400 до 500 кандидатов и сочувствующих, есть ячейки в гарнизоне, газеты — «Известия Севастопольского Революционного Комитета» («Известия» исполкома Севастопольского совета), «Рабочий Коммунист»⁴⁸. В мае в Крыму произошло организационное оформление коммунистического союза молодёжи. Организация в Евпатории насчитывала 200 человек, в Симферополе — 100, в Феодосии — 75⁴⁹. 1 июня в Феодосии вышел первый номер комсомольской газеты «Голос Юного Коммунара»⁵⁰.

Военное руководство в лице П. Е. Дыбенко настаивало «на более решительных мерах» в отношении подлинных и мнимых врагов коммунистов, а его штаб, «вступивший в борьбу с более гуманным ревкомом, продолжал вести её и против Совнаркома»⁵¹. Назначенные Дыбенко коменданты городов подчас не согласовывали свои действия с ревкомом. Более того, в Ялте комендант распустил ревком. Военные зачастую проводили самовольные реквизиции, изымая повозки крестьян, на которых те привозили продукты в города⁵². Подобные действия не способствовали прочности КССР.

Что касается отношения правительства республики к политическим оппонентам, то целом оно было относительно сдержанным. Акты массового террора не прослеживаются, хотя он и оставался официальной линией Москвы. Левые эсеры, меньшевики, анархисты, национальные организации избежали репрессий, участвовали в ревкомах, профсоюзах и т. д., пытаясь отстаивать собственную позицию, но ограничения на прессу и пропаганду верными себе большевиками были наложены. Газеты, получившие ярлык «буржуазных», такие, как «Крымский Вестник», закрывались немедленно.

По воспоминаниям В. А. Оболенского против пролития крови «решительно восставала» Е. Р. Багатурьянц, а «доктор Ульянов сохранил свои свойства и на посту председателя Крымского Совнаркома. Пьянствовал ещё больше, чем прежде, властности не проявлял, но, как добродушный человек, всегда заступался перед чрезвычайкой за всех, за кого его просили. Другие члены Совнаркома... были по преимуществу люди интеллигентные. Чтобы управлять Крымом, им пришлось искать себе интеллигентных помощников. И тут свои услуги предложили им некоторые лидеры местных меньшевиков, которые и стали фактически руководителями нескольких ведомств». Далее Оболенский называет Б. Я. Лейбмана (комиссариат юстиции), А. П. Галопа (комиссариат финансов), П. И. Новицкого (комиссариат просвещения), Л. П. Немченко (комиссариат труда), подчёркивая,

что именно они «оказывали смягчающее влияние на всю внутреннюю политику большевиков», причём «вероятно, в значительной степени их влиянию мы обязаны сравнительной мягкости большевистского режима»⁵³. Хотя такое положение дел далеко не всех устраивало. Так, в газете «Таврический Коммунист» от 9 мая содержалось резкое выступление против назначения секретарём Симферопольского ВРК Е. В. Выставкиной⁵⁴.

Крымская власть так и сохраняла свой чрезвычайный характер все 75 дней республики. Она сконцентрировалась в руках СНК и ревкомов: советы практически восстановлены не были. Декретом Временного Рабоче-Крестьянского правительства КССР от 22 мая все чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и уголовными преступлениями упразднились, их функции передавались особому отделу при Военно-революционном совете КССР, функции по борьбе со спекуляцией и уголовными преступлениями возлагались на отдел судебно-уголовного розыска при комиссариате юстиции, а по борьбе с должностными преступлениями — на социалистический контроль республики. Дела, касающиеся «контрреволюционного движения лиц гражданского населения», по производству предварительного дознания, но не позднее 48 часов со дня ареста, передавались следственной комиссии Революционного трибунала⁵⁵. Постановлением СНК КССР от 13 июня до опубликования ВЦИК общих положений о социалистическом контроле утверждается Высшая советская инспекция КССР⁵⁶.

В мае развернулась кампания по выборам в советы (причём — на многопартийной основе), но организовать их не успели. 15 мая на первое своё заседание собрался Симферопольский совет. В его составе был 81 большевик, 38 социал-демократа (меньшевика), 28 левых эсеров⁵⁷. Этим заседанием история совета, по существу, закончилась. Избран и 3 июня начал работу совет в Севастополе⁵⁸ (81 большевик, 23 левых эсера, 16 социал-демократов, 2 анархиста⁵⁹), 5 июня был сформирован его исполком из 13 большевиков, 5 левых эсеров и 2 социал-демократов⁶⁰ избран совет в Балаклаве (27 коммунистов и 30 сочувствующих)⁶¹. Намеченный I съезд советов ввиду падения республики не состоялся.

На фронте дела складывались неблагоприятно. ВСЮР, поддержанные военными судами интервентов, сумели удержать позиции на Ак-Монайском перешейке — ключе к Керченскому полуострову.

13 мая Временное Рабоче-Крестьянское правительство КССР в своей ноте высказало решительный протест против содействия Антанты войскам белых. 5 июня последовала новая нота народам союзных стран, правительствам стран Антанты, президенту США В. Вильсону и «всем, всем!» (кония- международной конференции в Версале) с протестом против продолжающейся иностранной поддержки ВСЮР⁶². Однако успехов эти дипломатические действия не возымели. 7 июня англичане при поддержке судовой артиллерии повели наступление на деревню Дальние Камыши под Феодосией (ныне в черте г. Феодосия), которое, правда, было отбито⁶³.

По воспоминаниям белого артиллериста С. Н. Шидловского⁶⁴: «Акманайская (так у автора. — *Авт.*) позиция (со стороны белых. — *Авт.*), хотя были и проволока, и окопы, не представляла ничего серьёзного. Окопы были не глубоки, землянок и блиндажей не было; проволока была в один ряд, причём такая, что (я сам это видел), когда толкнёшь ногой один из кольев, весь ряд валится. Это была «воображаемая линия», а не позиция. Когда мы заняли Акманайский перешеек, произошла перемена настроения как у нас, так и у них, отчего — мне остаётся непонятным. Большевики не повели сразу же наступление, чем дали нам собраться с силами, у нас же после отдыха появилось больше самоуверенности. ... С каждым днём стояния у них дух падал, у нас поднимался». Боеспособность красных войск он оценивал крайне невысоко: «Когда же мы сопротивлялись и наступали, то не встречали почти никакого сопротивления. Красные совершенно не выносили атаки кавалерий и никогда её не принимали. Стрелять у них не умели ни отдельные стрелки, ни артиллерия, и по тому количеству патронов и снарядов, которое они выпускали, мы несли минимальные потери, они же от нашего огня страдали гораздо больше. Они брали не качеством, а количеством. Это были, скорее, банды, а не войска»⁶⁵.

Правда, много хлопот доставили белым действия партизан — Старокарантинского, Петровского и объединенного Аджимушкайского отрядов, обосновавшихся в каменоломнях в Керчи⁶⁶. Однако связаться с командованием Крымской армии (иначе — Крымской группы войск) партизанскому ВРК не удалось, как не удалась и отчаянная попытка овладеть Керчью 4–5 июня, закончившаяся зверской расправой над партизанами и их семьями. По воспоминаниям С. Н. Шидловского, «начались обыски, аресты и расстрелы, брали всех подозрительных, придерживаясь правила: лучше уничтожить десять невинных, чем выпустить одного виновного; заодно был утоплен издатель меньшевистской газеты «Волна», всё время писавший против добровольцев.

Три дня продолжалась эта история, и одновременно взрывались последние выходы Аджимушкайской каменоломни. За это время в Керчи было уничтожено до 3000 человек, большей частью евреев. Англичане, бывшие в Керчи, целыми днями бегали со страшно довольными лицами по городу, снимая фотографическим аппаратами повешенных и расстрелянных. Можно с уверенностью сказать, что почти не один из сидевших в каменоломнях не удрал»⁶⁷.

18 июня в районе Коктебеля был высажен десант генерал-майора Я. А. Слащева, который заходит в тыл красным частям, ведущим бои на Ак-Монайских позициях. Крейсер «Кагул» обстреливает район Старого Крыма. 19 июня М. А. Волошин на лодке едет на крейсер, уговаривая не открывать огонь по местным жителям, встречается с его командиром П. П. Остелецким⁶⁸, читает свои стихи офицерам в кают-компаниях⁶⁹. В этот же день белые занимают Феодосию. Красные вынуждены оста-

вить свои позиции на Ак-Монайском перешейке. В мае-июне ВСЮР успешно действовали и на Украине, заняв Донбасс, Харьков. Советская Россия никакой помощи оказать КССР не могла. Крымская Красная Армия, оказавшись под угрозой окружения, стала быстро отходить на север. 24 июня был покинут Симферополь, а через шесть суток на территории полуострова не осталось ни одного красного отряда. Учреждения республики эвакуировались в Никополь, а затем в Киев.

Крымская ССР прекратила своё существование.

Подводя итог второму пришествию большевиков, нельзя не сравнить его с первым (1918 год). Тот опыт коммунистического правления отмечен доходящем до идиотизма энтузиазмом, и, параллельно, дикими бесчинствами, лихорадочностью и непониманием очевидного. Кое-кто вознамерился построить коммунизм в отдельных уездах в считанные дни. Сейчас же налицо были бо́льший прагматизм, понимание сиюминутности так называемой республики, умение извлечь уроки из недавнего прошлого, известная терпимость к инакомыслящим и стремление не допускать очевидных глупостей (стихийного террора, игнорирования национальных проблем и т. д.). Конечно, многое объясняется ситуацией: если Республика Тавриды была почти полностью отрезана от Центра, то КССР находилась практически под полным его контролем. Ясно и другое: не будь КССР доведком к фронту, доведком, который нужно было максимально использовать, не создавая себе излишних проблем, и политика была бы иной⁷⁰.

В ходе наступления белые творили жестокие расправы. С. Н. Шидловский без стеснений рассказывает о расстрелах и повешении пленных красноармейцев — евреях и коммунистах⁷¹. По его словам, «в Армянске произошёл здоровенный еврейский погром: ни офицеры, ни солдаты не могли стерпеть, что какие-то евреи, по существу буржуи, вздумали принять коммунистический облик. К этому прибавилось то, что мы повсюду во всех деревнях Крыма наслушались жалоб именно на евреев-коммунистов»⁷².

Лето — начало осени 1919 года стали временем наибольших достижений белых армий и, вместе с тем, апогеем Гражданской войны. Советская Россия, зажата в кольце фронтов, оказалась в тяжелейшем положении. Белые, действовавшие на огромной территории от Прибалтики до Сибири и Тихого океана, от Чёрного моря до Архангельска, попытались прийти к согласованным действиям. 25 июня Главнокомандующий ВСЮР А. И. Деникин заявил о своей подчинённости Верховному Правителю адмиралу А. В. Колчаку. Но, продолжая действовать на свой страх и риск, он отдал 3 июля (20 июня по старому стилю) директиву войскам: наступать на Москву с целью её захвата. Три армии ВСЮР — Добровольческая, Кавказская и Донская — упорно продвигались на север. Крайней точкой наступления добровольцев стал Орёл.

В начале октября ВСЮР занимали территорию 16–18 губерний и областей с пространством 810 тысяч квадратных вёрст и населением 42 миллиона человек⁷³.

Исключительную роль в успехах Вооружённых сил Юга России сыграли страны Антанты, причём Крым стал перевалочной базой военных поставок. С Францией сколько-нибудь устраивающие белое движение отношения долго не налаживались — ни экономические, ни военно-политические. Французская сторона, требуя компенсации (военное имущество в обмен на пшеницу), превращала помощь в торговлю. Однако три обстоятельства объективно подталкивали Францию к более активным действиям в России: угроза большевизма; опасения русско-германского сближения; заинтересованность в уплате долгов российских правительств.

Англичане компенсаций не требовали. Их содействие было всесторонним материальным, финансовым, политическим, отчасти сугубо военным (инструкторы). Деникин называл английское военное снабжение «главным жизненным источником питания» ВСЮР⁷⁴.

Однако неудачи белых, с одной стороны, давление собственных левых и профсоюзов, с другой, наконец, боязнь восстановления «единой и неделимой» России как возможной угрозы британским интересам приводят правительство Д. Ллойд-Джорджа к уменьшению масштабов помощи и поискам перемирия с «непобедимыми» большевиками. 17 ноября (н. ст.) Ллойд-Джордж объявляет о прекращении вооружённой помощи ВСЮР. В конце декабря Антанта, по настоянию Англии, снимает блокаду Советской России.

Помощь Деникину оказывали также США, Италия, Греция и даже бывший противник — Болгария. 20 января 1920 года (старого стиля) в Севастополе высадились два эшелона болгарских войск⁷⁵.

Несмотря на столь солидную поддержку извне, Красная Армия наносит во второй половине октября 1919 года ряд серьёзных поражений ВСЮР. Деникинские войска начинают стремительно откатываться назад. Этому способствовала, кроме побед красных, цепь причин: известный авантюризм самого московского похода при неустойчивом, полуразложившемся тыле, нежелание казачества, особенно молодого, удаляться от родных мест и, самое главное, действия Повстанческой армии Н. И. Махно и всевозможных «зелёных» отрядов и банд.

21 ноября Южный фронт красных получил приказ об общем наступлении. Ноябрь-декабрь — время отступления ВСЮР, численность которых, примерно 50 тысяч человек, равнялась численности войск Южфронта, на всех направлениях. Восток — донцы и кубанцы, главное — добровольцы генерал-майора В. З. Май-Маевского⁷⁶, западнее — войска Киевского главноначальствующего А. М. Драгомирова и Новороссийского — Н. Н. Шиллинга. Против Махно сражался 3-й армейский корпус Я. А. Слащова.

26 декабря Слащов получил приказ Главнокомандующего — прорываться на юг, организовать оборону Северной Таврии и Крыма. 7 января 1920 года он отдает приказ № 262: «Согласно приказа генерала Шиллинга объединил командование и всю власть в Крыму и Таврии. В виду серьёзно-

сти положения предупреждаю, что не остановлюсь ни перед какими мерами, чтобы заставить выполнить мою волю, но зато впредь до отменяющего распоряжения останусь в Крыму. Прошу доверия, требую подчинения и заставляю это сделать»⁷⁷.

Силы 3-го (с февраля — Крымского) корпуса Слащова составляли: около 2200 штыков, 12 тысяч шашек и 32 орудия⁷⁸. Для обороны Северной Таврии это было ничтожно мало. Поэтому, нарушив требования Ставки, Слащов отводит свой корпус за Перекоп.

Если Главнокомандование «смотрело на Крым как на что-то обречённое»⁷⁹, то Слащов принял решение: оборонять полуостров до последней возможности.

Коренное изменение ситуации на фронте подвигло А. И. Деникина на правительственную реформу. Встал вопрос о судьбе Особого совещания. «Было ясно, — вспоминал Деникин, — что дальнейшее существование его становится невозможным психологически. Кроме того, и в техническом отношении общая обстановка требовала... большей концентрации власти, сокращения и упрощения её органов»⁸⁰. На ликвидации ОСО настаивала в своей записке от 16 декабря группа его членов во главе с Н. Н. Астровым и М. М. Фёдоровым⁸¹ и в своем докладе, поданном в тот же день — председатель ОСО генерал-лейтенант А. С. Лукомский.

17 декабря публикуется приказ Главнокомандующего следующего содержания:

«Современная обстановка требует реорганизации гражданского управления.

Предписываю:

1. Особое Совещание упразднить.

(...)

VII. Образовать при мне Правительство...»⁸² (или Совет при Главнокомандующем; председатель — А. С. Лукомский).

Несколько позже, в середине февраля 1920 года, по соглашению с Верховным казачьим кругом, была оформлена так называемая Южнорусская власть, идея которой витала в воздухе с 1918 года. Деникин отстаивал диктатуру. Руководство казачества мечтало о конституционных формах правления. Обе стороны пошли на компромисс. В результате на свет появилось положение, отводившее Главнокомандующему место главы Южнорусской власти при наличии законодательной палаты. Функции исполнительной власти, согласно положению, осуществлял Совет Министров, ответственный (кроме военно-морского министра и министра путей сообщения) перед законодательной властью. Глава получал право роспуска последней⁸³. Председателем Совмина стал председатель совета управляющих отделами донского правительства (Круга) Н. М. Мельников⁸⁴.

Признания Южнорусское правительство не получило. Верховный круг не удовлетворял его состав, где оказались люди из ОСО. Кубанское прави-

тельство вообще отказалось признавать его компетенцию на своей территории. Российские политики, напротив, увидели в нем засилье казачества, левые — «правизну», правые — «левизну». Только кадеты высказали правительству безоговорочную поддержку. «В народе и в армии появление нового правительства не было воспринято никак: немало рядовых обывателей только много времени спустя, в эмиграции, узнали об его существовании». И далее Деникин иронизирует: «Положительной стороной этого правительства... было уже то, что оно не мешало вооружённой борьбе армий юга»⁸⁵.

Войска Крымской армии под командованием П. Е. Дыбенко не смогли оказать в июне достойного сопротивления белым. «...Ликвидация её (власти большевиков. — *Авт.*) в Крыму совершилась почти с волшебной легкостью»⁸⁶.

Полуостров, до начала 1920 года, стал глубоким тылом Вооружённых сил Юга России.

«Каких только «кризисов» Крыму не приходилось переживать с начала войны!.. Тут и кризис мелкой монеты, и сахарный, и хлебный, и топлива, и транспорта... Словом, ощущался и ощущается недостаток и разруха на каждом шагу...

Каких только «явлений» не испытывала местная общественная жизнь за последние годы!.. Тут и стремление Сейдамета преобразовать эту жизнь по образцу «ханства», и попытки reactionеров «вернуть к старому», и разрушительная «работа» большевиков в этой области...

Каким только «испытаниям» не подвергались крымские органы самоуправления с начала революции!.. Тут и разгоны этих учреждений, и попытки вернуть им старые «физиономии» цензовских земств и дум, и преобразование их в бюрократические учреждения...»⁸⁷.

Так подытоживал местный публицист крымскую историю, начиная с 1914 года.

Теперь Крыму предстояло испытать все «прелести» прямой, без посредников, военной диктатуры деникинских властей.

Сразу же были отменены все законы, приказы и распоряжения Советской власти, украинского и Крымского красного правительств⁸⁸. Восстановлена Таврическая губерния. Бердянский, Мелитопольский и Днепровский уезды 25 июня включены в её состав⁸⁹.

Согласно Временному положению о гражданском управлении в местностях, находящихся под Верховным управлением главнокомандующего ВСЮР, утверждённому А. И. Деникиным ещё 6 марта 1919 года, власть на этих территориях подразделялась на губернскую, представляемую главноначальствующим, губернатором и губернским управлением; уездную — во главе с начальником уезда и уездным управлением, и сельскую, сосредоточенную в органах волостного и сельского управления. Главноначальствующий как главный представитель высшей государственной власти назначался из числа военных и в делах гражданского управления подчинялся

начальнику Управления внутренних дел Особого совещания, а в делах военного управления — Главнокомандующему ВСЮР, то есть самому Деникину. Вне компетенции главноначальствующего находились судебные органы и учреждения государственного контроля. Губернатор, отвечавший за соблюдение законодательных распоряжений местными органами управления и самоуправления, подчинялся начальнику Управления внутренних дел. Начальник уезда действовал в качестве помощника губернатора, однако, всех его заместителей назначал и увольнял начальник Управления внутренних дел, но по представлению губернатора. Приказом от 25 августа 1919-го года Деникин ввёл должности тыловых и уездных комендантов губерний прифронтовой полосы военных действий⁹⁰.

23 июля (5 августа) приказом Главнокомандующего генерал-лейтенант Н. Н. Шиллинг был назначен Главначальствующим Таврической губернии. Позже — и Херсонской губернии. Постановлением Особого совещания от 19 сентября 1919 года № 23 из этих двух губерний создавалась Новороссийская область. При этом Бердянский уезд и Криворожский горно-промышленный район Херсонской губернии передавались Екатеринославской губернии⁹¹. Главначальствующим Новороссийской области стал тот же Шиллинг с резиденцией в Одессе.

Таврическим губернатором назначен Н. А. Татищев⁹², по словам В. А. Оболенского, «человек честный и порядочный, но совершенно непригодный для сложной и ответственной роли начальника губернии в такое смутное время. Принадлежа по своим симпатиям, воспитанию и родственным связям к наиболее реакционным кругам старого режима, он, однако, понимал, что с тех пор многое изменилось и старые точки опоры в управлении не годятся. (...) Привыкший к служебной дисциплине, он ждал указаний из центра, а указания эти были часто противоречивы, так как в центре не было устойчивого курса политики. Не уяснив себе требований, предъявлявшихся к нему свыше, губернатор стал всё более и более подпадать под влияние привычного для себя окружения: с одной стороны — местных крупных землевладельцев, а с другой — полицейских органов»⁹³.

Был восстановлен Правительствующий Сенат.

Деникин распустил городские думы и земства, назначив новые выборы. Возрастной ценз повышался до 25 лет, вводился двухлетний ценз оседлости и двухстепенность выборов.

Были образованы: прогрессивно-демократический блок (возник по инициативе Союза инженеров, объединял интеллигенцию), социалистический блок (социал-демократы в союзе с социалистами-революционерами), кадетский список «За Единую Россию», список домовладельцев, «деловая группа». Население отнеслось к выборам почти индифферентно. Так, в Симферополе голосовали 4 тысячи человек — 10% избирателей, в Ялте — 2 891 из 10 000⁹⁴, в Евпатории — 1703 из 12 168, Балаклаве — 384 из 1113⁹⁵ и т. д. Вывод П. Н. Надинского, что «В городских думах большинство получили

правые партии»⁹⁶, грешит односторонностью: наблюдается разброс результатов. В Симферополе победу одержали кадеты, в Ялте и Евпатории — «деловая группа», в Севастополе — социалисты. «Национальные списки, особенно татарский, потерпели поражение»⁹⁷. В Балаклаве, правда, избраны «греки старожилов-домовладельцы политически умеренных взглядов»⁹⁸.

Профсоюзы, учитывая момент, заняли очень осторожную позицию. «Диктатура пролетариата, которая при нынешних условиях обращается в диктатуру над пролетариатом (в другом месте — «огосударствление профсоюзов». — *Авт.*), сдана в архив. Начинается планомерная борьба за политические и экономические идеалы, начинается работа чисто культурная среди рабочих масс»⁹⁹, — резюмировал 5-й съезд профсоюзов Крыма (июль). Стачка была признана съездом «самым могучим», но «крайним средством» экономической борьбы¹⁰⁰.

Однако права рабочих и служащих надо было всё-таки защищать, и профсоюзы это делали. Поэтому они подвергались непрерывным гонениям. Шиллинг издал приказ о приостановлении деятельности профсоюзов в правительственных учреждениях¹⁰¹.

При афишируемом либерализме А. И. Деникин оставался убеждённым сторонником диктатуры. Он объяснял свою позицию: «Стремясь к осуществлению народного представительства, я считал теперь (в конце 1919 года. — *Авт.*), как и ранее, что в дни борьбы и потрясений и при том поразительном расслоении, которое являл собою организм противобольшевистской России, только военная диктатура при некоторых благоприятных условиях могла с надеждой на успех бороться против диктатуры коммунистической партии»¹⁰².

23 сентября Главнокомандующий прибыл в Севастополь. Среди встречавших, помимо военных и гражданских чинов были представители торгово-промышленного комитета, союзов домовладельцев, врачей, учителей, караимов во главе с газзаном Т. С. Леви-Бабовичем, еврейской общины во главе с Я. В. Молдавским, мулла Ю. И. Рахимов, делегация от Таврического университета.

Деникин внимательно выслушал приветствие городской управы, заканчивавшееся словами: «...Население г. Севастополя убеждено, что Учредительное Собрание откроет эру демократической России, в которой не будет места угнетению и насилию.

Эта мысль приобретает тем большую уверенность, что Вами уже было всенародно высказано утверждение, что возврата к старому нет.

Это утверждение, встречающее живой отклик в населении, служит залогом великого дела, совершаемого Добровольческой армией. Приветствуя это утверждение, население Севастополя верит, что великое дело освобождения России от гнёта большевизма возможно лишь при торжестве демократических принципов, гражданских свобод и отсутствия административных репрессий».

В ответной речи Деникин с полной откровенностью развеял эти розовые мечты: «Когда мы боре́мся, когда льётся кровь на всех фронтах, — в этих условиях не может быть речи о том, что вы говорите». Правовая жизнь? «...Сейчас это не выполнимо»¹⁰³.

Таким образом, кредо власти было оглашено. Дальше — его реализация.

А. И. Деникин посетил молебен во Владимирском соборе, почтил память героев-адмиралов, участвовал в процедуре освящения крепостного знамени, лично вынес его из собора и передав знаменосцу крепостного батальона, после чего отправился на Исторический бульвар, осмотрел Панораму, музей Севастопольской обороны, присутствовал на торжественном обеде в его честь в Морском собрании. На следующий день Главнокомандующий прибыл в Симферополь, а уже к вечеру крейсер «Генерал Корнилов» с ним на борту взял курс из Севастополя на Одессу¹⁰⁴.

23 августа (напоминаем: старый стиль) Шиллинг издал распоряжение об обязательном предварительном разрешении на проведение заседаний общественных организаций. В Крыму были введёны паспортный режим и учёт населения. Создаются паспортно-пропускные пункты. 2/3 декабря запрещается свободный въезд в Севастополь¹⁰⁵.

13 августа свет увидело «Обязательное постановление Таврического Главнокомандующего», которым всякая критика («распространение путём печати или в речах, произносимых в публичных местах, каких-либо сведений, имеющих целью вызвать раздражение или неудовольствие населения») ВСЮР, армий Колчака, военных сил союзников, наконец, военных и гражданских властей, запрещалась. Виновные подвергаются шестимесячному заключению или штрафу до 20 тысяч рублей¹⁰⁶. Севастопольским градоначальником предписывалось под угрозой «строгой ответственности» сдать всю «литературу большевистского характера» в трёхдневный срок¹⁰⁷.

Отношение к печати Деникин выразил по-генеральски лапидарно: «Прессе содействующей помогать, несогласную терпеть, разрушающую — уничтожать»¹⁰⁸. Постановлением Главноначальствующего от 11 октября была введена военная, а циркуляром управления внутренних дел 18 октября и опять-таки приказом Шиллинга 13 ноября предварительная цензура временных изданий¹⁰⁹.

Крымские газеты¹¹⁰ заметно увяли. Не успели деникинцы восторжествовать в Крыму, как под бдительное юридическое око попал севастопольский «Прибой». Управление юстиции ОСО направляет письмо прокурору Симферопольского окружного суда (10 июля): «По имеющимся в Управлении Юстиции сведениям в Крыму, несмотря на освобождение его от господства советской власти, продолжает издаваться газета «Прибой», проводящая на своих столбцах явно большевистские тенденции.

Вследствие сего, Начальник Управления считает нужным поручить Вам иметь неуклонное наблюдение за содержанием статей указанного временного издания, возбуждая в подлежащих случаях... против виновных авторов

статей... преследования, так и предлагая суду об аресте преступных номеров газеты и о приостановлении издания газеты до судебного приговора»¹¹¹.

Власти так и ждут случая, чтобы прихлопнуть ненавистное издание. И он не замедлил представиться. В экстренном номере 547 «Прибой» откликнулся на арест В. А. Могилевского (о чём ниже) «в высшей степени тенденциозной» статьёй «Обезглавливание рабочего движения». Вердикт: «Поскольку газета и ранее допускала в высшей степени тенденциозное и одностороннее освещение различного рода событий» и на основании распоряжения Главноначальствующего от 6 августа и временного положения о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением ВСЮР выпуск газеты приостановить¹¹². Под угрозой закрытия находились «Южные Ведомости», получившие несколько предупреждений губернатора¹¹³.

20 июля в Севастополь прибыла судебно-следственная комиссия Морского ведомства. В Симферополе, Севастополе, Евпатории, Ялте и Феодосии создаются контрразведывательные пункты (в Керчи он находился и ранее). Одновременно начинают работу отделения Таврической судебно-следственной комиссии и военно-следственные комиссии, в которых служило двадцать четыре генерала и штаб-офицера, но из них всего девять имели юридическое образование. К середине августа в производстве этих комиссий находилось 1382 дела¹¹⁴.

Уровень контрразведки оставлял желать лучшего: «Штатов нет, а временный состав повсюду мал. Личный состав в большинстве случаев был совершенно несоответствующий, теперь начинает улучшаться, ни и сейчас имеет много совершенно неподготовленных к работе в контрразведке... Кроме того, необходимо вообще постоянное руководство свыше, чего до сих пор из Симферопольского центра не практиковалось... Желательно было бы объединить деятельность контрразведки и уголовного розыска или установить между ними большую связь... Самочинные контрразведки были в Севастополе, в Ялте, в Феодосии, в районе Керчи, в Евпатории и Мелитополе. Борьба с самочинными контрразведчиками должна быть беспощадной, так как ничто так не подрывает авторитет Д. Армии, как незаконные действия этих самочинных органов власти», — констатировала проверявшая в середине августа 1919 года комендантские управления и связанные с ними органы комиссия¹¹⁵.

Правда, «самочинных» контрразведчиков арестовали ещё до приезда комиссии. Органы же контрразведки и уголовного розыска объединили.

Карательные органы осуществляли тщательную сортировку служивших при большевиках. Была заведена особая картотека «лиц, служивших в советских учреждениях», с такими рубриками: «1) фамилия, имя и отчество, 2) в каком советском учреждении служил, 3) источники, из которых извлечены эти сведения... 4) местожительство или место службы этого лица в настоящее время»¹¹⁶. Многим эта картотека стоила не только «запрета на профессию», но лишения свободы и даже жизни.

За службу у красных 22 июня 1919 года в Феодосии арестован отставной генерал-лейтенант Н. А. Маркс. Своим спасением он обязан М. А. Волошину, который сумел вместе с его супругой Е. В. Виганд попасть на поезд, в котором Маркса под охраной увозили в Керчь, продолжал сопровождать арестованного до Екатеринодара, всюду стараясь защитить. Военно-полевой суд 2(15) июля приговорил генерал-лейтенанта к четырём годам каторжных работ, но письменное обращение Волошина лично к А. И. Деникину сыграло свою роль, и Маркс был освобождён «за старостью лет». Разжалованный и лишённый прав состояния он вернулся в свой дом в Отузах (ныне п. Щебетовка Феодосийского горсовета), а затем приказом Н. Н. Шиллинга был выслан из Крыма в станицу Таманскую¹¹⁷.

Мartiролог жертв деникинского режима никогда не будет полным.

Август. Расстрелян за службу у большевиков офицер царской армии И. С. Статковский. Приговорены военно-полевым судом бывшие матросы Я. Карнаухов, Л. Каплин и другие. Расстреляно несколько совработников.

Сентябрь. Расстрелян «за благоприствование властям Советской республики» Н. Соломко.

Октябрь. Казнены И. Омельченко и его жена (служба в советских учреждениях), Ф. Романенко, В. Варшадский, М. Устименко, П. Тупицын, А. Шнуров (сочувствие советской власти), С. Семенюк (агитация против Добровольческой армии)¹¹⁸.

О политзаключённых. На 2 сентября отбывали срок 201 человек, под следствием находились 314; на 1 октября соответственно — 279 и 508. «У нас нет даже приблизительных цифр о числе замученных и засечённых шомполами до смерти, но происходившие ежедневно расправы с рабочими говорят о том, что число это было огромное»¹¹⁹.

Большевики и сочувствующие им были объектом беспредельной ненависти деникинцев. Но репрессии не миновали и как будто легальные организации меньшевиков и эсеров.

Уже в конце июля в тюрьме оказываются П. И. Новицкий, А. Г. Галлоп, Б. Я. Лейбман, 10 сентября — член Крымпрофа И. Б. Либин¹²⁰. «Крымский Вестник» и учительский союз ходатайствуют о Новицком, делегация в составе В. А. Фосса, С. А. Усова, Мешковцевой, священника Медведкова — перед Главноначальствующим о Галлопе и Лейбмане. Безрезультатно. 8 августа арестован мировой судья 4-го участка Севастопольского судебно-мирового округа, бывший председатель Центрофлота эсер С. С. Кнорус, 26 апреля 1919 года включённый в коллегия Совета народного хозяйства Севастополя для управления учреждениями порта и Морского завода¹²¹. «При обыске у Кноруса обнаружена корреспонденция, из коей, по словам Начальника контрразведки, усматривается, что он вёл непосредственные сношения с центральной советской властью»¹²². В ночь на 1 сентября по обвинению ни более, ни менее как в государственной измене арестован городской голова

Севастополя В. А. Могилевский¹²³. На телеграмме городской управы с просьбой об его освобождении генерал-лейтенант Шиллинг наложил резолюцию: «Отказать»¹²⁴. 2 сентября состоялось экстренное заседание Крымпрофа, исполкома Севастопольского совета профсоюзов и делегатов ряда союзов. Оно было несанкционированным, поэтому председательствующего Н. Л. Канторовича приговорили к шестимесячному заключению¹²⁵.

Таким образом, в считанные дни меньшевики лишились почти всех своих вождей. Пострадали и эсеры.

14 августа в Севастополе была задержана «известная всему югу анархистка Маруся Никифорова»¹²⁶. О её похождениях можно было бы написать увлекательнейший роман, но, поскольку они совершались за пределами Крыма — это не наша тема. В ночь на 3(16) сентября по приговору военно-полевого суда Мария Никифорова и её муж Витольд Бжестек были повешены. Мария «всё время держала себя очень спокойно и только при прощании с мужем расплакалась»¹²⁷.

Члены второго Краевого правительства социалист П. С. Бобровский, А. А. Стевен, А. П. Барт, между тем, возвращаются на крымскую землю.

В годы Гражданской войны Крым являлся одним из центров сионистского движения России. В 1918–1920 годах в Симферополе действовал комитет народной фракции Цейры-Цион, периодически проводившей свои собрания и принявшей участие в сионистской конференции в Балаклаве (сентябрь 1919 года).

Наибольшую активность проявляла сионистская организация Альгейм-Цион, комитеты которой имелись в Симферополе, Севастополе, Евпатории, Керчи, Ялте, Феодосии и других местах.

В Крыму существовали: союз пионерских организаций для работы в Палестине (Гехолуц), военно-спортивная организация (Маккаби), сионистская группа — Ахдус. В Таврическом университете действовала студенческая сионистская фракция «Ферейн». В Ялте, Алуште и Евпатории работали санатории под эгидой Общества охраны здоровья еврейского населения. В Феодосии было общество «Унзер Винкль», где 2(15) августа 1919 года читал свои стихотворения М. А. Волошин, которого приветствовали песней на древнееврейском языке¹²⁸.

На съезде сионистов Таврии, состоявшемся 15–16 февраля 1919 года, по причине невозможности сношений с центральными сионистскими организациями было принято решение учредить Временный Мерказ (Совет) Сионистской организации России в Таврии из представителей Феодосии, Севастополя, Евпатории, Мелитополя, Джанкоя, Бахчисарая, Бердянска, Ялты и Керчи. Его исполнительный комитет находился в Симферополе. Городские комитеты решено создавать на пропорциональных началах между фракцией Цейры-Цион и «внефракционными сионистами». При Мерказе создавалось Палестинское эмигрантское бюро.

Если советские власти негативно относились к деятельности сионистов¹²⁹, то А. И. Деникин своим приказом разрешил деятельность еврейских общин на всей территории, занятой его войсками, хотя их отношение к еврейскому населению, мягко говоря, зачастую оставляло желать лучшего, не говоря уже о погромах, устраиваемых военными.

Крым стал единственным регионом, через порты которого шла легальная эмиграция российских евреев в Палестину. С августа 1919 года в Симферополе начал выходить «Бюллетень Палестинского Эмигрантского Бюро», а в 1920-м — «Вестник Еврейской Жизни» — издание Временного Мерказа.

На упомянутой конференции сионистских организаций Юга России в Балаклаве было заявлено о поддержке в целом политики Деникина, направленной на борьбу с большевизмом и воссоздание единой России, решено инициировать создание при Главнокомандующем особого политического бюро сионистских организаций, предлагалось ускорить выезд евреев в Палестину и не допускать там распространения коммунистических идей¹³⁰.

В поле зрения властей попали и столь экзотичные в Крыму китайцы. На их группу из 22 человек, работавших в южнобережном лесничестве с июля 1919 года, в сентябре пало подозрение в бывшей службе в красных войсках. По данному поводу было проведено дознание, которое не выявило ничего предосудительного. Однако Таврический губернатор Н. А. Тагичев постановил: «...Всех китайцев, проживающих в Ялтинском уезде, как неблагонадёжных и опасных иностранцев, выслать за границу»¹³¹.

К крымским татарам отношение было настороженным. В справке «О происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму [1922–1923]», составленной сотрудниками ГПУ много позже, уже в советском Крыму, отмечалось: «Согласно со своим лозунгом «Великая Единая Неделимая Россия», он (А. И. Деникин. — *Авт.*), конечно ничего и слышать не хотел о каких-то национальных стремлениях крымских татар. На управление Крымом был назначен обычный губернатор, нисколько не интересовавшийся татарами. Среди последних царило острое неудовлетворение, на частые мобилизации для пополнения сражающейся на севере армии татарское население отвечало массовым дезертирством, с которым власть была не в силах бороться»¹³².

Ещё 3 июля (н. ст.) 1919 года генерал-лейтенант С. К. Добророльский¹³³, чей армейский корпус очистил полуостров от красных, обратился с воззванием к крымским татарам, призывая их «всем сердцем воссоединиться с ним для воссоздания единой могущественной России»¹³⁴, но что касается национального движения крымских татар, то оно стало объектом притеснений со стороны деникинской диктатуры. Началось с выпуска воззвания к татарам генерал-лейтенанта Н. Н. Шиллинга, в котором говорилось, «что немедленно будет приступлено к выработке, при участии выборных... от татарского населения новых правил по заведованию духовными делами магометан и вакуфами, в основу коих будет положен

принцип автономии в этой области управления»¹³⁵. На новом витке повторялся февраль 1919 года. Следовало ожидать серьёзных последствий. И они не заставили себя долго ждать.

9 августа Главнначальствующий издал приказ о закрытии Директории (которая к тому времени, во всяком случае внешне, была органом не политического, а, скорее, культурно-просветительского характера) и восстановлении Таврического магометанского духовного правления, существовавшего до Февральской революции¹³⁶.

12 августа в 12 часов дня начальник Симферопольской городской государственной стражи вручил С-Дж. Хаттатову, председателю Директории, А. С-А. Озенбашлы и Сеит Мурату Эфенди, директору по религиозным делам, приказ Шиллинга.

Директора выступили с меморандумом: «Мы, нижеподписавшиеся Директора Крымской Национальной Татарской Директории, находясь перед фактом закрытия и прекращения деятельности... Директории, заявляем, что мы не являемся захватчиками для управления национальными делами, а являемся лицами, избранными самим народом для управления этими делами, что мы всё время верно исполняли возложенные на нас народом обязанности и считаем закрытие национальной Директории и прекращение нашей деятельности актом унижительным для татарского народа» (12 августа)¹³⁷.

Последовали многочисленные протесты со всех концов Крыма, на которые власти не обратили ни малейшего внимания. В протестах, что любопытно, вина за происшедшее возлагалась, однако, не столько на власти, сколько на «безответственную и никем на то не уполномоченную группу лиц-интриганов, стоявших в дореволюционное время у власти и стремящуюся вернуться к ней, чтобы удовлетворить свои ненасытные аппетиты и личные интересы...»¹³⁸. Газета «Миллет» писала об этих «лицах»: они подрывали работу Мусисполкома в 1917 году, явились инициаторами ареста Ч. Челебиева в июне того же года; газета прозрачно намекала и на их причастность к его убийству. Далее: устраивали «пышные банкеты» Сулькевичу с целью убедить его разогнать Директорию¹³⁹.

Теперь традиционалисты добились своего. Вновь созданное Духовное правление возглавили Селямет Мурза Кипчакский, он же получил статус исполняющего дела Таврического муфтия (назначен на должность муфтия в 1916 году, смещён с неё на первом мусульманском съезде в марте 1917 года). Временную особую комиссию о вакуфах — Муса Мурза Таганский. Эта комиссия должна была распоряжаться всеми капиталами и имуществом распущенной Директории. Но духовные кадры в крымских уездах «почти единогласно отказались помогать С. М. Кипчакскому и от должности отказались»¹⁴⁰.

Была решена участь «Миллет». 5 августа Шиллинг пишет Таврическому губернатору Н. А. Татищеву: «Татарскую газету «Миллет» приказываю закрыть навсегда, типографию её реквизируют»¹⁴¹.

Потом, подумав, генерал-лейтенант вычеркнул слово «навсегда», избрета более изощрённый приём. Используя хитрость Вакуфной комиссии, он распорядился возобновить выпуск газеты, которая теперь полностью изменила свою физиономию, став органом традиционалистов. Место издателя занял О. М. Мурасов¹⁴². Позднее, при Врангеле, когда Мурасов с единомышленниками изменили название газеты на «Крым Мусульманлары Садасы» («Голос Крымских Мусульман»), начальник отдела печати Г. В. Немирович-Данченко¹⁴³ дал ему такую сочную характеристику: «Мурасов получил 550 тысяч рублей и 17 пудов бумаги на издание «Голоса», но «целыми неделями делал перерывы в издании газеты, проживая в г. Севастополе, где он вел нетрезвый образ жизни, что установлено мною, когда Мурасов в пьяном виде являлся ко мне на приём» (31 августа 1920 года)¹⁴⁴.

Однако это было еще далеко не всё.

23 августа здание Директории оцепили войска, начались обыски, а затем и аресты. В первых числах октября в Мелитополе арестован с формулировкой: выдавал «ложные свидетельства народным учителям, на основании которых эти лица освобождались от воинской повинности», А. С-А. Озенбашлы¹⁴⁵. Ещё ранее — взяты под стражу С-Дж. Хаттагов, Х. С. Чапчакчи, А. Хильми, Мустафа Бадраклы, Сейдамет Кезлевли и другие.

Что же им инкриминировалось? Многое. В производстве Таврического губернского уголовно-розыскного управления возникло дознание по обвинению некоторых членов Курултая-Директории в принадлежности к коммунистической партии. На сей раз прокуратура Симферопольского окружного суда взялась за дело со всей серьёзностью. Пошли непрерывные допросы свидетелей (все — крымские татары) и обвиняемых, изучение газет и других материалов. Вёл дознание следователь подпоручик А. Бибер.

Из показателей свидетелей.

Сейт Халиль Атаров: Хаттагов вёл агитацию в пользу образования в Крыму ханства и соединения с турками, получив от правительства на эти цели 1,5 миллиона. Затем предлагал соединиться с большевиками, называя советскую власть «самой крепкой». Сотрудничал с большевиками в 1918 году (?). Вёл агитацию в пользу большевиков и против Добровольческой армии.

Пенкольский: Хаттагов и другие агитировали в пользу большевиков, по их указаниям последние производили обыски и аресты. Боданинский и Бадраклы сняли (в 1917 году. — *Авт.*) в Бахчисарае орёл с памятника в честь 300-летия Дома Романовых, объясняя, что «в восточной стороне не должно быть памяти о Европейском могуществе», уничтожили три каштановых дерева, посаженных в 1886 году Александром III, Марией Фёдоровной и наследником Николаем.

Апаз Ширинский: Айвазов и Хильми выступали за создание Крымского ханства, поддерживая тесную связь с турками и получая от них деньги. Офицеры турецкого генштаба были прикомандированы к Директории. В коммунистической газете «Еңьи Дунья» в период КССР Озенбашлы и

Хаттатов поместили заявление следующего содержания: «Мы вошли в сношение и связь с советскими войсками», стремясь к «борьбе с тёмной силой добровольческой армией».

Ибриш Садовников: Бадраклы, Айвазов убеждали татар не давать солдат Добрармии.

Сулейман Мирза Крымтаев, член кадетской партии, депутат меджлиса: Обвиняемые были в контакте с Турцией, получая оттуда деньги, и Украиной. В Киев ездили к Петлюре Озенбашлы и Везиров. В Советскую Россию — Чапчакчи и Боданинский. Стремилась к отделению Крыма от России. Утверждали, что Добрармия — враг татар.

Амет Бекиров: Главными участниками переговоров с украинцами об отделении Крыма от России были Хаттатов, Озенбашлы, К. Усеинов, А. Челебиев и Дж. Сейдамет. В газете «Миллет» Кермин Чакли «писал чисто большевистские статьи: «долгой войну, довольно крови, долгой империализм...» В начале 1919 года члены Директории заявляли, что «власть советская непобедимая, твердая, самая лучшая».

Обвиняемые не признали себя в принадлежности РКП(б). Только Кезлевли заявил, «что в 1918 году он был товарищем Председателя Следственной Комиссии в Совете Р. и К. Депутатов. В 1919 году он был товарищем Председателя Военно-Революционного Совета, в круг обязанностей которого входило наблюдение за правильностью реквизиций всякого рода продуктов и вещей для войск Красной армии; затем был назначен товарищем Председателя Следственной Комиссии, переименованной впоследствии в Чрезвычайную Комиссию»¹⁴⁶.

Отделить зёрна от плевел, распутать этот клубок, где слились султанская Турция и Украина, Германия и Советская Россия, младотурки и большевики (все против белых) чрезвычайно сложно. Все документы, проливающие свет на то, чем завершилось следствие, нам не известны¹⁴⁷. Вывод, однако, напрашивается: противоречия между крымскотатарским и белым движением приобретают к концу 1919 года антагонистический характер. Усиление крена первого в сторону большевизма стало неизбежным¹⁴⁸.

Деятельность контрразведки и властей не могла не вызвать осуждения либеральных слоёв. Свидетельства тому — мемуары В. А. Оболенского, пытавшегося оказывать посильную помощь преследуемым и гонимым. По его словам, в Крыму сложилась не столько военная диктатура, сколько военная анархия, когда пьяные полковники «не признавали никаких властей — ни консерваторов, ни либеральных», действуя по своему усмотрению¹⁴⁹. «На местах мы видели у власти, — продолжает он, — в лучшем случае чиновников-карьеристов, а в худшем — злобных реставраторов, мстительных и жестоких, сводящих счёты со всеми политическими противниками, и ещё больше — просто людей, развращённых безвременьем, спекулянтов и мошенников, стремящихся использовать свою власть, чтобы поживиться за счёт казны и населения...»¹⁵⁰. Однако, по мнению Оболенского, при всех

творящихся гнусностях нельзя ставить знак равенства между красным и белым террором. «Контрразведка всегда старалась скрыть свои преступления, она делала их тайно. Если местные власти закрывали глаза на то, что делалось в контрразведке, а иногда и поощряли её беззакония, то считали своим долгом хотя бы делать вид, что принимают меры для смягчения насилий и произвола, или просто отрицали самый факт.

Если центральная власть была бессильна в борьбе с тысячами палачей, садистов и вымогателей, то никогда она их не оправдывала.

Чрезвычайки же открыто и с полным одобрением местных властей и центральных делали своё кровавое дело.

В Добровольческой армии шло на наших глазах падение моральных устоев, но всё-таки критерием поступков оставалась общечеловеческая мораль. Отступали от неё и руководители и исполнители, но все же не отрицали её и, нарушая, сознавали, что поступают дурно.

Большевики заменили общечеловеческую мораль классовой. И эта классовая мораль позволяла им творить их кровавое дело с гордо поднятыми головами. (...)

Нельзя, однако, не сознавать, что летом 1919 года, когда в Крыму белый террор сменил собою красный (достаточно мягкий в период КССР. — *Авт.*), первый оказался более жестоким и разнuzданным.

Это была просто случайность, но случайность, давшая благоприятную почву для большевистской агитации в Крыму»¹⁵¹.

Недовольных происходящим было немало, но активное сопротивление белым оказывали в основном коммунисты. Крымский областной комитет РКП(б) вынужден был, в связи с положением на фронте, перебраться в Одессу, где сформировалось его бюро, которое, в свою очередь, эвакуировалось сначала в Киев, затем в Москву. Подполье в Крыму переживало кризис: связи разорваны, центр отрезан, денег явно не хватает¹⁵², ибо оставленные советские знаки отменены денкинцами, организация слаба и засорена случайными людьми и агентами¹⁵³. Члены партийного центра — С. Я. Бабахан¹⁵⁴, А. Ольнер, Хайкевич, И. Шульман — были не готовы к подобной работе.

На совещании представителей Севастопольской и Евпаторийской коммунистических организаций в Севастополе в декабре 1919 года создан подпольный обком партии в составе С. Я. Бабахана (секретарь), С. Я. Прошмушкина (Спера)¹⁵⁵, Б. А. Горелика (Моисей), а также двух кандидатов А. Н. Бунакова (Рытвинского)¹⁵⁶ и А. И. Фёдоровой. На переломе 1919–1920 годов образован подпольный Крымревком и ревкомы в ряде городов. Их целью стала подготовка вооружённого восстания. В ревком, помимо большевиков, вошли два представителя Южной группы анархистов-коммунистов, левый эсер¹⁵⁷, социал-демократ-интернационалист (Л. П. Немченко): интернационалисты порвали с меньшевиками. Недовольство господством белых ширилось.

Одна за одной, с помощью с огромным риском прорывавшихся из центра работников, возникают местные парторганизации. Первыми — Севастопольская (В. В. Макаров¹⁵⁸, И. А. Севастьянов, А. Н. Бунаков (Рытвинский) и другие), Симферопольская (руководители: С. Я. Просмушкин, Б. А. Горелик), Феодосийская (во главе с авторитетным И. А. Назукиным), позже Ялтинская (под руководством П. М. Ословского¹⁵⁹) и т. д.

Диверсионные акции (например, попытка потопления крейсера «Генерал Корнилов» 22 декабря), индивидуальный террор, освобождение арестованных, повстанческое движение, подпольная печать — всё это в сильной степени подрывало тыл белых и побуждало искать самые действенные формы борьбы с подпольем — от провокаторства и жестоких казней до императивных аналитических «разработок». Вот одна из них, доказывающая, что карательные органы ВСЮР имели адекватное представление о том, с каким серьёзным противником они столкнулись.

«Работа большевиков... ушла в подполье и руководящую роль в ней играют комитеты из небольшого количества вполне надёжных партийных лиц. Во избежание провала, работа комитетов ведётся при весьма конспиративной обстановке: заседания проходят тайно, распоряжения отдаются устно, все письменные доказательства работы, а также запасы оружия и взрывчатых веществ хранятся вне квартир, зарываются в землю или прячутся по разным потайным местам». Поэтому удар следует наносить именно по комитетам, а не вылавливать рядовой «безличный элемент». Но доказательства обыкновенно — «ничтожны и малочисленны», следовательно, арестованных приходится отпускать. Желательно иметь право задерживать их на срок хотя бы до трёх месяцев (не имея доказательств. — *Авт.*), чтобы за это время обезвредить организации и сорвать партийную работу¹⁶⁰.

В январе-марте 1920 года контрразведка смогла добиться успеха. Почти все упомянутые выше лидеры большевиков были выявлены и расстреляны. Но подполье отнюдь не было уничтожено. Оно постоянно возрождалось.

Так Гражданская война, принимавшая всевозможные обличья, делала из человека всё более совершенную машину для истребления соотечественников.

Правда, среди приказов Главнокомандующего мы изредка обнаруживаем нечто, напоминающее гуманность. 14 декабря было объявлено «прошение с восстановлением во всех правах, не исключая и права на чин и звание, заслуженные в старой русской армии, тем лицам, служившим в красной армии и советских учреждениях, а также способствовавшим и благоприцеливавшим деятельности советской власти и её войскам», которые отбывают наказание, но не подлежат смертной казни и каторжным работам. Впрочем, приговорённые к каторге могут в качестве рядовых «загладить свою вину перед родиной»¹⁶¹. Но в чём смысл этого выбивающегося из общей колеи приказа? Разумеется, в том, чтобы после поражений подкрепить ВСЮР.

Экономика продолжала дрейфовать в сторону всё большей случайности и хаотичности принимаемых мер и, в то же время, полного пренебрежения интересами трудовых слоев. 12 августа вводится свобода торговли¹⁶². Цены сразу взлетают вверх. Первое влечёт за собой второе — отмену хлебной монополии¹⁶³. Разворачивается денационализация, в том числе имений. Цены взлетают ещё выше.

Бессмысленно озлобляя крестьян, власти повышают арендную плату до трети урожая, вывозя при этом хлеб за границу десятками тысяч пудов: разрушается сельское хозяйство. 22 июня Деникин утверждает правила о возврате землевладельцам или арендодателям половины сбора трав на лугах и сенокосных угодьях, скошенного как отдельными лицами, так и обществами. В случае отсутствия землевладельца или арендодателя эта доля предназначалась военным властям¹⁶⁴.

Стремясь пополнить бюджет, Главноначальствующий 19 августа вводит волную продажу вина («не выше 16-гр.»¹⁶⁵), потом, с 15 ноября — водки. Но какой пассаж... её просто нет в Крыму.

Могли ли такие меры обеспечить хотя бы относительную стабильность экономики — одно из слагаемых победы?

Администрация подумывает о восстановлении крымских денег. Затем Главноначальствующий обнаруживает, что «за последнее время на территории Крыма явочным порядком возникло большое количество меняльных лавок и контор разных наименований, занимающихся главным образом покупкой и продажей русской и иностранной валюты и своими действиями способствующих искусственному снижению курса рубля». Следует суровый приказ от 5 марта 1920 года: все лавки закрыть, сделки в иностранной валюте прекратить, виновных в нарушении — предавать военнополовому суду¹⁶⁶. Запрещалось обращение советских денег. Они изымались банками под «бесплатные» квитанции, расчёт по которым должен быть произведён по окончании Гражданской войны¹⁶⁷.

На фоне объявленной свободы торговли иные меры Деникина весьма напоминают военный коммунизм или грядущую «командную экономику». Например, 22 июня Главнокомандующий предписывает: «В целях своевременного успешного засева полей, впредь до разрешения земельного вопроса, вменяется в обязанность владельцам, а также и обществам, в действительном пользовании коих земля в настоящее время находится, немедленно озаботиться подготовкой полей к осеннему засеву»¹⁶⁸. Не правда ли — чрезвычайно похоже на указания ЦК и обкомов компартии райкомам и председателям колхозов?

Или ещё. 27 июля Главноуполномоченный торговли и промышленности при ВСЮР Л. Ященко сетует: «К сожалению, многие торговцы понимают свободу торговли как свободу спекуляции». И разъясняет: «Разница между предпринимательским торговым барышом и спекулятивным взвинчиванием цен каждому торговцу хорошо известна (но где же кончается одно

и начинается другое? — *Авт.*), посему предупреждаю, что в случае обнаружения спекулятивной торговли, мною немедленно будет сообщаться военным властям для предания виновных военно-полевому суду»¹⁶⁹.

Неудивительно, что уровень жизни неминуемо катился вниз. Жить стало хуже, свидетельствуют современники, чем при большевиках. Зарплата учителя, к примеру, составила в октябре 450 рублей в месяц, рабочего табачника — 1200, провизора — 1250, печатника — 2000. Цены же к октябрю 1919 года в Симферополе составляли: хлеб белый — 5 рублей фунт, мясо — 29 рублей, масло — 150, масло подсолнечное — 45, молоко — 18–20 рублей за кварту, сахар — 65 рублей за фунт, спички — 4 рубля коробка, куры — 50 рублей за фунт, ботинки дамские (пара) — 3250 рублей, сукно 1500 рублей аршин, сапоги (пара) — 5500 рублей (примерно зарплата учителя за год).

Чтобы хоть как-то уменьшить озлобление население растущей дороговизной разрешается продажа продуктов из армейских лавок. Цены здесь были и ниже рыночных, однако сказывался недостаток запасов¹⁷⁰.

Закономерно растет смертность, распространяются эпидемии: в 1919 году холера, инфлюэнца, тиф, в 1920 — то же самое плюс случаи чумы.

В уездных земствах царил разруха. «Больницы были без белья и лекарств, — констатировал В. А. Оболенский, — земские врачи, не получая подолгу жалования, вынуждены были заниматься платной практикой, и земская медицина в деревнях постепенно заменялась частной. Школы плохо отапливались, плохо снабжались пособиями, учителя занимались плохо, отдавая время посторонним заработкам, и число учеников стало из месяца в месяц сокращаться. Параллельно с земскими стали возникать частные школы. (...) Так постепенно, шаг за шагом, на моих глазах разрушалась налаженная в течение десятилетий земская жизнь...

Конечно, и правительственные учреждения страдали от хронического безденежья, хотя и в меньшей степени, чем земские»¹⁷¹.

Все попытки рабочих, крестьян, служащих хоть как-то улучшить свое положение караются беспощадно. В деревнях появляется наводящий страх и ужас своими наездами отряд П. Н. Шнейдера, достигший численности до 60 человек, которого не так давно открыто требовали отдать под суд¹⁷². В Ак-Мечетской (Ак-Мечеть — ныне п. Черноморское) волости крестьяне, не желающие отдавать неподъемную для них арендную плату, оказывают карательному отряду сопротивление. Два солдата были убиты. Последовала неизбежная расправа.

Жесточайший авторитарный режим, действовавший подобными методами, был, по нашему мнению, обречён — отсутствовала какая-либо полноценная идейная, политическая и экономическая программа, помимо абстрактной «великой, единой и неделимой». Он не имел массовой опоры и существовал исключительно приказами, насилием, арестами и казнями. Он «весомо, грубо, зримо» разлагался.

И никакая английская помощь спасти его не могла.

Добровольческий «строй» потерпел вполне заслуженное поражение.

17 марта 1920 года Деникин переносит Ставку в Крым. Остаются считанные дни до его ухода с политической сцены. За границей Антон Иванович напишет мемуары, где с редкой правдивостью подтверждается практически всё, подытоженное нами.

Его преемник — П. Н. Врангель сделает выводы из катастрофы «деникинщины». И у него будет программа.

¹ **Багатурьянц Евгения Романовна (Лаура)** (1889–1960). Родилась в семье армянского просветителя, автора пособия по армянскому языку, инспектора Симферопольской татарской учительской школы. Обучалась в женской гимназии В. А. Станишевской в Симферополе, посещая марксистский кружок. Вместе с сёстрами Варварой и Елизаветой впоследствии преподавала здесь математику. Елизавета стала завучем гимназии, а после смерти Станишевской директором. Е. Р. Багатурьянц училась в женском политехническом институте в Санкт-Петербурге, участвовала в революционном движении. Член РСДРП с 1909 года, большевичка. С 26 октября (8 ноября) 1917 года работала одним из секретарей Военно-революционного комитета под непосредственным руководством Я. М. Свердлова. В 1918 году направлена на работу в Крым, куда прибыла за несколько дней до занятия полуострова германскими войсками. Член подпольного областного комитета КП(б)У. Псевдоним Лаура взяла в честь авиньонской красавицы, воспетой Ф. Петраркой, и любимой дочери К. Маркса. Сблизилась с П. И. Новицким. После падения СССР вместе с ним скрывалась в Севастополе. Была арестована и 13 сентября 1919 года привлечена к военнополовому суду, который состоялся в Симферополе под председательством брата В. А. Станишевской. На стороне Багатурьянц активно выступила творческая интеллигенция. П. И. Новицкий привлёк защите князя В. А. Оболенского, председателя Таврической земской управы. В результате она была освобождена и вовремя скрылась, поскольку генерал-лейтенант Н. Н. Шиллинг не утвердил приговор и приказал доставить Багатурьянц в Одессу. Впоследствии заместитель директора Большого театра. Скончалась в Москве (*Старков А. Л.* Сильная душа. Очерки. — М., 1961 (Библиотека «Огонёк» № 40). — С. 3–11; Хроника революционных событий в Крыму 1917–1920 гг. / Сост. И. П. Кондранов, В. А. Широков. — Симферополь, 1969. — С. 143; *Широков В. А., Доля А. И.* Симферополь. Улицы и дома рассказывают... — 2-е изд. — Симферополь, 2007. — С. 150; *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — СПб.-Симферополь, 2007. — С. 541).

² *Оболенский В. А.* Крым при Деникине // Крымский архив (Симферополь). — 2001. — № 7. — С. 164.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. Р-1243. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 32.

⁴ *Гарчев П. І., Овод В. В.* Про створення Кримської Радянської Республіки // Український історичний журнал (Київ). — 1992. — № 4. — С. 22–31.

⁵ *Брошев В. 75 дней Крымской республики // Крымская правда (Симферополь). — 1990. — 24 августа.*

⁶ *Красный Крым (Симферополь). — 1924. — 23 апреля. Цит. в статье В. М. Брошевана.*

⁷ Цит. по: *Гарчев П. И., Овод В. В.* Указ. соч. — С. 24.

⁸ Цит. по: *Брошев В.* Указ. соч.; *Гарчев П. И., Овод В. В.* Указ. соч. — С. 24.

⁹ **Субхи (Subhi) Мустафа** (1882–1921). Родился в Гиресуне (Турция) в семье крупного чиновника. Окончил в 1906 году юридическую школу в Константинополе, затем факультет социальных наук Сорбонны (Париж). В 1910 году вступил в Османскую социалистическую партию. В 1913 году был заключён в Синопскую крепость, откуда бежал в Россию. Как турецкий подданный был в 1914 году интернирован и сослан на Урал. Работая на уральских заводах чернорабочим, вступил в 1915 году в РСДРП(б) и проводил революционную работу среди турецких военнопленных. В 1918 году в Москве основал газету «Еңги Дуңья» («Новый Мир»), издававшуюся при народном комиссариате по делам национальностей, которая пропагандировала коммунистические идеи среди трудящихся-мусульман России и Востока. В период СССР переведена в Симферополь. Впоследствии под редакцией Субхи продолжала издаваться до 1920 года в Ташкенте, затем в Баку. Участник I конгресса Коминтерна (1919) и I-го съезда народов Востока (1920). В 1920 году — председатель Совета интернациональной пропаганды на Востоке (Ташкент), член краевого комитета КП(б) Туркменистана. Один из организаторов I съезда Коммунистической партии Турции (сентябрь 1920, Баку), на котором был избран её председателем. После возвращения на родину Субхи и 14 других членов ЦК КПТ и активистов партии были схвачены в Трабзоне (Трапезунде) турецкими жандармами, вывезены в море и утоплены. По инициативе и при участии Субхи на турецкий язык были переведены некоторые работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Его фамилией названа улица в Симферополе (*Нурiev И. Мустафа Субхи // Памяти павших за Советский Крым. 1918–1920. Сборник статей и воспоминаний. — [Симферополь]. 1940. — С. 49–56; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. / Гл. ред. С. С. Хромов; Ред. кол.: Н. Н. Азовцев, Е. Г. Гимпельсон, П. А. Голуб и др. — М., 1987. — С. 577).*

¹⁰ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 164.

¹¹ *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. — 2-е изд., доп. — М., 1984. — С. 268.

¹² [*Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.*] Состав правительств Крыма периода гражданской войны // *Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь). — 1995. — № 11. — С. 14.*

¹³ **Вульфсон (Давыдов) Семён Давыдович (?)**. Член РСДРП с 1902 года. Активный участник революции 1905–1907 годов. В 1907 году арестован. Бежал с тюремного этапа, эмигрировал в Швейцарию. Участник совещания заграничных большевистских организаций в Женеве. В 1908 году член Бакинского комитета РСДРП, в том же году арестован и сослан в Архангельск. Член Крымревкома (1920), 2 января 1921 года кооптирован в состав Крымского областного комитета РКП(б). Впоследствии — председатель Московского союза потребительских обществ, сотрудник Внешторга. Торгпред в Австрии и в Италии (*Баранченко В. Е. Гавен. — М., 1967. — С. 148–149).*

¹⁴ **Полонский Иосиф Матвеевич (Стёпа) (?)**. Рабочий, участник Мозырского и Черкасского восстаний в 1905 году. Член РСДРП с 1907 года. В 1909 году

арестован и сослан в Енисейскую губернию. В 1911 году бежал из ссылки и эмигрировал. Состоял в Парижской секции РСДРП(б). В 1917 году вернулся в Россию. Один из руководителей подпольного комитета РКП(б) в Крыму (1918–1919). В период КССР — член областного комитета РКП(б). С начала 1920-х годов на руководящей работе в Наркомтруде РСФСР и на профсоюзной работе в Сибири и в Москве. Сотрудник торгпредства в Париже. Персональный пенсионер союзного значения (*Баранченко В. Е. Указ. соч. — С. 154*).

¹⁵ **Коллонтай (Домонтович) Александра Михайловна** (1872–1952). Родилась в Санкт-Петербурге в семье генерала. В социал-демократическом движении с конца 1890-х годов. В 1905 году являлась инициатором создания «Общества взаимопомощи работникам». Член РСДРП (1906). Приезжала в Крым, посещала в Ялте свою сводную сестру певицу Е. К. Мравину (Мравинскую), с 1903-го до своей смерти в 1914 году, проживавшую в гостинице «Россия». В 1908 году эмигрировала. Примикала к ликвидаторам, читала лекции в школе в Болонье (Италия), организованной группой «Вперёд». Принимала участие в социал-демократическом движении Германии, Великобритании, Дании, Франции, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, США. Делегат РСДРП на международных социалистических конгрессах в Штутгарте (1907), Копенгагене (1910), Базеле (1912). В период Первой мировой войны становится на большевистские позиции; ведёт антивоенную пропаганду в европейских странах и США. Поддерживала тесную связь с В. И. Лениным, выполняла его поручения. После Февральской революции вернулась в Россию. Супруга П. Е. Дыбенко. Член Исполкома Петроградского совета. Делегат 7-й (Апрельской) конференции РСДРП(б) от большевистской военной организации и I съезда советов, на котором избрана членом ЦИК от большевиков. Вела агитационную работу среди солдат и матросов. При возвращении из Стокгольма, куда ездила на совещание Циммервальдского объединения, в июле 1917 года арестована Временным правительством. На VI съезде РСДРП(б) избрана (заочно) одним из почетных председателей съезда; членом ЦК партии. Участвовала в подготовке и проведении переворота в Петрограде. Делегат и член президиума II съезда советов; избрана членом ВЦИК; вошла в состав первого Совета народных комиссаров (СНК) в качестве наркома государственного призрения (социального обеспечения). В 1918 году, стоя на позициях «левых коммунистов», вышла из СНК, затем признала свои ошибки. С ноября 1918 года состояла в Комиссии по пропаганде и агитации среди работниц при ЦК РКП(б). Нарком пропаганды УССР. В 1920 году заведующая женотделом ЦК РКП(б). Делегат VII, VIII, X съездов РКП(б). Во время дискуссии о профсоюзах — участница группы «рабочей оппозиции». В 1921–1922 годах секретарь Международного женского секретариата при Коминтерне. Первая в мире женщина-посол: с 1923 года советский полпред и торгпред в Норвегии, в 1926-м — в Мексике, в 1927–1930 годах полпред в Норвегии, в 1930–1945 годах посланник, затем посол в Швеции. С 1945 года советник Министерства иностранных дел СССР. Автор книг и статей, главным образом, по вопросам женского революционного движения. Награждена орденом В. И. Ленина, 2-мя другими орденами, мексиканским орденом «Агила ацтека», норвежским орденом Святого Олафа. Скончалась в Москве (*Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. — М., 1972; Иткина А. М. Революционер, трибун, дипломат. Страницы жизни А. М. Коллонтай. — 2-е изд. — М., 1970; Гурьянова Н. М., Гурьянов Н. А. Памятники Ялты: Справочник. — Симферополь, 1982. — С. 68; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. — С. 268–269*).

¹⁶ Известия ЦК КПСС (Москва). — 1989. — № 12. — С. 164; *Брошев В.* Указ. соч.

¹⁷ *Гарчев П. И., Овод В. В.* Указ. соч. — С. 29.

¹⁸ В уже упомянутом письме сестре М. И. Ульяновой Д. И. Ульянов делился планами: «У меня самочувствие великолепное, работа бодрит. При вашей поддержке (Москвы. — *Авт.*) будем налаживать курортную работу, после нескольких лет разгрома и хищений находящуюся в жалком состоянии. И устроим настоящую пролетарскую здравницу для всей Советской России, используя все лечебные ресурсы Крыма». В постскрипуме он приглашает в Крым В. И. Ленина: «Передай Володе, что в Евпатории в лучшей санатории у самого берега моря я приготовлю ему помещение, чтобы он хоть 2–3 недели мог отдохнуть, покупаться и окрестить. Там есть у нас все приборы для электро-гидро-механо- и гелиотерапии, и можно полечить ему руку. Тем более что он никогда не видел нашего Чёрного моря. Надеюсь, что к тому времени море будет вполне наше без английских жандармов. Вероятно также Надежде Константиновне (Крупской. — *Авт.*), Ане и тебе следовало бы подумать хотя бы о небольшом отдыхе, чтобы потом приняться за работу со свежими силами (*Ульянов Д. И.* Указ. соч. — С. 268–269). В Крым В. И. Ленин приехать так и не смог.

¹⁹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. М. М. Максименко. — Симферополь, 1961. — Т. II. (Май 1918 г. — ноябрь 1920 г.). — С. 144–148.

²⁰ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1957. — Ч. II (Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.)). — Симферополь, 1957. — С. 180.

²¹ **Шейковский Александр Иванович** (1880–?). Родился в дворянской семье. С окончанием гимназии в 1896 году поступил в Морской кадетский корпус, окончив его в 1902 году, получив назначение младшим штурманом на крейсер 2-го ранга «Новик». Участник русско-японской войны. За отличие «в делах против неприятеля» произведён в лейтенанты (1904), отмечен четырьмя боевыми орденами. Автор учебника по практической навигации. В июне 1917 года произведён в капитаны 1-го ранга и назначен командиром крейсера «Аскольд», входящего в состав флотилии Северного Ледовитого океана. За попытку укомплектовать команду крейсера гардемаринами по требованию матросов в апреле 1918 года привлечён в Мурманске к суду, но был оправдан. Отозван в распоряжение народного комиссариата по морским делам, где выполнял поручение по формированию вооружённых речных и озёрных флотилий. 26 июня 1919 года войсками А. И. Деникина был занят Севастополь, Красный Черноморский флот прекратил своё существование. 26 августа 1919 года А. И. Шейковский изменил власти советов. Дальнейшая судьба его неизвестна (*Маккарев М. В., Рыжонков Г. Н.* Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004. В двух томах. — М., 2004. — Т. 2. 1917–2004. — С. 63–67).

²² За попытку перейти на сторону белых 24 июня 1919 года разоблачён и расстрелян (Там же. — С. 66–67).

²³ Штаб Российского Черноморского флота (1831–2001 гг.). Исторический очерк / Под общ. ред. командующего Черноморским флотом Российской Федерации адмирала В. П. Комоедова. — Симферополь, 2002. — С. 35; *Алтабаева Е. Б.* Смутное время: Севастополь в 1917–1920 гг. Учебное пособие. — Севастополь, 2004. — С. 119–221.

²⁴ Черноморский флот России. Исторический очерк / Под ред. адмирала В. П. Кормоедова. — Симферополь, 2002. — С. 179.

²⁵ *Надинский П. Н.* Указ. соч. — С. 170. О конкретных мероприятиях правительства КССР в социально-экономической области см.: Там же. — С. 168–170, 174–177, 180–181; *Бунегин М. Ф.* Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — [Симферополь], 1927. — С. 253–257; *Шишко Е. А.* Крымская партийная организация в период второго установления Советской власти в Крыму (апрель 1918 г. — июнь 1919 г. // *Борьба большевиков за власть Советов в Крыму.* — Симферополь, 1957. — С. 198–201; и др.

²⁶ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 254.

²⁷ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 165.

²⁸ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 254.

²⁹ *Зарубин В. Г.* К вопросу о денежном обращении и денежных знаках в Крыму (1917–1920 гг.) // Крымский музей 1995–1996 гг. (Симферополь). — 1996. — С. 83; *Родионов А. М.* Деньги Таврики — Крым. — Симферополь, 2006. — С. 56.

³⁰ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 257–258.

³¹ **Греков Борис Дмитриевич** (1882–1953). Родился в Миргороде (ныне Полтавской области). В 1901 году начал учёбу в Варшавском университете, в 1905 году перевёлся в Московский университет, который окончил в 1907-м. В 1914 году защищает магистерскую диссертацию в Санкт-Петербургском университете. Первые исследовательские работы были посвящены социально-экономической истории Новгорода. В 1918–1921 годах жил и работал в Симферополе. Профессор Таврического университета по кафедре русской истории, декан историко-филологического факультета, член Таврической учёной архивной комиссии и товарищ (заместитель) её председателя, член Религиозно-философского общества и Общества философии, истории и социологии при Таврическом университете. Сотрудник Историко-археологической комиссии при Академии Наук СССР в Ленинграде. По обвинению в сотрудничестве с режимом П. Н. Врангеля 8 сентября 1930 года был арестован и провёл в заключении один месяц и шесть дней. Доктор исторических наук (1934), академик Академии Наук СССР (1935). Автор фундаментального исследования «Киевская Русь» (1939). Критик норманнской теории о происхождении древнерусской государственности и взглядов украинского историка М. С. Грушевского, доказывая, что Киевская Русь была общей колыбелью русского, украинского и белорусского народов. В 1944 году издаёт монографию «Культура Киевской Руси». В 1946-м опубликовал капитальное исследование «Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в.» (2-е издание, книги 1–2, 1952–1954). Совместно с А. Ю. Якубовским написал труд «Золотая Орда» (1937; 2-е издание — «Золотая Орда и её падение», 1950). Внёс большой вклад в развитие источниковедения. (При его участии выпущено свыше 30 крупных изданий документов). Автор более 300 научных работ. Профессор Ленинградского и Московского университетов, директор ряда институтов АН СССР (Института истории СССР, Института славяноведения и др.). Академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР (1946). Участник объединённой научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР, посвящённой истории Крыма (Симферополь, 23–25 мая 1952 года). Член Польской и Болгарской АН и почётный член АН Белорусской ССР, доктор философии Пражского университета. Депутат Верховного Совета РСФСР 2-го созыва, депутат Верховного Совета СССР 3-го созыва. Лауреат Сталинской премии (1943, 1948, 1952). На-

граждён 2-мя орденами В. И. Ленина и 2-мя другими орденами. Скончался в Москве (*Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. — М., 1999; *Филимонов С. Б.* Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда. — Симферополь, 2006. — С. 140–149; *Непомятый А. А.* Нереализованные крымоведческие проекты 1930-х годов: действующие лица // Историческое наследие Крыма (Симферополь). — 2007. — № 20. — С. 218–219).

³² **Сергеев-Ценский (Сергеев) Сергей Николаевич** (1875–1958). Родился в с. Преображенское Тамбовской губернии в семье учителя. Окончил Глуховский учительский институт (1895). В Крым для прохождения воинской службы был переведён из Херсона во время русско-японской войны, в апреле 1905 года, после выступления в защиту солдат, избивавшихся командиром роты. Свидетельствовал по делу о погроме 18 октября (1 ноября) 1905 года в Симферополе. Отчислен из армии в звании прапорщика и решил поселиться близ Алушты, построив здесь дом с верандой. В Крыму постоянно жил с 1906 по 1941 год и с 1945 по 1958 год. В 1911 году накануне приезда на полуостров Николая II был подвергнут домашнему аресту. Много путешествовал по стране. Печатался с 1898 года. Автор романа «Бабасев» (1907). Лирическая повесть о русской деревне «Печаль полей» (1909), повести «Движения» (1910), «Пристав Дерябин» (1911), «Наклонная Елена» (1913), роман «Преображение» (1914, другое название — «Валя») изображали различные слои русского общества, охваченного предреволюционным кризисом. В начале Первой мировой войны мобилизован, служил около года в ополченской дружине Севастопольского гарнизона. Уклонился от призыва в Русскую армию П. Н. Врангеля. В 1920–30-е годы создаёт романы и повести об А. С. Пушкине, о М. Ю. Лермонтове, Н. В. Гоголе. Главное произведение — незавершённая многотомная эпопея «Преображение России», в которую вошли 12 романов, 3 повести и 2 этюда, над которыми работал на протяжении 45 лет. Наибольшую известность получила другая эпопея Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» (1937–1939; Сталинская премия, 1941), посвящённая обороне Севастополя в Крымской войне. Автор ряда пьес, статей, литературных воспоминаний (сборник «Радость творчества», 1969). Академик АН СССР (1943). Награждён орденом В. И. Ленина, 3-мя другими орденами, а также медалями. Скончался в Алуште, похоронен на территории родного дома, где 6 мая 1962 года открыт литературно-мемориальный музей. На могиле писателя установлен памятник из крымского диабазы (скульпторы Н. Петрова и Н. Качанов) Улицы Сергеева-Ценского есть в Симферополе, Севастополе, Алуште (*Плукис П. И.* С. Н. Сергеев-Ценский. — М., 1968; *Вуль Р. М.* Полстолетия на Орлиной горе // Дегтярёв П. А., Вуль Р. М. У литературной карты Крыма. Литературно-краеведческие очерки. — Симферополь, 1965. — С. 179–191; *Басс Л. И.* Сергеев-Ценский Сергей Николаевич // Севастополь. Энциклопедический справочник. / Ред.-сост.: М. П. Апошанская. — Севастополь, 2000. — С. 485; Музеи Крыма. Фотопутеводитель. — Симферополь, 2003. — С. 10).

³³ *Купченко В. П.* Указ. соч. — С. 74. Однако тирады Е. Р. Багатурянци не помешали заведующему отделом искусств наркомата просвещения КССР А. Е. Спектору 22 мая выдать Волошину удостоверение о назначении его «заведующим Отделом искусств Киммерийской области (Феодосийский уезд и г. Керчь)» (там же. — С. 74–75).

³⁴ Протоколы заседаний Таврической Учёной Архивной Комиссии 1918–1919 гг. // Приложение к № 57-му Известий Таврической Учёной Архивной Комиссии. — [Симферополь], [1920]. — С. 47–48.

³⁵ *Брошеван В. М., Форманчук А. А.* Крымская республика: год 1921-й (Краткий исторический очерк). — Симферополь, 1992. — С. 38. По данным И. Нуриева с Субхи прибыло 15–20 «работников коммунистов, хорошо знающих турецкий язык» (*Нуриев И.* Указ. соч. — С. 51).

³⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. — С. 312.

³⁷ ГААРК. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 2008. — Л. 154.

³⁸ Там же. — Л. 161–162.

³⁹ Цит. по: *Брошеван В. М., Форманчук А. А.* Указ. соч. — С. 87–88.

⁴⁰ Там же. — С. 88.

⁴¹ *Айвазов А. С.* История национального движения в Крыму // Восточный свет (Москва). — 2005. — № 4. — С. 30.

⁴² *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 165.

⁴³ *Зарубин В. Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) // Сборник Русского исторического общества. — М., 2006. — Т. 10(158). Россия и Крым. — С. 248.

⁴⁴ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 114, 157.

⁴⁵ *Брошеван В.* «Отряд, несущий людям смерть». (К истории вопроса о политическом терроре белогвардейцев в Крыму в 1920 году) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. — 1995. — № 11. — С. 60–61.

⁴⁶ ГАРФ. — Ф. Р-1243. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 32.

⁴⁷ Там же. — Л. 117. Егерская бригада была переформирована в немецкий стрелковый батальон Красной Армии, просуществовавший до июля 1919 года, то есть до падения КССР. Впоследствии часть колонистов находилась в рядах Немецкого стрелкового полка и Конно-партизанского полка немцев-колонистов в составе Русской армии В. Н. Врангеля. Многие из них погибли в боях с Красной Армией у Таганаша (ныне с. Солёное Озеро Джанкойского района) в ноябре 1920 года (*Бобков А.* Егерская бригада немцев-колонистов. 1919 // Однострий (Ровно). — 2000. — № 3. — С. 16).

⁴⁸ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 184–186.

⁴⁹ *Шишко Е. А.* Указ. соч. — С. 202.

⁵⁰ *Надинский П. Н.* Страницы из жизни Крымского комсомола. Историко-революционные очерки по материалам Истпаротдела Крым. ОК ВКП (б). — Симферополь, 1938. — С. 71–72.

⁵¹ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 164.

⁵² *Волков В. П.* За власть Советов! — С. 117.

⁵³ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 164.

⁵⁴ *Волков В. П.* За власть Советов! — С. 115.

Выставкина (Бровцына) Екатерина Владимировна (1877–1952). Член Союза крымских журналистов, сотрудница газеты «Южные Ведомости». Прозаик и переводчица. Один из авторов однодневной литературной газеты в пользу больных и раненых воинов «Крест и Лира» (Симферополь. — 1918 — 25–26 мая). Во втором браке Галлюп (*Купченко В. П.* Указ. соч. — С. 549).

⁵⁵ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 160–161.

⁵⁶ ГААРК. — Ф.Р.-2252. — Оп.1. — Д.5. — Л. 6.

⁵⁷ *Волков В. П.* За власть Советов! — С. 128.

⁵⁸ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 172.

⁵⁹ Там же. — С. 186; Волков В. П. Указ. соч. — С. 128. Имеются и другие данные: 65 большевиков, 23 левых эсера, 15 социал-демократов (меньшевиков) (Алтабаева Е. Б. Указ. соч. — С. 233).

⁶⁰ Алтабаева Е. Б. Там же.

⁶¹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 178.

⁶² Там же. — С. 173–174.

⁶³ Там же. — С. 212.

⁶⁴ **Шидловский Сергей Николаевич** (1897–1962). Родился в Санкт-Петербурге. Закончил гимназию. В 1916 году поступил в Пажеский корпус и в феврале 1917-го произведён в прапорщики лейб-гвардии конной артиллерии. В июне отбыл на фронт в Австро-Венгрию. В июле 1917 года произведён в подпоручики. С ноября 1918 года в Добровольческой армии, затем ВСЮР. Штабс-капитан (1920). После эвакуации из Новороссийска служил в Русской армии П. Н. Врангеля, вместе с которой эвакуировался из Ялты в Константинополь. В 1920–1930-е годы жил с семьёй и работал в Марокко. Автор воспоминаний. Скончался в Париже и похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (*Шидловский С. Н. Записки белого офицера.* — СПб., 2007).

⁶⁵ Там же. — С. 27.

⁶⁶ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Ч. II. — С. 181–193; *Шини-ко Е. Н.* Указ. соч. — С. 203–207; *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 249–251.

⁶⁷ *Шидловский С. Н.* Указ. соч. — С. 32–33.

⁶⁸ **Остелецкий Павел Павлович** (1880–1946). Закончил Морской корпус (1899). Участвовал в обороне Порт-Артура и в сражении на Жёлтом море в русско-японской войне. В 1906–1912 годах — младший, а затем старший отделенный начальник Морского корпуса. В это же время прослушал курс Николаевской Морской академии. Капитан 2-го ранга и старший офицер на линкоре «Синоп» (1912). С 1914 года и во время Первой мировой войны — флаг-капитан по распорядительной части штаба командующего Черноморским флотом. Едва избежал расстрела во время «красного террора» в Крыму в январе-марте 1918 года. В Добровольческой армии с конца 1918 года — при Морском управлении штаба Главнокомандующего. В апреле 1919-го принял командование крейсером «Кагул» («Генерал Корнилов») и привёл его из Севастополя в Новороссийск. Начальник 1-го отряда судов Черноморского флота. Осенью 1919 года временно исполнял дела начальника штаба Черноморского флота. Контр-адмирал (1919). Командир 4-го отряда кораблей Черноморского флота (1920). Ушёл с флотом в Константинополь, а затем в Бизерту (Тунис). В эмиграции во Франции. Умер в Париже. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (*Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). — М., 1997. — С. 175–176; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — СПб.-М., 2003. — С. 382).

⁶⁹ *Купченко В. П.* Указ. соч. — С. 77.

⁷⁰ *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* От «форпоста мировой революции» до последнего плацдарма «белой» России // Отечественная история (Москва). — 1999. — № 2. — С. 103.

⁷¹ *Шидловский С. Н.* Указ. соч. — С. 34, 36, 37.

⁷² Там же. — С. 38–39.

⁷³ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. — Минск, 2002. — С. 81.

⁷⁴ Там же. — С. 157. С марта по сентябрь 1919 года ВСЮР получили от Англии 558 орудий, 12 танков, 100 тысяч винтовок, 1 685 222 снаряда, 168 миллионов ружейных патронов, 250 тысяч комплектов обмундирования (*Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Ч. II. — С. 196).

⁷⁵ Таврический Голос (Симферополь). — 1920. — 21 января (3 февраля).

Ввиду бесконечной смены властей на Юге России с их политическими пристрастиями может возникнуть путаница в стилях. Поэтому отметим, что 9 июля 1919 года деникинским руководством был восстановлен старый стиль, а при П. Н. Врангеле 3 июля 1920 года введено «двустилие»: параллельное употребление, как старого, так и нового стилей. Последнее, видимо, было обусловлено поисками более тесного контакта с Францией. В случае особой надобности постараемся делать соответствующие пояснения.

⁷⁶ **Май-Маевский Владимир Зиновьевич (Зенонович)** (1867–1920). Из дворян. Закончил 1-й кадетский корпус (1895), Николаевское инженерное училище (1888), Николаевскую академию Генштаба (1896). Участник Первой мировой войны. Генерал-майор (1917). С 1918 года в Добровольческой армии, затем во ВСЮР. С апреля 1919 года командующий Донецкой группой войск, занявшей Донбасс. С мая — командующий Добровольческой армией ВСЮР. 26 ноября 1919 года — освобождён А. И. Деникиным от должности за разложение тыла и кутежи и заменён П. Н. Врангелем. Капитан П. В. Макаров, адъютант Май-Маевского, так характеризует своего начальника: «Он прославился редкой храбростью ещё в империалистическую войну. Генштабист по образованию, Май-Маевский командовал первым гвардейским корпусом, был награждён Анной, Владимиром, Станиславом 1 степени, имел золотое оружие и георгиевские кресты 3-й и 4-й степени. В керенщину, под Тарнополем (Тернополем. — *Авт.*), Май-Маевский первым вышел из окопов навстречу врагу, увлекая за собой солдат. За это генерал получил солдатского Георгия с веточкой. Убежденный монархист, Май-Маевский был твёрд, не любил заниматься интригами. В добровольческую армию вступил на Кубани. Предполагалось, что по взятии Москвы добровольцами, Май-Маевский получит пост военного и морского министра» (*Макаров П. В.* Адъютант его превосходительства. Кто он? — [М.], 1992. — С. 5). Генерала сгубила непреодолимая тяга к спиртному, отрицательно сказывавшаяся на вверенных ему войсках. (Впрочем, его замена не остановила отхода добровольцев). Генерал-лейтенант. Жил в Севастополе в гостинице Киста. Похоронен на городском кладбище Севастополя (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 143; *Волков С. В.* Указ. соч. — С. 317–318; *Крестьянников В. В.* Май-Маевский Владимир Зиновьевич (Зенонович) // Севастополь. Энциклопедический справочник. — С. 296).

Макаров Павел Васильевич (1897–1970) Родился в г. Скопине (Рязанская область), большую часть жизни прожил в Крыму. В 1915 году сдал экстерном экзамен в Константиновское реальное училище в Севастополе. Добровольцем ушёл на фронт. В 1917 году окончил 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков, служил в 134-м Феодосийском полку, воевавшим на Румынском фронте. Дезертировал в конце 1917 года и прибыл в Севастополь. 1918 году послан Севастопольским областным военно-революционным штабом в Мелитополь для организации Красной Армии, попал в плен к белым, где сумел стать капитаном 1-го офицерского стрелкового генерала М. Г. Дроздовского полка. Участвовал в боях с Красной Армией. Адъютант В. З. Май-Маевского. В январе 1920-го арестован как брат большевика, но с

шестью заключёнными-смертниками бежал из крепости и ушёл в горы, принимая участие в организации организаторов партизанского движения. Впоследствии описал свои приключения, преувеличив роль агента красных в среде белых. 30 января 1937 года арестован по обвинению в причастии к «троцкистско-зиновьевскому террористическому центру», на протяжении двух лет и двух месяцев находился под следствием в Симферопольской тюрьме НКВД, приговорён к лишению свободы на 2 года, но через три месяца приговор отменён судебной коллегией Верховного суда РСФСР. Его младший брат Сергей, проходивший по тому же делу, умер в тюрьме НКВД в 1939 году и реабилитирован в 1963-м. В годы Великой Отеч

ественной войны П. В. Макаров вновь участвовал в партизанском движении. Немецкие оккупанты повесили его мать. Прототип разведчика Павла Андреевича Кольцова в популярном многосерийном художественном фильме «Адъютант его превосходительства» (1969) режиссёра Е. И. Ташкова по сценарию И. Я. Болгарина и Г. Л. Северского, (*Болгарин И. Я., Северский Г. Л. Адъютант его превосходительства*: Кинороман. — К., 1988) с Ю. М. Соломиным, народным артистом СССР (1988), в главной роли (*Макаров П. В. В двух схватках*. — Симферополь, 1956; *Макаров П. В. Адъютант его превосходительства. Кто он?* — [М.], 1992; *Филимонов С. Б. Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы*. — Симферополь, 2003).

⁷⁷ Таврические Губернские Ведомости (Симферополь). — 1919. — 31 декабря.

⁷⁸ *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. — С. 42.

⁷⁹ Там же. — С. 44.

⁸⁰ *Деникин А. И.* Указ. соч. — С. 332.

Чрезвычайно характерен «Приказ Генерала Деникина» от 23 января 1920 года: «Противник в последних боях понес ряд тяжёлых поражений; его лучшая конница разбита; дух его войск надломлен. Каждый решительный удар сулит нам верный успех. Но мало одной победы оружием. Недавно мы были у Орла, но ряд тяжёлых ошибок привел нас вновь на Кубань.

Теперь, когда мы накануне решительного наступления, нам нужна победа над собой. Пусть помнит каждый, что одной из причин крушения фронта и развала **тыла были насилие и грабежи** (выделено нами. — *Авт.*).

В освобождённых от насильников областях народ с восторгом встречал наши войска; но многие вели себя не лучше большевиков и массы от них отвернулись, а без опоры на народ никакая борьба не возможна.

Будем же являть собой пример безукоризненной честности и рыцарского отношения к слабым, пусть ни один упрёк не будет брошен в лицо борцов за освобождение и право народа. Если начальники не возьмутся за искоренение этого зла, то новое наступление будет бесполезно и дело рухнет.

Требую жестоких мер, до смертной казни включительно, против всех творящих грабеж и насилие и против всех попустителей, какое бы высокое положение они не занимали.

Помните, что нельзя грязными руками братья за святое дело освобождения от насильников нашей многострадальной родины — России.

Прочсть во всех ротах и эскадронах, сотнях и батареях.

подписал Генерал-лейтенант ДЕНИКИН.

Симферополь, 23 января 1920 года» (ГААРК — Ф. Р-150. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 6).

Каких-либо реальных последствий приказа не имел.

⁸¹ **Фёдоров Михаил Михайлович** (1858–1946). Один из лидеров партии кадетов, товарищ (заместитель) министра и торговли Временного правительства. В 1917–1918 годах член Торгово-промышленного комитета и Правого центра. В 1918–1919 годах член Национального центра. С ноября 1917-го оказывал помощь Добровольческой армии, с осени 1918 года — член Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР А. И. Деникине, с декабря председатель Особого (агитационного) комитета, член Донского гражданского совета. С апреля 1919 года — председатель Национального центра, с июня — представитель Главнокомандующего ВСЮР в конфедерации казачьих войск. С начала 1920 года в эмиграции во Франции (*Волков С. В.* Биографические справки // Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916–1920. — М., 2006. — С. 770).

⁸² Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. — М., 1991. — Т. IV. — С. 250 (Репр.)

⁸³ *Деникин А. И.* Указ. соч. — С. 367–368.

⁸⁴ Военно-морским министром — генерал-лейтенант, начальник штаба Донской армии А. К. Кельчевский; иностранных дел — генерал от кавалерии Н. Н. Баратов; внутренних дел — В. Ф. Зеелер; юстиции — В. М. Краснов; земледелия — П. М. Агеев; финансов — бывший министр Временного правительства М. В. Бернадский; путей сообщения — Л. В. Зверев; торговли и промышленности — Ф. С. Леонтович; народного просвещения — Ф. С. Сушков; здравоохранения — Н. С. Долгополов; пропаганды — Н. В. Чайковский, народный социалист, один из руководителей «Союза возрождения России», бывший председатель и управляющий отделом иностранных дел правительства Северной области, масон; продовольствия (позднее) — Я. Л. Щупляк; управделами — И. М. Мирцев (*Шуранова Е. Н., Зарубин А. Г.* В вопросе о Южно-Русском правительстве // Крымский контекст (Симферополь). — 1996. — № 4. — С. 30–33).

⁸⁵ *Деникин А. И.* Указ. соч. — С. 373.

⁸⁶ *Тобольцев С.* Залоги успеха // Крымский Вестник (Севастополь). — 1919. — 17(30) июля.

⁸⁷ З. Гр. Крымское «безголовье» // Крымский Вестник. — 1919 — 18(31) июля.

⁸⁸ ГААРК — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 4; Там же. — Д. 16. — Л. 1.

⁸⁹ Там же. — Д. 16. — Л. 1.

⁹⁰ *Зимина В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. — М., 2006. — С. 194–195.

⁹¹ Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. / Справочник / пред. ред. кол. С. А. Ефимов, гл. ред. Л. В. Гурбова. — Симферополь, 1999. — С. 303.

⁹² **Татищев Никита Алексеевич** (1879 — после 1938). Граф. Окончил Александровский лицей (1899). Офицер Кавалергардского полка, камер-юнкер, исполняющий дела Московского губернатора. Во ВСЮР. По март 1920 года Таврический губернатор. В эмиграции во Франции. Член правления лицейского объединения во Франции (*Волков С. В.* Биографические справки. — С. 766).

⁹³ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 176.

⁹⁴ Крымский Вестник. — 1919. — 10(23) сентября.

⁹⁵ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Ч. II. — С. 200; *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 273.

⁹⁶ *Надинский П. Н.* Указ. соч. — С. 200.

- ⁹⁷ Крымский Вестник. — 1919. — 10(23) сентября.
- ⁹⁸ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 273.
- ⁹⁹ Крымский Вестник. — 1919. — 17(30) июля.
- ¹⁰⁰ Штейнбах Е. М. Профессиональное движение в Крыму: 1917–1927 гг. — Симферополь, 1927. — С. 50.
- ¹⁰¹ ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 3.
- ¹⁰² Деникин А. И. Указ. соч. — С. 369.
- ¹⁰³ Крымский Вестник. — 1919. — 24 сентября (7 октября).
- ¹⁰⁴ Алтабаева Е. Б. Указ. соч. — С. 245–247.
- ¹⁰⁵ «...Иногородним жителям без особого на то разрешения. Исключение допускается в отношении военнослужащих и лиц, обслуживающих Добровольческую Армию и войска Дона, Терека и Кубани» (ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 20. — Д. 41; Там же. — Д. 16. — Л. 2 об.).
- ¹⁰⁶ Там же. — Д. 19. — Л. 13.
- ¹⁰⁷ Крымский Вестник. — 1919. — 1(14) октября. Получил известность дикий факт, когда в Симферополе к смертной казни была приговорена М. Петренко, имевшая неосторожность, продавая пирожки, заворачивать их в листовки, отпечатанные при большевиках.
- ¹⁰⁸ Архив русской революции. — Т. IV. — С. 248.
- ¹⁰⁹ ГАРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 3, 3 об; Крымский Вестник. — 1919. — 21 ноября (4 декабря).
- ¹¹⁰ На конец 1919 — начало 1920 года в губернии издавались: в Симферополе — «Таврический Голос» (на платформе ВСЮР, тираж от 2800 до 6-ти тысяч экземпляров), «Таврические Губернские Ведомости» (официоз), кадетские «Южные Ведомости» (1250–1500), крымскотатарская «Миллет» (350, после смены редакции), «Голос Земли» («народная газета»), «Таврический День» (бюллетень военных действий и местной жизни); в Севастополе — беспартийный «Крымский Вестник» и орган социал-демократов «Прибой», объект непрерывных преследований властей; «Юг» («Юг России») (умеренное издание, закрывалось), журнал «Наше Дело» (издание Севастопольского Союза потребительских обществ), в Ялте — «Ялтинский Голос» («Наш Путь») (Ялтинское отделение Союза потребительных обществ, 800–1000), «Ялтинский Курьер» (потом «Южный Курьер»; на платформе ВСЮР, 1800–2000), «Ялтинский Вечер» (требование «спасительной реакции», 1300–1700), «Наша Речь» (крайне правые); в Евпатории — «Евпаторийский Курьер» («Евпаторийский Вестник») (на платформе ВСЮР, 1500–1600); в Феодосии — «Бюллетень Феодосийского Освага» (1300–1400), «Крымская Мысль» (один из наиболее интеллектуальных органов Крыма); в Керчи — «Голос Жизни» (правого толка), в Мелитополе — «Таврическая Речь» (на платформе ВСЮР) и «Народная Жизнь» (эсеры). Кроме того, печатались журналы «Бюллетень Центросоюза», «Крымский Кооператор», «Наше Дело» и другие издания (ГААРК — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 11–11об.; Там же. — Д. 142. — Л. 3–10; Там же. — Д. 359. — Л. 2, 24; Там же. — Д. 360. — Л. 2, 4; Зарубин В. Г., Зарубин А. Г. Периодические издания Крыма (март 1917 — ноябрь 1920) // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 267–288).
- ¹¹¹ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1295. — Л. 13–13 об.
- ¹¹² Крымский Вестник. — 1919. — 7(20) сентября. «Вообще «Мысль» (Харьков) и «Прибой» (Севастополь) приняли тон настолько вызывающий и направле-

ние настолько деморализующее, что властям пришлось закрыть их» (*Деникин А. И.* Указ. соч. — С. 144).

¹¹³ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 272.

¹¹⁴ *Крестьянников В. В.* Органы контрразведки белой армии в Крыму // Историческое наследие Крыма. — 2007. — № 20. — С. 148.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1295. — Л. 16

¹¹⁷ *Купченко В. П.* Эпопея генерала Маркса. Драма революционного бытия // Купченко В. П. Киммерийские этюды: События. Люди. Памятники. — Феодосия, 1998. — С. 42–59.

¹¹⁸ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Ч. II. — С. 199–200.

¹¹⁹ *Штейнбах Е. М.* Указ соч. — С. 46, 50. Согласно разрозненным и отрывочным архивным свидетельствам, в 1918–1920 годах белыми и интервентами было арестовано 1428 человек, из них членов РКП(б) — 289, членов других партий — 7; по социальному признаку: рабочих — 135, крестьян — 32, приговорён к смертной казни 281 человек. (Подсчитано В. М. Брошеваном исключительно по фондам ГААРК).

¹²⁰ Крымский Вестник. — 1919. — 30 июля (12 августа); 1(14) августа; 11(24) сентября.

¹²¹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 135.

¹²² ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1295. — Л. 26.

¹²³ Ещё в конце июля 1919 года В. А. Могилевского на должности городского головы, якобы по причине «болезни», заметил хорошо известный в Севастополе общественный деятель Н. И. Емельянов. К своим обязанностям Могилевский до своего ареста так и не вернулся. Он оставался в тюрьме до февраля 1920 года. Новый Севастопольский городской голова был избран только 20 ноября 1919 года. Им стал Я. Н. Перепёлкин (*Алтабаева Е. Б.* Указ. соч. — С. 239–240).

Перепёлкин Яков Николаевич (1874–1935). Выходец из старинного дворянского рода. Выпускник Морского кадетского корпуса и Михайловской артиллерийской академии, известный учёный и изобретатель в области военной техники. Ученик академика А. Н. Крылова. В русско-японской войне применялись созданные по его проектам горные орудия; его усовершенствования корабельной артиллерии использовались в российском флоте. Он создал первые в России оптические призмы к артиллерийским прицелам и наладил их выпуск на Обуховском заводе в Петрограде. В 1916 году произведён в чин генерал-майора по Адмиралтейству. В 1917 году вместе с семьёй переехал в Севастополь. В советском Крыму стал первым заместителем председателя Крымплана, депутатом Севастопольского совета. В 1924 году отозван в Петроград для восстановления производства артиллерийских прицелов в качестве инженера-конструктора. Его сын Юрий стал известным египтологом, а другой сын Евгений — астрономом (репрессирован в 1937 году) (*Вассоевич А. Л.* О Юрии Яковлевиче Перепёлкине и его научных открытиях // Перепёлкин Ю. А. История Древнего Египта. — СПб., 2000. — С. 5–54).

¹²⁴ Крымский Вестник. — 1919. — 18 сентября (1 октября).

¹²⁵ Крымский Вестник. — 1919. — 7(20) сентября.

¹²⁶ Там же. — 15(28) августа.

Никифорова (Мария) Маруся Григорьевна (?–1919). Уроженка г. Александровска (Занорожье), посудомойка водочного завода. С 16-ти лет анархистка. За анархические террористические акты в 1907 году приговорена к смертной казни,

заменённой бессрочной каторгой, которую отбывала в Петропавловской крепости. В 1910 году была переведена в Сибирь, откуда через Японию бежала в Америку, после жила во Франции, Англии, Германии, Швейцарии, свободно говорила на многих европейских языках. По слухам, во Франции училась скульптуре у О. Родена, с началом Первой мировой войны закончила офицерскую школу и поступила в Иностранный легион. После Февральской революции вернулась в Россию и прибыла на ст. Пологи Александровского уезда, где проживала её мать. Организатор и командир «Чёрной гвардии». Участница первых съездов советов и маховского движения. В январе 1918 года во главе «1-го вольно-боевого отряда по борьбе с контрреволюцией», захватила Александровск, затем Елизаветград (Кировоград) и Знаменку. Захваты городов сопровождалась грабежами, расстрелами и погромами, за что Никифорова была арестована по приказу украинского большевистского правительства. После заступничества В. А. Антонова-Овсеевского в апреле суд постановил освободить её из-под стражи и вернуть отряду оружие. В июне арестована в Саратове за «противоправные действия» и отправлена в Москву, где была освобождена и начала учиться живописи в Пролеткульте. В январе 1919 года суд признал её виновной в «дискредитации Советской власти» и на шесть месяцев лишил права занимать ответственные должности. Отмену приговора ожидала в Гуляй-Поле, где вела споры с Н. И. Махно о способах ведения анархистской борьбы и судьбе анархистских денег. В 1920 году в отрядах Н. И. Махно действовала некая Маруся-Анархистка: в сентябре 1920-го командир повстанческого отряда Махно, в октябре 1920-го командовала отрядом в Прилукском уезде Полтавской губернии, весной — летом 1921 года её отряд взаимодействовал с Махно, вошёл в состав объединённого сводного отряда. Образ анархистской атаманши Маруси Никифоровой настолько запечатлелся в народной памяти, что слухи о погромах и грабежах Маруси появились в 1920–1921 годах во время антоновского восстания тамбовских крестьян. Однако при проверке выяснилось, что под именем Маруси скрывалась Мария Косова, возглавлявшая одну из антоновских боевых групп (*Ермаков В. Д.* «Маруся»: портрет анархистки // Социологические исследования (Москва). — 1991. — № 3. — С. 94; *Алтабаева Е. Б.* Указ. соч. — С. 248–249; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. — М., 2006. — С. 909).

¹²⁷ Крымский Вестник. — 1919 — 4(17) сентября.

¹²⁸ *Кутченко В. П.* Указ. соч. — С. 82.

¹²⁹ *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). — М., 2006. — С. 110–116.

¹³⁰ *Громов С. Е.* К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Учёные записки Симферопольского государственного университета (Симферополь). 1998. — № 6(45). — С. 58–60.

¹³¹ *Зарубин А.* Депортация китайцев из Крыма // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. — 1996. — № 13. — С. 61.

¹³² «Изыскать пути к парализованию...». Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) (публикация и комментарии А. В. Ефимова и Р. Н. Белоглазова) // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. — М., 2002. — Вып. 4. — С. 155–156.

¹³³ **Добролюбовский Сергей Константинович** (1867–1930). Из дворян, сын майора. На воинской службе с 1885 года. Офицер с 1887 года. Окончил Николаевскую

академию Генштаба (1894). Генерал-лейтенант, командир 10-го армейского корпуса. Служил в армии гетмана Украинской державы П. П. Скоропадского. В Добровольческой армии и ВСЮР в «резерве чинов» при штабе командующего войсками Юго-Западного края, при штабе главнокомандующего ВСЮР. В мае-августе 1919 года — начальник 4-й пехотной дивизии; до 10 июля также временно исполняющий дела командира 3-го армейского корпуса, с 26 июня по 12 июля 1919 года одновременно исполняющий дела главноначальствующего Таврической губернии, со 2 августа — в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР с возложением особого поручения в Черноморской губернии, до 15 октября 1919 года командующий войсками Черноморского побережья. Эмигрант. Застрелился (*Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 168; *Волков С. В.* Биографические справки. — С. 724–725).

¹³⁴ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 264.

¹³⁵ Крымский Вестник. — 1919. — 4(17) августа.

¹³⁶ ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 2 об.

¹³⁷ ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 21. Опубликовано: *Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). — Симферополь, 1996. — Вып. 3. — С. 65.

¹³⁸ ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 49. — Л. 58. Изменён падеж. Опубликовано: *Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы]. — С. 66.

¹³⁹ Наша мрачная судьба // Миллет (Симферополь). — 1919. — 1 августа. (С крымскотатарского).

¹⁴⁰ Крымский Вестник. — 1919. — 10(23) августа.

¹⁴¹ ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 105. — Л. 16.

¹⁴² **Мурасов Осман Мурасович (?)**. Член ТУАК с 1911 года. Фольклорист. В 1903–1910 годах собирал ногайско-татарские песни. Совместно с А. А. Боданинским, Э. Л. Мартино участвовал в собирании пословиц, поговорок и примет крымских татар, которые изданы под ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалева (Симферополь, 1914) и в «Известиях» ТУАК (1915. — № 52. — С. 1–67).

¹⁴³ **Немирович-Данченко Георгий Владимирович** (1889–1939). Родился в Санкт-Петербурге. Из дворян. Окончил Училище правоведения (1910). Надворный советник, чиновник Министерства земледелия. Писатель. В эмиграции в Эстонии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда (1921). Автор воспоминаний «В Крыму при Врангеле: Факты и итоги» (Берлин, 1922). Умер в Ревеле (Таллинне) (*Волков С. В.* Биографические справки. — С. 747)

¹⁴⁴ ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 30–31.

¹⁴⁵ Крымский Вестник. — 1919. — 6(19) октября.

¹⁴⁶ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1295. — Л. 74–74 об., 80 об., 74 об., 75, 80 об.–81 об., 93, 76 и др. Хаттагов показал, что он действительно ездил в Константинополь в 1918 году — для выражения соболезнования по случаю смерти султана от имени Курултая (см.: *Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы]. — С. 67–69).

¹⁴⁷ В газете «Таврический Голос» от 20 июля (ст. ст.) 1920 года появилась статья «Деятельность «Курултая» (результаты ревизии)», подписанная псевдонимом «Крымчанин», из которой следовало, что некая ревизионная комиссия, изучавшая деятельность национальной Директории, несмотря на отсутствие «книг и журна-

лов, постановлений директории», выявила факты, подтверждающие её «оживлённые сношения с Турцией». «В Константинополь неоднократно выезжали командированные лица, и при ней состояло семь турецких офицеров, которым она выдавала содержание за счёт турецкого правительства, получая от последнего материальную поддержку». Дирекция финансов в отношении от 21 октября 1918 года просила выдать Директории из полевого казначейства германских сил средства в сумме более 1 000 000 марок согласно чеку немецкого банка по «приказу турецкого правительства на просветительные культурные цели». В том же 1918 году Директория вела переговоры с Севастопольским агентством Русского пароходства «о зафрахтовании почтового пассажирского парохода для постоянных рейсов в Константинополь, соглашаясь на огромные по тому времени расходы». Комиссия обнаружила секретный документ о миссии в Турции А. С. Айвазова, которому выделялось на поездку 500 турецких лир, и которой должен был добиваться «ознакомления Европы и Америки с политическим стремлением крымских татар». Что касается финансовой деятельности самой Директории и её учреждений, то комиссия выявила «картину полной бесконтрольности и чрезвычайной «небрежности» в отчётности о расходовании денежных сумм». Директорией был установлен национальный гербовый сбор для оплаты разного рода ходатайств, причём «марки в готовом виде не имелись, а изготовлялись по мере надобности примитивным способом простыми штампами». Заканчивалась статья следующим выводом: «Таковы немногие, случайно выхваченные черточки из деятельности тех, кто в течение двух лет здесь, в Крыму, шёл от одной авантюры к другой и сейчас за рубежом затевает новую «от имени народа» (имелось в виду создание Дж. Сейдаметом в Лозанне Крымскотатарского бюро и переговоры по поводу опеки Лиги Наций. — *Авт.*) (Приложения // Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 65).

¹⁴⁸ Зарубин В. Г., Зарубин А. Г. Из истории крымскотатарского национального движения летом 1919–1920 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1996. — Вып. V. — С. 237.

¹⁴⁹ Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 166.

¹⁵⁰ Там же. — С. 170.

¹⁵¹ Там же. — С. 172.

¹⁵² В декабре 1919 года ЦК РКП(б) через своего представителя, прибывшего в Севастополь, передал для подпольщиков 250 000 рублей для организации подпольной типографии (*Чирва И. С.* Крым революционный. (Историко-партийные очерки). — К., 1963. — С. 118).

¹⁵³ Печальную известность приобрело имя Акима Ахтырского (Якова Мартыанова), бывшего наркома почт и телеграфа УССР, члена Реввоенсовета Крымской армии под командованием П. Е. Дыбенко. Занимая в 1919–1920 годах руководящие посты, он являлся одновременно агентом контрразведки. Выдал более 50-ти подпольщиков. Задержан в Москве в 1926 году, судим, как шпион, и расстрелян (*Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Ч. II. — С. 87, 204, 297; *Загородских Ф. С.* Подпольная большевистская организация — вдохновитель и организатор борьбы трудящихся Крыма против интервентов и белогвардейцев (июнь 1919 г. — ноябрь 1920 г.) // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Сб. статей. — Симферополь, 1957. — С. 215; и др.).

¹⁵⁴ Бабахан Николай (Сисак Акопович, Бабаханян Сергей Яковлевич) (1892–1936). Родился в с. Камарлю Ереванской губернии в семье интеллигентов. Учился в

коммерческом училище в Баку, где в 1910 году начал революционную деятельность в социал-демократических кружках. С 1912 года студент Петербургского политехникума. В 1915–1916 годах в чине прапорщика участвовал в Первой мировой войне. Член РСДРП(б) с июля 1917 года. Участник октябрьских событий в Петрограде. Весной 1919 года по решению ЦК РКП(б) послан в Крым, организатор подпольного и партизанского движения. После разгрома Врангеля — член Крымского областного комитета РКП(б). С сентября 1921 года — в Москве. Проректор и председатель Коммунистического университета народов Востока, научный руководитель секретариата Совета Труда и Оборона СССР, помощник председателя Совета Л. Б. Каменева. Репрессирован в 1936 году. В литературе за Бабаханом надолго утвердился ярлык «авантюрист». Немалую роль в дискредитации Бабахана, во многом из-за личных счетов, сыграл А. В. Мокроусов. Реабилитирован в 1958 году (ГААРК — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 258; *Брошев В. Партизанское движение в Крыму в 1920 году // Голубь Масиса (Симферополь).* — 1991. — № 6(14), и др.).

¹⁵⁵ **Просмушкин Соломон Яковлевич (Исаак Спер)** (1887–1920). Типографский рабочий. Профессиональный революционер с 1908 года. С 1914-го до начала 1917 года и в 1919–1920 годах жил в Симферополе. Страдал от туберкулёза лёгких. Секретарь исполкома Симферопольского совета в период Крымской ССР. С декабря 1919 года член и казначей областного комитета РКП(б). Организатор подпольного паспортного стола, изготавливавшего поддельные документы, и Красно-го Креста. Арестован контрразведкой белых. На допросах вёл мужественно, никого из подпольщиков не выдал. Приговорён к смерти военно-полевым судом в мае 1920 года. Накануне казни его младший брат Авель сумел передать Просмушкину в камеру опий. Повешен мёртвым. В 1930 году улица Казарменная в Симферополе названа улицей Спера (*Широков В. А., Широков О. В. Симферополь: Улицы рассказывают.* — Симферополь, 1983. — С. 149–150).

¹⁵⁶ **Бунаков (Рытвинский) Александр Иванович (Сашков)** (?–1920). Член РСДРП(б) с 1917 года. Бывший студент, в 1918 году работал в подполье в Полтаве. В августе-сентябре 1919 года направлен на подпольную работу в Крым. Работал в судостроительной мастерской Севастопольского порта. Член севастопольского подпольного горкома РКП(б). Арестован контрразведкой белых в ночь на 21 января (3 февраля) 1920 года, казнён по приговору военно-полевого суда в ночь на 24 января (5 февраля) (*Крестьянников В. В. Бунаков (Рытвинский) Александр Иванович // Севастополь. Энциклопедический справочник.* — С. 99–100; *Макаров П. Указ. соч.* — С. 112).

¹⁵⁷ Или, по П. Н. Надинскому, анархо-синдикалист (Указ. соч. — С. 210).

¹⁵⁸ **Макаров Владимир Васильевич** (1895–1920). Родился в крестьянской семье в г. Скопине. Брат П. В. Макарова. Закончив церковно-приходскую школу, стал учеником переплётной мастерской. Типографский рабочий в Балашове, участник забастовочного движения. Переплётчик в Севастополе. В годы Первой мировой войны — рядовой пехотного полка в Симферополе. По болезни освобождён от воинской службы. Осенью 1917 года вступил в члены РСДРП(б), депутат Севастопольского совета. Председатель подпольного Севастопольского городского комитета РКП(б). Вместе с другими членами подпольного горкома арестован контрразведкой белых в ночь на 21 января (3 февраля) 1920 года. Казнён по приговору военно-полевого суда в ночь на 24 января (5 февраля) (*Макаров П. Герой большевистского подполья // Памяти павших за Советский Крым. 1918–1920. Сборник статей и воспоминаний.* — С. 107–112).

¹⁵⁹ **Ословский Павел Михайлович (Антон)** (1888–1952). Впервые прибыл в Ялту после Февральской революции в 1917 году. Поселился в Аутке на даче «Гнёздышко», где жили и лечились политкаторжане. Участник установления власти большевиков в Ялте в 1918 году. Член коллегии уездного комиссариата продовольствия. В апреле 1918-го уехал в Саратов. Направлен на подпольную работу в Крым ЦК КП(б)У. Прибыл в Ялту 28 августа 1919 года, но в тот же день был арестован контрразведкой белых. Через несколько месяцев с помощью подпольщиков вместе с группой из 23-х человек бежал из ялтинской тюрьмы в лес. Здесь им был создан партизанский отряд, к марту 1920 года насчитывавший 80 человек. Секретарь подпольного Ялтинского комитета РКП(б). В сентябре-ноябре 1920 года возглавлял областной комитет РКП(б). После занятия Крыма Красной Армией — председатель Ялтинского ревкома. В 1920–1940-х годах находился на партийной и хозяйственной работе, занимая различные должности в Крыму, Москве, на Дальнем Востоке. Умер в Ялте, похоронен на городском кладбище (*Гурьянов Н. М., Гурьянов Н. А.* Указ. соч. — С. 18–19, 180).

¹⁶⁰ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1304. — Л. 224–224 об.

¹⁶¹ Таврические Губернские Ведомости. — 1919. — 31 декабря.

¹⁶² ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 1 об.

¹⁶³ Там же. — Л. 1. Цена на хлеб, ужасается газета, повысилась сравнительно с 1913 годом в 100 раз (Крымский Вестник. — 1919. — 25 июля (7 августа)).

¹⁶⁴ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 217.

¹⁶⁵ ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 2.

¹⁶⁶ Таврические Губернские Ведомости. — 1920. — 10 марта.

¹⁶⁷ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 274.

¹⁶⁸ ГААРК. — Ф. Р-2235. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 2.

¹⁶⁹ Крымский Вестник. — 1919. — 4(17) августа.

¹⁷⁰ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 274.

¹⁷¹ Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 180–181.

¹⁷² Жестокость этого отряда отчасти можно объяснить личными мотивами. Вспомним, что в январе 1918 года во время установления власти крайне левых был убит Ф. Ф. Шнейдер. В этот же период при попытке ограбления дома матросами-мародёрами родственница Шнейдеров кормящая мать Н. К. Шлее, встала на их пути с младенцем на руках и была и тут же была застрелена.

ГЛАВА IV

ГОД 1920-й.

Безвременье: Слащов и другие

Ситуацию на фронте в начале 1920 года можно охарактеризовать в нескольких словах: отступление всех белых армий, порой переходящее в бегство. Правда, 3-й — затем Крымский — корпус генерала Я. А. Слащова, отбив наскоки красной бригады 46-й стрелковой дивизии в декабре, а потом, имея не более пяти тысяч, — 13-й армии, в январе-марте, сумел зацепиться за Перекоп, удержав Крым¹ — последний бастион белого движения. Но это был единичный успех.

Как в армии, так и в тылу преобладало подавленное, если не паническое, настроение. Наступили «дни общего развала, тревоги и неудовольствия»². Разваливался фронт; тревожно было — и за собственную жизнь, и — для меньшинства — за судьбы страны; неудовольствие — растущее — вызывали Главнокомандующий ВСЮР А. И. Деникин и его действия. «...Всё громче раздавались голоса, обвинявшие Главнокомандующего в катастрофе. Враждебными элементами неудовольствие это усиленно муссировалось, распространялись слухи о «готовящемся перевороте»³. Причём голоса раздавались и на фронте, и в тылу.

Армия была травмирована неудачами, искала «козла отпущения» в Деникине и его «злом гении», начальнике штаба генерал-лейтенанте И. П. Романовском (уже после отставки, 5 апреля 1920 года, убитом в Константинополе поручиком М. А. Хорузиным), Н. Н. Шиллинге? особенно после беспорядочного, стоившего многих жертв оставления им Одессы 25 января (7 февраля) 1920 года, В. З. Май-Маевском... И, как водится, искала замену, спасителя.

Тыловых возмущало и другое. «Трагедия Деникина и др. военных руководителей, — писал публицист, отражая мнение многих, — заключается в том, что вокруг них нет лиц, которые не только хотели, но и могли бы взять на себя политическое руководство возрождавшейся страной». Окружение Деникина отстало от жизни: не утверждён законопроект о выборах в земские собрания — земство умирает, ничего не сделано ни в крестьянском, ни в рабочем вопросе, ни в экономике, ни для оздоровления тыла⁴.

Вариант спасения, который к весне 1920-го стал просматриваться всё яснее, да и подбрасывался из-за рубежа, — переговоры с Москвой. Но Деникин совершенно лишён гибкости. Он не намерен сдавать ни одну из своих позиций, считая это твёрдостью. Он чужд поискам и компромиссам.

1 февраля (ст. ст.) военный корреспондент английской «Дейли Экспресс» И. Г. Гондсон взял у Главнокомандующего интервью.

«На каких условиях вы заключили бы мир с большевиками?»

«Моё единственное желание — *это совершенное уничтожение советского режима*. Я должен вешать всех, причастных к ужасам большевизма... Об Учредительном Собрании можно будет говорить только после наведения порядка в стране».

«Добровольческая армия — это символ монархии?»

«...*Прочная демократическая армия.*

(...)

Земельный вопрос — может быть разрешён только хорошо проведённой эволюцией. Пусть с ним разбирается Учредительное Собрание». «Национальный вопрос? (...)»

«*Я не могу допустить, чтобы Россия была отрезана от морей*, что, кажется, продельвается на Балтийском побережье. Если Россия будет разделена на части, — рано или поздно изнутри поднимется ропот протеста для нового объединения с окраинами»⁵.

Если в последнем можно усмотреть государственную мудрость, то в остальном...

А что же Южнорусское правительство? Оно совершенно бессильно, хотя и пытается что-то сделать. В февральской его декларации мы находим пункты о восстановлении русской государственности посредством Учредительного собрания и с опорой, главным образом, на «трудящихся крестьян, казаков и рабочих» (а политика Деникина? — *Авт.*), передаче земли тем, в чьих руках больше нормы (какой? — *Авт.*), страховании рабочих и льготах кооперативам⁶. Но всё остаётся на бумаге: Деникину не до того. Главнокомандующий «своё» правительство игнорирует.

Интересный земельный законопроект разрабатывает министр земледелия, казак, считавшийся левым, П. М. Агеев. Волостные советы, по его проекту, производят тщательный учёт земель; уезды, получив все необходимые данные, занимаются отчуждением и распределением земли среди нуждающихся; «сохраняется мелкая земельная собственность, нормы которой устанавливаются губернским советом различно по районам в зависимости от остроты малоземелья в данном районе и степени культуры хозяйства»⁷. И, кстати, никакого выкупа.

Но плод размышлений Агеева опять-таки остаётся его личным делом.

Взоры всё чаще и чаще останавливаются на фигуре бывшего командующего Кавказской и Добровольческой армии генерал-лейтенанте П. Н. Врангеле и его неизменном спутнике, генерале от кавалерии, бывшем начштаба П. Н. Шатилове⁸.

Врангель в это время в Новороссийске. После провалов в Донбассе он не у дел. Н. Н. Шиллинг предлагает ему должность своего помощника по военной части. А генерал-лейтенант А. С. Лукомский, влиятельный английский

советник, генерал Хольман во время бездарных действий Шиллинга в Одессе приходят к выводу, что человеком, способным остановить продвижение красных в Крым, может быть только Врангель. Однако у Главнокомандующего, чувствующего во Врангеле сильного соперника, иное мнение. Между ними и старые счёты: в бытность свою командующим Кавказским фронтом Врангель интриговал против Деникина, всячески раздувая культ самого себя. Деникин «доволен делами в Крыму и Слащёвым и поэтому не считает необходимым, чтобы вас направили в Крым...» (Лукомский — Врангелю, 25 января). «Генерал Слащёв исправно бьёт большевиков и со своим делом справляется. В случае отхода из Одессы в командование войсками в Крыму вступит генерал Шиллинг» (Деникин — Врангелю, 25 января)⁹.

Честолюбивый Врангель взбешён. «...Сознавая, что мною воспользоваться не хотят и дела для меня ни в армии, ни в тылу не находятся, не желая оставаться связанным службой и тяготясь той сетью лжи, которая беспрестанно плелась вокруг меня, я решил оставить армию»¹⁰, — вспоминал он.

Отставка принимается. Врангелю разрешено выехать в Крым, где у него дача. Отправив семью в Константинополь, Врангель 31 января прибывает на Севастопольский рейд. О даче он, однако, не вспоминал, предпочитая проживать на пароходе «Александр Михайлович», том самом, на котором приплыл, то есть держаться поближе к событиям.

Интерес к опальному полководцу, да ещё тесно связанному с Крымом, велик. Сразу же по прибытии просит его об интервью журналист из «Крымского Вестника».

«Я прибыл сюда, как частное лицо (лукавит. — *Авт.*), — заявил генерал.

— Ничего о положении на фронте я сказать не могу, так как остался не у дел после расформирования моей армии. Я провёл 5 недель в Новороссийске как совершенно частный человек. Чувствуя себя всё ещё связанным по рукам и ногам, я подал в отставку.

— Долго ли вы намерены пробыть у нас?

— Здесь в Севастополе я пробуду ещё несколько дней, а затем отправлюсь в Ялту, где у меня есть дача. Там я и буду жить постоянно.

— За границу я не поеду, — сказал в заключение ген. Врангель, — так как слишком люблю Россию и, быть может, ещё смогу быть ей полезным»¹¹.

Врангель становится очередным «возмутителем спокойствия» в Крыму. Что же происходит на полуострове?

Крым напоминает большой цыганский табор. Здесь — буржуа, служащие, интеллигенция, люмпены и всякого рода тёмные личности со всей России. Сюда принесло даже судно из Владивостока с банковскими служащими. Здесь собрались известные русские писатели и поэты: А. Т. Аверченко¹², В. В. Вересаев, М. А. Волошин, О. Э. Мандельштам, С. Н. Сергеев-Ценский, И. Д. Сургучёв, К. А. Тренёв, Е. Н. Чириков¹³, И. С. Шмелёв, И. Г. Эренбург и многие другие. Здесь лучшие русские журналисты, актёры и киноактёры. Здесь очень много духовных лиц. Здесь всевозможные

тыловые части. Здесь, наконец, масса дезертиров, а также раненых и выждоравливающих. «В Крыму скопилось огромное количество разрозненных тыловых войск, части управлений, громадное число беженцев. Запуганные, затерянные, потерявшие связь со своими частями и управлениями, не знающие, кого слушаться, они вносили собой хаотический беспорядок»¹⁴.

И все хотели одного — есть, и иметь хоть что-то. «...Крым был наводнён шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учёта не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше награть и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения»¹⁵.

Комендант Севастопольской крепости и начальник гарнизона Севастополя генерал-майор В. Ф. Субботин и Таврический губернатор Н. А. Тагитшев, справиться с этим человеческим половодьем не могли никак. Базовые инстинкты множества людей оказались сильнее, чему в немалой степени способствовала разрешённая 23 декабря свободная продажа спиртного. Наверху оказывались, понятно, самые отъявленные и оборотистые. «Идёт гражданская война, полная ужасов и крови. Страна разорена — нет земледельческих орудий, одежды, лекарств, нет азбуки для детей. Промышленность и транспорт погибли. Доедаются последние крохи бывших богатств.

Мы в агонии, умираем.

А здесь всевозможные шакалы всевозможных пород рвут последние отрепья с разграбленной, обезнищенной России: спешат вывезти за границу последнее сырьё, хлеб, табак и вино, ничего не давая в обмен народу, кроме никому не нужных бумажек», — сокрушался журналист¹⁶.

К растаскиванию немногого оставшегося приложили в 1920 году руку не только мелкого пошиба «предприниматели», но и сливки тогдашнего крымского общества — от генерал-майора В. З. Май-Маевского и генерал-лейтенанта В. Л. Покровского¹⁷ до, как ни печально, будущего главы правительства А. В. Кривошеина. У многих офицеров и солдат, прошедших на фронте все круги ада, эта вакханалия не вызывала ничего, кроме озлобления.

Хоть немного смягчить ситуацию могла, как её тогда называли, «разгрузка» Крыма.

Организованная эвакуация началась к середине января. Ответственным за её проведение был назначен помощник П. Н. Врангеля по гражданской части во времена его командования Добровольческой армией С. Д. Тверской¹⁸. Эвакуации подлежали раненые, больные, семейства военных и чиновников, лица до 17-ти и после 43-х лет, негодные к военной службе¹⁹. Их размещали в лагерях, что были устроены союзниками под Константинополем, на Принцевых островах и в Болгарии. К апрелю, с учётом беженцев, количество россиян в Турции, Болгарии и Сербии составило 45 тысяч человек (почти половина — офицеры)²⁰.

О том, каким же было истинное положение дел с продовольствием в Крыму (а кормить было нужно десятки тысяч: В. И. Ленин говорил о трёх-

стах²¹), судить непросто. Один из авторов, ссылаясь на известного крымского экономиста М. Е. Бененсона²², пишет о том, что в период 1916–1918 годов Крым не только покрывал всю свою потребность — 9 миллионов пудов в год — в продовольственных хлебах, но и имел около 10 миллионов пудов излишка (во что, откровенно говоря, верится с трудом. — *Авт.*). А «блестящий урожай 1919 года дал избыток не менее 15 мил. пуд.» Следовательно, заключает автор, «Крым вполне обеспечен хлебом более чем на полтора года, и для него не опасен ни недосев, ни недосбор в случае неурожая... (...) В общем и целом Крым должен быть признан, даже в условиях отрезанности от других районов, достаточно благополучным в продовольственном отношении»²³. (Армия? Беженцы? Бесконтрольный вызов?).

А вот у Таврической губернской земской управы иное мнение: ввиду резкого сокращения осенних посевов Крыму угрожает голод²⁴.

Или: зарисовка с натуры.

«У пекарен длиннейшие хвосты. Хлеба нет, с каждым днём его всё меньше и меньше и вольная (рыночная. — *Авт.*) цена его всё повышается.

Обыватель ропшет. В семьях растерянность. Потому что для трудового люда хлеб в последние дни был чуть ли не единственным источником питания, в виду невероятного повышения цен на прочие продукты»²⁵.

Уместнее всего для нас объективный анализ ситуации в сельском хозяйстве. Итак, посевные площади сократились к 1920 году (с начала Гражданской войны или с 1914 года? — *Авт.*) почти наполовину. Крестьяне сеять не желали (реквизиции, арендная плата и пр.), крупные землевладельцы — боялись (отберут). В тяжёлом состоянии огородничество, заброшено две трети виноградников, особенно плохо с овцеводством (военные всех цветов любят баранину). Помещики вообще свёртывают всякое производство, и «почти вся посевная площадь Крыма перешла в фактическое владение крестьян...» Даже немцы-колонисты стали сокращать хозяйства. «Из групп и слоёв населения крепче других держатся болгары, экономически наиболее сильная группа населения»²⁶.

Стремясь поправить положение дел за счёт избыточного населения, генерал-майор В. Ф. Субботин постановил 29 декабря: ввести (подобно большевикам) трудовую повинность мужчин от 17-ти до 45-ти лет включительно. Привлекаться к несению повинности должны, разъяснял он, «преимущественно люди физически здоровые, трудоспособные и не обременённые как служебными обязанностями, так и делами своей профессии»²⁷. Не исключалось, а даже предполагалось несение повинности буржуазией, которая своим поведением настолько переполнила чашу терпения военных властей, что Н. Н. Шиллинг и Субботин подписали 3 февраля приказ (жёсткий по форме, но, откровенно говоря, пустой по содержанию): «Обеспеченные классы населения, укрывающиеся за спинами моих славных бойцов фронта и часто имеющие наглость критиковать действия последнего, не оказывая ему никакой помощи, являются главными преступниками против об-

шего дела борьбы с большевизмом и будут мною привлечены к этой борьбе материально и индивидуально»²⁸.

Разумеется, буржуазия пропустила тирады, как поговаривали, нечистого на руку Шиллинга мимо ушей. Кого нужно — она всегда могла подкупить.

А с трудовой повинностью получилось то, чего и следовало ожидать. Брали старше 45-ти лет, больных, — в подавляющем большинстве евреев; несмотря на то, что в приказе было выделено — «в первую очередь надлежит привлекать состоятельных лиц», — брали служащих, рабочих, даже занятых в оборонном производстве, далее — журналистов, инженеров, студентов... Не трогали только спекулянтов и аферистов. Хватали на улицах, вытаскивали из квартир, вели в участки под вооружённым конвоем. Короче, превратили «трудовую повинность в карательную экспедицию. (...) Так действовали во времена Николая, даже не второго, а первого»²⁹.

Обнаруживший «отловленных» и выслушавший их генерал Слещов, рассвирепев, велел немедленно отправить их по домам.

Обращаясь к внутрикрымской политической жизни, прежде всего, отметим, что она связана не с именем бесцветного Н. Н. Шиллинга, формального правителя Крыма, запятнавшего себя Одессой, а с колоритной фигурой Слещова.

Генерал-майор Я. А. Слещов предстает в литературе в разных ипостасях — то это жестокий тиран и истязатель, то опять-таки тиран, но при этом чуть ли не карикатурный персонаж. Булгаковский Хлудов далёк от реального исторического лица. Нам представляется (речь идёт только о первой половине 1920 года), что Слещов, мономан по натуре, был всецело поглощён одной идеей: Крым нужно, а главное, можно защитить. Этой идее он, со всей своей энергией, решительностью, храбростью, громадным уважением, которым пользовался в армии, — подчинил всё, часто перегибая, тратя больше, чем, по здравому смыслу, следовало бы. Отсюда — этикетка «Слещов-палач», чуть ли не первый садист в белых войсках.

Однако Слещов не был патологически жесток, как, например, генерал-лейтенанты А. П. Кутепов³⁰, А. Г. Шкуро³¹, В. Л. Покровский, тем более, не сочетал в себе жестокость с беспринципностью, как двое последних. Репрессии, связанные с его именем, объяснялись именно доминантой: раз они мешают мне делать моё, самое главное, необходимое родине дело — их нужно убрать. Слещов считал, что только он на высоте положения — прочие или бегут или разлагаются в тылу (кстати, в этом была доля истины)³². Весь Слещов — в своих знаменитых «суворовских» приказах, над которыми издевались Врангель и другие, но которые столь по-своему замечательны, что их, право, стоило бы издать отдельной книгой. Однако ноша, которую он нёс, отстаивая Крым, оказалось слишком тяжела. Здесь кроется часть объяснения странностей Слещова, наркотиков и алкоголя, неврастении и быстрого старения.

Врангель живописал: «Я видел его в последний раз под Ставрополем, он поразил меня тогда своей молодостью и свежестью. Теперь его трудно

было узнать. Бледно-землистый, с беззубым ртом и облезлыми волосами, громким ненормальным смехом и беспорядочными порывистыми движениями, он производил впечатление почти потерявшего душевное равновесие человека.

Одет он был в какой-то фантастический костюм, — чёрные с серебряными лампасами брюки, обшитый куньим мехом ментик, низкую папаху «кубанку» и белую бурку.

Перескакивая с одного предмета на другой и неожиданно прерывая рассказ громким смехом, он говорил о тех тяжёлых боях, которые довелось ему вести при отходе на Крым, о тех трудностях, которые пришлось преодолеть, чтобы собрать и сколотить сбившиеся в Крыму отдельные воинские команды и запасные части разных полков, о том, как крутыми беспощадными мерами удалось ему пресечь в самом корне подготавливавшееся севастопольскими рабочими восстание»³³.

По В. А. Оболенскому «Слащов — жертва гражданской войны. Из этого неглупого, способного, хотя и малокультурного человека, она сделала беспардонного авантюриста. Подражая не то Суворову, не то Наполеону, он мечтал об известности и славе. Кокаин, которым он себя дурманил, поддерживал безумные мечты»³⁴.

Однако в чём-чём, а во властолюбии Слащова, в отличие от того же Врангеля, обвинить нельзя.

Слащов не любил решать тыловые вопросы, не разбирался в политике, во многих аспектах гражданской жизни. Но, за неимением достойной кандидатуры, он вынужден был заниматься всем этим. Поэтому период с января по март 1920 года мы по праву можем назвать «слащовским».

Таким образом, репрессии продолжали определять собой крымскую жизнь.

Дабы забить последний гвоздь в сложившийся карательный аппарат, Слащов издал в январе приказ по 3-му армейскому корпусу и войсковым частям Крым: «...Учредить военно-полевые суды для рассмотрения на месте дел лиц, нарушающих государственный порядок, общественную безопасность и интересы населения, лиц, действующих во вред Добрармии, нарушая приказы Добрармии и приказы, изданные в порядке Верховного управления»³⁵. Представляется, что приказ служил обоснованием учреждения как бы собственного, «параллельного» военно-полевого суда при ставке Слащова, в Джанкое, который наводил ужас на все население Крыма.

Главным объектом неумоимых преследований служили, конечно, не прекращающие борьбу в подполье большевики³⁶. В ночь на 21 января (3 февраля) 1920 года был арестован севастопольский горком РКП(б). 9 человек приговорены к смертной казни, а именно: В. В. Макаров (председатель комитета), А. И. Бунаков (Рытвинский), И. А. Севастьянов, М. С. Киянченко И. З. Ашевский (Ю. Дражинский), И. М. Вайнблат, Л. Х. Шулькина М. З. Иоффе, С. С. Крючков, которая была исполнена в ночь на 23 января (5 февраля) на крейсере «Генерал Корнилов»³⁷. (Подсудимый

М. А. Исдлович оправдан). Были схвачены и казнены руководители Феодосийского (28 человек во главе с И. А. Назукиным), Керченского (И. Д. Громозда, Р. В. Шмидт, В. Ф. Корнилов³⁸), прочих большевистских комитетов. В марте арестовали членов Мусульманского бюро (Татарской секции) при Крымском областном комитете РКП(б), которое имело «своей целью, — как гласил приказ по добровольческому корпусу от 13 апреля, — путем вооружённого восстания против власти и войск вооружённых сил Юга России изменение установленного на территории Крымского полуострова государственного строя...»³⁹. Ходатайство князя В. А. Оболенского, представителей общественности не возымело последствий для обвиняемых. Шестеро членов бюро были в апреле приговорены к расстрелу.

Жертвой, как и в предшествовавшем году, мог стать любой. В ночь с 6 на 7 января в Севастополе был убит гласный думы, правый эсер И. Е. Марков, известный и как убеждённый противник большевизма, и как человек, спасший жизнь нескольким офицерам и генералу Мочульскому в дни красного террора⁴⁰. В январе был предан суду начальник севастопольского сухопутного контрразведывательного управления С. И. Руцинский. Он обвинялся в том, что служил в Красной Армии, а затем стал большевистским агентом в контрразведке, подделав документы на имя полковника русской армии. Несмотря на столь жуткие обвинения, после 6-часового разбирательства Руцинский был оправдан⁴¹.

И вдруг в водовороте военных неудач, разочарований и озлобления, полного нравственного падения верхов и разгула насилия над населением в ночь на 22 января (ст. ст.) вспыхивает так называемый бунт капитана Орлова.

Н. И. Орлов, командир добровольческого полка, получил известность ещё до 1920 года, яростно выступая против злоупотреблений начальства (возможно, в этом сказывался и своеобразный комплекс неполноценности, проистекавший из «всего лишь» капитанского звания). Храбрец, имевший 10 ранений, однако, согласно Слащову, «неудачник, за время войны не подвинувшийся выше капитана, но со страшным самолюбием и самомнением»⁴². А также, добавим, — наивностью и простодушием, что очень заметно по его многочисленным воззваниям. Орловым, как нам представляется, владели ещё два сливающиеся воедино чувства: справедливости и сохранения в чистоте риз белого движения.

В конце декабря Слащов посылает близкого ему князя С. Г. Романовского герцога Лейхтенбергского⁴³, члена семьи царствующего дома, в Симферополь для «заведывания корпусным тылом и формированиями»⁴⁴. Здесь герцог знакомится с Орловым. Капитан начинает сбивать из отирающихся в тылу войск Крымский (Симферопольский) полк добровольцев. Слащов благоволит к Орлову, помогает чем может, и к концу января полк налицо и насчитывает уже 1500 человек.

Слащову неизвестно, что Орлов вёл переговоры — с информационной целью (пишет знаток событий)⁴⁵ с большевиками. Обе стороны стреми-

лись прощупать друг друга. Капитан, демонстрируя политическую безграмотность, даёт себе загадочную характеристику: он правее левых эсеров, но левее правых эсеров. В Симферополе уже открыто поговаривают о захвате власти, но, как ни странно, до Слащова эти разговоры не доходят. Большевикам нужно от Орлова пока одно: освободить политзаключенных (в симферопольской тюрьме их более ста).

22 января Орлов получает от Слащова приказ: выступить на фронт. Вместо этого он, распропагандировав часть полка, действуя, якобы, от имени Слащова, без сопротивления захватывает Симферополь. Располагавшиеся в городе запасные части и немецко-татарский отряд лейтенанта Гомейера, формировавшийся параллельно с орловским, объявляют нейтралитет.

Орлов арестовал губернатора Н. А. Тагищева, В. Ф. Субботина, должностных лиц, известных своими злоупотреблениями, начальника штаба войск Новороссии В. В. Чернавина⁴⁶, начальника гражданской части при Н. Н. Шиллинге — Брянского. Политзаключённых он, однако, не освободил, и большевики к Орлову охладели.

Того же числа в срочном порядке было назначено частное совещание гласных Симферопольской городской думы для обсуждения создавшегося положения. На совещание явился некий офицер от Орлова и «сказал, что никакого переворота не произошло и что сегодняшний день является лишь результатом той спекуляции и разрухи, которая наблюдается в тылу. Не преследуя никаких других целей, участники движения считают необходимым обратить внимание людей, стоящих во главе, на то, что надо избавить большинство от эксплуататоров и грабителей. Этим путём они не играют на руку большевикам, а, наоборот, хотят облегчить положение товарищей на фронте. Отдельные представители Добровольческой Армии своим отношением к населению в тылу вызывают недовольство и местные восстания зелёных. **Надо оздоровить тыл, чтобы сдержать натиск большевиков** (выделено нами. — *Авт.*). О переменах гражданской власти не думали, так как вся мысль направлена на условия военной среды. (...) Генералу Слащёву они подчиняются и донесли о всём происходящем. Приказ Слащёва о высылке на фронт обмундирования не исполняется, и солдаты мёрзнут и болеют, почему и решено исполнить это распоряжение и снабдить фронт необходимыми вещами. Согласно последним сведениям генерал Слащёв вошёл с капитаном Орловым в соглашение»⁴⁷.

Собственно, в этих словах и заключена программа Орлова. Более кратко её можно представить так: «Генералы нас предадут красным, они не способны спасти положение. Долой их. Станем вместо них и поведём борьбу»⁴⁸. Таким образом, это был своеобразный бунт младшего офицерства против комсостава, сочтённого разложившимся и недееспособным. (Особенную ненависть вызывали фигуры Май-Маевского и Шиллинга).

Кто окружал Н. И. Орлова и на кого он опирался? Были в его отряде и «легальные дезертиры», и лица тёмные, авантюрного склада, и, видимо,

просто алкавшие справедливости. Об иных, кроме Орлова, вожакх движения литература почти умалчивает. Мы выделим поручика Динцера — «идеолога Орловского движения», как сформулирует позже Симферопольская прокуратура, решительного поручика Серебрякова, настаивавшего на расстреле арестованных⁴⁹, как бы заместителя Орлова Дубинина, расстрелянного Слещовым. Есть сведения, что орловцы встретили благосклонный приём у татар горных деревень.

Из своего штаба в гостинице «Европейская» «начальник гарнизона г. Симферополя» Орлов рассылает свои многочисленные воззвания, отпечатанные типографским способом⁵⁰. Среди них оказалось одно явно большевистского, антислещовского содержания, вряд ли вышедшее из-под пера орловцев, тем более, что они сразу от него отмежевались. Скорее всего, это был остроумный ход большевиков-подпольщиков, да и бумага, на котором отпечатано воззвание, отличалась от других цветом⁵¹.

В этих документах встречаются и призывы социально-политического толка. Например: «Молодые офицеры, глубоко любящие свою Родину, решили призвать всех к порядку! Всё для фронта и для успеха борьбы с коммунистами, а для этого нужен крепкий тыл. Крестьяне и рабочие должны получить немедленно землю и хлеб! (...) Необходимы гарантии законности действий граждан от произвола чрезвычайек (и) контрразведок»⁵². Лозунг «Земля — крестьянам, хлеб — рабочим!» становится «ходовым» в орловском движении.

Читая эти листовки, вряд ли назовешь Орлова авантюристом, как повелось с лёгкой руки Врангеля⁵³ и других. Он знал, что делал. Недаром Слещов констатировал: «Орловщина была серьёзным движением, с которым пришлось очень и очень считаться. Одесская эвакуация Шиллинга дала ей твёрдую почву»⁵⁴. Орлову многие, иные и открыто, как в Севастополе, сочувствовали в армии. К нему с явной симпатией относилось население, вначале, не имея никакой информации, гадавшее, кто же он: большевик, махновец, сторонник Врангеля? «Сведения о политическом настроении города Евпатории», социологическая, как бы мы сказали сейчас, сводка, составленная командиром городской стражи полковником Бертольдтом, фиксирует: «...Для большинства Орлов — безусловно — честный парень, но «чересчур горячая голова»; для некоторых, правда, немногих — «опьянённый властью авантюрист и фантазёр», который не побрезгует ролью «Добровольческого Махно»... (...) В широких кругах населения гор. Евпатории к капитану Орлову относятся, безусловно, сочувственно; в частности, рабочие круги считают движение, возглавляемое капитаном Орловым, глубоко-демократичным... Преобладающее мнение таково, что только будущее покажет, был ли переворот капитана Орлова «авантюрой» или последней вспышкой угасающего патриотизма русского офицерства»⁵⁵. И если бы не Слещов, со всем своим громадным, пусть и негативным, авторитетом для крымского общества, силой влияния — для армии, и решительностью, — ещё неизвестно, как повернулось бы дело...

А Слашов, на чьё содействие так рассчитывал Орлов, по-прежнему действовал, руководствуясь принципом: надёжный тыл — опора фронта. Он задержал у себя посланца Орлова герцога Лейхтенбергского и отбил 24 января телеграмму: «Приказываю всем должностным лицам и прочим гражданам России в случае обнаружения в их районе предателя Орлова или его присных доставить их ко мне живыми или мёртвыми. Заранее объявляю, что расстреляю всех действующих с Орловым»⁵⁶.

Слашов не стал выдвигать против Орлова крупных сил, опасаясь оголеть фронт. Он отправился в Симферополь сам. Из Севастополя двинулись два бронепоезда (один офицерский, во главе с Май-Маевским). Орлов, освободив арестованных им, ушел 24-го января из Симферополя на юг с отрядом в 150 человек⁵⁷ и кассой местного банка в 2 миллиона рублей (впоследствии та же участь постигнет казначейства Ялты и Алушты). Большинство оставило его, узнав о позиции Слашова. Был арестован брат капитана, поручик Орлов, делопроизводитель его штаба. Призвав своё бессилие, 7 февраля ушел в отставку Субботин. Его сменил генерал-лейтенант А. Ф. Турбин⁵⁸.

Орлов, между тем, подошел к Ялте. Самодур В. Л. Покровский пытался организовать «сопротивление». Всех подряд, вплоть до гимназистов, ловили на улицах, вооружали чем попало и загоняли в окопы. Разумеется, что это воинство без единого выстрела пропустило Орлова в город⁵⁹. Прибывшая на транспорте «Колхида» тыловая команда отнеслась к Орлову дружески, мало того, потом распространяла в Севастополе его листовки. Кое-кого Орлов арестовал, в том числе случившегося в Ялте английского полковника и самого Покровского, но вскоре отпустил, правда, пригрозив перед этим Покровскому повешением⁶⁰.

Наконец, появился приказ Главнокомандующего с требованием Орлову немедленно отправиться на фронт, дабы загладить свою вину. В то же время, косвенно признавая известную правоту его поступка, Деникин приказал назначить комиссию для расследования причин, вызвавших смуту⁶¹.

При посредничестве эсера Ф. И. Баткина Орлов 10 февраля сдался и с нерасформированным своим отрядом отбыл на фронт.

18 февраля в Симферополе «1 Добровольческий полк под командой кап. Орлова участвовал в торжественном параде. Парад принимал ген. Слашёв, оставшийся весьма довольным состоянием части и сказавший Орлову: «Не буду вас долго задерживать. Для вас у меня только два слова, которые, я знаю, вам дороже всего: «родина и дисциплина»⁶².

3 марта (ст.ст.) Орлов показал, насколько ему дорога дисциплина. Он снял отряд в 500 человек с фронта и повёл его на Симферополь. Для Слашова это было уже слишком. Он отправил в погоню полк 9-й Кавказской дивизии (400 шашек) с 8-ю орудиями и 100 шашками конвоя, двумя бронепоездами, лётчиками для разведки и собственный поезд⁶³. Орловцы были рассеяны. Из взятых в плен 16 человек по приказу Слашова расстреляли (во главе с поручиком князем Бебутовым)⁶⁴. «Приговорённые к смерти во-

енно-полевым судом, они были положены в ряд, лицами вниз, на платформе станции Джанкой и расстреляны в затылок. Трупы их для острастки оставшихся в живых товарищей целый день лежали в рядах на платформе»⁶⁵. Сам капитан и 20–30 человек сумели спастись и бежали в горы. В воззвании подпольного большевистского Крымского областного военно-революционного комитета заявлялось, что «Орлов бандит, авантюрист и такая же золотопогонная сволочь, как и все добровольцы, а если вы не послушаетесь нас и не бросите отряд этого разбойника, то с вами будет поступлено со всей жестокостью условий военного времени»⁶⁶.

Отряд Орлова оказался теперь «зелёным» и действовал весь врангелевский период, базируясь у Козьмо-Демьяновского монастыря. Время от времени Орлов наезжал в Симферополь, где таилась его агентура⁶⁷. После взятия Крыма советскими войсками он явился в особый отдел фронта и предложил свои услуги по борьбе с бандитизмом. Его просьба была удовлетворена. Однако поступил донос от симферопольских большевиков, и Орлов в декабре 1920 года был расстрелян вместе с братом Борисом.

Наделавшая столько шума орловская «эпопея» стала одним из признаков загнивания добровольческого движения. Аналогов орловского феномена в истории Гражданской войны мы не знаем. Разве что в наше время выступление младших против старших в армии стало явлением заурядным, особенно в странах «третьего мира».

«Орловщина», о чём историки не писали, имела своё ответвление, связанное с именем крестьянина Афанасия Васильевича Петляка.

Судя по выводам следствия, которое, кстати, производил председатель комиссии по расследованию выступления Орлова генерал-майор И. Л. Николаев⁶⁸, крестьянин Евпаторийского уезда А. В. Петляк «показал, что он состоит в отряде капитана Орлова, поручившего ему вербовать в Евпаторийском уезде добровольцев и дезертиров для борьбы с большевиками, что с этой целью он, Петляк, ездил по деревням и селам, призывая записываться в его отряд»⁶⁹. Насколько реален тесный контакт кадрового офицера Орлова с крестьянином Петляком, судить мы не можем, но вероятность его допускаем, тем более что в некоторых из своих воззваний орловцы выдвигали крестьянский вопрос.

Петляк выступал перед населением уезда в качестве предводителя «Второго отряда народной армии» (выделено нами. Сам Орлов при этом именовался Начальником добровольческих отрядов Крыма. — *Авт.*) движения Орлова». Ему удалось собрать только 25 человек.

Сохранились отпечатанные типографским способом листовки Петляка. Самая лапидарная из них названа «Программой»:

«1) Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание и окончание кровопролития.

2) Каждый хозяин плодов своего труда.

3) Земля трудовому народу и государству.

4) Борьба с врагом-грабителем.

Итак, борьба с грабителем, а всем остальным простираем широкие объятия.

А. В. Петляк»⁷⁰.

Вычленим главные идеи: протест против Гражданской войны, призыв к народовластию, государство на трудовых принципах, ненависть ко всевозможным реквизиторам плодов чужого труда и борьба с ними. Ключевой термин «враг-грабитель», как видно из другого документа Петляка, подразумевал и «комиссаров», и белогвардейцев (но не всех, а именно грабителей): «...Назовем одного врага — грабителем, потому, что какие у него идеи не были бы, а раз он грабит и проповедует грабёж, то есть он враг честного народа. Потому что грабёж и разгром не приносит никому пользы и так, кто-бы он не был, правый или левый, нам всё равно, пощады не будет»⁷¹.

Для нас особенно важно в движении А. В. Петляка, каким бы мизерным по масштабам оно ни казалось, именно это отчётливое проявление психологии крестьянина-труженика, чуждого как призывам типа «грабь награбленное», так и грабежу мирного по самой сути своей человека со стороны власть и силу имущих по «праву» привилегий.

Сильно звучит и столь наивная, казалось бы, в огне Гражданской войны, где «брода нет», апелляция к заветам Спасителя, антагонистичная воинственным призывам иных иерархов: «Оправдаем слова Христа, который сказал «Настанет время, когда я приду к Вам, вселюсь в вас и буду вашим Богом и Вы моим народом», т. е. настанет час, когда народ сознает правду и сольётся в одно и выберет себе Народное, т. е. Учредительное Собрание, которое будет править по воле народа»⁷².

И не следует удивляться тому, что «Петляк сочувствием не пользовался (хотя это резюме делается противной стороной, возможно, в реальности было иначе. — *Авт.*), и жители относились к нему недоверчиво, почему в состав отряда к нему добровольно не шли, а он пополнял свой отряд разоружёнными воинскими чинами команд этапных Комендантов и чинов Стражи, увлекаемых с собой под угрозой...»⁷³. Ибо Петляк столкнулся с тем самым менталитетом крымского крестьянина, к тому же замордованного добровольцами, глашатаем которого он же и выступал! Крестьянина, желающего только мирно и спокойно трудиться на своей земле. Петляк видел идеал в ненасильственном мире, этаким большим всенародном «общино-государстве», но достичь его пытался насилием.

Тем не менее, никаких вооружённых нападений за петляковцами не числилось. И всё же 22 февраля (ст. ст.) для ликвидации отряда Петляка была отряжена конная команда под началом поручика Ракова в составе двух младших офицеров, 34 всадников и двух пулемётов с приданными четырьмя офицерами и двумя вольноопределяющимися. 24 февраля деревня Б(о)араган (ныне не существует), где расположились петляковцы, была окружена и 22(21) человека схвачены. Самого Петляка и его соратника Грекова определили в симферопольскую тюрьму, где и велось доз-

нение. Его результаты нам неведомы. Судя по тому, что имя Петляка далее нигде не встречается, они однозначны.

Смена В. Ф. Субботина А. Ф. Турбиным на посту командующего Севастопольской крепостью и гарнизоном походила вначале на потепление и породила большие надежды. Генерал-лейтенант Турбин выступил с заявлением о необходимости связи властей с общественностью и приступил к осмотру тюрем, которые произвели на него, по его же словам, ужасное впечатление. Из 327 узников севастопольской тюрьмы более 30 было освобождено, улучшены питание и условия содержания. 5 февраля на свободу вышел Н. Л. Канторович, 14-го — В. А. Могилевский. Прокатилась волна отставок, были заменены некоторые одиозные в глазах крымчан чиновные фигуры. И сразу же, как бы в преддверии весны, запахло в воздухе мечтами о гражданском правлении.

«Ген. Турбин не убоился мужественно заявить, что политика прежней власти по отношению к городскому самоуправлению была недопустима. Прекрасно. Но пусть же новая власть не ограничится порицанием прежней власти, а покажет на деле, что голос представителей населения отныне для неё не звук пустой... — призывал известный в Крыму публицист. — Только фактическое проведение в жизнь свободы собраний и неприкосновенности личности даст обществу и его представителям возможность перестать чувствовать себя, как в осаждённом лагере»⁷⁴.

Один из социал-демократических лидеров, товарищ городского головы Севастополя И. С. Пивоваров призвал через прессу отменить цензуру, прекратить материальное и моральное поощрение реакционной печати, покончить с арестами «по подозрению в большевизме», по доносам, по мотивам сведения личных счётов, с преследованием рабочих организаций⁷⁵. Все вдруг заговорили о выборах в законодательную комиссию, не только о политических, но и социальных реформах, ибо отсутствием последних, как справедливо отмечал Канторович, убиваются гарантии окончания Гражданской войны.

Но ведь гражданское правление как будто существовало — в лице Южнорусского правительства, и положение о законодательной комиссии оно разработало. Однако практика Южнорусской власти была подвергнута крымской общественностью беспощадной критике: власть недемократична — раз; представителей Крыма там нет — два; рабочие устранены от выборов — три и т. д.⁷⁶ По словам В. А. Оболенского, «положение этого правительства, состоящего в большинстве из честных, дельных и прогрессивных людей, но правительства, совершенно чуждого населению, с ненадёжным административным аппаратом и окружённого враждебной стихией, было поистине трагичным. Это даже не была слабая власть, а просто власть, висящая в воздухе...»⁷⁷. Тем не менее, никакие «самостийные» варианты в духе М. А. Сулькевича не обсуждались. «Так как Таврический полуостров является ныне составной частью южной полосы России... воз-

можность повторения здесь экспериментов с организацией самостоятельного «государственного образования» совершенно отпала...»⁷⁸.

Меж тем, отсутствие каких-либо надежд на Южнорусскую власть командование ВСЮР блестяще оправдало. 11 марта (ст. ст.) правительство прибыло в Севастополь. А 17 марта было распущено, после чего большинству его членов ничего не оставалось, как эмигрировать в Константинополь, что они и сделали.

Главкомандующий был, как всегда, безапелляционен: «I. В виду того, что территория, занятая вооружёнными силами юга России, сократилась, признаю необходимым временно изменить и упростить организацию гражданского управления (создание правительства тоже мотивировалось «упрощением». Маоисты говорили иначе: «упорядочение». — *Авт.*)

1) Совет министров упразднить;

2) поручить М. В. Бернацкому⁷⁹ организовать упрощённое и сокращённое численно деловое учреждение...

3) Местную власть Крыма преобразовать, привлекая к участию в ней избранных представителей местной области.

II. Общее направление внешней и внутренней политики остаётся неизменным...»⁸⁰.

Теперь о пресловутых выборах в законодательную комиссию. В. А. Оболенский так рассказывает о произошедшем. Ещё в декабре А. И. Деникин заговорил с ним «о подготовлявшемся созыве не то парламента, не то земского собора». Когда в январе Таврический губернатор получил телеграмму с изложением системы выборов в данное учреждение, то понял её не как проект, а как распоряжение о производстве этих выборов, которые и были назначены. На губернском избирательном съезде представителей земских управ и кооперативов 16 февраля, который проходил под председательством Оболенского, тот выступил с докладом о необходимости «временного автономного устройства Крыма»: «Мотивы мои были двоякие: во-первых, большая часть территорий, оставшихся под управлением генерала Деникина, состояла из автономных казачьих областей, и в новом парламенте большинство должно было принадлежать казакам. Создавалось, таким образом, какое-то архитектурно неслепое конфедеративное государство, в котором Крым становился чем-то вроде колонии. Являлось опасение, что при преобладающем влиянии в парламенте и в правительстве казаков, проникнутых специфическим казачьим патриотизмом, интересы Крыма могут основательно пострадать.

Кроме того, опыт всего пережитого категорически подсказывал необходимость общей децентрализации управления. Само собой разумеется, что, настаивая на автономных правах для Крыма, я имел в виду получить эти права свыше, сделав представление генералу Деникину. Мысль моя вызвала единодушное сочувствие всех собравшихся, но местные лидеры эсеров предложили, не дожидаясь разрешения сверху, объявить явочным порядком наличный съезд постоянным учреждением, включив в него для

установления связи с рабочими представителей профессиональных союзов». Оболенский возражал и отказался быть избранным в создаваемый орган («парламент»). По его мнению, предлагался «суррогат совета рабочих и солдатских депутатов почти на самом фронте». «По-видимому, это была просто революционная отрывка у ничему не научившихся людей, которые не понимали, что широкие слои населения, уставшие от революции и гражданской войны, их не поддержат и что вся эта затея превратится в смешной фарс, если большевики, имевшие влияние в некоторых профессиональных союзах, не превратят его в трагедию»⁸¹. Однако данное предложение прошло большинством голосов⁸¹. Избирательный съезд выделил из своего состава некий «комитет»: В. С. Елпатьевский, Д. Г. Аметов, А. В. Фосс, М. Хайрутдинов, А. И. Кузнецов, Головки.

На заседании Севастопольской и Балаклавской дум 17 февраля выяснилось, что социалистический блок отказывается, а демократический — поддерживается от участия в выборах. Поэтому большинством голосов думы решают: отказ.

Того же числа состоялось собрание городских дум Симферополя, Бахчисарая и Карасубазара, где В. А. Оболенский и П. С. Бобровский выступили с докладами о крымской автономии. «Здесь наши точки зрения были одобрены огромным большинством, и мы были избраны членами парламента, увы, существовавшего лишь в проекте...»⁸². Здесь оптимизма было поболее, поэтому выработали своеобразный наказ чаемому законодательному собранию: 1) найти «приемлемые для демократии... пути к прекращению гражданской войны... в конце разорившей Россию и питающей все худшие элементы населения»; 2) источником власти должна быть не диктатура, а «воля народа»; 3) «управлению должно быть чуждо чувство мести к инакомыслящим, отсюда признание необходимости политической амнистии»; 4) местное самоуправление на базе законодательства Временного правительства; 5) «восстановление народного хозяйства», невозможное без передачи земли трудовому крестьянству; 6) благоприятное решение вопроса о рабочих и интеллигенции, «гибель которой равносильна гибели культур»; 7) «немедленное введение в **Крыму автономного устройства**» (выделено нами. — *Авт.*); 8) национально-персональная автономия (то есть самоидентификация и культурное обустройство всех национальных групп Крыма — *Авт.*)⁸³.

Это, без сомнения, один из лучших политических программных документов, когда-либо (не только в период Гражданской войны) появлявшихся в пределах Крыма. Но реальная история, увы, предпочла не прямую дорогу, а обочины, ухабы и рвы.

Крымские татары. К описываемому времени в мусульманской среде определилось два течения: сепаратисты и автономисты («Миллет», сторонники федеративной связи с Россией). В целом же татарский актив склонялся к отказу от участия в общих выборах, требуя созыва татарского национального парламента⁸⁴.

И всё закончилось фарсом: оказалось, что там, где выборы состоялись, они прошли по недоразумению, поскольку избирательный закон ещё не был утверждён. По ходу заметим, что отсутствие достоверной информации, связи и личных контактов — ещё один признак Гражданской войны. Достаточно напомнить, что губернские собрания всех видов частенько проходили без той или иной делегации. Мотивировка: нет транспорта.

«Оттепель», как и следовало ожидать, длилась считанные дни. 18 февраля грянул гром.

По прямому приказу Я. А. Слащова и по обвинению в стремлении к захвату власти в Севастополе были задержаны: с.-д. В. А. Могилевский, председатель Крымпрофа и севастопольского совета профсоюзов с.-д. Н. Л. Канторович, товарищ городского головы с.-д. И. С. Пивоваров, гласный думы с.-р. А. В. Некрасов, товарищ председателя союза торгово-промышленных служащих М. А. Пескин. Их увезли в самое страшное место Крыма — Джанкой. «Либерал» Турбин лицемерно заявил, что имеются, дескать, доказательства деятельности большевистского характера данных лиц и выпадов их против Добрармии⁸⁵. Севастопольский городской голова Я. Н. Перепёлкин вместе с членами городской думы поспешил к Слащову, ходатайствуя за задержанных, но успеха не добился. Тогда он дал телеграмму в Симферополь В. А. Оболенскому, прося поддержки. Спустя несколько часов, Слащов, не без участия Оболенского, милостиво согласился «простить виновных» на условиях: первое, сохранение спокойствия в городе до 1 марта и, второе, предоставление текстов речей в думе для предварительного просмотра (!). Всех отпустили 19-го числа.

Непосредственно во время прений на думском собрании Слащов пригласил за В. А. Оболенским автомобиль и пригласил прибыть на станцию Джанкой. В вагоне, где размещался штаб, председатель Таврической губернской земской управы увидел «сидевшую на диване перед столом, заставленным недопитыми стаканами и с залитою красным вином скатертью довольно миловидную, скромно одетую женщину. Это был знаменитый слащовский казачок «Варнынка», верная спутница всех его походов, на которой он впоследствии женился». Слащов принял Оболенского в своём купе, где находилась большая клетка с попугаем, крушащего орехи, и «с тоном милостивого монарха, подбодрявшего ошеломлённого его величием подданного», интересовался происходящим на думском собрании и решениями избирательного съезда. Оболенский сумел убедить Слащова, что проект автономии Крыма не является сепаратизмом, и пригласил участвовать в работе «комитета», справедливо считая это учреждение мертворождённым⁸⁶.

Слащов (равно как губернатор) счёл для себя возможным, при всей любви к тыловой «мерзости», посетить заседание сего «комитета» 20 февраля. На него явилось только человек 15 проживающих в Симферополе, ибо из других мест «проезжать за свой счёт никому не было охоты». По словам В. А. Оболенского, «Слащов был слегка выпивши, но обратился к

собранию с довольно связной и неглупой речью приблизительно следующего содержания: армия, которой он командует, не обычная дисциплинированная армия нормального времени, это армия «революционная», легко возбудимая, способная при подъёме настроения на геройские поступки, но подверженная также унынию и панике. Для такой армии особенно важно спокойствие в тылу, ибо каждое волнение в тылу влияет на её настроение. К собранию он обратился с просьбой повлиять на спокойствие тыла и тем помочь армии исполнить свой долг»⁸⁷.

Далее, «произнеся эту речь, Слашов расположился за столом и, развалившись в небрежной позе, почти лёжа на столе, стал попыхивать трубкой, пуская из неё густые клубы дыма»⁸⁸. На выступления о необходимости амнистии, установления контроля общественности над действиями администрации, воссоздания органов самоуправления в прежнем составе, разрешения земельного вопроса и проч. он отвечал в обычной своей манере, что «желает соглашения с общественностью, но находит, что в настоящее время не может быть гласности (выделено нами. Сравните с названием его собственного труда «Требую суда общества и гласности». — *Авт.*) и появления в печати сведений, которые волновали бы фронт. При современных условиях власть в Крыму должна быть единая (то есть диктатура. — *Авт.*), и только при отдалении фронта может быть организована общественная власть». И, в качестве популистского дописка: я послал телеграмму Деникину, «что урожай должен быть предоставлен тому, кто обрабатывает землю». Карательный отряд переводится из тыла на фронт. Идет расследование злоупотреблений»⁸⁹.

На этом идея крымского парламентаризма и заглохла.

Прошло несколько дней — ситуация вновь обострилась. Сначала — перестрелка между подпольщиками из штаба севастопольских коммунистов и контрразведчиками в ночь на 19 февраля. Подпольщики сумели уйти, а 36 рабочих были схвачены. Из первых десяти арестованных трое были приговорены военно-полевым судом к смертной казни, двое — к 10-ти годам каторги и пятеро оправданы. Турбин не утвердил приговор и прервал эту «канитель», увёз всю десятку в Джанкой, присовокупив к ним ещё четырёх, и там расстрелял⁹⁰.

Ответ Слашова профсоюзам отдаёт цинизмом: «К несчастью, вы послали телеграмму мне 13 сего марта, указанные в вашей телеграмме лица расстреляны по приговору военно-полевого суда, утверждённого мною, в ночь с 11 на 12 марта. Требую от вас в будущем, если вы имеете какие-нибудь данные для заступничества, обращаться ко мне своевременно, а в данном случае вы совершили преступление (выделено нами. Слов для комментария нет. — *Авт.*).

И в тот же день, в ответ на статьи газеты «Юг» — «Вторжение в судебную сферу», «Дело десяти», «Вмешательство рабочих», «Генералу Слащёву», которые Слашов читал, и которые ясно давали понять, каково мнение

рабочих, генерал-майор с удовлетворением телеграфирует: «Утвердил приговор о расстреле предателей»⁹¹.

Для объективности дадим слово самому Слащову, считая, что он кривит душой.

«Арестовано было 14 «главарей» и им предъявлено обвинение в заговоре против «государственной» власти, улики все были налицо: «главари» захвачены были при помощи провокатора в указанный момент с поличным (но ежели так — они в любом случае подлежали расстрелу, зачем же тогда заступничество профсоюзов? — *Авт.*). (...) Начальник контрразведки волновался: рушится с освобождением последних не только вся агентурная сеть, но и выступление (то есть восстание. — *Авт.*) состоится. (...) Следует отметить, что ни одна рабочая организация как это делалось раньше, не обратилась с заступничеством за приговорённых. Единственно, кто это сделал, и то после казни, — это Мельников, «премьер-министр» Деникина...»⁹².

Несмотря на жестокие меры, Крым бурлит. 26 февраля начинается забастовка на Севморзаводе с требованием 100%-ной надбавки к зарплате. В ответ 4 марта завод был закрыт «на неопределённое время», затем закрыт и порт; 36 человек арестовано. 10 марта как будто достигли компромисса (прибавка в 75%), и 11-го завод возобновил работу.

Но тут происходит «расстрел десяти» (четырнацати), возмутивший рабочий Крым. 2 марта вспыхнула очередная забастовка, на сей раз — протеста. 14 марта она стала всеобщей и перекинулась на другие города Крыма.

Политические требования смешивались с экономическими: от освобождения арестованных до выплаты задержанной с января зарплаты служащим Евпатории. Слащов объявил 14 марта осадное положение по всему Крыму, применив все средства, чтобы подавить забастовку.

Из «Обращения рабочих завода и порта» Слащову: «(...) Рабочие портowego завода понимают этот чудовищный акт (расстрел. — *Авт.*), как вызов рабочему классу. Принимая этот вызов, рабочие заявляют, что они никогда с подобным актом, как и с чрезвычайками, примириться не могут и будут вести с ними самую решительную борьбу.

Кроме того, рабочие заявляют: может быть Крыму будет суждено вновь пережить ужас чрезвычайки (мы ещё вспомним эти слова. — *Авт.*), и тогда у нас, рабочих, до сих пор успешно боровшихся с чрезвычайками в Севастополе, будет выбита из рук, действиями нынешних властей, возможность спасти жизнь многих.

И пусть это будет на совести тех, кто творит сейчас произвол и главным образом на вашей совести, генерал»⁹³.

Рабочие прекрасно понимали то, чего не понимал Слащов и ему подобные: если красный террор порождает белый, то белый, в свою очередь, с наименьшим «успехом» порождает красный. Круг замыкается.

Несмотря на репрессии, в подполье продолжали борьбу большевики, взявшие курс на вооружённое восстание. С января в лесах действует Альмин-

ский партизанский отряд, 25 февраля (н. ст.) партизаны попытались взорвать мост через Альму, повредили рельсы и подожгли шпальную клетку в середине моста. Следующая попытка взрыва моста предпринята 10 марта (н. ст.). С конца февраля-начала марта появляются партизанские отряды в районе Феодосии, Карасубазара, в д. Тавель (с. Краснолесье Симферопольского района) создан отряд, действующий в основном в районе Симферополь-Алушта. 11 марта (н. ст.) комсомольцы-подпольщики захватили типографию «Рекорд» в Симферополе и отпечатали здесь тысячу экземпляров листовки, посвящённой годовщине Февральской революции, 13 марта боевая дружина комсомольцев напала на первый полицейский участок в Симферополе, обезоружила охрану и освободила 20 политзаключённых⁹⁴.

Тем временем «наверху» с появлением П. Н. Врангеля развернулась ожесточённая борьба за власть. Барон стремился свалить Шиллинга (вплоть до ареста), чьё имя стало в армии пугалом, но за которым стоял Главнокомандующий, и готовил атаку на самого Деникина. Он сумел обеспечить себе поддержку влиятельных общественных деятелей во главе с сенатором и будущим начальником Управления землеустройства Г. В. Глинкой⁹⁵ и духовенства, пастырем которого был чрезвычайно активный, хотя и несколько эксцентричный епископ Севастопольский Вениамин (И. А. Федченков)⁹⁶.

8 февраля Деникин отдал приказ коменданту Севастопольской крепости об увольнении со службы А. С. Лукомского, П. Н. Врангеля и П. Н. Шатилова, а также командующего флотом вице-адмирала Д. В. Ненюкова⁹⁷ и его начштаба А. Д. Бубнова⁹⁸. Попытка Деникина заменить Шиллинга В. Л. Покровским, имевшим самую скверную репутацию и подтверждавшим её на каждом шагу, вызвала на сей раз бурную ответную реакцию Слащова, заявившего, что если подобное произойдёт, он немедленно оставит свой пост. Лишиться Слащова Деникин не мог, поэтому назначение Покровского не состоялось.

В конце февраля Врангель покинул Севастополь и обосновался в стенах посольства в Константинополе, написав и размножив перед этим обширный «памфлет» с изобличениями Деникина⁹⁹ и обрисовкой собственного впечатляющего портрета, портрета человека, всегда принимавшего правильные решения.

13–14 марта агония ВСЮР завершилась новороссийским исходом. «Рухнуло государственное образование юга, и осколки его, разбросанные далеко, катились от Каспия до Чёрного моря, увлекая людские волны»¹⁰⁰.

В шоковое состояние повергла командование белых нота Великобритании от 2 апреля (н. ст.) 1920 года. «...Продолжение гражданской войны в России, — говорилось в ноте, — представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы». Предлагалось начать переговоры с Советской Россией, имея в виду добиться амнистии личному составу ВСЮР. Инициативу готова была взять на себя британская сторона. Если генерал Деникин продолжит «явно безнадёжную

борьбу», «Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь, какого бы то ни было характера, генералу Деникину»¹⁰¹. Врангель ознакомился с содержанием ноты ранее других руководителей, во всяком случае, к 21 марта оно ему было известно.

А на 21-е Главнокомандующий назначил прибытие в Севастополь для проведения военного совета всего командного состава ВСЮР¹⁰².

Утром, 22 марта, Врангель был в Севастополе. Выяснилось, что под предлогом недопущения прецедента выборного начала в управлении войсками собравшиеся настаивают на назначении Главнокомандующим своего преемника. Последний против и стоит на своём твёрдо. Слащов и представители Крымского корпуса, под предлогом военной надобности, убыли на позиции.

Совет начал работу днём 22 марта (4 апреля). Председательствовал А. М. Драгомиров. Врангель, пребывая в глубоко пессимистическом настроении и совершенно не веря в успех борьбы, как признается он сам в мемуарах, покинул совет и отправился за утешением к епископу Вениамину¹⁰³. Тем временем совет единогласно высказался за Врангеля как преемника Главнокомандующего.

Венцом совещания стали два документа. Приводим их:

«§1

Генерал-лейтенант барон Врангель назначается главнокомандующим вооружёнными силами Юга России.

§2

Всем шедшим честно со мною в тяжкой борьбе — низкий поклон.

Господи, дай победу армии и спаси Россию.

Генерал Деникин»¹⁰⁴.

«Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испытать с ней чашу унижения. Черная сила в поддержке моих старых соратников, я соглашусь принять должность Главнокомандующего.

Генерал-лейтенант Барон П. Врангель

22-го марта 1920 года»¹⁰⁵.

История добровольчества оборвалась на трагической ноте.

¹ План Слащова, назначенного начальником обороны Крыма, не понятый помощником А. И. Деникина генерал-лейтенантом А. С. Лукомским и другими, грезвившими о Северной Таврии, был прост и точен. В тылу удаление негодных начальников, беспопытная борьба с противниками, ловля дезертиров, уничтожение излишних повинностей и реквизиций у крестьян, паёк рабочим. На фронте: вести манёвренную войну, оставив Перекоп и Чонгар, устроив главную позицию на южном берегу Сивапа (*Слащов-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г.: Материалы и документы. — М., 1990. — С. 47–49). В общем и целом он удался.

² Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). — М., 1992. — Ч. I. — С. 502.

³ Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. I. — С. 467.

⁴ Оргий Г. Е. (Козловский Г. А.) Наши ошибки // Крымская Мысль (Феодосия). — 1920. — 24 января (6 февраля).

⁵ Крымская Мысль. — 1920. — 2 февраля.

⁶ Там же. — 4 марта.

⁷ Там же. — 15 марта.

⁸ **Шатилов Павел Николаевич** (1881–1962). Родился в Тифлисе (Тбилиси). Из дворян, сын генерала. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900) и Николаевскую академию Генштаба (1908). Офицер лейб-гвардии Казачьего полка. Участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1917 году — генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. Монархист, поддержал корниловское выступление, был в заключении. В Добровольческой армии с конца 1918 года. С января 1919 года начальник 1-й конной дивизии Добровольческой армии, генерал-лейтенант (1919). В ВСЮР — командир 4-го конного корпуса, начальник штаба Кавказской армии, с декабря 1919 года начальник штаба Добровольческой армии. Вместе с П. Н. Врангелем уволен А. И. Деникиным от службы и выехал в Константинополь. С 6 апреля 1920 года — помощник П. Н. Врангеля — Главнокомандующего ВСЮР, затем начальник штаба Русской армии. Генерал от кавалерии (за успешную эвакуацию Крыма в ноябре 1920 года). В эмиграции — активист Русского обще-воинского союза (РОВС). Среди своих имел прозвище «Павлуша» (*Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. — С. 263 (примечания А. Р. Кавтарадзе). По Слащову: «...Человек крайне легкомысленный в военных вопросах, очень беспечный относительно противника, смотревший на войну с точки зрения «шапками закидаем», когда на фронте было хорошо, и впадавший в невероятную панику при малейшей опасности. Вообще же он обращал мало внимания на военное дело, а больше занимался нефтяными бумагами и пополнением своих материальных средств «благодарностями» лиц, ведущих какие-либо денежные дела с Вооружёнными силами юга России. Это делалось вполне открыто и не составляло ни для кого тайны...» (Там же. — С. 90). Оставил обширные воспоминания, переданные им в Колумбийский университет (США). Умер в Аньере под Парижем. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (*Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). — М., 1997. — С. 269–270; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — СПб.-М., 2003. — С. 631).

⁹ Цит. по: Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. I. — С. 500–501.

¹⁰ Там же. — С. 501.

¹¹ *Ген А. М.* Врангель // Крымский Вестник (Севастополь). — 1920. — 4(17) февраля.

¹² **Аверченко Аркадий Тимофеевич** (1881–1925). Родился в Севастополе в семье мелкого торговца. Получил домашнее образование, так как из-за плохого зрения и слабого здоровья не мог учиться в гимназии. Отец разорился. 15-летним подростком Аверченко поступил на работу младшим писцом в транспортную контору, в 1887 году попадает на Брянский каменноугольный рудник близ Луганска конторщиком, где прослужил три года. В 1890 году переезжает в Харьков, делая здесь первые литературные шаги. В 1906 году становится редактором сатиричес-

кого иллюстрированного журнала «Штык», вскоре закрытого. На следующий год открывает новый — «Меч», но на третьем номере его постигла судьба предыдущего. В 1907-м переезжает в Санкт-Петербург, сыграв главную роль в создании еженедельного журнала сатиры и юмора — «Сатирикон» (впоследствии «Новый Сатирикон»), сплотивший лучших сатириков и юмористов России, пользовавшийся колоссальным успехом. В 1910 году выходят три первых сборника: «Веселые устрицы», «Рассказы (юмористические)», «Зайчики на стене». Вышедшие в 1912 году книги «Круги по воде» и «Рассказы для выздоравливающих» утвердили за автором звание «короля смеха». Февральскую революцию встретил восторженно, но власти большевиков не принял. Антисоветская направленность его журнала становится всё более очевидной. Во второй половине 1918 года «Новый Сатирикон» закрыт. Уезжает в Ростов-на-Дону, сотрудничает в газете «Приазовский Край». Весной 1919 года приезжает в родной Севастополь. С июня 1919-го работает в газете «Юг» (впоследствии «Юг России»), агитируя за помощь Добровольческой армии. Один из создателей театр-кабаре «Дом артиста», где заведовал литературной частью. Выступает с чтением своих рассказов, пишет пьесы «Лекарство от глупости» и «Игра со смертью». Вместе с войсками П. Н. Врангеля эвакуируется в Константинополь. Со своим театром «Гнездо перелётных птиц» побывал на гастролях во многих странах Европы. В 1921 году в Париже опубликовал сборник памфлетов «Дюжина ножей в спину революции», названный В. И. Лениным «высокоталантливой книжкой ... озлобленного до умопомрачения белогвардейца». Переселяется в Прагу, где собралась значительная русская колония. Автор сборников «Смешное в страшном», «Записки Простодушного», юмористического романа «Шутка мецената» (1923) и др. В 1924 году переносит операцию по удалению глаза, после которой долго не может оправиться; вскоре резко прогрессирует болезнь сердца. Умер в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище (*Богословский Н. В. Эскизы к биографии // Аверченко А. Шутка мецената. Подходцев и двое других. — М., 1990. — С. 5–13; Никоненко С. С. Король смеха // Аверченко А. Т. Бритва в киселе. Избранные произведения. — М., 1990. — С. 5–24*).

¹³ **Чириков Евгений Николаевич** (1864–1932). Родился в небогатой дворянской семье, которая в связи со служебными перемещениями отца часто меняла местожительство в Казанской и Симбирской губерниях. Учился в Казанском университете на юридическом факультете, затем перешёл на математический факультет. За участие в беспорядках в 1887 году был исключён (вместе с В. И. Лениным) и выслан в Нижний Новгород. Испытывал влияние народнических и социал-демократических воззрений. Дважды арестовывался, жил под надзором полиции в Царицыне, Астрахани, Казани, Самаре, Минске (1887–1902). Студентом стал писать в различных газетах. Напечатал цикл стихотворений в «Сборнике «Волжского вестника»» (1885). Первый рассказ «Рыжий» опубликован в газете «Волжский Вестник» (1886). С 1893 года начал сотрудничать в столичных журналах «Мир Божий», «Русское богатство», «Северный вестник», «Жизнь». Автор пьес («Иван Мироныч», 1901; «На дворе во флигеле», 1902; «Мужики», 1905; и другие), которые ставились в столичных и провинциальных театрах. Большой резонанс вызвала пьеса «Евреи» (1904). После первых литературных успехов переехал в Москву, затем с 1907 года жил в Санкт-Петербурге. Был пайщиком издательского товарищества «Знание», выпустившего его собрание сочинений в 8-ми томах (1903–1909). Сотрудничал в альманахе издательства «Шиповник» и сборнике «Земля». Главы ав-

тобиографической трилогии «Жизнь Тарханова» публиковались в журнале «Вестник Европы». Издал сборники рассказов «Цветы воспоминаний» (1912), «Ранние всходы» (1913), «Волжские сказки» (1916), воссоздающих атмосферу 1880-х годов. Написал «пьесы для экрана», фактически киносценарии, «Любовь статского советника» (1915) и «Девы горы» (1918). В 1912 году в составе товарищества пайщиков, среди которых были писатель В. Г. Короленко, учёные В. И. Вернадский, А. Ф. Иоффе, Г. Ф. Морозов, С. И. Метальников, М. И. Ростовцев, художник И. Я. Билибин, мхатовцы Н. С. Станиславский, О. Л. Книппер-Чехова, а также П. Н. Милоков, И. И. Петрункевич, С. Я. Елпатьевский, приобрёл склон горы в северной части Ласпинского залива под Севастополем (Батилиман), со временем построив здесь дачу. В 1918 году вместе с женой, актрисой В. Г. Иолшиной, выехал в Ростов-на-Дону, работал в литературном отделе ОСВАГАа. В январе 1920-го вместе с семьёй переехал из Новороссийска в Крым. Жил на своей даче в Батилимане. В ноябре 1920 года из Севастополя выехал в Константинополь. В начале 1921 года перебрался в Софию, в 1922-м обосновался в Праге. Выступал с лекциями в Праге и Белграде, участвовал в деятельности русских организаций, сотрудничал в русских и чешских периодических изданиях, а также с газетами «Сегодня» (Рига), «Эхо» (Ковно). Опубликовал брошюру «Смердяков русской революции (Роль Горького в русской революции)» (1921), повесть о типе революционера «Опущенная душа» (1922), роман о событиях Гражданской войны с «крымскими страницами» «Зверь из бездны» (1922), завершение автобиографической трилогии «Жизнь Тарханова» «Семья» (1925), также «Мой роман. Записки беженца» (1926), пятитомный автобиографический роман «Отчий дом» (1929–1931), издал книгу рассказов о Гражданской войне «Красный паяц» (1928), книги рассказов «Девичьи слезы», «Между небом и землей» (1927), «Вечерний звон» (1932). Писал пьесы (некоторые ставились на чешском и немецком языках), сценарии для кино. Умер в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище. (*Любимова М. Ю.* Чириков // Русские писатели, XX век. Биобиблиографический словарь. В 2-х ч. / Под ред. Н. Н. Скагова. — М., 1998. — Ч. 2: М-Я. — С. 553–441; *Богоявленская И. М., Лавров В. В.* «А читают нарасхват». Крымский роман Е. Н. Чирикова «Зверь из бездны» // Крымский архив (Симферополь). — 2000. — № 6. — С. 282–288).

¹⁴ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. I. — С. 502.

¹⁵ *Слацов-Крымский Я. А.* Указ. соч. — С. 44. «Масса беженцев принесла в Крым лишь свои желудки, но не принесла голов и рук, которые послужили бы на пользу местного населения (Разгрузка Севастополя // Крымский Вестник. — 1920. — 24 июля (6 августа).

¹⁶ *Кислёв М.* Расхищение России // Крымская Мысль. — 1920. — 31 января.

¹⁷ **Покровский Виктор Леонидович** (1871–1968). Из дворян. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908), Севастопольскую авиационную школу. Участник Первой мировой войны. Военный лётчик. В Добровольческой армии: сформировал на Кубани 2-й добровольческий отряд, начальник войск Кубанской области, командующий Кубанской армией. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Полковник, генерал-майор (1918). Произведён А. И. Деникиным в генерал-лейтенанты за взятие Камышина (1919). В Русской армии П. Н. Врангеля назначения на командную должность не получил и в мае 1920 года эмигрировал. Убит в Болгарии (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 188–189; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 433).

¹⁸ **Тверской Сергей Дмитриевич** (?–1942). Окончил училище правоведения (1896). Действительный тайный советник, Саратовский губернатор. Во ВСЮР, Воронежский губернатор. В начале 1920 года исполнял дела губернатора Черноморской губернии, начальник эвакуации портов Чёрного моря. Эвакуирован в марте 1920-го из Новороссийска. Жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. В мае 1920 года вернулся в Крым. Таврический губернатор. После эвакуации Русской армии П. Н. Врангеля из Крыма жил во Франции. Умер в Париже (*Валков С. В.* Биографические справки // Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916–1920. — М., 2006. — С. 767).

¹⁹ Крымский Вестник. — 1920. — 19 января (1 февраля).

²⁰ *Ипполитов С. С., Карпенко С. В., Пивовар Е. И.* Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов (Численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история (Москва). — 1993. — № 5. — С. 77.

²¹ *Ленин В. И.* Доклад о концессиях. Собрание актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. // Полн. собр. соч. — М., 1974. — Т. 42. — С. 74. Ленин даёт свою цифру применительно к периоду после взятия Крыма Красной Армией. Врангель писал о 500-х тысячах беженцев (*Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). — М., 1992. — Ч. II. — С. 300).

²² **Бененсон Матвей Ефимович** (1881–?). Родился в Екатеринославе (Днепропетровске). Окончил агрономический институт в Берлине по специальности «агроном-экономист». С 1904 года работал в статистическом бюро Таврического губернского земства, став его заведующим в 1909 году. Попечитель библиотек Общества пособия бедным евреям и секретарь Симферопольского отделения Еврейского литературного общества (1911). В 1917 году стал членом губернской земской и продовольственной управ. Заведующий статистическим отделом (1918–1919). С 24 ноября 1920 года — заместитель заведующего статистическим отделом Крымревкома (с временным исполнением должности заведующего). На I Всекрымском учредительном съезде советов избран членом Крымского ЦИК. Управляющий статистическим бюро Крымской АССР. Автор работ по экономике и статистике Таврии (*Брошеван В. М., Форманчук А. А.* Крымская республика: год 1921-й (Краткий исторический очерк). — Симферополь, 1992. — С. 32–33; *Бобков В. В.* Статистики Таврической губернии (XIX — начало XX века): Биобиблиографический указатель / Под ред. А. А. Непомнящего. — Симферополь, 2004. — С. 110).

²³ Проф. *Гензель П.* Продовольствие Крыма // Таврический Голос (Симферополь). — 1920. — 9(22) января.

²⁴ Крымский Вестник. — 1920. — 7(20) марта.

²⁵ *Грановитов В.* Без хлеба // Там же. — 10(23) января.

²⁶ *Сергеев Л.* Экономические наброски // Крымская Мысль. — 1920. — 14 февраля.

²⁷ Крымский Вестник. — 1920. — 22 января (4 февраля).

²⁸ Там же. — 5(18) февраля.

²⁹ *Грановитов В.* Усердие не по разуму // Там же. — 6(19) марта.

³⁰ **Кутепов Александр Павлович** (1882–1930). Родился в Череповце. Окончил Архангельскую гимназию, Санкт-Петербургское пехотное училище (1904). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Полковник (1916). Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с декабря 1917 года. Начальник гарнизона Таганрога. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») и 2-го Кубанского походов. С апреля 1918 года — командир Корниловского ударного полка, затем командир бри-

гады, начальник 1-й пехотной дивизии. Генерал-майор (1918), Черноморский военный губернатор. В 1919 году — командир 1-го армейского корпуса, генерал-лейтенант, командир Добровольческого корпуса. В Русской армии П. Н. Врангеля — командир 1-го армейского корпуса, командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (произведён 3 декабря 1920 года). В эмиграции во Франции. С 1928 года — начальник РОВС. Убит (или скончался от сердечного приступа) при попытке похищения в Париже (*Рутыч Н. Указ. соч. — С. 131–132; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 287–288*).

³¹ **Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич** (1886–1947). Из дворян. Сын полковника, казак станицы Пашковской на Кубани. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Участник Первой мировой войны. В 1915 году сформировал Кубанский конный отряд особого назначения для действий в тылу на Германском фронте. В 1917 году в конном корпусе генерала Н. Н. Баратова в Персии. Полковник. Весной 1918-го организовал партизанский отряд против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, который присоединился к Добровольческой армии. Командовал партизанской бригадой, конной дивизией, 3-м Кубанским казачьим корпусом, с начала 1920 года — Кубанской армией. Генерал-майор (1918), генерал-лейтенант (1919). При отступлении к Новороссийску сдал командование генерал-лейтенанту С. Г. Улагаю и остался с остатками этой армии на Черноморском побережье Кавказа. Уволен П. Н. Врангелем. Эмигрант. В Париже работал наездником в цирке. В годы Второй мировой войны — участник формирования антисоветских казачьих частей, подчинённых германскому командованию. В мае 1945 года выдан английскими оккупационными властями советскому командованию. По приговору военной коллегии казнён в Москве. В 1961 году в Буэнос-Айресе (Аргентина) вышли его воспоминания «Записки белого партизана» (*Рутыч Н. Указ. соч. — С. 277; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 641*).

³² Полковник контрразведки Я. Д. Нога, представитель штаба Главнокомандующего при Крымском корпусе и информатор П. Н. Врангеля, докладывал в донесении от 12 марта: «...Слащовым держится фронт и тыл, фронт будет держаться до тех пор, пока он е д и н о л и ч н о будет стоять во главе войск» (Цит. по: *Слащов-Крымский Я. А. Указ. соч. — С. 73, 145*).

³³ *Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. I. — С. 512–513. Слащов не останется в долгу, расписывая в эмиграции «тщеславие, себялюбие, жажду власти и беспринципность» Врангеля (Слащов-Крымский Я. А. Указ. соч. — С. 134), его продажность иностранцам и, якобы, военную несостоятельность, приведшую к падению Крыма, который он, Слащов, мог бы отстоять.*

³⁴ *Оболенский В. А. Крым при Деникине // Крымский архив. — 2001. — № 7. — 192.*

³⁵ *Вечернее Слово (Севастополь). — 1920. — 14 января.*

³⁶ 4 января (н. ст.) 1920 года подпольщики, открыв кингстоны, понытались потопить крейсер «Генерал Корнилов», 28 января подорвали паровоз бронепоезда «Солдат», подожгли и разрушили железнодорожный мост через р. Альму (Хроника революционных событий в Крыму 1917–1920 гг. / Сост. И. П. Кондратов, В. А. Широков. — Симферополь, 1969. — С. 147–148).

³⁷ *Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. М. М. Максименко. — Симферополь, 1961. — Т. II. (Май 1918 г. — ноябрь 1920 г.). — С. 228–229. В воспоминаниях П. В. Макарова имеется раздел «Провал*

подпольного комитета» (Макаров П. В. В двух схватках. — Симферополь, 1956. — С. 51–68; Макаров П. В. Адъютант его превосходительства. Кто он? — [М.], 1992. — С. 45–50).

³⁸ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. — Т. II. — С. 253–254.

³⁹ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 90; Крымский Вестник. — 1920. — 24 (7) мая; Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Мусульманское бюро и его судьба // Историческое наследие Крыма (Симферополь). — 2003. — № 1. — С. 84–88.

⁴⁰ Крымский Вестник. — 1920. — 29 января (11 февраля), 23 февраля (7 марта). Эти дела будут иметь продолжение, о чём ниже.

⁴¹ Там же.

⁴² Слащов-Крымский Я. А. Указ. соч. — С. 58.

⁴³ **Романовский Сергей Георгиевич, герцог Лейхтенбергский** (1890–1974). Сын герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского от второй жены княжны Анастасии Николаевны Черногорской, правнук Николая I. Окончил Морской корпус (1911). Участник Первой мировой войны. Состоял при командующем Черноморским флотом А. А. Эбергарде. Капитан 2-го ранга. В 1916 году, командуя отрядом катеров, прикрывал десантную операцию, закончившуюся взятием Трапезунда. В белом движении с 1919 года. Как офицер связи от флота был прикомандирован к штабу 3-го корпуса Я. А. Слащова во время обороны крымских перешейков. В июле 1920 года отправлен П. Н. Врангелем к своему отчиму великому князю Николаю Николаевичу, проживавшему тогда в Италии. Жил в Риме, где возглавлял Русское собрание, ведавшее Гоголевской библиотекой и помогавшее неимущим эмигрантам. После Второй мировой войны одно время состоял почётным председателем Русского национального объединения. Умер в Риме, где и похоронен (Рутыч Н. Указ. соч. — С. 208; Волков С. В. Биографические справки. — С. 738).

⁴⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Вооружённые силы юга России. Заклочительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. — Минск, 2002. — С. 406.

⁴⁵ Шафир Я. Орловщина // Антанга и Врангель: Сб. статей. — М.-Пг., 1923. — Вып. 1. — С. 127.

⁴⁶ **Чернавин Виктор Васильевич** (1877–1956). Из дворян. Окончил Омскую гимназию, Николаевское инженерное училище (1899), Николаевскую академию Генштаба (1904). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Полковник (1914). В 1917 году исполняющий дела генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии, начальник штаба 51-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии с 1918 года. В 1919 году — генерал-квартирмейстер штаба Крымско-Азовской армии, затем начальник штаба той же армии, начальник штаба 3-го армейского корпуса, начальник штаба войск Новороссийской области. Генерал-майор. В эмиграции в Чехословакии. Служащий Пражского архива. В мае 1945 года арестован советскими войсками, но в конце года был освобождён. Умер от воспаления лёгких в Оломоуце (Рутыч Н. Указ. соч. — С. 262–265; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 613).

⁴⁷ ГААРК — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1343. — Л. 3–3 об.

⁴⁸ Слащов-Крымский Я. А. Указ. соч. — С. 58. Или, почти идентично, по П. В. Макарову: «Долой старых генералов. Да здравствует армия порядка во главе с обер-офицерами!» (Указ. соч. — С. 54).

Что касается «частного совещания», то оно выносит резолюцию, где «полагает, что они (события. — *Авт.*) явились понятным следствием многочисленных злоупотреблений, творимых в тылу агентами власти, а также результатом системы организации власти, оторванной от общественности. Веря, что войска Симферопольского гарнизона руководствовались в своих действиях лучшими побуждениями и любовью к родине, но опасаясь возможных тяжелых последствий, Частное Совещание Гласных выражает надежду, что в рядах Армии будет избегнута внутренняя распря и совершившиеся события не ослабят обороны Крыма» (ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1343. — Л. 4). Среди приватно встречавшихся с Орловым представителей общественности были председатель Таврической губернской земской управы В. А. Оболенский и городской голова Симферополя А. С. Усов.

В. А. Оболенский вспоминал, что при первой встрече, ещё до начала мятежа, Орлов «самым решительным образом заявил о полной своей лояльности по отношению к командованию армии, хотя с большой резкостью отзывался о господствующих в ней порядках и нравах. Произвёл он на меня впечатление человека, искренне угнетённого всем происходящим, но несколько легкомысленного и ограниченного — качества, особенно подчёркивающиеся большой самоуверенностью и резкостью его суждений». При второй встрече в гостинице «Европейская», где размещался штаб мятежников, на вызвавшее ему Оболенским недоумение «по поводу его рещимости произвести переворот, когда большевики стояли у Перекопа и каждое замешательство в белых войсках грозило неминуемой гибелью фронта», Орлов ответил, что «не намерен идти против Слащова, но восстал для того, чтобы поставить ему ряд ультиматумов, которое тот вынужден будет принять. В результате произойдёт не крушение фронта, а его укрепление» (*Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 183–184*).

⁴⁹ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1388. — Л. 73.

⁵⁰ Их оригиналы хранятся в ГААРК.

⁵¹ Во время третьей встречи с Орловым В. А. Оболенский показал ему эту прокламацию. «Орлов стал уверять меня, что это подложный провокационный документ, напечатанный в какой-нибудь тайной большевистской типографии, о чём он уже оповестил население Симферополя в особом объявлении, расклеивающемся сейчас по улицам. По сконфуженному его лицу я, однако, сейчас же догадался, что он врёт» (*Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 184*).

⁵² ГААРК — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1343. — Л. 10. Любопытно воззвание, подписанное «Офицеры: Марковцы, Корниловцы, Дроздовцы и Симферопольцы отрядов Капитана Орлова». (По всей видимости, среди орловцев был не только личный состав его полка). Воззвание клеймит «преступное и недостойное поведение ген. Май-Маевского», «подлость ген. Шилинга» и, во имя борьбы с «коммунистами и большевиками», «красным насилием», обращается к «молодому офицерству, казакам и солдатам» и даже, отчасти, к «гнилой интеллигенции» (!) с призывом не противодействовать орловцам и вступать в их ряды (Там же. — Д. 1345. — Л. 71).

⁵³ Кстати, одна из прокламаций Орлова адресовалась именно Врангелю — «могучему и сильному духом молодому офицеру». Врангель в ответ призвал Орлова «подчиниться требованиям Ваших начальников» (*Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. I. — С. 507, 509*).

⁵⁴ *Слащов-Крымский Я. А. Указ. соч. — С. 58.*

⁵⁵ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1388. — Л. 321 об.—322.

⁵⁶ Крымский Вестник. — 1920. — 25 января (7 февраля). 27 января он телеграфирует ещё более резко, в своём стиле: «Отряду, забывшему совесть и долг службы и ушедшему под командой Орлова, на все предложения могу ответить только:

1) Орлов изменник долгу.

2) Орлов по телефону меня нагло обманывал (обещая подчиниться. — *Авт.*).

3) Орлову я предложил приехать ко мне, тогда гарантировал ему жизнь.

4) Это не было исполнено.

5) Обманутые ко мне!

6) Орлову не поверю и повешу». (Крымский Вестник. — 1920. — 29 января (11 февраля).

⁵⁷ Это — по Слещову (Указ. соч. — С. 59). У Шафиро — 70–90 (Указ. соч. — С. 134).

⁵⁸ **Турбин Александр Фёдорович** (1858–1922). Окончил Московскую военную гимназию (1874), Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1877). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Генерал-майор и командир лейб-гвардии Вольнского полка (1909). Участник Первой мировой войны Военный губернатор Варшавы и окрестностей (1914), начальник гарнизона Витебска, затем Бобруйска (1915). Начальник 6-й Сибирской дивизии. Награждён Георгиевским оружием. Генерал-лейтенант, командир 5-го Сибирского корпуса (1917), смещён местным ревкомом и летом 1918 года уехал в Новый Оскол. В августе 1919-го приказом А. И. Деникина зачислен в «резерв чинов» птаба. С октября Подольский губернатор. В январе 1920 года вместе с Н. Н. Шилингом прибыл в Севастополь. По приказу А. И. Деникина участвовал в военном совете 22 марта (4 апреля) 1920 года, собранном для выборов нового Главнокомандующего ВСЮР. От должности коменданта Севастополя отстранён приказом П. Н. Врангеля в апреле 1920 года. В эмиграции проживал в Чехословакии. Скончался в Ужгороде, где был похоронен на местном православном кладбище (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 242–243; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 579–580).

⁵⁹ Между прочим, певец Л. В. Собинов, проведя ночь в окопах, потерял голос // *Шафир Я.* Указ. соч. — С. 134).

Собинов Леонид Витальевич (1872–1934). Родился в Ярославле в семье приказчика (дед был крепостным). Окончил юридический факультет Московского университета (1894). В 1895–1899 годах — помощник присяжного поверенного. В студенческие годы пел в университетском хоре. Одновременно (с 1892 года) занимался в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества, которое окончил в 1897 году. Русский оперный певец (лирический тенор). Дебютировал на сцене Большого театра в Москве (1897), с которым был связан протяжении многих лет своей творческой карьеры. Выступал также в оперных театрах Петербурга (главным образом Мариинском), в 1905–1911 годах — Западной Европы (в «Ла Скала» в Милане, в Мадриде и др.), завоевал мировую известность. Первый выборный директор Большого театра (1917–1918). В 1918–1920 годах гастролитировал по Украине и в Крыму. В 1920 году жил в Балаклаве. С ноября 1920 по апрель 1921 года заведовал отделом искусств отдела народного образования Севастопольского ревкома. Благодаря его деятельности в Севастополе открыт оперный театр им. В. И. Ленина, 1-й советский театр им. А. В. Луначарского, созданы украинская драматическая труппа им. К. Маркса, симфонический оркестр. 10 апреля 1921 года состоялось открытие народной консерватории (позже преобразована в му-

зыкальный техникум). С конца апреля 1921 года назначен директором Большого театра. Народный артист Республики (1923). Скончался в Риге, похоронен в Москве (*Орфёнов А.* Творческий путь Л. В. Собинова. — М., 1965; *Попова И. С.* Собинов Леонид Витальевич // Севастополь. Энциклопедический справочник. / Ред.-сост.: М. П. Апошанская. — Севастополь, 2000. — С. 494–495).

⁶⁰ За помощь Орлову Слащов отставил от должности ялтинского начальника гарнизона, а полковника Протопопова, убеждённого монархиста и приятеля Врангеля, приказал расстрелять. «Буча поднялась страшная, но колеблющиеся элементы больше не колебались» (*Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. — С. 60).

⁶¹ *Деникин А. И.* Указ. соч. — С. 415.; Крымский Вестник. — 1920. — 11(24) февраля. Такая комиссия под началом генерал-лейтенанта, члена Главного военного и военно-морского суда А. С. Макаренко была назначена. Генерал-лейтенант, как честный человек, хорошо поработав, представил доклад, в котором сухим тоном служивого человека нарисовал картину вопиющих мародёрства, реквизиций, грабежей и прочих злоупотреблений, испытав которые «население начало втайне вздыхать по большевикам» (*Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1957. — Ч. II (Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.)). — Симферополь, 1957. — С. 218–219, 296). У нас нет данных, свидетельствующих о том, что П. Н. Врангель дал ход этому делу.

Макаренко Александр Сергеевич (1861–1932). На службе с 1879 года. Окончил Павловское военное училище (1881), Военно-юридическую академию. Генерал-лейтенант военно-судебного ведомства. Главный военный прокурор и начальник военно-судного управления. В Добровольческой армии с осени 1918 года; в «резерве чинов» при штабе Главнокомандующего ВСЮР. С февраля 1919 года постоянный член Кассационного присутствия, с апреля председатель Комиссии по пересмотру Воинского устава о наказаниях и военно-судебного устава, с апреля 1920 года — постоянный член Главного военного и военно-морского суда. В эмиграции. Умер в Сомборе (Югославия) (*Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 318; *Волков С. В.* Биографические справки. — С. 740).

⁶² Крымская Мысль. — 1920. — 21 февраля. Генерал-лейтенант Н. Н. Шилинг разразился по поводу сдачи Орлова приказом от 10 февраля, где говорил о «возмутительной разрухе тыла, преступной небрежности и интригах отдельных должностных лиц». Часть представителей власти уже заменена, — сообщалось в приказе (Там же. — 12 февраля). Так что какие-то последствия орловский бунт всё-таки имел.

⁶³ *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. — С. 69.

⁶⁴ Там же. — С. 70.

⁶⁵ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 185.

⁶⁶ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1388. — Л. 279.

⁶⁷ Там же. — Л. 73–74, 88 об.

⁶⁸ **Николаев Иван Лукьянович** (1883–1931). Родился на хуторе Грачики. Из казаков станицы Романовской Области Войска Донского. Подъесаул. В Донской армии: в апреле 1918 года при штабе восстания в станице Усть-Медведицкой, войсковой старшина, командир 63-го Донского казачьего полка, полковник (1919), к марту 1920 года исполняющий дела начальника 10-й Донской конной дивизии, временно исполняющий дела командира 4-го конного корпуса. В Русской армии П. Н. Врангеля во 2-м Донском запасном батальоне. Генерал-майор. В эмиграции в Болгарии.

В 1923 году вернулся в СССР. 14 августа 1930 года арестован. Расстрелян в Москве (Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 362).

⁶⁹ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1345. — Л. 73 об.

⁷⁰ Там же. — Л. 67.

⁷¹ Там же. — Л. 70.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. — Л. 64.

⁷⁴ Накатов И. От слова к делу // Крымский Вестник. — 1920. — 14(27) февраля.

⁷⁵ Там же. — 13(26) февраля.

⁷⁶ Отношение к Южнорусскому правительству жителей Евпатории, о котором можем судить с известной полнотой в той или иной степени, мы думаем, было свойственно всем крымчанам. Из цитировавшейся выше сводки: создание правительства, «хотя и не прошло незамеченным, но особого впечатления на широкие слои населения не произвело». Правые отнеслись к нему отрицательно, видя здесь очередной обречённый на провал манёвр кадетов. «Политически-безразличные обыватели» и «демократические элементы» сочли это «не демократизацией... а вырванной у власти обстоятельствами компромисс», «паллиатив, обречённый на безрезультатность», вряд ли способный «привлечь на сторону Добрармии симпатии крестьянства и городского пролетариата в советской России» (ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1388. — Л. 321–321 об.).

⁷⁷ Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 194.

⁷⁸ Крымская Мысль. — 1920. — 5 февраля.

⁷⁹ **Бернацкий Михаил Владимирович** (1876–1943). Родился в Киеве. После окончания юридического факультета университета Св. Владимира и стажировки в Берлине в 1904 году переехал в Санкт-Петербург, где преподавал политическую экономию в Тенишевском училище. Сотрудник марксистских журналов «Образование», «Современный Мир» и др. В своей магистерской диссертации «Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка» (1911) порывает с марксизмом. Профессор финансового права Политехнического института, где создал и возглавил первую в России кафедру денежного обращения. После Февральской революции начал работать в качестве экономиста в Министерстве торговли и промышленности, затем товарищ (заместитель) министра финансов («с возложением на него управления министерством»), оставаясь при этом профессором Петроградского политехнического университета. Один из организаторов Радикально-демократической партии (июнь). Со 2(15) сентября министр финансов в кабинете А. Ф. Керенского. Подписывал казначейские билеты достоинством в 250 рублей и казначейские знаки номиналом 20 и 40 рублей («керенки»). 25 октября (7 ноября) 1917 года арестован вместе с другими членами Временного правительства и отправлен в Петропавловскую крепость. После освобождения и получения соответствующего разрешения выехал на Украину (1918). По его рекомендации М. С. Грушевский предложил Центральной Раде использовать в качестве денежной единицы гривну, эквивалентную германской марке. Сотрудничал с правительством гетмана П. П. Скоропадского, но отказался войти в его состав. Осенью 1918 года переехал с семьёй в Одессу, а в январе 1919-го — в Екатеринодар, где был назначен А. И. Деникиным начальником управления финансов Особого совещания. Его помощником стал бывший управляющим министерства финансов, торговли и промышленности первого Крымского краевого правительства Д. И. Никифоров.

Министр финансов Южно-Русского правительства, член Правительства Юга России П. Н. Врангеля. В эмиграции во Франции. Читал лекции в Институте русского права при юридическом факультете Сорбонны, входил в его правление. Автор научных работ. Умер в Париже (*Сачков В. Н.* Бернацкий Михаил Владимирович // *Политические деятели России 1917: Биографический словарь* / Гл. ред. П. В. Волобуев. — М., 1993. — 31–32; *Владимирский М. В.* М. В. Бернацкий — министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля // *Отечественная история* (Москва). — 2007. — № 1. — С. 160–170).

⁸⁰ Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. — М., 1991. — Т. IV. — С. 251 (Репр.)

⁸¹ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 188–189.

⁸² Там же. — С. 189.

⁸³ Крымский Вестник. — 1920. — 21 февраля (5 марта).

⁸⁴ На встрече с общественными деятелями Феодосии М. В. Бернацкий заявил о необходимости привлечь мусульман к созданию власти, возможности воссоздания Курултая и Директории, подчёркивал «лояльность татар, их широкое участие в защите фронта и т. д.» (Крымский Вестник. — 1920. — 21 марта (3 апреля)), кидая, таким образом, своего рода пробный шар: будете послушны — получите кусочек пирога.

⁸⁵ Крымский Вестник. — 1920. — 19 февраля (3 марта).

Над арестованным уже в третий раз В. А. Могилевским, которому в литературе советского времени иначе как нелестных оценок не давалось, с января 1920 года висело несколько обвинений, а именно: в январе 1918 года, будучи Керченским городским головой, сочувствовал советской власти и стал членом комиссариата народного просвещения; в конце того же года скрыл купленное для городского самоуправления военное имущество от Добармии «с целью не допустить её усиления средствами снабжения, необходимыми для её борьбы с большевиками»; в апреле-мае 1918 года, благодаря ему, вышли из тюрьмы преступники, сочувствующие большевизму; весной 1919-го дискредитировал Добармию, выступал за её удаление из Крыма, помогал большевикам, выпускал их из тюрьмы, вооружал рабочих и настоял, чтобы союзники оставили в Крыму имущество, деньги и 46 тысяч пудов хлеба, принадлежавшего добровольцам; в том же году при большевиках стал членом Севастопольского совета. По совокунности Могилевскому грозила смертная казнь (Крымская Мысль. — 1920. — 19 января).

⁸⁶ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 189–190.

⁸⁷ Там же. — С. 191.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Крымский Вестник. — 1920. — 23 февраля (7 марта).

⁹⁰ Крымская Мысль. — 1920. — 15 марта. (Сведения о «четырёх» в газете отсутствуют и взяты у Я. А. Слацова).

⁹¹ Крымский Вестник. — 1920. — 13(26) марта. Подытоживая рассказ о слацовских репрессиях, наномним ещё раз его «арифметическое» кредо: «Мне кажется, что в вопросе о борьбе двух мнений быть не может. Если кто-нибудь за что-либо борется, то он должен либо бороться полностью, либо бросить борьбу: мягкотелость, соглашательство, ни рыба — ни мясо, ни белый — ни красный — это всё продукты слабости, личных интересов и общественной слякоти» (*Слацов Я. А.* Указ. соч. — С. 47). Таковым же было кредо большевиков.

Слацов подписал примерно 150 смертных приговоров.

⁹² Там же. — С. 77–78. Н. М. Мельников пытался по телеграфу уповать на «законные гарантии» и уговорить Слащова «не допустить чего-либо неправомерного...» Тот ответил: «...Предатели России живыми не останутся. Фронт будет диктовать тылу, а не тыл фронту. 10 прохвостов вчера расстреляны по приговору военно-полевого суда... Считаю, что только потому в России у нас удержался ещё Крым, что я расстреливаю подлецов... Всегда буду считать своей обязанностью, куда команду от имени войск, не разрешать тылу диктовать фронту и проведу свою мысль во что бы то ни стало» (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 47).

⁹³ Крымский Вестник. — 1920. — 13(26) марта.

⁹⁴ Хроника революционных событий в Крыму 1917–1920 гг. — С. 149–151.

⁹⁵ **Глинка Григорий Вячеславович** (1862–1934). Окончил Московский университет. Тайный советник, сенатор, товарищ министра земледелия, управляющий делами Комитета по заселению Дальнего Востока. В Первую мировую войну вел дел продовольственным снабжением армии. Участник белого движения. В эмиграции во Франции. Умер в Вильжюифе под Парижем (Волков С. В. Биографические справки. — С. 720).

⁹⁶ **Вениамин (Федченков Иван Афанасьевич)** (1880–1961). Родился в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Отец происходил из крепостных Смоленской губернии, мать (Н. Н. Оржевская) — дочь дьякона. Закончил земскую школу, проучился год в уездном училище, окончил Тамбовскую духовную семинарию (1903), Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1907 году принял монашество с именем Вениамин. В 1907–1908 годах — профессорский стипендиат на кафедре Библейской истории, в 1910–1911 годах — секретарь архиепископа Финляндского Сергея (И. Н. Страгородского), с 1937 года патриаршего местоблюстителя, с 1943 до его смерти в 1944 году Патриарха Московского и всея Руси. С декабря 1910 по 1913 год — ректор Таврической духовной семинарии в Симферополе, в 1913–1917 годах ректор Тверской духовной семинарии. Член Поместного Собора Православной Российской церкви (1917–1918). Вновь ректор Таврической духовной семинарии (1917–1919). Епископ Севастопольский — викарий Таврической епархии (1919). Епископ армии и флота — глава военного духовенства, представитель Временного высшего церковного управления епархий Юго-Востока России в правительстве П. Н. Врангеля (1920). После эвакуации Русской армии в Константинополе выступил с инициативой создания временного органа церковного управления — Временного высшего русского церковного управления за границей, действующего под омофором Вселенского Патриарха. Участник подготовки Всезарубежного Церковного Собора в Сремских Карловцах (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) (1921), но впоследствии раскаялся в этой деятельности и в 1922 году поселился в монастыре Петковиче неподалеку от сербского города Шабаца. В 1923–1924 годах в качестве викарного архиерея по поручению архиепископа Пражского и Всея Чехословакии Савватия (Брабеца) окормляет православную паству в Карпатской Руси (Чехословакия), в 1924–1925 годах окормляет воспитанников кадетских корпусов Русского и Донского им. генерала Каледина в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, является настоятелем Русской церкви. Профессор и инспектор Православного богословского института во имя преподобного Сергея Радонежского в Париже (1925–1927, 1929–1931). В 1927 году подписал Декларацию митрополита Сергея (И. Н. Страгородского) о лояльности по отношению к Советской власти. Архиепископ Алеутский и Северо-Американ-

ский, временный экзарх Московской Патриархии в Северной Америке (1933), впоследствии митрополит. Член Поместного Собора Русской Православной Церкви в Москве (1945). В 1947 году возвратился в СССР, назначен на Рижскую и Латвийскую кафедру, управлял Ростовской епархией (1951–1955), Саратовской епархией (1955–1958). В 1958 году по собственному прошению уволен на покой и поступил на жительство в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Автор воспоминаний (*Светозарский А. К.* Митрополит Вениамин: жизнь на рубеже эпох // Митрополит Вениамин (Федченко). На рубеже двух эпох. — М., 1994. — С. 3–36).

⁹⁷ **Ненюков Дмитрий Всеволодович** (1869–1929). Родился в Тамбовской губернии. Окончил Морской корпус (1889), Николаевскую Морскую академию (1908). Участник русско-японской войны: в качестве артиллерийского офицера 1-го разряда на эскадренном броненосце «Цесаревич» принимал участие в обороне Порт-Артура, в сражении на Жёлтом море. Георгиевский кавалер. Командовал учебным судном «Рига» на Балтийском море, броненосцем «Св. Пантелеймон» (бывший «Князь Потёмкин-Таврический») на Чёрном море. Выполняет обязанности заместителя начальника Морского генерального штаба по судостроению (1913), начальника Морского генерального штаба (1914). С началом Первой мировой войны произведён в контр-адмиралы. Вице-адмирал, начальник экспедиции особого назначения на Дунае (1916). С начала 1917 года — начальник всех речных сил Дуная. В Добровольческой армии. Начальник Одесского центра (1918), с марта 1919 года — начальник Управления военно-морской базой Одессы, возглавляет Временное управление Добровольного флота в Новороссийске, с августа 1919 по февраль 1920 года — командующий Черноморским флотом. Начальник Морского управления вице-адмирал А. М. Герасимов, сменивший Ненюкова на должности командующего Черноморским флотом, так охарактеризовал своего предшественника: «...законпослушный, очень инертный и донельзя ленивый». К тому же попал под влияние своего начальника штаба контр-адмирала А. Д. Бубнова. С марта 1920 года вернулся в Севастополь. Участвовал в восстановлении Черноморского флота при П. Н. Врангеле, способствовал успешной эвакуации Русской армии из Крыма. Эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Скончался в Белграде, похоронен на русском участке кладбища (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 171–172; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 359; *Макаревич М. В., Рыжонков Г. Н.* Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004. В двух томах. — М., 2004. — Т. 2. 1917–2004. — С. 33–35)

⁹⁸ **Бубнов Александр Дмитриевич** (1883–1963). Родился в Варшаве, из дворян, сын офицера. Окончил гимназию (1900), Морской корпус (1903), Николаевскую Морскую академию (1913). Участник Цусимского сражения русско-японской войны мичманом на броненосце «Орёл». В годы Первой мировой войны исполняющий дела начальника Морского управления Ставки Верховного Главнокомандующего. Контр-адмирал (1917). После событий в Петрограде в октябре 1917 года уволился с флота и уехал в Париж. В 1918 году А. В. Колчаком включён в состав русской делегации на Версальской конференции, возглавляемой С. Д. Сазоновым. Поскольку русская делегация на конференции допущена не была, вернулся в распоряжение Главнокомандующего ВСЮР А. И. Деникина. С мая 1919 года — начальник дивизиона миноносцев. В августе 1919-го назначен на должность начальника штаба Черноморского флота. Уволен Деникиным за поддержку П. Н. Врангеля. Жил в Турции. Возвратился в Русскую армию П. Н. Врангеля и вместе с ней

эмигрировал из Крыма. Жил во Франции, Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии). Профессор югославской Морской академии (1923–1941). Автор военно-исторических трудов и воспоминаний. Умер в Кралье (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 54–55; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 62; *Волков С. В.* Биографические справки. — С. 714).

⁹⁹ «Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете...», — ответил на это Антон Иванович (*Деникин А. И.* Указ. соч. — С. 419; *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. I. — С. 526).

«Сейчас всё положение в Крыму изменилось бы, если бы Деникин решился признать значение Врангеля и, следуя голосу армии и общественного мнения, призвать его на пост Главнокомандующего в Крыму. Без этого конфликт будет только углубляться и загоняться внутрь. На необходимость назначения Врангеля указывали и правые и левые общественные деятели, указывали и английские генералы», — писал в письме от 23 февраля 1920 года П. Б. Струве (*За свободу и величие России // Новый мир (Москва).* — 1991. — № 4. — С. 211).

¹⁰⁰ *Деникин А. И.* Указ. соч. — С. 439.

¹⁰¹ Цит. по: *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. I — С. 531–532.

¹⁰² «Мысли всё время вертелись вокруг полученной телеграммы. Я не сомневался, что борьба проиграна, что гибель остатков армии неизбежна. Отправляясь в Крым, я оттуда, вероятно, уже не вернусь» (Там же. — С. 529).

¹⁰³ При выборе Главнокомандующего Вениамин от имени православного, мусульманского, католического духовенства высказался в пользу П. Н. Врангеля.

¹⁰⁴ *Деникин А. И.* Указ. соч. — С. 448; *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 18. Этот последний свой приказ А. И. Деникин отправил в Севастополь только тогда, когда ему было сообщено о решении военного совета.

¹⁰⁵ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 17.

Врангель и его реформы. Конец «белого дела»¹

Всё смешалось в Крыму в разгар весны 1920 года. На полуостров с Северного Кавказа хлынули остатки денikinских войск. К местному населению, беженцам, тыловым службам прибавилось 25 тысяч добровольцев, 10 тысяч донцев и кубанцев, и число их росло. «Состояние войск, прибывших в Крым из Новороссии, — вспоминает Я. А. Слащов, — было поистине ужасно: это была не армия, а банда. Орудия и обозы были брошены. Ружья и часть пулемётов сохранил ещё Добровольческий корпус, в который была сведена Добровольческая армия, под командованием Кутепова². Донцы и кубанцы в большинстве и этого не имели»³.

Не хватало всего. Обмундирование, оружие и боеприпасы, лошади были оставлены противнику. Угля не было. Бензина не было. Хлеба — могло не остаться в самом скором времени. Несытые и расхристанные орды военных грабили население, всячески над ним издеваясь. Иные офицеры, сколотив банды, становились на дорожку профессиональной преступности. Психологию войск можно обозначить словами: антипатия, временами перерастающая во взвинченность, и наоборот, отсутствие малейшего намёка на дисциплину, ненависть к начальству. «Пьянство, самоуправство, грабежи и даже убийства стали обычным явлением в местах стоянок большинства частей»⁴. Финал добровольчества был страшен и отвратителен одновременно.

Вконец разложившиеся контрразведчики, осваговцы и тому подобные, предельно избалованные безнаказанностью типы, нашли себе кумиров в лице В. Л. Покровского, А. А. Боровского и В. И. Постовского⁵. В конце концов, П. Н. Врангель выдворил всех троих за границу.

Работа по наведению порядка предстояла огромная. Врангель взялся за неё с решимостью, энергией, знанием дела. И начал он с самого себя.

Барон работал по 10–12 (услужливые газеты писали — 18) часов в сутки, требуя того же от подчинённых, с семи утра до полуночи. В восемь открывался приём — начштаба, комфлотом, начальника военного управления, просителей и прочих. С часу до двух — обед, с двух до пяти — опять доклады, вечером — опять приёмы, работа за столом, изредка — прогулки, часто посещения воинских частей, лазаретов. Постоянно — выезды на фронт, непосредственное управление войсками.

Газеты льстиво, но, вообще-то отражая истинное положение дел, сообщали: «Ген. Врангель вникает в самую суть самых мелких вопросов, если они связаны с государственностью.

Обладая огромной энергией, являясь образованнейшим и культурнейшим человеком, ген. Врангель сам пишет и составляет проекты важнейших государственных актов, поправляет и дополняет присланные проекты»⁶.

Врангель совмещает посты Главнокомандующего и Правителя, то есть военную и гражданскую власти. После соглашения с казачьими атаманами его полный титул — Главнокомандующий Русской армией и Правитель Юга России.

Эвакуированные в Ялту сенаторы и местные правые подали Врангелю записку, суть которой сводилась к тому, что «другого устройства власти, кроме военной диктатуры, при настоящих условиях мы не можем принять — иначе это было бы сознательно идти на окончательную гибель того святого дела, во главе которого вы стоите». («Само собой подразумевавшаяся диктатура выдвигалась не как временное необходимое зло, а как универсальное средство для спасения Родины», — комментирует В. А. Оболенский). При диктаторе предполагался Совет из пяти начальников управления⁷ — нечто типа деникинского Особого совещания, но не столь громоздкое.

Врангель, однако, и без подсказок сразу открыто провозгласил себя диктатором, то есть вождём, не обременённым законодательством и обладающим неограниченными полномочиями, и никогда не скрывал своей антипатии к демократической форме правления.

Приказ от 29 марта (ст.ст.) гласил: «Правитель и Главнокомандующий вооружённых сил на Юге России обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений»⁸. И Врангель не просто провозглашает, он теоретически обосновывает диктатуру: «...В осаждённой крепости должна быть единая власть — военная»⁹.

Связь с общественностью Ставка (или Главная квартира) осуществляла через начальника штаба. Сначала это был генерал-майор П. С. Махров¹⁰, которого считали слишком левым, «эсерствующим». В июне Врангель назначил Махрова, произведённого в генерал-лейтенанты, военным представителем в Польше, заменив его другом и сподвижником П. Н. Шатиловым. Контакты с общественными кругами носили большей частью приказной или запретительный характер.

«Идейное руководство» сосредоточилось в руках полковника Симинского (Семинского), начальника контрразведки Главной квартиры, связь с пресой — полковника А. Л. Мариюшкина¹¹. Коменданта Севастопольской крепости генерал-лейтенанта А. Ф. Турбина Врангель снял с должности, поставив на его место генерал-лейтенанта П. К. Писарева¹², а когда тот понадобился на фронте, комендантом стал генерал-лейтенант Н. Н. Стогов¹³.

Врангель давал уничтожающие характеристики людям «кадетского» склада, окружавшим А. И. Деникина: «были неспособны к творческой работе», «люди слов, а не дела»¹⁴ и т. п. Мало кто из прежней администрации остался наверху, разве что М. В. Бернацкий. Почвой, из которой Врангель черпал силы и где искал сотрудников-единомышленников, были правые, внешне консервативные, жёсткие, однако способные к учёту меняющейся реальности, принятию и выполнению определённых решений круги.

Врангель не терпел ни левых, ни крайне правых, открытых реакционеров. Первые его отталкивали словоблудием и перманентной критикой, «зубры» — неумением извлекать уроки, приспосабливаться к действительности и, в то же время, изменять её в направлении созревших тенденций.

Самого Врангеля-политика можно квалифицировать как консервативно-го оппортуниста¹⁵, прагматика, реформатора столыпинского типа. Его взгляды оттачивались в беседах с близкими по менталитету людьми: П. Н. Шатиловым, А. В. Кривошеиным, П. Б. Струве, в анализе причин поражения Деникина и Колчака. Но Врангель не раз повторял, что готов работать с кем угодно, хоть с социалистами, лишь бы они делали дело. Ему недаром приписывали фразу: «хоть с чёртом, но против большевиков».

Собственная биография, привычный круг общения диктовали Врангелю монархические пристрастия, да и психологический строй у него был соответствующий. Однако Врангель умел подчинить личное интересам целого, как он их понимал. «Мои личные вкусы не имеют никакого значения»¹⁶, — говорил он, сознавая себя не частным, а «государственным лицом», понимающим, что возродить в России монархию невозможно¹⁷.

Формируя администрацию, Врангель постоянно сталкивался с кадровой, как бы мы сказали, проблемой: эмиграция не верила в прочность его режима. Страшновато было покидать тёплое, уже освоенное место и отправляться в крымскую неизвестность — на это решился А. В. Кривошеин, — откуда можно было и не вернуться. Призывы к патриотизму уже не помогали. Так что, возможно, не все высшие врангелевские чиновники были адекватны своим должностям.

Гражданское управление представлял первоначально Совет начальников управлений при Главнокомандующем (Правителе). В него вошли: Управление внутренних дел, объединявшие ведомства собственно внутренних дел, земледелия, торговли и путей сообщения (Таврический губернатор Ф. П. Перлик¹⁸, которого сменил в двадцатых числах мая С. Д. Тверской, в основном постоянно находящийся в Севастополе; пост вице-губернатора занял А. А. Лодыженский¹⁹, пребывающий в Симферополе); финансов (М. В. Бернацкий); иностранных дел — внешних сношений (П. Б. Струве); юстиции (Н. Н. Таганцев), военное (генерал-лейтенант В. Е. Вязьмитинов²⁰). Струве большую часть времени пребывал за границей, и его обязанности на месте исполнял Г. Н. Трубецкой²¹. Начальником Морского управления и командующим Черноморским флотом стал вице-адмирал М. П. Саблин. По прошествии некоторого времени на место начальника выделенного Управления торговли и промышленности был назначен единственный «местный» в Совете — В. С. Налбандов, бывший краевой контролёр и секретарь, временно управляющий министерством исповеданий и народного просвещения первого Краевого правительства. Кстати, левее его, октябриста, около Врангеля не было никого.

В связи с намеченной аграрной реформой возникло отдельное Управление землеустройства во главе с сенатором Г. В. Глиной. Должность государственного контролёра получил Н. В. Савич²². Оба отличались устойчиво правыми взглядами.

20 мая, после настойчивых уговоров Врангеля, в Севастополь прибыл А. В. Кривошеин, который хотел вначале осмотреться, разобраться в крымских реалиях, и поэтому воздерживался от каких-либо обещаний. Но в разгар удачного наступления, наконец, решился на отчаянный, по мнению многих, ценивших его (к примеру, П. Н. Милюкова), шаг, остался в Крыму, был 6 июня назначен помощником Врангеля и не покинул его до конца крымской эпопеи.

Личность Кривошеина вызывала у современников противоречивые чувства. Некоторых, того же бессребреника Я. А. Слащова, раздражала его предпринимательская жилка. Да и в Крыму, занимая второй после диктатора пост, Кривошеин не мог удержаться от участия в акционерных предприятиях, сделок, которые могли во времена всеобщего бедствия показаться сомнительными с точки зрения нравственности. Но в знании дела, незаурядности, умении объединить вокруг себя людей разных взглядов ему не могли отказать даже его недоброжелатели.

Врангель буквально преклонялся перед Кривошеиным. «Человек выдающегося ума, исключительной работоспособности», «выдающийся администратор», «человек исключительной эрудиции, культурности и широкого кругозора»... Далее особенно важно: «Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным умам старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов был принять революцию, но он ясно признавал необходимость её учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующей необыкновенного импульса и не терпящей шаблона»²³.

Газеты тех лет периодически помещали выражения благодарности Кривошеину, подписанные Правителем. Лазарету Корниловской ударной дивизии было присвоено имя Александра Васильевича Кривошеина²⁴. Это конечно выглядит анекдотично, но звучит по-своему символически: ведь Кривошеин и был приглашен для того, чтобы излечить тяжелообольного — «белое дело».

Оппонент Кривошеина — В. А. Оболенский — смотрит на эту личность как бы с другого конца. Да, Кривошеин — искренний патриот, да, он — «человек большого ума, лучше многих понимавший всю глубину происходивших в русской жизни изменений и ясно представлявший себе, что возврата к прошлому нет. Но... (отточие Оболенского. — *Авт.*) он всё-таки был плоть от плоти бюрократического режима. ...Долгая бюрократическая служба создала в нём известные привычки и связи с определённым кругом людей». И если «по основным чертам психологии» Врангель «оставался ротмистром Кавалергардского его величества полка», то Кривошеин — «тайным советником и министром большой самодержавной России»²⁵. И тот и другой дальше «реформ сверху» пойти не смогли при любых обстоятельствах.

Врангель был единственным из вождей белого движения, кто, взяв власть, имел уже чёткую программу действий на ближайшее будущее, причем программу развёрнутую, охватывающую все стороны жизни. Непредсказуемые и мало чем обусловленные экспромты в деникинском духе были чужды его натуре.

В. А. Оболенский считает, что в политике Врангеля где-то в начале мая произошёл резкий поворот. Если он дебютировал отказом от похода на Москву в пользу укрепления южнорусской государственности, с решения предоставить широкую автономию народам и пойти, при посредничестве союзников, на перемирие с большевиками, то вскоре, сменив курс, перешел к брутальной воинственности²⁶. Нам так не кажется — и вот почему. Тщательно проанализировав все декларации, программного рода документы, заявления, приказы и интервью Врангеля с апреля по октябрь, видишь, что связующей нитью проходят через них те же идеи, что были сформулированы в начале правления. Конечно, неизбежным стали коррективы и модификации, но суть, показывающая, что диктатор оставался верен избранной стратегии, сохранялась прежней. И, наверное, не его, точнее, не только его вина в том, что достичь цели так и не удалось.

Первой, заслуживающей пристального внимания программой врангелевского режима мы склонны считать беседу Главнокомандующего с представителями печати 9 апреля²⁷.

Начнем с середины, с изложения «методологии». Врангель выступает как решительный «сменовеховец» (в широком смысле): «Я вижу к воссозданию России совершенно новый путь. Пусть среди разлагающегося больного тела свободно оживают отдельные клеточки и долг искусного врача должен быть в объединении их, не разрушая каждой в отдельности. Чем больше будет здоровых клеток, тем процесс разложения будет скорее пресечён. В конечном итоге все омертвевшие части организма распадутся, и новая молодая ткань заменит потерявшее жизнеспособность больное тело».

(Первой такой клеточкой суждено стать Крыму²⁸).

Что планируется в Крыму? «Наладить совершенно расстроенный промышленный аппарат, обеспечить население продовольствием, используя самым широким образом естественные богатства края...» Свобода торговли — но пока карточная система. Безопасность населения. Земельная реформа: «Мелкому крестьянину принадлежит сельскохозяйственная будущность России. Посредником по передаче земли в руки малого собственника должно явиться государство».

Рабочим: повышение уровня жизни, в частности, путём открытия лавок «Добрармия — населению» с продажей предметов первой необходимости по сниженным ценам; удовлетворение профессиональных нужд. (В скобках: Врангель не питал враждебных чувств к рабочим, как Слащов, принимал их делегации и т. д.). Национальный вопрос: «...Национальные нужды населения, в частности, татарского, приняты во внимание самым тщательным образом».

Власть: снова о том же. «Мы в осаждённой крепости, и лишь единая твёрдая власть может спасти положение». Но управление невозможно без привлечения общественных сил.

Союзники и помощники: внутренние — «Для меня нет ни монархистов, ни республиканца[ев], а есть лишь люди знания и труда». Внешние: Врангель отмежевывается от «добровольческой, какой-то частной политики» А. И. Деникина. «Вместо того чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевиками и коммуной... дрались и с большевиками, и с украинцами, и с Грузией, и с Азербайджаном, и лишь немногого не хватало, чтобы начать драться с казаками, которые составляли половину нашей армии...».

Вывод: «Не триумфальным маршем из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке Русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».

Впервые, кажется, в белом стане появляется и обретает плоть не реставрационная, а прогрессивная идея, впервые захватнические импульсы уступают место преобразовательным.

Но как быть с этим?

«Однажды утром дети, идущие в школы и гимназии, увидели висящих на фонарях Симферополя страшных мертвецов с высунутыми языками...

Этого Симферополь ещё не видывал за всё время гражданской войны. Даже большевики творили свои кровавые дела без такого доказательства»²⁹.

Симферопольский городской голова С. А. Усов прибыл по приглашению Врангеля, раздражённого ропотом общественности, в Севастополь. Описание их встречи в мемуарах Главнокомандующего читать муторно — от него так и разит самодовольной «психологией ротмистра»: «Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных ещё одним, хотя бы этим лицом оказались вы». Усов, вернувшись, отказался передавать содержание разговора, заболел и подал в отставку³⁰. Его можно понять.

2 мая Врангель отменил публичные казни. И не из каких-то там гуманных соображений или под давлением снизу — как он сам пояснял, они уже не устрашают, а отупляют население.

В Крыму действовала масса карательных органов: армейская контрразведка при каждом более или менее крупном соединении (жупелом для населения была кутеповская: живыми оттуда не выходили), морская, уголовно-розыскное отделение, военно-полевые суды, которые, не признавая середины, либо оправдывали, либо, чаще, приговаривали к расстрелу. Все они пользовались неограниченными правами, были бесконтрольны и творили что им вздумается, не чувствуя при этом противодействия ни Врангеля, ни его правительства.

Главнокомандующий начал частичную реорганизацию органов контрразведки. В июне был сформирован Особый отдел при Штабе Главнокомандующего. Его возглавил бывший директор Департамента полиции се-

натор Е. К. Климович, сидевший в тюрьме и при Временном правительстве и при большевиках, которые его и выпустили. Заместителем начальника Особого отдела стал «король сыска» России А. Ф. Кошко³¹.

Для Климовича, ставшего также помощником начальника Гражданского управления, все левые от большевиков до эсеров и чуть ли не кадетов были одной масти. Однако Врангель вышел на Климовича, не смущаясь его одиозностью, с дальним прицелом — это был профессионал своего дела.

Н. В. Савич пишет: «В Крыму не было ни погромов, ни грабежей со стороны воинских частей, которые получали регулярно своё довольствие и не были вынуждены прибегать к самоснабжению, что было одной из наиболее вопиющих язв 1919 года. Совершенно невозможно было существование таких начальников, как Шкуро или Покровский, о грабежах коих слагались легенды»³².

Массовых бесчинств, аналогичных творимым добровольцами Деникина в Крыму, с апреля действительно не было (мы говорим именно о Крыме, не о Северной Таврии). Однако насилия и реквизиции, особенно в связи с мобилизацией, отнюдь не были редкостью. Очевидец событий, укрывшийся под инициалами А. П., вспоминал: «Грабежи, разбои и другие имущественные преступления не подвергались надлежащему преследованию, стали в войсках обыденным явлением. Честный солдат обращался в гнусного мародёра, исчезла всякая идейность и даже порядочность, и на смену им приходили низкие корыстные мотивы и грубый произвол»³³. От солдат не отставали военачальники, сколачивая себе состояния для безбедной жизни за границей.

А от грабежей было рукой подать до арестов и казней или просто расстрелов на месте. Начало правления Врангеля ознаменовалось вереницей массовых экзекуций: мусульманская группа, 13 подпольщиков в Симферополе, члены городского комитета большевиков в Керчи, руководство ялтинского комсомола... Приказом А. П. Кутепова по делу Союза коммунистической молодежи было предано военно-полевому суду 15 человек, из них 10 приговорены к повешению (включая Воловича (Зиновьева), Б. Горелика, Ф. Б. Шполянскую)³⁴.

В апреле-мае по подпольному движению был нанесён серьёзный удар. В июле-августе возрождённые подпольные организации в Ялте, Симферополе и Севастополе вновь разгромлены контрразведкой. Несмотря на то, что ещё до назначения Климовича начальником Особого отдела подполье на полуострове было практически разгромлено³⁵, волна арестов не убывала. По данным тюремной администрации, на 1 августа 1920 года в тюрьмах находились заподозрённые в большевизме: в Севастополе — 90 человек, в Симферополе — 160, в Керчи — 17; на 1 сентября в Севастополе — 138 человек, в Симферополе — 301, в Керчи — 13; на 1 октября в Севастополе — 193 человека, в Симферополе — 353, в Керчи — 58³⁶. «...При Климовиче, как и до него, тюрьмы были переполнены случайными людьми, что нисколько не

мешало, а скорее помогало работе оставшихся на свободе большевистских агитаторов»³⁷. Особенно много сидело военнослужащих — для этого было достаточно одного неосторожного слова или критического замечания.

Разрозненные факты. Начальник Управления юстиции Н. Н. Таганцев отрешает от должности всех мировых судей-социалистов. Арестован народный социалист А. П. Лурья (Лурье), соредaktor либеральных «Южных Ведомостей»³⁸. 1 сентября арестованы контрразведкой товарищ председателя рабочего клуба союза моряков Пчелин, секретарь клуба Рулькевич, член правления Гапонов; все — правые эсеры³⁹. Дошло и до литераторов: 22 июля в Феодосии арестован О. Э. Мандельштам, уже претерпевший от белых в конце 1919 года. Обвинение «в принадлежности его к партии коммунистов-большевиков» грозило высшей мерой, но, благодаря заступничеству, в первую очередь, М. А. Волошина, поэт был освобождён⁴⁰.

Продолжало тянуться следствие по делам как будто оправданного С. И. Руцинского и убитого эсера И. Е. Маркова. Что касается контрразведчика Руцинского, то морской суд признал его виновным в присвоении звания и чина полковника и вымогательстве (но никак не в содействии большевикам) и приговорил к лишению прав состояния и к каторжным работам⁴¹. А дело Маркова вытаскило на свет «картину страшного морального распада уголовного розыскного отделения и отделения государственного розыска при б. начальнике Белоусове», которого сменил не менее омерзительный Кривошеев (Севастополь).

«Это была академия преступников, вертеп преступников, банда вымогателей», — патетически восклицал на августовском судебном заседании товарищ прокурора А. П. Гукович. Арестованный вместе с Марковым, но отпущенный, эсер А. В. Некрасов называл «уголовный розыск застенком», а сидящих на скамье подсудимых сравнивает с заплечных дел мастерами. Марков был убит якобы при попытке к бегству. Двое убийц получили по 20 лет, а организатор, войсковой старшина В. И. Кривошеев, — всего 4 месяца заключения в крепости⁴².

Насколько нам известно, это был единственный случай наказания «заплечных дел мастеров» при Врангеле, да и то потому, что Марков являлся известной фигурой, и расправа с ним получила большой общественный резонанс. Можно себе представить, какие факты вскрылись бы, если бы на скамье подсудимых оказались не мелкие сошки из уголовного розыска, а матёрые волки из кутеповской контрразведки...

Врангель придумал и более гуманный метод борьбы с политическими противниками. 11 мая он установил приказом административную меру⁴³: «Высылка в Советскую Россию лиц, изблiченных в явном сочувствии большевизму, в непомерной личной наживе на почве тяжёлого экономического положения края и пр.»⁴⁴. Насчёт последних у нас никаких сведений нет, а вот что касается первых — мера действительно нашла широкое применение.

В газетах стали обычными объявления типа: «Жительницу города Севастополя Зинаиду Александровну Сосновскую, избличённую в явном сочувствии большевикам, как бывшую сотрудницу большевистской газеты «Известия» и высказывающуюся всегда за избиение офицеров и духовенства...» — выслать; надворного советника Кузанова Петра Соломоновича, двухкратно служившего большевикам, приговорённого к 20 г. каторги и помилованного, но продолжающего сочувствовать большевикам», — выслать⁴⁵ и т. д. Однако при этом не было никаких гарантий того, что «высылка в Советскую Россию» могла закончиться выстрелом в спину за линией фронта.

Сидевший, в который раз с 1905 года, председатель Крымпрофа, председатель Севастопольского совета профсоюзов, товарищ председателя городской думы Севастополя, почётный мировой судья Н. Л. Канторович также был приговорен к высылке в Советскую Россию. Уже был назначен отъезд — 23 августа. Но гласные думы, М. К. Рыбарский и Н. И. Емельянов, учитывая, что у большевиков Канторовича тоже, скорее всего, ждёт тюрьма, добились аудиенции у Врангеля и изменения места высылки — в Грузию или Константинополь — по желанию. 15(28) сентября 1920 года на пароходе «Возрождение» старый шлиссельбуржец, не сумевший ужиться с врангелевскими реформаторами, вместе с семьёй отплыл в Грузию. Вместе с ним выехали товарищ председателя союза металлистов С. Г. Тимченко, секретарь союза И. Е. Дьяченко, член правления Кошелев и председатель старост портового завода Горячко⁴⁶.

Под предлогом контактов с Москвой, а торговые связи действительно были, власти разгромили Центросоюз, главный кооперативный орган Крыма, и его отделения. Врангель видел в нём скопище агентов Кремля, а местные спекулянты — сильного конкурента.

На все просьбы Симферопольской думы об упразднении контрразведки, отмене военно-полевых судов и смертной казни, назначении комиссий с председателями от общественных организаций для расследования действий контрразведки генерал П. Н. Шатилов отвечал неизменным «нет» с оговоркой, что против комиссий он лично ничего не имеет⁴⁷. Но, видимо, имел кто-то другой, ибо созданы они так и не были.

Появились, однако, согласно приказам Врангеля от 14 апреля и 5 мая, другие комиссии — военно-судные, для расследования и вынесения приговоров по делам о грабежах, разбоях, самовольных реквизициях, совершаемых военнослужащими. В сентябре их было уже 28. Но эта, широко разрекламированная кампания, практически не принесла результатов. Офицеры, заседавшие в комиссиях, не желали, в силу корпоративной солидарности, судить своих товарищей. В лучшем случае крестьянам выплачивали смехотворную компенсацию. Никаких существенных изменений, в сторону хотя бы уменьшения произвола, не принесло и учреждение прокурорского надзора над политическими делами.

Еще одной «благотворительной» акцией Врангеля было изъятие дел лиц 10–17-летнего возраста из ведения военно-полевых судов.

Репрессивная машина при Врангеле, как бы приняв эстафету от прежних администраций, работала, не сбавляя оборотов, перемалывая и правых, и виноватых. Можно ли было в таких условиях разглагольствовать о безопасности населения и защите его прав?

Но Врангель всё-таки сумел сразу же внести в крымскую жизнь новые ноты, как бы они, приятно или раздражающе, ни звучали.

Постепенно, но последовательно, устанавливается дисциплина: замолкают или удаляются из Крыма интриганы, успокаиваются войска, преследуются уголовники.

В то же время — затихают думы, столь буйные во времена Я. А. Слащова, почти прекращаются забастовки.

Фрондировало казачество, не скрывавшее своих чувств к добровольцам после Новороссийска, когда последние захватили корабли, бросив казаков на произвол судьбы. Врангель, которому газетные конкуренты услужливо подсунули номера «Донского Вестника», издававшегося при штабе Донского корпуса начальником его политотдела графом А. М. дю Шайля⁴⁸, пришёл в негодование. Газета, не стесняясь в выражениях, разоблачала «генералов и сановников», бичевала армию. Врангель распорядился немедленно закрыть «Донской Вестник». Дю Шайля был отдан под суд за публикацию «статей, направленных к созданию розни между казачьими и неказачьими элементами русской армии»⁴⁹ и пропаганду отделения казачества от России и пытался покончить с собой. Под суд отдали также генерал-лейтенантов В. И. Сидорина⁵⁰ и А. К. Кельчевского⁵¹. Севастопольский военно-морской суд под председательством А. М. Драгомирова приговорил их в апреле к четырём годам каторжных работ. Врангель ограничился исключением обоих со службы, лишением мундира и высылкой за границу. Дело дю Шайля, который, тяжело раненный, лежал в лазарете, рассматривалось в августе. Как исполнитель чужой воли, он был оправдан.

Главкомандующему, несмотря на жёсткие меры по отношению к автономистам, удалось, следуя заявленному курсу на консолидацию всех антибольшевистских сил, подписать 22 июля соглашение с атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани⁵². Суть его сводилась к следующему: казачество получает полную независимость во внутреннем устройстве и управлении, Главкомандующий — полноту власти над всеми вооружёнными силами, во внешней политике, в управлении железными дорогами и телеграфом.

Исключительное внимание П. Н. Врангель, как и его предшественники, уделял идеологии. Постулат оставался прежним: «великая, единая и неделимая», однако приобретал всё новые оттенки, что лишний раз подтверждало гибкость врангелевской политики. Место скомпрометировавшего себя и ликвидированного в апреле денкинского Осведомительно-агитационного от-

деления (Осведомительного бюро, Отдела пропаганды) — ОСВАГа заняли церковь, официальная и монархическая пресса, субсидируемая и снабжаемая привозимой из-за границы бумагой отделом печати при правительстве. Приказом Врангеля от 18 июля на местах создавались представительства Южно-Русского телеграфного агентства, подчинённые отделу печати⁵³.

Врангель, будучи глубоко верующим человеком, не устал пропагандировать и насаждать православие как духовную опору будущей возрождённой России. Земельный закон вернул церкви её владения. При правительстве было создано Временное высшее церковное управление епархий Юго-Востока России во главе с Вениамином (И. А. Федченковым), который в качестве епископа армии и флота осуществлял руководство священниками во всех воинских частях. Врангель, полагаясь отныне на духовенство, ликвидировал армейские политотделы.

Повышенное внимание к религии отразилось и в учреждении 30 апреля ордена во имя Святителя Николая Чудотворца⁵⁴, кстати, именно по предложению церкви. Орден представлял собой черный металлический крест с изображением Св. Николая и надписью «Верую спасётся Россия» на трёхцветной ленте. Первыми награжденными, по приказу 11 июля, стали: генерал-лейтенанты А. П. Кутепов, Я. А. Слащов, П. К. Писарев, В. К. Витковский⁵⁵, генерал-майор Н. В. Скоблин⁵⁶; полковники С. Дмитриев, М. В. Мезерницкий, Е. А. Глов, Я. М. Петренко, Д. И. Ширковский, капитаны Н. В. Натус, М. И Редько и поручик А. Попов⁵⁷.

С конца 1919 — начала 1920 года заметно активизировалось русское национальное движение. Напомним, что ещё в 1917 году П. И. Квит создал в Таврической губернии Русскую общину пославшую бойцов в Добровольческую армию. В 1920 году в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте действовали группы Союза русских национальных общин. Среди его лидеров: тайный советник В. М. Скворцов, Н. Н. Чебышев⁵⁸, Н. Н. Львов⁵⁹, профессора А. Л. Байков⁶⁰ и И. М. Малахов. Главным лозунгом Союза была борьба с большевизмом, заявлялось, что это организация не воинствующая или шовинистическая, а имеющая «...перед собой только вполне определённую задачу — оборону своих русских интересов, русского языка, русской культуры, русской торговли и т. д., всего русского, национального». Союз объявлял себя хранителем «...лучших заветов русской государственности и действительно прогрессивного национализма». Председатель Центрального совета и идеолог Союза И. А. Корвацкий считал необходимым для распространения своих идей привлечь православное духовенство, создавать ячейки вокруг приходов, к которым потом должны присоединиться различные группы интеллигенции и служащих⁶¹.

При Врангеле выходило около 20 газет. «Независимых» (в смысле: не пользовались материальной поддержкой правительства) среди них почти не было. Назовём: «Южные Ведомости», «Ялтинский Курьер» («Южный Курьер»), «Крымский Вестник», «Юг России», «Наш Путь», «Крымская

Мысль» (Феодосия, выходила с 1(14) января 1920 года, среди редакторов: А. В. Давыдов, Г. А. Козловский, Е. А. Фидлер). «Большим подспорьем для агитации против Врангеля была существовавшая у нас свобода печати. В Крыму пышно расцвело газетное дело, количество периодических изданий было очень велико, притом преимущественно левого направления. Социалистические газеты просто работали на большевиков, конечно, под сурдинку, как то умеют делать социалистические писатели». Кадетское большинство «было нам враждебно. (...) Таким образом, пресса частью сознательно, частью бессознательно делала злое дело разрушения духа»⁶², — вспоминал бывший государственный контролёр.

Но преобладает противоположное мнение (В. А. Оболенский, Г. Раковский, А. А. Валентинов, другие): абсолютно доминировали беззастенчиво поддерживаемые администрацией правые газеты, свирепствовала цензура. «Злоба, клевета и доносы, с одной стороны, бахвальство и «шапками закидаем», с другой — основные черты всей этой ужасной, ухудшающей (удушающей? — *Авт.*) прессы. (...) ...Если ещё можно допустить, что «правые руки могли творить левую политику» («левая политика правыми руками» — выражение П. Б. Струве, ставшее хрестоматийным для отражения сути политического курса Врангеля. — *Авт.*), то правая голова не могла говорить левые слова»⁶³. О полном засилии «казённокоштной» печати пишет А. А. Валентинов⁶⁴. Ещё дальше идет Г. Раковский. Он педалирует отсутствие, в тисках государственного патронажа, элементарной свободы печати при её видимости. «Для будущего историка крымские газеты не представляют собой никакой ценности»⁶⁵. Отнесём эту фразу на счёт запальчивости современника.

А предварительная цензура на повременную печать сразу после 22 марта была отменена. Редакторы и издатели взвыли: это ещё хуже. «С отменой цензуры мы перестаём перед собой кого-либо видеть. Но... накаплиют «преступный материал» — и в один прекрасный день, как гром среди ясного неба — беспощадная репрессия»⁶⁶.

Цензура была восстановлена, и вскоре газеты «заполнились» белыми пятнами. Доходило до курьёзов: однажды цензура выбросила официальную речь... Врангеля, самого деятельного, иронизировали тогда по поводу бесчисленных приказов и речей, сотрудника крымских газет, как «слишком революционную», другой раз забраковала заметку А. В. Кривошеина, поскольку она «подрывает существующий государственный порядок»⁶⁷.

Цензура приостановила либеральный «Юг России» (редактор-издатель К. В. Орлов); черносотенные «Царь-Колокол» (редактор-издатель Н. П. Измайлов) за обвинения правительства в демократизме, «Русскую Правду» — за погромную агитацию.

В сентябре разыгрался скандал с заведующим отделом печати журналистом Г. В. Немировичем-Данченко. Оказалось, что под разными псевдонимами в печатных органах стали появляться статьи, резко критикующие

работу тыловых учреждений и при этом оперирующие данными, недоступными рядовым обозревателям. Автором их был не кто иной, как сам Немирович-Данченко. По рекомендации П. Б. Струве, Врангель 24 сентября заменил его профессором истории Г. В. Вернадским⁶⁸. «Приходило, конечно, много деятелей печати, — вспоминал Вернадский о своей службе. — Почти все они понимали трудность положения и соответственно сами себя ограничивали (выделено нами. — *Авт.*) в своих газетных писаниях и в отношении острых политических и военных вопросов»⁶⁹.

Дабы пресечь казусы, подобные действиям Немировича-Данченко, раз и навсегда, Врангель издаёт 12 сентября приказ: учреждается высшая комиссия правительственного надзора (под председательством генерала Э. В. Экка⁷⁰), «куда каждый обыватель имеет право принести жалобу на любого представителя власти», вследствие чего «оглульную... критику в печати, а равно тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения и за такие статьи буду взыскивать, как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет»⁷¹.

Среди наиболее читаемых были либеральные, порой чуть с социалистическими привкусом, издания: «Юг России» (ранее «Юг», впоследствии «Наш Юг») (Севастополь, среди авторов: М. В. Бернацкий, А. Т. Аверченко, Е. Н. Чириков, И. С. Шмелёв, А. Н. Толстой); «Южные Ведомости» (Симферополь, среди редакторов А. Г. Лурье, П. С. Бобровский, А. Б. Дерман, С. Я. Елпатьевский, сотрудничали К. А. Тренёв, В. В. Вересаев, И. С. Шмелёв и др.); «Крымский Вестник» (Севастополь, редактор-издатель И. Я. Нейман, газета основана в 1888 году). Социалистических газет, как таковых, вопреки мнению Н. В. Савича, в Крыму не выходило, за единственным исключением: постоянно преследуемой «Наш Путь», органе Совета профсоюзов Ялты, «исполняющей должность рабочей газеты»⁷² (редактор В. А. Базаров⁷³). Продолжал выходить журнал «Крымский Кооператор» (Симферополь), в 17, 19 и 20-м номерах которого в 1920 году опубликован рассказ К. А. Тренёва «Оторванный лист».

Состав «казённокоштного» лагеря был пёстрым. Здесь и бывший кадетский «Таврический Голос» (Симферополь, редактор Б. И. Ивинский⁷⁴, среди авторов Г. В. Вернадский, И. С. Шмелёв, А. И. Маркевич), «Ведомости Керчь-Еникальского Градоначальства» (редактор-издатель А. К. Василевский), официальное «Знамя», посвящённое вопросам крестьянской жизни (Симферополь). Продолжали выходить «Таврические Губернские Ведомости» (исполняющий обязанности редактора Н. П. Чоглаков⁷⁵), которые «были последней губернской газетой, выходившей на территории бывшей Российской империи»⁷⁶.

Армейские новости поставляли «Военный Голос» (Севастополь), «Голос Фронта» (Джанкой), «Сполох» (Мелитополь; газета казачества, была закрыта). Донское казачество имело свою газету «Голос Дона» (Севастополь).

На правом фланге: «Вечернее Время» Б. А. Суворина (Феодосия, начала выходить с 20 января (4 февраля) 1920 года), «Вечернее Слово» А. А. Бурнакина и Н. И. Вознесенского (Севастополь), «Вечерний Курьер» (Симферополь, редактор А. Я. Линский), державный «Ялтинский Вечер» (издатель: товарищество «Единая Русь», ответственный редактор М. П. Якушев сотрудничали писатель И. Д. Сургучёв, Н. В. Савич), продолжал выходить «Евпаторийский Курьер» («Евпаторийский Вестник») — (редактор-издатель Б. В. Ратимов; он же издатель газеты «Курьер» (Симферополь). Ещё правее: «Царь-Колокол», «Заря России», «Святая Русь», выходившая «с благословения и под главным руководством Преосвященного Вениамина Епископа Севастопольского» (все — Севастополь). На отражение интересов земледельцев претендовали орган Крестьянского союза Юга Родины монархический «Крестьянский Путь» (Симферополь, редактор В. Я. Уланов) с лозунгом: «Мир — родине, Право — народу, Земля — казакам и крестьянам»⁷⁷, крестьянская газета «Земля» (Симферополь).

Русскую патриотическую идею старались выражать газеты «Русский Вестник» (Севастополь, редактор-издатель Н. Литвин), «Русское Дело» (Керчь, редактор-издатель А. К. Филиппенко), журнал «Русский Сборник» (Севастополь, среди авторов Н. Н. Чебышев, посвятивший свою статью «Крымский исход» резкой критике кадетизма). Русская национальная община Ялты издавала единственную в своём роде газету с устной, рассчитанной на самого массового читателя формой подачи материала, «Русский Терем» (редактор Б. Смирнов)⁷⁸.

Проврангелевскую ориентацию избрал «Южный Курьер» (Ялта, издатель А. В. Давыдов, ответственный редактор В. А. Амфитеатров (Кадашев), среди авторов Лозгрин (П. Т. Гердо-Виноградский), С. К. Маковский, И. Д. Сургучёв и др.).

Не имела какого-либо определённого политического лица «Южная Речь» (Симферополь).

О. М. Мурасов благополучно довёл до ручки газету Временной особой комиссии о вакуфах «Крым Мусульманлары Садасы» («Голос Крымских Мусульман»), не пользующуюся авторитетом в крымскотатарской среде и прекратившую своё существование в июле. Типографию, в которой она печаталась, Вакуфная комиссия передала в аренду за 50 тысяч рублей «некому лицу», которое, в свою очередь, передало её Б. А. Суворину⁷⁹, где тот и стал издавать собственную монархическую газету «Время Бор. Суворина» (Симферополь). Правда, появилось новое крымскотатарское издание — журнал «Ешил Ада» («Зелёный Остров», то есть Крым), который редактировал А. А. Одабаш (Тимурджан). Это издание носило чисто литературный характер, выходило без препятствий со стороны властей, но не было популярным в татарской среде⁸⁰. С июня 1920 года на крымскотатарском языке начал выходить журнал «Бутоны Крыма»⁸¹.

П. Н. Врангель, считаясь с Западом, предпочитал избегать рептильную печать. «Субсидируемые правительством органы, а таких было большинство (выделено нами. — *Авт.*), льстили властям самым недостойным образом, — признавался он, инициатор такой политики, — но в проведении общих руководящих мыслей государственного значения помочь правительству не могли»⁸². Поэтому Врангель сделал своим рупором умеренно-официальную «Великую Россию» (редактор В. М. Левитский⁸³, среди сотрудников — В. В. Шульгин, П. Б. Струве, Н. Н. Львов, Н. Н. Чебышев)⁸⁴.

Партийная жизнь во врангелевский период замирает. Умеренных социалистов не слышно. Примолкли и кадеты.

В партии конституционных демократов не было единства взглядов на отношение к Врангелю, тем более, что Главнокомандующий их третирует. В начале июля в Севастополе прошло совещание находившихся в Крыму кадетов. Из членов ЦК присутствовали П. Д. Долгоруков⁸⁵ и В. А. Оболенский.

Ключевым стал четвёртый пункт принятой резолюции: «Главной задачей партии в настоящий момент является укрепление государственной и национальной власти, для данного времени верховная власть должна быть единоличной; эта власть при устроении тыла должна опираться на общественные элементы и на органы местного самоуправления».

Заметны также положения о создании надпартийного союза, недопущении преобладания классовых интересов над «общегосударственными», сепаратизма, крайней реакции (при признаваемой неизбежности реакции, как таковой), свёртывании критики, идущей в ущерб созидательной работе.

Собрание избрало бюро «Временного объединения» во главе с князем П. Д. Долгоруковым⁸⁶.

Заметных последствий севастопольское совещание не имело. Лидер партии П. Н. Милюков был настроен скептически, если не сказать больше: «безнадёжное дело генерала Врангеля, граничащее с авантюрой»⁸⁷.

Крымскотатарский вопрос при Врангеле ступсевался, ушел вглубь. Правитель только единожды упомянул в своих записках о крымских татарах, что показывает степень серьёзности для него этого вопроса: «Отношение местного татарского населения было в общем благожелательно. Правда, татары неохотно шли в войска, всячески уклонялись от призывов, но никаких враждебных проявлений со стороны населения до сего времени не наблюдалось»⁸⁸.

И всё. Больше ничего во второй части воспоминаний барона мы о татарах и об отношении к ним не находим.

16 мая в Симферополе в губернаторском доме открылся созванный по приказу Врангеля Всекрымский мусульманский (татарский) съезд. Из 44 делегатов прибыло 20. Евпаторийцы приехать не смогли, «благодаря» реквизиции подвод, а феодосийцы — опасаясь грабежей на дорогах. А. С. Айвазов отмечал, что из крымскотатарских националистов на съезд никто не явился, 99 процентов его состава составляли муззакы, духовенство и быв-

шие чиновники при Магометанском духовном правлении. Его самого, проживавшего тогда в Алушке под подпиской о невыезде, упорно приглашал присутствовать Таврический губернатор Ф. П. Перлик, гарантируя неприкосновенность.

Открытие съезда почтил своим присутствием Главнокомандующий. Из его речи: «Приветствую Вас и в Вашем лице татарское население Крыма, которое неизменно и в настоящую тяжелую годину боролось за честь и славу матери-России. (...) Выполнение татарским населением военной и конской повинности должно показать, насколько оно стремится прийти на помощь общему делу». Далее Врангель говорил об «удовлетворении культурно-просветительных и некоторых экономических нужд татарского населения», избегая конкретики⁸⁹. По словам Айвазова, Врангель заявил: «Духовенство не умело воспитать молодёжь, а дворянство избаловало крестьян. Современная мусульманская молодёжь не признаёт власти, не признаёт своих традиций, не признаёт религии, не признаёт дворянства и не идёт по стопам славных предков. Они требуют какую-то культурно-национальную автономию. Вот у меня имеются основные законы курултая, молодёжь требует, чтобы я официально признал их Конституцию и т.п. Кто желает автономию, тот должен идти на фронт воевать с большевиками, нечистыми, сначала победа над врагом, а потом автономия.

Вот, господа мусульмане, дайте нам побольше солдат, принудите ваших сыновей явиться в наши доблестные ряды. Мусульмане — хорошие воины. Только нужно им это втолковать»⁹⁰.

Демагогическую речь Врангеля, в которой, помимо напоминания об обязанностях, так сказать — накачки, ради которой и был созван съезд, не содержалось, по сути, ничего, дополнил Перлик. Рассчитывать на получение тагарами автономии не приходится, заявил он, максимум — самоуправление в религиозно-просветительской области⁹¹. Айвазов после речи Врангеля со скандалом покинул съезд и скрылся.

17 мая в уездном земстве произошли частные совещания делегатов съезда, часть из которых выставила политические требования, прежде всего, восстановление национального парламента, однако, у большинства это предложение поддержки не нашло. На следующий день на пленарном заседании выяснилось, что ни один из стоящих в повестке дня вопросов не готов к обсуждению. С целью их подготовки были образованы три комиссии: духовно-религиозная, культурно-просветительная, по самообложению и управлению вакуфным капиталом. Очередное заседание было назначено на 21 мая. Присутствующий на нём вице-губернатор К. И. Карпов заявил, что выработанные съездом документы станут основой законодательных актов по татарским вопросам. Однако на следующий день Перлик огоршил делегатов следующим заявлением: решения съезда оказались совсем не теми, на которые рассчитывало правительство. Врангель же был не столь категоричен. После доклада ему Перлика о происходящем на съезде он

предложил выбрать делегатам 5–6 представителей, чтобы вместе с правительственным чиновником выработать мероприятия, касающиеся решения проблем крымских татар в области духовной, религиозной, культурно-просветительной и некоторых сторон экономической жизни. Перлику пришлось изменить тон в отношении делегатов съезда и изложить им предложения Врангеля. Делегаты выразили с ними своё согласие и избрали шесть делегатов для предстоящего совещания в Севастополе⁹².

После съезда в отношении мусульманского населения стали заметны некоторые подвижки⁹³, однако П. Н. Врангель не собирался возрождать Курултай и Директорию, тем паче, что при разборке изъятых документов последней ревизия «обнаружила сношения бывшей директории с Турцией...»⁹⁴. А. В. Кривошеин склонялся к тому, чтобы вообще заморозить на время крымскотатарский вопрос.

Впоследствии, уже в советском Крыму, сотрудники ГПУ в справке «О происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму [1922–1923]» отмечали, что «после катастрофы Деникина более либеральный режим Врангеля встречал среди татарского населения больше сочувствия. Всё-таки с татарами считались. С ними разговаривали, их интересы принимались во внимание при составлении Врангелевского земельного закона. Однако, видя в Крыму «зерно будущей Великой России», он не мог, конечно, удовлетворить национальные стремления татар. Отношения постоянно портились вследствие тупой политики администраторов старых реакционных генералов. Врангелевские мобилизации также не имели успеха: призывники уходили в горы, увеличивая собой кадры зелёных. Зато невообразно развивалась национальная школа и существовала свободно-татарская пресса. Тесная связь Врангеля с Константинополем позволяла и татарским вождям постоянно сноситься с Турцией.

Внешняя политика, как Деникина, так и Врангеля, ориентировавшаяся на Антанту, не пользовалась симпатиями татар, склонявшихся в сторону Германии и Турции»⁹⁵.

Оживление национального движения, активизация панисламистов (пантюркистов) вызывало серьёзное опасение врангелевской контрразведки. В «Обзоре мусульманского движения по I-е октября 1920 года», подписанным генерал-лейтенантом Е. К. Климовичем, отмечалось: «Деятельность панисламистских кружков особенно усилилась с началом в Турции национального движения, возглавляемого Кемаль-пашой. Во исполнение решений панисламистской конференции в Сивасе (в конце апреля с. г.), вожди названного движения приступили к широкой организационной и агитационной работе: собрали крупные суммы денег, посланы агитаторы во все государства, где проживают мусульмане. Агенты панисламизма проникают в Крым из Турции под видом купцов, привозящих товары. Местом отправления таких агентов является Трапезунд и Ризе. Проводниками служат татары, отчасти работающие идейно, а частью за деньги». По мнению

Климовича, панисламисты (пантюркисты) усматривали в Русской армии «препятствие к осуществлению своих национальных вождедений» — освобождению Турции от гнёта иностранцев (Антанты) с помощью Советской России и объединению вокруг нее всего мусульманского мира. «Этим объясняется упорное враждебное отношение курултайцев, фанатичных приверженцев панисламистской национальной идеи — к правительству Юга России, в которой они усматривают нового собирателя земли Русской»⁹⁶.

В «Обзоре» было отмечено, что лидеры национального движения («курултайцы») попытались придать мусульманскому съезду политический характер, выдвинув требование возродить Курултай, а когда данное предложение оказалось неприемлемым, бойкотировали съезд, «развивая соответствующую агитацию против него в деревнях», и подчёркнуто: «результатом панисламистской, враждебной нам агитации явилось развитие среди местного сельского населения особой замкнутости, отчуждения и систематического пассивного противодействия нашей власти», выразившееся в уклонении от мобилизаций не только людей, но и лошадей, сокрытии местонахождения «зелёных»⁹⁷. В заключении «Обзора» констатировалось: «развивающиеся в Крыму среди татар движение должно привлечь особое внимание власти для изыскания путей к его парализованию»⁹⁸.

После мусульманского съезда контрразведка усилила преследования лидеров национального движения, которые вынуждены были скрываться в деревнях горно-лесной местности⁹⁹.

В начале сентября делегация во главе бывшим краевым контролёром правительства М. А. Сулькевича М. М. Кипчакским посетила Врангеля. Делегация просила ускорить принятие закона о татарском самоуправлении. «Представители татар всех партий»(?) побывали и у полуопального Я. А. Слащова в Ливадии, результатом чего явилась его записка Врангелю. Для решения проблемы «зелёных», писал Слащов, нужно пойти навстречу крымским татарам, а именно «1) ускорить вопрос о вакуфных землях, 2) ревизия (самая строгая) нашей местной контрразведки и 3) организация территориальных татарских войск наподобие кубанских»¹⁰⁰. Врангель не отреагировал.

В сентябре прошло экстренное собрание татар города Бахчисарая, на котором выступили курултаевцы С-Дж. Хаттатов и О. Н-А. Акчокраклы¹⁰¹, ознакомившие собравшихся с ходом работы комиссии по созданию временных правил самоуправления. Что беспокоило собравшихся? Как скоро будет создан национальный совет и появится ли типография (После продажи её Б. А. Суворину не было возможности печатать учебники). По всей вероятности, вразумительных ответов получено не было.

30 августа комиссия при правительстве подготовила законопроект о крымских татарах, но дорабатывала его, не спеша, до начала октября. Процесс подтолкнул французский комиссар граф де Мартель. Окончательный вариант предусматривал: религиозное самоуправление — замену дорево-

люционного образца назначаемого мусульманского управления выборным, передачу в его ведение вакуфов и выборы муфтия общинами, а также право на создание культурно-просветительских обществ¹⁰².

До утверждения правительством и введения его в действие законопроект так и не дошёл¹⁰³.

Наиболее активная часть крымскотатарского движения, объединенная в Милли-фирке (по некоторым данным, численность партии (или её сторонников?) достигла 10 тысяч человек¹⁰⁴), ушла в подполье. В апреле 1920 года прошли переговоры ЦК Милли-фирки с представителями от большевиков и меньшевиков о координации действий, в частности — выпуске совместного антиврангелевского воззвания. На так называемом Коктебельском съезде (конференции) Крымской организации РКП(б) было постановлено: «Усилить контакт с татарской национальной партией «Милли-фирка», которая, как выяснилось из переговоров нашего ОК с ЦК этой партии, определено ориентировалась на Советскую власть» (воспоминания «красно-зелёного» Кургана)¹⁰⁵.

Конференции не удалось закончить работу. Она была обнаружена белыми, и делегатам пришлось, отстреливаясь, уходить в горы¹⁰⁶.

Многие из числа активистов Милли-фирки были готовы с сотрудничеством с большевиками. Один из её лидеров М. Д. Енилеев был направлен для налаживания этого сотрудничества в Одессу¹⁰⁷. Однако в августе в Крым из-за границы прибывают Бекир Чобан-заде¹⁰⁸ и Мамут Недим¹⁰⁹, получившие от проживающего в эмиграции Дж. Сейдамета инструкции сорвать намечающиеся контакты с большевиками. Енилееву была дана телеграмма в Одессу о прекращении переговоров с ними, если они уже начаты. Тот, обидевшись на своих товарищей, больше в Крым не вернулся и эмигрировал в Болгарию¹¹⁰. Чобан-заде, пользуясь полномочиями, данными ему Дж. Сейдаметом, фактически возглавил Милли-фирку, реорганизовал её ЦК, способствовал оживлению деятельности партии, несмотря на репрессии в отношении милли-фирковцев. Однако, по словам А. С. Айвазова, он «страдал манией величия. Везде, во всех делах и по всем вопросам он старался быть первым. Он ненавидел людей, которые пользовались авторитетом»¹¹¹.

При этом, несмотря на огромный риск, увеличивалось, хотя и незначительно, число татар-коммунистов, уверовавших в превосходство социальных ценностей над национальными. К середине сентября в районе между Судакком и Алуштой из крымских татар был организован 5-й татарский полк партизанской Повстанческой армии (до 90 человек) под командованием коммуниста О. А.-Г. Дерен-Айерлы¹¹².

Учитывая изложенное выше, вряд ли можно согласиться с выводом московского исследователя С. М. Исакова о том, что мусульманская политика Врангеля «отвечала в целом интересам крымско-татарского населения»¹¹³.

Что касается еврейского вопроса, то развёрнутое отношение к нему П. Н. Врангель выразил в беседе с Н. Н. Чебышевым, опубликованной 5-го

июля в газете «Великая Россия»: «В народных массах действительно замечается обострение ненависти к евреям. Чувство это всё сильнее разливается в народе. В последних своих проявлениях народные протроеврейские настроения буйно разрастаются на гнойнике большевизма. Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это часть еврейского населения, может быть оторвавшаяся от другой части еврейства, не разделяющего коммунистических учений и отвергающего советскую власть. Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться всеми имеющимися у меня средствами. Всякий погром разлагает армию. Войска, причастные к погромам, выходят из повиновения. Утром они громят евреев, а к вечеру они начнут громить остальное мирное население. Еврейский вопрос, вопрос тысячелетний, больной, трудный, он может быть разрешён временем и мерами общественного оздоровления, но исключительно при наличности крепкой, опирающейся на закон и реальную силу, государственной власти»¹¹⁴.

Антисемитов же в Крыму хватало. Г. В. Немирович-Данченко сквозь пальцы смотрел на антисемитские публикации в правой прессе, где и сам публиковался. Агитация части духовенства фактически провоцировала погромные настроения. Особенно в этом «преуспел» протоиерей В. И. Востоков¹¹⁵ в Симферополе. «Каждое воскресенье, после службы, — вспоминал В. А. Оболенский, — в кафедральном соборе он произносил с амвона горячие речи, призывая к борьбе с еврейством, закабалившим русский народ при посредстве большевиков. Речи его были талантливы и сильны и производили огромное впечатление. (...) На третье воскресенье толпа уже не вмещалась в собор. Востоков вышел на паперть и говорил с её возвышения возбуждённой толпе, в которой начались истеричные взвизгивания женщин и послышались грозные крики: «бей жидов»¹¹⁶. Когда над городом возникла угроза еврейского погрома, Оболенский экстренно выехал в Севастополь, где вместе с П. Б. Струве встретился с Врангелем, обещавшим принять меры¹¹⁷. В результате Врангель «попросил» Востокова прекратить свои знаменитые провокационно-погромные проповеди, ответом на которые послужил приказ: «Запрещаю всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь (выделено Врангелем. — Авт.). Вменяю в обязанность Начальникам гарнизонов, Комендантам и Гражданским властям следить за выполнением моего приказа. Нарушивших его, невзирая на сан, чин и звание буду высылать из наших пределов»¹¹⁸. В этом же ключе и действовал Врангель в отношении «Русской Правды». По авторитетному мнению О. В. Будницкого: «Правительство Врангеля оказалось единственным среди белых правительств, которое пыталось последовательно вести борьбу против антисемитской пропаганды»¹¹⁹. При этом ни малейшей симпатии к евреям у Главнокомандующего не прослеживается. Ему нужен был спокойный тыл.

Власти надеялись на поддержку зажиточного в целом немецкого населения. Однако жёсткое проведение мобилизации вызывало недовольство и среди немцев. Мобилизованных отправляли на фронт в распоряжение «отдельного батальона немцев-колонистов», а также в «конно-партизанский отряд». Было учреждено Управление по формированию воинских частей из немцев-колонистов и предпринята попытка создать полноценную немецкую воинскую часть, но безуспешно. В июле решили призвать в армию духовных лиц меннонитов, но затем от этой затеи отказались. Среди немцев усиливалось стремление «непротивлению установлению советской власти», что множило ряды дезертиров. И никакие репрессии не могли остановить этот процесс. Кроме того, принудительные поставки лошадей немецкими колониями, размещение в них на постой воинских частей отрицательно сказывались на экономическом состоянии населения¹²⁰.

Об украинском вопросе речь пойдёт далее.

Власти не препятствовали деятельности различных национально-культурных обществ. Для «получения образовательных и разумных развлечений» создаётся культурно-просветительский кружок татарской молодёжи. В мае 1920 года Симферопольский окружной суд зарегистрировал устав культурно-просветительного общества крымчаков, ставившего своей целью изучение древнееврейского языка, организацию концертов, спектаклей, оказание помощи малоимущим при поступлении в высшие учебные заведения. Учреждаются Симферопольское грузинское общество, Бессарабское землячество, Таврический союз немцев-колонистов, Крымское латышское общество. Эллинский культурно-просветительный кружок Керчи заявил о желании организовывать семейные лекции, устраивать танцевальные и литературные вечера и экскурсии¹²¹.

Режим Врангеля мог продержаться только за счёт иностранной помощи. Армия целиком зависела от неё. Приходилось брать займы товарами под высокие проценты или расплачиваться золотом, валютой, сырьём. Весной армия снабжалась за счет остатков кредита в 14,5 миллиона фунтов, предоставленных англичанами А. И. Деникину¹²². Великобритания настаивала на замкнутости Врангеля в Крыму. Диктатор обращается к Франции.

Французская республика всецело поддерживала Польшу, ведущую войну с Советской Россией. Завязывался сложный дипломатический узел: Польша, которой С. В. Петлюра подарил Галицию и Волынь, желала видеть Украину своим вассалом, но Врангеля это ни в коей степени устроить не могло. Франция настаивала, чтобы Врангель пришёл на помощь полякам и ударил в тыл Юго-Западному фронту красных.

П. Б. Струве в Париже, где было создано Общероссийское заграничное представительство, обхаживал французов, выторговывая помощь. Главнокомандующий решился, воспользовавшись отвлечением сил большевиков на запад, занять Северную Таврию.

Позиция Великобритании была: скорейшее прекращение Гражданской войны и установление нормальных торговых отношений с Советами. Поэтому, с одной стороны, британское правительство стало свёртывать материальную помощь Врангелю, с другой, связалось с народным комиссариатом иностранных дел Советской России, имея целью перемирие и, в то же время, сохранение в Крыму врангелевской армии. 17 апреля (н.ст.) министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон обратился к наркоминдел Г. В. Чичерину с телеграммой, в которой угрожал вмешательством британского флота в случае наступления советских войск на юге и предлагал посредничество в переговорах¹²³.

28 апреля (11 мая) Врангель провозгласил создание Русской армии. Армии — не добровольческой, а общенациональной.

Началась мобилизация. Призыву подлежали все военнообязанные в возрасте от 18-ти до 34-х лет. Крестьяне, несмотря на суровейшие меры — конфискацию земли и имущества, репрессии вплоть до физического уничтожения дезертиров и укрывающих их, — всячески пытались избежать армии. Противоармейская тенденция была всеобщей. Ничто не помогало. На воинские пункты прибывало не более трети призывников, из сотен до воинских частей доходили десятки. Это крайне усложняло действия армии, которая несла большие потери.

Несмотря на вялую мобилизацию, Русская армия представляла к маю серьёзную силу: 40 тысяч человек на фронте и в запасе, 10 танков и 20 самолётов разных марок¹²⁴. На конец мая она насчитывала 27 316 штыков и 4 650 сабель против, соответственно, 12 176 и 4 630 — у красных¹²⁵.

Долгие годы советская историография создавала образ вооружённой до зубов союзниками, сияющей новеньким обмундированием, защищённой мощными перекопскими укреплениями армии. А на деле?

Русская армия выглядела так: «Загорелые, обветренные лица воинов, истоптанные порыжевшие сапоги, выцветшие потёртые рубахи. У многих верхних рубах нет, их заменяют шерстяные фуфайки. Вот один, в ситцевой пёстрой рубахе с нашитыми полотняными погонами, в старых выцветших защитных штанах, в жёлтых английских ботинках, рядом другой и вовсе без штанов, в вязаных кальсонах. Ужасающая, вопиющая бедность. Но как тщательно, как любовно пригнана ветхая амуниция, вычищено оружие, выровнены ряды»¹²⁶. В мае были увеличены ставки офицерских чинов и рядовых, у последних до 800 рублей¹²⁷.

Всего лишь за два месяца был наведён относительный порядок в развалившемся после Двороссыска тылу. «Жизнь в тылу постепенно налаживалась, стали прибывать иностранные товары, открывались магазины, театры, кинематографы. Севастополь подчистился и подтянулся. Воинские чины на улицах были одеты опрятно, тщательно отдавали честь»¹²⁸.

В мае из-за скученности и нехватки воды¹²⁹ в Севастополе, а затем и других городах Крыма вспыхнула эпидемия холеры. Санитарная служба

была поставлена хорошо, поэтому жертв оказалось меньше, чем ожидалось. В Севастополе (по сентябрь) заболело холерой 1090 человек, умерло 450, сыпным тифом — 1934 и 239¹³⁰.

Врангель не питал иллюзий по поводу своих возможностей за пределами Крыма. П. Б. Струве трезво рассматривал вариант сосуществования двух режимов — красного и белого, то есть двух России. «Гражданская война... продолжалась без всяких политических перспектив. На взятие Москвы, конечно, уже не рассчитывали, а пытались лишь держать военный фронт и биться с большевиками до тех пор, пока они сами как-то не разложатся и не рухнут.

Эта психология врангелевской армии, связанная с верой не в свои победы, а лишь в прочность своей организации, которая должна пережить большевиков, психология, создававшаяся ещё в Крыму, сохранилась и в изгнании...»¹³¹.

20 мая был подписан и 25-го обнародован знаменитый приказ № 3226, открывающийся словами: «Русская армия идёт освобождать от красной нечисти родную землю»¹³² и в двух фразах формулирующий главные пути внутренней политики: аграрную и земскую реформы.

Приказ был приурочен к наступлению. В нем выделялось слово «хозяин», которое тут же подхватила монархическая печать и которое до сих пор не даёт покоя некоторым историкам. Врангель вынужден был разъяснить на страницах «Великой России» 5 июля: «Хозяин» — это сам русский народ, который должен свободно выразить свою волю¹³³. Кстати, термин «хозяин земли русской», как синоним народного собрания, применялся и до Врангеля.

Врангель пока не собирался, вопреки сказанному, освобождать «родную землю». Таврическая операция имела прозаический смысл: это была «вылазка» или «экспедиция», как тогда говорили, за хлебом. Больших надежд на неё не возлагалось, а материальное подспорье, и немалое, она обещала.

Русская армия к началу наступления представляла собой следующую структуру.

1-й армейский корпус А. П. Кутепова: Корниловская, Марковская и Дроздовская, 1-я кавалерийская и 2-я конная дивизии.

2-й армейский корпус Я. А. Слащова: 13-я и 34-я пехотные дивизии и Терско-Астраханская казачья бригада.

Сводный корпус П. К. Писарева: Кубанская и 3-я конная дивизии.

Донской корпус Ф. Ф. Абрамова¹³⁴: 2-я и 3-я донские дивизии и гвардейская донская бригада.

Кроме того, в распоряжении Главнокомандующего были воздушная эскадрилья под командованием генерал-майора В. М. Ткачёва¹³⁵ и остатки Черноморского флота под началом вице-адмирала М. П. Саблина: линейный корабль «Генерал Алексеев» (бывший «Император Александр III», «Воля»), три крейсера, девять миноносцев и мелкие суда.

Всего Русская армия насчитывала до 25 тысяч боевого состава.

25 мая началось общее наступление. Днём ранее, в районе деревни Кирилловка на северном побережье Азовского моря был высажен десант войск Слащова. Используя внезапность и превосходство в силах, белые развернули наступление. Это было началом затяжных и ожесточённых боев в Северной Таврии с апреля по октябрь.

4 августа подал в отставку Я. А. Слащов. Врангель её принял. «Ценил его заслуги в прошлом, я прощал ему многое, однако за последнее время всё более убеждался, что оставление его далее во главе корпуса является невозможным. (...) Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответствен за свои поступки. (...) 5-го августа генерал Слащёв прибыл в Севастополь. Вид его был ужасен: мертвенно-бледный, с трясущейся челюстью. Слезы беспрерывно текли по щекам. Он вручил мне рапорт, содержание которого не оставляло сомнения, что передо мной психически больной человек»¹³⁶.

6 августа Слащов был удостоен почётного имени — Крымский. 20 августа он был восторженно встречен в Ялте, где «городская дума единогласно постановила: поднести генералу Слащову-Крымскому звание почётного гражданина города Ялты (второго, после великого князя Николая Николаевича. — *Авт.*) и поместить портрет в здании городского управления»¹³⁷.

Слащов остановился на отдых и лечение в Ливадии. Местная газета взяла у него интервью. «Будущее радужно, — утверждал генерал-лейтенант (в то время был взят Александровск (Запорожье) и разбита 13-я армия красных. — *Авт.*). — Открываются широкие горизонты. (...) Политика генерала Врангеля — не делать ошибок печального прошлого, не делать пропасти между тылом и фронтом... — верна. «Соединение славянства — вот в чём успех»¹³⁸.

Ещё одно событие промелькнуло на фоне крымской жизни и быстро забылось, но без него мозаика тех суматошных месяцев была бы неполной. Не успел Врангель отбыть на театр военных действий, как 1 июня принесли телеграмму: в Севастополе раскрыт «монархический заговор».

Ещё зимой 1919 года молодые офицеры флота создают орден, задачей которого было воспитание высоких понятий о чести, воинском долге, возрождение традиций армии и флота. В орден втёрся, пишет Врангель, некий Пинхус-Логвинский (каким образом? — *Авт.*), дабы дискредитировать белое движение. Там же оказался известный бездельник и интриган князь С. Г. Романовский, герцог Лейхтенбергский. По отбытии Врангеля на фронт члены ордена явились в расположение лейб-казацкого полка и пытались уговорить казаков арестовать Врангеля и высших военных, во главе армии поставить Николая Николаевича, а до приезда великого князя — временно герцога Лейхтенбергского, его пасынка. Всё это носило опереточный характер. Врангель распорядился огласке события не предавать, князя Романовского отправить за границу, 10–12 участников — на фронт, а Пинхуса — расстрелять¹³⁹.

Незначительный «монархический» эпизод лишний раз подтвердил, что изнутри Крыма врангелевскому режиму ничего серьёзного не угрожало. О «зелёных» разговор особый, да и они представляли реальную силу лишь в кооперации с силами внешними.

Расширение территории, находившейся под его властью, продиктовало Врангелю решение повысить статус своего административного аппарата. 6 августа было образовано Правительство Юга России во главе с А. В. Кривошеиным. Персональных изменений не произошло.

Бюрократия, в полном противоречии с пожеланиями Кривошеина и в полном согласии с первым законом Паркинсона, размножалась с невероятной быстротой. В структурах администрации Врангеля служило 10–12 тысяч чиновников, члены их семей насчитывали 20–25 тысяч¹⁴⁰. Крым получил «двух-этажную» (если не трёх-) систему управления. В Симферополе располагались губернатор, вице-губернатор и весь губернский штат; в Севастополе — управления с отделами и т. п. плюс Главная квартира командования. За границей сохранились и росли дипломатические учреждения с полным набором служащих и исключительными окладами, ибо правительство, несмотря на название, считалось всероссийским, и нужно было поддерживать реноме¹⁴¹.

В целом «создавалось впечатление ужасающего бюрократизма, канцелярщины, чисто механической работы как бы вне времени и пространства»¹⁴². Аппарат обслуживал сам себя.

В таковой структуре сложившиеся после реформ Александра II самоуправления, с которыми традиционно была связана так называемая «общественность», оказались звеном лишним и мешающим, пятым колесом во врангелевской телеге.

Врангель, сочтя несочетаемое, не раз декларировал единение диктатуры с общественностью. Однако реальность брала своё: в условиях диктатуры места для гражданского общества не оставалось. И Врангель предписывал: дело самоуправлений — не политика, а продовольствие и санитария. «На весах политики сейчас поставлена гиря, которая называется ни более, ни менее: «судьба Крыма». Активные силы, внешние и внутренние, сейчас пишут пером нечто такое, что потом целое поколение не вырубит топором, а крымская общественность глухо молчит, словно посторонний равнодушный зритель», — взывал публицист¹⁴³. Но это был воистину глас вопиющего в пустыне.

Общественность не могла не молчать! Как ни парадоксально, для неё была ниша при Слащове — ниша оппозиции. Теперь это место занял Врангель. Он, «право-левый», был сам себе оппозиция. Общественности оставалось разве что заниматься холерой.

Общественность «была жалка и бессильна», — писал, фактически издеваясь над собой, В. А. Оболенский. «Я знал, что нужен Кривошеину и Врангелю лишь в качестве декорума общественности при осуществляющейся ими диктатуре...»¹⁴⁴.

Квинтэссенцию внутренней политики Врангеля хорошо выражает его собственный афористический лозунг «хлеб и порядок» (из приказа № 179)¹⁴⁵. Расшифровав его, обнаружим три кита, на которых зиждились надежды режима: земельная и земская (предполагалась и городская) реформы и свободная торговля.

8 апреля Врангель приказал начать разработку мероприятий по аграрному вопросу. В апреле (с 11-го числа) — мае интенсивно работают комиссии под председательством Г. В. Глинки. Смысл намерений Врангеля ясно выразил глава его кабинета А. В. Кривошеин: «...Если ставка на коллективный разум хозяйственного крестьянства оправдывает себя, то мы сможем с гордостью и удовлетворением сказать, что заложен прочный фундамент будущей великой России»¹⁴⁶. Власти нужна была прочная опора, а таковую она видела, подобно П. А. Столыпину, в крепком, твёрдо стоящем на ногах земельном собственнике — крестьянине-фермере, и хлеб для армии.

В личном архиве Врангеля сохранилась записка Глинки, где Правитель предлагает следующие основания реформы: землю, на правах частной собственности, передать тому, кто её обрабатывает, исключая торговлю или эксплуатацию посредством аренды; площади (включая помещичьи), превышающие установленный надел, отчуждаются за определённую плату в пользу безземельных или малоземельных крестьян; высококультурные хозяйства сохраняются в неприкосновенности¹⁴⁷.

На деле получилось нечто похожее, но иное. Достаточно радикальные предложения Врангеля натолкнулись на сильнейшее сопротивление крупных земельных собственников, имевших, кстати, большинство в комиссиях, помещичьей оппозиции, стремившейся к бумажному провозглашению реформы. Эти предложения удалось в значительной степени выхолостить. 25 мая публикуются приказ Главнокомандующего «О земле» и примыкавший к нему пакет документов по земельному вопросу¹⁴⁸. Главное в этом приказе: земли казённые и частновладельческие, за рамками не подлежащих отчуждению (определяются волостными земскими собраниями), в первую очередь — необрабатываемые или сдаваемые в аренду, передаются, через госаппарат, трудовым крестьянам из расчета уплаты 1/5 среднего урожая с десятины ежегодно в течение 25 лет. Выплаты предусматривались более низкие, чем средняя арендная цена на землю.

Документы были написаны чрезвычайно запутанным бюрократическим слогом. Поэтому летом выходит в свет рассчитанная на массовое восприятие брошюра «Вся земля — народу в собственность (общедоступное изложение земельного закона 25 мая 1920 года)». Приведём выдержку из неё: «Большевики-коммунисты и другие социалисты говорят, что они отдадут землю народу, но, не признавая вовсе права собственности на землю, они считают, что земля должна принадлежать либо казне, либо коммуна, а отдельные хозяева могут землёю пользоваться только временно, с дозволения комиссаров, комбедов и коммун; по их законам и понятиям во всякое

время каждого хозяина можно удалить с земли и отдать его землю коммуне или другому лицу.

Новый Земельный Закон тоже отдаёт землю народу, но не народу вообще, а передаёт и закрепляет её за каждым отдельным хозяином и притом в вечную, наследственную и нерушимую собственность. Потому в собственности, что только хозяин-собственник, твёрдо знающий, что земля будет всегда принадлежать ему, не пожалеет на неё труда, хорошо её обработает и улучшит, чего не сделает ни арендатор, ни съёмщик». Выкуп же объяснялся именно тем, что хозяин теперь не может быть согнан со своей земли¹⁴⁹.

Как же встретило крестьянство эту вторую столыпинскую реформу и как она шла?

Врангель оптимистичен: «Дух нового закона был понят населением»¹⁵⁰. Исследование земель и определение норм землевладения в большинстве волостей закончилось. Некоторые зажиточные крестьяне предпочли сразу выплатить всю выкупную сумму помещикам и стать полноправными собственниками. Сыграли свою роль и активная пропаганда закона, и недовольство большевистской подразвёрсткой. Намерения Врангеля способствовать развитию агрокультуры и крепких крестьянских хозяйств нашли поддержку в декларации учредителей Крестьянского союза России¹⁵¹.

Но очень скоро выявилось два контрбюрократства.

Первое. Несмотря на увещания Врангеля: «Я сам помещик и у меня первого придётся делить землю!» — всяческое сопротивление проведению реформы оказывали помещики, агитируя против закона, подключая чиновные рычаги для его саботирования, сгоняя арендаторов со своих земель и т. п.

Второе: выжидательная позиция крестьянства. Бедняки, вкусив возможности Гражданской войны, привыкли действовать по принципу: всё и сразу. Крестьян в целом смущали и «кабальный» срок в 25 лет, и выкуп. Многие, благодаря хорошему урожаю 1919 года, имели значительные запасы зерна. Крестьянский рассудок отказывался верить в солидность режима «одной губернии», предпочитая дожидаться исхода военных действий. Впрочем, не было и серьёзных протестов. Так что судить о вероятных результатах земельных преобразований Врангеля в случае долговременности его режима равносильно гаданию на кофейной гуще.

Разделы земли охватили порядка 20 имений, но реформа была доведена до конца только в имении Атманай Филибера-Шатилова Ефремовской волости Мелитопольского уезда, ставшем наглядно-показательным полигоном, причём в ущерб остальной деятельности в уезде¹⁵².

11 мая 1920 года Врангель ввёл новую систему организации местной администрации в занятых его войсками местностях Северной Таврии. Гражданское управление вверялась командирам корпусов через состоящих при них начальников гражданской части, приравненных к положению губернаторов и получавших общие руководящие указания от начальника Граждан-

ского управления¹⁵³. Но впереди были более широкие преобразования. В начале июля завершила свою работу комиссия по рассмотрению законопроекта о волостном земстве, работавшая под председательством начальника Гражданского управления С. Д. Тверского. Волостная реформа явилась закономерным «довеском» к земельной.

В приказе от 15(28) июля, который представлял собою доработанные Временные положения о земских учреждениях от 25 мая, Врангель выделил: «К о му земля, тому и распоряжение земским делом, н а том и ответ за это дело и за порядок его ведения»¹⁵⁴. Восстанавливалось упразднённое деникинским правительством волостное земство, находившееся в ведении волостных земских собраний, которым принадлежала общая распорядительная власть и надзор за исполнительными органами — управами. Особо оговаривалась самостоятельность земств. Избирательное право получили лица, достигшие 25-летнего возраста, обязательно имевшие прямое отношение к земле и работавшие на ней. Речь шла, таким образом, о формировании преимущественно крестьянского самоуправления, но — с оговоркой: председатель волостной управы исполняет обязанности волостного старшины и в качестве такового подчиняется уездному начальнику. Что и обеспечивало сохранение бюрократического контроля над земскими учреждениями¹⁵⁵.

Приказом от 12-го октября Положение о волостном земстве было дополнено Положением о земстве уездном. Согласно последнему, уездное земское собрание имело право высказать губернатору свои соображения о дальнейшей судьбе губернского земства. «Если уезды признают необходимым, губернская организация будет сохранена, но уже как добровольный союз земств, в противном случае она может быть заменена областной земской организацией или совершенно уничтожена»¹⁵⁶.

Это был курс на устранение земской оппозиции. «...Вся сельская интеллигенция — учителя, врачи, фельдшера... лишались права участия в волостных земствах. (...) В сущности это было упразднение старого земства, земства, двигавшегося «цензовой» или «демократической» интеллигенцией, земства, имевшего свои навыки и традиции. Создавалось новое крестьянское самоуправление с преобладающим влиянием волостных старшин, подчиненных администрации»¹⁵⁷. Ликвидировалось «средостение» между властью и народом в лице интеллигенции. Нарождалась вертикаль: бюрократия — крестьянство, не имеющая промежуточных ступеней.

Постановления волостных и уездных земских собраний должна была утверждать высшая правительственная власть (губернская) в тех случаях, когда речь шла об отчуждении и залоге недвижимого имущества, займов, поручительств и гарантий со стороны земств, заключения договоров с частными лицами. Все остальные постановления земских собраний могли, если они противоречили закону, выходили за рамки компетенции либо нарушали порядок действия земских учреждений, и главное — не отвечали

общим задачам борьбы за восстановление государственности, быть приостановлены: по волости — начальником уезда, по уезду — губернатором. Решение вопроса о губернском земстве Врангель оставил на будущее¹⁵⁸.

К моменту оставления Русской армией Северной Таврии и отхода в Крым на территории Таврической губернии было избрано 90 волостных советов в 140 волостях¹⁵⁹.

Экономическая политика врангелевского правительства носила в значительной мере импровизационный характер. Тем не менее, она имела свой стержень — июньский приказ Врангеля о введении свободы торговли, распространившейся и на зерно.

Промышленность Крыма за годы Гражданской войны пришла в полный упадок. Производство с 1919 года сократилось на 75–85%; в 1920-м работало 32 предприятия, из них всего 6 с более чем сотней рабочих. Пролетариев насчитывалось 2663 человека¹⁶⁰. Большая часть предприятий обеспечивала военные нужды. Транспорт почти замер.

Практически все экономические проекты управления экономикой остались нереализованными. Редкие исключения — проведение для военных нужд ветки от Джанкоя к Перекопу¹⁶¹, а также добыча угля в Бешуйских копях, однако, последние были взорваны повстанцами.

Начальник Управления финансов М. В. Бернацкий пытался объединить все финансовые средства, находящиеся в распоряжении антибольшевистских сил, получить внешний заём, почти половину срока своего пребывания в должности проведя в зарубежной командировке. Им подготовлен выпуск денежных знаков нового образца в Лондоне. Английское оборудование для печати денежных знаков малых номиналов доставлено в Крым. Однако планируемая Бернацким денежная реформа повисла в воздухе в ожидании внешнего займа¹⁶². Бюджет 1920 года закладывался им за счёт косвенных налогов. Управление финансов стремилось обложить акцизом весь торгово-промышленный оборот предметов широкого потребления (спиртные напитки, табак, сахар, соль, чай, кофе), регулярно повышая ставки, которые достигли 30% стоимости товаров. В то же время с целью стимулирования импорта таможенные сборы держались на очень низком уровне (в среднем менее 4% стоимости ввозимых товаров), давая ничтожные суммы.

Все расходы бюджета делились на «нормальные», мирные (на гражданский государственный аппарат, государственную стражу, субсидирование невоенной промышленности) и «чрезвычайные», военные (на содержание армии и флота, восстановление и строительство железных дорог, закупку топлива и продовольствия, закупку зерна и другого сырья для экспорта, содержание беженцев в Крыму и за границей). Понятно, что при такой конструкции создавалась иллюзия бездефицитности «нормального» бюджета, расходы по которому покрывались от прямого и косвенного налогообложения. Дефицит же «чрезвычайного» бюджета за 1920 год составил 250 миллиардов рублей. В этих условиях единственным доступным правительству

способом покрытия военных расходов стала эмиссия, тем более что единственной в Крыму экспедиция заготовления государственных бумаг — Феодосийская — была в полном распоряжении Управления финансов.

Однако выпуск денег не поспевал за инфляцией. К сентябрю разменной мелочью стали банкноты в 500 рублей. Управление финансов приняло решение начать выпуск купюр достоинством 25 000 и 50 000 рублей. Крестьяне отказывались принимать невиданные ранее бумажки в качестве оплаты за продовольствие. С целью борьбы с грабежами перед переходом Русской армии в наступление в Северной Таврии П. Н. Врангель приказал снабдить войска большим количеством денежных знаков для приобретения у крестьян продуктов и лошадей. Но полевые казначейства не получали вовремя дензнаки, в результате жалование выплачивалось нерегулярно, интендантства не могли закупить всего необходимого и вместо денег расплачивались с населением квитанциями, а то и просто отбирали необходимое, вызывая возмущение¹⁶³.

Ничего не изменило и экономическое совещание, проходившее в конце сентября — начале октября в Севастополе, на которое прибыли общественные деятели из Константинополя, Парижа, Белграда и других городов. Совещание приняло решение «О свободном вывозе валюты и предметов роскоши, но не предметов культурного и домашнего обихода»¹⁶⁴. Однако любые разумные решения не могли подняться выше благих пожеланий: торжествовала выгода и только выгода. Только с 1 февраля по 1 сентября 1920 года из Крыма было вывезено: ячменя, пшеницы и овса — около 3 000 000 центнеров, соли — 830 000, льняного семени — 110–120 тысяч, табака — 120 тысяч, шерсти — 63 тысячи и т. д., до бесконечности. Разрешение на вывоз выдавалось за взятки всем желающим¹⁶⁵. Спекуляция, как всегда, шла рука об руку с коррупцией.

Чтобы хоть как-то поправить положение, правительство принимает план начальника Управления торговли и промышленности В. С. Налбандова: вывоз хлеба государством в кооперации с частными фирмами. Торговцы получали от правительства 80% договорной цены стоимости зерна, за которую они должны доставить его к портам и погрузить на пароходы. Правительственная договорная цена обеспечивала расходы по закупке всех 100% зерна и его доставку. За услуги по закупке и доставке заключивший договор получал 20% вырученных от продажи зерна средств в иностранной валюте¹⁶⁶.

Заметных экономических результатов этот план, знаменовавший собой отход от «чистой» свободы торговли, не дал: было заключено контрактов на 10 миллионов пудов и вывезено полтора. Но, как подчеркивал Врангель, акция имела политическое значение — привлечь ту же Францию, испытывавшую недостаток в хлебе. Одобрение у французского населения факт прибытия пароходов с хлебом, конечно, вызвал, но крупных внешних займов крымское правительство так и не получило¹⁶⁷. «...Внешняя торговля

врангелевского режима, — пишет современный исследователь, — свелась к обмену сырья Таврии, прежде всего зерна, на оружие, боеприпасы и другие предметы и материалы, необходимые для ведения войны»¹⁶⁸.

Большое место в импорте занимали уголь — 3 972 197 пудов и жидкое топливо — 363 656 пудов. Смазочных материалов ввезено 24 833 пуда, сельхозмашин и сельхозорудий — 6811 пудов, металлических изделий — 13 593 пуда, мануфактуры — 52 055 пудов, одежды — 791 пуд.

В апреле власти отправили торговую экспедицию в Великобританию, которая в обмен на табак и вино из складов бывшего удельного ведомства доставила в Крым 1 500 000 аршин бязи, 315 000 аршин коленкора, 5 000 gross ниток, 600 000 штук иголок, 5 000 корзин, кирок и лопат по 12 000 штук. Эта же экспедиция доставила до 300 000 пудов угля¹⁶⁹. Однако большая доля закупленных товаров поступала в распоряжение закупочных комиссий, которые не гнушались спекулятивными операциями.

С целью пополнения бюджета правительство планировало распродажу кораблей в первую очередь с механизмами и котлами, требующими капитального ремонта, затем судов, нуждающихся в очередном ремонте, а также находящихся на ходу, в том числе и крупных боевых, а также лёгких моторных и паровых кораблей¹⁷⁰. К сделке по продаже кораблей привлекался бывший министр путей сообщения второго Крымского краевого правительства инженер С. Н. Чаев. Ходили слухи, что суммы, вырученные от продажи на слом затонувшего во время взрыва на Севастопольском рейде в 1916 году линкора «Императрица Мария», делились между Чаевым и Врангелем пополам¹⁷¹.

Внутренняя торговля свелась к поистине тотальной спекуляции. Сама торговля «валютизировалась»¹⁷², обмен натурализовался. Роль денег стали играть табак, вино, ямень, шерсть. 1 турецкая лира вышла в октябре на уровень 20 тысяч рублей (равно 1 пуду ячменя)¹⁷³. Приметой времени стали фантастические по объёму хищения, повальное взяточничество. «Честные — в буквальном смысле слова голодали»¹⁷⁴.

Нельзя сказать, что правительство не принимало мер по борьбе со слишком уж разнузданной спекуляцией и взяточничеством. Приказы издавались — и весьма грозные. Вот один из них, от 30 сентября.

Усилить наказания за взяточничество. Изъять дела из общей подсудности и передать в ведение военно-морских, корпусных и военно-полевых судов. Наказание: от 5 до 6 лет или отдача в каторжные работы на срок от 4 до 6 лет дающему и, соответственно, от 6 до 8 и от 8 до 10 — берущему. За недонесение — от 3 до 4 лет с лишением прав¹⁷⁵.

Можно продолжить цитирование подобных актов, но мы не видим в этом смысла. Ибо ни один крупный спекулянт или взяточник не угодил на скамью подсудимых. Получило известность меланхолическое высказывание А. В. Кривошеина о том, что со спекуляцией бороться невозможно.

Свирепствовала гиперинфляция. По имеющимся данным, с февраля по октябрь в Крыму было выпущено 176 869 295 000 рублей¹⁷⁶.

Экономическое совещание в пух и прах раскритиковало политику М. В. Бернацкого, после чего он подал в отставку. Бернацкий был теоретик, пишет Врангель, а «в настоящих исключительных условиях требовался человек дела и практики»¹⁷⁷. Делались предложения бывшему министру финансов России П. Л. Барку, председателю правления Азовско-Донского банка А. И. Каминке — они ответили отказом. «Человека дела и практики» не нашлось, да и не могло, на наш взгляд, найтись, ибо все финансы поедала армия.

Естественно, беспрерывно росли цены. Фунт пшеничного хлеба в апреле стоил 35 рублей, в октябре — 500, фунт мяса: 350 — 1800, картофель: 5000 — 30 000, фунт сала: 3 750 (в мае) — 7000, масло: 1550 — 8000, мыло: 600 — 5500, сахар: 1000 — 9000, кварта молока: 200 — 2500, десяток яиц: 575 — 10 000, пуд дров: 200 — 3945 рублей. При этом высшая ставка печатника выросла с 60 000 в мае до 471 920 рублей, металлиста — с 75 000 до 262 000, торгово-промышленного рабочего — с 24 000 до 467 800, строителя — с 40 000 до 600 000. Максимальная зарплата штаб-офицера достигала 132 000 рублей, генерала — 240 000. Прожиточный минимум для семьи из трёх человек составил в апреле — 61 072 рубля, в октябре 534 725 рублей¹⁷⁸.

В целом уровень жизни, особенно рабочих, для которых Врангель создал режим наибольшего благоприятствования, был выше, чем в центре России. Позитивную роль играла правительственная практика торговли хлебом по умеренным ценам. Но промышленные товары были не по карману никому, разве что только спекулянтам.

В. В. Шульгин, приехавший 27 июля из Одессы в Севастополь, обнаружил, что: «обувь — 90 000 рублей, рубашка — 30 000, брюки холщовые — 40 000...

— Но ведь если купить самое необходимое, то у меня будет несколько миллионов долгу!

Я пришел в ужас. Но мне объяснили, что здесь все «миллионеры»... в этом смысле...»¹⁷⁹ (отточие автора мемуаров).

Совсем плачевным было положение интеллигенции и служащих (тех, кто не брал взяток). Они получали в 3–7 раз меньше рабочих, вынуждены были, чтобы не умереть с голоду, подрабатывать — как у кого получится. Месячное жалование чиновника XVI класса составляло в мае 7000 рублей, VII — 16 000, IV — 27 000, I — 42 000 и вместе со всеми прибавками покрывало от 5 до 25 процентов семейного бюджета. В сентябре оклады были удвоены, но уже за октябрь прибавка была «съедена» инфляцией и жалование стало покрывать 5–10 процентов прожиточного минимума¹⁸⁰. Тем, кто не мог найти дополнительного дохода, просто ничего не оставалось, как брать взятки и присваивать казённые суммы.

Председатель Таврической губернской земской управы В. А. Оболенский получал, например, в два раза меньше, чем наборщик подведомствен-

ной ему типографии. Профессора, инженеры, учителя, чиновники уходили в дворники, чернорабочие, сторожа, грузчики. «Если правительство Врангеля считалось с рабочими, как с реальной силой (и необходимой для армии! — *Авт.*), то с интеллигенцией не было нужды считаться»¹⁸¹.

Тем не менее, продолжал работать Таврический университет, где преподавали выдающиеся деятели науки, вынужденно оказавшиеся в Крыму¹⁸². После смерти от сыпного тифа Р. И. Гельвига 2 октября 1920 года (н. ст.), на должность ректора университета избран академик В. И. Вернадский¹⁸³. В 1920 году в Керчи открылся Боспорский университет¹⁸⁴, существовавший в основном на частные пожертвования. В Севастополе велись занятия в Юридическом институте¹⁸⁵. В городах полуострова существовали «народные университеты» — свободные высшие курсы для желающих повысить свой образовательный уровень, где с лекциями выступали преподаватели высших учебных заведений.

При Гражданском управлении была организована Археологическая комиссия, в ведении которой находились Херсонесская дирекция музеев и раскопок Тавриды, Керченская дирекция музеев, генуэзская крепость в Судак, генуэзская крепость и Археологический музей в Феодосии, Ханский дворец в Бахчисарае, музей и памятники обороны 1854–1855 годов в Севастополе.

Под председательством А. И. Маркевича продолжала действовать авторитетнейшая краеведческая организация — Таврическая учёная архивная комиссия. Летом 1920 года при Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы создавалась комиссия по изучению естественных производительных сил Крыма. На осень планировался съезд учёных Таврии.

Преодолевая трудности, развивалось книгопечатание. В 1920 году только «Русским книгоиздательством в Крыму» было выпущено книг общим тиражом 200 тысяч экземпляров, в том числе 150 тысяч учебников.

Была ключом театральная жизнь. В Крыму снимались кинофильмы с участием известных артистов, проходили художественные выставки, открывались литературные клубы¹⁸⁶.

По мнению крымских историков А. В. Мальгина и Л. П. Кравцовой, короткий «период врангелевского режима совершенно справедливо может быть назван временем наивысшего культурного расцвета Крыма»¹⁸⁷.

Подвергаясь гонениям, действовали профсоюзы¹⁸⁸ и, согласно положению от 23 октября, имели право оказывать помощь — материальную, юридическую и медицинскую — своим членам. Это давало рабочим дополнительное подспорье.

Несмотря на репрессии, объявлялись забастовки. 3 мая (н. ст.) в Севастополе забастовали рабочие военного порта, судоремонтного завода и транспорта «Колхида», требуя увеличить заработную плату, 25 мая — рабочие кожевенного завода в Симферополе, работающие на нужды армии, 29 мая — рабочие симферопольских частных пекарен, 3 июня — рабочие и служащие Евпаторийского уездного земства в связи с неуплатой жалования, 23 июня —

рабочие Севастопольского морского завода, 11 июля — все служащие городского самоуправления в Евпатории. Забастовочное движение охватило Кавказский базар и ряд других городов. В связи с этим произведены аресты среди рабочих и кустарей. Пресекались забастовки и другим средством — отправкой на фронт. В августе были мобилизованы и отправлены на фронт даже те рабочие, которые не подлежали мобилизации. Первая их группа состояла из 58-ми рабочих автосборочных мастерских в Севастополе. 17 августа арестовано 112 рабочих Севастопольского морского завода¹⁸⁹.

Упоминавшееся экономическое совещание закончило свою работу 5 октября радужной резолюцией: «Общее экономическое положение земель, занятых Русской армией, оказывается, при непосредственном соприкосновении с действительностью, несравненно лучше, нежели это представляется в Западной Европе не только иностранцам, но даже и проживающим там русским людям.

«Производительные силы края и платёжные силы населения используются в настоящее время скорее недостаточно и с избытком покрывают текущие расходы управления.

Средства нужны лишь для покрытия чрезвычайных военных издержек и в особенности для снаряжения армии, крепкой духом, идущей к близкой окончательной победе и нуждающейся исключительно в материальном снабжении и обмундировании»¹⁹⁰.

Однако приехавшие из Европы авторы этой рекламной картинки предпочли вернуться обратно.

Врангель же чрезвычайно удачно обрисовал тот заколдованный круг, в котором оказался крымский режим: «Маленькая территория Крыма не могла... прокормить армию», а «расширение занятой территории требовало увеличения численности армии»¹⁹¹. Так вызрел замысел августовских десантов — Донского и Кубанского.

Десант численностью до тысячи штыков и сабель под командованием казачьего полковника Ф. Д. Назарова¹⁹² высадился 9 июля (н. ст.) восточнее Мариуполя и захватил станицу Новониколаевскую. Перед ним ставилась цель пробиться на Дон, чтобы поднять здесь восстание казаков. Но десанту не удалось получить подкреплений. Суда, которые пытались их доставить, были встречены канонерскими лодками и сторожевиками Азовской флотилии красных и после полуторачасового боя повернули обратно. При огневой поддержке кораблей красноармейские части и отряд моряков 15 июля отбили станицу. Однако, несмотря на значительные потери, отряд Назарова сумел прорваться в направлении Новочеркасска. Здесь его численность возросла до 1500 человек. Для ликвидации этого отряда была направлена группа советских войск под командованием Н. В. Куйбышева, брата видного деятеля партии большевиков, которая в районе станицы Константиновской окружила и разбила белых. Назаров был задержан и пытался выдать себя за дезертира. Ему удалось бежать и добраться до Крыма.

14–17 августа (н. ст.) у станицы Приморско-Ахтарской на Кубани под прикрытием корабельной артиллерии с целью поднять массы казаков на защиту «белого дела» высажен десант под командованием генерал-лейтенанта С. Г. Улагая¹⁹³ (1-я и 2-я Кубанские дивизии — более 8 тысяч штыков и сабель) при 17 орудиях, 243 пулемётах, нескольких броневиках и 3 самолётах.). Это были наиболее надёжные соединения, составленные в основном из офицеров, в надежде, что в случае восстания они станут командирами новых казачьих подразделений. Частям Красной Армии пришлось отходить. В ночь на 18 августа северо-западнее Новороссийска высажен ещё один десант белых под командованием генерал-майора А. Н. Черепова¹⁹⁴ общей численностью в 1500 человек с 2 орудиями и 15 пулемётами. Борьба с десантами находилась под личным контролем В. И. Ленина, потребовавшем 20 августа телеграммой от Г. К. Орджоникидзе, на которого возлагалась ответственность за их ликвидацию, срочных действий. В ночь с 23 на 24 августа десант Черепова был разгромлен, сам генерал-майор тяжело ранен. Остатки десанта на судах ушли в Крым. Но 24–25 августа на Таманский полуостров высаживается новый десант генерал-майора В. В. Харламова¹⁹⁵ (2900 штыков и сабель с 6 орудиями и 25 пулемётами), который также был разгромлен. С 24 августа началось наступление на десант Улагая. 28 августа его штаб и тылы внезапно были атакованы контрдесантным отрядом красных под командованием Е. И. Ковтюха, высадившимся с трёх старых пароходов. Белые стали отходить и 7 сентября вернулись в Крым. Несмотря на значительные потери войск группы С. Г. Улагая, она возвратилась в увеличенном составе.

Исчерпаны были и людские ресурсы. 10 тысяч кубанских казаков, присоединившихся к группе Улагая, и столько же ранее интернированных в Польшу войск генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова¹⁹⁶ были последними¹⁹⁷. Обстановка вынудила Врангеля принять крайне жёсткие меры для пополнения армии. Он подписывает репрессивный приказ от 4 сентября, требовавший взамен уклоняющихся от призыва брать на службу членов той же семьи мужского пола в возрасте от 17-ти до 43-х лет¹⁹⁸, что, конечно же, не могло не вызвать озлобления населения.

Судьба Правительства Юга России стала целиком зависеть от исхода войны Советской России и Польши. «Принятие Польшей мира, усиленно предлагаемого большевиками, и на котором настаивало правительство Ллойд-Джорджа (Великобритания. — *Авт.*), было бы для нас роковым»¹⁹⁹.

Италия, Бельгия, США, Япония благожелательно относились к режиму Врангеля, но признавать его не спешили. На это решилась союзница Польши — Франция, выдвинув, однако, ряд условий: признание долговых обязательств предыдущих русских правительств, перехода земли в руки крестьян и создание народного представительства на демократических основах.

Из английской печати стало известно, что французское правительство президента А. Мильерана выдвигает ещё ряд требований, причем весьма жёстких: передача Франции права эксплуатации всех железных дорог Европейской России на определённый срок, права взимания таможенных и торговых пошлин во всех портах Чёрного и Азовского морей, излишка хлеба на Украине и Кубани, 3/4 добычи нефти и бензина, 1/4 добытого донецкого угля. Некоторые авторы считают, что врангелевское правительство согласилось на эти условия²⁰⁰.

В июле французские власти помогли Врангелю получить от румынского правительства разрешение на возвращение русского военного имущества, находящегося в Румынии, а в августе — разрешила установить собственную радиосвязь через Константинополь. 10 августа Франция официально признала правительство П. Н. Врангеля де-факто²⁰¹. Это был единственный случай официального международного признания белого правительства за весь период Гражданской войны. 6(19) октября в Севастополь прибыл верховный комиссар Франции граф де Мартель.

Врангель неоднократно заявлял о своей поддержке федеративного устройства России в случае победы над большевизмом. Им была провозглашена платформа «тактического федерализма». По мнению П. Н. Врангеля, «в итоге, провозгласив «Единую, Великую, Неделимую Россию», пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделили всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований»²⁰². Он допускал независимость прибалтийских государств, однозначно признавал независимость Польши. Последнее инициировало, в частности, воззвание Ю. Пилсудского к народу Польши. **«Старые розни между поляками и русскими должны быть забыты. Мы на дороге того, что нам будут даны правительством Юга России твердые гарантии нашей неприкосновенности и самостоятельности. Польша готова идти рука об руку с русскими. Польша готова вместе с ними ликвидировать и уничтожить навсегда красную опасность. Большевики страшны не только России и не только её ближайшим соседям, но и всему культурному миру»**²⁰³. Достаточно нормальные отношения установились у Крыма с Грузией. Наконец, о своём подчинении врангелевскому правительству заявил походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины Г. М. Семёнов.

Как бы ни относиться к этим разнородным фактам, нельзя не признать значительной гибкости барона сравнительно со своим предшественником, А. И. Деникиным, бескомпромиссным сторонником «единой и неделимой». Однако мы не отрицаем того, что Врангель вёл своеобразную дипломатическую игру.

Его тактической целью было сколачивание единого антибольшевистского фронта. В поисках союзников он порой не брезговал ничем. Так идефикс Главнокомандующего стало заключение соглашения с Н. И. Махно, сыгравшего со своей Повстанческой армией роковую роль в разгроме Русской армии.

Неоднократно к Махно посылались парламентёры. Ещё в марте батёке было отправлено письмо, в котором говорилось о том, что Русская армия стремится к тому же, что и Махно, — освобождению страны от насильников и вольной жизни для всех. Послание перехватили красные. В июле очередного курьера доставили к самому Махно. Военный дневник оперативного отдела Революционного совета Украины (махновцев) сохранил запись от 9 июля: «...принимали присланного от Врангеля с письмом делегата, которого заседание командного состава приговорило к расстрелу и постановило опубликовать в печать содержание письма и наше отношение к белым»²⁰⁴.

Стремясь обеспечить себе поддержку Махно, Врангель задал соответствующий, благожелательный для него тон в печати, выпустил из заключения откровенных бандитов во главе с атаманом Володиным, бывшем командире Красной Армии, перешедшем в августе 1919 года к махновцам. Кредо последнего, руководителя «Объединённой организации дезертиров», явствует из приводимого мемуаристом откровения: «Я воюю... за веру, царя и отечество. Царя нет теперь. Я воюю за веру и отечество. Неукоснительно всюду и везде бью жидов. Образ правления пусть устанавливает сам народ. Я пойду с народом хоть за монархию, хоть за анархию. Кто против народа, — тот мой враг»²⁰⁵.

«Союзник» был отправлен со своим отрядом на фронт и, в конце концов, расстрелян за бесчинства в Мелитопольском уезде.

Пригладывался Врангель даже к красным. В приказе от 29 апреля читаем: «(1) Безжалостно расстреливать всех комиссаров и других активных коммунистов, захваченных во время сражения». Остальных — принимать на службу²⁰⁶. Любопытный документ хранится в архиве барона: начштаба П. Н. Шатилов обращается к... командующему 1-й конной армией красных С. М. Будённому: в случае его перехода на сторону Русской армии — «лично Вам присваиваются права и соответствующий чин командующего Армией... всё прошлое будет забыто; законному преследованию подвергнуться лишь лица согласно Вашего указания»²⁰⁷.

Наособицу стоял — по своей значимости — вопрос об отношениях с Украиной²⁰⁸.

Вопрос этот был поставлен впервые Я. А. Слащовым в июле и «составлял, — по мнению генерал-лейтенанта, — наиболее большое место во всей политике правительства генерала Врангеля»²⁰⁹. Слащов не раз обращался к Главнокомандующему с проектами, содержащими, к примеру, такие положения: автономия Украины, образование Украинской Народной Громады и украинской армии, избрание Наказного Украинского Атамана, подчинённого Главкому, установление флага: «национального жёлто-синего с бело-синекрасным углом»²¹⁰ и пр. Вразумительных ответов Слащов не получал.

Однако обвинения в адрес Врангеля, будто бы недооценивавшего украинский вопрос, несправедливы: Главнокомандующий, кажется, просто не желал иметь дело со Слащовым. В том же августе, когда был составлен

последний слащовский проект, П. Н. Врангель от своего имени публикует воззвание «Сыны Украины!»: «Стоя во главе русской армии, я обращаюсь к вам, братья. Сомкнём ряды против врагов, попирающих веру, народность и достояние, потом и кровью накопленное отцами и дедами. (...) Не восстанавливать старые порядки идём мы, а боремся за то, чтобы дать народу возможность самому быть хозяином своей земли...»²¹¹.

В начале сентября Главнокомандующий принимает делегацию от армии одного из украинских генералов М. В. Омеляновича-Павленко²¹², приехавшую «для информации и выяснения условий возможного соглашения». Договорились, как сказано в «коммюнике» встречи, «бить общего врага» и добиваться того, «чтобы общественные умеренные круги и лица, не преследующие личных выгод, обуздывали бы шовинистов той и другой стороны и не давали бы им мутить и без того взбаламученное море, в котором будут ловить рыбу люди ничего общего ни с Украиной, ни с Великобританией и вообще с Россией не имеющие»²¹³.

Тогда же генерал-лейтенант В. Ф. Кирей²¹⁴, для поручений по делам Украины при штабе (поддерживавший контакты с украинскими повстанцами), набросал контуры отношения Правительства Юга России к Украине. Это: волеизъявление народа, назначение высшей гражданской администрации только из уроженцев Украины и выборы низшей самим народом, формирование украинских воинских частей²¹⁵. Создается специальная комиссия по украинским делам.

20 сентября (3 октября) П. Н. Врангель издаёт приказ № 145, запрещающий пропаганду национальной розни²¹⁶, а 29 октября (11 ноября) объявляется следующий приказ (от 26 октября № 194): «Признавая, что украинский язык является, наравне с российским, полноправным языком Украины, приказываю: всем учебным заведениям, как правительственным, так и частным, в коих преподавание ведётся на украинском языке, присвоить все права, установленные существующими законоположениями для учебных заведений той и другой категории с общегосударственным языком преподавания. Генерал Врангель»²¹⁷.

С целью распространения грамотности и знания украинской культуры создаются общества «Кримська освіта» и «Украинская хата»²¹⁸.

Наиболее тесные отношения сложились у Правительства Юга России с Украинским Национальным Комитетом. Эта организация была создана в ноябре 1919 года в Париже, имела свои представительства в США, славянских странах, Константинополе. По сути своей она представляла беспартийный союз федералистов Украины, противостоящий «самостийникам».

Лидеры УНК — С. К. Маркотун²¹⁹, генеральный секретарь Б. В. Цитович и член комитета профессор П. М. Могилянский²²⁰ — удостоились приёма у Правителя Юга России, где присутствовали А. В. Кривошеин, П. Г. Струве и П. Н. Шатилов. «Выразив своё принципиальное согласие с положениями, изложенными делегацией, Главнокомандующий заявил,

что в основу проводимой правительством юга России политики полагается принцип федерации и земельная реформа». Соглашение возможно в общей борьбе с любыми, но только не с сепаратистскими силами²²¹.

Тогда же Маркотун, дав интервью газете «Время Бор. Суворина», разъяснил позицию УНК: русская федерация в смысле сочетания сильной центральной власти с самым широким самоуправлением. К политике С. В. Петлюры, заметил он, УНК «относится совершенно отрицательно. Мы считаем, что самостийническое движение является делом рук иностранных политиков, имеющих целью расчленение России во что бы то ни стало. Вся их деятельность, как это показывал Петлюра, немислима без иностранной помощи. Раньше самостийников поддерживали немецкие штыки, а теперь польские»²²².

Средоточием украинской политической жизни в Крыму стал в это время Севастополь, где можно было встретить представителей чуть ли не всех направлений, «за исключением крайних левых. Доминирующую роль в этом конгломерате партий и течений, — отмечает газета, — играют представители Союза хлеборобов, «авторы» гетманщины. В последнее время между этими политическими деятелями заключен блок. Кардинальный вопрос — о самостийности, решено до известного времени (выделено нами. — *Авт.*) не затрагивать вовсе»²²³.

2 октября в 7 часов вечера в помещении украинской гимназии им. Т. Г. Шевченко (Севастополь) открылся первый и последний съезд блока, получившего название национально-демократического. На съезде были представлены самые разнообразные организации: собственно блок и его ЦК, Симферопольская, Феодосийская и Потийская громады, Крестьянский союз, «украинцы Грузии», Екатеринославское земледельчество, Севастопольское отделение «Днепросоюза», «Украинская народная армия». Член ЦК А. Г. Безрадецкий сформулировал задачи блока: «...Объединение украинской общественности: 1) за независимую украинскую государственность, федеративно входящую в состав единой России; 2) за объединение всего славянства и 3) за подготовку, в данный момент, наступления русской армии на Украину... Оратор отошел с большой симпатией о ген. Врангеле...»²²⁴.

Съезд принял, по сути, единственную резолюцию — «Об украинской армии»: «...Возможно скорее начать формирование украинской национальной армии под предводительством ген. Врангеля». Резолюция, предлагавшая пока воздержаться от создания правительства Украины, большинством была отклонена. Было отвергнуто также предложение С. К. Маркотуна о слиянии севастопольских организаций с УНК, «в виду того, что нападки Маркотуна на Петлюру оттолкнули от него украинскую общественность»²²⁵.

Съезд избрал так называемую комиссию шести — президиум ЦК национально-демократического блока. В нее вошли: О. Г. Шульга, М. Г. Шлевченко, И. Г. Пашевский, А. Г. Безрадецкий, В. И. Овсянко-Вильчинский, В. М. Лашенко.

11 октября президиум ЦК блока был принят Главнокомандующим и передал ему меморандум: «1) Провозглашение Украины совершенно самостоятельной во внутренней жизни, но находящейся в федеративной связи с Россией. Окончательное утверждение конституции Украины произойдёт на Украинском Учредительном Собрании, а конституции России — на Учредительном Собрании всех народов России.

2) Дела, касающиеся внутреннего гражданского и военного управления Украины, ведаются специальными украинскими учреждениями, подчиненными непосредственно ген. Врангелю, в порядке Главного Военного командования и Верховного управления.

3) Возможно скорейшее формирование на особых основаниях украинской национальной армии под Верховным водительством»²²⁶.

Таким образом, украинская политика Правительства Юга России в общем и целом совпала с линией, выработанной частью украинских политиков под вывеской национально-демократического блока. Однако в Гражданскую войну, в конечном счёте, решают вопросы силы. А сила была на стороне Советской России и Польши. Поэтому блок разделил судьбу белого движения.

Практическим следствием образования блока было создание украинских воинских частей, которые влились в 3-ю Русскую армию

К концу сентября Русская армия вышла к Екатеринославу и Донбассу²²⁷. Однако развить наступление дальше врангелевцы не смогли. Заднепровская и Донбасская операции потерпели провал: сказалась невозможность обеспечить их людскими и материальными ресурсами. Армия выдыхалась.

21 сентября (н. ст.) 1920 года постановлением Реввоенсовета Республики образован Южный фронт Красной Армии под командованием М. В. Фрунзе²²⁸ (члены Реввоенсовета фронта: С. И. Гусев (с 27 сентября), Бела Кун²²⁹ (с 4 октября), М. К. Владимиров (с 16 октября), И. Т. Смилга (с 25 октября); временно исполняющий дела начальника штаба П. П. Каратыгин (21–27 сентября), начальник штаба с 27 сентября И. Х. Паука).

Тем временем Польша заключила перемирие с Советской Россией²³⁰. 29 сентября (12 октября) в Риге заключены предварительные условия мирного договора и 5(18) октября прекращены военные действия. Это стало одновременно и подписанием смертного приговора врангелевскому режиму.

Южный фронт усиливается за счет войск Западного и других. Соотношение сил на 14(27) октября было следующим:

штыки (в тысячах) 99,5–20,8 4,8:1

сабли 43,7–17,3 2,5:1

итого 143,2–38,1 3,8:1²³¹.

Итак, перевес, необходимый для успеха наступления, был достигнут.

Общее наступление войск Южного фронта началось 2(15) октября. «Не имея тыла, окружённые врагом со всех сторон, потрясённые жестокими испытаниями, войска дрались вяло, — с горечью пишет П. Н. Врангель. —

Сами начальники не проявляли уже должной уверенности»²³². 21 октября (3 ноября) красные овладели всей Северной Таврией. Русская армия откатилась за Перекоп. «Армия осталась цела, однако боеспособность её не была уже прежней»²³³. Оставалась только надежда на Перекопские укрепления.

По поводу этих укреплений сложилась чуть ли не целая история. Строились целенаправленно они шесть месяцев. Врангель считал, что сделано максимум возможного, не закончены лишь блиндажи и укрытия для войск. Я. А. Слащов, разумеется, был противоположного мнения. Советские историки создали картину чуть ли не неприступных позиций²³⁴. Истина, скорее всего, где-то посередине.

Врангель не питал большого оптимизма по поводу судьбы Русской армии. Еще до наступления красных в Северной Таврии он предусмотрительно отдал распоряжение проверить уже составленный штабом и командующим флотом М. П. Саблиным план эвакуации и подготовить суда (помимо Севастополя) в Керчи, Феодосии и Ялте из расчёта не на 60 тысяч человек, как предлагалось ранее, а на 75.

Немалую роль в крушении врангелевского режима сыграли «зелёные». Массовость этого явления была следствием ненависти к мобилизациям, к войне, желания выжить. Население устало от не имеющей, казалось, конца бойни. «Характерной особенностью зелёноармейского движения в Крыму было желание отдохнуть, уйти от какой бы то ни было войны»²³⁵. Именно этот, чисто народный исход, проявление стихийного, «нутряного» пацифизма подтверждает, что Гражданская война была Крыму навязана, что воинственность и агрессивность чужеродны менталитету его жителей.

Бороться с процессом повсеместного уклонения от воинской службы оказалось невозможным. Что только не предпринимали власти — конфискацию имущества и земли, систему заложничества, тюрьмы и расстрелы — всё напрасно: количество дезертиров — «зелёных» росло с каждым днем, чему очень благоприятствовал крымский ландшафт — леса и горы. Слащов считал, явно преувеличивая, что «зелёных насчитывалось до десяти тысяч человек»²³⁶.

«Зелёные» вызывали всеобщую симпатию, что также весьма показательно и о чём пишут буквально все современники²³⁷. Им помогали и многие стражники.

С января 1920 года отряды «зелёных» начинают стремительно «краснеть», чему причинами были: усиление репрессий, влекущее жажду мести; бегство в горы большевиков и пленных красноармейцев и коммунистическая пропаганда; наконец, стремление появившихся «красно-зелёных» втянуть в свои ряды как можно больше людей²³⁸.

Так «зелёные», промышлявшие до этого грабежами и набегами, становятся повстанцами.

Зародышами «красно-зелёного» движения, или Повстанческой армии, стали в начале 1920 года: группа П. В. Макарова (д. Ай-Тодор Севасто-

польского района (ныне не существует), от 12 до — в июне — 80 человек), 1-й Альминский повстанческий отряд (до 100 человек; стержень — бежавшие заключённые Симферопольской тюрьмы), Феодосийский отряд (70 человек бывших пленных красноармейцев), конный отряд П. Глямжо (Карасубазар), 15 человек), 2-й Повстанческий отряд Комарова-Фирсова (организован областным комитетом РКП(б), 60 человек), отряд Ялтинского подпольного партийного комитета П. М. Ословского. В июле общая численность повстанцев достигла 800 человек²³⁹.

Разгромы подпольной сети большевиков весной, а затем в августе контрразведкой побудили их перенести основную деятельность в леса. В июне областком РКП(б) и Крымревком объявили мобилизацию в (Советскую) Повстанческую армию всех партийцев, комсомольцев, членов профсоюзов (армия, как таковая, была создана в мае Крымревкомом). Началась реорганизация по образцу регулярного войска. Были созданы полки (условно — численность их, конечно же, не достигала до полков): 3-й Симферопольский П. В. Макарова, 1-й конный бывшего сотника Галько, 2-й Карасубазарский Бородин, 1-й Феодосийский Надолинского, затем 5-й Татарский и 4-й в районе Баксан. Командующим армией стал секретарь подпольного областного комитета С. Я. Бабаханян.

(Был еще Зуйский отряд — явно разбойничьего толка, а также весьма многочисленный отряд Н. И. Орлова²⁴⁰).

Повстанцы нападали на стражников, срывали заготовку дров для железных дорог и городов, что грозило топливным кризисом и прекращением железнодорожного сообщения, и вообще старались держать противника в постоянном напряжении. Только в течение мая-июня повстанцы провели свыше 20 операций, многие — под личным руководством Бабаханяна. «Зелёные» оттягивали на себя не менее 4–5 тысяч штыков²⁴¹.

По решению ЦК КП(б)У и Реввоенсовета Юго-Западного фронта для руководства партизанской борьбы в тылу Врангеля в Крым была направлена группа бойцов из 11 человек в Крым во главе с А. В. Мокроусовым. 17 августа (н. ст.) она высадились с катера «Гаджибей», вышедшего днём раньше из Анапы, близ с. Капсихор (с. Морское Судакского горсовета). С появлением Мокроусова деятельность повстанцев, несомненно, получила новый импульс: бесконечные рейды по тылам белых, нападение на артиллерийский транспорт, ограбление Массандровского лесничества на миллион рублей, уничтожение 30 августа (н. ст.) Бешуйских угольных копей.

Наконец, налёт 12 сентября (н. ст.) на Судак. Мокроусов надел погоны полковника. Повстанцы были приняты за белых и спокойно заняли большую часть Судака. И только после того, как один из повстанцев развернул знамя, белые, находившиеся здесь на излечении, оказали отпор. «Собственно, Судак, — пишет А. В. Мокроусов, — нам нужен был для того, чтобы захватить в гарнизоне и у местных богачей необходимое количество одежды. Самое же главное — необходимо было нанести сильный мораль-

ный удар по противнику, заставить его отвлечь на нас большие силы с фронта»²⁴².

«Красно-зелёные» достигли своих целей. Недаром генерал-квартирмейстер Г. И. Коновалов²⁴³ на одном из совещаний в Ставке, посвящённом повстанцам, в сердцах выразился, «что дальнейшее игнорирование этого движения угрожает самому существованию Крыма»²⁴⁴. Врангелю пришлось держать целый войсковой контингент для нейтрализации «зелёных» в тылу. Им командовал генерал-майор А. Л. Носович²⁴⁵. Каких-либо успехов он не достиг. Главнокомандующий сделал специальное разъяснение, что служба в частях, ведущих борьбу с зелёноармейцами, приравнивается к боевой фронтовой службе²⁴⁶.

Много споров было о том, какой же тактики придерживаться в борьбе с этим злом. В крымских лесах «зелёные» были неуловимы. Розыск констатировал: «Нужно отметить, что практикующийся способ вооружённой борьбы с «зелёными» в виде посылок в леса и горы маленьких отрядов в 20–30 чел. совершенно не достигает цели в смысле окончательной ликвидации и в лучшем случае заставляет «зелёных» отступать в глубь гор. Возможность совершения дерзких и смелых нападений на густо заселённые пункты, как, например, ближние окрестности Карасубазара, объясняется наличием у «зелёных» связей с местной стражей и, вследствие этого, уверенностью в благополучном исходе нападения»²⁴⁷.

Очень глубокомысленно. Ведь попытки направить против повстанцев крупные соединения были бы в горных условиях заведомо абсурдны и обречены на провал. Главное — «зелёные» опирались на местных жителей и сами были таковыми.

Ослабляли повстанцев внутренние распри, в частности, конфликт двух руководителей — Бабахаяна и Мокроусова.

Мокроусов сменил Бабахаяна на посту командующего 23 августа (н. ст.). Позднее бывшая подпольщица Е. Н. Григорович-Гордиенко утверждала (письмо в РВС СССР 1930 года), что «тов. Бабахан, бывший командующий Повстанческой армией Крыма, проявил в подполье настолько слабое руководство повстанческим движением, что РВС фронта вынужден был его заменить другим командующим Мокроусовым»²⁴⁸. Ответ на это обвинение был дан завКомиссией по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпартом) Крымского ОК ВКП(б) в ЦКК ВКП(б) 27 ноября 1930 года: «Утверждение Григорович неверно. Назначая Мокроусова, РВС фронта не руководствовался мотивом замены «плохого» командующего Бабахана (не имевшего военного опыта, в отличие от Мокроусова. — *Авт.*) «хорошим» командующим Мокроусовым: РВС послал Мокроусова с группой военных работников в Крым для усиления партизанского движения, не противопоставляя его Бабахану, за которым как секретарём подпольного ОК и председателем областного ревкома осталось право контроля и политического руководства Повстанческой армией»²⁴⁹.

Что же было подоплёкой этой неприятной истории, которая как бы проложила мостки к последующей трагической судьбе Бабаханяна?

Личные мотивы. «Е. Н. Григорович-Гордиенко была членом подпольного горкома партии гор. Симферополя. В подполье стала женой Бабаханьяна, а когда он расстался с ней, оскорбленная женщина начала писать о нём порочащие его заявления во все инстанции. Особенно усилила она свои клеветнические наветы в годы культа»²⁵⁰.

Мотивы принципиальные. Мокроусов, как анархист, питал антипатию к «политиканам», каковым считали Бабаханяна. Он придерживался мнения, что Повстанческая армия призвана решать только военные задачи. Позднее, возводя напраслину на уже расстрелянного Бабаханяна, Мокроусов интерпретировал это так: «Надо было вести единую, неразрывную работу, как политическую, так и боевую. Из этого само собой, разумеется, вытекала необходимость постоянной совместной работы руководства. Однако не заинтересованный в развёртывании партизанского движения Бабахан предпочитал находиться отдельно от штаба, который по условиям боевой обстановки не мог находиться на одном месте»²⁵¹.

С августа по ноябрь повстанцы провели до 80 крупных операций. Заметно возросла численность полков: 3-го — до 279 человек, 1-го — до 90, 5-го — до 69²⁵². Когда красные войска вступили в Крым, повстанцы, насчитывавшие, по сводным данным, до двух тысяч штыков, оказали им непосредственную помощь, отрезав белым путь на Феодосию и разбив несколько частей. В ноябре отряды Повстанческой армии были влиты в состав армии Красной.

Всего в 1918–1920 годах в крымском подполье, — считает крымский историк, — действовало свыше 5-ти тысяч человек, объединённых в почти 100 вооружённых формирований²⁵³.

К началу ноября все подступы к полуострову Крым были блокированы войсками Южного фронта. Приближались дни решающего сражения.

25 октября (7 ноября) Главнокомандующий вводит в Крыму осадное положение. Исполняющим обязанности Таврического губернатора, начальника гражданского управления и командующим войсками армейского тылового района был назначен энергичный генерал-майор М. Н. Скалон²⁵⁴.

А жизнь в Севастополе, — вспоминает Врангель, — «текла своим чередом. Бойко торговали магазины. Театры и кинематографы были полны»²⁵⁵.

Подспудно идёт подготовка к эмиграции. Решительно и умело действовал сменивший в должности начальника Морского управления и командующего Черноморским флотом умершего 17(30) октября от рака пени М. П. Саблина²⁵⁶ М. А. Кедров²⁵⁷, произведённый в вице-адмиралы.

26 октября (8 ноября) усилилось давление красных. Для П. Н. Шатилова, «как и для меня, — пишет Врангель, — было ясно, что рассчитывать на дальнейшее сопротивление войск уже нельзя, что предел сопротивляемости армии уже превзойдён и что никакие укрепления врага уже не остановят»²⁵⁸.

Подготовка кораблей резко ускорилась. 29 октября (11 ноября) Правительство Юга России выпустило официальное сообщение, которое Я. А. Слещов оценил как «Спасайся, кто может»: «В виду объявления эвакуации для желающих офицеров, других служащих и их семейств, правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. (...) Всё заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага — остаться в Крыму». Параллельно подписывается приказ Главнокомандующего с аналогичным содержанием²⁵⁹.

Вопросом жизни и смерти становится судьба тех, кто не пожелает или не сможет эмигрировать. Проблема амнистии возникла ещё в апреле-мае. 12 сентября н.ст. (далее все даты приводятся по н. ст.) «Правда» за авторитетнейшими подписями Председателя ВЦИК М. И. Калинина, Председателя СНК В. И. Ленина, наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого, Главкома С. С. Каменева и председателя Особого совещания при Главкоме генерала А. А. Брусилова публикует «Воззвание к офицерам армии барона Врангеля», в котором говорилось: «...Честно и добровольно перешедшие на сторону Советской власти не понесут кары. Полную амнистию мы гарантируем всем переходящим на сторону Советской власти. Офицеры армии Врангеля! Рабоче-крестьянская власть последний раз протягивает вам руку примирения»²⁶⁰.

Поводом для воззвания, кстати, послужила загадочная история с поручиком Яковлевым. Он, перебежав к красным, заявил, что во врангелевской армии образовалась тайная организация офицеров, которая «намерена низложить Врангеля и объявить его армию красной Крымской под командой Брусилова» при условии амнистии²⁶¹. Поскольку никаких сведений о заговоре более нет, позволительно будет считать его фикцией.

Наконец, Реввоенсовет Южного фронта по радио обращается к Врангелю: «Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь бесполезным пролитием новых потоков крови, предлагаем вам немедленно прекратить борьбу и положить оружие со всеми подчинёнными вам войсками армии и флота.

В случае принятия вами означенного предложения РВС Южфронта на основании представленных ему Центральной Советской Властью полномочий гарантирует вам и всем кладущим оружие полное прощение по всем проступкам, связанным с гражданской борьбой.

Всем, не желающим работать в Советской России, будет обеспечена возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа под честным словом от всякого участия в дальнейшей борьбе против Советской России. Ответ по радио ожидается не позднее 24 часов 14 ноября с.г. (по новому стилю).

Командующий Южным фронтом Михаил Фрунзе, член Реввоенсовета Иван Смирта, Мирон Владимиров, Бела Кун. Ст. Мелитополь 11 февраля 24 часа»²⁶².

«Красное командование, — так говорит об этом Врангель, — предлагало мне сдачу, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему вышедшему составу армии и всем положившим оружие. Я приказал закрыть все радиостанции за исключением одной, обслуживаемой офицерами»²⁶³. Врангель, таким образом, скрыл предложение от армии и умолчал в мемуарах о том, что вся моральная ответственность в случае её сокрытия возлагалась на него.

Позиция В. И. Ленина тем временем ужесточилась. Если ранее он был не против амнистии, то теперь, узнав о предложении РВС, 12 ноября телеграфировал: «Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлён непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и невыпуск ни одного судна; если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и **нужно расправиться беснощадно**» (выделено нами. — *Авт.*)²⁶⁴.

Так вожди двух противостоящих сторон — В. И. Ленин и П. Н. Врангель — объективно оказались единомышленниками, поставив на карту тысячи жизней.

На 1 ноября боевая численность Русской армии составила 41 тысячу штыков и сабель (из них 16 тысяч в тылу) — общая численность 75 815 штыков и сабель. На её вооружении было 1404 пулемёта, 271 орудие, 24 броневых автомобиля, 6 танков, 12 бронепоездов, 45 самолётов. Войска Южного фронта к 8 ноября насчитывали 11 628 командного состава, 103 140 бойцов пехоты, 39 569 бойцов конницы, 188 771 бойца всего, имея на вооружении 2999 пулемётов, 623 орудия, 57 броневых автомобилей, 23 бронепоезда, 19 аэростатов, 82 самолёта²⁶⁵.

Окончательный план, утвержденный М. В. Фрунзе за два дня до операции, предусматривал нанесение главного удара по Перекопским укреплениям с обходным маневром через Сиваш и Литовский полуостров и вспомогательного — на Чонгарском направлении и Арабатской стрелке. Затем предполагалось расчлнить войска белых и разгромить их, не допустив эмиграции.

В ночь на 8 ноября начался переход через Сиваш. Надо сказать, что стояли беспрецедентные для этого времени года 15-градусные морозы, от которых страдали оба противника. Врангелевцам приходилось хуже — у них не было тёплой одежды. Транспорт «Рион» привёз обмундирование, когда всё уже было решено.

Утром 15-я и 52-я дивизии и 153-я бригада 6-й армии красных переправились через Сиваш. В течение суток они удерживали захваченный плацдарм на Литовском полуострове, несмотря на контратаки Дроздовской дивизии, усиленной отрядом бронемашин. По приказу М. В. Фрунзе им была оказана помощь: к 5 часам утра 9 ноября под обстрелом Сиваш форсировала Крымская группа войск Союза революционных повстанцев Украины (маховцев) под командованием С. Н. Каретникова²⁶⁶ (3000 сабель, 450 пулемётов на тачанках), потерявшая 30 процентов личного состава, и кавалерийская дивизия красных. Это позволило спасти ранее переправившиеся войска

и перейти в наступление в тылу Перекопских укреплений²⁶⁷. После 4-часовой артиллерийской подготовки, не давшей ожидаемых результатов, началась штурм. Людей не жалели. В результате в ночь на 9 ноября 51-я дивизия В. К. Блюхера²⁶⁸ овладела Турецким валом — главным укреплением Перекопа, фронтальная атака которого первоначально успехов не имела. В целом потери красных составили 10 тысяч человек убитыми и ранеными²⁶⁹.

Части Русской армии отошли на Ишуньские позиции. В тяжёлых боях 10–11 ноября красные смогли отразить все атаки противника. Конный корпус генерал-лейтенанта И. Г. Барбовича²⁷⁰ и другие войска у Ишунь под натиском ударной группы 6-й армии, 51-й стрелковой дивизии, усиленной Латышской советской стрелковой дивизией, начали отход. 11-го 30-я стрелковая дивизия красных прорвала Чонгарские укрепления, овладела станцией Таганаш (ныне Солёное Озеро) и взяла курс на Джанкой. Этот день и стал переломным в ходе боёв. 9-я стрелковая дивизия красных переправились через Генический пролив²⁷¹. Продвигаться по Арабатской стрелке оказалось невозможно из-за корабельного огня противника.

10 ноября с целью дезорганизации тылов Врангеля западнее Судака судно-истребитель МИ № 17, вышедшее из Новороссийска, высадило группу во главе с И. Д. Папаниным²⁷², включавшую будущего драматурга В. В. Вишневского, которая двинулась к Алуште, разоружая отступающих врангелевцев²⁷³.

Тем временем, 10 ноября в Симферополе власть взял в свои руки ревком во главе с членом областного комитета РКП(б) В. С. Васильевым. Ревкомы возникают и в других городах Крыма. 11 ноября партизаны А. В. Мокроусова занимают Карасубазар.

13 ноября части 2-й Конной армии Ф. К. Миронова²⁷⁴ вошли в Симферополь. Командующий вспоминал: «13 ноября полуостров Крым в величайшем молчании принимал красные войска, направлявшиеся для занятия городов: Евпатории, Севастополя... Феодосии, Керчи»²⁷⁵.

Врангелевцы отступали в полном порядке, почти без контакта с противником. Сорвать эвакуацию не удалось. 11 ноября началась погрузка на корабли. Де Мартель выразил согласие принять всех оставляющих Крым под покровительство Франции. Для покрытия расходов французское правительство брало в залог российские корабли.

Никто не мешал эвакуации. «Остающиеся говорили, что устали от междоусобной войны, что будет с них кровопролития, что они не верят в возможность успешного продолжения борьбы. Поэтому они хотят, пока можно, рассосаться среди населения и тем избегнуть мести победителей»²⁷⁶. Участь многих из них будет незавидной.

Отплывало всё, что могло плыть. Это было невероятно рискованное предприятие. Малейшее волнение и... Но море было спокойным.

Утром 14 ноября Главнокомандующий объехал на катере суда в Севастополе. Сошёл на берег. Выступил перед группой юнкеров: «Мы идём на чужбину, идём не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой голо-

вой, в сознании выполненного до конца долга»²⁷⁷. В 2 часа 40 минут, видя, что погрузились все, Врангель взойшёл на катер и направился к крейсеру «Генерал Корнилов».

В Евпатории эвакуация прошла нормально. Врангель объехал Ялту, Феодосию, Керчь, чтобы лично проследить за погрузкой. Около четырёх последний транспорт — «Россия» — покинул Керчь.

На 126 судах было вывезено 145 693 человека, не считая команд. За исключением погибшего миноносца «Живой», все корабли прибыли в Константинополь²⁷⁸.

Было эвакуировано: до 15 тысяч казаков, 12 тысяч офицеров, 4–5 тысяч солдат регулярных частей, более 30 тысяч офицеров и чиновников тыловых частей, 10 тысяч юнкеров и до 60 тысяч гражданских лиц, в большинстве своем семей офицеров и чиновников²⁷⁹.

За время боевых действий — 28 октября–16 ноября — войска Южного фронта взяли в плен 52,1 тысячи солдат и офицеров Русской армии²⁸⁰.

В ночь с 13 на 14 ноября части Латышской советской дивизии заняли Евпаторию. 14 ноября части 4-й армии — 3-й конный корпус и 30-я стрелковая дивизия вступили в Феодосию, 15-го авангарды 6-й армии — в Севастополь, 16-го 3-й конный корпус — в Керчь, 17-го 52-я стрелковая дивизия — в Ялту. 17 ноября М. В. Фрунзе и член РВС И. Т. Смирла подписывают приказ армиям Южного фронта № 105, в котором, в частности, отмечалось: «Боевые товарищи-красноармейцы, командиры и комиссары! Ценою ваших героических усилий, ценою дорогой крови рабочего и крестьянина взят Крым. Уничтожен последний оплот, надежда русских буржуа и их пособников заграничных капиталистов.

Отныне Красное Знамя — Знамя борьбы и победы — реет в долинах и на высотах Крыма и грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасения на кораблях.

50 дней прошло с момента образования Южфронта, за этот короткий срок, благодаря нашей стойкости и энергии, была ликвидирована угроза Донбассу, очищено всё Приднестровье и занят весь Крым»²⁸¹.

Итак, врангелевский эксперимент принудительно завершён. Трудно судить, каковы могли бы быть его результаты, продолжаясь он далее и не на столь ограниченной в размерах и ресурсах территории.

Начинался «пир победителей»...

¹ Переходя к данной части нашего повествования о событиях Гражданской войны в Крыму, сделаем следующее предупреждение. Литература о врангелевском правлении, последней главе белого движения, как мемуарная, так и исследовательская, — необъятна; тема успела уже породить свои мифы и антимифы. С пер-

вых лет эмиграции выяснилось противостояние точек зрения: воспоминания П. Н. Врангеля, Н. В. Савича, с одной стороны, Г. Раковского, В. А. Оболенского — с другой (не говоря об антагонизме Врангель — Слащов). Одни видят в режиме Врангеля самую здоровую и многообещающую сторону белого движения, другие считают, что он ничем принципиально не отличался от предыдущих, третьи — что он был обречён в любом случае. (Третьей позиции много сил отдал современный историк С. В. Карпенко. См.: Крах последнего белого диктатора. — М., 1990; Почему не был создан остров Крым? // Перспективы (Москва). — 1992. — № 1. — С. 62–71; Врангель в Крыму: «левая политика правыми руками» // Свободная мысль (Москва). — 1993. — № 15. — С. 93–109; Белое дело: Врангель в Таврии. — М., 1994). Мы решили не ввязываться в эту полемику. Серьёзные аргументы имеются у всех, и спор может продолжаться до бесконечности. Ограничимся кратким очерком, стараясь дать представление о том, каким был Крым образца апреля-ноября 1920 года — времени излёта братоубийственной смуты.

² Я. А. Слащов в характеристике Кутепова, как обычно, злоязычен: «...Типичный представитель «строевого офицера» в скверном смысле этого слова, великолепно замечавший, если где-нибудь не застёгнута пуговица или перевернулся ремень, умевший равнять, муштровать часть и производить сомкнутое учение, но совершенно ничего не понимавший в области комбинирования войсками, их стратегического и тактического использования и сохранения войск в бою. Все это дополнялось крайним честолюбием, эгоизмом, бессмысленной жестокостью и способностью к интригам» (*Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г.: Материалы и документы.* — М., 1990. — С. 92). П. Н. Врангель был о Кутепове иного, положительного, мнения.

³ Там же. — С. 79.

⁴ *Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.).* — М., 1992. — Ч. II. — С. 25.

⁵ **Постовский Владимир Иванович** (ок. 1886–?). Войсковой старшина. В Добровольческой армии командир батальона в 1-м Кубанском стрелковом полку. Полковник. В Донской армии начальник Сальского отряда, начальник отряда под Царицыным, командир бригады из 2-го Дроздовского и Самурского полков под Касторной. Генерал-майор. В апреле 1920 года выехал из Севастополя. Жил во Франции (в Париже). После 1945 года вернулся в СССР (*Валков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны.* — СПб.-М., 2003. — С. 442).

⁶ *Ильин Е. Как живёт и работает Ставка // Южный Курьер (Ялта).* — 1920. — 14(27) мая.

⁷ *Оболенский В. А. Крым при Врангеле // Деникин, Юденич, Врангель: Революция и гражданская война в описаниях белоохранителей.* — М., 1991. — С. 377–378.

⁸ Цит. по: *Акулов М. Р., Петров В. П.* 16 ноября 1920. — М., 1989. — С. 15.

⁹ Крымский Вестник (Севастополь). — 1920. — 29 марта (11 апреля). Концепция «осаждённой крепости» получит, как известно, «законченное» оформление в тоталитарные времена, когда ею, вкупе с «обострением классовой борьбы» (чем не гражданская война?), будут покрываться все беззакония и злодеяния.

¹⁰ **Махров Пётр Семёнович** (1876–1964). Родился в Тамбове. Из дворян. Окончил Минскую гимназию, Виленское пехотное юнкерское училище (1897), Николаевскую академию Генштаба (1907). Участник русско-японской войны, награждён рядом боевых орденов. В апреле 1912 года назначен старшим адъютантом штаба 13-й пехотной дивизии в Севастополе. Участник Первой мировой войны. С начала

1917 года — командир 13-го Сибирского штаба, отличившегося в августе в боях под Ригой. Награждён Георгиевским оружием с надписью «За храбрость». Генерал-майор, с сентября генерал-квартирмейстер 13-й армии. Затем исполнял дела начальника штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта. С начала января 1918 года уехал в Полтаву, где проживала его семья. В армии гетмана Украинской Державы П. П. Скоропадского; служащий Полтавского кадетского корпуса. Член Военно-исторической комиссии по сбору документов Великой войны по Юго-Западному и Румынскому фронтам. Во ВСЮР — заместитель начальника военных сообщений Крымско-Азовской Добровольческой армии, с апреля 1919 года — в «резерве чинов» при штабе Главнокомандующего, с августа — начальник военных сообщений Кавказской армии, затем генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего, начальник штаба ВСЮР и Русской армии П. Н. Врангеля. В эмиграции в Польше и во Франции. Автор ряда статей на военную тематику. Умер в Каннах (*Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения).* — М., 1997. — С. 152–155; *Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны.* — С. 332).

¹¹ **Мариюшкин Алексей Лазаревич** (1877–1946). Из крестьян. Окончил 2-ю Харьковскую гимназию, Чугуевское пехотное юнкерское училище (1899), Императорскую Николаевскую академию Генштаба (1911). Полковник, начальник штаба 100-й пехотной дивизии. В армии гетмана Украинской Державы П. П. Скоропадского (1918), губернский комендант Черниговщины. В августе 1918 года назначен начальником отдела Генштаба 5-го корпуса. Служил в Красной Армии, где состоял при командующем 12-й армии, откуда перешёл во ВСЮР. С августа 1919 года — начальник штаба Заволжского отряда. В Русской армии П. Н. Врангеля в отделе генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего. После эвакуации из Крыма жил в эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии). Генерал-майор. В ноябре 1944 года захвачен бойцами Красной Армии и осуждён на 10 лет. Умер в лагере Явас (Мордовия) (*Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны.* — С. 324).

¹² **Писарев Пётр Константинович** (1874–1967). Родился на Дону. Из дворян, сын офицера Всевеликого Войска Донского, казак станицы Иловлинской. Окончил Атаманское техническое училище, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1898). Участник Первой мировой войны. Полковник, помощник командира 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер (1917). В Добровольческой армии с января 1918 года. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С июня 1918-го — командир Партизанского (затем — Алексеевского) полка, с которым выступил во 2-й Кубанский поход. Генерал-майор. С начала 1919 года — командир бригады 4-й дивизии Крымско-Азовской армии, затем на различных командных должностях. Генерал-лейтенант (1919). Прибыл в Крым во главе остатков Донских и Кубанских казачьих частей (около 15 тысяч человек), эвакуировавшихся с Кавказского побережья. С апреля 1920 года — комендант крепости и градоначальник Севастополя, затем командир Сводного корпуса, конного корпуса, 1-го армейского корпуса Русской армии. В эмиграции в Греции (представитель Донского атамана), Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, во Франции. С 1937 года — председатель Союза Первопоходников. Умер в Шелле под Парижем. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (*Рутыч Н. Указ. соч.* — С. 183–184; *Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны.* — С. 428).

¹³ **Стогов Николай Николаевич** (1872–1959). Окончил Николаевский кадетский корпус (1891), Константиновское артиллерийское военное училище (1894), Николаевскую академию Генштаба (1900). Участник Первой мировой войны. Генерал-лейтенант (1917), командующий Юго-Западным фронтом. Георгиевский кавалер. Служил в Красной Армии начальником Всероссийского главного штаба (май–август 1918 года). Член Национального центра в Москве (1918–1919), начальник его военной организации. Бежал через линию фронта и явился к А. И. Деникину. С начала 1920 года — начальник штаба Кубанской армии. В Русской армии П. Н. Врангеля — комендант Севастопольской крепости и командующий тылового района до эвакуации из Крыма. В эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, с 1924 года — в Париже. Активист Российского обще-воинского союза (РОВС), председатель Общества офицеров Генерального штаба, Союза Георгиевских кавалеров, почётный председатель Союза российских кадетских корпусов. Автор ряда статей по военной тематике. Умер в Сент-Женевьев-де-Буа, где и похоронен (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 230–231; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 544–545).

¹⁴ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 70.

¹⁵ В. А. Оболенский пишет о «здоровом оппортунизме» Врангеля (*Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 381).

¹⁶ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 219.

¹⁷ Всё-таки позволим себе маленький полемический выпад. На основании чего С. В. Карпенко делает вывод: «Врангель бился над тем, чтобы... оживить труп российской буржуазно-помещичьей монархии» (Врангель в Крыму: «левая политика правыми руками». — С. 109)? Мы такого основания не видим. Увлечаться абстракциями было не в характере барона.

¹⁸ **Перлик Фёдор Петрович** (?–1920). Сын генерала от инфантерии. Полковник лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Во ВСЮР. Расстрелян большевиками летом в Северной Таврии (*Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 422).

¹⁹ **Лодыженский Александр Александрович** (1886–1976). Окончил Училище правоведения (1908). Офицер лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, чиновник Государственной канцелярии, начальник канцелярии по гражданскому управлению штаба Верховного главнокомандующего. Участник освобождения офицеров, находившихся под стражей после выступления генерала Л. Г. Корнилова в Быхове. В Добровольческой армии с 1917 года. Член Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР А. И. Деникине, помощник управляющего делами Южно-Русского правительства до эвакуации из Новороссии. В эмиграции — во Франции, шофёр такси. С 1956 года — председатель Представительства Русской национальной эмиграции во Франции. (*Волков С. В.* Биографические справки // Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916–1920. — М., 2006. — С. 738).

²⁰ **Вязьмитинов Василий Ефимович** (1874–1929). Из мещан. Получил домашнее образование. В 1894 году сдал офицерский экзамен в Одесском пехотном юнкерском училище. Окончил Николаевскую академию Генштаба (1904). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор (1917). Отличился во время немецкого прорыва под Ригой. Награждён орденом Св. Георгия, произведён в генерал-лейтенанты и назначен командиром 6-го Сибирского корпуса. Георгиевский кавалер. С 1918 года — в Добровольческой армии, начальник отдела Гене-

рального штаба в штабе армии. С октября начальник части Генерального штаба Военного и Морского отдела ВСЮР, с начала 1919 года — помощник начальника Военного управления в штабе ВСЮР. Военный и морской министр Южнорусского правительства. Эвакуировался вместе с Русской армией П. Н. Врангеля. В 1921 году — военный представитель Главнокомандующего в Болгарии, с 1923 года — в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, правитель дел Державной комиссии по делам русских беженцев. Сотрудник редакции «Военного Сборника». Умер в Белграде (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 74–75; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 117).

²¹ **Трубецкой Григорий Николаевич** (1873–1930). Князь. Родился в имении Ахтырка Московской губернии. Действительный тайный советник Министерства иностранных дел, российский представитель в Сербии. Член Совета общественных деятелей (1917–1918), летом 1918 года — член и руководитель Правого центра в Москве. Эмигрировал во Францию. Умер в Клараме (*Волков С. В.* Биографические справки. — С. 768).

²² **Савич Никанор Васильевич** (1869–1942). Родился в имение Беловоды Сумского уезда Харьковской губернии. Из дворян, землевладелец (676 десятин). После окончания физико-математического факультета Новороссийского университета жил в своём имении, был уездным и губернским земским гласным. Депутат III и IV Дум от Харьковской губернии. По политическим взглядам — конституционный монархист. Член фракции «Союз 17 октября», после её раскола вошёл во фракцию земцев-октябристов. Товарищ председателя комиссии государственной обороны (с 1912 года комиссия по военным и морским делам), в Думе считался специалистом по военным вопросам. С августа 1915 года — член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 28 февраля 1917 года назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы в Военное и Морское министерство. Вместе с А. И. Гучковым работал в Центральном военно-промышленном комитете, участвовал в Московском Государственном комитете в августе 1917 года. В мае 1918-го уехал из Петрограда на Украину, жил в родном Сумском уезде. Участник совещания в Яссах в ноябре 1918 года. Наряду с А. В. Кривошеиным, был одним из лидеров Совета государственного объединения России. В 1919 году — член Особого совещания при А. И. Деникине. В начале весны 1920-го эмигрировал из Новороссийска в Константинополь, затем переехал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. По приглашению П. Н. Врангеля прибыл в Крым в июне 1920 года. После поражения Русской армии эвакуировался в Константинополь. С февраля 1921 года жил в Париже. По поручению Врангеля вошёл в состав Делового комитета, занимавшегося сбором средств для сохранения ядра армии, занимал пост контролёра правления Добровольного флота. Член-учредитель Народно-монархического союза конституционных монархистов, секретарь инициативной группы по объединению русских общественных организаций, занимавшийся подготовкой созыва Российского зарубежного съезда, состоявшегося в 1926 году. В 1927 году отошёл от политики, работал над мемуарами. Умер в Анжере, предместье Парижа. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Его «Воспоминания» изданы в 1993 году (СПб.-Дюссельдорф) (*Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. — М., 2001; и др.).

²³ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 71.

²⁴ Крымский Вестник. — 1920. — 6(19) сентября.

²⁵ Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 380–381.

²⁶ Там же. — С. 374–375.

²⁷ Нам известны два её варианта: *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 72–75; Крымский Вестник (кстати, эту внепартийную газету, поставлявшую читателю богатую информацию и интересную своими обозрениями, Врангель окрестил: «либеральствующий еврейский орган» (Там же. — С. 42). — 1920. — 11(24) апреля. Обратимся к более полному — второму.

²⁸ «Крым должен быть моделью будущей России», — подхватывали газетчики (Южный Курьер. — 1920. — 12(25) мая). «Опытным полем российской государственности» называет врангелевский эксперимент современный крымский историк А. В. Малыгин (*Малыгин А. В.* «Опытное поле российской государственности» // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура. (Материалы республиканской научно-общественной конференции). — Симферополь, 1994. — С. 4–5).

²⁹ Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 391. Вспоминает П. И. Новицкий: «Ген. Кутепов, к ужасу благонамеренных дум и управ, разукрапывал трупами повешенных города. В центре города на трамвайных столбах висело обычно 10–15 полуобнажённых трупов с надписью на деревянных досках «коммунист». Это производило потрясающее впечатление даже на мещанскую публику и создавало настроение жуткого опеченения во всём городе» (Цит. по: Антанга и Врангель: Сб. статей. — М.-Пг., 1923. — Вып. 1. — С. 177).

³⁰ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 65. Сам А. П. Кутепов на протестующем ходатайстве симферопольской городской управы наложил резолюцию: «Никогда публичными казнями не злоупотреблял, но обстановка заставляет меня прибегать к подобным мерам» (Крымский Вестник. — 1920. — 14 (27) апреля).

³¹ **Кошко Аркадий Францевич** (1867–1928). Родился в семейном имении Брожка Минской губернии в семье служащего Могилёвской палаты гражданского суда. Закончил Казанское пехотное юнкерское училище (1888). Служил в полку, расквартированном в Симбирске. В 1894 году вышел в отставку и был принят рядовым инспектором в полицию Риги. Начальник Рижского сыскного отделения (1900), затем заместитель начальника полиции в Царском Селе, Санкт-Петербургской сыскной полиции. Начальник Московской сыскной полиции (1908), которая в 1913 году на Международном конгрессе криминалистов в Швейцарии получила первое место по раскрываемости преступлений. С 1914 года стал заведовать всем уголовным розыском России. После событий октября 1917 года скитался по разным регионам бывшей империи. Осенью 1918-го жил в Киеве, откуда перебрался в Одессу, а затем в Крым. С Русской армией П. Н. Врангеля эвакуировался в Константинополь, где открыл частное сыское бюро. В 1923 году получил политическое убежище во Франции. Жил в Лионе, затем в Париже. Автор воспоминаний — «Очерков уголовного мира царской России» в трёх томах. Умер в Париже, похоронен на кладбище в Сент-Уан (*Руднев П. И.* Начальник Московской сыскной полиции А. Ф. Кошко // Вопросы истории (Москва). — 1999. — № 4/5. — С. 136–143).

³² *Савич Н.* Крымский период (глава из «Воспоминаний») // Крымский контекст (Симферополь). — 1994. — № 2. — С. 90–91.

³³ Цит. по: *Росс Н. Г.* Врангель в Крыму. — Франкфурт-на-Майне, 1982. — С. 87. Кутепов говорил открыто: «...Нечего заводить судебную канитель, расстрелять и... всё...» (Цит. по: *Раковский Г.* Конец белых // Деникин, Юденич, Врангель: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — С. 436).

³⁴ Крымский Вестник. — 1920. — 24 апреля (7 мая).

Отдельного разговора заслуживает короткая история Мусульманского бюро при Крымском областном комитете РКП(б) (или Татарской секции при ОК РКП(б) в составе: Амет Мамут-оглу (М. Рефатов), Асан Изет-оглу, Амет Баталов, Мухаметджан Урманов (Урманер), Казамзы Сакаев, Асан Сакаев, Мурат Рашид Асанов, Сеит Ислям, Апаз-оглу, юнкер Абдулла Баличиев, вольноопределяющийся Н. М. Ярко-Аптекман, стражник Ислям Умеров, Е. Л. Жигалина. Бюро было создано в январе 1920 года. «Они выпустили на татарском языке несколько летучек (листовок. — *Авт.*), частью составленных ими самими, частью переводы летучек, выпускаемых О. К. на русском языке.

В самое последнее время ими было добыто довольно значительное количество оружия и создан свой отряд на случай восстания. Они имели большие связи с частями, как Симферопольского гарнизона, так и других, и, если принять во внимание, что у Слащёва было довольно значительное количество, как отдельных отрядов, так и целых полков, состоящих из мусульман, то надо признать работу, проделанную товарищами Рифатовым (так в тексте. — *Авт.*), Урманером, Абас-Эфенди (Сеит Ислям Аппаз-оглу. — *Авт.*) и др. товарищами Татарской секции, довольно внушительной» (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 148). Так говорил секретарь Крымского ОК РКП(б) на 3-м Коктебелском съезде крымских организаций РКП(б) (3-й облпартконференции) 21–23 апреля (5–7 мая) 1920 года. Позднее он отметит в своих воспоминаниях: «...Секция сумела, за сравнительно короткий промежуток времени связаться почти со всеми татарскими районами Крыма и поставить там работу... (центрами наибольшей активности Бюро были Севастополь, Бахчисарай, Кучук-Узень (ныне Малореченское Алуштинского горсовета) — *Авт.*) (Там же. — Д. 258. — Л. 77–78) (С. Я. Бабахан).

Бюро выдал предатель. Ходатайства В. А. Оболенского, С. А. Усова, татарских общественных деятелей генерал-лейтенант А. П. Кутепов оставил без внимания. 21 апреля военно-полевой суд, по обвинению в попытке вооружённого переворота, приговорил Рефатова, Асанова, Изет-оглу, А. Сакаева, Баличиева и Жигалину к смертной казни через расстрел, Умерова — к «каторжным работам без срока», Баталова, Апаз-оглу, Ярко-Аптекмана — к ссылке в каторжные работы на 8 лет; Урманов и К. Сакаев, по недостатку обвинений, были оправданы (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 102–103). Правда, есть данные, что Урманов был казнён. Вечером 22 апреля (5 мая) приговор был приведён в исполнение (Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Мусульманское бюро и его судьба // Историческое наследие Крыма (Симферополь). — 2003. — № 1. — С. 84–88).

Рефатов Мидхат (Амет Мамут-оглу) (1893?–1920). Родился в Бахчисарае, в семье учителя. Окончил Бахчисарайскую духовную семинарию и новометодное мектебе-рушдие. В 1909–1912 годах учился в Турции, где изучил русский язык и увлёкся идеями Л. Н. Толстого (позднее перевёл на турецкий «Войну и мир»). Работал в редакциях газет «Терджиман» (Бахчисарай) и «Шелале» (Баку). С 1916 года — на фронте Первой мировой войны. К этому времени убеждённый демократ. С лета 1917 года — в редакции газеты «Мишлет» (Симферополь). Расходится с Милли-фиркой. К концу 1918 года определяется на большевистских позициях и в апреле 1919-го вступает в РКП(б). Сотрудник коммунистической газеты «Еңги Дуңья» (Симферополь). К моменту ареста заканчивал работу над трёхтомным русско-турецким словарем (ГААРК — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 115–118 и др.). Эта «работа — результат несколь-

ких лет упорного труда была почти закончена, а затем оказалась варварски разбросанной в уборной Кутеповской контр-разведки» (*Бабахан С. Я.* Большевицское подполье в Крыму // Там же. — Ф. II-150. — Оп. 1. — Д. 258. — Л. 77–78).

Жигалина Евгения Лазаревна (1890–1920). Участница большевистского подполья в Каховке. Летом 1919 года избрана секретарём райкома РКП(б), осенью направлена Херсонским губернским комитетом РКП(б) в Крым. Некоторое время находилась в Евпатории, затем переехала в Симферополь. Помимо Мусульманского бюро работала в подпольном Красном Кресте, доставала оружие для партизан. 9 мая (н. ст.) 1920 года вместе с Ф. Б. Шполянской зарублены карателями из отряда Шнейдера. В ноябре 1930 года в рамках мероприятий по празднованию 10-летия занятия Крыма Красной Армией 2-я Будущая улица в Симферополе переименована в улицу Жигалиной (*Широков В. А., Широков О. В.* Симферополь: Улицы рассказывают. — Симферополь, 1983. — С. 58).

Шполянская Фани Борисовна (1901–1920). Родилась в семье рабочего-механика в Ялте. С пятилетнего возраста вместе с родителями жила в Симферополе. С 1919 года — член Союза коммунистической молодёжи. Подпольщица. Арестована 17 апреля (н.ст.) 1920 года, 5 мая приговорена военно-полевым судом к смертной казни. С 1936 года одна из улиц Симферополя получила название Шполянской (*Широков В. А., Широков О. В.* Указ. соч. — С. 161–162; *Поляков В. Е.* Улицами Симферополя. — Симферополь, 2005. — С. 244).

³⁵ *Крестьянников В. В.* Органы контрразведки белой армии в Крыму // Историческое наследие Крыма. — 2007. — № 20. — С. 152.

³⁶ *Бунегин М. Ф.* Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — [Симферополь], 1927. — С. 301.

³⁷ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 383.

³⁸ Там же. — С. 383, 382.

³⁹ Крымский Вестник. — 1920. — 15(28) августа.

⁴⁰ *Зарубин В. Г.* Об аресте О. Э. Мандельштама в Крыму в 1920 г. // Евреи Крыма. Очерки истории. — М.-Иерусалим, 1997. — С. 86–89; *Зарубин В. Г.* Арест поэта О. Э. Мандельштама в Феодосии (1920) // Историческое наследие Крыма. — 2007. — № 19. — С. 147–150.

⁴¹ Крымский Вестник. — 1920. — 25 июля (7 августа).

⁴² Там же. — 15(28) августа; 18(31) августа.

⁴³ В 1920-е годы широко практиковавшиеся большевиками.

⁴⁴ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 141.

⁴⁵ Крымский Вестник. — 1920. — 12(25) июля; 18(29) июля.

⁴⁶ Там же. — 23 августа (5 сентября); 19 сентября (2 октября).

⁴⁷ Там же. — 25 апреля (8 мая).

⁴⁸ **Дю Шайля Александр Максимович (Арман Александр де Бланке) (?)**. Из дворян Могилёвской губернии. Окончил Петербургскую духовную академию, автор нескольких трудов на французском языке по истории русской культуры и религии. В 1917 году сдал офицерский экзамен. Участник Первой мировой войны. Прапорщик, помощник старшего адъютанта штаба 8-й армии. Участник белого движения. В Донской армии, хорунжий, переводчик в разведывательном отделе штаба. В феврале-марте 1920 года начальник политического отдела штаба Донского корпуса, редактор газеты «Донской Вестник». Сотник. Вышел в отставку в октябре 1920 года поддесаулом. Позднее, в эмиграции, продолжал разоблачать пороки белого движе-

ния. К 1922 году стал большевистским агентом в Болгарии, делился рядом сведений с сотрудником советской армейской разведки в Париже Борисом Ивановым (*Волков С. В.* Биографические справки. — С. 775–776; *Кочич В. Я.* Пани резидент. Мария Скоковская — революционерка и разведчица // Независимое военное обозрение [«Независимой газеты»] (Москва). — 2007. — 28 декабря. — № 46; и др.).

⁴⁹ Крымский Вестник. — 1920. — 13(26) августа.

⁵⁰ **Сидорин Владимир Ильич** (1882–1943). Из дворян Области Войска Донского, казак станицы Есауловской, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), Императорскую Николаевскую академию Генштаба (1910), Офицерскую воздухоплавательную школу (1910). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Полковник (1917), Георгиевский кавалер, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. В ноябре 1917 года участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве, затем отбыл на Дон. Участник боёв под Ростовом. Начальник полевого штаба Донского атамана генерала А. М. Каледина. В декабре 1917 — январе 1918 года — начальник штаба Северного фронта донских войск, в январе 1918-го — начальник штаба Походного атамана. Участник Степного похода. Начальник штаба Донской армии (апрель–май 1918). В мае уволен в отставку с производством в генерал-майоры. С февраля 1919 года — командующий Донской армией, затем командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант. Отправлен в отставку. В эмиграции в Болгарии, затем в Чехословакии, где служил чертежником в Генштабе чехословацкой армии. Во время Второй мировой войны выехал в Германию. Умер в Берлине, похоронен на русском кладбище Тагель (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 223–224; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 519–520).

⁵¹ **Кельчевский (Келчевский) Анатолий Киприанович** (1869–1923). Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус (1889), 2-е военное Константиновское училище (1891), Николаевскую академию Генштаба (1900). Профессор академии Генштаба. Участник Первой мировой войны. Генерал-лейтенант, командующий 9-й армией Румынского фронта. В 1918 году служил в армии гетмана Украинской Державы П. П. Скоропадского. С ноября 1918-го — в Донской армии, начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта, с февраля 1919 года — начальник штаба Донской армии, затем военно-морской министр Южнорусского правительства. Отправлен в отставку и выслан из Крыма. В эмиграции с мая 1920 года в Германии. Сотрудник редакции журнала «Война и Мир» сменовеховской ориентации. Умер от разрыва сердца в Берлине (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 113; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 243).

⁵² Текст соглашения см.: *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 234–236.

⁵³ *Зимина В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. — М., 2006. — С. 216.

⁵⁴ Почему-то распространено мнение, что белые, в отличие от красных, в Гражданской братоубийственной войне до Врангеля воздерживались от вручения боевых наград. В армиях А. И. Деникина их действительно не было: здесь заслуги в сражениях отмечались присвоением очередного чина. Но в войсках А. В. Колчака награда была. Мало того, Врангель издал 16 сентября приказ, согласно которому знаки колчаковского ордена Св. Великомученика Победоносца Георгия в армии носить запрещалось (почему?), а Георгиевского креста, напротив, — поощрялось (Крымский Вестник. — 1920. — 22 сентября (5 октября)).

⁵⁵ **Витковский Владимир Константинович** (1885–1978). Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905). Участник Первой мировой войны. Полковник лейб-гвардии Кексгольмского полка, командир 199-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В начале 1918 года явился в Яссы (Румыния) в отряд полковника М. Г. Дроздовского и участвовал в походе от Ясс до Новочеркасска. В Добровольческой армии. Летом 1918 года — командир Солдатского батальона, затем Самурского полка, 2-го офицерского Дроздовского полка, командир бригады 3-й дивизии. Генерал-майор (1918). С февраля 1919-го — начальник 3-й (затем Дроздовской) дивизии. В Русской армии П. Н. Врангеля произведён в генерал-лейтенанты за успешный десант Дроздовской дивизии у Хорл на Азовском море (2(15) апреля) и последующие бои в Северной Таврии. 4(17) августа назначен на место Я. А. Слащева командиром 2-го армейского корпуса, затем командующий 2-й армией. После эвакуации Русской армии — заместитель А. П. Кутепова в Галлиполи и начальник дивизии, в которую был свёрнут Добровольческий корпус. С переездом в 1921 году в Болгарию — командующий войсками 1-го армейского корпуса и председатель Общества галлиполийцев. Жил во Франции, после Второй мировой войны переехал в США. Автор воспоминаний «В борьбе за Россию» (1963). Умер в Пало-Альто (Сан-Франциско) (*Рутыч Н. Указ. соч.* — С. 66; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 78).

⁵⁶ **Скоблун Николай Владимирович** (1894–1938). Родился в семье коллежского асессора. Участник Первой мировой войны. Прапорщик (1914), штабс-капитан 1-го Ударного отряда, затем Корниловского ударного полка (1917). В Добровольческой армии с ноября 1917 года. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Капитан. С ноября 1918-го — командир Корниловского полка, полковник. В Русской армии П. Н. Врангеля начальник Корниловской дивизии до эвакуации из Крыма, генерал-майор. В Галлиполи — командир Корниловского полка, сформированного из остатков дивизии, с которым переехал в Болгарию. В 1923 году отстранён от командования полком П. Н. Врангелем. В 1929-м восстановлен во главе объединения Корниловского ударного полка А. П. Кутеповым в Париже. Завербован советской разведкой (1930), участвовал в похищении председателя РОВС Е. К. Миллера в 1937 году. Был разоблачён и бежал в Испанию (*Рутыч Н. Указ. соч.* — С. 225; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 523–524).

⁵⁷ *Крымский Вестник.* — 1920. — 22 июля (4 августа). Из них С. Дмитриев погиб в боях с красными, Н. В. Натус был тяжело ранен в июне в Северной Таврии и скончался в Севастополе, М. В. Мезерницкий вместе с Я. А. Слаповым в 1921 году вернулся в СССР (*Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 163, 335, 354).

⁵⁸ **Чебышев Николай Николаевич** (1865–1937). Родился в Варшаве. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1890 года служил по ведомству Министерства юстиции. Затем занимал разного рода прокурорские должности. После Февральской революции — сенатор уголовно-кассационного департамента Сената. После событий октября 1917 года — член Правого центра. В сентябре 1918-го уехал из Петрограда через Украину в Екатеринодар. В 1919 году возглавлял управление внутренних дел ВСЮР, входил в состав Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. Из-за разногласий с А. И. Деникиным осенью 1919 года покинул свой пост и вступил в монархический Совет государств-

ного объединения России. В 1920 году входил в состав редакции газеты «Великая Россия». Эмигрировал из Крыма с Русской армией. В Константинополе — начальник русского бюро печати главного командования Русской армии до переезда в Болгарию в октябре 1921 года. Издавал еженедельник «Зарница». С 1922 года — член ЦК Русского народно-монархического союза. Занимал должность политического консультанта при военном представителе Врангеля в Берлине, а затем пост начальника гражданской части канцелярии П. Н. Врангеля. Скептически относился к сообщениям о наличии в СССР масштабной монархической организации (чекистская «Операция «Трест»). С 1926 года, после упразднения канцелярии, жил в Париже, где работал в редакции газеты «Возрождение», входил в состав правления Союза русских литераторов и журналистов в Париже. Умер в Париже (*Волков С. В.* Биографические справки. — С. 773; и др.).

⁵⁹ **Львов Николай Николаевич** (1867–1944). Родился в Москве. Из дворян Саратовской губернии, князь. Окончил гимназию, учился в Швейцарии. В 1891 году закончил курс юридического факультета Московского университета со степенью кандидата прав. Вернувшись в Балаховский уезд Саратовской губернии, в родовое имение Бобылёвка, был избран уездным предводителем дворянства (1893–1900). В 1898 году избран гласным Саратовского губернского собрания дворянства. Председатель Саратовской губернской земской управы (1899–1903). Редактор «Саратовской Земской Недели», председатель советов Саратовского общества естествоиспытателей и Саратовского общества сельского хозяйства, правлений Галкинского учебно-исправительного приюта и Саратовского общества садоводства, член Саратовской учёной архивной комиссии и председатель её правления в 1901–1902 годах. Один из основателей «Союза освобождения». В составе депутатии 6 июня 1905 года на аудиенции у Николая II выступил с предложениями расширения политических свобод и улучшения земского самоуправления. Сторонник недопустимости насильственных действий и мирного пути решения земельного вопроса. Член ЦК партии конституционных демократов (кадетов). Депутат I, III и IV Государственных дум. Вступил в думский «Прогрессивный блок». Товарищ (заместитель) председателя IV Думы. После Февральской революции вошёл в руководство Союза помещиков. После октябрьских событий 1917 года подвергся репрессиям. В 1918 году вместе с ведущими юристами Саратовского самоуправления был арестован и томился в заключении на барже, стоявшей посредине Волги. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в армейском лазарете. С 1918 года — издатель газеты «Великая Россия». В начале 1920-го эвакуирован из Новороссийска. Жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Вернулся в Крым, который покинул с Русской армией П. Н. Врангеля. В эмиграции во Франции. Член Русского Совета (1921), с марта 1922 года — член ЦК Русского народно-монархического союза. Умер в Ницце (*Семёнов В., Семёнов Н.* Саратов дворянский // *Волга* (Саратов). — 1998. — № 11–12. — С. 8–9; *Волков С. В.* Биографические справки. — С. 739).

⁶⁰ **Байков Александр Львович** (1874–1943). Окончил Императорское училище правоведения. Магистр (1905), доктор международного права (1913). С 1911-го экстраординарный, с 1913 года — ординарный профессор кафедры энциклопедии и философии права Московского университета. С ноября 1918 по февраль 1921 года — ординарный профессор кафедры международного права Таврического (Крымского) университета. С октября 1921 года — заведующий архивом Красной Армии и Фло-

та. На основе решения Государственного политического управления от 23 августа 1922 года выслан за границу. Умер в Париже (Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / Ред. колл: Н. В. Багров, В. Н. Бержанский, В. В. Лавров. — К., 2007. — С. 19).

⁶¹ *Громов С. Е.* К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Учёные записки Симферопольского государственного университета (Симферополь). — 1998. — № 6(45). — С. 61–62.

⁶² *Савич Н.* Указ. соч. — С. 80.

⁶³ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 384–385.

⁶⁴ *Валентинов А. А.* Крымская эпопея // Деникин, Юденич, Врангель: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — С. 347.

⁶⁵ *Раковский Г.* Указ. соч. — С. 440.

⁶⁶ *Накатов И.* Отмена цензуры // Крымский Вестник. — 1920. — 27 марта (9 апреля).

⁶⁷ *Раковский Г.* Указ. соч. — С. 441.

⁶⁸ **Вернадский Георгий Владимирович** (1887–1973). Родился в Санкт-Петербурге в семье учёного-энциклопедиста В. И. Вернадского. По окончании гимназии в 1905 году поступил на отделение истории историко-филологического факультета Московского университета. Однако в связи с началом революционных событий занятия в университете прекратились, и Г. В. Вернадский уехал в Германию. В 1906 году слушал лекции в Берлинском и Фрейбургском университетах. Осенью 1906 года вернулся в Москву и продолжил занятия в Московском университете, который закончил с отличием в 1910 году. В университете вступил в студенческую фракцию партии конституционных демократов, однако в политике не участвовал. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1914), где в 1917 году защитил магистерскую диссертацию «Русское масонство в царствование Екатерины II», выполненную под руководством профессора С. Ф. Платонова. Преподавал русскую историю в Пермском университете, а с осени 1918 года — в Таврическом университете. Профессор, председатель Общества философских, исторических и социальных знаний при Таврическом университете, товарищ (заместитель) председателя Симферопольского религиозно-философского общества, член Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК) и заведующий её архивом, научный сотрудник Таврического Центрального архива. Сотрудничал в газете «Таврический Голос». Эмигрировал в Константинополь, затем в Афины, где работал в библиотеке Греческой археологической ассоциации. В 1921 году от русской общины Афин делегирован на Карловицкий собор, работой которого остался недоволен. В 1922 году переехал в Чехословакию, профессор русского права Русского юридического факультета Карлова университета в Праге. Участник евразийского движения. В 1927 году выехал в США, профессор Йельского университета вплоть до выхода на пенсию в 1956 году. Читал лекции в Гарвардском, Колумбийском, Чикагском университетах, участвовал в международных научных конференциях в США и Европе. Автор многих научных трудов, воспоминаний. До конца своих дней прожил в Нью-Хейвене (*Николаев Б. А.* Жизнь и труды Г. В. Вернадского // Вернадский Г. В. Древняя Русь. — Тверь-М., 1996. — С. 5–16; *Филимонов С. Б.* Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда. — Симферополь, 2006. — С. 98–101; и др.).

⁶⁹ *Вернадский Г.* Крым: Воспоминания // Крымский архив (Симферополь). — 1994. — № 1. — С. 39.

⁷⁰ **Экс Эдуард Владимирович** (1851–1937). Из дворян Санкт-Петербургской губернии, сын тайного советника. В 1868 году вступил на службу в лейб-гвардии Семёновский полк. Гвардейский прапорщик (1869). Получил домашнее образование и окончил Николаевскую академию Генштаба (1878). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов, русско-японской и Первой мировой войн. Генерал от инфантерии. Георгиевский кавалер. В 1917 году командир 23-го армейского корпуса. В Добровольческой армии с 1918 года, в «резерве чинов» при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В июле — председатель военно-полевого суда над генерал-лейтенантом Н. А. Марксом. Председатель высшей комиссии правительственного надзора до эвакуации Русской армии П. Н. Врангеля из Крыма. Галлиполиец. В эмиграции жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославия). Начальник 4-го отдела РОВС, председатель Совета объединённых офицерских организаций. Умер в Белграде (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 285–286; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 649).

⁷¹ Крымский Вестник. — 1920. — 29 сентября (12 октября).

⁷² *Маслов Д.* Печать при Врангеле // Антапта и Врангель: Сб. статей. — С. 184.

⁷³ **Базаров (Руднев) Владимир Александрович** (1874–1939). Социал-демократ с 1896 года, большевик с 1903 года. Литератор, философ, экономист. С 1908 года — участник группы «отзовистов». За пропаганду эмпириокритицизма (философское направление того времени) подвергался резкой критике В. И. Лениным. После Февральской революции — социал-демократ-интернационалист, один из редакторов газеты М. Горького «Новая Жизнь» (1917–1918). С 1921 года работал в Госплане. Один из создателей первого пятилетнего плана. Переводчик художественной и философской литературы. В 1931 году проходил по процессу «Союзного бюро меньшевиков», подвергался репрессиям (*Ленин В. И.* Указатель имён // Полн. собр. соч. — М., 1974. — Т. 34. — С. 530; и др.).

⁷⁴ Б. И. Ивинский прошёл путь от дореволюционных московских «Вечерних Новостей», через должность редактора одесской красноармейской газеты, до профашистского «Парижского Вестника» времён Второй мировой войны (*Дон-Аминадо* (Шполинский Аминад Петрович). Поезд на третьем пути. — М., 1991. — С. 165–166).

⁷⁵ **Чоглаков Николай Павлович** (1856–1920). Из дворян Курской губернии. Окончил физико-математический факультет Харьковского университета. В 1882 году поступил на службу в Курское губернское правление канцелярским служащим 1-го разряда. Распоряжением Курского губернатора был назначен помощником начальника Газетного стола с исполнением обязанностей корректора. Свыше тридцати лет редактировал «Таврические Губернские Ведомости» и был смотрителем губернской типографии. Имел ряд знаков отличия, произведён в губернские секретари. При власти большевиков работал корректором в полиграфическом отделе типографии. После падения режима П. Н. Врангеля арестован 22 ноября 1920 года Особой военно-контрольной комиссией при 6-й армии. На допросе 27 ноября показал, что в «Таврических Губернских Ведомостях» «печатались исключительно распоряжения и законы, издаваемые правительством. Никаких полемизирующих статей и других статей, имеющих политический характер, в упомянутой газете не печаталось, за исключением всевозможных опровержений». Сам Чоглаков «являлся лишь исполнителем возложенного на него и лицом направляющим». Старший следователь Голуб посчитал, что Чоглаков «почти полжизни проработал на государственных должностях и является старым закоренелым чиновником, имел

богатую связь как с губернатором, так и с другим реакционным элементом, несомненно (...) является политически неблагонадёжным элементом». И по сему к нему необходимо применить высшую меру наказания, что и было утверждено тройкой в этот же день. Приговор приведён в исполнение. В 1995 году Н. П. Чоглаков был реабилитирован (*Филимонов С. Б.* Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. — Симферополь, 2003. — С. 153–155).

⁷⁶ *Хаменок О. С.* «Таврические губернские ведомости» на завершающем этапе Гражданской войны (1919–1920) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление. — Симферополь, 1995. — С. 105.

⁷⁷ *Маслов Д.* Указ. соч. — С. 202–203.

⁷⁸ См. *Белоглазов Р. Н.* Из истории ялтинской устной газеты «Русский Терем» (1920 г.) // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура: (Материалы республиканской научно-общественной конференции). — С. 40–41.

⁷⁹ *Али Э.* Татарская жизнь // Крымский Вестник. — 1920. — 26 сентября (9 октября).

⁸⁰ *Айвазов А. С.* История национального движения в Крыму // Восточный Свет (Москва). — 2005. — № 4. — С. 31.

⁸¹ *Грамов С. Е.* Указ. соч. — С. 57.

⁸² *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 353.

⁸³ **Левитский Валерий Михайлович** (?–1946). В 1919–1920 годах редактор газеты «Великая Россия». Впоследствии член редколлегии журнала «Зарницы». В эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии). В апреле 1922 года начальник информационного отделения штаба Русской армии (*Волков С. В.* Биографические справки. — С. 737).

⁸⁴ *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Периодические издания Крыма (март 1917 — ноябрь 1920) // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 267–288; *Филимонов С. Б.* К вопросу о составе и содержании периодических изданий Крыма 1917–1920 годов // Там же. — 2002. — № 8. — С. 257–259.

⁸⁵ **Долгоруков Павел Дмитриевич** (1866–1927). Из дворянской семьи, восходящей к Рюриковичам. Князь, один из богатейших людей России. Окончил 1-ю Московскую гимназию и естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (1890). Рузский (Московская губерния) предводитель дворянства (1893–1903), камер-юнкер двора Его Императорского Величества (1896–1898), с 1902-го года статский советник. Один из основателей «Союза Освобождения», председатель его съезда (1904). Руководитель Толстовского общества, Общества мира, председательствовал на мировом конгрессе пацифистов в Стокгольме. Участник земских и земско-городских съездов (1904–1905). Один из основателей партии конституционных демократов, председатель её ЦК (1905–1907), товарищ (заместитель) председателя ЦК. Депутат и председатель кадетской фракции II Государственной думы. После Февральской революции высказывался за провозглашение царём великого князя Михаила Александровича. На 8-м съезде партии (май 1917 года) вновь избран членом ЦК. Член Учредительного собрания от Московской губернии. Участник борьбы с большевиками за власть в Москве. Арестован в Петрограде и отправлен в Петропавловскую крепость. Освобождён 19 февраля 1918 года, переехал в Москву. Находился на нелегальном положении, активный сторонник «белой» идеи. Член, затем товарищ председателя Националь-

ного центра. С осени находился на юге, работал в ОСВАГе. С 1920 года — в эмиграции (Константинополь, Белград, Париж, Варшава). Желая лично убедиться, могут ли эмигранты рассчитывать на поддержку на Родине, в 1924 году перешёл советско-польскую границу, был задержан, но не опознан и отправлен обратно. В 1926-м проник в СССР через румынскую границу. Пробыл в стране 40 дней, был арестован, 11 месяцев просидел в Харьковской тюрьме, расстрелян «в ответ» на убийство П. Л. Войкова в Варшаве. В 1964 году в Мадриде издана его книга «Великая разруха» (*Голостенов М. Е., Федоренко А. П.* Долгоруков Павел Дмитриевич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. — М., 1993. — С. 102–103).

⁸⁶ Кадеты в Крыму // Последние Новости (Париж). — 1920. — 8 июля. Благодарим Р. Н. Белоглазова за предоставленный материал.

⁸⁷ Цит. по: *Врангель П. Н.* Указ. соч. — С. 156.

⁸⁸ Там же. — С. 27. «Татары, не желая подвергать свою жизнь опасности и надеясь мирно ужиться с красными, заявляли, что они остаются нейтральными. При попытке произвести насильственную мобилизацию они предпочитали уходить в горы к зелёным в надежде отсидеться до момента решения спора между борющимися армиями» (*Савич Н.* Указ. соч. — С. 81).

⁸⁹ Мусульманский съезд // Последние Новости. — 1920. — 8 июля. Опубликовано: *Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). — Симферополь, 1996. — Вып. 3. — С. 73.

⁹⁰ *Айвазов А. С.* Указ. соч. — С. 35.

⁹¹ *Григорьев (Генкер).* Татарский вопрос в Крыму // Антанта и Врангель: Сб. статей. — С. 234. По Григорьеву, на съезд прибыло 42 делегата.

⁹² *Исхаков С. М.* Мусульманская политика П. Н. Врангеля // Крым. Врангель. 1920 год / Сост. С. М. Исхаков. — М., 2006. — С. 189.

⁹³ Там же. — С. 190–201.

⁹⁴ Крымский Вестник. — 1920. — 5(18) июля.

⁹⁵ «Изыскать пути к парализованию...». Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) (публикация и комментарии А. В. Ефимова и Р. Н. Белоглазова) // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. — М., 2002. — Вып. 4. — С. 156.

⁹⁶ Там же. — С. 144.

⁹⁷ Там же. — С. 144–145.

⁹⁸ Там же. — С. 148.

⁹⁹ *Айвазов А. С.* Указ. соч. — С. 36.

¹⁰⁰ *Слащов-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г.: Материалы и документы. — М., 1990. — С. 197.

¹⁰¹ **Акчокраклы Осман Нури-Асанович** (1878–1938). Родился в Бахчисарае в семье крестьянина, славившегося арабской каллиграфией. Проучился один год в Турции (1895), с целью самообразования посетил Каир (1908). Пребывая в Санкт-Петербурге (1899–1901), преподавал каллиграфию на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, среди его учеников — будущий академик И. Ю. Крачковский. Украсил орнаментом и цитатами из Корана некоторые мечети Петербурга и Бахчисарая, издал перевод басен И. А. Крылова, опубликовал поэму А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» параллельно на русском и крымскотатарском языках.

тарском языках. Также им была переведена на крымскотатарский язык комедия Н. В. Гоголя «Женитьба». В 1901–1905 годах служил в армии. Редактировал журнал «Шура» в Оренбурге (1908–1910). Сотрудник газеты И. Гаспринского «Терджиман» (1906, 1910–1916), одновременно преподавал в Зинджирлы-медресе (Бахчисарай). Член Курултая, однако активно в политике не участвовал. В 1921 году по его инициативе и при непосредственном участии в здании, где печаталась «Терджиман», был открыт дом-музей И. Гаспринского. С 1922 года — сотрудник Крымского университета (педагогического института) в Симферополе. Член Таврического общества истории, археологии и этнографии (1923). Автор ряда научных публикаций, либретто оперы «Чора-Батыр» (композитор А. Рефатов), первой крымскотатарской оперы, пьесы «Бахчисарайский фонтан слёз» (1927). С начала 1930-х годов подвержен резкой критике в печати за «национализм», уволен из Крымского педагогического института (1934). Переехал на жительство к сестре в Баку. Арестован 7 апреля 1937 года. Расстрелян (*Урсу Д.* Акчокраклы Осман Нури-Асанович // Деятели крымскотатарской культуры. (1921–1944 гг.). Биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. — Симферополь, 1999. — С. 27–31).

¹⁰² *Григорьев (Генкер)*. Указ. соч. — С. 237; Крымский Вестник. — 1920. — 3(16) сентября; 7(20) октября, 29 октября (11 ноября).

¹⁰³ Проект Временного положения о самоуправлении крымских татар в области духовно-религиозной, культурно-просветительной и по заведыванию вакуфами в качестве приложения опубликован.: *Исхаков С. М.* Указ. соч. — С. 203–213.

¹⁰⁴ ГААРК — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 167. — Л. 89.

¹⁰⁵ Там же. — Д. 258. — Л. 2–3.

В названном обращении предполагалось указать на все преступления врангелевского режима, «шюмпользацию населения», его (режима) антинародный характер. Обращение должно было выйти «за подписью Крымревкома, как представляющего все общественные организации (в ревком вошли анархо-синдикалисты, анархисты-коммунисты из Южной группы, социал-демократы-интернационалисты. — *Авт.*), Крымпрофсовета, как представляющего мнение всего организованного в профсоюзы пролетариата, и подписью ЦК партий «Миллиферка» (так в тексте. — *Авт.*), как политической организации, выражающая (так в тексте. — *Авт.*) мнение татарской части населения». Оно преследовало цели: агитационную; укрепить позиции Советского правительства на переговорах с Англией; ослабить и без того невысокий моральный авторитет правительства Юга России (ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 153). Выпущено, насколько нам известно, обращение не было.

Секретарь ОК РКП(б) С.Я. Бабахан в том же отчете на Коктебельском съезде, из которого мы взяли приведённую цитату, подчёркивал: «Время отдельных террористических актов миновало, почва подготовлена: нужно мобилизовать всех партийцев и комсомольцев перейти в лес, объединить вокруг себя дезертиров и недовольных тяжёлыми повинностями крестьян — создать повстанческую армию. ЦК татарской партии «Милифирка» (так в тексте. — *Авт.*) обещает деятельную поддержку. Их сторонники в деревнях готовы доставлять нам продовольствие и лошадей» (Там же. — Л. 98).

¹⁰⁶ Эта подпольная конференция (съезд) крымских организаций коммунистов проходила 5–7-го мая (н. ст.). В ней участвовали 14 делегатов от шести городов. В литературе утвердилось мнение, что конференция проводилась на даче писателя В. В. Вересаева, однако В. П. Купченко не без оснований считает местом её проведе-

ния дачу феодосийского аптекаря И. Л. Шика в Коктебеле (*Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — СПб.-Симферополь, 2007. — С. 98). Когда дело дошло до выборов членов обкома, на участников конференции неожиданно напал отряд белых контрразведчиков. Завязалась перестрелка, во время которой был убит секретарь Севастопольского горкома компартии И. Серов, ранена делегат Е. Н. Григорович. Большинство делегатов, включая раненую, сумело спастись. Делегат от Феодосии Илья Хмельницкий (Хмилько) скрылся в доме поэта М. А. Волошина, однако позже был схвачен и принял яд в тюремной камере (Там же. — С. 98–99). В своей записке он сумел сообщить, что место проведения конференции выдал контрразведке провокатор А. Ахтырский (Яков Мартыянов). По его же доносу схвачена группа подпольщиков, которых военно-полевой суд в Симферополе 6 мая 1920 года приговорил к смертной казни.

¹⁰⁷ *Айвазов А. С.* Указ. соч. — С. 32.

¹⁰⁸ **Чобан-заде Бекир Ваган-оглу (Бекир Сидки)** (1893–1937). Родился в Карасубазаре в семье пастуха. Начальное образование получил в новометодной прогимназии-рушдие. В 1909–1914 годах учился в Константинополе (лицей «Султани»). В 1913 году в сборнике «Яш татар яззылары» («Молодые татарские писатели») публикует поэму «Анань кайда» («Где твоя мать»). Летом 1914 года возвращается в Крым, но вскоре уезжает в Одессу. Осенью 1914 года нелегально выезжает в Турцию, посещает Константинопольский университет на правах вольного слушателя, знакомится с венгерским профессором Д. Масарошем. В январе 1916 года отъезжает в Венгрию. Окончил Будапештский университет (1919). Доктор философии. Поэт. Преподаватель турецкого языка в Восточной академии. В 1920 году в Швейцарии встречался с Дж. Сейдаметом. Летом 1920-го вернулся в Крым. Профессор Крымского (с 1922-го) и Азербайджанского (с 1924-го) университетов, с 1932 года — действительный член Азербайджанского отделения Закавказского филиала АН СССР, с 1935-го — Азербайджанского филиала АН СССР. Участвовал в создании тюркского алфавита на базе латиницы. Автор многих трудов, языковедческих, литературоведческих («Новейший этап крымскотатарской литературы»), стихотворного сборника «Боран» («Буран») (1928). Член КрымЦИК (1921–1925). В справке ГПУ характеристика Чобан-заде заметно отличается от иных: «...Молодой человек... с глубоким и широким европейским образованием, крупным политическим темпераментом, властный и неустрашимый, способный публицист и поэт; пользуется среди татар неограниченным влиянием» (О происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму. [1922–1923] // «Изыскать пути к парализованию...»). Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923). — С. 158). На допросах в НКВД (1937) показал, что с 1920 по 1924 год был членом Милли-фирка и её секретарём. С 1929 года (после процесса В. Ибраимова и др., ареста многих «миллифирковцев») начинается травля Чобан-заде в печати. Из покаянного письма, опубликованного в газете «Бакинский рабочий» за 13 сентября 1929 года: до 1924 года находился под влиянием буржуазного национализма, однако «на первом тюркологическом съезде в начале 1926 г. в Баку я окончательно перешёл на сторону культурной революции на Востоке и порвал всякие связи с буржуазией и её приказчиками. С лета 1926 года начал ожесточённую борьбу с миллифирковцами... С тех пор мною написан ряд статей и поэм, недвусмысленно направленных против националистов и буржуазных интеллиген-

тов. В настоящее время работаю над статьёй «Курултайщина и национализм в крымскотатарской литературе», где указываю и на свои ошибки (подверглась разному в прессе. — *Авт.*)» (Цит. по: *Урсу Д.* Охота на человека // Голос Крыма (Симферополь). — 2003. — 14 марта). Тем временем арестованные дают в показаниях немало компрометирующего материала на Чобан-заде. Так, О. Дерен-Айерлы раскрывает мировоззренческие установки профессора. Из трёх основ — «особый исторический путь Востока и Крыма как его составной части, патриотизма и героизма» — следует: «У татарского народа нет классов, классовая борьба есть выражение заката западной культуры, она появляется (у нас) вследствие искусственного разжигания, а Крым является частью Востока. (...) Все народы в своей истории совершают круговорот движения из своего развития к расцвету, с расцвета к закату и опять начинают с весны (античность, Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер. — *Авт.*). (...) Татарский (т. е. тюркский. — *Авт.*) народ является героическим народом, он в прошлом создавал великие государства и владел высокой культурой». Чобан-заде восхищался Чингизом, Тамерланом и Атиллой. Для того, чтобы ускорить процесс возрождения тюрков, продолжает Дерен-Айерлы, нужно выработать у них, по мнению Чобан-заде, превосходящее иные народы качество, называемое *джигитизмом* — тюркским героизмом. «Он предлагает ко всем вопросам подходить по-джигитски, не по-мещански, что надо иметь джигитскую способность и умелость при подходе ко всяким вопросам... Чобан-заде и другие националисты эту идею широко агитировали как в печати, так и в устных докладах...» (Цит. по: Там же). Таким образом, Чобан-заде ушёл от одной контаминации — европейского социализма с российским народничеством, свойственной части мусисполкомовцев и курултаевцев 1917–1918 годов, к другой, не менее наивной, но мрачноватой, — прокламации особого пути Востока вкупе с евроазиатскими концепциями циклизма цивилизаций. К середине 1930-х годов кампания против Чобан-заде утихла, поскольку НКВД к нему претензий не имел. Роковую роль сыграло покровительство Р. А. Ахундова, одного из старейших азербайджанских коммунистов (политического антипода первого секретаря ЦК компартии Азербайджана М. Дж. А. Багирова), попавшего в опалу и репрессированного. В январе 1937 года Чобан-заде был арестован. На допросах с пристрастием показал, что руководил контрреволюционной организацией, в которую входило пять групп, и назвал 332 фамилии. Расстрелян в Баку 13 октября 1937 года. Военная коллегия Верховного Суда СССР 6 июня 1957 года приговор в отношении Чобан-заде отменила и дело за отсутствием состава преступления прекратила дело (*Урсу Д.* Охота на человека; «Птицы смерти в зените стоят» // Голос Крыма. — 2003. — 14, 21 марта; 18, 25 июля; *Урсу Д. П.* Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха. — Симферополь, 2004).

¹⁰⁹ **Недим Мамут Муратович** (1893–1938). Родился в Карасубазаре. После окончания школы на средства благотворительного общества отправлен в Турцию для продолжения обучения. Окончил учительскую семинарию в Бурсе. Затем учился в Германии, где закончил Высшую экономическую школу в Берлине. Вернулся в Крым через Константинополь. В ноябре 1920 года принят в ряды РКП(б), назначен редактором газеты «Енби Дунья» («Новый Мир»), оставаясь в этой должности до февраля 1928 года. Также редактировал журналы «Енби Чолпан» («Новая Венера»), «Илери» («Вперёд»). С марта 1928 до октября 1929 года — нарком просвещения Крымской АССР. Театральный критик. Подвергался травле за «открытую защиту Чобан-заде», обвинялся в помощи националистам. В октябре 1929 года

получил строгий выговор, было решено послать его на низовую работу. С февраля 1930 года — научный сотрудник Научно-исследовательского института национального строительства в Москве. Арестован 26 мая 1937 года в Симферополе. Расстрелян 17 апреля 1938 года. Реабилитирован 14 июня 1958 года (Урсу Д. Недим Мамут Муратович // Деятели крымскотатарской культуры. (1921–1944 гг.). Биобиблиографический словарь. — С. 141–144).

¹¹⁰ Айвазов А. С. Указ. соч. — С. 31–34.

¹¹¹ Там же. — С. 34. Не будем забывать, что об условиях, в которых был написан очерк А. С. Айвазова.

¹¹² Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й (Краткий исторический очерк). — Симферополь, 1992. — С. 73.

Дерен-Айерлы Осман Абдул-Гани (Ибрагим) (1888–?). Родился в Симферопольском уезде в крестьянской семье. Окончил курс начальной школы. С 1903 по 1912 год находился в Турции, где работал на фабриках, а также печатником-наборщиком в типографиях. 1 ноября 1918 года Симферопольской организацией КП(б) Украины принят в члены партии. Находился на подпольной работе. В период Крымской ССР избран в состав мусульманского бюро при Крымском областном комитете РКП(б) и назначен редактором газеты «Догру ъл» («Прямой Путь»). Выступал с лекциями на политкурсах для крымскотатарской молодёжи, оказывал помощь редакции молодёжной газеты «Кырым Хабарлери» («Крымские Известия»). После падения Крымской ССР эвакуировался в Одессу, где входил в бюро турецкой секции при Иностранной коллегии Коминтерна. Направлен на подпольную работу в Крым уполномоченным Крымского подпольного обкома КП(б)У. Член подпольного Военно-революционного комитета. Был арестован, но освобождён подпольщиками Симферополя. Вёл агитацию среди крымских татар, вовлекая их в повстанческое движение. 14 ноября (н. ст.) 1920 года отряды 5-го татарского полка совместно с частями 52-й стрелковой дивизии вошли в Алушту. Член Крымского обкома РКП(б), организатор мусульманской секции при нём, ответственный за выпуск газеты «Красный Крым» на крымскотатарском языке (до 17 октября 1921 года). С октября 1921 до июля 1924 года работал в Совете народного хозяйства Крымской АССР, коллегиях политпросвета и Верховного трибунала КАССР, секретарём постоянной комиссии при КрымЦИК по татаризации советского аппарата и применению татарского языка в учреждениях республики, председателем исполкома Ялтинского городского совета. Член КрымЦИК и президиума Крымского обкома РКП(б). Председатель Совета народных комиссаров КАСССР (1924–1926). Отозван в Москву, слушатель курсов при Институте красной профессуры. За участие в «антипартийной группировке» бывшего председателя СНК КАССР М. К. Султан-Галиева в 1929 году, несмотря на раскаяние, исключён из ВКП(б). Привлечён к уголовной ответственности и репрессирован. Впоследствии реабилитирован и восстановлен в рядах КПСС (ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 462. — Л. 261; Д. 13. — Л. 28; Д. 770. — Л. 119–130; Там же. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 54. — Л. 88; Красная звезда (Москва). — 1990. — 1 июня; О так называемой «Султан-Галиевской контрреволюционной организации» // Известия ЦК КПСС (Москва). — 1990. — № 10. — С. 75–88; Брошеван В. М., Форманчук А. А. Указ. соч. — С. 71–80).

¹¹³ Исхаков С. М. Указ. соч. — С. 202.

¹¹⁴ Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. II. — С. 220.

¹¹⁵ **Востоков Владимир Игнатьевич** (1868–1957). Родился семье сельского священника, около 40 лет прослужившего в Троицкой церкви села Голочелова

Московской губернии. В 1888 году окончил Московскую духовную семинарию, затем Московскую духовную академию и в 1891-м был рукоположен в сан иерея. Первоначально служил в сёлах Московской епархии, затем был переведён в Москву, где служил в храме Великомученика Георгия (1903), настоятелем церкви Института благородных девиц (1906), церкви в честь мученика Никиты. Прославился в качестве выдающегося проповедника, борца за народную трезвость, обличителя социализма. Член Московского религиозно-философского общества, клуба московских монархистов — Русского Монархического Собрания. В 1912 году приглашён преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Фёдоровной лектором при её общине милосердия. Редактор-издатель духовно-литературного ежемесячника «Отклики На Жизнь», общественно-литературной газеты «Рассвет» («Славянофил») и журнала «Живая Беседа». За публикации против Г. Е. Распутина выслан из Москвы в Коломну, где определён священником в Успенскую церковь Брусенского монастыря. Служил в тюремной церкви города Клина (1915), затем перевёлся в Уфимскую епархию. Приветствовал Февральскую революцию и отслужил по случаю свержения самодержавия молебен, облачившись в пасхальные красные ризы. Делегат Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918) от Уфимской епархии, где выступал с позиций защитника монархии. Первоначально поддержал власть большевиков, но быстро в них разочаровался и уехал на юг России. Его 21-летняя дочь Нина «за связь с белыми» была расстреляна большевиками. В апреле 1919 года в Екатеринодаре организовал и возглавил Братство Животворящего Креста. За активную пропаганду монархизма Кубанская Рада постановила выслать его за пределы края, но заступничество генерал-лейтенанта А. С. Лукомского спасло от высылки. Перебравшись в Новочеркасск, служил в Александровской городской церкви, проповедовал, издал в сентябре 1919-го два номера газеты «Вечевой Благовест». Весной 1920 года был приглашён епископом Вениамином (И. А. Федченковым) в духовники и проповедники армии П. Н. Врангеля. С ней эмигрировал в Галиполи, а оттуда в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославию). Член Высшего Зарубежного Церковного Управления. В 1944 году, при приближении советских войск, опасаясь ареста, покинул Югославию, перебравшись в Австрию, а оттуда в зону, контролируемую американскими войсками. Став настоятелем церкви в различных лагерях русских беженцев в Австрии и Германии, в 1945 году вёл службу в лагерном храме под Мюнхеном. Митрофорный протоиерей (1950). В 1951-м переехал в США. Настоятель церкви Св. Тихона Задонского в Сан-Франциско (1951–1957). Протопресвитер (1954). Вышел на покой в 1955 году. Умер в Сан-Франциско, похоронен здесь на Сербском кладбище. Автор воспоминаний (*Корнилов А. А. Духовенство перемещённых лиц: Биографический словарь. — Нижний Новгород, 2002. — С. 38–39; Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). — М., 2006. — С. 269; и др.*).

¹¹⁶ Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 385.

¹¹⁷ Там же. — С. 386.

¹¹⁸ Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. II. — С. 353.

¹¹⁹ Будницкий О. В. Указ. соч. — М., 2006. — С. 274.

¹²⁰ Лантев Ю. Н. Революция и гражданская война (1917–1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. — Симферополь, 2000. — С. 84–85.

¹²¹ Мальгин А. В., Кравцова Л. П. Культура Крыма при Врангеле // Крым. Врангель. 1920 год. — С. 128.

¹²² Карпенко С. Врангель в Крыму: «левая политика правыми руками». — С. 107.

¹²³ Г. В. Чичерин предложил «пойти на амнистию Врангелю и на приостановку дальнейшего продвижения на Кавказе...» (Ленин В. И. Примечания // Полн. собр. соч. — М., 1975. — Т. 51. — С. 424). Ленин пишет наркомвоенмору Л. Д. Троцкому: «По-моему, Чичерин прав: тотчас ответить согласием на 1) приостановку военных действий (а) в Крыму и (б) на Кавказе (точно обдумав каждое слово) и 2) на переговоры об условиях очищения Крыма на *принципе* (не более) общей амнистии белых и 3) участия английского офицера в переговорах с Врангелем» (Ленин В. И. Л. Д. Троцкому // Там же. — 191).

¹²⁴ Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. II. — С. 137.

¹²⁵ Росс Н. Г. Указ. соч. — С. 71.

¹²⁶ Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. II. — С. 330.

¹²⁷ Бунегин М. Ф. Указ. соч. — С. 301.

¹²⁸ Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. II. — С. 142.

¹²⁹ «В те дни, когда жара доходит до 40 град., когда солнце безжалостно палит с раннего утра и до позднего вечера, не иметь воды — это ужас, перед которым меркнет всё пережитое нами ранее» (Крымский Вестник. — 1920. — 14 (27) июля).

¹³⁰ Там же. — 29 сентября (12 октября).

¹³¹ Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 376. А. В. Кривошеин говорил В. В. Шульгину о двух возможных положительных исходах борьбы: «Или большевики после всевозможных эволюций перейдут на обыкновенный государственный строй — тогда, досидевшие в Крыму до тех пор, пока они, если можно так выразиться, не опохмелятся, — можно будет с ними разговаривать». Но это маловероятно. Или «они, вследствие внутренних причин, ослабеют настолько, что можно будет вырвать у них из рук этот несчастный русский народ...». До этого в Крыму «надо устроить человеческое житьё». (...) Крым — «показательная станция. Надо, чтобы слава шла туда, в эти остальные губернии — что вот там, в Крыму, у генерала Врангеля, людям живётся хорошо. С этой точки зрения важны и земельная реформа, и волостное земство, а главное, приличный административный аппарат». (Шульгин В. В. Дни. 1920. — М., 1990. — С. 466).

¹³² Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. II. — С. 161. Хвалебный тон этого приказа резко контрастировал с самыми первыми выступлениями Врангеля в Крыму, где отчётливо звучала жалобная нота. Так, на торжественном смотре войскам 24 марта Врангель с чисто человеческой, не генеральской, горечью обрисовал реальное положение вещей: «...Господу Богу угодно было покарать нас за наши прегрешения, и наше победоносное движение перешло в тяжёлый и крестный путь страданий, невзгод. Теперь исстрадавшиеся, измученные, поредевшие ряды нашили убежище в Таврии. Грудь против груди стоим мы против наших родных братьев, обезумевших и потерявших совесть. За нами бездонное море. Исхода нет...» (Цит. по: Росс Н. Г. Указ. соч. — С. 21).

Понятно, фанфары воодушевляют, но крестный-то путь ещё не закончен.

¹³³ Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. II. — С. 219. «Объяснение это было мало убедительно. Для всех осталось совершенно очевидно, что экспансивный генерал, монархические симпатии которого были хорошо известны, просто необдуманно проговорился», — считает В. А. Оболенский (Указ. соч. — С. 375). Нашу точку зрения по этому поводу мы уже высказали.

¹³⁴ **Абрамов Фёдор Фёдорович** (1870–1963). Из дворян Области Войска Донского, казак станицы Митякинской. Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1891), Николаевскую академию Генштаба (1898). Учился в Александровском военном училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор (1914). С начала 1918 года на Дону, командующий Северной группой партизанских отрядов. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С мая в Донской армии, начальник 1-й Донской конной дивизии, затем инспектор кавалерии Донской армии. Генерал-лейтенант (1918). С мая 1920 года — командир Донского корпуса, с которым эвакуировался из Керчи и прибыл в лагерь Чатаалджа (в районе Константинополя). Награждён орденом Св. Николая Чудотворца. Перевезён с корпусом на остров Лемнос. В эмиграции в Болгарии (1921), выслан в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где был назначен помощником Главнокомандующего Русской армией с оставлением в должности командира Донского корпуса. В 1924-м году вернулся в Болгарию. Начальник 3-го отдела РОВС (1924–1937), помощник председателя (1930), начальник РОВС (1937–1938). Участник формирования казачьих частей во время Второй мировой войны, Комитета освобождения народов России (КОНР) и Русской освободительной армии (РОА). С 1944 года — в Германии, с 1948-го — в США. Погиб в автомобильной катастрофе в Лейквуде (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 18–19; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 4).

¹³⁵ **Ткачёв Вячеслав Матвеевич** (1885–1965). Из дворян Кубанской области, казак станицы Келермесской. Окончил Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1905), Офицерскую воздухоплавательную школу (1912), Севастопольскую авиационную школу (1913). Участник Первой мировой войны. Полковник, генерал-инспектор авиации (исполняющий дела начальника полевого управления авиации) при штабе Верховного Главнокомандующего. Первый Георгиевский кавалер в русской авиации. С апреля 1918 года — в Добровольческой армии. С декабря — командир 1-го Кубанского авиационного отряда, затем 1-го Кубанского казачьего авиационного дивизиона. Генерал-майор (1919). В декабре 1919 года член Кубанского войскового правительства по внутренним делам. В Русской армии начальник авиации. Награждён орденом Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии), служил в инспекции авиации. Председатель суда чести 4-го отдела РОВС, Общества Воздушного флота. Арестован в декабре 1944 года в Нови Саде СМЕРШ 3-го Украинского фронта и вывезен в СССР. До 1955 года находился в лагерях. Автор воспоминаний и ряда статей по проблемам авиации. Умер в Краснодаре (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 238–239; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 558).

¹³⁶ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 266–267.

¹³⁷ Цит. по: *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. — С. 195.

¹³⁸ Беседа с генералом Слащовым-Крымским // *Ялтинский Вечер.* — 1920. — 10(23) сентября.

¹³⁹ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 175–177.

¹⁴⁰ *Карпенко С. В.* Врангель в Крыму: государственность и финансы // Крым. Врангель. 1920 год. — С. 87.

¹⁴¹ Старший дипломатический представитель России за границей М. Н. Гирс отправил президенту Китайской республики протест в связи с отказом в признании русской дипломатической миссии и русским консулам. «Правительство Юга

России, руководимое генералом Врангелем, — подчеркнул при этом Гирс, — является преемником Временного Российского Правительства и правительств адмирала Колчака и генерала Деникина (выделено нами. — *Авт.*)» (Крымский Вестник. — 1920. — 23 сентября (6 октября).

¹⁴² Раковский Г. Указ. соч. — С. 439.

¹⁴³ Накатов И. Общественный анабиоз // Крымский Вестник. — 1920. — 21 апреля (4 мая).

¹⁴⁴ Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 380.

¹⁴⁵ Крымский Вестник. — 1920. — 13(26) октября.

¹⁴⁶ Там же. — 27 июля (3 августа). Аграрные преобразования по типу столыпинских имели в Крыму свой шанс. Так, согласно некоторым подсчётам, после столыпинского указа 9 ноября 1906 года 76% общинников Крыма выразили желание получить земельный участок в единоличную собственность (*Росс Н. Г.* Указ. соч. — С. 142).

¹⁴⁷ См.: Там же. — С. 144–145.

¹⁴⁸ См. их полный текст с последующими дополнениями: *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 435–454.

¹⁴⁹ Цит. по: *Росс Н. Г.* Указ. соч. — С. 168–169.

¹⁵⁰ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 348.

¹⁵¹ *Корновенко С.* Соціально-економічне становище населення Півдня України, Криму в 1920 р. та програма П. Врангеля із реорганізації поземельних відносин на селі // Гуржійські історичні читання. (Збірник наукових праць) / Гол. ред. В. А. Смолій, А. І. Кузьмінський. — Черкаси, 2007. — С. 332.

¹⁵² *Калягин А. В.* Аграрная реформа П. Н. Врангеля. (К вопросу отношения крестьянства) // Крым. Врангель. 1920 год. — С. 105–106.

¹⁵³ *Зимина В. Д.* Указ. соч. — С. 206.

¹⁵⁴ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 454. 20 сентября было создано первое волостное земство — Донузлавское.

¹⁵⁵ *Зарубин В. Г.* «Друге видання» Столипінської аграрної реформи П. М. Врангелем (1920 р.) // Український селянин: Збірник наукових праць / За ред. А. Г. Морозова. — Черкаси, 2006. — Вип. 10. — С. 301.

¹⁵⁶ Крымский Вестник. — 1920. — 24 сентября (7 октября).

¹⁵⁷ Оболенский В. А. Указ. соч. — С. 389.

¹⁵⁸ *Зимина В. Д.* Указ. соч. — С. 207.

¹⁵⁹ *Цветков В.* «Власть советов» в белой Таврии (Крестьянское самоуправление в реализации земельной реформы правительства Юга России 1920 г.) // Посев (Москва). — 1997. — № 2. — С. 52.

¹⁶⁰ *Шафир Я.* Экономическая политика белых // Антанта и Врангель: Сб. статей. — С. 101.

¹⁶¹ *Кружко Л. П.* История возникновения железнодорожной ветки Джанкой — Херсон // Крымский музей. 1994 (Симферополь). — 1995 — № 1 — С. 71.

¹⁶² *Владимирский М. В.* М. В. Бернацкий — министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля // Отечественная история (Москва). — 2007. — № 1. — С. 165–169.

¹⁶³ *Карпенко С. В.* Врангель в Крыму: государственность и финансы. — С. 93–97.

¹⁶⁴ Крымский Вестник. — 1920. — 3(16) октября. Среди участников совещания встречаем известные имена: П. Л. Барк, В. П. Рябушинский, В. И. Гурко, председа-

тель Всероссийского союза торговли и промышленности Н. А. Ростовцев и др. Выступал и Врангель.

¹⁶⁵ *Шафир Я.* Указ. соч. — С. 107–109.

¹⁶⁶ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 305.

¹⁶⁷ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 341–342.

¹⁶⁸ *Карпенко С. В.* Крах последнего белого диктатора. — С. 35. Мирные потребности импорт удовлетворял на 5–10%.

¹⁶⁹ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 306. К поставкам этих столь необходимых в Крыму товаров подключился и бывший глава второго Краевого правительства С. С. Крым, возглавивший торговую палату в Лондоне. В июне 1920 года он привёз сюда для продажи 60 000 ведер вина бывшего удельного ведомства, спасённого им на полуострове от разграбления, с целью закупки за валюту предметов широкого потребления (*Росс Н. Г.* Указ. соч. — С. 202).

¹⁷⁰ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 306–307.

¹⁷¹ *Вольфсон Б.* Конец авантюры барона Врангеля. — [Симферополь]. — 1940 — С. 24.

¹⁷² Примета времени: распространение валютной проституции. В обиход вошли этикетки: «фунтоловки», «принцессы долларов», «лирические дамы» (от турецкой лиры).

В течение мая — октября цены на иностранную валюту выросли в 10–12 раз, а в ноябре их курс поднялся ещё более чем на 2000%. С июля по октябрь 1920 года стоимость английского фунта на бирже поднялась с 28 000 до 105 000 рублей, французского франка — с 500 до 2100 рублей, доллара — с 7500 до 9000 рублей (*Карпенко С. В.* Врангель в Крыму: государственность и финансы. — С. 89).

¹⁷³ *Шафир Я.* Указ. соч. — С. 114.

¹⁷⁴ *Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 396.

¹⁷⁵ *Крымский Вестник.* — 1920. — 9(22) октября.

¹⁷⁶ *Шафир Я.* Указ. соч. — С. 119.

¹⁷⁷ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 109.

¹⁷⁸ *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. — С. 302–303; *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1957. — Ч. II (Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.)). — Симферополь, — 1957. — С. 230; *Росс Н. Г.* Указ. соч. — С. 208–209, 103; *Шафир Я.* Указ. соч. — С. 230–231.

¹⁷⁹ *Шульгин В. В.* Указ. соч. — С. 459.

¹⁸⁰ *Карпенко С. В.* Врангель в Крыму: государственность и финансы. — С. 85.

¹⁸¹ *У-ский К.* Положение интеллигенции в Крыму при Врангеле // Антапта и Врангель: Сб. статей. — С. 215.

¹⁸² См.: *Лавров В. В., Ишин А. В.* Таврический университет в 1918–1921 годах // История Таврического университета (1918–2003) / Под общ. ред. Н. В. Багрова. — К., 2003. — С. 33–39.

¹⁸³ О деятельности В. И. Вернадского в Крыму см.: *Багров Н. В., Ена В. Г., Лавров В. В., Съедин Н. А., Филимонов С. Б.* В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события... — К., 2004. Указом Президента Украины Л. Д. Кучмы имя В. И. Вернадского в 1999 году присвоено Таврическому национальному университету. С 1993 года в Симферополе есть улица Вернадского. В 2003 году часть улицы Ялтинской в Симферополе, где находится Таврический национальный университет, получила название «проспект Академика Вернадского».

¹⁸⁴ Лавров В. В., Бобков В. В. К истории становления высшего образования в Крыму (1918–1920 гг.) // Крымский архив. — 2007 — № 10 — С. 34–43.

¹⁸⁵ Там же. — С. 43–46.

¹⁸⁶ Еремеева А. Н. «Под рокот гражданских бурь...»: (Художественная жизнь Юга России в 1917–1920 годах). — СПб., 1998. — С. 121–233; Мальгин А. В., Кравцова Л. П. Указ. соч. — С. 129–139.

¹⁸⁷ Мальгин А. В., Кравцова Л. П. Указ. соч. — С. 125.

¹⁸⁸ Управление финансов представило доклад о борьбе с профсоюзами, в котором говорилось: «...Вести планомерную борьбу с профсоюзами, поскольку означенные союзы ставят на первый план благополучие своих членов и стремятся принести в жертву этому материальному или узкопартийному благополучию благо государства и родины. Подобная борьба отнюдь не должна носить грубо насильственный характер, как-то: разгон профсоюзов, арест председателя и членов правления... (выделено нами. — Авт.), а должна протекать в плоскости чисто экономической борьбы работодателей и рабочих, причём задача правительства должна состоять в том, чтобы предоставить работодателям возможность накопить достаточное количество материальных средств... которые и дадут возможность работодателям вести с профсоюзами борьбу на экономической почве» (Цит. по: Шафир Я. Указ. соч. — С. 123–124).

¹⁸⁹ Вольфсон Б. Указ. соч. — С. 41–43; Хроника революционных событий в Крыму 1917–1920 гг. / Сост. И. П. Кондранов, В. А. Широков. — Симферополь, 1969. — С. 159.

¹⁹⁰ Крымский Вестник. — 1920. — 7(20) октября.

¹⁹¹ Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. II. — С. 213–214.

¹⁹² Назаров Фёдор Дмитриевич (?–1930). Из казаков станицы Ново-Николаевской Области Войска Донского, сын учителя. Окончил Новочеркасское военное училище (1914). Офицер 2-го Донского запасного казачьего полка. С ноября 1917 года — начальник партизанского отряда Донской армии. Участник боёв у Ростова (1917) и под Синявской (1918), Степного похода. Есаул, начальник собственного отдельного отряда. Член Войскового круга Всевеликого Войска Донского. В 1918–1919 годах — командир 42-го Донского казачьего полка, с конца 1919 года — командир бригады. Участник Бредовского похода. Из Польши прибыл в Крым. В эмиграции в Болгарии, затем на Дальнем Востоке. В 1920-х годах — командир отряда в Монголии, с 6 ноября 1927 года в Китае, затем в СССР во главе партизанского отряда. Покончил жизнь самоубийством в окружении (Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 352–353).

¹⁹³ Улагай Сергей Георгиевич (1875–1947). Родился в семье офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус (1895), Николаевское кавалерийское училище (1897). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, Георгиевский кавалер. Участник выступления генерала Л. Г. Корнилова в августе 1917 года, арестован, бежал на Кубань, где в конце 1917-го организовал казачий партизанский отряд. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанского пластунского батальона. В ходе похода тяжело ранен. С июля 1918 года — начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии. Генерал-майор (1918). Командир 2-й Кубанской дивизии (корпуса), командующий конной группой, Кубанской армией. Генерал-лейтенант (1919). С июля 1920 года — командующий Группой войск особо-

го назначения Русской армии. После неудачи десанта на Кубань отправлен в отставку. В эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии), затем во Франции. Во время Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. Умер в Марселе. В 1949 году его останки перенесены на русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 244–245; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 583).

¹⁹⁴ **Черепов Александр Николаевич** (1877–1964). Из дворян Курской губернии. Окончил Орловский кадетский корпус, Одесское военное училище (1898). Участник Первой мировой войны. Подполковник, командир батальона и Георгиевский кавалер за взятие Ужокского перевала в Карпатах (1915). Полковник (1917). За успешные действия в июльском наступлении 1917 года произведён в генерал-майоры, командир бригады, командующий 4-й пехотной дивизией. С декабря 1917-го в Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир бригады 1-й пехотной дивизии. Затем начальник пехотной дивизии. С начала 1919 года — одновременно Черноморский военный губернатор, начальник десантного отряда под Туапсе. В эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии). С 1931 года возглавлял отдел Союза первопоходников в г. Нови Сад. В 1941 году вместе с сыном и группой добровольцев вступил в Русский охранный корпус, в котором командовал батальоном, а затем полком. После Второй мировой войны проживал в Мюнхене (Германия), с начала 1950-х годов — в Нью-Йорке (США), где и умер (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 261–262; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 612).

¹⁹⁵ **Харламов Виктор Викторович** (1869–1933). Из дворян Ярославской губернии. Окончил Константиновский межевой институт (1887), Тифлисское пехотное юнкерское училище (1890), Офицерскую стрелковую школу (1907). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Награждён Георгиевским оружием, генерал-майор (1915), начальник 12-й Сибирской стрелковой дивизии (1917). В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Председатель Судебно-следственной комиссии, затем начальник запасных частей Добровольческой армии/ВСЮР. В эмиграции в Болгарии, председатель Союза первопоходников. Умер в Софии, где и похоронен (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 254; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 601).

¹⁹⁶ **Бредов Николай Эмильевич** (1873 — после 1945). Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1889), Константиновское военное училище (1891). Николаевскую академию Генштаба (1901). Участник русско-японской войны. Награждён Золотым оружием и произведён в полковники «за боевые отличия». Участник Первой мировой войны. За командование полком в 1914–1915 годах произведён в генерал-майоры и награждён орденом Св. Георгия. Генерал-квартирмейстер штаба армий Северного фронта (1915), генерал-лейтенант и командующий 21-м армейским корпусом (1917). С конца 1918 года — в Добровольческой армии. С июня 1919-го утверждён в должности начальника 7-й пехотной дивизии. В составе Кавказской армии П.Н. Врангеля участвовал во взятии Царицына. В декабре 1919 года возглавлял Киевскую группу войск, затем командовал войсками в Одессе, откуда в начале 1920-го возглавил поход в Польшу («Бредовский поход»). С июля 1920 года — в Крыму. После эвакуации Русской армии П. Н. Врангеля из Крыма переехал из Константинополя в Болгарию. Председатель Союза «Долг Родине», заведующий Русским инвалидным домом на

Шипке. Остался в Болгарии при вступлении в страну советских войск. Арестован СМЕРШем, в 1945 году вывезен в СССР, где погиб в лагерях (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 51–53; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 58).

¹⁹⁷ При этом в сентябре общая численность офицеров в Русской армии достигла почти 50 тысяч, из которых только до 20 тысяч служили в действующей армии и органах армейского тыла, 5–7 тысяч служили в запасных частях и местных органах Военного управления (комендатурах и т. п.). Таким образом, почти половина всего офицерского состава (20–25 тысяч) находилась в аппарате Военного управления (*Карпенко С. В.* Врангель в Крыму: государственность и финансы. — С. 84).

¹⁹⁸ *Зими́на В. Д.* Указ. соч. — С. 223.

¹⁹⁹ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 319.

²⁰⁰ *Акулов М. Р., Петров В. П.* Указ. соч. — С. 54–55.

²⁰¹ *Росс Н. Г.* Указ. соч. — С. 83.

²⁰² Цит по: *Зими́на В. Д.* Указ. соч. — С. 92.

²⁰³ *Ялтинский Вечер.* — 1920. — 15(28) сентября.

²⁰⁴ Цит. по: *Комин В. В.* Нестор Махно: Мифы и реальность. — Калинин, 1990. — С. 59–60; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. — М., 2006. — С. 383. В примечаниях К. А. Абрамяна, В. В. Кондрашина, Н. С. Тарховой к данному изданию цитируется обзор, составленный в декабре 1920 года разведывательным отделом Южного фронта Красной Армии: «...10/7 к Махно в Б. Янисаль прибыла делегация от генерала Врангеля в составе 2 членов, пробравшихся через внешний фронт. В связи с этим Махно сделал общее собрание банд, где были приняты и заслушаны делегаты Врангеля. Последние предлагали Махно действовать с ними заодно, разрушая тыл Красной армии. На это предложение Махно ответил, что он лучше соединиться с Красной армией, чем с Врангелем, т. к. последний — сторонник монархического строя, он же, Махно, борется за революцию и только потому идёт против соввласти, что в Управлении собралось старое офицерство. После этого Махно приказал делегатов Врангеля повесить, что и было исполнено» (Там же. — С. 870–871).

Встречаются мнения о колебаниях Махно и даже его письме Врангелю (*Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 377). Очень сомнительно: собственное войско никогда не простило бы батьке подобных шагов, да и Нестор Иванович был по-своему человеком идеи.

²⁰⁵ Цит. по: *Раковский Г.* Указ. соч. — С. 422. В. А. Оболенский вспоминал о составе воинства этого авантюриста: «Володин нарядился в фантастический костюм, вроде запорожского, и вербовал в свой отряд отчаянных головорезов и уголовных преступников. Один знакомый татарин мне с ужасом рассказывал, что видел в отряде Володина, маршировавшем по улицам Симферополя, человека, который убил и ограбил его родных и отбывал за это наказание в тюрьме» (*Оболенский В. А.* Указ. соч. — С. 377).

²⁰⁶ Цит. по: *Росс Н. Г.* Указ. соч. — С. 105.

²⁰⁷ Там же. — С. 107.

²⁰⁸ На эту тему см.: *Зарубин А. Г.* Украинский вопрос при П. Н. Врангеле (по материалам крымской печати 1920 г.) // «Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы». Научно-практическая конференция. Материалы. Симферо-

поль 24–25 мая 1996 г. — Симферополь, 1996. — С. 40–42; *Зарубин А. Г.* К вопросу о крымско-украинских отношениях периода гражданской войны // Клио. Журнал для учёных (Санкт-Петербург). — 1998. — № 2(5). — С. 217–218.

²⁰⁹ *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. — С. 185.

²¹⁰ Там же. — С. 191–192.

²¹¹ Крымский Вестник. — 1920. — 18(31) августа.

²¹² **Омельянович-Павленко Михаил Владимирович** (1878–1952.). Родился в Тифлисе (Тбилиси) в семье военнослужащего. Окончил Сибирский кадетский корпус в Омске (1898), Павловское военное училище (1900), Императорскую Николаевскую академию Генштаба (1913). Офицер лейб-гвардии Волынского полка. Участник русско-японской войны. В 1912 году изменил фамилию на Омельянович-Павленко (до того был просто Павленко). Капитан (1912). Во время Первой мировой войны командовал лейб-гвардии Гренадёрским полком, был начальником штаба корпуса. Полковник. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1916). В 1918 году в армии гетмана Украинской Державы П. П. Скоропадского; командир 11-й дивизии. Затем в армии Украинской Народной Республики. Командир бригады и 3-й стрелковой дивизии. В декабре 1918 — июле 1919 года командовал Украинской Галицкой армией. Затем командир Запорожского корнуса. В декабре 1919 — декабре 1920 года командовал Армией УНР. Генерал-полковник армии УНР. Эмигрант. С 1924 по 1945 год жил в Чехословакии, возглавлял Союз Украинских ветеранских организаций. Затем в Германии и Франции. Министр военных дел правительства УНР в изгнании (1945–1948). Автор статей по военной тематике, истории, воспоминаний. Умер в Париже (Історія війн і збройних конфліктів в Україні: енциклопедичний довідник / Авт. — упоряд. О.І. Гуржій та ін. — К., 2004. — С. 320–321; и др.).

²¹³ Крымский Вестник. — 1920. — 11(24) сентября.

²¹⁴ **Кирей Василий Фаддеевич** (1879–1942). Родился в Оренбурге. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Константиновское артиллерийское училище (1901), Михайловскую артиллерийскую академию, два класса Николаевской академии Генштаба. Участник Первой мировой войны, командир батареи. Полковник (1916). Награжден Георгиевским оружием за артиллерийскую подготовку во время Брусиловского наступления. Генерал-майор (1917). Награжден орденом Св. Георгия. Инспектор артиллерии 4-го корпуса армии гетмана Украинской Державы П. П. Скоропадского (1918). Затем в Добровольческой армии и ВСЮР. В Русской армии П. Н. Врангеля состоял при начальнике штаба для поручений по делам Украины, затем начальник Военно-технического управления в Севастополе до эвакуации из Крыма. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, затем в Чехословакии. Принят в Чехословацкую армию. С 1 сентября 1938 года в связи с потерей Судет и международным кризисом в отставке. Умер в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 114; *Валков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 245).

Вскоре В. Ф. Кирей сменён генерал-майором К. А. Присовским, в компетенцию которого входили сугубо военные дела. 12 октября 1920 года «Советником по делам Украины при Главнокомандующем» был назначен И. Н. Леонтович (*Росс Н. Г.* Указ. соч. — С. 252).

Присовский Константин Адамович (1878–1966). Родился в Киеве. Окончил Чугуевское военное училище (1901). Полковник, участник Первой мировой войны. Георгиевский кавалер. В марте 1918 года — командир войск УНР С. В. Петлю-

ры, вступивших в Киев, перешёл в армию гетмана Украинской Державы П. П. Скоропадского; комендант Киева и гетманского дворца. Генерал-майор (1918). Во ВСЮР с 1919 года. Начальник Киевского Константиновского военного училища. В эмиграции в Болгарии, Югославии, Франции. Умер в Мужене (Франция) (Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 444).

²¹⁵ Крымский Вестник. — 1920. — 11(24) сентября.

В августе было создано «Внепартийное совещание государственных и общественных деятелей», своего рода теневой кабинет, по нашему мнению. Эта группа, объединившая известных всей России, а равно и местных деятелей, поставила целью периодическое обсуждение злободневных вопросов и выработку, таким образом, рекомендаций правительству. На заседаниях группы временами присутствовали П. Н. Врангель, а также А. В. Кривошеин и другие члены правительства. На одном из таких заседаний были заслушаны представители украинских организаций, после чего принята резолюция, суть которой: б) при освобождении территории южной России и Малороссии «должны быть приняты все меры к объединению в одно государство всех искони русских земель, включая и Прикарпатскую Русь (Галичина, Буковина, Угрская Русь и пр. земли)»; в) в данный момент на Украине нет ни одной действительно влиятельной и авторитетной для большинства организации; г) необходимость культурного самоопределения и права законодательства по местным вопросам; д) равноправие русского и украинского языков; е) администрация должна состоять из лиц, пользующихся доверием населения, знающих местные условия и благожелательно относящихся к особенностям населения (Крымский Вестник. — 1920. — 22 сентября (5 октября)).

²¹⁶ Там же. — 23 сентября (6 октября).

²¹⁷ Там же. — 29 октября (11 ноября); Росс Н. Г. Указ. соч. — С. 252–253.

²¹⁸ Мальгин А. В., Кравцова Л. П. Указ. соч. — С. 128.

²¹⁹ **Маркотун (Моркотун) Сергей Николаевич** (1890–?). Родился в семье доктора медицины. В 1912 году — студент историко-филологического отделения университета Св. Владимира в Киеве. С этого же года жил в Санкт-Петербурге. Адвокат, полицейский чиновник. Помощник присяжного поверенного, затем присяжный поверенный Киевского округа. Мартинист, масон. Во время Февральской революции — комиссар по железным дорогам Украины, впоследствии начальник железнодорожной милиции при управлении Юго-Западных железных дорог. Один из основателей франкофильской организации «Молодая Украина». Участник формирования «Вольного казачества». Личный секретарь гетмана Украинской Державы П. П. Скоропадского, помог ему покинуть Киев. Один из сторонников акта о федерации Украины и России. С 1919 года жил в Париже. Основатель и председатель Украинского Национального Комитета. Член Союза русских адвокатов за границей, откуда исключён после письма председателю Совнаркома УССР Х. Г. Раковскому о признании советской власти на Украине и готовности с ней сотрудничать. В июне 1922 года выступил против иностранного вмешательства в украинские дела, по существу, заключил в мае 1922-го соглашение с Х. Г. Раковским, встал на советскую платформу. По дипломатическому паспорту совершил поездку в Харьков. Основатель Франко-русской группы. По возвращению в Париж установил тесные связи с монархистами. Считался агентом ГПУ (Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. — М., 2001. — С. 523).

²²⁰ Посетив сначала начальника французской военной миссии майора Этьевана, подчеркнувшего желательность объединения всех украинских антибольшевистских сил.

²²¹ Крымский Вестник. — 1920. — 16(29) сентября.

²²² Там же.

²²³ Там же. — 24 сентября (7 октября).

²²⁴ Там же. — 3(16) октября.

²²⁵ Там же. — 3(16) октября; 6(19) октября.

²²⁶ Там же. — 13(26) октября. Этот меморандум, считали лидеры блока, может послужить как основой декларации к украинскому народу, так и основой для переговоров с армией М. В. Омеляновича-Павленко и другими антибольшевистскими силами на Украине. Поэтому решено было отправить на Украину делегацию от блока. Была ли такая делегация отправлена — мы не знаем.

²²⁷ Как раз в эти дни наибольших успехов Русской армии была сделана попытка покушения на Главнокомандующего. Под железнодорожные рельсы, по которым должен был проследовать его поезд, был подложен фугас. По чистой случайности оставшийся безмяннным крестьянин обнаружил электропровод. Организация покушения осталась под вопросом. Был арестован некий Б. В. Стефанович-Стивенсон, которому, однако, удалось бежать из тюрьмы.

²²⁸ **Фрунзе Михаил Васильевич** (1885–1925). Родился в г. Пишпек (Фрунзе, ныне Бишкек) в Киргизии в семье фельдшера. В 1904 году окончил гимназию в г. Верном (Алма-Ата) и поступил в Петербургский политехнический институт, где в 1904 году вступил в РСДРП(б). В мае 1905 года был одним из руководителей Иваново-Вознесенской стачки и первого совета рабочих депутатов. Делегат IV съезда РСДРП (1906). В 1907 году арестован в Шуе, в 1909–1910 годах дважды приговаривался к смертной казни, заменённой сначала 10-ю годами каторги, а затем пожизненной ссылкой. В августе 1915 года бежал из ссылки в Иркутск, а затем в Читу, где работал под фамилией Василенко в Читинском переселенческом управлении. В 1916 году направлен для революционной работы в действующую армию. Под фамилией Михайлова служил в комитете Всероссийского земского союза на Западном фронте, возглавлял большевистское подполье в Минске с отделениями в 3-й и 10-й армиях. После Февральской революции — начальник народной милиции Минска, член солдатского комитета Западного фронта, член исполкома Минского совета и председатель совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губернии. Во время корниловского выступления начальник штаба революционных войск Минского участка. Участник установления власти большевиков в Москве. В первой половине 1918 года занимал одновременно должности Иваново-Вознесенского губернского комитета РКП(б), исполкома губернского совета, губсовнархоза и военного комиссара губернии. С августа 1918-го — военный комиссар Ярославского военного округа. С 1919 года — в армии. Должности: командующий 4-й армией (1919), Туркестанской армией и Южной группой армий Восточного фронта (1919), Восточного фронта (1919), Южного фронта (1920). С 1920 по 1924 год — командующий войсками Украины и Крыма, уполномоченный Реввоенсовета на Украине, член политбюро ЦК КП(б)У, зампределителя СНК УССР (с февраля 1922 года). В ноябре 1921 — январе 1922 года возглавлял украинскую дипломатическую делегацию в Турцию при заключении договора о дружбе между УССР и Турцией. Заместитель председателя РВС СССР и наркома по военным и морским

делам? одновременно начальник Штаба РККА и начальник Военной академии (1924). Председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам, член Совета труда и обороны (1925). Член ВЦИК всех созывов с января 1918 года. Член ЦК РКП(б) с 1921 года, кандидат в члены политбюро ЦК с 1924 года. Награждён двумя орденами Красного Знамени, Почётным революционным оружием. Незаурядный полководец. Автор ряда военных трудов. Скончался при до конца не выяснённых обстоятельствах в Москве (*Пильняк (Возау) Б. А.* «Повесть непогашенной луны»). Похоронен на Красной площади (Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. / Гл. ред. С. С. Хромов; Ред. кол.: Н. Н. Азовцев, Е. Г. Гимпельсон, П. А. Голуб и др. — М., 1987. — С. 639; и др.).

²²⁹ **Кун Бела** (1886–1939). Родился м. Силадьчех в Трансильвании, в семье сельского писаря. Окончил реформатскую коллегию (гимназию). Член Социал-демократической партии Венгрии (1902). Учился в Клужском университете на юридическом факультете (1904–1905). Оппозиционный журналист, привлекался к ответственности. В Первую мировую войну — рядовой, прапорщик. С 1916 года — в российском плену; вступил в РСДРП, большевик. После Февральской революции сотрудничал с Томским большевистским губернским комитетом, работал в журнале «Сибирский Рабочий», в газете «Знамя Революции». В январе 1918-го прибыл в Петроград, а затем в Москву. Неоднократно встречался с В. И. Лениным. В марте 1918 года основал венгерскую группу РКП(б). Пропагандировал идеи большевизма среди военнопленных. С мая — председатель Федерации иностранных групп РКП(б). Был одним из руководителей интернациональных отрядов Красной Армии. Участвовал в обороне Петрограда, в боях под Нарвой, участник подавления левозсеровского мятежа в Москве. В ноябре 1918 года нелегально вернулся в Венгрию, один из основателей Коммунистической партии Венгрии, её председатель. В феврале 1919-го вместе с группой других коммунистов арестован венгерским правительством и находился в тюрьме до провозглашения 21 марта Венгерской Советской Республики, в правительстве которой занимал должность наркома по иностранным и военным делам, был также народным комиссаром по военным делам. После её падения эмигрировал в Австрию, где был интернирован. В августе 1920 года вернулся в Советскую Россию. С ноября — председатель Крымского областного революционного комитета (Крымревкома). В 1921 году находился в Германии, был одним из руководителей мартовских революционных выступлений. В 1921–1923 годах — на руководящей партийной работе на Урале. Член президиума ВЦИК. В сентябре 1923-го назначен уполномоченным ЦК РКП(б) в ЦК Коммунистического союза молодёжи. Активно участвовал в деятельности Коминтерна, был членом его исполкома (с 1921-го года), одновременно руководил работой нелегальной Компартии Венгрии. В апреле 1928 года арестован в Вене, но вскоре под давлением мировой общественности освобождён. Вернувшись в СССР, продолжал политическую деятельность. В 1927 году награждён орденом Красного Знамени. Репрессирован. С 1985 года улица Опорная в Симферополе стала называться улицей Бела Куна (*Кун И.* Бела Кун. (Воспоминания). — М., 1966; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия — С. 319; *Поляков Е. В.* Указ. соч. — С. 71; и др.).

²³⁰ При этом член польской военной миссии в Крыму князь В. С. Любомирский лицемерно заявил: «Руководящие польские круги чрезвычайно сочувственно относятся к заключению союза с генералом Врангелем. Я убежден, что этот союз будет заключен в самом ближайшем будущем» (*Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 371).

²³¹ Гражданская война в СССР: В 2-х т. — М., 1986. — Т. 2. — С. 307.

²³² Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. II. — С. 402.

²³³ Там же. — С. 403.

²³⁴ «На перешейках были созданы мощные по тому времени укрепленные позиции. Их инженерное оборудование велось с конца 1919 г. В разработке плана укрепления Перекопского перешейка участвовали английские и французские военные специалисты. Всеми фортификационными работами руководил генерал Фою» (Гражданская война в СССР. — Т. 2. — С. 311).

А вот мнение А. А. Валентинова, который всё видел собственными глазами: вместо окопов — канавы; блиндажей почти нет; железная дорога от Ишуня не закончена; долговременных артиллерийских укреплений нет; проволокой укрепления не обеспечены — она распродана в Константинополе и т. д. Вывод: «...К моменту катастрофы укреплений, способных противостоять огню тяжелых, а в девяти из десяти случаев, и легких батарей не было» (Валентинов А. А. Указ. соч. — С. 361–364).

²³⁵ Раковский Г. Указ. соч. — С. 437.

²³⁶ Слащов-Крымский Я. А. Указ. соч. — С. 122–123.

²³⁷ «Сочувствие населения вызывалось недовольством белой властью, которая, ничего не давая населению, требовала от него вечных повинностей. Вопрос о церковных (вакуфных) землях татар разрешен не был, мобилизация ложилась тяжелым бременем на население; дезертиры становились зелеными, население, конечно, их кормило, сообщало все сведения и, если нужно, укрывало...» (Там же. — С. 123). «Горное татарское население, враждебно относившееся к врангелевцам, оказывало зеленоармейцам мощную поддержку, тем более, что мусульманские нравы исключали возможность выдачи лиц, находивших у них убежище» (Раковский Г. Указ. соч. — С. 438). «...Жители мусульмане, благодаря притеснениям добровольцев, относились к нам радостно, пример: добровольцы собирают подводы днями, для нас же представляют в течение часа. Деньги за хлеб не брали» (из донесения бывшего «адъютанта его превосходительства» П. В. Макарова, 15 октября н. ст.) (Цит. по: Ремпель Л. И. Архив крымских повстанцев («зеленых») // Крым (Москва-Ленинград). — 1929. — № 1(9). — С. 193).

А вот любопытные показания стражника Фёдора Куценко, захваченного «зелеными» Макарова, но бежавшего, которые рисуют нам «зеленых» как Робин Гудов времен Гражданской войны: «...Зеленые отбирали у стражи лошадей и продукты, забираемые «на мобилизацию», и возвращали их местным жителям, вызывая их симпатии. (...) Также конфисковывали имущество у богатых» (ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1346).

²³⁸ Приказ А. В. Мокроусова от 24 августа (н.ст.): «Отряды, не влившиеся в полки или не зарегистрировавшиеся в течение 2 недель со дня опубликования настоящего приказа, будут считаться бандитскими и разоружаться» (Ремпель Л. И. Указ. соч. — С. 180).

²³⁹ ГААРК. — Ф. II-150. — Оп. 1. — Д. 54. — Л. 53. По Врангелю, в августе — 300 (Врангель П. Н. Указ. соч. — Ч. II. — С. 308).

²⁴⁰ По данным Управления государственного розыска для прокурора харьковской судебной палаты. Наряду с «красно-зелеными» действовали и старые «зеленые». Из донесения розыска: **В районе Карасубазар — Топлов** (Топлы — ныне с. Тополёвка. — *Авт.*) — **Старый Крым** действуют зеленые в кол-ве 400–500 чел, из дезертиров и уголовников, пользующиеся поддержкой жителей тамошних деревень (особен-

но **Топлов, Курта** (видимо Куртлук — ныне с. Пчелиное. — *Авт.*), **Камышлов** (Камышлык — с. Опытное, все Белогорского района. — *Авт.*) и **Еленовка**). «Определённой большевистской окраски эти «зелёные» не имеют, цель их исключительно грабёж, связь с центральным штабом «зелёных» поддерживается регулярно при посредстве верховых» (ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1388. — Л. 89, 42). Данные, кстати, очень неполные. Главнокомандующий имел более точную информацию и высоко оценивал роль А. В. Мокроусова (*Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 308–309).

²⁴¹ *Бабахан Н.* Крымская Повстанческая (Зелёная) армия // Революция в Крыму. — [Симферополь], — 1924. — № 2. — С. 15. Явно не прав А. В. Мокроусов в своём донесении в Закордонный отдел (Закордот) ЦК КП(б)У: «Штаб повстанческой армии, возглавляемый Главнокомандующим Крымскими повстанческими войсками Бабаханом, за время своего существования не дал ни одному из отрядов никакого задания, разбросал людей на мелкие отряды на десятки вёрст, мотивируя отсутствием средств, никаких планов действия штабом не намечено» (ГААРК. — Ф. II-150. — Оп. 1. — Д. 54. — Л. 119).

²⁴² *Мокроусов А. В.* В горах Крыма: Записки о красно-партизанском движении в врангелевском тылу. — [Симферополь], 1940. — С. 78–79.

²⁴³ **Коновалов Герман Иванович** (1882–1936). Родился в Аккерманском уезде в Бессарабии, из мещан. Окончил Херсонскую прогимназию, Одесское пехотное юнкерское училище (1902), два класса Императорской Николаевской академии Генштаба (1914). Капитан. Участник Первой мировой войны. На фронт отправился в рядах 134-го пехотного Феодосийского полка. В 1915 году переведён в Генштаб. В 1917-м исполнял дела помощника начальника отдела генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, подполковник. В 1918 году служил в армии гетмана Украинской Державы П. П. Скоропадского в Екатеринославе (Днепропетровске). В Добровольческой армии с ноября 1918-го. Участник похода в Крым, где Екатеринославский отряд влился в Крымско-Азовскую армию, в которой произведённый в полковники Г. И. Коновалов занял должность начальника оперативного отдела штаба. Организатор обороны на Ак-Манайских позициях. Исполнял должность начальника штаба 3-го армейского корпуса. С сентября 1919 года — генерал-квартирмейстер штаба войск Новороссийской области, затем временно исполнял дела начальника штаба войск этой области. В Русской армии П. Н. Врангеля — генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего и начальник штаба группы генерал-лейтенанта С. Г. Улагая во время Кубанского десанта. Генерал-майор. В эмиграции в Болгарии, с 1929 года — в Румынии. Главный директор лесной концессии в Трансильвании. Умер в Клузе от последствий ранения во время покушения, организованного владельцем концессии (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 120–121; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 259).

²⁴⁴ *Раковский Г.* Указ. соч. — С. 438.

²⁴⁵ **Носович Анатолий Леонидович** (1878–1968). Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1899), Императорскую Николаевскую академию Генштаба (1910). Полковник, командир лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. С мая 1918 года с одобрения Московской организации Добровольческой армии вступил в Красную Армию, начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. В октябре 1918-го бежал, в «резерве чинов» при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В Русской армии П. Н. Врангеля

начальник тылового района по борьбе с партизанским движением. Генерал-майор. В эмиграции во Франции. Умер в Ницце (*Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 366).

²⁴⁶ Крымский Вестник. — 1920. — 27 октября (9 ноября).

²⁴⁷ ГААРК. — Ф. 483. — Оп. 4. — Д. 1388. — Л. 42 об.

²⁴⁸ Там же. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 54. — Л. 258.

²⁴⁹ Там же. — Л. 115.

²⁵⁰ Крымистпарт — Секретарю Крымского областного комитета Компартии Украины тов. Багрову Н. В. 12.05.92. [Рукопись]. — С. 6. В 1960-е годы Е. Н. Григорович отказалась от своих обвинений.

²⁵¹ *Мокроусов А. В.* Указ. соч. — С. 60.

²⁵² *Ремпель Л. И.* Указ. соч. — С. 191–192.

²⁵³ *Брошван В. М.* Коммунисты — организаторы вооружённых завоеваний социалистической революции в Крыму (1918–1920 гг.) / Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. — К., 1985. — С. 31.

²⁵⁴ **Скалон Михаил Николаевич** (1874–1940). Окончил Пажеский корпус (1894). Офицер лейб-гвардии Гусарского полка. Участник Первой мировой войны. Генерал-майор, командир лейб-гвардии 4-го стрелкового полка, командующий 33-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. С ноября 1919 года, начальник отряда Отдельной Русской добровольческой армии ВСЮР, с начала 1920-го — начальник Сводно-гвардейской пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. Эвакуирован в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, в августе 1920 года прибыл в Крым. В Русской армии П. Н. Врангеля командир 3-го армейского корпуса, командующий 2-й армией, исполняющий дела Таврического губернатора, начальника гражданского управления и командующий войсками тылового района до эвакуации из Крыма. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Чехословакии. Умер в Праге (*Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 522).

²⁵⁵ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 410.

²⁵⁶ Крымский Вестник. — 1920. — 18(31) октября.

²⁵⁷ **Кедров Михаил Александрович** (1878–1945). Родился в г. Елифани Тульской губернии. Окончил 4-й Московский кадетский корпус, Морской корпус (1899), Михайловскую артиллерийскую академию (1907). В русско-японской войне личный флаг-офицер при командующем Тихоокеанским флотом вице-адмирале С. О. Макарове, ранен в Порт-Артуре, участвовал в Цусимском сражении. Участник Первой мировой войны. Представитель Российского флота при командующим английским «Большим флотом» адмирале Д. Джелико. Контр-адмирал (1916), командующий морскими силами Рижского залива. Награждён Георгиевским оружием. После Февральской революции — помощник военного и морского министра Временного правительства А. И. Гучкова с правами управляющего Морским министерством до ухода с должности Гучкова. Направлен в Лондон для объединения деятельности русских морских атташе в Париже и Лондоне. Назначен А. В. Колчаком заведующим транспортом за границей по снабжению белых армий, а А. И. Деникиным морским экспертом российского уполномоченного С. Д. Сазонова в Париже. Вызван П. Н. Врангелем в Крым по рекомендации Н. В. Савича. Эвакуировался в Константинополь. Командующий Русской эскадрой в Бизерте. С 1921 года в Париже. Председатель Военно-морского союза, заместитель председателя РОВС. 12 февраля 1945 года в числе видных деятелей эмиграции посетил советское посольство в Париже и был

принят послом А. Е. Богомоловым. Приветствовал победу СССР над гитлеровской Германией. Умер в Париже. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (*Рутыч Н.* Указ. соч. — С. 111–113; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — С. 243; *Макаревич М. В., Рыжонков Г. Н.* Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004. В двух томах. — М., 2004. — Т. 2. — 1917–2004. — С. 42–50).

²⁵⁸ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 411–412.

²⁵⁹ Там же. — С. 420–422.

²⁶⁰ Цит. по: *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. (Предисловие А. Г. Кавтарадзе). — С. 18.

²⁶¹ Цит. по: *Ленин В. И.* Примечания // Полн. собр. соч. — М., 1975. — Т. 51. — С. 452.

²⁶² Цит. по: *Ольдерогге В.* Краткий перечень боевых действий // Разгром Врангеля. — Харьков, 1920. — С. 42.

²⁶³ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 422.

²⁶⁴ *Ленин В. И.* Телеграмма Реввоенсовету Южного фронта // Полн. собр. соч. — М., 1975. — Т. 52. — С. 6.

²⁶⁵ *Какурин Н. Е., Вацетис И. И.* Гражданская война. 1918–1921 / Под ред. А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и др. — СПб., 2002. — С. 614–615.

²⁶⁶ **Каретников (Каретник) Семён Никитович** (1893–1920). Уроженец с. Шагарово Гуляйпольской волости, безземельный крестьянин, батрак. Начальное, однодичное образование. Анархо-коммунист со времени революции 1905–1907 годов. Член Гуляйпольской группы анархистов с 1917 года (участник «Чёрной гвардии»). Командир штабного батальона Гуляйпольского отряда армии Н. И. Махно (1918), с марта по июнь 1919-го — начальник гарнизона Бердянска, с сентября по декабрь — командир 2-го гуляйпольского пехотного полка, с июля 1920-го года помощник командира Повстанческой армии (заместитель Н. И. Махно). Обладал незаурядным военным талантом. Был несколько раз ранен в боях с денкинцами. После тяжёлого ранения Махно в конце августа 1920 года исполнял обязанности командующего Повстанческой армией. 24 ноября после ликвидации Русской армии П. Н. Врангеля был вызван в штаб М. В. Фрунзе якобы для военного совещания, арестован и 28 ноября расстрелян в Мелитополе. Остались жена и несколько детей (Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. — С. 897).

²⁶⁷ *Тимощук А. В.* Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 — август 1921 г.). — Симферополь, 1921. — С. 124–125.

²⁶⁸ **Блюхер Василий Константинович** (1890–1938). Родился в деревне Барщинка Ярославской губернии в крестьянской семье, работал слесарем в Петрограде и под Москвой. В 1910–1913 годах отбывал тюремное заключение за призыв к забастовке. Участвовал в Первой мировой войне рядовым, затем младшим унтер-офицером, был награждён 2-мя георгиевскими крестами и медалью. В январе 1915 года тяжело ранен и уволен из армии. Член РСДРП(б) с 1916 года. После Февральской революции вступил добровольцем в 102-й запасный полк в Самаре для революционной работы среди солдат. Был избран товарищем председателя полкового комитета, член Самарского совета солдатских депутатов. В ноябре 1917-го член — Самарского ВРК, участвовал в установлении власти большевиков. В конце ноября направлен комиссаром красновардейского отряда в Челябинск, где был избран председателем ревкома, а в марте 1918 года председателем совета; участвовал в борьбе

с атаманом Оренбургского казачьего войска А. И. Дутовым. После мятежа Чехословацкого корпуса возглавил окружённые в районе Оренбурга советские войска и совершил с ними героический 1500-километровый рейд по Уралу, выйдя в сентябре 1918-го на соединение с 3-й армией красных. 28 сентября 1918 года был первым награждён орденом Красного Знамени. Участвовал в боях против войск А. В. Колчака вплоть до его разгрома. В августе — ноябре 1920 года, командуя 51-й стрелковой дивизией, участвовал в обороне Каховского плацдарма и штурме Перекопа. Военный министр, главнокомандующий и член Военного совета Народно-революционной армии Дальневосточной Народной Республики (1921–1922), руководил реорганизацией армии и Волочаевской операцией. Главный военный советник при китайском революционном правительстве в Гуанчжоу (Кантоне), участвовал в проведении Великого Северного похода (1924–1927). В 1929–1938 годов командовал Особой Краснознаменной дальневосточной армией, руководил разгромом войск китайских милитаристов во время советско-китайского конфликта (1929) и созданием мощной обороны на Дальнем Востоке. Маршал Советского Союза (1935). На XVII съезде ВКП(б) (1934) избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Член ВЦИК (1921–1924) и член ЦИК СССР (1930–1938), депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. В июле-августе 1938 года осуществлял общее руководство военными действиями против японской армии в районе озера Хасан. Неудача операции стала одной из причин отстранения Блюхера от командования Дальневосточной армией. 22 октября 1938 года был арестован, в тюрьме к нему применялись пытки и избиения. Умер во время следствия. Реабилитирован в 1956 году (*Блюхер В. К. Статьи и речи.* — М., 1963; *Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия.* — С. 69; и др.).

²⁶⁹ Гражданская война в СССР. — Т. 2. — С. 317.

²⁷⁰ **Барбович Иван Гаврилович** (1874–1947). Родился в Полтавской губернии. Из дворян, сын офицера. Окончил Полтавскую гимназию, Елисаветградское кавалерийское училище (1896). Участник Первой мировой войны. Георгиевский кавалер. Полковник (1916), командир 10-го гусарского полка. В феврале 1918 года после демобилизации проживал в Харькове. В конце германской оккупации сформировал отряд, с которым выступил походным порядком на соединение с Добровольческой армией. В её рядах с января 1919 года. С марта — командир 2-го конного генерала М. Г. Дроздовского полка, действовавшего на Ак-Манайских позициях в составе Крымско-Азовской армии. Исполняющий дела начальника отдельной кавалерийской бригады (2-й кавалерийской дивизии), командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор (1919). В Русской армии П. Н. Врангеля начальник 1-й кавалерийской дивизии, командующий сводным кавалерийским корпусом. Генерал-лейтенант, награждён орденом Св. Николая Чудотворца. Эвакуировался с корпусом из Ялты. В Галлиполи — начальник 1-й кавалерийской дивизии. С сентября 1921 года жил в Белграде и служил военно-техническим чиновником в Военном министерстве Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. С 1924 года — помощник начальника, с 1933-го — начальник 4-го отдела РОВС. Председатель Объединения кавалерии и конной артиллерии. В октябре 1944 года покинул Белград и после окончания Второй мировой войны жил в лагере беженцев под Мюнхеном. Умер в Мюнхене (*Рутыч Н. Указ. соч.* — С. 39–40; *Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны.* — С. 34–35).

²⁷¹ *Триандафилов В. К. Ликвидация Врангеля // Крымский архив.* — 2001. — № 7. — С. 93–95; *Какурин Н. Е, Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921.* — С. 644–648.

²⁷² **Папанин Иван Дмитриевич** (1894–1986). Родился в Севастополе в семье матроса. С 14-ти лет начал работать учеником токаря в Севастопольском военном порту. В 1915 году призван на военную службу в Черноморский флот. Участник Гражданской войны на Украине. Член РКП(б) с 1919 года. Высадившись с катера «Гаджибей» у Капсихора вместе с группой А. В. Мокроусова, был послан для связи с Красной Армией. Добирался в Харьков через Турцию и Новороссийск. С ноября 1920 года служил в органах Крымской ЧК и Реввоенсовете военного флота Черного и Азовского морей. Причастен к проведению массовых расстрелов, в результате чего заболел психическим расстройством. В 1925 году демобилизован. Работал в Наркомате связи. Возглавлял полярную станцию в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа (1932–1933), полярную станцию на мысе Челюскина (1934–1935), первую дрейфующую станцию «Северный полюс» («СП-1») (1937–1937). Доктор географических наук (1938). В январе 1940 года возглавил экспедицию по спасению дрейфующего в Арктике ледокола «Георгий Седов». Начальник Главспорморпути (1939–1946), одновременно в 1941–1945 годах — уполномоченный ГКО по перевозкам на Севере. Контр-адмирал (1943). Заместитель директора института океанологии АН СССР по экспедициям (1948–1951); с 1951 года — начальник Отдела морских экспедиционных работ АН СССР, в 1952–1972 годах — одновременно директор Института биологии внутренних вод АН СССР. Председатель Московского филиала Географического общества СССР (1945). Депутат Верховного Совета СССР 1 и 2-го созывов. Дважды Герой Советского Союза (1937, 1940). Награжден многими правительственными наградами. Именем Папанина назван мыс на Таймырском полуострове, горы в Антарктиде и подводная гора в Тихом океане. Автор книг «Жизнь на льдине» (1938) и «Лёд и пламень» (1977). Одна из улиц Севастополя с 1938 года носит его имя. Умер в Москве (*Сапранкова К. Н.* Папанин Иван Дмитриевич // Севастополь. Энциклопедический справочник / Ред.-сост. М. П. Апошанская. — Севастополь, 2000. — С. 380–381; *Доненко Н.* Новомученники Феодосии: Священномученик Андрей Косовский, Преподобномученик Варфоломей (Ратных), Священномученик Иоанн Бломович, Феодосия, Судак, Старый Крым в годы воинствующего атеизма, 1920–1938. — Феодосия-М., 2005. — С. 24; и др.).

²⁷³ *Папанин И.* Через море на помощь бойцам Перекопа // Перекоп. Сборник воспоминаний / Ред. О. Шекун. — М.-Л., 1941. — С. 82–93; *Папанин И. Д.* Лёд и пламень. — М., 1977. — С. 39–61.

²⁷⁴ **Миронов Филипп Кузьмич** (1872–1921). Родился в бедной казачьей семье станицы Усть-Медведицкой (ныне г. Серафимович Волгоградской области). Окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище (1898). Избирался атаманом станицы Распопинская. В русско-японскую войну командовал сотней, за боевые заслуги награжден 4-мя орденами. За участие в революционных выступлениях казачества в 1905–1907 годах уволен со службы. Участник Первой мировой войны, помощник командира полка, воевал на различных фронтах в чине войскового старшины (подполковник), награжден 4-мя орденами и Георгиевским оружием. В январе 1918 года привел полк с Румынского фронта на Дон, активно участвовал в борьбе за власть большевиков, был окружным комиссаром на Верхнем Дону. В 1918–1919 годах командовал полком, бригадой, 23-й стреловой дивизией, группой войск 9-й армии, которые участвовали в боях против белоказачьих войск генерала П. Н. Краснова, затем был командующим 16-й армией Западного фронта. С

июня 1919 года — член Казачьего отдела ВЦИК. В июне 1919-го — командир экспедиционного корпуса Юного фронта, а с июля — Донского казачьего конного корпуса. В конце августа с частями этого корпуса самовольно выступил из Саранска на Южный фронт для борьбы с войсками А. И. Деникина, за что в конце сентября был арестован и в октябре приговорён Чрезвычайным революционным трибуналом к расстрелу, но помилован ВЦИК и реабилитирован Политбюро ЦК РКП(б). В конце октября введён в состав Донисполкома; был заведующим земельным отделом. С сентября по ноябрь 1920 года командовал 2-й Конной армией в боях против Русской армии П. Н. Врангеля, затем был инспектором кавалерии РККА. Награждён 2-мя орденами Красного Знамени и Почётным революционным оружием. Член РКП(б) с 1920 года. В феврале 1921-го был арестован по ложному обвинению. Убит часовым во дворе Бутырской тюрьмы по личному приказу Л. Д. Троцкого, ярого ненавистника казачества. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда в 1960 году «за отсутствием состава преступления» (Медведев Р. А., Стариков С. П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронova. — М., 1989).

²⁷⁵ Цит. по: *Старков С., Медведев Р.* Осенью 1920-го // Курортный Крым (Ялта). — 1991. — 9 апреля.

²⁷⁶ *Савич Н.* Указ. соч. — С. 107.

²⁷⁷ *Врангель П. Н.* Указ. соч. — Ч. II. — С. 430.

²⁷⁸ Там же. — С. 435.

²⁷⁹ *Итолитов С. С., Карпенко С. В., Пивовар Е. И.* Указ. соч. — С. 78.

²⁸⁰ Гражданская война в СССР. — Т. 2. — С. 317.

²⁸¹ Разгром Врангеля. — С. 50.

ГЛАВА V

ГОД 1921-й.

Война продолжается

Без малого семь лет войны, начиная с 1914 года, вконец разорили полуостров. Гражданский конфликт был ужасен, однако немало хворосту в огонь войны подбросили германские оккупанты и сменившие их англо-франко-греческие «союзники» (вдобавок основательно пограбившие Крым). Череда правительств, каждое из которых намечало какие-то, в большей или меньшей степени адекватные меры, но не состоятельные в плане воплощения их в реальность и, в конечном счете, вынужденные руководствоваться военными надобностями, практически сводили свою деятельность к выкачиванию из Крыма всего необходимого для армии, к реквизициям и конфискациям. Всё это усугубляло развал народного хозяйства.

Большая часть промышленных предприятий была или закрыта, или разграблена, или функционировала на словах. Стояли Керченский металлургический завод, аэропланный завод А. А. Анатра в Симферополе, едва вытягивал треть своей мощности Севастопольский морской завод. Таял рабочий класс — его численность упала в семь раз. Посевные площади сократились на одну треть, урожайность зерновых — в два раза — очень тревожный признак.

Печальнее всего были, конечно, людские потери. Но сколько жизней крымчан унесла Гражданская война узнать, по всей видимости, невозможно. Какие могут быть демографические подсчёты, когда Крым заполнило огромное число беженцев. Бежали от большевиков, от неизвестности, от голода и холода, бежали, сами не зная куда. И далеко не всем удалось отплыть в Константинополь. Не в силах покинуть родину, надеясь на милость победителей, остались тысячи врангелевских солдат и офицеров.

Пришел Южный фронт, и на полуострове сосредоточилось множество военных всех разновидностей из всех мест России, вплоть до Сибири. И у всех было свое начальство, которое порой мало считалось с вышестоящим, были свои представления о революции и её целях, наконец, свои счёты. И всем нужно было, прежде всего, одно — продовольствие.

История сохранила свидетельства очевидца вступления красных войск в Симферополь: «Войдя в город, солдаты набрасывались на жителей, раздевали их тут же, на улице, напяливали на себя отнятую одежду, швыряя

свою изодранную солдатскую несчастному раздетому. Бывали случаи, что один и тот же гражданин по четыре раза подвергался подобному переодеванию, потому что следующий за первым солдат оказывался ещё оборваннее и соблазнялся более целой одеждой своего предшественника и т. д. Кто только мог из жителей, попрятались по подвалам и укромным местам, боясь попадаться на глаза озверелым красноармейцам.

В каждый дом вошёл постой красноармейцев. Они располагались всюду как дома, заставляя хозяев прислуживать им, убивая всю живность, как-то: свиней, птицу, которых несчастные хозяева месяцами выкармливали. Из имущества всё, что приходилось им по вкусу, красноармейцы забирали себе.

Город в это время имел печальный вид. Всюду валялись трупы лошадей, полусъеденные собаками, кучи мусора... Окна в магазинах были перебиты, тротуары возле них были усеяны стеклом, грязь всюду, куда не глянешь.

На следующий день, во вторник, начался грабёж винных магазинов и повальное пьянство красных. Вина, разлитого в бутылки, не хватило, стали откупоривать бочки и пить прямо из них. Будучи уже пьяными, солдаты не могли пользоваться насосом и поэтому просто разбивали бочки. Вино лилось всюду, заливало подвалы и выливалось на улицы. В одном подвале утонули двое красноармейцев, а по Феодосийской улице от дома виноторговца Христофорова тёк довольно широкий ручей смеси красного и белого вина, и проходившие по улице красноармейцы черпали из него иногда даже шапками и пили вино вместе с грязью. Командиры сами выпускали вино из бочек, чтобы скорее прекратить пьянство и восстановить какой-нибудь порядок в армии. Пьянство продолжалось целую неделю, а вместе с ним и всевозможные, часто самые невероятные насилия над жителями».

Красноармейцы, размещавшиеся в уже заселённых квартирах, старались освободиться от жильцов. «Началось безжалостное изгнание стариков, женщин и детей из их квартир, часто даже ночью, когда уже грянули морозы. Изгоняемым позволялось брать с собой лишь по одной перемене белья и одежды. Ни мебели, ни посуды брать нельзя было»¹.

С прекращением пьянства началась организация власти.

14 ноября формируется новый Крымский революционный комитет — симбиоз южнофронтового и местного подпольного — высший и чрезвычайный орган власти. Приказ № 1 Крымревкома от 16-го ноября гласил: «1. Впредь до избрания рабочими и крестьянами Крыма Советов вся власть на территории Крыма принадлежит Крымскому революционному комитету, образованному в следующем составе: председатель тов. Бела Кун, зам. председателя тов. Гавен, члены: тт. Меметов (С. М. — *Авт.*), Идрисов (С. И. — *Авт.*), Лидэ², Давыдов (С. Д. Давыдов (Вульфсон). — *Авт.*). 2. Всем рабочим и служащим правительственных, общественных и частных учреждений и предприятий предписывается оставаться на своих местах и подчиняться всем распоряжениям революционной власти. Уклонение от выполнения сего распоряжения будет рассматриваться как саботаж

и будет преследоваться по законам военно-революционного времени. Подлинный подписали: Предревкома Бела Кун. Управделами Яковлев»³.

Итак, Крыму предписывалось по-прежнему жить в «военно-революционное время».

27 ноября Крымревком образовал отделы: управления, совнархоз, социального обеспечения, здравоохранения, юридический, труда, земельный, народного образования, продовольствия, финансов и загадочный — о нём в документах ни единого слова — «особый отдел Крыма». Планировалось, что он станет центральным органом при реализации репрессивных мер, однако с конца 1920 года функции этого отдела перешли к особому отделу 4-й армии⁴. Юридический отдел, в отличие, скажем, от отдела народного образования, которому посвящено шесть абзацев, удостоился всего трёх строк, но в них заключалось высшее право — право распоряжения человеческими жизнями: «Заведующий тов. С. Скловский. Организованы следующие подотделы: судебный, юрисконсультский, финансово-хозяйственный, нотариальный, тюремно-карательный»⁵.

Вскоре сеть ревкомов покрыла полуостров. Это были: уездные, районные (для заштатных городов), волостные и сельские.

В теснейшем контакте с Крымревкомом работал Крымский областной комитет РКП(б), секретарствовать в котором была прислана из Москвы профессиональная революционерка Р. С. Самойлова (Землячка)⁶. В Областком вошли: Ю. П. Гавен, Д. И. Ульянов, О. А.-Г. Дерен-Айерлы (Ибрагим) и Л. П. Немченко. Общая численность коммунистов на полуострове, включая армейцев, моряков, лиц, находящихся на излечении, достигала в начале 1920-х годов на полуострове 30 тысяч человек⁷.

Полномочия борьбы с контрреволюцией помимо уже упомянутого особого отдела 4-й армии возлагались также на особый отдел Морского ведомства (Чёрного и Азовского морей), на местах действовали политотделы с теми же функциями. 9 декабря 1920 года создаётся местное подразделение ВЧК — Крымская чрезвычайная комиссия (КрымЧК). Причём все эти органы действовали параллельно, зачастую по собственному усмотрению. 19 января 1921 года на полуостров прибыл С. Ф. Реденс⁸, полномочный представитель ВЧК на территории Крыма. В Симферополе, Севастополе и Керчи им были образованы самостоятельные городские ЧК с подчинением непосредственно полномочному представителю ВЧК и с правом вынесения смертных приговоров, а в Феодосийском, Евпаторийском и Ялтинском уездах — политбюро с правами исключительно ведения следствия. В ряд районов Крыма направлены уполномоченные. Сам Реденс проводил свою работу через аппарат Симферопольской городской ЧК. 18 апреля на её заседании принято решение ликвидировать особые отделы 4-й армии и Чёрного и Азовского морей, реорганизовав Симферопольскую городскую ЧК в Крымскую областную ЧК с особым отделом при ней и с непосредственным подчинением ВЧК. (В начале 1922 года Крымская ЧК реорганизована в Крымское по-

литическое управление при ЦИК Крымской АССР). В распоряжении ЧК имелись собственные вооружённые силы, со временем развёрнутые в Крымскую отдельную бригаду ВЧК⁹. 17 июня 1921-го года в Крыму сформированы части особого назначения (ЧОН), военные отряды, создававшиеся партийными органами и расформированные только летом 1924 года.

Помимо этих структур карательные функции выполняли части Красной Армии, милиция, «рабочие отряды» и «отряды сельской самообороны». Действовала система революционных трибуналов. 1 августа 1921 года образован Единый революционный трибунал Крыма в составе четырёх судебных отделений: военного, основного, налогового и выездного. 24 февраля 1922 года создан Верховный трибунал при ЦИК Крымской АССР с кассационными и надзорными функциями, включающий два отделения — в Симферополе и Севастополе.

Крым был разделён на семь судебных округов с образованием в каждом из них уездных бюро юстиции, в административном подчинении которых находились: участковые народные суды, народные следователи, пункты бесплатной юридической помощи и места заключения. После образования Крымской АССР и создания крымского Совета народных комиссаров вместо юридического отдела (Центрального отдела юстиции) стал функционировать народный комиссариат юстиции Крыма. 23 января 1923 года утверждён Всекрымский суд, переименованный 29 августа в Главный суд Крыма. 25 августа 1922 года ЦИК и Совнарком Крымской АССР утвердил и «Положение о прокурорском надзоре», который начал функционировать с 16 сентября при наркомате юстиции в составе прокурорского отдела и 6 округов. В суде осуществлял свою деятельность прокурор Всекрымского суда и два его помощника по уголовным и гражданским делам. 1 июня 1923 года постановлением ВЦИК на всей территории РСФСР введён Уголовный Кодекс, по которому в составе наркомата юстиции утверждена государственная прокуратура. В качестве прокурора Крымской АССР её возглавил нарком юстиции И. К. Фирдевс¹⁰.

Действия различных репрессивных органов по борьбе с антибольшевистскими выступлениями в 1921 году координировались Особым совещанием по борьбе с бандитизмом при Крымревкоме, в 1922-м — Чрезвычайной тройкой по борьбе с бандитизмом, позднее — СНК Крымской АССР¹¹.

Чем же озаменовали «военно-революционные» власти начало своей деятельности?

Вся работа проходила под лозунгом: «...Заколотим наглухо гроб уже издыхающей, корчащейся в судорогах буржуазии»¹² (из воззвания Джанкойской организации РКП(б)).

Была организована Чрезвычайная комиссия по переселению рабочих в дома буржуазии. Имущие слои беспощадно обирались, при этом под видом изъятия излишков осуществлялся банальнейший грабёж. Проводилась повсеместная национализация предприятий промышленности, транспорта,

банков, земли и её недр, лесов, имений, театров, учреждений культуры и образования, памятников старины и искусства. Началось восстановление хозяйства. 17 декабря Крымревком издал приказ об ускорении работ по постройке железнодорожной ветки Сюрень (ныне станция Сирень) — Бешуйские угольные копи, начатых ещё при П. Н. Врангеле. При этом «всякий, самовольно оставивший постройку, будет считаться дезертиром и предаваться суду по законам военного времени»¹³. Узкоколейка до с. Коуш (Шелковичное Бахчисарайского района, ныне не существует) была проложена к 24 апреля 1921 года¹⁴. Вскоре по ней пошли составы с добытым углём.

Нехватка разменных денежных знаков вынудила возобновить печать банкнотов с использованием клише денежных знаков второго Крымского краевого правительства¹⁵.

Проводились субботники, «неделя помощи Донбассу», во время которой собирались продовольствие, фураж, деньги обувь, одежда, другие предметы первой необходимости для шахтёров.

На повестке дня стоял и аграрный вопрос. 9 августа уже следующего, 1921 года, земельный отдел Крымревкома в своём воззвании провозгласил незыблемое право на пользование землёй всего трудового населения. Начался учёт земли и численности сельского населения. 15 августа I Всекрымский съезд представителей уездных и районных земельных отделов принял примерные нормы обеспечения крестьян землёй по различным регионам полуострова. 13 декабря Областком признал полезной практику создания в Крыму комитетов бедноты. Активными сторонниками комбедов выступили татарские работники И. К. Фирдевс и С. М. Меметов, что и понятно, ибо среди крымскотатарских крестьян преобладали безземельные и малоземельные. Так, председатель Татарского бюро Фирдевс полагал, что задача комбедов — «выделить действительно пролетарские и трудовые элементы и в реальной борьбе с кулачеством создать социальную базу и психологическую предпосылку для коммунистического движения». Политический смысл своего предложения он видел в «классовой дифференциации чрез комбеды и коммунизации масс чрез милитаризацию»¹⁶. (Напомним: это писалось в период новой экономической политики). Противником «комбедизации» крымского села выступил Ю. П. Гавен. Несколько позднее он подчёркивал: «Наша общая политическая линия в отношении крестьянства на данном этапе развития революции несовместима с политикой применения административного принуждения в целях расслоения крестьянства»¹⁷.

К концу 1922 года земельными органами на полуострове было учтено 800 000 десятин пахотной земли и около 200 000 сельского населения. Но к этому времени первоочередной задачей стало уже не удовлетворение земельных запросов крестьянства, а распространение коллективных форм обработки земли. Теперь на первый план выдвигается отвод земель не столько крестьянам, сколько совхозам и городам. Предпринимаются меры по увеличению числа коммун, товариществ по совместной обработке земли, сельхозартелей¹⁸.

8 января 1921 года Крымревком решил переименовать Ялту в Красноармейск. Мотивировалось это тем, что, во-первых, Ялта оказалась конечным пунктом наступления Красной Армии в 1920 году на юг, и, во-вторых, «с названием Ялта связывалось представление о городе-курорте, являвшемся прежде центром разврата и разгула кутящей буржуазии»¹⁹. Однако при обсуждении правомерности этого переименования 25 августа 1921 года в Областкоме 10-ю голосами «за» против 2-х и 3-мя за двойное название — Ялта-Красноармейск решено было вернуть городу его историческое имя²⁰.

В городском саду Симферополя властями был снят с постаментов памятник Екатерине II. Из цемента, гипса и арматуры срочно были сооружены символический пролетарий, разбивающий оковы земного шара, бюсты К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

14 февраля 1921 года Крымревком издаёт приказ об учёте памятников и предметов старины²¹. 26 февраля своей телеграммой В. И. Ленин требует от Крымревкома принять «решительные меры к действительной охране художественных ценностей, картин, фарфора, бронзы, мрамора и т. д., находящихся в ялтинских дворцах и частных зданиях»²². 19 марта Крымревком отчитывается вышеназванным приказом и сообщает, что «в Красноармейске (Ялте. — *Авт.*) открываются 2 музея во дворцах Борятинской и эмира бухарского. Намечены [музеи] в Алупке и Воронцовском дворце, в Гурзуфе в Пушкинском домике. Секцией охрис (подотдела по делам музеев и охраны памятников старины и искусств Крымнаробраза. — *Авт.*) командированы инструкторы для принятия ценностей на учёт. Дворцы в Ливадии, Алупке, Мисхоре, Гурзуфе и Коккозах (с. Соколиное Бахчисарайского района. — *Авт.*) находятся под тщательной охраной секции охрис наробраза. В Красноармейском уезде дворцы и частные дома охраняются Крымсовхозом. В частных домах, намеченных под санатории, предметы, подлежащие охране завкрымохриса, взяты на учёт секцией охрис наробраза и вывозятся в специально оборудованные хранилища. По 1 марта свезено в хранилища 1250 предметов»²³. 27 марта Красноармейский (Ялтинский) уездно-городской ревком берёт под охрану дачу А. П. Чехова в Ялте. 23 июня приказом Крымревкома — Никитский ботанический сад, 14 июля Крымревком телеграммой поручает Феодосийскому уездному ревкому взять под охрану Карадагскую научную станцию²⁴.

Наконец, приказом Крымревкома № 450 от 11 августа 1921 года национализированы и переданы в ведение Крымохриса «все художественные, исторические и бытовые памятники прошедших культур», в том числе пещера Кизил-Коба, Ливадийский, Алупкинский, Бахчисарайский дворцы, дом А. П. Чехова в Ялте, дом в Гурзуфе, где жил А. С. Пушкин, руины Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Баклы, Черкез (Эски)-Кермена, Херсонесское городище, картинная галерея И. К. Айвазовского, генуэзские крепости в Феодосии и Судак, древние развалины в Старом Крыму, Керченское городище (Пантикапей) и места всех археологических раскопок Керченского полуострова —

всего 29 объектов, а также «все развалины генуэзских крепостей, церквей, мечетей и все курганы, пещеры и пещерные города всего Крыма». Без разрешения Крымхриса учреждениям и частным лицам запрещалось раскапывать, использовать, переделывать и перестраивать памятники. Органы власти и милиции обязаны были «следить за исполнением настоящего приказа и привлекать нарушивших его к строжайшей ответственности, оказывая всевозможное содействие Крымхрису и его районным отделениям»²⁵.

При этом следует иметь в виду, что вопросы учёта художественных ценностей имели и чисто утилитарный характер. Часть их планировалось вывозить за границу. 21 марта 1921 года в Красноармейск отправлена телеграмма Крымревкома о необходимости в связи с заключением торгового договора с Англией срочной подготовкой «сырья для экспорта». Под этим самым «сырьём» подразумевались предметы культурного наследия²⁶.

Ещё 19 ноября 1920 года М. А. Волошин принимает от Феодосийского ревкома мандат заведующего охраной ценностей искусств и науки уезда. 28 ноября он получает охранное свидетельство на свою библиотеку в Коктебеле²⁷, а 22 марта Крымнаробразом выдаётся «охранная грамота» на его дом, отведённый (за исключением трёх комнат) «для устройства Коктебельской художественной колонии для членов Всерабиса (Всероссийского профессионального союза работников искусств. — *Авт.*)»²⁸. Поэт составляет списки владельцев библиотек, картин, фарфора, музыкальных инструментов с целью сохранения этих ценностей, деятелей культуры, науки и искусства, проектирует штатные расписания для отделов народного образования, читает лекции в народном университете. Правда, при этом совсем в духе времени он ратует за уничтожение безвкусовых с его точки зрения дворцов богатых предпринимателей на набережной в Феодосии, предлагает запретить «костюмы буржуазного типа» — особенно мужские, пишет стихи, посвящённые Сибирской 3-й дивизии, занявшей Феодосию, Ф. Энгельсу, участвует в проектировании памятника «Освобождение Крыма» на месте снесённого монумента Екатерины II в городском саду Симферополя²⁹, 18 марта 1921 года на концерте, посвящённом 100-летию Парижской Коммуны, в 1-м Советском театре в Симферополе читает свои переводы из В. Гюго³⁰.

Власти пытаются начать работу и по борьбе с неграмотностью. 11 января 1921 года приказом Крымревкома создаётся Крымская чрезвычайная комиссии по ликвидации безграмотности. Через десять дней эта комиссия учреждает соответствующие уездные комиссии³¹.

Исключительное место в деятельности новых органов крымской власти заняла борьба против иных политических сил.

Не раз говорилось, что профсоюзы Крыма создавались и руководились меньшевиками. Кооперативное движение в значительной степени находилось в руках социалистов-революционеров. Точных данных о численности этих партий в 1920–1921 годах у нас нет. Мелькнула в документах цифра — 43 тысячи меньшевиков³²; явное преувеличение. Но количество чле-

нов различных партий в Крыму было, без всякого сомнения, немалым (вспомним и о призежках).

Не один раз рассматривался вопрос об очищении крымской парторганизации от бывших членов других партий. Областком включал его в повестку дня 27 ноября и 16 декабря 1920-го, 2 января 1921-го года. На 1 января 1921 года крымская парторганизация РКП(б) насчитывала 535 членов и 472 кандидата в члены партии. Численность её, не в последней мере за счёт выходцев из иных партий, быстро росла. В результате чистки 1921 года из 4608 коммунистов исключено было 1533 человека³³.

Что касается меньшевиков и эсеров, то их решено было попросту выслать из Крыма. Среди прочих депортированным оказался В. А. Базаров. Под таким политическим прессом перерегистрация профсоюзов в 1921 году передала, естественно, бразды правления в них большевикам. Меншевицкий Крымпроф был распущен. На VI съезде профсоюзов в марте 1921 года в числе делегатов было: 279 коммунистов, 1 анархист, 10 меньшевиков, 1 эсер и 110 беспартийных³⁴. Меншевики ещё пробовали выставлять свои резолюции. В последний раз.

Всекрымский съезд меньшевиков, проходивший в августе 1924 года, принял решение о самороспуске организации и коллективном вступлении в РКП(б). В апреле того же года самораспустилась и эсеровская организация.

Разной была судьба других партий, но, в конечном счёте, все они исчезли из политической жизни Крыма, а с ними исчезла и сама политическая жизнь. В 1921 году было арестовано 49 членов Союза русского народа, из них 23 сразу же расстреляно другие — заключены, видимо, на время, в тюрьму³⁵. Правда, черносотенцы были открытыми и непримиримыми врагами. Были изолированы и высланы из Крыма члены армянской партии Дашнакцутюн.

В январе 1921 года попытались легализоваться вчерашние союзники большевиков — левые эсеры. Областком, куда был направлен этот запрос (усмешка истории: одна партия просит легализации у другой), наложил вето. В декабре 1920 года Симферопольская инициативная группа анархо-синдикалистов, среди которых были активные участники революции и Гражданской войны (чего стоит фигура знаменитого А. В. Мокроусова, столь много сделавшего для победы большевиков), обратилась в Крымревком со своей Платформой с просьбой о разрешении деятельности группы. В Платформе говорилось: «Оставаясь верными идеалу безначального коммунизма, отрицающего всякую власть человека над человеком, и считая, что массы по своему интеллектуальному развитию пока не могут охватить анархизма, как единственную свободную форму общежития, и в силу исключительных условий развития нашей революции, мы признаём неизбежным Советский строй как переходную ступень от капитализма к анархическому коммунизму...»³⁶. Анархо-синдикалистам было отказано.

Ещё 14 ноября 1920 года на заседании в Харькове с участием Л. Д. Троцкого и Л. П. Серебрякова была решена судьба махновцев. 17 ноября М. В. Фрун-

зе отдаёт приказ на передислокацию войск для перехода к действиям их по ликвидации. Отдельный конный корпус Н. Д. Каширина³⁷ сосредотачивается в Евпатории, где дислоцировалась Крымская группа войск Союза революционных повстанцев Украины (махновцев) под командованием С. Н. Каретникова, участвовавшая вместе с красными в штурме Перекопа. Операцию против этой группы возглавил лично Фрунзе, 25 ноября прибывший в Симферополь. В этот же день сюда были вызваны Каретников и начальник полевого штаба махновцев П. Гавриленко³⁸, которые были арестованы и вскоре расстреляны. 26-го в приказе по армиям Южного фронта сообщалось о том, что Н. И. Махно и все его отряды объявляются врагами Советской республики и революции, подлежат разоружению, а оказывающие сопротивление — уничтожению. Крымская группа, оказавшаяся теперь под командованием А. С. Марченко³⁹, не стала пассивно дожидаться истребления. Снявшись с позиций у Евпатории утром 27 ноября, она двинулась на север, присоединяя к себе группы красноармейцев, и смогла с боями вырваться из Крыма. В ней осталось 3000 бойцов, в том числе 1000 сабель, 300 тачанок с пулемётами и пехотой, 4 орудия. За три дня боёв махновцы потеряли 4-й кавалерийский полк, его остатки (107 человек) вместе с командиром попали в плен. В плену также оказались небольшие махновские части в Симферополе и Джанкое, в том числе штаб Каретникова в количестве 40 человек⁴⁰.

Преследовались сионисты. Некоторые из них были расстреляны. Правда, до поры, до времени сохранялись организации вроде Гехолуц и Ахдус, действовавшие через различные товарищества, артели, сельскохозяйственные кооперативы, клубы и т. д. До 1922 года в Симферополе существовал клуб Маккаби. В сельхозкооперативах вела работу Сионистско-социалистическая партия. Определенное оживление сионистского движения в начале 1920-х годов связано с тем, что через Крым продолжал проходить значительный поток эмигрантов в Палестину, а также с началом еврейской колонизации. Впоследствии сионистское движение на полуострове было разгромлено⁴¹.

Единственной партией, которой удалось на время добиться легализации в Крыму (4 февраля 1921 года), была Коммунистическая Поалей-Цион (Еврейская коммунистическая партия, выделившаяся из Поалей-Цион в 1920 году). Однако в 1922 году произошёл очередной раскол: ряд руководителей ЕКП отказался от «палестинизма», то есть пункта программы об активном содействии эмиграции евреев в Палестину, и в декабре 1922 года ЕКП приняла решение о разрыве со Всемирным еврейским коммунистическим союзом Поалей-Цион и «безоговорочном вступлении в РКП(б)» со всем имуществом и архивными материалами.

Ещё первый Областком поставил своей целью достижение «полного контроля» над советами, профсоюзами, хозорганами и кооперативами. Устранение политических конкурентов максимально облегчило эту задачу. Представитель центра И. В. Вардин подчёркивал на VIII облпартконференции

(апрель 1923 года): «Всякий мало-мальски грамотный марксист знает, что диктатура партии это есть диктатура класса. ... Уничтожение коммунистической монополии есть, таким образом, ликвидация диктатуры пролетариата»⁴². В Крыму монополия эта, прибрав к рукам все «приводные ремни», вполне утвердилась в том же 1923 году. Одним из немногих островков, где пока сохранялось инакомыслие, были культура и просвещение.

Но и здесь закручивались гайки. Особое внимание привлекли высшие учебные заведения, в студенты которых записывалась молодёжь непролетарского происхождения, сомнительных с точки зрения властей взглядов, да ещё вдобавок и служившая ранее в войсках белых. С целью очистки от «неблагонадёжных» преподавателей и студентов Таврического университета 23 декабря 1920 года областной комитет РКП(б) постановил предложить Крымревком немедленно ликвидировать факультет общественных наук, филологический, а списки студентов и преподавателей передать КрымЧК, распустить весь университет, за исключением медицинского факультета, за которым установить наблюдение, и начать реорганизацию этого учебного заведения. Реализация данного решения не заставила себя долго ждать. Заодно ликвидировались Юридический институт в Севастополе и Боспорский университет в Керчи. В этих условиях 12 января 1921 года от должности ректора Таврического университета отказался академик В. И. Вернадский, вместо него был назначен профессор А. А. Байков⁴³. Таврический университет был преобразован в Крымский университет имени М. В. Фрунзе. 25 января комиссия Крымского отдела народного образования приняла решение о «перемене пребывания в Крыму» большой группы профессоров и отправке их в Москву. 23 февраля В. И. Вернадский в составе этой группы под усиленной охраной ЧК отбыл из Симферополя в Москву⁴⁴.

Не сумел задержаться в Крыму и писатель С. И. Гусев-Оренбургский⁴⁵. 18 декабря 1920 года вместе с женой Е. И. Хатаевой, камерной певицей, они прибыли на полуостров в надежде на литературные и концертные заработки и с целью укрепления здоровья. Сообщениям о кровавом терроре они не верили, но вскоре выяснилось, что это правда. Да и заработков в Крыму не оказалось. В январе 1921 года супруги покинули негостеприимный полуостров⁴⁶.

Решением ГПУ от 23 августа 1922 года выслан за границу известный правовед, доктор международного права А. Л. Байков. В конце декабря 1922-го по требованию властей вместе с семьей из Севастополя отбыл в эмиграцию выдающийся мыслитель С. Н. Булгаков⁴⁷.

Национальная политика, осуществлявшаяся крымским руководством, имела свои особенности. Областом разворачивает работу среди национальных меньшинств, пытаясь вовлечь их в коммунистическое строительство. При нём создаются армянская, еврейская, мусульманская, немецкая секции. Национальные секции появляются при областном комитете РКСМ, местных партийных и комсомольских органах. Проводится работа среди

женщин и молодёжи национальных меньшинств. На различных языках издаётся разнообразная печать, включая газеты «Енъи Дунья» («Новый Мир») на крымскотатарском языке, «Кармир Уги» («Красный Путь»), затем «Коммунанг Занг» («Колокол Коммун») на армянском, «Ди Роте Крым» («Красный Крым») на немецком, журнал «Бильги» («Знание») на крымскотатарском и другие. Появляются национальные клубы, библиотеки, школы грамотности (татарские, немецкие, армянские, еврейские, эстонские)⁴⁸.

Крымские татары, большинство которых составляла беднота, встретили новые власти надеждой на изменение своего положения к лучшему. По словам командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе, «местное коренное татарское население (...) безусловно, радо нашей победе, что подчёркивалось в ряде приветствий и торжественной встрече Красной Армии. Коренное крымское население и раньше оказывало помощь нашим повстанцам, и, несомненно, теперь будет служить надёжной опорой Советской власти»⁴⁹.

25 ноября 1920 года в Крымревком с докладной запиской обращаются семь членов ЦК Милли-фирки — Б. В. Чобан-Заде, Х. С. Чапчакчи, Бекир Одабаш, С. У. Таракчиев, О. Муединов, Ф. А. Абдураман, М. А. Аджи-Оглу (секретарь) во главе с председателем ЦК С-Дж. Хаттатовым. В записке содержится любопытная концепция о противостоянии европейскому империализму двух сил — Советской России и «порабощённого мусульманского мира». Отсюда следует вывод: Советская Россия «является первым верным и естественным союзником угнетённого мусульманства...» Правда, оговаривается далее, между этими двумя силами имеется расхождение — «не в принципах, а лишь во времени, месте и способах осуществления» «коммунально-коммунистического» идеала. Здесь просматривается прямой намёк на то, что «быт, особенности, психология и традиции мусульман» несовместимы с идеей диктатуры пролетариата.

Далее в записке обрисованы заслуги Милли-фирки: «...В результате 3-летней деятельности партии сегодня уже можем утверждать, что татарский народ приближается к окончательному освобождению от предрасудков, рабского подчинения влиянию фанатичных мулл, властолюбивых мурзаков-помещиков. (...) Милли-фирка освободила женщину-татарку от тысячелетнего семейного, общественного и религиозного рабства...». Созданы начальные училища в каждом уезде, женская учительская школа в Симферополе, татарское среднее художественное училище и учительская семинария в Бахчисарае, реформирована Бахчисарайская высшая духовная семинария. «Если будет признано, — заключает записка, — что Милли-фирка вела в Крыму общественную борьбу и сыграла революционную роль, то Милли-фирка добивается: 1) легализации Милли-фирка, 2) передачи татарских религиозных, просветительских дел и вакуфов в ведение «Милли-фирка», 3) разрешения издания газеты «Миллет», литературных и научных журналов и книг». И всё это — в тесном сотрудничестве с Советской властью⁵⁰.

Крымревком, видимо, передал записку в Областком, где она и была рассмотрена 30 ноября 1920 года. Резолюция: «1) о Милли-фирке. 1. Резолюцию (принять. — *Авт.*), отвергавшую соглашение с группой в целом как вредным и ненужным пережитком. 2. Начать кампанию против «Милли-фирке» (так в тексте. — *Авт.*) устной и письменной агитацией. 3. Издать брошюру, направленную против «Милли-фирке». Поручить написать её тов. Фирдевсу»⁵¹. Это означало запрещение партии.

Следует отметить, что крымские татары не слишком охотно пополняли ряды коммунистической партии. Посетивший с 13 февраля по 29 марта 1921 года Крым в качестве представителя Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР М. С. Султан-Галиев⁵² в своём докладе наркомнац И. В. Сталину (копия — в ЦК РКП(б)) отмечал: «Слабо поставлена работа и среди национальных меньшинств, особенно среди татар. В Симферополе, этом центре Крыма, имеется всего лишь десятка три коммунистов татар, а на местах их ещё меньше. Например, вся татарская Секция Севастопольской Организации, включающей в себя и Бахчисарайский район, со сплошным татарским населением состоит из 12–14 человек кандидатов в Члены партии и не имеет ни одного действительного члена. Объясняется это, с одной стороны, общим деморализованным состоянием всей Крымской организации в целом, а с другой — отсутствием партийных сил из среды самого местного населения и их несплочённостью и неорганизованностью: интригирующие между собой общие работники втягивают в свои интриги и татарских работников, стремясь создать среди них своих «сторонников». В частности, одной из главных причин слабости партийной работы среди татар является, как на это указывают и сами татарские работники, отсутствие у Областка какой бы то ни было позиции в определении социальной базы, опираясь на которую, татарские работники могли бы вести работу»⁵³.

Некоторые меры, проводившиеся в Крыму, не могли не возмущать крымскотатарское население. Так, по словам М. С. Султан-Галиева, греки — сотрудники особых отделов на Южном побережье Крыма используют своё положение «в целях сведения личных счётов «национальной вражды» с татарами и турками и, путём ложных доносов на них и симуляцией их контрреволюционности, добиваются посылки на них карательных отрядов и экспедиций». Не согласен Султан-Галиев и с преследованием бывших «курултаевцев», особенно тех, «кто при Врангеле активно боролся с ним и поддерживал красно-зелёных». Репрессивная в отношении крымских татар политика, считает он, терроризирует местных жителей и способствует тому, что «татарское население, опасаясь арестов и облав, ночует вне дома — у соседей или в соседних деревнях. Многие уходят в горы и присоединяются там к зелёным. В некоторых селениях до половины населения уже ушло в горы»⁵⁴. Впоследствии такая политика была изменена.

Отметил Султан-Галиев и неудачи в деле национального образования и культуры в Крыму, поскольку «90% помещений Наробраза занято под во-

енные учреждения, казармы и лазареты», татарская учительская семинария закрыта, «так как помещение её занято под какую-то воинскую команду», сам Наробраз и его учреждения «юются в маленьких помещениях», татарская драматическая студия «помещается в одной грязной комнате, которая одновременно служит и общежитием для курсантов», а курсанты и преподаватели «со дня открытия студии в течение двух-трёх месяцев не получали ни жалования, ни пайков, и добрая половина их разбежалась». Попытки отдела народного образования Крымревкома привлечь к работе татарскую интеллигенцию первоначально оставались безуспешными: «единицы идут, а масса стоит в стороне, так как они привлекли к себе исключительное внимание Чрезвычайных Органов». Имеют место и ошибочные действия русских работников в сфере образования по отношению к коллегам — крымским татарам⁵⁵.

Плачевная ситуация сложилась и в деле здравоохранения среди крымских татар. «В татарских селениях Крыма нет ни одной больницы, ни одной лечебницы, ни одной лаборатории», а новая власть «не принимает, да и не может принять при теперешнем своём состоянии, необходимых радикальных мер» к изменению данной ситуации⁵⁶.

В обзоре «О происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму», подготовленном крымским ГПУ, видимо, в конце 1922 — начале 1923 года и подписанным его председателем С. Ф. Реденсом и другими, отмечалось: «Для отношения крымских татар к коммунизму характерно, что из их среды почти никто не пошёл в партию. Татарские партийные работники в Крыму почти все казанские татары. Немногочисленных крымских татар коммунистов татарское население категорически не признаёт своими представителями. Татары активно пошли работать в национальные отряды Наробраза, Собес, поддерживая всячески культурные начинания, воздерживаясь от политической поддержки Соввласти...», но «под сильным татарским влиянием делались татарам всяческие авансы». Властям «импонировало большое гражданское мужество, с каким татары отстаивали свои позиции, несмотря на явную опасность личных репрессий. Мужество, какое Сов. Власть не встречала в русской, беспартийной среде. Такую стойкость эти люди черпали из своего непоколебимого, большого политического темперамента и из истинного убеждения и единодушия татарского народа (которое отрицать нельзя)». Бывших членов Милли-фирки, обладавших необходимыми знаниями, пришлось вовлекать в представительные органы, но они «занимаются резкой критикой мероприятий власти»⁵⁷.

В этот период возникает проблема статуса Крыма. Активно дебатировались вопросы: в составе, какой республики (РСФСР или Украины) находиться, иметь ли собственную автономию и, если иметь, то, какого уровня, считать ли помимо русского государственным языком на полуострове крымскотатарский язык? Активисты крымскотатарского движения (Б. В. Чобан-Заде, А. С-А. Озенбашлы, Х. С. Чапчакчи, С-Дж. Хаттатов и др.) отстаива-

ют концепцию национальной «полной автономии» с правом самостоятельного сношения с границей и ведения внешней торговли. На «полную автономию» претендовали и немцы-колонисты⁵⁸.

Возникает идея превращения полуострова во Всероссийскую здравницу. 21 декабря 1920 года В. И. Ленин подписывает декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». На следующий день Д. И. Ульянов, с 1921 года особоуполномоченный наркомздрава РСФСР и начальник Центрального управления курортами Крыма, на заседании Крымревкома делает доклад об организации в Крыму Всероссийской здравницы, на основании которого в качестве основы дальнейшей работы по реализации этой идеи утверждается приказ об объявлении Сакско-Евпаторийского, Севастопольского, Ялтинского и Феодосийского уездов курортными местностями, имеющими государственное значение⁵⁹.

М. Х. Сулган-Галиев имеет своё мнение на этот счёт: «Ещё до поездки в Крым я находил, что объявление Крыма КРАСНОЙ ЗДРАВНИЦЕЙ до её (так в тексте. — *Авт.*) политического самоопределения было ошибочным. Необходимо было запланировать сначала автономность Крыма с тем, чтобы он сам потом, по своей инициативе, объявил себя здравницей. Посетив Крым, я ещё больше убедился в этом»⁶⁰. Он предлагает осуществить «декларирование Крыма автономной Советской Социалистической Республикой с Конституцией, соответствующей Конституции Дагестана и Горской Республики»⁶¹, то есть фактически территориальной автономией с учётом особенностей полиэтничного региона (в 1921 году в Крыму проживало 719 531 человек, из них: 298 666 (42,2% от всего населения) русских, 196 715 (26%) татар, 72 352 (9,5%) украинцев, 49 406 (6,9%) евреев, 42 350 (5,9%) немцев, 23 868 (3,4%) греков, 12 017 (1,7%) армян, 10 572 (1,5%) болгар, 5 734 (0,9%) поляков и других⁶²).

Областное совещание татар-коммунистов (в том числе казанских) 13 мая 1921 года принимает резолюцию, в которой констатируется: «Совещание считает вполне революционно-целесообразным государственной формой для Крыма — провозглашение его интернациональной республикой, входящей в Российскую Федерацию, взяв за основу конституцию одной из существующих республик»⁶³.

Забегая вперёд, отметим, что последнее слово осталось за Центром. 18 октября 1921 года В. И. Ленин, М. И. Калинин и А. С. Енукидзе подписывают постановление ВЦИК и СНК об образовании автономной Крымской Социалистической Советской Республики. 10 ноября I Всекрымский Учредительный съезд советов принимает Конституцию автономной Крымской ССР, являющейся территориальным многонациональным образованием в составе РСФСР. Создание республики в Крыму обуславливалось как внутренними условиями, так и международными. Приграничная территория в качестве автономии должна была играть роль своеобразного «бу-

фера» между Советской Россией и сопредельными государствами, служить «витриной» достижений политики Советского государства, особенно национальной, а также являться плацдармом для продвижения мировой революции на Восток⁶⁴.

Первым председателем КрымЦИК избран Ю. П. Гавен, председателем Совета народных комиссаров — казанский татарин С. Г. Саид-Галиев⁶⁵. Из 50 членов КрымЦИКа 18 были татарами (в том числе Б. В. Чобан-Заде; С-Дж. Хаттатов избран кандидатом в члены КрымЦИК), в первом составе СНК из 15 членов — 4 татар (коммунисты: У. Ибраимов, нарком земледелия; В. Ибраимов, нарком рабоче-крестьянской инспекции; К. Хамзин (казанский татарин), нарком просвещения; а также Х. С. Чапчакчи, нарком здравоохранения; все — члены КрымЦИК)⁶⁶.

Коммунисты, придя власти, не терпели ни соперников, ни союзников. Это была изначально всеотбрасывающая и всепоглощающая оставшееся, послушное тоталитарная машина, признающая монополию и только монополию. Эта монополия и установилась в Крыму в начале 1920-х годов.

Самым страшным преступлением коммунистической власти стало возобновление — в новых условиях, новых формах, новом, апокалипсическом масштабе, надолго сделавшем само слово «Крым» устрашающим, — террора, от которого полуостров и так уже пережил немало. Возобновление войны с безоружными.

Заводной ключ к механизму террора находился в Москве. Отсюда были присланы заправилы — Бела Кун и Землячка, а также один из руководителей государства — Ю. Л. Пятаков, направленный для общего руководства акцией.

Расправы начались буквально сразу после вступления Красной Армией крымских городов. Производились они по приказам военных. Так, в Феодосии в ночь с 16 на 17 ноября на железнодорожном вокзале было расстреляно до 100 раненых офицеров и солдат Виленского полка⁶⁷.

17 ноября 1920 года Крымревком издаёт приказ № 4 — новая власть определила категории своих будущих жертв:

«1

Всем иностранно-подданным, находящимся на территории Крыма, приказывается в 3-дневный срок явиться для регистрации. Лица, не зарегистрировавшиеся в указанный срок, будут рассматриваться, как шпионы и преданы суду Ревтрибунала по всем строгостям военного времени.

2

Все лица, прибывшие на территорию Крыма после ухода Советской власти в июне 1919 г., обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Неявившиеся будут рассматриваться как контрреволюционеры и предаваться суду Ревтрибунала по всем законам военного времени.

Все офицеры, чиновники военного времени, солдаты, работники в учреждениях добармии обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Неявившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по всем строгостям законов военного времени.

Пред. Крымревкома Бела Кун.

Управделами Яковлев»⁶⁸.

Сразу же зашевелились местные ревкомы, военные трибуналы (которым хватало и собственной инициативы), чрезвычайка.

Отныне все перечисленные могли считать себя смертниками.

Думается, ЦК РКП(б) не случайно остановился на фигуре Бела Куна. Венгерский революционер, переживший поражение революции в своей стране, он считал, что вправе ненавидеть буржуазию и её «ставленников» лютой ненавистью. Кстати, на что историки как-то не обращали внимания, в Будапеште с 5 июня по 24 ноября 1920 года (!) проходил процесс под названием «Уголовное дело Бела Куна и его товарищей», или «Процесс народных комиссаров». Пятьдесят человек были приговорены к смерти, примерно сто — к пожизненному заключению. (Позднее все они, в числе пятисот, найдут приют в СССР, будучи обменными на пленных венгерских офицеров)⁶⁹.

Не случайной была и фигура Землячки. Верный солдат партии, — она готова была выполнить любой её приказ. М. С. Султан-Галиев дал такой отзыв о ней: «...тов. САМОЙЛОВА (Землячка) — крайне нервная и больная женщина, отрицавшая в своей работе какую бы то ни было систему убеждения и оставившая по себе почти у всех работников память «Аракчеевских времен». Не нужное ни к чему нервничание, слишком повышенный тон в разговоре со всеми почти товарищами, чрезвычайная требовательность там, где нельзя было ей предъявлять её, незаслуженные репрессии ко всем тем, кто имел хотя бы небольшую смелость «сместь своё суждение иметь» или просто «не понравиться» ей своей внешностью, — составляли отличительную черту её «работы». Высылка партийных работников из Крыма обратно на Север... приняла эпидемический характер. «Высылались» все без разбора, кто бы то ни был, и не единицами, а целыми пачками — десятками и сотнями. Такая терроризация организации дала самые отрицательные результаты. В бытность тов. САМОЙЛОВОЙ в Крыму буквально все работники дрожали перед ней, не смея ослушаться её хотя бы самых глупых или ошибочных распоряжений»⁷⁰.

Если таковые были отношения Землячки со своими партийными товарищами, то можно представить её ненависть к «классовым врагам», в число которых мог попасть, да и зачастую попадал, любой человек имеющий несчастье родиться и воспитываться в «неправильной» социальной среде, либо сомневающийся в правильности линии партии, причем в понимании самой тов. Самойловой.

Как свидетельствуют источники, знал — и не только — о размахе террора командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе. На наградном списке заместителя начальника особого отдела Южного фронта Е. Г. Евдокимова⁷¹, одного из главных палачей, имеется его резолюция: «Считаю деятельность т. Евдокимова заслуживающей поощрения. **Ввиду особого характера этой деятельности** (выделено нами. — *Авт.*) проведение награждения в обычном порядке не совсем удобно»⁷².

Сложнее с местными работниками. Позиция «либерала» Ю. П. Гавена хорошо известна. Не думаем также, что активными проводниками политики террора стали крымскотатарские соработники С. М. Меметов и С. И. Идрисов. Явно не тянул на такого и Д. И. Ульянов.

25 декабря 1920 года Крымревком издаёт приказ № 167, согласно которому всем отделам управления уездных и городских ревкомов в 10-дневный срок со дня опубликования данного приказа необходимо произвести регистрацию всех бывших офицеров, военных чиновников, полицейских, жандармов, сановников, занимавших при царской и врангелевской власти ответственные посты, духовенства, собственников фабрик, заводов, усадеб, садов, домовладельцев, стоимость имущества которых по мирному времени исчислялась свыше 25 тысяч рублей, владельцев магазинов, винных погребов, складов, фруктовых лавок, булочных, ресторанов, кафе, гостиниц, директоров фабрик, заводов, театров, и прочих предприятий, стоимость которых по мирному времени превышала 25 тысяч рублей, всех граждан, приехавших в Крым в периоды от 1 февраля 1918 года до второго прихода Советской власти и от 1 июня 1919 года до вступления Красной Армии ныне, в качестве эвакуировавшихся при Деникине и Врангеле, проживающих в данное время в Крыму. «Все вышеуказанные лица обязаны явиться на регистрацию в отделы управления. Не явившиеся на таковую будут рассматриваться как контрреволюционеры и предаваться суду Революционного трибунала», — грозно предупреждалось в приказе. Исключение делалось только для лиц, находившихся на службе в Красной Армии не менее 3-х месяцев, и членов РКП(б). К претворению в жизнь данного приказа привлекались квартальные комитеты, домовые комитеты, милиция и соответствующие советские учреждения⁷³.

Приказом Крымревкома от 3 января 1921 года № 192 всем жителям Симферополя и окрестностей предписывалось сдать оружие в КрымЧК, не исполнившим сие грозил расстрел. Домовым комитетам и лицам, хранящим домовые книги, категорически воспрещалось таковые уничтожать, портить вырывать из них листы. Все домовые комитеты, заведующие гостиницами, номерами, коменданты зданий под личную ответственность обязывались ежедневно сообщать в КрымЧК о лицах, прибывающих на квартиры и комнаты и выбывающих из них. Кроме того, КрымЧК обращалась «ко всем честным гражданам с призывом исполнить свой гражданский долг и помочь ей в деле очистки Крыма от остатков контрреволюционных банд

и отдельных белогвардейцев» и просила «всякие сведения о скрывающихся белогвардейцах, контрреволюционерах и примазывающихся к Советской власти, пролезших в советские учреждения» направлять в КрымЧК, «не стесняясь формой изложения», но с подписью и с указанием адресов заявителей, фамилии которых обещалось сохранить в тайне⁷⁴. Таким образом, всячески приветствовалось и поощрялось доноительство.

Были забыты все обещания амиинистии. Никого не интересовало и то, что оставшиеся в Крыму врангелевские офицеры были в большинстве не профессионалами (кадровые ушли), а мобилизованными, вчерашними служащими, студентами, «людьми свободных профессий». Работали они в тылу, как, допустим, больной туберкулёзом сын писателя И. С. Шмелёва — подпоручик артиллерии С. И. Шмелёв, и пороку, как говорится, не нюхали, тем паче, ни в каких расправах не участвовали. С. И. Гусев-Оренбургский попытался, было, хлопотать за Сергея Шмелёва, но безуспешно. С. Я. Бабахан, узнав, что тот был офицером, прямо сказал: «Значит незачем хлопотать о нём, был приказ расстрелять всех офицеров...»⁷⁵.

Военные являлись на регистрацию, которая продолжалась в Симферополе несколько дней. «Всех записывали, опрашивая о времени службы, о части, в которой служили и т. п., — свидетельствует очевидец событий, — и группами отправляли в казармы, где содержали под стражей в продолжение недели. Обходились с арестованными очень деликатно, беспрепятственно пускали к ним на свидание родственниц, женщин и детей. Мужчин не пускали, оправдываясь тем, что под видом родственников могут уйти из казармы и арестованные. Позволялось без ограничения приносить одежду, провизию, книги. Все ждали решения о высылке, строили предположения, куда кого пошлют, и уже привыкли к своему положению; многие надеялись, что большевики смилуются и не ушлют их далеко. Ничто, казалось, не предвещало ничего страшного. Город понемногу стал принимать прежний вид, и граждане, мало-помалу, приспособились к новой обстановке, к уплотнениям, к новому правительству, стали мирно заниматься своими обыденными делишками.

Но дней через шесть после ареста совершенно неожиданно перевели группу человек в двести офицеров из казарм в городскую тюрьму. Свидания с этой группой были прекращены.

Прошло три дня... И вот, среди бела дня, когда даже родственников было мало около тюрьмы, открылись тюремные ворота, выехал конный отряд красноармейцев, за ним пешком в полном составе вышла вся переведённая в тюрьму группа офицеров, плотно окружённая двойным кольцом пеших и конных красноармейцев. Их повели по Алуштинскому шоссе и вели пять вёрст в сад Крымтаева, где жили только двое татар-сторожей, которые и явились единственными нейтральными очевидцами расстрела этих несчастных. Эти татары рассказали, что приведённых сначала отвели в дом, где всю ночь допрашивали. Оттуда раздавались стоны и крики от пыток, которым их подвергали. На рассвете всех офицеров вывели из дома

в сад, где разделили на пять групп. Первую группу заставили вырыть себе братскую могилу, и когда она была вырыта, их поставили перед ней и залпом растеряли. Большинство расстрелянных попадало прямо в могилу.

Вторую группу заставили стащить туда остальных расстрелянных товарищей и закопать могилу.

После этого заставили их вырыть новую могилу для себя. Затем расстреляли новым залпом вторую группу, заставив третью делать то же, что и вторую и т. д. ... На другой день из казармы была уведена новая партия офицеров, и с ней повторилось тоже самое. Таким образом, через короткое время исчезли все арестованные офицеры из казармы. В общем их было свыше тысячи. Расстреливали не только в саду Крымтаева, но и в других местах, например, за вокзалом»⁷⁶.

Родственники и друзья вначале шли вместе с колоннами, гонимыми на расстрел, но возле имения «Салгирка» конвойные запрещали им следовать далее. Из двух татар-сторожей, ставших свидетелями казней, один сошёл с ума»⁷⁷.

Массовые экзекуции проходили по всему Крыму. Истребляли в тюрьмах, чаще — вывозили сотнями за черту города (в Феодосии это мыс Св. Ильи, «Чумка» близ Карантина, места у Лысой горы; в Судаке — гора Алчак; в Ялте — усадьба казнённого нотариуса А. Ф. Фролова-Багреева — «Багреевка») и там расстреливали или топили в море.

«Но что особенно обращает на себя в этих расстрелах, — пишет М. Х. Султан-Галиев, — так это то, что расстрелы проводились не в одиночку, а целыми партиями, по несколько десятков человек вместе. Расстреливаемых раздевали донага и выстраивали перед вооружёнными отрядами. Указывают, что при такой «системе» расстрелов некоторым из осуждённых удавалось бежать в горы. Ясно, что появление их в голом виде почти в сумасшедшем состоянии в деревнях производило самое отрицательное впечатление на крестьян. Они их прятали у себя, кормили и направляли дальше в горы. Насколько это соответствует действительности, трудно сказать, но так утверждают почти все Центральные и местные работники»⁷⁸.

Не следует думать, что жертвами стали только денкинские, врангелевские военные и чиновники. Достаточно было «не рабоче-крестьянского» происхождения, прежней службы в царской армии, в любых небольшевистских вооружённых силах. Упомянутый Евдокимов удостоился ордена Красного Знамени и был награждён им, в соответствии с рекомендацией Фрунзе, без публичного об этом объявления за то, что «во время разгрома армии ген. Врангеля в Крыму... с экспедицией очистил Крымский полуостров от оставшихся там для подполья белых офицеров и контрразведчиков, изъяз (! — *Авт.*) до 30 губернаторов, 50 генералов, более 300 полковников, столько же контрразведчиков и в общем до 12 000 белого элемента, чем предупредил возможность появления в Крыму белых банд»⁷⁹.

Среди поименно перечисленных жертв террора в статье В. П. Купченко⁸⁰: губернатор, предприниматель, инженер, помещица и её дочь; препо-

даватель; гимназист; поэт, художник и искусствовед В. С. Бабаджан⁸¹... Поэт М. А. Волошин, по его рассказу, видел в списке приговорённых к расстрелу и своё имя, но получил разовую возможность вычеркнуть из тысячи двести человек⁸². По его мнению, из каждых трёх крымских интеллигентов погибло двое⁸³. Людей уничтожали не за борьбу с оружием в руках, что ещё как-то можно понять (да и то очень трудно — после обещаний амнистии), а просто за происхождение, либо за «политическую неблагонадёжность», даже возможную и недоказанную.

В письме к К. В. Кандаурову от 24 апреля Волошин сообщает из Симферополя: «Более страшного времени Крым не переживал»: за 5 месяцев казнено около 30 тысяч (сколько во всей Франции за 10 лет Французской революции!). «Я всё время борюсь с террором» (хотя за ходатайства казнят!), несколько десятков «удалось вырвать». Несколько гарантирует то, что то же делал при Деникине и Врангеле для коммунистов. Зимой, из-за обилия доносов, уехал из Феодосии, но «теперь возвращаюсь и устраиваю у себя санаторию для художников. Необходима поддержка из центра: право заступничества за художников и писателей (В Судаче в третий раз арестована С. Парнок, которую уже дважды выгаскивал из тюрьмы). Не раз телеграфировал Горькому и Луначарскому, посылал списки арестованных художников». Жил в одном доме с «тройкой», знал всех приговаривающих, «ко мне приходили все вдовы и матери»⁸⁴. Происходящее, очевидцем которого был поэт, отражено в его стихотворении:

ТЕРРОР

*Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья. Справки, дела.
Топливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.*

*С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликивали по спискам мужчин, женщин.
Сгоняли на тёмный двор.*

*Снимали с них обувь, бельё, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.*

*Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.*

*Загоняли прикладом на край обрыва.
Освещали ручным фонарём.
Полминуты рокотали пулемёты.
Доканчивали штыком.*

*Ещё недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землёй.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.*

*А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жёны, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.*

Симферополь, 26 апреля 1921 г.

Среди лишённых жизни во время террора в Крыму встречаются адвокаты, артисты театра, банкиры, беженцы, дворяне, инженеры, иностранноподданные, интенданты, казаки, крестьяне, купцы, лесники, матросы, писари, помещики, прислуга, предприниматели, рабочие, бывшие сановники, солдаты, священнослужители, служащие, студенты, торговцы, учителя, чиновники военные и гражданские, юристы, бывшие полицейские, пограничники, стражники, судебные следователи, тюремные надзиратели, представители самых разных национальностей.

Юрист Л. М. Абраменко, опубликовавший выявленные (далеко не полные) списки репрессированных и расстрелянных, приводит данные о терроре в отношении членов семьи и «пособников» контрреволюционеров⁸⁵; лиц, сочувствующих белому движению, в рядах которых оказалась учительница начальных классов А. И. Пиотровская, 1902 года рождения, и рабочий В. Л. Христенко, того же года рождения, расстрелянные в Евпатории⁸⁶; бойцов и командиров Красной Армии, мобилизованных и служивших когда-то в Белой армии, но задолго до Перекопско-Чонгарской операции перешедших на сторону красных⁸⁷; расстрелах махновцев, которых зачастую уничтожали без всякого документирования⁸⁸; медицинских работников, сестёр милосердия, среди которых М. П. Курбатская, 1904 года рождения⁸⁹, и служащих обществ Красного Креста⁹⁰; раненых бойцов Русской армии, находившихся на излечении в госпиталях⁹¹, включая инвалидов (например, солдата, оставшегося после ранения без руки, Р. И. Шуплика, 1883 года рождения)⁹²; пленных (в 24 ноября 1920 года только в Симферопольском регионе расстреляно более 1700 пленных)⁹³; рабочих и служащих на строительстве железнодорожной ветки Сюрень — Бешуйские угольные копи⁹⁴; о заключённых в концентрационные лагеря и расстрелянных женщинах за содействие в укрывательстве офицеров, в то числе казнённой в

Евпатории учительнице К. И. Подольской, 1900 года рождения⁹⁵; о репрессированных возвращенцах, ранее служивших в белых войсках, но решивших в 1921 году вернуться в Крым из-за границы⁹⁶.

В числе погибших — министры второго Крымского краевого правительства А. А. Стевен, за которого пытался безрезультатно ходатайствовать ректор Таврического университета В. И. Вернадский⁹⁷, и А. П. Барт; редактор «Таврических Губернских Ведомостей» Н. П. Чоглаков; соредактор либеральных «Южных Ведомостей», подвергающийся репрессиям при белых, А. П. Лурье⁹⁸; видный «курултаевец» Джафер Аблаев; полупарализованная княгиня Н. А. Барятинская, статс-дама двора Императора Александра III, 1847 года рождения, вместе беременной дочерью и зятем И. С. Мальцовым, внёсшим немалый вклад в создание Симеизского курорта⁹⁹; протоиерей Андрей Косовский, настоятель Екатерининской церкви в Феодосии (несмотря на 275 подписей прихожан и 112 ходатаев-крестьян¹⁰⁰); и многие, многие другие.

В качестве типичных жертв расправы назовём и двух своих однофамильцев — Зарубина Кузьму Ивановича, 1892 года рождения, уроженца и жителя деревни Кнубри Альшанской волости Орловского уезда и области, который работал сапожником в Киеве, был призван в годы Первой мировой войны в армию, в 1914–1917 годах служил рядовым 19-й пограничной бригады (г. Волочанск), солдата белой армии¹⁰¹; и Зарубина Павла Степановича, 1897 года рождения, уроженца Донской области, рядового казака¹⁰², расстрелянных в Ялте.

Менее чем о самом терроре, известно о проявлениях недовольства и противодействия, которые вызвала эта чудовищная акция. Открытое возмущение происходящим могло стоить жизни. Так, 5 января 1921 года в Евпатории «за публичное осуждение репрессий» был расстрелян священник В. И. Сластовников, 1849 года рождения¹⁰³. Преданными казни могли быть и ходатаи за арестованных. Это, в частности, случилось с членами церковного совета В. Х. и С. К. Канаки, вступившими за арестованного в Бахчисарайской округе священника И. Л. Спано. Несмотря на значительное число подписей в их защиту, собранных на деревенских сходах, все трое были расстреляны¹⁰⁴.

Самойлова подписывает документ: «Путём регистрации, облав и т. п. (под «и т. п.» скрываются, прежде всего, доносы. — *Авт.*) было произведено изъятие служивших в войсках Врангеля офицеров и солдат. Большое количество врангелевцев и буржуазии было расстреляно (напр. в Севастополе из задержанных при обыске 6000 человек отпущено 700, расстреляно 2000 человек), остальные находятся в концентрационных лагерях (семьи расстрелянных высылались из Крыма. — *Авт.*). Действия Особых Отделов вызвали массу ходатайств со стороны местных коммунистов — благодаря связи их с мелкой буржуазией — за тех или иных арестованных. Областкомом было указано на недопустимость массовых ходатайств и пред-

ложено партийным бюро ни в коем случае не давать своей санкции подобным ходатайствам, а наоборот, оказать действительную помощь Особым Отделам в их работе по окончательному искоренению контрреволюции»¹⁰⁵ (начало декабря 1920 года).

О недовольстве и растерянности населения свидетельствует, в частности, протокол № 1 заседания бюро Севастопольской парторганизации (декабрь): «Об отношении организации РКП к создавшемуся положению в городе в связи с арестами и обысками. Повести агитацию среди рабочих масс о необходимости искоренения контрреволюционеров»¹⁰⁶.

Итак, участие в бойне в той или иной форме стало (отличие от 1918 года) прямой партийной директивой.

Куна и Самойлова настаивали на том, чтобы убрать из Крыма «мягкотелых»: довольно популярного Гавена, «в виду недостаточной твёрдости и устойчивости»¹⁰⁷, С. Я. Бабахана, И. К. Фирдеса, П. И. Новицкого, друга Гавена Л. П. Немченко и других (реляции в ЦК РКП(б)). Вызывало недовольствие и поведение Д. И. Ульянова, злоупотреблявшего спиртным (не выдерживали нервы?). В конце-концов, 7 мая 1921 года президиум Крымского обкома РКП(б) обсуждал вопрос «о случае появления тов. Ульянова в нетрезвом виде», на следующий день пленум обкома обратился к ЦК с просьбой об его отзыве из Крыма¹⁰⁸. Ходатайство было удовлетворено.

В руководстве Крыма назревает конфликт, закончившийся отозванием «варягов» — Куна и Самойловой. (Как сделавших своё дело?)

После отзыва Землячки из Крыма на время её заменил член Реввоенсовета 4-й армии А. М. Лидэ, замещавший также должность председателя Крымревкома. М. Х. Султан-Галиев в своём докладе отметил: «Тов. Лиде — большой психически, сильно утомившийся и нуждающийся в отдыхе работник. У него парализованы оба плеча и одна нога, и он с большим трудом двигается. Исследовавшие его недавно врачи утверждают, что переутомление его организма достигло крайних пределов, и что если он не будет лечиться, то через несколько месяцев может сойти с ума. Ясно, что требовать от такого работника умелого руководства партийной работой было нельзя. Он пошёл по пути т. Самойловой, правда, временами с некоторыми ослаблениями, но это «ослабление» носило непостоянный характер и лишь раздражало организацию (областную партийную. — *Авт.*), вызывая в ней внутренние трения»¹⁰⁹.

С 21 февраля Крымревком возглавил М. Х. Поляков¹¹⁰. По решению оргбюро ЦК РКП(б) от 3 марта, на полуостров был направлен И. А. Акулов¹¹¹, ставший секретарём областного комитета РКП(б) и членом Крымревкома, также настаивавший перед ЦК РКП(б) об отзыве из Крыма Ю. П. Гавена, С. Я. Бабахана, И. К. Фирдеса, С. М. Меметова и других. М. Х. Султан-Галиев считал, что он вместе с некоторыми руководителями проявляли «вредную для классового расслоения татар политику «крайней левизны» в национальном вопросе», требуя отзыва из Крыма именно их с сохранением здесь на работе Гавена и Фирдеса¹¹².

Также, по мнению Султан-Галиева, «слишком широкое применение в Крыму красного террора» являлось «первой и очень крупной ошибкой», породившей ненормальность становления советской работы. «Самое скверное, что было в этом терроре, — продолжает он, — так это то, что среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твёрдым желанием честно служить советской власти. Особенно большую неразборчивость в этом отношении проявили чрезвычайные органы на местах. Почти нет семейства, где кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого брат, у третьего сын и т. д. (...) Такой бесшабашный и жестокий террор оставил неизгладимо тяжёлую реакцию в сознании Крымского населения. У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед Советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба»¹¹³.

Позднее Ш. М. Ибрагимов, председатель полномочной комиссии ВЦИК, СНК и ЦК РКП(б), прибывшей для изучения ситуации в Крым, скажет на пленуме Областкома (16 июня 1921 года): «...В Крыму не всё идёт нормальным путем. ...Во-первых, излишества красного террора, проводившегося слишком жестоко... необычайное обилие в Крыму чрезвычайных органов, которые действуют порознь, и от этого терпело население»¹¹⁴. А Вели Ибраимов, в 1921 году возглавлявший чрезвычайную тройку по борьбе с бандитизмом, выступая на пленуме ОК 22 августа 1921 года, был ещё более откровенен: «...Вся тактика местной власти в Крыму опиралась на ЧК и Красную Армию, чем окончательно терроризировалось рабочее и татарское население»¹¹⁵.

В связи с недобросовестными политизированными публикациями, расплодившимися в последнее время (о расстрелах чуть ли не десятков тысяч крымских татар и т. д.), подчеркнём, что сельского населения репрессии практически не коснулись.

Комментарий: Вели Ибраимов будет расстрелян по сфабрикованному обвинению в 1928 году; с 1923 года подвергался репрессиям Султан-Галиев, расстрелянный в 1940 году; Гавен, Бабахаян, Фирдевс, Новицкий, Немченко станут жертвами сталинского террора в 1930-х. Снисходительность к «мелкой буржуазии» и связь с ней им тоже будут ставиться в вину. Та же судьба ждёт Бела Куна, Полякова и Акулова.

Газетные сообщения об ужасах крымского террора 1920–1921 годов (пароксизм расправ приходится на зиму, потом волна начинает понемногу спадать, до конца 1921 года) собрал и систематизировал С. П. Мельгунов в 1923–1924 годах¹¹⁶. Он же приводит различные сведения о количестве уничтоженных. И. С. Шмелёв говорил о 120 тысячах; «он утверждает, что официалн. большевистские сведения в своё время определяли число расстрелянных в 56 тыс. человек...»¹¹⁷. В письме к К. В. Кандаурову 15 июля 1922 года М. А. Волошин писал, что за зиму террора было расстреляно 96 000 — при городском населении в 300 000 (крестьян не трогали)¹¹⁸. М. Х. Сул-

тан-Галиев, ссылаясь на крымских работников, докладывает: «число расстрелянных врангелевских офицеров достигает во всём Крыму от 20 до 25 000», добавляя, «что лишь в одном Симферополе расстреляно до 12 000», а «народная молва превозносит эту цифру для всего Крыма до 70 000», хотя подтвердить это ему не удалось¹¹⁹. Публикатор и комментатор доклада Султан-Галиева С. А. Усов делает вывод о не менее 40 тысячах погибших¹²⁰. Имеются данные о расстрелянных в первые дни регистрации военнопленных, чиновников, лиц, заподозренных в причастности к белым армиям: Симферополь — около 20 000 человек; Севастополь — около 12 000; Феодосия — около 8000; Керчь — около 8000; Ялта — около 4000–5000¹²¹. Цифра крымского историка В. П. Петрова — 20 тысяч (как минимально доказуемая)¹²². Окончательный итог подведёт только тщательное изучение сохранившихся документов.

Нам представляется, однако, что скрупулёзные подсчёты жертв (бесфамильно) только притупляют реальное восприятие трагедии. Тем более что разгул насилия на просторах СССР продолжился и в дальнейшем. Неужели строки М. А. Волошина действительно имеют силу пророчества?

*Всем нам стоять на последней черте,
Всем нам валяться на вишовой подстилке,
Всем быть распластанным — с пулей в затылке
И со штыком в животе.*

**(Из стихотворения «Терминология»,
Симферополь, 29 апреля 1921 года)**

Чрезвычайное положение сохранялось в Крыму до конца ноября 1921 года.

Оправданием его существования служило стремление покончить с остатками «зелёных», теперь уже отчасти «бело-зелёных», в крымских горах и лесах. К декабрю 1920 года их численность составила до 8–10 тысяч человек¹²³. В их число вошли и активные противники власти большевиков, и обыкновенные грабители, и лица, скрывающиеся от развернувшегося террора. «Идейные» «бело-зелёные» старались опереться на крестьянство, привлечь его к антибольшевистскому вооружённому движению, для чего в условиях широкого недовольства военно-коммунистической политикой умело использовалась агитация со стороны активистов повстанцев. Они же стремились и к установлению тесных связей с антибольшевистским подпольем в городах. Группы «бело-зелёных» стали расти к середине апреля 1921 года, в основном концентрируясь в районе Алушты и Красноармейска (Ялты). Количество таких групп исчислялось десятками, от 20 до 70 человек в каждой из представителей разных национальностей. Но существовали и отряды, целиком состоящие из крымских татар.

В конце апреля 1921 года Крымревком объявил широкую политическую амнистию в отношении лиц, скрывавшихся от властей. Она продлевалась до

15 мая, затем до 1 июня 1921 года, однако ожидаемых результатов не дала. Наоборот, на май-июнь приходится пик антибольшевистского движения. В это время «бело-зелёные» смогли не только нарушить транспортное сообщение между уездами Крыма, но и в значительной степени парализовать работу местных органов власти. Тем не менее, широкое народное восстание на полуострове поднять не удалось. Этому способствовали как репрессивные меры, так и замена, наконец, продразвёрстки продналогом. Отметим, что у «бело-зелёных» так и не появилось своего руководящего центра. Среди «зелёных» произошёл раскол, часть групп, в которых численно преобладали мусульмане, повели переговоры с представителями властей о переходе на их сторону. При этом И. А. Акулов выступал за «силовые» меры в отношении «зелёных» повстанцев, неохотно шёл на переговоры и компромиссы с ними¹²⁴, в отличие от Вели Ибраимова, в июле 1921 года назначенного уполномоченным представителем от комиссии Всероссийского ЦИК по делам Крыма на переговорах с бандами, действовавших в горах полуострова. К концу июля года сложило оружие 228 повстанцев, прекратили существование пять весьма активных вооружённых формирований¹²⁵.

Правда, с сентября бандитизм вновь активизировался в Крыму. К концу 1921 года волна «бело-зелёного» движения охватила весь полуостров, с наибольшей остротой оно проявилось с сентября в Бахчисарайском и Ялтинском округах, а позднее — в Феодосийском. Стимулятором этого обострения послужила новая надвигающаяся трагедия — голод. В этих условиях власти пошли на свёртывание соглашений о сдаче, подписанными с руководителями «бело-зелёных». Началось «изъятие» тех, кто ранее добровольно сложил оружие, бывших активистов арестовывали, остальных высылали за пределы Крыма. Однако антибольшевистские выступления не прекращались. 8 ноября 1921 года восстали крестьяне Симеиза, вступив в вооружённые столкновения с отрядами ЧОН и КрымЧК, они отступили в горы. Осенью и зимой 1921–1922 годов движение «бело-зелёных» продолжалось, его рецидивы отмечались и в 1923 году¹²⁶.

Добавим, что в 1921 году в Крыму действовали и другие подпольные организации антибольшевистской направленности. В июле Евпаторийской ЧК была раскрыта группа в Евпаторийском уезде, готовившая нападения на органы милиции и воинские части. В августе разгромлена правозэсеровская организация, имевшая связь с Б. В. Савинковым, развернувшая деятельность в Ялте, Керчи и Феодосии. Органы КрымЧК и Всероссийской ЧК ликвидировали другую организацию, стремящуюся заручиться поддержкой белой эмиграции и получить от неё помощь, действующую на побережье Чёрного и Азовского морей, подпольная сеть которой охватывала Симферополь, Севастополь, Бердянск, Геническ, Мелитополь. В 1922 году была ликвидирована крупная организация Михаила Дионисьева (Боженко), провозгласившего себя Временным Правителем России и подписавшим программный документ — «Наказ № 1». Арестовано 83 её участника¹²⁷.

Тем временем полуостров охватило страшное бедствие.

Признаки приближающейся катастрофы наметились летом 1920 года, которое выдалось исключительно жарким. Но газетные сообщения о засухе в отдельных районах Крыма тонули в казавшейся гораздо более важной информации — война, политика, инфляция... Да и урожай 1919-го года породил что-то вроде эйфории: хлеб есть и хлеба хватит. Но с августа, однако, население кое-где уже начинает голодать.

Пришли большевики — всё повторилось. Газета «Красный Крым» успокаивала себя и своих читателей: «Разумеется, будем надеяться, что крымскому пролетариату... не надо будет привыкать к голодовке. Новые мероприятия Советской власти в области продовольствия, безусловно, облегчат положение и необходимо лишь некоторое спокойствие... Мы должны полагать, что худшее время проходит, что мы вступили в самый последний период недоедания и за ним наступит период безусловного улучшения быта рабочих»¹²⁸.

Надежды не оправдались. С сентября-октября 1921 года уже не голод — настоящий голодомор — стал неудержимо накатываться на полуостров. «День ото дня страшнее — и теперь горсть пшеницы дороже человека»¹²⁹, — писал проживший в окрестностях Алушты Шмелёв о том времени, когда голод только начинался.

В чём причины страшного бедствия?

Первостепенная: последствия Гражданской войны. Будто сама природа взбунтовалась против людей-варваров, разрушивших, свернувших сельское хозяйство, обесценивших плоды рук своих — виноград, табак, кожу, наводнивших истощённый Крым десятками тысяч голодных армейских и чекистских ртов.

В своей докладной записке М. С. Султан-Галиев сообщал, что многочисленные воинские части, прибывавшие на полуострове, «питались за счёт Крыма и каждая из них, покидая Крым, увозила с собой очень большое количество «трофейных продуктов», а также лошадей. Отдельные красноармейские отряды занимались грабежами, и никто их от этого не мог остановить (это подтверждали мне и Лиде). Характерно, что в Симферополе, где в мирное время вмещалось не более 80 000 населения, в настоящее время с пребыванием 4-й Армии помещается до 200 000 человек. Ясно, что всё это, вместе взятое, создаёт ужасный экономический кризис во всём Крыму. Продовольственное положение ухудшается изо дня в день. Весь Южный район (потребляющий), населённый преимущественно татарским населением, в настоящее время буквально голодает. Хлеба дают лишь Советским служащим, а остальное население, как в городах, так и в деревнях, абсолютно ничего не получает. В татарских деревнях наблюдаются уже случаи голодной смерти. Особенно усиливается детская смертность. На Областной Конференции женщин Востока делегатки татарки указывали, что татарские дети «мрут, как мухи»¹³⁰. И это весной 1921 года.

А тут грянули климатические катаклизмы: невиданная за последние 50 лет засуха 1921 года, нашествие саранчи, проливные дожди 1922 года.

Положение усугубила безграмотная, игнорирующая местные условия, нацеленная на «преодоление» кризиса путём грозных распоряжений, и расстрелов и конфискации, вплоть до сапог у рыбаков, термометра у доктора, как пишет И. С. Шмелёв, политика местных властей.

Упомянутая выше артистка Е. И. Хатаева оставила свидетельства ликвидации буквально на её глазах рыночных отношений в Крыму. 18 декабря 1920 года она записывает в своём дневнике впечатление о рынке в Симферополе: «Ну, базар! Чего-чего там нет! Горы фруктов — яблок красных, розовых, жёлтых, белых; чудесных душистых груш; каштана, мушмулы, винограда [неразборчиво] всякой, всякой «вкуснятины». А какие духи и пудра! И Coty, и Houbigant, и Pugaunt, и Institut de Beaute...

Да чего только нет, чёрт возьми! И материи, и ботинки, и шёлковые чулки. И всё очень недорого по сравнению с Харьковом. Но цены уже и здесь за последние два дня повышаются. Я никогда не бывала на базаре, а тут каждый день брожу и покупаю что надо и не надо. Конечно, фрукты, конечно франц[узские] духи, пудру, ботинки и вообще всякую житейскую чушь»¹³¹. Но уже в январе она сообщает «о поднявшейся дороговизне, об отсутствии всякого заработка, о грошовой оплате труда, об исчезновении базара, об отсутствии каких-либо пайков...»¹³².

В своей автобиографической повести «Арлекинад. Дневник артистки в дни революции» Хатаева сообщает некоторые подробности. Живописав изобилие Симферопольского рынка, она с горестью констатирует: «Но через неделю наше блаженство кончилось. Какая волшебная палочка есть, махнули ею, и всё исчезло. Ничего не осталось, признаков никаких не осталось. Магазины сразу заколотились, базар — пустыня. И куда горы съестного подевались — неизвестно. Не иначе волшебная палочка. И ни за какие деньги ничего не достанешь: ни за деникинские, ни за врангелевские, ни за донские, ни за керенские, ни за романовские, ни за советские, ни за украинские. Одним словом, ни за какие. И опять «шрапнель», и даже без масла»¹³³.

М. С. Султан-Галиев с возмущением докладывал о безобразиях, творимых в Крыму чрезвычайными органами и их сотрудниками, чувствующими себя совершенно безнаказанными: «Незаконные реквизиции, конфискации и изъятия стали обычными явлениями. Характерен следующий случай. После X-го Съезда Партии и после опубликования в местной печати всех речей, статей и принятых Съездом постановлений об уступках крестьянству, в один прекрасный день Особый Отдел 4-й Армии производил разгон Городского базара в Симферополе. Разгон производили самым бесшабашным и хулиганским образом. Поднимают стрельбу, публику ловят, всё у них отбирают, вплоть до обручальных колец. И никто об этом не предупреждается: ни Областком, ни Ревком. Поднимается шум, гам... И только после этого, слишком уж «ощутительного» выступления Особого Отде-

ла, на Заседании Ответственных работников открыто ставится вопрос о ненормальности постановки Советской работы в Крыму». Ниже Султан-Галиев рассказывает о так называемом «изъятии излишков» у буржуазии: «начавшись в Центре (Симферополе), оно быстро перекинулось затем в провинцию и в некоторых местах превратилось в хроническую болезнь. Проводилось оно страшно неорганизованно и напоминало скорее грабёж, чем «изъятие». Отбирали буквально всё — оставляли лишь пару белья. Мне самому пришлось быть свидетелем такого «изъятия» в г. Алушке. Все партийные и Советские работники были заняты этой работой. Учреждения не работали. «Изъятие» производилось вооружёнными отрядами красноармейцев. Красноармейцы почему-то все были пьяны». У татар под видом «излишков» отбирались подушки и одеяла, служащие им вместо мебели. Распределение конфискованного имущества производилось также неорганизованно. Беднота ничего не получила¹³⁴.

А здесь ещё и Центр, грубо говоря, драл с Крыма немилосердно. Беспартийная татарская конференция по докладу председателя ЦИК Крымской АССР и председателя КрымЦКПомгола Ю. П. Гавена постановила: «Расследовать виновников подач статистических сведений о том, что в Крыму 9 миллионов пудов хлеба, в то время как на самом деле было 2 миллиона»¹³⁵. Продразвёрстка, отмененная X съездом РКП(б) и декретом ВЦИК РСФСР ещё в марте, была заменена продовольственным налогом только с 1 июня приказом Крымревкома от 31 мая № 373¹³⁶. Политика изъятия хлеба по фантастическим цифрам задания разоряла крестьянство и вызывала резкий его протест, вплоть до попыток упомянутого восстания на Южном берегу. Это была настоящая война государства против народа.

Военно-коммунистические нравы, запрет на свободное передвижение и товарообмен продолжали существовать в Крыму, по меньшей мере, до осени 1921 года, а рецидивы наблюдались и позднее.

Положение усугубили конфискация 1134 имений на побережье и попытка создания на их основе совхозов (большой частью эфемерных и занявших до миллиона десятин земли)¹³⁷. Это фактически лишало земли бывших батраков-арендаторов: в Крыму примерно 40% крестьян оставалось в это время безземельными. Крымревкомом было решено изъять у крестьян-виноградарей 40 тысяч вёдер вина, что привело к повальной вырубке виноградников.

Наркомпрод РСФСР определил в голодном 1922 году продналог для Крыма в 1,2 миллиона пудов, причём запретил засеивать поля до его внесения. Наркомпрод Крыма запротестовал: «...В тяжёлом положении Крыма и опасности применения к нему нажима во что бы то ни стало убедились и Член Президиума Помгола ВЦИК тов. Белкин и бывший здесь тов. Калинин, — сообщалось в ЦК РКП(б). — Намеченные... 800 000 п. к 15/IX были изъятые, причём никакой нужды употреблять какую бы то ни было «активность» не было. ...Считаем, что упрёки, которые посылает ЦК, к нам не относятся...»¹³⁸.

Первой наступление голода почувствовала цыганская беднота, перебивавшаяся случайными заработками. Затем настала очередь татарских крестьян, имевших минимальные земельные участки и, проживавших в основной массе в Горном Крыму, почти не ведших зернового хозяйства. В ноябре 1921 года были зафиксированы первые смертные случаи от голода. В целом за ноябрь-декабрь погибло около 1,5 тысячи человек¹³⁹. Реакция местных властей первоначально была слабой: сказывались и беспечность их, и шапкозакладательские настроения, и изолированный образ жизни горных селений. «...Татарин молча, без ропота, без протеста, без борьбы умирал в своих деревнях, зачастую даже не выходя из хаты»¹⁴⁰.

Голод быстро охватывает города и степную часть Крыма с его многонациональным населением, отличающимся большой активностью. Игнорировать растущее бедствие было уже невозможно.

Осенью на полуострове проходила кампания помощи голодающим Поволжья. 9 сентября постановлением Крымревкома создаётся Крымский комитет помощи голодающим Поволжья¹⁴¹. Собирались налоги, и даже вывозилось продовольствие. Из Москвы в Крым шли телеграммы о необходимости принять голодающих из Поволжья, в том числе татарских детей¹⁴².

Центр, опираясь на завышенные данные крымских властей, отказывался признать республику голодающим районом. Обращения крымчан в ЦКПомгол ВЦИК и другие столичные инстанции (с ноября 1921 года) оставались безрезультатными: буквально крики о помощи тонули в бюрократической трясине множества учреждений. Уполномоченный КрымЦКПомгола в Москве К. Е. Сорин докладывал: «...Я сразу же натолкнулся на целый ряд препятствий со стороны Госплана, ЦСУ, Наркомпрода, Наркомзема, которые, каждый в отдельности, имели весьма разноречивые сведения о положении в Крыму»¹⁴³.

4 января 1922 года Севастопольский, Ялтинский и Джанкойский округа официально были признаны неурожайными. И только 16 февраля, когда от голода уже умирали тысячи и тысячи, заседание президиума ВЦИК пунктом 16 (!) постановило: «Отнести всю территорию Крымской ССР в число областей, признанных голодающими, со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹⁴⁴. (Интересно, что к этому времени имелось негласное решение Политбюро ЦК РКП(б) о прекращении приёма всех заявлений о признании отдельных территорий голодающими¹⁴⁵).

Президиум КрымЦИКа, учитывая экстремальность ситуации, по собственной инициативе создаёт ещё 1 декабря 1921 года Центральную республиканскую комиссию помощи голодающим — КрымЦКПомгол (с 19 октября 1922-го по 16 августа 1923 года — Комиссия по борьбе с последствиями голода — Последгол). Первым председателем КрымЦКПомгола стал секретарь Областка РКП(б) А. И. Израйлович. С середины февраля комиссию возглавлял Ю. П. Гавен (заместители — Б. С. Шведов, М. А. Червонный). Её состав постоянно расширялся, в том числе и за счёт крымских

татар (включая таких известных деятелей, как Б. В. Чобан-Заде, С. М. Меметов, У. Ибраимов, нарком земледелия Крымской АССР). Центральной комиссии подчинялись районные и окружные комиссии по борьбе с голодом. В деревнях функционировали комитеты взаимопомощи, вынесшие на себе всю тяжесть первых месяцев голода.

С января по апрель 1922 года резко расширяется география бедствия, стремительно растёт число смертей. За январь умерло 8 тысяч человек. В феврале голодало 302 тысячи, скончались 14 413 (4,7%), в марте соответственно — 379 тысяч (19 902 — 2,8%), в апреле — 377 тысяч (12 753 — 3,4%)¹⁴⁶. Это составило 53% населения Крыма.

Статистику тех лет, при всей добросовестности служащих, нельзя считать совершенной. Поэтому в документах есть известный разброс цифр. В мае голодало от 360 до свыше 500 тысяч. 12 мая за подписью Ю. П. Гавена и председателя татарской беспартийной конференции О. А-Г. Дерен-Айерлы Азербайджанскому СНК отправляется телеграмма: «В Крыму голодает более 400 000 ч., т. е. более 60% всего крымского населения. От голода погибло уже около 75 000 ч., в том числе больше 50 000 татар. Более одной пятой всего татарского населения погибло от голода»¹⁴⁷. К августу численность умерших достигла 86 тысяч¹⁴⁸. Наиболее пострадали весь Ялтинский округ, районы — Евпаторийский, Судакский, Карасубазарский (Белогорский), Коккозский, Бахчисарайский, Балаклавский, где голодало практически всё население.

Пик голода — март 1922 года. Самый страшный месяц для Крыма, когда основная масса голодающих была предоставлена сама себе. «Стадия эта отличается полным расстройством всех моральных начал и установленных законов человеческого общежития: идут повсеместно грабежи, кражи, убийства и мошенничества. Бандитизм, как один из спутников голода, дошёл до высшей точки своего развития»¹⁴⁹. Голод разбудил эпидемию тифа, затем появилась холера. На крымской земле разыгрывались сцены, которые трудно представить.

Дадим слово документам.

«Ужасы голода начинают принимать кошмарные формы. Людоедство становится обычным явлением: в Бахчисарае семья цыган зарезала 4-х детей и из (их. — *Авт.*) мяса сварила суп. Цыгане арестованы, и суп с мясом доставлен в милицию; в Севастополе на рынке валяются трупы, причём милиция отказывается (их убирать. — *Авт.*), очень халатно относится к своим обязанностям: по целым дням трупы не убираются. В Карасубазаре регистрируется 25–30 смертных случаев (ежедневно. — *Авт.*) Деятельность компомголов проявляется слабо. Но если в городах заметны кой-какие признаки помощи, то в деревнях голодающие оставлены абсолютно на произвол судьбы. Положение детских приютов улучшается. Волна нищенства усиливается»¹⁵⁰ (выписка из суточной сводки ЧК от 3 марта 1922 года). «Голод с каждым днем в Крыму усиливается и принимает грандиозные размеры. Каждый

день сводки с мест сообщают о людоедстве. В Карасубазаре опять обнаружено людоедство. Мать зарезала своего 6-ти летнего ребенка, сварила его, и начала его есть вместе с 12-[лет]ней дочкой. Женщина была арестована и на допросе в милиции лишилась рассудка. По отправлению её в больницу она скончалась. Местный помгол из-за отсутствия продресурсов не в состоянии дать голодающим возможности существовать хотя [бы] в полуголодном состоянии, вследствие чего и является людоедство, и употребление в пищу падали. Весь день на рынке происходит ловля случайно забредших сюда собак. Говорить о[б] употреблении в пищу суррогатов не приходится. Голодные массы в большом проценте питаются воловьей и овечьей кожей, также забирая из кожевенных заводов отбросы, побывавшие в обработке и извести. Больницы переполнены голодающими, которые умирают от истощения. Смертность достигает до 25 человек ежедневно. Голодных в Бахчисарае в городе до трёх лет 1793 чел., от трёх до 14 — 3270 чел. и взрослого населения 38584. Помгол получает еженедельно только 17 (неразборчиво. — *Авт.*) 0 пайков. В городе открыто 17 питательных пунктов и два эвакупункта для беженцев и в районе 13 питательных пунктов. В Джанкое крестьяне продают остаток мёртвого инвентаря. Смягчить все эти ужасы местные помголы не в состоянии, и нужна быстрая и решительная помощь из центра»¹⁵¹ (выписка из суточной сводки ЧК от 13 марта). «С всевозрастающей постепенностью голод расправляет свои щупальца, и бороться с ним всё труднее и труднее. Помголы не имеют возможности оказывать помощь в достаточных размерах, и голодающая масса гибнет. Заметная помощь оказывается только детям. Неголодающее население к мукам голодных относится совершенно пассивно и, если бы не обязательные постановления органов власти об отчислении доходов, помощи от общества не было бы совершенно. Денежные и продовольственные отчисления рабочих, служащих и кр-цев (красноармейцев. — *Авт.*) смягчают голод в самой малой его части. Всюду следует отметить увеличение числа голодающих. В пищу идут самые различные суррогаты: кожи, мякина и макуха. Едят собак, кошек и падаль. Людоедство стало обыденным явлением. Участились случаи самоубийств на почве голода, кражи, бандитских выступлений и эпидемических заболеваний. В Керчи зарегистрировано 35 случаев голодной смерти. Производится обмен семенного материала и продуктов на золотые деньги. Всего обменено на 247 рублей золотом. Следует отметить удовлетворительное положение детских приютов Евпатории, содержащих на иждивении 2336 детей. Зарегистрировано голодающих в округе 26.000. Незарегистрированных в несколько раз больше»¹⁵² (выписка из сводки ЧК от 17 марта).

Вот устное свидетельство Земине Сулеймановой, проживавшей тогда в с. Такыл-Джабанак (ныне с. Аркадьевка Симферопольского района): «Толпы нищих ходили по деревням, выпрашивая объедки. Люди, у которых сохранилось какое-то имущество, готовы были обменять его на еду на любых условиях».

К. Е. Сорин писал в «Правде» (1922. — 18 февраля): «Фунт хлеба в Алушке стоит до 160 000 руб. Все ужасы Поволжья имеются налицо в Крыму: целиком съеден весь скот и лошади, сельское население покидает свои жилища и наводняет города, процент смертности прогрессивно растёт. По шоссейным дорогам Севастополь — Симферополь — Евпатория, в городах, на улицах и близ вокзалов, валяются трупы... и брошенные матерями дети».

Ещё раз обратимся к творчеству М. А. Волошина:

ГОЛОД

*Хлеб от земли, а голод от людей:
Засеяли расстрелянными, — всходы
Могильными крестами проросли:
Земля иных побегов не взрастила.*

*Снедь прятали, скупали, отымали,
Налоги брали хлебом, отбирали
Домашний скот, посевное зерно:
Крестьяне сеять выезжали ночью.*

*Голодные и поползли червями,
По осени вдоль улиц поползли.
Толпа на хлеб палилась по базарам.
Вора валили на землю и били
Ногами по лицу. А он краюху,
В грязь пряча голову, старался заглотнуть.*

*Как в воробьёв стреляли по мальчишкам,
Собравшим просыпъ зёрен на путях,
И Угличские отроки валились
С орешками в окоченевшей горстке.*

*Землю тошнило трупами — лежали
На улицах, смердели у мертвецких.
В развёрстых ямах гнили на кладбищах,
В оврагах и по свалкам костяки
С обрезанною мякотью валялись.
Глодали псы отгрызанные руки
И головы. На рынках торговали
Дешёвым студнем, тошной колбасой,
Баранина была в продаже — триста,
А человечина — по сорока.
Душа была давно дешевле мяса,
И матери, зарезавши детей,*

*Засаливали впрок: «Сама родила —
Сама и съем. Ещё рожду...»
Голодные любились и рожали
Багровые орущие куски
Бессмысленного мяса: без суставов,
Без пола и без глаз. Из смрада — язвы,
И ужаса поветрия рождались, —
Но бред больных был менее безумен,
Чем обыденщина постелей и котлов.
Когда ж сквозь зимний сумрак закурилась
Над человеческим гноищем весна,
И пламя побежало язычками
Вширь по полям и ввысь по голым прутьям, —
Благоухание казалось оскорбленьем,
Луч солнца — издевательством, цветы — кощунством.*

13 января 1923. Коктебель

Голод нанёс сильнейший удар по крымскотатарскому населению. Это вызвало тревогу в союзном наркомате по делам национальностей. Его представитель прямо заявил о необходимости предотвратить «гибель целой нации»¹⁵³.

Как было уже не раз, в числе особо потерпевших оказалась рядовая интеллигенция. Сельские учителя могли существовать только за счёт крестьянского самообложения, на государственном снабжении они не состояли. Поэтому голод, обрушившийся на крестьянство, рикошетом ударил по педагогам. В аналогичной ситуации оказалась и городская интеллигенция. Помгол отказывал в её просьбах, ссылаясь на СНК, а тот помочь был не в состоянии. Документ свидетельствует (7 июня): археологи, музейные работники умирают от голода — в Севастополе и Керчи скончались 15 человек, 4 близки к смерти, та же картина в Бахчисарае и Евпатории¹⁵⁴. По мере сил и возможностей старался поддержать продуктами знакомых М. А. Волошин, сам не получавший достаточного питания и страдающий от артрита. Его мать Елена Оттобальдовна в Коктебеле выменивала мясо кошек, собак и орлов за присылаемые ей сыном из Феодосии фасоль, муку и сахар¹⁵⁵. Зафиксированы случаи кражи детских пайков медперсоналом, получившим меньше своих пациентов.

Весной 1922 года Крым оказался перед лицом полного распада общественных связей. Подобного не было и в самые грозные месяцы Гражданской войны, которая и породила голод.

Отдадим должное КрымЦКПомголу. Вначале его работа была хаотичной и малопродуктивной: не хватало ни средств, ни опыта, ни связей. Опустимые результаты его деятельности заметны с апреля 1922 года.

Выделим основные направления.

Во-первых, координация в борьбе с голодом различных государственных ведомств, в том числе военных и морских, Крымсоюза и общественных организаций.

Во-вторых, ввод ряда налогов: чрезвычайного ежемесячного на все хозяйственные торговые и промышленные предприятия, увеселительные заведения, 1%-й сбор со всех торговых операций Крымсоюза, 3%-й — с продажи импортных товаров, налог на стоимость трамвайных билетов и проезд в автомобилях, почтовые отправления, на имущие слои населения и др.

В-третьих, сбор добровольных пожертвований от граждан и учреждений, отчисления от заработка. С декабря 1921 по апрель 1922 года общая сумма составила 3 460 113 149 рублей¹⁵⁶ (из них 2 миллиарда рублей — из центра). От граждан поступило всего 1900 вещей, включая графин, сковороду, две курительные трубки, чернильницу, восемь подушек и т. п.¹⁵⁷ Пожертвования поступали в основном от профсоюзов.

19 апреля КрымОК получил секретное указание ЦК РКП(б) (от 22 марта, подписано секретарем ЦК В. М. Молотовым) об изъятии церковных ценностей, преследовавшее цели не столько помощи голодающим, сколько уничтожения серьезного конкурента. В зашифрованной телеграмме — постановлении ЦК РКП(б), в частности, говорилось: «...Внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти только тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия»¹⁵⁸. Вторая сессия КрымЦИКа от 4 марта 1922 года постановила: немедленно изъять все ненужные для богослужения ценности «из церквей, синагог, монастырей и проч. с немедленной их реализацией на продукты»¹⁵⁹. Выясняется, что по собственной инициативе только церковная община Симферополя (церковь Скорбящей Матери) сдала в пользу голодающих 19 фунтов серебра, 35 золотников золота и около 4 миллионов рублей¹⁶⁰. Всего же с 1922-го по начало 1924 года в Крыму было изъято следующее количество церковных сокровищ: золота — 1 фунт 23 золотника 25 долей; серебра — 140 пудов 9 фунтов 70 золотников; жемчуга — 22 золотника 38 долей; драгоценных камней — 123? карата¹⁶¹. На средства от изъятия ценностей церкви в мае 1922 года была создана детская трудовая колония (до 200 человек).

На Южном берегу из оставленных владельцами вилл и дворцов были вывезены ценности, произведения искусства. (Всего — на сумму 8 990 870 золотых довоенных рублей или — на 17 405 турецких лир). Через Крым ЦК Помгол они реализовывались на внутренних и внешних рынках¹⁶².

В-четвертых, собственная предпринимательская деятельность Помгола и его филиалов (на которую было немало нареканий), организация общественных работ, восстановление сельского хозяйства. Помгол осуществлял бартерные сделки, меняя на продовольствие вино, табак, соль, драгоценности, кожи, рыбу, кизилловые палки и т. д. Обнаружены сведения об экспедициях по обмену в Москву, Брянск, на Украину, Закавказье и в Тур-

цию. Что касается общественных работ, то с февраля 1922 по май 1923 года для прокормления участвующих в них было выделено 971 206 пудов хлебобпродуктов¹⁶³.

В-пятых, эвакуация «пришлого населения». В январе 1922 года Крым ставит в известность Москву, что здесь скопилось пришлое: до 50 тысяч русских и украинцев, 10 тысяч подданных Турции, 25 тысяч греков, 3 тысячи армян, а также грузины, азербайджанцы, прибалты, поляки, бывшие австро-венгерские военнопленные. С января до 1 мая Крым покинули 6353 человека (без стихийной эвакуации). Предполагалось также вывести до 5 тысяч турок и до 10 тысяч греков, отправить в Турцию 5–10 тысяч крымских детей с условием возвращения. Сведений о реализации этих планов нами не обнаружено¹⁶⁴.

В-шестых, и это главное, — развёртывание сети столовых, так называемых питпунктов, детских приютов и очагов, продажа хлеба по низким ценам. В июле 1922 года Помгол кормил 51% голодающих¹⁶⁵. За весь 1922 год было выдано 1 481 127 пайков (107 228 детских, 408 859 взрослых). За январь-февраль 1923 года — 138 900 детских, 22 000 взрослых¹⁶⁶.

Правящая партия позаботилась о «подкормке» своих членов. 21 декабря 1922 года секретарь ЦК РКП(б) В. В. Куйбышев подписал строго секретный документ: «Предложить Крымобкому использовать переводимые кредиты для взаимопомощи в первую очередь для удовлетворения нужд коммунистов голодающих районов... Предложить ЦК Последгола выяснить вопрос о возможности оказания помощи коммунистам голодающих районов Крыма и (в) случае необходимости перевести для этой цели Последголу Крыма соответствующие средства»¹⁶⁷. До этого КрымПомгол выделял 1% от имеющегося в фонд помощи коммунистам¹⁶⁸. В феврале 1923 года Президиум КрымЦКПомгола, по решению центра, выделил для голодающих коммунистов 300 тысяч рублей дензнаками и 10 тысяч пудов хлеба¹⁶⁹.

Наконец, организация поставок из других районов страны и из-за рубежа. Крым официально был «прикреплён» к Грузии, Азербайджану и Московской губернии. Основную часть помощи взял на себя центр. С января по сентябрь 1922 года в Крым поступило 318 691 пуд хлеба¹⁷⁰.

Вагоны с продовольствием шли из различных областей РСФСР и Украины. Свою лепту в борьбу с голодом внесли Американская администрация помощи (American Relief Administration) — АРА¹⁷¹, Международный комитет рабочей помощи голодающим в Советской России (Межрабпомгол), международное общество «Верельф», еврейский «Джойнт», миссии Фритьофа Нансена, папы римского, голландская и итальянская, турецкая — Красного Полумесяца, американские квакеры, немецкие меннониты, зарубежные татарские, мусульманские благотворительные общества и др. Выделим АРА, оказавшую наиболее существенную помощь. Правда, первый американский корабль с зерном, пришедший 28 февраля 1922 года в Феодосию, доставил его для ...

Поволжья¹⁷². Но на 1 сентября 1922 года АРА уже кормила 117 276 тысяч взрослых, 42 293 ребенка, 3100 больных¹⁷³.

Национальные общины крымских татар, евреев, караимов с разрешения КрымЦИКПомгола совершали закупки и получали продовольствие от благотворительных организаций в Константинополе.

В 1922 году в Анкару были официально командированы А. С. Айвазов и М. Недим, которые встречались с Мустафой Кемалем (Ататюрком), обещавшим содействие в борьбе с голодом. В Турции был создан центральный комитет по оказанию помощи голодающим Крыма, который приступил к сбору пожертвований. Турецкая власть предложила всем губернаторам организовать на местах комитеты по сбору пожертвований в пользу голодающих¹⁷⁴. Ситуацией попытался воспользоваться Дж. Сейдамет, с которым якобы вёл тайные переговоры М. Недимом, но Мустафа Кемаль отказал ему в приёме¹⁷⁵.

Крымский союз южнорусских колонистов и граждан германской расы пользовался помощью из Германии.

Столь мощное содействие мирового сообщества помогло сбить накал трагедии.

Голод в Крыму, однако, длился дольше, чем в других районах страны. С осени 1922-го он вновь начал набирать силу. Как и в прошлом году, в ноябре стали умирать люди. В этом месяце голодало 90 тысяч человек, в декабре — до 150 тысяч, 40% взрослого населения¹⁷⁶. Пришлось опять разворачивать систему поддержки. Теперь это было сделать легче: Крым оставался единственным голодающим районом страны.

К лету 1923 года кошмар голода наконец-то ушёл в прошлое. Ещё раз подчеркнём, что этому в немалой степени способствовала активная деятельность Помгола (Последгола) Крыма.

Общая цифра погибших колеблется в пределах 100 тысяч человек¹⁷⁷. Это примерно 15% населения Крыма на 1921 год. Председатель КрымЦИКа Вели Ибраимов подвёл итог на XII облпартконференции (январь-февраль 1927 года): «...по данным статуправления в 21 (–22-м. — *Авт.*) году во время голода погибло около 76 000 татарского населения...»¹⁷⁸.

Население Крыма с 1921-й по 1923 год сократилось с 719 531 человека до (приблизительно) 569 580¹⁷⁹. (Другой источник дает: 720 428–579 739¹⁸⁰. Делаем поправки на эмиграцию в северные области и Турцию). В Карасубазаре численность жителей уменьшилась на 48%, в Старом Крыму — на 40,8%, Феодосии — на 35,7%, в Судакском районе — на 36%, многие деревни Горного Крыма вымерли полностью¹⁸¹.

Бедствие нанесло огромный ущерб и так разрушенному сельскому хозяйству Крыма. Сады и виноградники в 1923 году сократились, сравнительно с 1921-м, с 17,4 тысячи гектаров до 15,9. Зерновые площади составляли в 1922-м году 625,3 тысячи га, в 1923-м — 224,4 тысячи. Поголовье скота уменьшилось более чем вдвое: с 317,7 тысячи голов (1921) до

145,6 (1923)¹⁸². Если валовой сбор с одной десятины составлял в 1916 году: сады — 3 220 500 пудов, то в 1921-м — 420 000, 1922-м — 300 000; виноградники — 1 100 000–300 000–280 000; табак — 199 640–10 000–21 000¹⁸³. Минимальная для работоспособности норма питания — 3500 калорий в день — восстановилась (в среднем по Крыму) только в феврале 1923-го. Годом ранее она составляла 1786 калорий¹⁸⁴.

На иждивении государства (июнь 1923 года) оставалось более 150 тысяч детей и до 12 тысяч взрослых. Количество сирот и беспризорных дошло до 25 тысяч, инвалидов и нуждающихся — до 17 тысяч, безработных — до 15 тысяч¹⁸⁵.

Считаем, что нет нужды в послесловии. История дала свои уроки.

¹ В Крыму после Врангеля (рассказ очевидца) // Крымский архив (Симферополь). — 1996. — № 2. — С. 59–60.

² **Лидз(е) Адольф Михайлович** (1895–1941). Член РСДРП(б) с 1913 года. В 1914-м арестован и приговорён к каторге. Организатор отрядов Красной гвардии в Петрограде и Латвии в 1917 году. Комиссар сводного 6-го полка ВЧК при СНК РСФСР (1918), с января 1919 года военком 5-й Уральской пехотной дивизии, с марта по апрель 1920 года — 21-й стрелковой дивизии, затем член РВС 9-й армии, 13-й армии, 4-й армии Южного фронта, заместитель председателя Крымревкома и член бюро Крымского областного комитета РКП(б). Член ВЦИК РСФСР (1919). Награждён орденом Красного Знамени (1920). С 1920-х годов страдал прогрессирующим параличом рук и ног (последствия каторги) (*Баранченко В. Е. Гавен. — М., 1967. — С. 151; и др.*).

³ Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов / Отв. ред. Л. Д. Солодовник. — Симферополь, 1968. — С. 21.

⁴ *Ишин А. В.* Становление системы органов ВЧК в Крыму (конец 1920–1921 годы) // Крымский архив. — 2001. — № 7. — С. 14.

⁵ Ревкомы Крыма. — С. 29.

⁶ **Самойлова (Залкинд, Землячка) Розалия Самойловна (Демон, Осинов, Роза)** (1876–1947). Родилась в Киеве в еврейской семье. В революционном движении с 1893 года. Член РСДРП с 1896 года, работала в её киевской организации, впоследствии вошла в Киевский комитет партии. Была арестована, провела два с половиной года в тюрьме. С 1901 года — агент газеты «Искра» в Одессе и Екатеринославе. Делегат II съезда РСДРП (1903) от Одесского комитета, примкнула к большевикам. После съезда кооптирована в ЦК партии, активно боролась против меньшевиков. Делегат III съезда РСДРП (1905) от петербургской организации, где была её секретарем. В 1905 году секретарь Московского комитета РСДРП, партийный организатор Рогожско-Симоновского района, работала в военной организации партии. Неоднократно арестовывалась. В 1909 году — секретарь Бакинской партийной организации, затем находилась в эмиграции. В 1915–1916 годах — член Московского бюро ЦК РСДРП. С февраля 1917-го — секретарь первого легального Московского комитета РСДРП(б); делегат VII (Апрельской) Всероссийской кон-

ференции и VI съезда РСДРП(б), в октябрьские дни руководила вооружённой борьбой в Рогожско-Симоновском районе Москвы. В августе 1918-го направлена в Орпу для организации переброски войск на Восточный фронт, с сентября комиссар Северо-Двинской стрелковой бригады, затем начальник политотделов 8-й и 13-й армий; после разгрома Русской армии П. Н. Врангеля 30 ноября 1920 года назначена секретарем Крымского обкома РКП(б). В январе 1921 года отозвана в распоряжение ЦК РКП(б). В марте 1921-го «за особые труды» награждена орденом Красного Знамени. В 1922–1923 годах — секретарь Замоскворецкого райкома партии в Москве, в 1924–1925-м — член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), затем секретарь Мотовилихинского райкома РКП(б) на Урале. Делегат VIII, XI–XVII съездов партии. С XIII съезда РКП(б) (1924) — член Центральной контрольной комиссии. На XVIII съезде ВКП(б) (1939) избрана членом ЦК ВКП(б). В 1939–1943 годах — заместитель председателя Совета народных комиссаров (правительства) СССР — пик карьеры, затем заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Депутат Верховного Совета СССР 1–2-го созывов. Награждена 2-мя орденами В. И. Ленина. Автор воспоминаний о В. И. Ленине. Похоронена в Москве на Красной площади у Кремлёвской стены. (*Овалов Л.* Январские ночи: Повесть о Розалии Землячке. — М., 1972; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. / Гл. ред. С. С. Хромов; Ред. кол.: Н. Н. Азовцев, Е. Г. Гимпельсон, П. А. Голуб и др. — М., 1987. — С. 220; и др.).

⁷ Баранченко В. Е. Гавен. — М., 1967. — С. 125.

⁸ **Реденс Станислав Францевич** (1892–1940). Родился в Минске-Мазовецком Ломжинской губернии в семье польского сапожника. Образование получил в училище при заводе (1907). С 1907 года работал на Днепровском металлургическом заводе (Каменское). Член РСДРП(б) с 1914 года. В сентябре этого же года призван в армию, но в 1915-м демобилизован по болезни, работал на заводах. В 1917 году — секретарь Каменского комитета РСДРП(б), секретарь Союза металлистов на Днепровском заводе, секретарь польской группы Социал-демократии Польши и Литвы. В 1918-м назначен следователем ВЧК, а вскоре стал секретарём президиума ВЧК и лично Ф. Э. Дзержинского. Свояк И. В. Сталина, был женат на сестре Н. С. Аллилуевой. В апреле 1919 года переведён в Одесскую, а затем в Киевскую ЧК. С 12 июля 1921 года — заместитель начальника, с 5 сентября — начальник административно-организационного управления ВЧК. С 11 сентября 1922 по 9 июня 1924 года возглавлял органы ГПУ Крыма. В июне 1926 года Дзержинский назначил его своим помощником в ВСНХ СССР и секретарём президиума ВСНХ. В 1926–1928 годах секретарь Коллегии и управляющий делами Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР и Центральной контрольной комиссии ВКП(б). В 1927–1934 годах член ЦКК, с 1934-го — Центральной ревизионной комиссии ВКП(б). С ноября 1928 года — полпред ОГПУ по ЗСФСР и председатель Закавказского ГПУ. С мая 1931 года председатель ГПУ Белорусской ССР, с июля 1931-го — Украинской ССР. После срыва плана хлебозаготовок в январе 1933 года отозван с Украины и в феврале назначен полпредом ОГПУ по Московской области (в 1934-м году стал начальником Управления НКВД Московской области). С 1937 года — депутат Верховного Совета СССР. Награждён орденами В. И. Ленина, Красного и Трудового Красного Знамени, медалью «XX лет РККА», двумя знаками «Почётный работник ВЧК-ГПУ». В январе 1938 года назначен наркомом внутренних дел Казахской ССР, 22 ноября арестован. 21 января 1940 года приговорён к смертной казни. Расстрелян. В 1961 году реабилитирован (*Петров Н. В., Сорокин К. В.* Кто

руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. — М., 1999. — С. 357–358; *Абраменко Л. М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. — К., 2005. — С. 114; и др.).

⁹ *Ишин А. В.* Становление системы органов ВЧК в Крыму (конец 1920–1921 годы). — С. 14–17.

¹⁰ Прокурорский надзор в Крыму 1803–2007 / Ред. колл.: В. Шемчук, А. Кошман, Н. Бояркина, В. Бернацкий. — Симферополь, 2007. — С. 34.

¹¹ *Ишин А. В.* К вопросу об особенностях политического развития Крыма в первой половине 1920-х годов // Историческое наследие Крыма (Симферополь). — 2004. — № 5. — С. 48–50.

¹² Ревкомы Крыма. — С. 22.

¹³ Там же. — С. 60–61.

¹⁴ Там же. — С. 72.

¹⁵ *Зарубин В. Г.* К вопросу о денежном обращении и денежных знаках в Крыму (1917–1920 гг.) // Крымский музей 1995–1996 гг. (Симферополь). — 1996. — С. 80; *Родионов А. М.* Деньги Таврики — Крым. — Симферополь, 2006. — С. 57, 104–105.

¹⁶ ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 22–23.

¹⁷ *Гавен Ю.* О расслоении татарской деревни // Известия Крымского Областного Комитета РКП(б) (Симферополь). — 1922. — № 12. — С. 5. «Данный этап» будет не вечен, и в 1928 году комитеты бедноты возникнут под названием: «группы бедноты».

¹⁸ *Горюнова Е. А.* Межселенное и внутриселенное землеустройство в Крыму в 20-е годы XX в. // Культура народов Причерноморья (Материалы II научных чтений «Проблема материальной и духовной культуры народов Причерноморья с античных времён до наших дней». 14–15 мая 1997) (Симферополь). — 1997. — № 1. — С. 102).

¹⁹ ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 83.

²⁰ *Зарубин А. Г.* О переименовании Ялты // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь) — 1996. — № 13. — С. 61–62.

²¹ Ревкомы Крыма. — С. 153.

²² *Ленин В. И.* Телеграмма Крымскому ревкому // Полн. собр. соч. — М., 1975. — Т. 52. — С. 309–310.

²³ Ревкомы Крыма. — С. 154.

²⁴ Там же. — С. 156–158.

²⁵ Там же. — С. 159–161.

²⁶ *Галиченко А. А.* Усадьбы Крыма в первые годы советской власти // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. — М., 2002. — Вып. 4. — С. 268–269.

²⁷ *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — СПб.-Симферополь, 2007. — С. 110–111.

²⁸ Там же. — С. 120.

²⁹ *Купченко В. П.* Странствие Максимилиана Волошина. Документальное повествование. — СПб., 1997. — С. 303–305, 316.

³⁰ *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 119.

³¹ Ревкомы Крыма. — С. 149–150.

³² ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 166. — Л. 35.

³³ Там же. — Д. 167. — Л. 89.

³⁴ *Штейнбах Е. М.* Профессиональное движение в Крыму: 1917–1927 гг. — Симферополь, 1927. — С. 65.

³⁵ ГААРК. — Ф. П-150. — Оп. 1. — Д. 112. — Л. 9.

³⁶ ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 42. — Л. 58.

³⁷ **Каширин Николай Дмитриевич** (1888–1938). Родился в Верхнеуральске в семье казака-учителя, впоследствии станичного атамана. Окончил Оренбургское юнкерское училище (1909), служил в кавалерийских частях Оренбургского казачьего войска. Участник Первой мировой войны, награждён 6-ю орденами, подбесал. В 1917 году предводитель полкового казачьего комитета. Член РКП(б) с 1918 года. В 1918 году сформировал в Верхнеуральске казачий добровольческий отряд и вёл борьбу с частями войскового атамана Оренбургского казачьего войска А. И. Дутова. За бои награждён орденом Красного Знамени (1919). 16 июля 1918-го избран командиром Уральского партизанского отряда, действовавшего в тылу белых на Южном Урале. С сентября — помощник начальника и начальник 4-й Уральской дивизии (позже 30-й стрелковой). В 1919 году комендант Оренбургского укрепленного района, начальник 49-й крепостной дивизии Туркестанского фронта. В марте-октябре 1920 года — председатель Оренбургского губисполкома. С октября — командир 3-го кавалерийского корпуса на Южном фронте (по 1922 год). За прорыв укрепленных позиций под Мелитополем награждён вторым орденом Красного Знамени (1921). За бои в Северной Таврии и занятие Керчи награждён Почётным революционным оружием (1920). Командующий Александровской группой войск по борьбе с махновцами. Командир 14-го стрелкового корпуса, для особо важных поручений в штабе РККА, командир 1-го кавалерийского корпуса червонного казачества (1923–1925), помощник командующего ряда военных округов (1925–1931), командующий войсками Северо-Кавказского военного округа (1931–1937), с 1934 года — член Военного совета народного комиссариата обороны СССР. Командарм 2-го ранга (1935). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Наряду с армейским военным юристом В. В. Ульрихом, маршалами В. К. Блюхером и С. М. Будённым, командармами Я. И. Алксисом, Б. М. Шапошниковым, И. П. Беловым, П. Е. Дыбенко был членом Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, которое 11 июня 1937 года в закрытом заседании рассмотрело дело так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» и приговорило М. Н. Тухачевского, командармов 1-го ранга И. Э. Якира и И. П. Уборевича, командарма 2-го ранга А. И. Корка, комкоров Р. П. Эйдемана, В. К. Путну, Б. М. Фельдмана и В. М. Примакова; армейского комиссара 1-го ранга Я. Б. Гамарника к смертной казни. С июля 1937 года — начальник Главного управления боевой подготовки РККА. В августе арестован по личному указанию И. В. Сталина. Признал себя виновным в участии в антисоветском, троцкистском, военно-фашистском заговоре и приговорён к смертной казни. Расстрелян. В 1956 году реабилитирован (*Герасимов П. М.* Доблестный командарм. — М., 1965; *Гражданская война и военная интервенция в СССР*: Энциклопедия. — С. 260; и др.).

³⁸ **Гавриленко Пётр** (?–1920). Родился в крестьянской семье в Гуляй-Поле. Анархист с периода революции 1905–1907-го годов. Активный участник маховского движения. В начале ноября 1919 года — помощник командира второй группы пехотных частей 2-го и 3-го корпусов, созданной для освобождения Гуляй-Поле от денкинцев. Командуя 3-м корпусом войск повстанцев-махновцев, сыграл важную роль в разгроме частей А. И. Деникина. В январе 1920 года временно исполнял дела начальника штаба Повстанческой армии. Арестован красными и находился в заключении в Харькове. После соглашения махновцев с советской властью был освобождён и направлен на фронт против Русской армии П. Н. Вран-

геля, получив должность полевого штаба армии махновцев. Расстрелян в Мелитополе (Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. — М., 2006. — С. 890).

³⁹ **Марченко (Шевченко) Алексей Семёнович** (1893–1921). Родился в Гуляй-Поле в семье бедняков. Получил начальное, неполное образование. Унтер-офицер царской армии. С 1917 года — анархист-коммунист. Один из первых повстанцев Гуляй-Польского района, входил в руководящий состав Повстанческой армии, член Совета революционных повстанцев. В конце 1919 — начале 1920 года — командир 3-го корпуса, командующий всей кавалерией махновцев. Был в плену у денкинцев, несколько раз ранен. С июня 1920 года — командир 1-й кавалерийской группы. Убит в Полтавской губернии в бою с частями 8-й дивизии червонных казаков (Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. — С. 905).

⁴⁰ **Тимошук А. В.** Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 — август 1921 г.). — Симферополь, 1921. — С. 126–129.

⁴¹ **Громов С. Е.** К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Учёные записки Симферопольского государственного университета (Симферополь). — 1998. — № 6(45). — С. 60–61.

⁴² ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 223. — Л. 68.

⁴³ **Байков Александр Александрович** (1870–1946). Родился в Фатеже Курской губернии. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1893). Член Русского физико-химического общества (1894). С 1903 года экстраординарный, а с 1909-го — ординарный профессор кафедры металлургии Петербургского политехнического института. С октября 1918 года ординарный профессор Таврического университета. Ректор Крымского университета им. М. В. Фрунзе по сентябрь 1923 года. С 1923 года — профессор, с февраля 1925-го — декан химического факультета, с июня 1925-го — ректор Ленинградского политехнического института. Член-корреспондент Академии Наук СССР (1927), академик (1932). С 1933 года декан химического факультета Ленинградского университета. Развил учение о превращениях в металлах, а также по теории металлургических процессов, создатель крупнейшей школы металлургов в Ленинградском политехническом институте. Депутат Верховного Совета СССР 1–2-го созывов. Лауреат Сталинской премии (1943). Герой Социалистического Труда (1945). Имел ряд правительственных наград. Умер в Москве (*Тумарев А. С.* А. А. Байков — выдающийся металлург и химик. — М., 1954; Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского / Ред. колл: Н. В. Багров, В. Н. Бержанский, В. В. Лавров. — К., — 2007. — С. 18).

⁴⁴ **Лавров В. В., Ишин А. В.** Таврический университет в 1918–1921 годах // История Таврического университета (1918–2003) / Под общ. ред. Н. В. Багрова. — К., 2003. — С. 43–44.

⁴⁵ **Гусев-Оренбургский (Гусев) Сергей Иванович** (1867–1963). Родился в Оренбурге в купеческой семье. Окончил Уфимскую духовную семинарию и в 1893 году стал сельским священником, в 1898 году снял с себя сан. Начал печататься с 1893 года. Большое влияние на него оказали знакомство с М. Горьким и участие в сборниках «Знание», где были опубликованы лучшие произведения писателя: повести «В приходе» (1903), «Страна отцов» (1905), «Рыцарь Ланчелот» (1910), «В глухом уезде» (1912). После Революции 1905–1907 годов отдал дань декадентским настроениям («Сказки земли», 1908, и др.). С ужасом наблюдал за еврейскими погромами на Ук-

раине в годы Гражданской войны. Автор работ «Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г.» (Петроград, без года издания) и «Багровая книга: Погромы 1919–1920 гг. на Украине» (Харбин, 1922). В апреле 1920 года женился на артистке **Хатаевой (Ваниной, Гусевой-Оренбургской) Евфалии Ивановне** (1891 — после 1940), родившейся в Курске, в 1917 году закончившей Харьковскую консерваторию Императорского музыкального училища по классу итальянского профессора Ф. Бугамелли, в 1919 году вместе с армией А.И. Деникина отбывшей в Ростов-на-Дону. Вместе с супругой писатель из Крыма прибыл в Москву, откуда они отправились в Дальневосточную Республику, Харбин, а оттуда в Шанхай и Пекин. С 1923 года жили в США. Хатаева выступала с концертами, написала повесть «Арлекинада. Дневник артистки в дни революции» (1922), а Гусев-Оренбургский в 1928 году опубликовал роман «Страна детей». Скончался в Нью-Йорке (*Юркина Л.* Гусев-Оренбургский // Русские писатели: Биобиблиографический словарь. — М., 1990. — Т. 1. — С. 237–239; *Побожий С. И.* «Не пою — не живу»). Евфалия Хатаева (Гусева-Оренбургская) и её дневник // Крымский альбом 2003. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисловия к публ. Д. А. Лосева. — Феодосия-Москва. — 2004. — [Вып. 8]. — С. 130–137).

⁴⁶ *Хатаева (Гусева-Оренбургская) Е.* Жизнь в Красном Крыму. Крымские и московские страницы одного «ненужного дневника» (декабрь 1920 г. — апрель 1921 г.) // Крымский альбом 2003. — С. 138–140.

⁴⁷ *Филимонов С. Б., Омельчук Д. В.* «Выслать за границу бессрочно...» (По материалам следственного дела С. Н. Булгакова) // Крымский музей 1995–1996 гг. (Симферополь). — 1996. — С. 84–86; *Филимонов С. Б.* Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. — Симферополь, 2003. — С. 19–32.

⁴⁸ *Брошев В. М., Форманчук А. А.* Крымская республика: год 1921-й (Краткий исторический очерк). — Симферополь, 1992. — С. 34–58.

⁴⁹ *Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). — Симферополь, 1996. — Вып. 3. — С. 78.

⁵⁰ ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 30. — Л. 1–2 об.; *Бочагов А. К.* Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Очерк. — Симферополь, 1930. — С. 114–116.

⁵¹ ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 10.

⁵² **Султан-Галиев Мирсайд Хайдаргалиевич** (1892–1940). Родился в д. Елимбетово Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в татарской семье. Окончив Казанскую учительскую семинарию, работал учителем, библиотекарем, выступал в татарской периодической печати. Революционную деятельность начал 1913 году в Уфимской губернии среди учащихся и крестьян, руководил работой нелегальных кружков, участвовал в подготовке и распространении антиправительственных листовок. В мае 1917 года участвует в работе Всероссийского мусульманского съезда в Москве и избранного им Всероссийского мусульманского совета. В июле он возвращается в Казань и участвует в создании Мусульманского социалистического комитета, секретарь исполкома. В июле 1917-го вступает в РСДРП(б). После утверждения власти большевиков в Петрограде работал в руководстве мусульманской секции Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац). В мае 1918 года участвует в подготовке к Учредительному съезду будущей Татаро-Башкирской Советской Республики.

В 1918–1920 годах председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. Член, а затем председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) (1919–1921), начальник восточного отдела Политуправления Красной Армии (1920–1921), член Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (1920–1923). Делегат XII съезда РКП(б). Критик И. В. Сталина по национальному вопросу, сторонник расширения прав автономных республик и создания Туранской федерации. Исключён из рядов РКП(б) и арестован в 1923 году, но вскоре освобождён. В 1928-м Султан-Галиев вторично арестовывается, к нему применяются меры физического воздействия. За участие в «антипартийной группировке Султан-Галиева» среди прочих в 1929 году из ВКП(б) исключаются И. К. Фирдевс и О. А.-Г. Дерен-Айерлы, осуждённые впоследствии по делу так называемой «Султан-галиевской контрреволюционной организации». Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 декабря 1939 года. Реабилитирован в 1989 году (О так называемой «Султан-Галиевской контрреволюционной организации» // Известия ЦК КПСС (Москва). — 1990. — № 10. — С. 75–88; и др.).

⁵³ Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму // Крымский архив. — 1996. — № 2. — С. 86.

⁵⁴ Там же. — С. 87–88.

⁵⁵ Там же. — С. 90–91.

⁵⁶ Там же. — С. 91.

⁵⁷ «Изыскать пути к парализованию...». Документы карательных органов Вооружённых сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) (публикация и комментарии А. В. Ефимова и Р. Н. Белоглазова) // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. — М., 2002. — Вып. 4. — С. 156–158.

⁵⁸ Брошев В. М., Форманчук А. А. Указ. соч. — С. 7–13.

⁵⁹ По декрету Ильича: Курортное строительство в Крыму, 1920–1989: Сборник документов и материалов / Сост. Л. И. Васильева, И. П. Кондранов и др. — Симферополь, 1989. — С. 12–13.

⁶⁰ Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. — С. 88.

⁶¹ Там же. — С. 93.

⁶² Господаренко Н. М. Государственное устройство Крыма, национальный и социальный состав населения полуострова // Крымский архив. — 2000. — № 6. — С. 268.

⁶³ Зарубин А. Г. (сост.). Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. — С. 79.

⁶⁴ Зарубин В. Г., Зарубин А. Г. Проблема статуса Крыма в конце 20–30-х годах XX века // И. С. Шмелёв и духовная культура православия. IX Крымские Международные Шмелёвские чтения. Сборник материалов международной конференции 12–16 сентября 2000 г. — Симферополь, 2003. — С. 373.

⁶⁵ Саид-Галиев Сахиб Гарей (1894–1938). Родился в Уфе в семье рабочего. Образование низшее, чернорабочий. В 1915 году призван в армию (старший унтер-офицер, инструктор по сапёрному делу); в 1916-м — агитатор комитета РСДРП Екатеринбург. После Февральской революции — член полкового комитета и Екатеринбургского совета, председатель гарнизонного комитета воинов-мусульман. Член РСДРП(б) с марта 1917 года. С июля 1917-го председатель Уральского областного мусульманского совета. В 1918–1919 годах комиссар по делам национальностей

Казанского совета, член татаро-башкирского бюро Уфимского губкома, преподаватель мусульманских военно-политических курсов при Политотделе Центральной мусульманской военной коллегии. В ноябре 1919 года — делегат 2-го Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока (КОНВ), избран председателем Центрального бюро КОНВ при ЦК РКП(б). В 1920–1921 годах председатель Ревкома Татарской АССР, член Казанского губкома РКП(б), председатель СНК Татарской АССР. Член ВЦИК. В 1921–1924 годах председатель СНК Крымской АССР. Член Совета национальностей ЦИК СССР. С 1924 по 1926 год — заведующий финансовой и сельскохозяйственной инспекциями Центральной контрольной комиссии — Рабоче-крестьянской инспекции. С 1931 года — член коллегии Наркомтруда СССР. С 1933 года начальник политотдела Саратовского отделения Рязано-Уральской железной дороги. Делегат IX–X, XII–XIII-го съездов РКП(б); на XIII-м съезде РКП(б) избран членом ЦК РКП(б). Делегат II и III-го конгрессов Коминтерна. Расстрелян (*Брошеван В. М., Форманчук А. А.* Указ. соч. — С. 28; *Ленин В. И.* Указатель имён // Полн. собр. соч. — М., 1975. — Т. 53. — С. 495).

⁶⁶ *Зарубин В. Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. — 2003. — № 1. — С. 82.

⁶⁷ *Доненко Н.* Новомученики Феодосии: Священномученик Андрей Косовский, Преподобномученик Варфоломей (Ратных), Священномученик Иоанн Блюмович; Феодосия, Судак, Старый Крым в годы воинствующего атеизма, 1920–1938. — Феодосия-М., 2005. — С. 6–7.

⁶⁸ Ревкомы Крыма. — С. 23–24.

«Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленнейшая кровавая бойня. Всех явившихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулемётов. Я спрашивал Дзержинского, для чего все это было сделано? Он ответил:

— Видите ли, тут была сделана очень крупная ошибка (ошибки принято признавать, а не замалчивать. — *Авт.*). Крым был основным гнездом белогвардейцев. И чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с совершенно исключительными полномочиями. Но мы никак не могли думать, что они ТАК используют эти полномочия» (занялся обсуждению в 1923 году рукописи романа «В тунике» В. В. Вересаева высшими политическими руководителями) (Цит. по: *Тартаковский М.* Историософия: Мировая история как эксперимент и загадка. — М., 1993. — С. 298).

⁶⁹ *Кун И.* Бела Кун. (Воспоминания). — М., 1966. — С. 244–245. Кстати, вдова Б. Куна ни словом не обмолвилась в книжке из серии «Жизнь замечательных людей» о его крымских «подвигах» и вообще о пребывании в Крыму.

⁷⁰ Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. — С. 84–85.

⁷¹ **Евдокимов Ефим Георгиевич** (1891–1940). Родился в г. Копыл Семиреченской губернии. Закончил пять классов Читинского городского училища. Участник революции 1905–1907 годов. В 1907 году арестован за перестрелку с карательным отрядом, ранен. Вышел из тюрьмы в 1911 году, водворён в Камышлов, где примкнул к анархо-синдикалистам. Скрывался от призыва в армию в годы Первой мировой войны. В июне 1917 года солдат 12-го Сибирского запасного полка в Иркутске. Избран в полковой комитет. В 1918-м вступил в Красную Армию, член РКП(б). С июня 1919 года — сотрудник Московской ЧК, Ф. Э. Дзержинским назначен начальником

Особого отдела. В 1920 году направлен Дзержинским на Южный фронт. Заместитель начальника Особого отдела ВЧК фронта, начальник Крымской ударной группы управления особых отделов ВЧК. С апреля 1921 года начальник секретного оперативного управления Всеукраинской ЧК в Харькове. Полномочный представитель ОГПУ Украины на Правобережье (1922), начальник полпредства ГПУ в Ростове-на-Дону (1923). Один из организаторов так называемого «шахтинского дела» (1928). С августа 1931 года — полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии, с октября 1932-го — на Северном Кавказе. В 1934–1936 годах — первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), Азово-Черноморского обкома, с образованием Ростовской области — Ростовского ВКП(б) (1937). Награждён четырьмя орденами Красного Знамени и орденом В. И. Ленина. Заместитель наркома водного транспорта СССР, арестован (1938). Приговорён к расстрелу и расстрелян. Реабилитирован и восстановлен в КПСС в 1956 году (*Абраменко Л. М.* Указ. соч. — С. 99–102; и др.).

⁷² *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России: 1917–1922 // Отечественная история (Москва). — 1993. — № 6. — С. 62.

⁷³ Ревкомы Крыма. — С. 40.

⁷⁴ Там же. — С. 44–45.

⁷⁵ *Хатаева (Гусева-Оренбургская) Е.* Указ. соч. — С. 140.

⁷⁶ В Крыму после Врангеля (рассказ очевидца). — С. 60–61.

⁷⁷ Там же. — С. 61.

⁷⁸ Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. — С. 86.

⁷⁹ *Литвин А. Л.* Указ. соч. — С. 55–56, 62.

⁸⁰ *Купченко В. П.* Красный террор в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. — 1994. — № 6. — С. 58–61.

⁸¹ **Бабаджан Вениамин Симович (Клементий Бутковский)** (1894–1920) Родился в караимской купеческой семье, потомственный почётный гражданин Одессы. Закончил классическую гимназию, в 1913 году поступил на юридический факультет Новороссийского университета. С лета 1914-го до весны 1918 года служил в действующей армии. Руководитель издательства «Омфалос», член «Общества независимых художников» в Одессе. В конце 1919 года оказался в Вооружённых силах Юга России. В начале 1920 года часть, где он служил командиром телефонной роты, была переброшена в Крым. Расстрелян в ноябре в Феодосии (*Фуки А. И.* Караимы — сыновья и дочери России. Рассказы и очерки об участии в боях от Крымской войны до Великой Отечественной. — М., 1995. — С. 43–44; *Луцик С. З.* Вениамин Бабаджан. Жизнь и творчество // Вениамин Бабаджан. Из творческого наследия. В 2-х томах. / Сост. С. З. Луцик, А. Л. Яворская; ст. и коммент. С. З. Луцик; отв. ред. О. М. Барковская. — Одесса, 2004. — Т. II. — С. 420–433; *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волопина. Летонись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 541).

⁸² *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волопина. Летонись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 113–114.

⁸³ *Купченко В. П.* Красный террор в Феодосии. — С. 61. «Они все могут — подыживает картины беспредельного произвола писатель. — Я ничего не могу, а они всё могут! Всё у меня взять могут, посадить в подвал могут, убить могут! Уже убили!» (*Шмелёв И. С.* Солнце мертвых. — М., 1991. — С. 23).

⁸⁴ *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волопина. Летонись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 122–123.

- ⁸⁵ *Абраменко Л. М.* Указ. соч. — С. 174–175.
- ⁸⁶ Там же. — С. 441.
- ⁸⁷ Там же. — С. 424–432.
- ⁸⁸ Там же. — С. 256–257.
- ⁸⁹ Там же. — С. 434–435.
- ⁹⁰ Там же. — С. 183–190, 409–410, 422.
- ⁹¹ Там же. — С. 410–411.
- ⁹² Там же. — С. 421.
- ⁹³ Там же. — С. 228.
- ⁹⁴ Там же. — С. 445–447.
- ⁹⁵ Там же. — С. 428, 430–431, 441.
- ⁹⁶ Там же. — С. 154–156.
- ⁹⁷ Там же. — С. 253.
- ⁹⁸ Там же. — С. 257.
- ⁹⁹ Там же. — С. 390–392, 398–399.
- ¹⁰⁰ *Доненко Н.* Указ. соч. — С. 12–23.
- ¹⁰¹ *Абраменко Л. М.* Указ. соч. — С. 362.
- ¹⁰² Там же. — С. 419.
- ¹⁰³ Там же. — С. 442.
- ¹⁰⁴ Там же. — С. 447–450.
- ¹⁰⁵ ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 6.
- ¹⁰⁶ Там же. — Ф. П-32. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 10.
- ¹⁰⁷ Там же. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 142 и др.
- ¹⁰⁸ *Павлюченков С. А.* Веселie Руси: революция и самогон // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. — М., 1997. — С. 133.
- ¹⁰⁹ Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. — С. 85.
- ¹¹⁰ **Поляков Михаил Харитонович** (1884–1938). Родился в Екатеринбурге. С золотой медалью окончил Екатеринбургскую гимназию, затем учился в Томском технологическом институте, Казанском университете, откуда исключён за участие в студенческом движении. С 1904 года — член партии социалистов-революционеров. Во время революции 1905–1907 годов принимал участие в создании на Урале отделений Всероссийского Крестьянского Союза, трижды арестовывался, отбывал тюремное заключение и ссылку. В 1915 году осуждён к административной высылке в Челябинск., работал в Союзе земств и городов. В феврале 1917 года избран председателем комитета местной организации партии эсеров, председатель уездной земской управы, товарищем председателя совета. В сентябре 1917-го избран председателем Челябинской городской думы, депутат Учредительного собрания. Сторонник власти советов. В декабре 1917 года после раскола местной организации партии эсеров возглавил левое крыло и был избран комиссаром юстиции областного совета Урала. Летом 1918 года участвовал в работе V съезда советов и был избран членом ВЦИК. После съезда вышел из партии эсеров, осудив политику её ЦК и мятеж в Москве. Член РКП(б) с сентября 1918 года. Заместитель председателя Оренбургского губисполкома и губревкома, с лета 1919-го председатель Челябинского губревкома и губисполкома, член губкома РКП(б). Председатель Крымревкома по 7 ноября 1921 года, одновременно возглавлял Крымское экономическое совещание и Особое совещание по борьбе с бандитизмом при Крымревкоме, с 11 ноября — заместитель председателя СНК и народный комиссар внутренних дел автономной Крым-

ской ССР. Затем работал в народном комиссариате финансов РСФСР, народном комиссариате коммунального хозяйства РСФСР, Государственной плановой комиссии при СНК РСФСР, занимал должность Главного государственного арбитра при СНК РСФСР. В феврале 1938 года арестован, расстрелян. Реабилитирован в 1956 году (*Брошеван В. М., Форманчук А. А.* Указ. соч. — С. 28–29; и др.).

¹¹¹ **Акулов Иван Алексеевич** (1888–1937). Родился в Санкт-Петербурге в бедной мещанской семье. Рано осиротев, воспитывался в приюте, окончил торгово-промышленную школу (1905). Работал канцеляристом в редакции «Торгово-Промышленной Газеты». В период революции 1905–1907 годов участвует в студенческих демонстрациях, митингах, ведёт работу среди крестьян Шлиссельбургского уезда. С 1907 года — член РСДРП(б). В 1908 году арестован и заключён в «Крестах» на 1 год. Весной 1913 года избран секретарём профсоюза металлистов, но в июне арестован в выслан на два года под гласный надзор в Самару. После Февральской революции вернулся в Петроград, возглавил комитет военной большевистской организации Выборга. Делегат VII (апрельской) Всероссийской конференции, VI съезда РСДРП(б), II Всероссийского съезда советов. Активный участник октябрьских событий в Петрограде, руководил захватом Николаевского железнодорожного вокзала. Встречался с В. И. Лениным. В декабре 1917 — январе 1918 года — секретарь Екатеринбургского комитета партии, в январе-мае секретарь Уральского обкома партии. С мая по август 1918 года в Красной Армии. В сентябре 1918 — январе 1919 года — председатель Вятского, в феврале 1919-го — августе 1920 года — Оренбургского губкомов партии. С августа 1920 — по январь 1921 года — секретарь Киргизского обкома РКП(б). 28 марта 1921 года прибыл в Крым. Считал несвоевременным создание здесь автономной республики. В ноябре отозван в Донбасс. В 1922–1929 годах на профсоюзной работе на Украине: с 1927-го — председатель Всеукраинского совета профсоюзов. Секретарь и член президиума ВЦСПС (1929–1930). С 1929 года — заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции и член Президиума Центральной контрольной комиссии. Член ЦК ВКП(б) (1927–1930), оргбюро ЦК (1930–1932). С 1931 года — первый заместитель председателя ОГПУ. С 1932-го — член политбюро и оргбюро ЦК КП(б)У, секретарь ЦК КП(б) Украины по Донбассу. С 1933 года — Прокурор СССР. В 1935–1937 годах — секретарь и член президиума ЦИК СССР (освобождён по болезни). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Арестован в 1937 году, военной коллегией Верховного суда СССР 29 октября 1937 года приговорён к расстрелу, расстрелян 30 октября. Реабилитирован военной коллегией Верховного суда СССР 18 декабря 1954 года, восстановлен в партии Комиссией партийного контроля при ЦК КПСС 27 мая 1955 года (Состав руководящих органов Центрального Комитета партии — Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата ЦК (1919–1900) // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 7. — С. 82–83; *Брошеван В. М., Форманчук А. А.* Указ. соч. — С. 61; *Усов С. А.* Комментарии // Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. — С. 95).

¹¹² Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. — С. 93.

¹¹³ Там же. — С. 86.

¹¹⁴ ГААРК. Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 11.

¹¹⁵ Там же. — Д. 56. — Л. 4.

¹¹⁶ *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. — М., 1990. — С. 66–71.

- ¹¹⁷ Шмелёв И. С. Указ. соч. — С. 26, 52; Мельгунов С. П. Указ. соч. — С. 66.
- ¹¹⁸ Кулченко В. П. Труды и дни Максимилиана Володина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 160.
- ¹¹⁹ Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. — С. 86.
- ¹²⁰ Усов С. А. Комментарии. — С. 96.
- ¹²¹ В Крыму после эвакуации русской армии / Приложения // Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. док-ров ист. наук Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. — М., 2004. — С. 35.
- ¹²² Петров В. П. К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920–1921 гг. // Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов научной конференции (23–28 сентября). — Симферополь, 1992. — Выпуск второй. — С. 58–61.
- ¹²³ Ишин А. В. Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму // Крымский архив. — 2002. — № 8. — С. 11.
- ¹²⁴ Усов С. А. Комментарии. — С. 95.
- ¹²⁵ Ишин А. В. Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму. — С. 17.
- ¹²⁶ Там же. — С. 12–20.
- ¹²⁷ Ишин А. В. Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму. — С. 20–23.
- ¹²⁸ Лившиц М. Продовольственное положение // Красный Крым (Симферополь). — 1921. — 14 мая.
- ¹²⁹ Шмелёв И. С. Указ. соч. — С. 10.
- ¹³⁰ Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. — С. 87.
- ¹³¹ Хатаева (Гусева-Оренбургская) Е. Указ. соч. — С. 138–139.
- ¹³² Там же. — С. 140.
- ¹³³ Хатаева (Гусева-Оренбургская) Е. Арлекинада. Дневник артистки в дни революции. Главы из повести. Глава седьмая. Крым // Крымский альбом 2003. — С. 144.
- ¹³⁴ Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. — С. 88.
- ¹³⁵ ГААРК. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 174. По статистическим данным, приведённым Н. П. Ракитским, — 1 829 730 пудов. Для сравнения: урожай 1917 года дал 23 650 800 пудов зерновых (Ракитский Н. П. Экспортные возможности Крыма // Крым (Москва). — 1926. — № 2. — С. 45–46).
- ¹³⁶ Ревкомы Крыма. — С. 107–108.
- ¹³⁷ Лешуков Ю. А. Какой была обстановка в Крыму в период с ноября 1920 г. по октябрь 1921 г. — после окончательного установления Советской власти на полуострове и накануне образования АССР? // Крымская АССР (1921–1945) / Сост. Ю. И. Горбунов. — Симферополь, 1990. — С. 9.
- ¹³⁸ ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 113. — Л. 46–46 об.
- ¹³⁹ Там же. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 172.
- ¹⁴⁰ Крымское Экономическое совещание: Отчёт Совету Труда и Обороны на 1-е апреля 1922 г. — Симферополь, 1922. — С. 14. О том же на VI облпартконференции (март 1922 года) говорил Ю. П. Гавен: «Крымские татары так связаны со своей деревней, что даже голод не может выгнать их оттуда, и они спокойно умирают в своих деревнях. Вот почему многие работники, не знающие деревни, не знают истинного положения вещей, особенно городским работникам трудно

представить эту картину» (ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 115. — Л. 197). В этом сказывалась и традиционная для мусульман вера в судьбу («къысмет»).

¹⁴¹ Ревкомы Крыма. — С. 134–135.

¹⁴² Упомянутые комитеты стали организационной базой КрымЦИКПомгола. Телеграммы см.: Крымское Экономическое совещание. — С. 4; ГААРК. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 1, 6, 7, 9.

¹⁴³ ГААРК. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 329. 26 июля 1922 года президиум КрымЦИКПомгола наградил К. Е. Сорина серебряными часами с гравировкой: «За выдающуюся работу по борьбе с голодом в Крыму».

¹⁴⁴ Там же. — Л. 53.

¹⁴⁵ Там же. — Л. 329.

¹⁴⁶ Крымское Экономическое совещание. — С. 13.

¹⁴⁷ ГААРК. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 173; Там же. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 196. — Д. 206, 210. «Голодный 1921 год, так жёстко свирепствовавший в Крыму, — пишет фольклорист, — ...отражён в песнях (крымскотатарских. — *Авт.*):

Хотя американской крупой наполнены амбары,

А матери поедают своих детей,

Не разбирая поедали кошек и собак,

Надежда на товарищей из Феодосии»

(*Кончевский А. К.* Прошлое и настоящее в песнях Крыма // Крым. — 1925. — № 1. — С. 33).

Трагические события тех лет нашли воплощение и в произведениях крымскотатарских писателей: *Ильмий А.* «Воспоминания о голоде. Из дневника Сюндюс», *Айвазов А. С.* «Мамочка, где ты? Приди», *Ипчи У.* «Из воспоминаний о голоде» и «Базар в лужах» (Воспоминания о голоде. Произведения А. Илмий, А. Айвазова, У. Ипчи / Перевод с крымскотатарского: В. Басыров, Э. Велиева. Предисловие и составление А. Велиева. — Симферополь, 2007).

¹⁴⁸ ГААРК. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 469.

¹⁴⁹ Крымское Экономическое совещание. — С. 16.

¹⁵⁰ ГААРК. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 210.

¹⁵¹ Там же. — Д. 53. — Л. 46.

¹⁵² Там же. — Л. 52.

¹⁵³ Там же. — Д. 2. — Л. 139.

¹⁵⁴ Там же. — Д. 7. — Л. 355.

¹⁵⁵ *Кутченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. — С. 148, 151, 154.

¹⁵⁶ Приведём для сравнения уровень цен (Симферопольский рынок, 21 марта): фунт белого хлеба: 150 тысяч рублей; черного — 100 тысяч; говядины — 100; масла сливочного — 500; сахара — 200 тысяч (Крымское Экономическое совещание. — Приложение 3. На Южном берегу за фунт кукурузной муки давали три пуда винограда и три бочки вина.

¹⁵⁷ ГААРК. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 53. — Л. 113–114.

¹⁵⁸ Там же. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 113. — Д. 35.

¹⁵⁹ Там же. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 124.

¹⁶⁰ Там же. — Д. 2. — Л. 112.

¹⁶¹ *Катунин Ю. А.* Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. — Симферополь, 2002. — С. 216.

¹⁶² ГААРК. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 79. — Л. 1, 155.

¹⁶³ Там же. — Ф. Р-1923. — Оп. 1. — Д. 50. — Л. 132.

¹⁶⁴ Там же. — Ф. Р-151. — Оп. 1. — Д. 77. — Л. 5, 13, 41; Крымское Экономическое совещание. — С. 7, 14.

¹⁶⁵ ГААРК. — Ф. Р-1923. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 11.

¹⁶⁶ Там же. — Д. 52. — Л. 41.

¹⁶⁷ Там же. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 113. — Л. 3.

¹⁶⁸ Там же. — Л. 40.

¹⁶⁹ Там же. — Ф. Р-1923. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 103.

¹⁷⁰ Там же. — Л. 105.

¹⁷¹ Документы АРА, в том числе и по Крыму, хранятся в Гуверовском институте войны, мира и революции (СПИА, Калифорния).

Паёк АРА составлял примерно 500 калорий в день (норма, чтобы не умереть с голоду: 2700). Данные на ноябрь 1922 года (ГААРК. — Ф. Р-1923. — Оп. 1. — Д. 71. — Л. 39).

¹⁷² Fisher H. H. The famine in Soviet Russia, 1919–1923; the operation of the American Relief Administration. — Freeport (New York). — 1971. — Р. 279.

¹⁷³ ГААРК. — Ф. Р-1923. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 84.

¹⁷⁴ О турецкой помощи голодающим Крыма см.: *Kirimli Hakan*. The Famine of 1921–22 in the Crimea and the Volga Basin and the Relief from Turkey // Middle Eastern Studies. — London, 2003. — Vol. 39. — No. 1. — Р. 37–88.

¹⁷⁵ Айвазов А. С. История национального движения в Крыму // Восточный Свет (Москва). — 2005. — № 4. — С. 45–48. При этом не будем забывать в каких условиях создавался этот очерк.

¹⁷⁶ ГААРК. — Ф. Р-1923. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 16.

¹⁷⁷ Баранченко В. Е. Указ. соч. — С. 128; ГААРК. — Ф. Р-1923. — Оп. 1. — Д. 71. — Л. 54.

¹⁷⁸ ГААРК. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 592. — Л. 164 об.

¹⁷⁹ Усов С. А. Указ. соч. — С. 14.

¹⁸⁰ Четыре года Совласти в Крыму. — Симферополь, 1924. — С. 139.

¹⁸¹ Крубер А. А. Экономический очерк Судакско-Ускупского района горного Крыма // Крым. — 1926. — № 2. — С. 72–73.

¹⁸² Данные по разным источникам. См. также: Маргинов В., Зарубин А., Зарубин В. Голод в Крыму (1920–1923) // Крымский комсомолец (Симферополь). — 1990. — 8 декабря; Зарубин В. Г., Зарубин А. Г. Голод в Крыму (1921–1923 годы) // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции (23–28 сентября). — Симферополь, 1991. — Выпуск второй. — С. 76–78; Зарубин В., Зарубин А. Голод в Крыму (1921–1923 гг.) // Ленинец (Симферополь). — 1991. — 19 октября; Зарубин В. Голод 1921–1923 гг. в Крыму (по сводкам ЧК(ГПУ) // Республика Крым (Симферополь). — 1992. — № 4, 5, 6; Зарубин А., Зарубин В. И. Шмелёв и крымский голод начала 20-х гг. // И. С. Шмелёв. Мир ушедший — мир грядущий. Международная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения И. С. Шмелёва. Тезисы докладов II Крымской международной научной конференции 21–25 сентября. — Алушта, 1993. — С. 44–45; Зарубин В. Г., Зарубин А. Г. Голод в Крыму (1921–1923) // Клио (Симферополь). — 1995. — № 1–4. — С. 34–38; Зарубин В. Г. Голод 1921–1923 гг. в Крыму (по сводкам ЧК(ГПУ) // Историческое наследие Крыма. — 2003. — № 2. — С. 68–74.

¹⁸³ Четыре года Совласти в Крыму. — С. 156.

¹⁸⁴ Там же. — С. 142.

¹⁸⁵ ГААРК. — Ф. Р-1923. — Оп. 1. — Д. 50. — Л. 113.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вернёмся к нашему исходному тезису. Жителям Крыма война была совершенно не нужна, и они к ней не стремились. Но их не спрашивали, их силком тащили то в один, то в другой «рай», а большей частью на них обращали внимание только как на поставщиков хлеба и мяса, ремонтников и строителей или серую скотинку для всевозможных армий — будь то Добровольческая, Красная или Повстанческая. И меньше всего кого-либо из сильных мира того времени интересовало, что все они — люди, которым, как известно, свойственны свои потребности и желания. (Правда, были исключения).

1917 — начало 1918 года принесли большевизацию Черноморского флота, и моряки возомнили себя вершителями судеб полуострова, устраивая одну за другой массовые расправы и терроризируя население. Попытки нащупать выход из чреватого большой кровью положения, остановить надвигающуюся гражданскую катастрофу — в форме коалиционного Совета народных представителей или Курултая с его Конституцией Крымской Демократической Республики — были обречены. И не только потому, что первый оказался бессилен, а второй замкнулся в собственных устремлениях, изменив тем самым изначальной установке — быть выразителем интересов всех крымчан — и дошёл до ностальгии по Крымскому ханству, а большевики были упорны. Нет. В направлении Крыма потянули руки внешние силы, для каждой из которых он представлял огромную ценность: Советская Россия, Германия, Украина, Турция, потом добровольцы и Антанта. Эта экспансия, когда крымчанин засыпал сегодня, не ведая, какая власть начнёт отдавать ему приказы завтра и какой флаг ему вывешивать из окна своего дома — трёхцветный, красный, жёлто-голубой и прочие, — породила хоровод правительств и администраций.

1918 год. Социалистическую Советскую Республику Тавриды сметаёт германская оккупационная армия, поставившая у власти первое Крымское Красное правительство генерала М. А. Сулькевича. Сулькевич, при всей своей вызывающей насмешки старомодной авторитарности, вдруг обнаруживает качества крымского патриота: он настойчиво внедряет на полу-

острове элементы государственности и успешно отбивается от наскоков гетманского Киева. Но понимания ни у населения, ни у либерального «общества» не находит.

Рушится кайзеровская Германия, и вместе с ней рушится режим Сулькевича, уступая место новым действующим лицам: Антанте, Добровольческой армии и «демократическому» кадетско-социалистическому второму Крымскому Краевому правительству С. С. Крыма.

Новый, 1919 год, не приносит ничего, кроме разочарований. Правительство, не в силах остановить падение жизненного уровня — а оно прогрессирует и будет прогрессировать до 1923 года, притушить всё более открыто проявляемое недовольство, начинает сбрасывать с себя демократические одёжки. Большевики в подполье не просто ждут своего часа — они действуют, раздражая власть. Их надежда — Советская Россия — держится и, несмотря на все прогнозы, не собирается рассыпаться в прах.

Большевики снова приходят в Крым, но их летняя КССР — не более чем эпизод. Потекли месяцы деникинской чрезвычайщины. Теперь крымчане не удостоились правительства. Хватит с них Главноначальствующего. И белого террора.

«Белая идея» на коне. Она стремится в Москву. Её манят кремлёвские башни.

Но военным мстит их собственная ограниченность, страх потерять поддержку «цензовых». Крестьянам же, прихватившим землю, вовсе не улыбается возвращать её помещикам, а Главнокомандующий и его Особое соведание много говорят и обещают, но абсолютно ничего не делают. Они опынены предчувствием скорой победы...

И крестьянин берётся за оружие, пополняя и Красную Армию и армии «зелёных».

Крах Добровольческой армии потряс белый стан.

Остатки добровольцев нашли приют в Крыму, где солдафонствующего Я. А. Слащева — очередного крымского диктатора — сменят... даже трудно подобрать слово, насколько это многозначная фигура, но пусть будет так — реформатор барон П. Н. Врангель.

Наконец-то на земле полуострова появляется человек, у которого есть не только мечта превратить Крым в землю обетованную, оазис в пустыне Гражданской войны, к которому потянутся все российские губернии, но и программа — как этого достичь, и личные возможности: ум, гибкость, решительность, работоспособность. Хватит маршей на Москву, пора изжить «синдром Деникина», — да и сил на марши уже нет: какой маленький Крым — и какая большая Россия, и почти вся — Советская. Пора браться за дело.

Земельная реформа, земская реформа, свобода торговли, признание Францией... Крымскотатарский вопрос — в сторону, подождёт. Правда, что-то сильно «зелёные» стали донимать. Люди бегут в горы, не хотят больше сражаться.

Но операции на Кубани и в Северной Таврии проваливаются. Режим пожирает сам себя, и после замирения Польши с Советами ему не устоять. Вся Россия — против Крыма. 14 ноября последний «белый» пароход покидает воды, омывающие полуостров. Торжествующие победители учиняют дикое кровавое побоище. Ещё не насытились.

На территории Крыма почти не велось военных действий. Несмотря на неизбежное разорение, полуостров, по сравнению с соседней Украиной, ещё неплохо «сохранился». Однако нелепая политика ревкомовской власти довершает разгром экономики.

Последний аккорд гражданской войны в Крыму: голод 1921–1923 годов, унёсший больше жизней крымчан, чем сама война.

За что же Господь так покарал российский (украинский, татарский...) народы?

Из «Послания Временного Высшего Церковного Управления на юго-востоке России»:

«(...)

Первый великий грех русского народа в скорбные дни сии есть богоотступничество многих, ослабление духа ревности в вере, молитве, благочестии.

(...)

Второй великий грех русского народа тот, что им овладел дух мятежно-своеволия и бунта.

(...)

Третий великий грех русского народа есть братоненавистничество, богопротивная и злобная партийность, дух разделения и раскола, которым обессилела и изнемогает русская земля.

(...)

Четвертый великий грех русского народа есть служение мамоне, поклонение золотому тельцу.

(...)

Дмитрий, Архиепископ Таврический и Симферопольский.

Феофан, Архиепископ Полтавский и Переяславский.

Вениамин, Епископ Севастопольский, управляющий военным и морским духовенством¹.

В этой войне не было победителей. После короткой передышки, вошедшей в историю как период НЭПа, возобновляется нагнетание социальных страстей, страну потрясает «вторая Октябрьская революция» — коллективизация и индустриализация. Война продолжается. На плахе сталинских чисток сложили головы пламенные интернационалисты — вершители призрачной победы 1920 года.

---

¹ Ялтинский Вечер. — 1920. — 10(23) сентября.

И Л. Д. Троцкий в те же 1930-е с фантастической прозорливостью предсказывает перерождение потомков новой коммунистической генерации в плутократов и перевёртышей. Война продолжается. За «белой идеей» настал час «красной».

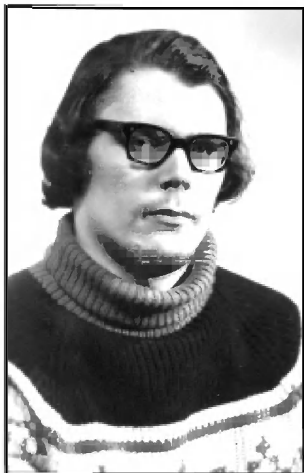
А Крым по-прежнему — только песчинка в бурном политическом водовороте, который уже перехлестнул за пределы XX столетия.

Доколе же Крыму пребывать полигоном выяснения отношений, полем столкновения интересов и бикфордовым шнуром гражданских и национальных конфликтов? Неужели население полуострова так и останется, как это было в 1917–1921, 1929–1930, 1941–1944, 1954, 1991–? годах, лишь объектом давления сторонних вождельцев, заложником властных игр, пленником геополитической случайности?

Если так — то гражданская война здесь будет продолжаться вечно.

1995–2008 годы, Кемерово–Симферополь

ОБ АВТОРАХ

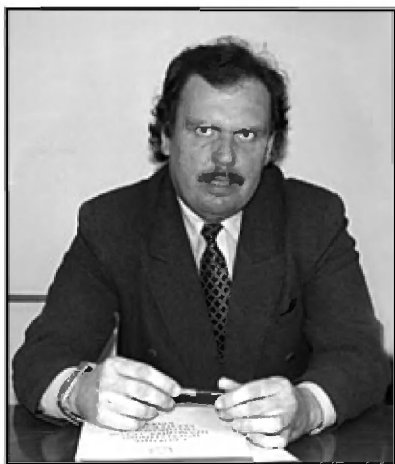

ЗАРУБИН АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ

Родился 19 ноября 1951 года в городе Петропавловск-Камчатский в семье морского офицера. С 1952 года проживал на юге СССР в городах Саки, Геленджик, Бахчисарай, Симферополь, Ялта. В 1969 году закончил Симферопольскую среднюю школу № 1 (ныне Симферопольская гимназия № 1 им. К. Д. Ушинского), в 1972-м — исторический факультет Симферопольского госуниверситета (ныне Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского). С 1972 года — учитель истории и обществоведения в средней школе с. Григорьевка Братского района Николаевской области. В 1973–1974 годах на действительной военной службе в Советской Армии (рядовой, младший сержант). После службы — воспитатель группы продлённого дня в восьмилетней школе с. Плодовое Бахчисарайского района. В 1977 году закончил аспирантуру по специальности «история» и по 1998 год преподавал в различных учебных заведениях (в том числе, доцент кафедры социально-политической истории XX века Симферопольского государственного университета им. М. Ф. Фрунзе, доцент кафедры истории Кемеровского государственного института культуры (ныне Кемеровский государственный институт культуры и искусства), доцент кафедры отечественной истории Кузбасского государственного технического университета). Защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук (1985); опубликовал более 60 научных работ. За монографию «Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму» (Симферополь, 1997) в 1998 году совместно с В. Г. Зарубиным удостоен Премии Автономной Республики Крым. В 1995–1996 годах — редактор научно-реакционной группы по написанию Крымского тома научно-документальной книги «Реабилитированные историей», в 1996 году вместе с женой Е. Н. Шурановой переехал из Симферополя в Кемерово. С 1998 года — на пенсии по состоянию здоровья. Автор двух сборников фантастики: «Всеобщий эквивалент» (Симферополь, 1990) и «Вниз, сквозь тьму» (Кемерово, 2002), воспоминаний «Прощай, Крым!.. История без при-

дыхания. Обрывок» (альманах «Огни Кузбасса» (Кемерово). — 2000. — № 1. — С. 141–154), «Провинциальные картинки времён перелома или пролегомены к застою. Исключительно по личным воспоминаниям» («Историк О. В. Волобуев: штрихи к творческому портрету» / автор и сост. С. В. Кулешов. — М., 2001. — С. 159–168), очерка «Русский вопрос: снова и снова». («Огни Кузбасса» (Кемерово). — 2004. — № 1. — С. 147–151). Сотрудничал в газетах «Крымская правда», «Крымские известия», «Крымский комсомолец», «Таврические ведомости», «Свободный Крым», «Межцанская газета», «Южная столица», «Крымское время», «Будем милосердными», «Колесо обозрения», «Русский мир», «Арекет» (Симферополь), журнале «Новое время» (Москва), газетах «Кузнецкий край», «Кузбасс», «Кемерово», «Край» (Кемерово). Поэт. (Публикации стихотворений в альманахе «Горицвет» (Кемерово). — 2002. — № 8–9(1–2). — С. 14–18; в журнале «Брега Тавриды» (Симферополь). — 2003. — № 4–5. — С. 243–244; там же. — 2004. — № 3. — С. 176–178). Член Союза русских, украинских и белорусских писателей Автономной Республики Крым. Член редколлегии литературно-художественного альманаха «Горицвет». Составитель сборника «Сказки и легенды крымских татар» (совместно с В. Г. Зарубиным) (Симферополь, 1991) и сборника документов «Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг.» (Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). — Симферополь. — 1996. — Вып. 3). Автор (совместно с Е. Н. Шурановой) «Краткого лексикона исторических понятий и терминов» (Кемерово, 1999). Скоропостижно скончался в Кемерово 15 декабря 2003 года, где и похоронен. (Никифоров Е. «Зола и пепел, пепел и зола...», или «человек из Кемерово». Памяти А. Зарубина (1951–2003) // Литературный Крым (Симферополь). — 2004. — 30 июля. — № 27–28).

ЗАРУБИН ВЯЧЕСЛАВ ГЕОРГИЕВИЧ

Родился 24 мая 1963 года в г. Бахчисарая. Закончил Симферопольскую среднюю школу № 30 (1980), в 1985 году — с отличием исторический факультет Симферопольского государственного университета, а также Одесский региональный Институт государственного управления Украинской Академии государственного управления при Президенте Украины (2003). Магистр государственного управления. Преподавал историю, обществоведение, право в Денисовской восьмилетней школы и Мирновской средней школы

№ 2 (Симферопольского района), вел спецкурсы в Симферопольской гимназии № 1 им. К. Д. Ушинского. Отличник народного образования Украины. Депутат Крымского областного Совета/Верховного Совета Крыма (1990–1994). Один из инициаторов создания Государственного комитета по охране и использованию памятников истории и культуры (ныне Республиканский комитет АР Крым по охране культурного наследия), в котором трудится с 1993 года (в настоящее время — заместитель председателя — начальник отдела по инспектированию и охране объектов культурного наследия). Автор нескольких десятков научных публикаций в основном по проблемам истории Гражданской войны в Крыму, публицистических материалов в крымских газетах. Сочетатель коллективной монографии «Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство» (Симферополь, 1998). Член редакционной коллегии журнала «Историческое наследие Крыма» (Симферополь). Лауреат премии Автономной Республики Крым (1998), премии Совета министров Автономной Республики Крым (2000). Член Союза русских, украинских и белорусских писателей Автономной Республики Крым. На X национальной филателистической выставке «Укрфилтэкс'06» (Львов, 6–10 октября 2006-го года) награжден медалью в ранге позолоченной за участие в коллективном издании «Страницы истории Крыма в почтовых выпусках (справочник)» (Симферополь, 2006).

Координаты автора:

Домашний адрес:

ул. Гагарина, 26, кв. 21, г. Симферополь, АР Крым, 95043, Украина

E-mail: v.zarubin@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
--------------------------	---

ГЛАВА I

ГОД 1917-й. Таврическая губерния:	
состояние на февраль 1917 года	15
От эйфории Марта к конфронтации Октября	100
Октябрьский переворот — отзвуки в Крыму.	
Начало террора и первые вооружённые столкновения	213

ГЛАВА II

ГОД 1918-й. Большевики приходят к власти	253
Республика Тавриды: вынужденный эксперимент?	324
Первое Краевое правительство: попытка государственности	364

ГЛАВА III

ГОД 1919-й. Второе Крымское краевое правительство:	
к «единой и неделимой»	428
Крымская ССР: второе пришествие большевизма.	
«Деникинщина»	501

ГЛАВА IV

ГОД 1920-й. Безвременье: Слащов и другие	548
Врангель и его реформы. Конец «белого дела»	583

ГЛАВА V

ГОД 1921-й. Война продолжается	668
--------------------------------------	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	719
-------------------------	-----

ОБ АВТОРАХ	723
-------------------------	-----

Наукове видання

ЗАРУБІН Олександр Георгійович

ЗАРУБІН В'ячеслав Георгійович

БЕЗ ПЕРЕМОЖЦІВ
З історії
Громадянської війни в Криму

Видання друге, виправлене і доповнене

(російською мовою)

Редактор *Г. М. Гржібовська*

Верстка *З. В. Ерінчек*

Дизайн обкладинки: *Є. В. Мажарова, З. В. Ерінчек*

*У дизайні обкладинки використано агітаційний плакат
«Клином червоним бий білих!» (1919 р.) Л. М. Лісицького (Ель Лісицький)*

Підписано до друку 10.09.2008. Формат 60х84¹/₁₆.

Гарнітура Times. Умовн.-друк. арк. 45,8.

Тираж 800 прим.

Видавництво «АнтикВА»

95000, м. Сімферополь, пр. Героїв Аджимушкая, 6, оф. 3.

Тел.: 8(0652)60-02-98. E-mail: antikva07@mail.ru

Свідцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єкта видавничої справи ДК № 2485 від 05.05.2006 р.

Надруковано у СПД «Барановська О. І.»
95006, м. Сімферополь, вул. Севастопольська, 94